

Ю. Д. АПРЕСЯН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ТОМ II

ИНТЕГРАЛЬНОЕ
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА
И
СИСТЕМНАЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Ю. Д. Апресян

**Избранные труды
том II**

**ИНТЕГРАЛЬНОЕ
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА
И
СИСТЕМНАЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

**Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»**

ББК 81
А86

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-31829*

Апресян Ю.Д.

А86 Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.

ISBN 5-88766-045-7

Во втором томе обсуждаются лексикографические проблемы, возникающие в рамках теории интегрального лингвистического описания. Подробно рассматриваются типы лексикографической информации для толкового словаря и объяснительного словаря синонимов, а также основные принципы и понятия системной лексикографии. Несколько публикуемых в книге работ посвящены формальным моделям языка и структурной поэтике.

ББК 81

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: helle_d@danadata.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-045-7

© Ю.Д.Апресян, 1995
© А.Д.Кошелев. Серия
«Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П.Коршунов. Оформление серии, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Второй том предлагаемого читателю двухтомника содержит 25 работ, тематически распределенных по пяти главным рубрикам: 1) интегральное описание языка, 2) проблемы синонимии и словаря синонимов, 3) системная лексикография, 4) описание семантики через синтаксис, 5) формальные модели языка.

Как уже говорилось в предисловии к первому тому, второй том был задуман как непосредственное продолжение и развитие проблематики “Лексической семантики”. Основными с этой точки зрения оказываются темы интегральности лингвистического описания синонимии и системной лексикографии. Они составляют предмет первых трех разделов книги; именно им посвящено подавляющее большинство публикуемых в ней работ.

Помимо этого в предшествующие годы я много занимался еще двумя темами — описанием семантики через синтаксис и формальными моделями языка. По разным причинам они представлены в этой книге гораздо более скупо.

Идея описания семантики через синтаксис покоится на предположении, что по наблюдаемым свойствам слова, а именно, по набору присущих ему синтаксических конструкций, можно в известной мере реконструировать его более глубоко запрятанные семантические свойства (принцип редуционизма). Эта идея была навеяна, с одной стороны, мыслями акад. В. В. Виноградова о конструктивной обусловленности лексических значений, а с другой — поисками объективных методов изучения единиц высших уровней в духе американского дистрибутивизма и трансформационализма.

Впоследствии были предложены прямые, чисто семантические методы описания не только лексических, но и любых других языковых значений, и редуционизм сошел со сцены. Оказалось, что прямые методы дают знания, которые по богатству и тонкости существенно превосходят результаты синтаксических методов, нисколько не теряя при этом в верифицируемости.

По указанной причине описание семантики через синтаксис представлено здесь всего одной работой. Ее вполне достаточно в качестве образца, иллюстрирующего возможности и пределы рассматриваемого подхода.

Тема формальных моделей языка тоже представлена всего двумя работами, отобранными из нескольких десятков. Усвоение формальных работ требует

такой степени математической подготовки и вкуса к погружению в технические детали, каких было бы нереалистично ожидать от потенциальных читателей этой книги.

Впрочем, самый существенный результат формального описания языка, которое и по сей день представляется мне исключительно плодотворным методом общей лингвистики, в полной мере удержан в принципе интегральности лингвистического описания и в идеях системной лексикографии.

В разное время и по достаточно случайным поводам я отвлекался на некоторые другие темы, никак между собою не связанные, которыми, однако, я был по-настоящему увлечен. Несколько работ, возникших в результате таких занятий, были отобраны для небольшого раздела *miscellanea*, составляющего последний, шестой раздел второго тома.

Мне остается сделать несколько разъяснений по поводу самих текстов публикуемых во втором томе работ.

В предисловии к английскому переводу “Приглашения на казнь” В. Набоков писал: “Если я когда-нибудь составлю словарь толкований, которым недостает лишь заглавных слов, то давно лелеемой словарной статьей в нем будет: “сокращать, расширять или иным образом изменять или заставлять изменять, с целью запоздалого совершенствования, свои собственные произведения при переводе”. Я разделяю содержащуюся в этой формулировке импликацию: текст оригинала должен сохраняться полностью, как бы критически он ни воспринимался поумневшим автором.

В соответствии с “принципом Набокова” все собранные в этом томе работы издаются именно в том виде, в каком они были впервые опубликованы (немногие исключения, вызванные чисто техническими причинами, оговариваются особо).

Это касается как существа дела, так и форм представления результатов.

Применительно к существу дела это значит, что в них сохраняются содержательные ошибки. Скажем, в статье “Синтаксическая обусловленность значений” пары фраз типа *Он залил бак горючим — Он залил горючее в бак* трактовались как “ситуативно равнозначные”. Это очевидным образом неверно: левые элементы таких пар всегда имеют так называемую “холистическую” интерпретацию, вовсе не обязательную для правых. Общий источник этой и других подобных ошибок — переоценка роли формально-синтаксических трансформаций (в определении которых не входит условие семантической инвариантности трансформов) как средства установления семантических тождеств и различий. В более поздних работах такие неправильные решения были пересмотрены.

Вторая содержательная особенность публикуемых текстов состоит в том, что в них встречаются разного рода повторы.

В некоторых статьях повторяются определения ряда введенных или модифицированных автором теоретических понятий, таких, как “системная лексикография”, “интегральное описание языка”, “лексикографический тип”, “лексикографический портрет”, “наивная (языковая) картина мира” и ряда других.

Иногда повторяются, вместе с комментариями, и ключевые примеры, с помощью которых они поясняются.

Всякому, кто занимался достаточно детальной разработкой лингвистической теории, очевидно, что такие повторы неизбежны, хотя они и выглядят неэстетично. Любая статья должна, с одной стороны, сохранять автономность, а с другой — вписываться в более общий контекст этой теории.

Что касается формы изложения, то здесь, конечно, можно было бы пойти на существенную коррекцию (скажем, модернизировать и унифицировать оформление ссылок на цитируемую литературу), не рискуя согрешить против истины. Однако такая системная правка, как и другие ей подобные, потребовала бы детальной ревизии всех текстов, на которую, по предварительным прикидкам, автору потребовалось бы заведомо более одного года. В нынешних условиях книгоиздания, когда средства, с трудом выкроенные из небогатых общественных фондов, должны быть реализованы в течение года, попытка внести даже такие чисто технические изменения могла бы поставить под угрозу все издание.

Автор надеется на снисходительность читателя, т.е. на то, что он будет критичен только по отношению к существу дела, а не к техническому оформлению статей. Непоследовательность технического оформления объясняется не столько непоследовательностью автора, сколько историческими колебаниями книгоиздательского ГОСТа и несовпадениями в оформительских требованиях редакторов разных изданий.

В заключение мне остается выполнить одну приятную обязанность — выразить признательность Г. И. Кустовой за составленные ею указатели ко второму тому.

Часть I

Интегральное описание языка

ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПОВЕРХНОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА МОДЕЛИ «СМЫСЛ \Leftrightarrow ТЕКСТ»*

1. Общая характеристика модели и задачи ее поверхностно-семантического компонента

Многолетние попытки формально и в достаточно полном объеме описать семантику естественного языка до сих пор оканчивались неудачей. Из этого, однако, вовсе не следует, что они были бесплодными. Чрезвычайно плодотворным результатом этих семантических исследований было, во-первых, введение в научный оборот большого корпуса фактов, никогда раньше не рассматривавшихся; во-вторых, выдвижение новых теоретических принципов и новых идей относительно того, как устроен объект изучения; в-третьих, осознание того факта, что формализация семантических описаний в настоящее время была бы преждевременной, потому что объем материалов, которые еще только предстоит освоить, в десятки, а может быть, и в сотни раз превосходит все то, что уже было освоено.

Поэтому в данной работе мы ни в коем случае не ставим перед собой задачи построить сколько-нибудь полный семантический компонент модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" или хотя бы фрагмент такого компонента. В связи с этим полезно подчеркнуть, что все определения, правила и толкования, содержащиеся в данной работе, носят предварительный и эскизный характер и очевидным образом нуждаются в уточнениях и дополнениях. Мы ставим перед собой гораздо более скромную цель — очертить типы семантической информации, без которых не может обойтись никакая формальная модель языка, если она претендует на то, чтобы быть адекватной своему объекту; правда, в двух местах (разделы 1.5 и 3.4.2 — 3.4.4) мы выходим за рамки собственно семантической информации.

* Книга была впервые напечатана в качестве Sonderband № 1 в альманахе Wiener Slawistischer Almanach, Wien, 1980.

В работе принимается и предполагается известной читателю общая концепция модели "Смысл \Leftrightarrow Текст", предложенной в Мельчук 1974а (см. также Жолковский и Мельчук 1967). Ниже в тезисной и, может быть, несколько догматической форме напоминаются те положения модели, которые представляют принципиальный интерес при обсуждении семантических проблем. Предлагаемые нами дополнения и уточнения излагаются более развернуто и по возможности мотивируются.

1.1. Объект моделирования

Объектом моделирования является феномен, называемый "владением языком". Владение языком — словарем и грамматикой — отграничивается от знания логики и знания действительности. Считается, что два последних рода знаний должны описываться не лингвистической моделью, а самостоятельными, хотя и сопряженными с ней, моделью мышления и моделью "представления знаний о мире". Поэтому не предполагается, что формальная модель языка должна различать такие свойства предложений, как логическая непротиворечивость — противоречивость (аналитическая истинность — ложность), осмысленность — бессмысленность, соответствие — несоответствие реальному положению вещей (синтетическая истинность — ложность) и т. п.

Владение языком проявляется у его носителей в следующих трех способностях:

(1) способности выражать заданный смысл многими (в идеале, всеми) различными способами, т. е. строить множество синонимичных друг другу предложений языка (говорение, или синтез);

(2) способности извлекать смысл из заданного предложения, а также распознавать синонимию внешне различных и омонимию внешне совпадающих предложений (понимание, или анализ);

(3) способности отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных.

Здесь необходимы два комментария.

Во-первых, в пунктах (1) — (3) речь идет об установлении различных свойств предложений естественного языка, а не текстов на нем. В связи с этим полезно обратить внимание на то, что модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" в ее нынешнем состоянии является, по существу, лингвистикой предложения, а не лингвистикой текста.

Во-вторых, некоторые формулировки пункта (2) ("распознавать синонимию внешне различных и омонимию внешне совпадающих предложений") могут навести на мысль об известной симметрии этих двух типов семантических отношений между предложениями. В действительности такой симметрии нет. Свойство иметь синонимы присуще всем предложениям естественного языка, а свойство иметь омонимы присуще лишь некоторым из них. Однако методологически формулировки пункта (2) полезны, потому что, вместе с (1), они создают одну из важнейших установок модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" — уста-

новку на множественный синтез (порождение синонимии) и на множественный анализ (распознавание омонимии) предложений.

1.2. Структура модели "Смысл \Leftrightarrow Текст"

Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" определенного естественного языка представляет собой единое формальное описание его грамматики и словаря, реализованное в виде системы правил, которые функционально подобны носителям этого языка в отношении трех перечисленных выше способностей. Концепция "единого", или "интегрального", лингвистического описания, известная в лингвистике по крайней мере с 1964 года (*Katz and Postal 1964*) и представляющая собою одно из главных новшеств современной теоретической мысли, применительно к модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" может быть представлена следующими тезисами:

(4i) Словарь является неотъемлемой частью полного теоретического описания языка, во всех существенных отношениях уравненной с грамматикой;

(4ii) Формальный словарь и формальная грамматика как части единой теории языка должны быть идеальным образом согласованы друг с другом в отношении распределения языковой информации, форм ее записи и взаимодействия грамматических правил со словарными материалами (правилами и объектами)¹;

(4iii) Требование согласования грамматической и словарной информации включает в себя, в частности, требование того, чтобы значения всех содержательных единиц языка — слов, фразем, граммем, конструкций, просодических элементов — были описаны на одном и том же семантическом языке² (ср. *Gruber 1976: 3*).

С другой точки зрения модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" представляет собой многоуровневый транслятор текстов в смыслы и наоборот. Выделяются четыре основных уровня — фонетический, морфологический, синтаксический и семантический. Каждый из них, за исключением семантического, подразделяется на два других уровня — поверхностный и глубинный; нам аналогичное деление представляется необходимым и на семантическом уровне (см. ниже).

Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" — это

– набор формальных языков для записи представлений предложения на всех уровнях, включая правила внутриуровневых преобразований и условия правильности формальных представлений (последние включают проективность деревьев зависимостей относительно предложений, несочетаемость или неповторимость актантных синтаксических отношений в деревьях зависимостей и графах, насыщенность обязательных валентностей лексем, непересечение темы и ремы, непересечение пресуппозиции и утверждения, внутреннюю непротиворечивость пресуппозиций, внутреннюю непротиворечивость модальной рамки, отсутствие противоречия между утверждением и модальной рамкой — см. *Иорданская 1967, Апресян 1978*);

– совокупность двусторонних (обратимых) правил межуровневых преобразований, в которых, помимо объектов двух соседних уровней, может быть использована и другая обращающаяся в модели информация, в том числе информация о некоторых характеристиках языковых единиц в представлениях любых уровней (ср. *Lakoff 1970*); в ходе этих преобразований могут возникать "гибридные" объекты, обладающие свойствами объектов обоих соседних уровней;

– толково-комбинаторный словарь, материалы которого используются в некоторых типах внутриуровневых правил и во всех типах межуровневых правил, за исключением, может быть, глубинно-фонетических и поверхностно-морфологических.

На каждом из восьми уровней исходный текст, обычно — предложение (при анализе) или исходный смысл (при синтезе), получает определенный формальный образ, называемый представлением предложения соответствующего уровня. Мы будем иметь дело главным образом с глубинно-синтаксическими и поверхностно-семантическими представлениями.

Представление предложения на каждом из двух интересующих нас уровней состоит из а) структуры соответствующего уровня, б) сведений о коммуникативной организации предложения (тема и рема, данное и новое³, presupпозиция и утверждение, логические акценты и эмфатические выделения), в) сведений о референтности — нереферентности — кореферентности различных узлов, г) указаний об областях действия одних единиц относительно других.

Главной частью представления предложения является его структура. Специальный интерес в рамках данной работы представляют два типа структур — глубинно-синтаксическая и поверхностно-семантическая.

1.3. Глубинно-синтаксическая структура (ГСС)

ГСС — это дерево зависимостей с составляющими, т. е. такое дерево, в котором стрелки могут соединять не только узлы, но и группы узлов⁴. В узлах ГСС стоят имена лексем глубинно-синтаксического языка с необходимыми характеристиками, а стрелки зависимостей соответствуют одному из универсальных (единых для всех языков) подчинительных отношений глубинного синтаксиса. Охарактеризуем сначала словарь глубинно-синтаксического языка, а затем — его синтаксис.

К числу словарных единиц глубинно-синтаксического языка относятся а) все семантически содержательные слова естественного языка, б) имена фразеологических единиц, каждая из которых тоже стянута в единый узел, в) фиктивные глубинно-синтаксические слова, являющиеся интерпретацией семантически содержательных поверхностно-синтаксических отношений, г) фиктивные потенциальные слова, предсказываемые словообразовательной системой языка в целом и вводимые для сохранения общности некоторых правил перифразирования.

В число глубинно-синтаксических отношений входят 6 актантных отношений (считается, что более чем шестиместных предикатов в естественных языках нет — см. *Апресян 1974*), а также координативное, атрибутивное и присоединительное отношения. Координативное отношение описывает разного рода сочинительные конструкции, атрибутивное — определительные, обстоятельственные, аппозитивные, количественные, ограничительные, разъяснительные, собственно атрибутивные и некоторые другие конструкции, присоединительное — разного рода вводные конструкции.

В связи с тем, что синтаксис глубинного языка является по замыслу универсальным, глубинно-синтаксические отношения должны быть асемантические. Это значит, что все семантически содержательные поверхностно-синтаксические отношения на глубинно-синтаксическом уровне должны быть проинтерпретированы, т. е. переработаны в фиктивные слова группы в). При такой постановке вопроса оказывается, что в глубинно-синтаксические слова должно быть отображено гораздо большее число поверхностно-синтаксических отношений, чем предполагалось раньше, и что сами эти отношения должны быть более дробными, чем в нынешней модели поверхностного синтаксиса. Это в особенности касается обстоятельственных и атрибутивных поверхностно-синтаксических отношений. Ниже мы рассмотрим в иллюстративных целях один пример из области обстоятельственных отношений — некоторые обстоятельственные конструкции с деепричастиями.

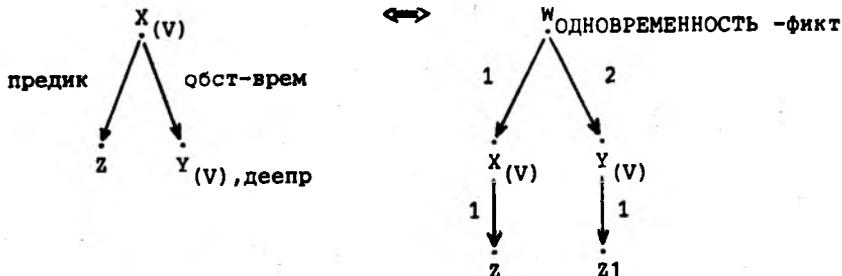
В исследованиях русских деепричастных конструкций (из последних работ см., например, *Богуславский 1977*) обычно отмечается, что препозиция и постпозиция деепричастия относительно глагола, к которому оно относится, играют смысловозначительную роль. В большинстве случаев препозитивное деепричастие НЕСОВ, НАСТ обозначает одновременность (5i), а постпозитивное деепричастие — способ, манеру или обстоятельства осуществления действия (5ii):

(5i) *Сочиняя музыку, он ходит по комнате* ('когда сочиняет музыку — ходит'),

(5ii) *Он ходит по комнате, сочиняя музыку* ('ходит и при этом сочиняет музыку').

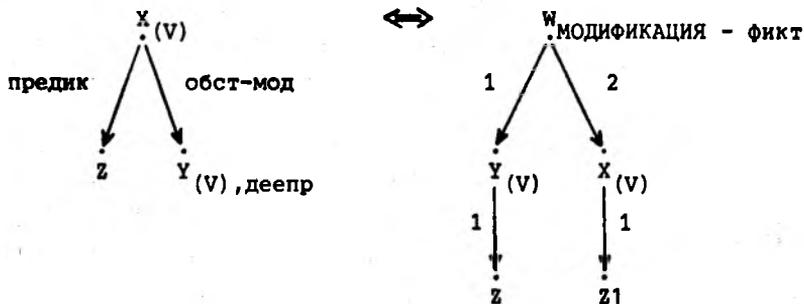
Очевидно, что семантическое различие между (5i) и (5ii) должно быть как-то отражено в поверхностно-синтаксическом представлении. Наиболее естественный способ сохранить его — это ввести два разных поверхностно-синтаксических отношения, например, обстоятельственно-временное для (5i) и обстоятельственно-модифицирующее для (5ii). Тогда поддеревья вида $X \xrightarrow{\text{обст.-врем}} Y$ будут перерабатываться глубинно-синтаксическим правилом (5'i) в подструктуры с фиктивным словом 'одновременность', а поддеревья вида $X \xrightarrow{\text{обст.-мод}} Y$ будут перерабатываться глубинно-синтаксическим правилом (5'ii) в подструктуры с фиктивным словом 'модификация':

(5'i)

COREF (Z1,Z) и $Z1 = Z$ (т. е. Z1 и Z кореферентны и равнолексемны).

(5'ii)

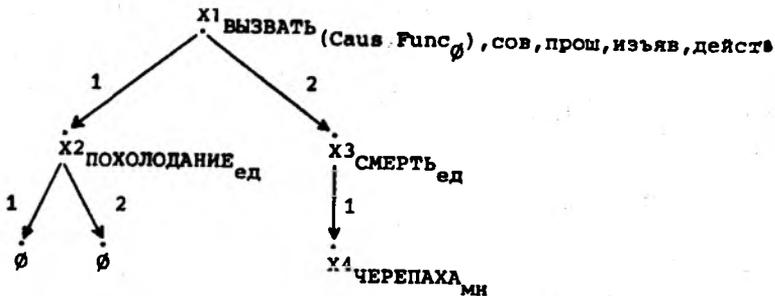
COREF (Z1,Z) и $Z1 = Z$

Очевидно, что каждое фиктивное глубинно-синтаксическое слово должно иметь самостоятельное толкование, отличное от толкования внешне совпадающего с ним слова естественного языка. В словаре у фиктивного слова должен быть особый вход.

Из слов и отношений глубинно-синтаксического языка строятся ГСС. Выше мы сказали, что в узлах ГСС стоят имена лексем глубинно-синтаксического языка с необходимыми характеристиками. В число необходимых характеристик узла, помеченного именем нефиктивной лексемы, входят сведения о его глубинно-синтаксических признаках, т. е. о том, значением какой лексической функции от какого аргумента он является, и сведения о семантически содержательных граммах, т. е. тех граммах, выражение которых диктуется существом сообщаемого, а не согласовательными синтаксическими правилами языка.

(6i) ГСС предложения *Похолодание вызвало смерть черепах* выглядит (с некоторыми упрощениями) следующим образом:

(6'ii)

Из (6'i) по весьма общим лексическим и синтаксическим правилам перифразирования, определенным в глубинно-синтаксическом языке, могут быть получены ГСС предложений (6'ii) – (6'vii) и многих других, синонимичные (6'i):

- (6'ii) *Похолодание вызвало гибель черепах*
(замена *смерть* \Leftrightarrow *гибель* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Syn}(X)$),
- (6'iii) *Похолодание привело к смерти черепах*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *привести к* по тому же правилу),
- (6'iv) *Смерть черепах проистекла из-за похолодания*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *проистечь из-за* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Cov}_{21}(X)$),
- (6'v) *Похолодание было причиной смерти черепах*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *быть причиной* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Cov}_{11} S_1(X)$),
- (6'vi) *Смерть черепах была следствием похолодания*
(замена *вызвать* \Leftrightarrow *быть следствием* по правилу $X \Leftrightarrow \text{Cov}_{11} S_2(X)$),
- (6'vii) *Черепахи умерли из-за похолодания*
(замена *вызвать смерть* \Leftrightarrow *умереть из-за* по правилу $X \ Y \Leftrightarrow Y \xrightarrow{\text{attr}} \text{Adv}_{1B}(X)$).

Статус глубинно-синтаксического уровня время от времени становится предметом дискуссий и нуждается поэтому в дополнительном обосновании.

Постулируя определенный уровень представления предложений, желательно мотивировать необходимость его введения ссылкой на совокупность таких языковых фактов, которые 1) имеют одинаковую природу (ср. словоизменяемые морфологические средства, описываемые на поверхностно-морфологическом уровне, словоизменяемые морфологические категории, описываемые на глубинно-морфологическом уровне, специфические для данного языка синтаксические конструкции, описываемые на поверхностно-синтакси-

ческом уровне); 2) тесно друг с другом связаны, так что описание одного факта естественно влечет за собой описание другого факта, причем описание всех релевантных фактов может быть выполнено на одном и том же формальном языке; 3) не описываются с соизмеримой простотой и полнотой ни на каких других уровнях представления предложений.

В защиту глубинно-синтаксического уровня можно привести все три рода аргументов.

Если морфологические уровни описывают устройство морфологии естественного языка, а поверхностно-синтаксический уровень — его синтаксические конструкции, то глубинно-синтаксический уровень является инструментом описания лексики, включая туда и часть словообразования, т. е. инструментом описания устройства словаря естественного языка *par excellence*. Действительно, на этом уровне описывается, в терминах лексических функций-параметров, несвободная лексическая сочетаемость слов естественного языка. В терминах других лексических функций (в особенности — S_0 , A_0 , Adv_0 , V_0 , S_1 , S_{res} , S_{loc} , S_{instr} , A_1 , $Able_1$, Adv_1) описываются некоторые регулярные и продуктивные словообразовательные модели языка и их конкретные словесные проявления, притом не только в области классического словообразования, но и в области супплетивного словообразования и так называемого семантического словообразования (регулярной многозначности). Еще один тип лексических функций (S_{yn} , $Conv$, $Anti$, $Gener$, $Mesur$, $Sing$, $Mult$ и многие другие) описывает основные семантические (не логические, не энциклопедические) классы слов естественного языка. Актантные глубинно-синтаксические отношения (1–6) описывают валентные свойства предикатных слов естественного языка, т. е. их способность присоединять к себе такие синтаксические зависимые, наличие которых диктуется семантическими свойствами данного предикатного слова. Наконец, в терминах лексических функций и глубинно-синтаксических отношений удается сформулировать правила перифразирования — семантические уравнения, описывающие лексическую синонимию естественного языка в широком смысле слова и показывающие глубокие связи между всеми перечисленными выше типами языковых объектов (см. (6i)–(6vii)); о лексических функциях и правилах перифразирования см. *Жолковский и Мельчук 1967*.

Вообще говоря, никакого другого обоснования для введения глубинно-синтаксического уровня не требуется. Нельзя, однако, не заметить, что тот формальный язык, на котором записываются глубинно-синтаксические представления предложений, имеет еще две в высшей степени ценные функции: во-первых, в нем есть специальные глубинно-синтаксические слова, посредством которых интерпретируются семантически содержательные поверхностно-синтаксические отношения; во-вторых, лексические функции, выступающие в роли лингвистических понятий по отношению к конкретному естественному языку, приобретают статус системы метапонятий применительно к языку вообще и могут быть использованы в качестве универсального метаязыка общей лингвистической типологии.

1.4. Поверхностно-семантическая структура (ПСемС)

В первоначальной версии модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" не предполагалось, что семантический уровень представления предложений подразделяется на подуровни. Основным объектом этого уровня было семантическое представление, а его главным компонентом — семантическая структура (СемС), которая имеет вид связанного ориентированного графа. Каждый из узлов графа соответствует некоему семантическому конструкту—слову семантического языка. Разумно допустить, что это может быть граф с "мешками", т. е. такой граф, ребра (дуги) которого соединяют не только отдельные узлы, но и группы узлов.

Вся чисто семантическая информация, содержащаяся в СемС, сосредоточена исключительно в узлах графа. Дуги графа — стрелки зависимостей — сами по себе не несут никакой смысловой информации, а указывают лишь на синтаксическую организацию смыслов (узлов)⁵.

Одному и тому же предложению может соответствовать несколько (иногда достаточно много) СемС, но эти СемС отличаются друг от друга не принципиально, а лишь степенью детальности представления смысла. Среди всех СемС имеется одна каноническая, составленная исключительно из простейших (неопределяемых) элементов смысла, своего рода смысловых атомов, различные комбинации которых формируют значения реальных единиц естественных языков.

Язык семантических графов является, по предположению, универсальным — единым для всех человеческих языков. Очевидно, что тогда все синонимичные друг другу предложения всех естественных языков должны быть отображимы в одно и то же семантическое представление (СемП) — их единый универсальный образ на семантическом языке.

Создание такого семантического языка продолжает оставаться конечной задачей лингвистической семантики, но перспектива получения надежных результатов в этой области, если исходить из реального опыта современных исследований, несколько отдалается.

Высказываемые ниже соображения о поверхностно-семантическом уровне представления предложений, как и только что данная оценка перспектив более глубоких разработок, отражают, как нам кажется, именно этот реальный опыт современных исследований семантических проблем.

Прежде всего следует самым определенным образом подчеркнуть, что никто из современных теоретиков семантики, за исключением, может быть, А. Вежбицкой (*Wierzbicka 1972*), не работает со столь глубокими СемС. Большинство исследователей используют гораздо более поверхностный семантический язык (ср. *Fillmore 1969*, *Мельчук 1974а*, *Падучева 1974*), а многие вообще не прибегают ни к какому специальному языку, довольствуясь перифразированием в качестве основного средства экспликации смысла предложений (ср. *McCawley 1971*, *Lakoff 1971*, *Chomsky 1971*).

Нам кажется, что это обстоятельство не случайно, что оно отражает не каприз исследователей и не преходящий этап в истории развития науки, а некоторые фундаментальные свойства изучаемого объекта.

Главным из этих свойств мы считаем национальное своеобразие семантики естественного языка. Это своеобразие имеет много различных проявлений, из которых, в первую очередь, следует упомянуть факт обязательности выражения некоторых смыслов в предложении.

Обычно, когда говорят об обязательности выражения некоторых смыслов в определенном естественном языке, ссылаются на значения грамматических категорий и грамматических слов (см. *Сэпир 1934, Jakobson 1959, Мельчук 1960*). Хрестоматийными примерами такого рода являются вид в славянских языках и артикль в романских. Русская глагольная форма, например, через грамматическую категорию вида выражает идею законченности или незаконченности действия, а французская глагольная форма, в особенности такая, как инфинитив или причастие, может оставлять эту идею невыраженной⁶. С другой стороны, при французском существительном через артикль обязательно выражается значение определенности—неопределенности, а при русском существительном оно выражается лишь тогда, когда это диктуется содержанием сообщения.

Следует сказать, что обязательность выражения определенных значений свойственна не только грамматике, но и лексике. Можно, например, заметить, что русский язык по сравнению с французским навязывает говорящим гораздо более детальное описание действий с точки зрения способа их осуществления, независимо от того, требует ли существо сообщаемого такой детализации или нет.

Смысл 'перестать находиться где-л.' выражается в русском языке несколькими глаголами — *выйти, вылететь, выплыть, выползти* — в зависимости от того, как перемещается субъект (идет, летит, плывет или ползет), между тем как во французском языке тот же смысл выражается единообразно — глаголом *sortir*. Хотя в русском языке имеется глагол *покинуть*, являющийся родовым обозначением соответствующего действия, в стилистически и семантически нейтральном контексте следует говорить (7i), а не (7ii):

(7i) Собака вышла из конуры,

(7ii) ?Собака покинула конуру.

С другой стороны, по-французски можно сказать *sortir en marchant*, если нужно в подчеркнутой форме выразить ту мысль, что некое существо (та же собака, например), покинувшее какое-то место, именно шло, а не перемещалось иным способом, но в условиях, когда такого специального смыслового задания нет, следует употреблять просто глагол *sortir*. В нейтральном контексте говорят (8i), а не (8ii):

(8i) Le chien est sorti de sa niche,

(8ii) ?Le chien est sorti en marchant de sa niche.

Совершенно аналогичным образом устроены русские и французские глаголы со значением преодоления пространственного препятствия: русским видовым обозначениям *переправиться* (через границу), *перелететь* (через Альпы), *перепрыгнуть* (ров), *переплыть* (реку), *переступить* (порог) соответствует один и тот же родовой глагол *franchir* (la frontière, les Alpes, un fossé, un fleuve, le seuil). Использование русского родового обозначения *преодолеть* в этих условиях семантически и стилистически отмечено, а во французском языке семантически отмечено употребление расчлененных видовых наименований типа *franchir le fleuve à la pague* 'переправиться через реку вплавь'. Иными словами, в нейтральных условиях на тему покидания какого-то места и преодоления пространственного препятствия в русском языке, притом в обязательном порядке, сообщается несколько больше, чем во французском.

Подобные расхождения свойственны не только глаголам со значением перемещения, но и глаголам со значением положения в пространстве. По-русски несколько необычны или сомнительны фразы:

(9i) *Поль находился у окна,*

(10i) *Не находишься у окна!*

Соответствующие мысли должны быть выражены фразами:

(9ii) *Поль стоял у окна,*

(10ii) *Не стой у окна!*

хотя бы говорящего может быть несущественным тот факт, что субъект этих ситуаций находился у окна в вертикальном положении, опираясь на ноги. Этот "лишний" смысл выражается в русском языке автоматически. Адекватные французские переводы фраз (9ii) и (10ii) — фразы (11i) и (12i) — по своему буквальному смыслу больше соответствуют фразам (9i) и (10i):

(11i) *Paul se trouvait près de la fenêtre,*

(12i) *Ne reste pas près de la fenêtre!* Выделенный разрядкой смысл выражается во французском лишь в том случае, когда в этом есть содержательная необходимость:

(11ii) *Paul se trouvait debout près de la fenêtre,*

(12ii) *Ne reste pas debout près de la fenêtre!*⁷

Здесь обнаруживается глубокая аналогия между морфологическими и семантическими фактами. Известно деление морфологических категорий на синтаксически обусловленные и необусловленные (ср. синтаксическую обусловленность числа, рода, лица у глагола, падежа, числа, рода у прилагательного, падежа у существительного и синтаксическую необусловленность времени, вида, наклонения у глагола, степени сравнения у прилагательного, числа у существительного). Известно, с другой стороны (см. *Иомдин 1979*), что почти для каждой синтаксически обусловленной категории существует синтаксическая конструкция или конструкции, в которых она оказывается семантически содержательной (ср., например, число прилагательного в сочинительных конструкциях типа *красный и белый шары*, где значение 'один красный шар и

один белый шар' выражается именно числом прилагательного, а не существительного).

В поверхностно-синтаксических структурах сведения о синтаксически обусловленных категориях элиминируются, за исключением тех случаев, когда последние семантически содержательны.

Рассмотренные выше факты показывают, что с автоматически выражаемыми значениями, независимо от их природы, дело обстоит до известной степени похожим образом: в одних случаях выражение такого значения может быть вынужденным, т. е. чисто автоматическим, а в других (например, в условиях просодической выделенности и противопоставления) — полностью совпадать с намерениями говорящего.

Очевидно, что правила обращения с такими значениями должны быть аналогичны правилам обращения с синтаксически обусловленными категориями: в ситуациях первого рода автоматически выражаемые значения нерелевантны и могут быть сняты (или порождены) без ущерба для существа сообщения, а в ситуациях второго рода они релевантны для сообщения и должны остаться неизменными.

Важность этой проблемы вполне выясняется в связи с задачей перевода. Адекватный перевод с языка на язык должен происходить без семантических потерь и приобретений, что в свете только что рассмотренных фактов семантической несоизмеримости разных языков предстает как трудно достижимый идеал. В самом деле, переводя, например, с русского языка на французский и обратно, мы должны знать, когда значение законченности—незаконченности, определенности—неопределенности, способа перемещения в пространстве и способа расположения в пространстве могут быть сняты (или порождены) без серьезного ущерба для адекватности перевода, а когда их снятие (или добавление) может привести к искажению существа переводимого текста.

Таким образом, в смысле предложения естественного языка мы обнаруживаем два разных слоя, или уровня, — национальный и универсальный. Чтобы добраться до универсального, самого глубокого слоя семантики, необходимо в определенных ситуациях уметь снимать обязательно выражаемые в данном языке, т. е. национально своеобразные, значения.

Уже из этих соображений следует, что в формальной модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" должно быть два уровня представления смысла — поверхностно-семантический (уровень национальной семантики) и глубинно-семантический (уровень универсальной семантики). На первом из них отражаются все выраженные в соответствующем предложении значения, в том числе и нерелевантные, а на втором — только те, которые существенны для сообщения.

Имеется еще одно основание для расщепления семантического уровня на поверхностно-и глубинно-семантические подуровни.

Как мы уже говорили, модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" для каждого естественного языка должна формально эксплицировать отношения синонимии между предложениями этого языка.

В смысл синонимических предложений некоторого естественного языка могут входить как раз те обязательные, национально своеобразные значения, о которых мы говорили выше. Следовательно, синонимические отношения между ними должны устанавливаться раньше, чем на глубинно-семантическом уровне, где эта национальная специфика будет снята.

Естественно возникает вопрос: могут ли они все же описываться не на поверхностно-семантическом, а на глубинно-синтаксическом уровне, где действует специально для этого предназначенная система правил перифразирования (см. (6i) — (6vii))? Оказывается, однако, что на глубинно-синтаксическом уровне эксплицируются далеко не все отношения такого рода. Синонимическое перифразирование (6i)–(6vii) обеспечивается глубинно-синтаксическими правилами, а синонимическое перифразирование (6i) \Leftrightarrow (13), в некотором отношении более точное, — нет:

(6i) *Похолодание вызвало смерть черепах.*

(13) *Понижение температуры воздуха было причиной смерти черепах.*

Фразе (13) соответствует (с упрощениями) глубинно-синтаксическое представление (13').

(13')

COREF (X5, X2)

Преобразование (6i) \Leftrightarrow (13') на глубинно-синтаксическом уровне невозможно потому, что в ГСС каждая лексическая единица фигурирует в "собранном" виде, как единое целое, а для выполнения (6i) \Leftrightarrow (13') необходимо обращение к отдельным составляющим ее семантическим элементам, т. е. в конечном счете — к толкованиям, или СемП'ам. Синонимия (6i)–(13') устанавливается не непосредственно, а через поверхностно-семантический уровень, на котором обе эти ГСС отражаются одинаково — в виде ПСемС (6'i) (см. ниже).

Толкованиями слов необходимо располагать и для целей экспликации отношений омонимии. В связи с этим поучительно вспомнить историю одной лингвистической контroversы, приведшей в конце концов к рождению так называемой генеративной семантики.

Среди многих возражений против интерпретирующей семантики (см. *McCawley 1968, Lakoff 1971*), исходные положения которой были сформулированы в *Katz and Postal 1964* и в усовершенствованном виде приняты в *Chomsky 1971* в качестве компонента "расширенной стандартной теории языка", было следующее: фразы типа

(15) John almost killed him

омонимичны и допускают следующие три интерпретации:

(15') 'Джон был близок к тому, чтобы сделать с ним нечто такое, что могло бы убить его, но не сделал этого' (например, готов был кинуться на него с ножом, но сдержался).

(15") 'Джон сделал нечто такое, что могло убить его, но этого не произошло' (например, сбросил или случайно спустил с горы камень, который пролетел на опасно близком расстоянии от стоявшего ниже человека).

(15"") 'Джон сделал с ним нечто такое, из-за чего он оказался в состоянии, близком к смерти' (например, ударил ножом).

Теория Н. Хомского, в которой объектами правил преобразования являются не семантические представления, а глубинные (синтаксические) структуры, этой омонимии объяснить не может, потому что в глубинных структурах все слова фигурируют в "собранном" виде. Между тем для того, чтобы объяснить эту омонимию, необходимо допустить воздействие наречия *almost* не на слово *kill* в целом, а на разные семантические компоненты в толковании этого глагола.

(16) $kill \cong 'cause\ to\ begin\ to\ be\ dead'$.

Областью действия *almost* могут быть компоненты 'cause', 'begin' и 'be dead'. В первом случае получается осмысление (15'), во втором — (15"), в третьем — (15"") .

В связи с тем, что интерпретирующая семантика не способна объяснить эту и другие подобные ситуации омонимии, оппоненты Н. Хомского предлагали заменить ее более сильной теорией — генеративной семантикой, располагающей необходимым для этого аппаратом.

Имеется немало аргументов в пользу приведенного описания и против него. В частности, Н. Хомский в своем ответе критикам усмотрел здесь, и, может быть, не без оснований, не ситуацию языковой неоднозначности (омонимии), а случай ситуативной неопределенности (см. *Weinreich 1966*), которая в принципе не должна описываться собственно лингвистической моделью. Однако, даже если Н. Хомский и прав в интерпретации этого конкретного примера, нельзя сомневаться в том, что явления такого рода в языке существуют (см. ниже, раздел 4.2.), и формальная модель языка должна быть в состоянии справляться

с их описанием. Решить эту задачу без достаточно детальных толкований содержательных единиц языка нельзя.

Итак, на поверхностно-семантическом уровне — уровне национальной семантики — решаются следующие задачи: (а) эксплицируются все выраженные в предложении значения, в том числе и те обязательные (обусловленные) значения, которые семантически нерелевантны; (б) эксплицируются отношения синонимии между предложениями данного естественного языка ("национальная" синонимия) и тем самым показываются системные семантические связи между различными содержательными единицами языка, в том числе и единицами разной природы; (в) эксплицируются отношения омонимии между предложениями данного естественного языка.

На глубинно-семантическом уровне — уровне универсальной семантики — решаются следующие задачи: (а) элиминируются все семантически нерелевантные значения; (б) эксплицируются отношения синонимии между предложениями разных (в идеале — всех) естественных языков.

Предлагаемое нами расщепление прежде единого семантического уровня на два новых подуровня обнаруживает неслучайное сходство с соответствующим делением синтаксического уровня: поверхностно-синтаксический уровень — это уровень, на котором описываются специфические для данного языка "национальные" синтаксические конструкции, а глубинно-синтаксический уровень — это уровень, на котором элиминируется национальная синтаксическая специфика, т. е. уровень универсального синтаксиса, единого для всех естественных языков.

Теперь попытаемся описать в самых общих чертах языки обоих уровней представления смысла, предложений и семантические структуры, которые строятся из материала этих языков.

В свете того, что было сказано выше, глубинно-семантическим языком разумно считать элементарный универсальный семантический язык, словарь которого состоит исключительно из *indefinibilia* — семантических конструкторов, являющихся именами предметов или именами простейших предикатов, по преимуществу одно- или двухместных. Из таких слов по правилам предикатно-аргументного синтаксиса строятся глубинно-семантические структуры (ГСемС) — по существу те канонические структуры, о которых шла речь на с. 9.

Поверхностно-семантический язык отличается от глубинно-семантического и своим словарем, и своим синтаксисом.

Поскольку поверхностно-семантический язык предназначен для экспликации национальной семантики, основная часть его словаря должна формироваться из наименее идиоматичных, достаточно простых, но не обязательно элементарных слов того же естественного языка, отобранных таким образом, чтобы внутри поверхностно-семантического языка они не имели синонимов и использовались каждое ровно в одном значении. Таким образом, словарь поверхностно-семантического языка представляет собой продукт радикального упрощения (сокращения не меньше чем на два порядка) и стандартизации

(снятие синонимии, полисемии и омонимии) словаря соответствующего естественного языка.

С другой стороны, поскольку слова поверхностно-семантического языка в общем случае неэлементарны, его словарь а) значительно больше по объему, чем словарь универсального семантического языка, и б) помимо одно- и двухместных предикатов включает предикаты с большим числом мест.

Что касается различий поверхностно-семантического и глубинно-семантического языков в области синтаксиса, то они прямо вытекают из природы их предикатных слов: в число поверхностно-семантических отношений входят не два актанта отношения, как в глубинно-семантическом языке, а 5–6 актанта отношений (ср. замечания о глубинно-синтаксических отношениях в разделе 1.3.). Как видим, синтаксис поверхностно-семантического языка, в отличие от его словаря, не извлекается из естественного языка, а от начала и до конца конструируется.

Из слов поверхностно-семантического языка и его синтаксических отношений строятся ПСемС. В достаточно большом числе случаев (но, естественно, далеко не всегда) ПСемС являются продуктом первого шага замены содержательных единиц соответствующей ГСС (слов и граммем) их семантическими представлениями. Обязательной замене на семантические представления подлежат все грамемы и те из лексических единиц, которые не совпадают ни с одним словом поверхностно-семантического языка или ведут себя нестандартно относительно правил семантических преобразований.

В качестве иллюстрации приведем (с упрощениями) ПСемС для ГСС (6'i) и, следовательно, для предложения (6i); в нее отображается и ГСС (13') с соответствующим ей предложением (13)⁸. См. (6'i).

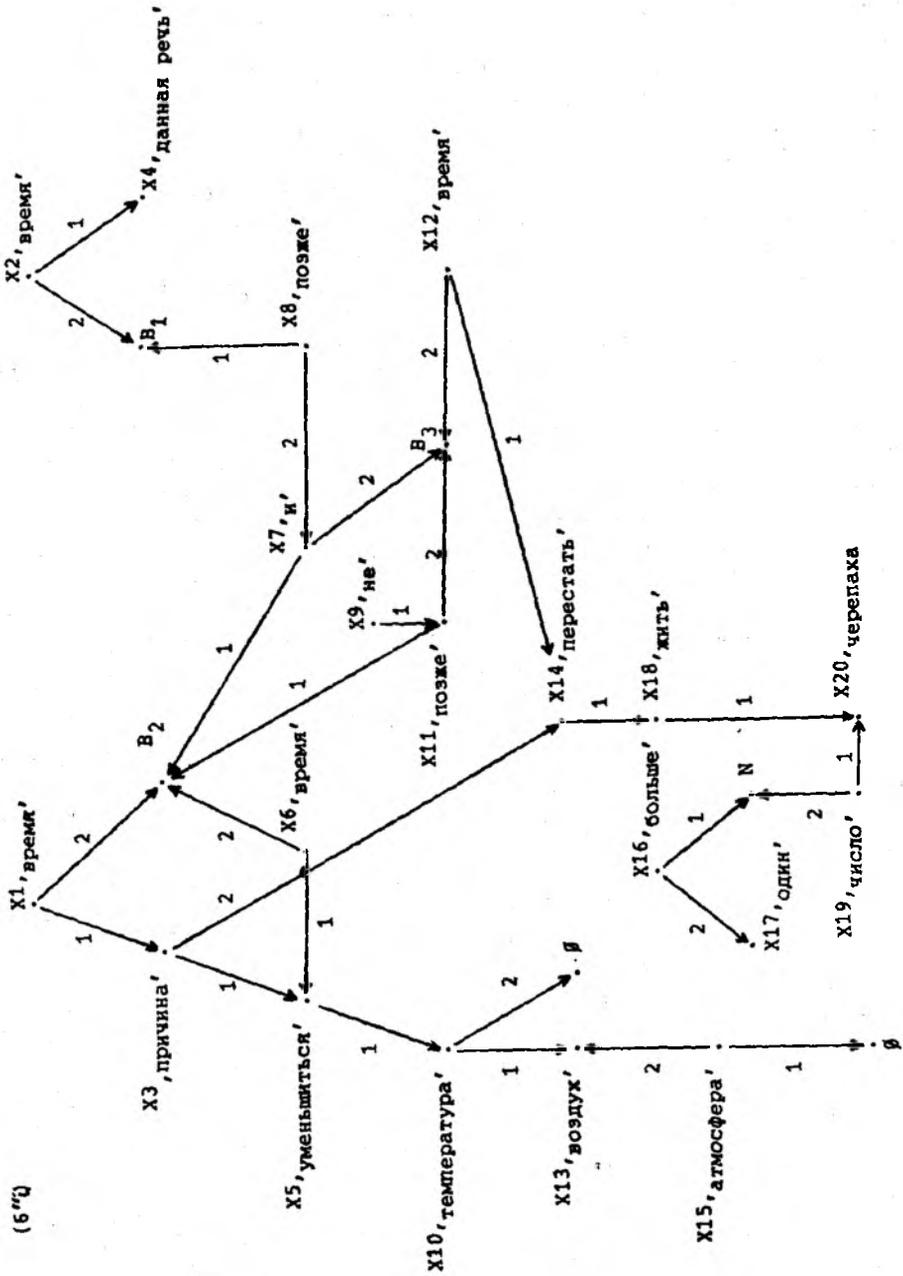
Эта ПСемС отражает следующие содержательные представления о значениях использованных в (6i) единиц:

(17) *Похолодание* = 'уменьшение температуры атмосферного воздуха'.

(18) *X вызвал Y* \cong 'Во время V_2 имела место ситуация X; во время V_3 имела место ситуация Y; X является причиной Y-а; V_1 время данной речи; V_1 позже V_2 и V_3 ; V_2 не позже V_3 (несколько упрощенное толкование лексического значения глагола *вызвать* и граммем прошедшего времени, изъявительного наклонения и совершенного вида).

(19) *Смерть Z-ов* \cong 'Тот факт, что Z, число которых больше одного, перестал жить' (толкование лексического значения слова *смерть* и грамемы множественного числа при Z).

При нынешнем состоянии разработки семантических проблем ничего более определенного о семантических языках, ГСемС и ПСемС сказать нельзя. В связи с неясностью многих вопросов, касающихся, в частности, ПСемС, мы в данной работе будем пользоваться более привычной формой экспликации смысла в виде толкований. Однако наши толкования (см. приведенные выше примеры) отличаются рядом существенных свойств и от перифраз, используемых в порождающей модели языка, и от традиционных лексикографических дефиниций.

В данной работе мы будем понимать под толкованием единицы X предложение на ограниченном и стандартизованном языке, построенное с соблюдением следующих требований: (а) оно должно быть в точности синонимично толкуемой единице X; (б) оно должно сводить толкуемый смысл к более простым смыслам — словам поверхностно-семантического языка (см. выше); (в) эти более простые смыслы должны быть настолько крупными, насколько это возможно без нарушения требования (б): последнее условие значит, что толкуемую единицу X следует сводить к ее "непосредственным семантическим составляющим", а не к мельчайшим неопределяемым словам - смыслам. Обоснование всех этих требований содержится в *Апресян 1974*.

Мы допускаем, что для решения трех основных задач поверхностно-семантического уровня — экспликации национальной семантики, а также отношений синонимии и отношений омонимии между предложениями в национальном языке — достаточно именно той степени детальности представления смысла, которая достигается в толкованиях языковых единиц. С другой стороны, такая степень детальности представления смысла абсолютно необходима: как будет подробно показано в дальнейшем, если бы мы не располагали толкованиями языковых единиц, а работали бы с самими этими единицами в собранном виде, мы бы лишились возможности эксплицировать отношения синонимии и омонимии между многими предложениями естественного языка с помощью простых и принципиальных правил.

1.5. Задача поверхностно-семантического компонента.

Задачей поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" является установление много-многозначного соответствия глубинно-синтаксических и поверхностно-семантических представлений, т. е.

$$(20) \quad \{ГСП\} \Leftrightarrow \{ПСемП\}.$$

В дальнейшем мы будем рассматривать соответствие (20) с точностью до структур и исключительно в направлении анализа, т. е. в направлении

$$(21) \quad \{ГСС\} \Rightarrow \{(ПСемС)\}.$$

Такое ограничение рамок исследования связано с тем, что по поводу соответствия

$$(22) \quad \{(ПСемС)\} \Rightarrow \{ГСС\}$$

в настоящее время нельзя сказать почти ничего определенного сверх того, что оно устанавливается посредством наложения на ПСемС некоторого предложения ПСемС содержательных единиц языка. Автору неизвестен ответ на ключевой вопрос о том, каким способом, отличным от полного перебора, можно выбрать для заданной ПСемС такие семантически содержательные единицы — слова и граммемы, которые, с одной стороны, обеспечивали бы полное покрытие смысла ПСемС, а с другой — не выражали бы никакого лишнего смысла.

Этап (21) разбивается (не во времени, а чисто логически) на ряд отчетливо выделяемых шагов, первым из которых является подготовка заданной ГСС к

семантической интерпретации. Поясним, что мы имеем в виду. Рассмотрим фразы

(23i) *Он едет в Москву,*

(23ii) *Он уже <еще только> едет в Москву,*

(23iii) *Он завтра едет в Москву.*

Фраза (23i) неоднозначна: она может пониматься либо как (23'), либо как (23''):

(23') 'В момент речи он едет в Москву',

(23'') 'В момент, более поздний, чем момент речи, будет иметь место то, что он едет в Москву, и у него, говорящего или лица, известного говорящему, имеется намерение, чтобы он ехал в Москву'.

В отличие от этого, (23ii) и (23iii) однозначны, причем (23ii) понимается только в смысле (23'), а (23iii) — только в смысле (23'').

Источником неоднозначности (23i) является то обстоятельство, что граммема НЕСОВ имеет несколько разных значений, в частности — значение длительного действия, т. е. действия, разворачивающегося в момент речи или в другой фиксированный момент (ср. (23')) и (в соединении с граммемой НАСТ) значение так называемого "намеренного или предстоящего действия" (ср. (23'')). Из (23ii) и (23iii) следует, что реальная возможность осмысления произвольной глагольной формы вида

(24) (V), НЕСОВ, НАСТ

в длительном значении или значении предстоящего действия зависит от ряда условий. Эти условия должны быть учтены в правилах ГСС \Leftrightarrow ПСемС: очевидно, что для фразы (23i), которая реально омонимична, должны быть получены две разные ПСемС, а для реально однозначных фраз (23ii) и (23iii) — по одной.

Осмысления (23'') для (23ii) и (23') для (23iii) должны быть исключены именно на этапе перехода к ПСемС, когда грамлемы заменяются их толкованиями. Если это не будет сделано, на уровне ПСемС возникнет ложная омонимия⁹.

Значительная часть ложной лексической омонимии и полисемии к моменту перехода ГСС \Rightarrow ПСемС должна оказаться снятой на предшествующих этапах. Так, при интерпретации фразы

(25) *Он сказал мне, что нездоров*

должно приниматься во внимание только одно — первое — лексическое значение глагола *говорить* — *сказать*. Два других значения (*О чем вы с ним говорили?*, *Один мой знакомый бегло говорит по-японски*) будут исключены еще на глубинно-морфологическом уровне, поскольку у них нет формы совершенного вида (*сказал*), что отмечается специальной записью в их словарных статьях.

При интерпретации фразы

(26) *Установка не будет работать*

тоже должно учитываться только одно — служебное — значение глагола *быть*, потому что лишь оно обладает способностью иметь два таких зависимых, из

которых первое является именной группой в именительном падеже, выполняющей функцию подлежащего, а второе — инфинитивом несовершенного вида. Другие значения глагола *быть* — локативное (*Где вы были?*), посессивное (*У института были прекрасные мастерские*), экзистенциальное (*При испытании новых самолетов были случаи аварий*), связочно-классифицирующее (*Ночью все кошки $\mathcal{B}_{\text{быть}}$ серы*) и связочно-идентифицирующее (*Это был Иван*) — этими свойствами не обладают. Номер значения глагола *быть* вырабатывается (в данном случае) на поверхностно-синтаксическом уровне с помощью грамматического правила, анализирующего русские аналитические конструкции.

Рассмотрим, наконец, фразу

(27) *Командный пункт находился под наблюдением,*

в которой нужное (третье) значение слова *наблюдение* устанавливается с помощью информации о лексических функциях на еще более глубоком уровне — глубинно-синтаксическом. Среди прочих лексических функций для лексемы *наблюдение 3* определена функция $\text{Ope}_2 = \text{находиться (под наблюдением)}$, записываемая непосредственно в словарной статье *наблюдение 3*, а для лексем *наблюдение 1* (ср. *Наблюдение явлений дифракции позволило ему сформулировать остроумную гипотезу*) и *наблюдение 2* (ср. *Ему принадлежит одно интересное наблюдение*) она не определена.

Однако часть ложной лексической полисемии и омонимии и вся граммемная полисемия остается неснятой даже на уровне ГСС. Поэтому семантическая интерпретация ГСС, т. е. процесс перехода $\text{ГСС} \Rightarrow \text{ПСемС}$, начинается с отсеивания тех еще не исключенных значений слов и граммем, которые в конкретных морфологических, синтаксических, лексических и семантических условиях данной ГСС не могут быть реализованы¹⁰. Этот отсев происходит на основе специальных правил реализации значений, рассматриваемых ниже. В результате для каждой ГСС формируются все допустимые комбинации значений входящих в ее состав слов и граммем. Для (23i), например, допустимыми будут две комбинации значений, а для (23ii) и (23iii) — по одной.

На втором шаге поддерева ГСС заменяются толкованиями (формально — подграфами ПСемС). При этом, если преобразуемое поддерево ГСС включает два или более узла, используются специальные правила взаимодействия значений, эксплицирующие законы построения ПСемС словосочетаний из ПСемС входящих в их состав словоформ.

По-видимому, следует предусмотреть еще один шаг в процессе перехода $\text{ГСС} \Rightarrow \text{ПСемС}$ — получение приведенной ПСемС всего предложения с помощью глобальных семантических правил, обрабатывающих не поддерева ГСС, а определенные типы ПСемС.

Для решения основных задач семантического компонента, как они были сформулированы выше, в него должна быть заложена семантическая информация по крайней мере следующих трех типов:

– информация о семантических признаках всех содержательных единиц языка – для формирования допустимых комбинаций значений (первый шаг преобразования ГСС \Rightarrow ПСемС);

– толкования содержательных единиц языка вместе с условиями их реализации;

– правила взаимодействия (сложения, преобразования) значений.

Уже сейчас более или менее очевидно, что некоторые другие, преимущественно метаязыковые задачи общей лингвистической теории требуют включения в семантический компонент еще некоторых типов семантической информации, в частности информации о семантических ассоциациях, или коннотациях данной единицы и информации о ее семантических связях с другими содержательными единицами языка. Однако для обеспечения преобразования ГСС \Rightarrow ПСемС достаточно первых трех типов семантической информации, и в дальнейшем речь пойдет только о них.

2. Семантические признаки

2.1 Понятие нетривиального семантического признака

Термин "семантический признак", возникший в рамках так называемого компонентного анализа значений, обозначает ту часть значения определенной содержательной единицы языка (обычно – лексемы), по которой она противопоставлена другой содержательной единице языка, при условии, что достаточно большая часть их значений совпадает. Очевидна аналогия между понимаемыми таким образом семантическими признаками и "дифференциальными фонологическими признаками". Типичные примеры семантических признаков "пол" (со значениями "мужской" и "женский"), "поколение" (со значениями "то же самое, что поколение его" – "непосредственно предшествующее" – "непосредственно следующее") и т. п. По признаку "пол", например, слово *отец* так противопоставлено слову *мать*, как слово *сын* – слову *дочь*.

Такие семантические признаки (назовем их тривиальными) дублируют часть значения определенной лексемы и в системе, располагающей толкованиями, абсолютно не нужны. Как теоретическое понятие они представляют собою очевидный анахронизм.

Семантические признаки, которые будут предложены в данной работе, имеют совершенно иную природу, и их следовало бы называть иначе. Единственным, но решающим основанием при выборе их названия послужило то обстоятельство, что они имеют много общих свойств с синтаксическими признаками. Следовательно, название "семантические признаки" выбрано по аналогии, а чтобы предупредить возможность их неправильного сближения с традиционными (тривиальными) семантическими признаками, мы предлагаем называть их нетривиальными.

Чтобы освоиться с понятием нетривиального семантического признака, напомним более привычное понятие поверхностно-синтаксического признака¹¹.

Известно, что глаголы типа *начинать, стать, бросаться, пускаться, давать* (А он давай плясать), *переставать, прекращать, кончать, продолжать* и т. п. способны управлять формой (V), ИНФ, НЕСОВ, но не формой (V), ИНФ, СОВ:

(28) Он начал <начинал, перестал, продолжал> делать гимнастику,

(29) *Он начал <начинал, перестал, продолжал> сделать гимнастику.

Возможно словарное и грамматическое описание этого факта. Словарное описание свелось бы к включению соответствующего ограничения в модель управления каждого из этих слов. Грамматическое описание (а именно оно принято для этого случая в поверхностно-синтаксическом компоненте модели "Смысл \Leftrightarrow Текст") состоит в том, что в словаре каждому глаголу приписывается только синтаксический признак (фаз), который в пределах самой словарной статьи никак не расшифровывается. Содержательный смысл фазовости раскрывается условием (30) в общем поверхностно-синтаксическом правиле, устанавливающим комплетивное отношение между любым управляющим словом X (глаголом, существительным, прилагательным, наречием) и зависимым инфинитивом Y:

(30) Если X = (V, фаз), то Y \neq СОВ.

Это, бесспорно, более экономное и более общее описание. Сказанное тем более верно, что фазовые глаголы имеют и другие общие синтаксические свойства. Одним из них является то, что форма подлежащего при фазовом глаголе в значительной мере определяется обычной формой подлежащего при глаголе, инфинитивом которого управляет данный фазовый глагол (см. *Иомдин-Мельчук-Перцов 1975*). При глаголе *хватать*, например, подлежащее всегда стоит в родительном падеже:

(31) Хлеба всем хватало <никому не хватало>.

Если глагол *хватать* зависит от фазового глагола, то подлежащее последнего может быть оформлено так, как оно оформляется при *хватать*:

(32) Хлеба всем начало <перестало> хватать.

Следовательно, признак (фаз) оказывается необходимым в описании русского языка на основаниях, независимых от упомянутого выше правила, что, естественно, увеличивает его теоретическую ценность.

С помощью признака (фаз) и других подобных признаков, число которых даже в инженерно ориентированной модели русского поверхностного синтаксиса достигает 150, описываются синтаксические свойства слов, определяющих их способность—неспособность участвовать в тех или иных синтаксических конструкциях. Таким образом, синтаксический признак — это теоретический конструкт, позволяющий записать синтаксическую информацию (в рассмотренных случаях — информацию об особенностях управления) в сокращенном и обобщенном виде.

Понятие фазовости очевидным образом семантически мотивировано, т. е. отражает какую-то семантическую особенность перечисленных выше глаголов. Поэтому появляется соблазнительная мысль не вводить никакого специального признака фазовости, а попытаться обнаружить общий смысловой компонент в толкованиях всех подобных глаголов и переформулировать условие (30) и другие подобные условия таким образом, чтобы они ссылались непосредственно на этот компонент.

Общим компонентом значения всех фазовых глаголов является смысл 'начинать'. Действительно, *начинать P* = 'начинать P', *переставать P* = 'начинать не P', *продолжать P* = 'не переставать P' = 'не начинать не P' и т. п. Нельзя ли в свете этого факта переформулировать (30) следующим образом:

(30') Е с л и ПСемС (X) \supset 'начинать', то Y \neq СОВ.

Факты, однако, показывают, что формулировка (30') неверна, ибо в других случаях наличие в значении глагола смысла 'начинать' не препятствует тому, чтобы он управлял формой вида (V), ИНФ, СОВ, ср.

(33) Он *вознамерился* <захотел, собрался> *послать министру открытое письмо*,

где в значениях глаголов *вознамериться*, *захотеть*, *собраться*, бесспорно, входит смысл 'начинать'. Следовательно, (фаз) нельзя связать непосредственно, без дополнительных громоздких ограничений, с каким-либо одним компонентом в толкованиях соответствующих глаголов. Из этого в свою очередь следует, что, хотя признак фазовости мотивирован, он должен приписываться определенным глаголам независимо от их толкования¹².

Нетривиальные семантические признаки обладают всеми указанными свойствами синтаксических признаков. Во-первых, они дают возможность записывать лингвистическую информацию в сокращенном и обобщенном виде; во-вторых, в большинстве случаев каждый из них используется не в одном семантическом правиле, а сразу в нескольких независимых друг от друга правилах; в-третьих, каждый из них семантически мотивирован, т. е. отражает определенную семантическую особенность слова, но в общем случае не дублирует ее целиком. Отличие семантических признаков от синтаксических — одно: они используются не в синтаксических, а в (поверхностно-)семантических правилах — грамемно-лексемных и лексемно-лексемных¹³.

Подробно семантические признаки лексем будут рассматриваться ниже, в связи с поверхностно-семантическими правилами. Здесь мы в чисто иллюстративных целях обсудим один пример.

В *Austin 1962* было выдвинуто понятие перформативности, с тех пор часто упоминавшееся в лингвистической литературе (см., в частности, *Fillmore 1969*, где впервые было предложено включать указание на перформативность, наряду с толкованием, в словарные статьи некоторых глаголов), но еще совершенно недостаточно изученное с лингвистической точки зрения. Ниже мы разовьем взгляд на перформативность как на типичный нетривиальный семантический признак.

Глагол X называется перформативным, если возможно такое употребление формы

(34i) X_(V), 1, ед. наст. действ. изъяв.

которое равносильно выполнению обозначаемого этим глаголом действия, например,

(34ii) Я *клянусь* <обещаю> вам, что этого не случится.

Ср. неперформативное употребление перформативных глаголов:

(34iii) Ты *напрасно клянешься* <Не клянись>, я тебе все равно не поверю.

(34iv) *Слуга клялся*, что не видел кольца.

(34v) Я *подхожу к отцу и клянусь*, что это больше не повторится, но он по-прежнему *недоверчиво качает головой* (Praesens historicum).

Существует мнение, что всякий глагол речи, т. е. глагол, включающий в свое толкование смысл 'говорить'/'сказать', перформативен и что всякий перформативный глагол содержит этот смысл. Если бы дело обстояло таким образом, в семантическом признаке перформативности не было бы никакой нужды, потому что в любом правиле, где фигурирует этот признак, можно было бы сослаться непосредственно на смысловой компонент 'говорить'/'сказать'. В действительности, однако, перформативность не сводима к этому смыслу, хотя в большой степени мотивируется им.

С одной стороны, существуют глаголы, не обладающие свойством перформативности, хотя в их толкование входит смысловой компонент 'говорить' — 'сказать', ср. *бормотать, бурчать, ворчать, прокартавить, прошепелявить, шептать* и другие, обозначающие манеру или дефект речи.

С другой стороны, существуют перформативные или очень близкие к перформативам глаголы, в толкование которых смысл 'сказать' явным образом не входит. Мы можем назвать две группы глаголов такого рода (внимание автора на них обратили Л. Л. Иомдин и В. З. Санников).

В первую группу входят глагольные формы типа *боюсь, надеюсь*, употребление которых в бесподлежащной вводной конструкции подчиняется всем грамматическим ограничениям, характерным для перформативов (см. (34i)); ср. правильность (35i), (35ii) и неправильность или сомнительность (35iii) — (35vi):

(35i) Он, *боюсь*, уже *нажаловался на вас*.

(35ii) Вы, *надеюсь*, не *дура* и *понимаете, что к чему*.

(35iii) *Вы, *боитесь* <боялся>, уже *нажаловались на него*.

(35iv) *Вы, *надеется* <надеялись>, не *дурак*.

(35v) *Он, *боимся* <боялись>, уже *нажаловался на вас*.

(35vi) ?Петр, *надеемся* <*надеялись>, не *дурак*.

Во вторую группу входят некоторые формулы приветствий и прощаний, особенно распространенные в эпистолярном жанре, ср. *целую, обнимаю, жму руку* и т. п. Они, скорее, квазиперформативны, так как называемые ими действия выполняются не физически, а лишь в воображении говорящего и адресата.

Перформативы имеют ряд синтаксических и семантических особенностей.

Одна из наиболее интересных синтаксических особенностей перформативов состоит в том, что в перформативном употреблении особенности глагольного управления могут меняться весьма существенным образом.

Глагол *благодарить* имеет три семантические валентности, из которых первая и вторая синтаксически обязательны; ср.

(36i) *Гости [M₁] благодарят хозяев [M₂] за теплый прием [M₃].*

(36ii) *Гости благодарят хозяев (M₃ = ∅).*

(36iii) *?Гости благодарят за теплый прием (M₂ = ∅).*

(36iv) **Гости благодарят (M₂ = ∅, M₃ = ∅).*

(36v) **Благодарят хозяев за теплый прием (M₁ = ∅).*

Однако в перформативном употреблении фразы, в которых M₁ = ∅ и M₂ = ∅, вполне правильны:

(37) *Вы мне очень помогли, благодарю.*

У глаголов *восторгаться*, *восхищаться*, *удивляться* и других подобных имеется, как показано в *Иорданская 1970*, особое значение, формулируемое в общем виде как (38') и представленное во фразах (38i), (38ii):

(38') *'Человек X выражает определенную эмоцию по поводу факта или объекта Y, делая высказывание P'.*

(38i) *"Вот это да!" [P], — удивился он [X] моему приходу [Y].*

(38ii) *"Великолепно!" [P], — восхитился отец [X] картиной [Y].*

При перформативном употреблении таких глаголов валентность содержания высказывания P, в других случаях факультативная (ср. *Отец громко восхищался картиной*), должна, вместе с валентностью субъекта X, оставаться нереализованной. Можно сказать (39i), но не (39ii):

(39i) *Восхищаюсь <восторгаюсь> вами (M₁ = ∅ и M₃ = ∅).*

(39ii) **Великолепно, — восхищаюсь <восторгаюсь> вами (M₃ = ∅).*

Ограничения такого рода, записываемые в словарных статьях соответствующих глагольных лексем, описывают условия возможного ненасыщения синтаксические обязательных валентностей (ср. (37)) или условия обязательно ненасыщения синтаксически факультативных валентностей (ср. (39)). Следовательно, в конечном счете они определяют условия правильности поверхностно-синтаксических структур.

Использование признака перформативности в семантических правилах будет рассмотрено ниже, в разделе 2.2.3.

В разделе 1.5 мы описывали в самых общих чертах весь процесс перехода ГСС ⇒ ПСемС. Теперь рассмотрим более подробно первый этап этого процесса — тот, в правилах которого используются нетривиальные семантические признаки.

В узлах ГСС, как мы уже говорили, стоят имена лексем, фразем и глубоко-синтаксических слов, причем имена лексем и фразем снабжены набором граммем синтаксически необусловленных грамматических категорий — СОВ,

НЕСОВ, НАСТ, ПРОШ, БУД, ИЗЪЯВ, ЕД, МН. и т. п. Этой информации для перехода ГСС \Rightarrow ПСемС недостаточно по следующим двум причинам: во-первых, каждой граммеме в общем случае соответствует не одно значение, а несколько разных, иногда очень существенно разных, значений; во-вторых, далеко не все значения граммемы способны сочетаться со значением соответствующей лексемы. Рассмотрим оба эти свойства значений грамем.

Главным свойством разных значений одной граммемы следует считать, вопреки широко распространенному, если не общепринятому мнению, отсутствие у них семантического инварианта. Нельзя, например, считать семантическими инвариантами грамем НАСТ, ПРОШ и БУД значения 'совпадение с моментом речи', 'предшествование моменту речи' и 'следование за моментом речи' соответственно.

Действительно, граммема НАСТ, например, имеет не только первое из этих значений, т. е. значение собственно настоящего времени, но и два других названных выше значения тоже; ср. (40i) с первым значением, (40ii) — со вторым и (40iii) — с третьим:

(40i) *Я работаю, не мешайте мне.*

(40ii) *Вчера идет он по улице и видит...* (так называемое Praesens historicum, т. е. по смыслу прошедшее).

(40iii) *Когда же Лиходеев идет в Ялту?* (ср. (23iii)).

Аналогичными свойствами обладают и граммемы ПРОШ и БУД. Граммема ПРОШ имеет значение действия, предшествующего моменту речи, в (41i), значение императива "настоящего" времени в (41ii) и значение действия, следующего за моментом речи, в (41iii):

(41i) *Вчера из Парижа в Москву прибыла спортивная делегация.*

(41ii) *А ну, встали!*

(41iii) *Ну, до свидания, я пошел.*

Наконец, граммема БУД имеет "собственное" значение в (42i), значение настоящего в (42ii) и значение прошедшего в (42iii).

(42i) *Вы зайдете к нам завтра?*

(42ii) *Да вы кто такой будете?*

(42iii) *А ветер как гикнет, Как мимо просвищет, Как двинет барашком под звонок дщице!*

Таким образом, у каждой из трех грамем — НАСТ, ПРОШ и БУД — есть полный набор всех основных временных значений. Правда, значения эти очень разные; ср. (42iii) и менее эмоциональное, менее картинное *А ветер как мимо просвищет!* Однако это обстоятельство не только не опровергает тезиса об отсутствии у большинства грамем семантических инвариантов, но лишний раз подчеркивает условность большинства грамматических ярлыков. Если мы знаем о глагольной форме только то, что ей приписана граммема НАСТ, мы еще ничего не знаем о ее значении. Чтобы осуществить переход ГСС \Rightarrow ПСемС, необходимо иметь адекватные толкования всех значений грамем.

Здесь мы сталкиваемся с другим упомянутым выше принципиальным фактом, касающимся разных значений одной грамлемы: они весьма избирательно сочетаются с лексемами разных семантических классов. В терминах понятий, которые были введены выше, можно было бы сказать, что возможность—невозможность реализации того или иного значения грамлемы зависит от семантического признака, который приписан соответствующей лексеме.

Законы сочетаемости значений лексем и грамлем задаются специальными правилами вида

$$(43i) X_{\alpha} \Leftrightarrow R_i^{\alpha} \xrightarrow{\gamma} 'X' | X = (' \beta '),$$

где X — узел ГСС, α — толкуемая грамлема (в нашем случае — НЕСОВ), R — ПСемС i -го значения этой грамлемы (в нашем случае — сокращенное обозначение типа 'процессное', 'предстоящее' и т. п.), ' X ' — образ узла X на поверхностно-семантическом уровне, $\xrightarrow{\gamma}$ — поверхностно-семантическое отношение, (' β ') — словарный поверхностно-семантический признак X -а. В дальнейшем мы будем записывать эти правила в сжатой форме импликаций вида

$$(43ii) \text{ Если } X_{(\beta)_{\alpha}}, \text{ то } R_i^{\alpha} \text{ (или не } R_i^{\alpha} \text{).}$$

К рассмотрению этих правил мы и переходим.

2.2 Правила сочетаемости значений лексем со значениями грамлем

Из большого числа значений грамлем мы будем рассматривать лишь некоторые значения грамлемы НЕСОВ. При этом в целях экономии места мы в данном разделе будем оперировать не толкованиями значений в собственном смысле слова, а их квазисемантическими названиями, т. е. условными именами значений, принятыми в исследованиях по русскому глагольному виду (см., например, *Виноградов 1947; Рассудова 1968; Forsyth 1970; Бондарко 1971*). В ряде случаев традиционные формулировки уточняются на основе наблюдений автора и с учетом результатов, содержащихся в *Гловинская 1977а, Гловинская 1977б, Гловинская 1980б*.

В аспектологической литературе рассматриваются, в частности, следующие значения грамлемы НЕСОВ, отчасти уже упоминавшиеся в нашей работе: актуально-длительное, или процессное (см. (23ii) и (40i)), настоящее намеренного действия (см. (23iii) и (40iii)) и так называемое прошедшее общефактическое (или аористическое). Последнее имеет три разновидности: двунаправленное, результативное, нерезультативное. Все три разновидности общефактического, как это предполагается самим его названием, обозначают факт, имевший место в некоторый никак не уточняемый момент времени в прошлом. Рассмотрим их несколько подробнее.

Двунаправленное общефактическое представлено в предложении

(44) *К вам кто-то приходил,*

описывающем действие, результат которого был аннулирован противоположно направленным действием: кто-то пришел, а потом ушел. Двунаправленное об-

шефактическое несинонимично основному значению СОВ и характерно для глаголов, у которых есть, хотя бы по смыслу, лексические антонимы (ср. *Рассудова 1968: 28*).

Результативное общефактическое представлено в

(45) *Вы читали "Мастера и Маргариту"?*

Оно квазисинонимично основному значению СОВ.

Что касается нерезультативного общефактического, то оно, вследствие своей семантической близости к процессному значению НЕСОВ, до последнего времени вообще не выделялось аспектологами. В пользу того, что за ним все же следует признать статус самостоятельного значения, как это предложено в *Гловинская 1980б*, свидетельствуют факты омонимичности некоторых предложений. Так, в предложениях (46i) и (46ii) нерезультативное общефактическое и процессное значения отчетливо противопоставлены друг другу, что является бесспорным свидетельством их раздельности.

(46i) *На стене справа висела картина* (говорящий помнит, что когда-то висела, хотя в описываемый момент не висит VS. висит в описываемый момент).

(46ii) *А вот и дом, где жил его старый друг* (жил в какое-то время до описываемого момента VS. жил в описываемый момент).

В соответствии с существующей терминологической традицией пять перечисленных значений будут в дальнейшем фигурировать под следующими условными названиями: 'процессное', 'предстоящее', 'двунаправленное', 'общефактическое результативное', 'общефактическое нерезультативное'.

Теперь мы можем перейти непосредственно к правилам сочетаемости перечисленных значений граммем и некоторых лексем.

2.2.1 В русской грамматике и лексикографии принято различать моторно-некратные и моторно-кратные глаголы перемещения. К первому типу относятся глаголы *бежать, брести, везти, вести, гнать, идти, катить, лететь, нести, плыть, тащиться* и т. п., а ко второму — глаголы *бегать, бродить, возить, водить, гонять, ходить, летать, носить, плавать, таскаться* и т. п. Обычное толкование моторно-кратного глагола содержит отсылку к соответствующему моторно-некратному глаголу и некую более или менее стандартную добавку, например,

(47i) *Бегать* = 'то же, что *бежать*, с той разницей, что *бегать* обозначает действие повторяющееся или совершающееся в различных направлениях, а также взад и вперед'.

(47ii) *Ходить* = 'то же, что *идти*, с той разницей, что *ходить* обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях и в разное время' (МАС)¹⁴.

В *Апресян 1967* было замечено, что в пределах этого значения моторно-кратные глаголы имеют два принципиально различных подзначения, которые представлены соответственно фразами типа (48) и фразами типа (49):

- (48) *Я сегодня ходил на работу <в магазин, к родителям, за хлебом, по грибы, купаться>.*
 (49) *Заключенные ходили из угла в угол <с места на место, взад и вперед, по тесному дворику>.*

В (48) глагол управляет формами со значением конечной точки или цели, в (49) — формами со значением маршрута. Эти два типа форм несоподчинимы или почти несоподчинимы, ср. неправильность или сомнительность

- (50i) **Я сегодня ходил на работу <к родителям, за хлебом, купаться> взад и вперед.*
 (50ii) **Я сегодня ходил в магазин с места на место.*

Факт несоподчинимости управляемых форм при одном и том же глаголе в большинстве случаев указывает на то, что управляющее слово используется в разных значениях. Это безусловно верно применительно к нашему примеру (48)—(49), в котором первое значение можно огрубленно описать как перемещение туда и сюда вдоль одной линии, но в разное время, а второе — как перемещение вдоль разных линий, но в течение одного и того же актуально выделенного отрезка времени. Правильность такого разбиения косвенно подтверждается наличием в русском языке моторно-кратных глаголов, не имеющих первого значения (ср. *бродить, кататься*).

Значения первого типа мы предлагаем описывать семантическим признаком 'временная кратность', а значения второго типа — семантическим признаком 'пространственная кратность'. Последний признак приписывается не только традиционно выделяемым моторно-кратным глаголам, каждый из которых имеет моторно-некратный коррелят, но и некоторым глаголам, не имеющим моторно-некратных коррелятов, например, *блуждать, кружить, петлять, порхать, слоняться, шататься* и т. п.

Реализация двух рассмотренных значений регламентируется следующими правилами семантической сочетаемости:

- (51) Е с л и $X = (V, \text{'временная кратность'})$, НЕСОВ, т о $X \neq \text{'процессное'}$ и $X \neq \text{'общефактическое резульативное'}$ и $X \neq \text{'общефактическое нерезульативное'}$.

Это правило исключает, в частности, возможность процессной интерпретации фраз типа (48), но оставляет возможность их двунаправленного общефактического осмысления. Заметим, что моторно-некратные глаголы (*Я иду (бегу) на работу*) ведут себя в этом отношении диаметрально противоположным образом: они вполне хорошо сочетаются с процессным значением НЕСОВ, но совершенно исключают возможность каких-либо общефактических осмыслений.

- (52) Е с л и $X = (V, \text{'пространственная кратность'})$, НЕСОВ, т о $X \neq \text{'двунаправленное'}$ и $X \neq \text{'общефактическое резульативное'}$.

Это правило исключает возможность двунаправленной или резульативной интерпретации фраз типа (49), но оставляет возможность их процессной и, может быть, резульативной интерпретации.

2.2.2 В Маслов 1948 отмечается, что глаголы типа *прибегать, приводить, привозить, пригонять, прилетать, приносить, приплывать, притаскивать, приходить* и т. п. в несовершенном виде не имеют длительного значения; ср. не-правильность (53i)–(53iv), где имеется типичный для длительного (процессного) значения контекст — обстоятельства длительности типа *долго, два часа* или актуализаторы типа *посмотри*:

- (53i) *Он долго приходит на работу,
- (53ii) *Судно два часа приплывает в порт,
- (53iii) *Почтовый самолет недолго прилетал,
- (53iv) *Посмотри, он приносит свои вещи <приходит из школы>.

В литературе отмечаются и другие глаголы, не способные употребляться в длительном значении, например, *находить* (*Посмотри он находит кошелек на дороге), *видать* и *слыхать* в противоположность *видеть* и *слышать* (*В сгущающихся сумерках он плохо видал берег VS. ...плохо видел берег, *В этом грохоте он плохо слышал VS. ...плохо слышал)¹⁵, но они в большинстве случаев представляют достаточно изолированные явления в русском языке. Между тем выделенная выше группа допускает, на первый взгляд, простое обобщение: процессного значения не имеют глаголы перемещения с приставкой *при-*.

Это как будто подтверждается тем, что глаголы перемещения с приставкой *под-*, семантически близкие к рассматриваемым глаголам, имеют процессное значение, ср. *Войска долго подходили к стенам крепости; Судно два часа подплывало к причалу*. Есть оно и у глаголов с антонимичной *при-* приставкой *у-*, ср. *Судно медленно уплывало в ночь, Посмотри, он уносит свои вещи <уходит из школы>*.

Более пристальный анализ фактов показывает, однако, что нет никаких оснований связывать интересующее нас свойство с морфологической структурой глаголов на *при-*. Во-первых, сами эти глаголы в переносных значениях, в которых они, между прочим, сохраняют центральную для понятия перемещения идею изменения, могут иметь процессное значение (этот факт тоже отмечен в Маслов 1948):

- (54i) *Врач два часа приводил его в чувство,*
- (54ii) *Ну, что, все еще приходишь в себя?*

Во-вторых, тем же самым свойством — неспособностью к употреблению в длительном несовершенном — обладают некоторые другие глаголы со значением прибытия, либо вовсе не имеющие приставок, либо включающие приставки, отличные от *при-*, например, *заявляться, появляться, являться*:

- (55) *Он два часа являлся на собрание <появлялся в зале, заявлялся со своими друзьями>.

Таким образом, рассматриваемое ограничение имеет не столько морфологическую, сколько семантическую природу. Было бы, однако, опрометчиво связывать его и со смыслом 'прибытие'. Действительно, можно назвать по крайней мере одну большую группу глаголов русского языка, в значение которых входит этот смысловой компонент, но которые тем не менее способны

употребляться в процессном значении. Мы имеем в виду возвратные глаголы перемещения с приставкой *с-*, значение которых в общем виде можно описать следующим образом:

(56) 'Многие объекты X с разных сторон прибывают в место Y',

(57i) *Зеваки сходятся на площадь,*

(57ii) *Со всех сторон сюда стекаются потоки грязной воды,*

(57iii) *В комнату, где началась драка, сбегались соседи.*

Следовательно 'прибытие' — это не смысл, а типичный семантический признак, который должен быть приписан глаголам *приходить*, *прилетать*, *являться*, *заявляться* и некоторым другим, но не глаголам *сбегаться*, *слетаться*, *сходиться* и т. п. С перечисленными уточнениями интересующее нас правило приобретает следующий вид:

(58) Если X = (V, 'прибытие'), НЕСОВ, то X ≠ 'процессное'.

Другая большая и семантически легко выделяемая группа глаголов, не имеющих процессного значения, — это глаголы так называемого многократного способа действия (*хаживать*, *сиживать*, *говаривать*), которым в словаре должен приписываться семантический признак 'многократность'.

Аналогичные ограничения для изолированных глаголов типа *видать*, *слыхать*, *находить* целесообразней оговаривать непосредственно в их словарных статьях, а не описывать с помощью семантических признаков.

2.2.3 В разделе 2.1 мы упоминали признак перформативности и его роль в некоторых синтаксических правилах. Перформативные глаголы обладают и весьма интересным семантическим свойством — в перформативном употреблении они не сочетаются с процессным значением НЕСОВ; формально:

(59) Если X = (V, 'перформативность'), НЕСОВ, НАСТ, ДЕЙСТВ, ИЗЪЯВ, 1, ЕД, то X ≠ 'процессное'.

О справедливости (59) свидетельствует тот факт, что перформативное использование перформативного глагола невозможно в контексте обстоятельства длительности:

(60) **Я долго клянусь, что он невиновен.*

Фраза типа (60) может быть правильной только в Praesens historicum. Любопытно, что в английском языке перформативные глаголы в перформативном смысле нельзя использовать в форме Present continuous как раз в тех условиях, где по всем правилам традиционной грамматики должна быть употреблена именно эта форма. Говорят I promise you, swear to you, beg your pardon, apologize, а не I am promising you, swearing to you, begging your pardon, apologizing, хотя описываемое действие происходит как будто в момент речи, как это и требуется правилами употребления Present continuous.

2.2.4 Введем еще один семантический признак — 'стативность'. Он приписывается глаголам, обозначающим: 1) эмоциональные состояния, ср. *любить*, *ненавидеть*, *уважать*, *гордиться*, *стыдиться*, *удивляться*; 2) интеллектуальные состояния, ср. *знать*, *понимать*, *считать*; 3) волевые состояния, ср. *жаждать*, *желать*, *хотеть*; 4) существование, ср. *быть*, *иметься*, *существовать*.

Семантический признак 'стативность' не эквивалентен смыслу 'состояние', так как приписывается некоторым глаголам (ср. группу 4)), в толкование которых этот смысл явным образом не входит. С другой стороны, признак 'стативность' приписывается далеко не всем глаголам, в толкование которых смысл 'состояние' должен быть включен, ср. *бодрствовать, отдыхать, спать*.

Признак 'стативность' используется в следующем правиле:

(61) Если $X = (V, \text{'стативность'})$, НЕСОВ, то $X \neq \text{'предстоящее'}$ и $X \neq \text{'двунаправленное'}$ и $X \neq \text{'общефактическое результитивное'}$.

Этим правилом запрещаются, в частности, фразы

(62i) **Завтра я люблю <ненавижу> вас,*

(62ii) **Завтра даже средние студенты знают <понимают> теорему Бернулли,*

(62iii) **Со дня на день бойцы жаждут битвы.*

Сказанному как будто противоречит факт правильности фраз типа

(63i) *Завтра я хочу ехать в Москву.*

Однако в таких фразах обстоятельство времени связано, по крайней мере семантически, не с управляющим, а с управляемым глаголом (*ехать завтра*). Таким образом, управляющий глагол в них используется в обычном процессном значении, а не в значении предстоящего действия. С другой стороны, во фразах типа

(63ii) *Завтра я захочу ехать в Москву*

обстоятельство времени семантически связано с управляющим глаголом, но и этот факт не противоречит правилу (61), поскольку начинательный глагол *захотеть* не обладает признаком стативности.

Признак 'стативность' нужен и для многих других правил. Стативные глаголы не имеют, например, соотносительных форм совершенного вида (семантические различия в парах *любить—полюбить, ненавидеть—возненавидеть, удивляться—удивиться, понимать—понять, считать—счесть, посчитать, жаждать—возжаждать, желать—пожелать, хотеть—захотеть* — не такие, как в классических "чистовидовых" парах). Кроме того, у формально переходных стативных глаголов нет естественно ожидаемой возвратной формы со страдательным значением (ср. неправильность **Он любится* (**ненавидится, ?уважается*) *всеми, кто его знает, ?Теорема Бернулли плохо вами понимается, *А что считается вами?*). Наконец, стативные глаголы имеют только одну разновидность процессного значения — собственно процессное — и неспособны к актуально-длительному употреблению (ср. неправильность **Смотри, он знает <?понимает> теорему Бернулли*)¹⁶.

До сих пор мы говорили о правилах сочетаемости значений лексем и граммем в пределах одной словоформы. Перейдем к правилам сочетаемости значений разных словоформ, которые выше были условно названы лексемно-лексемными.

2.3 Правила сочетаемости значений лексем между собой

В этом разделе, в соответствии с нашим общим планом, мы будем говорить лишь о таких правилах сочетаемости, которые формулируются в терминах нетривиальных семантических признаков и носят, следовательно, общий, "грамматический" характер. Помимо них в модели "Смысл \leftrightarrow Текст" имеются и другие, чисто словарные правила семантической сочетаемости — несочетаемости, обращающиеся непосредственно к толкованиям соответствующих лексем. Правила этого второго типа образуют, по существу, часть синтактики соответствующих языковых знаков. Несколько более подробных замечаний о них см. в разделе 3.3.

2.3.1 В *Fillmore 1969* введено понятие фасадности, которому, на наш взгляд, следует придать статус нетривиального семантического признака.

Признак фасадности присваивается именам предметов, имеющих такую выделенную сторону, через которую в норме осуществляется их использование, в частности проникновение в них. У нефасадных предметов такой выделенной стороны нет. Так, фасадным предметом является кресло в отличие от табурета: при нормальном использовании кресла на него можно сесть только с одной стороны (с трех других сторон этому препятствуют ручки или спинка), а табурет открыт для использования по своему прямому назначению с любой из сторон. Равным образом фасадным является зеркало в отличие от простого стекла, письменный стол в отличие от обеденного, диван в отличие от топчана, шкаф в отличие от этажерки и т. д. Фасадные предметы чаще встречаются среди артефактов, чем среди природных объектов; наоборот, нефасадные предметы чаще встречаются среди природных объектов, чем среди артефактов.

Важно подчеркнуть, что в толкованиях фасадных существительных нет никакого общего смысла, с которым можно было бы связать свойство фасадности: каждый раз это свойство воплощается в особом физическом параметре данного предмета или данного класса предметов, отличающем его от других предметов или других классов предметов.

Рассмотрим теперь два типа значений пространственных предлогов *за* и *перед* (см. *Апресян 1974*: 111–112).

В предложениях

(64i) *Перед зеркалом стоял столик,*

(64ii) *Перед домом был разбит палисадник*

реализуется первое пространственное значение предлога *перед*, которое может быть истолковано следующим образом:

(64') *X находится перед Y-ом* = 1. 'X находится с той стороны Y-а, через которую Y нормально используется, и на таком расстоянии от Y-а, которое соизмеримо с размерами Y-а' | Y = ('фасадность').

Указание на соизмеримость расстояния между X-ом и Y-ом с размерами самого Y-а необходимо: если размеры предмета намного (скажем, на порядок) превосходят это расстояние или уступают ему, использование предлога *перед*

становится неуместным. То же замечание относится и к толкованию за 1. (см.66').

В предложениях

(65i) *Перед горой лежало озеро,*

(65ii) *Перед пнем стоял огромный боровик*

реализуется второе пространственное значение предлога *перед*, толкуемое так:

(65') *X находится перед Y-ом* = 2. 'X находится между Y-ом и наблюдателем, размеры X-а и Y-а соизмеримы, и говорящему представляется, что расстояние от Y-а до X-а невелико и что оно не больше или не намного больше, чем расстояние от X-а до наблюдателя' | Y = ('нефасадность').

Следует пояснить выбор модальной рамки ('говорящему представляется'), указание о соизмеримости размеров X-а и Y-а и указание о соотношениях расстояний.

Для *перед* 2 существенны действительно не объективные расстояния между предметами, а только визуальные впечатления говорящего о них: если, например, говорящий находится в километре от берега большого озера, а по другую сторону озера на расстоянии 10 километров от него находится настолько большая гора, что в условиях плохой видимости или оптического обмана она зрительно воспринимается как расположенная сразу за озером, эта ситуация, бесспорно, может быть описана предложением *Перед горой лежало озеро*.

Указание о соизмеримости размеров X-а и Y-а необходимо для объяснения аномальности фраз типа ?*Перед кустом лежало (громадное) озеро*.

Чтобы обосновать необходимость указаний о величине расстояния между X-ом и Y-ом и о соотношении расстояний "Y — X" и "X — наблюдатель", рассмотрим некоторые варианты ситуации, описанной в (65ii). Если, например, говорящий ясно видит, что боровик находится на расстоянии 10–12 метров от пня, то вряд ли он опишет воспринимаемую картину фразой (65ii), независимо от того, где находится сам говорящий или другой наблюдатель. С другой стороны, расстояние "Y—X" может представляться говорящему намного меньшим, чем расстояние "X — наблюдатель", но не намного большим: если говорящий стоит в одном шаге от боровика, а от боровика до пня — полтора метра, то такая ситуация тоже не может быть описана фразой (65ii).

Оба замечания переносятся, *mutatis mutandis*, на (67').

Аналогичным образом определяются соответствующие пространственные значения предлога *за*.

(66i) *За зеркалом стояла картина,*

(66ii) *За домом начинались огороды.*

(66') *X находится за Y-ом* = 1. 'X находится со стороны Y-а, противоположной той, через которую Y нормально используется, и на таком расстоянии от Y-а, которое соизмеримо с размерами Y-а' | Y = ('фасадность').

(67i) *За озером высилась гора,*

(67ii) *За тнем во мху стоял огромный боровик.*

(67') *X находится за Y-ом = 2. 'У находится между X-ом и наблюдателем, размеры X-а и Y-а соизмеримы, и говорящему представляется, что расстояние от X-а до Y-а невелико и что оно не больше или не намного больше, чем расстояние от Y-а до наблюдателя' | Y = ('нефасадность').*

Как видим, первое пространственное значение предлогов *перед* и *за* реализуется в контексте признака фасадности, а второе пространственное значение тех же предлогов — в контексте признака нефасадности.

2.3.2 Признак фасадности является частным случаем более общего семантического признака абсолютной пространственной ориентации. По-видимому, все фасадные предметы обладают и свойством абсолютной пространственной ориентации, хотя есть абсолютно ориентированные предметы, не обладающие свойством фасадности.

Признаки абсолютной—относительной пространственной ориентации описаны в *Bierwisch 1967* и *Апресян 1974*. Ниже воспроизводятся, с некоторыми уточнениями, основные рассуждения на эту тему, содержащиеся в упомянутой работе автора.

Семантические признаки абсолютной и относительной ориентации приписываются одним существительным для того, чтобы формулировать правила выбора значений других слов — пространственных существительных, прилагательных и наречий *верх — низ, верхний — нижний, перед — зад, передний — задний, голова — хвост, головной — хвостовой, начало — конец, первый — последний, бок, фланг, левый — правый, слева — справа* и т. п. — в словосочетаниях типа

(68i) *верх <низ> шкафа,*

(68ii) *верх <низ> кубика.*

Ясно, что существительные *верх* и *низ* в (68i) и (68ii) имеют не вполне совпадающие значения: *верх* (*низ*) шкафа не перестает быть *верхом* (*низом*), независимо от того, как стоит шкаф (он может, в частности, стоять вверх тормашками) и откуда мы на него смотрим. Между тем *верх* (*низ*) кубика меняется в зависимости от его положения: *верх* (*низ*) кубика — это та его грань, которая в момент наблюдения расположена выше (ниже) всех прочих его граней.

Существительному приписывается признак абсолютной ориентации по определенному линейному измерению (например, по *верху — низу*), если пространственная ориентация соответствующего предмета задается исключительно строением последнего. Существительному приписывается признак относительной ориентации по определенному линейному измерению, если пространственная ориентация соответствующего предмета задается не строением последнего, а его наблюдаемым положением, или перемещением, или положением/перемещением другого предмета, в частности, наблюдателя. Признак абсолютной ориентации по *верху—низу* приписывается, например, существитель-

ным *шкаф, картина, самолет, гора, дерево*, а признак относительной ориентации — существительным *кубик, шар, брусок, полено*.

Очевидно, что один и тот же предмет может обладать свойством абсолютной пространственной ориентации по одному измерению и свойством относительной пространственной ориентации по другому. Таковы, например, вагоны электропоезда, абсолютно ориентированные по верху—низу и относительно ориентированные по головной части — хвостовой части и левой стороне — правой стороне. В отличие от этого паровозы абсолютно ориентированы не только по верху—низу, но и по головной части — хвостовой части и относительно ориентированы лишь по левой стороне — правой стороне.

Вообще надо сказать, что абсолютная ориентация по верху—низу встречается чаще, чем абсолютная ориентация по головной части — хвостовой части, а эта последняя — чаще, чем абсолютная ориентация по правой стороне — левой стороне. По правой стороне — левой стороне абсолютно ориентированы преимущественно живые существа, некоторые используемые людьми парные предметы (например, предметы одежды и обуви) и единичные другие объекты, например реки, а в большинстве случаев имеет место ориентация относительно наблюдателя — реального или только воображаемого.

В словосочетаниях типа (68i) и (68ii) выбор нужных значений существительных *верх, низ* обеспечивается следующими средствами (ср. *Wierzbicka 1972: 101*):

(68'i) *Верх* <верхняя часть> X-a = 1. 'та часть Y предмета X, которая при его нормальном положении находится дальше от земли или от точки опоры X-a, чем все другие его части' | X = ('абсолютная ориентация по верху/низу').

(68"i) *Низ* <нижняя часть> X-a = 1. 'та часть Y предмета X, которая при его нормальном положении находится ближе к земле или к точке опоры X-a, чем все другие его части' | X = ('абсолютная ориентация по верху/низу').

(68'ii) *Верх* <верхняя часть> X-a = 2. 'та часть Y предмета X, которая в момент наблюдения находится дальше от земли или от точки опоры X-a, чем все другие его части' | X = ('относительная ориентация по верху/низу').

(68"ii) *Низ* <нижняя часть> X-a = 2. 'та часть Y предмета X, которая в момент наблюдения находится ближе к земле или к точке опоры X-a, чем все другие его части' | X = ('относительная ориентация по верху/низу').

Приведем без комментариев аналогичные значения прилагательных *передний* и *задний*.

(69i) *Передние* <задние> колеса автомобиля <ноги лошади>, *передняя* <задняя> ось автомобиля.

- (69'i) *Передний* $Y X-a = 1$. 'та часть Y предмета X , которая является первой относительно направления нормального перемещения $X-a$ | $X =$ ('абсолютная ориентация по переднему/заднему').
- (69"i) *Задний* $Y X-a = 1$. 'та часть Y предмета X , которая является последней относительно направления нормального перемещения $X-a$ | $X =$ ('абсолютная ориентация по переднему/заднему').
- (69ii) *Передние <задние> машины автопоезда, передние <задние> шеренги колонны демонстрантов.*
- (69'ii) *Передний* $Y X-a = 2$. 'та часть Y предмета X , которая является первой относительно направления его наблюдаемого перемещения' | $X =$ ('относительная ориентация по переднему/заднему').
- (69"ii) *Задний* $Y X-a = 2$. 'та часть Y предмета X , которая является последней относительно направления его наблюдаемого перемещения' | $X =$ ('относительная ориентация по переднему/заднему').

2.3.3. В *Апресян 1974* введено понятие предельных прилагательных, статус которого в то время был не вполне ясен автору. Сейчас достижима несколько большая степень ясности: предельность может рассматриваться как нетривиальный семантический признак (это, впрочем, не единственная мыслимая трактовка; см. примечание 19).

Предельным мы называем прилагательное, обозначающее такое градуируемое свойство, которое имеет максимальную степень (предел). Таковы, например, прилагательные цвета. Если спектр разделить на участки, называемые основными русскими цветообозначениями (*красный, оранжевый, желтый* и т. п.), то максимальной степени (пределу) определенного цвета будет соответствовать середина соответствующего участка. Действительно, на участке красного цвета, например, уклонение в одну сторону будет давать постепенный переход в оранжевый цвет, а уклонение в другую сторону — в фиолетовый. Середина же участка будет соответствовать идеально красному цвету. Аналогичным образом обстоит дело и со всеми другими цветообозначениями.

В соответствии с этим прилагательным цвета приписывается семантический признак предельности.

Как следует из данного выше описания, прилагательное является предельным в двух случаях:

а) либо оно обозначает неградуируемое свойство (ср. *красный* = 'относящийся к революционной деятельности', например, *красная Москва, красные воины*);

б) либо оно обозначает такое градуируемое свойство, которое не имеет максимальной степени (ср. *длинный, высокий, глубокий, далекий*).

Кроме прилагательных цвета предельными в указанном выше смысле являются прилагательные формы (*круглый, квадратный*, ср. *идеально круглый <квадратный>*), основные прилагательные оценки (*хороший, плохой*) и параметрические прилагательные, обозначающие "малый" участок шкалы линейного размера (*короткий, низкий, мелкий, близкий, узкий*).

Последняя группа предельных прилагательных заслуживает нескольких дополнительных замечаний, во-первых, потому, что признак предельности парадоксальным образом разводит в разные классы такие семантически близкие прилагательные, как антонимы типа *высокий* — *низкий*, во-вторых, потому, что у параметрических прилагательных он проявляет себя совсем иначе, чем у прилагательных цвета. И то и другое объясняется спецификой той "наивной геометрии", понятия которой закрепляются в словах естественного языка.

Эта наивная геометрия допускает бесконечное увеличение большинства линейных размеров предметов, но не их бесконечное уменьшение. Так, "большой" участок шкалы высоты не имеет никакой предельной точки: высокий предмет можно бесконечно увеличивать в высоту, и он все равно будет называться *высоким*. Аналогичными свойствами обладают и прилагательные *глубокий*, *далекий*, *длинный*, тоже совместимые с представлением о никак не ограниченном увеличении соответствующего линейного размера или расстояния. Между тем на "малом" участке шкалы высоты <длины и т. д. > предельная точка есть: это — та точка, где перестает действовать шкала высоты (длины) и начинает действовать шкала другого линейного размера или размер вообще.

Если, например, мы будем уменьшать высоту *высокого* сплошного цилиндра, то с какого-то момента его надо будет называть *низким*. При дальнейшем уменьшении высоты наступит момент, когда этот предмет станет *толстым*, а впоследствии — *тонким* и утратит в русском языке право называться *цилиндром*, превратившись с наивной точки зрения в *круг*¹⁷. Взлетная полоса аэродрома может быть *длинной* и *широкой*. Если ее постепенно укорачивать, то рано или поздно она станет *короткой*, а с момента, когда она приобретет форму квадрата, ее нельзя будет называть ни *короткой*, ни тем более *длинной* (у нее останется только размер вообще). Дальнейшее уменьшение того же линейного размера приведет к тому, что он станет оцениваться как *ширина*, а тот линейный размер, который был до этого *шириной*, станет называться *длиной*.

В обоих рассмотренных случаях предельными оказываются точки, в которых один линейный размер превращается в другой.

Как видим, предельность проявляется себя очень по-разному у прилагательных разных семантических классов, в частности, у прилагательных цвета и размера. Поэтому она не может быть сведена ни к какому общему смысловому компоненту в их толкованиях. Это — нетривиальный семантический признак.

Признак предельности распространяется, как легко догадаться, далеко не на все значения прилагательного. Например, он должен быть приписан значениям прилагательных *здоровый*, *короткий*, *красный*, представленным в левой колонке (70i)–(70iii), и не должен быть приписан другим значениям этих прилагательных, представленным в правой колонке (70i)–(70iii):

(70i) *здоровый ребенок* VS. *здоровый черт!* ('очень сильный'),

(70ii) *короткий шнур* VS. *короткое замыкание*,

(70iii) *красный галстук* VS. *красный воин*.

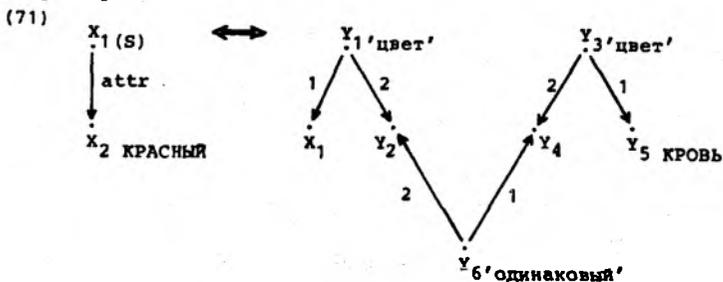
Только предельные прилагательные обладают способностью сочетаться с наречиями типа *совсем, совершенно, абсолютно, идеально*, обозначающими полную степень признака¹⁸. Это и понятно: *совсем <совершенно> низкий (топчан)* обозначает близость свойства "низкий" к его пределу, а *абсолютно <идеально> белый (снег)* обозначает предельную степень белого. Что касается сочетаний типа *совсем <совершенно> высокий (столб), абсолютно <идеально> длинный (ремень)*, то они представляются большинству информантов сомнительными или невозможными, в частности, потому, что в нормальных условиях не имеют смысла. Сказанное позволяет нам сформулировать следующее правило выбора значения прилагательного на этапе ГСС \Leftrightarrow ПСемС:

(70') Если $X_{(A)} \xrightarrow{\text{attr}} Y_{(\text{Adv, 'полная степень'})}$.
 $\text{т о } X = (\text{'предельность'})$ ¹⁹.

3. Толкование значащих единиц языка

С содержательной точки зрения объектом толкования является наивное понятие, закрепленное в языковой единице. В общем случае наивное понятие отличается от научного способом изображения внеязыковой ситуации, фиксацией положения наблюдателя относительно объектов описываемой действительности и указанием того, как говорящий оценивает описываемую ситуацию и какую оценку этой ситуации он предполагает у слушающего. Следовательно, в наивном понятии, кроме внеязыковой ситуации, могут отражаться еще некоторые аспекты ситуации восприятия и ситуации общения (подробнее об этом, а также об эвристических приемах поиска толкований и приемах их верификации см. *Апресян 1974*).

С формальной точки зрения объектом толкования является фрагмент обобщенной ГСС, содержащий толкуемую единицу (ср. *Мельчук 1974а: 178* и сл.), например,

(71) отражает представление о красном как о цвете, одинаковом с цветом крови.

Поддереву $X_1 \xrightarrow{\text{attr}} X_2$ *красный* считается фрагментом обобщенной ГСС, потому что оно представляет не одну ГСС, а большой класс ГСС, в которых лексема *красный* атрибутивно подчинена какому-то существительному.

В действительности положение несколько сложнее: объектом толкования является не один фрагмент обобщенной ГСС, а некоторое множество фрагментов, отражающее все типы синтаксических связей между произвольным существительным и прилагательным *красный*, для которых правило (71) сохраняет силу. В число этих фрагментов входит, в частности, и тот фрагмент, в котором существительное связано с прилагательным через связку, ср. *Солнце было красным*. Дело в том, что и в этом случае для семантической интерпретации прилагательного используется правило (71), а значения времени и наклонения, которыми предложения типа *Солнце было красным* отличаются от словосочетания *красное солнце*, извлекаются не из синтаксических отношений, а из соответствующих граммем глагола-связки.

Представление о том, что объектом толкований является множество фрагментов обобщенных ГСС, является тривиальным, но необходимым уточнением некоторых прежних формулировок, в силу которых объектом толкования считалась ситуационная или сентенционная форма, содержащая толкуемое слово. Это представление прямо вытекает из того факта, что на вход поверхностно-семантического компонента поступают ГСП предложений (перерабатываемые на выходе в ПСемС): чтобы толкование языковой единицы было применимо к ГСП, его левая (входная) часть должна быть записана именно на глубинно-синтаксическом языке. Впрочем, в рамках данной работы это обстоятельство имеет для нас лишь теоретический интерес, ибо наши толкования, как мы уже говорили, будут неформальными.

3.1. Структура толкований

В том, что традиционно считается значением слова или предложения, с давних пор принято различать несколько разных слоев смысла.

Г. Фреге был, по-видимому, первым ученым, выделившим в смысле предложения часть, получившую впоследствии название пресуппозиции (Frege 1892). С тех пор это понятие интенсивно обсуждалось в логической литературе, а с конца 60-х годов (Fillmore 1969) прочно вошло и в лингвистический обиход. Содержательный аналитический обзор различных пониманий термина "пресуппозиция" дан в Garner 1971; нам достаточно указать только то понимание пресуппозиции, которое представляет интерес для теории толкований языковых единиц.

Под пресуппозицией мы будем понимать, в соответствии с безусловно господствующей точкой зрения, ту часть толкования языковой единицы, которая остается неизменной под отрицанием; часть толкования, меняющаяся под отрицанием, называется утверждением. Иллюстрацией понятия пресуппозиции может служить общепринятое толкование основного значения частицы *только*:

- (72) *X* делает только *Y* \cong '*X* делает *Y*, и не существует *Z*, отличного от *Y*, такого, что *X* делает *Z*'.

(73) *X* делает не только $Y \cong$ 'X делает Y, и существует Z, отличный от Y, такой, что X делает Z'.

Как можно видеть из (73), первая часть толкования ('X делает Y') остается неизменной под отрицанием и, следовательно, образует пресуппозицию *только*, а вторая часть толкования отрицается и, следовательно, образует собственно утверждение.

Итак, по одному признаку — отношению к отрицанию — толкование делится на пресуппозиционную и ассертивную части.

С другой точки зрения толкование делится на описание факта, являющегося предметом сообщения (в частном случае — описание ситуации действительности), и описание того, как к этому факту относятся непосредственные участники общения. Более точно, в толкования некоторых языковых единиц необходимо включать оценку описываемой ситуации говорящим и предполагаемое говорящим отношение к этой ситуации со стороны адресата. Указанная часть толкования получила название модальной рамки²⁰. Хотя модальные рамки, даже значительные по объему, вносят реально очень небольшой вклад в значения соответствующих единиц, игнорировать их ни в коем случае нельзя.

Модальные рамки — характерная черта вопросительных, отрицательных, ограничительных, усилительных и выделительных частиц, семантическое описание которых всегда было камнем преткновения для грамматистов и лексикографов. Ниже мы разберем два примера, из которых первый уже упоминался нами в других работах, но здесь рассматривается в новых аспектах.

Во фразах типа

(74 i) *Даже Петя понял объяснение,*

(74 ii) *Петя-то понял объяснение*

все толковые словари русского языка описывают слова *даже* и *-то* как "выделительные или усилительные частицы", употребляющиеся для "подчеркивания того слова или словосочетания, к которому относятся".

На основании подобных объяснений можно сделать вывод, что *даже* и *-то* синонимичны. Между тем (74 i) и (74 ii), различающиеся только этими частицами, воспринимаются скорее как антонимичные высказывания. Корректные толкования должны вскрывать эту интуитивно ощущаемую антонимичность.

(74'i) *Даже X сделал Y* = 'X сделал Y; говорящий считал вероятным, что другие сделают Y; говорящий считал вероятным, что X не сделает Y' (уточнение толкования, заимствованного из *Wierzbicka 1969*).

(74'ii) *X-то сделал Y* = 'X сделал Y; говорящий считал вероятным, что X сделает Y; говорящий считал достаточно вероятным, что другие не сделают Y'.

В (74'i) тот факт, что X сделал Y, представляется говорящему неожиданным, а в (74'ii) — само собою разумеющимся. Кроме того, в (74'i) предполагается, что другие сделают Y, а в (74'ii) допускается, что другие не сделают Y.

Рассмотрим теперь вопросительные частицы *разве* и *неужели* в предложениях типа

(75i) *Разве там можно обеспечить хороший быт?*

(75ii) *Неужели там можно обеспечить хороший быт?*

Другие примеры: *Разве <неужели> вам не страшно?*, *Разве <неужели> ты своего сына не любила?*, *Разве <неужели> они поедут вместе?*, *Разве <неужели> это танк?*, *Разве <неужели> другой должности для тебя не найдется?*, *Разве <неужели> он может нравиться женщинам?*, *Разве мы не обязаны делиться друг с другом?*, *Разве я говорю что-нибудь дурное?*, *Неужели мне суждено провести всю остальную жизнь в одиночестве?*, *Неужели он согласится?*

В *Грамматике 1960*: 645 эти частицы истолкованы следующим образом: "Частица *разве*... выражает сомнение и недоверие или даже уверенность в противоположном"; "Частица *неужели*... выражает сомнение или даже убежденность спрашивающего в противоположном". Из этих толкований можно сделать вывод, что *разве* и *неужели* — точные синонимы. К такому же заключению подталкивают и формулировки словарей: *неужели* = 'разве? возможно ли?', *разве* = 'так ли, правда ли, что?' (*Ожегов: 1972*); *разве* = 'выражает сомнение, недоверие, удивление', *неужели* = 'разве? возможно ли? Кроме вопроса выражает сомнение, недоверие, удивление' (*МАС*); *разве* = '...неужели; возможно ли, что', *неужели* = 'разве' (*БАС*).

Между тем языковая интуиция восстает против того, что *разве* и *неужели* — точные синонимы. Об их существенных смысловых различиях (при довольно большом сходстве) свидетельствует хотя бы тот факт, что с ними связываются совершенно разные интонационные рисунки. Если исключить ситуации логического или эмфатического выделения отдельных слов в предложении, то можно утверждать, что а) на *неужели* всегда падает фразовое ударение, а на *разве* — никогда; б) на *неужели* всегда приходится вершина интонационного контура, а на *разве* — никогда; в) предложение с *неужели* произносится всегда с нисходящим тоном (ИК-2 по *Брызгунова 1969*), а предложение с *разве* — всегда с восходящим (ИК-3 по *Брызгунова 1969*). Крайне маловероятно, чтобы точные синонимы были столь различны в интонационном отношении: ведь интонация очень семантична.

Отправным пунктом при поиске более правильного толкования частиц *разве* и *неужели* могло бы послужить именно это различие в ассоциируемых с ними интонационных контурах. Чисто "интеллектуальное" *разве*, прежде всего, усиливает общий вопрос (ИК-3), центральная идея которого состоит в том, что говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть некое высказывание. Сверх этого, но во вторую очередь, *разве* предполагает, что говорящий, вопреки некоторым обстоятельствам, испытывает сомнения по поводу обсуждаемой ситуации. В повышенно эмоциональном *неужели* основная и периферийная части толкования распределены иначе. *Неужели* в первую очередь выражает удивление говорящего перед лицом фактов или высказываний, которые представляются ему крайне маловероятными, и лишь во вторую очередь усиливает общий вопрос.

В свете сказанного более близкими к существу дела, хотя, видимо, и неисчерпывающими, кажутся следующие толкования:

(75'i) *Разве P?* \cong 'До момента речи говорящий считал, что не P; в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие P; сомневаясь, что P, говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть P'.

(75'ii) *Неужели P?* \cong 'До момента речи говорящий считал, что не P; в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие P; прося адресата подтвердить или опровергнуть P, говорящий сообщает адресату, что ему очень трудно поверить, что P'.

Есть основания полагать, что между понятиями пресуппозиции и модальной рамки имеется определенная связь, однако они отнюдь не совпадают друг с другом. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что понятие пресуппозиции в определенном выше смысле к (75'i) и (75'ii) вообще неприложимо. Если же понимать пресуппозицию более широко (ср. "пресуппозицию вопроса"), то на эту роль могло бы претендовать, например, предложение 'в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, имплицитующие P', между тем как модальной рамкой (75'i) и (75'ii) является все, за исключением именно этого предложения.

По сравнению с понятием пресуппозиции, освященным основательной логической и философской традицией, понятие модальной рамки может показаться несколько импрессионистическим. В связи с этим может возникнуть желание обойтись вовсе без него. В самом деле, почему бы не истолковать *даже* и *-то* не как (74'i) и (74'ii), а как (74"i) и (74"ii):

(74"i) *Даже X сделал X* \cong 'Y сделал Y; вероятность того, что другие сделают Y, была невелика; вероятность того, что X сделает Y, была велика'.

(74"ii) *X-то сделал Y* \cong 'X сделал Y; вероятность того, что X сделает Y, была велика; вероятность того, что другие не сделают Y, была достаточно велика'.

В этих толкованиях все предложения одной природы: все описывают исключительно ситуацию действительности, а не ситуацию общения.

Против сделанного нами предположения свидетельствуют два ряда фактов — факты, касающиеся семантических отношений между языковыми единицами, и факты, касающиеся правильности—неправильности предложений.

В качестве фактов первого рода рассмотрим пары *карлик—великан* и *домик—домище*. Слова типа *карлик—великан* интуитивно воспринимаются как обозначающие противоположности и теоретически трактуются как антонимы: действительно, *карлик* = 'ненормально низкий человек', а *великан* = 'ненормально высокий человек'. Попробуем истолковать аналогичным образом вторую пару слов, семантически как будто близкую к первой: *домик* = 'небольшой дом', *домище* = 'большой дом'. Если бы эти определения были верны, *домик* и

домик и *домище* должны были бы восприниматься в точности так же, как воспринимаются *карлик* и *великан*, т. е. как антонимы. Между тем в действительности *домик* и *домище* воспринимаются скорее как неточные синонимы, и это различие в характере семантических отношений внутри рассматриваемых пар должно быть теоретически объяснено. Введение модальной рамки в толкование слова *домище*, явным образом менее "объективного", чем слова *карлик*, *великан* и *домик*, создает искомую возможность: *домище* = 'дом, и говорящий считает, что дом очень большой, и говорящий хочет, чтобы адресат поверил, что дом очень большой'. Здесь сообщение о величине дома образует не утвердительную часть, а модальную рамку толкования, что вполне удовлетворительно объясняет семантическое различие между парами *карлик—великан* и *домик—домище*: для антонимии необходимо, чтобы исключаящие друг друга смыслы находились, так сказать, в одном и том же месте ПСемС (ср. *карлик—великан*), а не в принципиально разных местах (ср. *домик—домище*).

Перейдем к фактам второго рода, свидетельствующим в пользу модальных рамок, а именно, к объяснению свойств правильности—неправильности некоторых предложений. В *Апресян 1978* было показано, что одним из источников неправильности предложений естественного языка является логическое противоречие. Однако языковая неправильность порождается далеко не всяким случаем логического противоречия. Предложение (76i), при всей его неестественности и неидиоматичности, правильно, хотя и противоречиво:

(76i) *Петя пришел, и другие люди пришли, и вероятность того, что Петя придет и другие придут, была велика, и вероятность того, что Петя не придет и другие не придут, была велика.*

Логическое противоречие обычно не порождает языковой ошибки, если оба противоречащих друг другу смысла находятся в собственно утвердительной части предложения и выражаются лексическими средствами языка. Если же по крайней мере один из противоречащих друг другу смыслов находится в модальной рамке (или пресуппозиционной части) предложения или выражается грамматическими средствами, то логическое противоречие порождает языковую аномалию. Объясняется это, в частности, тем, что модальная рамка (и пресуппозиция) по самой природе вещей должна быть внутренне непротиворечива и не должна противоречить остальному материалу предложения.

Согласившись с этим теоретически естественным и эмпирически хорошо оправданным принципом и толкуя частицы *даже* и *-то* как (74'i) и (74'ii), мы получаем возможность объяснить неправильность предложения

(76ii) **Даже Петя-то пришел.*

Если же эти частицы толкуются как (74"i) и (74"ii) соответственно, то становится совершенно непонятным, почему (76ii) воспринимается как языковая ошибка, а синонимичное ему (76i) — как идеально правильное, хотя и противоречивое предложение.

Последнее существенное различие в структуре традиционных и формальных толкований состоит в следующем: формальные толкования должны быть

размечены таким образом, чтобы к ним можно было применять правила семантических преобразований. Это, в частности, значит, что в толкованиях ряда слов должны быть отмечены смысловые компоненты, которые 1) снимаются (зачеркиваются) в определенном семантическом контексте, 2) заменяются другими смысловыми компонентами в определенном семантическом контексте, 3) являются областями действия определенных смысловых компонентов или целых значений других слов, контекстуально с ними связанных. Две последние ситуации подробно разбираются при изложении правил модификации и области действия в разделе 4.

3.2. Толкования лексических единиц

Наибольший интерес для формальной модели языка и одновременно наибольшую трудность представляет толкование предикатных слов языка, т. е. слов, обозначающих ситуации с одним или более участниками. При толковании таких слов необходимо указать а) всех участников соответствующей ситуации, б) их положения, состояния, постоянные и переменные свойства, в) их взаимоотношения и действия, включая способ осуществления последних. Рассмотрим в качестве примера глагол *прибивать* в значении, представленном во фразах (77i)–(77iii) – ср. также *Апресян 1979*:

(77i) *Дядя прибил табличку к стене,*

(77ii) *Он прибивал доски топором,*

(77iii) *Сапожник прибивает подметку деревянными гвоздями.*

Участниками этой ситуации являются субъект *U* (тот, кто прибивает), объект *W* (то, что прибивается), объект и одновременно место *X* (то, к чему прибивают), инструмент *Y* (например, молоток), и средство *Z* (например, гвозди). Участники обладают следующими свойствами: *U* – существо или целесообразно действующий автомат; *W* – предмет или часть предмета; *X* – предмет или поверхность предмета; *Y* – компактный твердый и достаточно тяжелый предмет; *Z* – тонкий твердый предмет с острым концом. Участники ситуации характеризуются следующими действиями и взаимоотношениями: *U* ударяет *Y*-ом по *Z*-у; в результате ударов *Z* проникает сквозь *W* и углубляется внутрь *X*-а; в результате проникновения и углубления *W* начинает держаться на *X*-е.

Покажем на примере состава участников, что все сказанное необходимо для полного семантического описания глагола *прибивать*.

То, что без субъекта, объекта и объекта-места ситуация прибивания немыслима, вряд ли может вызывать сомнения. Остается обосновать необходимость в инструменте и средстве.

Если мы сравним ситуацию прибивания с похожей на нее ситуацией приклеивания, мы убедимся, что инструмент является необходимым участником первой из них и допустимым, но отнюдь не обязательным участником второй. Можно, например, пользоваться кисточкой для нанесения клея на поверхность прикрепляемого предмета, но вполне можно обойтись и без нее; между тем,

прибивание без инструмента, ударной силой которого мы пользуемся, совершенно немислимо.

Сравнивая далее *прибивать* и *прикреплять*, мы точно таким же образом убеждаемся в необходимости скрепляющего средства в первом случае и его необязательности во втором: прикреплять можно и без инструмента, и без средства. Итак, конституирующими для ситуации прибивания являются все пять названных нами участников: неупоминание хотя бы одного из них сразу дает другие ситуации, описываемые другими словами.

Вместе с тем очевидно, что для описания интересующей нас ситуации названных участников достаточно. Действительно, для прибивания совершенно неважно, например, то, по какой причине, с какой целью, в каком месте и в какое время оно производится. Включение соответствующих актантов в семантическое описание *прибивать* было бы совершенно излишним.

Приведем теперь с минимальными комментариями толкования еще нескольких лексем.

(78i) *X благодарен Y-у за Z* \cong 'Человек Y сделал для пользы человека X добро Z; X помнит Z и чувствует себя обязанным компенсировать Z словесно или добрым делом'.

(78ii) *X неблагодарный* \cong 'Если люди делают для пользы человека X добро Z, то X не помнит Z или не компенсирует Z словесно или добрым делом'.

Благодарен отличается от *неблагодарный* приблизительно так, как процессное (в частности, актуально-длительное) видовое значение от узуального или потенциального. Любопытно, что в русском языке (и в некоторых других европейских) нет однословного выражения для антонимичных смыслов (благодарность как постоянное свойство и неблагодарность как актуальное состояние), хотя эти два смысла не менее полезны, чем два первых.

(79i) *X кричит об Y-е* (например, *Сейчас все критики <все правительственные газеты> кричат о вашей новой пьесе*) \cong 'Многие люди X или многие средства информации X чрезмерно много говорят об объекте Y, преувеличивая значение Y-а'.

(79ii) *X хвастается Y-ом перед Z-ом* = 'Человек X чрезмерно много или с преувеличением говорит человеку Z об объекте Y, который является свойством или частью X-а или связан с X-ом и который представляется X-у ценным, с целью произвести на Z благоприятное впечатление'.

Обратим внимание на эксплицированное в (79i) и (79ii) семантическое сходство между *кричать* и *хвастаться*.

(80i) *X едет на W из Y-а в Z* = 'Человек X перемещается из места Y в место Z, потому что X находится на перемещающемся объекте W, и перемещение в Z является целью Y-а'.

(80ii) *X катается на Y-е* = 'Человек X ездит на объекте Y с целью получения удовольствия от самой езды'.

Отметим, что смысл 'цель' в толковании *ехать* необходим: если у субъекта езды не может быть цели, о нем нельзя сказать, что он *едет*; ср. *Лес везли* <а не **Лес ехал*> на *строительство Ингуурской ГЭС*. Более того, даже если субъект может в принципе иметь цель, но она состоит не в том, чтобы попасть в Z, использование глагола *ехать* неуместно, ср. *Пленных везли* <лучше, чем **Пленные ехали*> в *тыл*. *Ехать* очевидным образом связано с *ездить* (ср. (47i), (47ii)), а *ездить* входит в значение *кататься*, семантический секрет которого состоит в своеобразной рефлексивности: *кататься* — это не просто 'ездить с целью получения удовольствия', как считает большинство толковых словарей, а 'ездить с целью получения удовольствия от самой езды'.

(81i) *X ведет Y-а из W в Q* = 'Существо X каузирует то, что существо Y идет из места W в место Q; одновременно X сам идет из места W в место Q, и перемещение Y-а в Q является целью X-а'.

К *вести* примыкают еще два глагола — *везти* и *нести*.

На первый взгляд кажется, что *везти*, по аналогии с *вести*, можно в первом приближении истолковать как 'каузировать кого-л. ехать и одновременно ехать самому': тогда *идти* — результатив от *везти*, а *ехать* — результатив от *вести*. Примеры типа *Женщины везли на санках свой жалкий скарб* показывают, однако, что эта аналогия — ложная (неверно, что скарб ехал на санках) и что в действительности *везти* и *ехать* связаны друг с другом только через гораздо более общий смысл 'перемещаться, находясь на перемещающемся объекте':

(81ii) *X везет Y-а на Z-е из W в Q* = 'Человек X каузирует то, что объект Y перемещается из места W в место Q, потому что Y находится на перемещающемся объекте Z; одновременно X сам перемещается из места W в место Q, находясь на Z-е или в контакте с Z-ом, и перемещение Y-а в Q является целью X-а'.

Важно, что X обязательно является каузатором перемещения Y-а, но не обязательно — каузатором перемещения транспортного средства Z (ср. *Он решил везти виноград в Москву самолетом*)²¹ и что сам X хотя и перемещается, но не обязательно находится на перемещающемся объекте Z (ср. *Мать везла малыша в коляске*).

С обоими рассмотренными глаголами нетривиальным образом связан глагол *нести*:

(81iii) *X несет Y в/на Z-е из W в Q* = 'Существо X каузирует то, что объект Y перемещается из места W в место Q, потому что X идет или перемещается походом из W в Q, держа Y в/на Z-е — части тела X-а или имея Y в/на емкости Z, которую X держит, и перемещение Y-а в Q является целью X-а'.

Последнее толкование обслуживает два разных типа употреблений *нести*, ср. *Девушка несла кувшин на голове* VS. *Слуга нес письма на подносе*. Что касается употреблений типа *Как ему пришло в голову нести такую сумму в кармане*

пальто?, то мы полагаем, что в них представлено другое значение *нести* (нечто вроде 'иметь при себе').

3.3. Толкования грамматических единиц

Как мы уже говорили, описание значений грамматических единиц — и в этом состоит одна из его главных трудностей — должно выполняться на том же семантическом языке, что и описание значений лексических единиц.

Ниже мы опишем значения двух синтаксических конструкций и некоторые видовые значения.

3.3.1. В *Кжижкова 1967* было обращено внимание на то, что фразы типа *Я знал его в Праге*, содержащие обстоятельство места, выражают, вопреки ожиданию, еще и некоторое временное значение. Ниже дается более детальный, но далеко не исчерпывающий анализ таких фраз и предлагается формальное семантическое правило их интерпретации.

Будем рассматривать фразы типа (i) и контрастирующие с ними фразы типа (ii):

- (82i) *Я знал его в Москве,*
- (82ii) *Моссовет поселил его в Москве,*
- (83i) *Мы познакомились на Кавказе,*
- (83ii) *Мы поселились на Кавказе,*
- (84i) *Он понял это уже в коридоре,*
- (84ii.) *Декораторы повесили картину в коридоре.*

Если обозначить группу сказуемого, за вычетом локативного члена, через *P*, а субъект *P* — через *Y*, то различие между фразами типа (i) и фразами типа (ii) может быть сформулировано следующим образом:

- (i') '*P* в то время, когда *Y* находился в *W-e*' VS. (ii') '*P* в *W-e*'.

Таким образом, конструкции типа (i) и (ii), на первый взгляд полностью совпадающие, семантически существенно отличаются друг от друга.

Перечислим в первом приближении условия, за счет которых в конструкциях типа (i) возникает временное значение (i') (мы отвлекаемся здесь от таких осложняющих факторов, как отличный от нейтрального словопорядок, наличие в предложении модальных слов, наличие других обстоятельств места и времени и т. п. ; их возмущающее действие на смысл предложения должно быть учтено с помощью ряда дополнительных условий):

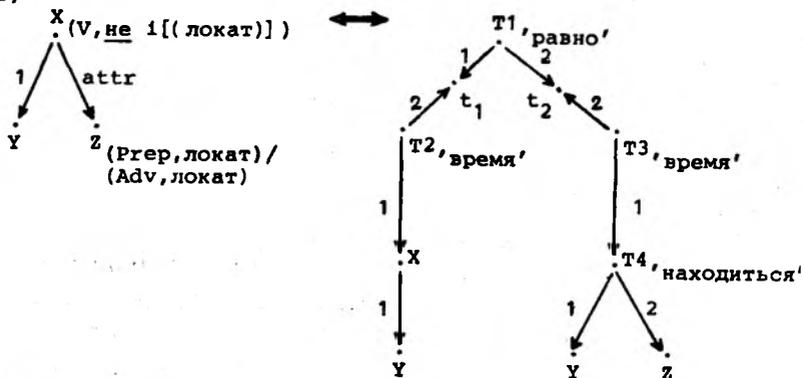
- вершиной конструкции должен быть глагол *X*, не имеющий локативной семантической валентности, т. е. валентности, замещаемой предлогами и наречиями с синтаксическим признаком (локат), ср. *в, на, около, там, здесь* и т. п. ; таковы, в частности, *знать, познакомиться, понять, читать 1 (книгу)* — в отличие от глаголов *поселить, поселиться, повесить, читать 2 (лекции в университете)*, у которых локативная валентность есть;

- у *X*-а в ГСС должно быть атрибутивное зависимое *Z* с синтаксическим признаком (локат);

– либо глагол должен обозначать чисто интеллектуальное, эмоциональное или волевое действие или состояние (будем приписывать таким глаголам специальный семантический признак (α)), либо группа \tilde{z} должна обозначать достаточно большое место или пространство. Последнее условие вводится для различения фраз типа *Он понял это в Париже*, *Он понял это в коридоре*, с одной стороны, и фраз типа *Он читал эту книгу в Париже*, *Он читал эту книгу в комнате*, с другой: глагол *понять* обладает семантическим признаком (α), порождающим осмысление (i') независимо от величины места или пространства, обозначаемого группой \tilde{z} ; в отличие от этого глагол *читать*, не обладающий признаком (α), дает осмысление (i') только тогда, когда группа \tilde{z} обозначает достаточно большое место или пространство (ср. *читал книгу в Париже* VS. *читал книгу в комнате*).

Этой совокупностью условий как раз и выражается смысл 'Р одновременно с нахождением X-а в определенном месте', который различает конструкции типа (i) и (ii)²². Формальное правило семантической интерпретации для описанной синтаксической конструкции, т. е. правило вида ГСС \Leftrightarrow ПСемС, выглядит следующим образом:

(85)

$| x = (\alpha) \text{ или } \tilde{z} = (\text{'большое'})$

3.3.2. В русской грамматике существует долгая традиция изучения вводной конструкции с выражениями, "содержащими оценку степени достоверности сообщения", т. е. со словами и фраземами типа *безусловно*, *вероятно*, *видимо*, *действительно*, *должно быть*, *кажется*, *как говорят* <знают, считают, утверждают>, *как известно*, *конечно*, *может быть*, *несомненно*, *очевидно*, *по вашему*, *по всей вероятности*, *пожалуй*, *по мнению* <по словам, по убеждению> *кого-л.*, *по-моему*, *по-твоему*, *правда*, *разумеется* (см., например, *Пешковский 1935: 363*, *Виноградов 1947: 739*, *Грамматика 1960: 15*, *Золотова 1973: 148*).

Семантическая пестрота перечисленных выше слов (см. *безусловно* и *пожалуй*, *очевидно* и *видимо*, *разумеется* и *кажется* и т. п.) приводит к тому, что в большинстве определений лексическим заполнителям вводной конструкции

интересующего нас типа приписывается способность выражать всю гамму модальных значений – от убежденности или веры до неуверенности или сомнения. У А. М. Пешковского, например, сказано, что в этой конструкции могут выступать "слова и сочетания, показывающие, как говорящий относится к той или иной мысли: верит он в нее или нет". Это не совсем так.

В другой своей работе (Апресян 1978) мы уже говорили, что значение данной вводной конструкции, в отличие от близкой ей по смыслу конструкции с придаточным дополнительным предложением, всегда безусловно утвердительно. Более точно, если предикат вводной конструкции является сам по себе утвердительным (ср. *считать, думать, предполагать, говорить, утверждать, правда, разумеется, возможно, вероятно, по-моему* и т. п.), то при нем не может быть отрицания; если же он является имплицитно отрицательным (ср. *сомневаться, отрицать, маловероятно*)²³, то при нем должно быть отрицание – в противном случае конструкция не будет правильной. Ср.:

- (86i) *Осетровые рыбы, говорят <считают, утверждают> знатоки, утратили свой былой вкус,*
- (86ii) **Осетровые рыбы, не говорят <не считают, не утверждают> знатоки, утратили свой былой вкус.*
- (87i) *Знатоки говорят <считают, утверждают>, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус,*
- (87ii) *Знатоки не говорят <не считают, не утверждают>, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус.*
- (88i) *Осетровые рыбы, не сомневаются <не отрицают> знатоки, утратили свой былой вкус,*
- (88ii) **Осетровые рыбы, сомневаются <отрицают> знатоки, утратили свой былой вкус.*
- (89i) *Знатоки не сомневаются <не отрицают>, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус,*
- (89ii) *Знатоки сомневаются <отрицают>, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус.*

Объяснение описанному феномену следует искать в семантике вводной конструкции. Если обозначить главное утверждение через Р, а предикат вводной конструкции – через R, то значение последней можно будет истолковать следующим образом:

- (90) 'Говорящий цитирует суждение Р, принадлежащее субъекту R-а, и утверждает, что субъект R-а утверждает Р'.

Воспользуемся толкованием (90) для интерпретации (86i) и (86ii). Р – это суждение *Осетровые рыбы утратили свой былой вкус*; R – это любой из встречающихся в наших примерах глаголов собственно вводной конструкции, в частности глагол *считать*. Если при *считать* нет отрицания (см. (86i)), то оказывается, что субъект R-а действительно утверждает Р. Если же при *считать* есть отрицание (см. (86ii)), то получается, что суждение Р не утверждается, а отрицается субъектом R-а: 'не считать, что Р' равнозначно, с точностью

до эмфазы, 'считать, что не Р'. Но тогда между содержанием модальной рамки и Р получается противоречие: говорящий утверждает, что субъект R-а утверждает Р, а фактически субъект R-а утверждает не Р.

Это противоречие объясняет неправильность (86ii). Аналогичным образом объясняется, на основании толкования (90), неправильность (88ii). Наконец, правильность фраз (87) и (89) и в утвердительных, и в отрицательных контекстах объясняется тем, что в их толкованиях вообще нет модальных рамок.

3.3.3. Рассмотрим, наконец, основные значения НЕСОВ и СОВ. Попутно мы коснемся некоторых других вопросов семантики видов, постановка которых является естественным побочным результатом такого рассмотрения. К их числу относятся следующие вопросы: типы семантических различий между НЕСОВ и СОВ, пресуппозиции и утверждения в толковании НЕСОВ и СОВ, соотношение НЕСОВ и СОВ по большей—меньшей смысловой сложности.

Основные значения НЕСОВ и СОВ обычно описываются следующим образом: НЕСОВ выражает нерезультативность и длительность (варианты: продолжительность, процессность, линейность), а СОВ — недлительность и результативность (варианты: законченность, точечность, целостность). Такие квазисемантические определения, по существу, оставляют видовое значение неэксплицированным, и когда в очередной работе, посвященной семантике видов, оказывается, например, что СОВ выражает не результативность (законченность, точечность, целостность), как думали раньше, а "тотальность" (Телин 1978), то не происходит ничего, кроме рождения еще одного синонимичного термина.

Предпринимаемая ниже попытка собственно семантического описания основных значений НЕСОВ и СОВ представляет другое направление аспектологических исследований (Маслов 1948, Вежбицка 1967, Апресян 1974: 83–84, Гловинская 1977а, Гловинская 1977б, Гловинская 1980а). Главный принцип этих исследований состоит в том, чтобы толковать по отдельности каждый из двух членов чистовидовой пары. Тогда, как предполагается в Гловинская 1977а, общая часть двух толкований представляет лексическое значение глагола, а различные части — основные значения НЕСОВ и СОВ соответственно. При таком подходе к описанию семантики видов оказывается, что типы семантических различий между НЕСОВ и СОВ даже в так называемых чистовидовых парах гораздо богаче, чем это предполагается традиционными определениями.

В рамках данной работы мы, естественно, не ставим перед собой задачи охарактеризовать эти типы сколько-нибудь полно. Единственное, что мы можем сделать, — это с помощью нескольких толкований дать общее представление о семантическом разбросе внутри области, которая традиционно трактуется как семантически однородная.

(91i) *Начался дождь* \cong 'В момент t_1 дождь не имел места; в момент t_2 дождь имел место; t_2 позже, чем t_1 '.

(91ii) *Начинался дождь* \cong 'В момент t_1 дождь не имел места; в более поздние моменты t_2, t_3, \dots, t_{n-1} имели место явления P_2, P_3, \dots, P_{n-1} , такие, что каждое P_{i+1} имело больше общих свойств с дождем, чем P_i ; если

процесс P_1, P_2, \dots, P_n развивался нормально, то в момент t_n имел место дождь'.

Смысловое противопоставление 'начаться — начинаться' играет ключевую роль в видовой системе русского языка, потому что к нему сводится большинство противопоставлений, обнаруживаемых в "чистовидовых парах"; ср. *влететь — влетать, взбежать — взбегать, вылить — выливать, зацвести — зацветать, кончиться — кончаться, набить (обруч на кадку) — набивать, отцветсти — отцветать, прекратиться — прекращаться, прилипнуть — прилипнуть, приступить — приступить, разойтись — расходиться, сдвинуть (шапку на лоб) — сдвигать, уехать — уезжать* и многие другие.

(92i) *X разбудил Y-а* (например, *Ивана разбудил звонок <его сын>*) \cong 'Фактор или существо X непосредственно каузировало то, что Y перестал спать'.

(92ii) *X будит Y-а* (например, *Жена <не *звонок!> уже полчаса безуспешно будит Ивана*) \cong 'Существо X воздействует на существо Y с целью каузировать то, чтобы Y перестал спать'.

В случае (92i)–(92ii) имеет место смысловое противопоставление 'Ø — цель', характеризующее, кроме того, пары *выстрелить — стрелять, разбить (окно) — разбивать, убить — убивать, узнать — узнавать* и другие. В связи с этим примером полезно отметить, что, при прочих равных условиях, процессное значение НЕСОВ гораздо чаще, чем результативное значение СОВ, содержит указания на цель действия; ср. аналогичные замечания относительно английских форм Continuous в *Lakoff 1968*.

В (92) граммема НЕСОВ, как мы видели, на смысл 'цель' сложнее, чем граммема СОВ. Однако заключение, что такое соотношение НЕСОВ и СОВ будет иметь место всякий раз, когда в толкование НЕСОВ входит семантическая подструктура вида ' P_1 с целью P_2 ', было бы в высшей степени опрометчивым. Рассмотрим толкования (93i) и (93ii):

(93i) *X решал Y* (например, *Ваня долго решал задачу*) = 'Человек X обдумывал информацию, имеющую отношение к продукту мысли Y, с целью получить ответ на содержащийся в Y-е вопрос'.

(93ii) *X решил Y* \cong 'Человек X обдумывал информацию, имеющую отношение к продукту мысли Y, с целью получить ответ на содержащийся в Y-е вопрос; X получил ответ на этот вопрос'.

Хотя, как видно из (93i), в толкование НЕСОВ входит подструктура вида ' P_1 с целью P_2 ', СОВ, в отличие от (92), оказывается семантически сложнее НЕСОВ. При этом класс глаголов, для которого характерно такое соотношение, по-видимому, не меньше, чем класс глаголов, представленных в (92). К нему принадлежат глаголы *добиваться — добиться, дожидаться — дожидаться, доказывать — доказать, ловить — поймать, обманывать — обмануть* и другие.

Полезно обратить внимание еще на одну деталь. В (93ii) часть толкования до точки с запятой образует пресуппозицию. В самом деле, в предложении

вида *X не решил Y* отрицается только то, что *X* получил ответ на содержащийся в *Y*-е вопрос, но отнюдь не то, что он обдумывал информацию, имеющую отношение к *Y*-у. Между тем в (93i) та же самая часть толкования образует собственно утверждение (*не решал* значит 'не обдумывал...'). Таким образом, различие НЕСОВ и СОВ в данном случае сводится к изменению ассертивной части толкования на пресуппозиционную и к появлению новой ассертивной части ("выкраиваемой" из утвердительной), в которой сообщается о том, что цель действия реализована.

Аналогичное соотношение пресуппозиционной и ассертивной частей имеет место в паре *догнать—догнать*, хотя в других отношениях она устроена иначе, чем пара *решать—решить*. Любопытно, что по своему внутреннему устройству она отличается и от антонимичной пары *оставать—отстать*.

(94i) *X догоняет Y-а* (например, *Машины неслись по автостраде, догоняя и обгоняя друг друга*) \cong 'Объекты *X* и *Y* перемещаются в одном направлении, и *X* находится позади *Y-а*; *X* перемещается быстрее *Y-а*, в результате чего расстояние между *X-ом* и *Y-ом* сокращается'.

(94ii) *X догнал Y-а* \cong 'Объекты *X* и *Y* в моменты t_1, t_2, \dots, t_{n-1} перемещались в одном направлении, и *X* находился позади *Y-а*, и *X* перемещался быстрее *Y-а*, в результате чего расстояние между *X-ом* и *Y-ом* сокращалось; в момент t_n , более поздний, чем момент t_1, t_2, \dots, t_{n-1} *X* поравнялся или приобрел контакт с *Y-ом*'.

В (94i) пресуппозиционная часть (до точки с запятой) меньше, чем в (94ii); в последнем случае в пресуппозицию входит высказывание '*X* перемещался быстрее *Y-а*, в результате чего расстояние между *X-ом* и *Y-ом* сокращалось', которое выступает в качестве собственно утверждения в (94i). В самом деле, в *X не догоняет Y-а* отрицается именно то, что *X* перемещается быстрее *Y-а* (со всеми вытекающими последствиями). Между тем, когда мы говорим *X не догнал Y-а*, мы отрицаем только то, что *X* поравнялся с *Y-ом* или вошел с ним в контакт; допускается, что до момента t_n *X* мог перемещаться быстрее *Y-а* и что, следовательно, расстояние между ними могло сокращаться.

(95i) *X кончался около Y-а* (например, *Дорога кончалась около леса*) \cong 'Конец пространственного объекта *X* находился в месте *M*, которое находится около неподвижного объекта *Y*'.

(95ii) *X кончился около Y-а* (например, *Дорога кончилась около леса*) \cong 'Конец пространственного объекта *X* находился в месте *M*, которое находится около неподвижного объекта *Y*, и говорящий мыслит наблюдателя, перемещавшегося по *X-у*, сознание которого зарегистрировало этот факт'.

В этой весьма нетривиальной паре в толкование СОВ входит указание на фигуру наблюдателя, которая вводится говорящим в число объектов описываемой им ситуации действительности. Этот тип семантических различий, никогда, насколько известно автору, не упоминавшийся в аспектологической литературе, при всей своей экстравагантности отнюдь не уникален. Он же

представлен в парах *начинаться — начаться* (*Тропа начинается <началась> около озера*), *доходить — дойти*, *обрываться — оборваться*, *поворачивать — повернуть* (*У верстового столба дорога поворачивает на юг — У верстового столба дорога повернула на юг*) и в некоторых других.

В (91) и (92) НЕСОВ был семантически сложнее СОВ; в (93)–(95) СОВ семантически сложнее НЕСОВ; приводимый ниже пример (96) представляет собой случай семантической равносложности СОВ и НЕСОВ:

(96i) *X мешал Y-у сделать P* \cong 'Своими действиями или свойствами W существо X каузировало то, что Y-у было трудно сделать P'.

(96ii) *X помешал X-у сделать P* \cong 'Своими действиями или свойствами W существо X каузировало то, что Y-у было невозможно сделать P'.

В (96) имеет место нестандартное семантическое противопоставление граммем НЕСОВ и СОВ, сводимое к различию 'трудно' — 'невозможно'. Любопытно, что в паре *затруднять — затруднить*, семантически близкой к паре *мешать — помешать*, представлен вполне стандартный тип семантических различий между НЕСОВ и СОВ.

Обилие типов семантических различий между основными значениями НЕСОВ и СОВ создает по крайней мере три возможности описания соответствующих фактов:

1) Вид считается словоизменительной категорией. Тогда все возможные типы различий между основными значениями НЕСОВ и СОВ, включая нестандартные, описываются в грамматике. В словаре помещается только одна видовая форма — та, которая в данной паре является лексикографически исходной (в частном случае — семантически менее сложной), а значение другой формы вырабатывается на основе этой словарной информации и отсылки к соответствующему правилу грамматики.

Принимая такое описание, необходимо считаться с тем, что число одних стандартных типов различий между двумя основными значениями НЕСОВ и СОВ, т. е. без учета так называемых частновидовых значений, может достигать нескольких десятков (см. *Гловинская 1980а*). Это является достаточным основанием для того, чтобы усомниться в словоизменительном статусе видов в русском языке.

2) Виды — не чисто словоизменительная категория, а особая категория видообразования, промежуточная между словоизменительной и словообразовательной. Со словоизменением их роднит то, что они охватывают целиком такую важную в строе языка часть речи, какой является глагол, а со словообразованием — то, что значения видов очень фразеологизованы и тесно переплетаются с лексическими значениями соответствующих основ. Тогда в грамматике можно было бы описать несколько наиболее богато представленных типов семантических различий между НЕСОВ и СОВ (в частности, (91) — (93)), а все, что в них не укладывается, считать случаями фразеологизации значений вида, подлежащими описанию в словаре. В соответствии с этим глаголы должны лексикографически обрабатываться двумя разными способами: если соот-

ношение между основными значениями НЕСОВ и СОВ целиком укладывается в один из выделенных в грамматике типов, то в словарь помещается только одна видовая основа, а значение другой вырабатывается так же, как в описании первого типа; если же это соотношение укладывается в один из выделенных типов лишь частично или вовсе не укладывается ни в один тип, в словарь помещаются обе видовые основы с самостоятельными словарными статьями.

Мы убеждены в том, что особенности видов русского языка будут лучше всего схвачены именно таким описанием. Однако на нынешней стадии исследования семантики видов, когда нужным образом описано всего несколько сотен глагольных лексем, практически наиболее удобным может оказаться третий тип описания.

3) Виды обрабатываются как словообразовательная категория: каждая из двух видовых основ, независимо от типа семантических различий между НЕСОВ и СОВ, помещается в словарь и снабжается самостоятельной словарной статьей, включая и толкование.

3.4. Условия реализации значений

Семантические правила, как и все остальные правила модели "Смысл \Leftrightarrow Текст", трехчастны: они состоят из преобразуемого объекта (в нашем случае — ГСС), продукта преобразования (в нашем случае — ПСемС) и условий применения преобразования.

Эти последние представляют самостоятельный интерес, так как показывают, от какого громадного числа самых разнообразных факторов — семантических, синтаксических, морфологических, сочетаемостных, стилистических и даже фонетических — зависит реализация значений языковых единиц. Сколько-нибудь полный обзор столь обширного круга факторов требует отдельного большого исследования. Ниже мы сумеем выборочно проиллюстрировать те правила ГСС \Leftrightarrow ПСемС, которые с указанной точки зрения представляются нам содержательно нетривиальными.

3.4.1. Семантические факторы. Значение глагола *видеть*, реализующееся во фразе

(97i) Ты уже видел этот фильм <балет, спектакль>?

семантически абсолютно синонимично одному из значений глагола *смотреть*; ср.

(97ii) Ты уже смотрел этот фильм (балет, спектакль)?

Различие между ними состоит лишь в условиях реализации. *Смотреть* в "зрелищном" значении не связано никакими семантическими ограничениями. Между тем *видеть* в "зрелищном" значении реализуется лишь в прошедшем общефактическом (см. (97i)). Невозможна его реализация ни в каких других временах (см. (98), (99)) и ни в каких других значениях прошедшего времени (см. (100), (101)):

(98i) *Завтра мы будем видеть балет на льду,

(98ii) Завтра мы будем смотреть балет на льду,

- (99i) *Он видит сейчас передачу по телевизору,
- (99ii) Он смотрит сейчас передачу по телевизору,
- (99iii) *Завтра он видит балет на льду,
- (99iv) Завтра он смотрит балет на льду,
- (100i) *Когда я вошел, он видел передачу по телевизору,
- (100ii) Когда я вошел, он смотрел передачу по телевизору,
- (101i) ?Каждый день мы шли в "Лужники" и видели балет на льду,
- (101ii) Каждый день мы шли в "Лужники" и смотрели балет на льду.

3.4.2. Синтаксические факторы. Здесь мы рассмотрим некоторые проблемы описания значения глагола *быть* (см. также раздел 1.5.).

Один из главных синтаксических факторов, определяющих возможность реализации значения предикатного слова, — это наличие в тексте требуемых им управляемых форм. В модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" информация о том, каких управляемых форм по той или иной валентности требует данная лексема, задается с помощью объекта, называемого моделью управления.

Глагол *быть* во всех своих неспомогательных значениях — локативном, посессивном, экзистенциальном, связочно-классифицирующим и связочно-идентифицирующем — имеет по две валентности, из которых первая всегда оформляется одинаково — именной группой в именительном падеже (за исключением случаев мены именительного на родительный в контексте отрицания, собирательного числительного, количественного наречия). Вторая валентность в подавляющем большинстве случаев реализуется разными формами.

Для локативного значения — это формы вида (Adv, локат) или (Prep, локат):

- (102) *Отца там <на работе, в комнате, под навесом> не было.*

Для посессивного значения — это формы вида *у* (S)_{род}, *у* (Num)_{род} и другие подобные:

- (103) *У каждого человека есть враги.*

Вторая семантическая валентность экзистенциального значения синтаксически, то есть в виде управляемой формы, вообще не реализуется (представление о двухвалентности экзистенциального значения заимствовано из Падучева 1974):

- (104) *В декабре было несколько случаев аварий, сопровождавшихся человеческими жертвами.*

У связочно-классифицирующего значения вторая валентность реализуется формами вида (S)_{твор}, (A)_{твор}, (S)_{им}, (A)_{им}, (S)_{род}, (A)_{крат}, (A)_{сравн}, (Num), (Adv), (Prep) (S):

- (105i) *Его сын был первопроходцем <первым, кто исследовал притоки Усури>,*
- (105ii) *Он капитан милиции,*
- (105iii) *Ситуация сложная,*
- (105iv) *Какого он был возраста?,*
- (105v) *Профессор был еще очень молод <моложе своей жены>,*

- (105vi) *Их было пятеро,*
 (105vii) *Водопроводчик был навеселе,*
 (105viii) *Он был из крестьян.*

Наконец, в связочно-идентифицирующем значении вторая валентность *быть* оформляется только именительным падежом существительного:

- (106i) *Это был стол <камин, Джон>,*
 (106ii) *Столица Франции — Париж,*
 (106iii) *Мой брат — вон тот человек.*

Идентифицирующее значение *быть* имеет и другие интересные синтаксические и семантические особенности и будет обсуждено более подробно. Это тем более необходимо потому, что в словарях оно никогда не описывалось отдельно от классифицирующего значения, хотя логикам идентифицирующее значение известно еще со времен Аристотеля, а в грамматике связанные с ним проблемы интенсивно дискутируются по крайней мере в течение полустолетия (см., например, *Пешковский 1935: 127, 211–219; Арутюнова 1976: 300–325*, с дальнейшей библиографией).

1. Идентифицирующее значение требует референтности обеих именных групп: и группа подлежащего, и группа предикатива должны обозначать конкретный, определенный объект (именно этим объясняется частое употребление в них дейктических местоимений).

2. В идентифицирующем значении *быть* управляет только именительным падежом предикатива, независимо от того, в каком времени он употреблен, между тем как в классифицирующем значении в прошедшем и будущем времени предпочитается творительный падеж предикатива (ср. семантическое противопоставление в *Этот человек был мой брат* VS. *Этот человек был моим братом*).

3. Управляемым при идентифицирующем значении может быть только существительное или синтаксически эквивалентная ему именная группа, но не прилагательное, наречие, числительное или предложно-именная группа.

4. В ряде случаев *быть* в идентифицирующем значении согласуется в роде и числе не с подлежащим, а с предикативом (*Это была та же самая девочка, Это был тот же самый мальчик, Это были те же самые дети*).

Рассмотрим еще одно значение глагола *быть*, представляющее исключительный интерес с точки зрения условий его реализации — локативное. Фразы типа

- (107i) *Отец был на море*

омонимичны: они могут значить либо то, что отец в принципе бывал на море (общефактическое нерезультативное значение НЕСОВ), либо то, что отец в какой-то фиксированный момент находился на берегу моря (процессное значение НЕСОВ).

Под отрицанием возможны две разные формы таких фраз — с сохранением именительного падежа подлежащего (107ii) и с изменением именительного падежа подлежащего на родительный (107iii).

(107ii) *Отец не был на море,*

(107iii) *Отца не было на море.*

В отличие от (107i), фразы (107ii) и особенно (107iii) неомонимичны. Первая из них понимается скорее в общефактическом значении, а вторая — только в процессном. Следовательно, условием реализации общефактического значения НЕСОВ глагола *быть* в отрицательном предложении является сохранение именительного падежа подлежащего, а условием реализации процессного значения — изменение именительного падежа подлежащего на родительный.

Указанное свойство является, по всей видимости, специфичным для *быть*²⁵ и подлежит фиксации в его словарной статье.

3.4.3. Морфологические факторы. Обсуждая глаголы *видать* и *слыхать* (см. раздел 2.2.), мы уже отмечали, что они не употребляются в будущем и настоящем времени. Аналогичным свойством обладают бесприставочные глаголы так называемого многократного способа действия, для которых формы настоящего времени (**хаживаю, *сизиваю*) невозможны совсем, а формы будущего времени в высшей степени сомнительны.

У глагола *сопровождать* в значении, представленном в

(108i) *Автор сопровождает <сопроводил> текст примечаниями*

есть обе видовые формы, а в значении, представленном в

(108ii) *Бред сопровождал лихорадку —*

только одна, а именно форма НЕСОВ (ср. неправильность **Бред сопроводил лихорадку*).

У *разглядеть* (*Он издали разглядел своего коня; Я не разглядел, кто стоял передо мной*) нет формы НЕСОВ, а у *разглядывать* (*Девочка внимательно разглядывала картинки*) нет формы СОВ.

Одно из значений глагола *позволить* реализуется только в повелительном наклонении (*Позвольте, позвольте, я ничего подобного не говорю!*).

Когда мы говорим о морфологических факторах, определяющих возможности реализации тех или иных значений, мы имеем в виду ограничения именно такого рода. Разумно предположить, что для любой части речи, имеющей парадигму формообразования, найдется слово с таким значением, условием реализации которого будет закрепление в некоторых выделенных формах этой парадигмы.

3.4.4. Сочетаемость факторы. До сих пор мы рассматривали семантические, синтаксические и морфологические свойства самого слова *X* в качестве условий реализации значения или значений этого слова. Однако возможность реализации определенного значения слова может зависеть и от различных свойств других слов, с которыми данное слово так или иначе связано в пределах предложения. Сведения об этих свойствах мы будем называть сочетаемостной информацией.

Сочетаемостная информация о слове *X* в значении '*X*₁' может специфицировать 1) семантические, 2) лексические, 3) синтаксические, 4) морфологические, 5) стилистические и, может быть, некоторые другие свойства единицы *Y*,

с которой *X* связан непосредственной или опосредствованной синтаксической зависимостью. Рассмотрим несколько примеров.

Глагол *мучиться* [*X*] имеет валентность причины, выражаемую формами *от* (*S*)_{род} и (*S*)_{твор}[*Y*]. В первой из них существительное чаще имеет значение физического состояния, а во второй — чаще значение интеллектуального или эмоционального состояния (семантическая сочетаемостная информация):

(109i) *Солдаты мучились от жажды <от голода, от зноя>*,

(109ii) *Он мучился сомнениями <догадками, ревностью, сознанием собственного бессилия>*.

Глаголы типа *везти, возить, доставлять, ездить, летать, плыть* в значении перемещения имеют семантическую валентность инструмента, реализуемую формами (*S*)_{твор} и *на* (*S*)_{пред}. Во втором случае речь может идти о любом транспортном средстве, а в первом — только о некоторых. Для глагола *везти*, например, это — *поезд, пароход, самолет*, но обычно не *собаки, лошади, телеги, велосипед* и т. д. (лексическая сочетаемостная информация):

(110i) *Пушину в столицу решили везти на поезде <на самолете, на собаках, на лошадях, на телегах>*,

(110ii) *Пушину в столицу решили везти поездом <самолетом, ?собаками, ?лошадьми, ?телегами>*.

Валентность содержания при глаголе *считать* выражается, наряду с другими формами, формой (*S*)_{вин}, в которой позицию существительного замещают только слова с синтаксическим признаком местоименности (синтаксическая сочетаемостная информация):

(111i) *А что вы считаете?*,

(111ii) *Я считаю следующее.*

Лексема *давать* 14 (побудительное значение, только ПОВЕЛ) управляет глаголом первого лица множественного числа будущего времени (морфологическая сочетаемостная информация):

(111iii) *Давайте остановимся (поговорим).*

4. Правила взаимодействия значений

Соединяясь друг с другом, значения отдельных единиц, подобно звукам в слитной речи, могут подвергаться взаимовлияниям и существенно видоизменяться. Излишне говорить, что законы, по которым это происходит, должны быть тщательно изучены, описаны и сделаны доступными для использования.

Проблематика взаимодействия значений является относительно новой не только для традиционной грамматики и лексикографии, которые ею вообще не занимались, но и для современной теоретической лингвистики. Она родилась всего около 15 лет назад. Однако разрабатывалась эта область столь интенсивно, что за сравнительно короткий срок были получены значительные по объему результаты. Обозреть и систематизировать их в данной работе мы не сможем и поэтому ограничимся изложением наших собственных наблюдений на

эту тему и некоторых наблюдений, накопленных в ходе разработки словарного компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст".

Законы взаимодействия значений воплощаются в семантическом компоненте модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" в виде правил построения ПСемС для поддеревьев ГСС из ПСемС всех содержательных элементов, которые входят в состав этих поддеревьев.

По признаку того, каков объем класса единиц, на который распространяется правило, все правила такого рода делятся на общие (грамматические) и частные (словарные).

По признаку того, каков характер задаваемого ими семантического преобразования, они делятся на правила области действия, правила модификации и правила зачеркивания. Последний тип правил подробно описан в *Апресян 1974: 84-94*, и здесь мы не будем к нему возвращаться.

4.1. Общие и частные правила

4.1.1. Начнем с общих правил.

4.1.1.1. Рассмотрим предложение вида (112i) и его отрицание (112ii):

(112i) *X требует, чтобы Y сделал Z* = 'X побуждает Y-а сделать Z, и X считает, что Y должен сделать Z',

(112ii) *X не требует, чтобы Y сделал Z* = 'X не побуждает Y-а сделать Z или X не считает, что Y должен сделать Z'.

Отрицательным предложениям с глаголом *требовать* должно быть дано именно дизъюнктивное толкование (112ii). Только такое толкование способно объяснить интуитивно хорошо ощущаемое различие ситуаций, которые могут быть описаны фразами типа *Я не требую, чтобы вы сделали доклад*: я либо не побуждаю вас сделать доклад, либо не считаю, что вы должны его сделать, либо и не побуждаю, и не считаю²⁶. Тогда соотношение между (112i) и (112ii) идеальным образом укладывается в известную равносильность исчисления высказываний:

(112ii) не (P и Q) = не P или не Q.

Действительно, ... *не требует...* = '... не (побуждает... и считает...)' = '... не побуждает ... или не считает...' = '...либо не побуждает..., либо не считает..., либо не побуждает... и не считает...'.

(113i) *X боится, что P* (например, *Я боюсь, что сектор расформируют*)
 \cong 'X считает P высоковероятным, и X считает P нежелательным'
 (модификация толкования из *Иорданская 1970: 23*),

(113ii) *X не боится, что P* \cong 'X не считает P высоковероятным или X не считает P нежелательным'.

На основании (112), (113) и других подобных примеров можно подозревать, что в случае, если в толкование некоторой языковой единицы входит конъюнкция ('и'), она взаимодействует с отрицанием по упомянутому выше правилу исчисления высказываний. Это правило заносится в список общих

правил семантического компонента. Исключения из него оговариваются в описаниях (в частном случае — словарных статьях) тех языковых единиц с юнктивно организованными значениями, которые ему не подчиняются.

4.1.1.2. Анализируя значение отрицательной частицы, О. Есперсен в свое время пришел к выводу, что «во всех (или в большинстве) языков» она «означает "меньше чем"» (*Есперсен 1958: 377*; первое изд. 1924 г.). О. Есперсен приводит примеры трех типов: (а) *not lukewarm* '(даже) не тепловатый', *not half full* 'не заполненный (даже) наполовину'; (б) *He does not read three books a year* 'Он не читает и трех книг в год', *He does not see her once a week* 'Он не видит ее и один раз в неделю'; (в) *The hill is not two hundred feet high* 'Высота горы не достигает двухсот футов', *His income is not 200 pounds a year* 'Его доход не составляет 200 фунтов в год'.

Отдавая должное этим наблюдениям, мы бы хотели отметить, что ни одно из них не является вполне верным, во всяком случае для русского языка.

Предложения с количественными дополнениями и обстоятельствами допускают не одну ("уменьшительную"), а три разные интерпретации: "уменьшительную", чисто отрицательную и "увеличительную".

Поэтому, следует отдать предпочтение другому описанию фактов и усматривать здесь не особое значение отрицательной частицы (ибо тогда ей пришлось бы приписать и значение 'меньше', и значение 'больше'), а особое правило взаимодействия значений или, может быть, особое значение синтаксической конструкции (ср. *Апресян 1974: 81–82*).

Главным фактором, определяющим выбор одной из трех возможных интерпретаций предложений с количественными дополнениями или обстоятельствами, является сфера действия отрицательной частицы *ne*. Если в сферу действия *ne* входит только глагол, получается чисто отрицательное осмысление, а если она распространяется на глагол вместе с количественным зависимым, то получается "уменьшительная" или "увеличительная" интерпретация.

Сфера действия отрицания в свою очередь зависит от следующих четырех факторов²⁷:

- а) типа значения глагола,
- б) наличия/отсутствия у глагола валентности количества,
- в) значения количественного зависимого,
- г) способа предложно-падежного оформления количественного зависимого.

Эти факторы имеют разную силу и, действуя в разных комбинациях, создают следующие четыре ситуации:

1. Возможна только отрицательная интерпретация. Она возникает при следующей комбинации названных выше факторов: а) глагол имеет не стивное значение; б) у него есть валентность количества; в) количественное дополнение имеет не временное значение; г) количественное дополнение оформляется не винительным падежом.

- (114) Он не купил <не продал <не сдал, не снял>> дачу за сто рублей (акт купли-продажи <аренды> на указанных денежных условиях не состоялся).

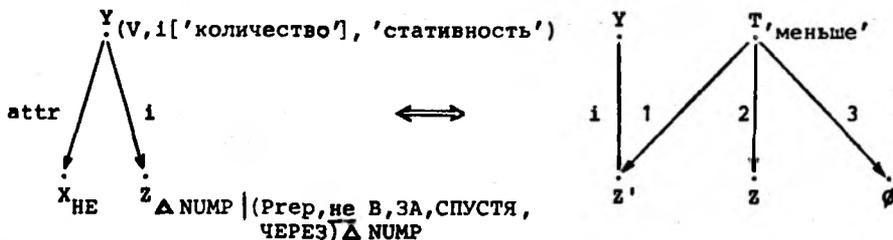
2. Возможна только "уменьшительная" интерпретация. Она возникает при следующей комбинации факторов: а) глагол имеет стативное значение; б) у него есть валентность количества; в) количественное дополнение может иметь любое значение; г) временное количественное дополнение оформляется не предлогами *в, за, спустя, через*.

Указанными свойствами обладает большая группа глаголов русского языка, ср. *бить* (*Ружье бьет на километр*), *весить* (*пять килограмм*), *вмещать* (*три литра*), *делать* (*сто оборотов в минуту*), *длиться* (*два часа*), *достигать* (*роста человека*), *доходить* (*до сорока градусов*), *насчитывать* (*5000 жителей*), *превосходить* (*на пять процентов*), *прождать* (*кого-л. час*), *прожить* (*две недели*), *рассчитан* (*на 100 зрителей*), *составлять* (*200 фунтов*), *стоить* (*пять рублей*) и другие.

- (115) X не стоит <не весит,...> P (например, *Пальто не стоит 50 рублей, Мешок не весит 50 килограмм*) = 'X стоит <весит,...> меньше, чем P'²⁸.

В общем виде и формально:

- (115')

3. Возможна только "увеличительная" интерпретация. Она возникает при следующей комбинации факторов: а) значение глагола — любое, б) валентность количества может отсутствовать, в) количественное зависимое — дополнение или обстоятельство — имеет временное значение, г) количественное зависимое оформляется предложно-именной группой с предлогами *в, за, спустя, через*.

- (116i) Он не написал книгу за год (если книга была написана, то на это потребовалось больше времени),
 (116ii) Деревья не распускаются за пять дней (распускаются больше, чем за пять дней),
 (116iii) Он не возвратится через три минуты <пять минут спустя> (возвратится через больший промежуток времени).

4. Возможна — при разных областях действия частицы *не* — "уменьшительная" или отрицательная интерпретация (ситуация омонимии).

Эта ситуация возникает при следующих двух комбинациях факторов:

1) либо а) глагол не стативен, б) валентность количества может отсутствовать, в) количественное зависимое — дополнение или обстоятельство — имеет любое значение, г) количественное дополнение оформляется винительным падежом, а временное количественное обстоятельство — не предложениями *в, за, спустя, через*; 2) либо а) глагол стативен, б) у него нет валентности количества, в) количественное обстоятельство имеет временное значение, г) количественное обстоятельство оформляется не предложениями *в, за, спустя, через*.

(117i) *Крейсер не плавал два года* (либо плавал меньше двух лет, либо в течение двух лет не плавал совсем),

(117ii) *Он не истратил <не израсходовал> десять рублей* (либо израсходовал меньше десяти рублей, либо израсходовал все, за исключением десяти рублей),

(117iii) *Он не прошел три мили* (либо прошел меньше трех миль, либо прошел все расстояние за исключением последних трех миль),

(117iv) *Он не прыгнул на три метра* (либо прыгнул меньше, чем на три метра, либо вообще еще не прыгал на три метра),

(117v) *Картина не висела <не лежала> там месяц* (либо висела <лежала> там меньше месяца, либо в течение месяца ее вообще там не было).

Имеется несколько исключений из этих правил. В том виде, как они были нами сформулированы (см. пункты 1.–4.), они не распространяются на слова *успевать — успеть, хватать — хватить, достаточно, равняться, равен* и некоторые другие. Все эти слова, хотя и по разным причинам, допускают только отрицательное осмысление, хотя и не обладают некоторыми из свойств а) — г), перечисленными в пункте 1:

(118i) *Мне не хватило 40 минут <литра воды>* ('Мне нужно было больше, чем 40 минут <литр воды>')²⁹,

(118ii) *Я не успел сделать это за три дня* ('Мне нужно было больше, чем три дня, чтобы сделать это')²⁹,

(118iii) *Площадь участка не равна двум гектарам* (либо меньше, либо больше двух гектаров).

Тем не менее все четыре данных выше правила (ср. вполне строгую формулировку (115')) распространяются не на отдельные слова, а на целые группы слов и имеют, таким образом, достаточно общий характер.

4.1.2. Рассмотрим теперь два примера частных правил.

4.1.2.1. Предложение (119), произнесенное с нейтральной интонацией, омонимично и понимается либо в смысле (119'), либо в смысле (119''):

(119) *Вы не должны ходить туда.*

(119') 'Вам можно не ходить туда'.

(119'') 'Вам нельзя ходить туда'.

Как было предположено в *Апресян 1974: 114*, осмысление (119') получается на основании правил (120i) – (120iii), а осмысление (119'') – на основании правил (120i), (120iii) и (120iv):

(120i) $X \text{ должен } P \cong 'X\text{-у нельзя не } P'$.

(120ii) $X\text{-у нельзя } P \cong 'X\text{-у не можно } P'$.

(120iii) $'X_{\text{не}} \rightarrow Y_{\text{не}} \rightarrow P' = P'$,

(120iv) $X_{\text{не}} \xleftarrow{\text{attr}} P \quad Q' = 'P \quad X_{\text{не}} \quad Q'^{30}$.

Действительно,

(119) *Вы не должны ходить туда* =
'Вам не нельзя не ходить туда' =
'Вам не не можно не ходить туда' =
'Вам можно не ходить туда', т. е. (119').

(119) *Вы должны ходить туда* =
'Вы должны не ходить туда' =
'Вам нельзя не не ходить туда' =
'Вам нельзя ходить туда', т. е. (119'').

В дополнение к сказанному мы бы хотели обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство. Казалось бы, что правило смещения отрицания, действующее на таких "логических" словах, как отрицательная частица *не* и модальные глаголы, прилагательные и наречия, должно быть достаточно общим. Оно действительно допускает обобщения (см. предлагаемое ниже понятие "смещенного наречия"), но не на материале модальных слов. Даже такие (квази)синонимичные *должен* слова, как *обязан* и *следует*, не обладают свойством порождать омонимию рассматриваемого типа. Для отрицательных предложений с прилагательным *обязан* возможно только первое осмысление (разрешение не делать чего-л., см. (121)), а для отрицательных предложений с глаголом *следует* – только второе (запрещение делать что-л., см. (122)):

(121) *Вы не обязаны ходить туда* \cong 'Вам можно не ходить туда'.

(122) *Вам не следует ходить туда* \cong 'Вам нельзя ходить туда'.

Таким образом, информация об областях действия отрицательной частицы *не* в рассматриваемом случае не может быть задана никакими общими правилами. Она должна быть занесена непосредственно в словарные статьи слов *должен* и *следует* (в поведении *обязан* относительно *не* ничего специфичного нет).

4.1.2.2. Во фразах типа (123) частица *чуть не* имеет три разные области действия в толковании глагола *убить* и создает, соответственно, три разные возможности понимания описываемых ими ситуаций (ср. (15) и (16)):

(123) *Джон чуть не убил его*.

(123') 'Джон чуть не каузировал то, что он стал мертвым'.

(123'') 'Джон каузировал то, что он чуть не стал мертвым'.

(123''') 'Джон каузировал то, что он стал чуть не (=почти) мертвым'.

Некоторые теоретики порождающей семантики (см., например, *McCawley 1968a*, где были впервые рассмотрены такие примеры) сочли (123') – (123'') общим правилом грамматики, применимым к любым семантическим представлениям (толкованиям), в которые входит подструктура вида 'каузировать то, что X начал <перестал> иметь свойство или состояние P'. Это утверждение ошибочно. В лучшем случае (123') – (123''') верно для *убить* в основном значении и еще нескольких подобных глаголов. Другие глаголы ему не подчиняются, хотя в их толкованиях и входит требуемая семантическая подструктура; предложения (124i)–(124iii) описывают каждое ровно одну ситуацию:

(124i) *Подражание старым мастерам чуть не убило его оригинальное дарование* ('...каузировало перестать существовать'),

(124ii) *Его чуть не расстреляли* ('...каузировали стать мертвым в порядке наказания путем стрельбы из стрелкового оружия'),

(124iii) *Он чуть не заразил меня тифом* ('...каузировал стать больным').

Следовательно, (123')–(123''') – частное правило, подлежащее фиксации в словарных статьях тех лексем, которые ему подчиняются.

4.2. Правила области действия

Существует четыре разновидности правил семантической области действия:

- областью действия слова X является то слово Y, которое непосредственно связано с X-ом в ГСС (нормальный случай);
- областью действия слова X является не одно слово Y, непосредственно связанное с X-ом в ГСС, а синтаксическая группа \bar{Y} , т. е. Y и все непосредственно или опосредованно зависящие от него слова (ситуация "мешка");
- областью действия слова X является слово Y, которое в ГСС непосредственно с X-ом не связано (ситуация смещения);
- областью действия слова X является не слово (или группа слов) Y целиком, а определенный компонент в ПСемС слова Y (взаимодействие на семантически субмолекулярном уровне).

Интересны для нас лишь три последние разновидности.

4.2.1. Наречие *постепенно* в ГСС предложений типа

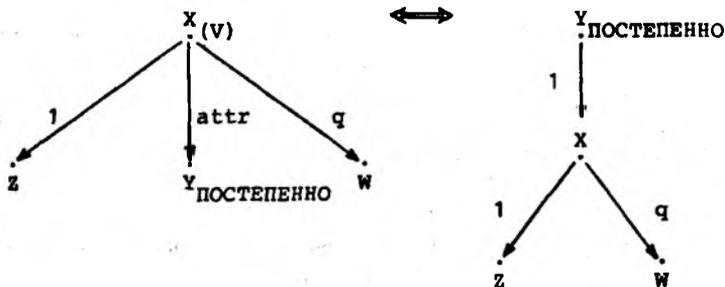
(125i) *Пришло время расставаться, товарищи постепенно уезжали один за другим* (И. Гончаров)

синтаксически подчинено глаголу, однако семантически (в ПСемС) связано не только с глаголом, но со всей глагольной группой *товарищи уезжали один за другим*: очевидно, что предикат *постепенно* должен иметь в качестве своего аргумента название разворачивающегося во времени процесса (сначала уехал один товарищ, затем – другой, затем – третий и т. д., причем временные интервалы между отъездами были приблизительно равными), а не название одноактного действия, каким является отъезд одного лица; фразы типа

(125ii) ?Иван постепенно уезжал

воспринимаются по крайней мере как семантически странные именно потому, что только что сформулированное требование в них не соблюдено.

Описание слова *постепенно* — самостоятельная и нелегкая семантическая и синтаксическая проблема, которой мы здесь не будем касаться. Отметим только, что для перевода в ПСемС по крайней мере некоторых ГСС, содержащих это наречие, необходимо правило ГСС \Leftrightarrow ПСемС следующего вида:

4.2.2. Наречие *случайно* в ГСС предложений типа

(127i) *Он случайно решал ту же самую задачу, что и вы*

синтаксически подчинено глаголу, а семантически в ПСемС связано только со словами *ту же самую*, т. е. с идеей совпадения. Действительно, в качестве случайного в (127i) представлен, конечно, не факт решения задачи, а исключительно факт совпадения задач, решаемых разными людьми. Фразы типа

(127ii) ?*Он случайно решал задачу,*

в которых для предиката *случайно* не находится ни одного подходящего аргумента, воспринимаются как семантически аномальные, потому что их приходится интерпретировать в странном смысле 'обдумывал случайно с целью получить ответ на содержащийся в задаче вопрос'.

Следовательно, в (127i) имеет место своего рода "смещенное наречие", семантическая интерпретация которого получается по правилу, во многом подобному правилу смещенного отрицания (см. (120iv) и примечание 28). В связи с этим укажем на возможность дальнейшего обобщения понятия смещения: по-видимому, явление смещения характерно не только для отрицания, но и для большинства частиц, многих наречий и, может быть, некоторых прилагательных.

Отметим еще одну интересную деталь. Во фразе

(127iii) *Он случайно решил задачу,*

отличающейся от (127ii) только видом глагола, никакой аномальности или неправильности нет. Связано это с тем, что *случайно* в (127iii) имеет другую область действия, чем в (127i), а именно компонент 'получить' в толковании глагола *решить*: *случайно решить* значит 'случайно получить ответ', а в слу-

чайном получении ответа, в отличие от случайного обдумывания, ничего странного, разумеется, нет.

4.2.3. Пример (127iii) подводит нас к третьей интересной разновидности правил семантической области действия, которая характеризуется тем, что областью действия слова X является компонент в ПСемС слова Y .

Имеется по крайней мере четыре группы смыслов, для которых необходимо иметь такое понятие области действия:

- отрицание;
- кванторные, количественные и степенные смыслы типа 'все', 'никакой', 'много', 'мало', 'достаточно', 'почти', 'постепенно' (ср. словосочетания типа *постепенно пожелтел*);
- модальные смыслы типа 'хотеть', 'мочь', 'должен' и т. п. (ср. *Я хочу потребовать, чтобы вы ушли* = 'Я хочу побудить вас уйти, считая, что вы должны это сделать', а не '... Я хочу считать, что вы должны уйти');
- оценочные смыслы типа 'хороший', 'плохой', 'правильный', 'неправильный', 'случайный' и т. п.

Ниже мы рассмотрим только один, но, как нам кажется, весьма поучительный пример правил области действия интересующего нас типа, — взаимодействие оценочных наречий с компонентами ПСемС некоторых глаголов и существительных.

Предложение

(128i) *Петя хорошо охарактеризовал своих однокурсников*

отчетливо омонимично и значит либо то, что говорящий высоко оценил мастерство Петиного описания, либо то, что Петя с похвалой отозвался о своих однокурсниках. В первом случае оно синонимично, с большей или меньшей степенью точности, предложению (128ii), а во втором — предложению (128iii):

(128ii) *Петя хорошо справился с характеристикой своих однокурсников,*

(128iii) *Петя дал хорошую характеристику своим однокурсникам.*

Требуется объяснить эту неоднозначность и синонимию, т. е. указать их источник.

Два хорошо изученных источника неоднозначности предложений — многозначность слов и омонимия синтаксических конструкций. Рассмотрим обе эти возможности применительно к (128i).

Допустим, что неоднозначность (128i) сводится к лексической полисемии (о)характеризовать:

(129') X (о)характеризовал 1 Y -а \cong 'человек X описал существенные свойства объекта Y ',

(129'') X (о)характеризовал 2 Y -а как Z \cong 'человек X оценил как Z существенные свойства объекта Y '.

Тогда *хорошо охарактеризовал 1* = 'хорошо описал ...', т. е. (128ii), а *хорошо охарактеризовал 2* = 'оценил как хорошие ...', т. е. (128iii).

Это объяснение — неверное. Всякий раз, когда лексически многозначное слово *B* в значениях 'B₁' и 'B₂' может осмысленно фигурировать во фразах вида *ABC*, эти фразы воспринимаются как неоднозначные; ср.

- (130) *остановка трамвая* = 'событие, состоящее в том, что трамвай остановился' VS. 'место, где обычно останавливается трамвай для высадки и посадки пассажиров';
- (131) *эмалировка таза* = 'действие, состоящее в том, что таз эмалируют' VS. 'слой эмали, наложенный на поверхность таза';
- (132) *Была поставлена задача вывести сумчатого волка* (Теперь поставлена задача вернуть к жизни эту редчайшую породу, а когда-то австралийские фермеры поставили задачу истребить ее полностью, как вредную для сельского хозяйства).

Ясно, что ничего подобного во фразах типа

- (128iv) *Петя охарактеризовал своих одноклассников*

не происходит: они никак не могут быть поняты в двух разных смыслах, и, следовательно, гипотеза о лексической многозначности (*о*)*характеризовать* должна быть отвергнута. Мы уж не говорим о том, что ни один толковый словарь русского языка не разбивает (*о*)*характеризовать* на значения указанным выше образом.

Перейдем ко второму источнику неоднозначности предложений — омонимии синтаксических конструкций. Нас будет интересовать лишь та разновидность синтаксической омонимии, которая представлена во фразах типа

- (133) *скорость света,*

которым соответствуют синтаксические структуры

- (133') $\overbrace{\text{скорость свет,}}^1$

- (133'') $\overbrace{\text{скорость свет.}}^2$

В случае (133') фраза (133) понимается в смысле 'скорость, характеризующая распространение света' (ср. *Скорость света равна 300 000 км/сек*), а в случае (133'') — в смысле 'скорость перемещения объекта, равная скорости, с которой распространяется свет' (ср. *Никакой космический аппарат не может лететь со скоростью света*).

Неоднозначность (128i) можно свести к такого рода синтаксической омонимии при следующих допущениях: а) глагол (*о*)*характеризовать* имеет, помимо семантических валентностей субъекта и объекта характеристики (кто охарактеризовал кого), еще и семантическую валентность содержания характеристики (как охарактеризовал); б) наречие типа *хорошо* может присоединяться к глаголу не только обстоятельством отношения, как это обычно считается, но и комплетивным (актантным) отношением, если у глагола имеется соответствующая валентность. Поскольку у (*о*)*характеризовать* она есть, получаем синтаксические структуры:

(128i') *Петя хорошо* $\xleftarrow{\text{обст}}$ *охарактеризовал своих однокурсников,*

(128i'') *Петя хорошо* $\xleftarrow{\text{2-компл}}$ *охарактеризовал своих однокурсников.*

Изложенную гипотезу отводить не следует. Однако она не только не противоречит гипотезе о том, что *хорошо* имеет в ПСемС глагола (о)характеризовать разные семантические области действия, но идеальным образом дополняет ее.

(134) *X охарактеризовал Y-а как Z* \cong 'человек X описал существенные свойства объекта Y и оценил Y как Z'.

Если *хорошо* присоединяется к (о)характеризовать обстоятельственным поверхностно-синтаксическим (атрибутивным глубинно-синтаксическим) отношением, оно имеет в ПСемС в качестве своей области действия предикат 'описать', что дает осмысление (128ii):

(135) *X хорошо охарактеризовал Y-а* \cong 'человек X хорошо описал существенные свойства объекта Y и оценил Y как Z'.

Если же *хорошо* присоединяется к (о)характеризовать вторым комплетивным поверхностно-синтаксическим отношением (третьим глубинно-синтаксическим), оно имеет в ПСемС в качестве своей области действия название объекта Y, являющегося темой характеристики, что дает осмысление (128iii):

(136) *X хорошо охарактеризовал Y-а* \cong 'человек X описал существенные свойства объекта Y и оценил Y как хороший'.

Таким образом, источником неоднозначности предложения (128i) в конечном счете является тот факт, что у наречия *хорошо* в ПСемС (о)характеризовать могут быть разные области действия.

Рассмотренное правило поучительно еще и потому, что оно носит частный характер и должно быть помещено не в грамматический, а в словарный компонент лингвистического описания. Чтобы продемонстрировать это, исследуем сначала глагольный, а затем адвербиальный и субстантивный компонент словосочетаний типа *хорошо характеризовать кого-что-л.*

Возьмем предложение

(137) *Петя не побоялся выступить против директора, и это хорошо его характеризует,*

в котором глагол *характеризовать* представлен в другом значении (кстати сказать, не имеющем формы совершенного вида). В этом предложении словосочетание *хорошо характеризовать* допускает только одно осмысление. Следовательно, установленное нами правило распространяется лишь на указанное в (134) значение глагола (о)характеризовать.

Предложения

(138) *Петя хорошо описал своих однокурсников,*

(139) *Петя хорошо отозвался о своих однокурсниках*

тоже однозначны, но при этом (138) понимается только в смысле, близком к

(128ii), а (139) — только в смысле, близком к (128iii). Следовательно, эффект неоднозначности возникает не при всяком глаголе, даже если он очень похож по значению на (о)характеризовать. Принципиальная возможность неоднозначности возникает только тогда, когда слово обозначает действие, в ходе которого выражается оценка какого-то объекта, но даже в этом случае оно реализуется не всегда; ср. однозначное *Он хорошо отрецензировал книгу*.

Отметим, наконец, что условием, способствующим или препятствующим неоднозначности, может быть видовая форма глагола; (140i) понимается в двух смыслах, а (140ii), при нейтральном интонировании, скорее в первом из них ('хорошее описание'), чем во втором ('похвала'):

(140i) *Петя хорошо говорил о своих однокурсниках,*

(140ii) *Петя хорошо сказал о своих однокурсниках.*

Похожий тип неоднозначности возникает в предложениях с существительными, в ПСемС которых входят компоненты 'действие' (или 'продукт действия') и 'оценка'. Словосочетания *хорошая рецензия, хороший отзыв* могут обозначать хорошо написанную, хотя и суровую, критическую статью или неважно как написанную, но хвалебную критическую статью. Любопытно, что глагол *отзываться*, связанный с существительным *отзыв* по крайней мере формальным отношением производности, не порождает ситуации неоднозначности (см. (139)).

В связи с таким разнообразием в поведении, казалось бы, очень похожих друг на друга слов соответствующие правила должны фиксироваться отдельно для каждого из них, т. е. в словаре (в частности, в словарной статье глагола (о)характеризовать).

Следующее подтверждение правильности словарного подхода к описанию всех этих фактов получается при рассмотрении адвербиального компонента предложений интересующего нас типа. Очевидно, что далеко не все наречия могут иметь разные области действия в ПСемС лексем, отвечающих сформулированному выше условию о наличии компонентов 'действие' и 'оценка'. Предложения типа

(141) *Петя быстро охарактеризовал своих однокурсников*
однозначны.

Более того, однозначны, хотя и по-разному, даже предложения

(142i) *Петя удачно <умело> охарактеризовал своих однокурсников* (только осмысление (128ii)).

(142ii) *Петя положительно охарактеризовал своих однокурсников* (только осмысление (128iii)).

Как показывают эти примеры, способность порождать неоднозначность изучаемого типа в разной мере характерна даже для оценочных наречий. Она присуща наречиям *хорошо, плохо, неплохо*, но не наречиям *удачно, умело, изумительно, превосходно* (только осмысление (128ii)) и не наречиям *положительно, отрицательно, позитивно, негативно* (только осмысление (128iii)). Эти различия связаны, конечно, с толкованиями соответствующих наречий.

Рассмотрим, наконец, субстантивный компонент словосочетаний типа *хорошо (о)характеризовать кого-что-л.* Предложения типа (143i) неоднозначны, а предложения типа (143ii), как указала (устно) Т. В. Булыгина, понимаются только в одном смысле (близком к 128ii)), хотя в принципе ситуацию, обстановку и другие подобные объекты можно оценивать как хорошие или плохие:

(143i) *Он хорошо охарактеризовал вашу диссертацию <работу>*,

(143ii) *Он хорошо охарактеризовал ситуацию <обстановку>*.

Следовательно, одним из необходимых условий возникновения неоднозначности является природа характеризуемого объекта: неоднозначность возможна, если предметом обсуждения является человек или продукт его мысли.

4.3. Правила семантической модификации

При описании семантически содержательных единиц языка, в особенности словарных, часто возникает следующая ситуация: единица X , которой приписана ПСемС ' X ', при определенной совокупности условий меняет ПСемС ' X ' на ПСемС ' $X + \alpha$ ', где ' α ' — весьма незначительное семантическое приращение.

Ситуации такого рода могут быть адекватно описаны двумя принципиально различными способами: во-первых, ' $X + \alpha$ ' можно считать другим значением единицы X , требующим для своей реализации совокупности условий S ; во-вторых, можно считать, что смысл ' $X + \alpha$ ' является, так сказать, позиционно обусловленной модификацией, разновидностью смысла ' X '.

Выбор второго решения почти всегда может быть мотивирован и содержательно, и формально. Содержательные соображения, вынуждающие нас предпочитать описание второго рода, будут излагаться непосредственно при обсуждении конкретных примеров. Что касается формальных соображений, то они сводятся к принципу экономии. Описание, включающее правило семантической модификации, но не требующее расщепления значения единицы X на ' X ' и ' $X + \alpha$ ', предпочитается в тех случаях, когда вся лексикографическая информация об $X = 'X'$ и $X = 'X + \alpha'$, за исключением совокупности условий S , совпадает. Очевидно, что если бы в такой ситуации ' X ' и ' $X + \alpha$ ' считались все же разными значениями единицы X , их пришлось бы описывать в отдельных словарных статьях, дублируя в словарной статье $X = 'X + \alpha'$ всю лексикографическую информацию, уже внесенную в словарную статью $X = 'X'$.

Одна разновидность правил семантической модификации — так называемый семантический эллипсис — уже давно привлекла к себе внимание (см. например, *Леонтьева 1967*). Более широкий круг фактов был описан в материалах к толково-комбинаторному словарю (*ТКС 1970–1976*), в которых правила семантической модификации фигурировали под названием "поправок к толкованиям".

В большинстве случаев необходимость в правилах семантической модификации возникает в связи с тем, что определенная семантическая валентность предикатного слова X выражается несколькими разными способами, причем

некоторые из этих способов слегка трансформируют значение 'X'. Рассмотрим материал.

4.3.1. В предложениях

(144i) *Мальчики бросали камешки в воду <на землю, под колеса машин>*,

(144ii) *Бросайте оружие!*

(144iii) *Мальчики бросали камешками друг в друга*

глагол *бросать* не остается семантически неизменным. В (144i) и (144ii) ему может быть приписано толкование

(144') *X бросает Y в Z* \cong 'Существо X движением руки, в которой оно держит предмет Y, каузирует то, что Y летит или падает в объект или место Z'.

Между тем (144iii) должно быть истолковано несколько иначе:

(144'') *X бросает Y-ом в Z* \cong 'Существо X резким движением руки, в которой оно держит предмет Y, каузирует то, что Y летит в объект Z с целью поразить Z'.

Различия между (144') и (144'') сводятся к тому, что в (144'') добавляются смыслы 'резкий', 'с целью поразить' и снимаются смыслы 'или падать', 'или место'.

Указанным семантическим различиям соответствуют следующие синтаксические и лексико-синтаксические различия: в (144i) и (144ii) вторая валентность *бросать* оформляется винительным падежом существительного, а в (144iii) — творительным падежом, третья валентность в (144i) и (144ii) оформляется любым предлогом со значением конечной точки, а в (144iii) — только предлогом *в*.

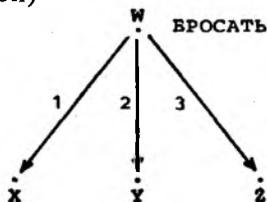
Эти факты описываются моделью управления (145i) и правилом семантической модификации (145ii).

(145i)

M1 = X	M2 = Y	M3 = Z
1. (S), им	1. (S), вин 2. (S), твор	1. (Прер,конечи)

1) если $M_2 = D_{2,2}$, то $M_3 = B$

(145ii)

'... резким движением...'
 X каузирует то, что Y летит в объект Z, с целью поразить Z'

1) $M_2 = D_{2,2}$
 2) $Z = B$

Во всех других условиях действует основное толкование (144').

Альтернативное описание, предполагающее выделение в материале (144i) — (144iii) двух разных значений — *бросать 1* и *бросать 2* — антиинтуитивно. Не случайно все толковые словари русского языка усматривают здесь единое значение глагола *бросать*.

Формальным аргументом против расщепления значений является то обстоятельство, что в словарной статье *бросать 2* необходимо было бы продублировать всю лексикографическую информацию (в частности, все лексические функции), уже внесенную в словарную статью *бросать 1*. Более того, аналогичным образом пришлось бы расщепить синонимичные или родственные значения глагола *кидать* и *швырять*, существительных *бросок* и *швырок* и, может быть, некоторых других слов³¹.

4.3.2. Предложения

(146i) *Охотник стрелял в медведя,*

(146ii) *Охотник стрелял по медведю*

семантические противопоставлены следующим образом: (146i) предполагает выстрел с небольшого расстояния, или выстрел с потенциально точечной областью поражения, или выстрел по стационарному объекту (ср. *Охотник в упор выстрелил в медведя*). В отличие от этого (146ii) предполагает выстрел с достаточно большого расстояния или выстрел по движущемуся объекту (ср. странность ?*Охотник в упор выстрелил по медведю*), причем характер потенциальной области поражения нерелевантен.

Очевидно, что указанные семантические различия нельзя разумным образом связать с различиями значений глагола *стрелять*: в (146i) и (146ii) *стрелять*, вне всяких сомнений, представлен одним и тем же значением.

Противопоставление 'точечная область поражения' VS. 'любая область поражения' естественно сводится к различию в значениях предлогов *в* и *по*. Однако два других противопоставления нельзя свести к различиям между *в* и *по* без очень серьезной натяжки.

Действительно, если смысл 'с небольшого расстояния или по стационарному объекту' считать компонентом одного из значений предлога *в*, а смысл 'с достаточно большого расстояния или по движущемуся объекту' — компонентом одного из значений предлога *по*, придется сделать следующее абсолютно неправдоподобное допущение: у предлогов *в* и *по* имеются пространственные значения, требующие в качестве условия своей реализации управляющего глагола со значением стрельбы (ср. *бить из тяжелых орудий, палить из пушек, строчить из пулемета*). Крайне маловероятно, чтобы пространственные значения предлогов *в* и *по* различались в зависимости от таких узких контекстов.

Если бы мы захотели пойти по этому пути достаточно далеко, мы должны были бы признать, что в контексте глаголов со значением удара реализуются другие значения тех же самых предлогов; ср. *Кони били копытами в землю, Солдаты молотили прикладами в дверь* ('удар прямой или место удара мыслится как точка') VS. *Кони били копытами по земле, Солдаты молотили приклада-*

ми по двери ('удар скользящий или место удара мыслится как поверхность'). Как видим, этот путь чреват абсолютно неоправданным "умножением сущностей".

Указанные обстоятельства вынуждают нас принять другое решение — ввести два правила семантической модификации для всех глаголов со значением стрельбы, способных управлять предлогами *в* и *по*. Ввиду очевидности правил они в явном виде не выписываются.

4.3.3. У глаголов *порезать*, *поцарапать*, *ранить*, *ударить*, *уколоть* и некоторых других имеется четырехвалентная модель управления следующего вида: (147i)

$M_1 = X$	$M_2 = Y$	$M_3 = Z$	$M_4 = W$
1. (S), им	1. (S), вин	1. (S), твор 2. O (S), вин	1. (S), дат

1) е с л и $M_3 = D_{32}$ т о $M_4 = \text{СЕБЕ}$

(147ii) *Кошка поцарапала ему лицо когтями,*

(147iii) *Осторожнее, ты мне поцарапаешь иголкой палец,*

(147iv) *Я поцарапал себе палец о стекло,*

(147v) *Я ему поцарапал палец о стекло.*

Как показывают примеры (147ii) – (147v), между двумя альтернативными способами выражения третьей валентности таких глаголов – (S), твор VS. o (S), вин – имеются следующие семантические различия:

(α) 'M₃ подвижный, свободно манипулируемый' VS. 'M₃ стационарный или закрепленный';

(β) ненамеренно или намеренно' VS. 'ненамеренно'.

Противопоставление (α) можно (и нужно) свести к различию в значениях форм (S), твор и o (S), вин. В инструментальном значении (S), твор всегда обозначает свободно манипулируемый инструмент, а o (S), вин – стационарный, закрепленный; ср. *вытирать руки полотенцем* VS. *вытирать руки о полотенце*, *почить нож напильником* VS. *почить нож о камень*.

С противопоставлением (β) так поступить нельзя: форма (S), твор вполне совместима с идеей ненамеренности действия (ср. *поранить руку ножом*), а форма o (S), вин – с идеей намеренности действия (ср. *почесать спину о забор*).

Остается одна возможность – связать различие (β) со всей совокупностью языковых факторов, представленных в предложении, т. е. ввести правило семантической модификации в словарные статьи глаголов *порезать*, *поцарапать*, *ранить* и т. д. Если обозначить через 'P' основное толкование такого глагола, то правило семантической модификации примет следующий вид:

(148)

4.3.4. Основное значение глагола *послать* может быть сформулировано следующим образом:

(149i) *X послал Y из W в/на Z делать P* \cong 'человек X каузировал то, что человек Y, получив от X-а задание делать P, отправился из места W в место Z делать P'.

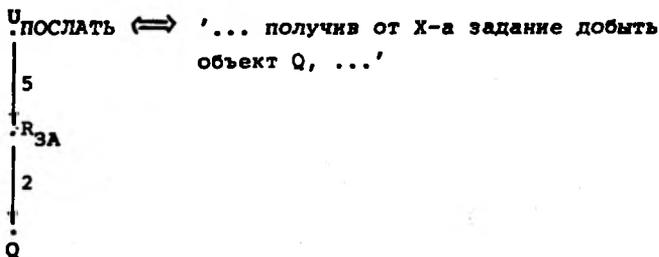
В этом значении *послать* имеет следующую модель управления:

(149ii)

$M_1 = X$	$M_2 = Y$	$M_3 = W$	$M_4 = Z$	$M_5 = P$
1. (S),им	1. (S),вин	1. (Прер,исход) 2. (Adv,исход)	1. (Прер,конечн) 2. (Adv,конечн)	1. НА(S),вин 2. ЗА(S),твор 3. (V),инф

Первая и последняя формы выражения пятой — целевой — валентности принципиально трансформируемы (*послать кого-л. на прогулку* \Leftrightarrow *послать кого-л. гулять*), не связаны ни с каким приращением смысла и поэтому не требуют никаких правил семантической модификации. В отличие от этого, форма *за* (S), твор связана с приращением смысла (*послать кого-л. за бочкотарой* \Leftrightarrow 'послать кого-л. приобрести или достать бочкотару'), который, однако, самой этой форме не может быть приписан. Поэтому для ее обработки оказывается необходимо следующее правило семантической модификации:

(149iii)

4.3.5. В заключение этого раздела рассмотрим, с некоторыми уточнениями, один интересный класс правил семантической модификации, описанный в ТКС 1970–1976.

Слова, обозначающие физические параметры или линейные размеры вещей (*вес, высота, длина, скорость, температура, цвет* и т. п.), имеют по две семантические валентности. Своей первой валентностью такое слово присоединяет к себе название вещи, которой присущ данный параметр (*вес мешка, высота дома, длина дороги, скорость поезда, температура воздуха, цвет ткани*), а второй валентностью — значение величины. Схематически:

(150)

$M_1 = X$	$M_2 = Y$
1. (S), род	1. (NUMP), им 2. В (NUMP), вин 3. (A) 4. (S), род

Как легко видеть из (150), значение величины может быть указано либо явно (первые три способа, ср. *вес в пять килограмм, высота 500 метров, десятиметровая длина*), либо неявно (последний способ, ср. *со скоростью света, цвета граната*).

Специальный интерес для нас представляет этот последний способ выражения второй валентности, потому что именно с ним связано одно важное правило семантической модификации.

Мы уже говорили (см. (133)), что словосочетания типа

(151i) *быть на высоте Монблана,*

(151ii) *лететь со скоростью света,*

(151iii) *происходить при температуре плавления вольфрама,*

(151iv) *платье цвета граната*

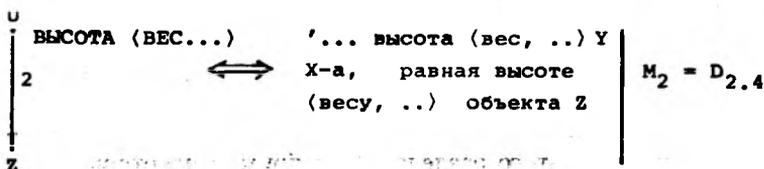
имеют значения

(151i) 'быть на высоте, равной высоте Монблана',

(151ii) 'лететь со скоростью, равной скорости света'

и т. д. Смысловые компоненты, выделенные разрядкой, не входят в основное толкование соответствующих существительных и должны вырабатываться специальным правилом семантической модификации. Оно имеет следующий вид:

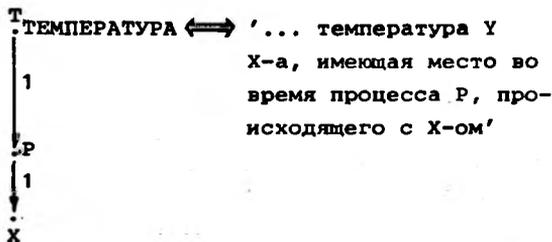
(152)

Аналогичное правило необходимо для семантической интерпретации некоторых предложений со словами типа *судьба, доля, участь, характер, лицо, улыбка, фигура* и т. п., хотя они и не обозначают физического параметра вещи; ср. *Его постигла судьба Джордано Бруно, У него улыбка младенца.*

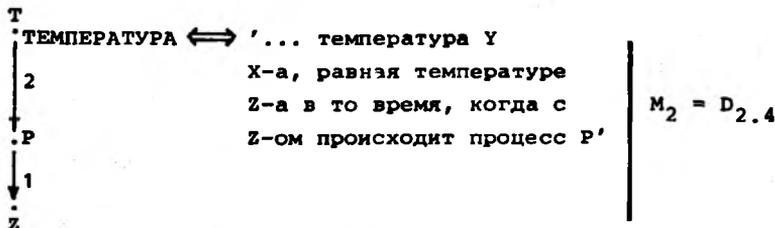
Рассмотрим еще несколько правил семантической модификации, связанных со словом *температура*.

(153)

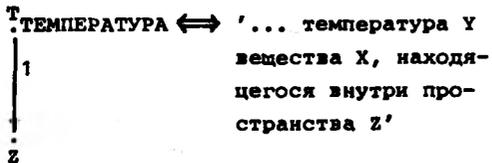
(температура плавления вольфрама (кипения воды)).

(154)

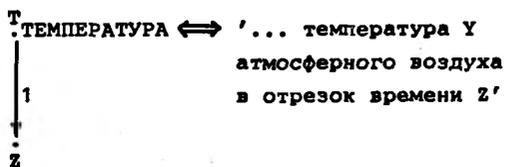
(достигнув температуры плавления [P] стали [Z], вольфрам [X] остается твердым).

(155)

(температура верхних слоев атмосферы).

(156)

(средняя температура сентября (зимы)).

5. Заключение

Итак, чтобы выполнять две свои основные задачи — эксплицировать отношения синонимии и отношения омонимии между предложениями определенного естественного языка, или, другими словами, устанавливать многозначное соответствие $\{ГСС\} \Leftrightarrow \{ПСемС\}$, поверхностно-семантический компонент должен располагать ПСемС (толкованиями) всех содержательных единиц языка, условиями их выбора и правилами получения из ПСемС отдельных элементов ПСемС целых предложений. Для решения перечисленных задач требуется учесть индивидуальные свойства сотен тысяч словарных, морфологических, синтаксических и просодических единиц и индивидуальные свойства громадного, сейчас пока не представимого числа пар единиц (ср. разные семантические свойства парных словосочетаний *хорошо охарактеризовал* — *хорошо отозвался* — *хорошо описал* — *положительно охарактеризовал* — *удачно охарактеризовал*). Хотя рядовые носители языка не испытывают, по видимому, никаких затруднений в практическом использовании всех этих единиц и правил их взаимодействия, их полное формальное описание представляет уникальную по сложности и гигантскую по объему работы теоретическую задачу, поставленную в лингвистике лишь в самое последнее время и еще очень далекую от решения.

Рукопись этой работы была прочтена И. М. Богуславским, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, Л. Л. Иомдиным, Л. П. Крысиным, А. В. Лазурским, И. А. Мельчуком, Н. В. Перцовым, Т. Ройтером и В. З. Санниковым, которым автор выражает признательность за чрезвычайно ценные критические и конструктивные замечания.

Примечания

1. Традиционные грамматики и словари указанным свойством не обладают. Чтобы это утверждение не показалось голословным, сошлемся на следующий хорошо известный факт. В синтаксических описаниях различных языков фигурируют теоретические объекты, которые сейчас принято называть синтаксическими признаками лексических единиц (*Katz and Postal 1964, Мельчук и Перцов 1975*).

Одним из относительно простых синтаксических признаков в русском языке является одушевленность—неодушевленность существительных. В некоторых одноименных формах (например, в форме винительного множественного) такие существительные по-разному согласуются с прилагательными и причастиями, ср. *вижу белых слонов*, но *вижу белые камни*. Соответствующее синтаксическое правило согласования должно, следовательно, использовать информацию о том, является ли данное существительное одушевленным или неодушевленным. Очевидно, что перечисление всех одушевленных и неодушевленных существительных непосредственно при правилах согласования, т. е. в грамматике, в высшей степени нерентабельно. Место этой информации — в словаре. Между тем единственный словарь русского языка, который содержит пометы об оду-

шевленности—неодушевленности существительных — это грамматический словарь А. А. Зализняка (*Зализняк 1977*). Ни в одном из существующих толковых словарей, с которыми должны были бы взаимодействовать грамматики, таких сведений нет. Их отсутствие в достаточно полном теоретическом описании языка, дающем возможность строить хотя бы грамматически правильные словосочетания, можно было бы объяснить лишь ссылкой на то, что пометы об одушевленности—неодушевленности избыточны, потому что они однозначно вытекают из имеющихся в словаре толкований существительных: одушевленности соответствует смысл 'живое', а неодушевленности — 'неживое'. Известно, однако, что такой прямой зависимости между рассматриваемыми синтаксическими признаками и смыслами нет, хотя в определенной степени первые и мотивируются вторыми. Действительно, такие слова, как *мертвец, покойник, робот*, названия тушек животных, употребляемых в пищу, названия кукол в виде людей, зверей и насекомых и само слово *кукла*, названия игральных карт, шахматных фигур, — все это одушевленные существительные, обозначающие неживые существа. Следовательно, синтаксическая помета об одушевленности—неодушевленности существительного в общем случае не дублирует семантической информации, нужна на независимых основаниях и должна включаться в толковый словарь, если он претендует на научный статус интегральной части единого теоретического описания языка. Добавим к сказанному, что общее число таких нетривиальных синтаксических признаков в описаниях развитых литературных языков может достигать нескольких сотен, а в традиционных словарях фиксируется не больше десятка.

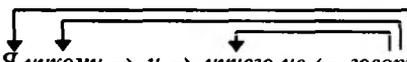
2. Обычно описания значений грамматических и словарных единиц выполняются на разных языках. Значения таких граммем, как ЕД — МН или СОВ — НЕСОВ, описываются с помощью квазисемантических признаков типа 'единичность' (*книга*), 'цельность, неделимость' (*виноград, студенчество*), 'раздельное множество' (*книги*), 'парность' (*боты*), 'множественная совокупность' (*деньги*), 'собираемость' (*родители*), 'результативность' (*прочитал*), 'потенциальность' (*Тебе не поднять этого камня*), 'образительность' (*А ветер как гикнет*), 'длительность' (*спал час*), 'потенциальность' (*Вы по-венгерски читаете?*), 'узуальность' (*встает в семь часов*) и т. п. Между тем значения словарных единиц не описываются через признаки, а толкуются; например, *сокращаться* = 'становиться меньше' (*Расстояние между бегунами постепенно сокращалось*). Принципиальное различие между описанием значений через признаки и их толкованием состоит в том, что признаковое описание не имеет никакой внутренней структуры и поэтому не может быть осмысленным образом введено в текст вместо определяемой единицы, а толкование обладает этим свойством; ср. *Расстояние между бегунами постепенно сокращалось* \Rightarrow 'Расстояние между бегунами постепенно становилось меньше', но не *Пришли Мишины родители* \Rightarrow **Пришли Мишины родители-собираемость*'. Использование единого семантического языка для описания значений любых содержательных единиц естественного языка создает основу для того, чтобы отношения синонимии между предложениями, независимо от природы материала, из которого они построены, могли быть формально эксплицированы самым простым и непосредственным образом, без каких бы то ни было дополнительных соглашений.

3. Некоторые исследователи используют термины "тема" и "данное", "рема" и "новое" в качестве синонимичных. В системе понятий, принятой в модели "Смысл \Leftrightarrow Текст", эти термины обозначают разные, хотя и связанные друг с другом понятия, поскольку существуют предложения, коммуникативную организацию которых нельзя

естественно описать одной парой понятий. Рассмотрим, например, коммуникативную организацию предложений *В составе финишировавшей группы было пять голландцев и поляк* и *В составе финишировавшей группы были пять голландцев и поляк*. При нейтральном интонировании темо-рематическое членение обоих предложений идентично: *В составе финишировавшей группы было* <были> — тема, *пять голландцев и поляк* — рема. Между тем членение на данное—новое в них различно. В первом предложении *пять голландцев и поляк* — новое, а во втором эта группа может быть и данным, и тогда оказывается, что данное находится в реме предложения. Средством выражения этого различия в членении предложений на данное—новое является различное согласование группы подлежащего *пять голландцев и поляк* с глаголом-сказуемым: при отсутствии согласования в числе (*было*) подлежащее представляет собой чисто классифицирующую именную группу (\cong 'шесть людей, из которых пятеро были голландцами и один — поляком' — новое), а при наличии согласования в числе (*были*) подлежащее может быть и идентифицирующей именной группой (\cong 'те самые пять голландцев и поляк, о которых уже шла речь' — данное).

4. Введение составляющих в деревья зависимости диктуется необходимостью отразить в синтаксических представлениях семантические различия, возникающие из-за того, что определенная единица в составе предложения имеет разные области действия. Предложение *Мальчик болел пять дней* имеет два смысла: (а) 'Мальчик был здоров в течение пяти дней' и (б) 'Мальчик болел менее пяти дней'. В случае (а) областью действия отрицательной частицы *не* является только глагол, а в случае (б) — глагол вместе с обстоятельством длительности. Эти различия естественней всего удержать посредством синтаксических структур (а') ... не ← болел → день... (без составляющей) и (б') ... не ← [болел → день ...] (с составляющей). Подробнее см. *Богуславский 1978б*. В *Гладкий 1979* предполагается не локальное вкрапление составляющих для различения омонимии предложений, а использование принципиально комбинированных структур, всегда содержащих и сведения о зависимостях, и сведения о составляющих. Более того, сейчас имеются сильные доводы в пользу того, что в общем случае оптимальные синтаксические структуры — это не деревья, хотя бы и с составляющими, а графы более сложного вида. В *Санников 1979* показано, например, что структуру предложений типа *Я никому и ничего не говорил* естественно изображать не посредством традиционных деревьев,

Я никому → и → ничего не ← говорил,
а посредством графов

Я никому → и → ничего не ← говорил,

поскольку нет никаких содержательных оснований считать, что в рассматриваемом предложении вторая валентность глагола *говорить* не насыщена. Однако в данной работе мы не рискуем предпринять столь глубокую ревизию понятия синтаксической структуры и пользуемся приведенным в основном тексте достаточно традиционным понятием.

5. В "падежной грамматике" Ч. Филмора (*Fillmore 1968*), одно время пользовавшейся большим влиянием (ср. *Schank 1972*), валентностям предикатных слов, в первую

очередь — глаголов, приписываются определенные смыслы, или роли, — Агента, Источника, Контрагента, Цели, Инструмента, Места и т. п. Похожая система семантически содержательных валентностей развивалась в ряде работ автора, в частности в монографии *Апресян 1974*. В обзоре *Мельчук 1974б* корректность подобных семантических языков была поставлена под вопрос. Долгие размышления на эту тему привели нас к выводу, что смысл в семантическом языке действительно должен кодироваться единообразно. Если же для его кодирования используются два разных средства — слова и стрелки, — возникает и остается без принципиального ответа вопрос о том, какие именно смыслы должны кодироваться словами, а какие — стрелками.

6. Пример с видом показателен еще в одном отношении. Как известно (см. литературу и примеры в разделе 3.3), в таком языке, как русский, собственно видовое значение настолько тесно переплетается с лексическим значением основы, что истолковать его отдельно от лексического значения нельзя. Поэтому каждый русский глагол должен быть истолкован, по существу, дважды — в форме НЕСОВ и СОВ. Между тем в безвидовых языках каждая глагольная лексема имеет одно толкование, причем даже в том случае, когда толкуются максимально соответствующие друг другу глаголы разных языков, например, *начать* — *начинать* и французское *commencer*, трудно ожидать, что это единственное толкование безвидового глагола совпадет с каким-либо из двух толкований видового глагола. Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, *начать*, *начинать* и *commencer* должны получить разные семантические представления, потому что в противном случае семантическая специфика русского языка не будет описана. С другой стороны, они должны получить одно и то же семантическое представление, потому что в противном случае окажется неописанной межъязыковая синонимия, а именно — факт переводимости *начать* — *начинать* и *commencer* друг в друга. В формальной модели, где имеется всего один уровень представления значений, этот парадокс нельзя разрешить естественным образом. Расщепление семантического уровня на два новых подуровня, на первом из которых описывается национальная семантика (в частности, различие между *начать* и *начинать*), а на втором — универсальная семантика (в частности, межъязыковая синонимия), создает такую возможность.

7. Много фактов такого рода собрано в *Гак 1966*, *Гак 1972*, *Розенцвейг 1972*. Бóльшая роль родовых слов во французской лексике объясняется обычно ее абстрактностью (ср. *Ullmann 1952*), а детальность русских видовых номенклатур в области глагола связывается, в частности, с богатством префиксального глагольного словообразования; ср., в дополнение к уже рассмотренным примерам, французские *couper*, *découper* и русские *резать*, *вырезать*, *нарезать*, *обрезать* (*бахром*), *отрезать*, *перерезать*, *подрезать*, *прорезать*, *разрезать*, *срезать*, *стричь*, *остричь*, *отстричь*, *постричь*, *состричь*; французское *laver* и русские *мыть*, *вымыть*, *отмыть*, *перемыть* (все, многое), *промыть*, *смыть*, *стирать*, *выстирать*, *отстирать*, *перестирать* (все, многое), *простирать*. В свою очередь, французский язык навязывает говорящим более детальную классификацию действий в зависимости от того, каков их объект. Русскому глаголу *срезать* соответствую французские глаголы *couper* (см. выше), *ébarber* (срезать лишнее, неровности), *ébarpacher*, *élaguer* (подстригать деревья), *rogner* (срезать концы чего-л. — ногтей, страниц), *tondre* (срезать шерсть, волосистой покров). Русскому глаголу *измерять* соответствуют французские *agrenter* (мерить землю), *cuver*, *jauger* (измерять объем, вместимость), *sonder* (измерять глубину). Не будем умножать примеров. Явления семантической несоизмерности разных языков давно стали предметом изучения, а та идея, что

язык навязывает человеку выражение определенных мыслей, с редкой красотой и силой, хотя, может быть, и не в полном согласии с фактами, развивается в гипотезе лингвистической относительности Сэпира – Уорфа (см. прекрасный обзор *Kluckhohn 1961*).

8. В ПСемС (6") с достаточной полнотой воплощен лишь один существенный результат семантического анализа – разложение значений грамем и лексем в более элементарные смыслы. Вследствие неразработанности языка семантических графов в ней почти полностью отсутствуют сведения об иерархической организации смыслов ("мешках", их вложениях и пересечениях), которые могли бы служить путеводителем по графу, т. е. инструкцией о том, в каком порядке должно протекать считывание ГСС с ПСемС.

Отметим две конструктивные особенности ПСемС (6"): 1) фрагменты ПСемС, являющиеся образами грамматических значений, содержат абсолютные вершины (узлы, не подчиненные никаким другим узлам). Это формальное свойство "грамматических" фрагментов ПСемС находит вполне естественное объяснение: в русском языке значение любой граммы – это предикат, аргументом которого является значение лексемы и которое само, вследствие независимости грамем разных категорий, не является чьим-либо аргументом. 2) Каждый узел в ПСемС (6") имеет несущий элемент – переменную. При этом условия легко разграничиваются вхождения имени одного и того же референта (одна и та же переменная) и разные референты, имеющие одно и то же имя (разные переменные, ср. X1, X2, X6, X12). Кроме того, становится возможным непринужденное преобразование графа в алгебраическую (скобочную) запись.

9. Граница между реальной и ложной омонимией, конечно, условна. Когда фраза типа (23i) воспринимается как элемент более широкого контекста, обычно остается ровно одна возможность ее осмысления. Если бы модель располагала формальными средствами контроля смысла не отдельных предложений, а текста в целом, она была бы в состоянии выбрать правильное осмысление многих подобных фраз. С другой стороны, неравными возможностями контроля смысла и, следовательно, различия омонимии обладают разные уровни представления предложений. То, что выглядит как реальная омонимия на одном уровне представления предложений, например морфологическом, может оказаться ложной омонимией на более глубоком уровне. Следовательно, когда мы говорим о ложной омонимии, мы имеем в виду омонимию, устранимую в данных условиях, в частности, на основе той информации и тех правил ее переработки, которыми формальная модель располагает на данном уровне представления предложений. Снятие ложной омонимии (и полисемии) – морфологической, синтаксической, лексической, грамменной – происходит на всех этапах преобразований, предусмотренных в модели "Смысл \Leftrightarrow Текст", и обеспечивается правилами самой разной природы – словарными и грамматическими. См. об этом *Апресян и др. 1979*.

10. Вопрос о том, считать ли этот шаг последним шагом в процессе перехода ПСС \Leftrightarrow ГСС или первым шагом в процессе перехода ГСС \Leftrightarrow ПСемС, представляется нам не слишком принципиальным; мы видим больше оснований в пользу второго решения.

11. По-видимому, имеет смысл и понятие глубинно-синтаксического признака. В качестве глубинно-синтаксических признаков лексем выступают, в частности, их определения в терминах лексических функций. Эти определения показывают, значением какой лексической функции и от какого класса аргументов является данная лексема. Например, при глаголах *оказывать* (доверие <помощь, влияние, ...>), *одерживать* (побе-

ду <верх, ...>), производить (атаку <разведку, впечатление, ...>) в зону DEF(INITION) соответствующих словарных статей вносится запись вида $Op_{eg_1}(Y)$, где Y — второй актант в модели управления перечисленных лексем. Эта запись в значительной мере определяет их поведение на глубинно-синтаксическом уровне, в частности в правилах перифразирования.

Поскольку понятие глубинно-синтаксического признака в данной работе не используется, поверхностно-синтаксические признаки именуются в дальнейшем просто синтаксическими.

12. Существуют и такие синтаксические признаки, которые полностью дублируют определенные смыслы. К их числу относится, например, признак 'ден', приписываемый словам со значением денежной единицы. Однако даже такие признаки описывают не значение соответствующих слов, а исключительно их синтаксические свойства, т. е. способность участвовать в определенных синтаксических конструкциях.

13. Принципиально мыслимы и граммемно-граммемные правила, но в данной работе будут рассмотрены только те два типа правил, которые названы в основном тексте.

14. Следовало бы, конечно, в данном случае иметь унифицированные толкования с совершенно стандартной добавкой: ведь если можно *бежать взад и вперед*, то можно и *ходить взад и вперед*; если можно *ходить куда-то в разное время*, то, бесспорно, можно и *бежать куда-то в разное время*; если *бежать* — действие, то и *ходить* — действие, и если *ходить* — движение, то и *бежать* — движение; и т. д.

15. Глаголы *видать* и *слыхать* имеют еще одно интересное ограничение — они не употребляются в форме настоящего времени и, видимо, не вполне корректны в форме будущего времени (тем же свойством обладают и многократные глаголы типа *хаживать*, *сжививать*). Однако это ограничение имеет не семантическую, а морфологическую природу и должно оговариваться в другом месте лингвистического описания; см. раздел 3.4.

16. О возможности принципиального разграничения актуально-длительного и собственно процессного значений НЕСОВ см. *Гловинская 1980а*.

17. В языке математики этот объект будет по-прежнему называться *цилиндром* (монета с математической точки зрения — цилиндр) и по-прежнему будет характеризоваться высотой, какой бы малой она ни была. Рассмотренный пример интересен, в частности, тем, что в ясной форме показывает различие между наивными понятиями, т. е. значениями единиц естественного языка, и научными понятиями — значениями терминов искусственных языков. Ср. замечания о наивной и научной физике в *МПИПЛ 1964*.

18. Смысл 'полная степень', может быть, образует лексическую функцию, семантически близкую к Mag_{pl} (ср. функцию Lim в *Червенкова 1975*). Во всяком случае, при разных словах он выражается достаточно различными средствами; ср. *совсем хороший*, *совершенно испорченный*, *абсолютно здоровый*, *идеально белый*, *предельно замотанный*, *полностью отмотобилизованный*, *вконец обессилевший*, *целиком поглощенный чем-л.*, *всецело занятый чем-л.*, при некорректности или невозможности *?предельно хороший*, **полностью низкий*, **идеально испорченный*, **целиком здоровый*, **вконец отмотобилизованный*, **всецело замотанный* и т. д. Поэтому, когда мы говорим, что предельные прилагательные сочетаются с наречиями полной степени признака, мы имеем в виду, что сочетаются хотя бы с одним из них.

19. Здесь остается еще много неясного. С одной стороны, любые прилагательные, обозначающие "малый" участок шкалы размера, хорошо сочетаются с наречиями полной степени признака, а любые прилагательные, обозначающие "большой" участок шкалы размера, плохо сочетаются с ними. С другой стороны, не все свойства, обозначаемые "малыми" параметрическими прилагательными, имеют предельную точку, равно как не все свойства, обозначаемые "большими" параметрическими прилагательными, не имеют ее. Так, толщину тонкой пластинки можно, по-видимому, уменьшать до бесконечности, и она все равно будет называться тонкой. Между тем увеличивать ее толщину беспредельно нельзя, потому что с момента, когда толщина по абсолютной величине превзойдет ширину, она станет называться высотой. Указанным свойством обладают и другие шкалы, занимающие не первое место в иерархии шкал (первое место занимают длина и высота: они могут быть приписаны предмету и в том случае, когда ни о каких других его линейных размерах говорить нельзя; ширина занимает второе место в иерархии, поскольку она предполагает наличие у предмета по крайней мере еще одного измерения, а толщина отодвигается на третье, поскольку она предполагает наличие у предмета ровно двух других измерений). Картина еще более запутывается при учете прилагательных типа *высокий 2* 'находящийся на большом расстоянии вверх от земли', ср. *высокие облака*): хотя *высокий 2* так же плохо сочетается с наречиями полной степени признака, как *высокий 1*, оно, в отличие от *высокий 1*, несовместимо с представлением о бесконечно растущей *высоте 2* (спутники Земли скорее *далекие*, чем *высокие 2*, а Луна, конечно, *далекая*, а не *высокая 2*). В связи с этим, может быть, признак предельности следовало бы считать не семантическим, а синтаксическим, описывающим исключительно сочетаемость лексем. Тогда его можно было бы использовать на этапе перехода к ПСС в синтагме, устанавливающей атрибутивное отношение между качественным прилагательным и зависящим от него наречием степени.

20. Учение о модальной рамке имеет давнюю историю. Отметим две традиции в исследовании этого теоретического понятия. Первая (женевская школа) сводится к тому, что во всяком предложении, имеющем форму утверждения, усматривается открывающий *modus* вида 'Говорящий считает, что...' (см., например, *Bally 1950*; впоследствии аналогичные взгляды развивали некоторые американские лингвисты, ср. *Fillmore 1969*). Поскольку такая модальная рамка предваряет всякое утвердительное предложение, значение последнего, равно как и значения его составных частей могут изучаться независимо от нее. В этом отношении вторая традиция (польская школа) более интересна, поскольку она сосредоточивается на изучении оценок описываемой в предложении ситуации со стороны говорящего или адресата речи, инкорпорированных непосредственно в значение определенных языковых единиц и противопоставляющих одни единицы другим. См. об этом в особенности *Wierzbicka 1969*, хотя глубокие мысли на этот счет высказывались и раньше. В этой связи нельзя не процитировать следующее тонкое толкование, принадлежащее В. В. Виноградову: "... *авось* обозначает, что о чем-то говорится с оттенком недостаточно обоснованной надежды" (*Виноградов 1947: 738*). Для сравнения приведем толкования МАС (*авось* = 'может быть') и немного более проницательное, но все же уступающее виноградовскому толкование из *Ожегов 1972*: *авось* = 'может быть (о том, что желательно для говорящего, на что он надеется)'

21. Может показаться, что предложение *Он решил взять виноград в Москву самолетом* омонимично и имеет следующие два смысла: 1) 'Он решил взять виноград в Москву, лично управляя самолетом' VS. 2) 'Он решил переправить виноград в Москву,

летья на самолете в качестве пассажира'. Такой взгляд на вещи приводит к необходимости расщепить рассмотренное значение глагола *везти* на два новых значения — 'везти 1', сформулированное в основном тексте работы, и 'везти 2' = 'каузировать *везти* 1 в свою пользу'. Дополнительным основанием для такого решения мог бы послужить тот факт, что в русском языке глаголы с бесспорной комбинацией значений типа 'делать Р' — 'каузировать кого-л. делать Р в свою пользу' представлены достаточно широко; ср. *Петр шьет костюм <чинит обувь>* VS. *Петр шьет костюм в модном ателье <чинит обувь в ближайшей мастерской>*, *Он бредется* VS. *Он бредется у одного и того же парикмахера* и т. п. Никаких неопровержимых доводов против этого решения привести нельзя, сверх того, что лексикографически расщепление *везти* представляется в высшей степени неестественным. Признавая неделимость значения *везти* в рассмотренном круге употреблений, мы тем самым усматриваем в предложении *Он решил везти виноград в Москву самолетом* не языковую омонимию, а ситуативную неопределенность. В связи с этим полезно подчеркнуть, что неодинаковая обработка одних и тех же смысловых различий — замечательная и характерная черта естественных языков. В частности, в русском языке можно указать еще три типа смысловых различий, кроме отмеченного выше, которые иногда выражаются собственно языковыми средствами и могут порождать омонимию, а иногда восстанавливаются на основе знания реального положения дел и порождают не более чем ситуативную неопределенность: 1) 'делать Р' — 'уметь делать Р', ср. *Вы говорите по-французски?* VS. *Вы говорите по-французски?* (разные значения глагола *говорить*, которые в форме общего вопроса реализуются в разных акцентуационных условиях); *Лифт медленно поднимается* VS. *Лифт поднимается наверх за минуту* (разные значения грамлемы НЕСОВ при тождестве лексического значения глагола); *Он чинит ботинки* (ситуативная неопределенность: сейчас чинит или умеет чинить); 2) 'Р' — 'намеренно Р', ср. *Шум будит ребенка* VS. *Мать будит ребенка* (разные значения *будить*) и *Иван упал* (ситуативная неопределенность: случайно или намеренно); 3) 'Р' — 'Р, делая высказывание Q', ср. примеры (38)—(39) и фразы типа "*Не знаю*", — *почесался парень*, где у *почесаться* нет значения 'сказать'.

22. Теоретически допустима гипотеза, что рассматриваемый нами смысл выражается не совокупностью условий, т. е. не синтаксической конструкцией, а ровно одной единицей в составе фразы типа (1), например, предлогом (или наречием). Это значит, что каждому пространственному предлогу и каждому пространственному наречию надо приписать в словаре, помимо чисто пространственного значения, еще и "синкретичное" пространственно-временное значение, реализующееся в контексте трех перечисленных выше условий. Это описание не имеет никаких преимуществ перед тем, которое было предложено выше, но явным образом уступает ему в экономности и поэтому должно быть отвергнуто.

23. Утверждение, что предикаты *сомневаться*, *отрицать*, *маловероятно* имплицитно отрицательны, значит, что хотя лексически отрицание не входит в их состав, смысл 'не' составляет часть их толкования: *X сомневается, что Р* \cong 'не имея точной информации об истинности Р, X допускает, что вероятно не Р'; *X отрицает, что Р* \cong 'X утверждает, что не Р'; *Р маловероятно* \cong 'говорящий считает, что велика вероятность не Р'.

24. Считается, что на семантическом уровне субъект, т. е. первый актанта, есть и у предикатов типа *возможно*, *вероятно*, *видимо*, *разумеется* и т. п.

25. Большинство экзистенциальных глаголов (*бывать, поступать, происходить, случаться, существовать, требоваться*), для которых характерно изменение именительного падежа на родительный в контексте отрицания, этим свойством не обладают; ср. *Сведения о продвижении войск не поступали* и почти синонимичное ему *Сведений о продвижении войск не поступало*.

26. Полезно подчеркнуть, что предложение (112ii) не омонимично (многозначно), а лишь ситуативно неопределенно в смысле *Weinreich 1966*. Таким образом, класс дизъюнктивно организованных ПСемС является формальным аналогом одного частного, но важного случая ситуативной неопределенности.

27. Мы отвлечемся от ряда осложняющих обстоятельств. Во-первых, мы не будем анализировать различий между фразами с винительным падежом дополнения (*Установка не работала три года* — два осмысления) и фразами с родительным падежом дополнения (*Установка не работала трех лет* — только "уменьшительное" осмысление); см. об этом *Богуславский 1978б*. Во-вторых, мы не будем учитывать количественных групп вида *три раза в год, раз в неделю, сто километров в час* — которые, при прочих равных условиях, повышают вероятность "уменьшительной" интерпретации в ущерб чисто отрицательной. Наконец, в-третьих, мы проигнорируем случаи, когда в состав количественной группы входят усилительные атрибутивные зависимые — прилагательные, наречия или частицы типа *Установка не работала целых <всего> три года, Установка не работала и три года*. Они проясняют смысл либо в сторону отрицательности (первый пример, в котором, кстати, невозможна трансформация винительного в родительный, всегда связанный с "уменьшительностью"), либо в сторону "уменьшительности" (второй пример, где такая трансформация не только возможна, но и желательна).

28. Традиционно считается, что большинство глаголов, управляющих винительным падежом, в отрицательных предложениях могут либо сохранять винительный падеж, либо менять его на родительный. Некоторые информанты в предложениях типа (115) считают винительный падеж отклонением от нормы. Языковой опыт автора полностью соответствует традиционным оценкам, на которые и ориентировано наше изложение. Эта ориентация тем более оправдана, что существуют контекстуальные условия, в которых мена винительного на родительный либо нежелательна, либо невозможна. Одним из таких условий является наличие в предложении второго дополнения, особенно дополнения в винительном падеже; ср. сомнительность *'Он не купил дачи за сто рублей* (при корректности *Он не купил дачи* и *Он не купил дачу за сто рублей*) и неправомерность **Он не прождал меня двух часов* (при корректности *Он не прождал двух часов* и *Он не прождал меня два часа*).

29. Внешне эта интерпретация выглядит не как отрицательная, а как "увеличительная". Семантический анализ слов типа *хватить, уснуть*, в которые входит смысл 'быть достаточным', показывает, однако, что здесь имеет место обычная отрицательная интерпретация. Действительно, $X\text{-у достаточно } Y\text{-а для } P \cong \text{'Для выполнения } P \text{ человеку } X \text{ нужен объект } Y \text{ в количестве } Z, \text{ и } X \text{ имеет } Y \text{ в количестве } Z' \text{ (пресуппозиции); } Z' \text{ не меньше, чем } Z \text{ (утверждение)}$. Тогда $X\text{-у недостаточно } Y\text{-а для } P = \text{'Для выполнения } P \text{ человеку } X \text{ нужен объект } Y \text{ в количестве } Z, \text{ и } X \text{ имеет } Y \text{ в количестве } Z', \text{ и } Z' \text{ не не меньше, чем } Z' = \text{'... и } Z' \text{ меньше, чем } Z' = \text{'... и } Z \text{ больше, чем } Z'$; т. е. $X\text{-у}$ нужно было больше $Y\text{-а}$, чем у него реально имелось.

30. В *Апресян 1974: 114 (120iv)* было названо "частным и факультативным правилом переноса отрицания"; ср. понятие *negtransportation* в порождающей семантике. В *Падучева 1974: 154* аналогичные явления исследуются под названием "смещенного отрицания". Последний термин следует признать более удачным. См. также *Богуславский 1978a*.

31. Обратим внимание на примеры другого типа, тоже, по-видимому, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме: *вертеть хлыстик (трость) — вертеть хлыстиком (тростью), двигать горшки в печи — двигать горшками в печи, Ветер шевелит листья — Ветер шевелит листьями* и т. п. Они представляют значительный лексикографический интерес, тем более что лексикографическая практика в описании таких фактов непоследовательна: иногда они трактуются как репрезентирующие одно значение глагола, а иногда — как два разных. Ср. также разноречивую грамматическую трактовку этого материала: *Пешковский 1935* (творительный отличается от винительного только стилистически) и *Jakobson 1936, Мразек 1964, Кацнельсон 1972* (между творительным и винительным есть семантические различия). Новые соображения по поводу семантики творительного в таких и других аналогичных сочетаниях высказаны в *Wierzbicka 1980*.

Обозначения

Здесь приводятся используемые в работе обозначения, за исключением тех, которые расшифровываются в тексте или вообще не нуждаются в расшифровке.

вин	– винительный падеж
дат	– дательный падеж
действ	– действительный залог
ед	– единственное число
изъяв	– изъявительное наклонение
им	– именительный падеж
инф	– инфинитив
(исход)	– синтаксический признак исходности
(конечн)	– синтаксический признак конечности
крат	– краткая форма прилагательного
лич	– личная форма глагола
(локат)	– синтаксический признак локативности
M_i	– i -е место предикатного слова
мн	– множественное число
наст	– настоящее время
непрош	– не прошедшее время
несов	– несовершенный вид
повел	– повелительное наклонение
предик	– предикативное поверхностно-синтаксическое отношение
предл	– предложный падеж
род	– родительный падеж
сов	– совершенный вид
сравн	– сравнительная степень прилагательного
твор	– творительный падеж
∅	– отсутствие элемента
(А)	– прилагательное

(Adv)	– наречие
Adv _{1B} (X)	– лексическая функция, значением которой является наречие или предлог деепричастного типа, образованное (по смыслу) от X, ср. <i>охотно</i> – <i>любить</i> , <i>из-за</i> – <i>вызывать</i>
attr	– атрибутивное глубинно-синтаксическое отношение
CausFunc ₀ (X)	– лексическая функция, значениями которой являются, например, следующие глаголы (в квадратных скобках указывается аргумент функции): <i>вызывать</i> [смерть], <i>сеять</i> [панику], <i>ставить</i> [вопрос], <i>выдвигать</i> [предложение]
(Conj)	– союз
Conv ₂₁ (X)	– конверсив двухвалентного предиката X (слово, обозначающее обратное отношение)
Copul(X)	– лексическая функция, значениями которой являются, например, следующие глаголы: <i>быть</i> [причиной], <i>служить</i> [пристанищем], <i>доводиться</i> [дядей]
COREF(X ₁ , X ₂)	– X ₁ и X ₂ обозначают один и тот же объект
D _{ij} , D _{ik}	– способы выражения i-го места предиката
(Num)	– числительное
(NUMP)	– количественная группа
(Prep)	– предлог
(S)	– существительное
S _i (X)	– лексическая функция, значением которой является типовое название i-го участника ситуации, обозначаемой предикатным словом X (S ₁ (<i>лечить</i>) = <i>врач</i> , S ₂ (<i>лечить</i>) = <i>пациент</i>)
Syn(X)	– синоним слова X
(V)	– глагол
	– знак условия
≠	– знак неравенства
↔	– знак двустороннего синонимического преобразования
X ⊃ Y	– X включает в себя Y
Δ	– знак дерева зависимостей
\tilde{X}	– группа X-а, т. е. X и все зависящие от него непосредственно или опосредованно узлы

Литература

- Апресян 1967* — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1974* — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1978* — *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka. Warszawa, 1978.*
- Апресян 1979* — *Апресян Ю. Д.* К понятию глагольного управления // *Wiener Slavistischer Almanach. 1979. Bd. 3.*
- Апресян и др. 1979* — *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П., Лазурский А. В., Перцов Н. В., Санников В. З.* Типы информации в толково-комбинаторном словаре // *Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Часть II. М., 1982.*
- Арутюнова 1976* — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- БАС* — *Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1951–1965* (Большой академический словарь). Т. 1–17.
- Богуславский 1977* — *Богуславский И. М.* О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. № 3.*
- Богуславский 1978а* — *Богуславский И. М.* О понятии смещенного отрицания. Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. 1978. Вып. 107.
- Богуславский 1978б* — *Богуславский И. М.* Отрицание в предложениях с обстоятельствами в русском языке // *Studia grammatyczne. Kraków, 1978.*
- Бондарко 1971* — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Брызгунова 1969* — *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1969.
- Виноградов 1947* — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Гак 1966* — *Гак В. Г.* Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966.
- Гак 1972* — *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики // *Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.*
- Гладкий 1979* — *Гладкий А. В.* Описание синтаксической структуры предложения с помощью систем синтаксических групп. II. Лингвистическая интерпретация // *Slavica, XVII Debrecen, 1981.*
- Гловинская 1977а* — *Гловинская М. Я.* К вопросу о значении видового противопоставления в русском языке // *Лингвометодические вопросы преподавания русского языка на подготовительном факультете. М., 1977.*
- Гловинская 1977б* — *Гловинская М. Я.* О некоторых трудностях в изучении семантики видов // *Болгарская русистика. 1977. № 3.*

Гловинская 1980a — *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Гловинская 1980b — *Гловинская М. Я.* Общефактическое значение несовершенного вида (форма прошедшего времени) // Структурная лингвистика 1979. М., 1980.

Грамматика 1960 — Грамматика русского языка. Т.1.: Фонетика и морфология. М., 1960.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.

Есперсен 1958 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.

Жолковский и Мельчук 1967 — *Жолковский А. К., Мельчук И. А.* О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып.19.

Зализняк 1977 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.

Золотова 1973 — *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Иомдин 1979 — *Иомдин Л. Л.* Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. Определительные конструкции // *Южнославянский филолог*, 35, 1979.

Иомдин — Мельчук — Перцов 1975 — *Иомдин Л. Л., Мельчук И. А., Перцов Н. В.* Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. 1. Предикативные синтагмы // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1975. № 7.

Иорданская 1967 — *Иорданская Л. Н.* Автоматический синтаксический анализ. Новосибирск, 1967. Т. 2.

Иорданская 1970 — *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских глаголов со значением чувства // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. 1970. Вып. 13.

Кацнельсон 1972 — *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кжижкова 1967 — *Кжижкова Е.* Адвербиальная детерминация со значением места и направления // *Вопр. языкознания*. 1967. № 2.

Леонтьева 1967 — *Леонтьева Н. Н.* Устранение некоторых видов избыточной информации в естественном языке // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. 1967. Вып.10.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957–1961 (Малый академический словарь).

Маслов 1948 — *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола // *Изв. АН СССР, ОЛЯ*, VII. 1948. Вып.4.

Мельчук 1974a — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". М., 1974.

Мельчук 1974b — *Мельчук И. А.* Об одной модели понимания речи (семантическая теория Р. Шенка). 1 // *Научно-техническая информация*. Сер. 2. 1974. № 6.

Мельчук 1960 — *Мельчук И. А.* К вопросу о грамматическом в языке-посреднике // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1960. Вып. 4.

Мельчук и Перцов 1975 — *Мельчук И. А., Перцов Н. В.* Модель английского поверхностного синтаксиса. Перечень синтагм // Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. 1975. Вып.64–66.

МПИПЛ 1964 — Машинный перевод и прикладная лингвистика., 1964. Вып.8

Мразек 1964 — *Мразек Р.* Синтаксис русского творительного. Прага, 1964.

Ожегов 1972 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972.

Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.

Пешковский 1935 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935.

Рассудова 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.

Розенцвейг 1972 — *Розенцвейг В. Ю.* Языковые контакты. М., 1972.

Санников 1979 — *Санников В. З.* Сочинительные и сравнительные конструкции: их близость, их синтаксическое представление // Wiener Slawistischer Almanach. 1979. Bd.4.

Сэпир 1934 — *Сэпир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М., 1934.

Телин 1978 — *Телин Н. Б.* О семантике видов в русском языке. VIII Международный съезд славистов, Загреб — Люблина, 3–9 IX, 1978.

ТКС 1970–1976 — Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР. 1970. Вып.2; 1970. Вып.4; 1970. Вып.7; 1971. Вып.23; 1972. Вып.26; 1972. Вып.28; 1972. Вып.29; 1973. Вып.34; 1973. Вып.35; 1973. Вып.37; 1973. Вып.38; 1973. Вып.42; 1975. Вып.63; 1976. Вып.80; 1976. Вып.85.

Червенкова 1975 — *Червенкова И. В.* О показателях меры признака (на материале современного русского литературного языка) // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии. София, 1975. Т. LXVIII. № 1.

Austin 1962 — *Austin J. L.* How to do things with words. Oxford, 1962.

Bally 1950 — *Bally Ch.* Linguistique générale et linguistique française. 3-me éd. Berne, 1950.

Bierwisch 1967 — *Bierwisch M.* Some semantic universals of German adjectivals // Foundations of language. International journal of language and philosophy. 1967. Vol.3. № 1.

Chomsky 1971 — *Chomsky N.* Deep structure, surface structure and semantic interpretation // Steinberg D. D. and Jakobovits L. A. (eds.). Semantics. London; N. Y., 1971.

Fillmore 1968 — *Fillmore Ch. J.* The case for case // Bach E. and Harms R. T. (eds.). Universals in linguistic theory. N. Y.; Chicago; San Francisco, 1968.

Fillmore 1969 — *Fillmore Ch. J.* Types of lexical information // Kiefer F. (ed.). Studies in syntax and semantics. Dordrecht, 1969.

Fodor 1977 – *Fodor J. D.* Semantics: theories of meaning in generative grammar. The Harvester Press, England, 1977.

Forsyth 1970 – *Forsyth J.* A grammar of aspect. Cambridge, 1970.

Frege 1892 – *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика Вып. 8. М., 1977.

Garner 1971 – *Garner R.* "Presupposition" in philosophy and linguistics // *Fillmore Ch. J., Langendoen D. T.* (eds.). Studies in linguistic semantics. N. Y., 1971.

Gruber 1976 – *Gruber Jeffrey S.* Lexical structures in syntax and semantics. Amsterdam; N. Y.; Oxford, 1976.

Jakobson 1936 – *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1936. № 6.

Jakobson 1959 – *Jakobson R.* Boas' view of grammatical meaning // American Anthropologist. 1959. Vol. 61. № 2.

Katz, Postal 1964 – *Katz J. J. and Postal P. M.* An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.

Kluckhohn 1961 – *Kluckhohn Ch.* Notes on some anthropological aspects of communication // American Anthropologist. 1961. Vol. 63. № 5.

Lakoff 1970 – *Lakoff G.* Global rules // Language. 1970. Vol. 46. № 4.

Lakoff 1971 – *Lakoff G.* On generative semantics // *Steinberg D. D. and Jakobovits L. A.* (eds.). Semantics. London; N. Y., 1971.

McCawley 1968 – *McCawley J. D.* Lexical insertion in a transformational grammar without deep structure. – In: "Darden B. I., Bailey C.-I. N. and Davison A. (eds.). Papers from the Fourth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society", Univ. of Chicago, Chicago, Illinois, 1968.

McCawley 1971 – *McCawley J. D.* Prelexical syntax // *P. Seuren* (ed.). Semantic Syntax. London, 1971.

Schank 1972 – *Schank R. C.* Conceptual dependency: a theory of natural language understanding // Cognitive psychology. 1972. Vol. 3. № 4.

Ullmann 1952 – *Ullmann S.* Précis de sémantique française. Berne, 1952.

Weinreich 1966 – *Weinreich U.* Explorations in semantic theory // Current trends in linguistics. III – Theoretical foundations. London; The Hague; Paris, 1966.

Wierzbicka 1967 – *Wierzbicka A.* On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967.

Wierzbicka 1969 – *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

Wierzbicka 1972 – *Wierzbicka A.* Semantic primitives. Frankfurt, 1972.

Wierzbicka 1980 – *Wierzbicka A.* The case for surface case. Ann-Arbor, 1980.

ТРАКТОВКА ИЗБЫТОЧНЫХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ*

1. О понятиях варианта и синонима

Понятие избыточной парадигмы является производным от понятия грамматически вариантной (дублетной) формы слова: парадигма избыточна, если в ней есть такая форма. Понятию грамматических вариантов посвящена обширная литература, которую здесь невозможно разбирать по существу. Мы укажем лишь то понимание вариантной формы слова, которым мы будем руководствоваться в дальнейшем.

Оно достаточно близко к традиционному и базируется на следующей содержательной идее: вариант во всех существенных деталях совпадает с основной формой, в частности содержит тот же самый корень и имеет те же самые лексическое и грамматическое значения, ту же прагматику и коммуникативные свойства. Вариант отличается от основной формы лишь некоторой неустойчивостью или ущербностью. Эти свойства могут выражаться в том, что грамматический вариант x_i лексемы X более архаичен, чем основная форма x_j , или менее употребителен, или не употребляется в некоторых типах словосочетаний и конструкций, или содержит основу, сопрягающуюся с меньшим по сравнению с основной формой числом грамматических значений.

Если же две словоформы содержат один и тот же корень, имеют одни и те же лексические и грамматические значения, прагматику, синтактику и коммуникативные свойства и не отличаются друг от друга по синхронической актуальности и употребительности, то они принадлежат двум разным лексемам, которые находятся не в отношении вариантности, а в отношении (точной) синонимии.

* Статья была впервые напечатана в сборнике *The language and verse of Russia. UCLA Slavic Studies. New Series. In honour of Dean S. Worth on his sixty-fifth birthday*, М., 1995.

2. Избыточные аспектуальные парадигмы

Мы рассмотрим здесь два основных и несколько более мелких аспектуальных лексикографических типов с избыточными формами СОВ или НЕСОВ, давно являющихся предметом внимания, но не получивших единой трактовки ни в грамматике, ни в словаре.

2.1. Первый основной аспектуальный тип

Для него характерны избыточные формы, образованные с помощью вариативных суффиксов.

Представление о нем дают следующие тройки форм: *завернуть (покупку в бумагу) — заворачивать, завертывать; перевернуть (лодку) — переворачивать, перевертывать; заготовить (дров на зиму) — заготовливать, заготавливать; подгототить (ученика) — подготавливать, подготавливать; домыслить (многое) — домысливать, домышлять; осмыслить (увиденное) — осмысливать, осмысливать; нарезать (хлеб) — нарезать, нарезывать; срэзать (тюльпаны) — срезать, срезывать; засеять (поля пшеницей) — засеивать, засеивать; рассеять (пепел по ветру) — рассеивать, рассевать; восстановить (истину) — восстанавливать, восстанавливать; остановить (поезд) — останавливать, останавливать; натравить (собак на кого-л.) — натравливать, натравлять; растравить (душу) — растравлять, растравливать.*

По поводу этого типа аспектологи и лексикографы более или менее единодушны: «лишние» (в наших примерах — правые) формы НЕСОВ являются вариантами основных форм, а не отдельными словами¹. Их лексикографическая трактовка обычно не вызывает затруднений.

В пользу вариантности правых элементов в таких тройках говорит их неустойчивость, проявляющаяся в двух обстоятельствах.

Во-первых, во многих случаях вариантные формы более или менее архаичны. Таковы, например, устаревшие формы типа *нарезывать, разрезывать, срезывать* по сравнению с живыми формами *нарезать, разрезать, срезать* или, с прямо противоположным распределением суффиксов, устаревшие формы *восстанавливать, останавливать, устанавливать* по сравнению с живыми формами

¹ См., например, Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940 (в дальнейшем ТСУ); Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965 (в дальнейшем — БАС); Словарь русского языка в четырех томах. М., 1957–1961 (в дальнейшем — МАС-1); Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2-е. М., 1981–1984 (в дальнейшем МАС-2); *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1988 (в дальнейшем — ТСО); Орфоэпический словарь русского языка. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983 (в дальнейшем — ОРФС); *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947. С. 508 и сл.; *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Брати-слава, 1960. С. 190.

восстанавливать, останавливать, устанавливать. Предельным случаем этого процесса является, естественно, полное выпадение вариантной формы из языка.

Во-вторых, в ряде случаев вариантные формы ощущаются как искусственные образования, произведенные по продуктивным грамматическим моделям, но реально не функционирующие. Такова, например, форма *примышлять* от СОВ *примыслить* (конец рассказа). Она дается в качестве основной формы НЕСОВ в БАС, ТСО и ОРФС, а в МАС-2 квалифицируется даже как единственная форма НЕСОВ. Между тем, по единодушной оценке информантов, реально функционирующей формой НЕСОВ от *примыслить* является *примысливать*. *Примышлять* — форма, правильно образованная по аналогии с живыми формами *вымышлять, замышлять, измышлять* и имеющая поэтому законный статус в системе, но в узусе не существующая и, следовательно, искусственная. Любопытно, что для *вымыслить, замыслить и измыслить* печать искусственности, наоборот, имеют формы *вымысливать, замысливать, измысливать*, хотя в системе, судя по данным МАС-2, они могут быть образованы.

Подчеркнем, что возможно только словарное описание таких троек. Никаких обобщающих правил для него сформулировать не удастся. Это объясняется по крайней мере следующими двумя причинами.

а) В абсолютно одинаковых условиях у одних лексем есть вариантные формы НЕСОВ указанного выше типа, а у других — нет. Так, в гнезде с основой *-вернуть* у большинства лексем есть по две формы НЕСОВ (см. примеры выше), а у лексемы *обернуть* (замечание против кого-л.) — одна (нельзя **обертывать* замечание). В гнезде с основой *-готовить* у большинства глаголов по две формы НЕСОВ, а у глагола *наготовить* — одна: *наготавливать*, но не **наготовлять*.

б) Предпочтение, отдаваемое в большинстве случаев формам на *-ыва- (-ива-)* или на *-а- (-я-)* как основным вариантам НЕСОВ, не мотивировано. Особенно интересно в этом отношении словообразовательное гнездо с основой *-травить*. Для *вытравить* (что-л. из памяти) формы НЕСОВ *вытравливать* и *вытравлять* воспринимаются как более или менее равноправные. Однако для *затравить* (волка) единственно возможной формой НЕСОВ, по данным МАС-2, является *затравливать* (не **затравлять*), а для *отравить* (мужа) или *отравить* (существование кого-л.), наоборот, — *отравлять* (но не **отравливать*). Итак, наш первый аспектуальный тип можно считать хорошим примером избыточной глагольной парадигмы, подлежащей лексикографической фиксации. К нему примыкает несколько более мелких групп с избыточными формами НЕСОВ или СОВ. Упомянем две из них.

Первую группу образуют двувидовые глаголы на *-ова-*, имеющие два ряда форм НЕСОВ: на *-овыва-* и *-ова-*. Ср. следующие тройки форм: *арестовать* — *арестовывать, арестовать*; *конфисковать* — *конфисковывать, конфисковать*;

мобилизовать — *мобилизовывать, мобилизовать*; *образовать* — *образовывать, образовывать*; *организовать* — *организовывать, организовать*; *преобразовать* — *преобразовывать, преобразовать*. Хотя формально такие тройки устроены иначе, чем тройки типа *завернуть (покупку в бумагу)* — *заворачивать, завертывать*, содержательных различий между ними нет: и здесь варианты формы НЕСОВ на *-ова-* в большинстве случаев неполноценны. Так, глагол *арестовать* в значении НЕСОВ явно устарел. У всех остальных глаголов формы НЕСОВ на *-ова-* ущербны, поскольку употребляются преимущественно в настоящем времени; ср. *Человек постоянно преобразует среду обитания*. В прошедшем времени возможность употребления форм на *-ова-* в значении НЕСОВ сокращается. В предложении типа *Человек преобразовал среду обитания* глагольная форма осмысливается как СОВ; ср. неправильность **Человек два столетия преобразовал* (надо: *преобразовывал*) *среду обитания*.

Вторую группу образуют все глаголы с основами на *-стичь*, в целом хорошо описанные в ОРФС. Они имеют два ряда форм СОВ: *достичь, достигнуть* — *достигать (берега)*; *застичь, застигнуть* — *застигать (кого-л. врасплох)*; *настичь, настигнуть* — *настигать (зверя)*; *постичь, постигнуть* — *постигать (что-л. разумом)*. Формы на *-стичь* и *-стигнуть* можно считать вариантами, принадлежащими одной и той же (избыточной) парадигме, потому что ни у одной из двух основ нет полного набора грамматических форм. От основы на *-стичь* образуются формы прошедшего времени (*постиг, постигла, постигло* и т. п.) и некоторые (не все) неличные формы (*постигший, постигши*, но не **постиженный*). Образование форм будущего времени от основы *-стичь* невозможно (**постигу, *постигет*). От основы *-стигнуть* образуются формы будущего времени (*постигну, постигнешь* и т. д.) и все неличные формы (*постигнувший, постигнув, постигнутый*). Затруднено, если вообще возможно, образование форм прошедшего времени (*?постигнул, ?постигнула, ?постигнули*).

Возникает вопрос: который из двух вариантов является основным? В пользу *-стичь* говорит то обстоятельство, что именно от этой основы образуются формы прошедшего времени — наиболее употребительные и коммуникативно наиболее важные, потому что в языке они являются главным средством фиксации фактов. В пользу *-стигнуть* говорит то обстоятельство, что от этой основы образуется большее число форм. Нам представляется предпочтительным отдать приоритет коммуникативным факторам.

2.2. Второй основной аспектуальный тип

Для этого типа характерны тройки вида «бесприставочный глагол НЕСОВ — приставочный глагол СОВ — приставочный глагол НЕСОВ, образованный от формы СОВ вторичной имперфективацией»: *вязать (преступника)* — *связать* — *связывать*; *мести (пол)* — *подмести* — *подметать*; *множиться (о трудностях и т. п.)* — *умножиться* — *умножаться*. Этот тип вызы-

вает гораздо больше споров². Более или менее очевидно, что с синхронной точки зрения первый элемент в таких тройках, особенно когда речь идет о переносных значениях глаголов, образован усечением приставки второго элемента. Это — своего рода «джокер», выполняющий чужие функции: ср. *бить (врага) — побить — побивать*; *бить (Часы бьют) — пробить — пробивать*; *бить (посуду) — разбить — разбивать*; *бить (масло) — сбить — сбивать*. Этим как будто предопределяется их трактовка как *imperfectiva tantum*, и получается, что собственно видовую пару образуют только формы типа *связать — связывать, подмести — подметать* и т. п. Реальная словарная ситуация, однако, сложнее.

В рамках существующих представлений возможны три альтернативных описания данного типа, которые мы проиллюстрируем ниже на примере тройки *множиться — умножиться — умножаться*.

(1) *Умножиться — умножаться* образуют нормальную видовую пару, а *множиться* — одновидовой глагол, синонимичный *умножаться*. Такая точка зрения представлена в работах Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко, А. В. Бондарко и ряда других аспектологов, а также в словарях БАС и МАС-1 (позиции ТСУ и ТСО в этом отношении менее ясны). В ее основе лежит та идея, что приставочные производные, за редкими исключениями (*делать — сделать, строить — построить* и т. п.), отличаются от соответствующих бесприставочных глаголов не только видовым, но и лексическим значением.

На наш взгляд, эта точка зрения ближе всех подходит к истине, но принять ее целиком все-таки нельзя.

Семантическое отношение *множиться* к *умножиться* точно такое же, как *умножаться* к *умножиться*. Попытки усмотреть в *умножаться* какое-либо значение (например, 'стремление к пределу'), якобы отсутствующее в *множиться*, несостоятельны. В частности, *Трудности множатся, Трудности умножаются* и даже *Трудности умножились* ни в коей мере не предполагают ни достижения предела, ни хотя бы стремления к нему. Это прямо вытекает из их семантики. Если некий объект на сколько-то увеличился, нет никаких препятствий для его дальнейшего увеличения (ср. второй семантический тип видового противопоставления по классификации М. Я. Гловинской в уже упоминавшейся работе: *Давление сильно возросло и продолжало расти, Трудности умножились и продолжают умножаться*). Если бы формы *умножаться* не существовало, формы *множиться — умножиться* были бы такой же идеальной видо-

² См., например, *Виноградов В. В.* Указ. соч. С. 508 и сл.; *Исаченко А. В.* Указ. соч. С. 167–172; *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л. 1984. С. 69 и сл.; *Бондарко А. В.* Глагольный вид и словарь // Современная русская лексикография. Л., 1975; *Он же.* Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 97 и сл.; *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 174–175; *Гловинская М. Я.* Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986. С. 209 и сл.

вой парой, как *делать* — *сделать*. Формальное отсутствие формы **сделывать* при наличии формы *умножаться* не должно создавать столь глубоких различий в квалификации пар *множиться* — *умножиться*, с одной стороны, и *делать* — *сделать*, с другой³.

(2) В тройках типа *множиться* — *умножиться* — *умножаться* представлены следующие две лексемы: *множиться* — *умножиться* и *умножиться* — *умножаться*. Такова, по-видимому, точка зрения МАС-2, исторически подготовленная в ТСУ и ТСО. В МАС-2 (в отличие от МАС-1) в словарной статье *множиться* дается форма СОВ *умножиться*, а в словарной статье *умножиться* даются сразу две формы НЕСОВ — *умножаться* и *множиться*. Вопрос о том, как относятся друг к другу две последние формы, в словаре остается открытым. Поскольку, однако, в словарной статье *множиться* не дается в качестве второй формы НЕСОВ *умножаться*, можно заключить, что в МАС-2 *множиться* и *умножаться* рассматриваются не как варианты, т. е. элементы одной и той же парадигмы, а как разные, хотя и синонимичные друг другу слова.

Трудность: *умножиться* объявляется формой СОВ от двух разных слов, т. е. элементом двух разных парадигм. Такого пересечения парадигм лингвистическая теория до сих пор не знала. В других подобных, но все-таки не тождественных ситуациях единое в сущности слово расщепляется на омонимы. Такова, например, лексикографическая трактовка слова *пестреть*: *пестреть* 1, *пестреет*, *пестреют* (*Вдали пестреют цветы*) — *пестреть* 2, *пестрит*, *пестрят* (*В глазах пестрит от ярлыков и наклеек*). Оставляя в стороне вопрос о правомерности расщепления глагола *пестреть* на два омонима, подчеркнем, что для *умножиться* такая трактовка абсолютно исключена. Нет ровным счетом никаких оснований видеть в *умножиться* (в пределах рассмотренного круга употреблений) не только два разных слова, но даже две разные лексемы, т. е. два разных лексических значения одного слова. Получается парадокс: *множиться* и *умножаться* суть разные лексемы (синонимы), входящие в грамматическую парадигму одной и той же лексемы *умножиться*. Разрешить этот парадокс в рамках существующих представлений можно лишь одним способом (если исключить расщепление на омонимы) — признать, что *множиться* и *умножаться* являются вариантами и что парадигма глагола *умножиться* содержит избыточную форму НЕСОВ. Рассмотрим эту возможность подробнее.

(3) Тройки типа *множиться* — *умножиться* — *умножаться* образуют единую глагольную парадигму, в которой формы НЕСОВ *множиться* и *умножаться* вариантны и имеют приблизительно такой же статус, как, например, формы *засеивать* — *засевать* в первом аспектуальном типе.

³ Ср. более или менее случайное отсутствие форм НЕСОВ со вторичной имперфективацией еще в следующих парах: *говорить* — *сказать* (**сказывать*), *длиться* — *продлиться* (**продлеваться*), *играть* — *сыграть* (**сыгрывать*), *рубить (избу)* — *срубить* (**срубить*), *тревожить* — *встревожить* (**встревоживать*).

Трудности: это решение входит в противоречие с определением вариантов, потому что ни та, ни другая форма не имеют друг перед другом никаких преимуществ. Кроме того, формальное различие между *множиться* и *умножаться* больше, чем между *засеивать* и *засевать*. В первой паре формы различаются суффиксом и префиксом, а во второй — только суффиксом. Тем самым *множиться* — *умножаться* имеют больше оснований считаться разными словами, чем *засеивать* — *засевать*.

Это, конечно, мелкие и чисто формальные контраргументы, но есть и более серьезный. Признание *множиться* — *умножиться* — *умножаться* формами одного слова и, следовательно, элементами одной парадигмы неизбежно приводит к такой ревизии глагольных парадигм, которая ни в какую реалистическую картину языка не укладывается. Действительно, дело не ограничивается тройками форм вида *множиться* — *умножиться* — *умножаться*. В МАС-2 точно так же трактуются и, следовательно, имеют не меньше прав на принадлежность к одной парадигме четверки, пятерки, шестерки и даже семерки форм. Четверки: *мазать* (*из колъта*) — *промазать* — *промазывать* — разг. *смазать*; *менять* (*иголки на шкуры*) — *обменять* — *обменивать* — *поменять*; *мерить* (*температуру*) — *измерить* — *измерять* — разг. *смерить*; *платить* (*за проезд*) — *уплатить* — *уплачивать* — *заплатить*. Пятерки: *кутать* (*ребенка в платок*) — *закутать* — *закутывать* — *укутать* — *укутывать*; *лечить* (*ребенка от кори*) — *вылечить* — *вылечивать* — *излечить* — *излечивать*; *наковать* (*вещи*) — *запаковать* — *запаковать* — *упаковать* — *упаковывать*; *путать* (*ряды*) — *перепутать* — *перепутывать* — *спутать* — *спутывать*. Семерка: *копить* (*деньги*) — *накопить* — *накапливать* — *накоплять* — *скопить* — *скапливать*, разг. *скоплять*. В МАС-2 подача таких рядов ничем не отличается от подачи чисто видовых пар типа *брать* — *взять*, *говорить* — *сказать*, *строить* — *построить*.

Итак, приняв гипотезу 3, мы приходим к противоестественному допущению, будто язык позволяет себе роскошь иметь от двух до четырех вариантов одной и той же грамматической формы, порождаемых к тому же вполне живыми, а иногда и продуктивными процессами.

Перечисленные трудности пытались разрешить в разные времена отказом от традиционного взгляда на вид как на словоизменительную категорию. Вид считали словообразовательной категорией; категорией, промежуточной между словообразованием и словоизменением; классификационной категорией; категорией, промежуточной между словоизменительной и классификационной; особой категорией, стоящей вне словообразовательных, словоизменительных и классификационных категорий⁴.

⁴ См. обзоры: *Виноградов В. В.* Указ. соч. С. 477 и сл.; *Авилова Н. С.* Вид и семантика глагольного слова. М., 1976. С. 28–42; см. также *Поливанов Е. Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934. С. 115; . *Бондарко А. В.*, *Буланин*

Эти определения сущности русского вида вряд ли способствуют решению вопроса о лексикографическом описании избыточных видовых форм глагола. На наш взгляд, трудности описания порождаются не только онтологической сложностью рассматриваемого аспектуального материала, но и изъянами в лингвистических и лексикографических подходах к нему. В основе этих подходов до сих пор лежали попытки дать единую трактовку всему второму аспектуальному типу. Возможно, здесь сказывалась власть иллюзии, что коль скоро тройки типа *вязать — связать — связывать, мести — подмести — подметать* и т. п. формально устроены одинаковым или очень похожим образом, они и содержательно должны быть однородны. В действительности такие тройки (в объеме материала, извлеченного из МАС-2) распадаются по крайней мере на четыре содержательно различных подтипа. Хотя их границы размыты, каждый из них может быть представлен вполне четко рядом канонических примеров.

Ниже мы рассмотрим эти подтипы на материале троек форм. Решения для этой относительно простой ситуации легко распространяются и на более сложные ситуации четверок — семерок форм.

П е р в ы й п о д т и п: приставочная форма НЕСОВ является вариантом беспривставочной, парадигма избыточна. Канонические примеры: *лепить (великана из снега) — слепить — слепливать, плести (кружево) — сплести — сплестать*. Другие примеры: *беречь (патроны) — сберечь — сберегать, бить (Часы бьют полночь) — пробить — пробивать, вить (гнездо) — свить — свивать, косить (рожь) — скосить — скашивать, плавиться (Воск плавится) — расплавиться — расплавляться, публиковать (статью) — опубликовать — опубликовывать, слушать (курс лекций) — прослушать — прослушивать, таять (Снег тает) — растаять — растаивать, формировать (дивизию) — сформировать — сформировывать, хватать (кость) — схватить — схватывать*.

Этот класс лексем в существенных для нас деталях сходен с первым аспектуальным типом и лексикографически должен описываться аналогичным образом. Действительно, в каждой из приведенных выше троек каноническим обозначением действия в форме НЕСОВ является беспривставочный глагол. Приставочные глаголы НЕСОВ со вторичной имперфективацией явно менее употребительны и часто отмечены печатью искусственности. Они могут быть получены по продуктивным моделям видообразования, но скорее в виде потенциальных, чем реально используемых форм. В быту никто не скажет, например, *Он сейчас смалывает кофе, Дети слепливали великана из снега, Снег растаивал, Часы пробивали полночь*. Скажут: *Он сейчас мелет кофе, Дети лепили великана из снега, Снег таял, Часы били полночь*.

Убедительное, хотя и косвенное подтверждение этих оценок содержится в ТСО. Для глаголов *бить, вить, вязать, давить, лепить, молоть, пахать, пла-*

виться, плести, расти, таять, трясти, формировать, хватать и многих других этот словарь приводит приставочные формы СОВ *пробить, свить, связать, раздавить, слепить, смолоть, расплавляться, сплести, вырасти, растаять, вытрясти, сформировать, схватить* и т. д. Однако соответствующие им приставочные производные НЕСОВ либо вовсе не регистрируются в словаре, т. е. считаются несуществующими, либо регистрируются в других лексических значениях, т. е. считаются несоотносительными с бесприставочными глаголами НЕСОВ. Так, в статусе реально существующих форм русского языка отказано формам *раздавливаться, слепливать, смальывать, растаивать, вытрясать* и некоторым другим (правда, в БАС и МАС-2 они даются). У форм *пробивать, свивать, связывать, сплетать, схватывать* и ряда других не усматривается лексических значений, соотносительных с теми, что представлены в приведенных выше примерах.

Еще одним и, кажется, более существенным свидетельством ущербности приставочных глаголов НЕСОВ первого подтипа является отсутствие у многих из них ряда частных и даже главных видо-временных значений. Так, у форм *прослушивать* и *сберегать* нет процессного (в частности, актуально-длительного) значения НЕСОВ; ср. *Мы в этом семестре прослушиваем курс лекций по семантике*, **Бойцы сейчас очень сберегают патроны* (при правильности *Мы в этом семестре слушаем курс лекций по семантике*, *Бойцы сейчас очень берегут патроны*). У форм *расплавляться, растаивать* нет видо-временного значения свойства; ср. *Вольфрам расплавляется при температуре 3500 градусов* (надо: *плавится*), *Снег растаивает при температуре выше нуля* (надо: *тает*).

Можно, конечно, возразить, что зато у бесприставочных форм НЕСОВ иногда отсутствуют результативные значения, имеющиеся у приставочных форм НЕСОВ, так что в этом отношении как раз бесприставочные формы НЕСОВ оказываются ущербными. Такова, в частности, форма *беречь* (*патроны*), у которой нет общефактического результативного значения, между тем как у *сберегать* оно есть: *Солдаты не раз сберегали патроны*. На это возражение есть два контраргумента.

1. В большинстве приведенных выше примеров результативное значение (общефактическое или *praesens historicum*) есть и у бесприставочных форм НЕСОВ (ср. *Часы уже били полночь*, *Мы в первом семестре уже слушали курс семантики*, *Он формирует дивизию и уезжает на Север*).

2. Онтологически есть ровно две возможности мыслить действие — в протекании и в результате. При этом лингвистически первая возможность представляет большую ценность, потому что толкование протекающего действия семантически проще, чем толкование его результата. К одному результату могут приводить разные события, и поэтому исчерпывающее описание действия через его результат должно неизбежно включать не только описание конечного положения вещей, но и описание того действия, которое к нему привело.

Второй подтип: приставочная форма НЕСОВ во всех существенных отношениях равноправна или несколько более жизнеспособна по сравне-

нию с бесприставочной формой. Канонические примеры: *бежать* (*Молоко бежит*) — *убежать* — *убегать*, *множиться* (*Трудности множатся*) — *умножиться* — *умножаться*. Другие примеры: *бить* (*рекорды*) — *побить* — *побивать*, *блюсти* (*приличия*) — *соблюсти* — *соблюдать*, *драть* (*с покупателей втридорога*) — *содрать* — *сдирать*, *жать* (*штангу*) — *выжать* — *выжимать*, *менять* (*свою внешность*) — *изменить* — *изменять*, *менять* (*деньги*) — *разменять* — *разменивать*, *мерить* (*туфли*) — *примерить* — *примерять*, *мести* (*пол*) — *подмести* — *подметать*, *слушать* (*отчет на заседании кафедры*) — *заслушать* — *заслушивать*.

Вторая и третья формы в этих тройках, безусловно, образуют чистовидовые пары с полной и неизбыточной парадигмой.

Что касается первых элементов троек, то в системе языка их, в силу данных выше определений, следует классифицировать как другие лексемы, синонимичные соответствующим приставочным глаголам и принадлежащие к *imperfectiva tantum*. Значит ли это, что они ни в каком смысле не имеют соотносительных форм СОВ и что, следовательно, их парадигма абсолютно дефектна? Нет, не значит. В системе языка форм СОВ у них действительно нет, но они есть в узусе: в реальном диалоге при необходимости выразить нужную мысль говорящий не задумываясь употребит форму СОВ ближайшего к X-у синонима, если парадигма самого X в этом звене дефектна. Ср. — *Что ты делаешь?* — *Мету пол.* — *Когда подметешь, вымой посуду;* — *У тебя молоко не бежит?* — *Уже убежало.* Обратим внимание на сходство между отсутствием собственных форм СОВ у *мести*, *бежать* и отсутствием собственных форм родительного множественного у существительных типа *мечта*, вместо которых, в случае необходимости, употребляется соответствующая форма ближайшего синонима (ср. *мечтаний*). В обоих случаях компенсаторный механизм один и тот же — используется не с о б с т в е н н а я форма. То же самое, кстати сказать, происходит и в области словообразования; ср. *соответствовать* (*всем требованиям*) — *соответствие VS. отвечать* (*всем требованиям*) — ?. Пустая клетка для *отвечать* заполняется в случае необходимости нужным дериватом ближайшего синонима, т. е. словом *соответствие*.

Таким образом, парадокс бесприставочных глаголов второго подтипа, которые не имеют форм СОВ и одновременно имеют их, мы предлагаем решать, опираясь на различие между системой и узусом и приписывая им в узусе несобственную форму СОВ. Соответствующая словарная запись для глагола *бежать*, например, примет следующий вид: БЕЖАТЬ 6..., СОВ НЕСОБСТ *убежать*.

Третий подтип, самый многочисленный: приставочная форма НЕ-СОВ существенно отличается по смыслу от бесприставочной и образует чистовидовую пару только с приставочной формой СОВ. У бесприставочной формы НЕСОВ нет даже несобственной формы СОВ. Канонические примеры: *гореть* (*Полено горит*) — *сгореть* — *сгорать*, *бить* (*масло*) — *сбить* — *сбивать*. Другие примеры: *гнуть* (*медный пятак*) — *согнуть* — *сгибать*, *греть* (*руки*) —

согреть — *согреть*, *жарить* (*цыпленка*) — *зажарить* — *зажаривать*, *крутить* (*козью ножку*) — *скрутить* — *скручивать*, *точить* (*деревянные ложки*) — *выточить* — *вытачивать*, *травить* (*крыс*) — *отравить* — *отравливать*, *чесать* (*волосы*) — *расчесать* — *расчесывать*. Большинство глаголов этого подтипа обозначают изменение физического состояния объекта.

Приставочные глаголы НЕСОВ этого подтипа отличаются от своих бесприставочных квазисинонимов значением большей близости к результату, большей продвинутости действия к его естественному пределу. Это проявляется, например, в том, что они легко употребляются с инклюзивными обстоятельствами времени (в многократном и потенциальном значениях), обозначая достижение результата. Ср. *Он сбивает масло за час*, *Он согревает руки за минуту* при сомнительности *??Он бьет масло за час*, *??Он греет руки за минуту*. В контексте наречия *быстро* приставочный глагол НЕСОВ естественнее осмысливается в настоящем историческом и дает акцент на скорости получения результата, а бесприставочный глагол НЕСОВ естественнее осмысливается в актуально-длительном и дает акцент на скорости выполнения действия. Ср. *Она быстро сбивает масло* — *Она быстро бьет масло*.

Аналогичны различия между глаголами НЕСОВ *гореть* и *сгорать* в контексте отрицания и оценки. Во фразе *Полено не сгорает* сообщается, что процесс горения не доходит до конца, но самый факт горения не отрицается. Во фразе *Полено не горит* отрицается именно факт горения. *Полено хорошо <плохо> сгорает* характеризует результат горения: *хорошо* ≈ 'без остатка', *плохо* ≈ 'с остатком в виде головешек и т. п.'. *Полено хорошо <плохо> горит* характеризует процесс: *хорошо* ≈ 'с жаром, без дыма', *плохо* ≈ 'без жара, чадя'.

В ряде случаев семантические различия между приставочными и бесприставочными глаголами НЕСОВ носят менее систематический характер. Так, *зажаривать* (*цыпленка*, *поросенка*, *целую баранью ногу*), как и *зажарить*, отличается от *жарить* указанием на то, что воздействию подвергается некий цельный природный объект. Нельзя *?зажаривать <зажарить> котлеты <картофель, лук>*, хотя их вполне можно *жарить*.

Все эти факты позволяют заключить, что бесприставочные глаголы НЕСОВ третьего подтипа — безусловные *imperfectiva tantum*.

Четвертый подтип, самый немногочисленный: приставочная форма НЕСОВ отличается по своему лексическому значению не только от бесприставочной формы НЕСОВ, но и от приставочной формы СОВ. Канонические примеры: *есть* (*хлеб*) — *съесть* — *съеда́ть*, *пить* (*воду*) — *выпить* — *выпива́ть*, *читать* (*книгу*) — *прочитать* — *прочита́ывать*.

Одним из типичных семантических компонентов, отличающих приставочный глагол НЕСОВ от двух других элементов этих троек, является значение кратности действия; ср. *Он медленно прочита́вал страницу за страницей*. Поэтому самым естественным для них является узуальное значение: *Он хваста́лся, что во время оно съеда́л до ста подовых пирожков* (А. И. Герцен); *Они выпива́ли перед обедом по рюмке домашней горькой настойки* (Н. Г. Чернышев-

ский). В лексическое значение приставочных глаголов *съесть* и *выпить* смысл 'кратность' явным образом не входит.

Следовательно, настоящую видовую пару составляют, парадоксальным образом, бесприставочный глагол НЕСОВ и приставочный глагол СОВ. Соотносительный приставочный глагол НЕСОВ относится к классу *imperfectiva tantum*, т. е. имеет дефектную парадигму. Именно так элементы рассмотренных троек должны подаваться в словаре.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ*

Вопрос о лексикографировании синтаксических свойств слова в толковом словаре давно стал предметом теоретических исследований, первые результаты которых уже находят конкретное воплощение в лексикографической практике [Апресян, Палл, 1982; Мельчук, Жолковский, 1984]. Представляется, однако, уместным продолжить обсуждение этого вопроса в связи с новыми материалами и концепциями, введенными в научный оборот прежде всего в работах по формальным лингвистическим моделям. В частности, в данной работе мы будем опираться на теоретическую модель английского синтаксиса [Mel'čuk, Pertsov, 1987] и на действующую модель русского синтаксиса, описанную в [Апресян и др., 1989].

Определяя объем синтаксической информации для толкового словаря, мы будем исходить из одного теоретического требования, которому должно удовлетворять любое научное описание языка. Это — требование интегральности описания [Апресян, 1986].

Мы попытаемся обсудить вопрос об объеме синтаксической информации в толковом словаре максимально конкретно и наглядно. С этой целью мы сначала рассмотрим ряд конструкций с глаголом *считать* и некоторыми другими путативными глаголами, затем предложим грамматику (синтаксические правила) для их формального анализа и, наконец, покажем, какие синтаксические сведения должны быть включены в словарь, чтобы правила могли эффективно анализировать эти конструкции.

1. Материал

1.1. Двухвалентные конструкции

Всякий путативный глагол, в силу самой природы путативности, имеет по крайней мере две семантические валентности — субъекта мнения (кто считает)

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Советская лексикография", М., 1988

и содержания мнения (что именно считает). У большинства путативных глаголов — *считать, верить, допускать, думать, находить, подозревать, полагать, предполагать, признавать, принимать* и ряда других — эти семантические валентности имеют непосредственное и естественное синтаксическое выражение. Валентность субъекта мнения (факультативная) выражается подлежащим в именительном падеже, как это характерно для подавляющего большинства русских глаголов. Валентность содержания мнения (обязательная) выражается придаточным дополнительным предложением, вводимым союзом *что* 1:

(1а) *Я считаю <думаю, нахожу, подозреваю, полагаю, признаю>, что ваши жалобы неуместны.*

(1б) *Мы предположили <допустили, приняли>, что прямая пересекает плоскость в точке С.*

В пределах двухвалентной конструкции существуют еще три, более экзотических, способа выражения второй семантической валентности путативов. Это — пропозициональные местоименные существительные *следующее, что 2, это* (в винительном падеже), пропозициональные местоименные наречия *иначе, так, как* и косвенный вопрос.

Первым из этих способов валентность содержания может выражаться при путативах *считать, допускать, думать, подозревать, полагать, предполагать, признавать, принимать*:

(2а) *Я считаю <допускаю, ...> следующее <вот что>.*

(2б) *Я этого не считаю <не допускаю, не думаю, ...>.*

Вторым способом валентность содержания выражается достаточно свободно только при трех путативах — *считать, думать, полагать*.

(3а) *А как вы считаете <думаете, полагаете>?*

(3б) *Я считаю <думаю> так <иначе>.*

Наконец, третьим способом — косвенным вопросом — валентность содержания вполне свободно выражается при путативе *судить*. В его значение входит идея выбора одной гипотезы из ряда альтернатив, которая и мотивирует управление косвенным вопросом:

(4) *Не мне судить, уместны ли ваши жалобы <почему он уехал>.*

Все остальные путативы обнаруживают ту или иную степень несвободы употребления в одной или нескольких из названных здесь двухвалентных конструкций.

Так, путативные глаголы *рассматривать, расценивать, смотреть, судить* и просторечное *держат* не употребляются даже в основной для путативов конструкции с придаточным предложением, вводимым *что* 1:

(5а) * *Я рассматриваю <расцениваю>, что ваши жалобы неуместны.*

(5б) * *Я сужу <смотрю>, что ваши жалобы неуместны.*

(5в) * *Ты держишь, что он дурак?*

Те же путативные глаголы, а также *верить* и *находить*, не управляют пропозициональными местоименными существительными и наречиями:

(6а) * *Я нахожу <верю, расцениваю, сужу> следующее <вот что>.*

(66) * *Я нахожу <верю, допускаю, подозреваю, предполагаю, принимаю> так <иначе>.*

Как уже было сказано выше, по семантическим причинам ни один путатив, кроме *судить*, не управляет косвенным вопросом.

1.2. Трехвалентные конструкции

Большинство путативных глаголов располагают еще одним способом реализации второй семантической валентности: она может быть расщеплена на две обязательные синтаксические валентности — темы мнения (о ком-чем думают) и собственно содержания (что именно думают). Иными словами, синтаксически многие путативы могут быть и трехвалентными.

Каноническим способом выражения второй синтаксической валентности таких путативов, как *считать, находить, признавать*, является именная группа в винительном падеже. Каноническим способом выражения их третьей синтаксической валентности является именная группа в творительном падеже или прилагательное в сравнительной степени: если третья валентность представлена прилагательным в творительном падеже, последнее согласуется в роде и числе с именем, замещающим вторую валентность:

(7а) *Он считает <признает> Машу умницей <умной>.*

(7б) *Я считаю <нахожу> ваши жалобы неуместными.*

(7в) *Я считаю <нахожу, признаю> вашу работу намного интереснее своей.*

Существуют и другие способы выражения обеих валентностей. При этом разнообразие выражения третьей валентности возможно лишь при винительном падеже второй, а разнообразие выражения второй валентности — лишь при творительном падеже или (в меньшей мере) сравнительной степени третьей.

Рассмотрим сначала возможные способы выражения третьей валентности при фиксированном винительном падеже второй.

При путативах *квалифицировать, мыслить, рассматривать, расценивать* валентность содержания мнения оформляется союзно-именной группой с союзом *как*, похожим образом она оформляется и при *смотреть*:

(8а) *Газета квалифицирует эту акцию как надругательство над правами народа.*

(8б) *Аристотель мыслит сферу качеств как абсолютно непроницаемую.*

(8в) *Я рассматриваю <расцениваю> ваши жалобы как неуместные.*

(8г) *Я смотрю на ваши жалобы как на неуместные.*

При путативах *считать* и *держат* (прост.) содержание мнения выражается предложно-именной группой *за кого-л.*, в которой позицию имени занимает обычно оценочное существительное или существительное, способное к оценочному употреблению:

(9а) *Уж не считаешь ли ты его за дурака?*

(9б) *Ты что, за дурака его держишь?*

При глаголе *подозревать* содержание мнения выражается предложно-именной группой вида *в чем-л.*, ср.

(10) *Очень тяжело подозревать товарища в предательстве.*

Наконец, при глаголе *считать* все та же третья валентность выражается предикативными наречиями и наречными оборотами типа *в безопасности, в долгу, вправе, в силах, в состоянии, на (особом) положении* и т. п.; при этом вторая валентность насыщается словом со значением лица; ср.

(11а) *Я считаю себя в долгу перед вами.*

(11б) *Я считаю вас вправе требовать компенсации.*

(11в) *Вы считаете себя в состоянии отработать вторую смену?*

Перейдем к способам выражения второй валентности при фиксированном творительном падеже третьей валентности.

Для классических путативов *считать, находить* и *признавать* мы знаем шесть таких способов, кроме канонического (винительного падежа имени): инфинитив, придаточное предложение с союзами *что* 1, *чтобы, если* или *когда* и косвенный вопрос:

(12а) *Жаловаться я считаю <признаю> неуместным <ошибкой>.*

(12б) *Он не находил нужным проверять эту информацию.*

(12в) *Спортивные обозреватели признают возможным <вероятным>, что претендент попытается вырваться вперед на старте.*

(12г) *Дирекция считает <находит, признает> целесообразным, чтобы разработку нового двигателя поручили вашей лаборатории.*

(12д) *Плановики считают <находят> странным <необъяснимым, удивительным>, когда <если> на местах не осваивают отпущенные средства.*

(12е) *Многие считали неясным, сумеет ли завод выполнить план <к какому времени завод сумеет выполнить план>.*

Конструкции типа *Молодые люди считали за честь пригласить ее на мазурку* мы, по соображениям места, рассматривать не будем.

В конструкциях типа (12) тоже имеет место согласование третьего актанта-прилагательного со вторым актантом в роде и числе, хотя у инфинитивов и придаточных предложений нет ни рода, ни числа. В соответствии с весьма жесткой и широко действующей закономерностью русского языка, в таких случаях для прилагательного всегда выбирается форма единственного числа среднего рода.

Тип управления, представленный в конструкциях (12), очевидным образом не изначально присущ путативным глаголам. Он «наводится» прилагательными типа *вероятный, возможный, невозможный, недопустимый, необходимый, неуместный, неясный, ошибочный, разумный, сомнительный, странный, удивительный, целесообразный, ясный*, существительными типа *необходимость, ошибка, радость, удовольствие, честь* и т. п. Многие вообще склонны думать, что непосредственно подчиняет инфинитив или придаточное предложение не путативный глагол, а прилагательное или существительное. Такая точка зрения может быть оправдана лишь семантическими, но не синтаксическими со-

ображениями. В связи с этим уместно будет привести ряд аргументов в пользу того, что инфинитив или придаточное предложение синтаксически подчинены именно глаголу.

Первый аргумент — невозможность непосредственного управления инфинитивом со стороны многих существительных, способных насыщать третью валентность путативного глагола; ср. (13а), но не (13б), (13в):

(13а) *Жаловаться на Марию я считаю ошибкой.*

(13б) * *Ошибка жаловаться на Марию была очевидна всем.*

(13в) * *Он говорил об ошибке жаловаться на Марию.*

Ср., в отличие от этого, слово *необходимость*, для которого безусловно возможно непосредственное управление инфинитивом:

(14а) *Необходимость установить с ними контакт была очевидна.*

(14б) *Он говорил о необходимости установить с ними контакт.*

Второй аргумент — параллелизм конструкций.

(15а) *Жалобы я считаю <нахожу> неуместными.*

(15б) *Жаловаться я считаю <нахожу> неуместным.*

Конструкция (15а) синтаксически бесспорно трехвалентна, значит, трехвалентна и конструкция (15б), ибо инфинитив в ней занимает ту же самую синтаксическую позицию, что и существительное в (15а).

Третий аргумент — параллелизм путативных и собственно связочных конструкций типа

(16а) *Жалобы были неуместны.*

(16б) *Жаловаться было неуместно.*

Инфинитив в (16б), бесспорно, подлежащее, как и существительное в (16а). Но подлежащее собственно связочных глаголов регулярно преобразуется в (прямое) дополнение путативных и прочих сложных связок [Золотова, 1973]: *Я считаю, что Мария (есть) умна — Я считаю Марию умной, Я считаю, что жаловаться (есть) неуместно — Жаловаться я считаю неуместным.* Это глубокое внутреннее родство путативных и собственно связочных конструкций должно быть отражено в параллелизме синтаксических структур, которые им приписываются.

Четвертый аргумент — параллелизм активных и пассивных конструкций с путативными глаголами типа *признавать*:

(17а) *Президент ФИДЕ признает <признал> целесообразным прекратить матч* (инфинитив — дополнение глагола).

(17б) *Признается <признано> целесообразным прекратить матч* (инфинитив — подлежащее).

Если считать, что в (17а) инфинитив связан не с глаголом, а с прилагательным, то ту же самую связь следует усмотреть и в (17б) — в противном случае активная и пассивная конструкции окажутся разорванными. Но признание инфинитива в (17б) дополнением прилагательного сразу делает эту конструкцию бесподлежащей и отрывает ее от родственных ей собственно

связочных подлежащих конструкций типа (16б) и подлежащих конструкций с возвратными путативными глаголами *казаться, представляться, считаться*; ср.

(18) *Начать работу немедленно казалось <представлялось, считалось> вполне разумным.*

Пятый аргумент — неестественная обязательность валентности на инфинитив у существительных и прилагательных в контексте связок и путативов, особенно необъяснимая в свете первого аргумента; ср.

(19а) *Жаловаться было ошибкой.*

(19б) *Жаловаться я считаю ошибкой.*

при невозможности * *Было ошибкой, * Я считаю ошибкой.*

Шестой аргумент — необычность выноса управляемого инфинитива в позицию перед управляющим существительным или прилагательным в (15б), (16б), (18), (19), создающая к тому же непроективную конструкцию; нормально инфинитивные (и вообще все неопределяемые и некомпозитные) зависимые существительных и прилагательных располагаются справа от них.

Все шесть аргументов применимы, с соответствующими поправками, и к конструкциям с придаточными предложениями, вводимыми *что, чтобы, если, когда* или вопросительным словом.

Итак, в конструкциях (12а) — (12е) непосредственно синтаксически подчиняет инфинитив или придаточное предложение не имя, а путативный глагол. Однако остановиться на этой констатации нельзя. Тогда останется необъясненным тот факт, что конструкции (12а) — (12е) никак не мотивированы путативностью глаголов, а возникают в контексте соответствующих зависимых имен. Объяснение состоит в том, что в примерах (12а) — (12е) имеет место смещение дополнения от исконного семантического хозяина — имени — к глаголу. О смещении других типов см. у Падучевой [1974, с. 159], Богуславского [1982, с. 44–57] (смещение отрицания), Апресяна [1980, с. 57–58] (смещение наречий), Булыгиной [1980, с. 351] (смещение прилагательных). Это явление широко представлено в синтаксисе русского языка и достойно нескольких дополнительных комментариев.

Основную разновидность смещения дополнений можно иллюстрировать конструкциями типа

(20а) *Мне [Z] было [X] грустно [Y] расставаться с вами.*

(20б) *Он был [X] мне [Z] хорошим отцом [Y].*

(20в) *Дрессировщик посмотрел [X] пантере [Z] в глаза [Y].*

(20г) *Делать зарядку вошло [X] у него [Z] в привычку [Y].*

(20д) *Потерпев [X] от него [Z] два поражения [Y] подряд, претендент в третьей партии добился победы.*

(20е) *Отец имел [X] на него [Z] большое влияние [Y].*

Глаголы *быть, смотреть, входить, терпеть, иметь* семантически и синтаксически двухвалентны. Между тем в предложениях (20а) — (20е) они синтаксически подчиняют не по два, а по три аканта: дательный падеж в примерах

(20а) — (20в) и предложно-падежные формы *у него, от него, на него* в примерах (20г) — (20е) очевидным образом зависят от глаголов, а не от имен. Существование этого типа смещения дополнений, которое уместно было бы назвать смещением валентности, состоит в открытии у слова X новой, несвойственной ему синтаксической валентности. Она заполняется словом Z — семантическим актантом зависящего от X слова Y.

В примерах (12а) — (12е) представлена другая, менее распространенная в русском языке разновидность смещения дополнений — смещение способа оформления валентности, а не самой валентности. Действительно, у путативов в трехвалентной конструкции и без того есть валентность темы мнения, выражаемая каноническим винительным падежом. В примерах (12а) — (12е) от третьего актанта глагола заимствуется, следовательно, не сама валентность, а лишь несвойственные путативам морфолого-синтаксические способы ее оформления.

1.3. Преобразование двухвалентных конструкций в трехвалентные

Мы обзрели основные двухвалентные и трехвалентные конструкции с путативными глаголами. Перейдем к условиям преобразования первых во вторые.

В двухвалентных конструкциях путативы обладают наибольшими возможностями реализации своей второй семантической валентности. При переходе к трехвалентной конструкции разнообразие способов семантической, лексической и синтаксической реализации рефлексов второй валентности существенно сокращается.

Первое ограничение связано с особым характером путативных глаголов, отраженным в самом термине «путативные связки». Будучи вершиной трехвалентной конструкции, они имплицитно содержат в себе копулятивный глагол: *Я считаю его умным* = 'Я считаю, что он есть умен'. Иными словами, трансформация двухвалентной структуры в трехвалентную возможна лишь в том случае, когда придаточное дополнительное предложение двухвалентной конструкции организовано глаголом *быть*; ср. *неправильность*

(21) *Я считал, что он пишет роман* — **Я считал его пишущим роман*.

Второе ограничение состоит в том, что в трехвалентной структуре путативная связка преддицирует объекту более или менее постоянное, внутреннее, трудно наблюдаемое свойство, но не временное состояние с отчетливыми внешними проявлениями. Это значит, в частности, что невозможна трансформация

(22) *Я считаю, что он зол <сердит> на вас* — **Я считаю его злым <сердитым> на вас*.

Третье ограничение связано с тем, что трехвалентная модель управления имплицитно предполагает совпадение времени мнения и времени свойства.

Если такое совпадение не имеет места, то трансформация формально возможна, но семантически неинвариантна:

- (23) Я *считаю* <нахожу, признаю>, что вы были умнее
VS. Я *считаю* <нахожу, признаю> вас умнее.

Весьма жесткие синтаксические ограничения накладываются на совместную реализацию второй и третьей валентности, если вторая валентность представлена инфинитивом, придаточным предложением или косвенным вопросом. Выше уже отмечалось, что это возможно не при любых насыщениях третьей валентности, а лишь при некоторых. Так, прилагательное *преждевременный* совместимо и с инфинитивом, и с *чтобы*-придаточным на второй валентности, а прилагательное *торопливый* — ни с тем, ни с другим; ср.

(24а) *Жаловаться я считаю* <нахожу, признаю> *преждевременным* <*торопливым>.

(24б) Я *считаю* <нахожу, признаю> *преждевременным* <*торопливым>, *чтобы он жаловался*.

Прилагательное *возможный* совместимо и с *что*-придаточным, и с инфинитивом на второй валентности, между тем как прилагательное *вероятный* допускает лишь первую из этих возможностей; ср.

(25а) Я *считаю* <признаю> *возможным* <вероятным>, что он погиб.

(25б) *Жаловаться я не считаю* *возможным* <*вероятным>.

Ограничимся пока сделанными замечаниями; мы еще раз и более формально обсудим этот вопрос в последнем разделе — о словаре.

1.4. Невалентные конструкции

Для полноты характеристики синтаксических свойств путативов необходимо рассмотреть ряд типичных для них невалентных конструкций. Наиболее важными конструкциями такого рода нам представляются вводные конструкции, конструкции с оценочными наречиями и конструкции с фазовыми глаголами.

Путативные глаголы *допускать*, *полагать* и *предполагать* в форме первого лица множественного числа совершенного вида будущего времени способны формировать вводные предложения типа

(26а) Ну, *допустим* [Y], *покупаю* [X].

(26б) *Положим* [Y], ты б *женился* [X] на ней.

(26в) *Предположим* [Y], вы *остаетесь* [X] в Москве.

В конструкциях (26а) — (26в) ни одна из семантических валентностей путативов не насыщается. Тип вводности, представленный в (26), сам по себе является условием обязательного ненасыщения первой валентности глагола. Что касается второй семантической валентности, то реализующий ее материал в (26) имеется: это — глагол [X] в главном предложении. Однако синтаксически [X] не подчиняется путативу [Y], как в предложении типа *Предположим, что вы остаетесь в Москве*, а подчиняет путатив, как подчинял бы любой другой вводный элемент.

Подчеркнем, что способностью формировать вводную конструкцию рассматриваемого типа обладают далеко не все путативы; ср.

(27) **Подумаем <найдем, признаем, примем, сочтем>, вы остаетесь в Москве.*

Следовательно, указанное свойство является лексикографически релевантным: оно должно упоминаться в словарных статьях путативов *допускать, полагать, предполагать* и, возможно, немногих других и не должно упоминаться в словарных статьях путативов *думать, находить, признавать, принимать, считать* и т. п.

Перейдем к конструкциям с оценочными наречиями, в которых обнаруживаются весьма интересные сочетаемостные различия между путативами.

Применительно к интересующему нас материалу в множестве оценочных наречий русского языка можно выделить по крайней мере три разряда. Они выделяются по другому основанию, чем принято в аксиологии [см. Арутюнова, 1984]. В первый входят наречия типа *удачно, умело, успешно*, которые характеризуют только действия. Они, естественно, не сочетаются с путативами, поскольку последние не обозначают действий. Во второй разряд входят наречия типа *положительно, отрицательно, позитивно, негативно*, которые характеризуют только объект оценки; ср. *положительно <отрицательно> охарактеризовать что-л., позитивно <негативно> отзываться о чем-л.* Такие наречия должны были бы сочетаться с путативными глаголами. Наконец, в третий разряд входят наречия типа *хорошо, плохо, неплохо*, которые обладают обоими названными свойствами, т. е. характеризуют и действия, и объекты оценок; ср. *хорошо <плохо> рубить дрова — хорошо <плохо> отозваться о ком-л.* Благодаря последнему свойству они тоже должны были бы сочетаться со всеми путативами.

Фактически, однако, большинство путативов, за исключением *думать, судить* и, может быть, *рассматривать, расценивать* и *смотреть*, не сочетаются ни с какими из этих оценочных наречий; ср. (28а) — (28г), но не (28д):

(28а) *Он очень хорошо <плохо> думает о вас.*

(28б) *Вы плохо о нем судите.*

(28в) *Мы положительно рассматриваем <расцениваем> новые тенденции в мировой торговле.*

(28г) *Он плохо смотрит на пропуски занятий.*

(28д) **Он очень хорошо <плохо, положительно, отрицательно> считает <находит, полагает, признает, ...> вас.*

Еще более поразительным является тот факт, что слово *мнение*, семантически производное от глагола *считать*, свободно сочетается и с прилагательными *хороший, плохой, неплохой*, и с прилагательными *положительный, отрицательный*; ср. *хорошее <плохое, положительное, отрицательное> мнение о ком-л.* Мы вынуждены, таким образом, заключить, что несочетаемость наречий типа *хорошо, плохо, положительно, отрицательно* с основными путативными глаголами является их «личным» и семантически немотивированным свойством.

Упомянем, наконец, сочетаемостные синтаксические ограничения, которые накладываются не на зависимые путативных глаголов, валентные или невалентные, а на их хозяев. В этом отношении весьма интересным свойством путативных глаголов является факт их семантической несочетаемости с основным значением инцептивного глагола *начинать* в форме несовершенного вида. В конструкциях типа

(29а) *Я начинаю думать <считать>, что он не так прост.*

(29б) *Я начинаю сомневаться в нем*

глагол *начинать* используется в значении, отличном от того, которое представлено во фразе

(30) *Он начинает мыть окна <рубить дрова, писать, думать о предстоящей работе>.*

1.5. Заключительные замечания по материалу

Все типы синтаксических свойств лексем, которые были здесь обсуждены, обладают глубоким языковым своеобразием. Из многих примеров на эту тему мы ограничимся двумя-тремя; ср. также [Postal, 1974; Ruwet, 1981; Růžička, 1980].

Русские путативные глаголы *верить* и *думать* не допускают расщепления своей второй семантической валентности на две синтаксические. Между тем ближайшие английские, французские и немецкие эквиваленты этих глаголов — глаголы *believe* и *think*, *croire* и *penser*, *glauben* и *denken* — обладают такой способностью:

(31а) *I believe <think> it possible*

'Я считаю это возможным'.

(31б) *Je le crois <pense> possible*

'Я считаю это возможным'.

(31в) *Ich dachte (mir) deinen Bruder anders*

'Я представлял (себе) твоего брата другим'.

(31г) *Er glaubt sich sicher*

'Он считает себя в безопасности'.

Русский просторечный путатив *держать*, как мы уже говорили, употребляется только в трехвалентной конструкции типа *держать кого-л. за дурака* — с оценочным (или квазиоценочным) существительным, обозначающим лицо, в роли третьего актанта.

Та же конструкция с соответствующими *держать* путативами (*hold*, *tenir* и *halten*) есть и в трех других языках. Однако в них она гораздо менее ограничена лексически и семантически, чем конструкция *держать кого-л. за дурака*; ср.

(32а) *I hold you for a friend*

'Я считаю вас своим другом'.

(32б) *Je tiens ce fait pour bien assuré*

'Я считаю этот факт твердо установленным'.

(32в) *Ich halte das für Unsinn*

‘Я считаю это бессмыслицей’.

Путативы *hold*, *tenir* и *halten* употребляются и в других трехвалентных конструкциях, не имеющих параллелей среди конструкций с путативом *держатъ*; ср.

(33а) *I hold him to be wrong*

‘Я считаю, что он ошибается’ (букв. ‘его ошибаться’).

(33б) *I hold it a point of honour*

‘Я считаю это делом чести’.

(33в) *Je le tiens comme mon propre frère*

‘Я отношусь к нему как к брату’.

(33г) *Was halten Sie von diesem Menschen?*

‘Что вы думаете об этом человеке?’

Наконец, английский путатив *hold* употребляется в канонической для большинства путативов двухвалентной конструкции с придаточным дополнительным предложением, совершенно невозможной для *держатъ*; ср.

(34) *Plato holds that the soul is immortal*

‘Платон считает, что душа бессмертна’.

Очевидно, что мы не исчерпали всех лексикографически интересных синтаксических свойств путативных глаголов: в жанре статьи полнота недостижима. Наша цель состояла в обозрении ряда представительных примеров, на основании которых можно было бы решить принципиальный вопрос о типах лексикографически существенной синтаксической информации и о распределении этой информации между грамматикой и словарем. В дальнейшем изложении мы будем исходить из того, что все перечисленные выше свойства путативов должны быть эксплицитно описаны либо правилами грамматики, либо словарем, либо тем и другим вместе.

2. Правила

При эксплицитной фиксации правил (в частности, в действующей модели языка) они прежде всего распадаются на правила анализа и синтеза текстов (ср. пассивную и активную грамматику в понимании Л. В. Щербы). Правила синтаксического анализа текста получают на входе лексико-морфологическую структуру очередного предложения — последовательность входящих в него слов с приписанными им морфологическими характеристиками и синтаксически релевантной лексикографической информацией. На выходе они вырабатывают его синтаксическую структуру, например, дерево зависимостей. При синтезе вход и выход меняются местами. В дальнейшем мы будем рассматривать только анализирующие правила. Впрочем, лингвистически они обратимы, т. е.

включают и весь необходимый для синтеза синтаксических конструкций материал.

По своим функциям все правила делятся на конструктивные и контрольные. Конструктивные синтаксические правила строят либо синтаксические структуры по предложениям (анализ), либо предложения по синтаксическим структурам (синтез). Контрольные правила, или фильтры, проверяют, являются ли полученные при анализе структуры синтаксически правильными.

Наконец, по объему класса единиц, охватываемых данным правилом, правила делятся на общие, частные и словарные (именно такое деление принято в упоминавшейся действующей модели русского синтаксиса). Общие правила характеризуют поведение достаточно больших классов единиц, записываются в грамматике данного языка и применяются при анализе и синтезе любых предложений. Частные, или трафаретные правила, характеризуют поведение небольших классов лексем и записываются в особой «словарной» грамматике. Словарные правила характеризуют поведение индивидуальных лексем и записываются непосредственно в их словарных статьях. Частные и словарные правила, в отличие от общих, применяются лишь тогда, когда в предложении реально встретилась лексема, для обработки которой они нужны. Они активируются словарными статьями соответствующих лексем. В дальнейшем, ввиду незначительности различия между частными и собственно словарными правилами, они рассматриваются вместе под шапкой «словарных».

Всякое правило действующей модели языка можно представить как состоящее из двух зон — зоны проверяемых условий и зоны выполняемых действий. В анализирующих синтаксических правилах, например, зона условий содержит перечень текстовых, морфологических, лексических, семантических и иных свойств, которыми должны обладать две словоформы обрабатываемой фразы, чтобы быть связанными определенным отношением подчинения. Действие в каждом таком правиле ровно одно — связать две словоформы данным отношением, если все условия выполнены.

Ниже мы коротко и неформально рассмотрим все типы правил синтаксического анализа конструкций с путативными глаголами.

2.1. Конструктивные правила — синтагмы

Для анализа перечисленных в разделе «Материал» синтаксических конструкций с путативными глаголами нужны три основных набора синтагм (не считая ряда вводных и обстоятельственных): предикативные синтагмы, устанавливающие связь между глаголом и его подлежащим; первые комплетивные синтагмы, устанавливающие связь между любым словом и его первым дополнением; вторые комплетивные синтагмы, устанавливающие связь между любым словом и его вторым дополнением. Часть этих синтагм носит достаточно общий характер, часть привязана к конкретным путативным глаголам.

2.1.1. Общие синтагмы

Чтобы установить предикативное отношение в конструкциях типа (1) – (4), (7) – (12) и т. п., необходимо найти в анализируемой фразе глагол в личной форме, не обладающий признаком абсолютной безличности, и именную группу в именительном падеже, с которой он согласуется. Ссылка на безличность глагола – единственный элемент словарной информации, фигурирующей в этом правиле.

Чтобы установить первое комплетивное отношение в конструкциях типа (1), необходимо проверить, есть ли у данного слова (в частности, путативного глагола) свойство управлять союзом *что* 1 (оно записывается в его словарной статье, потому что характерно для ограниченного класса лексем) и есть ли в анализируемой фразе союз *что* 1.

Чтобы установить первое комплетивное отношение в трехвалентной конструкции типа (7), надо проверить две вещи. Во-первых, необходимо убедиться, что среди канонических способов выражения второго актанта данного глагола есть именная группа в винительном падеже. Это должно отмечаться соответствующей записью в его словарной статье. Во-вторых, необходимо найти в анализируемом предложении имя в винительном падеже. Этого совершенно общего правила, которое необходимо для обработки большого числа прямо-переходных глаголов, заведомо достаточно и для путативов типа *считать*, *держать* (прост.), *квалифицировать*, *мыслить*, *находить*, *подозревать*, *признавать*, *расценивать* и пр.

Во всех остальных конструкциях первое комплетивное отношение устанавливается с помощью словарных синтагм. Словарными синтагмами целесообразно устанавливать для путативов и второе комплетивное отношение в основных случаях его реализации.

2.1.2. Словарные синтагмы

Чтобы установить первое комплетивное отношение в случаях типа (2) и (3), необходимо проверить, есть ли в анализируемой фразе существительное *что* 2, *это*, *следующее* или наречие *как*, *так*, *иначе*. Поскольку данное правило вносится непосредственно в словарные статьи тех путативов, для которых оно релевантно, никаких других проверок для формирования данной синтаксической гипотезы не требуется.

Чтобы установить первое комплетивное отношение в трехвалентных конструкциях типа (12а) – (12е), надо проверить четыре совокупности условий. Во-первых, нужно убедиться, что путативный глагол – потенциальный хозяин инфинитива, придаточного предложения с союзом *что* 1, *чтобы*, *если* или *когда* или косвенного вопроса – способен подчинять смещенное дополнение второго типа (см. раздел 1.2). Это свойство отмечается специальной записью в его словарной статье. Во-вторых, в анализируемом предложении необходимо

найти инфинитив, один из названных выше союзов или экспонент косвенного вопроса — частицу *ли* или вопросительное слово типа *зачем, кто, куда, почему* и т. п. В-третьих, необходимо убедиться, что глагол в анализируемом предложении имеет форму действительного залога. Ведь если он употреблен в страдательном залоге, никакого первого комплетивного зависимого у него быть не может (ср. *Драться на дуэли признается <провозглашается> преступлением*, где инфинитив выполняет функцию подлежащего). В-четвертых, поскольку управление инфинитивом, придаточным предложением или косвенным вопросом не является для путативов каноническим, нужно убедиться, что у данного путатива в данном предложении есть такое второе комплетивное зависимое, которое обладает способностью индуцировать первое дополнение в соответствующей форме (см. примеры 24).

Наконец, чтобы установить второе комплетивное отношение в трехвалентных конструкциях типа (7) и (12), надо тоже проверить четыре условия. Во-первых, среди канонических способов выражения третьей валентности путативного глагола должен быть назван (в его словарной статье) творительный падеж. Во-вторых, анализируемая фраза должна содержать именную группу в творительном падеже. В-третьих, путативный (или иной) глагол, претендующий на роль вершины конструкции, должен требовать синтаксического согласования своего третьего актанта со вторым в числе и роде. В-четвертых, если на роль второго комплетива в анализируемой фразе претендует прилагательное, для него должно выполняться либо первое, либо второе правило согласования — в зависимости от того, какой формой представлен второй актант глагола (см. комментарий к конструкциям (7) и (12)).

Чтобы установить второе комплетивное отношение в случаях типа (11), нужно проверить два условия. Во-первых, в анализируемой фразе должно быть наречие типа *вправе, в долгу, в силах, в состоянии, на (особом) положении* и т. п. Во-вторых, у путативного глагола *считать* должно быть первое комплетивное зависимое, представленное существительным или другой именной группой со значением лица.

Условия установления второго комплетивного отношения во всех остальных случаях легко вычислимы на основании уже приведенных примеров и правил.

2.2. Контрольные правила — фильтры

Как мы уже сказали, контрольные правила получают на входе готовую синтаксическую структуру, а на выходе вырабатывают информацию о том, является ли она правильной или нет. В условиях таких правил фигурируют универсальные или локальные свойства правильных структур. Условия подбираются таким образом, чтобы во всех правилах было одно действие — «забраковать» неправильную синтаксическую структуру.

2.2.1. Общие фильтры

Типичным примером общего правила-фильтра является проверка насыщенности синтаксически обязательных валентностей лексем. В правильной синтаксической структуре каждая обязательная валентность либо должна быть насыщена, либо компенсирована каким-то синтаксическим явлением, которое разрешает оставлять ее ненасыщенной. К числу таких компенсирующих явлений относятся, например, рассмотренные в разделе 1.4. вводные конструкции (для обязательной валентности на подлежащее). Другие явления такого рода — сочинительные и сравнительные конструкции (для любых типов валентностей), некоторые типы придаточных предложений (для обязательной валентности на подлежащее), неопределенно-личные предложения (для той же валентности):

(35а) *Дирекция рассмотрела и приняла проект* (ср. *Дирекция рассмотрела проект и приняла его*).

(35б) *Ты скорее редактировал, чем просто переписывал текст* (ср. *Ты скорее редактировал текст, чем просто переписывал его*).

(35в) *Как выяснилось позднее, преступник успел скрыться* (ср. *Как это выяснилось позднее, преступник успел скрыться*).

(35г) *Предупреди его, чтобы пришел вовремя* (ср. *чтобы он пришел вовремя*).

(35д) *Мы прощаем тех, кого любим* (ср. *кого мы любим*).

(35е) *Бывает так: приходишь домой, а тебе не рады* (ср. *ты приходишь домой, а тебе не рады*) [Апресян, Иомдин, Перцов, 1978].

Информация о том, является ли данная валентность обязательной у данной лексики, помещается в ее словарной статье. Правило-фильтр проверяет наличие в словаре пометы о синтаксической обязательности валентности и, найдя такую помету, обращается к построенной синтагмами синтаксической структуре. Если в синтаксической структуре лексема с обязательной валентностью не имеет зависимого по этой валентности и не входит ни в одну из перечисленных выше конструкций, то фильтр отклоняет построенную структуру как неправильную.

2.2.2. Словарные фильтры

Типичным материалом для словарных правил-фильтров являются разного рода ограничения, накладываемые на синтаксический контекст данной лексики. Выше мы рассмотрели несколько типов таких ограничений. В частности, ограничения, описанные в (28) и (29), бесспорно подлежат учету в словарных правилах-фильтрах.

Правило-фильтр для ограничений, описанных в (28), могло бы выглядеть следующим образом. Оно проверяет, есть ли в синтаксической структуре с путативом *считать*, *находить*, *полагать*, *признавать* и т. п. обстоятельство зависимое, выраженное оценочным наречием. Если такое обстоятельство

зависимое у данного путатива есть, вся синтаксическая структура отклоняется, как неправильная.

3. Словарь

Синтаксические сведения, подлежащие включению в словарь, распадаются на два основных типа — термовую информацию и операционную информацию. Термовая информация — это информация о свойствах слов, определяющая их роль в синтаксических правилах и поведение в языке. Операционная информация — это конструктивные и контрольные словарные правила.

3.1. Термовая (классификационная) информация

Имеются два типа термовой синтаксической информации, подлежащей включению в толковый словарь: модели управления и синтаксические признаки.

3.1.1. Модели управления

Модели управления образуют особую зону в словарной статье каждой предикатной лексемы. Именно к этой зоне обращаются синтагмы при установлении комплетивных и некоторых других актантных подчинительных отношений.

В словарные статьи глаголов *считать*, *находить*, *признавать*, как показывают рассмотренные выше факты и правила, должны быть включены следующие две модели управления:

1	2
	1. ЧТО 1 обязат.

1	2	3
	1. ВИН обязат.	1. ТВОР 2. А, СПАВ обязат.

Первую модель иллюстрируют примеры (1), вторую — примеры (7). В зону моделей управления включаются, кроме того, условия преобразования альтернативных моделей друг в друга (см. примеры (21) — (23) и комментарии к ним), сведения о совместимости-несовместимости различных синтаксических актантов друг с другом и ряд других.

Первый столбец в обеих моделях управления остается незаполненным, так как единственный канонический способ реализации первой валентности *считать*, *находить*, *признавать* — именная группа в именительном падеже — является стандартным способом реализации первой валентности подавляющего большинства русских глаголов. Соответствующий факт должен быть описан в общих правилах синтаксиса, а не в словаре. Словарной фиксации подлежат

лишь более или менее идиоматичные, идиосинкратичные для данного слова способы реализации валентностей.

Равным образом не подлежат словарной фиксации такие средства реализации первой или второй валентности, как аппроксимативно-количественные группы, группы с распределительным *по* и некоторые другие:

(36а) *Более половины американцев считают <находят, признают> необходимым возврат к разрядке.*

(36б) *Наш преподаватель считает около половины <от трех до пяти> студентов группы достойными высшего балла по физкультуре.*

(36в) *По два-три человека из каждой группы опрошенных считают <находят, признают>, что необходима реформа университетов.*

Дело в том, что указанные синтаксические группы регулярно заменяют именительный, родительный и винительный беспредложные падежи почти во всех синтаксических позициях. Такие регулярные замены должны учитываться общими правилами, а в модели управления достаточно ввести лишь канонические управляемые формы.

Не включаются в модели управления, но по другим причинам, и стандартные детерминанты типа *у нас (считают), на заводе (считают)*.

Второй столбец первой модели управления не содержит форм ВИН (*считать следующее*) и ADV (*считать иначе*), так как они учитываются словарным правилом. По той же причине в третий столбец второй модели управления не вносятся формы ADV (*считать себя вправе <на особом положении>*) и *за (считать кого-л. за дурака)*.

Наконец, во второй столбец трехвалентной модели управления не вносятся формы ИНФ, *что 1, чтобы, если, когда* и ВОПР (косвенный вопрос). Как мы уже говорили, они не являются каноническими управляемыми формами, т. е. не мотивируются непосредственно лексико-семантическими свойствами путативов. Их нельзя уравнивать в правах с винительным падежом. Способность управлять ими легко вычисляется с помощью информации о синтаксических признаках ряда путативных глаголов, прилагательных и существительных, которая нужна на независимых основаниях и заведомо должна быть помещена в словарь (см. ниже). С другой стороны, включение перечисленных форм в модели управления путативов (и, в интересах последовательности, некоторых связочных глаголов) оставило бы необъясненным интересное явление смещения дополнений от их подлинных, т. е. семантических, хозяев — прилагательных и существительных.

Таким образом, в модели управления названных путативов вносится не вся информация о реально управляемых ими формах. Вместе с тем легко видеть, что в рамках единого описания языка предполагаемый объем информации об управлении, с учетом разного рода правил, намного превосходит по полноте, детальности и эксплицитности формулировок те пометы об управляющих свойствах лексем, которые даются в существующих толковых словарях. Без

такой подробной информации об управлении словарь утрачивает возможность эффективно взаимодействовать с грамматикой.

В заключение этих замечаний о моделях управления полезно подчеркнуть, что сведениями об управлении, иногда весьма сложными, должны снабжаться почти все глаголы и многие существительные, а также некоторые прилагательные, наречия, предлоги.

3.1.2. Синтаксические признаки

Синтаксическими признаками, в соответствии с [Mel'čuk, Pertsov, 1987], называются сокращенные обозначения тех свойств лексемы, которые создают для нее возможность, обязательность или невозможность занимать определенные позиции в определенных синтаксических конструкциях. Они тоже фиксируются в особой зоне словарной статьи лексемы.

Для описания синтаксических свойств существительных и прилагательных, которые делают возможным употребление ряда путативных и связочных глаголов в конструкциях типа (12), (156), (166), (17), (18) и других подобных, в упоминавшейся действующей модели русского синтаксиса используются признаки «*прединф*», «*предчто*», «*предчтобы*», «*предесли*», «*предкогда*» и «*предвопр*». Они не фигурируют в обычных грамматических описаниях и поэтому нуждаются в комментариях.

Синтаксический признак «*прединф*» приписывается существительным, прилагательным и наречиям типа *досада, лень, недосуг, необходимость, ошибка, радость, удовольствие, честь; возможный, грустный, недопустимый, ошибочный, полезный, трудный, целесообразный; весело, грустно, можно, надо, нужно, стыдно, тяжело* и т. п. — для описания их способности индуцировать у глагола-связки, которому они подчинены, предикативное зависимое (подлежащее) в форме и н ф инитива (набранные вразрядку части терминов образуют название признака):

(37а) *Думать об этом было ошибкой <стало необходимостью>.*

(37б) *Переезжать в Москву сейчас невозможно <неразумно>.*

(37в) *Расставаться с ним было жалко <стыдно>.*

Оказывается, что именно существительные и прилагательные с признаком «*прединф*», замещающие третью валентность путативных глаголов *считать, находить, признавать*, и только такие существительные и прилагательные допускают выражение их второй валентности инфинитивом; ср. (12а) и (12б).

Точно такие же эффекты порождают и синтаксические признаки «*предчто*», «*предчтобы*», «*предесли*», «*предкогда*» и «*предвопр*», с той единственной разницей, что подлежащее (при глаголе-связке, возвратном или пассивном путативе) или дополнение (при путативном глаголе в действительном залоге) оформляется не инфинитивом, а придаточным предложением с соответствующим союзом или косвенным вопросом. Два примера.

(38а) *Было очевидно, что эту работу нельзя сделать за неделю.*

(38б) *Я считал очевидным, что эту работу нельзя сделать за неделю.*

(39а) *Желательно, чтобы он приехал немедленно.*

(39б) *Я считал желательным, чтобы он приехал немедленно.*

Легко видеть, что у *очевидный* есть признак «предчто», но не «предчтобы», а у *желательный*, наоборот, есть признак «предчтобы», но не «предчто».

Лексемы, которым приписаны эти признаки, получают возможность взаимодействовать по крайней мере с двумя синтаксическими правилами. Первое из них устанавливает, что подлежащее при составном именном сказуемом, возвратном путативе или путативе в пассиве может быть выражено инфинитивом, придаточным предложением с союзами *что* 1, *чтобы*, *если*, *когда* или косвенным вопросом в том случае, если именная часть этого сказуемого имеет синтаксический признак «прединф», «предчто», «предчтобы», «предесли», «предкогда» или «предвопр» соответственно. Второе правило, подробно описанное в предшествующем разделе, устанавливает, что первое дополнение при ряде путативных и декларативных связей типа *считать* и *провозглашать* может быть выражено одним из этих способов, если у него есть второе дополнение, обладающее требуемым признаком.

Самому глаголу *считать*, а также путативам *находить*, *признавать*, ряду декларативных связей типа *объявлять*, *провозглашать* и некоторым другим глаголам приписывается прежде всего синтаксический признак «сместдопформ». Он отражает тот факт, что валентность темы мнения или объявления у этих глаголов может насыщаться смещенным дополнением, форма которого диктуется зависимым от глагола именем — прилагательным или существительным. Наличие этого признака в словарных статьях ряда путативных и декларативных глаголов не только фиксирует принципиальную особенность их синтаксического поведения, но и позволяет разгрузить их модели управления.

Кроме того, глаголу *считать*, как и многим другим упомянутым выше путативным, фактитивным, декларативным, дескриптивным и перцептивным связкам следует приписать признак «соглак^т-3-2», т. е. признак согласования третьего актанта глагола со вторым по грамматическим категориям числа и рода в случае, если третий актант представлен прилагательным, а второй — любым из упоминавшихся семи способов.

Поскольку путативные, фактитивные, декларативные, дескриптивные и перцептивные связи обладают не только общими, но и различными синтаксическими свойствами, представляется вероятным, что каждый их этих пяти классов глаголов должен быть маркирован особым синтаксическим признаком.

Предоставляем читателю на основании фактов, рассмотренных в разделе 1, самому сформулировать не названные нами синтаксические признаки путативов, а также их потенциальных слуг и хозяев.

3.2. Операционная информация

Операционная лексикографическая информация — это словарные синтаксические правила, конструктивные и фильтровые. Выше мы рассмотрели по одному примеру на каждый из этих двух типов правил. Поэтому здесь достаточно будет сказать, что в словарных статьях лексем (например, *считать* и других путативных глаголов), для которых такая информация существенна, выделяется еще одна зона — зона правил. Она подразделяется на подзоны по числу типов словарных синтаксических правил, которые могут оказаться существенными для данной лексемы. В частности, в словарной статье путативного глагола *считать* эта зона должна включать конструктивные правила, обсужденные в разделе 2.1.2, и контрольное правило, обсужденное в разделе 2.2.2.

4. Заключение

Информация о моделях управления, синтаксических признаках лексем и синтаксических правилах, конструктивных и контрольных, которую мы предлагаем включать в толковый словарь в рамках единого описания языка, может показаться некоторым реалистически мыслящим лингвистам чересчур большой по объему. В этой связи я бы хотел сослаться на ряд словарных работ, реализующих изложенную концепцию лексикографически существенной информации в достаточно полном объеме. Это прежде всего толково-комбинаторный словарь И. А. Мельчука и А. К. Жолковского, комбинаторные словари русского и в особенности английского языков, составленные авторами системы ЭТАП-2 [Апресян и др., 1989], и составленный мною совместно с Э. Палл русско-венгерский словарь глагольного управления и сочетаемости, в русской части которого я стремился отразить, хотя и в другой форме, практически все рассмотренные в данной статье типы синтаксической лексикографической информации.

Таким образом, накопленный практический опыт лексикографирования синтаксической информации показывает, что хотя поставленная задача трудна, она не выходит за пределы возможного.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян Ю. Д. К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений // Представление знаний и моделирование процессов понимания. Новосибирск, 1980.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопр. языкознания. 1986. N 2.

Апресян Ю. Д., Богославский И. М., Иомдин Л. Л., Лазурский А. В., Перцов Н. В., Санников В. З., Цинман Л. Л. Лингвистическое обеспечение в системы ЭТАП-2. М., 1989.

Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., Перцов Н. В. Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // Македонски јазик. Скопје, 1978.

Апресян Ю. Д., Палл Э. Русский глагол – венгерский глагол: Управление и сочетаемость. Будапешт, 1982. Т. 1–2.

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.

Богуславский И. М. О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.

Mel'čuk Igor A., Pertsov Nikolaj V. Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning-Text Framework // Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe. Vol. 13. Amsterdam; Philadelphia, 1987.

Postal P. On Raising: One Rule of English Grammar and its Theoretical Implications. Cambridge; London, 1974.

Ruwet N. The «epistemic dative» Construction in French and its Relevance to some Current Problems in Generative Grammar // Festschrift Manfred Bierwisch. Reidel; Dordrecht, 1981.

Růžička R. О трех аспектах взаимопроникновения синтаксиса и семантики // Russian Linguistics. 1980. N 4.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ*

1. Вводные замечания

Данная статья носит обзорный характер. Свою задачу мы видели не в том, чтобы ввести в рассмотрение большой новый материал, а в том, чтобы систематизировать уже введенные в научный оборот факты и некоторые собственные наблюдения под лексикографическим углом зрения.

Указанная в названии статьи тема рассматривается в рамках концепции единого, или интегрального, описания языка [1]. Под интегральным понимается описание, в котором словарь и грамматика (в широком смысле, т. е. любые типы достаточно общих правил) согласованы друг с другом по типам помещаемой в них лингвистической информации и по способам ее записи. Из этого определения вытекают два важных практических принципа лингвистической работы:

1) Строя словарную статью определенной лексемы, лингвист должен работать на всем пространстве грамматических правил и явным образом приписать лексеме все свойства, обращения к которым могут потребовать правила (настройка словаря на грамматику).

2) Строя определенное правило, лингвист должен работать на всем пространстве лексем и учесть все типы их поведения, не предусмотренные в словаре (настройка грамматики на словарь).

В данной статье нас будет интересовать лишь первый из этих принципов — настройка словаря на грамматику, или на правила. Накопленный в лингвистике опыт позволяет утверждать, что правила могут требовать обращения к просодическим, морфологическим, семантическим, прагматическим, коммуникативным и синтаксическим (сочетаемым) свойствам лексем.

Непосредственной темой данной работы будут только типы лексикографически существенной прагматической информации. Однако обзору типов ра-

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Прагматика и проблемы интенциональности", М., 1988.

зумно предпослать несколько общих замечаний, касающихся природы и особенностей прагматической информации вообще, вне зависимости от того, представляет ли она собственно лексикографический интерес или нет. Цель этих замечаний — обрисовать то понимание лингвистической прагматики, которое принято в данной работе и необходимо для уяснения ее лексикографических разделов¹.

2. Определение языковой прагматики

Под прагматикой мы будем понимать закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату.

Подчеркнем, что речь идет не об оценке, свободно творимой говорящим в речи, а лишь о той готовой, лексикализованной или грамматикализованной оценке, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке.

Проиллюстрируем каждый из трех пунктов, обращая особое внимание на различие между прагматической и семантической информацией.

2.1. Отношение говорящего к действительности

Действительность, являющаяся предметом сообщения, может оцениваться говорящим с самых разных точек зрения; ср., например, спектр оценок, представленный в дейктических словах и граммемах, которые считаются ядром прагматического материала естественных языков. Однако лексикографически наиболее интересны следующие три типа оценок: общая оценка, оценка по параметру количества, оценка по параметру желательности/нежелательности.

Общая оценка. В тройке лексем *инициатор*—*зачинщик*—*застрельщик* первое слово характеризуется нулевой прагматикой. Его содержание исчерпывается семантикой: *A* — *инициатор X-a* = 'A сделал P, и P было причиной того, что начал иметь место X'; ср. *инициатор движения за рационализацию*, *инициатор работы по выведению новых сортов*, *инициатор драки* <*забастовки*>.

Слово *зачинщик* имеет ту же семантику, на которую, однако, накладывается отрицательная оценка *A* и *X-a* говорящим. Возможно и чисто пропагандистское его использование, в котором доля прагматики еще более возрастает. На-

¹ Ввиду невозможности упомянуть здесь хотя бы главные работы по лингвистической прагматике, отсылаем читателя к XVI тому «Нового в зарубежной лингвистике» [2], снабженному обстоятельной вводной статьей Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой [3]. Упомянем еще два тома серии *Syntax and Semantics* [4], [5]; посвященный прагматике том «Известий АН СССР» [6]; *Journal of Pragmatics*, в особенности изданный А. Вержбицкой том [7]; и замечательную работу В. З. Санникова [8].

зывая кого-то *зачинщиком X-а*, говорящий может ставить перед собою цель вызвать у адресата отрицательное отношение к X-у и его инициатору; ср. *зачинщик драки <муты, беспорядков>*, но не *зачинщик соревнования <работы по выведению новых сортов>* (в нормальных условиях).

Наконец, слово *застрельщик* совмещает общую семантику этого ряда с ярко выраженной прагматикой положительной оценки. Говорящий сам хорошо относится к инициатору какого-то события и к самому событию или стремится вызвать у адресата положительное отношение к ним; ср. *застрельщик соревнования, застрельщики революции*, но вряд ли *застрельщики драки <беспорядков>*.

Оценка по параметру количества. Высказывание *Сергея съел пять арбузов* представляет собой незаинтересованную констатацию некоего объективного положения вещей и не содержит ничего, кроме чистой семантики. В высказывании *Сергея съел целых пять арбузов* к той же семантике добавляется прагматическое содержание: говорящий оценивает количество съеденных арбузов как большое. Наконец, в высказывании *Сергея съел всего пять арбузов* сохраняется прежняя семантика, а прагматическая оценка количества меняется на прямо противоположную.

Оценка по параметру желательности / нежелательности. Высказывания *Она разбила литровку о вертушку* и *Она ... литровку-то о вертушку и разбей* (М. Булгаков), при одной и той же семантике, различаются своей прагматикой. Во втором высказывании то же самое событие предстает как неожиданное для говорящего и не оставляющее его равнодушным. Существенна именно идея небезразличия говорящего к описываемой им ситуации, а не идея нежелательности, как считается, например, в [9, с. 246]. В примере из М. Булгакова событие действительно рассматривается как нежелательное. Однако в примере *Мы за него очень боялись, а он возьми и сдай все экзамены на пятерки* успешная сдача экзаменов подается как желательное для говорящего событие.

2.2. Отношение говорящего к содержанию сообщения

Здесь представляют интерес два типа оценок содержания сообщения: оценка по параметру истинности (достоверность, вероятность, сомнительность, невероятность) и оценка по параметру иллюкутивной функции высказывания.

Оценка по параметру истинности. Обычные средства выражения оценок этого рода — вводные и модальные частицы, наречия и адвербиальные обороты типа *безусловно, бесспорно, ведь, вероятно, видимо, вроде, вряд ли, действительно, должно быть, естественно, кажется, как будто, конечно, может быть, наверно, несомненно, очевидно, по-видимому, разумеется, скорее всего, явно, якобы* и т. п. Сюда же относятся разнообразные средства выражения иронического отрицания [10], в том числе синтаксические; ср. *Так он и пришел; Придет он, держи карман шире; Бросил он курить, как же.*

Исследования последних лет показали, что перечисленные средства служат не только для оценки степени достоверности, или надежности, высказывания. Они несут гораздо более богатую прагматическую информацию (см., например, [10а, с. 51–58], [11], [12]).

Так, слова типа *конечно, естественно, разумеется*, используемые для подтверждения надежности сообщения, отводят потенциальные сомнения адресата, с которым говорящий ведет 'скрытый диалог' [11, с. 74]. Например, в тексте *При переброске айсбергов к берегам Африки возникает, конечно <разумеется>, немало проблем* автор спешит предупредить естественные сомнения адресата сообщения по поводу возможности осуществления столь грандиозного технического проекта. В более строгой формулировке, данной (устно) И. М. Богуславским, *конечно Р = 'не думай, что я думаю, что не Р'*.

Слова типа *как будто, наверное и кажется*, вводящие гадательные сообщения, помимо этого прагматического сходства обнаруживают и весьма интересные прагматические различия, отмеченные в [12, с. 101–104]. В основе этих различий лежат два признака: а) имеет ли место непосредственное восприятие ситуации говорящим?; б) есть ли у говорящего какие-либо ожидания по поводу события? Высказывание *При этих словах она [тетушка] как будто оживилась* (Н. В. Гоголь) указывает на непосредственное восприятие ситуации говорящим и на отсутствие у него каких-либо ожиданий по поводу возможного оживления тетушки. В высказывании *При этих словах тетушка, наверное, оживилась* непосредственное восприятие говорящим исключено. С другой стороны, в нем есть указание на то, что говорящий допускал возможность оживления тетушки.

В данной статье мы не ставим перед собой цели войти сколько-нибудь глубоко в богатейший мир вводно-модальных слов и поэтому ограничиваемся сделанными замечаниями.

Оценка по параметру иллокутивной функции. Иллокутивной функцией, или иллокутивной силой, высказывания называется обычно то действие, которое говорящий осуществляет с его помощью. Номенклатура таких действий не слишком велика. Это разного рода обращения к адресату — ответы, вопросы, просьбы, разрешения, советы, требования, предупреждения и т. п. Поэтому, в несколько другой редакции, иллокутивной функцией высказывания можно называть установку говорящего по поводу того, как адресату следует интерпретировать высказывание (например, считать ли его вопросом или просьбой, советом или требованием).

Во многих случаях иллокутивная функция высказывания не маркируется никакими собственно языковыми средствами, а восстанавливается адресатом на основании экстралингвистических знаний — об устройстве мира в целом, о текущей ситуации, о постулатах кооперативного общения. Так, императивное высказывание *Поставьте, пожалуйста, вещи сюда* интерпретируется как предложение (приглашение) в ситуации приема гостя и как требование в ситуации таможенного досмотра. Та же зависимость прагматической интерпретации от ситуации прослеживается и в других типах высказываний; ср. *Все люди смерт-*

ны (простое утверждение или утешение). *Я буду там в семь часов* (обещание или предсказание; см. [13, с. 728]).

Большой лингвистический интерес представляют случаи, когда иллокутивная функция высказывания закреплена за определенными языковыми средствами. Рассмотрим в этой связи иллокутивные функции некоторых вводных слов.

В [14, с. 90 и сл.] предлагается систематически фиксировать возможность использования данного вводного слова в иллокутивной функции 'независимого употребления в качестве ответной реплики'. Авторы различают два типа ответных реплик — ответ на общий вопрос и ответ на высказывание побудительного типа. Для наших целей достаточно будет упомянуть лишь первый из них.

Вводные слова *вероятно, конечно, пожалуй* и ряд других возможны в качестве положительного ответа на общий вопрос: *Он устал?* — *Вероятно* <конечно, пожалуй>. Вводное слово *верно* и вводный оборот *чего доброго* этой иллокутивной функцией не обладают: *Он устал?* — **Верно* <чего доброго>. Подчеркнем вслед за авторами, что различия в иллокутивных функциях перечисленных лексем тем более интересны, что они семантически не мотивированы. *Верно* — почти точный, хотя и архаичный, синоним *вероятно* в рассматриваемом значении; ср. *Он, верно* <*вероятно*>, *устал*. Что касается оборота *чего доброго*, то он отличается от *вероятно* и *верно* не столько семантикой (он тоже имеет вероятностное значение), сколько прагматикой: говорящий опасается возможности осуществления события. Ясно, что это прагматическое отличие *чего доброго* от *вероятно* не мотивирует того, почему его нельзя использовать в качестве ответной реплики на общий вопрос.

2.3. Отношение говорящего к адресату

В русском языке имеются многочисленные лексические и грамматические средства, в которые встроено указание на относительные статусы говорящего и адресата в социальной, возрастной или иной иерархии, на существующую между ними степень близости, на разделяющую их дистанцию. Такие указания входят в прагматику большинства обращений, приветствий, прощаний и некоторых других формул речевого этикета. Рассмотрим несколько примеров.

Обращения *гражданин* и *друг* (*эй, друг!*) указывают на одну и ту же и притом небольшую степень близости или знакомства, но дистанции между говорящим и адресатом изображаются в этих случаях по-разному. Обращением *друг* (в отличие от *гражданин*) говорящий включает адресата в свою личную сферу. (О понятии личной сферы говорящего см. [15]).

В тот же ряд входит еще слово *братец*, имеющее в функции обращения два разных употребления.

Первое употребление, архаичное и снисходительное, характерно для ситуации 'сверху вниз' в социальной иерархии; при этом степень знакомства говорящего и адресата несущественна. Так мог обращаться барин к своему или чужому слуге, офицер к солдату.

Второе, часто шутливое или полшутливое употребление, сохранившееся по сей день, противопоставлено первому по обоим признакам. С одной стороны, оно характерно для ситуации социального и возрастного равенства. С другой стороны, оно предполагает достаточно большую степень человеческой близости. Ср. *Ты, братец, напрасно со мной споришь*.

Оба набора функций присущи слову *братец* в форме единственного числа. Форма множественного числа *братцы* имеет другой набор функций. Подобно лексеме *братец 2*, она используется как обращение к людям того же социального круга, что и говорящий; если говорящий — интеллигент, то форма используется шутливо или 'цитатно'. Подобно *братец 1*, она оставляет невыраженной степень близости между говорящим и адресатом. Говорящий может близко знать свою аудиторию, но может обращаться точно таким же образом и к совершенно неизвестным людям. Ср. *Я, братцы мои, зря спорить не буду, кто важней в театре — актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут* (М. Зощенко).

При всех трех употреблениях этого слова адресат обращения включается в личную сферу говорящего.

Говорящий маркирует свой более высокий статус в административной иерархии с помощью *ты* начальственного, или, по удачному выражению А. А. Холодовича [16, с. 70], *ты* хамского. Оно предполагает, что адресат такого обращения должен величать говорящего на *вы*. В последние десятилетия в русском языке развивались и средства маркировки своего подчиненного или зависимого положения. Ср. холуйское телефонное обращение типа *Федюков беспокоит*.

Во всех подобных случаях имеет место и феномен невольного речевого автопортрета: говорящий, сам того не желая, выдает себе нелестную аттестацию.

Рассмотрим теперь грамматический пример.

Грамматический императив используется в любых ситуациях, в том числе и различающихся иерархическими статусами собеседников. Высказывание типа *Встаньте, пожалуйста* может быть обращено и к младшему, и к старшему по социальному рангу или возрасту. Возможно оно и в ситуации социального или возрастного равенства. Следовательно, у собственно императивной формы по рассматриваемому параметру никакой прагматической специфики нет. Другие формы с императивным значением имеют ее. Так, инфинитивный императив (*Встать!*) возможен только в ситуации «сверху вниз», а императив в форме прошедшего времени — и в ситуации «сверху вниз» (*Встали! Сели!*), и в ситуации равенства (*А ну, взяли!*), но не в ситуации «снизу вверх».

3. Свойства прагматической информации

Мы обсудим три особенности прагматической информации: 1) периферийность средств ее выражения (по сравнению со средствами выражения семантической информации); 2) ее распределенность между различными языковыми

средствами, т. е. нелокализуемость в какой-то одной единице языка; 3) ее сплетенность с семантической информацией.

3.1. Периферийность средств выражения

Знаменательные части речи несут, как правило, семантическую информацию, а такие периферийные разряды слов, как частицы, междометия, вводные слова, — как правило, прагматическую. Интересно сравнить в этом отношении основные и периферийные средства выражения идеи сомнения в русском языке, например, глагол *сомневаться* и частицу *вряд ли*. Толкование *сомневаться* исчерпывается собственно семантикой, т. е. не содержит ссылок на интеллектуальную позицию говорящего: *X сомневается, что P* = 'X не знает, P или не P, и считает, что вероятнее не P'. В толковании *вряд ли* место анонимного X-а должен занять говорящий, ибо именно он является в данном случае носителем сомнения: *Вряд ли P* = 'говорящий не знает, P или не P, и считает, что вероятнее не P'. Не будем здесь рассматривать достаточно очевидных преобразований этого толкования в контекстах типа *Сергея знает <считает, утверждает>, что вряд ли сдаст вступительные экзамены*, где носителем сомнения оказывается субъект пропозициональной установки.

В основных значениях слов доля чистой семантики больше, чем в производных — переносных, фразеологически связанных, конструктивно обусловленных. Наоборот, в этих последних доля чистой прагматики больше, чем в основных. Ср. прямые и переносные значения слов *будка* ('строение' и 'лицо'), *скотина* ('животное' и 'человек'), *околоть*, *подохнуть* ('животное перестало жить' и 'человек перестал жить'), *пробраться к ручью* ('пройти, преодолевая препятствия') и *пробраться к власти* ('получить путем, который говорящий считает предосудительным').

Нейтральный порядок слов и нейтральная интонация выполняют, как правило, семантическую функцию, а разного рода инверсии и эмфатическая интонация — как правило, прагматическую. Ср. нормальные утверждения типа *Он бросил курить, Тут ходят всякие* и оценочные утверждения *Бросил он курить, Ходят тут всякие*, отчетливо выраженная прагматика которых (ирония и недовольство соответственно) маркируется, в частности, инверсией подлежащего и сказуемого и эмфатической интонацией.

Любопытную прагматическую функцию выполняют некоторые синтаксические конструкции по сравнению с соответствующими им главными предложениями. Сравним два высказывания: *Знатки считают, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус* и *Осетровые рыбы, считают знатки, утратили свой былой вкус*. Контраст между высказываниями этих двух типов описан нами в [17, с. 61–62]. Здесь достаточно обратить внимание на то, что синтаксические конструкции внешне отличаются от главных предложений интонацией и порядком слов (они вклиниваются в придаточное предложение или завершают его; ср. *Осетровые рыбы утратили свой былой вкус*,

считают знатоки). Есть между ними и более глубокое различие. В первом высказывании (*Знатоки считают, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус*) говорящий объективно («семантически») излагает чужое мнение. Во втором высказывании (*Осетровые рыбы, считают знатоки, утратили свой былой вкус*) говорящий не просто излагает чужое мнение, а одновременно объявляет о своем отказе нести персональную ответственность за него. Эта ответственность подчеркнута возлагается говорящим на субъекта мнения.

Синтаксически полные конструкции в основном семантически, а конструкции с узаконенным эллипсисом часто прагматичны. Ср. пары высказываний *Она стала смеяться* и *Она — смеяться*, *Он пустился бежать* и *Он — бежать*, а также пушкинский текст *И царица хохотать, / И плечами пожимать, / И подмигивать глазами, / И прищелкивать перстами, / И вертеться подбочась...* Обычно обращают внимание на семантическую специфику таких эллиптических конструкций, а именно на «значение прошедшего времени с интенсивно-начинательным оттенком» [18, с. 605] или значение «интенсивного и внезапно-го приступа к действию» [19, с. 76–77]. Нам представляется важной и их прагматика, а именно, изобразительный компонент их содержания: говорящий хочет, чтобы адресат зримо представил себе описываемую ситуацию.

Граммемы в так называемых собственных значениях чаще несут семантическую информацию, а в несобственных — чаще прагматическую. Примером может служить гиперболическое множественное число, или, по выражению Л. Н. Толстого, «множественное несправедливого пристрастия», отмеченное еще А. А. Потебней [20]; см. о нем также [21]. Оно отличается от собственно множественного тем, что используется в ситуации, когда реально наблюдается всего один предмет или факт, а говорящий, в целях типизации события и для того, чтобы поднять вопрос на принципиальную высоту, изображает дело таким образом, будто их много: *А они тут чай-кофеи распивают!*, *Не устраивай истерики!*, *Я университетов не кончал!*, *Книги повсюду разбросаны* (в ситуации, когда не на месте лежит всего одна книга). Гиперболическое множественное имеет устойчивые прагматические функции, выражая недоумение, раздражение и другие, обычно отрицательные, эмоции. Показательны в этом отношении и несобственные значения русского императива или квазимператива. Ср. прагматически и эмоционально насыщенные значения в случаях типа *Спите, развалясь, а я вам десять раз самовар грей!* (Ю. Казаков), *Мы работай, а он отдыхать будет?!* (неудовольствие говорящего); *Да вдруг нелегкая ее дерни сходить в баню* (И. С. Тургенев), *А он и зацепись ногой за порожек!* (неожиданность события и безразличие говорящего по отношению к нему); *И меч нас рассуди!* (А. С. Пушкин), *Не доведись никому увидеть такое* («модальные оттенки пожелания, заклинания, допущения» [18, с. 593]). Подробнее об этих значениях императива см. [18, с. 593–604], [9, с. 106 и сл.], [22, с. 50–51]. Ср. еще богатейшую прагматику несобственных видовых значений (см., например, [23] и [24]).

3.2. Распределенность между разными языковыми средствами

Вторая особенность прагматической информации состоит в том, что часто она выражается не одним языковым средством, а совокупностью таких средств. Ее трудно локализовать в одной лексеме, одной граммеме, одной синтаксической конструкции, одной просодии.

Рассмотрим, например, высказывания типа *Имей они хоть тень правосудия, разве могли бы они судить так, как это сделали?* (из письма В. А. Ивашевой, матери декабриста); *Будь экзаменатор умнее, он бы не поставил мне пятерку*. Они описывают несостоявшееся событие P_1 , отсутствие которого оказалось условием осуществления другого события P_2 , причем если P_1 желательно для говорящего, то P_2 нежелательно, и наоборот. Здесь значение желательного или нежелательного ирреального условия выражается следующими пятью средствами: 1) формой императива единственного числа (*имей*), 2) несогласованием сказуемого с подлежащим (*имей они*), 3) инверсией подлежащего и сказуемого (ср. невозможность **они имей*), 4) расчлененностью предложения на два простых, 5) особой интонацией. Сравним с этим свободные от прагматики желательности/нежелательности высказывания типа *Если бы они имели хоть каплю совести, они бы не могли их осудить*. Такие высказывания тоже могут иметь значение ирреального условия. Однако в них оба смысловых компонента этого значения легко локализируются в единственных носителях: на союз *если* приходится смысл 'условие', а на частицу *бы* — смысл 'нереальное'.

Высказывания типа *Быть грозе, Саду цвести, Вам не видать таких сражений!* (М. Ю. Лермонтов) отличаются от квазисинонимичных им высказываний типа *Будет гроза, Сад будет цвести, Вы не увидите таких сражений* определенной модальной рамкой. Ее можно сформулировать следующим образом: 'Говорящий убежден в неизбежности события'. Если такое высказывание касается не говорящего, а адресата или третьего лица, оно приобретает силу предсказания: *Твоим узким плечам под бичами краснеть, / Под бичами краснеть, на морозе гореть* (О. Мандельштам).

Очевидно, что ни дательный падеж именной группы, ни форма инфинитива по отдельности не выражают этой прагматики. Она выражается обоими названными средствами одновременно.

3.3. Сплетенность с семантической информацией

Последняя особенность прагматической информации состоит в том, что она тесно сплетена с семантической информацией и во многих случаях трудно отделима от нее. Это проявляется в двух вещах.

Во-первых, существуют слова, семантика которых внешне маскируется под прагматику, так что при ее описании легко пойти по ложному (прагматическому) пути. В этом отношении интересны проанализированные в [25, с. 41–42] глаголы *дерзить* и *губить*, к которым мы добавим еще глагол *хамить*. Глагол *дерзить* уместен как описание реплик того из двух коммуникантов,

который расположен ниже своего собеседника в социальной или возрастной иерархии. Начальник не может дерзить подчиненному, отец — сыну. Некорректно употреблять этот глагол и в условиях социального, возрастного и т. п. равенства партнеров по общению. Глагол *грубить* тоже возможен в ситуации «снизу вверх» и неуместен в ситуации «сверху вниз». В последнем случае корректнее использовать прилагательное *грубый*. Однако, в отличие от *дерзить*, в ситуации возрастного или социального равенства *грубить* вполне допустим. Наконец, глагол *хамить* употребляется во всех трех ситуациях, если речь идет о социальной иерархии, но только в ситуациях равенства и «снизу вверх», если речь идет о возрастной иерархии. Бабушка не может хамить внуку, а отец — сыну, хотя начальник может хамить подчиненному.

Может показаться, что различия между описанными глаголами лежат в области прагматики, поскольку каждый глагол определенным образом размещает коммуникантов в социальной или возрастной иерархии. На самом деле это не так. Ведь в ситуации, называемой, скажем, глаголом *дерзить* (*Внук дерзит бабушке*), говорящий не оценивает статуса своего адресата сравнительно со своим собственным статусом. Речь идет о статусах третьих лиц; информация о них носит объективный, а не оценочный характер. Она входит в семантику соответствующих глаголов, поскольку характеризует объективные свойства их актантов. Ср. *X дерзит Y-y* = 'X вызывающе разговаривает с Y-ом, не считаясь с чувствами или положением Y-a; X занимает более низкое положение в социальной или возрастной иерархии, чем Y'.

Во-вторых, типично прагматическая информация часто бывает впрессована непосредственно в лексическое значение слова. В таких случаях она лексикографически предстает как семантическая. Дело в том, что словарь, как, впрочем, и любые другие достаточно формализованные лингвистические средства, следует определенному канону описания. Он навязывает жесткие формы представления лингвистической информации, которые в ряде случаев могут не соответствовать существу дела. В частности, толкование лексического значения дается в семантической зоне словаря. Если в значение входят какие-то прагматические компоненты, они не могут быть изъяты из его толкования и перенесены в прагматическую зону, а остаются в зоне семантики. Иллюстрацией может служить большинство приведенных выше лексических примеров. Ср. *A-зачинщик X-a* = 'A сделал P; P было причиной того, что начал иметь место X; говорящий отрицательно оценивает A и X'. Прагматический (оценочный) компонент эксплицируется в толковании, т. е. в зоне семантики.

Указанные три особенности прагматической информации — периферийность средств ее выражения, ее растворенность сразу в нескольких единицах языка и ее сплетенность с семантической информацией — создают значительные теоретические и технические трудности при ее выявлении, изучении и описании. Дело осложняется почти полным отсутствием традиций лексикографической обработки прагматической информации. Поэтому высказываемые ниже соображения о типах лексикографически существенной прагматической информации не могут претендовать ни на полноту, ни на окончательность.

4. Типы лексикографически существенной прагматической информации

Как ясно из сделанных только что замечаний, в структуре словарной статьи для прагматической информации должна быть выделена особая зона, подразделяемая на ряд подзон, в зависимости от типа лексикографически существенной прагматической информации. В настоящее время можно назвать следующие типы такой информации: 1) прагматические стилистические пометы, включая оценочные, 2) прагматические признаки лексем, 3) нетривиальные иллокутивные функции лексем, 4) статусы говорящего и слушающего, 5) коннотации, культурный и образный мир лексем*.

4.1. Прагматические стилистические пометы

К числу прагматических стилистических помет относятся такие пометы, как вежл(ивое), вульг(арное), груб(ое), ирон(ическое), ласк(ательное), неодобр(ительное), презр(ительное), пренебр(ежительное), шутил(ивое), эфф(емистическое) и ряд других. Такие пометы помещаются в прагматической зоне словарной статьи в своей традиционной форме; однако реальное содержание каждой прагматической пометы должно быть со всей возможной полнотой истолковано на едином семантическом метаязыке в общем компоненте лингвистического описания.

Из перечисленных выше помет мы анализируем только одну — ласк(ательное) — и на материале только одного класса слов — диминутивов.

Общеизвестно, что диминутивные суффиксы в русском языке имеют по крайней мере два разных значения — собственно уменьшительное и ласкательное. Поэтому некоторые диминутивы иногда называются уменьшительно-ласкательными [26, с. 361].

Если производящая основа обозначает неуникальный предмет, то производное слово с диминутивом всегда может иметь уменьшительное значение; ср. *балкончик, домик, домишко, лужица, ножка, пятнышко, сеточка, столик, шарик* и т. п. Если же производящая основа обозначает вещество (*вода, каша, масло, молоко, сахар, соль*) или уникальный предмет (*солнце*), уменьшительная интерпретация при формально диминутивном суффиксе исключается. В первой группе слов (*водичка, кашка, маслице, молочко...*) этому препятствует абсурдность комбинации смыслов 'маленькая вода', 'маленькое масло' и т. д. Во второй группе слов (*солнышко*) этому препятствует несуществование, по крайней мере в нашем мире, денотата для соответствующего смысла.

По указанной причине существительные типа *водичка, кашка, маслице, солнышко* и т. п. приобретают постоянную прагматическую составляющую — ука-

* Последний раздел статьи, посвященный коннотациям, выпущен в настоящем издании, поскольку теме коннотаций посвящена отдельная работа автора, публикуемая в этом томе.

зание на то, что говорящий испытывает положительные эмоции, когда думает о каком-то предмете или — в связи с этим предметом — о своем адресате. В последней функции такие слова употребляются особенно часто. Действительно, когда мы говорим *Выпей молочка, Съешь кашки*, мы испытываем (или выражаем) положительные эмоции не столько по отношению к пищевым продуктам, сколько по отношению к своему адресату. Не случайно такие слова особенно уместны при обращении к ребенку, которому мы оказываем покровительство, к которому относимся с любовью и нежностью, т. е. ласково². В таких случаях ласкательные слова — это непрямой способ включения адресата в личную сферу говорящего. С другой стороны, они служат для демонстрации доброжелательства по отношению к адресату; ср. обращение к продавцу *Взвесьте мне колбаски*.

Направленность положительных эмоций говорящего на собеседника еще более характерна для прагматики прилагательных и наречий, образованных уменьшительно-ласкательными суффиксами; ср. *глупенький, голеный, здоровенький, кругленький, мокренький, слабенький, толстенный, худенький; остороженько, тихонечко, тихонько*. В наречиях истинный адресат эмоций замаскирован особенно неуклюже и поэтому особенно очевиден. Говоря *Иди тихонько <остороженько>*, мы выражаем любовь и беспокойство, конечно, не по поводу способа осуществления действия, а по поводу деятеля³.

Любопытно, что в русском языке уменьшительные суффиксы более насыщены, чем увеличительные; в содержании увеличительных суффиксов доля семантики существенно больше. Действительно, в значение таких слов, как *бородища, долина, домище, мужичина, ножища, ручища* входит представление об очень большом размере соответствующих предметов. В значение слов типа *голосина, голосище, жарница, скужища, холодина* входит представление об очень большой степени или интенсивности соответствующих явлений. Даже если увеличительное существительное образовано от названия вещества (*винище, спиртнице, табачище*), в его значении сохраняется намек на какую-то чрезмерность: *Винищем <табачищем> разит <?попахивает>*.

Правда, значение увеличительных существительных не исчерпывается семантикой. В него входит и прагматический компонент: 'говорящий небезразличен к величине <интенсивности> X-а и хочет заразить своим небезразличием адресата'. Однако этот компонент не имеет параллели в значениях слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Указанные особенности имеются и в значениях прилагательных, образованных увеличительными суффиксами. *Толстенный X* значит 'очень толстый

² Любовь характеризует определенное состояние души, не обязательно проявляющееся внешне; нежность характеризует определенный стиль физического поведения, не обязательно мотивированный любовью. *Ласково* — это 'с любовью' по внутренним ощущениям и 'с нежностью' по внешним проявлениям.

³ Ср. другую точку зрения на такие слова в [10а, с. 46], где они рассматриваются как элементы языка «позитивной пропаганды», т. е. рекламы.

Х, причем говорящий небезразличен к толщине Х-а и хочет заразить своим небезразличием адресата', между тем как *толстенький Х* значит 'довольно толстый Х, мысль о котором вызывает у говорящего положительные эмоции'. Ср. также прилагательные *большущий, высоченный, здоровущий, широченный* и т. п.

Как видим, уменьшительные и увеличительные суффиксы русского языка обнаруживают существенную асимметрию по параметру прагматики.

4.2. Прагматические признаки лексем

Семантический признак (ср., например, стативность у глаголов или фасадность у существительных) характеризует лексему во всех случаях ее употребления, а прагматический — лишь в некоторых.

Хорошим примером прагматического признака является перформативность. Это понятие было рассмотрено нами в грамматическом и лексикографическом аспектах в [27]. Здесь достаточно будет сказать следующее.

Перформативными, как известно, называются глаголы, произнесение которых в форме первого лица единственного числа настоящего времени активного залога индикатива может быть равносильно однократному выполнению обозначаемого глаголом действия. Примеры: *Прошу вас выступить у нас на семинаре, Я обещаю вам приехать, Предупреждаю вас, что это опасно, Объявляю собрание открытым* и т. п.

Часть перформативных глаголов сохраняет возможность перформативного употребления и в некоторых других грамматических формах, а именно формах совершенного вида будущего времени, несовершенного вида сослагательного наклонения и ряде других. Ср. *Я попрошу вас выйти, Я просил бы вас выйти, Я попросил бы вас выйти*.

Перформативность исключительно разнообразно проявляет себя в языке. У перформативов нет, например, актуально-длительного значения. Употребления типа *Все успели позавтракать, пока я прошу тебя встать* являются чисто дескриптивными.

Перформативы не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за три минуты*. Высказывание *Я прощаюсь с вами* — перформативное, а высказывание *За три минуты я прощаюсь со всеми и ухожу* — нет; глагол в нем употреблен в настоящем историческом.

Когда перформативы употребляются в формах будущего времени или сослагательного наклонения, они не имеют никаких собственных значений этих форм. Различия между неперформативными высказываниями *Он просит вас выйти — Он попросит вас выйти — Он просил бы вас выйти — Он попросил бы вас выйти* сводятся к различиям в семантике форм вида, времени и наклонения. Различия между перформативными высказываниями *Я прошу вас выйти, Я попрошу вас выйти, Я просил бы вас выйти, Я попросил бы вас выйти* лежат не в области семантики вида, времени и наклонения, а в области прагматики и сводятся к различиям в степени вежливости: сослагательное наклонение —

самая вежливая форма просьбы, а простое будущее — самая жесткая. В других отношениях последние четыре высказывания синонимичны.

Здесь были упомянуты только три проявления перформативности. Всего же в настоящее время известно около полутора десятков интересных морфологических, словообразовательных, синтаксических, семантических и прагматических проявлений перформативности. Следовательно, ссылка на это свойство необходима во многих типах правил. Возникает вопрос: в каком виде она должна включаться в правила? Нельзя ли, например, свести перформативность к какому-либо компоненту в толковании глагола и в правилах ссылаться непосредственно на этот компонент? В связи с этим предположением рассмотрим коротко распространенное мнение о том, что в смысл всякого перформативного глагола существенным образом входит компонент 'говорить'.

В большинстве случаев свойство перформативности действительно мотивируется смыслом 'говорить'. Однако есть два ряда исключений. С одной стороны, имеются отдельные глаголы, в словарное толкование которых компонент 'говорить' не входит и которые, тем не менее, могут употребляться перформативно. Таков, например, глагол *жаловать*; ср. *Царь пожаловал его шубой со своего плеча* и *Я жалую вас званием главного церемониймейстера*. С другой стороны, имеется немало групп глаголов, в словарное толкование которых смысл 'говорить' входит и которые, тем не менее, не способны к перформативному употреблению. Таков, в частности, класс глаголов *врать*, *лгать*, *клеветать* и т. п. Высказывание типа *Я лгу* ни при каких обстоятельствах не может быть равносильно акту лжи (см. об этом [31, с. 243–244]).

Итак, поскольку свойство перформативности не всегда автоматически выводится из смысла 'говорить', в лингвистическом описании необходим самостоятельный признак перформативности. При этом лексикографически возможны два решения.

а) Признак «перформ(ативность)» приписывается лишь лексемам типа *жаловать*, в которых он семантически немотивирован, а перформативность лексем типа *обещать*, *приказывать* и т. п. выводится общим правилом из смысла 'говорить'. Тогда необходимо иметь еще один признак — «неперформ(ативность)», — приписываемый лексемам типа *лгать*, *клеветать* и т. п., чтобы они не подпали под действие общего правила.

б) Признак «перформ(ативность)» приписывается всем перформативным лексемам. Тогда не будет нужды в отрицательном признаке, но получится небольшое дублирование информации: тот факт, что в большинстве случаев перформативность выводима из смысла 'говорить', в лингвистическом описании должен фигурировать независимо ни от чего. Однако такое дублирование — вполне в природе лексикографии. Род русского существительного в большинстве случаев выводим из его внешней формы или смысла и тем не менее регистрируется в словаре на независимых основаниях.

4.3. Нетривиальные иллокутивные функции лексем

Иллокутивная функция лексемы называется тривиальной, если она выводится непосредственно из ее значения или из семантического класса, к которому она принадлежит.

Первый случай может быть представлен такими глаголами, как *спрашивать, просить, разрешать, советовать, приглашать, предостерегать, предупреждать, приказывать, требовать* и т. п. Каждый из них является каноническим обозначением определенной иллокутивной функции. Очевидно, что в таких случаях иллокутивная функция должна описываться не в зоне прагматики, а в семантической зоне толкования, потому что она образует ядро лексического значения глагола.

Второй случай может быть представлен семантическим классом глаголов действия: *вставать, делать, есть, идти, мазать, писать, работать, чинить* и т. п. Семантика императивных форм таких глаголов сводится к самой общей идее побуждения, т. е. к выражению желания, чтобы адресат сделал Р, и попытке каузировать адресата сделать Р. Прагматически же — и это неоднократно отмечалось в литературе (см., например, обширную сводку мнений в [28, с. 132–136]) — они могут интерпретироваться в очень широком диапазоне. *Отойдите*, в зависимости от ситуации, может обозначать просьбу, совет, разрешение, предостережение, требование, приказ и т. п. То же самое характерно и для любого другого глагола со значением действия. Поэтому нет оснований помещать данную прагматическую информацию в словарь. В словаре достаточно приписать таким глаголам семантический признак 'действие'. В грамматику должно быть включено одно общее правило, приписывающее императиву глаголов этого семантического класса названный выше стандартный набор иллокутивных функций.

Иллокутивная функция лексемы называется нетривиальной, если она не выводится непосредственно ни из ее лексического значения, ни из семантического класса, к которому она принадлежит.

Иллокутивная специализация характерна прежде всего для форм и конструкций, непосредственно связанных с двумя основными ролями акта коммуникации, — ролью говорящего и ролью адресата. Речь, следовательно, идет о таких формах, как императив, первое лицо, второе лицо. Начнем наш обзор с форм императива.

Собственно лексикографический интерес представляют, естественно, лишь те лексемы, которые (в отличие, например, от глаголов действия) имеют в императиве нетривиальные иллокутивные функции. Мы рассмотрим три группы таких лексем, относящихся к семантическому классу стативных глаголов. Это эпистемический глагол *знать*, путативные глаголы *считать, думать* и *понимать* и глаголы эмоционального состояния типа *бояться, гордиться, стыдиться* и т. п.

Известно, что у канонических стативных глаголов нет форм императива; нельзя сказать **Видь картину*, **Слышь музыку* (при абсолютной корректности

Смотри на картину, Слушай музыку). Однако у глагола *знать* в конструкции с придаточным дополнительным предложением, вводимым союзом *что*, она есть. Этот факт был отмечен Т. В. Булыгиной [19, с. 72].

Будучи употреблен в императиве, глагол *знать* не имеет ни одной из типичных для нормального императива иллокутивных функций, т. е. не выражает просьбы, совета, требования, разрешения, приказа, предостережения и т. д. При *знать* императив приобретает, по-видимому, уникальную прагматическую функцию — сообщение адресату собственного знания. Точнее, когда мы говорим *Знай, что Р*, мы имеем в виду следующее: 'Я знаю, что Р; я считаю, что ты не знаешь, что Р; я считаю, что знание Р важно для тебя; я хочу, чтобы ты знал, что Р, и поэтому говорю, что Р'.

Подчеркнем еще раз, что эту иллокутивную функцию *знать* имеет только при условии управления придаточным предложением, вводимым союзом *что*. Впрочем, союз *что* может быть и опущен: *Помни это, каждый сын, / знай любой ребенок: / вырастет из сына свин, / если сын — свинок* (В. Маяковский).

Если же этот глагол управляет косвенным вопросом, он может иметь в императиве обычное побудительное значение. Ср. у Блока *Но ты, художник, твердо веруй / В начала и концы. Ты знай, / Где стерегут нас ад и рай*. Правда, нормативность таких конструкций можно поставить под сомнение.

Другую, но тоже нетривиальную иллокутивную функцию имеет в императиве стативный путативный глагол *считать*. *Считай, что Р* = 'несмотря на некоторую недостаточность оснований, говорящий готов считать, что Р; говорящий сообщает, что адресат может считать, что Р'. Ср. *Считай, что тебе повезло <что мы поладили на этом>*.

Из ближайших синонимов *считать* — глаголов *находить*, *полагать* и *думать* — только последний имеет форму императива; у *находить* и *полагать* ее нет (**Находи <полагай>, что тебе повезло*). При этом *думать* в императиве менее свободен, чем *считать*. Он используется преимущественно в синтаксически связанных конструкциях типа *Думай что хочешь <что угодно>* и выполняет более тонкую прагматическую функцию, чем *считать*: *Думай что хочешь* = 'можешь считать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты считаешь'. В тот же ряд входит и изначально эпистемический глагол *понимать*, который во фразеологически связанных конструкциях типа *Понимай как хочешь <как знаешь, как тебе угодно>* имеет путативное значение. Как и глагол *думать*, в императиве он выражает, вместе с модальностью возможности (разрешения), еще и авторское безразличие к тому, что именно подумает адресат.

Рассмотрим, наконец, нетривиальные иллокутивные функции императива таких глаголов эмоционального состояния, как *бояться*, *гордиться*, *стыдиться* и т. п. Их, по-видимому, две.

Первая — уже известная нам функция разрешения; ср. *Гордись, гордись своей проклятой славой* (А. С. Пушкин) = '... можешь гордиться'; *Стыдись своего прошлого, если это доставляет тебе удовольствие* = '... можешь стыдиться'.

Вторая иллокутивная функция императива глаголов эмоционального состояния, более типичная для них и поэтому более интересная, — это функция требования или предписания. Ср. *Бойся данайцев, дары приносящих* = '...адресат должен бояться...'; *Гордись: таков и ты, поэт, / И для тебя условий нет* (А. С. Пушкин) = '...адресат должен гордиться...'; *Стыдись: ты обидел того, кто слабее тебя* = '...адресат должен стыдиться...'

Очевидно, что представленная здесь информация об иллокутивных функциях императива глаголов интеллектуального и эмоционального состояния должна сообщаться в их словарных статьях.

Перейдем к формам лица и рассмотрим одну метатекстовую функцию ряда глаголов, на которую обратила внимание А. Вежбицка [29, с. 106 и сл.]. В этой работе было показано, что в общем случае текст складывается из собственно текста, т. е. описания определенной ситуации реального или мыслимого мира, и метатекста — высказываний типа *Выше мы уже говорили, Ниже мы вернемся к этому вопросу, Кстати сказать, Последнее по порядку, но не по важности и т. п.* Такие метатекстовые авторские «пометки на полях» направляют осознание текста адресатом по нужному пути, указывают, в каких местах текста следует искать ту или иную информацию, определяют относительную информационную ценность различных его фрагментов. Это — своего рода прагматические инструкции по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации, чтобы она была усвоена оптимальным образом. Хотя метатекстовые элементы нарушают непосредственное семантическое единство текста, они выполняют интегрирующие функции на высшем уровне, которые перекрывают их разрушительное действие.

Среди упоминаемых А. Вежбицкой метатекстовых элементов мы выделим два основных класса.

В первый класс входят (вводные) наречия и наречные обороты типа *во-первых, во-вторых, иначе говоря, так, кстати говоря, между прочим* и т. п. Для них названная иллокутивная функция является частью толкования и поэтому описывается в семантической зоне словарной статьи.

Во второй класс входят глаголы и глагольные обороты типа *возвращаться, начинать, переходить к заключению, повторять, подчеркивать* и т. п. Их словарное толкование не должно содержать ссылки на иллокутивную функцию привлечения внимания к авторской сортировке сообщаемых сведений, поскольку в подавляющем большинстве форм они воспринимаются как объективное описание действительности. Высказывание типа *Он повторил, что дальнейшие переговоры бесполезны* прагматически нейтрально. Психологическое давление, если оно в нем и есть, целиком сосредоточено в семантике глагола *повторять*. Аналогичное высказывание в форме первого лица настоящего времени оказывается прагматически насыщенным: *Повторяю, что дальнейшие переговоры бесполезны*. Мы предлагаем следующее толкование этой формы: *Повторяю, что P* = 'Ранее я уже говорил, что P; я допускаю, что вы не восприняли P или не оценили важности P; я хочу, чтобы вы оценили важность P;

поэтому я еще раз говорю, что P^4 . В указанной иллокутивной функции глаголы типа *повторять* приобретают сходство с перформативами.

4.4. Статусы говорящего и адресата

Как уже было сказано, эта информация представляет лексикографический интерес только тогда, когда она характеризует не лексическое значение как таковое, а лишь некоторые употребления слова в данном лексическом значении. Остановимся в связи с этим на употреблении личных местоимений, прежде всего местоимения *ты*. С интересующей нас точки зрения и притом лексикографически оно уже было описано в [30, с. 290–292]. Мы учитываем эти результаты, но в целом систематизируем употребления *ты* по-иному.

Известны следующие употребления *ты*: 1) *ты* близкое; 2) *ты* родственное; 3) *ты* детское (в общении детей между собой или при обращении совсем маленьких детей к взрослым); 4) *ты* старшее; 5) *ты* хамское; 6) *ты* панибратское. Добавим к этим шести употреблениям еще *ты* внедиалоговое. Оно используется при мысленном обращении к любым объектам, исключаяющим реальный диалог. К числу таких объектов относятся «абстрактные люди» (*Что ты сделал для фронта?*), атрибуты человека (*Жизнь, зачем ты мне дана?*), предметы окружающей обстановки (*Свет мой, зеркальце! скажи*), покойники, животные, географические и космические объекты (*Прощай, немая Россия; Ты, солнце святое, гори*), человеческие общности (*И ты, послушный им народ*), мифические существа. Любопытно, что обращение на *ты* распространяется и на тех живых людей, к которым говорящий нормально обращается на *вы*, но с которыми в данную минуту ведет мысленный диалог; ср. *Ах ты, шельма, — подумал я о лекторе*.

С интересующей нас здесь точки зрения заслуживают упоминания два из перечисленных семи употреблений: *ты* старшее (сверху вниз в возрастной иерархии, причем говорящий должен быть взрослым, а адресат — ребенком); *ты* хамское (сверху вниз в социальной иерархии).

⁴ Прокомментируем компонент 'Я допускаю' в этом толковании. Более естественным кажется на первый взгляд компонент 'я считаю'. Однако он не объясняет возможности использования *повторять* в разного рода резюме и заключениях; ср. *Повторяю, что, несмотря на отдельные недостатки, работа заслуживает опубликования*. В таких случаях у говорящего нет оснований считать, что к его отзыву отнеслись недостаточно внимательно, хотя допустить такое вполне можно. Формула 'Я считаю или допускаю' тоже не годится из-за ее неправильности: выбор между 'считать' и 'допускать' неприменим к самому говорящему, ибо он твердо знает, считает ли он нечто или только допускает. Кстати, в силу того же принципа неправильны и другие формулы такого рода, например, **Я знаю или допускаю* (при правильности *Он знает или допускает*). В результате в толковании *Повторяю* может быть оставлено только более слабое 'Я допускаю'.

Любопытную прагматическую функцию выполняет местоимение *вы* в устах носителя *ты* панибратского или *ты* хамского. Носитель *ты* панибратского маркирует таким несвойственным ему почтительным обращением свой более низкий по сравнению с адресатом социальный (в частности, образовательный) статус, а носитель *ты* хамского — свой более низкий статус в административной иерархии.

Мы инклюзивное, используемое при обращении и включающее ровно двух лиц — адресата и самого говорящего, маркирует более высокий статус говорящего в текущей ситуации. В ситуации медицинского осмотра, например, хозяином положения является, конечно, врач, независимо от того, каков социальный или возрастной статус его пациента. Поэтому он вполне может позволить себе покровительственное обращение на *мы*: *Ну, как мы себя чувствуем? Давление у нас нормальное, разве чуточку повышено. Но ведь нам не двадцать лет?* (И. Грекова, «Пороги»). Может быть, в таких случаях имеет место еще и эффект включения говорящего в личную сферу адресата⁵. Солидарность с адресатом, испытываемая говорящим, настолько велика, что он готов поставить себя в положение адресата и разделить все его переживания. Ср. вопросы в форме первого лица множественного числа типа *Ну как, работаем?* в ситуации, когда сам говорящий не работает, но хочет подчеркнуть свою солидарность с работающим адресатом. Отметим, что говорящий может включать себя в личную сферу слушающего не только с целью выражения сочувствия, но и с критическими целями; ср. *Все еще отдыхаем?, Что же, так и будем молчать?*

Он и *она* непочтительные, т. е. называющие третье лицо, которое либо участвует в общем разговоре, либо имеет возможность его слышать, тоже могут маркировать более высокий статус говорящего в определенной иерархии или в текущей ситуации. Однако чаще они выполняют другие прагматические функции — исключения называемых таким образом людей из личной сферы говорящего, преднамеренного оскорбления, выражения неуважения либо невольной демонстрации недостатка воспитания.

* * *

На этом мы закончим обзор типов прагматической информации для толкового словаря. Скажем в заключение, что бурное развитие лингвистической прагматики в последние 10—15 лет привело ко многим наблюдениям, находкам и открытиям, представляющим бесспорный интерес для лексикографии. Пришло время начать лексикографическое освоение этого материала⁶.

⁵ Это соображение было высказано (устно) А. Карловской. Раньше ([15, с. 29]) мы рассматривали такие примеры как случаи включения адресата в личную сферу говорящего.

⁶ Автор выражает признательность И. М. Богуславскому и М. Я. Гловинской, которые прочитали первоначальную редакцию этой статьи и сделали ряд ценных критических замечаний.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и толковый словарь // *Вопр. языкознания.* 1986. № 2.
2. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
3. *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
4. *Syntax and Semantics.* Vol. 3. *Speech Acts.* N. Y.; San Francisco; London, 1975.
5. *Syntax and Semantics.* Vol. 9. *Pragmatics.* N. Y.; San Francisco; London, 1973.
6. Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. № 4.
7. *Journal of Pragmatics* // Special Issue on 'Particles' edited by Anna Wierzbicka. 1986. Vol. 10. N 5.
8. *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1987.
9. *Русская грамматика.* Т. II. Синтаксис. М., 1980.
10. *Шмелев Д. Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. // *Вопр. языкознания.* 1958. No 6.
- 10а. *Wierzbicka Anna.* *Dociekania semantyczne.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
11. *Шмелева Т. В.* Мысли В. В. Виноградова о модальности и дальнейшее изучение этой семантической категории // *Zbornik radova instituta za strane jezike i knjii evnosti.* 1983. Sveska 5.
12. *Яковлева Е. С.* О семантике модальных слов — показателей достоверности в современном русском языке // *Zbornik radova instituta za strane jezike i knjii evnosti.* 1984. Sveska 6.
13. *Lyons John.* *Semantics.* Vol. 2. Cambridge, 1978.
14. *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Межвузовский сборник. Красноярск, 1984.
15. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика.* 1986. Вып. 28.
16. *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
17. *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл—Текст" // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1.* Wien, 1980.
18. *Виноградов В. В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
19. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов.* М., 1982.

20. *Потебня А. А.* Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888.
21. *Арбатский Д. И.* Множественное число гиперболическое // Русский язык в школе. 1972. N 5.
22. *Шмелев Д. Н.* Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1961. N 5.
23. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
24. *Гловинская М. Я.* Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985.
25. *Крысин Л. П.* Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28.
26. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1960.
27. *Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. N 3.
28. *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.
29. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
30. *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
31. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

КОННОТАЦИИ КАК ЧАСТЬ ПРАГМАТИКИ СЛОВА*

(лексикографический аспект)

1. Вводные замечания

Термин "прагматика" в трудах акад. В. В. Виноградова не встречается. Тем не менее реальной прагматической информации о различных единицах языка в них больше, чем в иных современных работах, специально ей посвященных. Это и неудивительно. Любая единица языка представляла лингвистическому зрению В. В. Виноградова как целый мир, во всех тонкостях ее внутреннего устройства, во всем богатстве ее внешних связей, ведущих в систему языка, в синтагматический контекст, в ситуацию общения, а затем в филологию, литературу, историю, культуру, в лингвистическую традицию ее изучения. Показательны в этом отношении его лексикографические этюды о словах *влиять* и *влияние* [Виноградов, 1977, с. 71–73], *сочинитель* и *творец* [там же, с. 85–86], *прогресс*, *передовой* и *отсталый* [там же, с. 88–90], а также богатейшие россыпи наблюдений над "эмоциональным ореолом и смысловыми ассоциациями слов в пределах одного лексического «гнезда»" [там же, с. 28]. Воспроизведем лишь одно из таких наблюдений, касающееся слов *соль* и *насолить* и имеющее прямое отношение к теме нашей работы.

"Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались и осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков. Так, глагол *насолить*, кроме прямого конкретного значения «заготовить солением, положить много соли во что-нибудь», еще имеет в современном языке переносное значение «повредить, причинить неприятность». Вероятнее всего, это перенос-

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке", М., 1992.

ное значение глагола *насолить* возникло на основе некогда существовавших представлений о колдовстве. По суеверным представлениям прошлого, болезнь и порчу могло вызвать разбрасывание с наговором различных предметов. Лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались «порче»; с целью нанести вред и употреблялась часто «наговорная» соль [Виноградов 1977, с. 163]. Здесь следует ссылка на исследование истории русского колдовства XVII века с богатыми этнолингвистическими материалами о соли, ее месте в народном сознании и том значении, которое придавалось действию соли, подвергшейся наговору.

При таком целостном методе анализа от внимания В. В. Виноградова не могло укрыться и то, что в современной лингвистике получило название прагматики. Рассмотрим это понятие несколько подробнее.

В данной работе прагматика будет пониматься уже, чем сейчас принято. С нашей точки зрения лингвистический интерес представляет лишь та прагматическая информация, которая лексикализована или грамматикализована, т. е. приобрела постоянный статус в языке. В соответствии со сказанным мы будем называть прагматикой закрепленную в языковой единице оценку говорящим следующих трех вещей: действительности, являющейся предметом сообщения, содержания сообщения и адресата (см. [Апресян, 1988а, с. 8–16]).

Очевидно, что языковой единицей в указанном здесь смысле может быть и слово. Поэтому в типовой словарной статье толкового словаря под описание прагматической информации должна быть выделена особая зона. Она подразделяется на ряд подзон, в зависимости от типа лексикографически существенной прагматической информации. К числу основных типов такой информации относятся прагматические стилистические пометы, прагматические признаки (например, перформативность), оценка статусов собеседников в возрастной, социальной или иной иерархии, иллокутивные функции лексем и ее коннотации. Этим типам прагматической информации была посвящена уже упоминавшаяся статья [Апресян, 1988а]. В данной работе мы разовьем лишь одну из намеченных в ней тем — о коннотациях лексемы. Работа будет построена по следующему плану: 1) понятие коннотации; 2) ее языковые проявления; 3) ее свойства; 4) понятие коннотации и лингвистическая теория.

2. Понятие коннотации

Трудно проследить, когда слово "коннотация" было впервые употреблено в лингвистике терминологически. Можно, однако, утверждать, что уже в середине XIX века оно было в ходу в английской лексикографической литературе, связанной с теорией синонимических словарей и практикой их составления (см. [Webster, 1951, с. XIV и сл.]). К этому времени сложились два разных смысла термина "коннотация".

С одной стороны, коннотациями назывались "добавочные" (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексичес-

к их значений, включаемые непосредственно в толкование слова. Так, сравнивая слова *righteous* 'праведный' и *just* 'справедливый', Э. Дж. Уотли писала в своем предисловии к знаменитой в XIX веке книге *Selection of Synonyms* (1851): "*Righteous* сейчас используется исключительно для обозначения этики поведения, опирающейся на принципы религии, между тем как *just* обозначает просто высокоморальное поведение. Язычника или атеиста можно назвать *just*, но не *righteous*" [Webster, 1951, с. XVI].

С другой стороны, о коннотациях говорили и тогда, когда имели в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, не входящую непосредственно в лексическое значение слова. В той же книге Э. Дж. Уотли сравнивает единицы *swine's flesh* 'мясо свиньи' и *pork* 'свинина'. Они обозначают в точности один и тот же объект. Однако в сознании правоверного иудея, продолжает Э. Дж. Уотли, первая связана с идеей нечистоты (*presents to the mind a gross idea*), а вторая такой ассоциации не порождает [там же, с. XIV]¹.

Принципиальное различие между двумя пониманиями "коннотации" не всегда осознавалось, и традиция неотчетливого использования термина сохранилась до наших дней (см. в особенности уже упоминавшийся Вебстеровский словарь, а также [Isačenko, 1972b, с. 82–85; Komlev, 1976, с. 127–128; Bartmiński, 1984, с. 13–16; Телия, 1986; Маслова, 1989]). Более того, к двум рассмотренным значениям термина "коннотация" в XX веке добавилось еще несколько: 1) "коннотация" = интенционал, смысл, в противоположность "денотации" (логико-философская традиция, восходящая к работам Дж. С. Милля); 2) "коннотация" = синтаксическая валентность слова (психо-лингвистическая традиция, восходящая к работам К. Бюлера); 3) "коннотация" = "переносное значение, основанное на фигуральных элементах" [Isačenko, 1972b, с. 84–85]; 4) "коннотация" = факультативный элемент лексического значения [Tokarski, 1988]; и ряд других (хорошее представление о диапазоне существующих значений термина "коннотация" дает весьма содержательный сборник [Konotacja, 1988]); эволюция термина и история различных его употреблений с достаточной полнотой прослежены в работе [Majer-Baranowska, 1988]).

¹ Аналогичные идеи, но без терминологического закрепления понятий, обсуждались около этого времени и в отечественной филологии. В. В. Виноградов цитирует следующий замечательный отрывок из письма П. А. Плетнева Я. К. Гроту (29 сентября 1845 г.): "Я изъяснил, что нет в языке слов равнозначащих совершенно, потому что с лексиконным значением в голову приходит с каждым словом идея века, народа, местности, жизни. Все это удалось мне выяснить простым примером — *борода* и *брада*. Первая так и рисует читателю Русь в виде ее мужика, купца или попа. Второе каждого из нас переносит во времена патриархов (иудейских), в жизнь восточных народов и проч., оттого только, что это слово врезалось в памяти из церковных книг" [Виноградов, 1977, с. 165–166].

Понятно, как исторически может возникнуть такая неоднозначность термина, тем более в ситуации, когда он рождается в недрах сразу нескольких дисциплин. Труднее объяснить, почему этот разброс значений сохраняется внутри одной дисциплины — лингвистики. Ведь почти для всех значений термина "коннотация" нынешняя лингвистика располагает более детальными и логически более четкими понятиями: интенционал, модальная рамка, presupпозиция, оценочный компонент значения (как в словах *застрельщик* = '...относись хорошо' и *зачинщик* = '...относись плохо' — на фоне нейтрального *инициатор*), факультативный, или слабый, компонент значения, семантическая и синтаксическая валентность. Именно эти термины и следует использовать для обозначения соответствующих понятий.

Тогда на долю термина "коннотация" останется ровно одно значение — "узаконенная в данном языке оценка объекта действительности, именем которой является данное слово". Именно в этом и только в этом смысле термин "коннотация" будет использоваться в данной работе. Более точно, коннотациями лексемы мы будем называть *н е с у щ е с т в е н н ы е , н о у с т о й ч и в ы е* признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него.

Это понимание коннотаций было сформулировано в [Апресян, 1974, с. 67–68], а затем развито и уточнено в [Иорданская, Мельчук, 1980, с. 196 и сл.]. Ср. их основное определение: "Лексическая коннотация лексической единицы L есть некоторая характеристика, которую L приписывает своему референту и которая не входит в ее толкование". Похожее понимание коннотаций изложено в работе [Bartmiński, 1980, с. 13–14]: "совокупность не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества ассоциаций", образующих сопутствующие лексическому значению "содержательные элементы, логические и эмоциональные, которые складываются в стереотип". Однако, судя по дальнейшим публикациям, Е. Бартминский со временем отошел от этой позиции.

Рассмотрим подробнее два основных свойства коннотаций, выделенных в приведенном выше определении автора.

Первое свойство состоит в том, что в коннотациях лексемы воплощаются *н е с у щ е с т в е н н ы е* признаки выражаемого ею понятия. Возьмем слово *петух* в его основном значении, которое во всех словарях русского языка толкуется совершенно единообразно как 'самец курицы'. Это толкование действительно исчерпывает собственно лексическое значение слова; в него не могут быть включены указания на то, что петухи рано засыпают и рано просыпаются, что они задиристы и драчливы, что они как-то по-особенному, подобострастно ходят. Все это — несущественные для наивного понятия 'петух' признаки. В частности, есть основания думать, что петухи засыпают и просыпаются не раньше большинства птиц и не более задиристы и драчливы, чем самцы других биологических видов.

Вместе с тем перечисленные признаки отличаются от других несущественных, хотя и бросающихся в глаза признаков петухов, например, таких, как величина гребешка, форма или окраска хвоста. Первые в ы д е л е н ы в сознании говорящих на русском языке людей и имеют у с т о й ч и в ы й характер, многократно обнаруживая себя в разных участках языковой системы. Будучи ассоциативными и несущественными для основного значения слова *петух*, они оказываются семантическим ядром его переносных значений, производных слов, фразеологических единиц. Признак задиристости, например, лежит в основе переносного значения слова *петух* 'задиристый человек, забияка', а также значений производных слов *петушинный* 'задиристый', *петушиться* 'горячиться, вести себя задиристо'. Ср. *Горн увидел Меншикова, — этот петух во весь конский мах скакал к шведам* (А. Н. Толстой); *У обоих характер был петушинный; При нападении защищайся, однако не петушись без толку* (В. Ажаев, БАС). Признаки 'рано засыпают и рано просыпаются' лежат в основе фразеологических единиц *до первых петухов*, *с петухами вставать* <просыпаться>, *с петухами ложиться* <засыпать>. Именно такие несущественные, но устойчивые, т. е. многократно проявляющие себя в языке, признаки и образуют коннотации лексемы, фиксируемые в прагматической зоне ее словарной статьи.

Возникает вопрос, как отличить такие несущественные, но устойчивые признаки понятий от тех смысловых элементов, которые входят непосредственно в лексическое значение слова. Известны два экспериментальных теста для разграничения элемента лексического значения и коннотации, предложенные в [Иорданская, Мельчук, 1980, с. 201–202]. Рассмотрим их.

Первый тест. Пусть у лексемы *L* есть гипотетическая коннотация *C*. Если присоединение к *L* элемента со смыслом 'не *C*' не порождает противоречия, то *C* — коннотация. Если же противоречие возникает, то *C* должно считаться элементом значения. Так, признак 'глупость' для лексемы *осел 1* = 'животное' составляет коннотацию, потому что высказывание типа *У Насреддина был умный осел* непротиворечиво. Тот же признак для лексемы *осел 2* = 'человек' составляет часть ее лексического значения, потому что высказывание типа **Эмир был умным ослом* абсурдно. Равным образом не являются коннотациями оценочные элементы в значениях таких слов, как *пресловутый* или *вояж*; ср. аномальность **пресловутые подвиги* или **вояж национального героя*.

Второй тест. Пусть *C* называет некоторую функцию объекта, обозначенного лексемой *L*. Если из того, что этот объект находится не в порядке, естественно заключить, что он плохо выполняет функцию *C*, то *C* — элемент лексического значения *L*; в противном случае *C* — коннотация. Например, для лексемы *голова 1* = 'верхняя часть тела человека...' такой функцией будет 'думать', а для лексемы *сердце 1* = 'внутренняя часть тела человека...' — 'чувствовать'. Для фразы *У меня голова уже давно никуда не годится* продолжение *и поэтому я не могу как следует думать* звучит вполне естественно. Значит, 'думать' в той или иной форме (например, в форме 'орган мысли')

входит в лексическое значение лексемы *голова* 1. Для фразы *У меня сердце давно никуда не годится* продолжение *и поэтому я не способен испытывать какие бы то ни было чувства* совершенно не подходит. Значит, 'чувствовать' в той или иной форме (например, в форме 'орган чувств') образует коннотацию лексемы *сердце* 1.

Добавим к этому т р е т ь и т е с т. Пусть лексеме L приписано толкование 'Т', не включающее элемента С, который является, по предположению, коннотацией. Если по 'Т' можно однозначно идентифицировать лексему L, и только эту лексему (не считая ее точных синонимов), то С — коннотация L. Так, толкование 'мать жены' дает возможность однозначно выбрать в словаре русского языка лексему *теща*. Следовательно, все другие ассоциируемые с *тещей* признаки, каковы бы они ни были, образуют ее коннотации, а не часть значения.

Ни один из этих тестов не является абсолютно надежным. Для каждого из них без труда находятся отдельные слова и большие классы слов, к которым он либо в принципе неприменим, либо дает антиинтуитивный результат.

Первый тест неприменим, например, к словам *правый* 1 с коннотацией честности и *ветер* 1 с коннотацией несерьезности, легкомыслия. Нельзя сказать **моя бесчестная правая рука* или **вдумчивый <глубокомысленный> ветер*, но не потому, что 'честность' входит в значение *правый*, а 'легкомыслие' — в значение *ветер*. Просто пары смыслов 'честный'+ 'правый', 'легкомысленный'+ 'ветер' онтологически несовместимы.

Кроме того, первый тест не дает возможности разграничить коннотацию и факультативный (слабый) смысл. Действительно, смысл 'не С', если он выражен явно, может оказаться сильнее имплицитно выраженного и, следовательно, более слабого смысла 'С', в х о д я щ е г о в з н а ч е н и е лексемы L. Тогда происходит подавление, вычеркивание смысла 'С', и результирующее словосочетание, несмотря на принципиальную несовместимость смыслов 'С' и 'не С', оказывается непротиворечивым. Рассмотрим фразему *Голова <котелок> варит у кого-л.*, лексическое значение которой в словарях толкуется как 'голова х о р о ш о работает у кого-л.' Хотя, как видно из этого толкования, компонент 'хорошо' входит в лексическое значение фраземы, он является слабым (факультативным) и снимается, не порождая никакого противоречия, при столкновении с явно выраженным и тем самым более сильным смыслом 'плохо'; ср. *Что-то у меня голова плохо варит*.

Второй тест предназначен лишь для существительных, причем только тех, референты которых имеют определенные функции. Даже с учетом этих запланированных ограничений он оказывается неприменимым к большому по объему и богатому коннотациями классу названий животных, используемых человеком для получения различных пищевых продуктов и сырья (молока, мяса, сала, кожи, шерсти, меха, пера и т. п.). Возьмем, например, типичное толкование лексемы *свинья*: 'парнокопытное млекопитающее, домашний вид которого разводят для использования его мяса, сала, щетины, шкуры' (Ушаков). Анало-

гичные указания на функции (для чего используют) включаются в толкование этого слова во всех без исключения толковых словарях русского языка — в МАС'е, БАС'е, словаре С. И. Ожегова. Ср. также [Мельчук, Жолковский, 1984, с. 722] и [Bartmiński, 1984, с. 10]. Не принимать в расчет эту удивительно последовательную лексикографическую интуицию, ведущую к включению указания на функцию в лексическое значение слова, нельзя. Между тем, если применить к этому случаю второй критерий коннотативности, получится, что указание на функцию — не часть лексического значения, а коннотация. В самом деле, ход мысли в предложении *Наша свинья сломала передние ноги, и поэтому ее нельзя резать на сало <использовать для получения сала>* нельзя признать естественным. Наоборот, такая травма домашнего животного как раз считается бесспорным основанием для того, чтобы его немедленно заколоть и использовать все, что можно.

Третий тест, как нетрудно заметить, ориентирован на "дифференци-альные" толкования, т. е. толкования, дающие возможность отличить одно слово от другого. Но идеалом лексикографа являются исчерпывающие толкования, фиксирующие и такие смысловые компоненты, по которым данное слово не противопоставлено другим словам. Известно немало случаев, когда исчерпывающее толкование намного превосходит дифференциальное по составу компонентов. По толкованию 'женщина, родившая X-а' абсолютно однозначно опознается слово *мать*. Из этого не следует, что другие смыслы, вызываемые в нашем сознании словом *мать*, заведомо относятся к области коннотаций. Остается неясным, например, как быть со смыслом 'выращивает и воспитывает X-а' — является ли он коннотацией или частью лексического значения? (ср. суждения о "моделях матери" в [Лакофф, 1988, с. 37–43]).

Аналогичные вопросы возникают по поводу сотен, если не тысяч других слов, особенно имен природных объектов. Достаточно вспомнить рассуждения А. В. Исаченко о толковании слова *мышь* [Isačenko, 19726, с. 82] или рассуждения Е. Бартминского о толкованиях слов *солнце*, *заяц*, *конь* и т. п. [Bartmiński, 1980, с. 24; Bartmiński, 1984, с. 10, 13, 16, 18, 19]. Верно ли, например, что *мышь* для обыденного сознания — это 'небольшой грызун из семейства мышинных, с острой мордочкой, черными глазами и длинным, почти голым хвостом' (Ушаков)? А. В. Исаченко отвергает это толкование как чересчур энциклопедичное. "С точки зрения языка — это прежде всего очень мелкое животное, тихое (*тихий, как мышь*), быстрое (*юркнуть, юркий, как мышь*), серое (*мышинного цвета, мышастый*)" [цит. соч.]. Являются ли эти свойства коннотациями или элементами лексического значения? А. В. Исаченко считал их частью лексического значения слова *мышь*; нам же представляется, что по крайней мере свойства 'тихий' и 'быстрый' образуют коннотации *мыши*.

Из того, что экспериментальные критерии коннотативности ненадежны или дают антиинтуитивные результаты, а интуитивные оценки расходятся, совсем не следует, что само понятие коннотации лишается смысла.

Во-первых, имеются канонические случаи противопоставленности коннотаций и элементов лексического значения; ср., например, слова *теща* (оценочные элементы являются бесспорно коннотативными) и *пресловутый* (оценочные элементы безусловно входят в лексическое значение). Естественно, что между бесспорными коннотациями и бесспорными компонентами лексических значений есть широкая полоса промежуточных случаев. Однако в этом отношении дело о коннотациях ничуть не отличается от других лингвистических казусов, связанных с определением природы языковых единиц; ср. пресловутую "проблему слова".

Во-вторых, интуитивное понятие коннотации может быть объективировано в большей степени, если существенно пополнится арсенал экспериментальных приемов распознавания коннотаций. Возможность оценивать меру коннотативности спорного элемента с помощью многих тестов создает основу для взвешивания аргументов за и против и принятия сбалансированных решений.

В-третьих, и это самое важное, ничто не обеспечивает теоретического продвижения в большей мере, чем полное лексикографическое описание объекта. Лингвисты могут до бесконечности спорить о том, что такое слово, но их решения должны быть согласованы с лексикографической трактовкой соответствующего материала в авторитетных толковых словарях. Точно так же теория коннотаций будет более надежно обеспечена, когда (и если) будет завершена эмпирическая работа по составлению достаточно полного словаря хотя бы одного языка, содержащего последовательное описание коннотаций лексем на основе интуиции хотя бы одного лексикографа.

3. Языковые проявления коннотаций

Коннотации характеризуют, как правило, основные, или исходные, значения слов, а материализуются они в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других. Проиллюстрируем систематически эти формы объективного языкового проявления коннотаций.

3.1. Переносные значения

Слово *свинья* в основном значении имеет коннотации неопрятности, неотесанности, грубости, примитивного и хамского поведения, низости (ср. [Мельчук, Жолковский, 1984, с. 722]). Все они материализуются в переносных значениях 'неряха' (*Свиньи, грязь везде развели!*), 'невоспитанный и грубый человек' (*Напился, свинья*), 'подлый и низкий человек' (*Свинья, — пришел любоваться женщиной, которую сделал кошкой* (М. Горький, БАС).

У слова *ворона* на основе коннотации невнимательности развилось переносное значение 'рассеянный человек, разиня': — *Ворона, — перебил он вдруг себя. — Пропустил почтовый ящик* (А. Куприн, БАС).

Слово *пасынок* 'сын одного из родителей, не являющийся сыном другого, по отношению к этому другому' в своем главном значении имеет коннотации неосновного, заброшенного, нелюбимого, забытого, последующего. Они дают о себе знать прежде всего в переносном значении 'нечто неосновное, лишенное поддержки', представленном в словосочетаниях типа *пасынок природы, пасынок жизни, пасынок времени*. Ср. у Пушкина *Где прежде финский рыболов, / Печальный пасынок природы, / Один у низких берегов / Бросал в неведомые воды / Свой ветхий невод...* Идея заброшенности и незащищенности пасынка природы перед лицом ее стихийных сил поддержана здесь эпитетами *печальный, один, неведомый, ветхий*. Ср. также следующие два текста: *Самое трудное — быть пасынком времени. Нет тяжелее участи пасынка, живущего не в свое время. Пасынков времени распознают сразу — в отделах кадров, в райкомах партии, ... в редакциях, на улице... Время любит лишь тех, кого оно породило, — своих детей, героев, своих тружеников* (В. Гроссман). *Василий Гроссман, автор... романа "Народ бессмертен", считал себя сыном времени. Писатель, писавший роман "Жизнь и судьба", ощутил себя его пасынком. ...Но пасынок настоящего времени может стать сыном будущего* (В. Лакшин).

3.2. Метафоры и сравнения

По-видимому, именно коннотации лежат в основе многих привычных метафор и сравнений и подавляющего большинства авторских метафор и сравнений. Для слова *свинья* такими сравнениями являются *напиться как свинья* (по коинтациям грубости и неотесанности) и *разбираться как свинья в апельсинах* (по коннотации примитивности). Ср. также следующие примеры со словом *пасынок*: *Вокруг лимана ютятся, как пасынки, мелкие, корявые, уродливые, кустарники. Два моря смыкаются здесь...: море степной пшеницы и синий Понт вместе с мелким пасынком Азовом* (Ю. Черниченко).

При обсуждении слова *петух* мы уже упоминали коннотации задиристости и подобострастия. Они реализуются в производном слове *петушок*, которое в творительном сравнения употребляется адвербиально при глаголах перемещения со значением 'задиристо, хорохорясь' или, наоборот, 'подобострастно'; ср. *Около Мавры Максимовны [художник] ходил петушком, подбоченясь и многозначительно подмигивая* (В. Короленко, БАС); *Не помешали ли вам отдохнуть, Егор Фомич, — светился поверенный, забегая петушком перед "самим"* (Д. Мамин-Сибиряк, БАС).

В той же сравнительной конструкции реализуются и коннотации слова *холостяк*: *Жена была в командировке, и он жил холостяком*, т. е. не усложняя себе жизнь устройством быта, не заботясь о домашнем уюте и порядке, но зато, может быть, участвуя в веселых дружеских встречах, — словом, так, как в представлении общества свойственно жить холостякам (подробнее об этом слове см. раздел 3.3.).

3.3. Производные слова

Коннотации слова *свинья* дают большой шлейф производных слов, в которых они превращаются в компоненты лексических значений. Ср. *свиноушник* — 'грязное, захламленное помещение'; *свинтус* — 'неопрятный человек' и 'низкий, неблагодарный человек'; *свинство* — 'грязь' и 'нехороший, низкий поступок'; *свинский* — 'неблагодарный, низкий', ср. *свинское поведение*; то же самое и в наречии *по-свински*; *свинячить* — 'вести себя хамски или некультурно' и 'вести себя низко и неблагодарно', ср. *Вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связь с женщинами, используя свое положение* (М. Булгаков).

У слова *холостяк* 'неженатый мужчина, достаточно давно достигший брачного возраста и никогда ранее не состоявший в браке' есть коннотации бытовой неустроенности, неприхотливости, неухоженности, а с другой стороны — беспечности, свободного образа жизни и приверженности ему. Первые три коннотации обнаруживают себя в производных *холостяцкий*, *по-холостяцки*: *Когда жена надолго уезжала, его квартира приобретала холостяцкий вид <он начинал жить по-холостяцки>*; — *Сейчас я молочную овсянку сварю... Я по-холостяцки, по-старчески. Один ведь живу* (В. Померанцев).

Слову *ветер* в основном значении присущи коннотации переменчивости и несерьезности, которые легли в основу производных *ветреный* 'легкомысленный, непостоянный' и *ветренность* 'легкомыслие, непостоянство', ср. *ветренный человек, ругать женщин за ветренность*.

3.4. Фразеологические единицы, поговорки, пословицы

Коннотации неотесанности и примитивности лексемы *свинья* лежат в основе фраземы *метать бисер перед свиньями* = 'говорить нечто такое, чего собеседник, в силу своей примитивности и нетонкости, не сумеет оценить по достоинству'. Коннотация подлости, низости лежит в основе фраземы *подложить свинью кому-л.* Ср. также пословицу *Посади свинью за стол, она и ноги на стол*.

Коннотация быстроты, присущая слову *ветер* в основном значении, дала фразему *как ветром сдуло*, а уже упоминавшиеся коннотации переменчивости и несерьезности — фраземы *ветер перемен, держать нос по ветру, ветер в голове, бросать слова на ветер*.

У существительного *гусь* в основном значении есть коннотации плутоватости и ненадежности. Они проявляются во фразеологических единицах *ну и гусь, вот так гусь, хорош гусь, что за гусь, гусь лапчатый*.

3.5. Синтаксические конструкции

Типичной для коннотативно насыщенных лексем является биноминативная псевдотавтологическая конструкция типа *X есть X*; ср. *Женщины есть женщины; И все-таки война есть война, женщинам на войне особенно нелегко* (Г. Бак-

ланов). Эта конструкция издавна привлекала внимание логиков и лингвистов и заслуживает подробного обсуждения.

Рассматривая биноминативные конструкции в свете принципов кооперативного общения, Г. Грайс писал, что они неинформативны на уровне того, что реально сообщено, однако "информативны на уровне того, что подразумевается" [Grice, 1975, с. 52]. Сам Г. Грайс никак не уточнил, что в таких случаях может подразумеваться, и тем самым дал повод думать, что он допускал существование универсальных прагматических принципов их интерпретации, не зависящих от языка. Можно, например, предположить, что, когда адресат поставлен перед необходимостью осмыслить внешне тавтологичное высказывание, он пытается реконструировать то субъективное содержание, которое вложил в свои слова его конкретный собеседник в конкретной ситуации общения.

Этому "радикально прагматическому" взгляду на интерпретацию псевдотавтологических биноминативных конструкций А. Вежбицка противопоставила свой "радикально семантический" подход. Описав несколько типов таких и других псевдотавтологических конструкций в английском языке (с более эпизодическими примерами из других европейских языков, а также японского и корейского), она показала, что каждый тип имеет устойчивую семантическую интерпретацию, специфичную для данного языка. Скажем, по-английски *Boys will be boys* 'Мальчики есть мальчики' значит (в вольной передаче), что мальчики склонны делать вещи, всякому понятно, какие, которые не встречают нашего одобрения; однако нет смысла расстраиваться по этому поводу, поскольку мальчики не могут вести себя иначе [Wierzbicka, 1987, с. 106]. Во французском и немецком буквальные переводы фразы *Boys will be boys* невозможны: они ничего не значат [там же]. Ср. также [Булыгина, Шмелев, 1988, с. 295–296].

По-видимому, эти два подхода — радикально прагматический и радикально семантический — не так непримиримы, как может показаться на первый взгляд. Обсуждая биноминативные псевдотавтологические конструкции, Е. В. Падучева [1985, с. 42] внесла одно существенное уточнение в тезис Г. Грайса. Она определила то, что "подразумевается" в таких случаях, как "ассоциации", связанные с соответствующими понятиями, т. е. коннотации.

К этому надо добавить, что речь должна идти только о таких биноминативных конструкциях, которые относительно свободно, хотя, может быть, и многократно, создаются в речи или в тексте. Лишь в них может эксплуатироваться коннотативный потенциал опорных существительных. Устойчивые (лексикализованные) обороты типа *Закон есть закон* должны быть исключены из рассмотрения, поскольку они имеют единственное (словарное) толкование.

Если принять эти уточнения, осмысление биноминативных псевдотавтологических конструкций становится предсказуемым (эксплуатируется коннотативный потенциал соответствующего существительного) и национально специфичным, как специфичны сами коннотации.

Итак, мы принимаем, что тавтологические по форме высказывания типа *Война есть война* не тавтологичны и, следовательно, не нарушают постулата

информативности в той мере, в какой их интерпретация допускает обращение к коннотациям опорного существительного. У *войны* есть коннотации зла, бесчеловечности, аморальности, опустошения. Высказывание *Война есть война* уместно в любой ситуации, когда говорящий пытается объяснить слушающему, почему наблюдаемое положение вещей отклоняется от нормы добра, человечности, морали, порядка.

Первая позиция в такой конструкции актуализирует собственно лексическое значение слова, а последняя — его коннотации. Формула в целом настолько чувствительна к коннотациям, что может служить естественным мерилем степени коннотативности существительного. Ср. правильные и легко интерпретируемые высказывания *Война есть война*, *Дети есть дети*, *Теща есть теща*, *Волки есть волки*, *Верблюд он и есть верблюд*, *Бегемот он и есть бегемот*, с большим или достаточным коннотативным потенциалом у опорных существительных, и параллельные им сомнительные или с трудом интерпретируемые высказывания ¹*Мир есть мир*, ²*Отроки есть отроки*, ³*Тесть есть тесть*, ⁴*Пумы есть пумы*, ⁵*Лама она и есть лама*, ⁶*Гиппопотам он и есть гиппопотам*, с небольшим или вовсе нулевым коннотативным потенциалом. Точнее, если высказывания последнего типа осмысляются, то это происходит на гораздо более субъективной основе, чем в случае узаконенных языком коннотаций². Мне, например, может быть известно, что пумы коварны (или считаются в какой-то среде коварными), и я могу проэксплуатировать этот несущественный признак в высказывании *Пумы есть пумы*. Поскольку, однако, он не обладает вторым необходимым свойством коннотаций — закрепленностью в языке, — я не могу рассчитывать на то, что мое высказывание будет столь же информативным для моего собеседника, как для меня самого.

3.6. Семантические области действия

Многие типы словосочетаний вида $X \leftarrow Y$ можно осмыслить только в предположении, что семантической областью действия X -а является не все лексическое (или грамматическое) значение слова Y , как это бывает в большинстве случаев, и даже не отдельный его компонент, а какая-то коннотация X -а. Это очень интересный и, как кажется, не отмеченный в литературе тип семантического взаимодействия.

Начнем с одного очевидного примера. В словосочетании *убежденный холостяк* семантической областью действия прилагательного не может быть никакой из входящих в толкование существительного *холостяк* смыслов (см. вы-

² У каждого говорящего имеются личные словесные ассоциации, вырабатываемые и используемые им в рамках его собственной языковой политики. Ср. *Геннадий Павлович лечится... исключительно из ройного чувства. ("То бишь из стадного?" — "Из ройного!" — настаивает на своем Геннадий Павлович. Рой для него — слово уже совершенно возвышенное, почти святое; пчела мудра; архитектура сотовых перегородок безукоризненна)* (В. Маканин).

ше). Единственный элемент, с которым прилагательное *убежденный* семантически может соединяться, это присущая холостяку коннотация 'приверженность свободному образу жизни'. Любопытно, что в очень похожем словосочетании *закоренелый холостяк* прилагательное может иметь область действия и внутри толкования, а именно может присоединяться к смыслу 'достаточно давно достигший брачного возраста'.

Как всегда в случаях нетривиального семантического взаимодействия, особенно активными оказываются три группы смыслов: квантификаторы со значением степени, отрицание и оценка.

Взаимодействие степенного квантификатора с коннотацией особенно заметно в тех случаях, когда он присоединяется к слову, обозначающему неградурируемое свойство, ср. *холостой, женатый, живой, мертвый* и т. п. В словосочетаниях вида *А более холост <женат>, чем В* говорящий сравнивает А и В не в терминах свойств 'не состоять в браке' или 'состоять в браке', что онтологически невозможно, а в терминах коннотаций, присущих гражданским состояниям 'холостой' и 'женатый' (адаптация примера из [Lyons, 1977, с. 278]).

В предложении *Не теща, а мать родная* частица *не* отрицает, конечно, не смысл 'мать жены', а коннотации *тещи* — несправедливость, зловерность и т. п. Все эти непривлекательные свойства у тещи автора высказывания отсутствуют в такой мере, что она представляется ему похожей на мать, существо родственное, любящее, заботливое (если, конечно, высказывание не ироничное).

Аналогичное взаимодействие отрицательной частицы с коннотациями происходит и в других подобных высказываниях. Когда кто-то в запальчивости говорит своей сестре *Ты мне больше не сестра*, он, конечно, имеет в виду не то, что его собеседница перестала быть дочерью его родителей, а только то, что он отказывается вести себя по отношению к ней так, как того требует принятый в данном обществе "родственный кодекс", возможно, потому, что она сама нарушила этот кодекс. И здесь отрицается не смысл, а коннотация.

Оценка выполнения "сестринского" <"братского"> кодекса содержится и в высказываниях *Она хорошая <плохая> сестра, Он хороший <плохой> брат*. С помощью слов *хороший* и *плохой* оценивается, конечно, не качество кровного родства между детьми одних и тех же родителей, что было бы бессмысленно, а только то, как выполняются ассоциируемые с фактом кровного родства обязанности. В частности, *Она хорошая сестра* не значит ни 'Она хорошая дочь тех же родителей', ни 'Она дочь тех же хороших родителей'. Областью действия оценочных слов являются, таким образом, не компоненты лексических значений слов *сестра* или *брат*, а исключительно их коннотации.

Рассмотрим еще поведение слов со значением обманутого ожидания типа *но, однако, хотя* и т. п. Как показал В. З. Санников, в лексическое значение таких слов входит оценочный компонент, устанавливающий отклонение рассматриваемого факта от нормы (см., например, анализ союза *но* в [Санников,

1987, с. 252 и сл.]). В высказывании *Он успешно сдал вступительные экзамены, но не был принят в институт* нормой считается поступление в институт после успешно сданных экзаменов, а факт непринятия абитуриента оценивается как отклонение от нее. Рассмотрим теперь высказывание *Она хоть и теща, но добрая и заботливая*. Единственным оправданием использования слов *хоть* и *но* является то, что говорящий, исходя из существующего в обществе стереотипа, считает нормой для тещи недоброжелательность, придирчивость, безразличие к благополучию зятя. Все это — коннотации лексемы *теща*, а не элементы ее лексического значения. Именно с ними взаимодействуют значения слов *хоть* и *но*.

* * *

Итак, метафоризация, словопроизводство, фразеологизация, провербиализация, грамматикализация, семантическое взаимодействие слов — вот те языковые процессы, которые могут разворачиваться на основе коннотаций и в которых коннотации вещественно себя обнаруживают. В результате этих процессов несущественный и прагматический признак исходного значения слова становится существенным и семантическим в переносном значении, во фразеологизме, в производном слове. В коннотациях проявляется, таким образом, важный творческий аспект языка: они являются одним из потенциальных источников его семантического и лексического обновления.

4. Свойства коннотаций

Первое и главное внутриязыковое свойство коннотаций, отчетливо представленное в большинстве рассмотренных выше примеров, может быть условно названо *к о м п а р а т и в н о с т ь ю*. Наличие коннотации у слова можно фиксировать только в тот момент, когда несущественный признак обозначаемого им объекта действительности стал семантическим компонентом в толковании какой-то другой единицы языка. Коннотация, таким образом, становится связующим звеном между двумя разными единицами языка, и отношение, в которое она ставит эти две единицы, есть отношение уподобления. В [Мельчук, Жолковский, 1984] оно описывается компонентом 'как бы', введение которого обосновывается в [Иорданская, Мельчук, 1980, с. 204] следующим образом: "Этот компонент... задает «внутреннюю форму» смысла, его образную структуру, его, так сказать, семантическую этимологию". Ср., в свете этого, толкование специального терминологического значения слова *пасынок* = 'боковой побег растения — как бы пасынок 1 по коннотации неосновного'. Компаративность, таким образом, существенно характеризует природу коннотаций.

Другие важные свойства коннотаций связаны с особенностями их формирования. На формирование коннотаций лексемы решающее влияние оказывают тип восприятия или использования соответствующего объекта действи-

тельности, традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст ее существования, этимология, или, по удачному выражению В. И. Абаева [1948], "этимологическая память слова" и другие внешние по отношению к ее непосредственной жизни в языке факторы. Приведем примеры на каждый из этих случаев.

Тип использования объекта. Ср. различие коннотаций у русского *коза* и немецкого *Ziege*, хорошо описанное А. В. Исаченко. В немецком языке козе приписывается набор неприятных свойств — глупости, любопытства, разборчивости и т. п.; ср. переносные значения и устойчивые сравнения *dumme Ziege* 'глупая коза', *alte Ziege* 'старая коза', *mager wie eine Ziege* 'худая, как коза', *neugierig wie eine Ziege* 'любопытная, как коза', *wählerisch wie eine Ziege* 'разборчивая, как коза'. Этот набор коннотаций объясняется тем, что "в Западной Европе коза до недавнего времени была символом негативного (социального) статуса, «коровой бедняков». Поэтому исторически сложилось пренебрежительное отношение к этому животному" [Isachenko, 1972b, с. 79]. В русском быту любое домашнее животное, в том числе и коза, было скорее приметой достатка, что создавало основу для положительных коннотаций. Для *козы* это прежде всего коннотации подвижности и привлекательности. В некоторых славянских поверьях коза может выступать даже как символ плодородия (см. [Толстой, 1984, с. 117]); ср. *Где коза рогом, там жито стогом*.

Традиции литературной обработки лексемы. Можно не сомневаться в том, что коннотации таинственности, мистической силы, вечности у таких слов, как *весть* (в отличие от *известие*), *знак* (в отличие от *символ*), *письмена* (в отличие от *буквы*), *слово* (в отличие от *речение*) сложились в значительной мере под влиянием их многовековой литературной истории. На таких коннотациях построено (и такие коннотации поддерживает) известное стихотворение Н. Гумилева: *В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо Свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города*. Ср. также у Анны Ахматовой: *Ржавеет золото, и истлевает сталь. / Крошится мрамор. К смерти все готово. / Всего прочнее на земле — печаль / И долговечней — царственное слово*.

Исторический, политический, религиозный или психологический контекст существования лексемы или ее референта. Для иллюстрации роли исторических и политических факторов в формировании коннотаций приведем выразительный пример из английского языка. Известно, какую большую коннотативную нагрузку могут нести названия национальностей. В английском языке едва ли не самым коннотативно насыщенным из них является прилагательное *Dutch* 'голландский'. Его огромный коннотативный потенциал особенно отчетливо проявляется во фразеологии, отчасти, правда, устаревшей. Ср. *Dutch bargain* 'делка, заключаемая за бутылкой вина', *Dutch comfort* <consolation> 'слабое утешение', *Dutch concert* 'кошачий концерт', = 'кто в лес, кто по дрова',

Dutch courage 'пьяная удаля, храбрость во хмелю', Dutch defence 'защита для видимости', Dutch feast 'пирушка, на которой хозяин напивается первым', Dutch metal 'сплав из меди и цинка (в виде тонких пластин), являющийся дешевой имитацией золота', Dutch treat 'угощение, на котором каждый платит за себя'. Ср. также Dutch в субстантивной функции: in Dutch 'в затруднительном положении', double Dutch 'гарабарщина, галиматья', It beats the Dutch! 'это ни в какие ворота не лезет!'. Отрицательные коннотации лексемы Dutch восходят к XVII веку — времени ожесточенного политического и военного противоборства Англии и Голландии за господство на морях и колониальные приобретения. Интересно, что аналогичное или даже еще более ожесточенное соперничество между Англией и Испанией в тех же областях и в то же время для прилагательного Spanish 'испанский' кончилось вполне благополучно.

Различие коннотаций у лексем Бог (ср. *божественный, по-божески, боготворить, дай Бог, с Богом*) и черт (ср. *чертов, чертовщина, черт возьми, черт дернул за язык, откуда черт принес*) объясняется различием статусов их референтов в системе религиозных представлений. Точно так же обстоит дело с лексемами небо (ср. *небесная душа, небесные черты, быть <чувствовать себя> на седьмом небе*) и земля (ср. *земные заботы, персть земная, небо и земля, отличаться как небо от земли, сойти с неба на землю*).

Роль психологических факторов в формировании коннотаций ясна из практики табуирования имен гениталий и лексики, описывающей половую жизнь человека. Почти все такие слова приобретают многочисленные отрицательные коннотации.

Этимологическая память слова. У прилагательного *правый* имеются коннотации основного, хорошего, честного, надежного; ср. *Иван — его правая рука*. У прилагательного *левый* — коннотации неосновного, плохого, бесчестного, ненадежного; ср. *встать с левой ноги, писать левой ногой, Делает, что его левая нога захочет, левачить, работать налево, левые заработки*. Оказывается, что это различие в коннотациях уходит своими корнями не только в антропологическое различие функций правой и левой руки, но и в различие этимологий этих двух слов. Сошлемся на работу [Шайкевич, 1960], в которой на основании материалов нескольких десятков языков, в том числе и генетически не связанных друг с другом, был установлен следующий любопытный факт. В абсолютно подавляющем большинстве случаев слово со значением 'правый' (о руке) имеет этимон со значением 'сильный', 'прямой', 'правильный', 'честный', 'надежный', 'хороший' и т. п., а слово со значением 'левый' (тоже о руке) — этимон со значением 'слабый', 'кривой', 'неправильный', 'нечестный', 'ненадежный', 'плохой'.

Этимологические данные А. Я. Шайкевича хорошо согласуются с типологическим материалом, приводимым в работах [Иванов, Топоров, 1974, с. 260–266] и [Толстой, 1987, с. 171]. В частности, в работе Вяч. В. Иванова и В. Н. Топорова на материале славянских языков, ряда африканских, древнекитайского и кетского было установлено, что оппозиция *правый–левый* входит в

систему оппозиций *мужской—женский, старший—младший, верхний—нижний, белый—черный, жизнь—смерть, здоровье—болезнь, свет—тьма, небо—земля* и т. п., где первый член имеет устойчиво положительную оценку, а второй — отрицательную.

Прямым следствием всех этих превратностей возникновения коннотаций является их второе, лексикографически очень важное свойство — *капризность и непредсказуемость*. Свое наиболее рельефное выражение оно находит в том, что синонимичные или тематически близкие слова языка могут иметь совершенно разные коннотации. В [Апресян, 1974, с. 67–68] мы уже писали о различии коннотаций слов *осел* (упрямство и тупость; ср. *Довольно ослить!*) и *ишак* (терпение и готовность безропотно работать); ср. *Я так не играю, выхожу из игры... Точка. Больше ишачить здесь не буду* (В. Дудинцев); *лакей* (холопская преданность и подобострастие) и *слуга* (верность и преданность); *сука* (плохое, подлое) и *кобель* (половая сила, похоть); *резать* (резкость и боль) и *пилить* (нудность и монотонность). Добавим к этому еще несколько контрастных пар.

Тесть—теща, отчим—мачеха. В этих парах имена родственников мужского пола лишены или почти лишены коннотаций, а имена родственников женского пола насыщены ими. Как уже говорилось, *теща* запечатлена в сознании носителей русского языка как существо несправедливое, злобное, мелочно-придирическое и болтливое; ср. устойчивые речения типа *не теща, а мать родная* и название игрушки *тещин язык*. С мачехой ассоциируется представление о злобе, несправедливости, жестокости, на основе которого развилось переносное значение 'что либо враждебное, причиняющее неприятности'; ср. *Жизнь оказалось злою мачехою*.

Мальчик—девочка. Здесь наборот, более насыщено коннотациями имя ребенка мужского пола: незрелость, неопытность, подчиненность, возможность помыкать. Ср. *мальчишеский поступок, мальчишество, мальчик на побегушках, Мальчишка, как он посмел! У девочки* есть только коннотации незрелости и юности.

Свинья—боров. У *свиньи*, по-видимому, нет коннотаций тучности и неповоротливости, а у *борова* они есть и семантизируются в переносном значении 'толстый и неповоротливый человек'. Ср. *Не понимаю, как этот боров мог забраться на вторую полку <спать на такой узкой лавке>*. С другой стороны, у *борова* нет ни одной коннотации *свиньи*. Очевидно, что фактические физические различия между *боровом* (= 'кастрированным самцом свиньи') и *свиньей* никак не могут объяснить столь разительного несходства их коннотативных потенциалов.

Коза—козел (пример из [Исаенко, 1972б, с. 79]). Коза, как уже было сказано, оценивается в русском языке как существо подвижное и привлекательное (ср. *коза-егоза, козочка*), а козел — как существо бесполезное, неуклюжее, с неприятным голосом и запахом (ср. *как от козла молока, прыгать козлом, козлетон, пахнет <разит, несет> козлом, Козел!*). Добавим к этому, что в конно-

тациях *козла* никак не отражен тот факт, что в хозяйстве он используется как умное и смелое животное; именно за эти его реальные свойства его ставят во главе стада овец.

Другой стороной капризности и прихотливости коннотаций является не-согласованность, доходящая иногда до противоречивости. Мы уже говорили об отрицательных коннотациях *тещи*. Но у нее есть и положительные коннотации; ср. *к теще на блины*. У *пса* есть коннотации преданности (*смотреть, как пес*) и подлости (*гитлеровские псы*). Те же две коннотации есть и у *собаки*; ср. *смотреть собачьими глазами* и *как собака на сене*. *Ходить петушком* значит, как мы уже отмечали, и 'ходить подобострастно' и 'ходить, хорохорясь'.

Отметим, наконец, что в силу тех же свойств коннотации обладают выраженной национальной спецификой. В этой связи, помимо уже приведенных выше примеров, уместно вспомнить сложную символику цветообозначений в разных языках. Приведем еще следующее замечательное по тонкости наблюдение Л. В. Щербы [1958, с. 86]: "Французское *eau*, как будто, вполне равно русской *воде*; однако образное употребление слова *вода* в смысле 'нечто лишенное содержания' совершенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее можно передать русским 'отвар' (*eau de ris, eau d'orge*). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд".

Приведенный материал позволяет составить представление и об основных разрядах коннотирующей лексики. Это — имена терминов родства, животных, частей и органов тела, природных объектов и явлений, физических действий, цветообозначений, — словом, всего, что можно воспринять пятью органами чувств. Существенно при этом, что коннотируют обычно родовые слова (*ветер*, но не *сухой, свежак*), достаточно употребительные (*резать*, но не *нарезать, стрелять*, но не *палить*), не являющиеся терминами (*ветер*, но не *бора, бриз* и т. п.).

Из сказанного следует, что коннотирует обычно конкретная лексика, хотя, как мы видели выше, и абстрактной лексике коннотации не чужды; ср. [Isačenko, 1972a, с. 9].

5. Понятие коннотации и лингвистическая теория

Понятие коннотации должно занять подобающее ему место в лингвистической теории. Оно позволяет подвести более надежную базу под многие теоретические понятия, из которых мы рассмотрим ниже лишь одно — понятие многозначности.

Лексическая многозначность усматривается обычно в тех случаях, когда разные значения слова обнаруживают семантическую связь, материализующуюся в общем смысловом компоненте или компонентах в их лексикографиче-

ческих толкованиях. Если общих компонентов нет, то слово разбивается на омонимы. Реальная ситуация, конечно, сложнее. Следует учитывать не только наличие совпадающего смысла, но и его относительный вес в семантических структурах сравниваемых значений, а также то место, которое он в них занимает (см. об этом [Апресян, 1974, с. 185]). Однако при всех возможных уточнениях данного определения многозначности решающим обстоятельством признается наличие общего смыслового компонента в толкованиях соответствующих значений.

В свете этого требования вернемся к лексическим значениям таких, например, слов, как *петух*: *петух 1* = 'самец курицы', *петух 2* = 'задиристый человек, забияка'. Нетрудно заметить, что они не имеют никаких общих компонентов. Точно так же обстоит дело с лексемами *свинья 1* и *свинья 2* = 'нечистоплотный человек, неряха', *ворона 1* и *ворона 2* = 'разиня' и мн. др.

Таким образом, перед нами встает серьезная теоретическая и лексикографическая проблема: надо либо признать, что слова типа *свинья* следует разбивать на омонимы, либо позаботиться о том, чтобы в их толкованиях были общие компоненты.

По-видимому, первым эту трудность увидел А.В. Исаченко. Предложенное им решение состоит в следующем. В качестве промежуточного звена между основным значением слова и его переносным значением, построенным на семантизации несущественного признака, вводится еще одно переносное значение, по составу семантических компонентов пересекающееся с первыми двумя. Именно такие значения, как мы уже говорили, Исаченко называет коннотациями, в то время как прямые (исходные) значения именуются у него денотациями. Так, рассматривая слово *свинья*, Исаченко выделяет у него две денотации: 1) 'такое животное', 2) 'самка такого животного'. Кроме них этому слову приписываются две коннотации: 3) 'грязное животное', 4) 'нечистоплотный человек'. Третье значение, как легко видеть, является связующим звеном между первым и четвертым значениями [Исаченко, 1972б, с. 84 – 85].

Как ясно из сказанного, решение А.В. Исаченко предполагает введение в словарь русского (и любого другого) языка большого числа лексикографических конструктов. Очевидно, что лексема *свинья 3* = 'грязное животное' в словаре русского языка нет. В частности, если нам случится в сердцах назвать свинью, собаку, кошку или какое-то другое животное *свиньей*, то это, скорее, будет персонифицированная *свинья 4*.

Вообще говоря, есть ситуации, когда без введения лексикографических или иных лингвистических конструктов не обойтись (см. [Апресян, 1988б с. 72 – 73, 78]). Однако в данном случае нет никакой необходимости прибегать к столь сильному средству. Есть более простой и естественный способ трактовать слова типа *свиньи* как многозначные, а не омонимичные. Достаточно признать, что "семантическим мостиком" (термин из работы [Иорданская, Мельчук, 1980]), ведущим из одного значения в другое, может быть не только общий компонент толкования, но и коннотация исходного значения. Но это зна-

чит, что коннотация исходного значения должна явным образом включаться в толкование переносного значения, например, в такой форме: *петух 2* = 'задиристый человек – как бы *петух 1* по коннотации задиристости'.

Это решение было предложено и лексикографически воплощено при описании многозначных слов в самых первых фрагментах толково=комбинаторного словаря, опубликованных в начале 70-х годов. Но та же самая проблема возникает и во всех других случаях семантизации коннотаций – деривации, фразеологизации и т. п. Нет никаких сомнений, что данное решение легко распространить и на эти случаи. Оно в большей мере, чем решение А.В. Исаченко, соответствует и языковой интуиции носителей, и лингвистическому опыту лексикографа.

Литература

Абаев, 1948: *Абаев В. И.* Понятие идеосемантики // *Язык и мышление.* М.; Л., 1948. Т. XI.

Апресян, 1974: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян, 1988а: *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Прагматика и проблемы интенсивности.* Ин-т языкознания АН СССР. М., 1988.

Виноградов, 1977: *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

Иванов, Топоров, 1974: *Иванов Вяч. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Иорданская, Мельчук, 1980: *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Коннотация в лингвистической семантике // *Wiener Slawistischer Almanach.* 1980. Band 6.

Лакофф, 1988: *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Маслова, 1989: *Маслова В. А.* К построению психолингвистической модели коннотации // *Вопр. языкознания.* 1989. N 1.

Мельчук, Жолковский, 1984: *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

Падучева, 1985: *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.

Санников, 1987: *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис): Дис. ... д=ра филол. наук. ДД, М., 1987.

Телия, 1986: *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Толстой, 1984: *Толстой Н. И.* Иван-аист // *Славянское и балканское языкознание.* Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.

Толстой, 1987: *Толстой Н. И.* О природе бинарных противопоставлений типа *правый—левый, мужской—женский* // *Языки культуры и проблемы переводимости.* М., 1987.

Шайкевич, 1960: *Шайкевич А. Я.* Слова со значением "правый" и "левый" (Опыт сопоставительного анализа) // *Учен. зап. 1=го Моск. гос. пед. ин-та иностранных языков.* М., 1960. Т. XXIII.

Щерба, 1958: *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // *Избранные работы по языкознанию и фонетике.* Л., 1958. Т. 1.

Апресян, 1988б: *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // *Русистика сегодня.* Язык: система и ее функционирование. М., 1988.

Булыгина, Шмелев, 1988: *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Интерпретация семантических аномалий в реальном тексте // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.

Bartmiński, 1980: *Bartmiński Jerzy.* Założenia teoretyczne słownika // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.

Bartmiński, 1984: *Bartmiński Jerzy.* Definicja leksykograficzna a opis języka // Słownictwo w opisie języka. Prace naukowe Uniwersytetu Śląskiego. Katowice, 1984.

Grice, 1975: *Grice H. P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3, Speech Acts. N. Y., etc., 1975.

Isačenko, 1972a: *Isačenko A. V.* Opening remarks // The Slavic Word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA / D.S. Worth. The Hague; Paris, 1972.

Isačenko, 1972b: *Isačenko A. V.* Figurative Meaning, Derivation, and Semantic Features // The Slavic Word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA / D.S. Worth The Hague; Paris, 1972.

Komlev, 1976: *Komlev N. G.* Components of the Content Structure of a Word. The Hague; Paris, 1976.

Konotacja, 1988: Konotacja. Praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego. Lublin, 1988.

Lyons, 1977: *Lyons John.* Semantics. Cambridge, etc., 1977. Vol. 1.

Majer-Baranowska, 1988: *Majer-Baranowska Urszula.* Z historii użycia terminu konotacja // Konotacja. Praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego. Lublin, 1988.

Pisarkowa, 1976: *Pisarkowa K.* Konotacja semantyczna nazw narodowości // Zeszyty Prasoznawcze. Z. I. 1976.

Tokarski, 1988: *Tokarski Ryszard.* Konotacja jako składnik treści słowa // Konotacja. Praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego. Lublin, 1988.

Webster, 1951: Webster's Dictionary of Synonyms. Springfield (Mass.), 1951.

Wierzbicka, 1987: *Wierzbicka Anna.* Boys will be boys // Language. 1987. Vol. 63. N. 1.

ТИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОЗНАЧАЮЩЕМ ЛЕКСЕМЫ*

1. Вводные замечания

Данная статья является составной частью серии работ автора о типах лексикографической информации для толкового словаря, мыслимого как компонент интегрального (единого) описания языка. Общая концепция интегрального описания уже была изложена [Апресян, 1986]. Здесь достаточно сказать следующее.

Интегральным называется такое лингвистическое описание, в котором словарь и грамматика (в широком смысле, т. е. любые типы достаточно общих правил, включая семантические и прагматические) согласованы друг с другом по типам помещаемой в них лингвистической информации и по формальным языкам ее записи. Из данного определения следует, что 1) грамматика должна описывать все типы поведения лексемы, не учитываемые в словаре; 2) в словаре должны фиксироваться в явном виде все свойства лексем, обращения к которым могут потребовать правила. В противном случае грамматика и словарь не смогут взаимодействовать друг с другом.

Лингвистические правила могут требовать обращения к 1) означаемому лексемы, 2) парадигме словоизменения и другим ее морфологическим свойствам, 3) ее семантике, 4) ее прагматике, 5) коммуникативным (темо-рематическим и другим подобным) свойствам, 6) синтактике, или сочетаемостным свойствам. В данной работе нас будут интересовать только сведения об означаемом лексемы.

К числу таких сведений относятся сведения об орфографии, орфоэпии, слоговой структуре и просодии лексемы. Первые два типа сведений так или иначе отражаются в большинстве русских толковых словарей. В последнее время в мировой лексикографии появились и первые опыты включения в толковый словарь силлабической информации (см., например, словари [Webster,

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Типология и грамматика", М., 1990.

1981] и [Barnhart, 1982]). На новизну, таким образом, может претендовать лишь тезис о том, что в толковый словарь должна включаться просодическая информация.

2. Лингвистический и лексикографический статус просодии

В связи с последним тезисом возникают два вопроса: а) действительно ли просодическая информация является информацией об означающем (а, например, не информацией о семантике или прагматике)? б) есть ли случаи, когда она представляет лексикографический интерес?

2.1. Языковая природа просодии и ее лингвистический статус

Языковая природа и лингвистический статус просодии — предмет дискуссии, не прекращающейся в течение многих десятилетий. В этой дискуссии одинаково хорошо представлены две полярные точки зрения: 1) просодия сама по себе асемантическая, т. е. «мысли не выражает» [Грамматика, 1960-II, с. 77]; см. также [Шведова, 1960, с. 23–25; Брызгунова, 1977]; 2) просодия является средством передачи смысла [Гвоздев, 1949; Интонация, 1978, с. 61–72, 178; Николаева, 1982, с. 97; Светозарова, 1982, с. 85 и сл.; Павлова, 1987, с. 5–6].

Мы полагаем, что ближе к истине первая точка зрения, и приведем ниже несколько аргументов в ее пользу.

Под просодией мы будем понимать, в соответствии с общепринятым словоупотреблением, акцентные выделения и интонацию (интонационные конструкции).

Акцентным выделениям приписывается способность выражать такие смысловые отношения, как противопоставление, оценка, результат, денотативный статус [Николаева, 1982, с. 97]. Чтобы понять, в каких случаях и в какой мере это справедливо, необходимо рассмотреть типы акцентного выделения.

В собственно акцентологических исследованиях упоминаются много типов фразового (т. е. не словесного) ударения — синтагматическое, фразообразующее, главное, неглавное, логическое, эмфатическое, динамическое, контрастное и т. п. (см., например, [Черемисина, 1969, с. 31 и сл.; Интонация, 1978, с. 126; Розанова, 1979; Светозарова, 1982, с. 60 и сл.]). Можно думать (но здесь не место это аргументировать), что некоторые из этих понятий дублируют друг друга и на самом деле разных ударений всего четыре: 1) синтагматическое (неглавное), 2) главное фразовое, 3) логическое (контрастное), 4) эмфатическое.

В высказывании

За очки заплатили девяносто рублей

при его нейтральном интонировании синтагматическим ударением выделено слово *заплатили*, а главным фразовым — слово *рублей*.

В высказывании

За очки заплатили девяносто рублей (, а не за футляр)

слово *очки* выделено логическим ударением.

Наконец, в высказывании

(Подумать только), за очки заплатили девяносто (!) рублей

слово *девяносто* выделено эмфатическим ударением.

Из названных четырех типов ударений два, по-видимому, имеют смысл. Логическое ударение выражает противопоставление и, следовательно, может быть средством маркировки контрастной темы или ремы. Эмфатическое ударение выражает оценку, точнее, небезразличие говорящего к предмету речи. Тем самым эти два типа выделений имеют некоторые основания рассматриваться в составе коммуникативной (или, может быть, семантической) и прагматической информации соответственно.

Гораздо меньше оснований включать в состав коммуникативной или, тем более, прагматической информации первые два типа выделений. Они, правда, используются для маркировки нормальных рем разных порядков. Однако эта их содержательная функция крайне бедна, а с другой стороны, они выполняют ее наряду с другими языковыми средствами, прежде всего словопорядком. Их собственная, ничем другим не дублируемая функция, состоит в стандартном мелодическом оформлении нейтрального высказывания. С этой точки зрения их уместнее всего относить к плану выражения, т. е. к означающему.

Таким образом, мы оказываемся перед дилеммой: либо считать более важным факт содержательной неоднородности акцентных выделений и трактовать их в разных зонах словарной статьи; либо считать более важным факт их формальной однородности и трактовать все типы акцентных выделений в одном месте словарной статьи, а именно в зоне означающего.

Лексикографически второе решение представляется более оправданным. Ясно, что для пользователя удобнее, если принципиально родственные друг другу просодические явления будут рассмотрены вместе, а не рассыпаны по разным рубрикам словарной статьи. В пользу такого решения можно привести еще следующие аргументы.

а) Первые два типа акцентных выделений присутствуют во в с е х высказываниях и представляют, следовательно, тот эталон в области просодии, который отражает ее глубинную сущность. Логическое и эмфатическое ударения более п е р и ф е р и й н ы , их функции дублируются другими языковыми средствами. Если согласиться с тем, что трактовку всех типов акцентных выделений следует унифицировать, основой для унификации должен послужить, конечно, эталонный случай.

б) Логическое и эмфатическое ударения не могут служить основой для такой унификации еще и потому, что они в принципе не л е к с и к о г р а ф и ч н ы . Они могут выделять не только слово, но и любую его часть, в том числе незначимую.

Перейдем к интонации и рассмотрим основные языковые и лингвистические аргументы в пользу ее асемантической, т. е. в пользу того, что интонация тоже должна рассматриваться как разновидность означающего.

Начнем от противного. Разные авторы, признающие семантическую интонации, приписывают ей способность выражать следующие значения: идентичности, контраста, градации (С. И. Карцевский); завершительное, предупредительное, перечислительное (Н. С. Трубецкой); повествовательное, вопросительное, восклицательное, частного вопроса (Н. Д. Светозарова); перечислительное, подчинительное, изъяснительное, противопоставительное, вводное (для незаконченных синтагм) и утвердительное, вопросительное, повелительное, восклицательное (для законченных синтагм — А. Н. Гвоздев). Отметим, без дальнейшей детализации, что С. Волконский усматривал в русском языке 14 смысловых типов интонации, В. Н. Всеволодский-Гернгрос — 16, А. М. Пешковский — 22 (см. [Николаева, 1969, с. 117–118]).

Сама эта пестрота мнений и масштаб разногласий, в особенности, отсутствие хотя бы одного совпадения в номенклатурах, содержащих всего три-четыре класса, — красноречивое свидетельство асемантической интонации¹.

Впрочем, во всех концепциях семантической интонации есть один более глубокий изъян, делающий принципиально невозможным не только доказательство ее семантической, но даже и само обсуждение этого вопроса. Ни одна из этих концепций не обеспечена метаязыком для записи плана выражения интонации.

Казалось бы, о п л а н е с о д е р ж а н и я (семантике, прагматике и т. п.) чего бы то ни было можно говорить лишь тогда, когда обсуждаемая языковая единица имеет определенный п л а н в ы р а ж е н и я. Парадоксальным образом ни один автор, рассматривающий интонацию как с о д е р ж а т е л ь н о е с р е д с т в о языка, не указывает тех просодических (мелодических) единиц, которым приписывается тот или другой род содержания. Точнее, термины, называющие семантические типы интонации, являются одновременно и именами мелодий. При этом термины набираются из каких угодно областей лингвистики, кроме собственно просодии: из морфологии (повелительная интонация), синтаксиса (подчинительная, вводная, изъяснительная и т. п.), семантики (противопоставительная, завершительная, перечислительная и т. п.), прагматики (повествовательная, утвердительная, вопросительная, восклицательная, предупредительная и т. п.).

Несоблюдение основного семиотического условия при постулировании плана содержания интонации само по себе подрывает концепцию ее семантической. Еще сильнее компрометирует ее то обстоятельство, что основные известные нам мелодические единицы (план выражения интонации) не имеют никакого стабильного содержания.

Один из немногих языков интонологии, на котором можно записывать основные мелодические типы русского языка, — это язык интонационных конструкций, или ИК, предложенный Е. А. Брызгуновой. В нем, как известно, име-

ется семь основных ИК. Первые пять используются в нейтральных контекстах, а ИК-6 и ИК-7 — эмфатические интонационные конструкции.

Очевидно, что эмфатические ИК содержательны в том же самом смысле, в каком содержательно эмфатическое ударение. Они выражают безразличие говорящего к предмету речи или выполняют метакстовую (в смысле А. Вежбицкой) прагматическую функцию, направляя восприятие текста адресатом по нужному автору пути. Они, однако, периферийны и не могут служить эталоном для определения языковой природы и лингвистического статуса интонации.

Что касается первых пяти ИК, обслуживающих основную массу высказываний на русском языке, то они, безусловно, асемантичны. Это проявляется прежде всего в том, что каждая из пяти основных ИК обслуживает много разных и притом несовместимых друг с другом (не "полисемичных") значений. Так, ИК-3, по данным Е. А. Брызгуновой, обслуживает: а) общий вопрос (*Антон пришел?*); б) повествовательное предложение (*Москва — столица СССР*); в) перечислительное высказывание (*журналы за октябрь, ноябрь и декабрь*); г) повелительное высказывание (*Закройте, пожалуйста, дверь*); д) условное высказывание (*Если бы вы встретили Бориса...*).

С другой стороны, ни одна ИК никогда не является единственным носителем данного значения в данном тексте. Она всегда действует совместно с другими средствами языка (лексикой, порядком слов и т. п.), и лишь комбинация всех этих средств выражает нужное значение.

В сущности, здесь можно поставить точку. Никакие действительно содержательные средства языка, сколь бы трудно уловимой ни была их семантика, не обладают способностью систематически выражать большие комплексы никак не связанных друг с другом ("омонимичных") значений. С другой стороны, для каждой подлинно содержательной единицы языка, будь то лексема, словообразовательный суффикс (*дом-ище, тих-онько*), граммама (*книг-и, бегал*) или синтаксическая конструкция (*человек шесть*), всегда найдется контекст, где она является единственным носителем данного значения. Для интонации (за исключением эмфатической) таких контекстов не существует.

После того как сделаны эти сильные утверждения о просодии, т. е. об акцентных выделениях и интонации, их можно и нужно немного смягчить. Просодии не являются столь же классическими единицами плана выражения, как фонемы, но тяготеют именно к нему. Можно выстроить следующий континуум различных языковых средств по их способности выражать значение: лексемы — аффиксы — флексии — синтаксические конструкции — просодии — фонемы. Мы говорим о континууме средств по двум причинам. Во-первых, единиц, совершенно безразличных к смыслу, в языке, по-видимому, не существует. Даже фонемы имеют вполне устойчивые семантические ассоциации (см.

[Журавлев, 1974]). Во-вторых, в последовательности «лексемы — аффиксы — флексии — синтаксические конструкции — просодии — фонемы» границы размыты, так как на стыках возможны перекрытия. Существуют лексемы, менее содержательные, чем некоторые аффиксы; аффиксы, менее содержательные, чем некоторые флексии, и т. д. Иными словами, указанный ряд действительно оказывается непрерывным.

Коль скоро просодии тяготеют к плану выражения, их основная функция должна быть подобна основной функции фонем. Это действительно функция смыслоразличения. Разница между фонемами и просодиями состоит лишь в том, что фонемы различают морфы, а просодии — лексемы и целые высказывания. Хотя основным типам просодии самим по себе нельзя приписать никакой постоянной семантической или прагматической интерпретации, вне просодии никакому высказыванию нельзя приписать единственного содержания.

Приведем несколько ставших хрестоматийными примеров из интонологической литературы.

Кабинет истории / Московского университета —

Кабинет / истории Московского университета;

Оппонент думал: / докладчик не согласится со мной —

Оппонент, / думал докладчик, / не согласится со мной;

Разговор не получится — ей станет грустно

'Если разговор не получится, то ей станет грустно' —

Разговор не получится, ей станет грустно

'Разговор не получится потому, что ей станет грустно'.

Итак, просодии являются единицами плана выражения — смыслоразличительным, но не смысловым средством языка.

2.2. Лексикографический статус просодии

Перейдем ко второму вопросу — о ситуациях, когда просодия представляет лексикографический интерес, т. е. характеризует отдельные лексемы, а не целые высказывания. В грамматике и акцентологии существует давняя традиция изучения таких явлений, особенно на материале «мелких слов» (Л. В. Щерба) — союзов, частиц, местоимений и т. п. (см., например, [Шведова, 1960] с дальнейшей библиографией). Лексикографически, однако, этот материал совсем не освоен, хотя во многих случаях именно словарь является самым подходящим местом, где он может быть описан.

Приведем три группы примеров, в которых просодические различия коррелируют с содержательными, расположив их в порядке нарастания лексикографичности. Мы будем оперировать преимущественно контрастными — омонимичными или квазиомонимичными — высказываниями, потому что в них наиболее рельефно проявляются нужные нам корреляции. Очевидно, однако, что результаты, полученные на таком материале, верны и для неомонимичных высказываний.

Примеры (26)–(2г) и (3) заимствованы из работ [Гвоздев, 1949, с. 112 и сл.; Шапиро, 1955, с. 11; Брызгунова, 1969, с. 15, 70–71; Николаева, 1969, с. 28, 75; Интонация, 1978, с. 19–20, 28; Светозарова, 1982, с. 58 и сл.; Sappok, 1986, с. 233–237] и ряда других источников. В соответствии с задачами лексикографического исследования они заново систематизированы и проинтерпретированы, а в ряде случаев слегка видоизменены. Интонационные конструкции приписываются различным единицам на основании классификации и принципов, предложенных в [Брызгунова, 1977].

(1) Просодические различия связаны с различиями в лексических значениях и/или собственных синтаксических функциях слов, но не являются постоянными: данное слово в данном лексическом значении и данной синтаксической функции может произноситься и с другой интонацией или акцентным выделением.

'Поздно <рано> вставать (с главным фразовым ударением на кратком прилагательном) = 'Время вставать уже прошло <еще не наступило>' –

Поздно <рано> вставать (и поздно <рано> ложиться) (с фразовой безударностью наречия) = 'вставать в позднее <раннее> время';

'Грустно расставаться = 'расставание вызывает грусть' –

грустно расставаться = 'расставаться в грустном настроении'.

В этих примерах просодически противопоставлены предикативное прилагательное в функции именной части сказуемого при подлежащем-инфинитиве и наречие в функции приглагольного обстоятельства. Между прилагательным и наречием есть и семантическое различие, которое мы попытались отразить в толкованиях. Эта оппозиция охватывает довольно большие классы слов; ср.еще *весело, глупо, жалко, неприлично, непристойно, страшно* и т. п.

Нельзя, однако, утверждать, что предикативные прилагательные всегда несут главное фразовое ударение, а соответствующие им наречия образа действия – никогда. Возможен, так сказать, обмен акцентными выделениями при сохранении прежних синтаксических функций и лексических значений; ср. *Летом они как раз 'поздно вставали*.

Такие различия в просодии не должны фиксироваться в словаре в силу непостоянства их связи с особенностями лексем.

(2) Просодические различия стабильно коррелируют с различиями в лексических значениях и/или собственных синтаксических функциях слов, но при этом выводятся из их синтаксических функций или определенных компонентов их лексических значений. В этой наиболее многочисленной группе примеров можно выделить несколько подгрупп по типу синтаксического или лексико-семантического противопоставления.

(а) Противопоставление между вводными словами и обстоятельствами или атрибутами.

Он 'смеялся, естественно—Он смеялся 'естественно;

Применяются, возможно, 'более эффективные методы—Применяются возможно более 'эффективные методы.

(б) Противопоставление между детерминантами и обстоятельствами.

Недавно/ приехавший доктор устроил свой первый прием –

Недавно приехавший доктор / устроил свой первый прием;

Часто / приходит в гости неприлично – Часто приходит в гости / неприлично.

(в) Противопоставление между вопросительными словами и усилительными частицами.

Как он работает? (ИК-2) – Как он работает! (ИК-7, 'плохо');

Какой у нее голос? (ИК-2) – Какой у нее голос! (ИК-7, 'плохой');

Где он отдыхал? (ИК-2) – Где он отдыхал! (ИК-7, 'не отдыхал');

Сколько он получает? (ИК-2) – Сколько он получает! (ИК-7, 'мало').

(г) Противопоставление между вопросительными и относительными словами.

Где он был? (ИК-2) – Где он был! (ИК-6, 'в интересном месте');

Куда он ушел? (ИК-2) – Куда он ушел! (ИК-6, 'в интересное место');

Когда он ушел? (ИК-2) – Когда он ушел! (ИК-6, 'в необычное время');

Сколько он получил? (ИК-2) – Сколько он получил! (ИК-6, 'много').

В подгруппе (а) интонация первых предложений внутри каждой пары выводится из синтаксического признака вводности. Любые вводные слова требуют таких паузировак.

В подгруппе (б) интонация первых предложений внутри каждой пары выводится из того, что *недавно* и *часто* суть (синтаксические) детерминанты в начальном положении. Любые другие детерминанты в начальном положении нормально произносятся с паузой, а соответствующие им приглагольные обстоятельства – без паузы.

В подгруппе (в) ИК-2 выводится из синтаксического признака вопросительности, а ИК-7 – из прагматического признака усилительности исконно вопросительных слов. Любые вопросительные слова произносятся с ИК-2, а любые усилительные значения таких слов допускают ИК-7.

Аналогичным образом устроена группа (г): относительные лексемы с оценочным значением, производные от вопросительных лексем, всегда могут произноситься с ИК-6.

Примеры группы (2) допускают двоякую трактовку.

Во-первых, и в этом случае можно не фиксировать просодических свойств лексем непосредственно в словаре. Обязательной словарной фиксации подлежат лишь те независимые синтаксические, семантические, коммуникативные или прагматические признаки (вводность, детерминантность, вопросительность, усилительность, оценочность), из которых по достаточно общим правилам выводятся просодические свойства лексем.

С другой стороны, учитывая устойчивость связи между просодическими и содержательными (синтаксическими, семантическими и т. п.) свойствами лексем, можно продублировать эту информацию в словаре. Такое дублирование – вполне в духе лексикографии: в словаре часто приходится жертвовать эконо-

мией ради удобства. В подгруппах (2в) и (2г) дополнительным аргументом в пользу такого решения может служить сложность вывода просодии. ИК-7 и ИК-6 выводятся не просто из признаков усилительности и оценочности, а из признаков усилительности и оценочности в о п р о с и т е л ь н ы х слов.

(3) Просодические различия стабильно коррелируют с различиями в лексических значениях и/или собственных синтаксических функциях слов и при этом не выводятся из каких-либо регистрируемых в словаре свойств лексем.

С этой точки зрения интересны акцентные свойства частиц *еще*, *вот* и *вон*, описанные в [Николаева, 1985, с. 122]; акцентные свойства разных значений прилагательного *один*, описанные в ее же работах [Николаева, 1979; ее же, 1982, с. 54–55; ее же, 1985, с. 123–124]; акцентные свойства некоторых "рематических" глаголов и прилагательного *настоящий*, описанные в [Павлова, 1987, с. 8 и сл.]; и, может быть, акцентные свойства кванторных наречий *немного*, *мало*, *нередко* и *редко*, описанные в [Булыгина, Шмелев, 1988, с. 11 и сл.]. Воспроизведем коротко и с рядом уточнений некоторые наблюдения Т. М. Николаевой и А. В. Павловой.

Фразово ударное *еще* делает следующую за ним именную группу неопределенной: *Еще тарелочку, мой милый*. Между тем фразово ударные указательные частицы *вот* и *вон* делают такую же группу определенной (конкретной): *Вот мостик* (тот, который искали), *Вон моя деревня* (та, о которой шла речь). К этому можно добавить, что безударные *вот* и *вон* могут вводить как определенную, так и неопределенную именную группу. Ср. *Вот Коля* (определенный объект, идентифицирующее значение) и *Вот мостик* (неопределенный объект, классифицирующее значение).

Оговоримся, что эти закономерности имеют силу в нейтральном контексте. В полемическом контексте *вот* и *вон* могут нести главное фразовое ударение и при неопределенном статусе вводимой именной группы. Ср. следующий диалог: *Это кедр? — Нет, это кипарис. Вот <вон> кедр*.

Прилагательное *один* в значении 'только, единственно', представленном во фразах типа *Один Ваня не поднимет этот камень* фразово безударно. То же прилагательное в значении 'в одиночестве, без других' несет главное фразовое ударение. Ср. *Тиверзин много лет думал, что это он один остановил в ту ночь работы и движение на дороге* (Б. Пастернак). По-видимому, аналогичными акцентными свойствами обладают и соответствующие значения частицы *только*.

Прилагательное *настоящий* в сочетании с некоторыми словами реализует разные лексические значения в зависимости от того, несет ли оно главное фразовое ударение или нет. Ср. *Он — настоящий разбойник* (= 'разбойник в строгом смысле слова') и *Он — настоящий разбойник* (= 'подобен разбойнику по поведению или внешности').

Глагол *поторопиться*, несущий главное фразовое ударение, значит 'сделать что-то чересчур поспешно и поэтому преждевременно'; ср. *Он поторопился уйти*. Тот же самый глагол во фразово безударной позиции значит просто

'спешно или быстро сделать что-л.': *Он поторопился уйти*. Любопытно, что в форме несовершенного вида *торопиться* не имеет первого значения. *Он торопился уйти* отличается от *Он торопился уйти* только коммуникативно, но не семантически.

Сформулировать общие правила, по которым просодические особенности рассматриваемых слов вывелись бы из их синтаксических, семантических, коммуникативных или прагматических свойств, не удастся. Поэтому единственным компонентом лингвистического описания, где их можно зарегистрировать, оказывается словарь.

В дальнейшем мы будем заниматься только такими просодическими свойствами лексических единиц.

Нетривиальная просодическая информация о лексеме разбивается на парадигматическую и синтагматическую. Под первой понимаются собственные просодические свойства лексемы (преимущественно акцентные выделения). Под второй понимаются те просодические свойства (преимущественно интонационные), которые данная лексема индуцирует у содержащего ее высказывания. Вообще говоря, последний тип сведений относится к синтактике лексемы. Однако, чтобы сохранить единство в изложении темы лексемной просодии, синтагматическую просодическую информацию тоже целесообразно рассмотреть в данной статье.

3. Парадигматическая просодическая информация

С лексикографической точки зрения парадигматическая просодическая информация — это информация о способности/неспособности данной лексемы акцентно выделяться в составе высказывания, т. е. нести на себе то или иное фразовое ударение. Выше, в разделе 2.1., мы уже сказали, что будем рассматривать четыре типа акцентных выделений: синтагматическое, главное фразовое, логическое (контрастное), эмфатическое.

Эти четыре типа акцентных выделений лексикографически неравноценны. Логическое и эмфатическое ударения лексикализуются крайне редко. Рассмотрим немногие известные нам случаи такого рода.

Причинный союз *потому что* противопоставлен союзному слову *потому, что*, в частности, акцентно: последнее, по-видимому, несет или, во всяком случае, может нести контрастное ударение. Ср.

Я ходил на конференцию, потому что там выступали мои сотрудники—Я ходил на конференцию потому, что там выступали мои сотрудники. Союзное слово *потому, что* логично использовать в контекстах противопоставления; ср. *Я ходил на конференцию не потому, что там были интересные доклады, а потому, что там выступали мои сотрудники.* Это и порождает естественность контрастного ударения. По-видимому, похожее акцентное и синтаксическое противопоставление, хотя и менее отчетливо выраженное, имеет место и в других парах вида союз—союзное слово; ср. *несмотря на то что—несмотря на*

то, что; оттого что—оттого, что; вследствие того что—вследствие того, что и т. п.

Как отметила Т. В. Булыгина, союзное слово *что* в контексте глаголов типа *узнать, обнаружить* имеет разную референцию в зависимости от того, является ли оно безударным или контрастно ударным. Ср. ее пример: *Вчера Штирлиц узнал (то), что Мюллер обнаружил неделю назад* (безударность; Штирлиц приобрел то же самое знание, что и Мюллер неделей раньше) — *Вчера Штирлиц узнал, Что Мюллер обнаружил неделю назад* (контрастное ударение; Штирлиц узнал, в чем именно состоит приобретенное Мюллером знание).

Вопросительно-восклицательные частицы *что* 3 и *как* 3 всегда выделяются эмфатическим ударением:

Как?! Ее подозревают, упрекают? И в чем?!

Что?! Уж не думаешь ли ты, что здесь одни дураки?

Этим они отличаются от союзов *что* 1 и *как* 1 и союзных слов *что* 2 и *как* 2. Союзы *что* 1 и *как* 1 всегда безударны и клитичны: *Известно, что слоны в диковинку у нас; Мы не заметили, как наступил вечер*. Союзные слова *что* 2 и *как* 2 могут быть как безударными, так и ударными: *Всего, что знал еще Евгений, / Пересказать мне недосуг* (А. С. Пушкин); *Мы знаем, 'что ныне лежит на весах / И что совершается ныне* (А. Ахматова); *Скажи, как найти эту сторожку?; Ты не заметила, 'как он смотрел на меня?*

Поскольку логическое (контрастное) и эмфатическое ударения лексикализируются крайне редко, мы в дальнейшем не будем ими заниматься, а сосредоточимся на случаях лексикализации синтагматического и главного фразового ударений.

Наибольший лексикографический интерес представляют, естественно, те случаи, когда эти акцентные выделения коррелируют с какими-то другими существенными языковыми различиями — синтаксическими, семантическими и т. п. Чаще всего коррелятом акцентного выделения является целый пучок различий, в котором, однако, может быть выделено одно ведущее различие. Приводимый ниже материал будет упорядочен в соответствии с тем, что является ведущим коррелятом данного акцентного выделения.

3.1. Корреляция акцентных выделений с синтаксическими свойствами лексем

1) Слово вообще.

а) *Вообще* 1 — присубстантивный атрибут.

Изучение шумов ↑ вообще / не входит в нашу задачу.

Пили за дам ↑ вообще / и за его жену в особенности.

Значение: 'рассматриваемый как класс объектов или тип объекта, без выделения отдельных объектов внутри класса или свойств конкретного объекта'.

Просодия: нормально синтагматическое ударение, которое превращается в

главное фразовое, если определяемая именная группа находится в конце предложения:

За чаем зашел разговор об огородничестве и о хозяйстве 'вообще'.

б) *Вообще 2* — прилагольное обстоятельство, обычно в контексте союзов *и, но, а*.

Он пил один квас и вообще проявлял страшную скаредность.

Марфинька разливает чай и вообще присматривает за хозяйством.

Она пообещала заходить к нему и вообще заботиться о его здоровье.

Сам он пил дорогое вино, но вообще проявлял страшную скаредность.

Значение: '*P* и вообще <но вообще > *Q*' = 'имеет место *P*, и имеет место *Q*, и *P* — частный случай *Q* <исключение из *Q*>'.

Просодия: возможно синтагматическое ударение или фразовая безударность.

в) *Вообще 3* — прилагольное обстоятельство, обычно в контексте эксплицитного или имплицитного отрицания.

Генерал боялся, что ↓вообще не уснет ночью.

Изучение шумов ↓вообще не входит в нашу задачу.

Разжигать костры он ↓вообще запрещал (= 'не разрешал' — имплицитное отрицание).

Значение: 'при любых обстоятельствах'.

Просодия: главное фразовое ударение.

г) *Вообще 4* — частица.

Этот факт мне вообще известен.

Этой версии я вообще не слышал.

Эту версию я вообще слышал.

Значение: 'говорящий оставляет за собой право на оговорки и уточнение своего чересчур общего утверждения'.

Синонимы: *вообще-то, вообще говоря*.

Просодия: фразовая безударность, клитичность.

2) Слово *вовсе*.

а) *Вовсе 1* — прилагольное обстоятельство или присубстантивный атрибут.

Он ↓вовсе закончил. Он ↓вовсе не работал <не приходил>.

Ну, этот и ↓вовсе дурак. Отец его и ↓вовсе виртуоз.

Значение: 'совсем, совершенно'.

Просодия: главное фразовое ударение.

б) *Вовсе 2* — усилительная частица в отрицательном контексте.

Он вовсе не устал. Я вовсе этого не говорил.

Значение: *Вовсе не P(x)* = 'адресат или третье лицо утверждают, что *P(x)*; говорящий выражает категорическое несогласие с этим мнением'.

Просодия: фразовая безударность, клитичность.

3.2. Корреляция акцентных выделений с семантическими свойствами лексем

1) Слово *еще*.

Мы воспользуемся материалом, собранным в работе [Николаева, 1985], как отправным пунктом для детальной интерпретации соотношения между акцентными и семантическими свойствами частицы *еще*.

а) *Еще 1* $P(x)$ (безударное) = '(1) Имеет место $P(y)$ /пресуппозиция/; (2) Имеет место $P(x)$, и x отличен от y /ассерция/'. Примеры: *Было куплено еще три книги* (было куплено нечто, отличное от книг, а кроме того, были куплены три книги); *Пришел еще Петя* (пришел некто, отличный от Пети, а кроме того, пришел Петя).

б) *Еще 2* $P(x)$ (ударное) = '(1) В момент t_1 имело место $R(x)$, и количество x равнялось Q_1 /пресуппозиция/; (2) в более поздний момент t_2 имело место $P(x)$, приводящее к тому же результату, что $R(x)$, и количество x равнялось Q_2 /ассерция/'. Примеры: *Было куплено 'еще три книги* (сначала имелось или было куплено сколько-то книг, а затем докупили три новые книги); *Пришел 'еще один ученик* (сначала было, пришло и т. п. какое-то число учеников, а затем к ним добавился один новый ученик); *Вся стая [волков] крутнулась с разгона вокруг вожака... И еще один отвалил в сторону от своры и начал обходить сани — с другой стороны* (В. Шукшин); до этого какой-то волк уже начал обходить сани с одной стороны).

Подытожим различия в значениях *еще 1* и *еще 2*.

Еще 1 (безударное) не локализует событий во времени: Петя в нашем примере мог прийти одновременно с кем-то, а мог прийти раньше или позже. *Еще 2* (ударное) локализует события во времени, хотя и не абсолютно: событие $R(x)$, упоминаемое в пресуппозиции, предшествует событию $P(x)$, упоминаемому в ассерции.

Еще 1 указывает на различие между объектами y и x , упоминаемыми, соответственно, в пресуппозиции и в ассерции, а *еще 2* предполагает, что и в пресуппозиции, и в ассерции речь идет об одном и том же объекте x .

Еще 1 предполагает полное тождество предикатов в пресуппозиции и в ассерции. В частности, в нашем примере с Петей речь идет и там, и там о приходе кого-то. *Еще 2* не требует полного тождества предикатов R и P . Они могут совпадать, но могут и частично различаться. В последнем случае они, однако, должны совпадать по результату. Ср. *В классе было пять учеников. Потом пришел еще один ученик или В школу пришли пять мальчиков. Потом приехал еще один и даже Я купил пять книг. Потом мне подарили еще три.* Если совпадения хотя бы по результату нет, употребление *еще 2* становится неуместным: **В классе было пять учеников. Потом ушел еще один.* **В класс пришло пять учеников. Потом ушел еще один.*

Еще 1 безразлично к идее количества. *Еще 2* указывает на количество уже наличного x -а и сопоставляет его с количеством нового x , которого может быть больше, меньше или столько же.

2) Вводные слова и обороты со значением степени достоверности.

Вероятно, возможно, должно быть, может быть, надо думать и другие слова и обороты, имеющие значение вероятной истинности, но не полной достоверности высказывания, фразово безударны; в частности, они никогда не несут главного фразового ударения. Ср. *Он, вероятно* <надо думать>, *еще не пришел*; *Она, возможно* <может быть, должно быть>, *уже уехала*. Если такие слова и обороты стоят в конце предложения, то главное фразовое ударение перетягивается с последнего слова на предшествующее. Ср. *Он придет, должно быть* <может быть, надо думать>, но не **Он придет, должно быть* <'может быть, 'надо думать>. Любопытно, что свободные словосочетания *должно быть, может быть, надо думать*, омонимичные соответствующим вводным оборотам, вполне способны нести главное фразовое ударение: *Так 'должно быть* <'может быть, 'надо думать>.

Факт фразовой безударности перечисленных вводных слов и оборотов соответствует прагматическому (кооперативному) и человеческому (психологическому) принципу непривлечения внимания к недостоверному знанию. Человеку несвойственно афишировать (т. е. акцентировать) собственную неуверенность.

Совсем иначе выглядят просодические свойства слов и оборотов *безусловно, конечно (же), вне всяких сомнений, разумеется*. Они сообщают содержащему их высказыванию значение полной достоверности, стопроцентной уверенности говорящего в его истинности и поэтому могут нести на себе главное фразовое ударение; ср. *Он 'конечно же* <'безусловно, 'разумеется> *придет*. Постановка таких слов и оборотов в конец высказывания нисколько не нарушает его правильности. Ср. *Он придет вне 'всяких сомнений*.

Их способность нести главное фразовое ударение соответствует прагматическому принципу привлечения внимания к достоверному знанию.

3) Слова *должен* и *мочь*.

Мы рассмотрим по два значения каждого из этих слов — предположительное (вероятностное) и собственно модальное.

Слово *должен* в предположительном значении в нейтральном (не полемическом) контексте акцентуационно никак не выделяется. Характерное прагматическое условие его реализации — контекст ответной реплики. Ср. *Что они сейчас делают?* — *Должны работать на машине*. Отметим, кстати, что это *должен* просодически и семантически сближается с вводным оборотом *должно быть* (см. выше). Ср. *Что они сейчас делают?* — *Должно быть, работают на машине*.

Предположительное *должен* может быть ударным (а именно нести главное фразовое ударение) только в полемическом контексте — в случае повторного эмфатического подтверждения своего высказывания. Ср. *Что они сейчас делают?* — *Должны работать на машине*. — *Их там нет*. — *Да нет, они должны там быть*.

В собственно модальном значении необходимости слово *должен* может нести синтагматическое ударение: *Дети 'должны' работать*. Ср описание интонационных различий тех же двух значений в [Чвани, 1985, с. 54–55, 71 и сл.].

Подчеркнем, что речь идет только о высказываниях, отражающих мнение их автора о третьих лицах, а не о его непосредственном собеседнике и не о нем самом. В двух последних случаях выбор значений слова *должен* регламентируется более сложными правилами.

Если *должен* имеет форму прошедшего или (в меньшей мере) будущего времени, то высказывания в первом и втором лицах не имеют никакой специфики по сравнению с высказываниями в третьем лице. Действительно, фразы типа *Я должен был в это время работать, Вы должны были в это время работать* осмысляются, в зависимости от акцентуации и других упомянутых выше факторов, либо как предположительные, либо как модальные.

Если *должен* имеет форму настоящего времени, то выбор его значения определяется не акцентуацией, а семантическим классом зависящего от *должен* предиката.

Если этот предикат — экстенциональный, то возможно только значение необходимости, независимо от акцентуации: *Вы должны работать <писать статью, убирать квартиру>, Я должен работать <писать статью, убирать квартиру>*. Если этот предикат — интенциональный, возможны оба значения, опять-таки независимо от акцентуации: *Вы должны помнить <знать> моего сына, Я должен помнить <знать> вашего сына*. В тексте *Петя сказал, что вы должны писать статью* восстанавливается возможность предположительного осмысления *должен*, потому что для автора высказывания (Петя) непосредственный собеседник говорящего (вы) оказывается третьим лицом.

Понятно, почему дело обстоит именно таким образом. В момент высказывания (т. е. в настоящем времени) бессмысленно делать какие-либо предположения о своих собственных физических действиях или действиях своего собеседника, поскольку они доступны обзору. Положение меняется, когда эти действия отодвигаются в прошлое и становятся недоступными прямому наблюдению. В такой ситуации говорящий имеет все основания строить предположения о том, что, по его мнению, могло происходить с ним или с его собеседником. Таким образом, здесь имеет место тот феномен взаимодействия лица и времени, который на другом материале уже отмечался в литературе.

Не будем рассматривать здесь других существенных условий реализации предположительного и модального значений *должен*, в частности их зависимости от вида инфинитива. Обратим лишь внимание на то, что такая зависимость есть; ср. *Он должен написать письмо* (только значение необходимости) — *Он должен писать письмо* (оба значения)².

Похожие просодические особенности обнаруживаются у параллельных высказываний с глаголом *мочь*.

Предположительное *мочь* тоже обычно реализуется в контексте ответной реплики и акцентно никак не выделяется: *Где дети? — Они могут быть в саду*.

Это *мочь* сближается просодически и семантически с вводным оборотом *может быть* (см. выше).

В модальном (пермиссивном) значении *мочь* допускает акцентное выделение, в частности главное фразовое ударение: *Ты 'можешь играть на улице*.

Отметим, наконец, что указанные условия выбора значений *мочь*, как и соответствующих значений *должен*, характерны для высказываний о третьих лицах. В высказываниях говорящего о собеседнике или о себе самом действуют другие правила, аналогичные правилам употребления *должен* в тех же условиях. Ср. *Вы можете работать* (только модальное значение, независимо от акцентуации) — *Вы могли работать* (оба значения) — *Вы можете помнить <знать> моего сына* (только вероятностное значение, независимо от акцентуации) — *Петя сказал, что вы можете работать* (оба значения).

Итак, разграничение собственно модальных и вероятностных значений слов *должен* и *мочь* в толковом словаре должно сопровождаться описанием достаточно сложных акцентуационных условий их реализации.

Не следует, конечно, переоценивать параллелизма *мочь* и *должен*. Своеобразное ограничение на реализацию предположительного *мочь*, не свойственное *должен*, состоит в том, что *мочь* сочетается с более узким классом предикатов, в основном предикатами местонахождения. Высказывания, в которых это условие нарушено, по крайней мере, сомнительны; ср. *Что он делает?* — *Он может писать письмо*. Другое отличие предположительного *мочь* от предположительного *должен* касается его семантики. Предположение, выражаемое словом *мочь*, гораздо более гадательное. Говоря *Они могут быть в саду*, я только допускаю такую возможность, но не удивлюсь, если окажется, что их там нет. Говоря *Они должны быть в саду*, я почти уверен в том, что мое предположение истинно.

Однако их акцентные особенности имеют, безусловно, общую природу.

4. Синтагматическая просодическая информация

Лексикографически релевантной может оказаться и информация об интонационных конструкциях высказываний. Это имеет место тогда, когда определенная лексема, входящая в высказывание, полностью предопределяет его интонационную конструкцию. Именно такие свойства лексем составляют предмет описания в зоне просодической синтагматической информации. Мы рассмотрим два примера на эту тему.

1) Вопросительные слова *разве* и *неужели*.

Нас будут интересовать интонационные конструкции предложений типа *Разве там можно обеспечить нормальный быт?* и *Неужели там можно обеспечить нормальный быт?* Ср. еще *Разве <неужели> вам не страшно?*, *Разве <неужели> они поедут вместе?*, *Разве <неужели> для тебя не найдется дру-*

гой должности?, Разве <неужели> он может нравиться женщинам?, Разве мы не обязаны делиться друг с другом?, Разве я говорю что-нибудь дурное?, Неужели мне суждено провести всю остальную жизнь в одиночестве?, Неужели он согласится?

Интонационные и семантико-прагматические различия этих вопросительных слов были описаны нами в [Апресян, 1980, с. 51–52]. Здесь это описание воспроизводится с некоторыми уточнениями.

Если исключить ситуации логического или эмфатического выделения отдельных слов в предложении, то можно утверждать, что

а) на *неужели* всегда падает фразовое ударение, а на *разве* — никогда (если, конечно, изолированное *разве* не составляет отдельной реплики);

б) предложения с *неужели* требуют, как правило, ИК-2, т. е. интонации специального вопроса, а предложения с *разве* требуют ИК-3, т. е. интонации общего вопроса. Это и понятно: *разве* лишь усиливает общий вопрос [Брызгунова, 1969, с. 124].

Эти просодические различия между *разве* и *неужели* не случайны. Они коррелируют с глубокими семантическими и прагматическими различиями, которые (наряду со сходствами) можно эксплицировать следующим образом:

Разве P? = 'До момента речи говорящий считал, что не P; в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, позволяющие допустить, что P; говорящий по-прежнему сомневается, что P [пресуппозиция]; говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть P [ассерция]'.

Неужели P? = 'До момента речи говорящий считал, что не P; в момент речи существуют обстоятельства или высказывания, позволяющие допустить, что P [пресуппозиция]; говорящий просит адресата подтвердить или опровергнуть P; говорящий сообщает адресату, что ему очень трудно поверить, что P [ассерция]'.

Итак, различие между *разве* и *неужели* сводится в конечном счете к различию между мнением (а именно сомнением) и верой. Недаром одиночное *Разве?* сближается с одиночным *Так ли?*, а одиночное *Неужели?* — с одиночным *Не может быть!*

Указанные различия заставляют пересмотреть традиционную трактовку данных слов в [Грамматика, 1960-1, с. 645], а также во всех современных толковых словарях русского языка как синонимичных. Дополнительные аргументы в пользу несинонимичности *разве* и *неужели* см. в [Булыгина и Шмелев, 1982; Баранов, 1985] и в особенности в фундаментальном исследовании [Рестан, 1972, с. 437–464].

2) Вопросительные слова типа *кто, что, зачем, почему, где, куда, откуда, когда, сколько, какой* и т. п.

В разделе 2.2. мы уже упоминали этот класс вопросительных слов. Там речь шла о корреляциях, которые существуют между их синтаксическими, семантическими, прагматическими или коммуникативными свойствами, с одной стороны, и типичными для них ИК — с другой.

Вопросительные слова — исключительно благодарный материал для исследования таких корреляций. К сожалению, несмотря на свою очевидную лингвистическую ценность, он до сих пор оставался недостаточно хорошо изученным. Мы бы, в частности, хотели обратить внимание на еще одно интересное употребление (или значение?) вопросительных слов, имеющее своеобразный интонационный коррелят. Оно как будто не упоминалось в литературе и совершенно не регистрируется в словарях.

Сравним два типа вопросов — нормальные специальные вопросы (в левом столбце) и «мучительные» вопросы к самому себе (в правом столбце). Последние произносятся с главным фразовым ударением на вопросительном слове и дальнейшим резким повышением тона на остальном составе предложения.

<i>Кто туда поедет?</i>	—	↑ <i>Кто туда поедет?</i>
<i>Что теперь делать?</i>	—	↑ <i>Что теперь делать?</i>
<i>Почему он остался?</i>	—	↑ <i>Почему он остался?</i>
<i>Зачем это ему нужно?</i>	—	↑ <i>Зачем это ему нужно?</i>
<i>Где его искать?</i>	—	↑ <i>Где его искать?</i>

В самом общем виде и без учета индивидуальных свойств разных вопросительных слов значение «мучительного» вопроса может быть сформулировано следующим образом (переменной Q_1 мы обозначим исходное вопросительное слово, а переменной Q_2 — соответствующее ему относительное слово): $Q_1(P)? =$ 'говорящий не знает то, $Q_2(P)$ '; в поисках ответа на этот вопрос говорящий обращается к имеющейся у него информации, но не находит в ней ответа; говорящий сомневается в том, что то, $Q_2(P)$, в принципе существует; говорящий сообщает адресату о результатах своих поисков и своих сомнениях'.

Разъясним два трудных места этого толкования. 'Говорящий не знает то, $Q_2(P)$ ' — общая форма для обозначения множества более конкретных высказывательных форм вида 'говорящий не знает то, что P'; 'говорящий не знает то, кто P'; 'говорящий не знает то, почему P'; 'говорящий не знает то, зачем P' и т. д. Иными словами, говорящий не знает объекта, субъекта, причины, цели, места, времени и т. п. того действия или события, которое обозначено через P. Аналогичным образом 'говорящий сомневается в том, что то, $Q_2(P)$, в принципе существует' означает, что говорящий сомневается в существовании объекта, субъекта, причины, цели, места, времени и т. п. действия или события.

Очевидно, что в словарных статьях конкретных вопросительных слов этих неясностей не будет, потому что в них вместо переменных Q_1 и Q_2 будут фигурировать соответствующие вопросительные и относительные слова.

«Мучительный» вопрос может быть усилен (точнее, может быть усилен содержащийся в нем элемент сомнения) введением частицы *и* непосредственно перед вопросительным словом или частицы *только* после него. Героиня И. Бабеля, которую мучит вопрос: *И зачем только бабы трудятся?*, по всей видимости, располагает ответом, что бабы трудятся напрасно — настолько сильны ее сомнения в существовании какой-либо разумной цели этих трудов.

На этом мы закончим обзор корреляций между интонационными и содержательными свойствами лексем.

Лексикографичность рассмотренных в этом разделе фактов несомненна: в полном лингвистическом описании русского языка нет другого места, кроме словаря, где их можно было бы отразить естественным образом и с надлежащей степенью полноты³.

Примечания

¹ Мы допускаем, что этот аргумент может показаться неубедительным. Ведь и по поводу тех языковых средств, которые бесспорно обладают семантикой, возможен аналогичный разброс мнений. Словообразовательному суффиксу *-(н)-ик*, например, как и другим подобным суффиксам, приписывается от одного до нескольких десятков значений (см. [Гловинская, 1975]). Одно значение: 'предметность'; 5–6 значений: 'субъект' (*защитник*), 'объект' (*крестник*), 'место' (*зимовник*), 'совокупность' (*ельник*), 'инструмент' (*напильник*); 15–20 значений получаются за счет дробления значений предшествующего уровня классификации, скажем, расщепления значения 'место' на значения 'сосуд' (*кофейник*), 'место действия' (*зимовник*), 'место для содержания' (*слововник*). 'Сосуд', в свою очередь, можно расщепить на 'сосуд для приготовления' (*кофейник*, *чайник*), 'сосуд для подачи' (*соусник*, *супник*), 'сосуд для результатов действия' (*подойник*) и т. п., так что получится еще больше значений. Ясно, что в таких условиях номенклатуры разных уровней конкретности могут и не иметь общих значений. Существовало, однако, другое: в номенклатурах одного уровня конкретности, скажем, с числом значений 4–6, непременно будет много совпадений. В частности, в рассматриваемом случае велика вероятность того, что во всех номенклатурах будут значения 'субъект' 'объект', 'место', 'инструмент'.

² Разумно допустить, что этот факт тоже имеет семантическую мотивацию, но в чем она состоит, пока неясно.

³ Рукопись данной работы была прочитана И. М. Богуславским, М. Я. Гловинской и Л. Л. Иомдиным, которым автор выражает признательность за ценные критические замечания.

Литература

Апресян, 1980: *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband I.* Wien, 1980

Апресян, 1986: *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ, 1986, № 2.

Баранов, 1985: *Баранов А. Н.* Семантические категории 'предположение' и 'факт' в значениях частиц *разве* и *неужели*. // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985.

Брызгунова, 1969: *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1969; 5-е изд. М., 1977.

Булыгина и Шмелев, 1982: *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Изв.АН СССР, Сер. лит. и яз., 1982, № 4.

Булыгина и Шмелев, 1988: *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Несколько замечаний о словах типа *несколько* (к описанию квантификации в русском языке): Язык: система и функционирование. М., 1988.

Гвоздев, 1949: *Гвоздев А. Н.* О фонологических средствах русского языка М.-Л., 1949.

Гловинская, 1975: *Гловинская М. Я.* О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтаксической фразеологизации // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Грамматика, 1960-I: Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М., 1960.

Грамматика, 1960-II: Грамматика русского языка. Т. II, Ч. I Синтаксис М., 1960.

Журавлев, 1974: *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Л., 1974.

Интонация, 1978: Интонация. Киев, 1978.

Николаева, 1969: *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

Николаева, 1979: *Николаева Т. М.* Словосочетания с лексемой "один": форма, значение и их контекстная маркированность // Синтаксис текста. М., 1975.

Николаева, 1982: *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения М., 1982

Николаева, 1985: *Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. М., 1985.

Павлова, 1987: *Павлова А. В.* Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой. Автореф. канд. дис. Л., 1987.

Рестан, 1972: *Рестан П.* Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос. Oslo-Bergen-Tromsø, 1972.

Розанова, 1979: *Розанова Н. Н.* О динамической неустойчивости слов в разговорной речи. // Синтаксис текста. М., 1979.

Светозарова, 1982: *Светозарова Н. Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Чвани, 1985: *Чвани Кэтрин В.* Грамматика слова *должен*: словарные статьи как функция теории. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика М., 1985.

Черемисина, 1969: *Черемисина Н. В.* Строение синтагмы в русской художественной речи. // Синтаксис и интонация. Уч. зап. Башкирского ун-та. Вып. 36. Серия филол. наук, № 14, 1969.

Шапиро, 1955: *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации М., 1955.

Шведова, 1960: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Barnhart, 1982: *Barnhart C. L. Barnhart R. K.* (Eds.) *The World Book Dictionary*. Vol. I—II. Chicago—London, 1982.

Sappok, 1986: *Sappok Chr.* *Gliederungsminimalpaare.*// *Slawistische Beiträge*. Bd 200. München, 1986.

Webster, 1981: *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. Unabridged. Springfield (Mass.), 1981.

ПЕРФОРМАТИВЫ В ГРАММАТИКЕ И В СЛОВАРЕ*

1. Понятие перформативности и основные группы перформативов

Понятие перформативности в контексте других аналогичных понятий было введено Дж. Остином [1]. Ему же принадлежит и самое детальное исследование перформативности. Однако само это явление было замечено раньше, в работах Э. Кошмидера [2, с. 163 и сл.] и Э. Бенвениста [3, с. 299 и сл.]. Мысли Э. Кошмидера по поводу перформативности настолько современны и интересны, а с другой стороны, в отличие от мыслей Дж. Остина и Э. Бенвениста, настолько мало известны, что их стоит коротко воспроизвести в качестве введения к теме.

«Под коинцидентией (нынешней перформативностью. — Ю. А.), — писал Э. Кошмидер, — я подразумеваю совпадение слова и действия... в том смысле, что слово, которое произносится, как раз и есть само обозначаемое действие» [2, с. 163]. *Я пишу*, разъясняет он дальше, есть сообщение об акте писания, а не самый акт писания. Между тем *Я прошу* — это самый акт просьбы, а не сообщение о нем. «Очевидно, что лицо, высказывающее ту или иную просьбу... вовсе не стремится представить действие просьбы в процессе его "протекания". Напротив, лицу этому важно только выполнить самый акт просьбы, и выполнить его одним произнесением слова, так что момент произнесения является моментом "наступления" просьбы, моментом реализации действия, выраженного глаголом» (там же).

Идея совпадения слова и действия присутствует и во всех позднейших определениях перформативности. Обычно глагол считается перформативным, если для него возможно такое употребление формы первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия. Ср. *Благодарю вас. Вы доставили нам настоящее*

* Статья была впервые напечатана в журнале "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", 1986, №3.

наслаждение (Е. Шварц). Употребления, в которых такое совпадение не имеет места, называются дескриптивными, или констативными, т. е. просто описывающими действие. Ср. *Я работаю, как лошадь. Я бегаю, хлопочу, очаровываю, ходатайствую, требую, настаиваю* (Е. Шварц).

Приведенное определение не охватывает всех слов, способных к перформативному употреблению (см. ниже разделы 2 и 3). Однако оно дает возможность выделить основные группы собственно перформативных глаголов, или канонических перформативов. Лексикографически и грамматически именно канонические перформативы представляют принципиальный интерес.

При их систематизации мы воспользуемся несколько расширенной номенклатурой иллокутивных актов. Эта номенклатура не совпадает с существующими классификациями перформативов ([1; 4, с. 84 и сл.], [5, с. 189–193; 6, с. 48] и др.), но учитывает фигурирующий в них лексический материал.

(1) Специализированные сообщения и утверждения (в основном остиновские *expositives*), ср. ДОКЛАДЫВАТЬ, ДОНОСИТЬ, ЗАЯВЛЯТЬ, ИЗВЕЩАТЬ (но не РАССКАЗЫВАТЬ), НАПОМИНАТЬ, ОБЪЯВЛЯТЬ, ОТРИЦАТЬ, ПОДТВЕРЖДАТЬ, ПОДЧЕРКИВАТЬ, ПРОВОЗГЛАШАТЬ, СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ, УВЕДОМЛЯТЬ, УВЕРЯТЬ (но не УБЕЖДАТЬ), УДОСТОВЕРЯТЬ, УТВЕРЖДАТЬ, обычно с управляемыми формами ВИН и ЧТО; например: *Я подтверждаю свое приглашение; И вот я вам докладываю, что тот, кого именовали Иуда из города Кириафа, несколько часов тому назад зарезан* (М. Булгаков); *Поможет, уверяю тебя. Я это испытал на опыте* (Е. Шварц).

Способность к перформативному употреблению у этих глаголов коренится в их специализации, в том, что они обозначают не говорение вообще, а определенные виды говорения. Именно необходимость уточнить характер иллокутивного акта мотивирует появление эксплицитной перформативной приставки к высказыванию. Основной неспециализированный, т. е. родовой, глагол речи — ГОВОРИТЬ — не является перформативным (см. об этом ниже, раздел 3.1).

(2) Признания, ср. ВИНИТЬСЯ, КАЯТЬСЯ (но не ИСПОВЕДОВАТЬСЯ), ПРИЗНАВАТЬСЯ, СОЗНАВАТЬСЯ (но не ОТКРЫВАТЬСЯ), например: *Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти* (П. А. Вяземский).

(3) Обещания (остиновские *commissives*), ср. ГАРАНТИРОВАТЬ, ДАВАТЬ ОБЕТ, ДАВАТЬ ОБЕЩАНИЕ, ДАВАТЬ (ЧЕСТНОЕ) СЛОВО, ЗАВЕРЯТЬ, ЗАРЕКАТЬСЯ, КЛЯСТЬСЯ, ОБЕЩАТЬ (но не СУЛИТЬ), ОБЯЗЫВАТЬСЯ, ПРИСЯГАТЬ, например: *Обещаю <обязуюсь> помочь тебе во всем.*

(4) Просьбы, ср. ЗАКЛИНАТЬ, МОЛИТЬ, ПРОСИТЬ, УМОЛЯТЬ (но не УПРАШИВАТЬ), ХОДАТАЙСТВОВАТЬ. Ср. перформативное *Умоляю тебя подумать о детях* и чисто дескриптивное *Чем ты занят? — Да вот,*

*упрашиваю его выступить у нас на семинаре при неправильности *Упрашиваю тебя выступить у нас на семинаре.*

В литературе о перформативах рядом с просьбами иногда упоминаются вопросы — просьбы об информации ([4, с. 85; 7, с. 234 и сл.] и многие другие работы). Заметим в этой связи, что русский глагол СПРАШИВАТЬ, как и глагол ГОВОРИТЬ, никогда не бывает чистым перформативом (см. об этом подробнее раздел 3.1).

(5) Предложения и советы (часть остиновских *exercitives*), ср. ВЫЗЫВАТЬ (*Я вызываю тебя на бой, слышишь ты, дракон!* — Е. Шварц), ЗВАТЬ (*к себе*), ПРЕДЛАГАТЬ 1 (*пройтись*), ПРИГЛАШАТЬ, ПРИЗЫВАТЬ (*к порядку*); РЕКОМЕНДОВАТЬ 1, СОВЕТОВАТЬ (*Рекомендую <советую> еще несколько дней полежать в постели*), но не КОНСУЛЬТИРОВАТЬ.

(6) Предупреждения и предсказания, ср. ПРЕДОСТЕРЕГАТЬ, ПРЕДУПРЕЖДАТЬ; ПРЕДРЕКАТЬ, ПРЕДСКАЗЫВАТЬ, в меньшей мере ПРЕДВЕЩАТЬ, но не ПРОГНОЗИРОВАТЬ, ПРОРОЧИТЬ. Ср. *Предсказываю вам, что вас ждет неудача при сомнительности [?]Пророчу вам неудачу.*

(7) Требования и приказы, ср. НАКАЗЫВАТЬ (*Наказываю тебе беречь себя*), НАСТАИВАТЬ (*Я настаиваю на открытом обсуждении вопроса*), ПОРУЧАТЬ (*Поручаю вам сопровождать груз до столицы*), ПРЕДЛАГАТЬ 2 (*Предлагаю вам немедленно явиться в комендатуру*), ПРИКАЗЫВАТЬ (но не КОМАНДОВАТЬ и РАСПОРЯЖАТЬСЯ), СТАВИТЬ УСЛОВИЕ, ТРЕБОВАТЬ (но не СПРАШИВАТЬ (*с кого-л.*)).

(8) Запреты и разрешения, ср. ВОСПРЕЩАТЬ (но не ВОЗБРАНЯТЬ), ЗАПРЕЩАТЬ (но не ЗАКАЗЫВАТЬ), НАКЛАДЫВАТЬ ВЕТО (но не ТАБУИРОВАТЬ); ДАВАТЬ ПРАВО, ПОЗВОЛЯТЬ (но не ДОПУСКАТЬ), РАЗРЕШАТЬ, САНКЦИОНИРОВАТЬ.

(9) Согласия и возражения, ср. ПРИЗНАВАТЬ, СОГЛАШАТЬСЯ (также в форме СОГЛАСЕН); ВОЗРАЖАТЬ (но не ПЕРЕЧИТЬ, ПРЕКОСЛОВИТЬ, ПРЕРЕКАТЬСЯ, ПРОТИВОРЕЧИТЬ), ОСПАРИВАТЬ, ОТКАЗЫВАТЬСЯ (*делать что-л.*), ПРОТЕСТОВАТЬ, СПОРИТЬ (*что, в противоположность спорить о чем*). Примеры: — *Прислушайте, православные, — громко сказал Илья. — Соглашаюся* (И. Бунин); *Хлебников подумал немного и потом просто сказал: — Ну что ж, я согласен* (А. Андриевский).

(10) Одобрения, ср. БЛАГОСЛОВЛЯТЬ (*кого-л. на подвиг*), ОДОБРЯТЬ, РЕКОМЕНДОВАТЬ 2 (*Очень рекомендую вам Семенова — исключительно расторопный человек*), УТВЕРЖДАТЬ (ср. «Утверждаю» на официальной бумаге), ХВАЛИТЬ (но не ВОСХВАЛЯТЬ, НАХВАЛИВАТЬ, ПРЕВОЗНОСИТЬ, РАСХВАЛИВАТЬ, СЛАВОСЛОВИТЬ, ХВАЛИТЬСЯ, ХВАСТАТЬСЯ).

(11) Осуждения, ср. ОБВИНЯТЬ (но не ПЕНЯТЬ, УПРЕКАТЬ), ОСУЖДАТЬ (но не КРИТИКОВАТЬ; вряд ли можно согласиться с остиновской оценкой английского глагола CRITICIZE как перформативного), ПОРИЦАТЬ

(но не БРАНИТЬ, РУГАТЬ и ОСКОРБЛЯТЬ), ПРИГОВАРИВАТЬ, ПРОКЛИНАТЬ.

(12) Прощения, ср. ОПРАВДЫВАТЬ, ОТПУСКАТЬ (*грехи*), ПРОЩАТЬ (но не ИЗВИНЯТЬ, СНИМАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ).

(13) Речевые ритуалы (некоторые остиновские *behabitives*), ср. БЛАГОДАРИТЬ, ЖЕЛАТЬ УДАЧИ, ИЗВИНЯТЬСЯ, ПОЗДРАВЛЯТЬ, ПРИВЕТСТВОВАТЬ, ПРОЩАТЬСЯ, СОБОЛЕЗНОВАТЬ, например: *Поздравляю вас с праздником, ваше сиятельство, с благодатью господней* (И. Бунин).

(14) Социализированные акты передачи, отчуждения, отмены, отказа и т. п., ср. БРАТЬ НАЗАД СВОЕ СЛОВО, ВОЗВРАЩАТЬ (*кому-л.*) СЛОВО, ДАВАТЬ ОТВОД, ДЕЗАВУИРОВАТЬ, ДЕНОНСИРОВАТЬ, ДОВЕРЯТЬ (*кому-л. представлять себя на переговорах*), ЗАВЕЩАТЬ, КАПИТУЛИРОВАТЬ, ОТВЕРГАТЬ, ОТВОДИТЬ (*возражение адвоката*), ОТКАЗЫВАТЬСЯ (*от чего-л.*; ср. неперформативное ОТСТУПАТЬСЯ), ОСВОБОЖДАТЬ (*кого-л. от слова*), ОТЛУЧАТЬ (*кого-л. от церкви*), ОТРЕКАТЬСЯ (*от престола*), ПОДАВАТЬ В ОТСТАВКУ, ПОРУЧАТЬ (*кому-л. своих детей*), ПОСВЯЩАТЬ, СДАВАТЬСЯ, СНИМАТЬ (*свое предложение*), УПОЛНОМОЧИВАТЬ.

(15) Называния и назначения (в основном вендлеровские *operatives*), ср. НАЗНАЧАТЬ (*Назначаю вас своим представителем на переговорах*), НАЗЫВАТЬ, НАРЕКАТЬ, ОБЪЯВЛЯТЬ (*собрание закрытым*), ПОСВЯЩАТЬ (*кого-л. в рыцари*), ПРОВОЗГЛАШАТЬ (*Францию республикой*).

2. Языковые проявления перформативности

Займемся теперь основными морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, семантическими и прагматическими проявлениями перформативности. По-видимому, все они мотивируются немногими первичными свойствами перформативных высказываний (недлительностью, равносильностью действию, интенциональностью, уникальностью). В тех случаях, когда такая более глубокая семантическая мотивировка рассматриваемого проявления перформативности не вызывает сомнений, мы будем ее указывать.

Языковые проявления перформативности интересны потому, что показывают диапазон лингвистических правил, в которых необходима ссылка на это свойство.

2.1. Морфологические и словообразовательные проявления

(1) Как следует из приведенного в разделе 1 определения, перформативы в своей перформативной ипостаси имеют неполную словоизменительную парадигму. Правда, нельзя принимать это определение чересчур буквально и считать, что у перформативов есть только форма первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикати-

ва. Некоторое (небольшое) число перформативных глаголов имеет еще несколько грамматических форм, но предсказать их наличие у конкретного глагола из общих соображений нельзя. Поэтому для каждого такого глагола допустимый в перформативной функции набор словоизменительных форм должен указываться непосредственно в словаре. Назовем эти формы (первые три из них были отмечены еще в [1]–[3]).

а) Первое лицо единственного числа простого будущего времени активно-го залога индикатива; ср. *Попрошу ваши билеты; Пожелаю вам удачи; Покаюсь <признаюсь, сознаюсь>: это сделал я.*

б) Третье лицо настоящего времени активного залога индикатива в неопределенно-личных предложениях; ср. *Тебя прощают. Не будут больше подавать платок* (сцена прощения Фриды Маргаритой из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова); *Пассажиров просят пройти на посадку.*

в) Третье и второе лицо настоящего времени пассивного залога индикатива; ср. *Отпускаются тебе грехи твои, Пассажиры приглашаются на посадку, Настоящим вы утверждаетесь в должности директора.*

г) Третье лицо единственного числа настоящего времени активного залога индикатива; ср. *Местком ходатайствует о предоставлении Борисуville жилищной площади <рекомендует предоставить Борисуville жилищную площадь в первую очередь> (в устах председателя месткома на собрании).*

д) Сослагательное наклонение при глаголах типа ПРОСИТЬ, РЕКОМЕНДОВАТЬ, СОВЕТОВАТЬ; ср. *Я бы просил <попросил> вас не забывать о посторонних; Я бы не рекомендовал вам спорить с ним; Но я бы советовал тебе решить дело как можно скорее, — продолжал Облонский, доливая ему бокал (Л. Н. Толстой).*

е) Инфинитив в составе «вежливых» перформативных высказываний (см. о них [8, с. 154–156; 9, с. 28] и в особенности [5]); ср. *Позвольте <разрешите, должен, хочу> вас предупредить, Осмелюсь доложить, Смею вас уверить; Честь имею покорнейше вас поздравить... с приездом до нас, в нашу тихую местность (К. Паустовский).* Впрочем, в составе таких высказываний возможен и неперформативный глагол, ср. *Не смею противоречить.*

В связи с последними примерами необходимо подчеркнуть, что перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом. Поэтому в отдельных случаях в составе таких формул перформативными становятся и другие глагольные формы и даже неглагольные лексемы. Ср. *Прости!* как эквивалент *Прошу у тебя прощения, Шах!* как эквивалент *Объявляю тебе шах, Честное слово* как эквивалент *Даю тебе честное слово, Спасибо* как эквивалент *Благодарю, С праздником!* как эквивалент *Поздравляю вас с праздником, Идет <ладно, хорошо>*, как выражение согласия. Кстати сказать, все они возможны только в прямой речи, что лишний раз подчеркивает их перформативный статус.

(2) Поскольку перформативы несовместимы с актуально-длительным значением, от них не образуются делимитативы и пердуративы. Точнее говоря,

когда у данного перформативного глагола такие производные есть, они не могут употребляться перформативно; ср. *Он поспорит с вами некоторое время, а потом согласится; Ты без толку поспоришь с ним полдня.*

2.2. Синтаксические проявления

(3) В перформативном употреблении могут существенным образом меняться особенности глагольного управления. Укажем две интересные модификации канонических моделей управления.

а) Если у перформативного глагола есть обязательная валентность адресата действия, она становится факультативной в перформативном употреблении; ср. *Прошу покинуть помещение; Вы мне очень помогли, благодарю.* В неперформативном употреблении валентность адресата у лексем ПРОСИТЬ и БЛАГОДАРИТЬ обязательна. Ср. неправильность **Что ты там делаешь? — Прошу покинуть помещение <благодарю>.* Это и естественно. Перформативное высказывание в большинстве случаев обращено к непосредственному собеседнику говорящего, который тем самым настолько однозначно определен, что нет необходимости называть его. Недаром высказывание утрачивает перформативность и превращается в чисто дескриптивное, если вместо непосредственного собеседника в позиции адресата появляется третье лицо; ср. *Я прошу его уйти.*

б) Если глагол может в принципе управлять двумя «изъяснительными» формами — придаточными предложениями с союзом *что* и предложно-именной группой *о чем-л.*, то свою перформативную функцию он обычно реализует в первом случае. Управляя формой *о чем-л.*, он легче интерпретируется как чисто дескриптивный; ср. *Я заявляю вам <предупреждаю вас> об этом, исходя из ваших же интересов.* Любопытно, что различие в управлении *что* VS. *о чем-л.* и в других случаях сопровождается небольшим, но принципиальным сдвигом в семантике глагола; ср., например, указанное в [10] и [4] различие между стативным *думать, что P* и динамичным *думать о P.*

2.3. Семантические проявления

(4) Вследствие особенностей видо-временного значения перформативов они гораздо менее свободно сочетаются с различными обстоятельствами времени, чем те же глаголы в дескриптивном употреблении.

а) Поскольку у них нет актуально-длительного значения НЕСОВ, они не сочетаются с обстоятельствами длительности (ДОЛГО, НЕДОЛГО, ВСЁ ЕЩЕ, ЦЕЛЫЙ ЧАС, С ТЕХ ПОР), обстоятельствами градуальности (МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО) и союзами со значением одновременности (КОГДА, ПОКА). Высказывания типа *Все уже успели позавтракать, пока я прошу тебя встать* могут быть осмыслены только как дескриптивные.

б) Хотя перформативы всегда результативны, или перфективны по смыслу, они отличаются от форм СОВ тем, что не сочетаются с обстоятельствами точности типа **В ЭТОТ МОМЕНТ, НЕМЕДЛЕННО, СЕЙЧАС ЖЕ, СРАЗУ ЖЕ, ТОТЧАС ЖЕ, ТУТ ЖЕ**. Ср. невозможность недескриптивного понимания высказываний типа *Я сразу же <тут же, немедленно> обещаю <предлагаю> купить вам шляпу* (конечно, при условии, что областью действия обстоятельства является перформативный глагол, а не инфинитив).

в) Перформативы не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени. Высказывания типа *За три минуты я прощаюсь со всеми и ухожу* понимаются, конечно, как чисто дескриптивные. Этим, в частности, перформативы отличаются от форм СОВ.

(5) Хотя перформативное высказывание обладает свойством уникальности, т. е. «может быть осуществлено только в конкретных обстоятельствах, один и только один раз, в определенное время и в определенном месте» [З, с. 307], оно не может быть модифицировано такими дейктическими указаниями времени и места, как **СЕЙЧАС** и **ЗДЕСЬ**. Если высказывание *Сейчас я прошу тебя уйти* понимается как перформативное, то происходит это только за счет того, что областью действия **СЕЙЧАС** становится глагол **УЙТИ**: 'Я прошу тебя, чтобы ты ушел сейчас'. Если этого не происходит, то оно допускает только дескриптивное осмысление, например: 'сейчас прошу, а потом могу и потребовать'. Ср. также *Здесь и сейчас я только отстаиваю и утверждаю абсолютные, непререкаемые права естественнонаучной мысли всюду и до тех пор, где и куда она может проявлять свою мощь* (И. П. Павлов).

(6) Перформативы являются интенциональными предикатами по преимуществу. Перформативное высказывание не является описанием действия, хотя и равносильно выполнению действия. Поэтому перформативы не сочетаются с теми обстоятельствами, основной функцией которых является характеристика действий. Назовем наиболее интересные ограничения такого рода.

а) Перформативы не сочетаются с обстоятельствами, обозначающими способ выполнения действия: **ВЕСЕЛО, КИСЛО, КРАТКО, НЕБРЕЖНО, ОСТОРОЖНО, С ЭНТУЗИАЗМОМ, ТЩАТЕЛЬНО, УМЕЛО, ХОЛОДНО, ЭНЕРГИЧНО** и т. п. Так, в приводимом ниже высказывании В. Хлебникова обстоятельство *в краткой форме* полностью разрушает перформативность глагола **УТВЕРЖДАТЬ**: [*В этой строчке*] *в самой краткой форме я утверждаю свою убежденность в пульсации всех отдельностей мироздания и их обществ* (А. Андриевский). Это высказывание допускает только дескриптивное осмысление. В состав перформативной формулы могут входить лишь такие модификаторы со значением способа, которые обозначают конвенциализованные (официальные, ритуальные, этикетные) разновидности иллокутивных актов. Примеры: *Я торжественно клянусь <перед лицом своих товарищей обещаю, заклинаю тебя всеми святыми, официально вас предупреждаю>; На сей грамоте клянусь моему брату Магмет Гирею дружить его друзьям, враждовать неприятелям... даю слово вместе с ним объявить ей [Астрахани] войну* (Н. М. Карамзин).

б) Перформативы не сочетаются с оценочными обстоятельствами типа ХОРОШО, ПЛОХО и т. п. Высказывания типа *Я плохо благодарю вас <прощаясь с вами>* либо неправильны, либо понимаются дескриптивно.

в) Перформативы не сочетаются с обстоятельствами цели. Если при перформативном глаголе есть обстоятельство цели, относящееся к нему и по смыслу (т. е. семантически подчиняющее его), то соответствующее высказывание может быть понято только дескриптивно. Ср. *Я прошу вас об этом с другой целью; Я настаиваю на этом, чтобы пресечь кривотолки.* Если перформативный глагол семантически не зависит от обстоятельства цели, восстанавливается возможность перформативного осмысления высказывания. Таково осмысление высказывания *Я настаиваю на 'открытом обсуждении вопроса, чтобы пресечь кривотолки,* с фразовым ударением на *открытом.* Здесь от предиката 'цель' зависит не 'настояние', а 'гласность обсуждения'.

В связи с запретами, обсужденными в (6), заметим, что перформативы могут быть семантически подчинены весьма ограниченному кругу предикатов. Е. В. Падучева относит к их числу основные модальные слова и союзы со значением причины, условия, уступки и следствия [9, с. 22]: *Должен вам сообщить, что поезд уже ушел; Поскольку разговор долгий, прошу вас сесть; Если это вас не устраивает, прошу сказать прямо; Я устал, так что прошу вас пойти без меня.* Прибавим к ним еще предикаты счетности, степени и т. п. Ср. *Я еще раз предлагаю вам свою руку, если вы хотите идти* (Л. Н. Толстой); *Я вас очень прошу не кричать на меня* (Е. Шварц); ср. также *Убедительно тебя прошу <серьезно вас предупреждаю, категорически требую, полностью признаю, искренне благодарю>*.

(7) Перформативы, как мы уже сказали, всегда 'результативны', т. е. сближаются по смыслу с основным значением СОВ. Этому способствует присущее им свойство уникальности, или однократности. Поэтому сочинительные цепочки перформативов обычно обозначают последовательные, а не одновременные действия; ср. *Благодарю вас за внимание и прошу принять от меня этот скромный подарок; Извиняюсь и обещаю больше так не поступать.* Ср., однако, следующий пример: *Умираю, прошу, умоляю приехать. Умру с прощением спокойнее* (Л. Н. Толстой). Здесь второй перформатив обозначает не отдельный, более поздний акт, а дублирование того же акта в более интенсивной форме.

(8) Будучи интенциональными предикатами по преимуществу, перформативы не сочиняются с экстенциональными предикатами, т. е. обозначениями физических действий типа БРАТЬ, ПЛАКАТЬ, СМОТРЕТЬ и т. п. Нельзя сказать **Я обещаю исправиться и плачу,* хотя можно *Она обещает исправиться и плачет.* В этом отношении перформативное значение сближается с «фактообразующим», как оно описано Н. Д. Арутюновой [11, с. 14].

(9) Перформативы избирательно сочетаются с некоторыми разрядами вводных слов. Так, по наблюдениям А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой [12, с. 84 и сл.], вводные слова КОНЕЧНО, РАЗУМЕЕТСЯ и ряд других совместимы с эксплицитным перформативным контекстом: *Разумеется, я требую от*

вас послушания; Конечно, я советую вам отказаться от своего намерения. Другие вводные слова, тоже выражающие оценку сообщаемого с точки зрения достоверности, таким свойством не обладают. Таковы наречия ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО; ср. **Вероятно <?несомненно>, я требую от вас послушания; ?Очевидно, я советую вам отказаться от своего намерения.*

Эти наблюдения должны быть уточнены в двух отношениях.

Во-первых, наречия ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО не сочетаются не только с перформативами, но и с другими предикатами в форме первого лица единственного числа настоящего времени индикатива; ср. неправомерность или сомнительность **Я, вероятно, считаю <думаю>, что дело обстоит не так просто; ?Я, очевидно, пишу статью <работаю, отдыхаю>.* Таким образом, их несовместимость с перформативным контекстом является следствием более общего свойства — несочетаемости с предикатами, характеризующими говорящего в момент высказывания. В свою очередь, эта несочетаемость объясняется тем, что ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО являются средствами объективной оценки достоверности сообщения. Чтобы использовать их по назначению, необходимо иметь возможность взглянуть на ситуацию со стороны. Между тем говорящий в момент речи не может смотреть на себя со стороны. Такая возможность возникает, когда ситуация с его участием отодвинута от момента речи в прошлое или будущее или когда говорящий цитирует чужие суждения или высказывания о ней. Ср. *Я, вероятно, считал <думал>, что дело обстоит не так просто; Я, несомненно, буду отдыхать; Он решил, что я, очевидно, работаю.* Эти примеры показывают, что сочетаемость наречий ВЕРОЯТНО, НЕСОМНЕННО, ОЧЕВИДНО регулируется весьма общим правилом (толкованием), не требующим никаких ссылок на понятие перформативности.

Во-вторых, наречия КОНЕЧНО и РАЗУМЕЕТСЯ не всегда совместимы с перформативностью. Перформативное осмысление приведенных выше предложений с этими наречиями возможно в том случае, когда они произносятся с нисходяще-восходящим акцентом (точнее, падением на ударном слоге и подъемом на безударном). Если же они произносятся с восходяще-нисходящим акцентом (точнее, подъемом и падением на ударном слоге), то перформативное осмысление оказывается недопустимым.

Высказывания типа *Разумеется <конечно>, я требую от вас послушания* воспринимаются как подтверждение, эмфатическое повторение того, что уже было однажды сказано, и тем самым не являются перформативными.

(10) Перформативы ведут себя идиосинкратично под отрицанием. Не входя в детали весьма сложного вопроса о перформативном отрицании (см. обстоятельное изложение в [13, с. 769 и сл.]), обратим внимание на следующие факты.

а) Значительная группа перформативов утрачивает под отрицанием перформативную функцию. Ср. высказывания *Я не заверяю вас, что заказ будет исполнен в срок; Я не называю эту вершину «Бригантина» (только потому,*

что одна вершина с таким названием уже есть); *Я не клянусь: ведь вы знаете, что мы никогда друг другу не солгали бы* (А. Куприн); *Я не хвалю моих земляков и не порицаю их, а только говорю вам, что они себя отстоят, — и умом ли, глупостью ли, в обиду не дадутся* (Н. С. Лесков).

б) Имеется небольшое число перформативов, которые сохраняют под отрицанием свое обычное лексическое значение и при этом не утрачивают перформативности. Это в основном такие перформативы, которые в сочетании с отрицательной частицей НЕ близки по смыслу к другим эксплицитным перформативам (антонимия *Anti*₂, см. [14, с. 292–294]); ср. *не запрещать* = 'разрешать', *не разрешать* = 'запрещать', *не советовать* = 'возражать', *не требовать* = 'просить' (в ряде случаев). Примеры: *Я не разрешаю тебе выходить без шапки*; *Во всяком случае, советую решить вопрос скорее. Нынче не советую говорить...* *Поезжай завтра утром, классически, делать предложение...* (Л. Н. Толстой).

в) Во многих случаях сочетание НЕ с перформативом обрастает семантическими нюансами, не выводимыми непосредственно из значений составляющих его слов. Оно лексикализуется, превращаясь, по существу, в новый перформативный глагол. Ср. НЕ ОБЕЩАТЬ, НЕ СПОРИТЬ, НЕ ОДОБРЯТЬ, НЕ ОТКАЗЫВАТЬСЯ и т. п. Действительно, *Я не обещаю сдать статью завтра* не значит 'Неверно, что я обещаю сдать статью завтра'. В первом приближении эту фразу можно истолковать следующим образом: 'Я сообщаю, что считаю маловероятным, что сдам статью завтра, хотя понимаю, что от меня этого ждут'. Ср. также *Я не спорю, что P* = 'Я согласен с вами, что P; я имею в виду не P, а другие факты (возможно, связанные с P), которые я оцениваю иначе, чем вы'. Ср. *Я не спорю — в этих проектах много романтики. Но осуществите ее — и она превратится в реальность* (К. Паустовский). В рассмотренных здесь случаях семантические модификации значений перформативных глаголов, возникающие в отрицательном контексте, меняются от глагола к глаголу и должны описываться индивидуально для каждого из них.

В контексте проблемы перформативного отрицания полезно упомянуть, в особенности под лексикографическим углом зрения, и тот факт, что некоторые перформативные глаголы смещаются в сторону перформативности под отрицанием; ср. *Я не жалеюсь, А я и не перечу, Я не шучу* в значении 'Я говорю серьезно'.

2.4. Прагматические проявления

(11) В тех достаточно редких случаях, когда перформативы употребляются в формах будущего времени или сослагательного наклонения, они не имеют никаких собственных значений этих форм. Ср. семантические (видо-временные и модальные) различия между *Он просит VS. попросит VS. просил бы VS. попросил бы вас выйти* и их полную нивелировку в перформативных высказываниях *Я прошу <попрошу, просил бы, попросил бы> вас выйти*. Различия между этими перформативными высказываниями лежат не в области

семантики вида, времени или наклонения, а в области прагматики и сводятся к различиям в степени вежливости: сослагательное наклонение — самая вежливая форма просьбы, а совершенный вид — самая жесткая.

(12) Перформативные высказывания, как писал еще Дж. Остин ([15, с. 1]; см. также [3, с. 304–309; 7, с. 233–234; 13, с. 733] и другие работы по перформативам), не обладают семантическим (или логическим) свойством истинности–ложности¹. Его аналогом у перформативов является прагматическое свойство удачности (уместности) или неудачности (неуместности). Дж. Остин объяснял это тем, что человек, произносящий перформативное высказывание, «скорее выполняет определенное действие, чем просто что-то говорит» [15, с. 222], а действия, разумеется, не могут быть ни истинными, ни ложными. В самом деле, высказывание типа *Посвящаю вас в рыцари* нельзя подтвердить или опровергнуть. Однако оно может быть уместным (если говорящий облечен нужными полномочиями и произносит эту формулу с соблюдением правил соответствующего ритуала) или неуместным (если говорящий не облечен нужными полномочиями, или нарушает ритуал, или выполняет его не целиком, так что посвящение в рыцари не может состояться).

На этом мы заканчиваем наш обзор языковых проявлений перформативности. Мы сознательно не упомянули таких свойств перформативных высказываний, как самоверифицируемость, аутореферентность, и ряда других (см. о них [3, с. 307–308]; [6, с. 48–49]; [9, с. 20–21], с дальнейшей библиографией). Они представляют меньший лексикографический и грамматический интерес, чем названные выше свойства. Впрочем, у нас нет никакой уверенности, что мы исчерпали хотя бы лексикографически и грамматически интересные свойства перформативов. До сих пор при изучении различных фактов и явлений в лингвистике почти не практиковалась проверка их реакции на перформативный контекст. Между тем есть причины думать, что число языковых фактов, небезразличных к перформативности, гораздо больше, чем можно предположить на основании априорных соображений.

3. Семантический анализ перформативов

Даже если ограничиться только каноническими примерами перформативных высказываний, можно заключить, что свойство перформативности уходит своими корнями в две семантические точки высказывания: 1) лексическое значение глагола-сказуемого, 2) его грамматическое (видо-временное) значение. Указанные две точки перформативного высказывания и должны стать предметом семантического анализа. Результаты анализа дадут ответ на вопрос о том, как перформативность следует описывать в грамматике и в словаре.

¹ Попытку опровергнуть этот тезис, предпринятую в [16, с. 24–33; 17, с. 401–402] и ряде других работ, нельзя признать удачной: названные авторы утверждают, что истинностные значения есть у придаточных дополнительных предложений, подчиненных перформативам, но этого никто не отрицал.

3.1. Есть ли в лексическом значении перформативов общий смысл?

Было бы хорошо, если бы свойство перформативности было сводимо к определенному семантическому компоненту в толковании глагола, т. е. если бы наличие этого компонента было необходимым и достаточным условием для его перформативного употребления. В связи с этим необходимо рассмотреть следующую хорошо известную гипотезу о семантической первооснове перформативности: в смысл всякого перформативного глагола существенным образом входит компонент 'говорить' [9, с. 22].

Нам представляется, что эта гипотеза верна для большинства, но не для всех перформативных глаголов. Ее буквальному пониманию мешают по крайней мере следующие три обстоятельства.

1) Вопреки общепринятому мнению ([1; 2, с. 164; 3, с. 307; 13, с. 729 и сл., 740 и сл.; 16, с. 25; 17, с. 401; 18, с. 6; 19, с. 228; 20, с. 87]), глагол ГОВОРИТЬ сам по себе не является чисто перформативным (во всяком случае, в русском языке). В самом деле, высказывания типа *Я говорю, что он заблуждается* имеют право на существование только как отсылки к тому, что уже было сказано до данного акта речи. Акт речи бессмысленно предвзято эксплицитным модусом *Я говорю*, потому что и без того ясно, что говорящий говорит. См. справедливые замечания на этот счет в [20, с. 87–88].

На полуперформативный статус могут претендовать разве что повторные эмфатические сообщения типа *Говорю тебе, что он тебя простил*, с фразовым ударением на *говорю*, и высказывания, в которых ГОВОРИТЬ сопровождается указанием степени или ритуализованного способа (см. пункт (6) в разделе 2). Ср. *Я серьезно говорю, что бросаю институт; Истинно говорю вам, что эта вдова больше всех положила*.

Тезис о перформативности ГОВОРИТЬ порождает серьезные трудности при логическом анализе высказываний. Отметим две из них.

В рамках так называемой «перформативной гипотезы» [21, с. 261], получившей весьма широкое признание в современной лингвистике, предполагается, что всякое утверждение открывается имплицитным модусом 'Я говорю', 'Я объявляю'. Тем самым всякое утверждение становится перформативным высказыванием. Но перформативные высказывания, в соответствии с господствующей точкой зрения (см. пункт (12) в разделе 2), не могут быть ни истинными, ни ложными. Из этого следует абсурдное заключение, что никакие утверждения не могут быть ни истинными, ни ложными. Указанная трудность обсуждается в [16, с. 24 и сл.], но предложенное там решение представляется нам неудовлетворительным (см. выше).

Не поддаются логическому анализу и высказывания типа *Я говорю правду*. Если ГОВОРИТЬ — перформатив, то их пришлось бы признать всегда истинными в силу толкования предиката ГОВОРИТЬ ПРАВДУ и определения перформативности как равносильности слова и действия. Этот вывод противоречит как постулату об отсутствии у перформативов истинностных значе-

ний, так и тому бытовому факту, что на самом деле такие высказывания могут быть либо истинными, либо ложными.

Принятие тезиса о неперформативности ГОВОРИТЬ немедленно разрешает эти трудности.

2) Наличие смысла 'говорить' в составе глагольной лексемы характерно не для всех перформативов. Имеется немало лексических единиц, способных к перформативному употреблению, в словарное толкование которых смысл 'говорить' явным образом не входит. Таковы глаголы в перформативных высказываниях типа *Слушаю и повинуюсь, Посвящаю вас в рыцари, Жалую вас званием главного церемониймейстера* и т. п.

3) С другой стороны, имеются глаголы, в словарное толкование которых смысл 'говорить' входит, но которые тем не менее свойством перформативности не обладают.

Во-первых, важен не смысл 'говорить' сам по себе, а его положение в семантической структуре соответствующей лексемы. Необходимо, чтобы он входил в ассертивную, а не в пресуппозитивную часть толкования. Наличие смысла 'говорить' в пресуппозиции еще не создает свойства перформативности. Ср. ВРАТЬ, ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ, ЛГАТЬ, ОБМАНЫВАТЬ; КЛЕВЕТАТЬ, ОГОВАРИВАТЬ и другие обозначения ложных высказываний, в которых смысл 'говорить' образует пресуппозицию и которые ни при каких обстоятельствах не допускают перформативного употребления. Впрочем, есть и другая причина того, почему высказывание *Я лгу* не может быть перформативным (т. е. равносильным выполнению акта лжи). Говорящий не может рассчитывать на успех своей попытки ввести собеседника в заблуждение, если он прямо объявляет ему, что говорит неправду.

Во-вторых, в ассертивной части толкования смысл 'говорить' не должен находиться в области действия предикатов типа 'способ' (с одним важным исключением, о котором см. ниже), 'цель', 'оценка', 'неоднократность' и ряда других. Здесь мы имеем возможность еще раз убедиться в принципиальном параллелизме между семантической структурой слова, с одной стороны, и семантической (или синтаксической) структурой предложения — с другой. В сущности, семантическая структура перформативного глагола подчиняется тем же запретам, что и семантическая (или синтаксическая) структура высказывания с перформативным глаголом (см. пункты (4) и (6) в разделе 2).

Так, глаголу ПРОГНОЗИРОВАТЬ, в отличие от его квазисинонима ПРЕДСКАЗЫВАТЬ, перформативное употребление противопоказано по той причине, что в нем смысл 'предсказывать' (т. е. в конечном счете 'говорить') находится в области действия предиката 'способ': ПРОГНОЗИРОВАТЬ = 'предсказывать, опираясь на научные данные'. Именно этим запретом мотивируются ограничения на сочетаемость перформативов, упомянутые в пункте (6): нельзя сказать перформативно не только **Я прогнозирую на завтра дождь*, но и **Я вам научно предсказываю, что завтра будет дождь*.

Напомним, однако, что перформативность блокируется не любым предикатом со значением способа (см. пункт (6) в разделе 2).

Разберем еще несколько примеров. Глаголы БОРМОТАТЬ, БУРЧАТЬ, ВОРЧАТЬ, МЯМЛИТЬ, ОРАТЬ, ШЕПТАТЬ и другие обозначения манер речи не употребляются перформативно потому, что смысл 'говорить' в их семантических представлениях тоже находится в области действия предиката 'способ' (правдоподобная гипотеза о том, что и у этих глаголов смысл 'говорить' стоит в пресуппозиции, не поддается проверке).

Глаголы ОБРЫВАТЬ, ОДЕРГИВАТЬ, ОСАЖИВАТЬ, СРЕЗАТЬ в значении 'говорить что-л. в резкой форме с целью поставить на место', часто упоминаемые в литературе о перформативах, не допускают перформативного употребления сразу по двум причинам: во-первых, смысл 'говорить' в их семантических представлениях подчинен предикату со значением 'способ' (ср. 'в резкой форме'); во-вторых, он же подчинен предикату 'цель' (ср. 'с целью').

Аналогичным образом следует объяснить невозможность перформативного употребления глаголов со значением вопроса, о чем мы уже говорили в разделе 1. Возьмем, например, основной русский глагол этого класса — СПРАШИВАТЬ. Легко заметить, что нейтральные, неэмфатические высказывания типа *Я спрашиваю, куда запропастилась моя записная книжка* представляют собой не самый акт вопроса, а пояснительную отсылку к предшествующему акту речи. Полуперформативное употребление для СПРАШИВАТЬ возможно только в «несобственных», публицистических или пропагандистских вопросах типа *И вот я вас спрашиваю, как же мне следовало поступить*, которые не требуют от слушателя ответа, или в повторных эмфатических сообщениях типа *Я[↓] тебя спрашиваю*; ср. *Я вас вторично спрашиваю, Любовь Ивановна: угодно ли вам будет почтить меня своим милостивым ответом* (А. Куприн). Что касается других глаголов с похожим значением — ВЫЯСНЯТЬ, ЗАПРАШИВАТЬ, ИНТЕРЕСОВАТЬСЯ, ОСВЕДОМЛЯТЬСЯ, СПРАВЛЯТЬСЯ и т. п., — то для них невозможно даже такое полуперформативное употребление. Не употребляется перформативно и антоним СПРАШИВАТЬ — глагол ОТВЕЧАТЬ. Неперформативность этих глаголов объясняется тем, что в них смысл 'говорить' находится в области действия предиката 'цель'. СПРАШИВАТЬ, как и другие подобные глаголы, значит, в первом приближении, 'говорить с целью каузировать адресата сообщить говорящему неизвестную ему информацию'.

Зависимость смысла 'говорить' от предиката 'цель' мешает и перформативному употреблению глаголов типа ЖАЛОВАТЬСЯ и СЕТОВАТЬ ('с целью добиться сочувствия или помощи'), ДОКАЗЫВАТЬ ('с целью убедить в своей правоте') и ОБЪЯСНЯТЬ ('с целью каузировать понимание'), ПОДГОВАРИВАТЬ и ПОДБИВАТЬ ('с нехорошей целью'), УБЕЖДАТЬ ('с целью каузировать считать'), КРИТИКОВАТЬ ('с целью каузировать исправиться') и ИСПОВЕДОВАТЬСЯ ('с целью очиститься'), ГРОЗИТЬ и УГРОЖАТЬ ('с целью добиться уступок'; Дж. Остин [1, с. 130] ошибочно считает соответствующий английский глагол THREATEN перформативным).

Глаголы и фраземы БАХВАЛИТЬСЯ, ХВАЛИТЬСЯ и ХВАСТАТЬСЯ, ВЕЩАТЬ, ИЗРЕКАТЬ и ТОЛКОВАТЬ, ВОСХВАЛЯТЬ, ПРЕВОЗНОСИТЬ и СЛАВОСЛОВИТЬ, НЫТЬ и ПЛАКАТЬСЯ, СУЛИТЬ и ОБЕЩАТЬ С ТРИ КОРОБА не употребляются перформативно, потому что в их семантических представлениях смысл 'говорить' находится в области действия (отрицательной) оценки. Их перформативное употребление было бы равносильно акту, который Э. Вендлер [22, с. 135] удачно назвал «иллокутивным самоубийством говорящего». Действительно, если, например, СУЛИТЬ = 'обещать, переоценивая свои возможности выполнить обещание или преувеличивая его ценность', то, говоря *Я сулю тебе золотые горы*, говорящий не только не выполняет действия обещания, но заранее расписывается в собственной несостоятельности.

Глаголы КОНСУЛЬТИРОВАТЬ, НАХВАЛИВАТЬ, ПРЕРЕКАТЬСЯ, РАССКАЗЫВАТЬ, УГОВАРИВАТЬ, УПРАШИВАТЬ не употребляются перформативно, потому что ни при каких обстоятельствах не обозначают однократного акта совета, похвалы, возражения и т. д. Действительно, консультация — это не однократный совет, а серия советов специалиста, инициируемых адресатом и перемежаемых его вопросами. НАХВАЛИВАТЬ значит 'неоднократно и интенсивно хвалить в ходе одного монолога'. Похожие действия обозначаются глаголами ПРЕРЕКАТЬСЯ и УПРАШИВАТЬ. ПРЕРЕКАТЬСЯ = '... неоднократно возражать в ходе одного диалога'. УПРАШИВАТЬ = 'неоднократно возобновлять свою просьбу в ходе одного диалога в ответ на очередной отказ адресата выполнить ее'.

Впрочем, и эти условия не являются достаточными. При обзоре различных иллокутивных классов перформативов мы уже обращали внимание на пары близких по смыслу, а иногда почти синонимичных лексем типа ПРИКАЗЫВАТЬ VS. РАСПОРЯЖАТЬСЯ, ЗАПРЕЩАТЬ VS. ВОЗБРАНЯТЬ, ПРОЩАТЬ VS. ИЗВИНЯТЬ, РАЗРЕШАТЬ VS. ДОПУСКАТЬ и т. д. Оба элемента в каждой из этих пар удовлетворяют всем названным выше условиям: смысл 'говорить' есть, он входит в ассерцию и не находится в области действия предикатов 'способ', 'цель', 'оценка', 'неоднократность'. Тем не менее только первая, но не вторая лексема внутри такой пары может употребляться перформативно (возможно, потому, что именно она является каноническим обозначением соответствующего иллокутивного акта — приказа, запрета, прощения, разрешения).

Мы видим, что, как бы ни уточнялось положение смысла 'говорить' в семантической структуре перформатива, на его основании выделяется более широкий класс лексем, чем собственно перформативы.

В общем случае тезис о связи перформативности со смыслом 'говорить' верен не относительно перформативных глаголов, а относительно перформативных высказываний. Перформативным является любое высказывание, произнесение которого говорящим равносильно однократному выполнению дей-

ствия, обозначенного в этом высказывании группой сказуемого². Семантическое представление каждого такого высказывания действительно содержит смысл 'говорить'.

Итак, автоматически вывести свойство перформативности лексемы из смысла 'говорить' или свести перформативность к этому смыслу не удастся. Другие претенденты на семантическую первооснову перформативности нам неизвестны. Поэтому остается только одна возможность лексикографического описания перформативности.

Каждая лексема (или глагольная фразема), способная к перформативному употреблению, должна быть истолкована в словаре в своей более обычной — дескриптивной — ипостаси. Глаголы ПРОСИТЬ и ТРЕБОВАТЬ, например, будут истолкованы следующим образом: *X просит Y-а, чтобы P(Y) = 'X сообщает Y-у, что X хочет, чтобы Y сделал P; X считает, что Y может сделать P (в порядке доброй воли), и X не считает, что Y должен сделать P'. X требует от Y-а, чтобы P(Y) = 'X сообщает Y-у, что X хочет, чтобы Y сделал P, и X считает, что Y должен сделать P'.*

Отдельно от этого для обозначения способности данной лексемы употребляться перформативно в ее словарную статью (а именно прагматическую зону) вносится признак ПЕРФОРМ(ативности).

Само же свойство перформативности должно быть определено (например, так, как это сделано выше) в общем (условно — грамматическом) компоненте лингвистического описания.

Перейдем ко второй семантической составляющей перформативности — видо-временному значению перформативного высказывания.

3.2. Видо-временное значение перформативного высказывания

Мы уже говорили, что одним из наиболее обычных грамматических условий реализации перформативного высказывания является употребление глагола в форме НЕСОВ, НАСТ; ср. *Прошу вас не забывать о посторонних*. Известно, с другой стороны, что перформативные глаголы в перформативной функции не употребляются в актуально-длительном значении.

Возникает вопрос, какое же другое значение граммем НЕСОВ, НАСТ, отличное от актуально-длительного, — узуальное, потенциальное, настоящее историческое, настоящее предстоящего действия (профетическое) и т. п. — реализуется в перформативном высказывании. Ответ очевиден: ни одно из здесь названных. Фразы типа *Прошу вас не забывать о посторонних* описывают единичную и притом реальную ситуацию, размещенную строго в настоящем.

² Подчеркнем отличие этого определения от того, которое цитируется в разделе 1: в нашем определении исключены всякие указания на вид, время, залог и наклонение глагола, а вместо понятия глагола фигурирует понятие группы сказуемого.

Точно так же обстоит дело и с теми перформативными высказываниями, в которых глагол употреблен в формах СОВ, БУД; НЕСОВ, СОСЛ; СОВ, СОСЛ. Ср. *Попрошу вас не забывать о посторонних, Я бы просил <попросил> вас не забывать о посторонних* (см. о них пункт (11) в разделе 2). Каково бы ни было их видо-временное значение, оно совпадает с видо-временным значением высказывания *Прошу вас не забывать о посторонних*. Время всех четырех высказываний совпадает с временем данной речи, потому что данное перформативное высказывание и есть данная речь.

Это рассуждение дает нам первый компонент для толкования видо-временного значения перформативных высказываний — идею о том, что его время совпадает со временем данной речи.

Теперь надо решить второй вопрос — является ли это время моментом (точкой) или периодом. В литературе нет ни ответа на этот вопрос, ни даже его ясной постановки. В тех работах, где обсуждается темпоральное значение перформативов, преобладают описательные термины, а не аналитические формулировки. Таков, например, термин Д. Стампа «непродолженное настоящее» [16, с. 22]. Но за «непродолженным настоящим» может скрываться все, что угодно, — от узуального до потенциального настоящего, не говоря уже о таких частных значениях, как репортажное настоящее или «настоящее номинации» (в названиях глав художественных произведений, ср. *Горюновы опять встречаются с лесовщиком*; см. о нем [23, с. 73]).

Более интересные соображения на эту тему принадлежат З. Вендлеру, много думавшему о «временной схеме» перформативов. Он был, по-видимому, первым, кто отметил некоторые сходства внешнего поведения глаголов достижения, или моментального действия, и перформативов, в частности неспособность тех и других употребляться в актуально-длительном значении³. Ему же принадлежит и наиболее ясная формулировка временного значения перформативов, отражающая господствующие взгляды на этот вопрос. Он считал, что произнесение перформативного высказывания «имеет место в данный момент» и «в идеале не имеет протяженности во времени» [4, с. 86].

Известно несколько менее ортодоксальных формулировок временного значения перформативов. Одна из них принадлежит Б. Комри. Приведя примеры типичных перформативных высказываний, он комментирует их следующим образом: «Хотя эти ситуации не являются строго моментальными, поскольку для произнесения даже самого короткого предложения требуется определенное время, они могут быть концептуализированы как моментальные. В пользу этого говорит в особенности тот факт, что время, занятое высказыванием, в точности равно времени, занятому соответствующим актом» [24, с. 37]. Как

³ Вопросу о сходстве глаголов моментального действия и перформативов посвящена отдельная работа автора. В ней мы приходим к выводу, что видо-временные значения этих двух групп глаголов, при весьма значительном подобии, обнаруживают и определенные различия. В связи с этим пересматривается тезис З. Вендлера о том, что перформативы — подкласс глаголов моментального действия [4, с. 82; 19, с. 221].

видим, и здесь, несмотря на некоторые оговорки, время перформативного высказывания представляется как момент, т. е. как точка времени.

Мы намерены оспорить эти формулировки и показать, что видо-временное значение перформативов является и точечным, и процессуальным одновременно. Сосредоточимся на процессуальном компоненте этого значения, потому что факт его точечности ни у кого не вызывает сомнений.

Прежде всего сошлемся на «длинные» перформативные формулы типа свидетельской клятвы на Библии, воинской присяги, клятвы Гиппократ и т. п. Они требуют произнесения довольно длинных текстов, причем клятва или присяга не может считаться совершившимся фактом до тех пор, пока я не произнес текст до конца. Произнесение таких формул ни в каком разумном смысле нельзя считать сосредоточенным в одной точке времени.

Тот же элемент растянутости во времени, хотя и в сильно завуалированном виде, мы находим и в самых «коротких» перформативных высказываниях. Что мы сообщаем, когда говорим *Он провозглашает республику?* Что он выполняет в момент речи некое действие. Содержится ли аналогичное сообщение в перформативном высказывании *Я провозглашаю республику?* Безусловно, содержится. В чем же разница между двумя высказываниями? В том, что второе высказывание *р а в н о с и л ь н о* выполнению действия и что, следовательно, действие оказывается выполненным до конца в тот (последний) момент, когда высказывание завершено, когда я поставил точку в конце предложения. Между тем действие, изображенное в первом высказывании, может продолжаться и после того, как мое высказывание закончилось.

К сожалению, наш главный вывод — о процессуальности перформативов — нельзя подтвердить простой апелляцией к непосредственно наблюдаемым фактам, например фактам сочетаемости. Как мы уже говорили, перформативы как раз не сочетаются с обстоятельствами длительности, градуальности и одновременности (см. пункт (4) в разделе 2).

В этих условиях надо искать скорее доказательство от противного.

Допустим, что указание на процессуальность в толкование перформативов не входит. Тогда в нем останется только указание на их точечность, и ничто больше не будет препятствовать сочетанию перформативов с точечными обстоятельствами времени типа **НЕМЕДЛЕННО, СЕЙЧАС ЖЕ, СРАЗУ ЖЕ, ТОТЧАС ЖЕ, ТУТ ЖЕ** и с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за три минуты*. Оба типа обстоятельства легко сочетаются с типичными обозначениями точечных событий — глаголами в форме **СОВ** в их основном значении; ср. *Он немедленно <тут же, сразу же> написал письмо, Он написал письмо за три минуты*. Однако мы знаем (см. пункт (4) в разделе 2), что ни с тем ни с другим типом обстоятельств перформативы как раз не сочетаются. Этому может препятствовать только процессуальный компонент. Действительно, классические обозначения процессов — глаголы в форме **НЕСОВ** в актуально-длительном значении — тоже не сочетаются ни с обстоятельствами точечности, ни с инклюзивными обстоятельствами времени. Ср. невозможность процессуальной интерпретации или даже неправильность предложений

типа *Он немедленно <тут же, сразу же> читает заметку <пишет письмо, открывает окно>*, **Он немедленно работает во дворе; Он пишет письмо за три минуты, *Он работает за три минуты.*

Естественно заключить, что перформативы не сочетаются с обстоятельствами длительности, потому что получается противоречие с их точечным компонентом, а с обстоятельствами точечности — потому что получается противоречие с их длительным компонентом.

Теперь можно перейти к толкованию видо-временного значения перформативного высказывания. Введем следующие обозначения: Р — действие, обозначаемое лексической единицей, способной к перформативному употреблению; Р' — перформативное высказывание; S(P') — положение вещей, порождаемое высказыванием Р' (наличие обещания, просьбы, предупреждения и т. п.).

Тогда видо-временное значение, представленное в перформативном высказывании, — это конъюнкция следующих трех утверждений: '(а) В период Т, совпадающий со временем данной речи, имеет место Р' и (тем самым) Р; (б) в момент t, составляющий последний момент периода Т, имеет место S(P'); (в) ни в какой из моментов, предшествующих t, S(P') не имеет места'.

Это значение — единственное, в котором перформативы обретают свое реальное бытие, — должно пополнить собою номенклатуру видо-временных значений русского глагола.

Литература

1. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford, 1965.
2. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105–167.
3. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974.
4. Vendler Z. *Say What You Think* // *Studies in Thought and Language*/Ed. Cowan J. L. Univ. of Arizona Press, 1970. P. 79–97.
5. Fraser Bruce. *Hedged Performatives* // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: *Speech Acts* / Eds Cole P. and Morgan J. L. N. Y.; San-Francisco; London. 1975. P. 187–210.
6. Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл*. М., 1976.
7. Ross J. R. *Where to Do Things with Words* // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: *Speech Acts* / Eds Cole P. and Morgan J. L. N. Y.; San-Francisco; London, 1975. P. 233–256.
8. Davison Alice. *Indirect Speech Acts and What to Do with Them* // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: *Speech Acts* / Eds Cole P. and Morgan J. L. N. Y.; San-Francisco; London, 1975. P. 143–185.
9. Падучева Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. М., 1985.

10. *Miller J. E.* Static Verbs in Russian // Foundations of Language. Internat. J. of Language and Philosophy. 1970. N 6. P. 466–504.

11. *Арутюнова Н. Д.* Об объекте общей оценки // Вопр. языкознания. 1985. N 3. С. 13–24.

12. *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ единиц русского языка. Синтаксические структуры. Межвузовский сборник. Красноярск, 1984. С. 83–93.

13. *Lyons John.* Semantics. London; N. Y.; Melbourne, 1977. Vol. 2.

14. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

15. *Austin J. L.* Philosophical Papers. N. Y.; London, 1961.

16. *Stampe D. W.* Meaning and Truth in the Theory of Speech Acts // Syntax and Semantics. Vol.3: Speech Acts / Eds Cole P. and Morgan J. L. N. Y.; San-Francisco; London, 1975. P. 1–39.

17. *Коул П.* Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 391–405.

18. *Vendler Z.* Res Cogitans. Ithaca; N. Y.; London. 1972.

19. *Vendler Z.* Telling the Facts // Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language. Minneapolis, 1979. P. 220–232.

20. *Крейдлин Г. Е.* О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с синтаксическими актантами // Семиотика и информатика. 1983. Вып. 21. С. 76–88.

21. *Ross J. R.* On Declarative Sentences // Readings in English Transformational Grammar / Eds Jacobs R. and Rosenbaum P. S. Waltham (Mass.), 1970. P. 222–272.

22. *Vendler Z.* Illocutionary Suicide // Issues in the Philosophy of Language / Eds McKay A. F., Merrill D. D. New Haven; London, 1976. P. 135–146.

23. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.

24. *Comrie Bernard.* Tense. Cambridge; London, etc. 1985.

ГЛАГОЛЫ МОМЕНТАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ПЕРФОРМАТИВЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Типичный глагол моментального действия — НАХОДИТЬ (*Он нашел в тылу медный грошик*). Типичный перформатив — ОБЕЩАТЬ (*Обещаю быть вовремя*). На первый взгляд, ничего общего между этими двумя классами глаголов нет. Тем не менее идея их сближения отнюдь не так экстравагантна, как может показаться. Она возникла не из априорных теоретических соображений, а явилась результатом попытки ответить на два практических вопроса из области описательной лексикографии и грамматики: 1) в каком представляющем, лексикографически исходном видо-временном значении следует толковать в словаре глаголы моментального действия?; 2) каково видо-временное значение глагола, реализующееся в перформативном высказывании? Ответ на эти вопросы и должен продемонстрировать глубинное сходство глаголов моментального действия с перформативами.

1. Существующие формулировки свойства моментальности и основные группы моментальных глаголов

В давней, но полностью сохранившей свое значение и далеко еще не исчерпанной работе Ю. С. Маслова¹ были выделены, в частности, следующие два класса глаголов: а) ВЫЗУБРИВАТЬ, ЗАГОВАРИВАТЬ (=‘начинать говорить’), ИЗНАШИВАТЬ, НАХОДИТЬ, ПРИВОДИТЬ, ПРИВОЗИТЬ, ПРИЕЗЖАТЬ, ПРИНОСИТЬ, ПРИХОДИТЬ и т. п.; б) ВЗДРАГИВАТЬ, КАЧАТЬ, КОЛОТЬ МАХАТЬ, СТУКАТЬ, ТОЛКАТЬ, ТОПАТЬ, УДАРЯТЬ и т. п. Глаголы обоих классов — и в этом состоит их замечательное общее

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование", М., 1988.

¹ Маслов Ю. С. Вид и лексические значения глагола // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1948. Т. VII. Вып. 4. С. 303–316.

свойство — в своих основных (не переносных) значениях "не способны выражать отдельное действие в процессе его осуществления"², т. е. не могут иметь конкретно-процессного значения. Нельзя сказать **Смотри, вот он вызубривает урок <находит в пыли медный грошик>*, **Я вызвал его по телефону, и он уже <постепенно> приходит ко мне*.

Неспособность этих глаголов "подаваться процессуализации" Ю. С. Маслов связывает отчасти с лексической, отчасти с грамматической (видовой) семантикой. В первом классе глаголов (НАХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ и т. д.) этому препятствует то, что формы совершенного вида обозначают "факт скачкообразного, "точечного" перехода к новому качеству"³. Во втором классе глаголов (КАЧАТЬ, ТОЛКАТЬ и т. д.) этому препятствует то, что формы совершенного вида обозначают "действие, выполняемое одним движением, в один, не разложимый на составные части прием" (там же).

Позднее аналогичные глаголы были обнаружены и в безвидовых языках. Через 9 лет после работы Ю. С. Маслова З. Вендлер опубликовал первый вариант своей известной классификации английских глаголов. В ней он, независимо от Ю. С. Маслова, выделил глаголы типа ARRIVE 'приезжать', FIND 'находить', FORGET 'забывать', REACH 'достигать', REMEMBER 'вспоминать', WIN 'побеждать', и т. п. в особый класс, который он назвал "достижениями"⁴.

Основанием для этого послужила целая серия признаков, главным образом сочетаемостных, в числе которых фигурируют и некоторые признаки, указанные Ю. С. Масловым: 1) Отсутствие форм прогрессива, или, в переводе на русский материал, актуально-длительного (конкретно-процессного) значения (см. примеры выше). Этим достижения отличаются от исполнений (предельных действий и процессов; ср. ВЫХОДИТЬ, РЕШАТЬ) и деятельности (непредельных действий и процессов; ср. ИДТИ, РАБОТАТЬ), но сходствуют со стативами (названиями состояний; ср. ВИДЕТЬ, ЗНАТЬ, СЛЫШАТЬ, СЧИТАТЬ). 2) Несочетаемость с обстоятельствами длительности, или, другими словами, отсутствие процессного значения; ср. **Он долго находит в пыли монетку <приходит ко мне, побеждает своего соперника>*. Этим достижения отличаются от стативных глаголов, у которых процессное значение есть⁵.

З. Вендлер объясняет обнаруженные им свойства достижений тем, что они "происходят в какой-то один момент" (с. 103), "не обозначают процессов, протекающих во времени" (с. 102), вообще "не являются действиями" (с. 106).

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 315.

⁴ Vendler Z. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. Ithaca; N. Y., 1967. P. 102.

⁵ Другие указанные З. Вендлером признаки достижений (например, несочетаемость с Accusativus cum infinitivo) представляют более специальный интерес, так как касаются только английского языка.

Изучение открытого Ю. С. Масловым, а затем З. Вендлером класса моментальных глаголов позволяет предположить, что свойство моментальности во всех случаях имеет единую семантическую основу. Можно ли однако, считать, что в приведенных выше формулировках эксплицируется единое семантическое понятие моментальности?

Как было только что сказано, в работе Ю. С. Маслова даются две разные формулировки рассматриваемого свойства. Первая касается глаголов типа ПРИХОДИТЬ (скачкообразные, точечные действия), а вторая — глаголов типа КАЧАТЬ (действия, выполняемые в один, не разложимый на составные части прием). Но если верно наше предположение о том, что у этих двух рядов глаголов есть общее семантическое свойство моментальности, оно должно явным образом предстать как таковое в их толкованиях. С другой стороны, Ю. С. Маслов формулирует интересующее нас свойство только применительно к форме СОВ. Однако в этой форме не только глаголы моментального действия, но и многие другие глаголы обозначают факт "точечного" перехода к новому качеству; ср., например, ПОДГЛЯДЫВАТЬ — ПОДГЛЯДЕТЬ, ПОДСЛУШИВАТЬ — ПОДСЛУШАТЬ, ВИДЕТЬ — УВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ — УСЛЫШАТЬ и т. п. Между тем интерес представляет прежде всего то, как моментальность проявляет себя в форме НЕСОВ.

Что касается работы З. Вендлера, то в ней вместо семантической экспликации предлагается ряд синонимических перифразировок понятия моментальности: "не действие", "не имеет протяженности во времени", "происходит в какой-то один момент". Хотя, как всякие наборы перифраз, они представляют известную ценность, потому что позволяют взглянуть на явление с разных точек зрения, ни одна из них не приближает нас к пониманию семантических факторов, составляющих специфику глаголов моментального действия.

Классификациям и наблюдениям Ю. С. Маслова и З. Вендлера было посвящено впоследствии немало интересных работ⁶. Тем не менее приведенные выше формулировки повторялись в большинстве из них без существенных изменений. Лишь в самое последнее время были высказаны новые соображе-

⁶ См., например: *Osgood Ch. E. Where Do Sentences Come from? // Semantics. An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics, and Psychology. Cambridge, 1974. P. 497—529*; см. также: *Dowty D. Towards a Semantic Analysis of Verb Aspect and the English Imperfective Progressive // Linguistics in Philosophy. 1977. N 1. P. 45—77*; *Lyons John. Semantics. London, etc., 1977. Vol. 2*; *Мелиз Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зено Вендлера) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 227—249*; *Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85*; *Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86—157*; *Падучева Е. В. Семантические типы предикатов и значение всегда // Семиотика и информатика. 1985. Вып. 24. С. 96—116.*

ния о семантической первооснове моментальности. Все они в той или иной мере связаны с отказом от первоначального представления о "точечности" моментальных глаголов. В общем виде эта мысль представляется нам плодотворной, однако ее конкретные реализации вызывают возражения.

Так, Г. Кучера предлагает считать, что глаголы достижения обозначают деятельность, продолжительность которой "чрезвычайно ограничена", "минимальна"⁷. Если бы дело действительно обстояло так, моментальные глаголы должны были бы сочетаться с обстоятельствами длительности, обозначающими физически очень небольшие отрезки времени. Это, однако, не так. Нельзя сказать не только **Он приходил ко мне три часа*, но и **Он приходил ко мне секунду*.

В работе Г. Кучеры дается еще одно описание моментальных глаголов: они употребляются для обозначения процесса "только если цель или конечная точка уже близка" (с. 123). Нельзя сказать **Альпинист достигает вершины*, если он находится у подножия горы. Между тем *Он пишет книгу* можно сказать и в ситуации, когда он написал всего одну страницу.

Наблюдение, что моментальные глаголы служат для фиксации внимания на конечной точке процесса, верно для большинства, но не для всех моментальных глаголов. Ср. приведенный Ю. С. Масловым глагол ЗАГОВАРИВАТЬ, фиксирующий внимание на начальной точке действия. С другой стороны, имеются моментальные глаголы, к которым описание Г. Кучеры вообще неприменимо. Таковы глаголы ОПАЗДЫВАТЬ (*на два часа*), УДАВАТЬСЯ, а также ЗАПРЕЩАТЬ, НАЗНАЧАТЬ, РАЗРЕШАТЬ и некоторые другие перформативы.

В ряде работ в число "достижений" включаются глаголы типа НАИГРАТЬСЯ (*за два часа*), ПОЧИТАТЬ (*некоторое время*), ПРОИГРАТЬ (*весь сезон*), ПЕРЕНОЧЕВАТЬ 'провести ночь где-л.'⁸. В некоторых других работах в число достижений включаются глаголы типа КОНЧАТЬ, УМИРАТЬ⁹. С учетом этих и других подобных глаголов предлагается "уточнить вендлеровское определение достижений и допустить, что они не обязательно являются мгновенными"¹⁰. А. Тимберлейк формулирует эту идею осторожнее: "Отличительной чертой этих предикатов является не длительность, а тот факт, что для

⁷ *Kučera H.* Aspect in Negative Imperatives // The Scope of Slavic Aspect. Columbus, Ohio, 1985. P. 118–128.

⁸ *Timberlake Alan.* Reichenbach and Russian Aspect // Ibid. P. 153–168; *Flier Michael S.* The Scope of Prefixal Delimitation in Russian // Ibid. P. 41–58; *Russel Pamela.* Aspectual Properties of the Russian Verbal Prefix *na-* // Ibid. P. 59–75.

⁹ *Vlach Frank.* The Semantics of the Progressive // Syntax and Semantics. Vol. 14. Tense and Aspect. N. Y. etc., 1981. P. 272–292; *Mourelatos Alexander P. D.* Events, Processes, and States // Ibid. P. 191–212; *Tedesci Philip J.* Some Evidence for a Branching-Futures Semantic Model // Ibid. P. 239–269.

¹⁰ *Russel Pamela.* Op. cit. P. 72.

них время события [которое А. Тимберлейк считает интервалом. — Ю. А.] не может быть подразделено на субинтервалы" (с. 158).

Изложенная точка зрения тоже неубедительна. Во-первых, как бы мало ни длился процесс, если он не мгновенен, он должен допускать уточнение времени своего протекания с помощью таких обстоятельств, как *две секунды, недолго* и т. п. Однако глаголы НАИГРАТЬСЯ, ПЕРЕНОЧЕВАТЬ таких модификаций не допускают. Во-вторых, время, которое не делится на "субинтервалы", — это точка. Преодолеть этот факт можно лишь терминологически, но не по существу. В-третьих, изложенную точку зрения нельзя считать развитием концепции З. Вендлера. Она формулируется на совершенно другом материале (ср. в особенности способы действия на ПО- и ПРО-, глагол УМИРАТЬ), не удовлетворяющем тем признакам достижений, которые З. Вендлер считал конституирующими для них. Таким образом, понятие моментальности не уточняется, а полностью разрушается.

Очевидно, что прогресс в изучении моментальных глаголов немислим без существенного расширения исходного фактического материала. Однако расширять материал надо без нарушения той первоначальной языковой и лингвистической интуиции, которая нашла отражение в операционных критериях моментальности Ю. С. Маслова и З. Вендлера. Этим критериям в той или иной степени отвечают следующие группы глаголов (перечень заведомо неполон, но представителен).

(1) Глаголы перемещения со значением прибытия в конечную точку, в том числе:

— Большинство глаголов с приставкой ПРИ-; ср. ПРИБЕГАТЬ, ПРИВОДИТЬ, ПРИВОЗИТЬ, ПРИВОЛАКИВАТЬ(СЯ), ПРИГОНЯТЬ, ПРИЕЗЖАТЬ, ПРИЛЕТАТЬ, ПРИНОСИТЬ, ПРИНОСИТЬСЯ, ПРИПЛЕТАТЬСЯ, ПРИПЛЫВАТЬ, ПРИПОЛЗАТЬ, ПРИСЫЛАТЬ, ПРИХОДИТЬ (но не ПРИБЛИЖАТЬСЯ);

— Некоторые глаголы с приставкой ДО-; ср. ДОБЕГАТЬ, ДОВОДИТЬ, ДОВОЗИТЬ, ДОЕЗЖАТЬ, ДОЛЕТАТЬ, ДОНОСИТЬ, ДОСТАВЛЯТЬ, ДОСТИГАТЬ, ДОХОДИТЬ, но не ДОБИРАТЬСЯ (ср. *Он три часа доходил до города — Он три часа добирался до города);

— Некоторые глаголы с основой -СЛАТЬ-; ср. ВЫСЫЛАТЬ (*деньги на поездку*), ЗАСЫЛАТЬ (*шпиона*), ОТСЫЛАТЬ (*кого-л. обратно*), ПЕРЕСЫЛАТЬ (*чью-л. записку*), ПОСЫЛАТЬ (*кого-л. за хлебом*);

— Некоторые глаголы с основой -ЯВЛЯТЬ; ср. ЯВЛЯТЬСЯ, ЗАЯВЛЯТЬСЯ, ОБЪЯВЛЯТЬСЯ.

(2) Некоторые глаголы физического, физиологического, социального, интеллектуального, волевого приобретения и утраты; ср. ВСПОМИНАТЬ — ЗАБЫВАТЬ (*что назначил свидание*), НАХОДИТЬ — ТЕРЯТЬ (*книгу*), ПРИОБРЕТАТЬ — ЛИШАТЬСЯ (*права*), а также "непарные" глаголы ЗАКЛЮЧАТЬ (*что ждать осталось недолго*), ОБНАРУЖИВАТЬ (*пропавшую вещь*), ОТКРЫВАТЬ (*закон природы*), ПОДХВАТЫВАТЬ (*простуду*), ПО-

ЛУЧАТЬ (*по заслугам*), ПОНИМАТЬ, СХВАТЫВАТЬ (*насморк*), ТРАТИТЬ (*рубли на что-л.*), УСТУПАТЬ (*кому-л. первое место*).

(3) Глаголы со значением успеха или неудачи; ср. ПОБЕЖДАТЬ — ТЕРПЕТЬ ПОРАЖЕНИЕ (*в этой партии*), ВЫИГРЫВАТЬ — ПРОИГРЫВАТЬ (*фигуру*), УСПЕВАТЬ — ОПАЗДЫВАТЬ (*на мгновение*), а также "непарные" глаголы ДОСТИГАТЬ (*своих целей*), УДАВАТЬСЯ (*открыть дверь*).

(4) Некоторые модальные глаголы; ср. ВЕЛЕТЬ, ВЫНУЖДАТЬ, ДОПУСКАТЬ, ЗАПРЕЩАТЬ, ОБЯЗЫВАТЬ, ПРИНУЖДАТЬ, ПУСКАТЬ (*кого-л. гулять*), РАЗРЕШАТЬ.

(5) Событийные глаголы ВЫХОДИТЬ (*Вышло так, что мы с ним разминулись*), ОКАЗЫВАТЬСЯ (*Все оказалось проще, чем мы думали*), ПОЛУЧАТЬСЯ (*Получается, что ты прав*), ПРОИСТЕКАТЬ (*Пожар произошел из-за неосторожного обращения с огнем*), СЛУЧАТЬСЯ. Интересно, что основной русский событийный глагол ПРОИСХОДИТЬ не является моментальным; ср. *Что здесь происходит?*

(6) Некоторые глаголы обнаружения кого-л. в каком-л. состоянии или положении; ср. ЗАСТАВАТЬ (*кого-л. за чтением газеты*), ЗАСТИГАТЬ (*кого-л. врасплох*), ЛОВИТЬ (*кого-л. с поличным*), НАКРЫВАТЬ (*кого-л. на месте преступления*).

(7) Некоторые глаголы со значением нарушения/соблюдения социального установления, моральной нормы и т. п.; ср. ИЗМЕНЯТЬ (*Родине*), НАРУШАТЬ (*правило*), ОБХОДИТЬ (*закон*), ПРЕДАВАТЬ (*товарища*), ПРЕСТУПАТЬ (*закон*), РАЗГЛАШАТЬ (*тайну*), СЛЕДОВАТЬ (*совету*), СОВЕРШАТЬ (*грех*), ПОДВОДИТЬ (*кого-л.*).

(8) Некоторые глаголы со значением перехода в новое состояние/положение или каузации нового состояния/положения; ср. БРОСАТЬ, ВСПУГИВАТЬ, ВСПЫХИВАТЬ, ВЫБИВАТЬ (*из рук чашку*), ВЫБРАСЫВАТЬ, ЖЕНИТЬСЯ, ЗАДЕРЖИВАТЬ (*преступника*), ИСКЛЮЧАТЬ (*кого-л. из списков*), ЛОМАТЬ (*случайно карандаш*), НАЗНАЧАТЬ, ОЗАРЯТЬ (*о мысли*), ОКАЗЫВАТЬСЯ (*в совершенно другом месте*), ОПОМИНАТЬСЯ (*после этих слов*), ПОПАДАТЬ (*в руки*), ПУСКАТЬ (*лошадей вскачь*), РАЗБИВАТЬ (*случайно витрину*), РАЗРЫВАТЬ (*сухожилие*), РОНЯТЬ (*платок*), СБИВАТЬ (*с ног*), СБРАСЫВАТЬ (*чемодан*), СВАЛИВАТЬСЯ (*с верхней полки*).

(9) Разнообразные глаголы со значением установления (или — реже — утраты) физического, перцептивного, интеллектуального или эмоционального контакта; ср. ВСТРЕЧАТЬ (*кого-л. случайно*), ВСТУПАТЬСЯ (*за кого-л.*), ВЫДЕРГИВАТЬ (*руку*), ДОТРАГИВАТЬСЯ, ЗАМЕЧАТЬ, КАСАТЬСЯ (динамическое; ср. *быстро касаться ее волос в противоположность стативному Спинка дивана касается стены*), КЛЕВАТЬ (но не ЖАЛИТЬ, КУСАТЬ), НАВЕЩАТЬ (а также ЗАГЛЯДЫВАТЬ и ЗАХОДИТЬ в похожем значении), НАПАДАТЬ, ОСТАВЛЯТЬ (*ребенка у друзей*), ОТКЛИКАТЬСЯ, ОТПУСКАТЬ (*кого-л.*), ПОКИДАТЬ (*родимый дом*), ПОПАДАТЬ (*в цель*), ПОРЫВАТЬ (*с кем-л.*), ПОСЕЩАТЬ, ПОСКАЛЬЗЫВАТЬСЯ, ПРЕРЫВАТЬ

(разговор), ПРИВЛЕКАТЬ (*ее голову к себе на грудь*), ПРИМЫКАТЬ (динамичное), ПРИНИМАТЬ (*хлеб-соль из чьих-л. рук*), ПРИСЛОНЯТЬСЯ (динамичное), ПРИТРАГИВАТЬСЯ, ПРОМАХИВАТЬСЯ, ПРЫГАТЬ (*в высоту*), РАЗЛУЧАТЬ (*влюбленных*), РАЗРЫВАТЬ (*отношения*), СТРЕЛЯТЬ, СТУКАТЬ, СХВАТЫВАТЬ (*кусок колбасы*), ТОЛКАТЬ, ТОПАТЬ, ТРОГАТЬ, УДАРЯТЬ, ХВАТАТЬ (*книгу с полки*).

(10) Глаголы со значением квантованного действия в той своей ипостаси, когда они обозначают один квант действия; ср. ВЗДРАГИВАТЬ, ВИЛЯТЬ (*хвостом*), КАЧАТЬ, МАХАТЬ, МИГАТЬ, МОРГАТЬ, СОДРОГАТЬСЯ, СОТРЕЯСАТЬСЯ, ТОЛКАТЬ, ШЕВЕЛИТЬ, но, по-видимому, не ВИБРИРОВАТЬ, ДРОЖАТЬ, КОЛЕБАТЬСЯ, ОСЦИЛЛИРОВАТЬ, ТРЕПЕТАТЬ, ТРЯСТИ(СЬ), квант которых слишком мал, чтобы быть выделимым. Речь идет, конечно, не о физической величине амплитуды, а только о языковой концептуализации величины. По-видимому, физически амплитуда в случае ВЗДРАГИВАТЬ меньше, чем в случае ТРЯСТИ(СЬ), однако в первом случае выделим один квант действия (*Он вздрагивает и оборачивается*), а во втором — нет¹¹.

В перечень (1)–(10) вошли не все группы глаголов, несовместимых с процессным или актуально-длительным значениями; ср. глаголы многократного способа действия, моторно-кратные глаголы во фразах типа *Ты уже ходил за хлебом?*, уже упоминавшиеся стативные глаголы и ряд других¹². В этих случаях несовместимость с актуально-длительным и процессным значениями объясняется другими, притом каждый раз новыми причинами. Между тем несочетаемость с этими значениями у десяти перечисленных выше групп глаголов, при всем их внешнем разнообразии, всегда коренится в одном и том же семантическом свойстве.

2. Языковые проявления моментальности

Ниже дается сводка важнейших проявлений моментальности, указанных в литературе или обнаруженных нами, независимо от того, упоминались они в разделе 1 или нет.

¹¹ Любопытно, что наличие форм СОВ на *-нуть* не является критерием выделимости одного кванта действия. Ср. пару ТРЯСТИ — ТРЯХНУТЬ (*ковер*), где только форма СОВ обозначает один квант действия, а форма НЕСОВ — несколько, и пару ВЫТРЯХИВАТЬ — ВЫТРЯХНУТЬ (*ковер*), где даже форма СОВ соответствует нескольким или многим квантам действия.

¹² О разных группах таких глаголов см.: Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. VII. Вып. 4. С. 303–316; Vendler Z. Op. cit.; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971; Апресян Ю. Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений // Восприятие языкового значения: Межвузовский сборник. Калининград, 1980. С. 27–49; Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982; Булыгина Т. В. Указ соч.

Языковые (морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические) проявления моментальности важны с двух точек зрения. Во-первых, они подлежат учету в различных видах правил полного лингвистического описания русского языка. Во-вторых, они дают ключ к пониманию специфики глаголов моментального действия. В сущности, все они вытекают из отмеченного еще Ю. С. Масловым центрального свойства — неспособности употребляться в актуально-длительном значении, или, что то же самое, обозначать действие в процессе его протекания.

1) Все глаголы моментального действия имеют парные формы СОВ. У некоторых из них вообще нет форм НЕСОВ, хотя семантически и морфологически они вполне возможны; ср. ОЧНУТЬСЯ (Ю. С. Маслов указывает для него парный "супплетивный глагол" ПРИХОДИТЬ В ЧУВСТВО¹³), ПРИЮТИТЬ(СЯ). Это, конечно, не случайно. Для глаголов моментального действия вообще характерно (и более частотно) употребление в форме СОВ, так как двух основных значений грамлеммы НЕСОВ у них нет.

2) Глаголы моментального действия не образуют инцептивных, делимитативных, пердуративных, финитивных и завершительных "способов действия"¹⁴, т. е. производных типа ЗАРАБОТАТЬ (*Мотор заработал*), ПОРАБОТАТЬ (*Мотор поработал две минуты и заглох*), ПРОРАБОТАТЬ (*Мотор проработал два года*), ОТРАБОТАТЬ (*Мотор свое отработал*), ДОРАБОТАТЬ (*Мотор едва доработал до вечера*). Для моментальных глаголов такие производные невозможны, потому что в обозначаемых ими ситуациях начало, середина и конец не выделяемы. Ср. ЗАБИТЬ (*Фонтан забил*), но не *ЗАУДАРИТЬ, ПОИСКАТЬ (*книгу две минуты*), но не *ПОНАХОДИТЬ, ПРОИСКАТЬ (*книгу два часа*), но не *ПРОНАХОДИТЬ, ОТГОВОРИТЬ (*Отговорила роца золотая*), но не *ОТВЕЛЕТЬ, ДОИСКАТЬСЯ, но не *ДОНАХОДИТЬ.

3) Не употребляясь в процессном и актуально-длительном значениях НЕСОВ, глаголы моментального действия не могут, естественно, сочетаться с обстоятельствами длительности типа ВСЁ (*Люди всё шли*), ВСЁ ЕЩЕ, ДОЛГО, ЕЩЕ (*Люди еще шли*), НЕДОЛГО, ЦЕЛЫЙ ЧАС и т. п.; обстоятельствами градуальности типа МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО; и союзами со значением одновременности типа КОГДА, ПОКА. Ср. невозможность *Ласточка все еще прилетала к гнезду (об одном акте полета), *Он замешкался, пока <когда> находил в пыли медный грошик. Впрочем, последнее свойство нуждается в более точной формулировке; см. об этом ниже.

¹³ Маслов Ю. С. Указ. соч. С. 307

¹⁴ Невозможность завершительного способа действия для моментальных глаголов отмечена Г. Кучера: *Kučera Henry*. Op. cit. P. 124; невозможность делимитативного и пердуративного: *Мелиг Х. Р.* Указ. соч.

4) Глаголы моментального действия не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени, т. е. оборотами типа *за <в> три минуты, за <в> год*; ср. **Он приходит ко мне за пять минут*¹⁵.

Это наблюдение много раз оспаривалось ввиду очевидной правильности фраз *Он достигает вершины за три часа, Собака находит спрятанную вещь за пять минут*. Однако по поводу таких фраз З. Вендлер справедливо заметил, что они вводят в заблуждение относительно своей истинной природы. Говоря *Он достигает вершины за три часа*, мы в действительности имеем в виду не то, что три часа ушло на достижение вершины, а то, что столько времени потребовалось на подъем к ней. Между тем, говоря *Он пишет рассказ за три часа*, мы имеем в виду, что все три часа заполнены именно писанием рассказа¹⁶.

5) По причине, указанной в пункте 2), глаголы моментального действия не сочетаются ни с какими фазовыми глаголами в роли их синтаксических зависимых (а не только с финитивными глаголами, как считает Г. Кучера¹⁷). Ср. невозможность **Чемпион мира начал <продолжал, перестал> побеждать во второй партии*.

6) Глаголы моментального действия имеют не все видовые значения грам-
мемы НЕСОВ.

Во-первых, как уже было сказано выше, у моментальных глаголов нет процессного и актуально-длительного значений.

Во-вторых, у большинства моментальных глаголов нет потенциального значения; ср. **Мальчик хорошо приходит к обеду <плохо застаёт знакомых дома, легко случайно ломает карандаш>* в противоположность *Мальчик хорошо читает <плохо считает, легко ломает подковы>*. Исключения единичны; ср. *Он легко понимает абстрактные утверждения, Он легко подхватывает простуду*. Даже в этих случаях реализуется скорее значение свойства, чем собственно потенциальное значение. Это и понятно. Потенциальное значение характерно для глаголов, обозначающих относительно сложные физические или интеллектуальные виды деятельности, овладение которыми требует тренировки или обучения, а выполнение — времени. Ясно, что моментальные глаголы не таковы.

Наиболее типичны для моментальных глаголов четыре значения: узуальное, или значение повторяемости¹⁸ (*Он находит свои книги в самых неожиданных местах*), настоящее историческое¹⁹ (*Приходит он ко мне однажды и говорит*), общефактическое резуль-
тативное (*Никто не находил мою сезонку?*) и общефактическое двунаправленное (*Ко мне никто не приходил?*).

¹⁵ Vendler Z. Op. cit. P. 104.

¹⁶ Vendler Z. Op. cit. P. 104.

¹⁷ Kučera Henry. Op. cit. P. 124.

¹⁸ Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.

¹⁹ Vendler Z. Op. cit. P. 103.

При этом не только в общефактических, но и в узуальном и настоящем историческом моментальные глаголы результативны. Иными словами, они обозначают факт скачкообразного, "точечного" перехода к новому качеству не только в формах совершенного, но и в формах несовершенного вида. Предложения типа *Именно благодаря этому важному тесному белым удается овладеть инициативой* почти синонимичны предложениям с совершенным видом глагола в прошедшем времени: ... *белым удалось овладеть инициативой*. Это свойство столь же резко отличает их от большинства других глаголов, как и способность употребляться в актуально-длительном.

Глаголы других классов в узуальном и настоящем историческом обозначают действие и в протекании, и в результате. Ср., например, два варианта осмысления БУДИТЬ в прошедшем узуальном: *Летом я по полчаса будил детей, но разбудить их не мог* (процесс) — *Утром я будил детей и уходил на работу* (результат)²⁰.

7) Поскольку глаголы моментального действия всегда результативны, сочинительные цепочки с такими глаголами обозначают, как правило, последовательные, а не одновременные действия; ср. *Он приезжает к знакомому и находит у него на столе свою книгу* (два последовательных события) и *Вот моя птица, когда-то веселая: | Обруч качает, поет на окне* (А. Блок; два одновременных действия).

8) Имеется неслучайная корреляция между семантическим свойством моментальности и признаком неконтролируемости действия. Эта корреляция особенно заметна у глаголов, имеющих два класса употреблений или значений — "намеренные" и "ненамеренные". Таковы глаголы ВСПОМИНАТЬ и УЗНАВАТЬ из группы (2), ЛОМАТЬ, РАЗБИВАТЬ и РАЗРЫВАТЬ из группы (6), ВСТРЕЧАТЬ из группы (9) и некоторые другие (но не НАХОДИТЬ, который в обоих значениях является моментальным). Перечисленные глаголы обладают свойством моментальности только в "ненамеренном" употреблении. Ср. неправильность **Я мучительно вспоминал, что завтра у жены день рождения; *Он долго узнавал от меня новость; *Смотри, он случайно разбивает окно <ломает карандаш, разрывает рубаху>; *Вчера в пять часов вечера он все еще встречал случайно своего знакомого*. В "намеренном" употреблении (или значении) все пять глаголов становятся обозначениями предельных действий и свободно используются в процессном и актуально-длительном значениях. Ср. *Я мучительно вспоминал, когда у жены день рождения; Он долго узнавал у меня дорогу к рынку; Смотри, хулиганы разбивают витрину <ломают киоск, разрывают флаг>; Вчера в пять часов вечера мы все еще встречали в аэропорту университетскую делегацию*.

²⁰ Подробнее об этом см.: Бондарко А. В. Указ. соч.; Гловинская М. Я. О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках: Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя славянских языков. МКС. М., 1983. С. 53—59.

Заметим дополнительно, что в ВСПОМИНАТЬ ненамеренное (моментальное) значение коррелирует с контекстом союза ЧТО, а намеренное — с контекстом косвенного вопроса, вводимого безударным вопросительным словом (см. примеры выше). У глагола УЗНАВАТЬ ненамеренное значение коррелирует с контекстом предлога ОТ, а намеренное — с контекстом предлога У²¹.

Указанное свойство не следует абсолютизировать. В частности, нельзя согласиться с тем, что достижения не обозначают произвольных или непроизвольных действий и поэтому не сочетаются с наречиями типа НАМЕРЕННО²²; что они обозначают неконтролируемые или слабо контролируемые действия²³; что они не сочетаются с деонтическим (обязывающим) ДОЛЖЕН^{24,25}. Все эти утверждения неверны относительно некоторых канонических классов моментальных глаголов, в частности глаголов "прибытия" (ПРИЕХАТЬ, ПРИЙТИ, ПРИВЕЗТИ, ПРИВЕСТИ и т. п.) и таких модальных глаголов, как РАЗРЕШАТЬ, ЗАПРЕЩАТЬ и т. п. Ср. *Он намеренно пришел сюда, Вы должны найти книгу <прийти, разрешить ему присутствовать>*.

9) В лексическом значении многих моментальных глаголов представлена идея контакта; ср. группы (1), (2), (6) и в особенности (8) и (9).

Обзор основных морфологических, деривационных, синтаксических и семантических проявлений моментальности показывает общее тяготение моментальных глаголов к значению результативности. Этот факт должен быть в полной мере учтен при их толковании.

Очевидно, что не все перечисленные проявления в равной мере характерны для всех моментальных глаголов. Имеются более и менее канонические представители данной категории, как есть, скажем, более и менее типичные представители красного цвета. Как и любой другой языковой объект, будь то основа слова, модель управления лексемы, синтаксическая конструкция, лексическое или грамматическое значение и т. п., моментальность имеет свой центр и свою периферию, и при переходе от центра к периферии — от группы (1) к группе (10) — число проявлений моментальности может сокращаться. Более того, моментальность одного и того же слова и даже одной и той же лексемы может быть большей или меньшей в зависимости от синтаксической конструкции, типа субъекта и объекта (здесь особенно важно противопоставление предмета и массы), их количества и ряда других факторов. Глагол ВЫИГРЫВАТЬ, например, более моментален в *выигрывать фигуру*, чем в *выигрывать партию*. *Нарушитель пересекает границу* описывает моментальное

²¹ Подробнее об УЗНАВАТЬ см.: Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka*. Wrocław, 1978. S. 129—151.

²² Vendler Z. *Op. cit.* P. 106.

²³ Kucera Henry. *Op. cit.* P. 124.

²⁴ Tedesci Philip J. *Op. cit.* P. 259.

²⁵ Несочетаемость с деонтическим ДОЛЖЕН объясняется не моментальностью, а неконтролируемостью действия.

событие, а *Полк <поезд> пересекает границу* — нет²⁶. Такие примеры легко умножить.

Если под центральной точкой свойства моментальности понимать такой глагол, который во всех случаях употребления имеет абсолютно все перечисленные выше проявления, на положение в центре смогут претендовать разве что некоторые глаголы на ПРИ-. С другой стороны, по поводу многих глаголов, находящихся на периферии моментальности (ср., например, группы (8)–(10)), могут возникнуть сомнения, действительно ли они обладают этим свойством. В связи с этим может оказаться необходимым оперировать не одним свойством моментальности, а набором свойств, каждое из которых охватывает определенный подкласс проявлений моментальности или определенные группы (подгруппы) моментальных глаголов. Оставляя пока этот вопрос открытым, рассмотрим те факты, которые вынуждают нас в принципе ставить его. Большинство таких фактов представляют собой кажущиеся контрпримеры к утверждению, что моментальные глаголы не имеют конкретно-процессного или актуально-длительного значения.

Будем называть псевдопроцессуальным такое употребление моментального глагола, в котором он обозначает действие, протекающее как бы одновременно с актом речи. По-видимому, есть всего два класса таких употреблений. В первом из них моментальный глагол в форме НАСТ, НЕСОВ имеет перфективное значение, во втором — значение близкого будущего, в наступлении которого говорящий уверен.

К первому классу относятся следующие три группы значений или употреблений.

а) Настоящее репортажное; ср. *Сюда с левого края приходит с мячом Блохин, обводит защитника и сильно бьет по воротам. Гол!* Очевидно, что здесь моментальный глагол ПРИХОДИТЬ имеет не актуально-длительное, а перфективное значение. *Блохин приходит сюда* не значит, что в момент наблюдения Блохин приближается к какой-то точке поля. Оно значит, что Блохин уже достиг ее, т. е. что действие осуществилось до момента речи. От подлинного перфективного значения (*Гости уже пришли, а у нас стол не накрыт*) оно отличается следующей модальной рамкой: 'говорящий хочет, чтобы слушающий представил себе действие как разворачивающееся перед его глазами в момент речи'. Эта модальная рамка характерна для всего репортажного настоящего. Действительно, в репортажном настоящем говорящий делает попытку донести до слушающего свои непосредственные впечатления от картины, свидетелем которой он является в момент речи.

б) Употребление, близкое к "настоящему эмоциональной актуализации"²⁷, но все-таки не совпадающее с ним. Ср. *Вы приходите ко мне за советом, хотя мы едва знакомы '...уже пришли'; Я застаю вас за подслушиванием <застигаю*

²⁶ Vendler Z. Op. cit. P. 104.

²⁷ О последнем см.: Бондарко А. В. Указ. соч. С. 150–153.

вас не месте преступления>, а вы делаете вид, будто, ничего не произошло '... уже застал <застиг>'; *Я замечаю, что ты стал осторожнее* '...уже заметил'; *Я вспоминаю, что ты обещал прийти* '...уже вспомнил'. Это употребление характерно для первого и второго лица, обращений, вопросов. От собственно перфектного значения оно отличается модальной рамкой, которую в первом приближении можно сформулировать следующим образом: 'говорящий хочет, чтобы слушающий считал важным только что закончившееся действие Р (прийти, заметить, вспомнить)', и для этого изображает его как имеющее место в момент речи²⁸.

Близкий тип употребления моментальных глаголов (внимание на него обратил еще Ю. С. Маслов²⁹) представлен во фразах *Зачем людей толкать?*, *Зачем вы людей толкаете?*, произносимых в ситуации, когда говорящего или какое-то третье лицо толкнули (только что) всего один раз. Это употребление глаголов похоже на гиперболическое множественное число существительных³⁰. Данным термином обозначается использование множественного числа для описания единичного факта или события с целью типизации этого факта и придания ему принципиального значения; ср. *Книги повсюду разбросаны* (не на месте лежит всего одна книга), *Я университетов не кончал, Не устраивай истерик, А они там чай-кофеи распивают*. Ясно, что в толковании гиперболического множественного должна содержаться ссылка на то, что в действительности имел место всего один факт, плюрализуемый в модальной рамке высказывания вследствие желания говорящего поднять вопрос на принципиальную высоту. Аналогичное толкование должны получить и конструкции типа *Зачем людей толкать?* Моментальный глагол в них не обозначает действия, одновременного с актом речи, по той причине, что единственный квант этого действия был завершен до момента речи, а говорящий в чисто пропагандистских целях изображает дело таким образом, будто и в момент речи его (или третье лицо) продолжают толкать.

в) Настоящее интерпретационное³¹. Оно характерно для моментальных глаголов седьмой группы: *Вы нарушаете правило <обходите закон, предаете товарища>*. В этих фразах тоже нет подлинного актуально-длительного значения: действие Р, равносильное "составу преступления", квалифицируемого как R (нарушение правила или закона, предательство), уже имело место до момента речи. Выраженное в них значение толкуется следующим образом:

²⁸ Ср.: Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986. С. 31.

²⁹ Маслов Ю. С. Указ. соч. С. 315.

³⁰ См. о нем: Потенция А. А. Значение множественного числа в русском языке. Воронеж, 1888; Арбатский Д. И. Множественное число гиперболическое // РЯШ. 1972. № 5. С. 91–96; Красильникова Е. В. Некоторые проблемы изучения русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 107–120.

³¹ См. о нем: Гловинская М. Я. Теоретические проблемы... С. 30.

‘говорящий, имея в виду прошлое действие Р или его результат, в момент речи интерпретирует Р как тип поведения R’³². Добавим от себя: все с той же целью привлечения внимания к факту, который представляется как важный, сохраняющий свою актуальность в момент речи.

Во втором классе употреблений глагол в форме НАСТ, НЕСОВ обозначает предстоящее в близком будущем событие, в наступлении которого говорящий уверен. Такие употребления характерны для “демонстрационных” высказываний, в особенности о третьих лицах. Типичный пример, часто обсуждаемый в литературе, — *Смотри, Джон все-таки побеждает*. Ср. еще *Подскокнули трое смутно знакомых людей и начали его бить, и сначала они его побеждали, а потом вдруг он стал их побеждать и избил всех троих, а у одного отнял даже очки и пуловер* (В. Попов). Такие примеры не раз использовались для опровержения главного тезиса Э. Вендлера — о том, что “достижения” не употребляются в прогрессиве³³. Однако, как в свое время справедливо указал Дж. Лайонс³⁴, примеры типа *Джон все-таки побеждает* интерпретируются не в смысле ‘Джон находится в процессе победы над своим соперником’, а в смысле ‘Джон выполняет упражнение таким образом, что скорее всего выйдет победителем’. Ср. также *Альпинист уже достигает вершины, Ты ломаешь стул*.

Эта легкая мистификация при употреблении моментального глагола особенно заметна в случаях, когда собственно действию предшествуют четко выделяемые подготовительные фазы, что характерно для многих глаголов группы (9). Вероятность процессуального употребления такого глагола тем выше, чем отчетливее представлена в обозначаемом им действии подготовительная фаза. Ср. *Смотри, Брумель прыгает <Семенов стреляет, Он ударяет молоточком в дверь>*. Рассмотрим эти примеры подробнее.

Спортивный прыжок в высоту — сложная деятельность, включающая вход в сектор для прыжков, физическую и внутреннюю мобилизацию для прыжка, разбег, отрыв от земли и взлет. При этом прыжком в собственном смысле называется только мгновенный отрыв от земли с быстрым коротким взлетом (ср. в известной песне В. Высоцкого *Разбег, толчок, прыжок!*). Если спортсмен только вошел в сектор для прыжков, сосредоточился и разбежался, а всего остального не сделал, нельзя сказать, что он прыгал. Точно так же обстоит дело со стрельбой, ударом и другими подобными действиями: выстрел становится реальностью только в тот момент, когда пуля или снаряд покидает ствол, т. е. утрачивает с ним контакт, а удар — только в тот момент, когда орудие или одна из конечностей живого существа в результате резкого движения деятеля приходит в контакт с объектом. Если стрелок поднял ружье и прицелился, а посетитель отвел молоточек для удара, и этим дело ограничилось, ни выстрела, ни удара не было.

³² Там же.

³³ *Vlach Frank*. Op. cit. P. 277; *Mourelatos Alexander P. D.* Op. cit. P. 193; *Tedeschi Philip J.* Op. cit. P. 259.

³⁴ *Lyons John*. Op. cit. P. 712.

Между тем при характерном для естественного языка нестрогом, размытом употреблении слов высказывания типа *Смотри, Брумель прыгает* <*Семенов стреляет, Он ударяет молоточком в дверь*> возможны и в ситуации, когда прыгун только входит в сектор для прыжков, стрелок поднимает ружье, а визитер отводит молоточек для удара. Они оправданы уверенностью говорящего в неотвратимости всех остальных фаз действия, включая его решающую (конституирующую) фазу, коль скоро подготовка к действию началась.

От обычного "настоящего профетического" этот вариант псевдопроцессуального значения отличается тем, что необходимая для выполнения заключительной фазы действия подготовительная часть разворачивается во время данной речи.

Перфективное значение в той или иной мере представлено у подавляющего большинства моментальных глаголов; к редким исключениям относится, например, глагол ОПОМИНАТЬСЯ. Близкое будущее более ограничено; оно характерно в основном для последних трех групп моментальных глаголов и для некоторых глаголов первой и третьей групп.

Как видим, ни один из рассмотренных выше контрпримеров не разрушает до конца тезиса о том, что глаголы групп (1)–(10) не обозначают действия в процессе его разворачивания. Корректировки, которых этот тезис может потребовать применительно к различным группам глаголов, не выходят за рамки практики "доопределений", обычной при описании канонических и неканонических языковых объектов.

Одно из уточнений можно предложить уже сейчас. Внутри групп (1)–(10) необходимо выделить такие глаголы, которые совершенно исключают представление о подготовительной фазе действия (ср. компонент (а) в даваемых ниже толкованиях). Таковы глаголы ВЗДРАГИВАТЬ, ВСПЫХИВАТЬ, НАХОДИТЬ (случайное) и ряд других. Такие в буквальном смысле "мгновенные" глаголы исключаются из дальнейшего рассмотрения, поскольку их семантическая структура существенно отличается от семантической структуры канонических моментальных глаголов.

3. Семантический анализ глаголов моментального действия

Мы исходим из того, что всякий глагол должен толковаться в сентенциальной (высказывательной) форме, т. е. форме вида *А приходит в В из С, А находит В в С, А стреляет в В из С Х-ом* и т. п.³⁵ Глагол в ней должен быть употреблен в личной форме и, следовательно, в каком-то видо-временном

³⁵ Обоснование этого требования см.: *Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* М., 1974. С. 96–99.

значении. Возникает вопрос, можно ли истолковать лексическое значение глагола безотносительно к его виду-временному значению.

Нам представляется убедительным отрицательный вывод на этот счет, сформулированный в работе М. Я. Гловинской³⁶. Там было показано, что "нельзя представить значение глагольной словоформы как лексическое значение глагольной основы, очищенное от значения вида, плюс значение видового показателя" и что в действительности "лексическое значение глагольной основы слито с видовым".

При такой установке одна из главных проблем семантического описания глаголов заключается в выборе "представляющего" виду-временного значения — того, в котором следует толковать в словаре данное лексическое значение глагола. Для глаголов, у которых есть оба главных видовых значения, т. е. актуально-длительное значение НЕСОВ и результативное значение СОВ, эта проблема не возникает. Глагол следует толковать в той из названных форм, основное виду-временное значение которой является семантически более простым. Для глаголов нашего класса такой выбор исключен, потому что у них нет актуально-длительного значения. Остаются три альтернативы.

1. Толковать моментальный глагол в форме НЕСОВ в ближайшем к актуально-длительному псевдопроцессуальном значении. Реально речь может идти лишь о варианте б) перфективного значения, потому что другие псевдопроцессуальные значения охватывают существенно меньший круг моментальных глаголов. Но это перфективное значение гораздо более периферийно, чем другие значения форм НАСТ, НЕСОВ (например, узуальное или настоящее историческое). Поэтому его реализация ограничена гораздо более жесткими контекстуальными условиями, касающимися свойств глагольных актантов и характера иллокутивного акта (см. выше). Перечислять эти условия в словаре было бы неправильно, потому что они характеризуют не лексическое значение глагола, а грамматическое значение виду-временной формы.

2. Толковать моментальный глагол в том единственном из двух главных видовых значений, которое у него есть, т. е. в результативном (точечном, конкретно-фактическом) значении СОВ. Однако в этой форме затушевывается специфика лексического значения моментальных глаголов, отличающая их от обычных предельных глаголов. Между тем именно эта специфика должна быть предметом особого внимания при их лексикографическом описании. По той же причине отпадает в качестве кандидата форма НЕСОВ в узуальном, настоящем историческом и общефактическом значениях. Как уже отмечалось, они всегда результативны, т. е. не высвечивают процессуального компонента в лексических значениях моментальных глаголов.

3. Толковать некий теоретический конструкт (подобный представляющему морфу в морфологии) — абстрактную псевдопроцессуальную форму настоящего времени.

³⁶ Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. С. 18.

Для нашей задачи, т. е. для обнаружения того семантического инварианта в лексических значениях глаголов всех десяти групп, который препятствует их употреблению в любых процессуальных значениях, начиная с процессного и актуально-длительного и кончая процессуальным узувальным и процессуальным настоящим историческим, самым естественным оказывается третий путь. Именно на этом пути становится возможной экспликация глубокого подобия глаголов моментального действия и перформативов.

Начнем с нескольких конкретных толкований. В них мы будем использовать три дискретных временных понятия, необходимых для описания темпоральных значений естественных языков, а именно понятия времени данной речи, периода (отрезка времени с несовпадающими началом и концом) и момента (точки времени)³⁷.

X приходит в А из В = '(а) В период Т, включенный во время данной речи, X идет из В по направлению к А; (б) в момент t, включенный во время данной речи и следующий непосредственно за Т, X находится в А; (в) ни в какой из моментов, предшествующих t, X не находится в А'.

X находит А в В = '(а) В период Т, включенный во время данной речи, X ищет А в В; (б) в момент t, включенный во время данной речи и следующий непосредственно за Т, X воспринимает (видит, слышит, осязает, ...) А; (в) ни в какой из моментов, предшествующих t, X не воспринимает А'³⁸.

X касается Y-а Z-ом = '(а) В период Т, включенный во время данной речи, X каузирует то, что часть Z тела X-а или предмет Z, который X держит, движется по направлению к Y-у; (б) в момент t, включенный во время данной речи и следующий непосредственно за Т, имеет место легко нарушаемый контакт Z-а с Y-ом; (в) ни в какой из моментов, предшествующих t, контакт Z-а с Y-ом не имеет места'.

X качает А = '(а) В период Т, включенный во время данной речи, X каузирует то, что часть А тела X-а или предмет А, с которым X находится в контакте, движется по направлению к крайней точке амплитуды; (б) в момент t,

³⁷ Как бы ни обстояло дело с научным понятием времени, "наивное" время естественных языков в основном дискретно; ср. МОМЕНТ, МГНОВЕНИЕ, ЧАС, ДЕНЬ, УТРО, НОЧЬ, НЕДЕЛЯ, МЕСЯЦ, СЕГОДНЯ, ВЧЕРА, ПОЗАВЧЕРА, ЗАВТРА, ПОСЛЕЗАВТРА и т. п. Интересно, что то самое слово, которое выражает недискретное понятие времени вообще (бесконечной временной прямой), во многих языках выражает и дискретные понятия периода и момента. Ср. следующие три значения существительных ВРЕМЯ, TIME, TEMPS, ZEIT и т. п.: *позеленевший от времени*, *space and time* 'пространство и время', *Le temps s'écoule* 'время течет', *Die Zeit arbeitet für uns* 'Время работает на нас' (время вообще); *лучшее время суток*, *for a time* 'на (некоторое) время', *un temps long* 'долгое время', *ein kurze Zeit* 'недолго' (период); *засечь время*, *the time of arrival* 'время прибытия', *en même temps* 'в тот же момент', *Ich bin zur Zeit gekommen* 'Я пришел вовремя' (момент).

³⁸ Здесь истолковано "намеренное" значение НАХОДИТЬ. В толковых словарях оно трактуется как особое лексическое значение глагола.

включенный во время данной речи и следующий непосредственно за Т, А находится в крайней точке амплитуды; (в) ни в какой из моментов, предшествующих t, X не находится в крайней точке амплитуды'.

Х замечает, что $P =$ '(а) В период Т, включенный во время данной речи, сознание Х-а фиксирует факты, свидетельствующие о том, что Р; (б) в момент t, включенный во время данной речи и следующий непосредственно за Т, Х видит или понимает, что Р; (в) ни в какой из моментов, предшествующих t, Х не видит или не понимает, что Р'.

На нынешней стадии исследования материала трудно указать точную логическую природу компонентов (а), (б), (в). Ясно, однако, что они не вполне равноправны. Хотя (а) не может претендовать на статус пресуппозиции, он занимает в толковании подчиненное положение по сравнению с (б) и (в); он описывает лишь подготовительную фазу той ситуации, именем которой является данный глагол.

Можно высказать предположение, что в структуре значений, помимо факкультативных элементов³⁹, выделяется еще один тип слабых элементов — экспозиция. Именно этот статус мы бы хотели приписать компоненту (а). От пресуппозиции экспозиция отличается тем, что подвергается отрицанию; от ассерции — тем, что в силу своего подчиненного положения в семантической структуре лексемы не может сочетаться со смыслами, которые противоречат ассерции. Этим объясняется тот факт, что моментальные глаголы не сочетаются с обстоятельствами длительности и плохо сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени. Ее подчиненное положение сказывается еще в том, что она не препятствует сочетанию ассерции с такими смыслами, которые противоречат ей самой; ср. возможность *Он немедленно <сразу же, тут же> приходит <стреляет, находит кошелек>*.

Чтобы в более наглядной форме представить инвариант предложенных толкований, введем следующие обозначения: Р — действие, называемое моментальным глаголом; P_1 — подготовительная фаза действия (пешее перемещение по направлению к конечной точке в случае ПРИХОДИТЬ, поиски в случае НАХОДИТЬ, движение части тела по направлению к объекту в случае КАСАТЬСЯ, движение объекта по направлению к крайней точке амплитуды в случае КАЧАТЬ, работа сознания (или внимания) в случае ЗАМЕЧАТЬ); P_t — положение вещей, возникающее в момент t завершения действия Р (нахождение в конечной точке в случае ПРИХОДИТЬ, восприятие объекта в случае НАХОДИТЬ, легко нарушаемый контакт в случае КАСАТЬСЯ, нахождение в крайней точке амплитуды в случае КАЧАТЬ, созерцание или понимание определенной ситуации в случае ЗАМЕЧАТЬ). Тогда толкование всех моментальных глаголов примет следующий общий вид:

³⁹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. С. 84–87, 124–125, 148, 155; *Он же*. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979. С. 500–543, (с. 514); ср. также понятие имплицатуры; *Comrie Bernard*. Tense. Cambridge; London, etc., 1985.

$P(X) =$ '(а) В период T , включенный во время данной речи, имеет место $P_i(X)$; (б) в момент t , включенный во время данной речи и следующий непосредственно за T , имеет место $P_f(X)$; (в) ни в какой из моментов, предшествующих t , $P_f(X)$ не имеет места'.

В этом толковании присутствует компонент (а), соответствующий важнейшему компоненту актуально-длительного значения НЕСОВ, и компонент (б), соответствующий части точечного значения СОВ. Компонент (в) показывает, что переход к результирующему положению вещей происходит скачкообразно.

Таким образом, видо-временное значение, в котором мы предлагаем толковать глаголы моментального действия, является и процессуальным, и точечным одновременно. Естественно поэтому назвать его процессуально-точечным.

В свете сказанного становится очевидным, почему глаголы моментального действия (в норме) не употребляются в актуально-длительном значении: оно противоречит компонентам (б) и (в) в их толкованиях. С другой стороны, ясно, почему во всех употреблениях они имеют только результитивное значение. Разворачивающееся действие, фиксируемое экспозитивным компонентом (а), представляет собою не P , а лишь его подготовительную фазу P_i . Результат же P , как следует из (б) и (в), не накапливается постепенно, а возникает мгновенно. Ясно, наконец, и то, почему некоторые неканонические глаголы моментального действия допускают псевдопроцессуальное употребление в контекстах типа *Смотри*, *Брумель прыгает*. Выше было показано, что такие предложения описывают не самый акт прыжка, а лишь его подготовительную фазу. Но эта фаза, как следует из компонента (а) нашего толкования, может быть растянута во времени и тем самым наблюдаема в тот определенный момент, который фиксируется словом *Смотри*.

Для глаголов моментального действия постулированное нами процессуально-точечное значение является лингвистическим конструктом. Однако оно неожиданно приобретает совершенно реальное и полнокровное бытие в перформативах.

Перформативы были исследованы нами в отдельной работе⁴⁰. Чтобы сделать данную статью автономной, мы конспективно и почти без ссылок на литературу изложим основные положения и результаты этой работы: нам придется почти дословно повторить важнейшие рассуждения и формулировки. Читателя, интересующегося перформативами вообще, отсылаем к специальным работам⁴¹.

⁴⁰ Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3. С. 208–223.

⁴¹ Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 105–167; Бенавенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford, 1965; Vendler Z. Say What You Think // Studies in Thought and Language. The Univ. of Arizona Press, 1970. P. 79–97; Ross J. R. On Declarative Sentences // Readings in English Transformational Grammar.

4. О видо-временном значении перформативов

Обычно глагол считается перформативным, если для него возможно такое употребление формы первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия⁴². Примеры: *Обещаю <клянусь> помогать тебе во всем, Умоляю <прошу> тебя подумать о детях, Рекомендую еще несколько дней полежать в постели, Предлагаю <приказываю> вам немедленно явиться в комендатуру, Я с вами прощаюсь, Я запрещаю <разрешаю> тебе выходить на улицу без пальто, Признаю вашу правоту, Я тебя не осуждаю, Желаю удачи, Поручаю тебе своих детей, Объявляю собрание открытым.* Употребления, в которых такое совпадение не имеет места, называются дескриптивными, или констативными; ср. *Что ты там делаешь? — Да вот, прошу его выступить у нас на семинаре;* ср. также *Он просил меня выступить у них на семинаре, Попроси его выступить у нас на семинаре, Ты напрасно просишь его об этом и т. п.*

Из многочисленных морфологических, словообразовательных, синтаксических, семантических и прагматических проявлений перформативности⁴³ мы отметим здесь лишь те, которые сближают их с глаголами моментального действия.

1) Подавляющее большинство перформативов имеют парные глаголы СОВ. Из 15 приведенных выше глаголов ни один не составляет исключения.

2) От перформативов не образуются инцептивные, делимитативные, пердуративные, финитивные и завершительные "способы действия". Точнее говоря, когда у данного перформативного глагола такие производные есть, они не могут употребляться перформативно; ср. чисто дескриптивные употребления *Я поспорю с тобой некоторое время, а потом соглашусь. Так я без толку поспорю с тобой полдня.*

3) Перформативы не употребляются в процессном и актуально-длительном значениях НАСТ, НЕСОВ и поэтому не сочетаются с обстоятельствами длительности типа ДОЛГО, ВСЕ ЕЩЕ, НЕДОЛГО, С ТЕХ ПОР и т. п.; обстоятельствами градуальности типа МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО; и союзами со значением одновременности типа КОГДА, ПОКА. Высказывания типа Я

Waltham, (Mass.), 1970. P. 222—272; *Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. N. Y., etc., 1975. P. 187—210; Stampe D. W. Meaning and Truth in the Theory of Speech Acts // Ibid. P. 1—39; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976; Vendler Z. Telling the Facts // Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language. Minneapolis, 1979. P. 220—232; Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985; Lyons J. Op. cit.*

⁴² Austin J. L. Op. cit. P. 56.

⁴³ Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре. С. 210—216.

долго прощаюсь со всеми, Все уже успели позавтракать, пока я прошу тебя встать правильны только относительно дескриптивной интерпретации.

4) Перформативы не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени; высказывания типа *За три минуты я прощаюсь со всеми и ухожу* понимаются как чисто дескриптивные.

5) Перформативы не сочетаются с фазовыми глаголами в роли их синтаксических зависимых; ср. невозможность **Я начинаю обещать вам поддержку* (ср. *Ты опять начинаешь обещать*), **Я кончаю прощаться со всеми* (ср. *Кончайте прощаться*), **Я продолжаю умолять тебя подумать о детях* (ср. *Он продолжал умолять ее подумать о детях*).

6) Перформативы имеют еще менее полный набор видо-временных значений, чем глаголы моментального действия. В сущности, для них возможно ровно одно видо-временное значение, которое будет описано ниже.

7) Перформативы всегда результативны, т. е. сближаются по смыслу с основным значением СОВ. Высказывания типа *Я клянусь* (в отличие от высказываний типа *Смотри, как смешно он клянется*) не употребляются в актуально-длительном значении потому, что в последний момент их произнесенная клятва является уже совершившимся фактом. Поэтому сочинительные цепочки перформативов обозначают, как правило, последовательные, а не одновременные действия; ср. *Прошу у вас прощения и обещаю больше так не поступать*.

Факт совпадения основных проявлений моментальности с некоторыми существенными проявлениями перформативности свидетельствует об их глубоком подобии. Впервые о нем заговорил, по-видимому, З. Вендлер⁴⁴, отметивший некоторые сходства внешнего поведения моментальных глаголов и перформативов, в частности неспособность тех и других употребляться в актуально-длительном значении. Ниже мы займемся более подробной и притом семантической экспликацией этого подобия.

Мы уже говорили, что одним из наиболее обычных условий реализации перформативного высказывания является употребление глагола в форме НЕ-СОВ, НАСТ; ср.: *Клянусь, что я никогда не посрамлю имени отца*. Было сказано также, что его видо-временное значение не является ни процессным, ни актуально-длительным.

Столь же очевидно, что это видо-временное значение не совпадает ни с одним из основных или частных значений граммем НЕСОВ, НАСТ, известных в грамматике (узуальным, потенциальным, настоящим историческим, профетическим и т. п.). Фразы типа *Клянусь, что я не посрамлю имени отца* описывают единичную и притом реальную ситуацию, размещенную строго в настоящем. Ее время совпадает со временем данной речи, потому что данное перформативное высказывание и есть данная речь.

⁴⁴ Vendler Z. Say What You Think // Studies in Thought and Language. Ed. Cowan J. L. Univ. of Arizona Press. 1970; ero же, Telling the Facts. Op. cit.

Возникает вопрос, является ли это время точкой или периодом. Большинство исследователей склоняются в пользу первого предположения. З. Вендлер, например, считает, что произнесение перформативного высказывания "не имеет протяженности во времени"⁴⁵.

Мы полагаем, что есть серьезные аргументы в пользу другого понимания перформативности. Ниже мы попытаемся показать, что видо-временное значение, реализующееся в перформативном высказывании, является и точечным, и процессуальным одновременно. Сосредоточимся на процессуальном компоненте этого значения, потому что факт его точечности ни у кого не вызывает сомнений.

Когда мы говорим *Он благодарит хозяев за гостеприимство*, мы сообщаем, что он выполняет в момент речи некое действие. Аналогичное сообщение содержится и в перформативном высказывании *Я благодарю вас за гостеприимство*. Разница между двумя высказываниями в том, что второе высказывание равносильно выполнению действия и что, следовательно, действие оказывается выполненным до конца в тот момент, когда высказывание завершено, когда я поставил точку в конце предложения. Между тем действие, изображенное в первом высказывании, может продолжаться и после того, как высказывание закончилось.

"Точка в конце предложения" — не только метафора. Существует мнение, что перформативное высказывание кончается на перформативном глаголе и что физический характер речи (в частности, тот факт, что она сама занимает какое-то время) несуществен для него. В связи с этим мы бы хотели обратить внимание на "длинные" перформативные высказывания типа свидетельской клятвы на Библии, воинской присяги или клятвы Гиппократа. Они требуют произнесения довольно длинных текстов, причем клятва или присяга не может считаться совершившимся фактом до тех пор, пока текст не произнесен до конца. Произнесение таких формул ни в каком разумном смысле нельзя считать сосредоточенным в одной точке времени.

Итак, время перформативного высказывания и, следовательно, выполняемого тем самым действия, — это период, а не момент. Точечность, моментальность характеризуют не перформативное высказывание и соответствующее ему действие, а лишь положение вещей, являющееся их результатом. Это положение вещей действительно наступает скачкообразно — в тот (последний) момент данной речи, когда высказывание закончилось.

Теперь можно перейти к толкованию видо-временного значения перформативного высказывания. Введем следующие обозначения: P — действие, обозначаемое лексической единицей, способной к перформативному употреблению; P' — перформативное высказывание; S(P') — положение вещей, порождаемое им (наличие обещания, просьбы и т. п.).

Тогда видо-временное значение, представленное в перформативном высказывании, — это конъюнкция следующих трех утверждений: '(а) В период T,

⁴⁵ Vendler Z. Say What You Think. P. 86.

совпадающий со временем данной речи, имеет место P' и (тем самым) P ; (б) в момент t , составляющий последний момент периода T , имеет место $S(P')$; (в) ни в какой из моментов, предшествующих t , $S(P')$ не имеет места'.

Перед нами возникают знакомые очертания процессуально-точечного значения. Различия в его формулировке для глаголов моментального действия и перформативных высказываний невелики. Они сводятся к различиям в отношениях между T и t : у перформативов t является частью T , а у моментальных глаголов следует за T ⁴⁶. По-видимому, сходны и статусы компонентов (а), (б) и (в). В частности, (а) в толковании перформативного высказывания тоже ведет себя как экспозиция.

Нельзя, однако, забывать, что для глаголов моментального действия процессуально-точечное значение является лингвистическим конструктом. Между тем для перформативов оно является единственной лингвистической реальностью: вне этого значения перформативы не существуют⁴⁷.

⁴⁶ Одного этого достаточно, чтобы отклонить вывод З. Вендлера (Say What You Think, с. 86) о том, что перформативы являются подклассом глаголов моментального действия. Добавим еще, что глагол, способный к перформативному употреблению, вовсе не обязательно является лексически моментальным; ср. ПРОСИТЬ, УБЕРЯТЬ, УМОЛЯТЬ и т. п.

⁴⁷ Рукопись данной статьи была прочитана Н. Д. Арутюновой, М. Я. Гловинской, Л. Л. Иомдиным и Е. В. Падучевой; автор глубоко признателен им за ценные критические замечания.

Часть II

Проблемы синонимии и словаря синонимов

АНГЛИЙСКИЕ СИНОНИМЫ И СИНОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ*

Данная статья, как показывает ее название, имеет двоякую цель: во-первых, она должна сыграть роль теоретического введения в тот раздел современной семантики, предметом которого являются лексические синонимы, и раскрыть содержание научных понятий, используемых в словаре; во-вторых, она должна сыграть роль лексикографического введения к данному словарю и показать, какая информация о синонимах и в каком виде помещается в нем. Очевидна связь между этими двумя темами: теория лексических синонимов должна (в идеале) определять практические принципы их лексикографического описания. Это и продиктовало композицию вводной статьи: теоретические вопросы не выделяются в самостоятельный раздел, а образуют фон при рассмотрении замысла словаря, структуры и состава его типовой словарной статьи; они освещаются в той мере, в какой это необходимо для уяснения лексикографических принципов обработки материала и последующего пользования словарем.

Теория лексической семантики вообще и лексических синонимов в особенности, которая легла в основу работы над словарем, опубликована в достаточно полном виде и с необходимым справочным аппаратом¹. Поэтому здесь мы не даем никакого литературного обзора, не разбираем альтернативных точек зрения, не обосновываем своей собственной позиции, а излагаем необходимые сведения более или менее догматично. Отказываемся мы и от экскурса в область истории английских синонимических словарей — краткая, но весьма содержательная статья на эту тему имеется в Вебстеровском словаре синонимов². Мы, наконец, стараемся избегать, насколько это возможно, ус-

* Статья была впервые напечатана в качестве послесловия к книге "Англо-русский синонимический словарь", М., 1979.

¹ См: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

² Webster's New Dictionary of Synonyms. A Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and Analogous and Contrasted Words. Springfield, Massachusetts, 1968.

ложненной специальной терминологии и строим изложение так, чтобы оно было доступно и читателю-нефилологу.

1. Замысел словаря

Предлагаемый вниманию читателя словарь является экспериментальным. Свою задачу мы видим не в том, чтобы исчерпывающим образом учесть все синонимы английского языка, а в том, чтобы продемонстрировать, на небольшом, но достаточно представительном материале, некоторые новые принципы описания синонимических рядов. Эти принципы вытекают из принятых нами практических и теоретических установок.

Во-первых, наш словарь предназначен прежде всего для активного овладения лексикой английского языка (в том объеме, в котором она представлена в словаре). С другой стороны, в отличие от обычных словарей синонимов, данный словарь мыслится как двуязычный: он содержит описание английских синонимов на русском языке. Наконец, нашей последней и, может быть, важнейшей целью было написать словарь, который стоял бы на уровне современных теоретических и лексикографических требований, на уровне современной науки и практики. Рассмотрим более подробно комплекс проблем, решение которых необходимо для реализации этой программы — составления активного двуязычного современного словаря синонимов.

1.1 Активность

Активное владение лексикой языка, независимо от того, является ли он для говорящего родным или иностранным, проявляется прежде всего в смысловой адекватности его речи, т. е. в умении выбрать в словаре и грамматике данного языка именно те средства, которые в точности выражают его мысль. Ясно, какую важную роль играет при этом владение лексическими синонимами.

Допустим, что говорящий хочет выразить мысль о том, что некто пал жертвой несчастного случая. Если из двух неточных синонимов — *victim* и *prey* — он выберет последний и скажет *he has fallen a *prey* to an accident, он допустит смысловую ошибку: *prey* предполагает инициативного деятеля, преднамеренно совершающего акт насилия, например, he carefully marked down his *prey* before dealing the blow 'он тщательно выбрал жертву, прежде чем нанести удар'³. Смысловой ошибки не будет, если мы

³ Разъясним некоторые используемые в статье обозначения. Употребляя при описании синонимического ряда русское слово или предложение, мы можем иметь в виду 1) соответствующую единицу русского языка, 2) ее смысл или 3) обозначаемый ею реальный предмет или факт (ситуацию). В первом случае слово или предложение дается курсивом (например, *дом*), во втором — заключается в лапки ('дом'), в

используем слово *victim*, потому что *victim*, в отличие от *prey*, не содержит в своем значении никаких указаний насчет того, является ли жертва результатом преднамеренных насильственных действий или следствием случайного, хотя и рокового стечения обстоятельств: *they could not identify the victim nor the man who had killed him* 'они не могли опознать ни жертву, ни убийцу'; *The victims of an earthquake [a shipwreck]* 'жертвы землетрясения [кораблекрушения]'.

Другой пример: если требуется выразить идею неожиданного нападения на лагерь или крепость, в паре неточных синонимов *surprise*, *ambush* следует выбрать первый: *to surprise* [но не **to ambush*] *the enemy camp [the fortress]* 'напасть врасплох на лагерь неприятеля [на крепость]'. С другой стороны, если речь идет о неожиданном нападении, особенно из засады, на едущего по дороге мотоциклиста, следует сказать *to ambush* [но не **to surprise*] *a motorcyclist*: *surprise* предполагает неподвижный объект и обычно подвижный субъект (нападающий приближается к жертве), а *ambush* — подвижный объект и обычно неподвижный субъект (жертва приближается к нападающему).

Семантическая неправильность может быть абсолютной или относительной. Фраза **he has fallen a prey to an accident* *неправильна абсолютно*, т. е. в любом случае употребления. Примером относительной неправильности является фраза *he desired me to stay*: она неправильна относительно смысла 'он хотел, чтобы я остался' (в этом случае надо было бы сказать *he wanted /wished/ me to stay*), но верна относительно близкого смысла 'он выразил пожелание, чтобы я остался'.

Очевидно, что для обеспечения смысловой адекватности речи словарь синонимов должен содержать полное, достаточное и абсолютно эксплицитное описание их семантических сходств и различий. Описание является полным, если в нем упомянуты все существенные свойства изучаемых объектов; оно достаточно, если ни одному объекту не приписывается никаких лишних свойств; наконец, оно эксплицитно, если не содержит никаких недомолвок, упоминает каждое свойство объекта в явном виде, не апеллирует к сообразительности читателя, а может и должно пониматься буквально.

Вторым характерным свойством речи человека, хорошо владеющего языком, является ее идиоматичность в широком смысле слова — результат умения правильно сочетать слова друг с другом (соблюдать требования лексико-семантической сочетаемости) и ставить их в правильные конструкции (соблюдать требования синтаксической сочетаемости).

Каждое из прилагательных *healthy*, *healthful*, *wholesome*, *salubrious*, *salutary* имеет значение 'способствующий улучшению или сохранению здоровья'. По-

третьем — никак не выделяется (дом). Английские синонимы, являющиеся предметом рассмотрения, даются курсивом. Звездочка перед словосочетанием или предложением обозначает его неправильность, а вопросительный знак — тот факт, что его правильность вызывает сомнения.

этому, если мы скажем ¹*salubrious diet* 'здоровая диета', ²*salubrious mineral waters* 'полезные минеральные воды', ³*salubrious way of life* 'здоровый образ жизни', мы не сделаем смысловой ошибки: выбранный нами синоним в принципе способен выражать нужную мысль, и мы вполне можем рассчитывать на то, что будем правильно поняты. Тем не менее, ни одно из приведенных выше сочетаний не является вполне корректным (лучшие варианты — *healthy diet*, *salutary mineral waters*, *healthy way of life*). В каждом из них нарушен не слишком императивный, но соблюдаемый в педантично-литературной речи сочетаемостный запрет, состоящий в том, что *salubrious*, в отличие от всех своих синонимов, употребляется преимущественно с существительными *air* 'воздух' и *climate* 'климат'.

Нет смысловой ошибки и в предложении **he sprang the fence* 'он перепрыгнул через забор', но сказать так по-английски все-таки нельзя. В отличие от синонимичных глаголов *jump*, *leap*, *skip* и *hop*, которые в значении 'прыгать, перепрыгивать' способны управлять и прямым и предложным дополнением, обозначающим преодолеваемое препятствие (*to jump /to leap/ a stream* или *over a stream* 'перепрыгнуть через ручей', *to hop a hedge* или *over a hedge* 'перескочить через изгородь', *to skip a pool* или *over a pool* 'перепрыгнуть через лужу'), *spring* в этом значении употребляется только в конструкции *to spring over smth.*

Выясняется, таким образом, что для обеспечения идиоматичности речи словарь синонимов должен содержать полное, достаточное и эксплицитное описание их сочетаемостных сходств и различий — лексико-семантических и синтаксических (конструктивных).

Третья важная особенность свободного владения языком проявляется в гибкости, или, более точно, в перифрастической способности говорящих, т. е. в умении выражать мысль многими различными способами, оставляя неизменным ее содержание. Если говорящий располагает ровно одним способом выражения каждой мысли, он, по всей вероятности, просто зазубрил его, а язык знает очень плохо; наоборот, чем лучше он владеет словарем и грамматикой языка, тем легче он перифразирует, в случае необходимости, свои высказывания.

В основе перифрастической способности говорящих лежит знание синонимической системы языка в широком смысле слова, знание всех его синонимических средств. К числу этих средств относятся отнюдь не только синонимы (ср. пары синонимичных фраз *he writes short stories* ⇔ *he is a writer of short stories*, *he sold me a book for two dollars* ⇔ *I bought a book from him for two dollars*, *he is never present when needed most* ⇔ *he is always absent when needed most*, *linguistics is his hobby* ⇔ *linguistic science is his hobby*, ⇔ *the science of language is his hobby*, которые не содержат собственно лексических синонимов). Однако от словаря синонимов естественно ожидать ответа на вопрос о том, каково отношение именно лексических синонимов к перифрастической системе языка.

Если судить по исследованиям синонимов, выполненным в последние годы, можно подумать, что они служат исключительно для выражения “тончайших оттенков мысли” и никогда не используются в целях перифразирования. Такой вывод был бы неверным. Синонимия в широком смысле слова — настолько фундаментальная черта всех естественных и искусственных языков, что было бы крайне странно, если бы лексические синонимы не имели к ней никакого отношения.

Применительно к лексическим синонимам вопрос об их месте в перифрастической системе языка сводится к вопросу о том, какие синонимы и в каких контекстуальных условиях способны к взаимозаменам. Очевидно, что этим свойством обладают прежде всего семантически точные синонимы, если их лексико-семантическая и синтаксическая сочетаемость хотя бы частично совпадает. С другой стороны, способностью к взаимозаменам обладают и некоторые неточные синонимы. Для этого необходимо, во-первых, чтобы их семантические различия были нейтрализуемыми и, во-вторых, чтобы их сочетаемостные свойства были сходными. Понятия точной синонимии и нейтрализации подробно рассматриваются ниже, так что здесь достаточно будет двух иллюстраций.

Примером семантически точных синонимов с совпадающей сочетаемостью являются глаголы *gather* и *collect* в значении, представленном во фразе *dust gathered /collected/ in all the corners* ‘во всех углах накопилась пыль’. Пример (частично) нейтрализуемых семантических различий — глаголы *menace* и *threaten* ‘угрожать’. Первый из них обозначает обещание причинить зло: *to menace smb. with ostracism [new miseries]*. Второй обозначает обещание причинить зло в случае невыполнения требования: “If you interfere with my sister, I shall call an officer”, *he threatened*. Это смысловое различие между *menace* и *threaten* нейтрализуется (снимается), по крайней мере отчасти, в тех случаях, когда речь идет о субъекте, не обладающем способностью формулировать требования, например, о животном: *the dog menaced /threatened/ them with bared fangs*.

Уже эти беглые иллюстрации показывают, что описание даже небольшого фрагмента перифрастической системы языка в словаре синонимов требует четкого выделения и подробной характеристики типов взаимозаменяемых синонимов, а также семантических и сочетаемостных условий их взаимозамен.

Много общего с рассмотренными выше случаями имеет еще один тип синонимических замен, вызываемых стилистическим требованием варьирования средств выражения одной и той же мысли в пределах ограниченного текста. В этом типе замен, который, в отличие от первых двух, очень хорошо изучен, необязательно использование семантически точных синонимов или неточных синонимов с нейтрализуемыми семантическими различиями. Если между синонимами и есть различие, им можно пренебречь, потому что в соответствующем тексте синонимы используются не для выражения нюансов мысли, а лишь для того, чтобы соблюсти указанное выше стилистическое правило.

Оборотной стороной перифрастической способности говорящих является их селективная способность — четвертое и последнее важное свойство того феномена, который называется “свободное владение языком”. Эта способность проявляется в умении выбрать в множестве принципиально возможных средств выражения определенной мысли то, которое в наибольшей степени соответствует социальным, территориальным и другим особенностям ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики ее участников.

Если в языке имеется ряд стилистически различных синонимов, независимо от того, являются ли они семантически точными или нет, то в конкретной ситуации общения далеко не безразлично, который из них будет употреблен.

Важно, например, знать, что из двух семантически достаточно близких синонимов — *situation* и *place* из ряда *place, situation, position, post, office* со значением ‘место, должность’ — первый имеет жанровую особенность — он предпочитается в газетных объявлениях: *situation wanted* ‘ищу место’, *situations vacant /available/* ‘имеются вакансии’. Не зная этого, легко допустить стилистическую ошибку: *?place wanted, ?places vacant*.

Книжное слова *office*, входящее в тот же ряд, отличается от наиболее разговорного синонима *place* тем, что а) в качестве нанимателя в случае *office* мыслится учреждение, а в случае *place* — частное лицо; б) с *office* связано представление о государственной службе, а с *place* — представление о сфере обслуживания и месте с традиционно женским кругом обязанностей; в) *office* описывает престижную работу, а *place* нейтрально в этом отношении. С занимающей нас точки зрения замечателен тот “территориальный” факт, что слово *post* в американском варианте английского языка семантически сближается с *office* (a diplomatic *post*, the *post* of State Secretary), в то время как в британском варианте то же самое слово семантически сближается с *place*: the first *post* of his medical career, to get the *post* of a governess.

Очевидно, что в словаре синонимов, ориентированном на требования активного овладения языком, должны быть тщательно описаны стилистические — жанровые, функциональные, территориальные и другие подобные — сходства и различия синонимов.

Итак, рассмотрение принципа активности приводит нас к выводу, что синонимический словарь должен характеризовать синонимы с точки зрения смысла, лексико-семантической сочетаемости, грамматических конструкций и стилистических свойств. В каждом из этих случаев должны быть описаны все их сходства и различия, так, чтобы для любого синонима из данного синонимического ряда были выяснены типы специфических для него контекстов, а для любой пары синонимов — типы контекстов, в которых они взаимозаменяемы (если, конечно, возможность взаимозамен в принципе существует). Наконец, необходимо, чтобы описание было максимально полным, достаточным и эксплицитным, т. е. построенным так, чтобы на его

основе можно было научиться правильно употреблять синонимы в широком круге ситуаций.

1.2. Двухязычность

Для русскоязычных составителей и читателей двухязычный словарь английских синонимов в некоторых отношениях предпочтительней, чем одноязычный: его легче писать и понимать. Однако, с другой стороны, в двухязычности таятся серьезные опасности: соблазн перевода — вместо эксплицитного толкования — для составителя и соблазн переноса свойства русского слова на близкое по смыслу английское — для пользователя. Оба эти соблазна имеют источником одно и то же заблуждение, или, может быть, один и тот же тип языковой инерции — полное отождествление единиц, которые всего-навсего сходны. Как это уже не один раз отмечалось, случаи полного соответствия лексических единиц разных языков, за исключением терминов и терминообразных слов, достаточно редки, а характерным является случай частичного, иногда очень значительного, но все же неполного соответствия.

По-видимому, только отсутствие точных описаний слов заставляет нас считать, например, что английское *fire* является адекватным переводным эквивалентом русского *костер*. *Костер* обозначает огонь на основе определенным образом сложенного твердого топлива или только само устройство из топлива, предназначенное для получения огня. Он, следовательно, мыслим и без огня, а *fire* обязательно предполагает огонь. Поэтому русская фраза *Нужно было только сложить костер, но не зажигать его* не может быть вполне адекватно переведена на английский язык, и уж во всяком случае для нее исключено простое соответствие *костер* ⇒ *fire*.

Русскому *рубить* лишь приблизительно соответствует английское *to chop*: для словосочетаний *рубить дрова*, *рубить капусту* есть хорошие эквиваленты с этим глаголом (*to chop wood*, *to chop (up) cabbage*), однако фразы *рубить канаты* (*to cut the ropes*), *рубить деревья* (*to fell /to hew/trees*) с помощью *to chop* непереводаемы.

Еще сложнее обстоит дело с русским глаголом *колоть*, который, при достаточно пристальном анализе фактов, оказывается очень неточным синонимом *рубить*. Действительно, мясо и капусту можно *рубить*, но не *колоть* (если, конечно, они находятся в естественном для себя состоянии); *рубить полено* можно и вдоль, и поперек волокна, а *колоть* — только вдоль; орехи, сахар, мел, лед и другие подобные предметы можно, вообще говоря, не только *колоть*, но и *рубить*; однако, если мы пытаемся добиться нужного результата, бросая соответствующие предметы на что-л. твердое, или ударяя ими обо что-нибудь твердое, или давя на них руками в разных направлениях, речь может идти лишь о том, что мы их *колем*. Вот, в первом приближении, комплекс идей, выражаемых глаголом *колоть*: 'деление твердого предмета с жесткой структурой ударом или давлением (не обязательно

с помощью инструмента!), имеющее результатом мгновенное и полное распадение предмета на куски или части'. Этот комплекс идей настолько сложен, что оказывается почти невероятным, чтобы другой язык, с другой историей и литературной традицией, выработал однословное средство выражения для в точности такой же комбинации идей. Неудивительно поэтому, что русским словосочетаниям с одним и тем же глаголом соответствуют английские словосочетания с очень разными глаголами: *колоть дрова* — to split /to chop/ wood (оно же и *рубить дрова*), *колоть лед* — to break ice (оно же и *ломать лед*), *колоть орехи* — to crack nuts. Очевидно, что в каждом из этих случаев передается лишь часть того комплекса идей, который составляет содержание *колоть*.

То же самое следует сказать и об английском языке. Возьмем, например, слово thrill в значении, представленном во фразе What a thrill it was to go down the rapids in a tiny boat \cong 'Какие острые ощущения я испытывал, когда шел через пороги на утлой лодчонке'. Thrill в этом значении соединяет в себе идеи почти физического трепета, острого и захватывающего переживания, новизны и великолепия ощущений, когда все в человеке словно поет. Приведенный выше русский перевод, не передающий и половины этих идей, не производит впечатления досадной неудачи только потому, что при понимании текстов мы привыкли опираться на свой опыт, знание действительности и воображение. Когда нам рассказывают о прохождении бурных порогов на утлой лодчонке, нам достаточно намек (*острые ощущения*), чтобы реконструировать, с помощью неязыковых средств, более полную картину того внутреннего состояния человека, о котором идет речь.

Очень английским, не имеющим эквивалента в русском языке, является существительное abandon. Словарные переводы — *непринужденность, развязность, несдержанность* — даже отдаленно не передают сути дела. Повидимому, никакой единый обобщающий перевод в данном случае невозможен; более удачные соответствия, каждый раз новые, можно подыскать только для целых словосочетаний или даже ситуаций: to sing with abandon *петь с чувством*, to act with abandon *действовать, позабыв обо всем* (в порыве, импульсивно или жертвенно), he spoke with complete abandon *он говорил, не сдерживаясь, \cong его словно прорвало*.

Такая лексическая "несоизмеримость" характерна прежде всего для слов с достаточно сложным значением: чем больше разных идей впрессовано в одно значение, тем больше вероятность того, что комбинация идей окажется уникальной. Наоборот, чем проще значение, чем меньше элементарных идей оно в себе соединяет, тем больше вероятность того, что оно будет иметь однословное выражение во многих, а иногда во всех языках мира. Однако иной раз даже относительно несложные значения обнаруживают аналогичную несоизмеримость. Рассмотрим, например, следующую простую идею: 'Р существовал в момент T_1 и Р не существовал в момент T_2 и T_2 позже T_1 '. Здесь описаны, в первом приближении, значения таких глаголов, как *прекратиться* (не пре-

кращаться!) и stop. Однако приведенная формулировка не является исчерпывающей; по крайней мере stop отличается от нее указанием на в н е з а п - н о с т ь прекращения процесса (ср., в противоположность этому, cease, обычно указывающее на постепенное прекращение процесса). Иными словами, *прекратиться* и stop не являются, как это ни парадоксально, вполне точными переводами друг друга.

Если точного соответствия во многих случаях нет даже для отдельных пар слов (*костер* \cong fire, *рубить* \cong to chop, thrill \cong *острое ощущение*, abandon \cong *порыв, экстаз*), то это должно быть тем более верно для целых синонимических рядов.

Несоответствие синонимических рядов оказывается одновременно и количественным и качественным: во-первых, в двух приблизительно соответствующих друг другу рядах почти всегда разное число элементов; во-вторых, синонимы внутри этих рядов различаются и сходятся не по одним и тем же, а по разным семантическим, сочетаемым, конструктивным и стилистическим признакам.

Английскому трехэлементному ряду *help, aid, assist* соответствует русский двухэлементный ряд *помогать, подсоблять*. *Help* и *помогать* довольно точно соответствуют друг другу: они обозначают помощь и в производительном труде — физическом или интеллектуальном (to *help* smb. to chop the wood [to solve the problem] — *помогать кому-л. колоть дрова [решать задачу]*), и в действиях, замкнутых в получателе помощи — его перемещении, развитии и т. п. (to *help* smb. with money [with advice] — *помочь кому-л. деньгами [советом]*, to *help* smb. across the street [into the car] — *помочь кому-л. перейти улицу [сесть в машину]*). Однако на этом семантические и стилистические соответствия кончаются (внимательный читатель мог заметить, что конструктивные соответствия кончились еще раньше).

Действительно, русское *подсоблять*, возможно, из-за своего просторечного характера, обозначает, как правило, чисто ф и з и ч е с к у ю помощь в технически достаточно простом, незамысловатом трудовом процессе. Между тем английские синонимы глагола *help* — слова *aid* и *assist* — позволяют выделить в ситуации помощи совершенно другие аспекты. *Aid* предпочитается, если речь идет о действиях о р г а н и з а ц и о н н о г о характера (to *aid* in the preparation of the funeral) или если необходимо подчеркнуть наличие богатых ресурсов, силы у субъекта помощи и отсутствие этих свойств у ее получателя: to *aid* the underdeveloped countries, to *aid* the government with subsidies. *Assist*, наоборот, предполагает з а в и с и м о е положение субъекта помощи, выполнение н е г л а в н о й работы, возможно, по прямым указаниям получателя помощи (эта сторона дела хорошо отражена в заимствованных русских словах *ассистент, ассистировать*).

Рассмотрим бегло еще по одному синонимическому ряду из английского и русского языков. В рядах *choose, select, opt, elect, pick* — *выбирать, избирать, отбирать, подбирать* сопоставимы только *choose* и *выбирать*, имеющие самое

общее значение выделения и взятия одного или нескольких предметов из некоторой совокупности. *Select* указывает на широту возможностей, из которых делается выбор; *opt* — на наличие альтернативы (либо то, либо другое); *elect* — на серьезность выбора; *pick* — на выбор с последующим накоплением (to *pick* new words). В русском языке синонимы различаются по другим признакам. *Избирать* указывает не только на серьезность, но и на окончательность выбора (может быть, еще и на трудность решения); *отбирать* обозначает выбор по определенному признаку сразу нескольких предметов, а *подбирать* — выбор предмета, соответствующего другому предмету или определенной цели.

Картина этих многообразных и тонких различий между синонимами внутри одного языка и семантически близкими словами двух разных языков была бы затемнена, а в иных случаях — искажена до неузнаваемости, если бы перевод был основным средством толкования различий в двуязычном синонимическом словаре.

На первый взгляд кажется, что перевод мог бы все же остаться главным средством описания синонимов, если бы он использовался более интересным образом — так, как это делается в обычных двуязычных словарях, где почти для каждого бытового слова (не термина) в каждом из его значений дается не один переводной эквивалент, а ряд квазиэквивалентов, каждый из которых описывает лишь одну сторону переводимого слова. Следует, однако, заметить, что тогда задача формирования правильного представления об исходном слове целиком возлагается на читателя: он сам должен извлечь это представление, сопоставляя друг с другом квазиэквиваленты и догадываясь, соответствует ли исходному слову только их общая часть или еще и их специфические свойства. Очевидно, что в двуязычном синонимическом словаре, главной задачей которого является не перевод, а экспликация всех сходств и различий между синонимами, этот путь совершенно исключен.

Но тогда остается единственная возможность — характеризовать семантические, сочетаемостные, конструктивные, стилистические сходства и различия между синонимами не с помощью перевода на родной язык, а с помощью специального лексикографического языка, на котором все существенные свойства синонимов могут быть описаны полно, достаточно и максимально эксплицитно. При этом перевод на родной язык целесообразно использовать как подсобное средство описания.

Таким образом, рассмотрение проблем двуязычности приводит нас, с одной стороны, к тем же самым выводам, к которым мы пришли, изучая принцип активности. С другой стороны, поскольку переводом как главным средством экспликации пользоваться нельзя, возникает вопрос о специальном языке описания. Как мы увидим ниже, требуется даже не один, а несколько таких специальных языков.

1.3. Современность

Словарь синонимов английского языка должен находиться на уровне современных лексикографических и теоретических требований.

Лексикографические требования, которым должен удовлетворять наш словарь, определяются тем уровнем, который достигнут в лучших отечественных и зарубежных словарях синонимов.

Наиболее серьезным отечественным синонимическим словарем является двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (Л.: Наука, 1970, Т. I; 1971, Т. 2). Во-первых, в нем ликвидирован традиционно существовавший разрыв между синонимическими и толковыми словарями, проявлявшийся в несовпадении объектов описания: то, что фигурирует как одно значение в синонимическом словаре, обычно представляется в виде нескольких значений в толковом. В «Словаре синонимов русского языка» объекты описания в большинстве случаев соответствуют значениям толкового словаря. Во-вторых, при очень кратких (с нашей точки зрения совершенно недостаточных) пояснениях к синонимическим рядам, он содержит весьма богатый иллюстративный материал, даваемый не вперемешку с комментарием, а выделяемый в особую зону словарной статьи. Оба эти принципа представляются нам разумными.

Лучшим зарубежным словарем синонимов является, на наш взгляд, Webster's New Dictionary of Synonyms, новое издание которого, существенно исправленное и дополненное, вышло в 1968 году. Его привлекательным свойством является не только непревзойденное по тонкости и богатству наблюдений описание материала, но и интересная попытка его теоретического осмысления: сходства и различия синонимов описываются в нем по смысловым, ситуативно-сочетаемым и коннотативным признакам (*implications, applications, connotations*). Поэтому при составлении любого словаря английских синонимов данные Вебстеровского словаря должны быть учтены самым тщательным образом.

В связи с той ролью, которую Вебстеровский синонимический словарь как лексикографический источник сыграл в нашей работе, необходимо сказать несколько слов не только о его достоинствах, но и о его недостатках. Следует иметь в виду, что словарь Вебстера отражает уровень лингвистики начала 50-х годов и, в частности, те ограниченные представления о синонимии, которые господствовали в ту эпоху. Существо этих представлений можно суммировать следующим образом:

а) Синонимией считается не полное, а частичное совпадение значений, с допущением довольно больших семантических различий между «синонимами», например, *door* 'дверь', *gate* 'ворота', *portal* 'портал, главный вход', *postern* 'задняя или боковая дверь', *doorway* 'дверной проем'. Нам представляется невозможным построить общее и достаточно строгое определение синонимии, которое позволяло бы считать перечисленные слова синонимами и одновре-

менно не приводило бы к неприемлемым для самого автора определения следствиям в применении к остальному материалу.

б) Отношение синонимии часто устанавливается между целыми словами, а не между отдельными значениями слов. Поэтому в пределах одного ряда нередко рассматривается не одно, а сразу несколько значений, не всегда синонимичных друг другу. Так, в ряду *mend, repair, patch, rebuild* первый синоним представлен тремя значениями: 1) 'ремонттировать', 'чинить': to *mend* one's dress; 2) 'исправлять, совершенствовать': *mend* your manners /ways/; 3) 'закрепить': the wound *mended* slowly. *Repair* включен в ряд тоже в трех значениях: 1) 'ремонттировать': to *repair* a car; 2) 'восполнять': to *repair* the lack of early education; 3) 'совершенствовать': peace can be *repaired*. *Patch* представлен четырьмя значениями: 1) 'чинить': to *patch* overalls; 2) 'спасти от краха': to *patch* up one's marriage; 3) 'делать из кусочков': to *patch* a car together from pieces out of the junkyard; 4) 'составлять неполное представление о чем-л. на основании отрывочной информации': his life must be *patched* together from scattered references. Наконец, *rebuild* представлен двумя значениями: 1) 'восстанавливать, перестраивать': to *rebuild* a house; 2) 'переделывать': to *rebuild* a typewriter. Как видим, в некоторых значениях (ср., например, третье значение *mend*, второе значение *repair*, четвертое значение *patch* и любое из двух значений *rebuild*) эти слова несинонимичны; но даже если какие-то слова синонимичны сразу в нескольких значениях, типы семантической, стилистической, сочетаемостной и конструктивной дифференциации внутри соответствующих рядов далеко не всегда одни и те же. Следовательно, каждый ряд должен в принципе описываться отдельно (см. об этом ниже, раздел 2.1).

в) В тех случаях, когда отношение синонимии устанавливается не между словами, а между значениями слов, учитываются преимущественно два типа значений — прямые и основные (наиболее употребительные). Это приводит к тому, что громадный пласт лексических синонимов — слова, синонимизирующиеся в производных, переносных, фразеологически связанных значениях, — в словаре почти полностью отсутствует. Так, нет рядов *give, lend, render* 'оказывать', например, to *give* /to *lend*, to *render*/ assistance; *foot, bottom* 'низ', *head, top* 'верх', например, the *foot* /*bottom*/ [*head* /*top*/] of the stairs; *back, ago* 'назад', например, a few years *back* /*ago*/; *get, bring, make* 'заставлять', например, I couldn't *get* him to help me, she couldn't quite *bring* herself to do it; *good, clever* 'искусный', например, to be *good* /*clever*/ at arithmetic. В ряд слова *courage* 'мужество' не включено слово *heart*, хотя у него есть синонимичное значение, ср. "Rawdon had not the *heart* for that manoeuvre" (Thackeray); в ряд *perform, fulfil* и т. д. 'выполнять' не включен глагол *do*, который в этом значении отличается от *perform* и *fulfil* преимущественно стилистически, ср. to *do* /to *perform*/ one's duty, to *do* /to *fulfil*/ a function. Эти примеры можно без труда умножить.

г) Главным свойством синонимов считаются семантические различия между ними, описываемые достаточно полно. Сочетаемостные и стилистические различия, в особенности связанные с принадлежностью к книжной и архаичной лексике, отмечаются менее систематически, а синтаксические и иные

грамматические различия не упоминаются совсем. Никак не прослеживаются интересные и сложные связи между семантическими, стилистическими, конструктивными и сочетаемостными свойствами синонимов (этот вопрос рассматривается подробнее в разделах 2.1, 2.2, 2.4, 2.6 и 2.7). Не описываются или описываются неполно случаи семантически точной синонимии и условия нейтрализации различий между неточными синонимами.

д) Имеется дисбаланс в отношении к словам «высокого» и «низкого» стилей. В частности, книжной и даже архаичной лексике отдается явное предпочтение перед разговорной и просторечной. Этим, видимо, объясняется отсутствие в словаре таких, например, рядов, как *child*, разг. *kid* 'ребенок', *head*, разг. *chump* 'голова', 'башка', *lie*, разг. *tale* 'ложь, выдумка'; в ряду *nerve*, *effrontery*, *gall* и т. д. 'наглость' не даны разговорные синонимы *face*, *brass*, *sauce*; в ряду *courage*, *mettle* 'мужество' нет разговорного слова *spunk*.

е) Словарю чуждо представление о том, что описание синонимов должно выполняться на специальном лексикографическом языке и отвечать требованиям полноты, достаточности и эксплицитности.

Очевидно, что, взяв словарь Вебстера за основу работы, мы не могли слепо и во всем ему следовать. Ниже (в разделе 2.1) подробно говорится об отступлениях от Вебстера, на которые мы пошли; здесь же достаточно сказать, что все они объясняются одной общей установкой — стремлением написать словарь синонимов, который находился бы на уровне теоретической мысли 70-х годов.

Теоретические требования, которым должен удовлетворять наш словарь, определяются в первую очередь уровнем современной лингвистической семантики. В тех исследованиях, на которые мы будем ориентироваться, семантика мыслится как один из компонентов кибернетической модели языка. Кибернетической моделью языка называется логический автомат, имитирующий владение языком в определенном выше понимании этого термина (см. раздел 1.1). В конечном счете в задачи такого автомата входит формальное — реализуемое на вычислительной машине — установление соответствия между определенным смыслом и всеми выражающими его правильными текстами, с одной стороны, и между определенным текстом и всеми выражаемыми им смыслами, с другой. Так как логический автомат способен действовать лишь на основе абсолютно точных и исчерпывающих указаний, он будет правильно устанавливать соответствие между смыслами и текстами только в том случае, если в него будет заложено полное, достаточное и эксплицитное описание всех языковых объектов и правил. Но ведь это — как раз тот тип описания, который, на независимых основаниях, необходим и для активного двуязычного словаря синонимов. Иными словами, принципы активности, двуязычности и современности требуют от лексикографа выполнения одного и того же комплекса условий, а не нескольких разных.

Ориентация на современную кибернетическую лингвистику оказывается полезной еще в одном отношении. Задача установления соответствия между

смыслами и текстами ставится в теоретической семантике как задача перевода с искусственного семантического языка на естественный (что соответствует говорению, или синтезу текстов) и с естественного языка на семантический (что соответствует пониманию, или анализу текстов).

Преимущества специального семантического языка как средства записи исходной информации, подлежащей дальнейшему переводу на естественный язык, очевидны: семантический язык универсален, т. е. свободен от всего, что составляет специфику выражения смыслов в естественных языках. Каждый смысл, который в том или ином естественном языке выражается имплицитно, например, в составе большой комбинации смыслов типа тех, которые рассматривались выше, или посредством грамматической конструкции, или с помощью порядка слов и т. п., должен быть выражен эксплицитно — отдельным словом семантического языка. Из этого следует, что лексические соответствия между семантическим и естественным языком — не пословные, а более сложные: в общем случае одному слову естественного языка, которое имеет неэлементарное значение, соответствует целое словосочетание или предложение семантического языка.

Понятно, насколько важен для составителей синонимического словаря такой семантический язык: он оказывается именно тем средством, которое идеально соответствует целям эксплицитного описания всех семантических свойств синонимов.

В современной теоретической семантике разрабатываются специальные формальные языки не только для описания значений слов, но и для описания их лексико-семантической и синтаксической сочетаемости. В семантике они необходимы, потому что без таких языков оказывается невозможным решить задачу автоматического синтеза правильных, идиоматичных текстов; но коль скоро они созданы, ими целесообразно воспользоваться и для решения тех прикладных задач, в рамках которых возникают сходные проблемы, в частности — для составления словаря синонимов.

Как ясно из сделанных выше замечаний, на нынешнем этапе развития лингвистики и ее приложений возникла — впервые за всю историю существования науки о языке — возможность плодотворного синтеза лексикографии и семантики, которые до новейшего времени развивались в отрыве друг от друга. Чтобы читатель мог уяснить, каким образом мы представляем себе синтез лексикографии и теоретической семантики в словаре синонимов и чем данный словарь отличается от своих предшественников, рассмотрим структуру и состав его словарных статей.

2. Структура и состав словарной статьи

Каждая словарная статья нашего словаря содержит подробный анализ одного синонимического ряда. Под синонимическим рядом понимается группа слов, принадлежащих к одной и той же части речи и имеющих одинаковые

семантические описания или описания с большой общей частью (семантическое описание складывается из толкования, перечня семантических ассоциаций, сведений о логическом акценте и ряда других; понятия толкования, семантической ассоциации и логического акцента рассматриваются ниже, в разделе 2.2). Только слова первого типа (с полностью совпадающими семантическими описаниями) являются собственно синонимами; слова второго типа (с частично совпадающими семантическими описаниями) следовало бы называть квазисинонимами. Однако, в соответствии с традицией синонимических словарей, мы сохраним термин « с и н о н и м » за словами второго типа, а слова первого типа будем именовать т о ч н ы м и с и н о н и м а м и .

В нашем словаре дается около 400 наиболее употребительных синонимических рядов английского языка. По объему — это лишь небольшая часть материала, содержащегося в словаре Вебстера. По разным причинам, по большей части техническим, мы не рассматриваем очень многих вебстеровских рядов и не расширяем наш словарь за счет рядов, которых Вебстер совсем не дает. Вообще, как мы уже говорили, в связи с экспериментальным характером нашего словаря мы стремимся не к полноте охвата английской лексики в целом, а к полноте описания каждого представленного в словаре синонимического ряда.

Типовая словарная статья нашего словаря состоит из следующих восьми зон: 1) вход, 2) толкование, 3) перевод, 4) значение, 5) примечания, 6) конструкции, 7) сочетаемость, 8) иллюстрации. Рассмотрим подробно каждую из этих зон.

2.1 Вход

Вход словарной статьи — это сам синонимический ряд, т. е. упорядоченный список синонимов, которые в ней рассматриваются. В большинстве случаев он формально совпадает с входом соответствующей словарной статьи Вебстеровского словаря синонимов. Отступления от Вебстера сводятся к следующему:

а) Иногда в ряд д о б а в л я ю т с я синонимы, по необъяснимым причинам отсутствующие у Вебстера; например, в ряд *solitude, seclusion, isolation* 'одиночество' добавлено слово *loneliness*, семантически очень близкое к *solitude*.

б) Иногда из ряда у с т р а н я ю т с я некоторые слова, семантически достаточно далекие от его основного значения. Так, из ряда *remember, recollect, recall* 'вспоминать' исключен глагол *remind*, имеющий значение 'каузировать кого-л. вспоминать', 'напоминать кому-л. о чем-л.'. Из ряда *recede, retreat* и т. д. 'отступать, отходить' убран *retract* 'отводить', имеющий другое — переходное и каузативное — значение. В ряду *slide, glide, glissade, slip* и т. д. 'скользить, поскользнуться' сняты глаголы *coast* 'катиться на свободном ходу' и *toboggan* 'скатываться на санках'.

в) Два достаточно близких ряда могут быть с л и т ы в один, если это приводит к более последовательной трактовке материала в рамках всего сло-

варя. Например, различия в количестве движения, при совпадении характера движения, обычно рассматриваются Вебстером в пределах одного ряда. Таковы, в частности, ряды *swing* 'качаться', *sway* 'покачнуться', *undulate* 'волноваться', *fluctuate* 'колебаться', *oscillate* 'осциллировать', *vibrate* 'вибрировать, очень мелко колебаться'; *shake* 'трястись', *quake* 'сотрясаться, шататься', *shiver* 'трястись мелко и дрожью, дрожать'; и очень многие другие. Это дает нам основание объединить ряды *jump, leap, spring, bound, vault* 'прыгать, перемещаться прыжками' и *skip, hop* 'делать мелкие прыжки, перемещаться мелкими прыжками'.

г) Всякий вебстеровский ряд, в котором объединено несколько разных значений синонимов, разбивается на несколько новых рядов так, чтобы в каждом новом ряду все синонимы были представлены ровно одним своим значением и чтобы это значение было у всех синонимов ряда. Здесь возможны три разные ситуации.

Первая и самая важная из них чаще всего, хотя и не обязательно, связана с так называемой регулярной (повторяющейся) многозначностью. Один тип регулярной многозначности, широко представленный в нашем словаре, заслуживает отдельного упоминания. Речь идет о прилагательных, обозначающих интеллектуальные, эмоциональные, моральные и физические свойства и состояния человека. Такие прилагательные систематически обнаруживают комбинацию значений следующих двух типов: 1) 'имеющий некоторое свойство'/'находящийся в некотором состоянии' — 2) 'выражающий это свойство'/'состояние', ср. *intelligent* [stupid] man 'умный [глупый] человек' — *intelligent* [stupid] look [answer] 'умный [глупый] взгляд [ответ]', *merry* [sad] boy 'веселый [грустный] мальчик' — *merry* [sad] eyes [smiles] 'веселые [грустные] глаза [улыбки]', *deft* [awkward] animals 'ловкие [неуклюжие] животные' — *deft* [awkward] movements 'ловкие [неуклюжие] движения', *honest* [sly] person 'честный [хитрый] человек' — *honest* [sly] question 'прямой [коварный] вопрос'. Значение первого типа реализуется в сочетании с существительными, обозначающими человека, животное или тот орган (то устройство), который является носителем данного свойства, ср. *intelligent mind* 'ясный ум', *sad soul* 'грустная душа', *deft hands* 'ловкие руки', *upright character* 'прямой характер'; значение второго типа реализуется в сочетании с существительными, обозначающими слова, мимику, жесты, поступки.

Если регулярную многозначность этого типа обнаруживают все синонимы некоторого вебстеровского ряда, то такой ряд разбивается на соответствующее число рядов второго порядка — отдельных значений, имеющих один общий вход, но разные номера — арабские цифры, которые ставятся перед толкованием. Таким образом расщеплены ряды *intelligent, clever, bright, smart* и т. д. 'умный', *angry, wrathful, indignant, mad* и т. д. 'гневный' и очень многие другие.

Само собой разумеется, что точно так же мы поступаем и с другими рядами, все члены которых имеют одну и ту же комбинацию значений, независимо от того, представлена ли в них регулярная многозначность этого или иного

типа или нет. Единый вебстеровский ряд *threaten, menace* расщепляется в нашем словаре на следующие три ряда-значения: 1) 'обещать кому-л. причинить зло': to *threaten* /to *menace*/ smb. with destruction [to kill smb.]; 2) 'заключать в себе признаки чего-л. неприятного или страшного' (ср. *предвещать*): the clouds *threatened* rain, stones and loose earth *menaced* to bury him entirely, tears [smoke] *threatened* /*menaced*/ to choke him; 3) 'пугать возможностью осуществления' (ср. *грозить*): a fog [death, the earthquake] was *threatening* /*menacing*/.

Вторая ситуация отличается от первой тем, что лишь некоторые, но не все синонимы вебстеровского ряда имеют одну и ту же комбинацию значений. Такой ряд разбивается на вполне самостоятельные ряды — каждый со своим входом. Так, вебстеровский ряд *summon, call, convene, convoke, muster* разбит на следующие три ряда: 1) *convene, convoke, call, summon, muster* 'созывать, собирать' (парламент, заседание и т. п.); 2) *summon I, call, muster* 'собирать, напрягать, мобилизовывать' (внутренние ресурсы — мужество, силы, ум, энергию); 3) *summon II, call* 'звать, вызывать, требовать, чтобы явился'.

В третьем и последнем случае одно или несколько слов вебстеровского ряда представлены в соответствующей словарной статье не только тем значением, в котором они синонимичны всем остальным словам, но и еще некоторыми значениями, не имеющими синонимических связей ни внутри этого ряда, ни вне его (в пределах рассматриваемого в словаре материала). Такие значения мы выносим в зону Примечаний (см. ниже раздел 2.5).

В связи со сказанным в пункте г) подчеркнем, что защищаемый нами принцип разграничения значений создает возможность в ясной форме — через многозначность целых рядов или отдельных элементов внутри ряда — показать сложную и тонкую сеть взаимосвязей синонимических рядов.

д) В тех случаях, когда вебстеровский ряд так или иначе перестраивается, может быть изменена и «доминанта» ряда — его заглавное слово. Очевидно, например, что глагол *summon*, являющийся доминантой в ряду синонимов со значением 'требовать, чтобы явился', не может возглавлять ряд со значением 'созывать': это значение, побочное для *summon*, оказывается основным для глагола *convene*, который и должен в данном случае выступить в роли доминанты.

е) Порядок перечисления синонимов внутри ряда (и, соответственно, порядок их описания внутри словарной статьи) может быть изменен по сравнению с принятым в Вебстеровском словаре. Такое изменение производится тогда, когда оно способствует более ясному описанию семантической структуры ряда, т. е. выделению в нем семантических групп и подгрупп синонимов. Так, ряд *slide, slip, glide, skid, glissade, slither* переупорядочен в ряд *slide, glide, glissade, slip, skip, slither* с целью подчеркнуть более тесные смысловые связи между *glide, glissade* (плавное красивое скольжение, в большинстве случаев намеренное) и *slip, skid* (скольжение, вызванное потерей равновесия или устойчивости, ненамеренное и часто связанное с опасностью).

ж) Вход нашего словаря содержит, помимо перечня синонимов, еще и характеристику их стилистических свойств, которая выполняется на общеприня-

том в лексикографии языке стилистических помет. Эта форма описания стилистических свойств слова гораздо более экономна, чем принятые в словаре Вебстера (и других синонимических словарях) многословные пояснения, даваемые в толкующей части статьи.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что хотя, стилистические свойства синонимов, с одной стороны, и их семантические, сочетаемостные и конструктивные особенности, с другой, логически независимы друг от друга, во многих случаях между ними имеется вполне определенная связь. Речь идет о м о т и в и р о в а н н о с т и некоторых семантических, сочетаемостных и конструктивных особенностей синонимов их стилистическими свойствами.

В ряду синонимов *face, countenance, visage* 'лицо' лишь первое, стилистически нейтральное, слово способно обозначать переднюю часть головы не только человека, но и животного и, следовательно, сочетаться с названием ж и в о т н о г о : *the monkey's face*, "The *face* of Katy (имя свиньи. — Ю. А.) was a *tiger's face*" (Steinbeck). *Countenance* и *visage*, слова книжного языка, с неизбежными в таких случаях ассоциациями красоты или величия, неспособны обозначать морду животного и используются, следовательно, только применительно к ч е л о в е к у (похожий пример разбирается в разделе 2.2).

В ряду *effrontery, nerve, cheek, gall* 'наглость, нахальство' последние три синонима, в силу своего разговорного характера, синтаксически гораздо менее свободны, чем *effrontery*. Существует немного конструкций, в которых способны употребляться все четыре синонима, — *to have the effrontery /the nerve, the cheek, the gall/ to do smth., smb.'s effrontery /nerve, cheek, gall/ (maddened him), the effrontery /the nerve, the cheek, the gall/ of smb. (was maddening)*. *Cheek* и — реже — *nerve* употребляются еще в конструкции *it's (awful) cheek my coming so late* и в качестве дополнения к глаголу *give*: "Nothing but genuine inspiration could give a woman such *cheek*" (Shaw). Но в таких, например, конструкциях, как *the effrontery of looking into her soul, a kind of haughty effrontery, the cool effrontery of a Yankee* синонимы *cheek, nerve* и *gall* нормально не употребляются.

В тех случаях, когда нам удавалось проследить такие связи, они описываются в соответствующей зоне словарной статьи («Значении», «Конструкциях» или «Сочетаемости»).

Мы говорили здесь только о тех отступлениях от Вебстера, которые касаются входа словарной статьи. Этим, конечно, не исчерпываются различия между нашим и Вебстеровским словарями — если бы дело обстояло таким образом, не стоило бы писать нового словаря. Наиболее существенные и принципиальные различия связаны с толкованием значения синонимического ряда, описанием смысловых, сочетаемостных и конструктивных особенностей синонимов, характеристикой условий, в которых возможны их взаимозамены, и т. п.

2.2 Толкование

В связи в проблемой толкования мы рассмотрим коротко понятие о б ъ - е к т а толкования, т. е. значение слова или синонимического ряда (то, что толкуется) и, более подробно, понятие с р е д с т в а толкования, т. е. семантический язык (то, с помощью чего толкуется).

В значение слова в общем случае входят следующие два компонента:

1) н а и в н о е понятие об обозначаемой словом вещи, ситуации, свойстве, состоянии, процессе и т. п.; ср. наивное понятие воды как прозрачной бесцветной жидкости, используемой для питья и других целей, и научное понятие воды как химического вещества, в состав которого входят два атома водорода и один атом кислорода. В наивное понятие о с и т у а ц и и (участниках, их свойствах и отношениях между ними) может входить еще представление о месте, которое занимает в ней воспринимающее ее лицо, или наблюдатель. Для употребления прилагательных *distant, far, far-off, far-away* 'далекий' положение наблюдателя не имеет значения. Их синоним *remote* значит, что некий предмет А удален на большое расстояние от пункта В, причем В рассматривается говорящим как м е с т о н а х о ж д е н и е н а б л ю д а т е л я или центральная точка, от которой ведется о т с ч е т расстояния: I went abroad to a *remote* spot where I thought I wasn't likely to meet anyone who knew me.

2) О ц е н к а этой вещи, ситуации и т. д. со стороны участников общения, т. е. говорящего или слушающего, как хорошей или плохой, сомнительной, вероятной или достоверной, желательной или нежелательной и т. п. Оценочные компоненты характерны в особенности для значений ограничительных, выделительных и усилительных частиц (типа *даже, уж, только, ведь*), уступительных и противительных союзов (типа *хотя, но, однако*), некоторых семантических классов модальных слов и наречий (типа *совсем, всего, отнюдь*).

Они образуют так называемую м о д а л ь н у ю р а м к у толкования.

Оценка — весьма тонкий, иногда трудно уловимый компонент значения. Поэтому, вводя это понятие, мы считаем целесообразным сначала рассмотреть русский материал, которым читатель владеет в совершенстве и правильность анализа которого он сможет контролировать непосредственно — с помощью своей языковой интуиции. Мы сравним две русские частицы — *еще* и *уже* — в предложениях типа *еще Щерба обращал внимание на необходимость изучения языковых ошибок* и *уже Щерба обращал внимание на необходимость изучения языковых ошибок*. В анализируемом (усилительном) значении *еще* и *уже* имеют большую общую часть: 'некий факт Р имел место в относительно давнее время Т, и это представляется интересным'. Вместе с тем между ними имеется ясно осязаемое, хотя и трудно формулируемое различие, которое становится особенно заметным в предложениях, где взаимозамены невозможны: ср. *идея «отрицательного языкового материала» появилась в лингвистике не сразу, но уже Щерба энергично ее пропагандировал* при невозможности или сомнитель-

ности *идея «отрицательного языкового материала» появилась в лингвистике не сразу, но еще Щерба энергично ее пропагандировал. Внимательно всматриваясь в эти и другие подобные предложения, мы обнаруживаем, что еще и уже дают говорящему возможность по-разному оценивать то время *T*, к которому он относит описываемый им факт *P*. Это различие фиксируется в модальных рамках соответствующих толкований. Еще *P* \cong 'факт *P* имел место в относительно давнее время *T*; говорящий считает это интересным; говорящий считает, что *T* не является частью того времени *T'*, в котором говорящий мыслит себя.' Уже *P* = 'факт *P* имел место в относительно давнее время *T*; говорящий считает это интересным; говорящий считает, что *T* является частью того времени *T'*, в котором говорящий мыслит себя'.

Хотя, как мы сказали, такие оценочные компоненты характерны в первую очередь для значений частиц, некоторых союзов и наречий, они отнюдь не являются исключительной принадлежностью названных классов слов. Рассмотрим, например, фразему *take care* и глагол *bother* в значении '(по)заботиться'. *Take care* вполне свободно употребляется в самых различных типах предложений, в частности в утвердительных предложениях: *the criminal took care to rub off his finger-prints*. Между тем *bother* в этом отношении жестко ограничен: он используется преимущественно в отрицательных, вопросительных, модальных и «сомнительных» предложениях, например, *the criminal didn't bother to rub off his finger-prints; do you think he will bother to rub off his finger-prints?; he would scarcely bother to rub off his finger-prints*. Нельзя сказать **the criminal bothered to rub off his finger-prints*. Это различие в синтаксическом поведении *take care* и *bother* объясняется тем, что в значении *bother* имеется оценочный компонент, совершенно несвойственный *take care*. Этот оценочный компонент естественно описать следующей модальной рамкой: *bother (to do P)* = '(по)заботиться сделать *P*; говорящий считает маловероятным, что субъект позаботится сделать *P*' (см. также раздел 2.6).

Наивное понятие и оценка (если она существенна, что верно далеко не для всех слов) исчерпывают предмет толкования в собственном смысле, причем описание наивного понятия образует ядро толкования, а описание оценки составляет его модальную рамку. Однако полное семантическое описание слова, представляющее первостепенный интерес и для словаря синонимов, шире, чем его значение, и включает, кроме значения, сведения о пресуппозициях, о вызываемых словом семантических ассоциациях, или коннотациях, о логическом акценте и ряд других, для нас менее существенных.

Пресуппозиции называются те элементы толкования, которые остаются неизменными под отрицанием. Так, в слове *bachelor* = 'мужчина, достаточно давно достигший брачного возраста и никогда не состоявший в браке' первый компонент ('мужчина') образует пресуппозицию *bachelor*, а все остальные — собственно значение. Действительно, если мы говорим *Peter is not a bachelor*, мы ни в коем случае не отрицаем того, что Питер является мужчиной; отрицается лишь то, что он никогда не состоял в браке. Пресуппо-

зиции стали предметом лингвистического изучения только в последние десять-пятнадцать лет, и накопленного материала еще недостаточно для широкого лексикографического освоения. Поэтому в нашем словаре пресуппозиции почти никогда не описываются отдельно от других компонентов значения.

Семантические ассоциации отражают связанные со словом культурные представления и традиции, историю его литературной обработки, его этимологию, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы. Понятие семантической ассоциации можно иллюстрировать словом *prey* 'жертва', которое, по-видимому под влиянием своей этимологии, наводит на мысль о страшном, жестокости, зле. У его синонима *victim* таких ассоциаций нет.

Третье понятие — логического акцента, подчеркивания или выделения одного из компонентов значения в качестве главного — можно иллюстрировать синонимами *grateful*, *thankful* 'такой, который считает или знает, что ему сделали добро, и чувствует себя обязанным компенсировать его словесным признанием или ответным добрым поступком' (ср. *признательный*, *благодарный*). *Grateful* предпочитается в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть значительность оказанной кому-л. услуги, а *thankful* — в тех, когда нужно подчеркнуть силу испытываемого субъектом чувства: *you've helped me, and I'm grateful to you; I'm thankful that his life was spared in the accident.*

Семантические компоненты, входящие в значение слова и, следовательно, фиксируемые в его толковании, могут быть постоянными, характеризующими его в любом случае употребления, и переменными — вероятными, но не обязательными. В ряду *stern*, *severe*, *austere*, *ascetic* 'строгий, суровый, аскетический' первый синоним обозначает свойство характера, проявляющееся в предъявлении жестких требований к другим, а последний — свойство характера, проявляющееся в предъявлении жестких требований к самому себе. Это — постоянные компоненты значений *stern* и *ascetic*. В отличие от этого *severe* предполагает скорее суровость по отношению к другим, чем к себе, но иногда может обозначать и обращенную на самого себя суровость: *a severe teacher* 'строгий учитель', *he was as severe with himself, as with others* 'он не жалел ни себя, ни других'. Характерно, что в предикативе без дополнений *severe* понимается в первом смысле: *he is a severe one*. *Austere*, наоборот, чаще обозначает аскетическую суровость, т. е. суровость, обращенную на самого себя, но может обозначать и суровость по отношению к другим: *an austere character* 'почти аскетический характер' — *an austere father* 'строгий отец'. Для *severe* и *austere*, следовательно, компоненты 'по отношению к другим' — 'по отношению к себе' вероятные, но не обязательные; поэтому в толкованиях соответствующих слов им предшествуют компоненты 'скорее', 'иногда', 'чаще', 'может'⁴.

⁴ Строго говоря, эти компоненты суть не элементы смысла, а метаутверждения о типичных условиях использования соответствующих слов.

Компонент значения или полного семантического описания слова необходимо отличать от его сочетаемостного признака. Из того, что *salubrious* сочетается преимущественно со словами *climate* и *air* (см. раздел 1.1), никак не следует, что смыслы 'климат' и 'воздух' должны быть включены в его толкование: указанное свойство — чисто сочетаемостная особенность *salubrious*, а не компонент его значения.

Перечисленные компоненты значения или семантического описания слова вообще, а также его сочетаемостные или даже конструктивные признаки часто называются в специальной литературе оттенками значения. Между тем каждый из таких компонентов и признаков описывается, как мы только что видели, особым теоретическим понятием. Поэтому мы не усматриваем нужды в понятии оттенка значения и в нашем словаре этим термином не пользуемся.

Перейдем ко второй теме — семантическому языку, который, как мы пытались показать в разделе 1.2, необходим для описания смысловых сходств и различий между синонимами. Понимая, что в таком традиционном деле, как лексикография, реформы полезнее, чем революция, мы выработали для словаря синонимов компромиссное средство описания — упрощенный стандартизованный русский язык, состоящий из ограниченного числа относительно простых слов и конструкций.

Прежде чем характеризовать этот стандартизованный язык, продемонстрируем некоторые его особенности в максимально наглядной форме — путем сопоставления выполненных на нем толкований с параллельными толкованиями из Вебстера (в переводе на русский язык).

Grateful, thankful — см. выше; Вебстер: 'чувствующий или выражающий благодарность (*gratitude*)'.

Attachment, affection, love 'чувство, испытываемое к объекту, который приятен субъекту и каузирует у него желание быть в контакте с объектом или делать ему добро'. Вебстер: 'чувство, одушевляющее человека, который непритворно любит (*is genuinely fond of*) кого-л. или что-л.'.

Hatred, detestation, abhorrence, abomination, loathing 'чувство, испытываемое к объекту, который неприятен субъекту и каузирует у него желание не быть в контакте с объектом или делать ему зло'. Вебстер: 'крайнее отвращение (*aversion*), в особенности сопряженное с враждебностью или злобой'.

Enemy, foe 'тот, кто, борясь с кем-л., стремится его уничтожить или сделать ему зло'. Вебстер: 'лицо или группа лиц, которая враждебна (*is hostile*) или демонстрирует враждебность по отношению к другому'.

Misfortune, adversity, mischance, mishap 'событие, оказывающее отрицательное или пагубное влияние на нормальную жизнедеятельность человека'. Вебстер: 'неудача (*bad luck*) или несчастье (*adverse fortune*) или их проявление'.

Accident, casualty, mishap 'случайное событие, оказывающее отрицательное или пагубное влияние на нормальную жизнедеятельность или функционирование объекта'. Вебстер: 'случай или случайное событие, приносящее ущерб или потерю'.

Jump, leap, spring, bound, skip, hop 'а) мгновенным усилием мышц переместиться в пространстве, утратив контакт с опорой, или б) перемещаться таким способом'. Вебстер: 'внезапно перемещаться в пространстве посредством или как бы посредством работы мышц (by or as if by a muscular effort)'.

Beat, pound, pummel, thrash, buffet, baste, belabour 'с силой приводя компактный предмет в контакт с телом живого существа, стараться каузировать у него физическую боль'. Вебстер: 'ударять неоднократно (repeatedly)'.

Даже при беглом сравнении этих толкований бросаются в глаза следующие их особенности: а) наши толкования пространны, вебстеровские — кратки; б) наши толкования иногда стилистически шероховаты, вебстеровские — почти всегда стилистически безупречны; в) понимание наших толкований, ввиду непривычности их формы, требует известных усилий, а вебстеровские толкования воспринимаются легко; г) наши толкования строятся на основе относительно простых смыслов, вебстеровские — на основе достаточно сложных; д) в наших толкованиях встречаются искусственные слова ('каузировать'), в вебстеровских — нет; е) наши толкования содержат довольно много повторяющихся слов ('добро', 'зло', 'делать', 'каузировать', 'чувство', 'субъект', 'объект', 'приятный', 'не', 'контакт', 'отрицательный', 'нормальный' и другие), а в вебстеровских толкованиях повторяющихся слов почти нет.

Эти расхождения не случайны, а объясняются некоторыми общими принципами описания значений. Вот наиболее важные из них:

а) Сложное значение должно толковаться через более простые значения (см. примеры выше). Хотя получающиеся толкования могут показаться громоздкими и неуклюжими, на их основе естественно решаются главные задачи синонимического словаря: во-первых, с их помощью легко выразить семантические сходства и различия между синонимами одного и того же ряда, например, тот факт, что *hatred* подчеркивает желание причинить человеку зло, а *detestation* — нежелание быть с ним в контакте (ср. также анализ пары *grateful* — *thankful* на с. 262); во-вторых, они позволяют увидеть семантические сходства и различия между разными, но близкими по значению синонимическими рядами (ср., например, ряды *attachment, affection, love* и *hatred, detestation, abhorrence, abomination, loathing; misfortune, adversity, mischance, mishap* и *accident, casualty, mishap*).

Толкования Вебстера не годятся для этих целей, потому что в них одно сложное значение ('любовь', 'ненависть', 'враг', 'беда') определяется через другое столь же сложное ('любить', 'отвращение', 'враждебный', 'несчастье'). В результате в определениях возникает тавтологический круг, а в худшем случае еще и неточность. Действительно, если *grateful* и *thankful*, как это следует из дальнейшего вебстеровского описания, различаются, то вряд ли оба они обозначают 'gratitude'; должно быть, *thankful* обозначает 'thankfulness'. *Hatred* 'ненависть', конечно же, не является разновидностью *aversion* 'отвращение': это — два разных, хотя и родственных друг другу чувства. То же самое можно сказать о *misfortune* и *bad luck, attachment* и *fondness*.

Принцип ступенчатого сведения сложных значений ко все более простым предполагает, что какие-то значения должны использоваться в качестве элементарных, т. е. неопределяемых. Таково, например, значение 'хотеть': оно не может быть истолковано ни через какие более простые значения, ибо таких значений не существует. В подобных случаях толкование ряда словесно совпадает с одним из его переводных эквивалентов: *desire, wish, want* 'хотеть' (переводы: *хотеть, желать*).

б) Толкования должны быть полными и достаточными. Очевидно, что если толкования неполны, нельзя будет продемонстрировать в всех семантических сходств и различий между синонимами; если же они избыточны, синонимам будут приписаны несуществующие сходства и различия. В связи с этим в ряде ситуаций возникает нужда в искусственных словах. Одно из них — глагол 'каузировать' — заслуживает особого упоминания.

'Каузировать Р' значит, по определению, 'действовать так, что непосредственно начинает иметь или имеет место ситуация Р'. В этом смысле слово 'каузировать' используется в толковании многих каузативных глаголов, например, *open* = 'каузировать открываться', *kill* = 'каузировать умирать' и т. п. Возникает вопрос, нельзя ли в этих и других подобных толкованиях заменить искусственный глагол 'каузировать' каким-нибудь словом естественного языка. Этот вопрос широко обсуждался в теоретической литературе в связи с предложением толковать каузативные глаголы типа *open, kill, break, grow, burn* и т. д. с помощью английского глагола *to cause*. На первый взгляд кажется, что *to cause* имеет нужное значение: *to open (the door) = 'to cause (the door) to open'*, *to kill (a bird) = 'to cause (a bird) to die'*, *to break (the window) = 'to cause (the window) to break'*, *to burn (the toast) = 'to cause (the toast) to burn'* и т. д. Было, однако, замечено, что словосочетания с глаголом *to cause* значат не совсем то же самое, что соответствующие каузативные глаголы. Можно сказать *he caused the door to open by tickling Sally who was pressed against it*, но не **he opened the door by tickling Sally who was pressed against it*: в последнем случае дверь открыл не он, а Салли. Равным образом, *John's negligence caused the toast to burn* ≠ **John's negligence burned the toast* и т. д. Дело в том, что в *to open the door, to burn the toast* и других подобных словосочетаниях выражена идея непосредственной каузации, которая чужда реальному английскому глаголу *to cause*. Поэтому толкование *to open (the door) = 'to cause (the door) to open'* и другие подобные оказываются семантически неполными. Сказанное очевидным образом справедливо и для ближайшего русского эквивалента *to cause* — глагола *вызывать*: *убить привратника* и *вызвать смерть привратника* явно неравнозначны; следовательно, *убить* ≠ 'вызвать смерть'.

Если же мы попытаемся определить глаголы типа *open, kill, grow, break* (или их русские эквиваленты) с помощью других общекаузативных глаголов, таких, как *будить* (*мысли, любопытство*), *внушать* (*уважение, чувство жалости*), *возбуждать* (*любопытство, интерес*), *заставлять* (*работать, отсту-*

пать), порождать (неуверенность, недовольство собой), приводить (к путанице, к распадению), приносить (несчастье, страдания), причинять (боль, вред), чинить (беззакония, препятствия), мы сделаем толкования семантически и з б ы т о ч н ы м и, т. е. перегрузим их лишними смысловыми признаками: очевидно, что каждый из перечисленных здесь глаголов отличается от 'каузировать' особой, одному ему присущей семантической надбавкой.

Таким образом, для толкования глаголов типа open, break, burn и других подобных нужен смысл, не выразимый ни одним реальным глаголом русского языка. Нам не остается ничего другого, как ввести для компактного обозначения этого смысла искусственный глагол 'каузировать'.

в) Каждое слово русского языка, участвующее в толковании, должно использоваться ровно в о д н о м смысле, а каждый смысл, нужный для толкования, должен выражаться ровно о д н и м словом; иначе говоря, слова и смыслы стандартизованного языка должны (в идеале) находиться во взаимно-однозначном соответствии (в нем не должно быть ни синонимов, ни омонимов). Соблюдение этого требования позволяет э к с п л и ц и т н о описать все сходства и различия между значениями, независимо от того, идет ли речь об отдельных словах или целых синонимических рядах: значения сходны, если их толкования содержат б у к в а л ь н о с о в п а д а ю щ и е части, т. е. одни и те же слова; они различны, если их толкования хотя бы частично различаются (см. приведенные выше толкования).

Как ясно из сказанного выше, сформулированные нами требования — отнюдь не прихоть и не модный выверт. Они диктуются существом дела. Если они не соблюдаются, толкования становятся настолько неясными, что временами превращаются в настоящие загадки, способные завести в тупик самого добросовестного и доброжелательного читателя. Разберем типичный для синонимических словарей пример.

В словаре Вебстера рассматриваются в качестве разных следующие два ряда синонимов: *desire, wish, want, crave, covet* с толкованием 'to have a longing for something' и *long, yearn, hanker, pine, hunger, thirst* с толкованием 'to have a strong and urgent desire for something'. Отдельно про *crave* говорится, что этот глагол 'implies strongly the force of physical or mental appetite', а про *covet* — что он 'implies a strong, eager desire'. Это описание порождает массу вопросов, но не дает ответа ни на один из них. Прежде всего, есть ли различие между *desire* и *longing* или они значат одно и то же? Если верить второму определению, то различие есть: *longing* — это 'strong and urgent desire'; но тогда каким же образом *desire* и его ближайшие синонимы *wish* и *want* могут обозначать просто 'longing', как это предполагается первым определением? Если верить первому определению, то почему в словаре даны два синонимических ряда, а не один? Если верить второму определению, почему *crave* и *covet* помещены в первый ряд, а не во второй? Есть ли семантическое различие между 'strong and urgent desire' (*long, yearn, hanker* и т. д.) и 'strong and eager desire' (*covet*), или это различие чисто словесное и реально имеется в виду одно и то же — 'сильное и нетерпеливое желание'? Надо ли понимать по-разному (и

если надо, то как именно) определения 'means a strong and urgent desire' и 'implies strongly the force of physical or mental appetite', или это стилистический изыск со стороны составителей, которые боятся пресных формулировок? Подобные вопросы, неизменно возникающие у всякого внимательного читателя синонимических словарей, можно задавать десятками.

Эта критика не имеет целью умалить достоинства Вебстеровского словаря, тем более что мы намеренно выбрали одно из самых неудачных описаний объективно очень трудного материала. Мы, однако, хотим самым определенным образом заявить, что в трудных случаях (а таких случаев большинство) существует ровно одна альтернатива описаниям только что рассмотренного типа: это — как раз те неуклюжие, громоздкие, неидиоматичные толкования, которые выполнены на стандартизованном языке.

Следует сказать, что идея стандартизованного языка не чужда и традиционной лексикографии, хотя раньше она не формулировалась явно и никогда не проводилась последовательно. Стоит на минуту задуматься о том, что представляет собой язык толкующей части обычного одноязычного словаря, чтобы немедленно понять, что он не совпадает с толкуемым языком хотя бы потому, что гораздо беднее его. В русском языке есть около десятка слов (с учетом просторечия и жаргонизмов), имеющих значение 'глаза': *глаза, очи, зенки, буркалы, гляделки, мигалки, бельма, шары* и т. д. Тем не менее лишь одно из них — *глаза* — выбирается для толкующего языка и участвует в определениях не только всех остальных синонимов этого ряда, но и таких слов, как *белки, брови, веки, выщипать, глазница, глазной, глаукома, глядеть, дальтонизм, закатывать, зрачок, зрение, карий, окулист, очки, подглазье, пучить, пялить, радужная оболочка, смотреть, таращить, трахома* и т. п. Никому не придет в голову толковать, например, *дальтонизм* как 'неспособность очей воспринимать различие между некоторыми цветами' или *очки* как 'прибор для компенсации недостатков зрения или защиты зенок от яркого света, пыли и т. д.'

Не следует думать, что в данном случае выбор толкующего слова диктуется принципиально другими соображениями, чем в рассмотренном выше примере с каузативными глаголами: здесь — стилистическими (выбирается самое нейтральное слово), там — семантическими. В действительности мотивация выбора в обоих случаях семантическая, хотя, может быть, лексикограф не всегда отдает себе в этом отчет. Мы уже писали в свое время, что *очи*, например, — это большие и красивые глаза; очевидно, что *буркалы, бельма* и *шары* — это большие и некрасивые глаза, *мигалки, гляделки* и *зенки* — маленькие и некрасивые или производящие неприятное впечатление глаза и т. п. К этому можно добавить, что все эти по видимости чисто стилистические синонимы слова *глаза* отличаются от него тем, что обозначают преимущественно *человеческие глаза*; лишь *глаза* нормально обозначают орган зрения не только человека, но и животного, рыбы, насекомого. *Глаза*, следовательно, являются семантически наиболее общим словом в рассматриваемом синони-

мическом ряду. Если бы мы выбрали для толкований любой другой синоним, мы бы допустили не только стилистические, но и семантические ошибки. Хотя *карий* — это цвет человеческих глаз и *подглазья* бывают, видимо, тоже обычно у людей, но *глядят*, *смотрят*, а также *пучат /пялят, тарачат/ глаза* не только люди. Для толкования таких слов существительные *очи* и *зенки* не подходят по семантическим основаниям.

Итак, даже в традиционной лексикографии выбор слов, используемых для толкований, не произволен, а подчинен определенным принципам. Последовательное развитие этих принципов и приводит к тому понятию толкования и стандартизованного языка, которое было изложено выше.

2.3 Перевод

Перевод на русский язык, даваемый сразу после толкования, преследует две цели: облегчить для читателя восприятие толкования и сопоставить, насколько это возможно в двуязычном словаре, соответствующие фрагменты синонимических систем английского и русского языков.

В зоне перевода дается обычно ряд русских синонимов, систематически упорядоченный таким образом, чтобы переход от первого к последнему элементу русского ряда соответствовал, хотя бы приблизительно, переходу от первого к последнему элементу английского ряда, например, *want, wish, desire, crave, covet* — *хотеть, желать, жаждать; care, concern, solicitude, anxiety, worry* — *озабоченность, опасения, беспокойство, тревога; throw, cast, fling, hurl, pitch, toss, sling* — *бросать, кидать, швырять, метать*.

Подбирая переводы, мы стремились к тому, чтобы обеспечить переход от английского текста к русскому в разных лексических и синтаксических условиях употребления синонимов: *frigid climate* *холодный климат*, *frigid wind* *леденящий ветер*, *chilly weather* *промогзлая погода*, *chilly wind* *пронизывающий ветер*; *proficient /expert/ player* *искусный игрок*, *proficient /expert/ in the art of self-defence* *в совершенстве владеющий искусством самозащиты*.

Если у каких-то английских синонимов есть достаточно точные русские соответствия, то такие соответствия даются при каждом слове в следующей зоне словарной статьи: *attachment* — *привязанность*, *affection* — *теплое чувство*, *love* — *любовь*; *cold* — *холодный*; *cool* — *прохладный*, *frosty* — *морозный*.

Однако в большинстве случаев возможность таких пословных переводов серьезно ограничивается фактором несоответствия лексических систем разных языков, о котором мы уже говорили в разделе 1.2. Многие английские синонимические ряды имеют всего один точный перевод на русский язык (*sharp, keen* — 'острый', *victim, prey* — 'жертва'), а некоторые не имеют ни одного. Таков, в частности, ряд *brawl, broil*, разг. *row*, разг. *rumpus*, прост. *scrap(e)*, значение которого лишь приблизительно передается словами *ссора, скандал, перепбранка, драка*, потому что существенным смысловым компонентом английских синонимов, отсутствующим в русских переводах (за исключением, может быть, *скандала*), является указание на то, что конфликтная ситуация развора-

чивается в общественном месте. В связи со сказанным переводы рассматриваются как вспомогательное, чисто эвристическое средство описания, а главную работу выполняют зоны Толкования и Значения.

Рассматриваемая зона — не единственная, где фигурируют переводы с английского языка на русский. Они появляются еще в трех зонах — Значении, Примечаниях и Сочетаемости, где переводятся не только отдельные слова, но и речения и даже цитаты из оригинальной английской литературы.

Перевод отдельных слов в этих зонах осуществляется в полном соответствии с принципами, которые были сформулированы выше. Что касается речений и цитат, то при их переводе мы держались двух разных тактик.

Переводя анонимные речения, мы стремились дать эквивалент, возможно более близкий к оригиналу — иногда даже с риском буквализма: *invaders looted and robbed throughout the entire country* захватчики мародерствовали и грабили по всей стране; *a group of officials who looted the treasury* группа должностных лиц, растаскивавших казну.

Переводя цитаты из литературы, мы стремились не только передать смысл, но и сохранить стиль и выразительность оригинала — даже ценой значительного отхода от его синтаксических конструкций и лексики: «...*You have robbed me of my wife's affection like a low hound*» (R. Aldington) «...Вы похитили у меня привязанность моей жены. Вы поступили, как мерзкий пес».

2.4 Значение

В этой — самой важной — зоне словарной статьи дается прежде всего описание семантических сходств и различий между членами данного синонимического ряда. Описание выполняется на основе семантических признаков, по которым различаются синонимы в данном ряду.

В качестве признаков выступают родовые названия смыслов, входящих в состав толкований. Если, например, один из синонимов обозначает медленное перемещение, не имеющее определенного направления и предпринимаемое обычно для получения удовольствия от самого перемещения (*roam* ≅ 'бродить'), другой — энергичное перемещение с постоянной сменой направления, иногда в поисках добычи, пищи и т. п. (*rove* ≅ 'рыскать'), а третий — вялое, бесцельное перемещение с частой сменой направления после небольших участков пути (*meander*), то говорится, что синонимы отличаются друг от друга по смысловым признакам скорости перемещения (медленное, энергичное, вялое), рисунка пройденного пути (ср. идею зигзагообразности в *rove* и идею извилистости в *meander*) и цели (в поисках удовольствия, добычи или бесцельно).

Когда число таких признаков превышает два, они перечисляются в явном виде в начале зоны, непосредственно перед подробным описанием ряда, и нумеруются.

Вообще говоря, если имеется полное, избыточное и эксплицитное толкование каждого синонима, какое бы то ни было дополнительное описание становится теоретически неоправданным: все необходимые сведения о семантических сходствах и различиях между синонимами могут быть извлечены автоматически — наложением одного толкования на другое и выяснением того, какие их части совпадают, а какие различны. Однако, не имея теоретических оправданий, описание оказывается практически полезным, так как оно серьезно облегчает задачу читателя. Это тем более верно потому, что в описании мы вовсе не обязаны ограничивать себя покомпонентным сравнением толкований. Семантические различия между синонимами могут быть прослежены через различия в ситуациях, где может быть употреблен один, но не другой синоним (в ситуации, когда человек тонет, он кричит *help!*, а не **aid!* или **assist!*), или через различие в логических выводах, вытекающих из одного, но не из другого синонима (если, например, предмету приписано свойство *firm*, то из этого следует, что его трудно согнуть, а если ему приписано свойство *hard*, то из этого следует, что в него трудно проникнуть). Во многих случаях эти два типа информации оказывают неоценимую помощь в овладении всеми тонкостями и нюансами употребления слов.

По указанным причинам описание семантических различий между синонимами строится в форме достаточно свободного комментария, включающего в себя все необходимые элементы толкований и семантического описания в целом, но не сводимого к ним.

Будучи свободным по форме, комментарий содержательно подчиняется определенному плану, т. е. дает ответы, если они существуют, на некий максимальный стандартный перечень вопросов — один и тот же для всех синонимических рядов. Вот эти вопросы:

1) Каковы сходства и различия в семантических описаниях синонимов? Рассматриваются, в соответствии со сказанным в разделе 2.2, следующие типы различий: а) понятийные, или чисто семантические, б) оценочные, в) ассоциативные, коннотативные, г) различия в подчеркивании, или логическом акценте.

2) Каковы возможные типы семантического тождества? Рассматриваются два типа тождества: а) точная синонимия, б) нейтрализация семантических различий между синонимами.

3) Какова семантическая структура данного синонимического ряда? Рассматриваются два типа структур: а) пересеченная, б) иерархическая.

Описывая синонимические ряды, мы иллюстрируем и подтверждаем отмечаемые сходства и различия между синонимами предложениями и короткими, в большинстве случаев анонимными, цитатами из оригинальной литературы и словарей. Наряду с правильными предложениями (их большинство) приводятся иногда и неправильные фразы и словосочетания, т. е. тот «отрицательный языковой материал» (Л. В. Щерба), внимательное изучение которого, по мнению многих классиков лингвистики, играет первостепенную роль в овладении языком.

2.4.1 Различия в семантических описаниях синонимов

а) Чисто семантические различия

Эти различия являются наиболее интересными и одновременно наиболее сложными и разнообразными, так как они характеризуют обычно не только данный синонимический ряд, но целый семантический класс слов. Для глаголов перемещения, например, оказываются типичными различия по признаку цели. У слов, обозначающих эмоциональные и интеллектуальные свойства и состояния человека, часты различия по признакам причины свойства (состояния) и способов его проявления. Физические действия различаются типами объектов и инструментов, а действия, каузирующие ситуации, — типами результатов.

Понимая, что перечислить все семантические различия и все связи между ними можно только в полном научном словаре, мы попытаемся все же указать наиболее широко представленные в материале типы признаков, на основе которых возникают семантические различия между синонимами.

Чтобы разумным образом выделить эти признаки, заметим, что семантически неточные синонимы, которые мы здесь рассматриваем, в большинстве случаев выражают понятия о действиях, ситуациях, событиях, процессах, состояниях, свойствах (в отличие от чисто стилистических синонимов, которые чаще всего называют предметами). Действия, ситуации, события и т. д. могут различаться своими участниками (субъектом, объектом, адресатом, инструментом, средством) и своими собственными характеристиками (причиной, результатом, целью, мотивировкой, местом, конечной или начальной точкой, временем, способом, характером, степенью, формой проявления и т. п.). Именно типы участников и обобщенные характеристики действий, ситуаций, состояний в очень многих случаях выступают в качестве различительных признаков синонимов. Как мы увидим ниже, те же понятия оказываются существенными и при описании конструктивных и сочетаемостных особенностей синонимов.

Субъект действия, свойства или состояния. В ряду *escape, avoid, evade, elude* 'избежать опасности или нежелательной ситуации' *escape* указывает на то, что успех действия зависит от умения или удачливости субъекта (*he managed to escape punishment, he escaped death by a mere chance*); *avoid* — на предусмотрительность субъекта, его склонность принимать меры предосторожности (*to avoid an accident [responsibility]*); *evade* — на то, что субъект избегает нежелательной для себя ситуации с помощью уловок, благодаря хитрости или изворотливости (*to evade one's pursuers [one's duties, military service, the question]*); *elude* — на то, что субъект обладает способностью внезапно скрываться, быть неуловимым (*to elude the enemy [the creditors]*).

Temerity, audacity, hardihood 'смелость' по-разному изображают характер и психологические особенности субъекта: *temerity* проистекает из пренебрежения опасностью, переоценки собственных сил или недо-

оценки сложности ситуации (such *temerity* in attack can be expected only of young and inexperienced leaders); audacity — из пренебрежения условиями, готовности бросить вызов общественному вкусу (to show *audacity* in speech [in dress]); наконец, *hardihood* — из твердости характера, готовности идти напролом, пренебрегая опасностью или условностями для достижения цели (it took *hardihood* in Copernicus to deny the current conception of the universe).

Объект, содержание. Понятие объекта существенно при описании синонимических рядов, обозначающих разного рода физические действия. Действие, обозначаемое глаголом *throw* 'бросать', совместимо с любым физическим предметом в качестве объекта; в случае *cast* и, в особенности, *toss* объектом является легкая вещь, а в случае *hurl*, наоборот, тяжелая: to *cast* a fishing rod, he *cast* his cigarette ash on the carpet, to *toss* a penny to the beggar, *tossing* pebbles on her palm, he *tossed* an envelope into the fire — to *hurl* a spear at the bear [wood into the fire].

Понятие содержания, близкое к понятию объекта, существенно при описании синонимических рядов, которые обозначают интеллектуальную деятельность, способности, эмоции, желания. Сравним, например, слова *imagination*, *fancy*, *fantasy* 'воображение, фантазия'. *Imagination* обозначает способность создавать любые мысленные образы, независимо от того, имеют ли они какое-либо соответствие в мире реальных вещей или совершенно оторваны от действительности: he had enough *imagination* to see the possible consequences; she has a powerful *imagination* and systematically thinks the worst of everyone (ср. у тебя разыгралось воображение). *Fancy* и *fantasy* обозначают способность создавать образы, лишь отдаленно напоминающие реальные объекты или вовсе не имеющие с ними ничего общего: the power of *fancy* /*fantasy*/, a flight of *fancy* /of *fantasy*/. *Fantasy* указывает дополнительно на причудливость или неестественность создаваемых образов (his *fantasy* has created an unreal world), а *fancy* — на то, что образы носят менее глубокий характер.

Содержанием *desire* 'желать' обычно является реально достижимая ситуация (he received the position he *desired*, people *desire* political reforms), а *wish* и *crave* часто обозначают неисполнимые желания: I *wish* I were a Gipsy, to *crave* for fresh fruit in winter.

Адресат. В ряду *swing*, *wave*, *flourish* 'махать, размахивать' *wave*, в отличие от двух других синонимов, предполагает семантически факультативного адресата — лицо, внимание которого субъект взмахами рук и т. п. старается привлечь, которому он хочет передать информацию или побудить к действию: to *wave* to the man to go on.

В ряду *commend*, *recommend*, *applaud*, *compliment* 'выражать положительное мнение о ком-чем-л.', 'хвалить' первые два синонима значат 'положительно отзываться о ком-чем-л., стараясь обратить внимание других на достоинства объекта': I did not fail to *commend* these things as they deserved; he is an expert watchmaker and greatly *recommended*. В случае *applaud* и *compliment*

адресат сообщения совпадает с объектом похвалы (т. е. никакой внешней аудитории нет): *we applaud your decision; to compliment a lady on her appearance*. Отчасти похожее различие обнаруживается в русском языке между глаголами *хвалить* и *одобрять*: в первом случае возможен внешний адресат (*хвалил мне моего сына*), а во втором — нет. Любопытно, что у антонимичного *хвалить* глагола *ругать* выражение адресата затруднено.

Инструмент, рабочая часть. В ряду *beat, pummel, thrash, buffet* 'бить' первый синоним обозначает битье какой-то конечностью (рукой, ногой) или предметом, *pummel* — рукой или кулаком, *thrash* — предметом, играющим обычно роль инструмента наказания, *buffet* — открытой ладонью.

В ряду *defend, protect, shield, guard, safeguard* 'защищать, охранять' первые три синонима допускают участие в действии специальных предметов — инструментов или орудий защиты: *to defend oneself with a stick, the fortress is protected with walls, to shield one's eyes with one's hand*. В отличие от этого в действиях, обозначаемых двумя последними синонимами, специальные инструменты защиты не участвуют: *to guard a fortress, to safeguard children who play in the street*.

Причина, результат. В ряду синонимов *lean, spare, gaunt* 'худой, худощавый, тощий' первый обозначает просто отсутствие жира и округлости форм, безотносительно к причине: *lean, good-looking young men, he had an excessively long and lean brown face*. *Spare* обозначает худобу, возникающую обычно в результате воздержанности или умеренности в еде, и часто выражает одобрение (ср. *сухощавый, поджарый*): *he was slight and spare*. Наконец, *gaunt* обозначает худобу, возникающую в результате изнурительной работы, систематического недоедания или других лишений: *a gaunt old man, his gaunt, weather-beaten features pinched with cold and fatigue*.

Try, torment, torture 'мучить' могут указывать и на внешнюю и на внутреннюю причину страданий: *the great heat of the sun tries his body, rheumatism tries me a good deal; the horses are tormented /tortured/ by flies, headaches [suspicions] tormented him*. В отличие от этого их синоним *rack* всегда указывает на то, что причина, источник страданий находится внутри субъекта: *his body was racked with pain, to be racked with doubts [jealousy]*.

Со значением причины тесно связано значение результата. *Intimidate* и *cow* 'запугивать' различаются, в частности, по признаку характера результирующего состояния объекта. *Intimidate* описывает широкий диапазон состояний объекта, возникающих в результате запугивания, — от неспособности до нежелания действовать: *to intimidate workers by the threat of discharge; her deficiencies in this subject intimidated her*. *Cow* указывает не только на утрату способности или воли к действию, но и на полное подчинение объекта чужой воле: *the population of the colony was thoroughly cowed*.

Ц е л ь. *Examine* и *inspect* синонимичны в значении 'обращая внимание на детали, смотреть на что-л. с целью понять или оценить'. *Examine* может обозначать и разглядывание из праздного любопытства (he *examined* the passers-by, then with the same lack of intensity he *examined* his fingers), и осмотр с серьезной целью (he raised his eyes to *examine* her face very carefully; the jury *examined* the cups closely). В отличие от этого *inspect* всегда обозначает более или менее тщательный осмотр, обычно имеющий целью проверку, контроль, обнаружение дефектов: to *inspect* each car [the pearl under magnification, the fire-prevention system of the plant], to *inspect* every length of cloth for defects.

Sharp в значении 'острый' обозначает и полезную остроту (*sharp* knife [blade, needle]), и остроту, не служащую никакой полезной цели (the *sharp* edge of a table, *sharp* elbow, *sharp* icicles). В отличие от этого *keen* уместно лишь в тех случаях, когда имеется в виду острота, необходимая для определенной цели: the *keen* edge of a knife, a *keen* razor, но не *the *keen* edge of a mountain.

М о т и в и р о в к а. Значения причины и цели являются составными частями более сложного значения мотивировки, которое является различительным, например, для ряда *swing*, *wave*, *flourish*, *brandish* 'махать, размахивать'. Эти синонимы отличаются друг от друга по признаку состояния, мотивирующего движение. *Swing* безразличен к идее мотивировки: to *swing* a scythe in mowing, to *swing* the pump-handle [the hammock], to *swing* one's arms to circulate the blood, to *swing* one's arms [one's stick] in walking. *Wave* обозначает в большинстве случаев целесообразное движение, мотивируемое потребностью выразить свое внутреннее состояние (радость, волнение, нетерпение), желанием привлечь к себе внимание, необходимостью передать информацию (сигнал, просьбу, приказ и т. п.): to *wave* flags, the excited men *waved* and shouted to them, he *waved* his hand in return, to *wave* (to) the man to go on, to *wave* smb. aside [away]. *Flourish* значит 'сделать несколько энергичных взмахов чем-л. с вызовом, бравадой, торжеством': "He *flourished* the certificate in Andrew's face" (Cronin), the deer *flourished* his first antler and was very proud of it. В отличие от этого *brandish* указывает на угрозу как мотивировку действия: to *brandish* a sword [a club, a stick, a revolver], "They began to shout and *brandish* their fists" (Winsor).

М е с т о. *Pain*, *ache*, *twinge*, *stitch* синонимичны в значении 'физическая боль'. *Pain* предпочитается в тех случаях, когда речь идет о боли во внутренних тканях организма, независимо от того, локализована ли она на небольшом участке или захватывает большую поверхность: she felt a sharp *pain* in her back [the knee, the chest], he felt *pain* when the needle touched his skin. *Ache* обозначает боль, локализирующуюся во внутренних органах или разлившую по всему телу: a dull *ache* in one's bones, the racking *ache* seemed continually an element of her being, muscular *aches*. В случае *twinge* боль представляется как локализованная, но место, где она сосредоточена, раз и навсегда не фиксировано: a *twinge* of gout [of rheumatism].

Наконец, *stitch* чаще всего обозначает боль, локализованную в о д н о м определенном месте тела — в боку, в межреберных тканях: а *stitch in the side*.

В р е м я . *Associate*, *pal* и *comrade* 'приятель, товарищ' предполагают наличие социальных и эмоциональных связей между людьми в течение з н а ч и тельного времени; они не могут обозначать кратковременных контактов, легко возникающих и рвущихся (в играх, в поезде и т. п.). *Companion* способно к такому употреблению. *Crony* обозначает ситуацию с т а р о й дружбы, начавшейся в детстве или юности и продолжавшейся, возможно с перерывами, до зрелых лет: *his cronies at Harrow*.

С п о с о б , х а р а к т е р . В ряду *ponder*, *meditate*, *muse* и т. д. 'размышлять' *ponder* указывает на попытку учесть в с е факторы явления или стороны предмета, осмыслить его с р а з н ы х точек зрения (ср. *взвесить*): *to ponder the situation [the mystery, the problem of how she could help him], the government should ponder well whether the prize would be worth the cost*. *Meditate* предполагает не всесторонний охват предмета мыслью, а сосредоточенность мысли на некоторых выделенных деталях с целью понять их до конца: *to meditate on the nature of happiness [on holy things, on the hypocrisy and spiritual stagnation of the High Church party]*. Ситуация, типичная для *muse* — поглощенность, отрешенность от окружающей обстановки, с элементами мечтательности или созерцательности в самом процессе размышлений — вплоть до утраты способности к действию: *to muse on the happy events of one's childhood; where Elisabeth hesitated, mused, suffered, Fanny acted; up till then he had been musing but now he woke up with a start*.

Pain из рассмотренного выше ряда со значением 'физическая боль' никак не специфицирует характера боли с точки зрения субъективных ощущений: *she felt a sharp [dull] pain*. *Ache* описывает преимущественно т у п у ю боль, *pang* — внезапную, острую и мгновенную боль (I feel a sharp *pang* if I touch an aching tooth — ср. *стреляющая боль*), а *throe* — разновидности сильной спазматической боли, сопровождающейся судорогами, конвульсиями, подергиваниями: *the throes and grippings of the belly*.

С т е п е н ь . *Expert* обозначает более высокую степень умелости, чем *skilful*: *skilful surgeon* 'искусный хирург', *expert surgeon* 'выдающийся хирург'. Аналогичные различия обнаруживаются в рядах *surprise* 'удивлять', *astonish* 'изумлять', *amaze* 'поражать'; *cool* 'прохладный', *cold* 'холодный', *frosty* 'морозный', *icy* 'ледяной'.

Это — наиболее часто упоминаемый в специальной и учебной литературе тип семантических различий между синонимами. Реже замечается и фиксируется тот гораздо более интересный факт, что различия степени почти никогда не бывают чистыми, но, как правило, м о т и в и р о в а н ы , т. е. вытекают из более глубоких, качественных смысловых различий. В ряду *summon II*, *call*, *muster* во фразеологически связанном значении 'усилием воли привести свои внутренние ресурсы (ум, силу, мужество) в такое состояние, при котором они

могут быть использованы' (ср. *призвать, напрячь, собрать, мобилизовать*) *muster* предполагает большее волевое усилие, чем *summon* и *call*. Эти последние значат, что субъект располагает необходимым запасом определенного свойства, и для того, чтобы пустить это свойство в ход, субъекту достаточно волевым усилием перевести его из пассивного состояния в активное, рабочее: she resolved to *summon* (up) her courage to refuse him; you'd better *call* (up) your pluck and resolution before starting the conversation. В отличие от этого *muster* (up) значит, что субъект не располагает в готовом виде необходимым запасом свойства, которое он собирает использовать (может быть, потому, что раньше он уже расходовал его), и чтобы пустить это свойство в ход, субъекту недостаточно просто перевести его из пассивного состояния в активное, а необходимо предварительно восстановить в себе его запасы; для этих двух операций требуется, естественно, большее волевое усилие, чем в случае *summon* и *call*: it seemed as though she could not *muster* enough strength to move again; they could see the effort with which she *mustered* up her self-command.

Свойство [состояние] — его внешнее проявление. В паре *loving* — *affectionate* 'любящий' первый синоним отличается от второго указанием на глубину чувства и отсутствием указания на обязательность его внешнего проявления: let us continue to be a *loving* and united family. *Affectionate* обозначает не обязательно глубокую, но всегда нежную любовь, находящую выражение в ласке и других внешних проявлениях, которые иногда могут восприниматься как излишне демонстративные: she was gay and sweet and *affectionate*, an *affectionate* brother [child], you are much too *affectionate* to me.

В ряду *afraid*, *aghast* первый синоним нейтрален по признаку внешнего проявления внутреннего состояния субъекта, а второй обозначает вызванное непосредственно грозящей опасностью чувство ужаса, сопровождающееся удивлением и выражающееся внешне в потере дара речи, способности действовать и т. п. (примеры см. ниже).

Постоянность (свойство) — актуальность (состояние). *Afraid* 'бояться' обозначает и постоянное свойство (to be *afraid* of the dark [of snakes]), и актуальное (приуроченное к определенному моменту) состояние (he was *afraid* to fall, don't be *afraid*), а *aghast* 'в ужасе' — только актуальное состояние: the door opened, and a big dog ran in; the girl stood *aghast*.

В паре *honest* — *upright* 'честный' *honest* обозначает и свойство (he is an *honest* man) и состояние (be *honest* about it), а *upright* — только первое (ср. he was an *upright* man, но не *be *upright* about it).

Активность — пассивность. В ряду *crass*, *dull*, *dense* и т. д. 'тупой' первый синоним обозначает недостаток способностей к активной интеллектуальной деятельности — формированию собственных идей, самостоятельному анализу сложных или тонких явлений: "crass minds whose reflexive scales could only weigh things in a lump"

(Webster). *Dull* и *dense* значат 'такой, которому трудно растолковать, до которого с трудом доходят чужие мысли', т. е. описывают недостаток умственных способностей в процессе пассивной интеллектуальной деятельности: a *dull pupil*, it is difficult to explain even elementary arithmetic to a *dull child*; a particularly *dense* group of students.

Похожие различия обнаруживаются в антонимичном синонимическом ряду *quick-witted*, *smart* и *bright* 'сообразительный, смысленный, толковый'. Первые два синонима описывают активные интеллектуальные способности — умение правильно оценить ситуацию, выбрать оптимальное решение: he was *quick-witted /smart/* enough to see the danger and change the subject. Хотя слову *bright* такие употребления не вовсе чужды, оно типично встречается в ситуациях, в которых речь идет о пассивной интеллектуальной деятельности — умении усвоить преподносимую другим лицом информацию: a *bright boy* [pupil, student].

Статика — динамика. *Awkward* и *clumsy* в значении 'неловкий, неуклюжий' различаются следующим образом: *awkward* обозначает только отсутствие координации в движениях, вполне совместимое с хорошим телосложением: he is an *awkward* dancer, *awkward* in gait [in gestures, in manners], some animals are *awkward* on land, but very clever in the water. Свойство, обозначаемое *clumsy*, проявляется не только в движении, но и в состоянии покоя: это — отсутствие соразмерности в частях тела, находящее естественное выражение и в плохой координации движений: he was rather heavy and *clumsy*, *clumsy* in shape and build.

Эмоция — интеллект. *Passionate* 'страстный' указывает на эмоциональное начало в характере человека и вполне уместно при описании того, в ком страсть преобладает над рассудком: a *passionate* nature, he was hot-blooded and *passionate*. В отличие от этого *ardent* 'пылкий' — это в первую очередь характеристика интеллектуальных особенностей человека, его глубокого интереса к какой-то сфере деятельности или намерения сделать что-либо полезное: an *ardent* stamp-collector [theatre-goer, globe trotter], an *ardent* follower of an idea [advocate of a principle].

Физический аспект — духовный аспект. *Thoughtful* характеризует преимущественно такого человека, который внимателен к физическим потребностям другого, готов создать для него материальные удобства, оградить его от необходимости затрачивать физические усилия: the *thoughtful* girl undertook the house-cleaning for her sick aunt, "Leaving me to gather the sticks... Not very *thoughtful* of you" (Cronin). *Considerate* чаще характеризует того, кто заботится о душевном равновесии другого человека, щадит его чувства, ограждает от страданий и неприятностей: he was too *considerate* to let her see his distress at her sickly look; to be *considerate* to smb. in his grief.

Намеренность — ненамеренность. В ряду *gather*, *collect*, *assemble* 'каузировать кого-л. собираться в одном месте' *gather* не выражает намеренности: he soon *gathered* a crowd around himself можно сказать и в той

ситуации, когда у него было намерение собрать толпу, и в той ситуации, когда он сделал это случайно, например, обратив на себя внимание необычностью своего поведения. *Collect* всегда предполагает у субъекта определенное намерение (to *collect* the flock [the pupils, the group for a lecture]), а *assemble* — еще и то обстоятельство, что цели субъекта и объекта действия совпадают или сходны и что они носят обычно общественный или политический характер (to *assemble* the committee [the government]).

Stop и *cease* 'прекращать' могут обозначать как намеренное, так и ненамеренное прекращение деятельности: to *stop* /to *cease*/ stroking the dog [trembling]. Их синонимы *quit*, *discontinue* и *desist* обозначают только преднамеренное прекращение деятельности: to *quit* laughing [talking], to *discontinue* a subscription [payment, systematic training], to *desist* from one's occupation [from one's intention to write to a friend].

Действие, обозначаемое глаголом *remember* 'вспоминать', может происходить без участия воли или быть волевым актом: he *remembers* every detail of that occurrence, he suddenly *remembered* an appointment — I can't *remember* his name, I tried to *remember* his name but gave it up. Действие, обозначаемое его синонимом *recollect*, всегда происходит при участии воли: *recollect* where you were on the night of June 17.

Устанавливая определенные семантические различия между членами синонимического ряда, мы ни в коем случае не имеем в виду, что эти различия реализуются в полном объеме во всех случаях употребления соответствующих синонимов. Как правило, в живой речи для говорящего представляет интерес лишь часть (правда, наиболее важная) того комплекса идей, который выражается данным словом. Именно эта особенность словоупотребления лежит в основе стилистического правила обязательного варьирования синонимов в пределах ограниченного контекста, о котором мы говорили на с. 246.

Очевидно, например, что в отрывке: "Caesar: Are you *trembling*? Cleopatra (*shivering* with dread): No, I — I ..No" (B. Shaw, "Caesar and Cleopatra") различия между *tremble* (частая дрожь, возникающая под влиянием сильной эмоции, физической слабости или холода) и *shiver* (частая кратковременная мелкая дрожь, возникающая под влиянием холода или страха и охватывающая все тело) никак не реализуются. Ослабление, а иногда и полное снятие периферийных компонентов значения происходит и в условиях нейтрализации семантических различий (понятие нейтрализации подробно разбирается ниже, на с. 284—290). Однако составить максимально полное представление о семантических потенциях каждого из элементов синонимического ряда все же необходимо, потому что вполне обычны ситуации, когда лишь один из синонимов способен обеспечить адекватное выражение мысли. Особенно показательны в этом отношении случаи уточнительного и противопоставительного употребления синонимов, когда они используются в качестве однородных членов или в составе однородных или параллельных конструкций и когда различия между ними

специально акцентируются, а иногда даже и разъясняются непосредственно в авторском тексте: "He never had an *ache* or a *pain*, ate his food with *gusto* and ruled his brothers with a rod of iron" (Th. Dreiser "The Financier"). "M a l o n e : ..My father died of *starvation* in Ireland, in the black 47. Maybe you've heard of it. V i o l e t : The *Famine*? Malone (with smouldering passion): No, the *starvation*. When a country is full of food, and exporting it, there can be no *famine*" (W. Collins, "The Moonstone").

б) Оценочные различия

В разделе 2.2, рассматривая оценочные компоненты значения, мы заметили, что описываемая словом ситуация или ее участники могут оцениваться говорящим или слушающим в принципе с самых различных точек зрения. Однако в номенклатуре семантических признаков, которые являются различительными для синонимов, реально фигурируют два типа оценки — положительное или отрицательное мнение говорящего о предмете высказывания.

Veherent в значении 'большой по интенсивности или степени' отличается от своего синонима *intense* указанием на большую степень и тем, что оно обычно предполагает отрицательную оценку описываемого явления говорящим: *intense heat* 'сильная жара', *vehement heat* = 'невыносимая жара' (аналогично *intense cold* — *vehement cold*, *intense pain* — *vehement pain*), *intense red* ≅ 'насыщенный красный цвет', *vehement red* ≅ 'режущий глаз красный цвет'. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что только *intense* сочетается с названиями таких свойств, которые в данном обществе принято оценивать положительно: the letter was of *intense* significance, но не *the letter was of *vehement* significance, потому что в этом случае получается избегаемое языком противоречие⁵.

Stir, *flurry*, *fuss*, *ado* обозначают беспорядочную или поспешную деятельность, а иногда и вызывающее ее возбужденное состояние человека (ср. *суматоха*, *суета*, *переполох*). Два последних синонима отличаются от двух первых, в частности, тем, что их толкования содержат оценку — указание на не-

⁵ Сказанное не значит, конечно, что всякое логически противоречивое высказывание неправильно и с точки зрения языка. Предложение *холостяки бывают женаты*, например, вполне соответствует нормам русского языка (вспомним *живой труп*, *неродную мать*, *круглый квадрат* и другие устоявшиеся оксюмороны, не говоря уж об оксюморонах поэтического языка вроде *простое и сложное счастье*, *жестокое доброе время*, *веселые грустные песни*, *короткая долгая жизнь*), хотя *холостяк* обозначает неженатого мужчину. Язык избегает не всякого логического противоречия, а только того, которое возникает в оценочном компоненте значений (более точно: языковая неправильность порождается противоречием в модальных рамках связанных по смыслу слов).

о д о б р и т е л ь н о е отношение говорящего к чересчур большой активности по пустякам.

Sharp и *keen* имеют переносное значение 'воздействующий на органы чувств с большой силой' (ср. *острый, резкий, пронзительный* — о запахе, вкусе, звуке, свете, ветре, холоде и т. п.). *Sharp* в большинстве случаев нейтрально по признаку оценки: исключением являются сочетания с именами звуковых раздражителей, в которых оно передает отрицательную оценку соответствующего явления говорящим: а *sharp voice* [whisper, cry, yelp] 'пронзительный голос [шепот, крик, лай]', а *sharp flash of lightning* 'острый блеск молнии', *sharp wind* 'резкий ветер'. *Keen* имеет значение положительной оценки, приписывая соответствующему предмету или какому-то явлению свойства пряности, пикантности, способности освещать: *keen savour of the roast-beef, the wind came keen with a tang of frost.*

в) Различия в семантических ассоциациях

Jump, leap, spring, bound, skip, hop в значении 'прыгать или перемещаться прыжками' обнаруживают следующие особенности: *jump* имеет самое общее значение. *Leap* описывает удлинённый, лёгкий, плавный и быстрый прыжок, напоминающий прыжок антилопы: *to leap into the saddle, the chamois was leaping from crag to crag, I love to watch a dancer leap.* *Spring* и, в меньшей мере, *bound* обозначают мощный пружинистый прыжок с резким отрывом от точки опоры, причем *bound* ассоциируется с прыжком хищного зверя: *to spring across the stream, the cat sprang upon the bird, to spring onto a moving train, she sprang to her feet and bounded across the intervening space like a tiger.* *Skip* и *hop*, обозначающие мелкие прыжки, не связываются с представлением о силе и поэтому не употребляются, например, для описания ситуаций атаки. *Skip* указывает на быстроту, лёгкость, грациозность прыжков, совершаемых часто со сменой ног: *to skip along the road [out of the way], to skip upstairs two at a time.* *Hop* значит 'делать один или серию мелких прыжков, может быть неуклюжих, на одной ноге, на двух ногах одновременно или со сменой ног'; ассоциируется с прыжками лягушки, птицы, кузнечика: *the kids chalked out a hop-skotch game and began to hop around its squares, the sparrows hopped nearer, how far can you hop on your right leg?, he hopped on one leg and then the other to shake the water out of his ears.*

Tickle и *regale* в переносном значении 'доставлять удовольствие' различаются семантическими ассоциациями, которые коренятся в прямых — несинонимичных — значениях этих слов: глаголу *tickle* (в прямом значении — 'щекотать') свойственны ассоциации приятного нервного возбуждения, веселья, а глаголу *regale* (в прямом значении — 'угощать') — ассоциации гастрономического наслаждения: *the joke will really tickle you; to regale smb. with one's story; when in humour, he would regale her with the choicer gossip of the town.*

Naked, в отличие от *bare* 'обнаженный, голый', в большинстве случаев подразумевает отсутствие одежды на всем теле человека или во всяком случае на тех его частях, которые, в соответствии с общепринятыми правилами, должны быть прикрыты. Поэтому возможны этические, социальные и эстетические ассоциации: вызов общественному вкусу (*naked woman*), нищета, материальные лишения (*naked children playing on the heaps of rubbish*), естественность, красота (a charming *naked baby*, a perfectly shaped *naked body*).

В ряду *imagination*, *fancy*, *fantasy* первый синоним, как мы уже говорили, обозначает способность создавать любые мысленные образы, независимо от того, имеют ли они соответствие в мире реальных вещей или совершенно оторваны от действительности, в то время как два других синонима обозначают способность создавать образы, не имеющие ничего или почти ничего общего с действительностью. На этом основании между *imagination*, с одной стороны, и *fancy*, *fantasy*, с другой, естественным образом возникают различия в семантических ассоциациях. Будучи употреблено в первой ситуации (когда между образом и вещью есть соответствие), *imagination* ассоциируется с творчеством и позволяет мыслить способность воображать в качестве более широкой способности научного и эстетического, логического и эмоционального освоения мира: a job that requires *imagination*; poets, artists, and inventors need *imagination*; "it's only through *imagination* that men become aware of what the world might be" (Russell); he is a man of no *imagination*. Другой набор семантических ассоциаций (для случая, когда образы оторваны от действительности), характерный и для *fancy*, *fantasy*, включает мечтательность, иллюзорность, ложность: he had believed implicitly in the smiling future his *imagination* has wrought; she has a powerful *imagination* and systematically thinks the worst of everyone. Любопытно, что русское слово *фантазия*, ближайшим эквивалентом которого являются *fancy* и *fantasy*, в отличие от этих последних свободно ассоциируется с представлением о творчестве.

г) Различия в логических акцентах

Stoop, *condescend* значат 'делать нечто, не совместимое со своим общественным положением или нравственными принципами' (ср. *не гнушаться, не брезгать*). В *stoop* подчеркивается отступление от нравственных норм (второй элемент значения), а в *condescend* — забвение своего высокого общественного положения (первый элемент значения): to *stoop* to stealing [to cheating, to meanness, to begging], to *stoop* to lies; to *condescend* to trickery; he said he would never *condescend* to their society.

Hard, *difficult* значат 'требующий, из-за своей сложности или наличия препятствий, затраты больших усилий'. В значении *hard* подчеркнута идея необходимости затраты больших усилий: we have a *hard* lesson to learn; chopping wood is a *hard* job; it's a *hard* thing to fulfil the plan ahead of

time. *Difficult* в большей мере фокусирует внимание на сложностях и препятствиях, лежащих на пути к решению определенной задачи: she came across a *difficult* passage in translation, he is a *difficult* writer, it was a *difficult* problem for a pupil of the fourth class, designing a sputnik is a *difficult* task.

Sparing и *frugal* имеют значение 'ограничивающий себя в расходах на жизнь', 'экономный, бережливый'. *Sparing* подчеркивает идею ограничения расходов: he is *sparing* enough and never runs into debt. В случае *frugal* акцентируется незначительность расходов на жизнь, из чего естественно вытекает представление о скромности в еде и одежде, а иногда даже и о материальной нужде: with fifteen shillings a week and a family he had to be *frugal* (это высказывание можно понять и так, что он во многом себе отказывал).

Guard и *safeguard* обозначают, как мы уже отмечали в разделе 2.4.1) а), не актуальное действие защиты, а постоянную готовность защищать что-л. от любой потенциальной угрозы. При этом в значении *guard* (ср. *стоять на страже, охранять*) подчеркивается элемент готовности отразить нападение и связанный с этим элемент бдительного оживания опасности: the entrances are well *guarded*, the president is always *guarded* by secret service men. В значении *safeguard* подчеркнут элемент потенциальности угрозы, иногда не более чем предполагаемой, благодаря чему готовность защищаться или защищать осмысливается в профилактическом плане, в плане предупреждения опасности: to *safeguard* our health 'принимать меры по здравоохранению', to *safeguard* one's country from a surprise attack 'обезопасить страну от внезапного нападения', to *safeguard* children who play in the street 'заботиться о безопасности детей, играющих на улице'.

Логически наивное понятие, оценка, семантические ассоциации и подчеркивание, разумеется, никак не связаны друг с другом. Фактически, однако, характер последних трех компонентов во многих случаях мотивируется содержанием соответствующего наивного понятия.

2.4.2 Типы семантического тождества

Как было отмечено выше, в нашем словаре описываются два типа семантического тождества: точная синонимия и нейтрализация семантических различий между синонимами. Рассмотрим эти явления подробнее.

а) Точные синонимы

Понятие точных синонимов было разъяснено в самом начале раздела 2: это слова с полностью совпадающими семантическими описаниями. Иными словами, у них совпадают наивное понятие, оценка, семантические ассоциации и логический акцент. При этом они могут различаться своими стилистическими свойствами (если, конечно, это не влечет никаких семантических разли-

чий — ср. с. 259 и 267—268), а также лексико-семантической сочетаемостью и конструкциями.

Возможность семантического тождества в указанном выше смысле при сохранении различий в лексико-семантической и синтаксической сочетаемости многим представляется проблематичной. Между тем, ничего неожиданного в этом феномене нет, ибо сочетаемость слова определяется не только его значением, но и многими другими факторами, в том числе совершенно случайными. Тривиальность этого утверждения делает почти ненужной ссылку на факты, но один пример будет, может быть, нелишним. Синонимы *sharp*, *keen*, *acute* в значении 'легко воспринимающий самые слабые раздражения' (об органах чувств, ср. *тонкий*) по смыслу полностью совпадают, а различаются некоторыми предпочтениями в области сочетаемости. Все они сочетаются с существительными, называющими пять основных чувств и их органы; однако *sharp* чаще употребляется для описания зрения и слуха (*sharp eyes* [sight, hearing], *keen* — для описания зрения и обоняния (*keen eyes*, а *keen sense of smell*), а *acute* — почти исключительно для описания слуха (*acute hearing*); сочетания типа *acute eyesight*, *acute sense of smell* крайне редки.

Хотя в принципе любое слово языка способно иметь точный синоним, точная синонимия далеко не в одинаковой степени характерна для разных пластов лексики. По ряду причин, в подробное обсуждение которых мы не будем здесь входить, она относительно легко возникает в сфере переносных значений (см. ниже), заимствованных слов (ср. исконное *calling* и заимствованное *vocation* — 'призвание': *to make one's choice of a calling /of a vocation/, to mistake one's calling /one's vocation/*, а рхаизмов (ср. *healthy* и устар. *healthful* в значении 'способствующий улучшению или сохранению физического здоровья': *healthy /healthful/ diet* [exercise]), экспрессивной лексики (ср. слова *damn*, *bit*, *snap* и т. п. в выражениях типа *I don't care a damn /a bit, a snap/ about it*), некоторых типов дериватов и сложных слов (ср. *far-off* и *far-away* в значении 'далекий': *far-off /far-away/ hills* [sounds]).

Особенно велико число точных синонимов среди слов, синонимизирующихся в своих переносных и фразеологически связанных значениях.

Возникновение таких значений в большинстве случаев связано с метафоризацией, наиболее распространенный тип которой состоит в том, что в прямом значении снимается (вычеркивается) определенный смысловой компонент или компоненты. *Anger*, *wrath*, *rage* и *fury* в прямом значении 'гнев, ярость' различаются минимум по трем признакам: 1) интенсивность (*wrath* сильнее, чем *anger*, а *rage* и *fury* сильнее, чем *wrath*); 2) свойства субъекта, испытывающего эту эмоцию (чувство справедливости, в случае *wrath*, раздражительность, темпераментность в случае *rage* и *fury*); 3) характер проявления эмоции (*anger* нейтрально в этом отношении, *wrath* имеет в качестве естественного результа-

та наказание, а *rage* и *fury* выражаются в потере контроля над собой и стремлении к разрушению). Переносные значения, представленные во фразах *the anger of the sea*, *the wrath of elements*, *the fury /rage/ of the storm*, образованы снятием второго и третьего различительных признаков. Следовательно, в только что выписанном синонимическом ряду остаются выраженными лишь различия по интенсивности; иными словами, в своих переносных значениях *anger*, *wrath*, *rage* и *fury* отличаются друг от друга гораздо меньше, чем в прямых, а *rage* и *fury*, по-видимому, и вовсе не различаются.

Приведем еще несколько примеров такого рода. *Hunger* равнозначно *thirst* в значении 'жаждать, страстно желать', потому что от прямых — несинонимичных — значений 'голодать' и 'испытывать жажду' в данном случае остается только идея сильного желания, ощущаемого как физическая потребность в какой-то вещи: *to hunger /to thirst/ for knowledge* [for information], *to hunger for friends*, *to thirst for peace*, *to hunger /to thirst/ for power* [for wealth, for revenge].

Hard равнозначно *difficult* в значении 'сопровождающийся физическими страданиями' (о болезни, рождении, смерти и т. п.): *hard cough*, *difficult breathing*, *hard /difficult/ birth* [death]. Ср. различия в логических акцентах между *hard* и *difficult*, присущие их прямым значениям (см. с. 281—282).

Large равнозначно *big* в значении высокой степени: *larde /big/ profit* [number, score, price]. В прямых значениях *large* предпочитается как обозначение большого объема или пространства (а *large basket* [man, field]), а *big* — как обозначение большой массы или веса (а *big stone*).

Summon (up) равнозначно *call (up)* в значении 'привести свою способность или свое свойство в активное состояние': *to summon up one's energy* [one's courage, one's wits, one's self-command], *to call up all one's pluck* [one's wits, one's resolution, one's dignity].

б) Нейтрализация семантических различий между синонимами

Отличительной чертой многих лексических значений, которые складываются из нескольких смысловых компонентов, является то обстоятельство, что эти компоненты не во всех контекстах реализуются в полном составе: некоторые контексты препятствуют реализации некоторых компонентов. Если два неточных синонима, различающихся на смысл 'А', попадают в контекст, где реализация этого смысла по каким-либо причинам невозможна, то в этом контексте смысловое различие между ними нейтрализуется (снимается), и они приобретают способность заменять друг друга, оставая неизменным содержание высказывания.

Вообще говоря, только этот случай представляет нейтрализацию в строгом смысле слова: здесь семантическая неразличимость и, следовательно, принципиальная возможность взаимозамен возникает за счет семантических изменений, происходящих в пределах одного из синонимов, т. е. в пределах слова.

Рассмотрим теперь другую ситуацию. Пусть два неточных синонима C_1 и C_2 различаются на смысл 'А', выражаемый одним из них (например, C_1) и не выражаемый другим. Представим теперь, что каждый из синонимов связан синтаксически со словом C_3 , в значение которого входит как раз этот смысл 'А'. Тогда в словосочетании C_1C_3 смысл 'А' будет выражен дважды, а в словосочетании C_2C_3 — один раз. В большинстве случаев повторение смыслов дает плеоназм, и поэтому словосочетания C_1C_3 и C_2C_3 , взятые в целом, могут оказаться синонимичными, хотя сами неточные синонимы C_1 и C_2 будут по-прежнему сохранять различие на смысл 'А'. Рассмотрим несколько примеров.

Stay в значении 'продолжать находиться где-либо' отличается от *remain* главным образом по признаку цели действия: *stay* чаще подразумевает определенное намерение или цель, в то время как *remain* чаще предполагает отсутствие намерения или цели: *to stay to dinner [to supper], I can stay here for about an hour; we remained there much longer than we expected.* В свою очередь *remain* чаще, чем *stay*, может указывать на то, что субъект продолжает находиться в каком-то месте после того, как другие оттуда ушли: *few remained in the building after the alarm was given; he remained behind.* Если значение цели, намерения или желания выражено в предложении специальными средствами (например, инфинитивом, глаголами типа *decide, intend, wish, try* и т. п.) и если отсутствуют указания на действия других людей, то смысловые различия между *stay* и *remain* нейтрализуются, и они становятся взаимозаменяемыми: *he stayed to learn the doctor's verdict, he remained on the platform to wave a farewell to his friends; we decided [intended] to stay /to remain/ in the hotel till the end of the month; I had to stay /to remain/ at home till I felt better.*

Remember, recollect, recall 'вспоминать' различаются по трем признакам: 1) наличие — восстановление информации (*remember* обозначает либо наличие, либо восстановление информации, а *recollect* и *recall* — только восстановление; поэтому, например, в контексте *one remembers the exact number of casualties* *recollect* и *recall* невозможны или имеют другое значение); 2) участие воли в процессе вспоминания (для *recollect* и *recall* оно обязательно, а для *remember* — нет); 3) степень усилий (действие *recall* происходит с усилием, *recollect* — с большим усилием, а для *remember* этот признак несуществен). В контекстах, где синонимы синтаксически связаны со словами, обозначающими намерение, попытку или иной волевой акт, происходит нейтрализация семантических противопоставлений по первым двум признакам: *try to remember /to recollect, to recall/ his exact words [where you were on the night of June 17].*

Итак, в рядах *stay — remain, remember — recollect — recall* семантическая неразличимость (или меньшая семантическая различимость) и, следовательно, возможность взаимозамен возникает за счет семантических изменений, происходящих не в пределах одного слова, а в пределах словосочетания.

В отличие от нейтрализации в собственном смысле слова такие случаи следовало бы называть квазинейтрализацией.

Перейдем к другой паре понятий, описывающих явления нейтрализации. Сравнивая между собой ряды *stay* — *remain* и *remember* — *recollect* — *recall*, мы замечаем, что для первого из них возможна ситуация, когда для содержания сообщения становится совершенно безразлично, который из синонимов будет в нем использован: различие между синонимами нейтрализовано полностью. Для второго ряда такой ситуации подобрать нельзя: между *remember*, *recollect* и *recall* в любом случае их употребления будут сохраняться различия по признаку степени затрачиваемых усилий. Здесь, следовательно, можно говорить лишь о частичной нейтрализации семантических различий. Рассмотрим еще один пример частичной нейтрализации — глаголы *support* и *uphold* в значении 'поддерживать'. Сказать *to support the principle [the demand, the decision]* можно и тогда, когда принцип [решение, требование] имеет неограниченное число сторонников и отличные возможности реализации, и тогда, когда число его сторонников настолько мало, что он [оно] рискует быть отвергнутым. В отличие от этого фраза *to uphold the principle [the demand, the decision]* уместна лишь в том случае, когда принцип [решение, требование] защищают немногие и когда возможность его реализации не бесспорна. Если объектом *uphold* является факт, который по самой своей природе не может быть отменен, отвергнут или ликвидирован, *support* и *uphold* сближаются по смыслу: *he could not support /uphold/ their behaviour*. Однако и в таких случаях имеет место лишь частичная нейтрализация, потому что *uphold*, в отличие от *support*, всегда обозначает более решительную поддержку.

Итак, мы будем говорить о частичной нейтрализации, если синонимы различаются смыслами 'А' и 'В' и если в определенном контексте снимается только различие 'А', а различие 'В' сохраняется.

Всего, с учетом первого дихотомического деления, получается четыре типа нейтрализации семантических различий между синонимами: полная нейтрализация, частичная нейтрализация, полная квазинейтрализация, частичная квазинейтрализация. В словаре мы рассматриваем все эти типы, однако в этой статье в целях экономии места мы сосредоточимся на первом типе, имея в виду, что все излагаемые ниже понятия в равной мере приложимы и к трем остальным.

Главным в лингвистическом учении о нейтрализации является описание условий, когда она происходит. Ни в коем случае не претендуя на фактическую или хотя бы логическую полноту, мы опишем ниже четыре типа условий, особенно характерных для нейтрализации: стилистические, конструктивные, сочетаемостные и семантические.

Известен один стилистический фактор, более других благоприятствующий нейтрализации, — использование синонимов в разговорной речи, непринужденности которой оказывает удивительно сильное нивелирующее влияние на различные тонкости в значениях и употреблениях слов. *Odd*, *queer* и *quaint* значат 'отклоняющийся от обычных представлений о нормальном или

естественном', со следующими различиями: *odd* используется для оценки некоего лица, предмета или факта как трудно объяснимого или даже загадочного: an *odd* fellow [laugh]; the old man and the boy have formed an *odd* friendship; the *odd* thing was that he was happy through all that hard year. *Queer* указывает на то, что некий предмет или факт не только озадачивает, но и заставляет подозревать нечто нехорошее: a *queer* character /bird/; *queer* aches in his body; it's *queer* that he's made a lot of money lately — he is not very clever at business. *Quaint*, наоборот, называет привлекательное свойство, вызывающее положительные эмоции, в особенности если речь идет о чем-то старинном или старомодном: a *quaint* old castle; there are many *quaint* nooks and corners in this town; she was a *quaint* kind old woman; "the *quaintest* and simplest and trustingest race" (Twain). В разговорной речи эти различия могут нейтрализоваться до полной взаимозаменяемости синонимов: it was an *odd* /*queer*, *quaint*/ way to look at things; he had an *odd* /*queer*, *quaint*/ habit of using phrases of hers.

Сошлемся еще на пару *hard* — *difficult*, семантическое противопоставление которых, описанное в разделе 2.4.1) г), нейтрализуется в разговорной речи: it's a *hard* /*difficult*/ problem [book, language].

Почти такое же нивелирующее влияние на семантические различия синонимов оказывает другая стилистическая особенность речи — ее повышенная эмоциональность. Синонимы *stupid* I, и *dull* в значении 'свойственный глупому или тупому человеку' (о чувствах и поведении человека, продуктах его интеллектуальной деятельности, о лице, взгляде и т. п.) различаются тем, что первый семантически шире второго. *Dull* обозначает преимущественно такие проявления тупости (недостаточную реактивность или неповоротливость мысли), которые характерны для пассивной интеллектуальной деятельности, ср. *dull* persistency [apathy], *dull* face [look]. Оба слова используются в эмоциональной речи для импрессионистических оценок, которые не должны пониматься буквально, и в этом случае частично нейтрализуют отмеченные выше различия. Это в особенности характерно для конструкций типа it was *stupid* /*dull*/ of her to invite so many guests; how *stupid* /*dull*/ of you to expect his coming!

Более непосредственный лингвистический интерес представляет нейтрализация, условия которой можно сформулировать в виде чисто языковых — конструктивных, лексических или семантических — признаков контекста.

Want 'хотеть', в отличие от *wish*, предполагает у субъекта настойчивость, волю действовать, готовность прилагать усилия для осуществления желательной ситуации: "...the young Forsyte meant having what she *wanted*" (Galsworthy); they *wanted* only truth, justice. Эти элементы значения *want* особенно отчетливо выражаются в конструкции с существительным или местоимением в роли прямого дополнения (см. примеры выше). Ни это значение, ни соответствующая конструкция не являются характерными для *wish*, который указывает только на желательность ситуации, безотносительно к тому, собирается ли

субъект лично прилагать усилия для ее реализации или надеется, что все произойдет само собой (ср. *хочется*): he *wished* to be alone; eagerly, I *wished* for tomorrow. Более того, *wish* может обозначать и совершенно беспредметное желание, в принципе нереализуемое, управляя придаточным глагольным наклонением: I *wish* I were a Gipsy; I *wish* the week were over. В последнем случае *wish* максимально противопоставлено *want* не только семантически, но и конструктивно: *want* не может управлять придаточным дополнительным со сказуемым в сослагательном наклонении. В некоторых других конструкциях, особенно в конструкции со сложным инфинитивным дополнением (Accusativus cum Infinitivo), значения *want* и *wish* могут ослабляться до значения чистого желания (без указаний на настойчивость и беспредметность соответственно), так что эти два синонима становятся практически взаимозаменяемыми (хотя сохраняют небольшие стилистические различия): "She was ambitious for me. She *wanted* me to rise in the world" (Anderson); I *want* you to come for the afternoon next Sunday; do you *wish* me to see him about it?; "Now, with this visit in prospect he *wished* her to accompany him" (Cronin).

Grateful и *thankful* в значении 'благодарный' различаются преимущественно логическими акцентами: *grateful* подчеркивает значительность оказанной субъекту услуги, а *thankful* — силу испытываемого им чувства (см. примеры на с. 262). С этим различием в подчеркивании связаны и конструктивные различия синонимов: *grateful* требует, как правило, упоминания субъекта услуги (*grateful* to smb.) или самой услуги (*grateful* for smth.). *Thankful* не требует ни того, ни другого: коль скоро внимание сосредоточено на чувстве, которым может быть, например, не имеющая точного адресата радость по поводу того, что все складывается (более или менее) удачно, представление об услуге и ее субъекте отодвигается на второй план: I am *thankful* that he is no worse [that there were no casualties] (тип управления, совершенно нехарактерный для *grateful*). Однако в принципе *thankful* может употребляться и в конструкциях то be *thankful* for smth., to be *thankful* to smb., to be *thankful* to smb. for smth. В этих синтаксических условиях различия в логических акцентах между *grateful* и *thankful* нейтрализуются, и они становятся взаимозаменяемыми: I'm *grateful* /*thankful*/ to you (for help), I'm *grateful* /*thankful*/ for all you have done for me.

Перейдем к случаям, когда условия нейтрализации формулируются на основе сочетаемостных признаков. *Apt* и *liable* в значении 'такой, с которым может произойти некое событие', различаются следующим образом: в случае *apt* возможное событие рассматривается как вытекающее из внутренних свойств главного участника, т. е. лица, предмета или факта, обозначаемого подлежащим соответствующего предложения: idle children are *apt* to get into mischief, he is *apt* to lose his head under stress, china cups are *apt* to break, dry wood is *apt* to take fire. В случае *liable* возможность события связывается со структурой всей ситуации, со сложившимися к данному

моменту обстоятельствами: he is *liable* to be punished [to be killed], he is *liable* to encounter difficulties. Таким образом, если главным участником ситуации (обозначенным подлежащим) является существо или предмет, *apt* и *liable* могут быть отчетливо противопоставлены по смыслу: this car is *apt* to skid (таково свойство этой машины) — cars are *liable* to skid on wet roads (таково свойство всякой машины, едущей по мокрой дороге). Легко понять, при каких условиях это противопоставление будет нейтрализовано: для этого достаточно, чтобы *apt* и *liable* сочетались с таким подлежащим, которое обозначает не существо и не конкретный предмет, а факт, ситуацию: snow is *apt /liable/* to fall in these parts as early as September, difficulties are *apt /liable/* to occur.

В ряду *leave*, *abandon*, *desert* в значении 'перестать находиться где-л., у кого-л.', 'покидать' *leave* имеет наиболее широкое значение: his fear *left* him, her assumed bossy manner *left* her. Два других синонима, семантически точнее, отличаются от *leave*, обозначая, как правило, исчезновение того, что субъекту было бы желательно сохранить: his gaiety [his self-control] *abandoned /deserted/* him. Это семантическое различие налицо в сочетании с такими существительными в роли субъекта, которые называют чувства, способности, свойства (см. примеры выше). Но *leave*, *abandon* и *desert* сочетаются с еще одним классом существительных в той же роли, а именно с существительными, обозначающими взгляд или глаза. В этом случае семантическое различие между *leave*, с одной стороны, *abandon* и *desert*, с другой, естественным образом нейтрализуется: his eyes never *left /abandoned, deserted/* her face.

Рассмотрим в заключение пример нейтрализации в определенных семантических условиях. *Doubtful* и *dubious* синонимичны в значении 'такой, который не может решить вопроса об истинности или реальности чего-л.' (ср. *сомневающийся, колеблющийся*). Словом *doubtful* обычно описывается тот, кто не знает точно, истинно ли какое-либо утверждение, имеет ли место определенная ситуация и т. п., но склонен считать на основании имеющейся у него информации, что утверждение скорее всего не истинно, ситуация скорее всего не имеет места и т. п.: he was *doubtful* about the outcome of this project [of the prospects of the rebellion]; "He was more than ever *doubtful* whether the battery would last him home" (Greene). *Dubious* сближается с *doubtful* по первому признаку (отсутствие точного знания об истинности утверждения, реальности ситуации), но отличается по второму: в случае *dubious* сомнения основаны не столько на информации, которой располагает субъект, сколько на его недоверчивости или опасениях: I'm *dubious* about his stories of early success, I'm *dubious* of his honesty. Если речь идет об утверждениях, свойствах или действиях самого субъекта сомнений, которые ни в каком разумном смысле не могут быть им подозреваемы, то эти семантические различия нейтрализуются: I'm *doubtful /dubious/* about what I ought to do. В результате появляется тонкое различие в интерпретации фраз типа John was *doubtful /dubious/* about his ability to cope with the situation:

если существительное John и притяжательное местоимение his некорреферентны (обозначают р а з н ы х лиц), то между *doubtful* и *dubious* сохраняется отмеченное выше семантическое различие; если же John и his корреферентны (относятся к о д н о м у и т о м у ж е лицу), это различие нейтрализовано.

2.4.3 Структуры синонимических рядов

Возможны два основных типа отношений между синонимами внутри ряда: (а) семантическая близость (измеряемая, например, функцией от числа совпадающих и несовпадающих компонентов толкований) для любой пары синонимов данного ряда приблизительно одинакова, т. е. каждый из синонимов в равной мере близок ко всем остальным; б) семантическая близость для одних пар синонимов больше, а для других — меньше, так что внутри ряда по признаку большей/меньшей семантической близости могут быть выделены группы, а иногда и подгруппы синонимов. Мы будем говорить, что в случае (а) синонимический ряд имеет п е р е с е ч е н н у ю структуру, а в случае (б) — и е р а р х и ч е с к у ю .

Различие этих двух типов структур существенно не столько с теоретической, сколько с практической точки зрения, так как позволяет облегчить изложение и восприятие сведений о синонимических рядах. Каждому типу структуры отвечает свой в композиционном отношении тип описания.

В описании семантики синонимического ряда фигурируют, грубо говоря, два рода вещей: сами синонимы (то, что описывается) и семантические признаки (то, с помощью чего описываются синонимы). В случае пересеченной структуры удобнее фиксировать с и н о н и м и характеризовать его по всем признакам, затем переходить к другому синониму, повторяя для него эту операцию, и т. д.; в случае иерархической структуры удобнее фиксировать п р и з н а к и показывать, как он делит ряд на группы и группу на подгруппы, затем переходить к другому признаку, который обычно оказывается приложимым лишь к одной или нескольким, но не всем из уже выделенных групп и т. д. Впрочем, тот или иной тип описания не закреплен раз и навсегда за определенным типом структуры.

а) Пересечённая структура

Calculate, compute, reckon, estimate 'вычислять, подсчитывать, оценивать' различаются по признакам 1) характера выполняемого действия, 2) характера с х о д н ы х данных, 3) характера к о н е ч н ы х результатов. *Calculate* может обозначать вычисления самой р а з л и ч н о й природы — от математически весьма сложных расчетов до простых арифметических выкладок и действий, в которых исходные данные получены теоретическим или гипотетическим путем, в ы в е д е н ы из других соображений, но не заданы заранее, а результат вычислений выражается вполне т о ч н о : to *calculate* the

velocity of light [the speed of a rocket, the cost of furnishing a house, the purchasing power of eighty cents for a dinner]. *Compute* и *reckon* не отличаются от *calculate* по признаку точности получаемого результата, но обозначают вычисления, производимые на основании определенных, заранее известных исходных данных: to *compute* /to *reckon*/ the number of women in American colleges. Естественно, например, рассчитывать (*compute*) количество материала, необходимого для такой постройки, все остальные параметры которой (площадь, высота, назначение и т. п.) уже известны; естественно вычислять (*calculate*) координаты косяка перелетных птиц, если расчеты строятся на основе гипотетических оценок возможного места старта, направления движения, средней скорости и суммарного полетного времени косяка, средней скорости воздушных течений и т. п. С другой стороны, *compute* отличается от *reckon*, но сходен с *calculate* в том отношении, что обозначает самые различные вычисления, независимо от степени их сложности, в то время как *reckon* предполагает относительно простой процесс вычислений, часто производимых в уме: to *reckon* (up) the bill, to *reckon* the number of people present. *Estimate* отличается от трех уже рассмотренных синонимов тем, что нейтрально по первым двум признакам, но всегда предполагает приблизительную оценку.

Discuss, *argue*, *debate*, *dispute* 'обсуждать, дискутировать' различаются по признакам 1) характера аргументации (односторонняя, с попыткой доказать только собственную правоту — широкая, с рассмотрением всех соображений, способных подтвердить или опровергнуть высказываемую точку зрения); 2) темы обсуждения (бытовой — государственный или политический вопрос); 3) характера самого обсуждения (организованное — неорганизованное, спокойное — бурное). По первому признаку *argue*, *dispute* и в меньшей мере *debate* противостоят *discuss*, которое обозначает объективное и непредвзятое обсуждение вопроса с учетом любых аргументов в пользу и против защищаемой кем-либо точки зрения. По второму признаку *discuss* и *argue*, безразличные к теме, противостоят *debate*, который обозначает обсуждение преимущественно политических и государственных вопросов, и *dispute*, который обозначает обсуждение преимущественно бытовых вопросов. Наконец, по последнему признаку *debate* и *dispute* противостоят, но каждый по-своему, двум другим синонимам: *debate* обозначает организованное обсуждение (например, с определенной очередностью выступлений участников), а три остальных синонима безразличны к этой идее; *dispute* обозначает относительно бурное обсуждение, в то время как три других синонима никак не уточняют характера протекания дискуссии.

б) Иерархическая структура

Sullen, *morose*, *sulky*, *surlly*, *glum*, *gloomy* 'мрачный, угрюмый' различаются по следующим признакам: 1) постоянность — актуальность

обозначаемого свойства или состояния, 2) причины (особенности психического склада личности), в которых оно коренится, 3) его внешние проявления. По первому признаку *sullen* и *morose* противостоят остальным членам ряда, поскольку могут обозначать и постоянные свойства характера, и актуальные состояния: *he was a sullen /a morose/ man, suddenly he grew sullen /morose/*. Все остальные синонимы обозначают преимущественно состояния. *Sullen* и *morose* различаются тем, что *sullen* предполагает в качестве непосредственной причины мрачности скорее неумение общаться, отсутствие необходимости для общения живости, а *morose* — скорее нежелание общаться вследствие дурного нрава — высокомерия, желчности, недоброжелательности: “*Sheridan was generally very dull in society and sat sullen and silent*” (Webster); *one must be very cold-blooded and morose not to like this book*. *Sulky* и *surly* отличаются от *glum* и *gloomy* по признаку того, что их непосредственной причиной является недовольство или раздражение кем или чем-либо, в то время как состояние, называемое словами *glum* и *gloomy*, вызывается плохим настроением, депрессией, пережитыми неприятностями. В группе *sulky* — *surly* первый элемент отличается от второго по признаку того, как состояние субъекта проявляется внешне. В *sulky* содержится указание на склонность обижаться и выражать свое чувство недовольной миной, а в *surly* — указание на склонность сердиться и выражать свое чувство словами или действиями: *he turned sulky and did not answer the question ‘он надулся и не ответил на ее вопрос’; the surly maid shut the door in my face ‘сердитая горничная захлопнула дверь у меня перед носом’*. В группе *glum* — *gloomy* первый синоним отличается от второго по признаку степени (ср. *пасмурный* — *мрачный*): в случае *glum* — это (легкая) подавленность, угнетенность, а в случае *gloomy* — глубокое уныние: *you sit there as glum as the mutes at a funeral; he was gloomy all these days because he didn’t see a gleam of hope*.

Sly, cunning, crafty, artful, tricky, foxy, wily значат ‘такой, которому свойственно идти к достижению своей цели обманным путем’ (ср. *хитрый, коварный, лукавый, ловкий*). *Sly* и *cunning* указывают на отсутствие искренности в поведении, на лицемерие, умение действовать осторожно, скрывая свои истинные намерения. Оба предполагают обычно близкую цель, достижение которой не требует особой дальновидности, и поэтому могут характеризовать людей, обладающих самыми заурядными способностями: *it was not intelligence, but a low kind of cunning /slyness/*. *Crafty* и *artful*, с другой стороны, обычно предполагают наличие развитого интеллекта, способности всесторонне планировать свои действия, умения достигать более отдаленных, сложных и важных целей путем искусного маневрирования. *Foxy* и *wily* занимают промежуточное положение между первой и второй группами. С первой они сближаются по признакам ‘лицемерный’ и ‘скрытный’, а со второй — по признакам ‘умный’ и ‘проницательный’. *Tricky* стоит особняком, характери-

зую л живого, изворотливого и ненадежного человека: "Fear a *tricky* opponent more than a *crafty* one" (Webster). В паре *sly-cunning* первое предполагает, что внешние черты поведения являются не столько результатом сознательного расчета, сколько продолжением свойств характера, проявлением врожденного двуличия или коварства: women are *sly* and catty and wanting to get their own back. *Cunning*, наоборот, предполагает скорее расчет, чем естественную склонность к двуличию: he was very *cunning* in dealing with his customers. В паре *crafty-artful* второй синоним предполагает более умное и тонкое маневрирование, проявление находчивости и т.п.: *crafty* man of affairs [money-changer]; being *artful* she cajoled him with honey-mouthed flattery. В паре *foxy-wily* первое прилагательное предполагает наличие жизненного опыта, знание людей и умение использовать их слабости, в особенности падкость на лесть; поэтому *foxy* обычно характеризует немолодых людей: he is a *foxy* old man. *Wily* отличается от *foxy* почти так же, как *sly* от *cunning*, предполагая не столько расчетливое использование людей в своих целях, сколько коварство как свойство характера: a *wily* fox! we never knew what a rascal he was.

Ряд *polite, civil, courteous, courtly, gallant, chivalrous* в значении 'вежливый, обходительный, учтивый' распадается на три группы. *Polite* и, в меньшей степени, *civil* характеризуют человека, соблюдающего минимум предписаний вежливого общения с любым другим человеком. При этом *polite* описывает обычно воспитанного, внимательного и тактичного человека: she was always *polite* to servants; he was too *polite* to ask such questions. *Civil* обозначает минимальную степень вежливости, пренебрегая которой человек рискует оказаться грубым: he forced his son to be *civil* to the stranger; the servant was sullen, but *civil*. *Courteous* и *courtly* указывают не только на соблюдение предписываемых этикетом правил общения, но и на то, что субъект делает это с чувством собственного достоинства. При этом *courteous* подчеркивает приветливость в общении, готовность помочь или оказать услугу: the young man was quite *courteous* and helpful; he was so charming and *courteous* to the old lady. *Courtly* описывает изысканную, доходящую до церемонности аристократичность манер, которая рассматривается почти независимо от того, проявляется ли она именно в сфере общения или характеризует все формы поведения человека: a *courtly* and stately old gentleman 'величественный старый джентльмен с безупречными манерами'. *Gallant* и *chivalrous* характеризуют главным образом тех, кто проявляет любезность или внимание по отношению к женщине. При этом *gallant* обозначает вежливость, учтивость, проявляющуюся прежде всего в изяществе манер и внешнем лоске: trying to be *gallant*, he bowed. *Chivalrous* (ср. рыцарский) указывает на внутреннее благородство субъекта, готовность бескорыстно служить другому: he was kind and *chivalrous* to women of all ages, he felt strangely *chivalrous* and paternal to her.

2.5 Примечания

В этой зоне перечисляются, с толкованием, переводом, примерами и иллюстрациями, такие значения входящих в данный ряд слов, которые близки к рассмотренному в нем значению (и могут быть спутаны с ним), но в действительности не имеют синонимических связей внутри ряда. Примером может служить глагол *desire* из уже упоминавшегося ряда *desire, wish, want* и т. д.: в конструкции *to desire smb. to do smth.* он значит 'выражать пожелание' (*he desired me to stay in a peremptory tone*) и в этом случае не имеет однословных синонимов. Другой пример: в ряду *love, affection, attachment* 'любовь, теплое чувство, привязанность' первое существительное, в отличие от двух других, имеет особое значение 'любовь к человеку другого пола': *love at first sight, to fall in [out of] love*.

В таких случаях Примечания представляют собою, по существу, кусочек толкового словаря.

Возможны, однако, ситуации и другого рода. Значение, родственное основному значению синонимического ряда, может быть присуще не одному члену этого ряда, а сразу нескольким. Возникает «эмбриональный» синонимический ряд. Он не получает статуса самостоятельной словарной статьи по той чисто технической причине, что для этого нам недостает материала. Хотя в таких случаях мы не можем описать его в соответствии с принятыми нами принципами, мы все же делаем попытку сгруппировать входящие в него слова таким образом, чтобы сама эта группировка могла служить ключом к пониманию их семантических сходств и различий.

В ряду *angry, indignant, wrathful, irate, furious, acrimonious, mad* 'испытывающий злость, гнев или ярость' в зону Примечаний выносятся слова *angry, wrathful* и *furious*. Все они имеют переносное значение 'разбушевавшийся', 'неукротимый' (о стихии), отличаясь друг от друга главным образом по признаку (нарастающей) интенсивности; ср. *an angry /a wrathful/ sea, a furious storm*.

Иногда в зону Примечаний выносятся не один «эмбриональный» синонимический ряд, а два или более таких рядов. Например, в ряду *support I, uphold, advocate, back (up), champion* 'поддерживать', 'ратовать за что-л.' слова *support* и *back (up)* синонимизируются сразу в двух значениях, близких к основному значению ряда: 1) 'приводить доказательства правильности чего-л.', ср. *he could not find any arguments to support /to back/ his story*; 2) 'являться доказательством правильности чего-л.', ср. *this information supports the suspicion, the bills will not be discounted unless they are backed by responsible names*.

В этих и других подобных случаях Примечания выполняют, по существу, задачи синонимического словаря, но в ограниченном объеме.

2.6 Конструкции

Конструктивными мы будем называть любые различия, которые могут быть описаны с помощью грамматических признаков — синтаксических или морфологических. Они проявляются в пределах слова, словосочетания или предложения. Самым интересным и распространенным является второй тип различий, подробно анализируемый ниже; однако для полноты картины необходимо хотя бы кратко упомянуть первый и третий типы.

С конструктивными различиями, проявляющимися в пределах слова, мы имеем дело тогда, когда, например, какой-то синоним тяготеет к преимущественному употреблению в одной грамматической форме, в то время как другие синонимы свободно употребляются во всех имеющихся у данного класса слов грамматических формах. Одним из распространенных случаев такого рода является закрепление одного из членов глагольного синонимического ряда в форме причастия прошедшего времени.

Более интересны конструктивные различия, проявляющиеся в пределах предложения. Отметим два типичных случая — предложения с эксплетивным *it* и отрицательные, вопросительные и разного рода модальные предложения.

В ряду синонимов *try*, *torment*, *torture*, *afflict* и *rack* в значении 'мучить' первые три глагола употребляются в предложениях с эксплетивным *it*, вводящим инфинитив, а последние два неспособны к такому употреблению: *it tried /tormented, tortured/ him to think that*, но не **it afflicted /racked/ him to think that*. Точно так же различаются прилагательные *hard*, *difficult* 'трудный', с одной стороны, и *arduous*, с другой: *it was hard /difficult/ to climb up the steep slope* — правильные фразы, а **it was arduous to climb up the steep slope* — нет.

Condescend и *deign* в значении 'снисходить' различаются тем, что *deign* закрепляется в модальных, вопросительных, отрицательных и таких внешне утвердительных предложениях, которые содержат слова с имплицитно отрицательным значением (чаще всего — наречия *hardly* и *scarcely*): *to deign* по *reply*, *I do not [will not] deign to reply to such impertinence, will you deign to answer my question?*, *he hardly /scarcely/ deigned a comment*. *Condescend* свободно употребляется в любых типах предложений: *he condescended to his younger brother [to the suggestion, to accept the message]*, *to condescend* по *answer*, *will you condescend to answer my question?* и т. д. Точно так же различаются *abstain* 'воздерживаться от чего-л.', с одной стороны, и *resist*, *withstand* в близком значении 'удерживаться от чего-л.', с другой: *he abstained from drinking* — *I can't resist a cigarette, I could hardly resist a cigarette*, *the curiosity that I could scarcely withstand*, *human nature could not withstand those bewildering temptations, will you be able to resist /to withstand/ such a temptation?*

Еще более жестко ограничено употребление *budge* по сравнению со *stir* 'шевелиться': *budge* используется почти исключительно в отрицательных предложениях и в модальных предложениях с имплицитно отрицательным смыслом: *'he did not budge, he could hardly budge'*.

Можно высказать предположение, что эти конструктивные ограничения объясняются глубокими семантическими причинами. По-видимому, *stir* и *budge*, *condescend* и *deign*, *abstain* и *withstand* не являются точными синонимами. Одно тонкое семантическое различие между ними заключается в том, что вторые элементы каждой пары имеют в толковании модальную рамку, фиксирующую отношение говорящего к описываемой ситуации. Для глагола *budge*, например, толкование может выглядеть так: *budge* = 'шевелиться; говорящий считает, что некоторые элементы обстановки делают крайне маловероятным то, что у субъекта есть желание или возможность шевелиться'. Высказывание **he budged* неправильно потому, что оно создает противоречие между утверждением и модальной рамкой, т. е. ситуацию, которая, как мы уже говорили, избегается языком.

Перейдем к конструктивным различиям, которые проявляются в пределах словосочетания. Они делятся на два основных типа: 1) различия, связанные со способностью быть зависимым элементом словосочетания и 2) различия, связанные со способностью быть главным элементом словосочетания.

Различия первого рода характерны, как это легко предположить заранее, для синонимических рядов существительных и прилагательных.

Применительно к существительным — это способность быть управляемым элементом того или иного предлога или глагола. В ряду *pleasure*, *joy*, *delight* 'удовольствие, радость' все три синонима могут зависеть от предлога *with* (*with pleasure*, *with joy*, *with delight*), но только *delight* управляется предлогом *in*: *to jump in delight*, при невозможности **to jump in pleasure /in joy/*. *Rest* и *ease* 'покой', в отличие от своего синонима *comfort*, способны управляться предлогом *at*: *my mind is at rest /at ease/ (about it)*, при невозможности **my mind is at comfort (about it)*.

Применительно к прилагательным — это способность употребляться атрибутивно (с существительным) или предикативно (со связочным глаголом). В ряду *affectionate*, *devoted*, *fond*, *doting* и т. д. первые три синонима употребляются и в атрибутивной, и в предикативной функции, а *doting* — только в атрибутивной: *an affectionate /devoted, fond, doting/ mother*, но только *she is affectionate [devoted to me, fond of him]*; предложения типа *she is doting on her daughter* возможны, но *doting* в них — не прилагательное, а причастие в составе глагольной формы. Рассмотренному ряду противоположен в интересующем нас смысле ряд *watchful*, *vigilant*, *alert* и *wide-awake* 'находящийся в состоянии напряженного ожидания': первые два синонима употребляются и атрибутивно, и предикативно, а вторые два закреплены — но не в атрибутивной, а в предикативной функции: *to be watchful /vigilant/ of /against/ danger [the enemy]*, *to be alert /wide-awake/ for /to/ a new adventure*, но только *a watchful /vigilant/ sentinel*, при невозможности **an alert /wide-awake/ sentinel*.

Различия второго рода, в синонимическом словаре наиболее широко представленные, характерны для глаголов и других классов слов, обладающих

способностью к синтаксическому управлению. Они могут быть семантически мотивированными и немотивированными.

Рассмотрим, например, ряд *bare*, *naked* и *nude*. Как мы помним, *bare* предполагает отсутствие одежды на части тела, *naked* — на всем теле или тех его частях, которые, по общепринятым правилам, должны быть прикрыты, а *nude* — отсутствие одежды на всем теле. Поэтому *bare* и *naked* способны управлять формой *to smth.*, обозначающей границу обнаженного участка тела, а *nude* — нет: *bare /naked/ to the waist*, но не **nude to the waist*.

Глагол *wave* 'размахивать', в отличие от своих синонимов *swing* и *flourish*, обозначает, как мы уже говорили, такое движение руками, которое имеет целью привлечь к себе внимание другого человека или передать ему определенную информацию (чаще всего — просьбу или приказ). В соответствии с этим *wave* свободно употребляется в конструкциях *to wave to smb.* (со значением *адресата сигнала*), а также *to wave (to) smb. to do smth.*, *to wave smb. to smth.* (например, *to silence*), *to wave smb. away [on, aside,...]* (со значением *содержания* просьбы или приказа). *Swing* и *flourish*, не выражающие значения адресата, характеризуются, естественно, неспособностью управлять такими формами.

В обоих рассмотренных выше случаях конструктивные различия семантически обусловлены, мотивированы значениями соответствующих слов (ср. также анализ пары *stir* — *budge* на с. 295). Однако далеко не всегда конструктивную особенность слова можно объяснить ссылкой на его значение. Неясно, например, почему *leap* 'прыгать, перепрыгивать' управляет и предложным, и прямым дополнением (*to leap over a fence* или *to leap a fence*), а его синоним *spring* — только предложным (*to spring over a fence*); почему *attain* 'добиваться' управляет и прямым, и предложным дополнением (*to attain success [glory]*, *to attain to power [to prosperity]*), а его синоним *gain* — только прямым (*to gain success [glory]*). В этих случаях конструктивные различия представляются семантически не мотивированными.

В словаре мы специально оговариваем случаи семантической мотивированности различий в управлении, однако в статье рассмотрим эти два типа вместе, потому что все излагаемое ниже в равной мере справедливо для них обоих.

Свойственные синонимам типы управления характеризуются в нашем словаре, как правило, с трех различных, но взаимно дополняющих друг друга точек зрения: семантической, синтаксической и морфологической. В рассмотренном выше примере с глаголом *wave* формы *smb.*, *to smb.* семантически являются *адресатом* (другие возможные роли управляемых форм — субъект, объект, содержание, инструмент, средство, место, конечная точка, начальная точка, время, причина, результат, цель и т. п., т. е. те самые, которые выступают в качестве различительных признаков в семантическом описании синонимических рядов); синтаксически — это *прямое (smb.)* или *предложное (to smb.)* дополнение; наконец, морфологически — это

существительное (местоимение) или предлог *to* с существительным (местоимением).

Когда мы говорим, что синонимы отличаются друг от друга управлением, мы имеем в виду либо различие в роли (у одного синонима некая семантическая роль есть, а у другого — нет), либо различие в ее синтаксическом оформлении (например, при одном синониме данная роль может выражаться прямым дополнением, а при другом — предложным), либо различие в ее морфологическом оформлении (синонимы могут управлять разными предлогами), либо различие сразу по двум или по всем трем признакам.

В качестве управляемых форм мы рассматриваем не только беспредложные или предложные именные группы, но и инфинитив, предложение, герундий. Несколько примеров.

Глаголы *discuss*, *argue*, *debate*, *dispute* присоединяют формы со значением объекта (темы) обсуждения и формы со значением второго субъекта (собеседника). Первые при всех четырех глаголах могут быть прямым дополнением: *to discuss /to argue, to debate, to dispute/ a point*. При глаголах *argue* и *debate* возможна форма предложного дополнения с предлогами (*up*)*on*, *about*, *over* и семантически более самостоятельным *round*: *to argue /to debate/ on art, to argue /to debate/ about /over/ religion, to argue /to debate/ round the topic*. При глаголе *dispute* объект может принимать форму предложного дополнения *about /over/ smth.*, но не *on smth.* (*to dispute about /over/ religion*), а при глаголах *discuss* и *debate* — еще и форму придаточного предложения (*to discuss /to debate/ how to do it*).

Beg, *entreat*, *beseech*, *implore*, *supplicate*, *adjure*, *conjure* 'просить, умолять, заклинять' управляют формами со значением адресата просьбы и содержания просьбы. При всех синонимах адресат может быть выражен прямым дополнением. В этом случае содержание просьбы выражается инфинитивом, придаточным дополнительным предложением и прямой речью: *to beg /to entreat, to beseech,.../ smb. to listen [that he should grant permission], "Help me", he begged /entreated, beseeched,.../*. При всех синонимах, за исключением *adjure* и *conjure*, содержание просьбы может быть выражено предложным дополнением *for smth.*: *to beg /to entreat, to beseech,...*, но не **to adjure, *to conjure/ smb. for a loan*. При всех синонимах содержание просьбы может быть выражено прямым дополнением; при этом *beg* и *entreat*, в отличие от всех остальных синонимов, могут присоединять к себе и предложное дополнение *of smb.* со значением адресата просьбы: *to beg /to entreat, to beseech, to implore,.../ smb.'s help [smb.'s protection]*, но только *to beg /to entreat/ leave of smb.*

Commend, *applaud* и *compliment* 'хвалить' употребляются с предложным дополнением, обозначающим непосредственный объект похвалы; у первых двух синонимов оно имеет форму *for smth.*, а у последнего — *on smth.*: *to commend /to applaud/ smb. for his performance, to compliment smb. on his presence of mind*. *Commend* и *applaud* присоединяют к себе название непо-

средственного объекта похвалы и в форме прямого дополнения, что нехарактерно для *compliment*: to commend /to applaud, но не *to compliment/smb.'s presence of mind.

Companion, comrade и *pal* 'товарищ, приятель' часто употребляются с предложным дополнением to smb., обозначающим субъект дружбы, что нехарактерно для *crony* и *buddy* и невозможно для *associate*: he was a good *companion /comrade, pal/* to me.

Hard u difficult 'трудный', в отличие от *arduous*, способны подчинять и инфинитив, обозначающий содержание трудности: the lesson was *hard /difficult/* to learn, но не *the lesson was *arduous* to learn.

Appear, emerge 'появляться' употребляются с предложным дополнением from smth., обозначающим начальную точку: to *appear* from nowhere, he *emerged* from the side door of the house. *Appear*, кроме того, управляет предложным дополнением со значением места, где нечто появляется, что нехарактерно для *emerge*: to *appear* in the doorway [on the threshold], the city *appeared* beyond it.

Во многих случаях различиям в конструктивных свойствах синонимов соответствуют сочетаемостные различия.

Хорошо известный пример такого соответствия — слово *love* 'любовь', управляющее двумя разными предложными дополнениями со значением объекта чувства: for smb. (чаще с названием существа, например, *love* for children) и of smth. (чаще с названием вещи, действия и т. п., например, *love* of one's country). Между тем слово *attachment*, синонимичное *love*, присоединяет к себе название любого объекта (неважно, существа или вещи) в форме предложного дополнения to smb. [to smth.]: *attachment* to one's daughter [to one's home]. Конструкция *attachment* for smb. возможна, но нехарактерна.

Прилагательные *attentive, considerate, thoughtful* 'внимательный, заботливый' управляют предложным дополнением со значением объекта внимания или забот. При этом к *attentive* название объекта всегда присоединяется предлогом to, а к *thoughtful* — предлогом of, независимо от того, является ли объект существом или состоянием: *attentive* to a friend [to smb.'s needs], *thoughtful* of other people [of his son's well-being]. Что касается *considerate*, то этот синоним обычно управляет формой to smb., если речь идет о существе, и формой of smth., если речь идет о состоянии: *considerate* to old people, *considerate* of the comfort of old people.

Discuss, argue, debate и *dispute*, как было отмечено выше, управляют прямым и предложным дополнением в роли объекта. В случае предложного дополнения объект может быть представлен существительным любого семантического класса. Если же дополнение прямое, то для глаголов *argue, debate* и *dispute* выбор существительного на роль объекта семантически ограничен; в частности, только *discuss*, но не остальные три синонима, способен сочетаться с названием лица в функции прямого дополне-

ния: to *discuss* the people who attended the funeral; we are *discussing* you, not mankind in the abstract.

2.7 Сочетаемость

Полное лексикографическое описание слова должно включать в себя характеристику его сочетаемостных ограничений — лексических, семантических или референционных.

Лексическое сочетаемостное ограничение записывается в виде перечня конкретных слов, которые могут быть синтаксически связаны с данным словом. Прилагательные *doubtful* и *dubious* 'сомневающийся' в функции предикатива сочетаются не с любым связочным глаголом, а лишь с некоторыми, преимущественно с глаголами *to feel*, *to look*, *to seem*, *to sound*, но, например, не *to turn out*: even after they had been assured that there was no danger, they looked [felt, seemed, sounded] *doubtful /dubious/*, при неправильности *he turned out *doubtful /dubious/* about it. Следовательно, для *doubtful* и *dubious* должен быть указан список связочных глаголов, при которых эти два синонима способны выполнять синтаксическую функцию предикатива.

В отличие от этого, семантическое сочетаемостное ограничение задается указанием определенного семантического признака, которым должно обладать слово, вступающее в синтаксическую связь с данным словом. В ряду *escape*, *flee*, *fly*, *abscond*, *decamp* 'бежать' первые три синонима обладают более широкой сочетаемостью, чем последние два: с субъектами соответствующих действий могут быть и люди, и животные: his best two dogs *escaped* from the camp, the dog *fled* into the forest. Между тем с субъектами и действиями *abscond* и *decamp* могут быть только люди.

Более сложно выглядят референционные сочетаемостные ограничения. Примером таких ограничений может служить ряд *reach*, *achieve*, *gain*, *attain* в значении 'добиваться'. Типичными для этих синонимов являются следующие сочетания с существительными, обозначающими цель или результат действия: *to reach /to achieve, to gain, to attain/* one's aim [the object of one's desires, success, fame, glory], *to reach* an understanding [an agreement], *to achieve* a reputation for being rude, *to achieve* the realization of a dream, *to gain /to attain/* the attention of the clerk [the confidence of the mountain people]. Любопытно, что в последних примерах с глаголами *gain* и *attain* их нельзя заменить синонимами *reach* или *achieve*: сочетания **to reach /to achieve/* the attention of the clerk [the confidence of the mountain people] неправильны (а не просто отличаются по смыслу). Присматриваясь внимательнее к существительным *attention* и *confidence*, способным выступать в роли прямого дополнения при *gain* и *attain*, но не при *reach* и *achieve*, мы замечаем следующую интересную особенность соответствующих фраз: субъект состояния, обозначаемого словом *attention* или *confidence*, не совпадает с субъектом действия, обозначаемого глаголами *gain* и *attain*: внимание клерка привлекает не сам клерк, а другое лицо, и доверие горцев завое-

вызывает кто-то отличный от горцев. Однако глаголы *gain* и *attain* способны сочетаться и с существительными, обозначающими такие состояния (свойства, ситуации), субъекты которых совпадают с субъектами соответствующих действий: в случае *to gain /to attain/ one's aim [success, glory]* субъект цели, успеха или славы и субъект действия *gain /attain/* — одно и то же лицо. Теперь мы можем сформулировать референционное сочетаемое ограничение для глаголов *reach* и *achieve*: они не сочетаются с названиями состояний, субъекты которых не совпадают с субъектами обозначаемых ими действий.

Похожее различие представлено в паре синонимов *condescend* — *deign* 'снисходить': первый из них сочетается и с названием действия или свойства, субъект которого совпадает с субъектом *condescend* (*he condescended to smile*), и с названием свойства или состояния, субъект которого не совпадает с субъектом *condescend* (*to condescend to smb.'s folly*). Между тем *deign* сочетается только с названиями собственных действий или свойств субъекта: *he didn't deign to smile*, но не **he didn't deign to their folly*.

Сочетаемые различия между синонимами, подобно конструктивным различиям, могут быть мотивированными и немотивированными.

Рассмотрим, например, синонимы *surprise* 'удивлять' и *amaze, astound* 'изумлять, поражать'. Они различаются, в частности, по признаку степени и чувства. Все три могут сочетаться с обстоятельствами меры, однако *surprise* сочетается с любыми обстоятельствами этого класса (*he was a little [not a little, very much] surprised, he was surprised out of all measure*), а *amaze* и *astound* — только с теми, которые обозначают сверхвысокую или предельную степень свойства, состояния или чувства: *he was amazed /astounded/ to such a degree that he could hardly talk*. По крайней мере необычны, если не абсолютно аномальны, словосочетания *?he was a tiny bit amazed, ?he was a little astounded*. Очевидна природа этого запрета: *amaze* и *astound* сами по себе, без всяких дополнительных средств, выражают идею высокой степени, и усилить эту идею может только значение типа 'сверхвысокий', 'чрезвычайный'.

Concern и *solicitude* 'озабоченность' отличаются от *care* 'забота' тем, что обозначают состояние-чувство, в то время как *care* имеет значение состояния-деятельности. Этим различием в семантике объясняются и сочетаемые различия между синонимами, прежде всего тот факт, что первые два слова сочетаются с определениями, характеризующими степень чувства (*deep /profound/ concern /solicitude/*), и с глаголами, обозначающими наличие или проявление чувства: *to feel concern /solicitude/*, *to express profound concern, to manifest /to show/ solicitude*.

В обоих рассмотренных выше случаях сочетаемые различия естественно выводятся из различий в значениях синонимов. Однако даже сочетаемые различия могут быть семантически не мотивированными. Трудно или невозможно объяснить ссылкой на семантические причины факт несовпадения

сочетаемости таких, например, прилагательных, как *cold* и *cool* в значении 'испытывающий ощущение холода'. Оба синонима сочетаются с названием существа или всего его тела в качестве субъекта состояния: I sat in the armchair feeling sick and *cold*; I'm perfectly *cool*, but open the window if you like. Однако только *cold* сочетается в рассматриваемом значении с названиями частей тела в качестве субъекта состояния: his fingers [toes] felt *cold*, но не his fingers [toes] felt *cool* — последняя фраза либо неправильна (относительно смысла 'его пальцам было холодно'), либо имеет другое значение (объективно холодного: 'его пальцы на ощупь были прохладны').

В дальнейшем в этой статье мы не будем оговаривать специально фактов семантической мотивированности-немотивированности сочетаемостных различий, хотя в словаре эта информация дается достаточно систематически.

Описание сочетаемости синонимов выполняется с использованием той номенклатуры ролей (субъект, объект, содержание, адресат, инструмент, средство, цель, причина и т. п.), которая была разработана для характеристики их семантических и конструктивных сходств и различий. Применимость указанной номенклатуры для характеристики сочетаемостных сходств и различий между синонимами свидетельствует о том, что она является удобным и универсальным средством фиксации сведений, существенных при теоретическом исследовании и практическом усвоении синонимической системы языка.

Ниже мы рассмотрим несколько примеров сочетаемостных различий между синонимами. Эти примеры не претендуют ни на представительность, ни тем более на полноту: типы сочетаемостных различий между синонимами поразительно многообразны и могут быть исчерпаны только в словаре.

Reach, achieve, gain, attain в значении 'добиться' сочетаются с названием лица в роли субъекта действия. Субъектом *reach* и *achieve*, но не *gain* и *attain*, могут быть не только сами лица, но и те их слова, поступки, свойства, с помощью которых они добиваются поставленных целей: his words *reached* /*achieved*/ their aim /their object/, his determined perseverance *reached* its aim, при неправильности *his words *gained* /*attained*/ their aim. Похожее различие обнаруживается между русскими глаголами *достичь* и *добиться*, ср. его слова *достигли цели*, но не *его слова *добились цели*.

Reach, gain и *attain* в значении 'добраться' сочетаются с названием лица в качестве субъекта действия и с названием места или пункта в качестве цели действия: they couldn't *reach* /*gain, attain*/ the opposite shore. *Reach* чаще, чем два других синонима, сочетается с названием движущегося предмета в качестве субъекта действия: the boat *reached* the shore, the train *reaches* Oxford at six.

Gather 'собираться' отличается от своих синонимов *assemble* и *congregate* тем, что субъектом *assemble* и *congregate* могут быть (в стилистически нейтральном тексте) только живые существа, а субъектом *gather* — любые перемещающиеся предметы, ср. the clouds are *gathering*, it will rain.

Ponder, meditate и *ruminate* 'размышлять' сочетаются с названиями ситуаций, свойств, продуктов мысли в качестве объекта (темы) размышлений: *to ponder /to meditate/ upon the course of actions; to ruminate over the past; to ponder /to meditate, to ruminate/ the point*. Глаголы *ponder* и *meditate* сочетаются с названием лица в качестве объекта размышлений, что нехарактерно для *ruminate*: *to ponder on modern young men, he meditated on all those people and the things they represented in his life*.

Depress, oppress и *weigh down (upon)* 'угнетать' сочетаются с названиями чувств, действий, свойств и т. п. в качестве причины угнетенного состояния: *a feeling of isolation depressed /oppressed/ her, she was oppressed by fear, oppressed /weighed down/ by the heat*. Кроме того, *depress* и *oppress* сочетаются с названиями конкретных вещей и существ в той же роли, что нехарактерно для *weigh down (upon)*: *the dim room depressed /oppressed/ her, she depressed me*.

2.8 Иллюстрации

Иллюстрации из литературы, в большинстве словарных статей достаточно многочисленные, выполняют двоякую роль: во-первых, они образуют существенную часть того материала, на основании которого строится наше описание синонимического ряда; во-вторых, они показывают, каким образом описанные особенности синонимов реализуются в разных стилях и жанрах языка художественной литературы и живой речи.

Следует заметить, что в иллюстрациях имеется немало примеров индивидуально-авторского использования синонимов, которое характеризуется отклонением от устоявшихся норм сочетаемости, неожиданным метафорическим переосмыслением слова и т. п. Такой материал, представляющий большую ценность как свидетельство богатейших возможностей использования живого языка и как показатель направления потенциальных изменений, не должен, однако, учитываться при описании семантических, конструктивных и сочетаемостных норм употребления синонимов, которые излагаются в аналитической части словаря. Поэтому читателя не должны смущать случаи (правда, очень немногочисленные) расхождения между материалом, который мы используем в зонах значения, конструкций и сочетаемости, и материалом, приводимым в зоне иллюстраций.

Больше половины иллюстраций, по причинам отчасти содержательного, но в основном — технического характера, заимствованы из художественных произведений XIX и начала XX века. Мы отдаем себе отчет в том, что в словаре синонимов желателен более современный цитационный материал; мы бы хотели надеяться, что со временем нам удастся исправить этот недостаток.

3. Заключение

Представляя на суд читателей наш словарь, мы бы хотели еще раз подчеркнуть его экспериментальный характер. Первая реализация новой концепции синонимического словаря, конечно, не может быть безупречной, и мы не удивимся, если в этой книге обнаружатся непоследовательности и неточности. Мы как раз рассчитываем на сотрудничество читателей, т. е. на то, что они прочтут словарь придирчиво, но добросовестно, и своими замечаниями помогут авторам сделать новый шаг в таком трудном, но увлекательном деле, каким является лексикография.

ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СЛОВАРЯ СИНОНИМОВ¹

Представим в виде краткого обзора зонной структуры словарной статьи типы лексикографической информации, помещаемые в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка².

1. Вход словарной статьи

Входом словарной статьи является сам синонимический ряд, т. е. группа лексем, в значениях которых есть достаточно большая общая часть. Помимо наиболее обычного типа синонимов — разнокорневых лексем, принадлежащих одной части речи, — в нашем словаре в качестве синонимов рассматриваются:

а) Слова разных частей речи — при условии, что они могут выполнять одинаковые синтаксические функции; ср. частицы и наречия (*Пушкин владычествовал только <единственно> силою своего таланта*); частицы и прилагательные (*Только <один> Вася промолчал*); наречия и предлоги (*Сестра приехала чуть раньше меня <непосредственно передо мной>*); наречия и прилагательные (*Ему надо <нужно> подлечиться*); глаголы и наречия или прилагательные в сочетании со связками (*Ему следовало <надо было, было необходимо> отдохнуть, Он напоминает <похож на> отца своей непримиримостью, Мне этого хватит <будет достаточно>*); глаголы и союзы (*Стоило ему войти, как все вставали — Как только он входил, все вставали*); прилагательные и глаголы в форме причастий (*изможденный — измученный*).

б) Словообразовательные синонимы, например, *белеть — белеться* (в темноте), *светить — светиться* (о звездах) и т. п.; *греть 1 — разогреть, подогреть* (пищу), *греть 2 — согреть* (руки), *греть 3 — обогреть* (помещение). Чрезвычайно интересен в этом отношении характерный для русского языка регулярный тип лексических синонимов, получающийся способом обратного словообразования корневого глагола от приставочного. Ср. *пробить* (пробивать) зорю <тревогу> / *бить зорю* <тревогу>), *разбить 1* (разбивать) стекло — *бить стекло*, *разбить 2* (разбивать) врага — *бить врага*, *сбить* (сбивать) масло — *бить масло*; *выбросить* <выкинуть> что-л. в корзину — *бросить* <кинуть> что-л. в корзину. Ср. Если бы у меня в то время было му-

зейное отношение к делу, мне было бы достаточно сказать горничной, чтобы она мне приносила то, что он [Маяковский] в корзину кидал — была бы редчайшая коллекция (Р. Якобсон, Будетлянин науки).

в) Некоторые типы лексико-синтаксических синонимов, в частности, "глагол" — "устойчивое сочетание глагола с отрицанием", "глагол в личной форме, управляющий предложением" — "сентенциальное наречие", и ряд других. Ср. *недоставать* — *не хватать*, *жить* (*Надежда живет в сердце*) — *не угасать*, *Я считаю (что он половину фактов утаил)* — *По-моему (он половину фактов утаил)*, *Бывает (что он опаздывает)* — *Иногда (он опаздывает)*. Вполне регулярные ряды лексико-синтаксических синонимов формируются и глаголами, которые можно было бы условно назвать "безличными полуконверсивами"; ср. *Я думаю* — *Мне думается*, *Я считаю* — *Мне представляется*, *Я хочу* — *Мне хочется* и т. п. Однако вопрос о выделении таких рядов остается открытым; в нынешней версии словаря пары типа *хотеть-хотеться* трактуются в разных синонимических рядах.

1.1. Доминанта

Ряд открывается доминантой — лексемой, которая имеет наиболее общее в данном ряду значение, является наиболее употребительной, обладает наиболее широкой сочетаемостью и наиболее нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно, грамматически, просодически и т. п. Ср. *вызывать 2 (кризис, ненависть)* — *вести к*, *порождать*, *рождать*, *будить*, *пробуждать*; *делить* — *разделять*, *расчленять*, *разбивать*, *дробить*; *замереть* — *застыть*, *оцепенеть*, *окаменеть*, *остолбенеть*; *защищать* — *ограждать*, *отстаивать*, *стоять за*, *заступаться за*, *вступаться за*; *рисовать 1* — *зарисовывать*, *писать 2*, *малевать*; *жаловаться 1* — *сетовать*, *роптать*, *ныть*, *скулить*, *хныкать*; и т. п.

В ряде случаев значение доминанты целиком входит в значение всех остальных элементов ряда, ср., например, *бросать* — *кидать*, *швырять*, *метать*. Однако даже в простейших рядах, возглавляемых семантическими примитивами, доминанты могут отличаться от прочих синонимов положительным семантическим своеобразием, т. е. включать в себя семантические компоненты, которых у других синонимов нет. Это тем более верно для рядов синонимов с более сложно устроенными значениями.

Объясняется это тем, что доминанты — почти всегда лексемы первого плана, наиболее обработанные в языке и наиболее укорененные во всей отраженной в нем словесной культуре. След разнообразных ситуаций, в которых только они и могут быть использованы, сохраняется в них в виде особых смыслов, особых коннотаций, особой прагматики, которые не всегда легко обнаружить.

Рассмотрим, например, ряд *ждать* — *ожидать*, *дождаться*, *подждать*, *выжидать*, *пережидать*, *подождать*, *прождать*. Семантическая специфика всех слов, за исключением *ждать*, почти очевидна: *ожидать* указывает на внутреннюю готовность субъекта к встрече с каким-то человеком или событием; *дождаться* — на терпеливое ожидание в определенном месте; *подждать* — на

какие-то особые, часто враждебные цели субъекта ожидания по отношению к объекту; *выжидать* — на ожидание наступления благоприятного момента для осуществления запланированного действия; *пережидать* — на момент окончания какого-то процесса или явления в качестве условия возобновления собственной деятельности; *подождать* — на короткое время ожидания в определенном месте (за исключением употреблений типа *Я могу и подождать*); *прождать* — на длительность и бесплодность ожидания.

На этом фоне *ждать* может показаться совершенно общим и универсальным синонимом, способным заменять любое другое слово ряда. Более внимательный анализ показывает, однако, что и у него есть несколько семантических особенностей, отличающих его от других синонимов ряда. Здесь достаточно будет отметить одну из них. В ряде случаев у *ждать* появляется дополнительное значение 'хотеть', чтобы нечто произошло'; ср. *Вечера футуристов собирали невероятное количество публики --- Многие приходили ради скандала, но широкая студенческая публика ждала нового искусства, хотела нового слова — причем — и это интересно — прозой мало интересовались* (Р. Якобсон, Будетлянин науки). Типичен для этой смысловой надбавки контекст наречий степени *очень, страшно, больно* и усилительных частиц *как, так, так и*: *Он очень вас ждал; Не больно-то он тебя ждет; Он видел уже и понимал настроение этих господ, так и ждавших теперь случая пристать к нему* (М. Волконский, Мальтийская цепь); *Он так ждал, что на него обратят внимание; Она [Даша] подняла к нему лицо с зажмуренными мокрыми ресницами: "Иван Ильич, милый, как я ждала вас"* (А. Н. Толстой, Хождение по мукам).

Никакие другие синонимы ряда не сочетаются с указанными усилительными частицами и, следовательно, не претерпевают соответствующей смысловой модификации.

1.2. Стилистические пометы и грамматические пояснения

При каждой лексеме, входящей в синонимический ряд, ставится, в случае необходимости, стилистическая помета. В рассматриваемом словаре используется в основном традиционная система стилистических помет. Впрочем, в ряде случаев оказалось необходимым расширить эту номенклатуру.

Для лучшего понимания существа немногих предлагаемых нами нововведений напомним основания традиционной системы. Она покоится на нескольких главных шкалах: а) шкала литературного стиля (высок., книжн., поэт. и т. п.); б) шкала стиля речи (офиц., разг., прост. и т. п.); в) шкала внелитературности (груб., жарг., бран. и т. п.); г) шкала оценок говорящим различных параметров предмета речи, адресата или высказывания (ласк., неодобр., ирон., презр., пренебр., унич. и т. п.); д) шкала социальных областей и видов деятельности (спец., полит., иск., эк., мат., хим., спорт. и т. п.); е) шкала времени (устар., арх., ист., стар., нов. и т. п.); ж) шкала пространства (обл., диал., фр. и т. п.).

Наши нововведения сводятся к следующему.

На первой шкале наряду с пометами "книжн.", "высок." и "поэт." были введены пометы "необиходн." и "наррат."

Помета "необиходн." маркирует следующий за книжным, но не доходящий до нейтрального уровень литературности речи. Примером необходимых синонимов могут служить *сетовать* на фоне книжного *роптать* и нейтрального *жаловаться*; *уповать* на фоне нейтрального *надеяться*; *зablуждаться* и *обманываться* на фоне нейтрального *ошибаться*; *пленять* на фоне нейтрального *привлекать*.

Помета "наррат." обслуживает явление, замеченное независимо В. Ю. Апресян и О. Ю. Богуславской и представленное в синонимических рядах *течь, литься, лить, струиться, идти, катиться, бежать* и т. п. (В. Ю. Апресян), *голый, нагой, обнаженный* и т. п. [о лесах, полях] (О. Ю. Богуславская) и многих других. Некоторые члены таких рядов характеризуются особым стилистическим поведением. Рассмотрим фразы типа *Кровь бежала из раны, Слезы струились из глаз, Я шел мимо обнаженных полей, Леса стояли обнаженные* и т. п. В устной речи нормального носителя литературного языка они крайне маловероятны (следовало бы сказать *Из раны шла кровь, Она плакала, Поля были голые* и т. п.). В самой их тональности есть заявка на повествовательный литературный стиль, на художественность описания фактов. На самом деле почти все такие выражения несут печать литературного штампа, отличие которого от безобидных языковых клише состоит в его искусственной и немотивированной приподнятости. Помета "наррат.", таким образом, выполняет две функции: во-первых, она, подобно любой другой помете, помещает лексему в определенный стилистический класс; во-вторых, она служит предостережением против использования лексем этого класса в повседневной речи.

Следующая шкала — "офиц.", "разг.", "прост." и т. п. — была расщеплена на две самостоятельные шкалы. На первой из них, за которой можно оставить старое название, лексемы упорядочиваются по признаку большей или меньшей педантичности / небрежности речи. Мы сочли нужным, в дополнение к пометам "офиц." и "разг.", ввести еще помету "разг.-сниж.". Она маркирует следующий за собственно разговорным уровнем небрежности речи, который может позволить себе и образованный носитель языка без риска для своей языковой репутации. Ср. сниженно-разговорные синонимы *скулить* и *хныкать* на фоне разговорного синонима *плакаться* и нейтрального *жаловаться*.

Основанием для выделения второй шкалы является помета "прост.". Легко заметить, что в рамках принятой лексикографической практики она отражает не столько уровень небрежности речи, следующий за разговорным, сколько образовательный и общий культурный уровень носителя языка. Показательным для этого уровня является использование местоимений *ты*-фамильярного или *ты*-хамского (по терминологии А. А. Холодовича) в ситуациях, где образованный носитель языка употребляет *вы*-вежливое. Помета "прост." в действительности приписывается лексемам, которые культурный носитель языка не может использовать без риска для своей языковой репутации. В дополнение к

ней мы предлагаем ввести на той же шкале помету "обиходн.", которой маркируется лексика, занимающая промежуточное положение между нейтральной лексикой и просторечием. Она приписывается таким лексемам, как *дожидаться* (ср. нейтральное *ждать*) или *видать* (ср. нейтральное *видеть*).

Несколько нововведений имеют прямое или косвенное отношение к шкале времени.

Словам, сфера употребления которых в современном языке существенно сужена по сравнению с предшествующим историческим срезом, приписывается помета "уходящ.". Для иллюстрации этого понятия мы воспользуемся наблюдениями О. Ю. Богуславской из разработанной ею словарной статьи *пустой — порожний*. Было бы ошибкой квалифицировать прилагательное *порожний* в словосочетаниях типа *порожний стакан*, *порожний состав* как архаичное или тем более устаревшее. Однако в современном языке оно используется в небольшом числе лексически ограниченных контекстов, между тем как в языке XIX века его комбинаторный потенциал был намного шире; ср. *порожний стул* (Ф. М. Достоевский, МАС), *Там провел он [извозчик] целую ночь, а на другой день на порожней тройке отправился восвояси* (А. С. Пушкин, Дубровский).

Можно указать ряд языковых проявлений "уходящести": а) утрата семантического правила выбора слова, замена его лексическим правилом. Ср. правильные словосочетания *порожний состав* <вагон> на фоне сомнительного [?]*порожний поезд*; допустимые *порожний холодильник*, *порожний ящик* на фоне весьма сомнительных ^{??}*порожний шкаф* <гардероб>, ^{??}*порожний чемодан* <портфель>. Единственный обобщимый класс существительных, с которым прилагательное *порожний* сочетается более или менее свободно, — названия сосудов и контейнеров для жидкостей. Однако даже внутри этого класса словосочетания *порожний стакан*, *порожня бутылка* <бочка, цистерна>, *порожнее ведро* звучат ощутимо естественней, чем [?]*порожний кофейник* <чайник>; б) более легкая сочетаемость с названиями старых реалий; *порожний комод* лучше, чем ^{*}*порожний сервант*, [?]*порожний мешок* лучше, чем *порожний рюкзак*; в) стилистическое размежевание словосочетаний, которые используются как более или менее готовые единицы; ср. просторечное *порожний стакан* и стилистически нейтральное *порожний состав*; г) более широкая, чем для нейтральных лексем, возможность ненормативных авторских употреблений; ср. у А. Солженицына в "Архипелаге ГУЛАГ": *Как-то встретился нам долгий порожний обоз; Да когда же Бутырки стояли порожние; Он, сержант, хотел, чтобы я, офицер, нес его чемодан, --- а рядом с порожними руками шли бы шесть рядовых?*

Следующая связанная с осью времени помета — "стил.". Она приписывается устаревшим лексемам, которые могут быть использованы в современном языке в целях стилизации. Таков, например, глагол *зреть*, свободно используемый в поэзии; ср. *Ты видел все моря, весь дальний край. / И ад ты зрел — в себе, а после в яви* (И. Бродский, Большая элегия Джону Дону).

Последнее новшество в области стилистических помет тоже связано со шкалой времени, точнее, с ее проекцией на дихотомию "система языка — узус".

В традиционной номенклатуре эта дихотомия представлена пометой "редк.". Она приписывается лексемам, которые есть в системе, но редко встречаются в речи говорящих. Вообще говоря, малая употребительность лексемы может объясняться двумя разными причинами: либо она находится в процессе выпадения из языка, либо, наоборот, будучи предсказана его системой, она в нем появляется. Мы предлагаем закрепить помету "редк." за первой ситуацией, а для второй ситуации ввести помету "потенц."

Помимо стилистических помет при синонимах возможны грамматические пояснения. В частности, при глагольных лексемах указываются их видовые корреляты. Ср. *притворяться* [СОВ *притвориться*], *прикидываться* [СОВ *прикинуться*], *симулировать* [СОВ *симулировать*].

1.3. Семантические группы внутри ряда и его толкование

Синонимы внутри ряда упорядочиваются таким образом, чтобы их пространственная близость отражала меру их семантического сходства. До всякого анализа очевидно, например, что в ряду *приказывать*, *велеть*, *командовать*, *распоряжаться* одну группу синонимов образуют глаголы *приказывать* и *велеть*, а другую — *командовать* и *распоряжаться*. Ср. также в ряду *надеяться* группу *надеяться* и *уповать*, с одной стороны, группу *рассчитывать* и *полагаться*, с другой; в ряду (*быть*) *похож* группу *похож* и *походить*, с одной стороны, группу *напоминать* и *смахивать*, с другой; в ряду *привлекать* группу *привлекать*, *влечь* и *увлекать*, с одной стороны, группу *манить*, *тянуть* и *притягивать*, с другой. Очевидно, что оснований для выделения групп внутри ряда тем больше, чем больше в нем элементов. Ср. ряд *привыкнуть* 2 со следующими четырьмя группами: *привыкнуть* 2, *свыкнуться*, *притерпеться*; *приспособиться*, *адаптироваться*, *акклиматизироваться*; *приноровиться*, *приладиться*, *притереться*, *примениться*; *вжиться*, *сжиться*, *прижиться*, *освоиться*.

В конце ряда дается толкование пересекающейся части значений входящих в него лексем. Укажем два принципа, которые определяют структуру этой части словарной статьи.

1) Толкования рядов строятся таким образом, чтобы в них вещественно отражались семантические связи между близкими рядами, т. е. чтобы их семантические сходства и различия были непосредственно очевидны. Рассмотрим с этой точки зрения ряд *привыкнуть* 1, *приучиться*, *втянуться*, *приохотиться*, *пристраститься*, *повадиться* и только что рассмотренный ряд *привыкнуть* 2, *свыкнуться*, *притерпеться*, *приспособиться* и т. д. Первый из них может быть представлен примерами *привык* <*приучился*> *рано вставать* <*делать по утрам зарядку*>, а второй — примерами *привык* <*притерпелся*> *к постоянному шуму станков* <*к новой обстановке*>.

Различие между двумя значениями глагола *привыкнуть* (собственное действие становится привычкой — происходит привыкание к какому-то внешнему по отношению к субъекту фактору) отмечается всеми толковыми и синонимическими словарями русского языка. Однако из обычных толкований остается

неясным, в чем эти две лексемы (и, следовательно, возглавляемые ими синонимические ряды) сходятся и чем различаются. Ср., например, следующие толкования: *привыкнуть 1* = 'приобрести привычку (делать что-л., поступать каким-л. образом и т. п.)', *привыкнуть 2* = 'освоиться, свыкнуться с чем-л.' (МАС); *привыкать 1* = 'усваивать, приобретать привычку к чему-либо; приучаться что-либо делать, как-либо поступать', *привыкать 2* = 'осваиваться, свыкаться с кем, чем-либо' (БАС).

Использование метаязыка и принципов толкования значений, которые были описаны в *Апрелях 1994*, позволяет естественным образом разрешить эту трудность. *Привыкнуть 1* = 'много раз на протяжении нескольких периодов наблюдения повторив какое-л. действие или побывав в каком-то состоянии, измениться в результате так, что делать это или быть в таком состоянии стало нормой поведения или существования субъекта'. *Привыкнуть 2* = 'проведя некоторое время в необычных для себя условиях, измениться в результате так, что эти условия стали нормой или перестали восприниматься как необычные'.

Предоставляем читателю самому убедиться, что все семантические сходства и различия двух синонимических рядов зафиксированы в этих толкованиях самым непосредственным образом.

2) Если ряд возглавляется лексемой, не допускающей семантической декомпозиции в данном языке (ср. *хотеть* — *желать*, *жаждать*, *мечтать*), то вместо толкования дается стандартное пояснение "доминанта ряда является семантическим примитивом".

2. Зона значения

В этой зоне внимание сосредоточивается на обнаружении и экспликации всех содержательных (собственно смысловых, денотативных, прагматических, коммуникативных, экстралингвистических) сходств и различий между синонимами и на формулировке условий, в которых эти различия в той или иной мере нейтрализуются, так что становятся возможны полные или частичные взаимозамены. Здесь же обычно описываются и просодические особенности синонимов (т. е. специфика акцентных выделений и интонаций), поскольку они теснейшим образом связаны с их коммуникативными (особенно теморематическими) свойствами.

2.1. Синопсис

Зона начинается с синопсиса, или краткого путеводителя по словарной статье. В нем перечисляются те семантические, прагматические и иные содержательные признаки, которые задают основные оппозиции внутри данного синонимического ряда. Каждый признак иллюстрируется несколькими синонимами, которые противопоставлены по нему наиболее рельефно. Вообще говоря, приводимая здесь краткая справка о содержательных сходствах и разли-

чиях между синонимами более чем эквивалентна сведениям, которые сообщаются в объяснительных синонимических словарях обычного типа. Если эта справка удовлетворяет читателя, он может сразу же переходить к другим зонам или к иллюстрациям.

Приведем два примера.

Ряд *пытаться* — *пробовать*, *стараться*, *силиться*. Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) масштаб и характер действия, которое субъект хочет произвести (*силиться* приложимо к конкретному, актуальному, обычно не слишком сложному действию, *пытаться* — к любому; *стараться* приложимо к контролируемым и неконтролируемым действиям, *пробовать* — только к контролируемым); 2) количество усилий и их объективная необходимость (*пробовать* предполагает наименьшее количество усилий, *силиться* — наибольшее, причем в последнем случае усилия необходимы, потому что выполнить действие объективно трудно); 3) выделимость-невыделимость одного акта приложения усилий (в случае *пробовать* такие акты, т. е. отдельные попытки, выделимы, в случае *стараться* — нет); 4) возможность произвести действие и вероятность достижения результата (в случае *силиться* часто оказывается невозможным произвести само действие и поэтому почти никогда не достигается нужный результат, а в случае *стараться* действие чаще выполняется и приводит к нужному результату); 5) причина возможной неудачи (в случае *пытаться* может быть неправильно выбран путь, в случае *силиться* у субъекта не хватает ресурсов); 6) готовность субъекта предпринимать альтернативные действия в случае неудачи первой попытки (ср. альтернативные *пытаться* и *пробовать* в отличие от безальтернативных *стараться* и *силиться*); 7) мотивация действия и отношение субъекта к нему (в случае *пытаться* субъект всегда хочет выполнить запланированное действие, в случае *пробовать* он может хотеть обнаружить, выполнимо ли оно, понравится ли ему результат и т. п.); 8) возможность наблюдать усилия субъекта со стороны (она есть в случае *силиться* и отсутствует в случае *пробовать*).

Ряд *надеяться* — *уповать*, *рассчитывать*, *полагаться*. Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) входит ли в характеристику внутреннего состояния субъекта указание на эмоцию (в случае *надеяться* и *уповать* входит, в случае *рассчитывать* и *полагаться* — нет); 2) что является основанием для возникновения состояния — мнение (*надеяться*), вера (*уповать*), рассуждения (*рассчитывать*), доверие и предшествующий опыт (*полагаться*); 3) каков характер и масштаб того, с чем субъект связывает свои надежды (*уповать* можно только на внешнюю по отношению к субъекту высшую силу или на других людей, возможности которых намного превосходят возможности субъекта); 4) какова интенсивность ожидания (она больше в случае *уповать*, чем в случае *надеяться* и *рассчитывать*); 5) какова степень уверенности субъекта в осуществлении события и насколько далеко оно отстоит во времени от момента наблюдения (*полагаться* указывает на большую степень уверенности, чем любой другой синоним ряда, причем ожидаемое событие мыслится в достаточно близком будущем); 6) каково текущее положение

ние субъекта (любое в случае *надеяться*, неблагоприятное или тяжелое в случае *уповать*); 7) каковы эффекты, сопровождающие данное состояние (в случае *надеяться* — подъем общего тонуса).

2.2. Содержательные сходства и различия между синонимами

Сразу за синопсисом располагается главная часть словарной статьи, в которой описываются различные группы, подгруппы и отдельные члены ряда, выделяемые в нем на основании тех или иных признаков или комбинаций признаков.

Описание строится в регламентированной, но не слишком жесткой форме. Регламентация относится к композиции, приемам подачи материала, способам группировки синонимов внутри ряда, но не к языку описания. В этой зоне, в отличие от зоны толкования, язык описания свободен в том смысле, что в нем нет никаких ограничений на выразительные средства (за исключением ряда ограничений на специальную лингвистическую терминологию, которая допускается в строго оговоренных пределах и должна быть пояснена в теоретическом введении к Словарю). Здесь можно использовать любые перифразы, ссылки на энциклопедические свойства референтов сравниваемых лексем и даже метафоры, если они сокращают путь к существу дела³. Описание должно удовлетворять единственному требованию — ясности представления всех содержательных сходств и различий между синонимами.

Может показаться, что тем самым упускается более естественная возможность построить синонимический словарь. Многие склонны думать, что для демонстрации всех сходств и различий между синонимами достаточно просто выписать подряд их толкования. Поэтому полезно привести ряд соображений в защиту принятого нами способа описания синонимов.

Первое. Если ограничиться толкованиями, задача формирования правильного представления о синонимах перекладывается на читателя. Он сам должен произвести всю сопоставительную работу с полуфабрикатом, каким для синонимического словаря являются толкования входящих в него слов.

Второе. Часть сходств и различий между синонимами, например, в прагматике, в референции, в коннотациях и других культурных ассоциациях, все равно была бы упущена, потому что многие такие свойства обычно описываются за пределами собственно толкований.

Третье, и самое важное. Комбинирование собственно смыслового описания, т. е. толкований на относительно формализованном семантическом метаязыке, с более свободно построенными лексикографическими портретами слов оправдано онтологически.

Толкование — лишь одна из перифраз языковой единицы, правда, самая привилегированная. Оно выполняет следующие четыре функции: (а) объясняет значение данной языковой единицы; (б) указывает ее место в семантической системе языка; (в) является семантическим правилом, применяемым при переходе от глубинно-синтаксического представления высказывания к (поверхност-

но-) семантическому, и наоборот; (г) служит основой для правил семантического взаимодействия данной единицы с другими единицами в составе высказывания.

Только толкование способно выполнять функции (б), (в) и (г) и тем самым обслуживать нужды лингвистической теории. Однако главную из названных функций — метаязыковую функцию объяснения того, что данная единица значит, — могут выполнять и другие перифразы при условии, что они действительно сводят неизвестное к известному. Для тех же целей можно использовать и другие средства передачи языковых знаний — например, прямые указания на объекты действительности, являющиеся референтами тех или иных выражений. Носители языка в своей каждодневной речевой практике реально используют соответствующие приемы, если возникает необходимость сообщить собеседнику, что значит то или иное выражение. Так они осуществляют свою метаязыковую деятельность.

В сущности, именно этот универсальный набор средств описания содержательной стороны лексических единиц и применяется в обсуждаемой зоне словарной статьи⁴.

Перейдем к более подробному обсуждению информации, помещаемой в зоне собственно значения. Большая ее часть посвящена возможным различиям между синонимами.

Главными считаются различия в ассертивных компонентах значений. В ряду *рисовать*, *зарисовывать*, *писать*, *малевать* к числу таких различий относится, например, тот факт, что *зарисовывать* требует обязательного наличия натуры, модели, являющейся предметом изображения, между тем как *рисовать*, *писать* и *малевать* можно и не имея в виду никакого реального объекта.

Хотя в целом ассертивные части лексических значений являются более грубыми и явными слоями смысла, чем модальные рамки, рамки наблюдения, разного рода оценочные компоненты и мотивировки, в ряде случаев они тоже оказываются менее очевидными и с большим трудом поддаются формулировке. Такие ситуации являются предметом особого внимания в рассматриваемом словаре синонимов, тем более что именно в этих случаях существующие толковые и синонимические словари менее всего способны служить опорой в нашей работе.

Поясним, что мы имеем в виду. При обработке массового материала довольно быстро складывается представление о больших и малых лексикографических типах и о том, на поиск каких элементов смысла надо настраиваться в данном синонимическом ряду. Скажем, в глагольных синонимических рядах большинство семантических признаков, по которым глаголы различаются, извлекается из их актантной структуры: различия обычно касаются свойств субъектов, объектов, адресатов, инструментов, средств, целей, мест, времен и т. п. В синонимических рядах существительных, описывающих природные объекты, следует в первую очередь искать различий по признакам формы, цвета, размера, внутренней структуры, способов использования и т. п. В синонимических рядах существительных, обозначающих артефакты, к этим разли-

чиям добавляются различия в функциях и назначениях предметов. В синонимических рядах глаголов и существительных, обозначающих эмоции, надо ожидать различий по признакам фактора, вызывающего эмоцию, интеллектуальной оценки этого фактора субъектом, характера, интенсивности и глубины эмоции, желаний, которые она порождает, внешних способов ее проявления и т. п. Таковы типичные различия.

Однако нередко приходится иметь дело и с менее типичными различиями, скажем, с различиями по временным параметрам у неотглагольных существительных, прилагательных и наречий или с различиями по параметру свойства у глаголов. Чтобы сформулировать существо вопроса, воспользуемся понятием собственных и несобственных значений, обобщив его на лексические значения.

Обычно собственным значением некоторой граммемы называется то, которое совпадает с ее названием, а несобственными — все остальные. Так, собственным значением граммемы ПРОШ является значение события, имевшего место в прошлом, т. е. до момента речи, а значение будущего события, представленное во фразах типа *До свидания, я пошел <побежал, поехал>*, является несобственным. Распространяя эти понятия и терминологию на лексические значения, будем говорить, что смыслы, типичные (точнее, прототипические) для лексических значений определенной части речи, являются собственными для нее и несобственными для остальных частей речи. В частности, темпоральные компоненты как неотъемлемые атрибуты действия будут собственными для глаголов и несобственными для имен, а значение свойства — собственным для прилагательных и несобственным для глаголов.

Можно утверждать, что, при прочих равных условиях, несобственные компоненты в лексических значениях различных частей речи труднее обнаружить, чем собственные, что ими труднее овладеть практически и что они представляют наибольший теоретический интерес.

Наречие *запросто* отличается от своего синонима *легко* тем, что сдвигает определяемое действие в будущее относительно момента наблюдения и переводит его в план возможности, скорее чем реального осуществления. Ср. большую естественность фраз *Он запросто все объяснит <переведет, начертит>*, чем фраз *Он запросто все объяснил <перевел, начертил>*. Очевидно, что *легко* не подчиняется этим ограничениям.

Похожую сдвинутость события в будущее относительно момента наблюдения (который может располагаться в прошлом или настоящем) дает слово *погибель*. Подобно своим более разговорным или просторечным синонимам *крышка, хана, каюк* и т. п., оно никогда не обозначает уже совершившегося факта, а только предстоящее — предсказываемое или предвидимое — событие, как в классическом примере из Пушкина: *Так вот где таилась погибель моя! Мне смертью кость угрожала!* Ср. также *Нам теперь крышка <хана, каюк>*. Между тем аналоги *погибели* — существительные *смерть, гибель, кончина* и т. п. — могут обозначать и уже состоявшееся событие.

Прилагательное *близкий* в темпоральном смысле отличается от своего синонима *недалекий* тем, что относится только к будущему; ср. *близкое будущее,*

близкий отъезд, близкая весна. Между тем недалекий может относиться и к будущему, и к прошлому; ср. в этот уже недалекий день [будущее] и в тот еще недалекий день [прошлое]. Отнесенность к будущему или прошлому в случае недалекий проясняется, конечно, словами этот, уже и тот, еще соответственно, но не создается ими. Заметим в этой связи, что та же нейтральность, т. е. способность обозначать и будущее, и прошлое, отличает от близкого и его антоним далекий. Однако в контексте слова далекий частицы уже и еще приводят к прямо противоположным эффектам; ср. День еще далек [будущее] и Ночь уже далека [прошлое].

Если трудно уловимые элементы смысла встречаются даже в ассертивных частях толкований, такой неясности семантики тем более следует ждать от тоньше организованных слоев смысла. К ним относятся модальные рамки, рамки наблюдения, оценки, пресуппозиции, мотивировки и т. п. Они особенно характерны для лексических групп, которые в Апресян 1990: 82 были названы малыми лексикографическими типами. Рассмотрим несколько примеров.

В синонимическом ряду *выйти* – *получиться*, *выпасть*, *выдаться* первые два синонима указывают на участие человека в возникновении объекта или ситуации: *Роман вышел <получился> неплохой*. Вторые два изображают дело таким образом, что ситуация возникла по воле случая: *День выдал трудный, Лето выдалось жаркое*. Именно они представляют особый интерес. Оба описывают ситуацию случайной реализации одного из равновероятных исходов. Однако *выпасть* позволяет мыслить реализованный исход как благоприятствующий чьей-то деятельности, препятствующий ей или как-то иначе влияющий на человека. *Выдаться* выделяет в реализованном исходе совершенно другой аспект, а именно тот факт, что он отличается от других равновероятных исходов какими-то особыми свойствами. Поэтому обычно не говорят ^{??}*Лето выдалось обыкновенное*; ср. правильное *Лето выдалось необыкновенное*. С другой стороны, этот исход рассматривается гораздо более объективно, т. е. не в связи с чьей-то деятельностью, а как факт природы, равно данный всем людям.

Виться и *вилять* синонимичны в значении, которое можно сформулировать следующим образом: 'пролегая на местности, иметь много поворотов' (о дорогах, тропинках, ручьях и тому подобных пространственных объектах). Обычные словарные толкования этих значений сформулированы так, что невозможно усмотреть семантических различий между фразами типа *Дорога вьется между холмами* и *Дорога виляет между холмами*. Между тем различия есть и заключаются в двух вещах: а) в разной оценке в сущности одной и той же действительности; б) в том, как мыслится ее наблюдатель. В первом случае имеет место положительная эстетическая оценка объекта (пейзаж представлен как живописный), причем наблюдатель смотрит на него со стороны или как бы со стороны. Во втором случае имеет место отрицательная утилитарная оценка (дорога представлена как неудобная для езды, ходьбы и т. п.), причем наблюдатель является одновременно и пользователем: именно он перемещается по дороге.

Шутя и *играючи*, синонимичные в значении 'легко, без видимых усилий', отличаются друг от друга модальной рамкой. В случае *шутя* (*Парень шутя поднял тяжеленный мешок*) говорящий не высказывает никаких предположений о сознании и эмоциях субъекта, выполнившего определенное действие. В случае *играючи* (*Парень играючи поднял тяжеленный мешок*) такое мнение сообщается: говорящий считает, что субъект отдает себе отчет в том, с какой легкостью он выполняет трудное действие, и что это доставляет ему удовольствие. Обратим внимание и на картинность, с которой представлен в таком высказывании субъект действия.

Ждать отличается от некоторых других синонимов этого ряда денотативным статусом именной группы, выступающей в роли прямого дополнения. *Поджидают* обычно конкретного человека, а *ждать* можно кого-нибудь из того класса людей, который обозначен существительным-дополнением в родовом статусе; ср. *Она всю жизнь ждала жениха*.

Еще один тип тонких различий, описываемых в нашем словаре, — различия в коннотациях, или ассоциациях синонимов. Ср. описанные в других наших работах пары типа *лакей* (коннотации угодливости, холопства, самоуничтожения) — *слуга* (коннотация преданности); *осел* (коннотация глупости и упрямства) — *ишак* (коннотации трудолюбия и безропотности); *письмена* (коннотации чего-то высокого, важного, таинственного) — *буквы* (никаких коннотаций).

Ограничимся этими примерами. Представление о характере и типах неявных и трудно уловимых различий между синонимами, которым в нашем словаре уделяется особое внимание, может дать только сам словарь.

2.3. Просодия и коммуникативные свойства синонимов

В ряде других своих работ (см., например, *Апресян 1992*) мы уже рассматривали некоторые случаи лексикализации просодии и коммуникативных свойств. Было, в частности, отмечено, что фактивные глаголы *понимать*, *знать*, *видеть* (= 'понимать') в нейтральных утвердительных предложениях могут нести главное фразовое ударение, независимо от своего места в предложении, и, следовательно, относятся к рематической части высказывания. Этим они отличаются от канонических пудативных глаголов *считать*, *полагать*, *находить*, которые в сравнимых условиях (не в конце предложения, не в модальном или уступительном контексте) не могут нести главного фразового ударения и принадлежат теме высказывания.

Рассмотрим еще несколько показательных случаев лексикализации просодии и коммуникативных свойств, имеющих более непосредственное отношение к словарю синонимов.

Главное семантическое различие между синонимами *хотеть* и *желать* состоит в том, что *хотеть* обозначает действительное желание, предполагающее волю к его осуществлению. Ср. *Плох тот солдат, который не хочет стать генералом* (посл.); *Хочу быть владычицей морской!*; — *Я хочу, чтобы мне сейчас*

же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, — сказала Маргарита, и лицо ее исказила судорога (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *А он еще бился. Он настойчиво боролся со смертью, ни за что не хотел поддаться ей, так неожиданно и грубо навалившейся на него* (И. Бунин, Господин из Сан-Франциско). Между тем *желать*, особенно в форме НЕСОВ, обозначает чистое желание, без намека на действенную волю. Ср. *Им [Рудину, Караваяву] он противопоставляет людей, умеющих не только желать, но и хотеть* (А. Ф. Кони, Воспоминания о писателях); *У каждого, у каждого в душе было то, что заставляет человека жить и желать сладкого обмана жизни!* (И. Бунин, Братья); *От всей души желаю, чтобы они [праздники] скорее кончились* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Доктор тревожился за эту жизнь и желал ей целостности и сохранности* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). По указанной причине значение собственно желания в *хотеть* тесно переплетается со значением намерения.

Можно указать контексты, благоприятствующие либо выражению значения собственно желания, либо выражению значения намерения. Именно такие контексты представляют особый интерес с точки зрения занимающей нас темы просодии и коммуникативных свойств лексем.

Для значения собственно ж е л а н и я характерна позиция ремы, в которую глагол *хотеть* попадает, в соответствии с общими правилами коммуникативной организации высказывания, когда на него падает главное фразовое или эмфатическое ударение; ср. [↑] *Хотите вытить чего-нибудь?*; Я ^{↓↓} *хочу поехать в Москву*; *Больше я не ↓ хочу лгать. --- Я не ↓ хочу, чтобы у него навсегда осталось в памяти, что я убежала от него ночью* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Для значения н а м е р е н и я (не только в случае *хотеть*, но и в других случаях) характерна позиция темы и фразовая безударность. В число лексико-семантических условий, благоприятствующих выражению намерения у глагола *хотеть*, входят: а) контекст глаголов физического действия в форме СОВ: *Я хочу по дороге заехать в институт; Лара хотела убить человека, по Пашиным понятиям, безразличного ей* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); б) контекст частиц *уже* и *было*, обозначающих отказ от почти предпринятого действия: *Он хотел было <уже хотел> выключить радио, но передумал*; в) контекст временных слов и выражений типа *теперь, как раз, только что, перед этим, после этого, потом* в тех синтаксических конструкциях, которые выражают идею последовательности событий: *Я только что хотел сообщить вам, что собрание отменяется; Я как раз хотела попросить тебя объяснить мне квадратные уравнения* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Кое-какие материалы я уже собрал и теперь хочу поехать в Москву; Я хочу поработать в архивах, побывать на местах событий и поговорить с их участниками; Хотели петь — и не смогли, / Хотели встать — дугой пошли / Через окно на двор горбатый* (О. Мандельштам, Сегодня ночью, не солгу). Легко видеть, что во всех приведенных контекстах *хотеть* действительно имеет значение намерения и остается фразово безударным.

Рассмотрим еще один пример — синонимы *привыкнуть* и *повадиться*.

Сравним фразы *Я привык вставать рано* (с обычным фразовым ударением на последнем слове) и *Я привык вставать рано* (с главным фразовым ударением на *привык*). Первая фраза имеет статус простого сообщения о моей привычке, без какого-либо намека на предстоящие трудности или интерпретацию уже состоявшегося факта вставания. Вторая фраза, с рематическим *привыкнуть*, имеет более богатые иллокутивные возможности. Она может использоваться как ссылка на прошлый опыт раннего вставания в качестве гарантии того, что и в предстоящей ситуации мне это будет нетрудно (функция успокоения собеседника). С другой стороны, она может использоваться как объяснение того, почему у меня такой бодрый вид в такой ранний час.

Синоним *привыкнуть* — глагол *повадиться* — в нейтральных условиях не может нести главного фразового ударения и, следовательно, не может находиться в позиции ремы. С этим хорошо коррелирует и характерное для него конструктивное свойство: подобно большинству тематических глаголов, в частности всем экзистенциальным, он может выноситься в препозицию к существительному-подлежащему; ср. *Повадился медведь на пасеку* (подробнее об этом см. раздел 4.3).

Любопытно, что для антонима *привыкнуть* — глагола *отвыкнуть* — акцентное выделение с помощью главного фразового ударения является нормой: *Я отвык вставать рано*. Именно такие высказывания, в отличие от высказываний типа *Я привык вставать рано*, являются иллокутивно нейтральными. Разумно допустить, что за таким перераспределением роли просодического выделения в случае антонимии стоит какое-то общее правило (скорее всего, это — наличие отрицания в значении антонима).

2.4. Прагматические и экстралингвистические условия

Рассмотрим лексему *висеть* 1.2, которую можно истолковать следующим образом: 'быть расположенным на вертикальной поверхности X, будучи прикрепленным к X-у и прилегая к нему, но не имея снизу никакой точки опоры'. Она представлена во фразах типа *В прихожей раньше висело зеркало, На стене висит картина <ковер, карта, небольшой посудный шкафчик>, На груди у него висели ордена и медали*.

Для нас представляет особый интерес тот круг употреблений лексемы *висеть* 1.2, когда она обозначает результат прикрепления предмета А к поверхности другого предмета В с помощью клейкого вещества, нанесенного на всю поверхность А. Такая ситуация обычно описывается глаголом *наклеить* в форме СТРАД, но может быть описана и глаголом *висеть*, который оказывается в этом случае синонимом формы *быть наклеен(ным)*. Ср. *На стену наклеен лист бумаги* — *На стене висит лист бумаги*. Второй глагол выбирается в том случае, когда наклеиваемый предмет рассматривается как носитель информации, а первый — во всех остальных случаях.

Сформулированное правило не является семантическим. Дело в том, что способ использования предмета в конкретной ситуации может противоречить его прототипической функции. Для правильного употребления глагола *висеть* недостаточно знать его словарное толкование и словарное толкование существительного, обозначающего прикрепляемый объект. Необходимо владеть экстралингвистической информацией о том, для каких нужд этот объект предназначен в текущей ситуации.

Так, плакат или таблица Менделеева, даже приклеенные к ней всей своей поверхностью, но используемые по своему прямому назначению, *висят* на стене. Между тем о чистом листе ватмана точно такого же формата, прикрепленном к стене точно так же, но неизвестно для чего предназначенном, лучше говорить, что он *наклеен* на стену.

Однако если мы знаем, что в наблюдаемой нами ситуации плакат или таблица используются в функции обоев, мы скажем, что они *наклеены* на стену. С другой стороны, если чистый лист бумаги был наклеен на стену для того, чтобы делать на нем какие-то записи, можно сказать, что он *висит* на стене.

2.5. Нейтрализация

Хотя нейтрализация различий между синонимами, с последующей возможностью взаимозамен, не считается их обязательным свойством, случаи такого рода самым тщательным образом учитываются в нашем словаре. Особое внимание уделяется формулировке контекстуальных и конситуативных условий нейтрализации.

Отличие *жаловаться* от ближайшего к нему синонима *сетовать* состоит в том, что *жаловаться* обычно предполагает конкретное отклонение от нормы в жизни субъекта, которое в принципе исправимо. *Жалуясь*, человек сообщает кому-то, кто обычно находится в лучшем положении, что ему плохо. Своим высказыванием он хочет привлечь к этому факту внимание других людей, обычно в расчете на то, что его сообщение вызовет их сочувствие, или побудит их помочь ему или — гораздо реже — чтобы дать выход своим чувствам. Ср. *Как-то раз проснулся он, и было ему совсем худо. Пожаловался: — Колотит всего. Я дал ему рубль* (С. Довлатов, Заповедник); *Ромашов лег на спину и начал стонать и жаловаться на сильные боли* (В. Каверин, Два капитана); [*Саша Семенов*] *жаловался на монотонность своего существования — обычно сильно выпив и говоря об этом почти плачущим голосом* (Г. Газданов, Ночные дороги); [*Инженер*] *жаловался, что она [жена] травила его в это дело, она же и оторвалась от него сразу после ареста* (Ю. Даниэль, Из неоконченной книги).

Наиболее близок к *жаловаться* синоним *сетовать*, значение которого, однако, существенно *уже*. *Сетуют* обычно на такое положение вещей, которое затрудняет нормальную деятельность субъекта или огорчает его. При этом обычно предполагается, что нет оснований рассчитывать на изменение ситуации к лучшему. Ср. *Он (по)сетовал на то, что злое начало в человеке чересчур сильно при неправильности* *Он (по)жаловался на то, что злое начало в челове-*

ке чересчур сильно. Ср. также Сестра сетовала на бисерность моего почерка (скорее всего, без надежды на то, что мой почерк изменится) — В каждом письме сестра жаловалась, что ей трудно разбирать мой почерк (скорее всего, в расчете на то, что я буду писать разборчивее). Мотивацией высказывания является не столько расчет на реальную пользу, сколько надежда на понимание со стороны собеседника. Ср. Александр Викторович сетует на то, что милиция нынче дорого берет (Столица. 1992. N 29); Мы нередко сетуем, что наши лидеры недостаточно цивилизованно ведут себя на международной арене (Известия. 19.11.92).

В связи с невозможностью переделать мир наиболее обычные чувства, сопровождающие сетование, — это сожаление или огорчение. Поэтому *сетовать* можно и на собственные не слишком удачные действия. В этом случае *сетовать* сближается с глаголом *сокрушаться*. Ср. *Экс-чемпион особенно сетовал на свой грубейший промах в 11-й встрече (А. Суэтин, Столь долгое единоборство)*. Синоним *жаловаться* в таких контекстах не может быть употреблен.

В ряде случаев синонимы *жаловаться* и *сетовать* в значительной мере сближаются, хотя и не утрачивают различий полностью. Это происходит, в частности, в модальных конструкциях со значением тщетности или бессмысленности жалоб и в контекстах, где речь идет об отклонении от нормы в теле или в организме субъекта: *Чего попусту жаловаться <сетовать>?; Он по временам держался за сердце, был бледен, жаловался <сетовал> на донимающую его болезнь.*

Рассмотрим в заключение этого раздела условия нейтрализации различий между *дождаться* и *ждать*. В этой паре большей семантической спецификой обладает глагол *дождаться*. Он обозначает терпеливое, заинтересованное и, может быть, долгое ожидание какого-то события в определенном месте, которое обычно достигает нужного результата: *Наконец мы дождались объективного обсуждения экологических проблем; — Одиннадцать! И ровно час, как я ожидаю вашего пробуждения (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); А Сергей Лемешев, самый знаменитый тенор России, радовался, как ребенок, что хоть на закате своей карьеры дождался возможности, успел записаться в своей любимой партии Ленского (Г. Вишневская, Галина).*

Большая часть этих особенностей сглаживается в форме НЕСОВ в контекстах, где речь идет о разовом ожидании определенного события, протекающем в определенном месте, причем ни процесс ожидания, ни само событие никак не специфицируются. В таких условиях *дождаться* максимально сближается с доминантой ряда, и эти два синонима, если отвлечься от стилистических различий, становятся взаимозаменяемыми: *В холле просители дожидались <ждали> начала приема.*

2.6. Примечания

Зона значений завершается факультативной подзоной примечаний, в которой рассматриваются следующие три вопроса: а) вопрос о синонимах, по тем

или иным причинам не включенных в данный ряд (чаще всего лексема не включается в ряд вследствие ее периферийности — устарелости, ненормативности и т. п.); б) вопрос о других значениях входящих в данный ряд слов, аналогичных рассмотренному в нем значению; в) вопрос о других словах, которые имеют значения, аналогичные рассмотренному в данном ряду. Приведем несколько примеров.

В ряду *думать* — *считать*, *полагать*, *находить*, *рассматривать* и т. п. имеются следующие два примечания.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. В XIX веке и в начале XX века синонимами *считать* были ныне устаревшие глаголы *почитать* 2, *мыслить* 1.3 и *мнить*: *Те, которые почитают себя здешними аристократами, прижкнулись к ней* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); *Открыть им [антропософам] глаза на Россию почитал он [Белый] своею миссией, а себя — послом от России к антропософии* (В. Ходасевич, Андрей Белый); *Но такой способ [спасения утопающего] по отношению к даме Степан Андреевич справедливо почитал грубым и неприличным* (С. Заяицкий, Судьбе загадка); *Сам же Бунин чудовищем себя не мнил, твердо помня свою литературную родословную, целиком русскую и классическую* (З. Шаховская, В поисках Набокова); *Не то, что мните вы, природа, / Не слепок, не бездушный лик* (Ф. И. Тютчев); *Может быть, только мнила она [М. Цветаева] себя безразличной к времени и пространству, к равнодушию среды ---* (В. Андреева, Эхо прошедшего).

В современном просторечии и сленге в качестве синонима *считать* в оценочном употреблении используется лексема *держать* 3.2 — преимущественно в словосочетаниях типа *держат кого-л. за дурака* <за полного идиота>; ср. *Я в точности понимаю, за кого их и нас держат. Не за подростков — за идиотов. За ДЕБИЛОВ. Которые в купле-продаже еще что-то секут, но в высоких материях — ничего* (Столица. 1992. N 3).

ПРИМЕЧАНИЕ 2. У глагола *думать* есть близкое к рассматриваемому просторечное значение 'подозревать, считать виновным в чем-л.', реализующееся в конструкции вида *думать на кого-л.*: — *Неужто ты до сих пор не знал, кто на тебя донес? — Нет, я все на брата думал.*

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Широкий спектр значений, аналогичных рассматриваемому, имеют глаголы интеллектуальной деятельности типа *понимать*, *решать*, *принимать* и т. п. Ср. *А. Солженицын словно не допускает, что те, кто понимает судьбы отечества и задачи литературы иначе, чем он, могут быть хоть сколько-нибудь правы, хоть сколько-нибудь достойны уважения* (В. Воздвиженский, Прогулки с Шафаревичем и без); *С чего это вы решили, что я на ней женюсь?; Они принимают меня не за того, кто я есть* (А. Кабаков, Самозванец).

В ряду *жаловаться*, *сетовать*, *роптать*, *плакаться*, *ныть*, *скулить* и *хныкать* даны следующие примечания.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. В языке XIX и начала XX в. в рассматриваемый ряд входил глагол *пенять*; ср. устаревшие употребления типа *С своей стороны он*

на помещение не жаловался, а только пенял на еду (М. Е. Салтыков-Щедрин, ССИН); Они пеняли на свою судьбу и говорили, что вот три ночи подряд кабаны травят пашни и огороды (В. К. Арсеньев, ССИН). В современном языке это *пенять* употребляется преимущественно в форме ПОВЕЛ (часто в составе фраземы *пеняй(те) на себя*) или эквивалентных ей по смыслу модальных конструкциях, в значении 'надо считать, что виновником является X и только X'; ср. *Если слова своего не сдержит, пусть на себя пеняет!*; *Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива* [посл.]; *Собственно, решаете свою судьбу вы: слушаете наркома — вы спасены, не слушаете — пеняйте на себя!* (А. Авторханов, Мемуары); "*Расскажи, с какой целью агитируешь население? --- Скажешь — простим. Нет — пеняй на себя*" (Ю. Домбровский, Хранитель древностей).

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Глагол *жаловаться* имеет особое медицинское употребление, близкое к рассмотренному значению: 'сообщать врачу о симптомах возможного заболевания': ср. *Он <доктор> меня выслушивал, вздыхал и затем спросил: — На что вы жалуетесь? — Ни на что, — ответил я* (Г. Газданов, Ночные дороги). Такое высказывание может быть перифразировано с помощью конверсного *жаловаться* глагола *беспокоить*: *На что вы жалуетесь? = Что вас беспокоит?*

Кроме того, *жаловаться* имеет следующее близкое к рассмотренному значение: 'сообщать лицу, наделенному ответственностью, о нежелательных для субъекта поступках третьего лица, с тем чтобы адресат восстановил справедливость': *жаловаться в дирекцию на самоуправство главного инженера; жаловаться начальнику аэропорта на плохое обслуживание; [Ленский] жаловался моей матери, что мы с братом — иностранцы, барчуки и снобы, и патологически равнодушны к Гончарову, Григоровичу, Мамину-Сибиряку ---* (В. Набоков, Другие берега). Если валентность темы в конструкции *жаловаться (кому-л.) на что-л.* заполнена словом со значением действия, то значение глагола зависит от интерпретации валентности адресата. Ср. *Учительница жаловалась на поведение новичка* — 'жаловалась 1', если, например, адресатом была ее коллега, и 'жаловалась 2', если адресатом был директор школы, родители ученика и т. п. Аналогичная неоднозначность возникает и в реальных текстах. Ср. *Правда, находились и завистники, которые жаловались, что гениальные эксперименты великого человека никто не может повторить. Жалобщикам вполне резонно отвечали, что эксперименты потому-то и гениальные, что их никто не может повторить* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура).

Глаголы *ныть, хныкать* и, в меньшей мере, *скулить* могут обозначать, особенно в контексте прямой речи, не только жалобу, но и другие речевые акты, например просьбу; ср. "*Купи мороженое, купи мороженое*", — *ныл <хныкал> мальчик*. У глагола *хныкать* значение 'жаловаться' трудно отделимо от значения 'плакать'; ср. пример *Разве женщина умеет любить...? В любви она умеет только хныкать и распускать нюни!* (А. П. Чехов, БАС), где в равной мере возможны оба осмысления.

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Значение, аналогичное рассматриваемому, имеет глагол *пенять* в форме \approx СОВ *попенять*: 'в мягкой форме выразить кому-л. недовольство по поводу его действий или свойств'. Ср. *Зиночка попеняла ему за то, что он оставил ее одну* (Б.Полевой, Повесть о настоящем человеке).

3. Зона форм

Синонимы могут отличаться друг от друга наборами форм (граммем), наборами грамматических значений в одной и той же форме, разной семантической, прагматической, стилистической, конструктивной, сочетаемостной или иной специализацией определенной формы и, наконец, тем, является ли данная форма собственной или несобственной формой данной лексемы. Все такие особенности синонимов описываются в зоне форм. Ниже мы проиллюстрируем некоторые из них.

3.1. Различия в наборе грамматических форм

Для глаголов это (в порядке убывающей вероятности) различия в наборе форм вида, наклонения, репрезентации (личная форма, инфинитив, деепричастие, причастие), залога, времени, лица, числа. Синонимы — существительные обычно отличаются друг от друга формами числа, прилагательные — формами краткости и степенями сравнения, наречия — степенями сравнения.

В ряду *ждать* — *ожидать*, *дождаться* и т. п. есть три синонима, имеющих обе видовые формы (*дождаться* — *дождаться*, *выждать* — *выждать*, *переждать* — *переждать*); три синонима, имеющих только форму НЕСОВ (*ждать*, *ожидать*, *подждать*); и три синонима, имеющих только форму СОВ (*подождать*, *обождать*, *прождать*).

Синонимы ряда *хотеть* — *желать*, *жаждать*, *мечтать*, вследствие того, что они обозначают не действие, а состояние, в сущности, лишены формы ПОВЕЛ в утвердительном предложении. Она невозможна для *хотеть* и *жаждать* и неестественна для *желать* и *мечтать*. Однако для двух последних синонимов возможен отрицательный императив: *Не желай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе; Ни о каких квартирах в Москве не мечтай*.

Для всех синонимов этого ряда, за исключением *жаждать*, характерны формы СОСЛ: *Я бы хотел выслушать и другую сторону; — Кто желал бы выступить?; — Любая женщина в мире, могу вас уверить, мечтала бы об этом* --- (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Для глагола *советовать*, в отличие от его синонима *рекомендовать*, невозможна форма СТРАД; ср. *Не рекомендуется включать систему сигнализации без надобности* при невозможности *Не советуется включать систему сигнализации без надобности*.

У глагола *жаждать* нет формы ДЕЕПР, причем эта дефектность парадигмы никак не компенсируется (о компенсации дефектной парадигмы см. раз-

дел 3.4). С другой стороны, для него в большей степени, чем для любого другого синонима ряда, характерны формы ПРИЧ; ср. *жестокие мальчишки, жаждущие кровавых игр; полаявшись с соседом, жаждущим утренней опохмелки* (Г. Вишневская, Галина); *К десяти часам утра очередь жаждущих билетов до того вступила, что о ней дошли слухи до милиции* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

3.2. Различия в наборах грамматических значений одной формы

Как было сказано выше, помимо различий в наборах форм, или граммах, синонимы могут отличаться друг от друга наборами грамматических значений в одной и той же форме.

В ряду *видеть — замечать, видать, лицезреть, зреть* глагол *видать* отличается от доминанты ряда тем, что обозначает обычно уже завершённый акт зрительного восприятия. В силу результативности своего лексического значения *видать* употребляется чаще всего в форме ПРОШ в общефактическом результативном или многократном: *Ужель ты не видал, / Сколь часто гром огнекрылатый / Разит чело высоких скал?* (Ф. И. Тютчев, На новый 1816 год); *Спиридон, по-разному наклоняя ее [фотографию] к свету окна, стал водить мимо левого глаза, как бы рассматривая по частям. — Не, — облегченно вздохнул он, не видал* (А. Солженицын, В круге первом). Актуально-длительное и процессное значения НЕСОВ для *видать* нехарактерны: *Мы долго видали парус на горизонте*.

Входящий в этот же ряд глагол *замечать*, который обозначает моментальное действие, совершенно исключает возможность использования формы НЕСОВ в актуально-длительном и процессном значениях.

3.3. Семантическая, конструктивная, синтаксическая, стилистическая и иная специализация форм

Некоторые синонимы могут приобретать в ряде грамматических форм семантические, прагматические, стилистические, конструктивные, сочетаемостные и иные особенности, не свойственные им в тех представляющих формах, в которых они перечисляются в названии ряда.

В ряду *думать — считать, полагать, находить, рассматривать, смотреть, усматривать, видеть* только *рассматривать* и *смотреть* вполне свободно используются в форме ПОВЕЛ, полностью сохраняя при этом свое значение. Ср. *Рассматривай это как свое первое серьезное поручение, Смотри на это как на свое первое серьезное поручение*. Синонимы *думать* и *считать* формально допускают употребление в форме ПОВЕЛ (*думать* — преимущественно в составе фраземы *думай что хочешь*), но при этом слегка изменяют свое значение. *Думай что хочешь* ≈ 'можешь думать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь'; *Считай, что тебе повезло <что мы договорились>* 'Несмотря на некоторые оговорки, которые есть у меня [говорящего], можешь считать, что

тебе повезло <что мы договорились>'. Ср. *Если угодно, считайте это пропагандой в пользу венецианских лавок, чьи дела идут оживленнее при низких температурах* (И. Бродский, *Fondamenta degli incurabili*).

Считать в форме ПОВЕЛ употребляется еще в функции вводного слова, имеет в этом случае значение 'можно считать' и стилистически является просторечием: *Трофим, считай, всю жизнь прожил тут, а не знает, где кончается эта топь* (В. Тендряков, МАС).

У того же глагола форма СОВ *счесть* отчетливо противопоставлена форме СОВ других синонимов по признаку участия воли в ментальном акте. Ср. *Прокурор счел, что собранных улик достаточно для предъявления обвинения* ~ *'Прокурор решил предъявить обвинение на основании уже имеющихся улик'* и *Прокурор подумал, что собранных улик достаточно* ~ *'У прокурора появилось такая мысль, может быть, без достаточных к тому оснований'*. Ср. также *Войдя в конфликт с советской властью, этот чистейший, кристальной душевной чистоты человек [А. Д. Сахаров] счел нужным вернуть государству заработанные им 150 тысяч рублей — сбережения всей жизни!* (Г. Вишневская, Галина).

Синонимы *советовать* — *рекомендовать* в перформативном употреблении допускают, помимо канонической для перформатива формы НАСТ, НЕСОВ, ИЗЪЯВ, 1-Л, ряд менее канонических форм, а именно: 1) СОСЛ; ср. — *Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять где-нибудь в окрестностях* (М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*); *Словом, я бы тебе посоветовал взять все это дело на себя, провести самому все следствие, всем показать, что ты настоящий рыцарь революции* (В. Аксенов, *Московская сага*); — *И как штурман я рекомендовал бы вам еще раз прочитать инструкции о порядке разгрузки* (А. и Б. Стругацкие, *Далекая Радуга*); 2) БУД, СОВ, ИЗЪЯВ, 1-Л; ср. *Посоветую вам проверить эти данные; Порекормендую вам на ужин язык в желе и салат*. Глагол *рекомендовать*, кроме того, допускает перформативное употребление в формах 3) СТРАД (ср. *До включения прибора рекомендуется проверить систему сигнализации*) и 4) ИНФ (ср. *Рекомендовать членам профсоюза воздержаться от участия в забастовке*; в последнем случае рекомендация приобретает статус указания, более или менее обязательного к исполнению).

Любопытную прагматическую специализацию имеет форма ПРОШ (по смыслу и происхождению СОСЛ) глагола *хотеть*: в вопросительных предложениях она может использоваться в составе клишированного обращения к клиенту, просителю и т. п., приобретая черты просторечного или мещанского стиля: *Чего <что> вы хотели?*

Для глагола *дождаться* по сравнению с *ждать* характерна стилистическая специализация в форме НЕСОВ. В современном языке (по сравнению с языком XIX и первой половины XX века) *дождаться* вытесняется доминантой ряда в сферу обиходной речи, однако в форме СОВ, в которой *ждать* не может с ним конкурировать, этот глагол сохраняет стилистическую нейтральность. Ср. сниженное — *Что это за люди? — Вас дожидаются* и нейтральное

Наконец всех пригласили к столу. Редактор дождался полной тишины и сказал (С. Довлатов, Компромиссы).

Та же стилистическая специализация и, видимо, по сходным причинам, развилась у глагола *видать*. В форме НЕСОВ *видать*, в отличие от своего ближайшего синонима *видеть*, является обиходным словом, однако в форме СОВ становится стилистически нейтральным: *Иван увидал, что у него совсем молодые, веселые, озорные глаза.*

У глагола *смотреть* в значении 'считать' форма СОВ ограничена одновременно морфологически, синтаксически и в отношении лексической сочетаемости. Она обычно встречается в форме БУД в вопросительных или "сомнительных" высказываниях, преимущественно в сочетании с наречиями *как, плохо, хорошо*, когда предметом мнения является целая ситуация: *Как он посмотрит на отсрочку защиты диссертации?; Боюсь, он плохо на это посмотрит.* Менее естественны высказывания типа *Он плохо посмотрел на отсрочку защиты диссертации.* У глагола *думать* из того же ряда синонимов форма СОВ в похожих словосочетаниях используется для оценки не ситуации, а объекта, обычно человека; ср. *Он может плохо о вас подумать.*

У глагола *дождаться* из ряда *ждать* 1 есть интересная специфика в форме ДЕЕПР, НЕСОВ в отрицательном контексте: сочетание *не дожидаясь* тяготеет к превращению в предлог со значением 'до'. Ср. *уехали, не дожидаясь звонка; Он встал, не дожидаясь ответа.* Другие синонимы в аналогичных условиях, равно как и сам глагол *дождаться* в форме СОВ, полностью сохраняют свое обычное значение; ср. *Он встал, не ожидая ответа* (отрицается, что имел место процесс ожидания) и *Раненых вывезли на машинах, не дождавшись санитарного поезда* (отрицается, что ожидание привело к нужному результату). Большой сдвиг формы НЕСОВ (*не дожидаясь* в сторону предлога подтверждается как материалом других слов (ср. *смотря, глядя, невзирая <несмотря> на* и т. п.), так и тем обстоятельством, что в сочетании *не дожидаясь* постепенно угасает основное свойство деепричастия — требование кореферентности его субъекта с подлежащим главного предложения; ср. сомнительное *Раненые были вывезены, не дожидаясь команды* и совершенно невозможное в литературной норме *Раненые были вывезены, не дождавшись команды.* Подробнее об этом процессе см. *Ицкович 1982: 131–132.*

3.4. Собственные и несобственные формы

Помимо собственных форм лексем, которые входят в их грамматическую парадигму в системе языка, иногда учитываются и так называемые несобственные формы, заимствуемые в узусе у их ближайших синонимов. Например, глаголы *мести (пол)* и *бежать* (о молоке, супе и т. п.) в системе языка грамматически дефектны. У них нет своих форм СОВ. Однако если в узусе возникает необходимость выразить нужное грамматическое значение, недостающие формы легко заимствуются у синонимичных им глаголов *подметать* и *убегать*. Ср. — *Что ты делаешь? — Мету пол. — Когда подметешь, вымой посу-*

ду; — *У тебя молоко не бежит? — Уже убежало.* Ср. аналогичную ситуацию в сфере существительных — восполнение недостающей формы РОД, МН существительного *мечта* за счет формы *мечтаний*, заимствуемой у его синонима *мечтание*.

У глагола *ждать*, в отличие от большинства других синонимов этого ряда, нет формы ДЕЕПР. При необходимости употребить ее *ждать* заменяется на *ожидать* или *дождаться*: *Ожидая <дожидаясь> его звонка, Варя бесцельно бродила по комнате.*

У *хотеть* в литературном языке нет форм ПРИЧ, НАСТ и ДЕЕПР, НАСТ. Поэтому при необходимости выразить соответствующий смысл используются несобственные формы — *желающий* и *желаю*⁵.

4. Зона конструкций

В этой зоне описываются различия в наборах синтаксических конструкций, свойственных элементам синонимического ряда. Более точно, имеются в виду различия в управлении синонимов, в характерных для них синтаксических функциях и типах предложений, в порядке слов и других синтаксических свойствах.

В этой же зоне, помимо описания указанных типов конструктивных различий, мы пытаемся ответить и на вопрос о том, могут ли конструкции, подобно формам, вызывать семантическую, прагматическую, стилистическую, сочетаемостьную и иную специализацию синонимов.

4.1. Различия в управлении

Рассмотрим их на примере ряда *думать* — *считать* и т. д.

Для глагола *думать* наиболее характерно управление целым предложением, вводимым союзом *что*. Специфична для него квалифицирующая конструкция с оценочными наречиями типа *хорошо* и *плохо*: *Он стал хорошо <плохо, лучше, хуже> о вас думать.*

Более разнообразны синтаксические свойства синонимов *считать*, *полагать* и *находить*. Подобно глаголу *думать*, они управляют констатирующим придаточным предложением, вводимым союзом *что*. С другой стороны, они употребляются в квалифицирующей конструкции типа *считать кого-что-л. каким-л.*, причем *полагать* приобретает в ней гиперкнижную окраску: *Раньше президент не считал возможным говорить об этом открыто; Что касается ирано-иракского конфликта, то Египет полагает необходимым немедленно прекратить военные действия и перейти к его мирному урегулированию* (Правда. 12.06.84); *Кстати, писал я, если кое-кого случайно встретишь на улице, можешь сообщить об этом, разумеется, если найдешь уместным* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура).

Для всех трех синонимов возможны варианты этой конструкции, когда в позиции винительного падежа появляется инфинитив или целое придаточное предложение (при условии, что в позиции творительного падежа выступает прилагательное типа *нужный, правильный, сомнительный, возможный, ясный* и т. п.): *Директор полагал <не считал, не находил> нужным проверить эти сведения; Я считаю в высшей степени сомнительным, что он согласится на это предложение.* Для синонима *считать* возможен вариант этой конструкции, когда в позиции творительного падежа выступают существительные типа *честь, удача, радость, ошибка* и ряд других; ср. *Я считаю для себя большой честью разговаривать с вами <большой удачей, что я встретил вас здесь>.*

Конструктивные возможности синонимов второй группы этого ряда — *рассматривать, смотреть, усматривать* и *видеть* — гораздо беднее. За ними закреплены единственные или почти единственные конструкции. Для *рассматривать* и *смотреть* — это квалифицирующие трехчленные конструкции с союзом *как* или его эквивалентами (*рассматривать кого-что-л. как кого-что-л., смотреть на кого-что-л. как на кого-что-л.*), а для *усматривать* и *видеть* — это предложная конструкция *усматривать <видеть> что-л. в ком-чем-л.*

Наряду с собственным управлением в этой зоне описываются еще два типа синтаксических свойств — способность слова употребляться в так называемой абсолютивной конструкции и способность слова подчинять себе некоторые характерные для него типы обстоятельств.

Употребляясь в абсолютивной конструкции, лексема, как правило, слегка видоизменяет свое словарное значение, причем строго определенным образом. Так, глагол *ждать* — единственный из всех синонимов одноименного ряда, способный вполне свободно употребляться в абсолютивной конструкции, — может дополнительно выражать значения долгого времени ожидания, нетерпения, недовольства (особенно в форме НАСТ, 1-Л) и т. п.; ср. *Я жду [в ситуации, когда мой собеседник долго не отвечает на мой вопрос]; Есть грозный судья, он ждет* (М. Ю. Лермонтов, На смерть поэта); *То ли дождь идет, то ли дева ждет. / Запрягай коней да поедем к ней* (И. Бродский, Песня).

То же свойство составляет синтаксическую специфику лексемы *видеть* из ряда *видеть — замечать, видать* и т. п. В абсолютивной конструкции этот глагол обычно приобретает потенциальное значение; ср. *После этой операции ты снова будешь видеть.*

Та же лексема более свободно, чем другие синонимы этого ряда, употребляется с некоторыми типичными для ситуации зрительного восприятия обстоятельствами. Они могут обозначать а) местоположение наблюдателя (*видеть что-л. с балкона <из машины>*); б) проемы и оптические приборы, через которые осуществляется восприятие (*видеть собравшихся гостей в полуоткрытую дверь <через окно, сквозь замочную скважину>, видеть в электронный микроскоп мельчайшие микроорганизмы*); в) плоскость, на которую нанесен объект восприятия (*видеть что-л. на снимке <на портрете, на чертеже>*); г) орган восприятия (*видеть все собственными глазами*).

4.2. Различия в синтаксических типах предложений

Наиболее чувствительны к различным особенностям лексической семантики отрицательные, вопросительные и "сомнительные" предложения, а также разные виды вводных конструкций.

В синонимическом ряду *привыкнуть*, *приучиться*, *втянуться*, *приохотиться*, *пристраститься*, *повадиться* ни один из синонимов в форме НЕСОВ нормально не употребляется в нейтральных отрицательных предложениях. Фразы типа ^{??}*Я не привыкал <не приучался> работать со словарями*, ^{??}*Я не втягивался в занятия музыкой* и т. п. по крайней мере странны по смыслу.

В форме СОВ из всех синонимов ряда в указанной конструкции вполне свободно употребляется лишь глагол *привыкнуть*: *Я не привык разговаривать в таком тоне*, *Он не привык работать со словарями*. При этом в ряде случаев возможно изменение области действия отрицания; ср. *Я не привык разговаривать в таком тоне* = 'Я привык разговаривать не в таком тоне' = 'Я привык разговаривать в другом тоне'.

Для других синонимов, из-за большой семантической специфики, сочетание с нейтральным отрицанием даже в форме СОВ в той или иной степени затруднено или вовсе невозможно. *Приучиться* и *втянуться* допускают употребление в отрицательных предложениях в контексте усилительных частиц типа *еще*, *так* и т. п.: *Он так и не приучился работать со словарем*, *Он еще не втянулся в работу*. Для *приохотиться* и особенно *пристраститься* такое употребление затруднено, а для *повадиться* исключены любые отрицательные конструкции.

Для глагола *видеть* в значении 'считать' специфичны отрицательные предложения с союзом *чтобы*: *Не вижу, чтобы вам что-нибудь угрожало*. Синоним *полагать*, наоборот, совсем не допускает употребления в отрицательных предложениях; ср. неправомерность *Президент не полагал, что эти сведения нужно проверить*.

Думать, *считать* и *полагать* из того же ряда синонимов используются в разного рода вводных конструкциях: *Вы, я думаю, забыли меня*; *Осетровые рыбы, считают знатоки, утратили свой былой вкус*; *Об этом, я полагаю, нужно спросить директора*; *Полагаю, наше сочинение движется к финалу* (С. Довлатов, Компромиссы).

Для синонимов *думать* и *полагать* возможна вводная конструкция с модальным словом *надо*: *Его семья, надо думать, приехала надолго*; *Удивленная Маргарита Николаевна повернулась и увидела на скамейке гражданина, который, очевидно, бесшумно подсел в то время, когда Маргарита загляделась на процессию и, надо полагать, в рассеянности вслух задала свой вопрос* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Синоним *считать* в контексте слова *надо* избегается: [?]*Его семья, надо считать, приехала надолго*.

Во вводных конструкциях глагол *думать* в разговорной речи свободно используется с опущенным подлежащим в форме 1-Л и 2-Л: *Думаю, это решение*

еще не окончательное; А он, думаете <думаешь>, согласится? Для считать и полагать опущение подлежащего, особенно в форме 2-Л, менее характерно.

Для синонима *находить* затруднены или невозможны все вообще вводные конструкции; ср. *Об этом, я нахожу, надо спросить директора; *Его семья, надо находить, приехала надолго; *Нахожу, это решение еще не окончательное.

4.3. Порядок слов

Для *повадиться* из ряда *привыкнуть, приучиться, приохотиться* и т. п. нормальным является употребление в препозиции к подлежащему: *Повадились солдаты на рынок ходить, Повадились козы на огород, Повадились медведь на пасеку*. Для всех остальных синонимов такой порядок слов является стилистически маркированным.

Для лексико-функциональных глаголов типа *витьяся, гореть, дуть, идти, стоять, течь* и т. п. в сочетании с существительными, от которых они являются лексической функцией $FUNC_0$, характерна препозиция по отношению к существительному-подлежащему. Ср. *В темноте вьется тропка, Горит свет, Дует ветер, Идет дождь, Стоят морозы, Текут ручьи*. Их значение почти исчерпывается идеей существования. Оно неинформативно по сравнению со значением семантически гораздо более богатых ключевых существительных. Если известно, что имеет место *свет, дождь, ветер* или *ручей*, то из этого заведомо следует, что он *горит, идет, дует* или *течет* соответственно. Между тем, обратная импликация неверна: *гореть* может *огонь, дуть* — *из-под двери, идти* — *снег, течь* — *река* и т. д. Таким образом, информация, сообщаемая полным предложением, сосредоточена в одном его члене — существительном. Поэтому-то оно и ставится в конец предложения — в положение ремы, т. е. коммуникативно наиболее важной части высказывания⁶.

Очевидно, что если у такого глагола есть семантически более содержательный синоним, он может располагаться на законном глагольном месте — в постпозиции к существительному. Тогда между двумя синонимами возникает противопоставление по признаку порядка слов. Интересны в этом отношении синонимы *витьяся* — *вилять*. Последний из них нормально помещается в постпозиции к своему подлежащему. Ср. *Тропа виляла между камней, Дорога виляла между холмов* при невозможности чисто экзистенциального **В темноте виляла дорога*. Объясняется это существенно большей семантической и прагматической насыщенностью *вилять* по сравнению с *витьяся*. Как было отмечено в разделе 2.2, *вилять* используется для выражения отрицательной утилитарной оценки протяженных пространственных объектов типа дорог: говорящий или наблюдатель отмечает, что дорога, по которой он едет, делает чересчур много поворотов на небольших отрезках пути, чем очень затрудняет перемещение. Значение *вилять*, таким образом, оказывается не только семантически богаче значения *витьяся*, но и прагматически намного важнее. Именно поэтому оно перемещается в постпозицию к подлежащему — в положение ремы.

4.4. Семантическая, конструктивная, синтаксическая, стилистическая и иная специализация конструкций

Во многих случаях конструктивные различия сопровождаются различиями в наборе форм или в сочетаемости, а также семантической специализацией синонимов. Весьма интересен в этом отношении глагол *видать* из многократно упоминавшегося нами ряда *видеть*, *замечать* и т. п.

Во-первых, он имеет разную степень конструктивной свободы в формах НЕСОВ и СОВ (*увидать*). Первая из них, как было сказано выше, имеет видо-временную специфику, состоящую в том, что из личных форм у нее есть лишь формы прошедшего времени с результативным или многократным общефактическим значением. Этим обусловлен тот факт, что *видать* тяготеет к закреплению в отрицательных и вопросительных предложениях, в целом благоприятствующих реализации общефактического значения (см. Гловинская 1982): *Я этого письма не видал; Ты не видал моего портфеля?*

С другой стороны, он почти не сочетается с перечисленными выше типами дополнений и обстоятельств. Что касается формы СОВ *увидать*, то она не имеет заметной видо-временной специфики и поэтому почти не отличается от *видеть* по степени конструктивной свободы. В частности, она может употребляться во всех типичных для *видеть* конструкциях (см. выше), за исключением вводной и абсолютной. Во-вторых, глагол *видать* имеет семантические особенности в форме инфинитива. Они состоят в том, что в этой форме он используется преимущественно в составе устойчивых оборотов с отрицанием *не*, обозначающих невозможность зрительного восприятия: *Такая темень, что ничего не видать*.

В ряду *ждать* у доминанты ряда и ее ближайшего синонима *ожидать* в отрицательных предложениях возникает семантическая специфика. В большинстве случаев эти два синонима приобретают значение предположения: *Он вас не ждал* ['Вы появились неожиданно'], *Он не ожидал ареста* ['Арест произошел неожиданно для него']. Значение чистого ожидания в отрицательном контексте предполагает либо неопределенность субъекта (*Никто меня там не ждал* <не ожидал>), либо отрицание не самого факта ожидания, а какого-то сопутствующего ему обстоятельства, названного в подчиненной глаголу группе (*Он никогда не ждал* <не ожидал> *меня на условленном месте*), либо значение опровержения, а не чистого отрицания (— *Простите, что заставил вас ждать*. — *Я совсем не ждал вас, я сам только что вошел*).

Все синонимы этого ряда, за исключением *переждать* и *выждать*, могут управлять существительным со значением объекта ожидания — человека, транспортного средства, события, момента времени. При этом синонимы *ждать*, *дождаться*, *ожидать* управляют существительным в форме ВИН, если объект ожидания — живое существо: *ждать жену*, *ожидать делегацию*, *дождаться жену* (ср. — *Что ты здесь делаешь? — Дождатось жену*). Если же объект ожидания — предмет, действие, событие и т. п., то обычна форма РОД:

ждать поезда, ожидать восхода солнца (чтобы начать работу), дожидаться приезда гостей.

Глагол *ждать* в сочетании с именами событий, действий и т. п. допускает обе эти формы со следующим смысловым противопоставлением: *ждать* + ВИН значит, что речь идет об ожидании известного, т. е. уже упоминавшегося, обещанного или как-то иначе определенного объекта (*ждать письмо*), а *ждать* + РОД значит, что речь идет о неизвестном, неопределенном объекте соответствующего класса (*ждать письма*). В сочетании с существительными, обозначающими людей, такое противопоставление возможно и при сохранении формы ВИН.

5. Зона сочетаемости

В этой зоне описываются различия и сходства синонимов в семантической, лексической, морфологической, синтаксической, коммуникативной, просодической и иных видах сочетаемости. Мы будем говорить об особенности семантической сочетаемости (или семантическом ограничении на сочетаемость) лексемы X, если она сочетается с любой лексемой Y, в толкование которой входит семантический компонент 'S'. Будем, далее, говорить об особенности лексической сочетаемости, если лексемы Y_1, Y_2, \dots, Y_n , с которыми сочетается X, могут быть заданы только поименно (списком). Будем, наконец, говорить об особенности морфологической, синтаксической, просодической или иной сочетаемости лексемы X, если она сочетается с любой лексемой Y, обладающей морфологическим, синтаксическим, просодическим или иным свойством F соответственно.

Можно предложить по крайней мере еще два основания для классификации типов сочетаемости: а) синтаксические отношения между X-ом и Y-ом с точки зрения того, который из них является главным элементом синтаксической конструкции; б) номер или содержание валентности, по-разному заполняемой при разных синонимах (сочетаемость по валентности субъекта, объекта, инструмента, средства и т. п.).

Однако строгая классификация, построенная с учетом всех названных оснований, на самом деле лишь затруднит, а не облегчит обзор материала. Поэтому в дальнейшем мы используем упомянутые выше свойства лексемы Y в качестве единственного основания для систематизации материала. Впрочем, внутри каждой из получающихся рубрик мы попытаемся продемонстрировать с возможно большей полнотой весь круг сведений о сочетаемости синонимов, отражаемый в нашем словаре.

Поскольку во многих случаях было бы неестественно отделять семантические ограничения на сочетаемость синонимов от лексических, они будут рассмотрены вместе под рубрикой "лексико-семантическая сочетаемость". Столь же естественно рассмотреть в одном месте просодические и коммуникативные ограничения на сочетаемость.

5.1. Лексико-семантическая сочетаемость

В ряду *думать* — *считать*, *видеть*, *рассматривать* и т. п. синонимы отличаются друг от друга сочетаемостью по валентности субъекта. *Считать*, *видеть* и *рассматривать* свободно сочетаются с названием коллектива (государства, страны, правительства и т. п.) в качестве субъекта мнения: *Комиссия видит залог успеха в готовности всех стран региона к компромиссам; Республики считают, что следует искать политическое решение всех возникающих проблем; Индия всегда рассматривала Кашмир как свою неотъемлемую часть*. Для других синонимов ряда такие сочетания нехарактерны.

Субъектом *радоваться* может быть как человек, так и высшее животное; ср. *Собака радуется, увидев хозяина*. Субъектом чувств, обозначаемых синонимами *ликовать* и *торжествовать*, может быть только человек.

В ряду *рисовать* — *зарисовывать*, *писать* и *малевать* интересны различия в сочетаемости по валентности объекта. Глагол *зарисовывать* в обязательном порядке предполагает реальную, находящуюся вне сознания художника натуру, которую он пытается возможно более точно воспроизвести. Поэтому по крайней мере странны словосочетания, в которых в качестве дополнения *зарисовывать* выступают названия типичных продуктов деятельности художника: *Он зарисовывал картину <портрет>*. Все остальные синонимы этого ряда могут обозначать и чистое творчество — изображение каких-то объектов по памяти или даже создание образов, не имеющих никаких прототипов в действительности: *нарисовать <написать, наmaleвать> большую картину <чей-л. портрет>*.

Сочетаясь с названиями продуктов деятельности художника, глагол *рисовать*, как наиболее нейтральный по смыслу, обнаруживает наиболее широкие возможности сочетаемости. *Рисовать* можно абсолютно все — *натюрморты, картины, эскизы, эмблемы, звездочки, диаграммы, графики, стрелки* и даже *черточки на песке*. Глагол *писать*, самый "живописный" в этом ряду, предполагает установку на создание художественного образа и поэтому требует в качестве дополнения таких существительных, как *картина, портрет, эскиз, натюрморт* и т. п. С существительными типа *диаграмма, график, стрелка* и т. д. он, естественно, не сочетается.

По-разному заполняется валентность содержания путативных глаголов *считать*, *полагать*, *находить* в характерной для них квалифицирующей конструкции типа *считать кого-что-л. каким-л.* Общее сочетаемостное ограничение состоит в том, что позиция творительного падежа заполняется прилагательным со значением свойства или с модальным значением, но не со значением состояния. Можно сказать *Я считал его злым человеком*, но не *Я считал его рассерженным <раздосадованным>*. Этим путативные глаголы отличаются, например, от глаголов восприятия, которые в конструкции с объектным копредикативным зависимым сочетаются с названиями состояний; ср. *Я не раз видел его рассерженным <раздосадованным>*.

При этом *считать* и *находить* с одинаковой свободой сочетаются с обоими семантическими классами прилагательных, а *полагать* — преимущественно с модальными прилагательными типа *нужный, необходимый, обязательный*. Ср. Редакция считала <полагала, не находила> *нужным помещать опровержение*, но только *Его считали <находили> хладнокровным и мужественным*. Встречающиеся в текстах сочетания типа *Его полагали хладнокровным и мужественным, Неужели президент полагал демократические силы столь слабыми и беспомощными* гиперкнижны или отклоняются от современной нормы.

Из интересных лексических сочетаемостных свойств синонимов данного ряда отметим следующие два: а) сочетаемость с наречиями *как, так, иначе* и т. п., обозначающими содержание мысли или мнения: *Я тоже так думаю <полагаю>, а он считает иначе; Как вы смотрите на последние события в нашей стране?; Как в США рассматривают образование СНГ?* Для *находить* из всех указанных сочетаний возможно только сочетание с *как* (*Как вы меня находите после санатория?*), а для *усматривать* и *видеть* невозможны никакие такие сочетания; б) сочетаемость с наречиями и наречными оборотами типа *верно, правильно, справедливо* и с их неточными антонимами *напрасно, зря*, имеющими истинностные значения: *Вы верно <правильно, справедливо> считаете <думаете, полагаете>, что худшее еще впереди; Вы совершенно справедливо рассматриваете его действия как должностное преступление; Он справедливо усматривал <видел> в этом покушение на свою свободу; Вы напрасно думаете <считаете>, что либерализация цен может чему-то помочь*. Для *находить* такие сочетания невозможны: *Вы верно <правильно, справедливо, напрасно> находите, что худшее еще впереди*.

5.2. Морфологическая сочетаемость

Синонимом союза *как только*, как уже было сказано в разделе 1, является глагол *стоять* в одном из своих значений; ср. *Как только он входил, все вставали — Стоило ему войти, как все вставали*. Помимо небольших различий в значении они обнаруживают интересное различие в морфологической сочетаемости. *Как только* сочетается с любой аспектуальной формой глагола зависимого предложения; ср., в дополнение к приведенному примеру, *Как только он вошел, все встали*. Между тем *стоять* требует постановки управляемого инфинитива в форму СОВ (см. пример выше). Предложения типа *Стоило ему войти, как все вставали* неправильны.

Глагол *привыкнуть* и такие его синонимы, как *приучиться, повадиться, приохотиться, пристраститься*, обозначает ситуацию какого-то регулярно повторяющегося, обычного, узуального действия. Поэтому в конструкции с управляемым инфинитивом последний обычно употребляется в форме НЕСОВ в узуальном значении. Одиночный инфинитив в форме СОВ с ними невозможен, потому что он обозначает ровно одно событие, а не узуальное действие: *Я привык <приучился> встать рано, Он приохотился <пристрастился> выпить кофе, Лиса повадилась залезть в курятник*. Однако при управлении

группой сочиненных инфинитивов правильность восстанавливается (особенно при наличии паузы перед первым инфинитивом), потому что такая группа может иметь узуальное значение: *Я привык встать пораньше, сделать себе завтрак, прочитать утреннюю газету и не спеша пойти на работу; Когда вы приучитесь — закончить эксперимент и тут же сделать запись в журнале?* Впрочем, эта конструкция допустима преимущественно для глаголов *привыкнуть* и *приучиться*, но не для других синонимов ряда.

5.3. Просодическая и коммуникативная сочетаемость

Рассмотрим частицу *что касается* в таких употреблениях, как *Что касается Эйнштейна, то он относился к квантовой механике с осторожностью*. Известно, что она маркирует стоящую справа именную группу, от которой синтаксически зависит, как контрастную тему высказывания. В частности, смысл приведенного сообщения состоит в том, чтобы противопоставить скептически настроенного Эйнштейна каким-то другим физикам, которые сразу приняли квантовую механику.

Указанная коммуникативная функция именной группы маркируется и просодически: на нее падает логическое фразовое ударение.

Эту особенность частицы *что касается* можно описать как свойство ее коммуникативной и просодической сочетаемости: синтагматическим контекстом частицы является именная группа, несущая логическое ударение и выполняющая функцию контрастной темы.

Интересно сравнить частицу *что касается* с синонимичным ей местоимением *сам 1* (синонимия, конечно, неточная, потому что в значение *сам 1* входит семантический компонент 'человек'). Это местоимение имеет то же самое коммуникативное сочетаемостное ограничение — именная группа, от которой оно зависит, выполняет функцию контрастной темы. Однако просодически *сам 1* диаметрально противоположно частице *что касается*: оно само несет логическое (контрастное) ударение, оставляя вершину именной группы фразово безударной. Ср. *Сам Эйнштейн относился к квантовой механике с осторожностью*.

У слова *сам* есть еще одно лексическое значение, в котором оно, как и в только что рассмотренном случае, является просодическим антиподом своего ближайшего синонима, хотя имеет ту же самую коммуникативную функцию. Обозначим это *сам 2* и сравним его с наречием *лично* в значении 'даже такой важный человек, как X, делал то-то и то-то'. Местоимение *сам 2* маркирует стоящую справа именную группу как рему высказывания. Именно на нее падает главное фразовое ударение: *Сам патриарх присутствовал на церемонии*. Наречие *лично* выполняет точно такую же коммуникативную функцию, или, что то же самое, имеет точно такое же коммуникативное сочетаемостное ограничение. Однако, находясь в постпозиции к своей именной группе, *лично* само несет главное фразовое ударение, оставляя вершину именной группы фразово безударной. Ср. *Патриарх лично присутствовал на церемонии*.

Таким образом, просодические сочетаемостные особенности двух синонимов вновь оказываются прямо противоположными.

5.4. Семантическая специализация типов сочетаний

В области сочетаемости представляет интерес явление, параллельное феномену семантической специализации форм и конструкций, который был описан в разделах 3.3 и 4.4. Мы рассмотрим его на материале путативных синонимов *думать*, *считать*, *полагать* и т. п., который дает возможность проиллюстрировать еще один упоминавшийся выше тип сочетаемости — сочетаемость X-а в качестве подчиненного элемента синтаксической конструкции с Y-ом в качестве его хозяина.

Синонимы *думать* и *считать* сочетаются с фазовым глаголом *начинать* (только в форме НЕСОВ, преим. с местоимением 1-Л или когда говорящий становится на точку зрения субъекта мнения), образуя относительно устойчивые выражения: *Я начинаю думать <считать>, что он не так прост, как кажется*. Такие выражения обозначают не простое начало ментального состояния, т. е. не возникновение мнения, а уже состоявшийся волевой акт по пересмотру прежних мнений, к которому вынуждают говорящего некие новые обстоятельства. Сочетания тех же двух синонимов с фазовым глаголом *продолжать* (*Я продолжаю думать <считать>, что вы неправы*) тоже описывают не простое продолжение ментального состояния, а волевой акт, предпринятый на основании имеющихся у говорящего фактов и вопреки каким-то другим противодействующим обстоятельствам. Ср. *Эта [российская] цивилизация считала (да и продолжает считать), что несет в себе некий свет и надежду для всего человечества, некий палладий, будь то православие, крестьянская община или марксизм-ленинизм* (НГ, 28. 11. 91). Для остальных синонимов ряда такие сочетания нехарактерны (ср. *Я начинаю <продолжаю> усматривать в этом злой умысел*) или затруднены (*??Я начинаю <продолжаю> полагать, что вы неправы*), для слова *находить* они невозможны.

Аналогичная модификация значения целого словосочетания происходит и в случае комбинации синонимов этого ряда с предикатным словом *склонен*. Вообще говоря, *склонен* обозначает готовность субъекта к выбору какого-то одного действия из множества имеющихся альтернатив, которое, однако, еще не предпринято. Ср. *Я склонен немного поработать <пойти в кино>*. Между тем сочетание *склонен* с путативными глаголами обозначает не предстоящий, а уже состоявшийся выбор определенной интеллектуальной позиции из нескольких возможных: *Я склонен считать <думать, полагать>, что это — обычная халатность; Я склонен рассматривать это как проявление халатности, а не как акт саботажа <смотреть на это как на обычное проявление халатности>; Я не склонен видеть <усматривать> в этом что-л. предосудительное*. Из всех путативов, составляющих этот синонимический ряд, лишь *находить* не обладает указанным свойством.

Для *считать* характерна еще одна конструкция со значением выбора, формируемая глаголом в будущем времени: *Будем считать, что сумма углов треугольника не равна 180 градусам; Будем считать, что этого не было <что в этом никто не виноват>*. Во всех таких случаях сочетание *Будем считать* является не формой БУД, а особым оборотом со значением допущения или доброй воли.

Для глагола *думать* в форме СОВ характерно словосочетание *Можно подумать*, которое, вопреки ожиданиям, значит не 'есть основания подумать', а 'на самом деле не следует думать': *Можно подумать, что вы не устали*. Ср. то же словосочетание с глаголом в форме НЕСОВ и нормальным значением 'есть основания думать': *Можно думать, что эксперименты закончатся успешно*.

6. Зона иллюстраций

Зона иллюстраций выполняет в нашем словаре две основные функции. С одной стороны, здесь собран материал, который служит исследовательской базой и основанием для выводов о различных свойствах синонимов. Именно этим объясняется большое количество примеров (иногда до 10–12) на наиболее употребительные синонимы каждого ряда: выводы должны быть подтверждены массовым материалом. С другой стороны, эта зона выполняет и собственно иллюстративную функцию, демонстрируя реальный семантический (и иной) потенциал лексемы в современном русском языке.

Зона иллюстраций опирается на машинный корпус текстов и авторские картотеки. Главный принцип формирования этой базы лексикографических данных — опора на тексты современного русского языка, т. е. языка второй половины XX века. Из классики XIX и первой половины XX века, в частности из литературы "серебряного века", извлекаются, как правило, лишь такие примеры, которые полностью соответствуют современным нормам словоупотребления и могут быть рекомендованы пользователю в качестве образцов для подражания. Это в значительной мере определяет круг наших источников. Из него исключаются орнаментальная проза, экспериментальные тексты (невозможно, например, цитировать такие изысканные книги, как "Школа для дураков" или "Между собакой и волком" Саши Соколова) и вообще тексты, отмеченные чересчур сильной языковой индивидуальностью.

Идеальными считаются примеры, где иллюстрируемые слова находятся в фокусе, т. е. где контекст обеспечивает предельную "наводку на резкость" и высвечивает их коренные свойства. Это — чисто интуитивное понятие, которое можно прояснить только иллюстрациями. В предложении *И хотя считается, что повторяется история уже не как трагедия, а как фарс, возможности возвысить фарс до трагедии в нашем обществе пока есть* (Известия. 11.10.90) в фокусе находятся слова *трагедия*, *фарс* и *возвысить*, а слова *история*, *возможность*, *общество*, *считается*, *повторяется* и *есть* находятся вне фокуса. При-

мер хорошо использовать для иллюстрации любого из первых трех слов и плохо — для иллюстрации последних шести.

Большое количество цитат извлекается из поэтических текстов. Поэтическое использование слова, конечно, имеет ряд особенностей. Главная из них состоит в том, что для поэзии типично сдвинутое, отклоняющееся от прототипа употребление, в котором не всегда можно узнать словарное значение слова. Часто слово осциллирует между двумя или более значениями, как в следующих примерах на глагол *видеть*: *Я вижу из передней / В окно, как всякий год, / Своей поры последней / Отсроченный приход* (Б. Пастернак, Ложная тревога); *Вот мы и встали в крестах да в нашивках, / В снежном дыму. / Смотрим и видим, что вышла ошибка,--- / и мы — ни к чему!* (А. Галич, Ошибка). В примере из Пастернака управляемые формы *из передней, в окно* создают предпосылки для осмысления *видеть* как глагола восприятия, а прямое дополнение *отсроченный приход* смещает это чисто физическое значение в сторону ментального значения 'воображать'. В примере из Галича контекст глагола *смотреть* создает фон для физического значения *видеть*, а пропозициональное дополнение — фон для ментального значения 'понимать'.

7. Справочные зоны

Справочные зоны выполняют три основные функции.

Во-первых, их задачей является указание возможно большего числа семантических связей между элементами рассмотренного синонимического ряда и другими разрядами лексем. Получающаяся картина хорошо описывается метафорой пространства: из данного ряда можно различными способами выйти в семантическое пространство всего русского языка и совершать целенаправленные путешествия в нем.

Во-вторых, для справочных зон отбирается, как правило, такой лексический материал (аналоги, конверсивы, антонимы, семантические дериваты), который может быть использован в правилах точного и неточного перифразирования высказываний, содержащих элементы данного синонимического ряда (см. ниже). Тем самым справочные зоны дают описание по крайней мере части перифрастических средств и перифрастической системы русского языка как она определяется в модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" И. А. Мельчука.

В-третьих, справочные зоны указывают ближайшие перспективы работы над словарем. В конечном счете словарь синонимов русского языка должен быть замкнут: все упомянутые в нем лексемы рано или поздно станут предметом подробного описания. С этой точки зрения справочные зоны можно рассматривать как латентные, свернутые синонимические ряды, представленные в нынешней версии словаря либо перечнем каких-то элементов будущего ряда (таковы зоны аналогов и дериватов), либо указанием только ключевого элемента (таковы зоны конверсивов и антонимов).

Вообще говоря, в справочных зонах следовало бы придерживаться принципа строгой экономии — ограничиваться сообщением только такой "производной" семантической информации, которая отодвинута от материала исходного ряда ровно на один шаг. В самом деле, если, например, к данному синонимическому ряду указывается какой-то аналог, то это делает ненужным перечисление синонимов и конверсивов последнего. Предполагается, что они должны быть помещены в его собственной словарной статье. Точно такую же логику естественно было бы использовать и в случае дериватов и других слов, по смыслу так или иначе связанных с материалом данного синонимического ряда.

Однако в публикуемых словарных статьях мы довольно часто позволяли себе отступать от принципа строгой экономии. Это объясняется тем, что в ближайшие годы, в связи с огромным объемом предстоящей нам работы, словарь будет оставаться незамкнутым. Не имея возможности уже сейчас предложить читателю законченный продукт, мы хотели компенсировать отсутствие в нем развернутых синонимических рядов за счет некоторой избыточности свернутых рядов в справочных зонах.

Ниже мы коротко опишем содержание каждой справочной зоны.

7.1. Фразеологические синонимы

Предметом описания в нынешней версии словаря в подавляющем большинстве случаев являются одноклассные синонимы. Лишь в немногих случаях (*обещать / давать слово, годиться — (быть) годным* и т. п.) из этого правила делаются исключения, и в состав ряда вводится устойчивый оборот или синтаксическая конструкция.

Это — не стратегический принцип, а удобный практический способ эшелонировать материал: фразеологические синонимы будут шире включаться в словарь на более продвинутом этапе работы.

В качестве подготовки к нему в нынешней версии словаря заведена зона фразеологических синонимов. В нее заносятся наиболее употребительные фразеологические единицы, синонимичные какому-то элементу ряда. Ср. *Вообразить: рисовать в воображении; Жаловаться: плакаться в жилетку (кому-л.); Ждать: считать дни, ждать не дожидаться; Использовать: пускать в ход, пускать в дело; Надеяться: возлагать надежды; Обещать: давать обещание, связать себя словом, брать <принимать> (на себя) обязательство, давать зарок, кормить обещаниями, обещать <судить> золотые <златые> горы, наобещать с три короба; Ругать: поминать недобрым словом.*

7.2. Аналоги

Аналогами, в соответствии с существующей лексикографической традицией, называются слова той же части, что и доминанта, значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигают той степени близости к нему, которая конституирует собственно

синонимии. В число аналогов часто включаются гиперонимы и гипонимы ключевого слова, но в большинстве случаев семантические связи аналога с ключевым словом — менее жесткие.

По разным компонентам значения могут возникать различные ряды аналогов. Поэтому зона аналогов открывает наиболее широкие возможности выхода из ограниченного пространства данного ряда в лексико-семантический космос всего русского языка. Приведем примеры.

Воображать: грезить, мечтать; фантазировать; придумывать, вымышлять; рисовать 2.2; вспоминать; мыслить; думать 2.1.

Ждать: подождать 2, погодить; оттягивать, тянуть, медлить; ожидать 1, предполагать, думать 1.2; предвидеть; надеяться, полагаться, рассчитывать; встречать; хотеть; выбрать, улучшить [к выжидать]; (под)караулить [к поджидать].

Использовать: расходовать, тратить, потреблять; эксплуатировать 1; привлекать, подключать [К расследованию этого преступления были привлечены <подключены> лучшие специалисты]; переходить на что-л. [Все женщины перешли на колготки]; прилаживать, приспособлять; реализовать; практиковать 1 [практиковать сдельную оплату работы]; распоряжаться [Власть неспособна распорядиться хотя бы десятой долей ресурсов и возможностей страны на благо народа (НГ, 02.06.92)]; выезжать на ком-чем-л.; манипулировать кем-л.; сыграть на чем-л.

Надеяться: ожидать 1; думать 3 [Вот уж никак не думала, что увижу вас здесь], разг. чаять 3 [преим. в отриц. предложениях, ср. Я уж не чаяла увидеть его живым], гадать 3 [Не думала, не гадала, что доведется встретиться]; мечтать; радоваться; предвкушать; Дай Бог.

Обещать: заверять; давать подписку о чем-л. [о невыезде и т. п.]; обнадеживать; поручаться 2; гарантировать, ручаться; обеспечивать; присягать; клясться 1; предсказывать; угрожать; зарекаться; заключать договор; браться [Он взялся перевести текст за неделю], подрядиться; предлагать; (с)держат слово.

Ругать: ругаться, браниться; одергивать; выговаривать, отчитывать, распекать, читать нотацию; упрекать, корить, укорять, журить, пенять; советить, стыдить; срамить; ворчать, брюзжать; шпынять; разругать, разнести, распушить, пропесочить, расчихвостить; критиковать, громить, бичевать, прорабатывать; обвинять, уличать; осуждать, порицать; возмущаться; разоблачать, обличать, развенчивать; обзывать, обкладывать; лягать [В своей новой книге Дюамель лягает своих же учителей (О. Мандельштам, рец. на книгу Дюамеля)]; оскорблять; бесчестить, ославлять, порочить, шельмовать; клясть, проклинать [Он клял на чем свет стоит бесталанную свою судьбу --- (Б. Пастернак, Доктор Живаго); Непонятно, за что мы клянем инквизицию (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ)]; кричать 2 (на кого-л.), рычать; наказывать; преследовать, притивить.

Хвастаться; рисоваться, щеголять, форсить, бравировать, козырять, выставлять напоказ, кокетничать [своей наивностью]; позировать; красоваться; гордиться, кичиться, задаваться; привирать; фанфаронить; рекламировать, расписывать; блистать.

Чудиться; рисоваться; казаться 1; мечтаться; грезиться; чувствоваться; видеться, слышаться [Она [песенка] еще очень неспетая, / Она зелена, как трава, / Но слышится музыка светлая, / И ровно ложатся слова (Б. Окуджава, Песенка)]; послышаться 2 [Послышалось, что кто-то идет; ср. фактивное Послышались 1 шагу]; присниться; прибредиться [Мы — уже на пределе: прибредились вот краснопогонники (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ)].

7.3. Точные и неточные конверсивы

Конверсивами называются, как известно, предикатные слова, описывающие одну и ту же ситуацию и имеющие по крайней мере две одноименные валентности, которые замещаются разными актантами. Ср. *Бутыль вмещает 10 литров — В бутылку входит 10 литров, Снег покрыл поля — Поля покрылись снегом, Вода наполнила бочку до краев — Бочка наполнилась водой до краев, Мы знаем немало случаев такого рода — Нам известно немало случаев такого рода, Я считаю ваши выводы вполне обоснованными — Ваши выводы представляются мне вполне обоснованными, Он занял у отца десять тысяч — Отец одолжил ему десять тысяч, Он передал мне документацию — Я получил от него документацию, Он снимал комнату в квартире своей тетки — Тетка сдавала ему комнату в своей квартире, Он заразил меня гриппом — Я заразился от него гриппом.*

Открытые еще Аристотелем, они были введены в широкий лингвистический обиход несколько десятилетий тому назад. Сейчас начинается лексикографическое освоение этого материала. Очевиден интерес лексических конверсивов для словаря синонимов: они являются одним из главных источников синонимии целых высказываний.

Точные конверсивы — почти такое же редкое явление, как точная синонимия; более широко представлены в языке неточные конверсивы. Ср. *У заручился поддержкой <согласием> X-а ≈ X заверил Y-а в своей поддержке <согласии>; Y взял с X-а слово <обещание>, что P ≈ X обещал Y-у, что P; Он использовал диван в качестве постели — Постелью ему служил диван; Отец меня отругал — Мне досталось <влетело, попало> от отца; Пылкая молодежь видела в мечтах возрожденную страну — Пылкой молодежи представлялась в мечтах возрожденная страна.*

7.4. Конверсивы к аналогам

Содержание этого понятия легко извлекается из структуры самого термина. Хотя, как легко понять, данная зона полностью избыточна, по изложенным

выше причинам в публикуемых словарных статьях она временно получила самостоятельный статус. Примеры:

Вообразать: *чудиться*; *мерещиться*; *всплывать*; *стоять перед глазами*; *стоять перед умственным <мысленным> взором*.

Ждать 1: *ждать* 3, *ожидать* 3 [*Что ждет меня?*; *Шхуну ждет неизбежная гибель*; *Его ожидала блестящая карьера*; *Тридцать лет назад я даже не представлял, какая жизнь ожидает меня впереди*], *предстоять*.

Использовать: *функционировать* [*Мы используем грузовой лифт в качестве пассажирского* — *Грузовой лифт функционирует (у нас) в качестве пассажирского*]; *предназначаться*.

Чудиться: *обманывать* 2 [*Ему чудилось* ≈ *Слух обманывал его*].

7.5. Точные и неточные антонимы

В отношении антонимии входят лексемы, толкования которых, доведенные до уровня семантических примитивов, отличаются друг от друга отрицанием или компонентами 'больше'- 'меньше', 'хороший'- 'плохой'. В случае точной антонимии различие сводится только к таким компонентам; в случае неточной антонимии к нему добавляются другие небольшие различия. Ср. *соблюдать* — *нарушать* (≈ 'не соблюдать'); *присутствовать* — *отсутствовать* (= 'не присутствовать'); *высокий-низкий*, *быстро-медленно*, *возрастать-сокращаться* ('больше'- 'меньше'); *гордиться* (= 'испытывать приятное чувство, какое бывает, когда человек сделал или имеет нечто очень хорошее и когда он считает, что из-за этого другие люди будут лучше о нем думать') — *стыдиться* ('испытывать неприятное чувство, какое бывает, когда человек сделал или имеет нечто плохое и когда он считает, что из-за этого другие люди будут хуже о нем думать'); *надеяться* (≈ 'испытывать чувство, какое бывает, когда человек ожидает, что произойдет нечто хорошее для него') — *бояться* (≈ 'испытывать чувство, какое бывает, когда человек ожидает, что произойдет нечто плохое для него, что он не может предотвратить'); *хвастаться* (≈ 'субъект говорит, что сделал или имеет нечто хорошее, считая, что из-за этого другие будут лучше о нем думать') — *скромничать* (≈ 'субъект говорит, что ничего особенно хорошего не сделал или не имеет, считая, что из-за этого другие будут лучше о нем думать').

Поскольку антонимичные значения имеют очень большую общую часть, антонимы тоже могут служить средством перифразирования высказываний; ср. *отсутствовать* — *не присутствовать*, *запрещать* — *не разрешать*, *всегда опаздывать* — *никогда не приходить вовремя*, *не использовать калькулятора при расчетах* — *обойтись без калькулятора при расчетах*.

7.6. Дериваты

Эта зона, как и зона аналогов, формируется достаточно свободно. Помимо настоящих дериватов в нее попадают лексемы, семантические отношения меж-

ду которыми похожи на словообразовательные и создают такие же возможности перифразирования, хотя формально они не являются производными от каких-либо членов ряда. Ср., например, в ряду *ошибаться* дериват *ошибочно*: *Ошибочно думает интеллигенция, чтобы русское просвещение и русская культура могли быть построены на атеизме как духовном основании* (С. Н. Булгаков, Героизм и подвижничество) — *Интеллигенция ошибается, думая, что русское просвещение и русская культура могут быть построены на атеизме как духовном основании*. Очевидно, что формально наречие *ошибочно* является производным от прилагательного *ошибочный*, которое в свою очередь произведено от существительного *ошибка*. Ср. формально еще более далекие отношения в парах *лечить* — *врач*, *оперировать* — *хирург*, *лечить* — *медикаменты*, *стрелять* — *оружие*, *воображать* — *мнимый*, которые, однако, не препятствуют возникновению перифрастических отношений между исходной лексемой и таким семантическим производным; ср. *Кто вас лечил?* ≈ *Кто был вашим (лечащим) врачом?*, *Чем лечат от ангины?* ≈ *Какие медикаменты используют при ангине?*, *Из чего стрелял преступник?* ≈ *Каким оружием пользовался преступник?* и т. п.

Другие примеры семантических (и формальных) производных:

Воображать: образ, картина; фантазия; химера; фантом, мираж, иллюзия, галлюцинация; *воображаемый 1*, мысленный; *воображаемый 2*, мнимый.

Ждать: ожидание [от *ожидать*]; *выжидание*, *выжидательный*, *выжидательно* [от *выжидать*]; *кунктатор* [от *выжидать*]; *долгожданный*; *заждаться* ['субъект ждал кого-то очень долго и со всевозрастающим нетерпением, достигшим пика в момент, когда этот человек явился'].

Использовать: (ис)пользование, применение, употребление, эксплуатация, утилизация; *пользователь*; клиент; сырье; утиль; средство; орудие; функция.

Надеяться: надежда 1, надежда 2 [Он — моя последняя надежда]; оптимизм; шанс; авось (ср. толкование В. В. Виноградова — "с оттенком недостаточно обоснованной надежды" — Виноградов 1974: 738).

Обещать: обещание; обет; посулы; наобещать.

Хвастаться: хвастовство, похвальба, бахвальство; самовосхваление; нескромность; самореклама; хвастун, бахвал; хвастливый; расхвастаться, прихвастнуть.

Чудиться: обман зрения; мираж, галлюцинация, фантом; мнимый, воображаемый; примерещиться. В связи с последним примером обратим внимание на то, что одни и те же лексемы могут рассматриваться как семантические производные разных исходных слов, особенно в тех случаях, когда исходные слова находятся в отношениях точной или неточной конверсности (ср. *воображать* и *чудиться*).

Особого упоминания заслуживают приставочные глагольные дериваты, в том числе так называемые способы действия. Ср. в ряду *копать* — *рыть* дериваты *вкопать* — *врыть*, *докопать* — *дорыть*, *закопать* — *зарыть*, *накопать* — *нарыть*, *откопать* — *отрыть*, *перекопать* — *перерыть*, *подкопать* — *подрыть*,

прокопать — *прорыть*, *раскопать* — *разрыть*. Поскольку все представленные здесь словообразовательные типы вполне регулярны (каждая приставка вносит в лексические значения глаголов *копать* и *рыть* одну и ту же семантическую надбавку), создается основа для описания еще девяти синонимических рядов. Чтобы составить себе ясное представление об этих рядах, достаточно располагать элементарным знанием словообразовательной системы русского языка и сведениями, сообщаемыми в синонимическом ряду *копать* — *рыть*.

7.7. Библиография

Словарная статья завершается библиографической справкой, в которой указываются теоретические работы об одном или нескольких синонимах данной группы, учтенные при разработке данного синонимического ряда⁷.

Примечания

1. Данный текст представляет собою последний, четвертый раздел статьи "Новый словарь синонимов: концепция и типы информации", написанной в качестве Введения к коллективной монографии "Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект" (М., 1995). Раздел печатается с незначительными, чисто техническими сокращениями.

2. В этом тексте, кроме своих собственных материалов, автор использовал материал из ряда *бояться*, написанного В. Ю. Апресян, и трех синонимических рядов, разработанных им совместно с М. Я. Гловинской: *жаловаться* — *сетовать*, *роптать* и т. п.; *обещать* — *обязываться*, *сулить* и т. п.; *ругать* — *бранить* и т. п.

3. Хороша, конечно, не любая метафора, а только та, которую можно было бы назвать "озаряющей". О ней замечательно сказал Б. Пастернак: "Метафоризм — естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм — стенография большой личности, скоропись ее духа" (Пастернак 1982: 394). Мы, естественно, не претендуем ни на что из сказанного Б. Пастернаком, кроме одного: мы действительно стремились прибегать к метафоре только тогда, когда она реально сокращала путь к сообщению необходимых знаний. Подчеркнуть это обстоятельство нелишне еще и потому, что в последнее время при толковании значений начинает использоваться криптографическая метафора, не разъясняющая сложное, а зашифровывающая простое. Ср. следующие метафоры из Баранов и др. 1993: *с трудом* ≈ 'бег с препятствиями', *в самом деле* ≈ 'от заблуждения к истине', *на самом деле* ≈ 'правда жизни', *в общем* ≈ 'искусство отбросить лишнее', *в целом* ≈ 'большое видится на расстоянии', *в принципе* ≈ 'поиски идеала' и т. п.

4. Комбинирование двух подходов полезно не только в синонимическом словаре. Оно должно стать обязательным принципом любых претендующих на полноту описаний семантики естественных языков. Только тогда будет положен конец затянувшемуся спору о том, допустимы ли тавтологические круги в описании значений: они недопустимы в толкованиях, но ничто не мешает прибегать к ним при более свободном объяснении значений. Толкования моделируют научно-лингвистическое знание языка, а более свободные перифразы, равно как и любые другие приемы объяснения значений, моделируют мета-языковую практику его носителей.

5. Распределение личных и неличных форм в парадигмах глаголов *хотеть* и *желать* интересно и в других отношениях. У *хотеть* сильны личные формы, между тем как неличные, за исключением ИНФ и ПРИЧ, ПРОШ (*хотевший*), практически отсутствуют. Его позиции ослаблены и в том отношении, что у него нет производных существительных и прилагательных. У *желать*, наоборот, сильнее неличные формы *желаю, желаете, желал* и т. п. отчетливо стилистически маркированы и, значит, ослаблены. Позиции *желать* сильнее и в том отношении, что от него образуются такие важные производные, как *желание, желательный*, субстантивированное причастие *желающий* (*Желающих участвовать в экскурсии просят собраться у входа*). В связи с этим можно высказать осторожную гипотезу о действующей в современном русском языке тенденции к слиянию двух основных глаголов желания в один глагол со стилистически однородной супплетивной парадигмой, составленной из личных форм *хотеть* и неличных форм *желать*. Остается неясным вопрос о том, как будет представлен в этой парадигме инфинитив.

6. Одновременно с автором и независимо от него это правило было сформулировано в работе В. Ю. Апресян "К описанию глаголов со значением природного процесса (на примере глаголов *светиться, меркнуть* и *светить*)" // Теоретическая лингвистика и лексикография: к формальному описанию лексики. М., 1995.

7. Данная работа была поддержана грантом Российского гуманитарного научного фонда.

Литература

- Апресян 1990 – Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Апресян 1992 – Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. N 3.
- Апресян 1994 – Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических приятивах // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. N 4.
- Баранов и др. 1993 – Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Виноградов 1974 – *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1974.

Гловинская 1982 – *Гловинская М. Я.* Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М., 1982.

Ицкович 1982 – *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.

Пастернак 1982 – *Пастернак Б.* Замечания к переводам из Шекспира // Б.Пастернак. Воздушные пути. М., 1982.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ*¹

1. Вводные замечания

Человеком на протяжении сотен лет занимались физиологи, психологи, философы и лингвисты, не говоря о социологах. Только в последние два—три десятилетия вышли десятки книг и сотни статей, посвященных его мыслям, желаниям, чувствам и речевым актам. Ни учесть эту литературу, ни хотя бы назвать ее в этой статье нет никакой возможности. Поэтому ограничимся ссылками на книги [1: 93—111, 2: 101—199, 3—5] и обзор [6], содержащие обширную библиографию.

Из предшествующих исследований выделим лишь несколько наиболее нам близких. Это прежде всего ранние работы Московской семантической школы [7—12], а также уже упоминавшиеся книги Анны Вежбицкой и Н. Д. Арутюновой. В частности, излагаемые здесь представления об "устройстве человека" имеют много общего с тем, что говорится в [2] о перцептивном, ментальном, эмотивном и волитивном "модусах", их разновидностях и взаимопроникновении. Однако запротоколировать все такие сходства, равно как не менее многочисленные различия и в общих идеях, и в конкретных оценках языковых фактов в рамках журнальной статьи было бы невозможно. Разумнее объяснить, зачем понадобилась еще одна работа по вопросу, и без того имеющему огромную литературу, и чем эта работа отличается от прочих. Назовем четыре отличия.

* Статья была впервые напечатана в журнале "Вопросы языкознания", 1995 №1

¹ Данная работа стала возможной в результате присуждения автору премии Фонда А. Гумбольдта и приглашения на кафедру проф. П. Хельвига в Гейдельбергский университет. Автор благодарит коллег из Фонда и проф. П. Хельвига за идеальные условия работы. Автор считает своим приятным долгом поблагодарить также В. Ю. Апресян, М. Я. Гловинскую, Л. Л. Иомдина, Л. Н. Иорданскую и И. А. Мельчука, которые прочитали рукопись данной статьи и сделали ценные критические замечания.

1. "Образ человека" реконструируется исключительно на основании языковых данных. Мы в максимальной мере стремились к тому, чтобы это была именно "языковая" (а, например, не литературная, не общесемиотическая или общекультурная, не философская) картина человека.

2. Реконструкция каждого фрагмента картины считалась мотивированной только тогда, когда реконструированный фрагмент подтверждался не разрозненными данными (как это делается, например, в [13: 101 и сл.]), а большой совокупностью фактов, позволявших построить цельный и непротиворечивый образ какого-то объекта.

3. Язык, на котором фиксируется картина человека, — это в той или иной мере язык толкований; он считается наиболее ясным и формализованным языком современной семантики (о последней версии этого языка см. [14]).

4. Вся работа была предпринята с одной целью — подвести теоретический фундамент под системную лексикографию и, более конкретно, под Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (см. о нем [15–16]; ср. также [17]), который составляется под руководством автора в Институте русского языка РАН. Главным понятием системной лексикографии является понятие лексикографического типа — группы лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство (семантическое, прагматическое, коммуникативное, синтаксическое, сочетаемое, морфологическое, просодическое и т. п.), к которому обращаются одни и те же правила лингвистического описания ("грамматики" в широком смысле) и которое требует поэтому единообразного описания в словаре. Не имея возможности предложить перечень лексикографических типов для всего русского языка, мы решили начать эту работу с наиболее важного его участка, каким, безусловно, является лексика, описывающая человека.

В соответствии со сказанным в данной статье сначала рассматривается общая идея "наивной", или языковой, картины мира (раздел 2). Затем предлагается реконструкция образа человека как важнейшего ее фрагмента (раздел 3) и дается более подробный разбор одной из восьми систем человека, а именно его эмоциональной системы (раздел 4). В последнем, пятом разделе дается набросок общей схемы характеристики человека как основы системной лексикографии. На этом материале мы пытаемся продемонстрировать связь между положениями лингвистической теории и принципами описания лексикографических типов в толковых и синонимических словарях.

2. Наивная картина мира

Не предпринимая экскурса в историю вопроса (В. Гумбольдт и неогумбольдтианство, американская этнолингвистика, гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа, теория семантических полей и т. п.), мы коротко охарактеризуем его современное состояние.

Исследование наивной картины мира разворачивается в двух основных направлениях.

Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода лингво-культурные изоглоссы и пучки изоглосс (см., например, [18–25]). Это прежде всего "стереотипы" языкового и более широкого культурного сознания; ср. типично русские концепты *душа, тоска, судьба* [22], *задушевность, удаль, воля (вольная), поле (чистое), даль, авось* [23: 117 и сл.]. С другой стороны, это специфические коннотации неспецифичных концептов; ср., например, многократно описанную символику цветообозначений в разных культурах².

Во-вторых, ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и "наивного", донаучного взгляда на мир. Развивая метафору лингвистической географии, можно было бы сказать, что исследуются не отдельные изоглоссы или пучки изоглосс, а диалект в целом. Хотя национальная специфика и здесь учитывается со всей возможной полнотой, акцент ставится именно на цельной языковой картине мира. Ниже мы тезисно суммируем основные положения этого подхода, поскольку только он будет интересовать нас в дальнейшем.

1. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Когда-то грамматические значения противопоставлялись лексическим как подлежащие обязательному выражению, независимо от того, важны они для существования конкретного сообщения или нет. В последние десятилетия было обнаружено, что многие элементы лексических значений тоже выражаются в обязательном порядке.

2. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так

² В [26: 17] приводятся любопытные данные о различиях в культурных ассоциациях и реакциях на тот или иной цвет, экспериментально установленные при эксплуатации компьютеров с цветными экранами. Красный в США — опасность, во Франции — аристократия, в Египте — смерть, в Индии — жизнь и творчество, в Японии — гнев и опасность, в Китае — счастье; голубой в США — мужественность, во Франции — свобода и мир, в Египте — вера, добродетель и истина, в Японии — подлость, в Китае — небо и облака; зеленый в США — безопасность, во Франции — преступление, в Египте — плодородие и сила, в Индии — плодородие и процветание, в Японии — будущее, юность и энергия, в Китае — династия Мин, небо и облака; желтый в США — трусость, во Франции — временность, в Египте — счастье и процветание, в Индии — успех, в Японии — грация и благородство, в Китае — рождение, богатство и власть; белый в США — чистота, во Франции — нейтральность, в Египте — радость, в Индии — смерть и чистота, в Японии — смерть, в Китае — смерть и чистота. Эти культурные различия в реакциях на цвет настолько важны, что их приходится учитывать при конструировании экранов компьютеров, предназначенных для использования в различных обществах Запада и Востока.

что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

3. С другой стороны, он "наивен" в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир.

4. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени (ср., например, вполне релятивистские, хотя и донаучные понятия пространства и времени говорящего и понятие наблюдателя — см. [27]), наивную этику, наивную психологию и т. п. Так, из анализа пар слов типа *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хвалиться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *смеяться* (*над кем-л.*) и *глумиться*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *распоряжаться* и *помыкать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, *критиковать* и *чернить*, *добиваться* и *домогааться*, *показывать* (*свою храбрость*) и *рисоваться* (*своей храбростью*), *жаловаться* и *ябедничать* и др. под. можно извлечь представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Вот некоторые из них: "нехорошо преследовать узкокорыстные цели" (*домогааться*, *льстить*, *сулить*); "нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей" (*подсматривать*, *подслушивать*, *соглядатай*, *любопытство*); "нехорошо унижать достоинство других людей" (*помыкать*, *глумиться*); "нехорошо забывать о своих чести и достоинстве" (*пресмыкаться*, *подобострастный*); "нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки" (*хвастаться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить*); "нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних" (*ябедничать*, *фискалить*); и т. п. Конечно, все эти заповеди — не более чем прописные истины, но любопытно, что они закреплены в значениях слов. Отражаются в языке и некоторые положительные заповеди наивной этики.

Сверхзадачей системной лексикографии является отражение воплощенной в данном языке наивной картины мира — наивной геометрии, физики, этики, психологии и т. д. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре. Для этого, вообще говоря, надо было бы сначала реконструировать по данным лексических и грамматических значений соответствующий фрагмент наивной картины мира. На практике, однако, в этом, как и в других подобных случаях, реконструкция и (лексикографическое) описание идут рука об руку и постоянно корректируют друг друга.

3. Наивная картина человека.

В основе предлагаемых ниже реконструкций лежит одна общая схема "состава" человека. Человек мыслится в русской языковой картине мира (только ею мы и занимаемся, хотя допускаем, что в ней много универсальных черт) прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий — физические, интеллектуальные и речевые. С другой стороны, ему свойственны определенные состояния — восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т. п. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия.

Каждым видом деятельности, каждым типом состояния, каждой реакцией ведает своя система. Она локализуется в определенном органе, который выполняет определенное действие, приходит в определенное состояние, формирует нужную реакцию. Иногда один и тот же орган обслуживает более одной системы, а одна система обслуживается несколькими органами. Любопытно, например, что в душе локализуются не только эмоции, но и некоторые желания.

Функционирование каждой системы в большинстве случаев описывается семантическим примитивом или — если система разбивается на подсистемы — примитивами.

Помимо этих систем в человеке независимо от них действуют определенные силы, или способности. Вообще говоря, в человеке, как и в другом живом организме, таких сил может быть несколько, но в обязательном порядке должны быть представлены по крайней мере две: одна приводит какую-то систему в действие, другая останавливает ее.

Раздел 3.1 посвящен рассмотрению этих сил (способностей). В разделе 3.2 рассматриваются системы человека, а также особенности их устройства и функционирования.

3.1. Воля и совесть — приведение в действие и торможение

◁ Стимулом к активному функционированию человека являются желания. Человек реализует их с помощью силы, которая называется *волей*³; воля, собственно, и есть способность приводить в исполнение свои желания. *Воля* в

³ Представление о воле как о силе (а не как об органе) заимствовано нами из давней, но очень интересной работы [9: 56—60], посвященной "лексике воли". Однако в некоторых существенных деталях наша картина "воли" отличается от предложенной Ю. К. Щегловым. У Ю. К. Щеглова есть понятие "аппарата воли", который состоит из разума, чувств, собственно воли и других органов, выполняющих некую программу поведения. Нам представляется, что скорее имеет место обратное соотношение: воля входит в "аппарат разума" (если, конечно, пользоваться этой метафорой). Кроме того, в картине, нарисованной Ю. К. Щегловым, не упоминается совесть, хотя она тоже принимает участие в формировании поведения человека как моральный регулятор.

русской языковой картине ассоциируется с твердостью, натиском, непреклонностью, может быть, даже агрессивностью; ср. *сила воли, сильная <железная> воля, непреклонная <несгибаемая, непоколебимая> воля, всесокрушающая воля, воля к победе <к жизни, к подвигу>, волевой напор, волевой человек, сильная личность* (человек, воля которого настолько сильна, что он может переломить ход событий).

Желания могут быть как разумными и моральными, так неразумными и аморальными: воля сама по себе вне морали, она может быть и *доброй* и *злой*. Поэтому действие воли уравнивается в человеке действием другой силы, которая называется *совестью*. Если желания и воля являются инициаторами деятельности человека, то совесть в русской языковой картине мира мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию его аморальных желаний или побуждений. Ср. *Совесть не позволяет <совестно> (делать что-л.)*, *Если у него есть хоть капля совести, он этого не сделает, Совесть восстает (против чего-л.)*.

Вообще говоря, *совесть*, в отличие от *воли*, мыслится не только в образе силы, пусть потенциальной (т. е. способности). Она одновременно представляется и как некое существо внутри человека. Это — строгий внутренний судья (ср. *отвечать за что-л. перед своей совестью, быть чистым перед собственной совестью*), всегда нацеленный на добро, обладающий врожденным безошибочным чувством высшей справедливости и дающий человеку предписания (ср. *голос совести, веление совести*), непосредственно опирающийся на представление о том, что в данной ситуации есть подлинное добро.

Как всякий судья, *совесть* может наказывать или миловать. Если человек *слышит голос совести, прислушивается к нему, поступает по совести <как подсказывает совесть>*, то наградой ему является *спокойная <чистая> совесть*. Если же он *не слышит голоса совести*, в угоду желаниям *заглушает его в себе, поступает против совести*, тогда *совесть* его наказывает: она его *мучит <не дает покоя, терзает, гложет>*, неправильный поступок *лежит тяжелым грузом на его совести*, он *испытывает угрызения <муки> совести* и т. п. *Совесть* — начало неистребимое, и если человеку удастся *заглушить в себе ее голос*, то через некоторое время она снова может *проснуться <пробудиться>* и *заговорить* в нем.

Замечательным свойством этого внутреннего судьи является его полнейшая беспристрастность: всем без исключения людям в одинаковых ситуациях *совесть* диктует одно и то же, единственно справедливое, решение. Этот внутренний голос парадоксальным образом оказывается и общим достоянием людей. Именно поэтому мы можем считать какого-то человека, известного своим нравственным бесстрашием, *нашей совестью*. По той же причине мы можем *зывать к совести* другого человека: мы делаем это в уверенности, что в конечном счете он руководствуется теми же нравственными истинами, что и мы. *Совесть*, таким образом, выводит мировосприятие человека за пределы его

собственных интересов и заставляет его взвешивать свои действия и действия других людей на весах высшей справедливости⁴.

Из сказанного следует, что *совесть* выступает как объединяющее и альтруистическое начало, между тем как *воля* — начало скорее обособливающее, эгоистическое и капризное; ср. *своеволие*, *волею судеб* (~ 'по прихоти случая'), а также *воля 2* (~ 'свобода, основывающаяся только на собственной воле'). С другой стороны, *совесть* — менее активное начало, чем *воля*. Она лишена того напора, который есть у *воли*. Поэтому-то и можно *заглушить ее голос и пойти на сделку с ней*.

Итак, главная функция *воли* — креативная, деятельная, а главная функция *совести* — сдерживающая, блокирующая. Разумеется, действуя по приказам сознания, *воля* может использоваться человеком и как тормозное или блокирующее устройство, с помощью которого человек сдерживает свои неразумные желания. С другой стороны, *совесть* может действовать как нравственный стимул, подталкивающий человека к активной защите справедливости, независимо от того, где он видит ее нарушение — в своих собственных мыслях и поступках или в мыслях и поступках других людей. Однако это — вторичные функции воли и совести. >

Интересна асимметрия этих двух начал: добра в человеке, в соответствии с русской языковой картиной, в целом больше, чем зла, потому что по другую сторону от нейтральной воли нет антагонистичного *совести* злого начала.

⁴ Предложенная нами реконструкция, дающая целостный образ совести, основана исключительно на данных языка. Этот наивно-языковой образ оказывается неожиданно близким к понятию совести, развиваемому в русской религиозной философии. Ср. "Наряду со всем тем, что человек сам *хочет* и *может*, наряду со всеми стремлениями, вытекающими из эмпирической природы человека и ее составляющими, на человека действует идеальная сила *должного*, голос совести — призыв, который он испытывает как исходящий из высшей, превосходящей его эмпирическую природу и ее преобразующей инстанции; и только в исполнении этого призыва, в выхождении за пределы своего эмпирического существа, человек видит подлинное осуществление своего назначения, своего истинного внутреннего существа" [28: 331–332]. Ср. принципиально иную реконструкцию концепта 'совести', по данным языка и художественных текстов, в [1: 95–97]: "представление о совести как о когитистом и острозубом существе, находящемся во вражде с желаниями и чувствами человека", "маленький грызун", образ совести как "докучного собеседника", "образ совести как врага, преследователя и мучителя человека", "представление о совести как о некоторой поверхности, своего рода *tabula rasa*", со следующим выводом: "Очевидно, что сочетаемость слова *совесть* не моделируется на основе целостного представления. Она возникает путем объединения и скрещивания ряда несовместимых с точки зрения естественных законов мироздания образов" (с. 97). Отметим национальную специфичность концепта совести. Похожий концепт есть в немецком языке (*Gewissen*), но, например, не в английском или французском: *conscience* обозначает нечто среднее между 'совестью' и 'сознательностью'.

3.2. Основные системы человека

Ниже мы назовем основные системы, из которых складывается человек; органы, в которых они локализируются, в которых разыгрываются определенные состояния и которые выполняют определенные действия; и семантические примитивы, соответствующие этим системам, органам, состояниям или действиям. Отметим, что почти все наши примитивы имеют прямые соответствия в списке А. Вежбицкой (см. [4: 10]); о примитивах как они понимаются в данной работе см. [14].

1) Физическое восприятие (*зрение, слух, обоняние, вкус, осязание*). Оно локализуется в органах восприятия (*глаза, уши, нос, язык 1, кожа*). Семантический примитив — 'воспринимать'.

2) Физиологические состояния (*голод, жажда, желание* = 'плотское влечение', *большая и малая нужда, боль* и т. п.). Они локализируются в разных частях *тела*. Семантический примитив — 'ощущать'.

3) Физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия (*бледность, холод, мурашки, краска, жар, пот, сердцебиение, гримаса отвращения* и т. п.). Реагируют различные части тела (*лицо, сердце, горло*) или *тело* в целом. Семантического примитива нет. В частности, смысл 'реагировать' не может претендовать на эту роль, поскольку безусловно может быть представлен через следующие более простые смыслы: 'А реагирует на В' ~ 'Фактор В в момент t_1 воздействовал на организм А [пресуппозиция]; А воспринял это воздействие и в момент t_2 , более поздний, чем t_1 , каким-то образом изменил свои свойства или поведение; факт восприятия воздействия был единственной причиной изменения в свойствах или поведении А'.

4) Физические действия и деятельность (*работать, отдыхать, идти, стоять, лежать, бросать, рисовать, ткать, рубить, резать, колоть, ломать* и т. п.). Они выполняются *конечностями* и *телом*. Семантический примитив — 'делать'.

5) Желания (*хотеть, стремиться, подмывать, не терпеться, воздерживаться, вынуждать, искушать, соблазнять, предпочитать* и т. п.). Они локализируются либо в *теле*, либо в *душе*. В теле локализируются первичные, простейшие желания, связанные с удовлетворением физиологических потребностей; ср. *хотеть есть* <*нить, спать*>. По-видимому, они являются общими для человека и животных. В душе локализируются окультуренные желания, связанные с удовлетворением духовных потребностей; ср. *В душе ей хотелось какой-то необыкновенной любви; От всей души желаю, чтобы они [праздники] скорее кончились* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Последние, составляющие безусловное большинство желаний, реализуются с помощью *воли*, деятельность которой корректируется *совестью*. Семантический примитив — 'хотеть'.

6) Мышление, интеллектуальная деятельность (*воображать, представлять; считать, полагать; понимать, осознавать; интуиция, озарение; доходить, осе- нять; знать, ведать; верить; догадываться, подозревать; помнить, запоминать, вспоминать, забывать*; и т. п.). Интеллектуальная деятельность локализуется в

сознании (*уме, голове*) и выполняется ими же. Семантические примитивы — 'знать', 'считать' и, может быть, еще некоторые. *Понимать* и *верить* — не примитивы; толкования этих глаголов см. в [14]*.

7) Эмоции (*бояться, радоваться, сердиться, любить, ненавидеть, надеяться, отчаиваться* и т. п.). Они тоже делятся на первичные, общие для человека и животных (*страх, ярость*), и окультуренные (*надежда, отчаяние, удивление, возмущение, восхищение* и т. п.). У человека все эмоции локализируются в *душе, сердце* или в *груди*. Семантический примитив — 'чувствовать'.

8) Речь (*сообщать, обещать, просить, требовать, приказывать, запрещать, предупреждать, советовать, объявлять, ругать, хвалить, хвастаться, жаловаться* и т. п.). Она обслуживается *языком 2*. Семантический примитив — 'говорить (кому-то, что Р)'. Попытки истолковать этот глагол в указанном значении, как кажется, приводят к кругу⁵.

Структура и функционирование перечисленных систем имеет следующие особенности: каждая система имеет определенную внутреннюю организацию (3.2.1); системы образуют иерархию (3.2.2.); органы этих систем тоже образуют иерархию (3.2.3); системы взаимодействуют друг с другом (3.2.4); системы разбиваются на подсистемы (3.2.5); с другой стороны, они объединяются в более крупные классы и подклассы на основе принципа дублирования (3.2.6).

3.2.1. Внутренняя организация систем

Из-за ограниченности места мы сумеем рассмотреть этот вопрос на примере только одной системы — восприятия. Наш выбор определяется, во-первых, относительной простотой этой системы и, во-вторых, тем, что она достаточно хорошо организована и дает возможность продемонстрировать внутреннюю связь между тем или иным способом концептуализации действительности и лексикографическим типом (ЛТ).

* Более точное толкование *понимать* см. в статье "Проблема фактивности: *знать* и его синонимы".

⁵ Ср., например, следующее толкование: *X говорит 1 Y-у Z* = 'Человек X произносит созданный им текст, содержащий смысл Z, для того, чтобы Y воспринял смысл Z' [29: 71]. Если *текст* в этом толковании — слово метаязыка, то в его значение должно входить указание на язык: *текст* — это прежде всего последовательность знаков на каком-то языке. *Язык* в свою очередь должен быть определен как средство, с помощью которого люди *говорят 2* друг с другом. Наконец, двунаправленный процесс обмена репликами (говорить друг с другом) естественно определить через более простой, однонаправленный процесс сообщения своих мыслей собеседнику, т. е. через *говорить 1*. Получается круг. С другой стороны, можно допустить, что *текст* в составе этого толкования — лексема русского языка, обозначающая 'то, что написано'. Но и тогда через один-два шага в нем откроется тот же смысл 'говорить 1': то, что написано, — это другая, культурно более сложная форма того, что могло бы быть *сказано 1*.

Первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый — тот, кто воспринимает, второй — то, что воспринимается. Поэтому можно предсказать существование по крайней мере двух серий глаголов (или других предикатных слов), называющих состояния первого и второго актантов ситуации восприятия соответственно. Одну образуют глаголы, первая семантическая валентность которых заполняется именем субъекта восприятия, а вторая — именем воспринимаемого объекта; ср. *Из траншеи мы видели узкую полосу берега*⁶. Другую образуют конверсные им глаголы или глагольные выражения, первая семантическая валентность которых заполняется именем воспринимаемого объекта, а вторая — именем субъекта восприятия; ср. *Из траншеи нам была видна узкая полоска берега*.

Субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире. Поэтому в принципе возможна еще одна серия глаголов — типа *смотреть*. В результате получается тернарная оппозиция смыслов: 'воспринимать' — 'восприниматься' — 'использовать способность восприятия'. В принципе можно допустить необходимость четвертой серии глаголов, обозначающих активное воздействие объекта на орган чувства; ср. *бросаться в глаза* для зрения, *доноситься* для слуха, *шибать (в нос)* для обоняния. Однако эта серия во всех отношениях менее регулярна, чем первые три, и мы ее пока не включаем в рассмотрение.

Поскольку есть пять подсистем восприятия (*зрение, слух, обоняние, вкус, осязание*), каждая из которых в идеале должна обслуживаться тройкой глаголов (не считая, конечно, их синонимов), восприятие в целом может быть представлено таблицей (семантической парадигмой) $3 \times 5 = 15$. Она-то и задает основную ЛТ в сфере лексики восприятия.

В русском языке этот ЛТ представлен следующими пятью тройками: *видеть — быть видимым (кому-л.) — смотреть, слышать — быть слышимым (кому-л.) — слушать, обонять (чують) — пахнуть — нюхать, ощущать вкус —*

⁶ Субъект состояния (ср. *Охотник видит лису, Он боится этого человека*), события (ср. *Он поскользнулся и упал*), процесса (ср. *Он долго болел, Он выздоровел*) и т. п. иногда называется объектом. Так, по мнению О. Есперсена, в примере *Он боится этого человека* "грамматический именительный падеж обозначает предмет, подвергающийся действию, а винительный падеж — источник воздействия" [30: 179]. Ср. похожие мысли в [31–32] и других современных работах. Строго говоря, объекта ни в одном из этих случаев нет, потому что нет воздействия какой-либо силы на человека. На самом деле для описания семантических ролей актантов в рассматриваемом круге ситуаций надо иметь четыре разных понятия: агенса (активного деятеля), субъекта (пассивного испытывателя), объекта (того, что испытывает реальное воздействие) и предмета (того, что просто находится в фокусе внимания субъекта или агенса; ср. *видеть картину, уважать старших, смотреть на картину, Пальто стоит 500 рублей*). В этой работе, однако, мы не можем предпринять такой глубокой ревизии семантических ролей и поэтому пользуемся более или менее традиционными обозначениями.

быть на вкус (ср. *На вкус ничего, но пахнет неважно*) — *пробовать, осознать* — *быть на ощупь* — *ощупывать*. Ср. *Когда же мальчик ощупывал его лицо, то ощущал своими чуткими пальцами его глубокие морщины* (В. Короленко, Дети подземелья).

Одна из особенностей этого ЛТ состоит в том, что клетки таблицы далеко не всегда заполняются единообразно. В принципе все 15 клеток должны были бы обслуживаться глаголами. Однако в русском языке так обстоит дело только с обонянием (см. выше), да и то для понятия 'воспринимать носом' нет нейтрального слова: одно (*обонять*) чересчур научное, а другое (*чуять*) — чересчур просторечное. Хуже всего обслужена глаголами серия 'восприниматься' — в ней есть только один глагол (*пахнуть*).

В русском языке все клетки семантической парадигмы, для которых отсутствуют однословные выражения, заполняются свободными или полусвободными словосочетаниями. Чтобы понять ее своеобразие, полезно сопоставить ее с соответствующей парадигмой английского языка. Там нехватка словесного материала для заполнения всех клеток таблицы компенсируется не столько за счет словосочетаний, сколько за счет многозначности. Ср. *to see* — *to be visible* — *to look* для зрения, *to hear* — *to sound* — *to listen* для слуха, *to smell* — *to smell* для обоняния (ср. *I can smell apples* — *Apples smell good* — *He bent over to smell a flower*), *to taste* — *to taste* — *to taste* для вкуса (ср. *I can taste something very spicy in the food* — *The meat tastes delicious* — *He raised the glass to his mouth to taste the wine*), *to feel* — *to feel* — *to feel* для осязания (ср. *I could feel the rough surface of the table* — *The water feels warm* — *Feel the bump on my head*).

Не имея возможности охарактеризовать этот сложный ЛТ целиком, назовем некоторые особенности глаголов основной серии (*видеть, слышать, обонять, осознать*). а) Они принадлежат к классу стативов и имеют все характерные для стативов морфологические, синтаксические и семантические проявления (см. о них [14]), которые, естественно, в той или иной форме должны быть отражены в словаре. б) Они обладают свойством полуфактивности, в частности, способностью нести главное фразовое ударение и способностью управлять предложениями, вводимыми относительными союзными словами типа *кто, что, где, куда, откуда, когда, сколько, как* и т. п. Ср. *Я видел, кто открыл дверь* <что он принес, куда он пошел, где приземлился самолет, сколько вина он выпил>; *Я слышал, кто его звал* <что он говорил, откуда донесся звук, как он на тебя кричал>. Любопытно, что разнообразие способов введения придаточного предложения падает при переходе от *видеть* к *слышать* и от *слышать* к *обонять, осознать*. в) Они обладают способностью управлять предложениями, вводимыми союзами *что* и *как*, с характерным для этих союзов противопоставлением события (факта) и действия. К тому, что наблюдается на эту тему Н. Д. Арутюновой (см. [2: 115–117]), надо добавить, что первый союз описывает событие, даже если глагол придаточного предложения имеет форму НЕСОВ; ср. *Я видел, что он переходил на ту сторону улицы* (фиксируется только факт перехода). Второй союз описывает процесс, даже если глагол придаточного предложения имеет форму СОВ; ср. *Я видел, как он перешел на ту*

сторону улицы (фиксируются, даже в форме СОВ, какие-то фазы процесса пересечения улицы).

Все указанные и многие другие особенности глаголов восприятия должны быть приняты во внимание, чтобы получилось единообразное описание данного ЛТ в словаре.

3.2.2. Иерархия систем

Указанные восемь систем иерархизованы по сложности (именно в порядке нарастания сложности они перечислены выше). Самой простой является восприятие: оно объединяет человека со всей остальной живой природой. В частности, даже растения воспринимают такие факторы, как свет и тепло, потому что они на них реагируют. Самой сложной является речь: она отличает человека от всей остальной живой природы.

Лингвистически относительная сложность системы определяется несколькими факторами.

Первый фактор — число лексем и грамматических единиц, которые ее обслуживают. Чем оно больше, тем сложнее система. Точными данными на этот счет мы не располагаем, но априорным лингвистическим оценкам предложенный выше порядок систем более или менее соответствует. Единственное исключение составляет система физических действий, лексика которой по богатству превосходит все другие системы. Однако четыре "духовные" системы (желания, интеллектуальная деятельность, эмоции и речь) намного превосходят систему физических действий по числу обслуживающих их грамматических единиц. Ср. дейктические морфологические категории (например, глагольное время, исчисляемое относительно момента *р е ч и*), а также такие синтаксические конструкции, как императив и оптатив (желания), условные и ирреальные предложения (интеллект), многочисленные экспрессивные конструкции малого синтаксиса (желания и эмоции), вводные конструкции (в их значение всегда входит представление о говорящем и, следовательно, о речи).

Во-вторых, сложность системы S_i относительно системы S_j определяется числом принадлежащих S_i лексем, в толкование которых входят единицы системы S_j . Чем больше число таких единиц, тем S_i сложнее относительно S_j . В этом отношении эмоции и речь существенно сложнее, чем, например, восприятие и даже желания, потому что в толковании большинства эмоциональных состояний и речевых актов присутствуют ссылки на восприятие и желания, между тем как обратное неверно.

В-третьих, сложность системы определяется ролью ее понятий в организации высказывания. В этом отношении у речи нет конкурентов. Достаточно указать на центральную роль говорящего как фигуры, организующей дейктическое пространство высказывания⁷.

⁷ Об исключительной сложности речи свидетельствует сама семантическая структура речевых актов как она описана, например, в работах [3, 33]. В частности, именно

3.2.3. Иерархия органов.

Органы этих систем тоже иерархизованы, но по другому признаку, а именно по их роли в организации поведения человека. Вершиной иерархии является сознание (ум). В наивной картине мира именно ему отводится ключевая роль регулятора физического, эмоционального и речевого поведения человека. Именно оно, с помощью сил воли и совести, держит поведение человека в пределах нормы, даже когда другие его системы работают с повышенным или предельным напряжением. Сознание — это следящее устройство, способное со стороны наблюдать за поведением человека (ср. *видеть себя со стороны*, *Попробуй посмотреть на себя со стороны*). Если, например, сознание обнаруживает в поведении признаки неразумности, оно отдает распоряжение воле, которая возвращает поведение к норме (конечно, при условии, что воля еще способна действовать эффективно). Ср. *Он понял, что боится, и усилием воли попытался подавить свой страх*.

Сказанное можно подтвердить и такими парами лексических единиц, как *исступление* и *возбуждение*, *экстаз* и *восторг*, *паника* и *страх*, *потерять голову* и *растеряться*, *взорвать(ся)* и *возмутить(ся)*. В существующих толковых словарях различия между ними часто сводятся к различию в степени интенсивности: *исступление* = 'крайняя степень возбуждения', *экстаз* = 'исступленно-восторженное состояние', *потерять голову* = 'совершенно растеряться' и т. п. На самом деле левые элементы всех этих пар отличаются от правых не только указанием на большую интенсивность процесса или состояния. Важно еще и то, что внутреннее состояние человека в своем развитии достигает такой степени интенсивности, что поведение субъекта полностью выходит из-под контроля его сознания и перестает управляться его волей. Ср., в отличие от этого, пару *ярость* — *гнев* (*Он с трудом сдерживал свою ярость <свой гнев>*), где первая эмоция действительно отличается от второй предельной степенью интенсивности, но не потерей контроля над поведением.

Указанный семантический компонент, повторяющийся в значениях лексических единиц *исступление*, *экстаз*, *паника*, *терять голову*, *взорвать(ся)*, оказывается, таким образом, достаточно регулярным (системным). Следовательно, представление о потере контроля над поведением как естественном пределе в развитии некоторых внутренних состояний действительно свойственно наивной картине человеческой психики.

этот материал дал основание для выделения такого важного нового компонента смысла, как мотивировки (наряду с пресуппозициями и ассерциями). Мотивировку можно определить как объяснение того, для чего предпринимается данный речевой акт. Она связывает ассерцию в качестве результата с одной из пресуппозиций в качестве причины речевого акта. По-видимому, мотивировки должны включаться в толкование всех лексем, обозначающих достаточно сложные целесообразные акты, не обязательно речевые.

В пользу этого свидетельствует и то обстоятельство, что похожая семантическая оппозиция обнаруживается в области так называемой симптоматической лексики — выражений, описывающих внешние проявления эмоциональных состояний человека. Ср. такие серии слов, как *оцепенеть (от страха)*, *остолбенеть (от удивления)*, *окаменеть (от ужаса)*, с одной стороны, и *замереть (от сладкого ожидания)*, *замереть (в восхищении перед картиной)* — с другой. Последний глагол значит 'стать совершенно неподвижным', причем не сообщается, теряет ли субъект контроль над своим поведением или нет. Реакция может быть более или менее спонтанной, а вне сочетаний с названиями эмоций — и полностью контролируемой; ср. *Увидев оленя, охотник замер.* Что же касается первых трех глаголов, то они значат не просто 'замереть под влиянием какого-л. сильного чувства', как считают некоторые словари. *Оцепенеть*, например, — это стать неподвижным в результате паралича воли, который наступает в результате ее выхода из-под контроля сознания, что в свою очередь объясняется исключительно сильным страхом, испытанным субъектом. Ср. *Что с ним [художником П. Селивановым, который в присутствии Сталина от испуга не смог исполнить свою арию] творилось — конечно, и вообразить невозможно, удивительно, как он не умер тут же на сцене. За кулисами и в зале все оцепенело* (Г. Вишневецкая, Галина). Заслуживает упоминания и глагол *застыть*, занимающий промежуточное положение между *замереть* и *оцепенеть*; ср. *Он в восхищении застыл перед картиной.*

Указание на потерю контроля над поведением в результате шока, чрезмерной физической активности и т. п. входит в значение многих других слов и выражений; ср. *потеря самообладания, неистовство, конвульсии, прострация, транс, ступор*, прост. *отключка*.

3.2.4. Взаимодействие систем.

Разные системы и подсистемы человека в разной мере автономны и в разной мере взаимодействуют друг с другом. Чем проще система, тем она более автономна. Чем сложнее система, тем она менее автономна, т. е. тем больше число других систем, которые она активизирует или данными которых пользуется.

Наиболее автономно восприятие. Чистое восприятие происходит само собой, независимо от деятельности других систем. Действительно, можно *видеть* или *слышать что-л.*, находясь при этом в совершенно неподвижном состоянии, ничего не желая, не думая, не чувствуя и не говоря. Исключение составляют те случаи, когда мы хотим что-то воспринять и актом воли приводим соответствующий орган в такое положение, когда восприятие с его помощью становится возможно; ср. *смотреть, слушать, нюхать, пробовать, шупать*.

Менее автономны физическая деятельность и желания. Можно, конечно, *стоять где-л.*, *идти куда-л.* или *хотеть чего-л.* молча и не испытывая никаких эмоций. Существуют, однако, более сложные виды физической деятельности, особенно целенаправленной (*строить мост, ждать кого-л., решать задачу* и

т. п.), невозможные без участия желаний, поскольку именно они лежат в основе целей и мотивировок. Что же касается самих желаний, то даже простейшие из них могут быть основаны на показаниях каких-то органов чувств; *хотеть есть*, например, это ощущать (телом) потребность в еде.

Еще менее автономна деятельность сознания. Она невозможна без восприятия каких-то фактов как отправной точки для процессов мышления. Кроме того, некоторые интеллектуальные процессы и состояния предполагают деятельность воли. Особенно интересны в этом отношении мнения. Прототипические мнения предполагают предшествующий акт воли, которым они направляются в сознание и конституируются как мнения Ср. *Следователь счел, что собранных улик достаточно* (актом воли мысль переводится в разряд мнений, которые человек готов защищать как истинные) и *Следователь подумал, что собранных улик достаточно* (в сознании человека без участия его воли возникает некое предположение). Подробнее о *считать* и *думать* см. [11: 867, 34–36].

Наименее автономны эмоции и речь; они же в наибольшей степени взаимодействуют с другими системами человека.

Возникновению эмоции в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-то положения вещей и его интеллектуальная оценка как плохого или хорошего для субъекта, вероятного или маловероятного и т. п. Напомним в этой связи следующее предложенное еще Б. Спинозой описание *надежды, страха, уверенности* и *отчаяния*: "Если мы знаем о будущей вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой... С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе возникает покой, называемый нами уверенностью... Когда же мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние" [37: 128–129]. Факультативно в проявлениях эмоций могут участвовать физиологические реакции (ср. *побагроветь от гнева <от ярости>*), физические действия (ср. *прыгать от радости*) и речь (ср. *громко восторгаться*).

Основные речевые акты в обязательном порядке предполагают параллельное действие по крайней мере трех других систем — интеллекта, желаний и физической деятельности. Действительно, большинству речевых актов предшествует некое мнение говорящего об информационном состоянии слушающего. Кроме того, всякий речевой акт предполагает мотивировку — объяснение того, почему говорящий хочет изменить определенным образом знания слушающего. Наконец, всякий речевой акт представляет собою разновидность физической деятельности — по той банальной причине, что неотъемлемым компонентом устной речи является работа артикуляционных органов. Кроме того, очень многие речевые акты диктуются разного рода эмоциями (ср. *умолять, клеймить, бахвалиться, скулить* в значении 'жаловаться' и т. п.) или желанием вы-

звать определенные эмоции у адресата (*стыдиться, умолять, упрекать* и т. п.). Подробнее об описанных аспектах речевых актов см. [3, 33].

3.2.5. Система и ее подсистемы

Каждая система в свою очередь разбивается на ряд подсистем. Ср. *зрение, слух, обоняние* и т. п. в составе восприятия; *знание, веру, уверенность, понимание, мнение, воображение, память* и ряд других в составе интеллекта; различные речевые акты в составе речи.

Эти подсистемы могут обслуживаться своими органами; так, подсистема *памяти* (ср. *зрительная <слуховая> память, образная память, цепкая <фотографическая> память, короткая <девичья> память, Память сдает* и т. п.) обслуживается органом, который тоже называется *памятью* (ср. *врезаться в память, хранить в памяти, восстановить в памяти, извлечь из памяти* и т. п.; подробнее см. [11: 559 и сл., 38]).

Подсистемы внутри одной системы тоже иногда образуют иерархию. Покажем это на примере системы восприятия, подсистемы которой упорядочиваются по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. С этой точки зрения главной подсистемой все исследователи считают *зрение*. За ней следует *слух*, а затем *обоняние, вкус* и *осязание*, хотя относительный порядок трех последних подсистем не столь очевиден и отчетлив, как двух первых.

Можно привести два аргумента в пользу того, что этот принцип упорядочения не навязывается языку извне, в угоду каким-то посторонним логическим соображениям, а вытекает непосредственно из языковых данных и происходящих в языке процессов.

Прежде всего, место той или иной подсистемы в иерархии, в соответствии с уже упоминавшимся принципом, прямо зависит от обслуживающего ее числа лексем. Очевидно, что наиболее разнообразна и богата лексика, обслуживающая *зрительное* восприятие. За ней, существенно уступая ей в объеме, следует лексика *слуха*. *Обоняние, вкус* и *осязание*, по числу обслуживающих их лексем уступающие *слуху*, друг от друга отличаются не столь заметно. Поэтому для их упорядочения необходимо привлечь второй чисто лингвистический аргумент — происходящие в языке процессы метафоризации.

Еще в начале 50-х годов С. Ульман [39] сформулировал следующую статистическую закономерность: около 80 % интерсенсорных (кинестетических) метафорических переносов происходят строго в направлении от нижних уровней иерархии восприятия к ее верхним уровням, и только немногим более 20% переносов разворачиваются в противоположном направлении. Это значит, что метафоры типа *теплые <холодные> краски, мягкие тона, колючий взгляд, теплый <холодный> голос, жесткие звуки, кричаще одета, глухие тона, сладкие речи, острые звуки, сладкий <соленый, кислый, горький> запах, острые запахи, острые приправы <блюда>, мягкий вкус* и т. п. гораздо более вероятны (и естественны), чем метафоры типа *тусклый звук, носатый голос* (З. Шаховская, От-

ражения), *яркие <тусклые> запахи, красные звуки, глухие запахи, сладкая на ощупь ткань* и т. п. Из сказанного следует, что именно зрительное и, в несколько меньшей степени, слуховое восприятие нуждается во все новых и новых выразительных средствах. Словарь именно этих систем обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и скорее всего изнашивается от постоянного употребления.

Сказанное прямо связано и с антропоцентричностью языка: человек различает большее количество зрительных и слуховых образов (последнее, видимо, из-за устности языка), чем любое другое живое существо. Наоборот, его обоняние гораздо менее развито, чем, скажем, у собак, которые различают, как известно, до 300 тысяч запахов. С меньшей остротой обоняния и связана относительная бедность соответствующего класса лексем. В "каницентрическом" языке, будь он возможен, первое место в иерархии занимало бы *обоняние*.

3.2.6. Классы и подклассы систем

Названные в разделе 3.2 системы по разным признакам сближаются, а иногда даже объединяются в более крупные классы. Два наиболее крупных класса — системы, связанные преимущественно с деятельностью человеческого *тела* (первые четыре), и системы, связанные преимущественно с деятельностью человеческого *духа* (последние четыре).

С другой стороны, определенные телесные системы сближаются с определенными духовными системами⁸, так что каждая телесная система отражается, дублируется, копируется в парной к ней духовной системе, и наоборот. Восприятию соответствуют интеллектуальные состояния и деятельность, физиологическим состояниям (потребностям) — желания, физиологическим реакциям — эмоции, физическим действиям — речь.

Принцип парности телесных и духовных систем прямо вытекает из характерной для наивной картины мира (и не только для нее) и давно замеченной дихотомии "тело" — "дух" (ср. ее разновидность "тело" — "душа").

Лингвистически такие сближения, при всей неодинаковости их оснований в разных случаях, интересны тем, что позволяют увидеть глубинное сходство внешне разнородных лексических единиц и создают тем самым дополнительную основу для систематизации и унификации их семантических описаний. Подтвердим это материалом четырех указанных выше парных классов.

1) Восприятие и интеллект. В наивной, как и в научной, картине мира через систему восприятия человек получает всю ту информацию, которая направляется на обработку в сознание и на основании которой человек осмысляет действительность, получает знания, вырабатывает мнения, планирует свои

⁸ Ср. следующее замечание Н. Д. Арутюновой: "Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика "физическая", используемая во вторичных, метафорических смыслах" [1: 95].

действия и т. п. Было давно замечено, что восприятие и мышление настолько уподобляются друг другу и настолько прорастают друг в друга, что основным глаголом восприятия — *видеть* — развивает главные ментальные значения (см., например, [2: 110 и сл.] и [40]). Мы перечислим все ментальные значения этого глагола, развившиеся в русском языке, и покажем, что аналогичные значения или употребления есть и у второго главного перцептивного глагола — *слышать*.

У глагола *видеть* можно выделить следующие четыре ментальных значения: 1) 'представлять' (*Я вижу, точно это было вчера, как мы бежим по косо-ру*); 2) 'считать' (*Не вижу в этом ничего дурного; Многие воздерживались от художественного и философского творчества, так как считали это делом безнравственным с точки зрения интересов народа, видели в этом измену народному благу* (Н. Бердяев, Философская истина и интеллигентская правда)); этот перенос хорошо представлен и в гнезде со смыслом 'смотреть', ср. *рассматривать этот демарш как проявление слабости, усматривать в чем-л. состав преступления* и т. п.; 3) 'понимать' (*Вы видите <ср. понимаете> свою ошибку?*); 4) 'знать' (*не видеть путей выхода из кризиса*).

Аналогичные ментальные значения или употребления можно усмотреть и у глагола *слышать*, хотя в нем они в меньшей степени освобождены от своих телесных оболочек и ассоциаций: 1) 'представлять' (ср. *Глядящий на эту картину ["Футболист"] уже слышал свист кожаного снаряда, уже видел отчаянный бросок вратаря* (В. Набоков, Дар)); 2) 'считать' (*В ваших словах я слышу скрытую угрозу* = 'Восприняв ваши слова, я считаю, что в них содержится скрытая угроза'); 3) 'понимать' (*Да не собирается он вас увольнять, слышите?*); 4) 'знать' (*Я слышал от кого-то, что матчи отложен*).

Ср. также ментальные значения глаголов *чувять* 'подозревать' (*Чую, что он затевает что-то недоброе*), *ощущать* 'понимать' (*Я ощущаю некоторую неловкость этой ситуации*) и т. п.

2) Физиологические состояния и желания. Выше уже было сказано, что есть два типа желаний — простейшие, связанные с удовлетворением физиологических потребностей тела (ср. *голод* = 'ощущение желания есть', *жажда* = 'ощущение желания пить'), и более сложные, связанные с удовлетворением духовных потребностей (ср. *хотеть попасть на выставку <учиться в Сорбонне>, мечтать о подвиге*). В первом случае человек ощущает, что недостает чего-то важного для его телесного комфорта, во втором — что недостает чего-то важного для его духовного комфорта. Поэтому, в соответствии с общей закономерностью метафорических переносов, которые разворачиваются в направлении от конкретного к абстрактному, у слов, обозначающих телесные потребности (*голод, жажда*), регулярно развиваются значения интеллектуальной или другой духовной потребности. Ср. *духовный голод, жажда знаний <работы>, мудрая жажда красоты, жаждат подвига*.

3) Физиологические реакции и эмоции. Физиологические состояния типа *бледность, сердцебиение, пот* являются реакциями тела на внешние или внутренние раздражители. Эмоции тоже являются реакциями, а именно реакциями

души на внешние и внутренние воздействия. На этой основе происходит глубокое уподобление эмоций и состояний тела (см. об этом [41]). Например, в состоянии страха душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда ему холодно, а его тело реагирует на страх, как на холод [41: 34]; ср. *дрожать от страха <от холода>*, *Мурашки бегут по спине от страха <от холода>*, *оцепенеть от страха <от холода>*, *Страх <холод> сковал его тело* и т. п.

Их подобие имеет и другой, более фундаментальный аспект: такие физиологические состояния, как *голод*, *жажда*, *сон* и т. п., всегда имеют причину — отсутствие еды, питья, сна в течение какого-то времени. Равным образом имеют причину и эмоции. Следовательно, в системном описании тех и других в обязательном порядке должно фигурировать указание причины, которая вызывает соответствующее физиологическое состояние или соответствующую эмоцию.

4) Физические и речевые действия. Подобие между ними основано главным образом на том, что и те, и другие суть разновидности целесообразной деятельности, а всякая целесообразная деятельность имеет мотивировку. Мы *едем на машине в город*, потому что хотим сделать что-то в городе; Мы *катаемся на велосипеде*, потому что хотим получить удовольствие от самой езды; Мы *просим соседа о чем-л.*, потому что хотим, чтобы он сделал нечто; Мы *советуем своему другу что-то*, потому что хотим ему добра (последняя формулировка — из [33: 184]). Указание мотивировки в семантическом описании физической и речевой деятельности — такое же обязательное условие, как указание причины в описании физиологических реакций и эмоций.

Принцип парности (дублирования, копирования) в той или иной мере действует не только на уровне систем, но и на более глубоко лежащем уровне подсистем. Так, в системе восприятия более "низкая" подсистема вкуса метафорически проецируется на иерархически более высокую подсистему обоняния. В сущности, у подсистемы обоняния нет своей собственной номенклатуры. Для обозначения элементарных запахов используется метафорически перенесенная номенклатура элементарных вкусов; ср. *сладкий <горький, кислый, соленый> запах*. Более сложные запахи, особенно *острые*, обозначаются либо с помощью соответствующих вкусовых терминов (ср. *терпкий <пряный> запах, приторный запах*), либо через отсылку к предмету с характерным запахом (ср. *грибной запах, запах горького миндаля, хвойный запах* и т. п.). Собственно "обонятельными", не заимствованными, являются только оценочные прилагательные типа *вонючий, ароматный, душистый* и т. п. Ср. похожие соображения в другом теоретическом контексте [2] и [23: 44–45].

4. Эмоциональная система

Это — одна из самых сложных систем человека (сложнее эмоций, по-видимому, только речь), поскольку в возникновении, развитии и проявлении

эмоций принимают участие практически все остальные системы человека — восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (в частности, разнообразная моторика, включая мимику) и даже речь. Эмоции весьма основательно изучены в лингвистическом, психологическом и физиологическом аспектах, причем результаты, полученные разными методами, обнаруживают большую степень согласия; см. [1: 93 и сл., 2: 129 и сл., 4—6, 11, 15, 17, 22, 42: 39 и сл., 43: 67—70, 44: 142—157, 45—63] и многие другие работы.

Мы ограничимся чисто лингвистическим разбором немногих фактов русского языка, но подчеркнем, что в самых разных европейских языках эмоциональная лексика имеет много сходных черт, а ее описание требует сходных лексикографических решений. В даваемом ниже описании использованы материал и идеи из ранее опубликованной работы [15], но и то, и другое существенно расширено и уточнено.

К базовой лексике этого рода относятся глагольные синонимические ряды *беспокоиться, бояться, сердиться, стыдиться, гордиться, удивляться, восхищаться, любить, надеяться, радоваться, грустить* и многие другие; ряды соответствующих существительных, прилагательных и наречий (*беспокойство, радость, рад, тревожно, с тревогой, в тревоге, боязно, со страхом, в страхе*) и т. д.

Помимо этой базовой лексики необходимо принимать во внимание слова, которые, не являясь обозначениями эмоций в собственном смысле, включают в свое значение указание на различные эмоциональные состояния субъекта в момент выполнения какого-то действия или нахождения в каком-то состоянии. Укажем один такой ряд — *любоваться, заглядеться, засмотреться*.

Необходимо, наконец, учитывать еще один круг слов, не называющих эмоций в собственном смысле, но имеющих к выражению эмоций самое непосредственное отношение. Мы имеем в виду метафору, обозначающую определенный физический симптом чувства. Она была впервые исследована в [47]; см. также [41]. Нас в дальнейшем будет интересовать только световая и цветовая метафора типа *Глаза горят <сверкают, блестят> от восторга <от гнева>, Ее щеки порозовели от удовольствия, Он побагровел от стыда* и т. п. В этом круге слов обнаруживается богатейшая синонимия переносных значений; ср. ряды *блестеть, сверкать; загореться, зажечься; сиять, светиться; засиять, засветиться, озариться; потемнеть, погаснуть, потухнуть; покраснеть, побагроветь, зарумяниться, зардеться*; и многие другие.

Все эти ряды послужат для нас отправной точкой в попытке реконструировать наивную картину мира эмоций, как она отражается и концептуализируется в русском языке. Ввиду ограниченности места мы сумеем указать лишь несколько характерных деталей наивной картины, или модели, эмоционального мира человека. Тем не менее, даже эти немногие детали представляются нам поучительными, потому что только привлекая их, можно обеспечить систематическое описание конкретных синонимических рядов в словаре.

1. В развитии (сценарии) эмоций, как они представляются в языке, выделены следующие пять фаз:

1) Первопричина эмоции — обычно физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей. Нас *злит* то, что мы непосредственно воспринимаем или воспринимали; между тем, *возмущать* могут и такие факты (например, бесчинства экстремистов на Гаити), сведения о которых мы получили из вторых рук. Ср. также глаголы *любоваться*, *заглядеться*, *засмотреться*, предполагающие непосредственное зрительное восприятие объекта в момент переживания, и их неточный конверсив *нравиться*, не предполагающий этого.

2) Непосредственная причина эмоции — как правило, интеллектуальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта. Роль этого фактора в возникновении эмоций была впервые указана еще Б. Спинозой и с тех пор отмечалась всеми исследователями (см. названные выше работы). Причиной положительных эмоций (*радости, счастья, любви, восхищения, надежды* и т. п.) является наша интеллектуальная оценка каких-то событий как желательных, а причиной отрицательных эмоций (*тоски, горя, ненависти, возмущения, отчаяния* и т. п.) — оценка каких-то событий как нежелательных. Внутри каждого из этих классов имеет место более тонкая дифференциация причин. Важную роль в возникновении ряда эмоций играет, например, оценка собственной деятельности, или активности субъекта. В частности, *торжествовать* отличается от *радоваться* тем, что обозначает радость по поводу успешных действий субъекта, его правоты и т. п. Между тем *радоваться* можно и такому событию, к каузации которого субъект не имеет никакого отношения. Похожее различие обнаруживается в рядах *грустить, печалиться, сокрушаться*. *Грустить* можно по любому поводу, а *сокрушаться* — главным образом по поводу собственных не слишком удачных действий.

3) Собственно эмоция, или состояние души, обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной оценкой этого положения вещей. А. Вежбицка описывает собственно эмоцию посредством семантических компонентов 'to feel good' (чувствовать что-то хорошее) и 'to feel bad' (чувствовать что-то плохое). Те же семантические компоненты в толковании эмоций в работе [46] обозначаются как 'положительное эмоциональное состояние' и 'отрицательное эмоциональное состояние'.

В. Ю. Апресян в своей еще не опубликованной работе обратила внимание на то, что сами положительные и отрицательные состояния могут существенно отличаться друг от друга в случае разных эмоций. В состоянии *ненависти* человек испытывает одно неприятное или отрицательное чувство, в состоянии *страха* — другое, в состоянии *тоски* — третье. В связи с этим в [41] было предложено дифференцировать собственно эмоции с помощью метафор телесных состояний, которые с ними ассоциируются. Как уже было сказано выше, при страхе то неприятное чувство, которое возникает в душе человека, похоже на неприятное состояние его тела при холоде (ср. *дрожать от страха, похолодеть от страха, оцепенеть от страха, Страх леденит душу, Страх сковывает*

человека и т. п.). Неприятное чувство в случае отвращения напоминает неприятные физические ощущения человека, когда на него воздействует плохой вкус или запах (см. [41: 34]).

Такие уподобления как средство более точного определения собственно эмоционального компонента в толковании эмоций оправдываются принципом парности, о котором речь шла выше.

4) Обусловленное той или иной интеллектуальной оценкой или собственно эмоцией **ж е л а н и е** продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию. Так, в состоянии *страха* человек стремится прекратить воздействие на себя нежелательного фактора и для этого готов спрятаться, сжаться и т. п. В состоянии *радости*, наоборот, он заинтересован в том, чтобы положительный фактор возможно дольше действовал на него, и все его существо словно вырастает. Ср. *Его распирает от радости, Он раздувается от гордости*, при невозможности **Его распирает от тоски <от страха>, *Он раздувается от стыда*.

5) Внешнее **п р о я в л е н и е** эмоции, которое имеет две основные формы: а) неконтролируемые физиологические реакции тела на причину, вызывающую эмоцию, или на самую эмоцию; ср. поднятие бровей (расширение глаз) в случае *удивления*, сужение глаз в случае злости или гнева, бледность в случае *страха*, пот в случае *смущения*, покраснение в случае *стыда* и т. п.; б) контролируемые двигательные и речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на его интеллектуальную оценку; ср. отступление в случае *страха*, наступление в случае *гнева*, восклицания в случае *ликования*, рычание в случае *ярости* и т. п.

Рассмотрим в качестве обобщающего примера слова *ненависть*, *отвращение* и *страх*, обозначающие эмоции одного класса. *Ненависть* — это неприятное чувство, возникающее при восприятии или хотя бы мысленном созерцании объекта или ситуации, которые мы оцениваем как крайне неприятные и враждебные себе и которые настолько хотим или хотели бы устранить, что готовы пойти на самые крайние разрушительные действия, вплоть до физического уничтожения объекта. Внешне *ненависть*, подобно другим агрессивным чувствам (*гневу*, *ярости* и т. п.), может проявляться в том, что у человека горят глаза. *Отвращение* — это неприятное чувство, подобное ощущению от очень плохого вкуса или запаха; оно возникает, когда мы воспринимаем или воспринимали какой-то объект, который оцениваем как крайне неприятный, хотя и не обязательно враждебный, и контакт с которым мы хотим или хотели бы прекратить. Внешне оно проявляется в том, что на лице человека, испытывающего *отвращение*, может появиться произвольная гримаса. *Страх* — это неприятное чувство, подобное ощущению, какое бывает при холоде; он возникает, когда человек (или другое живое существо) воспринимает объект, который он оценивает или ощущает как опасный для себя и в контакт с которым он не хотел бы входить. В состоянии страха человека бледнеет, у него учащается серд-

цебиение, прерывается голос и возникает желание сжаться, спрятаться, убежать от опасности⁹.

Предложенный сценарий развития эмоций необходимо иметь в виду при разработке соответствующих синонимических рядов. В словаре синонимов, претендующем на системность в представлении лексического материала, общая схема описания должна быть единой для всех рядов и для всех членов ряда. В частности, для каждой эмоции должен быть указан фактор, восприятие или созерцание которого вызывает ее; интеллектуальная оценка этого фактора субъектом эмоции; тип собственно чувства, которое он испытывает; желания, сопровождающие эмоцию; внешние проявления эмоции, включая физиологические реакции тела, движения, жестикуляцию, мимику и речь.

2. В разных эмоциях доля собственно чувства (переживания) и интеллектуальной оценки может быть разной. В одних преобладает непосредственное переживание, в других — оценка. В зависимости от этого эмоции концептуализируются языком как первичные, базовые (биологически обусловленные) и вторичные, окультуренные; это деление подтверждается данными ряда физиологических исследований (см. обзор [6]). Первичные эмоции, например, *страх*, *злость*, *удовольствие*, *радость*, предполагают не столько интеллектуальную оценку какого-то положения вещей как плохого или хорошего для субъекта, сколько непосредственное ощущение, что оно таково. Поэтому первичные эмоции доступны не только человеку, но и высшим животным. Очевидно, например, что собака, которая при виде хозяина бросается к нему, прыгает, виляет хвостом, лижет ему лицо <поджимает хвост, бросается наутек>, *радуется* <боится> в буквальном смысле слова. Ср. *Тюнъка [собака] радовалась бы. Она любит видеть сразу вместе всех своих* (Е. Короткова, День рождения Катьки); *Единственно, чего боялся храбрый пес, это грозы* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Вторичные, окультуренные эмоции, такие, как *надежда*, *гнев*, *возмущение*, *отчаяние* и т. п., мотивированы интеллектуальной оценкой ситуации как желательной или нежелательной для субъекта и поэтому нормально приписываются только человеку. Это различие между биологически обусловленными и окультуренными эмоциями достаточно регулярно и должно приниматься во внимание в соответствующих синонимических рядах.

Аналогичная оппозиция лежит в основе деления эмоций на более стихийные (в них преобладает чувство) и менее стихийные (в них преобладает интеллектуальная оценка). Интересно, что более стихийные эмоции, например, *страх*, *паника*, *беспокойство*, *тоска*, *ужас*, *зависть*, *ревность* и т. п., концептуализируются как враждебная сила, извне завоевывающая человека. Так, *Страх овладевает человеком, охватывает его, заползает ему в душу, Человек находится целиком во власти страха; Зависть пожирает <снедает> человека, Ревность*

⁹ Ср. похожее описание *страха* и эмоций вообще в словаре [62, с. 30–31, 175–177 и др.], а также в работах [5, 45, 49, 61, 63]. Легко увидеть сходство этого типа описания, предложенного еще в 1979 г. (см. также [17]), с тем, что Ч. Филмор назвал впоследствии "фреймовой семантикой"; см. [64–66].

его грызет, Тоска его берет <наваливается на него>. Чем меньше доля оценки, чем больше доля собственно чувства, тем вероятнее сочетание имени данной эмоции с таким глаголом. Именно этим, а вовсе не интенсивностью эмоции, как может показаться на первый взгляд, мотивируется возможность или невозможность соответствующих словосочетаний. *Изумление* — безусловно сильная эмоция, но она не может *охватить* человека, потому что слишком рациональна. Наоборот, *тревога* и *грусть* могут *охватывать*, несмотря на то что они гораздо менее интенсивны, потому что их интеллектуальная подоплека незначительна. Не случайно они могут быть *безотчетными*, что совершенно исключено для *изумления*.

3. Эмоции отличаются друг от друга по признакам интенсивности и глубины переживания. *Ликовать* интенсивнее, чем *радоваться*, *страсть* интенсивнее, чем *любовь*, *восторг* интенсивнее, чем *восхищение*. С другой стороны, *радоваться* глубже, чем *ликовать*, *любовь* глубже, чем *страсть*, *восхищение* глубже, чем *восторг*.

Из этих двух признаков интенсивность заслуживает дополнительного комментария, поскольку она проявляет себя разнообразнее и интересней, чем глубина.

При классификации эмоций по интенсивности необходимо иметь в виду, что шкала интенсивности для эмоций асимметрична: на ней хорошо представлена норма интенсивности (*удивление*, *неприязнь*, *восхищение*, *страх*, *грусть*, *радость*, *злость* и другие прототипические эмоции) и большая степень интенсивности (*изумление*, *ненависть*, *восторг*, *ужас*, *горе*, *ликование*, *ярость*). Однако слабых эмоций (если исключить несколько разрозненных и явно периферийных лексем), антонимически противопоставленных сильным, в русской языковой картине нет.

В самом деле, если бы слабые эмоции в ней выделялись, для соответствующих лексем были бы невозможны сочетания с прилагательными, обозначающими большой полюс шкалы интенсивности. Между тем названия любых эмоций, в том числе и таких, как *грусть*, *досада* *неприязнь* и т. п., сочетаются с прилагательными типа *сильный* и даже *сильнейший*. Ср., в отличие от этого, сильные эмоции типа *ярость*, *ненависть*, *изумление*, *восторг* и т. п., которым противопоказаны сочетания с прилагательными малой степени интенсивности типа *слабый* и которые действительно с ними не сочетаются.

Очевидно, что большую степень интенсивности следует трактовать как семантическую константу, которая должна включаться в описание всех сильных эмоций. Однако существующая лексикографическая практика в этом отношении непоследовательна. В тех случаях, когда в языке есть минимальная пара, состоящая из названия сильной эмоции и ее прототипа (*изумление*—*удивление*, *ярость*—*злость*, *ужас*—*страх*, *восторг*—*восхищение* и т. п.), более сильная эмоция определяется как 'интенсивный X' или 'сильный X', где X — название прототипа. Если же, однако, минимальной пары нет, компонент 'сильный' в толковании соответствующей эмоции отсутствует. Так обстоит дело, например, с *отчаянием*, у которого нет нейтрального прототипа.

В результате разрушается основа для принципиального объяснения того факта, что комбинаторные возможности названий всех сильных эмоций, включая *отчаяние*, в значительной мере совпадают. Действительно, все сильные эмоции могут градуироваться с помощью прилагательных со значением полной или предельной степени признака; ср. *слепая ярость, полнейшее <крайнее> изумление, невыразимый ужас, полный восторг* и т. п. Аналогичные сочетания возможны и для лексемы *отчаяние*, ср. *в полном отчаянии*. С другой стороны, как мы уже сказали, никакая сильная эмоция не сочетается с прилагательными малой степени признака. Этот запрет распространяется, естественно, и на *отчаяние*.

Дать системное объяснение этим фактам можно, только включив критический компонент 'сильный' в толкование всех таких лексем, независимо от того, образуют они минимальные пары или нет.

4. Эмоции, как уже было сказано, могут проявляться внешне и существенно различаться этими внешними проявлениями. *Ликование, обожание, изумление, восторг и бешенство* в гораздо большей степени требуют выхода в речи, поведении, действии, жесте или мимике, чем *радость, любовь, удивление, восхищение* и *злость* соответственно. Вообще говоря, *радость, любовь, удивление, восхищение* и *злость* можно испытывать, никак внешне не выдавая своих чувств.

Значение, которое придается в наивной картине эмоций возможности их внешнего проявления, подчеркивается тем обстоятельством, что язык часто развивает два ряда средств для выражения собственно эмоции и факта ее внешнего проявления. К таким средствам относятся многозначность, различные аффиксы, лексико-синтаксические конструкции. Так, слова *грустно, весело* и некоторые другие имеют по два разных значения — 'будучи в определенном эмоциональном состоянии' и 'выражая определенную эмоцию'. В этих значениях они входят в разные синонимические ряды, в принципе не совпадающие по своему материальному составу; ср. предикативное употребление *Ему было грустно*, синонимичное *Он грустил*, и адвербиальное употребление *Он грустно посмотрел на меня*, синонимичное *Он печально <с грустью> посмотрел на меня*. То же различие в случае *стыда* выражается словами с разными суффиксами: *стыдно* имеет значение 'испытывая стыд', а *стыдливо* — 'выражая стыд'. Ср. также предложно-именные группы *в ярости, в гнев, в восторге, в тоске* и другие подобные (только значение состояния) и предложно-именные группы *с восторгом, с грустью, с тревогой, с радостью, с тоской* (у них есть и значение манифестации состояния).

5. Важный аспект концептуализации эмоций — их отношение к идее света. В целом положительные эмоции, такие, как *любовь, радость, счастье, восторг*, концептуализируются как светлые, а отрицательные эмоции, такие, как *ненависть, тоска, отчаяние, гнев, бешенство, ярость, страх, ужас*, — как темные. Поразительно, с какой последовательностью язык проводит эти две идеи. Мы говорим *свет любви, Глаза светятся <сияют> от радости <от любви>, Глаза светятся любовью, Ее лицо озарилось от радости, Радость осветила ее лицо; но*

Глаза потемнели от гнева, Он почернел от горя, черный от горя и т. п. Нельзя *потемнеть от радости или *озариться от гнева.

В цветовой метафоре даже небольшая примесь темного становится препятствием для характеристики положительной эмоции. Можно *зарумяниться <зардеться> от радости, побагроветь от гнева <от злобы>*, но не *побагроветь от радости и не ??зарумяниться <зардеться> от гнева. Интересно в этом отношении поведение синонимов *стыд* и *смущение*. Первый из них обозначает неприятное чувство, каузированное сознанием вины. В нем нет ничего светлого. Поэтому можно *побагроветь от стыда*, но не ??зардеться от стыда. Второй синоним обозначает неприятное чувство, которое, однако, каузировано не сознанием реальной вины, а боязнью оказаться не на высоте, неумением держать себя в обществе и другими подобными соображениями. Обычно они свидетельствуют скорее о скромности субъекта, чем о его реальных недостатках. *Смущение*, таким образом, амбивалентно. Поэтому *от смущения* можно и *побагроветь*, и *зардеться* — в зависимости от точки зрения говорящего на внутреннее состояние субъекта эмоции.

С другой стороны, в русском языке имеется большая группа глаголов, в которых идея света сочетается с идеей блеска: *гореть, сверкать, блестеть, вспыхивать* и т. п. Такие глаголы вполне нейтральны к противопоставлению светлых и темных эмоций: *Ее глаза вспыхнули от радости <от гнева>*, *Его глаза горели любовью <ненавистью>*.

Любопытно, что во всех рассмотренных случаях имеет место чистая концептуализация, за которой не стоит никакой ощутимой физической реальности. Ср., в противоположность этому, "симптоматические" выражения, отражающие вполне объективные изменения внешности под влиянием эмоции: *Его глаза расширились от удивления <сузились от гнева>*.

Даже этот небольшой материал показывает, что при исследовании синонимических рядов слов, обозначающих эмоции, необходимо в равной мере стремиться к обнаружению специфики каждого ряда и к вскрытию той предположительно единой наивной модели мира, которая лежит в основе всех рядов и мотивирует выбор синонимов для описания той или иной конкретной ситуации.

Очевидно, что отражение всех этих фактов в словаре синонимов повысит меру системности в представлении материала и будет серьезным шагом к решению сверхзадачи лексикографа.

5. Общая схема характеристики человека

На основании изложенных в разделах 2-4 представлений можно предложить некую общую схему характеристики различных состояний человека, протекающих в его душе или сознании процессов, его интеллектуальных или речевых действий (собственно физические действия, ввиду огромности материала, здесь почти не учитываются). Эта схема представляет собою не что иное,

как иерархизированный перечень признаков, существенных для характеристики этих состояний, процессов и действий; ср. ее предшественницу в [17: 519–528].

Все перечисляемые ниже конечные признаки иерархии являются общими, т. е. годными для описания нескольких или многих лексем и групп лексем. Не утверждается, однако, что в схеме в ее нынешнем виде учтены все такие признаки, т. е. что иерархия построена до конца. Все группы представленных в ней актантных и неактантных понятий нуждаются в дальнейшей глубокой детализации и симметризации. В этом смысле она носит скорее иллюстративный характер.

Конечные признаки иерархии коротко иллюстрируются материалом разрабатанных автором словарных статей Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Примеры, связанные с рядами *жаловаться*, *сетовать*, *роптать* и т. п., *обещать*, *обязываться*, *сулить* и т. п. и *ругать*, *поносить*, *пилить* и т. п., взяты из словарных статей, написанных совместно М. Я. Гловинской и автором; примеры, связанные с рядом *бояться*, заимствованы из [61].

1. Субъект состояния, процесса, действия.

1.1. Физические характеристики.

1.1.1. Числовые характеристики. В случае *растаться* и *разойтись* сторон может быть несколько; ср. *Команда расставалась до встречи в Мадриде; К тому времени члены кружка окончательно разошлись во взглядах*. В случае *разлучиться* сторон только две, независимо от количества участников с каждой стороны; ср. *Мать не хотела разлучаться с детьми*. *Рассердиться* может только отдельная личность, а *разъяриться* — еще и группа людей, мыслимая как единое целое; ср. *От этих слов толпа окончательно разъярилась*. В случае *роптать* субъект может быть коллективным, в случае *сетовать* высказывание приписывается отдельным личностям; ср. *Армия ропщет*, но не *Армия сетует*¹⁰.

1.1.2. Человек — животное. *Ликовать* и *торжествовать* могут только люди, а *радоваться* — и высшие животные. *Опасаются* только люди (наблюдение из [61]), *боятся* все высшие животные. Желание в форме *хотеть* в наивной картине мира может испытывать не только человек, а желание в форме *мечтать* (*поехать в Париж*), *жаждать* (*отомстить*) свойственно только человеку.

¹⁰ Важность идеи коллективного субъекта для русского языка подчеркивается тем обстоятельством, что в нем имеются грамматикализованные средства ее выражения — циркумфиксы *раз-ся*, *с-ся* в глаголах типа *разбежаться*—*сбежаться*, *разлететься*—*слететься*, префикс *пере-* в глаголах типа *перебывать*, *переболеть* (*Все мои дети перебывали в Париже <переболели корью>*) и т. п. Впрочем, с не меньшей степенью регулярности выражается в русском языке и идея коллективного объекта; ср. префиксы *раз-* и *с-* в составе каузативных глаголов типа *разогнать*—*согнать*, *разобрать* (*книги*)—*собрать*, тот же префикс *пере-* во фразах типа *Она перечитала все французские романы в библиотеке отца*, *Мой сын переболел всеми детскими болезнями*, префикс *об-* в составе глаголов типа *обшивать* <*обстирывать*> *всю бригаду* и т. п.

Возмутиться и *рассердиться* может только человек, *разозлиться* и *разъяриться* — еще и животное.

1.1.3. Весь человек — часть человека. *Мечтает* о чем-то сам человек, а *жаждать* чего-то может и его душа или сердце. Точно такое же различие представлено в паре *торжествовать*—*радоваться*; ср. *Сердце* <душа> *радует*ся, но не ?? *Сердце* <душа> *торжествует*.

1.2. Нефизические характеристики.

1.2.1. Намерения. *Лгут* всегда с намерением обмануть, а *вести в заблуждение* можно и неумышленно. Похожим образом различаются *притворяться* (*больным*), *прикидываться* (*больным*), *симулировать* (*болезнь*), с одной стороны, и *казаться* (*больным*) — с другой. *Вообразить* и *представлять (себе)* что-л. можно усилием воли: *Вообразите, что за каждый добродетельный поступок человек получал бы вознаграждение в виде какого-либо мирского блага; И этого секретарь представить себе не мог, хотя и хорошо знал прокуратора* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Синонимичный им глагол *видеть* предполагает спонтанное появление образов в сознании: *Вижу, как на картине, его небольшую, тонкую, аккуратную фигуру* (В. Набоков, Другие берега).

1.2.2. Цели.

1.2.2.1. Наличие цели. *Приноровиться*, *приладиться* и *примениться* предполагают целенаправленные усилия привести свою деятельность, поведение или образ жизни в соответствие с какими-то внешними обстоятельствами. *Сжиться*, *адаптироваться*, *акклиматизироваться* описывают естественный, в последнем случае даже биологический процесс постепенного приспособления субъекта к новым условиям существования.

1.2.2.2. Характер цели. Синонимичные глаголы *посещать*, *навещать*, *проведать* и *наведать* отличаются друг от друга, в частности, по признаку цели визита. Если цель — знакомство с культурными ценностями, выполнение служебных функций, использование объекта, предпочитается *посещать*; если цель — поддержание человеческого контакта, предпочитается *навещать*; если цель — получение информации о состоянии объекта, предпочитается *проведать*; если приходят с делами или в гости, предпочитается *наведываться*. *Пишут (картину и т. п.)* с установкой на создание произведения искусства, а *рисовать* можно для собственного удовольствия. *Критикуют* и *выговаривают* в целях устранения недостатков; *обличают* с целью показать всем, что объект осуждения обладает коренными и притом неисправимыми недостатками; *порочить* имеет неблагоприятную цель — подорвать репутацию человека без достаточных к тому оснований.

1.2.3. Мотивировки. Мотивировкой *сетовать* является желание поделиться с кем-л. неприятной информацией в расчете на понимание, без ожидания конкретного результата. *Скулят* и *хнычут*, потому что хотят, чтобы нежелательное положение вещей было исправлено. *Хвастаются* тогда, когда хотят выглядеть как можно лучше в глазах собеседника; *бахвалятся* вследствие неспособности сдерживать порыв самодовольства. Человек *пытается* сделать нечто, когда он заинтересован в выполнении самого действия. *Пробовать* сделать нечто он

может и тогда, когда хочет обнаружить, выполнимо ли действие в принципе, принесет ли результат удовлетворение и т. п.; ср. *Он пытался написать стихотворение* и *Он пробовал писать стихи*. Человек *обещает* или *дает слово* сделать нечто, потому что хочет, чтобы ему поверили. Человек *сулит* сделать нечто, потому что хочет, чтобы адресат поверил ему и сделал что-то выгодное для него.

1.2.4. Свойства характера, личности, социальной роли. *Радоваться* может любой человек, а *торжествуют* (по поводу своей правоты) люди, склонные к злорадству. *Восхищаться* может любой человек, а *восторгаются* чаще люди, склонные к экзальтации. *Пишут* (картины) люди с профессиональной подготовкой, а *рисовать* может кто угодно. *Стыдиться* может любой человек; *смущаются* и *конфузятся* чаще робкие, скованные, застенчивые люди.

2. Объект состояния, процесса, действия.

2.1. Наличие объекта. Для *зарисовывать* обязательно наличие объекта (натуры) в момент действия и большая степень сходства между образом (результатом действия) и воспроизводимым объектом. Для *рисовать* не обязательно ни то, ни другое. Для *копировать* требуется образец или оригинал, *воспроизводить* можно и по памяти.

2.2. Физические характеристики.

2.2.1. Свойства объекта. В случае *рисовать* внимание направлено на контуры и формы, в случае *писать* и *малевать* — на цвет. *Пилить* и *грызть* (в значении 'ругать') можно только человека; *поносить*, *крыть*, *критиковать* можно людей и социальные институты; *ругать* и *бранить* — людей, социальные институты и даже природные явления (например, погоду). *Употребляют* в качестве инструментов и средств относительно простые предметы, а *применяют* и достаточно сложные, включая аппаратуру для научных исследований. *Пользуются* и свободно манипулируемыми, и стационарными объектами; ср. *Разведчики умело пользовались складками местности, чтобы незаметно подойти к сторожевым постам противника*. *Употреблять* и *применять* стационарные объекты (те же складки местности) нельзя.

2.2.2. Объект или его часть (свойство и т. п.). *Упрекать* и *выговаривать* отличаются от *ругать* и *бранить* тем, что ставят в фокус внимания конкретный не нравящийся субъекту поступок человека, а не самого человека. *Дорожат* объектом в целом, *ценить* объект можно и за отдельные свойства: *Я ценю ваше упорство*, *Он ценит в людях упорство*, *Мы ценим его за его знания*. Ср. невозможность **Я дорожу вашим упорством*, **Он дорожит в людях упорством*, **Мы дорожим им за упорство*.

2.3. Нефизические характеристики.

2.3.2. Свойства объекта. *Надеются* на обычных людей и обычные обстоятельства, *уповают* на могущественных людей или на высшую силу. *Восхищаться* можно глубокими и не бросающимися в глаза свойствами объекта, а *восторгаются* обычно тем, что лежит на поверхности, привлекает внимание необычностью, поражает воображение.

2.3.3. Предназначение или функция объекта. Глаголы *видеть* и *слышать* употребляются во фразах типа *Я видел "Зеркало" <"Гернику", его последнюю книгу>*, *Я слышал Вишневскую в "Катерине Измайловой" <его выступление на вчерашнем собрании>*, где их значение отличается от значения чистого восприятия. Его можно сформулировать следующим образом: 'Человек А воспринял сознанием через зрение <через слух> объект или ситуацию В, предназначенные для того, чтобы доставлять людям удовольствие или сообщать им информацию'. Иными словами, *видеть* и *слышать* обозначают использование информационных объектов в соответствии с их функцией. В пользу отдельности "информационного" значения свидетельствует омонимия фраз типа *Я видел эту картину* (либо 'воспринял зрением', как любой другой физический объект, либо 'воспринял сознанием ее информационное содержание'); *Я слышал разговор за дверью* (либо 'слышал за дверью звуки какого-то разговора', либо 'воспринял сознанием информационное содержание того разговора, который происходил за дверью'). Противопоставление 'просто воспринимать' — 'воспринимать, извлекая из объекта информацию, для сообщения которой он предназначен' представлено и в паре активных глаголов *смотреть* и *слушать*. Ср. *Мы смотрели этот фильм, Мы слушали эту оперу*. Ср. подтверждающую это противопоставление омонимии чисто физического и информационного значений: *Я посмотрел на часы* — либо просто направил на них взгляд (часы могли быть антикварными, подарочными и т. п.), либо взглянул, чтобы узнать время, т. е. удовлетворить свою информационную потребность. Замечательным свойством пассивных глаголов *видеть* и *слышать* является то, что свое "информационное" значение они реализуют исключительно в форме ПРОИШ, НЕСОВ в общезначительном значении. Между тем динамические глаголы *смотреть* и *слушать* не знают никаких подобных ограничений, т. е. обладают полной формальной и полной семантической видо-временной парадигмой (см. об этом [67: 68]).

3. Адресат.

3.1. Наличие конкретного адресата. У *жаловаться* он есть, а у *роптать* его обычно нет. У *велеть* всегда есть конкретный адресат, у *распорядиться* его почти никогда нет; ср. *Он распорядился, чтобы все документы были уничтожены*.

3.2. Характер адресата. *Жалуются* и *плачутся* обычно тому, кого считают находящимся в лучшем положении, а *сетовать* можно и обращаясь к товарищам по несчастью. *Советовать* что-то можно любому человеку, а *консультирует* обычно специалист неспециалиста. То же различие представлено в паре *советоваться* и *консультироваться*, с той разницей, что у этих глаголов валентность адресата — первая; близко к обсуждаемому и различие между *советовать* и *рекомендовать*: субъектом рекомендации обычно является человек, обладающий какой-то специальной информацией или знаниями.

3.3. Адресат и аудитория. *Обещают* конкретному адресату; он вводится существительным в форме ДАТ. *Присягать* предполагает большую аудиторию, имя которой вводится предложно-именной группой *перед кем-л.* То же разли-

чие представлено в оппозиции *хвастаться, хвалиться* (обычно конкретному адресату) и *позировать, рисоваться, щеголять* (обычно перед аудиторией).

4. Отношения между субъектом, объектом и адресатом.

4.1. Близость. *Обижаются* на близкого человека, *оскорбить* кого-л. может любой. *Различаются* с близким, часто любимым человеком, *расходятся* с друзьями, товарищами по общему делу и т. п., *распрощаться* можно и с подчиненным.

4.2. Статусы. *Отчитывают* сверху вниз, *поносить* и *крыть* не несут информации о статусах субъекта и объекта. *Видят* кого и что угодно, *лицезрят* (в нейроническом употреблении) обычно важное лицо. *Сердят* обычно того, кто занимает более высокое место в возрастной или социальной иерархии (*Внук сердит бабушку*, но не **Бабушка сердит внука*), *злить* же можно всякого.

4.3. Взаимные оценки. *Кичиться* по сравнению с *гордиться* предполагает у субъекта чувство превосходства по отношению к возможной аудитории. Наоборот, *угодничать, заискивать, лебезить* предполагают субъекта, который всей манерой своего поведения демонстрирует адресату свою второсортность по сравнению с ним, надеясь таким образом заслужить его милость или добиться своих целей.

4.4. Взаимодействие субъекта и объекта. Глаголы *адаптироваться* и *акклиматизироваться* обозначают одностороннее приспособление субъекта к инертной и неспособной к изменениям среде; глагол *притереться* обозначает встречное изменение двух участников какой-то деятельности в результате их активного взаимодействия.

4.5. Совпадение объекта и адресата. В *пилить* и *грызть* (в значении 'ругать') объект осуждения всегда является одновременно и адресатом. Между тем *ругать* и *бранить* можно и за глаза, когда сам объект при этом не присутствует и когда, следовательно, объект осуждения не совпадает с адресатом речевого акта; ср. *Он ругал <бранил> мне своего начальника*. Похожие различия представлены в группе *лстить* (обычно в глаза, т. е. объект похвал совпадает с адресатом речевого акта) и *хвалить* (можно и в глаза, и за глаза).

5. Инструмент и средство. Чтобы *писать*, необходимы инструмент (кисти) и средство (краски), а для *рисовать* достаточно инструмента; ср. *рисовать палочкой на песке*. *Прибивают* с помощью инструмента (например, молотка) и средства (например, гвоздей); чтобы *приклеивать* и *прилеплять*, достаточно средства (например, клейкого вещества); наконец, *прикреплять* можно и без инструмента, и без средства. Для *стрельбы* нужен и инструмент (орудие, ружье, лук), и средство (снаряды, пули, стрелы); для *бомбардировки* и *бомбежки* достаточно средства. *Рубить* без специального инструмента нельзя, а *колоть* (*орехи, сахар*) — можно.

6. Место. У *показаться* и *появиться* в значении 'войти в поле зрения в результате перемещения' есть валентность на место; ср. *показаться <появиться> в дверях <на дороге, на опушке>*. Для *мелькнуть, промелькнуть* она факультативна, а у *вывернуться* в сравнимом значении (ср. *Из толпы вывернулся какой-*

то мальчишка и бросился наутек) ее нет совсем. *Дождаться* и *подждать* подчеркивает нахождение субъекта в определенном месте (*дождаться в прихожей, подждать в подворотне*), *ожидать* — пребывание субъекта в определенном ментальном или эмоциональном состоянии (*нетерпеливо ожидать открытия бара*).

7. Причины, вызывающие состояние, процесс, действие.

7.1. Наличие причины. *Проистекать* всегда предполагает вполне конкретную причину (ср. *Пожар проистек из-за неосторожного обращения с огнем*), между тем как *происходить, случаться, получаться* и *выходить* фиксируют только тот факт, что имеет место некое событие.

7.2. Характер причины. Нас *злит* то, что мы непосредственно воспринимаем или воспринимали, а *возмущать* может и то, чего мы сами не воспринимали и знание о чем получили из вторых рук. Ср. *Меня злит, что она меня игнорирует* и *Меня возмущает, когда террористов выпускают безнаказанными на свободу*. Мы *полагаемся* на кого-л., потому что у нас есть предшествующий опыт общения с этим человеком, в результате которого у нас возникло доверие к нему. Мы *уважаем* на какого-то человека или божество независимо от предшествующего опыта, исключительно потому, что верим в их мощь. Люди, которые были связаны близкими отношениями, *разлучаются* в результате действия неподвластных им обстоятельств, *расходятся* из-за взаимного несоответствия и могут *распростаться* друг с другом по инициативе одного из них из-за его недовольства другим.

7.3. Соотношение во времени причины состояния и самого состояния. В случае *стесняться, смущаться* и *конфузиться* эмоция и вызывающая ее причина более или менее синхронны, а *стыдиться* можно при воспоминании о плохом поступке через долгое время после того, как он был совершен.

8. Следствия. В случае нарушения *обещания* теряется доверие, в случае нарушения *обязательства* может последовать наказание, нарушение *клятвы* в норме влечет кару со стороны высшей силы (см. [33: 176–178]). Если человека *обвиняют* в чем-то (в неискренности, в неблагодарности), то его ждет какое-то наказание, например в форме общественного осуждения. Если человека *винят* в чем-то, то это может обойтись без каких-либо последствий для него; в лучшем (или в худшем) случае он может осознать свою ответственность за сложившееся по его вине нехорошее положение вещей.

9. Способ осуществления действия. *Поносят* и *кроют* грубо, не выбирая выражений; *журят* в мягкой форме. *Присягают* обязательно в устной форме, с использованием ритуальных предметов, *обязываются* иногда в письменной форме. *Подлизываются* обычно с помощью каких-то слов, движений, поступков; *подольщаются* с помощью льстивых высказываний. *Созывают* кого-л., оповещая о предстоящем мероприятии; *сгоняют* принудительными методами.

10. Количественные параметры состояния, процесса, действия.

10.1. Частота занятий чем-л. относительно того, что считается нормой. В случае *повадиться* частота посещений какого-л. места представлена как преобладающая норма; ср., в отличие от этого, нейтральные (нормальные) *посе-*

щать и *навестать*. *Посылать* кого-то куда-то можно в соответствии с нормой, *гонять* обычно предполагает частоту, превышающую норму; ср. *непрерывно <весь день, то и дело> гонять кого-л. на почту*.

10.2. Интенсивность. *Мечтать* (в значении 'желать') интенсивнее, чем *хотеть*, *жаждать* интенсивнее, чем *мечтать*. *Ликовать* интенсивнее, чем *радоваться*, *страсть* интенсивнее, чем *любовь*, *восторг* интенсивнее, чем *восхищение*. В случае *пристраститься* желание делать что-л. более интенсивно, чем в случае *прихотиться*.

10.3. Глубина. *Радоваться* глубже, чем *ликовать* и *торжествовать*, *любовь* глубже, чем *страсть*, *восхищение* глубже, чем *восторг*. *Ошибка* может касаться несерьезной вещи и быть мелкой, поверхностной; *заблуждение* касается более серьезных вещей и предполагает более глубокое отклонение от истины.

10.4. Охват, масштаб, полнота. Для *радости* достаточно, чтобы произошло одно приятное или желательное для субъекта событие. Для *счастья* нужно, чтобы осуществились все или хотя бы главные желания субъекта. *Обдумывать* предполагает большую полноту учитываемых явлений, *продумывать* предполагает большую глубину анализа.

10.5. Временные характеристики состояния, процесса, действия.

10.5.1. Время существования, количество периодов наблюдения. Желание в форме *мечтать* обычно существует более длительное время, чем желание в форме *жаждать*. Ср. *Я мечтал увидеть вас* (может быть, всю жизнь) и *Я жаждал увидеть вас* (может быть, мы виделись час назад). *Ждать* можно в течение многих периодов наблюдения, в предельном случае — всю жизнь, а *поджидать*, *подождать* — обычно в течение одного периода наблюдения; ср. *Целых десять лет <всю жизнь> она ждала возвращения мужа из лагеря* и *У дверей проходной женщины поджидали своих мужей, Подожди меня у проходной*. *Приноровиться* может обозначать приспособление к чему-л., происходящее в течение одного периода наблюдения (*Постепенно он приноровился к моему шагу*). *Адаптироваться* обозначает более длительный процесс приспособления, который растягивается на несколько или много таких периодов. Ср. также яркие примеры Т. В. Булыгиной (в немного другом терминологическом оформлении) — *нравиться* (может предполагать один период наблюдения, ср. *Вам нравится это вино?*) — *любить* (всегда несколько или много таких периодов, ср. *Вы любите это вино?*); *есть* — *питаться* (см. [68: 29, 55]).

10.5.2. Скорость протекания. Процесс *понимать* протекает с нормальной скоростью, процесс *схватывать* — ускоренно, а процессы *доходить* и *допирать* (— *Ну как, дошло, наконец?*; *Донер?*) — замедленно; ср. также *говорить* и *тараторить*, *писать письмо* и *строчить письмо*.

10.5.3. Ретроспективность—проспективность. *Ручаться* и *гарантировать* что-л. можно ретроспективно: *Ручаюсь <гарантирую>, что он уже пришел*. *Обещать* и *обязаться* можно только проспективно; ср. *Обещаю <обязуюсь> закончить работу в срок* и невозможность этих двух слов в предшествующем контексте. *Надеяться* можно ретроспективно (*Надеюсь, что пальто тебе по-*

нравилось <что рассказ пришелся тебе по вкусу>), а *уловать* — только про-
спективно.

11. Связь данного состояния, процесса, действия с другими состояниями, процессами, действиями.

11.1. Связь с восприятием.

11.1.1. Конкретная подсистема восприятия. *Чудиться* обозначает впечатление, которое связывается субъектом в первую очередь со слуховым восприятием, хотя допустимо и зрительное, а также некоторые другие. *Мерещиться* обозначает впечатление, которое связывается субъектом в первую очередь со зрительным восприятием, хотя допустимо и слуховое. *Выглядеть* предполагает восприятие преимущественно видимых признаков объекта, а *казаться* — восприятие менее очевидных, более разнообразных и глубоких признаков объекта; ср. *Мальчик выглядел умным* (судя по его глазам, высоте лба и т. п.) и *Мальчик показался мне умным* (судя по его репликам, скорости понимания и т. п.).

11.1.2. Реальность восприятия. *Мерещится* нечто, чего на самом деле нет, что человек физически не воспринимает, а *чудиться* может и то, что есть в действительности; ср. *И дважды опять-таки почудилось финдиректору, что потянуло по полу гнилой малярной сыростью* (М. Булгаков) [действительно потянуло]. *Доносятся* всегда реальные звуки, а *(по)слышаться* могут и звуки, которых на самом деле не было.

11.2. Связь с моторикой.

11.2.1. Перемещение. *Ликование* обычно сопровождается двигательной активностью — человек может прыгать, размахивать руками и т. п. *Радость* может переживаться тихо, про себя, без всяких внешних проявлений. Ср. похожее противопоставление в парах *паника—страх, ярость—гнев, бешенство—возмущение* (левые элементы пар с большей вероятностью сопряжены с двигательной активностью, чем правые).

11.2.2. Мимика. *Обижаться* можно без всяких внешних проявлений, а *дуться* в большинстве случаев предполагает надутые губы. Когда человек *сердится*, он может хмурить брови; если он *досадует*, у него может кривиться рот.

11.2.3. Жесты, голос. *Предупреждая* и *предостерегая*, мы обычно ограничиваемся словами, произносимыми нейтральным тоном. *Угроза* может сопровождаться соответствующим жестом — ритуализованным движением поднятого пальца или сжатого кулака — и форсированием голоса. *Просить* можно без жестикуляции, обычным тоном; *умоляя*, мы складываем ладони, протягиваем руки к адресату, говорим особым молящим голосом или сопровождаем свою просьбу каким-то другим знаком своей беспомощности и веры в могущество адресата.

11.3. Связь с произвольными реакциями тела. Когда человек *боится*, *пугается*, *трусит*, ему может стать холодно, он может побледнеть, у него может начаться дрожь. Когда человек *стыдится*, *смущается* или *конфузится*, ему может стать жарко, его движения становятся неловкими, его лицо может покраснеть, на нем может выступить пот.

11.4. Связь с желаниями.

11.4.1. Наличие желания. *Втянуться, приохотиться, пристраститься* и *повадиться* предполагают желание делать что-л., а в *привыкнуть* и *приучиться* идея желания не выражается. *Расстаться* можно по желанию одного или обоих участников, *разлука* обычно вынуждается обстоятельствами. *Злиться* может быть как намеренным (ср. *Перестань злиться собаку!*), так и ненамеренным, а *возмущать* в норме ненамеренно.

11.4.2. Конкретные желания. *Ненависть* порождает желание уничтожить объект, *отвращение* — желание удалиться от него. *Страх* порождает желание бежать, *стыд* — желание спрятаться.

11.5. Связь с интеллектом.

11.5.1. Наличие какого-то интеллектуального состояния. В *рассчитывать* и *полагаться* (на кого-что-л.) ведущим является интеллект (логические выкладки или опора на предшествующий опыт), а чувства нет совсем. Между тем в *надеяться* и особенно *уповать* (на кого-что-л.) велика доля чувства. В *стыдиться* преобладает рациональная оценка своих действий или свойств как отклоняющихся от нормы; в *смущаться* и *конфузиться* большую роль играет непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию. Аналогичным образом устроены пары *восхищаться* (преобладает рациональная оценка объекта)—*восторгаться* (большую роль играет непосредственная эмоциональная реакция на объект) и *опасаться*—*бояться* (последнее наблюдение принадлежит В. Ю. Апресян).

11.5.2. Конкретное интеллектуальное состояние или действие (воображение, воспоминание, мнение, понимание, знание). *Воображать* предполагает опору на фантазию, *представлять* — на мышление, *видеть* (в сравнимом ментальном значении) — часто на память. Ср. *Ученые, не видя, находят звезды и микробы; тот, кто вообразил полет человека, был предтечей авиации* (М. Слоним, О Марине Цветаевой). *Представив всю сложность задачи, он несколько приуныл; Я представил себе... нет, не представил, а вообразил вид Урала с высоты нескольких километров* (В. Катаев, Трава забвения); *Не "как сейчас вижу" — так сейчас уже не вижу! — как тогда вижу ее коротковолосую, никогда не склоненную, даже в письме и в игре отброшенную голову на высоком стержне шеи* (М. Цветаева, Мать и музыка).

11.5.3. Источник знания или понимания. Ср. чисто рациональные *знать, понимать*, с одной стороны, и *осенять* (понимание приходит иррациональным, сверхчувственным образом), *озарение* (понимание внушено высшей силой), с другой. *Вера* в человека необъяснима, *доверие* к нему основано обычно на предшествующем опыте общения.

11.6. Связь с эмоциями.

11.6.1. Наличие эмоции. *Жажда* отличается от *хотеть* тем, что обязательно предполагает сильную эмоцию. Для *хотеть* эмоция совсем не обязательна. В *смущаться* и *конфузиться*, как было сказано, большую роль играет непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию; в *стесняться* входит

указание на сдерживаемое желание или нежелательную необходимость сделать что-л.

11.6.2. Конкретная эмоция. *Радость* может сопровождаться легкой грустью, а *ликование* вытесняет из души все другие эмоции. Если близкие люди были вынуждены *разлучиться*, они могут испытывать тоску по этому случаю; если они *распрощались*, они могут испытывать ожесточение. Если человек *обманул* в ком-то, он может испытывать разочарование, если он *просчитался*, он может испытать досаду. В *сетовать* есть сожаление, что действительность такова, в *роптать* — возмущение, что она такова, в *плакаться* — жалость к себе.

11.7. Связь с речью. Акт осуждения в случае *ругать*, *бранить*, *упрекать*, *укорять*, *выговаривать*, *отчитывать*, *критиковать*, *бичевать* всегда выражается в речи, а *осуждать* и *порицать* кого-л. можно и про себя. Точно так же различаются *обвинять* (всегда речевой акт) и *винить* (не обязательно речевой акт). *Восторг* в большей мере требует выхода в речи, чем *восхищение*. В случае *взорвать* (в значении 'возмутить') обязательна словесная реакция, в случае *возмутить* она возможна, но не обязательна.

12. Оценка говорящего.

12.1. Общая оценка. В случае *плакаться*, *ныть*, *хныкать* и *скулить* жалоба считается необоснованной или преувеличенной, а сам субъект представлен как нестойкий и чересчур жалеющий себя. В случае *пилить* и *грызть* (в значении 'ругать') говорящему не нравится немотивированная неотвязность действия, постоянное повторение одного и того же.

12.2. Эстетическая оценка. *Малевать* по сравнению с нейтральным *писать* (*картину*) и *мазала* по сравнению с нейтральными *художник*, *живописец* выражают отрицательную эстетическую оценку продукта творчества; *шедевр* по сравнению с нейтральным *произведение* — положительную эстетическую оценку. В высказываниях типа *Песчаная дорога извивалась <змеялась, петляла> между кустами* не содержится никакой оценки дороги. В высказывании типа *Тропинка вилась по склону горы* выражается положительная эстетическая оценка тропинки — она представлена как живописная, красивая и т. п.

12.3. Этическая оценка. *Чернить* (в значении 'выражать осуждение') предполагает недобросовестную попытку представить объект как лишенный каких-либо достоинств, а *лакировать* — столь же недобросовестную попытку представить его как лишенный каких-либо недостатков. И то и другое вызывает у говорящего отрицательную этическую оценку. Квалифицируя какой-то речевой акт как *инсинуацию*, говорящий приписывает субъекту нехорошую цель с помощью тонко замаскированной лжи опорочить человека, что, естественно, оценивается как этически недостойный поступок. Та же оценка содержится в значении *замазывать (недостатки)* и, в меньшей мере, *замалчивать (недостатки)*; ср. нейтральное *скрывать*.

12.4. Утилитарная оценка. Когда говорят *Дорога постоянно виляла*, выражают отрицательную утилитарную оценку объекта. Ср. *Райского в природе он*

там [В. Набоков в Америке] не находит, несмотря на всю ее красоту и даже на то, что может быть в ней похоже на русскую природу. То тропинка "подловато виляет", то в Новой Англии "кислая весна" (З. Шаховская, В поисках Набокова). Ср. выше *Тропинка вилась...* — с положительной эстетической оценкой объекта.

12.5. Истинностная оценка. Уверенное *считать* в большей мере претендует на истинность, чем менее уверенное *полагать* и предположительное *думать*. *Казаться* в большей мере допускает ложность впечатления, чем *представляться* и *сдаваться*. В положении ремы при оценке впечатления адреса *казаться* всегда квалифицирует его как ложное; ср. *Тебе это только ↓ кажется* (в высказывании о себе в форме НАСТ указание на ложность снимается даже в положении ремы; ср. *Мне так кажется*). *Представляться* и *сдаваться* в таком положении не встречаются и тем самым оставляют идею истинности/ложности впечатления невыраженной. Оба глагола указывают лишь на предположительность; ср. *Мне сдается <представляется>, что я где-то его видел*.

13. Наблюдатель.

13.1. Наличие наблюдателя. *Силиться (подняться <открыть глаза, сказать что-то>)* предполагает наблюдателя (кто-то видит, как человек делает безуспешные попытки), а *пытаться* и *пробовать* — нет (*Несколько раз он пытался <пробовал> писать стихи*). *Показаться (на дороге)* также предполагает наблюдателя, а *выйти (на дорогу)* — нет. Аналогичным образом путативное *находить* в ряде употреблений предполагает факт непосредственного наблюдения или созерцания предмета мнения. Например, в ситуации, когда женщина смотрит на себя в зеркало, вполне уместно высказывание *Я нахожу себя привлекательной*. Замена *находить* его синонимом *считать*, в других отношениях гораздо более универсальным, в этой ситуации невозможна. *Считать* описывает мнения, формирующиеся в результате серьезной переработки информации и взвешивания различных "за" и "против", а не в ходе непосредственного зрительного наблюдения объекта. Ср. *Мне столько говорили о моей красоте, что я стала считать себя привлекательной*, где, наоборот, глагол *считать* нельзя заменить на *находить*.

13.2. Местонахождение наблюдателя. Предлог *перед* во фразах типа *Перед деревом стоял мотоцикл* помещает мотоцикл между наблюдателем и деревом и существенно ближе к дереву, чем к наблюдателю. Предлог *за* во фразах типа *За деревом стоял мотоцикл* помещает дерево между мотоциклом и наблюдателем, причем расстояние от мотоцикла до дерева представляется существенно меньшим, чем расстояние от дерева до наблюдателя. Глагол *вилять* (во фразах типа *Дорога непрерывно виляла*) помещает наблюдателя непосредственно на пространственный объект, по которому он перемещается (часто на транспортном средстве); в ситуации, обозначаемой глаголом *виться* (*Тропа живописно вилась по склону горы*), наблюдатель смотрит на пространственный объект со стороны или как бы со стороны.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
3. *Wierzbicka A.* English speech act verbs. A semantic dictionary. Sydney, 1987.
4. *Wierzbicka A.* Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. N. Y., Oxford, 1992.
5. *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
6. *Апресян В. Ю.* Недавние американские исследования в области эмоций и эмоциональной лексики // Семиотика и информатика. 1995. Вып. 34.
7. *Жолковский А. К.* Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8.
8. *Мартемьянов Ю. С.* Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8.
9. *Щеглов Ю. К.* Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8.
10. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \leftrightarrow Текст". М., 1974.
11. *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
12. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
13. *Перцова Н. Н.* К понятию "вещной коннотации" // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
14. *Апресян Ю. Д.* О языке толкований и семантических примитивах // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. N 4.
15. *Апресян Ю. Д.* О новом словаре синонимов русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. N 1.
16. *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.* Образцы словарных статей нового словаря синонимов. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. N 2.
17. *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Апресян Ю. Д., Ботякова В. В. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
18. *Виноградов В. В.* Из истории слова "личность" в русском языке до середины XIX века // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1946. Вып. I.
19. *Bartmiński, J.* Założenia teoretyczne słownika // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.

20. *Bartmiński, J.* Definicija leksykograficzna a opis języka. // *Słownictwo w opisie języka. Prace naukowe Uniwersytetu śląskiego. Katowice, 1984.*

21. *Толстой Н. И.* Иван-аист. // *Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.*

22. *Wierzbicka A.* *Duša* ('soul'), *toska* ('yearning'), *sud'ba* ('fate'): three key concepts in Russian language and Russian culture // *Zygmunt Saloni (ed.), Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.*

23. *Сукаленко Н. И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев, 1992.

24. *Лухачев Д. С.* Концептосфера русского языка // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. N 1.*

25. *Яковлева Е. С.* О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // *Вопр. языкознания. 1993. N 4.*

26. *Greenwood T. G.* International cultural differences in software // *Digital technical journal. 1993. Vol. 5. N. 3.*

27. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28.*

28. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию // *Русское зарубежье. Л., 1991.*

29. *Зализняк Анна А.* Словарная статья глагола *говорить* // *Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32.*

30. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.

31. *Fillmore Ch.* Lexical entries for verbs // *Foundations of language. International journal of language and philosophy. 1968. Vol. 4. N. 4.*

32. *Lyons J.* An introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1968.

33. *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.*

34. *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // *Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.*

35. *Зализняк Анна А.* *Считать* и *думать*: два вида мнения // *Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.*

36. *Апресян Ю. Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // *Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.*

37. *Спиноза Б.* Избранные произведения. М., 1957. Т. I.

38. *Урысон Е. В.* Наивная анатомия. Фундаментальные способности человека // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1995.*

39. *Ullmann S.* The principles of semantics. Glasgow, 1951.

40. *Арутюнова Н. Д.* "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.*

41. *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопр. языкознания. 1993. N 3.*

42. Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1969.
43. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.
44. Wierzbicka A. *Lingua Mentalis*. The Semantics of natural language. Sydney, N. Y. etc., 1980.
45. Wierzbicka A. The semantics of emotions: fear and its relatives in English. // *Australian Journal of Linguistics*. 1990. Vol. 10. N. 2.
46. Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // МППЛ. 1970. Вып. 13.
47. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // МППЛ. 1972. Вып. 16.
48. Иорданская Л. Н. Словарные статьи *бояться, восторг, восхищать, гнев, страх* и др. // Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
49. Iordanskaja L. and Melčuk I. Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat' sja* 'to be afraid' and *nadejat' sja* 'to hope' // *Australian Journal of Linguistics*. 1990. Vol. 10. N. 2.
50. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. Вып. 11.
51. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980.
52. Ekman P. Expression and the nature of emotion // *Approaches to emotion*. N. Y., 1984.
53. Shaver P. et al. Emotion knowledge: Further exploration of a prototype approach. // *Journal of personality and social psychology*. 1987. Vol. 52. N. 6.
54. Ortony A., Clore G. L., Collins A. *The cognitive structure of emotions*. Cambridge, 1988.
55. Kövecses Z. *Emotion concepts*. Frankfurt/Main, 1990.
56. Pajdzińska A. Jak mówimy o uczuciach? Poprzez analize frazeologizmów do językowego obrazu świata // *Językowy obraz świata*. Lublin, 1990.
57. Апресян Ю. Д. Systemic lexicography. // *Euralex '92*. Proceedings I-II. *Studia translologica*. Tampere, 1992. Ser. A. Vol. 2, pt. 2.
58. Fries N. Emocje. Aspekty eksperymentalne i lingwistyczne. // *Wartościowanie w języku i tekście*. Warszawa, 1992.
59. Oatley K. *Best laid schemes: the psychology of emotions*. Cambridge, 1992.
60. Swanepoel P. Getting a grip on emotions: defining lexical items that denote emotions. // *Euralex '92* Proceedings I-II. *Studia translologica*. Tampere, 1992. S. A. Vol. 2, pt. 2.
61. Апресян В. Ю. Синонимический ряд слова *бояться 1* // Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., Проспект. 1995.
62. Апресян Ю. Д., Ботякова В. В., Латышева Т. Э., Мосягина М. А., Поли И. В., Ракитина В. И., Розенман А. И., Сретенская Е. Е. *Англо-русский синонимический словарь*. М., 1979.

63. Урысон Е. В. Синонимический ряд слова *страх* // Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1995.

64. Fillmore Ch. Frame semantics // Linguistics in the morning calm. Seoul, 1982.

65. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding. // Quaderni di semantica. 1985. Vol. 6. N. 2.

66. Fillmore Ch. and Atkins B. T. Towards a frame-based lexicon: the case of RISK // Lehrer A. and Kittay E. (eds.). Frames and fields. Erlbaum Publishers, 1992.

67. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \leftrightarrow Текст" // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 1. Wien, 1980.

68. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

СИНОНИМИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ: ГРУППА СЧИТАТЬ*

1. Предварительные замечания

Данная работа представляет собой, в сущности, словарную статью для Нового толкового словаря русских синонимов, который составляется в Институте русского языка РАН небольшой лексикографической группой (Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон) под руководством автора. Это – написанный мной синонимический ряд путативных глаголов *думать 2.1, считать 2, полагать, находить 4, рассматривать 4, смотреть 2, усматривать 2, видеть 3.2*.

Концепция словаря была изложена в работе [3], знакомство с которой у читателя предполагается. Здесь в качестве предварения к главной теме на основании уже опубликованных работ автора будут тезисно изложены некоторые идеи системной лексикографии, которые хотелось бы реализовать и в словаре синонимов.

1) Словарный состав каждого языка, во всяком случае его ядро, распадается на лексикографические типы. Лексикографическим типом (ЛТ) называется группа лексем с рядом совпадающих свойств, к которым обращаются одни и те же грамматические и другие достаточно общие лингвистические правила, включая семантические, прагматические, коммуникативные, просодические и сочетаемостные. Понятие лексикографического типа, таким образом, существенно отличается от понятия (лексико-)семантического класса или семантического поля. С одной стороны, оно не обязательно связано с общностью семантических свойств лексем. С другой стороны, оно определяется через грамматические и другие правила и, следовательно, приобретает смысл только в рамках интегрального описания языка (см. [2]).

* Статья была впервые напечатана в сборнике “Логический анализ языка. Ментальные действия”, М., 1993.

2) Главный принцип системной лексикографии состоит в том, чтобы описывать каждую лексему как элемент лексикографического типа, т. е. улавливать повторяющиеся черты лексических единиц и единообразно представлять их в словаре.

3) Состав лексикографических типов данного языка определяется прежде всего тем своеобразным раскрытием представленного в нем концептуального материала, который получил название "наивной" картины мира. Лексика, тематически относящаяся к одному и тому же участку этой картины (ср. "наивную геометрию", лежащую в основе слов со значением линейных параметров [4], или "наивную психологию", лежащую в основе эмоциональной лексики [3]), имеет, как правило, много общих черт, которые должны последовательно учитываться в словаре. Подчеркнем, что большинство этих черт носит, видимо, универсальный характер, т. е. свойственно человеческому языку вообще, и лишь немногие особенности "наивной" картины мира национально своеобразны.

4) С другой стороны, состав лексикографических типов данного языка определяется своеобразием его формального раскрытия, например, особенностями его словообразовательных моделей [2]. Лексикографические типы, определяемые формальными особенностями языка, наоборот, в большинстве случаев национально своеобразны, хотя и они могут обнаруживать интересные универсальные черты. Примером последних может служить полисемия основных глаголов перемещения, в структуре которой легко обнаруживается типичная для связки комбинация трех значений — классифицирующего (собственно связочного), локативного и экзистенциального — см. [2].

5) Важный принцип системной лексикографии состоит в том, чтобы при толковании лексических значений последовательно сводить сложные значения ко все более простым вплоть до элементарных, т. е. до так называемых семантических примитивов. Такая стратегия толкований, характерная для работ Московской семантической школы [9], позволяет явно представить все семантические связи между отдельными лексемами и большими группами лексем.

В связи с понятием семантических примитивов полезно обратить внимание на то, что они не обязательно обладают свойством принципиальной семантической неразложимости. 'Хотеть', например, безусловно является семантическим примитивом, хотя теоретически в нем может быть выделена более простая часть, общая для глаголов *хотеть*, *хотеться* и *желать*. Примитивность 'хотеть' создается тем, что эта общая часть не может быть названа никаким другим словом русского языка. Дело в том, что каждый из трех глаголов имеет особенности, отличающие его от двух других глаголов. *Хотеться* обозначает менее определенное желание, чем *хотеть*, которое ощущается человеком не столько как состояние его воли, сколько как состояние его тела. Любопытно, что, в отличие от *хотеть*, *хотеться* никогда не обозначает намерения (о значении намерения у *хотеть* см. [7: 87]). *Желать*, как и *хотеть*, описывает именно состояние воли. Однако если в случае *хотеть* реализация воли связывается прежде всего с действиями самого субъекта, в случае *желать* она в су-

щественно большей степени связывается с возможными действиями других лиц.

Полезно обратить внимание и на то, что в других языках — и это прямо вытекает из характерных для них особенностей концептуализации мира — слова, описывающие приблизительно тот же фрагмент внеязыковой действительности, могут отличаться друг от друга по совсем другим признакам. Так, в английском языке состояния воли описываются глаголами *want*, *wish* и *desire*. Два последних глагола близки к русскому *желать*, однако отсутствует аналог очень русского глагола *хотеться*, а главный глагол — *want* —, сопоставимый с русским *хотеть*, отличается от последнего тем, что указывает дополнительно не на намерения субъекта, а на его потребности.

Из сказанного следует, между прочим, что семантические примитивы национально специфичны; что, поскольку на роль примитивов могут претендовать лишь слова "первого плана", очень тонко разработанные в любом языке и всей его национальной культуре, примитивов в собственном смысле слова (простейших семантических элементов, имеющих однословное выражение во всех человеческих языках) вообще быть не может; и что, следовательно, задача построения универсальной семантики отодвигается в неопределенное будущее.

б) Системная лексикография — это концепция словарей активного типа. Словарь активного типа должен содержать полную информацию о лексеме, необходимую не только для ее правильного понимания в любом контексте, но и для ее правильного употребления в собственной речи говорящих. Такие словари существенно уступают традиционным пассивным словарям по объему словника, но должны намного превосходить их по объему информации о лексеме и детальности ее разработки. Поэтому понятие лексикографического типа — лишь одна из существенных опор системной лексикографии. Другой такой опорой оказывается понятие лексикографического портрета [2, 4] — исчерпывающей и неизбыточной характеристики всех лингвистически существенных свойств данной лексемы в рамках интегрального описания языка. Лишь словарь активного типа позволяет адекватно решить две главные задачи, стоящие перед каждым лексикографом, — задачу унификации (лексикографические типы) и задачу индивидуализации (лексикографические портреты).

После этих предварительных замечаний можно перейти к представлению синонимического ряда основных путативных глаголов русского языка. Из большой литературы вопроса были так или иначе учтены работы [1, 5, 6, 8–10]. Однако для решения поставленной задачи потребовалось заново обследовать, осмыслить и описать весьма значительный материал. Некоторые детали описания были уточнены на основании критических замечаний О. Ю. Богуславской, М. Я. Гловинской, И. Б. Левонтиной и Е. В. Урысон в ходе обсуждения ряда на рабочем заседании нашей группы. Многим я обязан и участникам семинара Н. Д. Арутюновой, на котором этот ряд был доложен.

По соображениям места синонимический ряд излагается в сокращенном виде; в частности, целиком сняты зоны иллюстраций и библиографии и сведено до минимума число примеров в зонах **К** и **С**. Структура словарной статьи и

технические приемы подачи материала не поясняются; необходимые сведения на эту тему читатель найдет в [3].

2. Синонимический ряд.

СЧИТАТЬ² [~СОВ *счесть, посчитать*], **ДУМАТЬ** 2.1 [~СОВ *подумать*], книжн. **ПОЛАГАТЬ** [СОВ нет], книжн. **НАХОДИТЬ** 4 [СОВ *найти*], **РАССМАТРИВАТЬ** 4 [СОВ нет], **СМОТРЕТЬ** 2 [СОВ *посмотреть*], книжн. **УСМАТРИВАТЬ** 2 [СОВ *усмотреть*], **ВИДЕТЬ** 3.2 [СОВ *увидеть*] доминанта ряда является семантическим примитивом.

3 Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) наличие квалификации (оценки, интерпретации, классификации) объекта, о котором идет речь, со стороны субъекта мысли (*думать* вводит простую констатацию, а *рассматривать* — квалифицирующее суждение); 2) участие воли в возникновении мысли (*считать*, особенно в форме *счесть*, предполагает участие воли в формировании мнения, а *думать* — нет); 3) доля уверенности и предположения в составе мысли, с чем связано представление субъекта о степени ее истинности (наибольшей в случае *считать*); 4) наличие-отсутствие непосредственного восприятия ситуации, являющейся предметом мысли (*думать, считать и полагать* можно заочно, а для *находить* необходимо непосредственное восприятие или созерцание объекта); 5) обязательность-необязательность внешнего наблюдателя (для *находить* в ряде случаев внешний наблюдатель необходим, а для *полагать* — нет); 6) объем и мера тонкости проведенной при формировании мысли интеллектуальной работы (в случае *считать* она больше, чем в случае *находить*); 7) возможность мыслить результат интеллектуальной работы как процесс его получения (в *рассматривать* и *смотреть* процессуальный компонент представлен в большей мере, чем в *усматривать* и особенно *видеть*); 8) отношение мысли к общей системе взглядов человека (в случае *смотреть* конкретное суждение может опираться на всю систему взглядов, а в случае *усматривать* оно обычно является продуктом анализа текущей ситуации); 9) характер ситуации, являющейся предметом мысли (уже состоявшееся событие, т. е. факт, или только предстоящее событие; ср. *усматривать*, который вводит суждения о фактах, и *видеть*, который возможен и в высказываниях о будущих ситуациях).

В зависимости от того, какова доля той или иной квалификации объекта в содержании мысли о нем (ср. простое суждение *Я считал, что он уже приехал* и отчетливо оценочное или интерпретирующее суждение *Я считаю это недо-разумием*), весь ряд делится на две большие группы: **считать, думать, полагать, находить**, с одной стороны, и **рассматривать, смотреть, усматривать, видеть**, с другой.

Синонимы первой группы могут вводить и простые констатации какого-то положения вещей, и квалифицирующие суждения. Простые констатации: *Каждый третий житель Москвы считает, что в существующих условиях Россия не*

должна поддерживать политику Фиделя Кастро, а около 40 % полагают, что ее можно поддерживать только в той степени, в какой это не вредит России (МН, 8.12.91); *Софа тила наравне со всеми и, когда думала, что я не вижу, украинкой косила на меня большими светлыми глазами* (Ю. Домбровский); *Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее* (П. Я. Чаадаев). Квалифицирующие суждения: *Вы чересчур плохо о ней думаете, она не согласится на эту сделку; Пусть сочтут признание [М. Зощенко] недостаточным, неважно, меры приняты, можно доложить* (Д. Гранин); *Президент полагал необходимым провести реформу исполнительной власти; Вдвойне удивительным кажется все это, если учесть, что военная прокуратура проводила расследование в отношении С. Матевосяна и не нашла его поведение в период плена предосудительным* (К. Смирнов).

В отличие от этого синонимы второй группы — **рассматривать, смотреть, усматривать и видеть** — всегда вводят только квалифицирующие суждения, в которых какой-то объект определенным образом оценивается, интерпретируется или классифицируется. Это подчеркивается тем обстоятельством, что ни один из синонимов второй группы не используется в канонической для простых констатаций конструкции с союзом *что*: *Я рассматриваю интеллектуальную свободу как необходимое условие научного творчества; Владельцы дома — старик и старуха — изголодались и смотрели на квартирантов как на единственный источник пропитания* (А. Попов); *Никто не усматривает в этом злого умысла; Мы видели в нем настоящего друга.*

Внутри первой группы синонимов **думать** в наименьшей степени предполагает квалификацию предмета мысли и употребляется главным образом в конструкции вида *думать, что Р*. Квалификация возможна только в конструкции *хорошо <плохо> думать о ком-л.* Она вводит чисто оценочные суждения, предметом которых является, как правило, человек; ср. *Ты чересчур плохо думаешь о своих коллегах, но не Ты чересчур плохо думаешь об этих книгах. Находить, наоборот, в большинстве употреблений вводит квалифицирующие суждения и поэтому чаще используется в обслуживающих такие суждения конструкциях вида *находить кого-что-л. каким-л.* **Считать** занимает промежуточное положение между этими двумя полюсами. Что касается **полагать**, то в современном русском языке он в этом отношении ближе всего к **думать**, хотя в языке прессы для него до сих пор характерны гиперкнижные или архаичные квалифицирующие употребления в конструкции *полагать кого-что-л. каким-л.* (примеры см. ¹¹).*

Думать противопоставлен **считать** прежде всего по признаку 'предположение' — 'уверенность'. Высказывания типа *Я думаю, что завтра все выяснится, Друзья больного думали, что кризис позади* обозначают предположения. Обычно субъект сам отдает себе отчет в их гипотетичности. Высказывания типа *Я считаю, что завтра все выяснится, Врачи считали, что кризис позади* обозначают уверенность в том, что дело обстоит именно таким образом. Они уместны

в ситуациях, когда в поле зрения субъекта нет никаких фактов, которые бы им противоречили. Недостоверное или неполное знание может составлять содержание мысли, но не мнения. На вопрос *"Вы не знаете, на какой путь приходит поезд из Варшавы?"*, я могу ответить *"Думаю, что на первый"*, но не *"Считаю, что на первый"*.

Это различие связано с тем, что мысль (продукт **думания**) может возникнуть в нашем сознании без участия воли, при непродолжительном и однократном восприятии какого-либо объекта. Можно попробовать воду в ванне и сказать *Думаю, что градусов тридцать пять будет*. **Считать** в этом контексте менее уместно, потому что для выработки мнения (того, что мы **считаем**) требуются более серьезные условия. Мнение обычно является результатом достаточно длительного и тщательного продумывания всех доступных наблюдению фактов (ср. первоначальную идею счета в значении **считать**), взвешивания альтернативных возможностей их интерпретации и выбора той интерпретации, которая в наибольшей мере соответствует накопленному субъектом личному опыту и которую он готов защищать как истинную. Ср. *Для США, Англии и Франции вряд ли будет достаточно идущих из Триполи обещаний, чтобы считать, что Ливия отвергает терроризм* ("Известия", 29.11.91) — потому что в их распоряжении имеются результаты многолетнего тщательного расследования, с несомненностью свидетельствующие об ответственности Ливии за акты терроризма.

Вообще, чем сложнее какое-либо положение вещей, чем больше различных интерпретаций оно допускает, чем труднее найти истину, тем больше оснований для употребления **считать**. Наоборот, чем оно проще, очевидней, тривиальней, тем больше оснований для употребления **думать**. Ср. *Как вы знаете, Шаламов считает лагерный опыт — полностью негативным. Я немного знал Варлама Тихоновича. --- Это был поразительный человек. И все-таки я не согласен* (С. Довлатов). **Думать** здесь было бы менее уместно. Можно сказать *Я считаю, что он подобрел, Я считаю его кумиром молодежи, Я считаю, что он любит свою жену*, потому что по этому поводу возможны и другие мнения. Гораздо хуже фразы *?? Я считаю, что он покраснел, ?? Я считаю его своим кумиром, ?? Я считаю, что я люблю свою жену*. То, что он покраснел, является непосредственно наблюдаемым фактом, а то, что он — мой кумир или что я люблю свою жену, есть элемент моего знания о самом себе. Чтобы прийти к таким выводам, не требуется никаких интеллектуальных выкладок — любые альтернативные суждения на этот счет исключены. Приведенные выше фразы могут быть правильны только в следующем несколько необычном смысле: 'я считаю допустимым описывать словами *покраснеть, кумир, любить* то, что я вижу в действительности или в себе'.

По указанным причинам то, что человек **считает**, может быть частью его мировоззрения, системы взглядов; ср. *Платон считал, что душа бессмертна* (излагается философия Платона) — *Платон думал, что душа бессмертна* (излагается одно из предположений Платона, скорее всего, ошибочное с точки зрения говорящего). Когда говорят *Он никогда не считал, что споры можно*

разрешать силой, речь скорее всего идет о его убеждениях и о том, что в данном случае спор, с его точки зрения, не был или не будет разрешен. Когда говорят *Он никогда не думал, что споры можно разрешать силой*, речь скорее всего идет о его ожиданиях и о том, что, к его удивлению, спор в данном случае был разрешен таким образом. Ср. также *Твой Ницше хоть страдал, хоть с ума сходил и сошел все-таки. А те вот не страдали, с ума не сходили, а сидели у себя в фатерланде в кабинете да на машинках отстукивали. И никто никогда не думал, что они понадобятся для мокрого дела* (Ю. Домбровский).

Еще один признак, по которому *думать* противостоит *считать*, — возможность мыслить одновременно с результатом еще и процесс размышлений. Наиболее отчетливые синтаксические контексты для реализации этого компонента смысла следующие: а) псевдосочинительная конструкция со словами типа *стоять (и), сидеть (и), лежать (и)* и т. п.; ср. *Лежу и думаю, что мне надо искать новую работу; Стоим и думаем, что колбасы на нашу долю не хватит*; б) вводная конструкция с глаголом *думать* в личной форме и опущенным подлежащим; ср. *Ну, думаю, сейчас я тебя удивлю*; в) вводная конструкция с глаголом *думать* в личной форме и с постпозицией подлежащего по отношению к *думать*; ср. *Нет, думал я, мир, в котором создана такая песня [песня Сольвейг], --- имеет право на счастье и будет счастлив* (Ф. Искандер). Во вводной конструкции с препозицией подлежащего у *думать* восстанавливается значение чистого состояния и, следовательно, предположения: *Вы, я думаю, забыли меня, Вера? — спросил он [Райский]* (И. А. Гончаров).

В трех указанных выше случаях употребления *думать* имеет место как бы прямой репортаж о том, что происходит в сознании субъекта. Предметом этого репортажа может быть только чистая мысль в процессе ее окончательного оформления, а не предположение, потому что предположение — событие мгновенное. Глагол *считать* в таких случаях либо невозможен, либо по-прежнему обозначает ментальное состояние: *Лежу и считаю, что мне надо искать новую работу; Ну, считаю, сейчас я тебя удивлю; Мир, в котором создана такая песня, считал я, имеет право на счастье [состояние]*.

По признаку 'предположение' — 'уверенность' *полагать* сближается с *думать*, а *находить* — со *считать*. Первые два синонима могут обозначать настолько гадательные суждения, что часто их истинность ставится под вопрос непосредственно при их изложении; ср. *Он думает, будто все им восхищаются; Эти люди полагают, будто они могут чего-то добиться, действуя порознь*. Использование *считать* в таких контекстах стоит на грани допустимости, а *находить* совсем в них невозможно: *Он считает, будто все им восхищаются, Он находит, будто все им восхищаются*.

С другой стороны, *полагать* сближается со *считать*, потому что предполагает определенную интеллектуальную работу, предшествующую выработке мнения: *И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский* (А. С. Пушкин). Его отличие от *считать* заключается скорее в прагматической позиции субъекта по отношению к возможному собеседнику и рельефно проявляется в высказываниях от первого лица. В случае *считать* субъект более ка-

тегоричен, менее уступчив, в меньшей мере допускает, что прав может оказаться его собеседник. Субъект **полагать** более скромно и, может быть, более вежливо заявляет свою точку зрения, в большей мере готов к тому, что ближе к истине может быть точка зрения собеседника, а не его собственная. Легко представить себе ситуацию, в которой естественно сказать *Я считаю, что вы лжете*. Высказывание *Я полагаю, что вы лжете* в точно такой же ситуации звучало бы гораздо менее естественно, потому что в нем возникает несоответствие между силой утверждения и нерешительным способом его представления.

Думать, считать, полагать, с одной стороны, и **находить**, с другой, противопоставлены прежде всего по признаку необязательности—обязательности непосредственного восприятия объекта или ситуации. **Думать, считать и полагать** мы можем заочно — на основании той информации о предмете мнения, которая была нам так или иначе сообщена, а для **находить** необходимо непосредственное восприятие или созерцание объекта, предшествующее формированию мнения или протекающее одновременно с ним. Можно сказать *Когда мне сообщили об отказе фирмы предоставить нам компьютер, я счел это нарушением нашего джентльменского соглашения*, но не *Когда мне сообщили об отказе фирмы предоставить нам компьютер, я нашел это нарушением нашего джентльменского соглашения*. Указание на непосредственность восприятия особенно сильно именно в форме СОВ; ср. *А как вы нашли нашего губернатора? — спросила Манилова. — Не правда ли, что предпочтеннейший и прелюбезнейший человек? (Н. В. Гоголь); Как вы нашли Андрея? — спросила она. --- Доктор сказал, что он должен ехать лечиться (Л. Н. Толстой)*. В обоих этих примерах, несколько устаревших с точки зрения современной нормы, речь идет о впечатлениях, полученных во время свиданий.

Указание на непосредственность восприятия, включенное в значение синонима **находить**, препятствует его употреблению в ситуациях, когда речь идет о трудно наблюдаемых свойствах объектов. Это в особенности касается формы НЕСОВ. Можно сказать *Я считаю его чужим, Я считаю его человеком не нашего круга*, но не *Я нахожу его чужим, Я нахожу его человеком не нашего круга*.

По той же причине **находить** в форме НЕСОВ обозначает, как правило, мнение по поводу такой ситуации, которая является фактом. Поэтому **находить** не может управлять предложением в будущем времени и предложением с модальностью возможности; ср. *Я думал <считал, полагал>, что он вам поможет <что я сумею вам помочь>*, но не *Я находил, что он вам поможет <что я сумею вам помочь>*. Модальность долженствования, семантически более близкая к понятию факта, чем модальность возможности, в большей мере допустима в контексте **находить**: *Я нахожу, что вы должны ему помочь лучше, чем Я нахожу, что вы можете ему помочь*.

Еще одно различие между **находить** и остальными синонимами этой группы связано с обязательностью—необязательностью внешнего наблюдателя. Можно сказать *Я считаю себя скучным, Я считаю <думаю, полагаю>, что не*

лишен способностей, но не **Я нахожу себя скучным, *Я нахожу, что не лишен способностей*. Ср. вполне правильные высказывания *Я нахожу его скучным, Я нахожу, что он не лишен способностей*. Объясняется это тем, что *находить* всегда требует наличия внешнего наблюдателя. Именно поэтому, глядя на себя в зеркало (т. е. со стороны), можно сказать *Я нахожу, что сегодня я выгляжу неплохо <что это платье мне идет>*.

В ряде контекстов, за счет подавления тех или иных смысловых компонентов, происходит значительная, хотя и не полная нейтрализация смысловых различий между синонимами. Так, компонент 'предположение' в значении *думать* подавляется в квалифицирующих синтаксических конструкциях вида *думать как-л. о ком-л. или думать что-л. о ком-чем-л.: Не думайте обо мне плохо <хуже, чем я заслуживаю>, Что ты думаешь о нашем директоре <об этой книге>?* В таких контекстах *думать* семантически допускает замену на *считать*, хотя синтаксическая конструкция должна быть изменена; ср. *Не считайте меня хуже, чем я есть*. Формальными и семантическими условиями, благоприятствующими нейтрализации смысловых различий между всеми синонимами первой группы, являются форма НЕСОВ и контекст модального суждения или суждения о наличии-отсутствии чего-л.; ср. *Я думаю <считаю, полагаю>, что пора <надо, можно, невозможно, трудно, необязательно> принимать окончательные решения; Я думаю <считаю, полагаю, нахожу>, что не стоило <не следовало> этого делать; Ваш руководитель находит <думает, считает, полагает>, что у вас есть талант*.

Во второй группе синонимов главное противопоставление проходит между *рассматривать, смотреть*, с одной стороны, и *усматривать, видеть*, с другой. Первые два глагола (в особенности второй из них) помещают предмет размышлений в более крупный контекст и предполагают попытку осмыслить его на фоне общей системы взглядов субъекта. Именно оставляемая "за кадром" принципиальная позиция или некий общий подход служит основой для выработки отношения субъекта к конкретному факту или большому классу явлений: *Западная Европа рассматривала агрессию Ирака против Кувейта как прямой вызов мировому сообществу; Как вы смотрите на нарушение супружеской верности?* Вторые два синонима предполагают более спонтанные оценки, в меньшей мере или совсем не мотивированные общей системой взглядов субъекта: *Газеты усмотрели в последнем выступлении президента признаки готовности к компромиссу; В преподавании он видит свое призвание; Не вижу в этом большой потери*.

Кроме того, *рассматривать* и *смотреть* в большей мере, чем *усматривать* и особенно *видеть*, позволяют мыслить мнение или оценку как процесс их получения. Иными словами, они сохраняют, хотя и в ослабленном виде, процессуальный компонент, присущий их основным значениям. Об этом свидетельствует тот факт, что *рассматривать* и *смотреть* вполне свободно используются в форме ПОВЕЛ, полностью сохраняя при этом свое значение: *Рассматривай это как свое первое поручение, Смотри на вещи проще*. Для *усматривать* обра-

зование формы ПОВЕЛ затруднено, а для **видеть** она совершенно недопустима.

В первой паре синонимов **рассматривать** описывает более объективное и бесстрастное суждение, чем **смотреть**; в **смотреть** больше доля личного мнения и личной заинтересованности. Поэтому субъектом **рассматривать** могут быть большие группы людей, органы печати или даже общество в целом, так что нередко отпадает необходимость в его упоминании, между тем как нормальным субъектом **смотреть** является отдельный человек: *Не только после революции, но и задолго до нее церковь в России рассматривалась как прямой инструмент государственного вмешательства в жизнь общества; Ученые рассматривают Вселенную как результат длительной эволюции; Я смотрю на ранние браки просто <без всякой предвзятости>.*

В подгруппе **усматривать** и **видеть** синонимы отличается друг от друга прежде всего тем, что выдвигают на первый план разные компоненты значения. **Усматривать** фокусирует внимание на интеллектуальной работе, необходимой для выработки мнения, между тем как **видеть** — на самом мнении. Поэтому **усматривать** уместно использовать тогда, когда нужно подчеркнуть значительный объем произведенной интеллектуальной работы, ее тонкость или, наконец, то, что эта работа производится на ходу, т. е. одновременно с созерцанием или восприятием какой-то конкретной ситуации. Ср. *Сколько я ни думаю об этом, я не могу усмотреть здесь никакого подвоха; Я усматриваю в его действиях попытку уйти от ответственности. Видеть* предпочитается в тех случаях, когда речь идет об уже сложившихся мнениях по самым общим вопросам: *В работе он видел смысл жизни; В искусстве <в воспитании детей> она видела свое призвание; Чтобы не было так обидно жить, мы заранее тешим себя смертью и — чуть что — говорим: "Пусть я умру, плевать!". Вероятно, за эту дерзость, которая видит в смерти выход из игры, с нас крепко спросится* (А. Синявский).

Еще одно отличие **усматривать** от **видеть** состоит в том, что первый синоним вводит суждения о фактах, т. е. уже состоявшихся или имеющих место в момент высказывания событиях, между тем как второй синоним возможен и в высказываниях о будущих ситуациях. Ср. *Я вижу выход в немедленной приватизации, где усматривать* было бы менее уместно.

В текстах, где речь идет о конкретных фактах, происходит частичная нейтрализация смысловых различий между **видеть** и **усматривать**: *Я не вижу <не усматриваю> в этом состава преступления, В чем вы усматриваете <видите> своеобразие художественного метода Набокова <новизну этой диссертации>? Даже в таких высказываниях какая-то доля различий между **усматривать** и **видеть** сохраняется. В частности, вопрос *В чем вы усматриваете своеобразие художественного метода Набокова?* может быть задан студенту на экзамене, если ему впервые предлагается подумать на эту тему. Вопрос *В чем вы видите своеобразие художественного метода Набокова?* естественнее в устах слушателя, желающего получить эту информацию от хорошо подготовленного и заранее обо всем подумавшего докладчика.*

Ни один из синонимов этого ряда не может нести главного фразового ударения иначе, как в конце предложения. Однако *думать* и *считать* легко приобретают контрастное (логическое) ударение, особенно в контексте противопоставления мнения и знания: *Вы ↓ думаете < ↓ считаете>, что Ирак разрабатывает химическое оружие, или вы это ↑ знаете?*

ПРИМЕЧАНИЕ: В XIX веке и в начале XX века синонимами *считать* были ныне устаревшие глаголы *почитать* 2 и *мыслить* 1.3: — *Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); *Те, которые почитают себя здешними аристократами, примкнулись к ней* (М. Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); *Открыть им [антропософам] глаза на Россию почитал он [Белый] своею миссией, а себя — послом от России к антропософии* (В. Ходасевич, Андрей Белый); — *Глеб Мironыч, Как мыслишь ты? — Спроси-ка Василька; Пусть скажет он, а я потом отвечу* (А. К. Толстой).

В близком значении 'неправильно считать' в XIX веке использовался глагол *мнить*: *Не то, что мните вы, природа, / Не лепок, не бездушный лик* (Ф. И. Тютчев).

В современном просторечии и сленге в качестве синонима *считать* в оценочном употреблении используется лексема *держать* 3.2 — преимущественно в словосочетаниях типа *держат кого-л. за дурака <за полного идиота>*; ср. *Я в точности понимаю, за кого нас держат. Не за подростков — за идиотов. За ДЕБИЛОВ. Которые в купле-продаже еще что-то секут, но в высоких материях — [ничего]* (Ю. Гладильщикова).

Значение, в точности синонимичное *смотреть*, выделяется словарями у глагола *глядеть*, ср. *Гляди на вещи просто* (А. П. Чехов), *Инженеры и студенты-практиканты глядели на дом Зиненко как на гостиницу* (А. И. Куприн). Однако это значение для *глядеть* скорее потенциальное, выводимое по аналогии со *смотреть*. В современном узусе оно не представлено.

У глагола *думать* есть близкое к рассматриваемому просторечное значение 'подозревать, считать виновным в чем-л.', реализующееся в конструкции вида *думать на кого-л.*: — *Неужто ты до сих пор не знал, кто на тебя донес? — Нет, я все на брата думал.*

Ф В форме ПРОШ *считать* не обязательно значит 'на основании наблюдений и размышлений'; ср. *Всю жизнь Сергей считал его своим отцом.*

У синонима *считать* форма СОВ *счесть* отчетливо противопоставлена форме СОВ других синонимов по признаку участия воли в ментальном акте. Ср. *Прокурор счел, что собранных улик достаточно для предъявления обвинения* ~ 'Прокурор решил предъявить обвинение на основании уже имеющихся улик' и *Прокурор подумал, что собранных улик достаточно* ~ 'У прокурора появилась такая мысль, может быть, без достаточных к тому оснований'.

У синонима *смотреть* форма СОВ грамматически, лексически и синтаксически ограничена: она обычно встречается в форме БУД в вопросительных или 'сомнительных' высказываниях, преимущественно в сочетании с наречиями *как, плохо*, когда предметом мнения является целая ситуация: *Как он посмот-*

рит на отсрочку защиты диссертации?; Боюсь, он плохо на это посмотрит [ср. похожее словосочетание *Он может плохо о вас подумать* с принципиально другим смыслом; см. ↑].

Из всех синонимов ряда только **рассматривать** и **смотреть** вполне свободно используются в форме ПОВЕЛ, полностью сохраняя при этом свое значение (примеры и объяснение см. ↑). Синонимы **думать** и **считать** формально допускают употребление в форме ПОВЕЛ (**думать** — преимущественно в составе фраземы *думай что хочешь*), но при этом слегка изменяют свое значение: *Думай что хочешь* ~ 'можешь думать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь'; *Считай, что тебе повезло <что мы договорились>* ~ 'Несмотря на некоторые оговорки, которые есть у меня [говорящего], можешь считать, что тебе повезло <что мы договорились>'; ср. *Если угодно, считайте это пропагандой в пользу венецианских лавок, чьи дела идут оживленнее при низких температурах* (И. Бродский, *Fondamenta degli incurabili*). **Считать** в форме ПОВЕЛ употребляется еще в функции вводного слова, имеет в этом случае значение 'можно считать' и стилистически является просторечием: *Трофим, считай, всю жизнь прожил тут, а не знает, где кончается эта топь* (В. Тендряков, МАС). *Про него надо бы сказать особо, потому что он в этой истории, считай, главный человек* (В. Чивилихин, МАС). Для остальных синонимов ряда форма ПОВЕЛ затруднена (**полагать**, **усматривать**) или вовсе невозможна (**находить**, **видеть**).

К Наиболее разнообразны синтаксические свойства синонимов **считать**, **полагать** и **находить**. Подобно глаголу **думать**, они управляют констатирующим придаточным предложением, вводным союзом *что*, а глагол **полагать** управляет и придаточным предложением с союзом *будто* (см. ↑). С другой стороны, они употребляются в квалифицирующей конструкции типа *считать кого-что-л. каким-л.*, причем **полагать** приобретает в ней гиперкнижную окраску (см. ↑).

Для всех трех синонимов возможны варианты этой конструкции, когда в позиции винительного падежа появляется инфинитив или целое придаточное предложение (при условии, что в позиции творительного падежа выступает прилагательное типа *нужный, правильный, сомнительный, возможный, ясный* и т. п.): *Директор полагал <не считал, не находил> нужным проверить эти сведения, Я считаю в высшей степени сомнительным, что он согласится на это предложение.* Для синонима **считать** возможен вариант этой конструкции, когда в позиции творительного падежа выступают существительные типа *честь, удача, радость, ошибка* и ряд других; ср. *Я считаю для себя большой честью разговаривать с вами <большой удачей, что я встретил вас здесь>.*

Три синонима первой группы — **считать**, **думать**, **полагать** — используются в разного рода вводных конструкциях: *Вы, я думаю, забыли меня; Осетровые рыбы, считают знатоки, утратили свой былой вкус; Об этом, я полагаю, нужно спросить директора; Полагаю, наше сочинение движется к финалу* (С. Довлатов). Для синонимов **думать** и **полагать** возможна вводная конструкция с модальным словом *надо*: *Его семья, надо полагать <думать>, приехала*

надолго. Синоним *считать* в контексте слова *надо* избегается: **Его семья, надо считать, приехала надолго*. При этом глагол *думать* в разговорной речи свободно используется с опущенным подлежащим в форме 1-Л и 2-Л: *Думаю, это решение еще не окончательное; А он, думаете <думаешь>, согласится?* Для *считать* и *полагать* опущение подлежащего, особенно в форме 2-Л, менее характерно. Для синонима *находить* затруднены или невозможны все вообще вводные конструкции; ср. **Об этом, я нахожу, надо спросить директора; *Его семья, надо находить, приехала надолго; *Нахожу, это решение еще не окончательное*.

Конструктивные возможности синонимов второй группы — *рассматривать*, *смотреть*, *усматривать* и *видеть* — гораздо беднее. За ними закреплены единственные или почти единственные конструкции. Для *рассматривать* и *смотреть* — это трехчленные конструкции с союзом *как* или его эквивалентами (*рассматривать кого-что-л. как кого-что-л.*, *смотреть на кого-что-л. как на кого-что-л.*), а для *усматривать* и *видеть* — это предложная конструкция *усматривать <видеть> что-л. в ком-чем-л.* *Смотреть*, кроме того, используется в конструкции *смотреть на кого-что-л. как-л.* (см. ↓).

Для ряда синонимов возможны конструкции, не свойственные другим членам ряда.

Для глагола *думать* — это конструкции типа *думать что о ком-чем-л. и думать хорошо <плохо> о ком-л.* Последняя конструкция, но с более широким классом оценочных или квалифицирующих наречий или наречных оборотов, свойственна и глаголу *смотреть*: *Смотри на вещи просто; Самая эта миссия --- может показаться делом нестоящим. Но Белый смотрел иначе, а нам важна психология Белого* (В. Ходасевич, Андрей Белый). Для глагола *считать* — это конструкция типа *считать кого-что-л. за кого-что-л.*, семантически весьма близкая к конструкции *считать кого-что-л. каким-л.*, но лексически и стилистически гораздо более ограниченная: *считать за честь (быть приглашенным)* [книжн.], *не считать кого-л. за человека, считать кого-л. за дурака* [разг.]. Для глаголов *считать*, *находить* и *рассматривать* — это пассивная конструкция, причем первые два синонима допускают ее только в форме СОВ: *Его работа была сочтена <найдена> вполне удовлетворительной; Хотя формально церковь была отделена от государства, фактически она рассматривалась как его орган*. Наконец, для глагола *видеть* — это отрицательное предложение с союзом *чтобы*: *Не вижу, чтобы вам что-нибудь угрожало*.

Синоним *полагать* не допускает употребления в отрицательных предложениях: **Судья не полагал, что эти сведения нужно проверить*.

С синонимы *считать*, *видеть* и *рассматривать* свободно сочетаются с названием коллектива (государства, страны, правительства и т. п.) в качестве субъекта мнения: *Комиссия видит залог успеха в готовности всех стран региона к компромиссам; Республики считают, что следует искать политическое решение всех возникающих проблем; Индия всегда рассматривала Кашмир как свою неотъемлемую часть*. Для других синонимов ряда такие сочетания нехарактерны.

В конструкции типа *считать кого-что-л. каким-л.*, характерной для синонимов **считать**, **полагать** и **находить**, позиция творительного падежа может быть заполнена прилагательным со значением свойства или с модальным значением, но не со значением состояния. Можно сказать *Я считал его злым*, но не *Я считал его злым на вас*. При этом **считать** и **находить** с одинаковой свободой сочетаются с обоими семантическими классами прилагательных, а **полагать** — преимущественно с модальными прилагательными типа *нужный*, *необходимый*, *обязательный*. Ср. *Редакция считала <полагала, не находила> нужным помещать опровержение*, но только *Его считали <находили> хладнокровным и мужественным*. Встречающиеся в текстах сочетания типа *Его полагали хладнокровным и мужественным*, *Неужели президент полагал демократические силы столь слабыми и беспомощными* (А. Гельман) отклоняются от нормы.

Большинство синонимов ряда сочетается с наречиями *как*, *так*, *иначе* и т. п., обозначающими содержание мысли или мнения (примеры см. ¹). Для **находить** из всех указанных сочетаний возможно только сочетание с *как* (*Как вы меня находите после санатория?*). Для **усматривать** и **видеть** такие сочетания невозможны.

Все синонимы ряда, за исключением **находить**, сочетаются с наречиями и наречными оборотами типа *верно*, *правильно*, *справедливо* и с их неточными антонимами *напрасно*, *зря*, имеющими истинностные значения: *Вы верно <правильно, справедливо> считаете <думаете, полагаете>, что худшее еще впереди*; *Вы совершенно справедливо рассматриваете его действия как должностное преступление*; *Он справедливо усматривал <видел> в этом покушение на свою свободу*; *Вы напрасно думаете <считаете>, что либерализация цен может чему-то помочь*. Для **находить** такие сочетания невозможны: *Вы верно <правильно, справедливо, напрасно> находите, что худшее еще впереди*.

Синонимы **считать**, **полагать** и **думать** сочетаются со словами и оборотами, указывающими на фактическое основание для вводимого ими суждения: *Что дает тебе основания считать <полагать, думать>, что они откажутся от своих намерений?*; *Почему он думает <считает>, что его все боятся?* Для других синонимов ряда такие сочетания нехарактерны или невозможны.

Синонимы **думать** и **считать** сочетаются с фазовым глаголом *начинать* (только в форме НЕСОВ, преим. с местоимением 1-Л или когда говорящий становится на точку зрения субъекта мнения), образуя относительно устойчивые выражения: *Я начинаю думать <считать>, что он не так прост, как кажется*. Такие выражения обозначают не простое начало ментального состояния, т. е. не возникновение мнения, а уже состоявшийся волевой акт по пересмотру прежних мнений, к которому вынуждают говорящего некие новые обстоятельства. Сочетания тех же двух синонимов с фазовым глаголом *продолжать* (*Я продолжаю думать <считать>, что вы неправы*) тоже обозначают не простое продолжение ментального состояния, а волевой акт, предпринятый на основании имеющихся у говорящего фактов и вопреки каким-то другим противодействующим обстоятельствам. Для остальных синонимов ряда такие со-

четания нехарактерны (ср. *Я начинаю <продолжаю> усматривать в этом злой умысел*) или затруднены ^{??}*Я начинаю <продолжаю> полагать, что вы неправы*), для слова **находить** они невозможны.

Все синонимы ряда, за исключением **находить**, сочетаются с предикатным словом **склонен**, обозначающим выбор определенной интеллектуальной позиции из нескольких возможных: *Я склонен считать <думать, полагать>, что это — обычная халатность; Я склонен рассматривать это как проявление халатности, а не как акт саботажа <смотреть на это как на обычное проявление халатности>; Я не склонен видеть <усматривать> в этом что-л. предосудительное.*

Для **считать** характерна еще одна конструкция со значением выбора, формируемая глаголом в будущем времени: *Будем считать, что сумма углов треугольника не равна 180 градусам; Будем считать, что этого не было <что в этом никто не виноват>.* Во всех таких случаях сочетание *Будем считать* является не формой БУД, а особым оборотом со значением допущения или доброй воли.

Для ряда синонимов возможны лексически или семантически специфичные словосочетания.

Для глагола *думать* в форме СОВ — это словосочетание *Можно подумать*, которое, вопреки ожиданиям, значит не 'есть основания подумать', а 'на самом деле не следует думать': *Можно подумать, что вы не устали.* Для глагола **смотреть** — это словосочетание со словом *глаза* в форме ТВОР и с определением: *Теперь я совершенно другими глазами смотрю на это.*

ФРАЗ СИН *держаться мнения, иметь мнение; иметь такой-то взгляд на вещи.*

АНАЛ *верить; допускать, предполагать; подозревать; представлять, воображать; знать; понимать; решить (Дверь хлопнула, и я решила, что он ушел); ждать 2 (Он ждал, что на семинаре его доклад разнесут в пух и прах), ожидать 2 (Вот уж никак не ожидал, что вы позовете таких неинтересных гостей); думать 1.1 (о чем-л.), размышлять (о чем-л.); оценивать (как-л.), расценивать (как-л.); судить (о ком-л. как-л.), отзываться (о ком-л. как-л.), квалифицировать (как-л.), характеризовать (как-л.); относиться (как-л.); признавать, принимать; сомневаться; предвидеть (Предвижу, что он будет возражать).*

~**КОНВ** *считаться, слыть; казаться, представляться.*

ДЕР *мысль; мнение; взгляд; точка зрения; воззрения.*

Литература.

1. Апресян Ю. Д. Синтаксическая информация для толкового словаря // Linguistische Arbeitsberichte. Leipzig, 1986. 54/55.
2. Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.

3. *Апресян Ю. Д.* О новом словаре синонимов русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. N 1.
4. *Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. N 3.
5. *Арутюнова Н. Д.* "ПОЛАГАТЬ" и "ВИДЕТЬ" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 7–30.
6. *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
7. *Зализняк Анна А.* Признаки "контроль" и "желание" в семантике предикатов внутреннего состояния // Семантические проблемы речевой деятельности. М., 1984. С. 86–95.
8. *Зализняк Анна А.* Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
9. *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
10. *Ruwet N.* The "epistemic dative" construction in French and its Relevance to some Current Problems in Generative Grammar // Festschrift Manfred Bierwisch. Dordrecht, 1981.

ПРОБЛЕМА ФАКТИВНОСТИ: ЗНАТЬ И ЕГО СИНОНИМЫ¹

Анне Вежбицкой
К тридцатипятилетию ее научной
деятельности

1. Предварительные замечания

В основе данной статьи лежит материал синонимического ряда глаголов *знать* 1 и *ведать* 3, написанного автором для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка². Общая концепция этого словаря была изложена в Апресян 1992а и Апресян 1995. Были опубликованы и образцы синонимических рядов; см., например, Апресян и др. 1992, Апресян и др. 1995 и Апресян 1993. Данная статья непосредственно примыкает к последней из упомянутых работ автора, посвященной глаголу *считать* и его синонимам, и в известном смысле продолжает ее.

Начнем с двух предварительных замечаний. Первое касается самих выбранных для анализа лексем, а второе — системной лексикографии и ключевого для нее понятия лексикографического типа.

* Статья была впервые напечатана в журнале "Вопросы языкознания", 1995, №4.

¹ Публикуемая работа была выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Фонда Сороса "Культурная инициатива".

² Этот ряд был обсужден на рабочем заседании Сектора теоретической семантики Института русского языка РАН. Всем участникам обсуждения — О. Ю. Богуславской, М. Я. Гловинской, Т. Крыловой, И. Б. Левонтиной и Е. В. Урысон — автор выражает искреннюю признательность за ценные критические замечания. Автор благодарен также участникам семинара Н. Д. Арутюновой, на котором эта работа была доложена, за интересные вопросы и соображения.

1.1. О глаголе знать

Обычно у эпистемических глаголов класса 'знать' выделяется по крайней мере три различных значения (см., например, Wierzbicka 1969: 21, Lyons 1979: 113–116; ср. Yokoуama 1986: 6–24, где выделено целых "семь типов знания"): а) 'пропозициональное знание' (*знать 1, что P*); б) 'знание–знакомство' (*знать 2 всех собравшихся <Москву>, знать 2 математику <автомобиль>, знать 2 людей <жизнь>*); в) 'знание–умение' (ср. устаревшие конструкции *знать 3 по-французски <по-польски>, знать 3 читать <писать>* и устаревшую фразу *знать грамоте*). Нас будет интересовать лишь первое из названных значений.

Русская лексема *знать 1* в настоящее время достаточно хорошо изучена, особенно в логическом и синтаксическом аспектах. Из недавних работ назовем хотя бы Арутюнова 1988: 123 и сл., Дмитриовская 1988а, 1988б, Иоанесян 1988а, 1988б, Шагуновский 1988а, 1988б, Булыгина и Шмелев 1988, Падучева 1988, Зализняк 1992, Шмелев 1993, Bogusławski 1994а – все с дальнейшей библиографией. Ср. также общие работы о словах со смыслом 'знать' и самом понятии знания: Moore 1959, Hintikka 1962, Malcolm 1963, Chisholm 1966, 1982, Wittgenstein 1969, Vendler 1972 (особенно глава 5), Knowledge 1976, Lyons 1979, Ziff 1983, Cohen 1986, Borillo 1987, Bogusławski 1981, 1994б, 1994в и др.

Претендующий на полноту нормативный словарь, каким, по замыслу, является Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, должен, конечно, аккумулировать все уже накопленные знания о словах. Поэтому он с неизбежностью будет содержать ряд более или менее известных сведений. Мы решили не опускать их и в нынешней работе, чтобы не нарушать цельности лексикографического портрета *знать* и дать хотя бы приблизительное представление о самом словаре. Вместе с тем следует сказать, что загадки этого семантически несложного глагола (и аналогичных глаголов в других языках) настолько глубоки, что сводка даже важнейших его свойств еще далека от завершения. Нас, естественно, будут интересовать лишь лексикографические проблемы и аспекты описания *знать 1* и *ведать 3*.

Несколько слов о том, почему был выбран синонимический ряд *знать 1*. Во-первых, потому, что пропозициональное 'знать' – один из наиболее фундаментальных элементарных смыслов, выражаемых в естественном языке; он входит в качестве компонента в сотни других, более сложных лексических и грамматических значений. Во-вторых, потому, что он близко, хотя и по-разному, соприкасается с рядом других фундаментальных элементарных смыслов, таких, как 'воспринимать', 'хотеть', 'считать', 'чувствовать', 'говорить', которые в совокупности образуют основу одного из важнейших фрагментов лексической системы языка – лексики, связанной с внутренним миром человека. В-третьих, потому, что на материале этого глагольного ряда удобно проиллюстрировать основную проблему лексикографа – проблему совмещения характеристики типовых свойств слова (унификация) с характеристикой его личных

свойств (индивидуализация), или проблему совмещения лексикографического типа и лексикографического портрета.

1.2. О системной лексикографии и лексикографических типах

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка составляется в русле идей системной лексикографии. Четыре основных принципа системной лексикографии — активность (ориентация на говорящего), интегральность (согласование лексикографического описания языка с его грамматическим описанием, в частности, учет реакции лексемы на различные грамматические условия ее употребления), системность (учет разного рода лексикографических типов, к которым принадлежит непосредственно описываемая лексема) и лингвистическое экспериментирование. Все эти принципы были подробно рассмотрены в ряде уже опубликованных работ автора (Апресян 1986, 1990а, 1992б, 1995, Апресян 1992, 1995). Поэтому ниже мы коротко прокомментируем лишь третий из них, наиболее важный в контексте данной работы.

Ключевым понятием системной лексикографии является понятие лексикографического типа (ЛТ). Под ЛТ понимается группа лексем, имеющих хотя бы одно общее свойство, к которому обращаются определенные правила "грамматики" данного языка ("грамматики" в широком смысле), в силу чего эти лексемы требуют единообразного описания в словаре. Своеобразие ЛТ определяется двумя основными факторами — спецификой концептуального раскрытия языка ("наивной картиной мира") и спецификой его формального раскрытия (особенно заметной в области морфологии, словопроизводства и синтаксиса).

Понятие ЛТ в трех отношениях отличается от более традиционных понятий семантического поля, семантического класса, лексико-семантической группы слов и т. п.

1) Основанием для выделения ЛТ являются любые общие свойства лексем (например, просодические или синтаксические), а не только семантические.

2) Понятие ЛТ, как следует из его определения, имеет смысл только в рамках интегрального описания языка, т. е. согласованного описания грамматики и словаря. В "интегральном" словаре лексемам приписываются те свойства, обращения к которым требуют какие-то лингвистические правила. Между тем, членение на семантические классы (поля и т. п.) определяется только идеографическими соображениями. Вполне мыслимы семантические классы (например, "тропические растения", "пресноводные рыбы", "минералы" и т. п.), находящиеся вне сферы действия каких-либо лингвистических правил.

3) ЛТ, в отличие от семантических полей, как они представлены, например, в идеографическом словаре, образуют не строгую иерархию, а многократно пересекающиеся классы, поскольку одна и та же лексема может попадать в разные классы по каждому из своих свойств и любым лексикографически интересным совокупностям свойств.

Главный принцип системной лексикографии требует, чтобы каждая лексема была описана прежде всего как элемент одного или нескольких пересекающихся ЛТ.

Системные свойства лексем *знать 1* и *ведать 3* определяются тем, что они лежат в точке пересечения двух больших ЛТ — фактивных и стативных глаголов. Каждый из этих классов глаголов обладает рядом семантически мотивированных свойств, отчасти уже описанных в посвященной им обширной литературе. В той или иной мере эти свойства присущи и глаголам *знать* и *ведать*. Поскольку здесь мы хотим лишь проиллюстрировать общую стратегию лексикографического описания (унификация + индивидуализация), достаточно будет упомянуть по одному типичному проявлению фактивности и стативности.

От фактивов эти два глагола наследуют, например, способность управлять не только придаточными предложениями, вводимыми союзом *что 1* (в дальнейшем — *что*-предложениями), но и придаточными предложениями с вопросительными словами типа *что 2, кто, какой, где, куда, откуда, когда, почему, зачем* и т. п., включая вопросительную частицу *ли* (в дальнейшем — ВОПР-предложениями). Ср. *Он знал, чем это грозит ему <где искать ошибку, почему молчат его друзья, откуда можно ждать поддержки>; Постой-ка, Волк сказал: сперва мне ведать надо, / Каков пастух у стада?* (И. А. Крылов, Волк и Волчонок). Это свойство было описано в Vendler 1972, а на русском материале — в Арутюнова 1988: 123–128, Булыгина и Шмелев 1988, Падучева 1988 и других работах.

От стативов *знать* и *ведать* наследуют, например, несочетаемость с глаголами типа *заниматься* и *делать*; ср. неправильность *Он занимался тем <делал то>, что знал <ведал>, почему его недолюбливают* (подробнее см. Мелиг 1985).

Конечно, интересные общие проявления фактивности и стативности не исчерпываются указанными свойствами. Более полно и подробно они будут рассмотрены ниже. Здесь важно подчеркнуть, что оба названных свойства являются абсолютно регулярными, а с другой стороны, лексикографически ценными. Очевидно, например, что способность управлять *что*-предложениями и ВОПР-предложениями имеет больше прав на фиксацию в словаре, чем свойство транзитивности знания. Последнее представляет скорее логический, чем лингвистический интерес³.

Названные свойства лексем *знать 1* и *ведать 3*, вытекающие из их принадлежности к лексикографическим типам стативных и фактивных глаголов, являются общими для большинства стативов и фактивов. В соответствии с требованием системности эти свойства должны быть представлены в словар-

³ Свойство транзитивности знания задается формулой: Из *А знает, что В знает, что Р* следует *А знает, что Р*. Известно, кроме того, что из *А считает <думает, подозревает, сомневается, говорит* и т. п. >, *что В знает, что Р* тоже следует *А знает, что Р*.

ных статьях всех стативов и фактивов, включая *знать* и *ведать*, желательно в одном и том же порядке и объеме. При этом просто приписать всем таким лексемам признаки стативности и фактивности, возложив вывод их конкретных проявлений на какие-то общие правила, было бы недостаточно. Стативность и фактивность сами по себе, как и любые другие признаки такого рода, дают слегка различающиеся рефлексы на материале разных лексем. Поэтому лучше всего, описав принципиальные проявления стативности и фактивности в посвященных им лингвистических правилах, продублировать релевантную для данной лексемы часть этой информации в ее словарной статье. Такое решение будет идеально отвечать и лексикографическому требованию относительной самодостаточности каждой словарной статьи.

В последнее время, особенно в теоретической литературе, не связанной с реальной лексикографической практикой, становится все более заметной тенденция сводить характеристику лексемы к перечислению только ее типовых свойств. На самом деле задача лексикографа на этом не кончается. Помимо системных свойств каждая лексема почти всегда обладает рядом неповторимых черт, составляющих ее личное своеобразие. Это в особенности верно относительно таких лексем первого плана, как *знать* 1. Принципы системной лексикографии требуют столь же тщательной регистрации индивидуальных особенностей лексемы, как и ее типовых, системных свойств.

Учет личных свойств *знать* 1 и *ведать* 3 приводит к заключению, что "наивное" знание существенно отличается от логического. Ниже будут рассмотрены, в том или другом виде, три отличия наивного знания от логического: а) размытость границ между собственно знанием и близкими ему ментальными состояниями; б) градуируемость; в) трансцендентность, возможное отсутствие эмпирического или теоретического источника (ср. в особенности такой ряд слов, как *прозрение*, *озарение*, *наитие*, *знать наперед*, *знать заранее*, *осеять*, *озарять* и т. п. ; в какой-то мере это свойство присуще и лексеме *ведать* 3).

2. Лексикографическое описание синонимов *знать* 1 и *ведать* 3

Ниже мы сосредоточимся на глаголе *знать* 1, являющемся основной фактивной лексемой русского языка, и его ближайшем синониме *ведать* 3 в том их значении, которое представлено во фразах типа *Она не знала <не ведала>, что судьба ее уже решена*. Устаревшая лексема *ведать* 3, бывшая некогда достаточно точным синонимом *знать* 1, в современном русском языке оттесняется на его периферию — в книжную и поэтическую формы речи, где она используется, в частности, в целях стилизации. В бытовой речи она сохраняется преимущественно в составе ряда синтаксических клише и фразем. Тем не менее

она обнаруживает ряд интересных и принципиальных особенностей, оправдывающих ее включение в рассматриваемый синонимический ряд⁴.

В соответствии с общей схемой обзора материала, принятой в Новом объяснительном словаре синонимов, мы рассмотрим 1) место *знать* и *ведать* среди других ментальных предикатов; 2) семантику этих лексем; 3) ближайшие к значению данного ряда другие значения глаголов *знать* и *ведать*; 4) их грамматические формы; 5) присущие им синтаксические конструкции; 6) особенности их сочетаемости; 7) их системные парадигматические связи с родственными по смыслу лексемами. Во всех этих случаях мы постараемся проследить, как глубинное семантическое свойство фактивности проявляет себя во внешнем поведении лексем.

2.1. Место знать и ведать в кругу других ментальных предикатов

Значение и употребление глаголов с фактивным смыслом 'знать' определяется их противопоставленностью двум классам путативных глаголов — глаголам со значением 'считать' и глаголам со значением 'верить'. С другой стороны, они противопоставлены фактивным глаголам со значением 'понимать'. Эти четыре смысла — 'знать', 'считать', 'верить' и 'понимать' — внутренне настолько близки друг другу, что их реальные лексические воплощения в разных употреблениях с относительной легкостью скользят от одного смысла к другому. В частности, как мы покажем ниже (см. раздел 2.2.2), глагол *знать* в своих главных употреблениях покрывает всю очерченную выше семантическую область.

2.1.1. Знание и мнение

Фактивный смысл 'знать' не только теснейшим образом связан с путативным смыслом 'считать', но и наиболее противопоставлен ему семантически, коммуникативно, просодически и синтаксически.

Слова со смыслом 'знать' (*знать, известно, догадываться* и другие фактивы) служат для того, чтобы строить утверждения о наличии в сознании субъекта истинной информации о чем-л., т. е. информации о факте. Слова со смыслом 'считать' (*считать, думать, полагать, находить* и другие путативы) служат для того, чтобы строить утверждения о наличии в сознании субъекта каких-то мнений, о соответствии которых действительности заранее ничего не известно. У знания есть источник, но нет причины; ср. *Откуда ты это зна-*

⁴ С глаголами *знать* и *ведать* сближаются в некоторых своих употреблениях глаголы *видеть* и *слышать*. Ср. *Хотелось бы видеть [= знать], куда идут все эти деньги; От кого вы это слышали [= знаете]*? Однако включать их в данный ряд было бы неправильно, так как для них смысл 'знать' еще не стал самостоятельным лексическим значением.

ешь?, но не **Почему ты это знаешь?* У мнения есть причина, но нет источника; ср. *Почему ты так считаешь?*, но не **Откуда ты так считаешь?* (об *откуда-* и *почему-*вопросах в связи со *знать* см., например, Селезнев 1988, Bogusławski 1994в).

Семантически свойство фактивности проявляется в так называемой пресуппозиции истинности знания: если кто-то каким-то знанием не располагает, оно не перестает быть истинным. Фразы *Он знал, что за ним установлено негласное наблюдение* и *Он не знал, что за ним установлено негласное наблюдение* в равной мере предполагают, что негласное наблюдение за ним имеет место.

Мнение, в отличие от знания, может быть как истинным, так и ложным. Поэтому ни из высказывания *Он считал, что за ним установлено негласное наблюдение*, ни из высказывания *Он не считал, что за ним установлено негласное наблюдение* нельзя сделать каких-либо выводов о том, имеет ли место негласное наблюдение за ним или нет.

Пресуппозиция истинности знания интересным образом проявляется в вопросах. Вопрос с фактивным словом и придаточным *что*-предложением отличается от обычного вопроса тем, что не предполагает отсутствие каких-то знаний у спрашивающего и их наличие у адресата. Действительно, вопрос типа *Ты знаешь, что на тебя кто-то донес?* (с акцентным выделением *знаешь* и падением тона на последнем слове) невозможен в ситуации, когда спрашивающему ничего не известно о доносе на адресата и когда он хочет получить соответствующую информацию. Он уместен лишь тогда, когда сам спрашивающий располагает этой информацией, а интересуется только тем, известна ли она слушающему (подробнее об этом значении см. в разделах 2.4 и 2.5).

В отличие от этого, путативные слова, вводящие аналогичный вопрос, всегда предполагают неосведомленность его субъекта о предмете вопроса. Ср. фразы типа *Ты считаешь, что на тебя кто-то донес?* (без акцентного выделение *считаешь* и подъемом тона на последнем слове), уместные только в том случае, когда спрашивающий действительно интересуется чьим-л. мнением, которого он заранее не знает.

Коммуникативно и просодически свойство фактивности проявляется в том, что слова со смыслом 'знать' могут нести главное фразовое ударение и, следовательно, быть ремой высказывания: *Он ↓ знает, кто на него донес*. Это и естественно: прагматически полезно и психологически оправданно привлекать внимание адресата к тому, что является заведомо истинной информацией, путем акцентного выделения вводящего ее слова. См. об этом свойстве Апресян 1990: 103, 1992а: 21–22; ср. также Зализняк 1992: 141–142.

Путативные слова, включающие смысл 'считать', и в этом отношении отличаются от фактивных. В нейтральных высказываниях они не могут нести главного фразового ударения и поэтому обычно входят в их тематическую часть. Как бы ни было важно чье-то мнение, оно ценится меньше, чем заведомо истинная информация. Единственный тип фразового ударения, которым может быть выделено путативное слово, — это контрастное (противо-

поставительное, логическое) ударение: Вы ↓↓ считаете, что он вас предал (или вы это знаете)?

Синтаксически свойство фактивности проявляется в том, что слова со смыслом 'знать' управляют не только *что*-предложениями (см. выше), но и ВОПР-предложениями: *Может быть, начальник вокзала знает, когда отправляется последний поезд <почему мы так долго стоим, сколько стоит билет до Вены>* и т. п. Оппозиция двух типов управления — *знать, что P VS. знать, где <куда, когда, кто, почему>* и т. п. > *P* — семантически насыщена и охватывает все свойства глаголов, включая морфологические, синтаксические и сочетаемостные (см. ниже).

Путативные слова не управляют ВОПР-предложениями; ср. неправильность фраз типа **Он считал, когда отправляется последний поезд <почему мы так долго стоим, сколько стоит билет до Вены>* и т. п.

2.1.2. Знание и вера

Другая важная для русского языкового сознания и не раз обсуждавшаяся оппозиция (см., например, Селезнев 1988, Булыгина и Шмелев 1989, Шмелев 1993) — противопоставление знания и веры. Ср. следующий типичный текст: *Что власть большевиков кончится, мы не только верим, мы это знаем, хотя никто не может предсказать, когда и в какой форме это произойдет* (В. Ходасевич, 1917 — 1927).

Есть случаи, когда знание и вера сближаются; ср. *Но тут вмешивается сердце: — Нет. Я не верю этому, как не верю и никогда не поверю в смерть, в уничтожение. Лучше скажи: не знаю. И незнание твое — тоже тайна* (И. Бунин, У истока дней); *Но спокойно-благоговейно она [М. Цветаева] верит, что он [муж] жив, и ждет его, как невеста ждет жениха. Ее сердце знало верно. Она дождалась свиданья и соединилась с любимым* (К. Бальмонт, Где мой дом?).

Однако в канонических случаях знание предполагает существование некоего рационального источника истинной информации; ср. — *Откуда ты это знаешь? — Вчера по радио передали <Об этом написано во всех газетах, Друзья сказали и т. п. >*.

Вера не предполагает никакого внешнего источника истинной информации. Это ментальное состояние человека, мотивированное не столько фактами, сколько имеющейся в его сознании цельной картиной мира, в которой предмет его веры просто не может не существовать. Ср. следующие типичные тексты: --- *в сознании Хомякова мессианизм еще боролся с миссионизмом; однако и в его настроении черты старомосковского мессианического самонения были выражены достаточно ясно: он считал Россию избранным народом, утверждал ее первенство во Христе и верил в ее призвание — спасти все народы* (Е. Трубецкой, Старый и новый мессианизм); *Пусть верят легковверные и пошляки, что все скорби лечатся ежедневным прикладыванием к детородным органам древнегреческих мифов. Мне все равно* (В. Набоков, Интервью А. Аппелю 25–29.09).

1966); У него [Нильса Бора] спросили: "Неужели вы верите, что подкова приносит счастье?", на что он ответил: "Нет, не верю. Это предрассудок. Но, говорят, она приносит счастье даже тем, кто не верит" (М. Бессараб. Ландау. Страницы жизни); Из Сибири доходят вести, / Что Второе Пришествие близко. / Кто гадает, кто верит, кто не верит (Г. Иванов, "Нищие, слепцы и калеки..."); Верю в Солнце Завета, / Вижу зори вдали. / Жду вселенского света / От весенней земли (А. Блок, "Верю в Солнце Завета...").

На основе таких текстов можно предложить следующее толкование глагола *верить* в основном значении: *X верит, что P* = 'X считает, что P; X не знает, почему он так считает; X будет так считать, даже если есть обстоятельства или мнения, которые этому противоречат, потому что он хочет, чтобы P'.

Подчеркнем, что это значение обычно требует разных интонаций в разных личных формах. В форме 1-Л *верить* в норме произносится с повышением тона (*Я* ↑ *верю, что его жена вернется*), а в форме 3-Л — с понижением (*Он* ↓ *верит, что его жена вернется*). Если произнести *верю* с понижением тона (*Я* ↓ *верю, что его жена вернется*) или *верит* с повышением (*Он* ↑ *верит, что его жена вернется*), то обычно выражается либо значение сомнения в основательности чьей-то чужой веры, либо значение безразличия⁵.

Подчеркнем следующие существенные черты данного нами толкования: а) в нем отражен принципиально путативный (не фактивный) характер *верить*: вершиной толкования является смысл 'считать', что объясняет, в частности, несочетаемость *верить* с ВОПР-предложениями (ср. неправильность **Она верила, когда вернется муж*); б) в нем отражена иррациональность веры: субъект веры не знает, почему он так считает; в) в нем отражена эмоциональность и волевое начало веры: человек считает, что P, потому что он хочет, чтобы было P⁶. В состав *верить* входят, таким образом, три элементарных предиката ('считать', 'знать' и 'хотеть'), описывающих внутренний мир человека.

2.1.3. Знание и понимание

Помимо путативных предикатов со значением 'считать' и 'верить', предикаты класса 'знать' образуют интересную семантическую оппозицию с фактивными предикатами класса 'понимать', отчасти описанную в Булыгина и Шмелев 1989: 41. *Понимать (что P)* настолько же семантически сложнее, чем

⁵ М. Г. Селезнев (1988: 251–252; ср. также Шмелев 1993: 167) связывает различие между этими двумя значениями, которые он именует (не вполне точно) значениями "космического оптимизма" и "сниходятельного пренебрежения к чужому заблуждению", с различием в формах 1-Л и 3-Л соответственно. Как ясно из сказанного выше, реальная картина тоньше и не может быть описана без учета просодии.

⁶ Наличие смысла 'хотеть' (или похожего смысла 'хорошее') в составе предиката *верить* отмечалось в литературе; см. Селезнев 1988: 247 и сл., Булыгина и Шмелев 1989: 48, Шмелев 1993: 167.

знать, насколько верить сложнее, чем считать, хотя характер оппозиции здесь иной.

Типичную ситуацию понимания можно представить следующими примерами: *Не понимаю <не могу понять>, как ему удалось войти в квартиру; О том, что все беды России пошли от атеизма, я знал давно, знал от Достоевского, а вот понял окончательно только недавно* (Ю. Карякин, Время "склеивать позвонки"); *Просто с годами я стал понимать, что смерть есть часть жизни, и ротать на нее можно не в большей мере, чем на жизнь* (Ю. Даниэль, Последние страницы неоконченной книги); *Сегодняшний день нельзя понять вне связи с вчерашним и, следовательно, с давно прошедшим; то, что есть здесь и теперь, постижимо лишь в связи с тем, что есть везде и всегда* (С. Франк, Духовные основы общества); *И, может быть, величайшим триумфом человеческого гения является то, что человек способен понять вещи, которые он уже не в силах вообразить* (Л. Ландау; цит. по книге М. Бессараб "Ландау. Страницы жизни"); *[Нехлюдов] знал несомненно, что нужно было изучить, разобрать, уяснить себе, понять все эти дела судов и наказаний* (Л. Н. Толстой, Воскресение); *И смутно понял я тогда, / Что мне на родину следа / Не проложит уж никогда* (М. Ю. Лермонтов, Мцыри).

Эти примеры показывают, что в основе понимания лежит знание или представление⁷, содержанием которых являются достаточно сложные факты или ситуации. Поэтому для понимания обычно требуется определенная мыслительная работа, опирающаяся на предшествующие знания субъекта. Знание или представление, полученное таким образом, дает возможность предвидеть, как ситуация будет развиваться в дальнейшем ("предсказательный" аспект понимания был отмечен в Мартемьянов 1964: 126).

Попытаемся свести эти идеи в толкование. *А понимает, что Q* = 'В момент t_0 А знает или представляет, что Q; это знание или представление возникло в результате того, что до t_0 А знал что-то о ситуациях, связанных с Q, и думал о чем-то, связанном с Q; знание, что Q, делает возможным знать или представить то, что может произойти после t_0 '. Таким образом, понимание — это опирающееся на размышления трижды знание (в настоящем, прошлом и будущем). По сравнению с простым знанием оно имеет глубокую временную ретроспективу и перспективу⁸.

⁷ Строго говоря, имеется в виду смысл 'представлять' = 'иметь в сознании образ объекта или ситуации, которые актуально органами чувств не воспринимаются'. Он нужен для экспликации *понимать* в ряде модальных контекстов, где смысл 'знать' невозможен. Так, *X не может понять P* = 'X не может представить P', а не 'X не может знать P'.

⁸ Легко заметить сходства и различия между нашим толкованием и толкованием И. М. Богуславского, охватывающим, по замыслу, конструкции трех типов: 1) *понимать* + что P, 2) *понимать* + ВОПР, 3) *понимать музыку <детей>*: X понимает Y = 'То, что X обработал или обычно обрабатывает компонентом своей психики W, обычно — разумом, факты, связанные с Y-ом, каузировало то, что X (а) имеет или (б) начи-

2.2. Семантика *знать* 1 и *ведать* 3

2.2.1. Вопрос о толковании

Как уже было сказано выше, доминанта ряда (*знать* 1) является семантическим примитивом и, следовательно, толкованию не подлежит. Попытки истолковать эту лексему, а также ее синонимы или аналоги в других языках нельзя признать удачными. Рассмотрим коротко наиболее известные из них, так или иначе уже обсуждавшиеся в литературе (см., например, Wierzbicka 1969: 21 и сл., Bogusławski 1994б).

Чаще всего разрабатывается та идея, что *знать* Р значит 'считать, что Р, и Р истинно'. По этой схеме построены толкования смысла 'знать', предложенные в Scheffler 1965, Chisholm 1966, Lehrer 1974, Stelzner 1984, Шатуновский 1988 и ряде других работ. Толкования К. Лерера и В. Штельцнера детально разобраны в статье Bogusławski 1994б: 261–266, и мы не будем к ним возвращаться. Сосредоточимся на толкованиях Г. Шеффлера и Р. Чисхолма как на типичных примерах реализации указанной схемы и попытаемся показать, что она порождает неустранимые трудности.

В переводе на русский язык толкования Г. Шеффлера и Р. Чисхолма выглядят так: "X *знает*, что Q, если, и только если (i) X считает, что Q, (ii) X имеет надлежащие свидетельства (adequate evidence), что Q, (iii) Q" (Scheffler 1965: 21); "В момент t S *знает*, что h истинно при условии, что (1) в момент t S считает, что h; (2) h истинно; (3) в момент t h очевидно для S" (Chisholm 1966: 23).

Прочитированные толкования вызывают следующие возражения:

1) Толкование *знать* через *считать* не обладает важнейшим свойством всякого правильного определения — свойством подставимости. Попытка заменить *знать* любым из приведенных выше определений даже в простейших контекстах приводит к нарушению правильности высказывания или к существенному изменению его значения.

Представим следующую ситуацию. Пусть некий человек, например Сергей, хотел попасть в часовую мастерскую, но не смог этого сделать, потому что она оказалась закрытой. Тогда его результирующее ментальное состояние можно описать фразой *Сергей знает, что часовая мастерская закрыта*. Замена *знать* первым определением дает следующее высказывание: *Сергей считает, что часовая мастерская закрыта, и у него есть надлежащие свидетельства этого, и она (действительно) закрыта*. Относительно описанной ситуации это высказывание по меньшей мере странно, если не вовсе аномально. Непосредственно

нает иметь в сознании истинную информацию Z о существенных свойствах Y-a' (Богуславский 1984: 623). Различия между двумя толкованиями объясняются, по-видимому, тем, что толкование И. М. Богуславского реально обслуживает лишь третий тип конструкций, в котором естественнее видеть другое лексическое значение *понимать*.

наблюдаемый (и наблюденный Сергеем) факт "Мастерская закрыта" чересчур прост, чтобы составить предмет тех сложных интеллектуальных действий, в результате которых возникает ментальное состояние 'считать'.

С другой стороны, если какой-то факт настолько хорошо известен, что составляет некую аксиому нашего мира, постановка соответствующего высказывания в контекст слова со значением мнения неожиданным образом порождает прагматический эффект ревизии аксиомы. Так, высказывание *Он считает, что Волга впадает в Каспийское море* вполне уместно как описание чьего-то ошибочного мнения, нелепость которого вызывает у говорящего ироническое удивление. Между тем высказывание *Он знает, что Волга впадает в Каспийское море* никак не колеблет привычных представлений о нашем мире.

2) В правой части обоих толкований фигурируют слова, семантически заведомо более сложные, чем слово *знать*, такие, например, как *свидетельство* и *очевидный*. В частности, *Р есть свидетельство того, что Q* = 'Наличие Р дает возможность считать, что Q истинно'; *Q очевидно* = 'Всякий может понять, что Q истинно, не делая умственных усилий и не нуждаясь в дополнительной информации'.

Выше мы имели возможность убедиться, что в значение предиката *понимать*, извлекаемого из толкования слова *очевидный*, входит смысл 'знать'. Если принять основанную на этой идее декомпозицию *понимать*, то окажется, что толкование Р. Чисхолма содержит еще и порочный круг.

3) На основе рассматриваемых толкований нельзя сделать правильных предсказаний о синтаксических, коммуникативных и сочетаемостных свойствах глагола *знать*. В частности, остается без объяснения главное синтаксическое свойство *знать* — способность управлять ВОПР-предложением. Как мы видели, в вершине всех рассматриваемых толкований находятся путативные смыслы типа 'считать', которым управление ВОПР-предложением абсолютно противопоказано. Нет в их составе и каких-либо других смыслов, способных управлять ВОПР-предложением.

Более интересная идея декомпозиции *знать* (точнее, польского глагола *wiedzieć*, эквивалентом которого является *знать*) была предложена в одной из ранних книг А. Вежбицкой. В переводе на русский ее толкование выглядит так: *знать* = 'мочь сказать (правду)' (Wierzbicka 1969: 22), с дальнейшим толкованием *сказать* = 'произвести звуки, которые делают возможным вынесение истинного суждения о чем-л.' или просто 'сделать возможным вынесение истинного суждения о чем-л.'.

При всей привлекательности исходной идеи это толкование уязвимо в двух отношениях.

Во-первых, оно не охватывает случаев знания у высших животных, которые, конечно, не могут говорить правду или иметь истинное суждение о чем-л. Использование предикатов *говорить* и *суждение* даже применительно к высшим животным не может не быть метафорическим. Между тем, высшие жи-

вотные *знают* некоторые вещи в самом прямом смысле слова (см. аналогичные рассуждения в Bogusławski 1994b: 259–260, 270).

Во-вторых, приведенное толкование содержит смысл 'правда', явным образом менее простой, чем смысл 'знать'. Не входя в детальное обсуждение этого вопроса, сошлемся на недавние исследования культурных концептов 'правда' и 'истина' (см. сборник Логический анализ 1995). Предложенные там экспликации соответствующих лексем свидетельствуют, что их семантические структуры более сложны, а прагматические свойства более разнообразны, чем у *знать*.

Итак, лексема *знать* 1 не может быть истолкована через какие-либо более простые смыслы и, следовательно, должна быть признана семантическим примитивом. Такая трактовка смысла 'знать' восходит к давним работам У. Кука и Г. Причарда (см. Bogusławski 1994b). В современной лигвистике ее убедительно аргументировал А. Богуславский в серии работ, посвященных эпистемическим предикатам; см., помимо Bogusławski 1994b, Bogusławski 1981, 1986. Начиная с 1980 года Анна Вежбицка тоже трактует 'знать' как семантический примитив (см. Wierzbicka 1980: 37, 156 и Wierzbicka 1992: 10).

2.2.2. Семантические сходства и различия между *знать* и *ведать*

Основные различия между синонимами — стилистические (см. выше). Кроме того, глагол *знать*, будучи более общим по значению синонимом, имеет более широкий, чем *ведать*, круг употреблений.

Хотя *знать* является основным фактивным глаголом русского языка, он вводит не только суждения о фактах. Его реальное лексическое значение располагается между полюсами 'истинное знание' и 'мнение', покрывая целиком первый полюс, пересекаясь с семантикой таких промежуточных ментальных предикатов, как *понимать*, *быть уверенным*, *верить*, *быть убежденным*, и доходя до границ второго. Это свойство составляет одну из особенностей наивного понятия знания.

Истинное знание. Классические примеры этого круга употреблений — фразы, в которых *знать* подчиняет *что*-предложение с глаголом в форме ПРОШ или НАСТ, описывающее реальную, т. е. существующую вне сознания субъекта, ситуацию: *Я знаю <знал>, что он работает в Консерватории; Никто из нас не знал, что в тот момент на наших западных границах начались первые бои* (Г. Линьков, ССИН); *Юра не знал, что отец давно бросил их, ездит по разным городам Сибири и за границы, кутит и развратничает* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург* (А. С. Пушкин, Станционный смотритель). Место развернутого предложения может занимать и сентенциальное местоименное существительное типа *это, то, что, нечто, все* и т. п.; ср. *Иные совсем не догадывались [об Архипелаге ГУЛАГ], очень многие слышали что-то смутно, только побывавшие знали все* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Для менее строгих употреблений *знать*, когда его значение оказывается смещенным в сторону понимания, уверенности, веры, убеждения, мнения и ко-

гда, следовательно, *знать* входит в синонимические отношения с соответствующими глаголами, характерны, хотя и не обязательны, следующие условия: 1) контекст будущих событий и вообще любой проспективный относительно момента знания контекст; ср. *Водитель знал, что машина его не подведет*. 2) Сопоставление знания не с реальным событием во внешнем мире, а с другой информацией, находящейся в своем или в чужом сознании (ср. *Я знаю, что я собираюсь делать; Я знаю, о чем вы думаете*). 3) Любое указание на то, что событие, пусть даже реальное, как-то интерпретируется; ср. *Он [Селихов] знал, что это были слезы по молодости, по тому счастливому лету, что выпадает однажды в жизни каждой девушки, что не в Иорданском тут дело* (И. Бунин, Чаша жизни); *Он обидел тебя, я знаю, / Хоть и было это лишь сном, / Но я все-таки умираю / Пред твоим закрытым окном* (Н. Гумилев, Сон).

При этом в контексте придаточного дополнительного предложения, вводимого союзом *что* или бессоюзно, значение *знать* может смещаться либо в сторону путативных значений 'быть уверенным', 'верить', 'быть убежденным', либо в сторону фактивного значения 'понимать' (см. ниже). В контексте ВОПР-предложения круг возможных несобственных употреблений *знать* несколько уже: его значение смещается либо в сторону 'понимать' (ср. *Не знаю [~ не понимаю], что она в тебе такого нашла?*), либо в сторону 'иметь мнение' (ср. *Не знаю [~ не могу представить <не имею мнения о том>], что он сделает в этом случае*). Значения 'быть уверенным', 'верить' и 'быть убежденным' в этом случае исключены.

П о н и м а н и е (особенно когда речь идет о достаточно сложных событиях или о неочевидных связях между событиями; это употребление рассматривается в качестве самостоятельного значения в словарях Д. Н. Ушакова, МАС, БАС): *Вез Бабушкин транспорт оружия для восстания, с ним [его] и расстреляли. Он знал, на что шел* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Он [Тиверзин] знал, что их стремления последних дней, беспорядки на линии, речи на сходках --- части этого большого и еще предстоящего пути* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Почему сорвалось с языка это слово, Тихон Ильич и сам не знал, но чувствовал, что сказано оно все-таки даром* (И. Бунин, Деревня); *Бог каждому из нас дает вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем, почему? Мы этого не знаем. Но мы должны знать, что все в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл* (И. Бунин, Бернар); *Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет* (А. Ахматова, Мужество).

У в е р е н н о с т ь (особенно в утвердительной форме в контексте высказываний о конкретных будущих событиях, планируемых или предвидимых): *Прокуратору захотелось подняться, подставить висок под струю и так замереть. Но он знал, что и это ему не поможет* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Вот стою перед дверью твоею, / Не дано мне иного пути, / Хоть и знаю, что не посмею / Никогда в эту дверь войти* (Н. Гумилев, Сон); *Твой образ будет, / знаю наперед, / в жару и при морозе-ломоносе / не уменьшаться, но на-*

оборот / в неповторимой перспективе Росси (И. Бродский, Похороны Бобо); *Он знал, что солдаты беззаветно верят ему, знал, что они выполняют любой его приказ* (Б. Полевой, ССИН).

В е р а, у б е ж д е н и е (особенно в утвердительной форме в контексте высказываний о будущих событиях или общих суждений об устройстве жизни и мира): *Вы не понимаете, что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Уж вечер. Солнце над рекою. Пылят дорогою стада. / Я знаю — этому покою / Не измениться никогда* (Г. Иванов, "Я вывожу свои заставки..."); *И слухам о смерти моей не верь — / Ее не допустит Бог! / Еще ты, я знаю, откроешь дверь / Однажды — на мой звонок!* (А. Галич, Песенка-молитва); *Она знала одно — что ему ничего не стоит обречь ее на нищету* (И. Бунин, Чаша жизни); *"Ты прости-прощай, родимая сторонущика!" — говорил человек и знал, что все-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с Родиной, что куда бы ни забросила его доля, все будет над ним родное небо, а вокруг — беспредельная родная Русь* (И. Бунин, Косцы); *Один певец готовится рапорт. / Другой рождает приглушенный ропот. / А третий знает, что он сам лишь рупор* (И. Бродский, Одной поэтессе).

М н е н и е (особенно в отрицательных и вопросительных предложениях в контексте высказываний о конкретных будущих действиях или событиях): *Не зная [~ 'не имея мнения'], как ответить на это, секретарь счел нужным повторить улыбку Пилата* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *И каждый раз он не знал, что ему делать, что говорить и как держать себя* (А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга); — *Вы умрете другой смертью. — Может быть, вы знаете [~ 'имеете мнение о том'], какой именно?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Значение мнения особенно отчетливо представлено в составе фраземы-предложения *так и знать* (отмечено в Дмитриевская 1985). Эту фразему можно истолковать следующим образом: *Я так и знал* ~ 'Я считал, что случится именно то, что случилось, еще до того, как это случилось'; ср. — *Она выходит замуж за другого. — Я так и знал.*

Синоним *ведать* в современных употреблении допустим преимущественно в отрицательных контекстах; ср. *В эту квартиру [вы] поднялись, --- не ведая ни того, что брат жил тут последние месяцы, ни того, что тут произошло* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Даже в них он остается стилистически окрашенным: это — элемент высокого или торжественного стиля, поэтического языка, гневной полемики и других приподнятых форм речи. Ср. *И только на темя случайным лучом / свет падал младенцу; но он ни о чем / не ведал еще и посапывал сонно, / покоясь на крепких руках Симеона* (И. Бродский, Сретенье); *Может быть, этот теоретик не ведал, какой дьявольский огонь разжигал он в чужих умах? Ведал ("Известия", 10.06.1993); Признают, что я [А. И. Солженицын в "Одном дне Ивана Денисовича"] дал картину еще очень смягченную, что каждый из них знает более тяжелые лагеря. (Так — ведали?)* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *На севере и на юге — / Над ржавой зем-*

лею дым, / А я умываю руки! / А ты умываешь руки! / А он умывает руки, / Спасая свой жалкий Рим! / И нечего притворяться — / Мы ведаем, что творим! (А. Галич, Баллада о чистых руках). Лишь в более или менее устойчивых выражениях типа *Знать не знаю, ведать не ведаю; Сами не ведаем, что творим* и т. п. этот синоним допустим в обиходной речи. Только в них различия между двумя синонимами отчасти нейтрализуются.

В XIX и начале XX века он, по-видимому, употреблялся и в разговорной речи, если судить по ее отражению в художественной литературе; ср. — *Письмо! от кого? — закричал я, вскакивая со стула. — А не ведаю, батюшка, посмотри, может, там и написано, от кого* (Ф. М. Достоевский, Белые ночи); *Моя пьеса подвигается вперед, пока все идет плавно, а что будет потом, к концу, не ведаю* (А. П. Чехов, МАС).

Семантически *ведать* несколько уже, чем *знать*, в том смысле, что для него типичны лишь два круга употреблений — истинного знания (*Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу* (А. С. Пушкин, Борис Годунов)) и уверенности. Для последнего значения, как и в случае *знать*, характерна утвердительная форма в контексте высказываний о конкретных будущих событиях; ср. *Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать; / И ведаю, мне будут наслажденья* (А. С. Пушкин, Элегия).

Кроме того, *ведать*, в силу своих стилистических особенностей, несколько предпочтительнее, чем *знать*, в ситуациях, когда предметом знания является нечто, стоящее над человеком и ему неподвластное, или когда имеет место сверхъестественное — провидческое или другое сверхчувственное — знание, может быть внушенное какой-то высшей силой, или когда субъектом знания является высшая сила. Ср. *Итак, все рухнуло, по крайней мере на первое время, куда Марина Ивановна [Цветаева] ничего не знала о муже, --- не ведала, что теперь будет с ее отъездом* (А. Саакянц, Последняя Франция); *Ты ведаешь, что некий свет струится, / Объемля все до дна, / Что ищет нас, что в свисте ветра длится / Иная тишина* (А. Блок, Владимиру Бестужеву); *Я ведаю, что боги превращали / Людей в предметы, не убив сознанья, / Чтоб вечно жили дивные печали, / Ты превращен в мое воспоминанье* (А. Ахматова, "Как белый камень в глубине колодца..."); *И боги не ведают — что он возьмет: / Алмазные сливки иль вафлю с начинкой* (О. Мандельштам, «"Мороженоно!" Солнце. Воздушный бисквит...»). Для *знать* такие употребления возможны, но менее характерны.

2.3. Значения *знать* и *ведать*, близкие к рассмотренному

Оба синонима допускают расширительное образное употребление, в частности персонификацию. Ср. *У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Евангелие от Матфея, 6, 3); *Никогда голубая книжечка преподавателя гимназии Пирожкова не знала за хозяином такой расточительности* (К. Федин, Конец мира); *Не ведает горный источник,*

когда / Потоком он в степи стремится --- / Придут ли к нему пастухи и стада / Струями его освежиться (А. К. Толстой, Слепой).

Глагол *знать* имеет близкое к рассмотренному значению 'быть знакомым с кем-чем-л.', 'иметь сведения о ком-чем-л.': *знать Москву <каждый уголок парка>; знать всех собравшихся*. Для глагола *ведать* такие употребления возможны, но в узусе не закреплены и носят ярко выраженный авторский характер: *И ведали мы все тропинки дорогие / и всем березанькам давали имена* (В. Набоков, "Я думаю о ней").

Оба глагола имеют близкое к рассмотренному значению 'испытывать': *не знать <не ведать> колебаний <сомнений>; не знать <не ведать> покоя, не знать усталости; Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его* (И. Бунин, Антоновские яблоки); *И ты ушел. / Не за победой, / За смертью. Ночи глубоки! / О, ангел мой, не знай, не ведай / Моей теперешней тоски* (А. Ахматова, "О нет, я не тебя любила..."); *Ныне начинают узнавать вас --- все эти просветители, прогрессисты и гуманисты, остававшиеся на поверхности жизни, не ведавшие зла, прекраснодушные, невинно мечтавшие о благе народа и счастье на земле* (Н. Бердяев, Философия неравенства).

Синонимами *знать* и *ведать* в этом значении являются слова *испытывать, видеть, изведать*: *Кто испытал наслаждение творчества, для того уже все остальные наслаждения не существуют* (А. П. Чехов, Чайка); *Кто видел столько зла, становится подозрителен к добру; Я сам не люблю старичков-ворчунов, / И все-таки — истово рад, / Что я не изведал бесчестья чинов / И низости барских наград* (А. Галич, "Я в путь собирался всегда налегке...").

Глагол *знать*, в отличие от *ведать*, имеет близкое к рассмотренному значению 'обладать знаниями или умениями в определенной области': *знать музыку <математику>; знать французский <польский>; знать автомобиль <компьютеры>; знать жизнь <людей>; знать много <мало>* ~ 'иметь большие <небольшие> знания в какой-то области или областях'. Словосочетания типа *знать много <мало>* реализуют и значение рассматриваемого ряда, однако обычно в конструкции с двойным управлением типа *что о чем*; см. ниже раздел 2.5.

2.4. Грамматические формы

Будучи стативами, оба синонима лишены собственных форм СОВ и СТРАД; впрочем, у глагола *знать* есть несобственная и не чистовидовая форма СОВ *узнать*.

По той же причине они не имеют нормальной формы ПОВЕЛ в контексте прямого дополнения, выраженного неместоименным существительным; ср. невозможность **Знай <ведай> мой адрес <телефон, дорогу на Рим>*.

У глагола *знать* в сочетании с сентенциальным местоимением *это, что*-предложением или его бессоюзными эквивалентами она формально есть. Однако, как и при других фактивах, она выражает не нормальное для ПОВЕЛ

значение побуждения, а более сложное значение разделяемого знания: в силу пресуппозиции истинности знания то, что сообщается адресату, заведомо известно субъекту. *Знай, что P = 'Я знаю, что P; я считаю, что ты не знаешь, что P; я считаю, что знание P важно для тебя; я хочу, чтобы ты знал, что P, и поэтому говорю, что P'*⁹. Ср. *Ею [жизнью] клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); --- *знайте, что это — не любовное свидание, а тоже арест: они завернут сейчас на Лубянку и введут в черную пасть ворот* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *"Давай-ка, Горчаков, без лицемерья; / и знай — реальность высказанных слов / огромней, чем реальность недоверья"* (И. Бродский, Горбунов и Горчаков); *Помни это каждый сын, / знай любой ребенок: / вырастет из сына свин, / если сын — свиненок* (В. Маяковский, Что такое хорошо и что такое плохо). Ср. значение разделяемого знания и близкие к нему, реализуемые в вопросительных предложениях и в некоторых лексико-семантических типах словосочетаний, см. 2.5 и 2.6.

Значение побуждения у формы ПОВЕЛ реализуется в контексте ВОПРОС-предложения, но такие высказывания стоят на грани нормы и встречаются преимущественно в поэтической речи; ср. *Но ты, художник, твердо веруй, / В начала и концы. Ты знай, / Где стерегут нас ад и рай* (А. Блок, Возмездие)¹⁰.

По той же причине *знать* и *ведать* в норме не имеют ряда частно-видовых значений, свойственных форме НЕСОВ, таких, как актуально-длительное, настоящее предстоящее и настоящее историческое. Ср. неправильность **Когда я вошел, он знал <ведал>, что дома его никто не ждет; *Завтра он знает <ведает>, что дома его никто не ждет; *Он сидит и знает <ведает>, что дома его никто не ждет*. Предложения типа *В этот момент он уже знал, что примирение невозможно* на самом деле имеют не актуально-длительное, а перфективное значение, а предложения типа *Идет он и знает, / Что снег уже смят, / Что там догорает / Последний закат* (А. Блок, "Старинные розы...") отклоняются от нормы.

2.5. Синтаксические конструкции

Оба синонима имеют до четырех валентностей — субъекта знания, содержания знания, его темы и его источника. При этом наиболее разнообразны способы выражения второй валентности.

Валентность содержания знания при обоих синонимах выражается прежде всего предикатным существительным в форме ВИН (РОД в отрицательном контексте): *знать намерения противника <че-л. мнение>; знать дорогу <адрес, телефон>; Никто толком не знал причины проволоочки* (Б. Пастернак, Доктор

⁹ Этим объясняется грамматическая неправильность фраз типа **Не знай, что P*: они "оказываются самофальсифицируемыми" (Шмелев 1993: 168).

¹⁰ Подробнее о специфике формы ПОВЕЛ у разных типов стативных глаголов см. Апресян 1988: 30–32).

Живаго); *Судил он и правил / С дубового трона, / Не ведая правил, / Не зная закона* (С. Маршак, Король и пастух). Такие дополнения-существительные при глаголах *знать* и *ведать* представляют собою, в сущности, свернутые предложения с вопросительным словом или — реже — с союзом *что* и глаголом существования: *Он знал мой адрес ~ Он знал, где я живу; Он знал дорогу к лесному озеру ~ Он знал, как пройти к лесному озеру; Он не знал <не ведал> причин отказа ~ Он не знал <не ведал>, почему ему отказали; Он знал за собой эту черту <такую привычку> ~ Он знал, что у него есть эта черта <такая привычка>*.

Содержание знания при обоих синонимах может выражаться еще и сенсориальными местоименными существительными типа *что, что-то, нечто, ничего, это, одно, все* и т. п. в форме ВИН. Ср. *Под какими же буграми кости бабушки, дедушки? А Бог ведает! Знаешь только одно: вот где-то здесь, близко* (И. Бунин, Суходол); *Ничего-то вы не знаете, ничего не ведаете! Что на свете делается! Какие вещи творятся!* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Знать управляет количественными наречиями типа *много, немало, мало, немного* и т. п. в той же роли, но обычно в сочетании с тематическим дополнением типа *о чем-л.* (см. о нем ниже). Ср. *Я совсем немного <чересчур мало, ничего не> знаю о его планах <намерениях>, Я кое-что об этом знаю, Я знаю об этом совсем немного, О языке уолпири я знаю только то, что это — один из австралийских языков и что в нем очень мало глаголов.* Для *ведать* эта конструкция нехарактерна.

Ту же роль при обоих синонимах выполняют придаточные предложения, вводимые союзом *что* или бессоюзно: *Ах, как пела девчонка богу, / Ах, как пела девчонка Блоку! / И не знала она, не знала, / Что бессмертной в то утро стала* (А. Галич, Цыганский романс). --- *голова сидящей с опущенными во сне ресницами, не ведающая, что на нее бессонно смотрят часами без отрыва* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Пусть другие кричат от отчаяния, / От обиды, от боли, от голода! / Мы-то знаем — доходней молчание, / Потому что молчание — золото!* (А. Галич, Старательский вальсок); *Я знаю: ты все умеешь, / Я верую в мудрость твою, / Как верит солдат убитый, / Что он проживает в раю* (Б. Окуджава, Молитва); *Кузьма уже знал: если войдешь в ее темные полураскрытые сени, почувствуешь себя на пороге почти звериного жилья* (И. Бунин, Деревня).

Оба синонима управляют ВОПРО-предложениями в той же роли содержания знания: *Расти большой, мой Телемак, расти. / Лишь боги знают, свидимся ли снова* (И. Бродский, Одиссей Телемаку); *Не знали бы мы, может статься, / В почете ли Пушкин иль нет, / Без докторских их диссертаций, / На все проливающих свет* (Б. Пастернак, Ветер); *Я знал, куда <когда, почему, от кого, с кем, за чем> он уехал; Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Прежние эпохи жили и верили, нынешняя обречена только знать, как жили и во что верили прежние* (С. Франк, Духовные основы общества); — *Изложу тебе, кто я такой, чтоб ты знал --- с кем*

связываешься (И. Бунин, Деревня); *И он [паук-крестовик] бежит от гнева твоего, / Стыдясь себя, не ведая того, / Что значит знак его спины лохматой* (В. Ходасевич, Про себя); *"Я двигаюсь!" "Не ведаю, где старт, / но финиш — ленинградские сугробы"* (И. Бродский, Горбунов и Горчаков).

Для *знать* в форме 2-Л типична функция вводного слова внутри предложения, обозначающего содержание знания: *Я, зная <знаете>, решил заняться модальной логикой; Знаешь <знаете>, со мной сейчас чуть обморок не случился; А он, знаешь <знаете>, раскаялся; Да, знаешь, ты действительно готов. / Ты метишь, как я чувствую, в Ньютоны* (И. Бродский, Горбунов и Горчаков). В большинстве таких употреблений *знать* имеет ослабленное значение "доверительности" — 'хочу тебе <вам> сообщить'. Для *ведать* эта конструкция, равно как и присущее ей ослабленное значение, нехарактерны.

Оба синонима управляют предложно-именными группами типа *о чем-л., про что-л.* со значением темы знания: *Все на дороге знали о забастовке, и требовался только внешний повод, чтобы она началась самолично* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Я не знал о ней почти ничего. Не знал даже, где она живет* (В. Гаршин, МАС); *Вот он какой — как на ладони. И про ночь он знает только, что ночью темно* (А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга); *К сожалению, однако, вы не только по моему выражению, но и на самом деле дети, ни о чем не ведающие, ни о чем не задумывающиеся* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Глагол *знать*, в отличие от *ведать*, управляет предложно-именной группой *за кем-л.* в той же роли; ср. *Он [Юра] знал за собой эту унаследованную черту и с мнительной остороженностью ловил в себе ее признаки* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Мы за ним и не такое знаем*. При этом обязателен контекст существительного в форме ВИН со значением содержания знания (см. выше), а в роли предложного дополнения должно выступать имя конкретного человека; ср. неправомерность ?? *Мы знаем за профессорами склонность к рассеянности* (на конкретно-референтный статус предложного дополнения обратила внимание автора И. Б. Левонтина).

Знать, в отличие от *ведать*, управляет словами и предложно-именными группами типа *откуда, от кого-л., из чего-л., по чему-л.* и другими подобными со значением источника знания. Ср. *Откуда вы это знаете?; Я знаю это от отца; Из опыта мы знаем, что всякое такое постановление есть импульс к новому всемирному потоку арестантов* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Мы некоторые события знаем по одному названию, например, Колтинский расстрел в июне 1918 г. — что это?; Я видел себя в зеркале отроком, но теперь не помню и его. Видел юношей — и только по портретам знаю, кого отражало когда-то зеркало* (И. Бунин, У истока дней); — *Да известно, дело молодое, по себе, небось, сударыня, знаете, — как свою гордость не выказать?* (И. Бунин, Суходол).

Если указан источник знания, то невозможно употребление *знать* в отрицательном предложении и какие-либо смещенные употребления.

Оба синонима в отрицательных предложениях подчиняются следующему правилу: если они управляют *что*-предложением, то они не могут иметь форму НАСТ, 1-Л. Фразы типа **Я не знаю, что ты читаешь <что он работает>*, **Я не знаю, что ты <он> работал*, **Я не ведаю, что участь моя уже решена* и т. п. неправильны, потому что внутренне противоречивы¹¹. В силу пресуппозиции истинности знания то, что ты читаешь <он работает и т. п. >, предстает в них как совершенно достоверный факт. Но в момент речи говорящий не может не знать того, что он сам подает как факт.

Такие фразы приобретают правильность, если субъектом незнания является кто-то, отличный от говорящего, или если незнание относится к моменту наблюдения, не совпадающему с моментом речи, или если *знать* управляет ВОПР-предложением; ср. *Он не знает, что ты читаешь <что ты работал>*; *Я не знал, что ты читаешь <что он работал>*; *Я не знаю, куда он уехал*¹².

Синоним *знать*, в отличие от *ведать*, свободно употребляется в вопросительных предложениях в форме 2-Л, где его присутствие меняет обычную функцию вопроса.

Обычно человек спрашивает о чем-то, когда он сам этого не знает и предполагает, что нужными ему сведениями располагает адресат. В отличие от этого вопрос с глаголом *знать* не предполагает в обязательном порядке отсутствие у субъекта нужной ему информации. Значение такого вопроса зависит от синтаксической конструкции, в которой употреблен *знать*.

Если *знать* управляет *что*-предложением, то вопрос в целом всегда значит, что спрашивающий определенным знанием располагает и интересуется только тем, есть ли оно у адресата. Вопрос представляет собою другую форму сообщения: в сущности, субъект делится с адресатом своим знанием. Ср. *Вы знаете, что Оля развелась <что первый отдел расформировали, что в институте будет реорганизация>?*

Если *знать* управляет ВОПР-предложением, то вопрос в целом может использоваться в двух разных ситуациях. Во-первых, он может иметь нормальную функцию вопроса; ср. *Вы (кажется <может быть>) знаете, кто этот человек?* Во-вторых, он еще более уместен в ситуации, когда спрашивающий располагает определенным знанием и интересуется только тем, есть ли оно у адресата, одновременно выражая готовность поделиться им с адресатом в слу-

¹¹ Фразы типа *Я не знаю, что ты дома* (мое внимание на них обратил А. Д. Шмелев) могут быть правильными в ситуации, когда говорящий и адресат договариваются солгать третьему лицу, если сочтут это необходимым в интересах одного или обоих из них. Однако в них представлена отличная от собственно 'знать' пропозициональная установка.

¹² Последнее свойство объяснено Н. Д. Арутюновой: "Незнание в модусе ... имплицитно диэъюнкцию в соотносительной пропозиции, даже если она и не выражена прямо" (Арутюнова 1988: 125), а ВОПР-предложение, как известно, выражает именно диэъюнкцию, создавая ситуацию идеального семантического согласования: *Люблю ли тебя, я не знаю, но кажется мне, что люблю*.

чае необходимости. Ср. *"Вы знаете, что ждет вас?" / "На беду, / подозреваю: справка об опеке?" / "Со всем, что вы имеете в виду, / вы, в общем, здесь остаетесь навеки"* (И. Бродский, Горбунов и Горчаков). Это особенно характерно для вопросов с опущенным подлежащим (*Знаешь, зачем следователь приехал <кто на тебя донес?>*), когда у спрашивающего предполагается не просто готовность, а желание поделиться своим знанием. Данное значение близко к значению разделяемого знания (см. раздел 2.4) и экзаменационного вопроса.

Неосведомленность субъекта предполагается скорее в отрицательных вопросах с придаточным ВОПР-предложением и главным фразовым ударением на отрицаемом предикате. В них, естественно, исключено значение разделяемого знания. Ср. *Вы не ↓ знаете, кто этот человек?, Вы не ↓ знаете, что тут происходит?* (говорящий этого не знает).

В отрицательных вопросах с *что*-предложением значение глагола *знать* сдвигается в сторону 'говорящий считает, что некто знает', придавая всему высказыванию иногда грубоватый, а иногда и раздраженный оттенок. Ср. *Он что, не знает, что мы его ждем?; Или он не знает, что мы его ждем?; — Ты, дурак седой! Ай я сам не знаю, сколько земли-то у тебя? Сколько, кошкодер? Двести? А у меня --- ее и всей-то с твое крыльцо!* (И. Бунин, Деревня).

Оба синонима допускают инверсию подлежащего и сказуемого с акцентным выделением сказуемого, при которой они приобретают эмфатическое значение 'очень хорошо знать'. Ср. ↓ *Знает кошка, чье мясо съела;* ↓ *Знает народ иудейский, что ты ненавидишь его лютою ненавистью и много мучений ты ему причинишь, что вовсе ты его не погубишь!* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); ↓ *Ведает царь, что против него замышляют недоброе.* В сущности, синтаксическая инверсия выполняет здесь ту же функцию усиления, что и некоторые наречия со значением качества и полноты знания (см. раздел 2.6).

В разговорной речи высказывания с такой инверсией типичны для глагола *знать* при обращении к адресату с просьбой не продолжать своего сообщения, поскольку его содержание и без того хорошо известно; ср. *Да ↓ знаю я ~ 'Можешь не рассказывать'.* Аналогичная эмфаза с тем же значением представлена также в редупликациях типа *Знаю, знаю, что ты ни в чем не виноват (но зачем тебя туда понесло?)*. Кстати сказать, такая редупликация невозможна или неестественна для путативных глаголов; ср. неправомерность или сомнительность ?? *Считаю, считаю, что он ни в чем не виноват (но зачем он туда поехал?)*.

2.6. Лексико-семантическая сочетаемость.

В роли субъекта при обоих синонимах могут выступать существительные, обозначающие человека; примеры очевидны. При *знать* в роли субъекта знания могут выступать, кроме того, названия совокупностей и животных; ср. *Деревня хорошо знала, что пережила молодая за осень* (И. Бунин, Деревня); *Собака знала, что мясо трогать нельзя.* Глагол *ведать*, в силу своей книжности и приподнятости, более антропоцентричен и в большей мере характеризует мен-

тальное состояние отдельной личности, так что для него такие сочетания невозможны.

В контекстах, где речь идет о механически выполняемых операциях, для обозначения субъекта *знать* могут переносно использоваться названия некоторых частей тела человека, в особенности его конечностей. Ср. *Мысли ее были далеко, но руки сами знали, что делать, и ни на секунду не останавливались; Он плохо соображал, куда шагает, широко раскидывая ноги, но ноги прекрасно знали, куда несли его* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Для *ведать*, в силу указанных выше причин, такие сочетания нехарактерны.

Глагол *знать*, в отличие от *ведать*, сочетается с некоторыми наречиями и наречными оборотами, градуирующими качество или полноту знания. Это наречия положительной оценки типа *твердо, достоверно, точно, хорошо, отлично, прекрасно, великолепно* [но не *замечательно, удивительно, потрясающе, вдоль и поперек, как свои пять пальцев, назубок, наперечет, насквозь* и т. п.], которые модифицируют другое значение *знать* — 'обладать знаниями' и наречия отрицательной оценки типа *нетвердо, неточно, приблизительно, толком не (знать), плохо*. Ср. *Я точно не знаю, — живо ответил арестованный, — я не помню моих родителей* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Знаю с ясностью откровения, / что мне выбрать и предпочесть. / Хлеб изгнания. Сок забвения. / Одиночество, осень, честь* (И. Губерман, Иерусалимские гарики).

Возможность сочетаний с наречиями положительной либо отрицательной оценки, как и само их значение, зависит от синтаксической конструкции, в которой употребляется глагол *знать*.

В конструкции с *что*-предложениями *знать* в норме сочетается только с наречиями, обозначающими положительную оценку (*хорошо, отлично, прекрасно, точно, твердо, достоверно* и т. п.). Ср. *Тихон Ильич хорошо знал, что уж слишком много афонских хижин пришли в ветхость* (И. Бунин, Деревня); *Базаров очень хорошо знает, что в некоторых случаях всякая попытка договориться --- совершенно бесплодна* (Д. И. Писарев, Реалисты); *Они прекрасно знали, что я должен был бежать, чтобы предотвратить утечку* (А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга). Нельзя сказать **Они приблизительно <плохо> знали, что я должен был бежать*, потому что истинное знание не может быть неточным или плохим; даже примеры типа *Разве ты --- знаешь недостаточно хорошо, что ты, мысль о тебе и верность тебе и дому спасли меня от смерти и всех видов гибели в течение этих двух лет войны?* (Б. Пастернак, Доктор Живаго) отклоняются от нормы. При этом наречие на самом деле имеет чисто усилительное значение: говорящий эмфатически утверждает лишь наличие знания, никак не уточняя его качество или полноту. В этом отношении разница, например, между *хорошо знать* и *отлично <прекрасно> знать* гораздо меньше, чем разница между *хорошо справиться (с работой)* и *отлично <прекрасно> справиться (с работой)*, где действительно имеет место градуирование.

В конструкции с ВОПР-предложениями, а также в эквивалентной ей конструкции с существительными типа *адрес, телефон, дорога* и т. п. в роли пря-

мого дополнения *знать* сочетается и с наречиями положительной оценки, и с наречиями отрицательной оценки. И те, и другие реально градуируют знание. Ср. *Проводник хорошо <прекрасно, отлично> знает, как идти на перевал <дорогу на перевал>; Она [Наташка] уже твердо знала, что будет. Она спала одна, в коридоре, возле двери в спальню барышни, а Юшка уже отрубил ей: "Приду. Хоть зарежь, приду"* (И. Бунин, Суходол); *Никто толком не знал, что там произошло; Пилот вертолета плохо <лишь приблизительно> знал, где <в каких условиях> ему предстоит сажать машину.*

Глагол *знать* свободно сочетается с тремя типами показателей времени, не характерных для *ведать*: 1) наречиями и наречными оборотами типа *давно, с детства, с воскресенья* и т. п. ; ср. *Он с детства <с институтских лет> знал, что в жизни может рассчитывать только на себя; — Наука. Как это безнадежно, Роби! — Я это давно знаю, — проворчал Роберт* (А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга); 2) наречиями *заранее, наперед, загодя* в высказываниях о будущем; ср. *Она заранее <наперед> знала, что он сейчас скажет; Знать бы загодя, кого сторониться, / А кому была улыбка — причастием!* (А. Галич, Уходят друзья); 3) наречиями со значением длительности, особенно большой длительности, — только в отрицательном контексте; ср. *Родные годами не знают <не знали>, что стало с арестованным.*

Будучи стативами, *знать* и *ведать* не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за пять минут, за три недели*, обстоятельствами цели и большинством обстоятельств способа действия. Ср. *неправильность *За три минуты он знал <ведал>, что сопротивление бессмысленно; *С целью поступить в университет он знал <ведал>, что ему надо много работать; *Он уверенно знал <ведал>, зачем приезжал следователь.* Ср. нарушение этого запрета в поэтической речи для создания определенного стилистического эффекта: *О, я знаю: его отрада / Напряженно и страстно знать, / Что ему ничего не надо, / Что мне не в чем ему отказать* (А. Ахматова, Гость); *Но, прекрасному прошлому радо, — / Пусть о будущем сердце не плачет. / Тихо ведаю: будет награда: / Ослепительный всадник прискачет* (А. Блок, Моей матери).

Кроме того, оба синонима не сочетаются с фазовыми глаголами и модальными словами со значением возможности и невозможности; ср. *неправильность *Он начал <перестал> знать <ведать>, кто ему об этом сказал; *Он способен <неспособен> это знать <ведать>; *Я не могу знать, зачем он это сделал.* Фразы типа *Он может это знать* правильны только в эпистемическом (вероятностном) или деонтическом (а именно "разрешительном") значении, но не в алетическом значении возможности. Словосочетание *Не могу знать* ~ 'Не знаю, потому что неоткуда' является фраземой.

Для обоих синонимов характерен ряд устойчивых оборотов и фразем, например, *знать цену чему-л.; дать знать кому-л. о чем-л.; только и знать; А он знай свое; Насколько я знаю (он еще не приехал и т. п.); Знаем мы вас <знаю я вас>; Бог <Аллах, черт, шут, кто, устар. чума> его знает <ведает>; Не знать, куда глаза девать (от стыда, от смущения и т. п.); Знать (ничего) не знаю, ведать (ничего) не ведаю; Не ведаем, что творим <не ведаете, что творите, не*

ведает, что творят и т. п. >. Ср. *Брат и сестра знали цену всему и дорожили достигнутым* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Дайте мне знать, когда вы приезжаете; Он только и знает, что жаловаться; Я ему десять раз говорил, что рано об этом спрашивать, а он знай свое; — Будет толковать-то! Знаем мы вас, казанских сирот! Девку отдал, малюго женил, деньги есть* (И. Бунин, Деревня); *Буфетчик не знал, куда девать глаза, переминался с ноги на ногу и думал: "ай да горничная у иностранца! Тьфу ты, пакость какая!"* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Под какими же буграми кости бабушки, дедушки? А Бог ведает! Знаешь только одно: вот где-то здесь, близко* (И. Бунин, Суходол); *Есть польская, есть, может быть, ваша украинская, --- слышал от деда будто есть и турецкая, но правда ли, один Аллах ведает* (И. Бунин, Зойка и Валерия); — *Кто знает, о Кир, — ответил ему Селихов с усмешкой. — Кто знает, не придется ли мне стоять у возглавия вашего?* (И. Бунин, Чаша жизни); *Сходка-то? А чума их знает! Погадели, к примеру...* (И. Бунин, Деревня); *Глаза эти [Аннушки] горели совершенно волчьим огнем. В голове у Аннушки образовалась вьюга: "знать ничего не знаю! Ведать ничего не ведаю!"* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Тетя Марфуша сначала ему в ноги. Помилуй, говорит, не губи, знать не знаю, ведать не ведаю я про твои деньги* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *"Стисни зубы и помни, что --- они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым..."* (А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом).

2.7. Парадигматические семантические связи

До сих пор речь шла о свойствах самих синонимов *знать* и *ведать*, точнее, об их семантических, прагматических, референциальных, коммуникативных, просодических, морфологических, синтаксических и сочетаемостных сходствах и различиях и условиях нейтрализации различий. По замыслу, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка должен содержать, помимо этого, еще и сведения об их парадигматических семантических связях в масштабе всего словаря. Этим связям посвящается несколько зон словарной статьи. В них последовательно регистрируются, обычно в виде списков с короткими комментариями, фразеологические синонимы, аналоги (тематически близкие лексемы, включая гиперонимы, когипонимы и близкие значения данного слова), точные и неточные конверсивы, конверсивы к аналогам, точные и неточные антонимы, семантические дериваты (понимаемые самым широким образом). Назначение этой информации, помимо ее практической полезности, состоит в том, чтобы продемонстрировать непрерывность семантического пространства языка.

Ниже, исключительно в иллюстративных целях и только с теми комментариями, которые реально помещены в словарной статье *знать*, мы приведем несколько образцов такой информации.

А н а л о г и : *считать; думать; верить; понимать; представлять; догадываться; подозревать.*

К о н в е р с и в ы : *известно* [Я знаю, что Р ~ Мне известно что Р; круг употреблений *известно* ограничен преимущественно значением истинного знания (т. е. у него нет значений понимания, веры, убеждения, уверенности, мнения); с другой стороны, *известно* в большей мере предполагает внешний источник знания, чем *знать*]; устар. или высок. *ведомо*.

А н т о н и м ы : *быть в неведении, не иметь понятия, не иметь представления (о чем-л.); - ума не приложу (где он может скрываться <куда делись деньги, кто к нему приходил и т. п. >).*

Д е р и в а т ы : *знание; сведения; истина; провидение, прозрение, озарение, наитие, интуиция; незнание, неведение; известный, общеизвестный, неизвестный; неведомо, невдомек [А дома-то никому невдомек, --- где я сейчас нахожусь (Э. Казакевич, МАС)]; вызнать, выведать, дознаться, прознать, проведать, разузнать, узнать.*

Литература

Апресян 1986: Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // *Вопр. языкознания.* 1986. N 2.

Апресян 1988: Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // *Прагматика и проблемы интенциональности.* М., 1988.

Апресян 1990а: Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка.* М., 1990.

Апресян 1990б: Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об означающем лексемы // *Типология и грамматика.* М., 1990.

Апресян 1992а: Апресян Ю. Д. О новом словаре синонимов русского языка // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1992. N 1.

Апресян 1992б: Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // *Научно-техническая информация. Сер. 2.* 1992. N 3.

Апресян 1993: Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // *Логический анализ языка. Ментальные действия.* М., 1993.

Апресян 1995: Апресян Ю. Д. Новый словарь синонимов: концепция и типы информации // *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.

Апресян и др. 1992: Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Образцы словарных статей нового словаря синонимов // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1992. N 2.

Апресян и др. 1995: Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.

Арутюнова 1988: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.

Богуславский 1984: Богуславский И. М. Словарная статья *понимать* // И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

Булыгина, Шмелев 1988: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

Булыгина, Шмелев 1989: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Дмитровская 1985: Дмитровская М. А. Глаголы знания и мнения (значение и употребление). Автореф. дис., М., 1985.

Дмитровская 1988а: Дмитровская М. А. Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Дмитровская 1988б: Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

Зализняк 1992: Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // München, 1992.

Иоанесян 1988а: Иоанесян Е. Р. Знание и восприятие // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Иоанесян 1988б: Иоанесян Е. Р. Некоторые особенности функционирования предиката *не знать* // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

Логический анализ ... 1995: Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.

Мартемьянов 1964: Мартемьянов Ю. С. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8.

Мелиг 1985: Мелиг Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985.

Падучева 1988: Падучева Е. В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

Селезнев 1988: Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Шатуновский 1988а: Шатуновский И. Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Шатуновский 1988б: Шатуновский И. Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.

Шмелев 1993: Шмелев А. Д. "Хоть знаю, да не верю" // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.

Apresjan 1992: Apresjan Ju. D. Systemic Lexicography // Euralex '92. Proceedings I-II, Part 2. Tampere, 1992.

Apresjan 1995: Apresjan Ju. D. Theoretical Linguistics, Formal Models of Language and Systemic Lexicography // Linguistics in the Morning Calm. Seoul, 1995.

Bogusławski 1981: Bogusławski A. Wissen, Wahrheit, Glauben: Zur semantischen Beschaffenheit des kognitiven Vokabulars // Th. Bungarten (ed.). Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie, theoretischen Fundierung und Deskription. München, 1981.

Bogusławski 1986: Bogusławski A. You can never know that you know // Semantikos. 1986. 10, 1-2.

Bogusławski 1994a: Bogusławski A. Об иерархии эпистемических понятий и о природе т. наз. пропозициональных аргументов // Andrzej Bogusławski. Sprawy słowa. Warszawa, 1994.

*Bogusławski 1994b: Bogusławski A. Savoir que *p* implique-t-il un autre état mental? // Andrzej Bogusławski. Sprawy słowa. Warszawa, 1994.*

Bogusławski 1994c: Bogusławski A. "Dlaczego wiemy, za co powinniśmy kochać Pana Profesora? – dlaczego?" // Andrzej Bogusławski. Sprawy słowa. Warszawa, 1994.

Borillo 1987: Borillo A. Deux aspects de la modalisation assertive: croire et savoir // Languages. 1987. N. 67.

Chisholm 1966: Chisholm R. Theory of Knowledge. Prentice-Hall, 1966.

Chisholm 1982: Chisholm R. The Foundations of Knowing. Minneapolis, 1982.

Cohen 1986: Cohen S. Knowledge and Context // The Journal of Philosophy. 1986. N 10.

Hintikka 1962: Hintikka K. J. Knowledge and belief: an Introduction to the Logic of the two Notions. Ithaca, 1962.

Knowledge ... 1976: Knowledge and Belief. Ed. by A. Ph. Griffiths. Oxford, 1976.

Lehrer 1974: Lehrer K. Knowledge. Oxford, 1974.

Lyons 1979: Lyons J. Knowledge and Truth: a Localistic Approach // D. J. Allerton, E. Carney and D. Holdcroft (eds.). Function and Context in Linguistic Analysis. London, N. Y., Melbourne. 1979.

Malcolm 1963: Malcolm N. Knowledge and Certainty. Prentice-Hall, 1963.

Moore 1959: Moore G. E. Philosophical Papers. N. Y., 1959.

Scheffler 1965: Scheffler H. Conditions of Knowledge. Chicago, 1965.

Stelzner 1984: Stelzner W. Epistemische Logik. Zur logischen Analyse von Akzeptationsformen. Berlin, 1984.

Vendler 1972: Vendler Z. Res Cogitans. Ithaca, N. Y., London, 1972.

Wierzbicka 1969: Wierzbicka Anna. Dociekania semantyczne. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1969.

Wierzbicka 1980: Wierzbicka Anna. Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language. Sydney, N. Y., London etc., 1980.

Wierzbicka 1992: Wierzbicka Anna. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N .Y., Oxford, 1992.

Wittgenstein 1969: Wittgenstein L. On Certainty. Oxford, 1969.

Yokoyama 1986: Yokoyama O. T. Discourse and Word Order. Amsterdam; Philadelphia, 1986.

Ziff 1983: Ziff P. Epistemic Analysis. A Coherence Theory of Knowledge. Dordrecht, 1983 .

ХОТЕТЬ И ЕГО СИНОНИМЫ: ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ* ¹

1. О понятии системной лексикографии

Недавно опубликованная книга акад. В. В. Виноградова "История слов" замечательна тем, что представляет собою, в сущности, развернутую иллюстрацию к двум программным тезисам, которые сформулированы в открывающей том работе:

1. "Строй языка определяется взаимодействием его грамматики и лексики"². При этом грамматика языка постоянно лексикализуется (ср. мысль о распадении прежде единого глагола-связки *быть* на самостоятельные слова *есть, быть, суть, сущий, буде*), а лексика — грамматикализуется (например, потому, что значение слова формируется, среди прочего, его "функциями во фразе").

2. "Так же, как принято говорить о грамматическом строе языка, следует говорить о его лексическом строе" (там же), "лексической системе", свойственной тому или иному периоду в развитии языка. Лексическая система языка в целом складывается из более мелких лексических систем — "семантически замкнутых" рядов слов. Элементы таких рядов объединены общностью значения и поэтому подвержены действию одинаковых исторических закономерностей.

* Статья была впервые напечатана в книге "Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова)", М., 1995.

¹ Данное исследование стало возможным в результате присуждения автору премии Фонда А. Гумбольдта и приглашения в Гейдельбергский университет, где немецкие коллеги, прежде всего проф. П. Хельвиг, создали ему идеальные условия для работы. Работа была завершена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

² Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В. В. История слов. М., 1994 С. 5

Предлагаемые ниже заметки о словах, связанные с моей работой над Новым объяснительным словарем синонимов русского языка³, можно мыслить как проекцию этих двух тезисов на синхронию. Они основаны на материале синонимического ряда глагола *хотеть*⁴, куда входят еще слова *желать*, *мечтать* 2 и *жаждать* 1, и выполнены в духе системной лексикографии. Напомню коротко ее основные понятия и принципы⁵.

Системной лексикографией я называю теорию и практику составления словарей, трактующих лексику языка как достаточно хорошо организованную систему, т. е. как множество классов единиц с определенными для каждого класса операциями, или правилами.

Ключевым понятием системной лексикографии является понятие лексикографического типа. Лексикографический тип — это группа лексем, имеющих такие общие свойства, к которым обращаются определенные правила построения или понимания высказываний и фрагментов высказываний (правила грамматики данного языка в широком смысле слова) и которые требуют поэтому единообразного описания в словаре. Простейшим семантическим лексикографическим типом является синонимический ряд.

Понятие лексикографического типа в трех отношениях отличается от более традиционных понятий семантического поля, семантического класса, лексико-семантической группы слов и т. п.

1) Основанием для выделения лексикографического типа являются любые общие свойства лексем, а не только семантические. К числу таких свойств относятся морфологические, синтаксические, сочетаемостные, просодические, коммуникативные, семантические, прагматические и, может быть, некоторые другие свойства.

2) Понятие лексикографического типа, как следует из его определения, имеет смысл только в рамках интегрального описания языка, т. е. согласованного описания грамматики и словаря. В "интегральном" словаре лексемам приписываются те свойства, обращения к которым требуют правила грамматики в широком смысле (т. е. морфологические, синтаксические, сочетаемостные, просодические, коммуникативные, семантические, прагматические и другие правила построения или понимания высказываний и их фрагментов). Ме-

³ Подробнее о нем см. *Апресян Ю. Д.* О новом словаре синонимов русского языка. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 1992. N 1.

⁴ Ряд был обсужден на рабочем заседании Сектора теоретической семантики Института русского языка РАН. Участникам обсуждения — В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславской, М. Я. Гловинской, И. Б. Левонтиной и Е. В. Урысон — я выражаю признательность за ценные критические замечания.

⁵ Подробнее о них см.: *Apresjan Ju. D.* Systemic Lexicography. // Euralex '92. Proceedings I-II. Tampere, 1992. Part 2; *Апресян Ю. Д.* Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990; *Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. N 3.

жду тем в понятие семантического класса представление о каких-либо правилах никак не входит.

3) Лексикографические типы образуют не строгую иерархию классов, а многократно пересекающиеся классы, поскольку одна и та же лексема может попадать в разные классы по каждому из своих свойств, а также по любой лексикографически интересной совокупности свойств.

Системность синонимических рядов проявляется в двух отношениях.

Во-первых, значительная часть тех семантических признаков, по которым сходятся и различаются элементы данного ряда, оказывается общей для многих других рядов, для других типов семантических отношений между словами (антонимии, конверсивности и т. п.), для противопоставления значений в семантической структуре многозначных слов, а за пределами лексики — для морфологических, словообразовательных и синтаксических оппозиций, т. е. для языка в целом.

Во-вторых, благодаря существенной семантической близости элементы синонимического ряда одинаковым или сходным образом реагируют на грамматику языка в широком смысле (см. выше).

Помимо таких общих свойств, определяемых принадлежностью синонимов к одному и тому же лексикографическому типу, для объяснительного синонимического словаря первостепенную важность представляют и их личные свойства, все то, что составляет неповторимое своеобразие каждой лексемы. Важен не только лексикографический тип, но и лексикографический портрет.

Ниже делается попытка показать, как реализуются все эти идеи в словаре синонимов. Однако сначала необходимо объяснить, почему для их иллюстрации был выбран ряд *хотеть*.

Лексика желания представляет особый интерес для теоретической семантики и лексикографии. Язык, как известно, в высокой степени антропоцентричен. Громадная часть его словаря посвящена человеку — его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств. В очень многих случаях в основе состояний, действий, эмоций, высказываний человека лежат причины или мотивы, так или иначе связанные с его желаниями. В лингвистическом преломлении это значит, что смысл 'хотеть' (наряду с такими смыслами, как 'знать', 'считать', 'делать' и т. п.) образует некий фундаментальный слой в семантике подавляющего большинства антропоцентрических классов слов. Ясно, насколько важно ее системное описание.

Лексика желания чрезвычайно богата и разнообразна и уже не раз привлекала внимание лингвистов⁶. Был предметом исследования и сам глагол хо-

⁶ См., например: *Kenny A. Action, Emotion and Will. London, 1963; Щеглов Ю. К. Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1964, Вып. 8; Апресян Ю. Д. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979*

теть и его аналоги в других языках⁷. Однако целостного и полного описания основных глаголов желания в русском языке еще не предпринималось.

Синонимический ряд глагола **ХОТЕТЬ**, за исключением несущественных технических деталей и ряда комментариев, представлен в том виде, в каком он написан для Нового объяснительного словаря синонимов. Типовая статья этого словаря представляет собою совокупность следующих зон: 1) вход, где перечисляются элементы ряда, снабженные стилистическими и некоторыми грамматическими пометами, и где дается толкование их общей части; 2) синопис, или краткий путеводитель по словарной статье — перечень семантических признаков, по которым сходствуют и различаются члены синонимического ряда; 3) семантические сходства и различия между синонимами и условия нейтрализации различий; 4) примечания к семантической зоне; 5) грамматические формы и их семантическая специфика; 6) синтаксические конструкции и их семантическая специфика; 7) лексико-семантическая сочетаемость; 8) иллюстрации; 9) списки слов, семантически так или иначе соприкасающихся с элементами данного ряда. В полную словарную статью входит, кроме того, зона библиографии, которая в данной работе опускается.

2. Лексикографическое описание ХОТЕТЬ и его синонимов

2.1. Вход словарной статьи

ХОТЕТЬ 1 [-СОВ *захотеть*]⁸, (необиходн.) **ЖЕЛАТЬ** 1 [СОВ *пожелать*]⁹, **МЕЧТАТЬ** 2 [СОВ нет], (необиходн.) **ЖАЖДАТЬ** 1 [-СОВ высок.

(словарная статья *want, wish, desire*); *Robinson J. Emotion, Judgement and Desire // The Journal of Philosophy, 1983. V. 80. N. 11; Sémon J.-P. Le vouloir, la négation et l'aspect // La Licorne. Etude de linguistique. Poitier, 1989. N. 15; Wierzbicka. Anna. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.; Oxford, 1992; Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992; Кибрик А. Е. Семантика и синтаксис глаголов *хотеть* и *божаться* (типологические наблюдения) // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспектах: Тезисы рабочего совещания. М., 1987.*

⁷ См., например: *Wierzbicka Anna*. Указ. соч. С. 428; *Зализняк Анна А.* Указ. соч. С. 60–62; *Кибрик А. Е.* Указ. соч.

⁸ Знак приближительности (~) перед СОВ показывает, что *захотеть* и *возжаждать* рассматриваются как несобственные, не чистовидовые формы СОВ от соответствующих глаголов.

⁹ Введенная нами помета "необиходн." значит, что стилистический статус лексемы несколько более высокий, чем обычный литературно-разговорный, хотя и не доходит до статуса "книжн.", "поэт.", "высок." и т. п. Круглые скобки обозначают факультатив.

или ирон. *возжаждать*]. Доминанта ряда является семантическим примитивом.

Примеры: *Ребенок хочет есть, Не желаю вас видеть, Студенты мечтали попасть в его семинар, Он жаждал мести.*

Вообще говоря, в этой зоне помещается толкование синонимического ряда или, точнее, толкование той общей части значения, которая есть у всех синонимов ряда. В данном случае толкование невозможно, потому что в русском языке нет семантически более простых слов, с помощью которых можно было бы представить значение 'хотеть'. В этом смысле *хотеть* — семантический примитив¹⁰. Использовать этот примитив для толкования всего ряда тоже нельзя. Несмотря на то что *хотеть* является доминантой ряда, у него, как и у каждого из его синонимов, есть своя семантическая специфика (см. разделы 2.2 и 2.3 ниже). Неправильно было бы приписывать ее всем членам ряда.

2.2. Семантические признаки для ряда *хотеть*

Синонимы различаются по следующим смысловым признакам¹¹:

1) Характер предмета желаний (*хотеть* можно чего угодно для себя и для других; *мечтают* обычно о хорошем для себя или для кого-то из своей личной сферы; *жаждут* чего-то, что представляется важным, крупным, необычным).

2) Интенсивность желания (*мечтать* и *жаждать* обозначают существенно более сильные желания, чем *хотеть* и *желать*).

3) Связь желания с намерением, готовность прилагать усилия для его осуществления (она есть в *хотеть* и *жаждать*, но отсутствует в *желать* и *мечтать*).

4) Работа интеллектуальных систем, в частности воображения (она предполагается в *мечтать*).

5) Эмоциональное состояние субъекта (*жаждать*, в отличие от *хотеть* и *желать*, предполагает какую-то сильную эмоцию).

6) Степень реальности желания, достижимость желаемого (большая у *хотеть* и *желать*, чем у *мечтать*).

7) Время существования желания (большее для *мечтать*, чем для других синонимов ряда).

8) Интервал между отрезком времени, когда субъект испытывает желание, и моментом его возможного осуществления (*мечтать* в большей мере, чем другие синонимы ряда, может отодвигать момент осуществления в неопреде-

тивность — в данном случае тот факт, что статус необходимости присущ лексеме не во всех ее употреблениях; см. ниже зоны значений и форм.

¹⁰ Подробнее о *хотеть* как семантическом примитиве см.: Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. N 4.

¹¹ Все перечисляемые ниже признаки имеют общий смысл, т. е. нужны для описания многих других лексических и грамматических явлений русского языка.

ленно далекое будущее; **жаждать**, напротив, требует немедленного удовлетворения желания).

9) Тип и статус субъекта, испытывающего желание (субъектом **желать** обычно является отдельная личность, статус которой может быть более высоким, чем статус окружающих лиц).

После синописа дается подробное описание семантических сходств и различий между синонимами и группами синонимов внутри ряда.

2.3. Семантические сходства и различия между синонимами

Хотеть и **желать** — синонимы с наиболее общим значением, обозначающие некую норму в сфере желаний. Этим они отличаются от **мечтать** и **жаждать**, которые обозначают интенсивное и очень интенсивное желания соответственно.

Норма в сфере желаний допускает некоторые колебания в их интенсивности. Возможна, в частности, значительная интенсивность; ср. *Он, как всякий, испытывавший качку, --- очень хотел есть* (И. Бунин, Братья); *Он страстно желал этого*. Однако нижним пределом интенсивности для нормальных желаний является не слабое желание, а желание средней силы. Поэтому нельзя сказать **Он немного <слегка, чуть-чуть> хотел <желал> этого*¹².

Глагол **хотеть** обозначает наиболее типичное желание — от средней до высокой степени интенсивности, не опосредствованное ни эмоциями, ни умом, реалистичное (и реализуемое в обозримое время) или фантастическое. Предметом желания может быть как заурядная вещь, так и нечто необычное или важное, а его субъектом может быть как отдельный человек, так и группа лиц; ср. *Дети набегались и хотели пить*; *Дениска вернулся из Тулы и околачивался без дела, болтая по деревне, что хочет жениться ---* (И. Бунин, Деревня); *Все шахты Воркуты хотели объявить предупредительную забастовку*; *Плох тот солдат, который не хочет стать генералом* (посл.); *Хочу быть владычицей морского!*; — *Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, — сказала Маргарита, и лицо ее исказила судорога* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Специфика синонима **хотеть**, особенно по сравнению с **желать**, состоит в том, что он указывает на действенность воли субъекта. Иными словами, помимо чистого желания он предполагает еще и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации. Ср. *А он еще бился. Он настойчиво боролся со*

¹² Такое устройство шкалы интенсивности — 'норма Р' VS. 'сильное Р' при отсутствии слабого Р — характерна и для некоторых других внутренних состояний человека. В частности, точно так же устроена шкала интенсивности для эмоций: на ней хорошо представлена норма, или прототип (ср. *удивляться, бояться, радоваться, надеяться*) и большая степень (ср. *изумляться, быть в ужасе, ликовать, уповать*), но почти отсутствует малая степень.

смертью, ни за что не хотел поддаться ей, так неожиданно и грубо навалившейся на него (И. Бунин, Господин из Сан-Франциско); ср. также Им [Рудину, Караваяву и т. п. литературным героям] он противопоставляет людей, умеющих не только желать, но и хотеть (А. Кони, Воспоминания о писателях); Отмечая в большинстве своих героев многие прекрасные свойства русского человека, он рисовал слабости и нередко полное отсутствие в нем воли и вялость характера, выражающиеся в склонности желать и неспособности хотеть (А. Кони, Воспоминания о писателях).

Готовность действовать, в свою очередь, мотивируется тем, что субъект ощущает нужность предмета желаний для поддержания нормальных условий своего существования, включая простейшие из них, такие, как еда, сон и т. п. Поэтому обычно говорят *Я хочу есть* <пить, спать>, а не *Я желаю* <мечтаю> *есть* <пить, спать>.

Указанное свойство хотеть ярко проявляется и в том, что в нем значение собственно желания тесно переплетено со значением намерения (в словаре Д. Н. Ушакова, МАС'е и БАС'е выделяется даже самостоятельное значение 'иметь намерение'). Ср. *Юрий Андреевич наблюдал ее волнение и слезы, хотел спросить ее, что с ней, хотел рассказать ей, как дважды в жизни видел ее* (Б. Пастернак, Доктор Живаго), где одновременно выражаются оба этих значения. Есть, однако, контексты, выдвигающие на первый план либо то, либо другое из них.

Выражению значения собственно желания благоприятствуют два фактора.

Во-первых, это — рематичность хотеть. Рематичность, как известно, возникает в двух условиях: а) когда на хотеть падает главное фразовое или эмфатическое ударение; ср. *Хотите выпить чего-нибудь?*; *Я хочу поехать в Москву*; б) когда хотеть находится в отрицательном контексте; ср. *Больше я не хочу лгать*. --- *Я не хочу, чтобы у него навсегда осталось в памяти, что я убежала от него ночью* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Она [Лара] не могла справиться с нахлынувшими слезами и не хотела плакать при посторонних* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Во-вторых, хотеть выражает чистое желание, если субъект желания и субъект действия не совпадают; ср. *Хочешь, валенки сниму, / Как пушинку подниму* (О. Мандельштам, "Жизнь упала, как зарница..."). Это и естественно: намерение всегда требует совпадения субъекта состояния и субъекта действия.

Выражению значения намерения в принципе благоприятствуют тематичность и фразовая безударность соответствующего предиката, а также указание временных рамок состояния. Все три фактора действуют и в случае хотеть, причем временные рамки состояния обычно задаются следующими контекстами:

а) контекстом глаголов физического действия в форме СОВ: *Я хочу по дороге заехать в институт*; *Лара хотела убить человека, по Пашиным понятиям, безразличного ей* (Б. Пастернак, Доктор Живаго);

б) контекстом частиц *уже* и *было*, обозначающих отказ от почти предпринятого действия; *Он хотел было <уже хотел> выключить радио, но передумал*;

в) контекстом временных слов и выражений типа *теперь, как раз, только что, перед этим, после этого, потом* и тех синтаксических конструкций, которые выражают идею последовательности событий. Такие контексты характерны для ситуации планирования действий, а планирование с неизбежностью предполагает намерение сделать что-то. Ср. *Я только что хотел сообщить вам, что собрание отменяется; Я как раз хотела попросить тебя объяснить мне квадратные уравнения* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Кое-какие материалы я уже собрал и теперь хочу поехать в Москву; Я хочу поработать в архивах, побывать на местах событий и поговорить с их участниками; Хотели петь — и не смогли, / Хотели встать — дугой пошли / Через окно на двор горбатый* (О. Мандельштам, "Сегодня ночью, не солгу...").

Глагол *желать* имеет два основных круга употреблений, с ясно выраженной стилистической, семантической и прагматической спецификой в каждом из них.

В отрицательных предложениях, очень для него характерных, а также в формах ПРИЧ, ДЕЕПР и ИНФ он стилистически, семантически и прагматически нейтрален.

Отрицательные предложения: *Санька ему эдак грубо: Не разденусь. Не желаю части тела всем показывать* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Меня в сумасшедшие вырядили, никто не желает меня слушать* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *За то, что не пожелал солдат умереть от немецкой пули, он должен после плена умереть от советской* (А. И. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Вся беда в том, что они абсолютно не желают знать слова "нельзя"* (А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга).

Неличные формы: *Сознательно желать уснуть — верная бессонница* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Радек осенью звонил ему, желая встретиться. Бухарин отгородился: мы оба обвиняемые, зачем навлекать новую тень* (А. И. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Посетителей, желающих осмотреть пещеры, просят собираться у касс*.

Поскольку у *хотеть* именно неличные формы (за исключением ИНФ) плохо выразимы или даже невозможны (см. ниже 2.5), а с другой стороны, отсутствуют такие важные производные, как имя состояния (ср. *желание*) и прилагательное типа *желательный*, *желать* и *хотеть* тяготеют к слиянию в один глагол с супплетивной грамматической и словообразовательной парадигмами, в которых все члены стилистически нейтральны.

Второй круг употреблений — личные формы в утвердительных и вопросительных предложениях. В таких условиях *желать* в большинстве случаев стилистически или прагматически отмечен: либо предпочитается в нарративном жанре (*Петр Петрович желал показать себя перед товарищем радушным, щедрым, богатым — и делал это неумело, по-мальчишески* (И. Бунин, Сухо-

дол)); либо официален (*Итак, прокуратор желает знать, кого из двух преступников намерен освободить синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцри?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита)); либо ироничен (*Тогда он написал в советское посольство, что желает вернуться в дороге ему отечество* (А. И. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ)); либо слегка претенциозен (*— Господа новобранцы! Я желаю поздравить вас еще во многих других моментах и отношениях* (Б. Пастернак, Доктор Живаго))¹³.

С другой стороны, именно в личных формах **желать** наиболее противопоставлен **хотеть** семантически.

Во-первых, в отличие от **хотеть**, он обозначает, особенно в форме НЕСОВ, чистое желание, без намека на действительную волю. Ср. *У каждого, у каждого в душе было то, что заставляет человека жить и желать сладкого обмана жизни!* (И. Бунин, Братья); *Доктор тревожился за эту жизнь и желал ей целостности и сохранности и, летя в ночном скором поезде, нетерпеливо рвался к этой жизни обратно* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *От всей души желаю, чтобы они [праздники] скорее кончились* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). См. также примеры из "Воспоминаний" А. Ф. Кони выше.

Во-вторых, в формах 1-Л и 2-Л **желать** может указывать на неравенство социального статуса субъекта желания по сравнению со статусом его собеседника. В таких употреблениях **желать** приобретает особенности "купеческого", мешанского, полуофициального или иного стилистически отмеченного узуса. Ср. нейтральные *Я хочу послушать пение цыган; Что ты хочешь надеть — халат или пижаму?*; *Может быть, ты хочешь заказать обед в номер?* и стилистически или прагматически отмеченные *Я желаю, чтобы цыгане пели всю ночь* [возникает образ подгулявшего и слегка куражащегося купца]; *— Что желаете надеть — халатик или пижаму?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Не желаете ли заказать обед в номер?* [почтительно, уместно в устах человека, обслуживающего клиента].

Наконец, в-третьих, **желать** отличается от **хотеть** несколько большей индивидуализированностью, большей закрепленностью за отдельной личностью. В частности, когда речь идет об общих желаниях больших групп людей, уместнее использовать **хотеть**. *Все шахты Воркуты хотят объявить предупредительную забастовку* не только стилистически, но и семантически предпочтительней, чем *Все шахты Воркуты желают объявить предупредительную забастовку*.

Указанные различия между **хотеть** и **желать** частично нейтрализуются в следующих двух условиях:

а) когда потенциальным исполнителем желания является не субъект, а какое-то другое лицо; ср. — *Итак, Марго, — продолжал Воланд, смягчая свой го-*

¹³ Из сказанного следует, между прочим, что в общем случае объектом стилистического описания в словаре является не лексема (слово в определенном значении), а более мелкая единица — лексема в определенной грамматической форме, в определенной синтаксической конструкции, в определенном лексическом контексте.

лос, — чего вы хотите за то, что сегодня были у меня хозяйкой? Чего желаете за то, что провели этот вечер нагой? (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);

б) в отрицательных предложениях; ср. *Я не хочу <не желаю> никого проверять <говорить на эту тему>; Он не захотел <не пожелал> расстаться с обстановкой, к которой он привык с детства; Коля прибежал [к особой манере речи], когда не желал кому-нибудь отвечать или не хотел вступить с кем-либо в разговоры* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Нейтрализация в отрицательных предложениях не является полной, потому что *не желаю, не желает, не пожелал* и т. п. обозначают более категорическое нежелание, чем *не хочу, не хочет, не захотел* и т. п. Ср. *Я уйду, я не хочу его видеть <не хочу вас слушать> — Я уйду, я не желаю его видеть <не желаю вас слушать>*.

Единственным общим свойством двух других синонимов — **мечтать** и **жаждать** — является указание на интенсивность желания. Ср. *Несколько суток зажатые и скрюченные в купе столыпина — как мы мечтали о пересылке!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *К тому времени я была в театре уже полгода, ходила на все спектакли Мелик-Пашаева, обожала его как музыканта, мечтала работать с ним и знала, как туго он пускает певцов в свои спектакли* (Г. Вишневская, Галина); *Но из всех оконец, в него-то мои герои-изгнанники мучительно жаждали посмотреть* (В. Набоков, Другие берега).

По другим признакам они существенно отличаются друг от друга, причем в семантической специфике каждого из них просвечивают особенности основного значения.

Мечтать в значении 'хотеть' тесно связано со своим основным значением 'думать о неосуществимом, грезить' и поэтому предполагает работу воображения и других интеллектуальных систем человека. Это предопределяет следующие его особенности.

Во-первых, **мечтать** обычно указывает на оценку желаемого положения дел как чего-то очень хорошего для субъекта или близких ему людей: *мечтать о кружечке пива в жаркий день <о членском билете Союза композиторов>; мечтать учиться в университете <увидеть могилу Канта, работать под руководством Капицы>; Ну вот, а мы-то мечтали отдохнуть и размяться в порту!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Чаще, чем для других синонимов, предмет желаний в случае **мечтать** представляется тем единственным, что способно принести удовлетворение субъекту: — *Ты мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Бедная жертва своего легкомыслия и страсти к нарядам мечтала только об одном — провалиться сквозь землю* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Надо ж и о тех сказать, кто еще до 41-го ни о чем другом не мечтал, как только взять оружие и бить этим красных комиссаров* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). В той мере, в какой речь идет о чем-то хорошем, что, мо-

жет быть, ждет субъекта в будущем, **мечтать** сближается с *надеяться* (см. раздел 2.4).

Во-вторых, этот глагол сохраняет намек на некоторую мечтательность субъекта, его прекраснотушние, недостаток действенной воли и т. п., в связи с чем его желание оказывается оторванным от действительности и, может быть, нереализуемым; ср. *Глупо мечтать о Сорбонне, если вы не готовы как следует выучить французский язык*.

В-третьих, **мечтать** обозначает желание, уже существующее в течение какого-то времени. Оно не может быть спонтанным. Если меня спрашивают: *"Хотите попасть на выставку работ Пикассо в Музее изобразительных искусств?"*, я могу ответить либо *"Хочу"*, либо *"Мечтаю"*. Первый ответ возможен как в той ситуации, когда я впервые услышал о выставке работ Пикассо, так и тогда, когда я уже знал о выставке и давно хотел на нее попасть. Второй ответ возможен только в этой последней ситуации. Ср. также *Удаление Степана Богдановича из Варьете не доставило Римскому той радости, о которой он так жадно мечтал в продолжение нескольких лет* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В-четвертых, момент первоначального возникновения желания может быть отделен от момента его возможного осуществления весьма значительным, в принципе никак не ограниченным временным промежутком; ср. *Кузьма всю жизнь мечтал научиться читать и писать* (И. Бунин, Деревня). При ретроспективном употреблении **мечтать** в форме ПРОШ (ср. восклицание *Я так мечтал попасть в Большой театр!* в случае, когда я уже нахожусь в нем) временной промежуток, отделяющий осуществившееся желаемое событие от момента возникновения желания, тоже обычно больше, чем для других синонимов; ср. *Я так хотел попасть в Большой театр!* в той же ситуации.

Глагол **жаждать** значит 'остро ощущать сильную потребность в чем-л.'; таким образом, то значение, в котором он оказывается синонимом **хотеть**, тоже вытекает из его основного значения ('ощущать потребность пить'), хотя в современном языке последнее устарело.

Этот синоним тоже имеет два круга употреблений.

В первом, наиболее для него типичном, **жаждать** сохраняет существенную семантическую специфику и по сравнению с **мечтать**, и по сравнению с **хотеть**.

Прежде всего, **жаждут** чего-то, что является или по крайней мере представляется субъекту желания важным или выходящим за рамки обыденности. Ср. *жаждать правды <добра, нового>; жаждать приключений; Амнистии! великодушной и широкой амнистии ждали и жаждали мы!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Несколько выступающих оказываются сведущими в литературе, даже читателями "Нового мира", они жаждут реформ* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Жажда предполагает, далее, возбужденное эмоциональное состояние субъекта; ср. *Варенуха разрыдался и зашептал дрожащим голосом и озираясь, что он врет исключительно из страха --- и что он просит, молит, жаждет быть заперт в бронированную камеру* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Во многих случаях желание в форме **жаждать** настолько тесно переплетено с какой-то сильной эмоцией, что оно, подобно страсти, становится слепым: человек стремится к его удовлетворению любой ценой, не считаясь ни с чем, может быть, вопреки рассудку. Ср. *Он жаждал ее увидеть и совершенно не думал об опасности; И даже те в трупке, кто недавно высказывал недовольство положением дел в театре, теперь [после прихода А. В. Эфроса] яростно жаждали защитить все, что было создано Любимовым* (Р. Кречетова, Фантазии в манере Калло).

Третье отличие **жаждать** от **мечтать** состоит в том, что он предполагает большее разнообразие предмета желаний. В этом отношении **жаждать** вновь сближается с **хотеть**. Однако для него более обычны контексты, в которых речь идет о темном желании, желании чего-то плохого для себя или других людей; ср. *жаждать чьей-л. крови, жаждают мести; Я знаю, он жаждет моего поражения; Даже он слабей еще, ибо Якубович смерти жаждал, а Бухарин ее боится* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Жаждали генералы пролить кровь бастующих заключенных: без крови не победа, без крови не будет этим скотам науки* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Очень страшно обнаружить в соотечественниках, среди которых прожил большую часть жизни, жестоких мальчишек, жаждущих кровавых игр* (МН, 02.08.92).

Жаждать, наконец, обозначает нетерпеливое желание, в норме предполагающее минимальный временной разрыв между моментом его возникновения и желательным для субъекта моментом его удовлетворения. Ср. *Я оказалась перед огромной двуспальной кроватью и под обстрелом любопытных глаз девиц и молодых парней-техников, жаждущих увидеть, как это уважаемая Галина Павловна будет сегодня на глазах у всех и собственного мужа обниматься и целоваться* (Г. Вишневская, Галина). Эта особенность связана с тем, что **жаждать** уподобляется физической потребности, задержка в удовлетворении которой способна нарушить нормальное существование субъекта. Употребление **мечтать** в подобных контекстах либо неуместно, либо меняет временную перспективу: если желание вот-вот исполнится, то момент его возникновения отодвигается далеко в прошлое: *Ведь они уже давно мечтали увидеть, как прославленная певица будет на глазах у всех обниматься и целоваться*.

Во втором круге употреблений, где **жаждать** обозначает бытовые, обыденные ситуации, он во многих отношениях сближается с **хотеть**, отличаясь от последнего преимущественно указанием на несколько большую интенсивность желания; ср. *Выйдя утром из своей конуры и на ходу полаявшись с соседом, жаждущим утренней опохмелки, постоял в очереди в ванную* (Г. Вишневская, Галина); *К десяти часам утра очередь жаждущих билетов до того спухла, что о ней дошли слухи до милиции* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

2.4. Примечания к семантической зоне

ПРИМЕЧАНИЕ 1. В рассмотренный ряд входят или к нему примыкают еще два малоупотребительных синонима — книжн., арх. или ирон. **вождедель** 'испытывать страстное желание или сильное плотское влечение' и устар. книжн. или стилиз.¹⁴ **алкать** 'сильно желать'. В современном языке они используются для создания разного рода стилистических эффектов. Ср. *Стайка поэтов-нонконформистов облепила в фойе Центрального Дома литераторов заезжую богатую американку. --- Как они на нее глядели, как они вождедели ее любви невероломной и по возможности эксклюзивной!* (С. Чупринин, Люди гибнут ...); *Ничего лучшего не смогу я сказать своему народу, когда алчущие власти обещают ему скорейшее спасение России и, главное, совершенно безболезненное* (Г. Владимов, Еще не покроются цветом деревья).

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Глаголы **хотеть**, **желать** и **жаждать** имеют близкое к рассмотренному значению плотского влечения: *Я тебя хочу; Как он желал эту женщину!; Только похоть заставляет мужчину гоняться за женщиной и женщину жаждать мужчины* (М. Кузмин, Крылья). При этом в прямом обращении предпочитается **хотеть**, а в констатации о третьем лице — **желать**.

Глагол **желать** имеет близкое к рассмотренному значению 'выражать кому-л. пожелание, чтобы у него нечто было'; ср. *желать кому-л. счастья <здоровья, успехов в работе, приятной поездки>; — Чего тебе пожелать? — Пожелай мне удачи.*

Глагол **мечтать** (в абсолютивном употреблении и в конструкции *мечтать о чем-л.*) имеет близкое к рассмотренному значению 'думать о неосуществимом, грезить'; ср. *Ты все мечтаешь, а надо действовать; Мы мечтали о том золотом времени, когда мы вырастем и тоже будем обедать с аранжировщиками на коленях* (И. Бунин, Суходол); *Смена этих просторов настраивала на широкий лад. Хотелось мечтать и думать о будущем* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *В течение трех суток она предоставлена самой себе, никто не мешает ей думать о чем угодно, мечтать о том, что ей понравится* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

У того же глагола есть близкое к рассмотренному, но устаревшее значение 'надеяться'; ср. [*Дарданелов*] *имел некоторое право мечтать, что он не совсем противен прелестной, но уже слишком целомудренной и нежной вдовице* (Ф. М. Достоевский, МАС). В современном языке это значение сохранилось у него преимущественно в разного рода отрицательных конструкциях: *Я (уж и) не мечтал вновь вас увидеть; Оно [небо] не наградило его при рождении литературным талантом, без чего, естественно, ничего было и мечтать овладеть членским МАССОЛИТским билетом* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Характерной чертой **хотеть** является возможность переносных и образных употреблений, персонификаций и т. п. Ср. *Ветер как бы хотел вырвать рас-*

¹⁴ "Стилиз." — новая помета, указывающая на то, что лексема может использоваться в целях стилизации.

тение целиком, поднимал на воздух, встряхивал на весу и брезгливо кидал вниз, как дырявое рубище (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Деревья с таким видом заглядывали в комнату, словно хотели положить на пол свои ветки в тяжелом инее, похожем на сиреневые струйки застывшего стеарина* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

2.5. Грамматические формы и комментарии к ним

У синонима **хотеть** нет собственной формы СОВ. Форма \sim СОВ *захотеть* в утвердительных предложениях в форме ИЗЪЯВ часто имеет начинательное значение: *После прогулки <через час> он захотел есть*. В отрицательных предложениях, а также в форме СОСЛ значение *захотеть* смещается в сторону чисто видового, и семантически эта форма сближается с формой СОВ *пожелать* глагола **желать**. Ср. *Он не захотел <~ не пожелал> разговаривать со мной; Пожелай он обкрадывать казну, он мог бы преспокойно класть в карман, что и сколько бы захотел, и тоже никто бы и не пикнул* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

У синонима **хотеть** форма ПРОШ приобретает прагматическую, семантическую и стилистическую специализацию: в вопросительных предложениях типа *Чего <что> вы хотели?* она является частью клишированного обращения к клиенту, просителю и т. п., обозначает состояние, одновременное с моментом речи, и имеет черты просторечного или мешчанского стиля.

Вследствие того, что синонимы данного ряда обозначают не действие, а состояние, форма ПОВЕЛ в утвердительном предложении для них невозможна (**хотеть**, **жаждать**) или, по крайней мере, неестественна (**желать**, **мечтать**). Однако для **желать** и **мечтать** возможен отрицательный императив: *Не желай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе; Ни о каких квартирах в Москве не мечтай*.

Для всех синонимов, за исключением **жаждать**, характерны формы СОСЛ: *Я бы хотел выслушать и другую сторону; — Кто желал бы выступить?; — Любая женщина в мире, могу вас уверить, мечтала бы об этом* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

У **хотеть** в литературном языке нет форм ПРИЧ, НАСТ и ДЕЕПР, НАСТ. Поэтому при необходимости выразить соответствующий смысл используются несобственные формы — *желающий* и *желая*.

Формы ДЕЕПР нет также у **жаждать**, но в данном случае ее отсутствие никак не компенсируется.

Для **жаждать** типичны формы ПРИЧ; см. примеры ↑.

2.6. Синтаксические конструкции и их семантическая специфика

Хотеть и — реже — **желать** управляют прямым дополнением, выраженным предметным существительным в форме ВИН и обозначающим содержание

желания: *Хочешь конфетку?*; *Желаете закуску или сразу первое блюдо?* При этом значение словосочетания приобретает следующий вид: 'хотеть приобрести или использовать объект'; ср. *Хочешь карту города?* = 'Хочешь получить или приобрести карту города?', *Хочешь конфетку?* = 'Хочешь съесть конфетку?'

Все синонимы, за исключением *мечтать*, управляют прямым дополнением в форме РОД или ПАРТ с тем же значением содержания желания; ср. *Хочу сладкого <чаю>*, *Желаєте чаю или кофе?* При этом, если дополнение выражено именем с непредметным значением, словосочетание в целом выражает дополнительно идею существования: *Хочу <желаю, жажду> мира в семье* = 'хочу, чтобы существовал мир в семье'; *Хочу <желаю, жажду> перемен* = 'хочу, чтобы наступили перемены'.

Все синонимы управляют формой ИНФ и придаточным предложением, вводимым союзом *чтобы*, с тем же значением содержания желания; ср. *Она хотела <желала, мечтала, жаждала> увидеть своего кумира*; *хотеть <желать, мечтать, жаждать>*, *чтобы на традиционный сбор приехали все выпускники школы*; *Я хочу, чтобы Фриде перестали подавать тот платок, которым она удушила своего ребенка* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Синонимы *хотеть* и *желать* управляют предложно-именной группой от кого-л., обозначающей потенциального исполнителя желания субъекта: *Чего вы от меня хотите?*; — *Знаем мы вас, казанских сирот! Девку отдал, малого женил, деньги есть... Чего тебе еще от Бога желать?* (И. Бунин, Деревня). Для *жаждать* такие конструкции нехарактерны, для *мечтать* — невозможны.

Глагол *желать*, но не другие синонимы ряда, управляет формой ДАТ, обозначающей человека, которого субъект желания хотел бы видеть в определенном положении или состоянии, причем наиболее обычны полярные состояния добра и зла. Ср. *Я желаю ему счастья* [ср. Примечание 2]; *Я ведь добра тебе желаю*; *Сколько раз проклинал он своего мучителя и желал ему смерти* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Кузьма широко раскрыл глаза и крикнул: — Стой, да ты с ума сошла! Разве я тебе зла желаю?* (И. Бунин, Деревня).

Хотеть, но не другие синонимы ряда, способен управлять дополнением со значением конечной точки перемещения, при котором опускается соответствующий инфинитив: *хотеть в Москву <в деревню>*; *Цветаева и сама хотела в Крым, казалось, что там спокойнее и надежнее переждать Московскую смуту* (В. Швейцер, Быт и бытие Марины Цветаевой).

Кроме того, только для глагола *хотеть* характерны синтаксические фраземы типа *Зови кого хочешь*, *Иди куда <когда> хочешь*, *Живи где <с кем> хочешь* и т. п. Ср. *Делай как хочешь, но говорю тебе, что этот человек производит на меня впечатление отталкивающее* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Все синонимы, за исключением *мечтать*, имеют семантические особенности в отрицательных предложениях; *мечтать* в рассматриваемом здесь значении в отрицательных предложениях не употребляется (см. Примечание 2).

Хотеть и **желать** в сочетании со стативными глаголами типа *знать, видеть, слышать* и т. п. в отрицательных предложениях приобретают дополнительное значение неприятия чего-л.: *Не хочу тебя знать, Не желаю тебя больше видеть <слышать>; Те русские философы, которых не хочет знать русская интеллигенция, которых она относит к иному, враждебному миру, тоже ведь принадлежат к интеллигенции* (Н. Бердяев, Философская истина и интеллигентская правда).

При глаголе **жаждать** значение отрицания смягчается, так что в результате получается значение 'не испытываю особого желания делать что-л.'; ср. *Я жажду его видеть*.

2.7. Лексико-семантическая сочетаемость

Все синонимы сочетаются с названием отдельного человека в роли субъекта состояния (см. ¹⁴). Синонимы **хотеть** и **жаждать** более свободно сочетаются с названием группы лиц в той же роли, чем **желать** и особенно **мечтать**; ср. *Комиссия хотела отложить рассмотрение вопроса; Толпа жаждала крови*.

Синоним **жаждать**, указывающий на связь желания с какой-то сильной эмоцией, свободно сочетается со словами типа *душа, сердце, все ее существо* и т. п. в роли субъекта желания: *Душа <все его существо> жаждала <жаждало> деятельности; Видно, была еще какая-то капля меда в чаше ее жизни --- Еще жаждало старое сердце этой капли, — и Александра Васильевна стала поправляться* (И. Бунин, Чаша жизни); *Я раздваиваюсь. Одна половина меня жаждет наслаждения, тянется схватить и сделать необходимое, сладостное, желанное, а другая впадает в прострацию* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне). Такие сочетания менее характерны для **хотеть** и **желать** и невозможны для **мечтать**, поскольку этот синоним обозначает желание с интеллектуальной подоплекой.

Все синонимы ряда сочетаются с наречиями *так, как, страстно*, обозначающими очень большую интенсивность желания. Ср. *Он так хотел спать; Я так желала вам счастья!; Как мы мечтали о пересылке!; Тот, кого так жаждет видеть выдуманый вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Он страстно хотел <желал> попасть в круг этих людей; Однако, беседуя с Балашкиным о Шиллере, страстно мечтал он [Кузьма] выпросить у него в долг "ливенку"* (И. Бунин, Деревня); *Если бы ты знал, как страстно, с какой тоской я жажду своего обновления* (А. Чехов, МАС).

Для синонима **мечтать** характерно сочетание с наречием *жадно* в том же значении, а для синонима **жаждать**, обозначающего страстное желание, сочетание с наречием *мучительно* (см. ¹).

Только синоним **хотеть** сочетается со словом *очень*; ср. *Он очень хотел есть*.

Синонимы **хотеть** и **желать** в форме 2-Л сочетаются с пропозициональным местоимением *как*, образуя застывшие формулы *Как хотите*, *Как (по)желаете* со значением 'Как вам будет угодно'.

Только **хотеть** сочетается с пропозициональным местоимением *так*: — *Зачем это вам нужно? — Я так хочу*. Для **желать** такое сочетание затруднено, для двух других синонимов невозможно.

Только **хотеть** сочетается с частицами *уже* и *было*, обозначающими отказ от почти предпринятого действия; ср. *Она уж хотела выговорить заветные и приготовленные в душе слова, как вдруг побледнела, раскрыла рот и вытаращила глаза* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Он хотел было продолжать, но Алешка не вытерпел и крикнул: — Потом доскажешь!* (И. Бунин, Захар Воробьев).

2.8. Иллюстрации

Две дамы обиделись и действительно ушли. Третья, гостья из Болгарии, почувствовала себя неловко и тоже **хотела** уйти. Но он [К. И. Чуковский] ее удержал (*А. Райкин, "Только после вас..."*). Тактика, которой он [А. В. Эфрос] сразу же стал придерживаться, свидетельствовала: он **хочет** доказать, что может быть не только формальным наследником Любимова (*Р. Кречетова, Фантазии в манере Калло*). Здесь не **хотят** с Ростроповичем играть, а оркестры Парижа, Лондона, Нью-Йорка об этом **мечтают**. Значит, никакого выхода у нас и нет, как только отсюда к ним уехать (*Г. Вишневецкая, Галина*). Она бы **хотела** иначе, / Носить драгоценный наряд... / Но кони все скачут и скачут, / А избы горят и горят (*Н. Коржавин, Столетье промчалось, и снова*).

Несомненно, что он **желал** видеть Россию освобожденную от крепостного ига, но **захотеть** этого и в таком смысле проявить прямо и бесповоротно свою волю — не находил в себе решимости (*А. Кони, Воспоминания о писателях*). Они такие же русские, как мы, только с дурью, с которой они сами не желают расставаться и которую нам придется выбивать силой (*Б. Пастернак, Доктор Живаго*). Ты красок себе **пожелала** / И вытащил лапой своей / Рисующий лев из пенала / С полдюжины карандашей (*О. Мандельштам, Армения*). Не **желая** закрывать глаза на жестокую правду, Шостакович отчетливо и ясно сознавал, что он и все мы — участники отвратительного фарса (*Г. Вишневецкая, Галина*). Каждый из них **желает** пробиться поближе к президенту ---, но для этого, естественно, необходимо растолкать тех, кто уже занял командные высоты (*МН, 23.02.92*).

Когда-то кто-то из них [монголов, татар, турок, поляков, французов], может, и **мечтал** перешибить хребет России. А порой и рядом стояли с Россией те же татары, поляки, французы (*Д. Самойлов, Исаич*). И каждый, кто истинно любит ее [русскую культуру], будет стремиться к воссоединению обеих ветвей — метрополии и зарубежья. --- Я **мечтаю** дожить до того дня (*А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ*); Марина **мечтала**, чтобы он [С. Эфрон] служил на Юге, может быть, в Севастополе — она боялась за его легкие

(В. Швейцер, *Быт и бытие Марины Цветаевой*). Естественно, что в том обществе, к которому мы стремимся, мы мечтаем иметь --- все самое лучшее, самое эффективное, что имеет мир (ЛГ, 15.04.93).

Тогда я попытался навязать им "Зону" в качестве сборника рассказов. Издатели сказали, что это нерентабельно. Что публика жаждет романов и эпосов (С. Довлатов, *Письмо издателю*). — Но я попрошу вас позвать... — Сию минуту, — выпалил Родион с такой готовностью, словно только и жаждал этого (В. Набоков, *Приглашение на казнь*). Билеты в нее [правительственную ложу] никогда не продают. Все надеются, что вдруг вожди возжаждут высокого искусства и нагрянут на какой-нибудь симфонический концерт (Г. Вишневская, *Галлина*). Он [отец Николай] жаждал мысли, окрыленно вещественной, которая --- даже ребенку и невежде была бы заметна, как вспышка молнии или след прокатившегося грома. Он жаждал нового (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*).

2.9. Служебные зоны

В служебных зонах приводятся, с минимальными комментариями, списки лексических единиц, имеющих парадигматические семантические связи с элементами данного ряда. Их теоретическое назначение состоит в том, чтобы продемонстрировать непрерывность семантического пространства языка. Практически они обеспечивают разного рода путешествия в этом пространстве и возможность выбрать такой маршрут, который оптимальным образом соответствует исследовательским или учебным целям пользователя.

В число служебных зон включаются фразеологические синонимы, аналоги (когипонимы и другие лексемы, семантически достаточно близкие к элементам ряда, хотя и не являющиеся их синонимами), точные и неточные конверсивы, конверсивы к аналогам, точные и неточные антонимы, дериваты. В последнюю зону, помимо собственно дериватов (включая супплетивные производные), включаются все лексические единицы других частей речи, значение которых достаточно регулярным образом отличается от значений входящих в данный ряд лексем.

В данном ряду относительно хорошо представлены следующие зоны:

Фразеологические синонимы: *иметь охоту, лелеять мечту, гореть желанием; спать и видеть; Дорого бы дал за что-л., Отдал бы (правую) руку за что-л.; чего изволите?* [~ 'Чего бы вы хотели'].

Аналоги: *надеяться, уповать; мечтать 1, грезить; бредить (морем); ждать [Я так ждал вас!]; пристраститься, приохотиться; стремиться; намереваться, собираться, думать 3, вздумать; искать [Вы, я вижу, ищете ссоры]; просить.*

Неточные конверсивы: *хотеться, не терпеться, подмывать.*

Конверсивы к аналогам: *привлекать, манить, тянуть 4; соблазнять; пристичить; взбрести в голову, вздуматься.*

Неточные антонимы: *брезговать, гнушаться; расхотеть.*

Дериваты: *желание, охота, жажда* [ср. *жажда приключений*]; *позыв, импульс; желающий* [ср. *Есть желающие?*]; *предмет желаний; предел желаний, предел мечтаний; желательный, желанный; долгожданный; вожаденный; угодно* [*Как вам будет угодно* ~ 'Как вы захотите']; *охотно, неохотно* [*Он охотно <неохотно> читает по-немецки*]; *по-моему <по-твоему, по-вашему* и т. п. = 'так, как я хочу <ты хочешь, вы хотите>' [*По-твоему все равно не будет*]; *рассхотеть* [~ 'перестать хотеть'], *пожелать* 2 [~ 'выразить желание'].

Часть III

Системная лексикография

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.

МЕТАФОРА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭМОЦИЙ*

1. Два подхода к описанию эмоциональной лексики

До недавнего времени внутренний мир человека занимал психиатров, философов, поэтов, но мало интересовал лингвистов. Положение стало меняться с возникновением в 60-х годах современной лингвистической семантики, когда появились первые опыты лексикографического описания эмоциональной лексики [1–4]. С тех пор интерес к словам, обозначающим эмоции¹, непрерывно возрастал и в теоретическом, и в лексикографическом плане; упомянем такие работы, как [5–16]. Любопытные данные об эмоциях, которые могут представлять ценность и для лингвистики, содержатся в ряде современных психологических, физиологических, социологических и других исследований; см., например, [17–21]; обзор этих работ дан в [22]. Хотелось бы надеяться, что и лингвистические результаты изучения эмоций будут небезынтересны для представителей других дисциплин. В языке закреплён опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надёжности никак не уступают данным экспериментальных исследований.

Несколько схематизируя реальное положение вещей, можно сказать, что в лингвистике сложились два подхода к описанию эмоций, которые мы условно назовем смысловым и метафорическим. В рамках этих подходов по-разному решается главная трудность, с которой сталкивается исследователь при описании эмоциональной лексики. Как известно, сами эмоции недоступны прямому

* Статья была впервые напечатана в журнале "Вопросы языкознания", 1993, №3

¹ В дальнейшем вместо выражения "слова (лексемы), обозначающие эмоции", мы будем говорить просто "эмоции" во всех контекстах, где это не приводит к двусмысленности.

наблюдению. В этом отношении они подобны другим внутренним состояниям, например, ментальным. Однако в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова. Эта онтологическая трудность порождает трудность лингвистическую: слову, обозначающему эмоцию, почти невозможно дать прямое лексикографическое истолкование.

Как правило, в тех случаях, когда прямое объяснение какого-либо явления по той или иной причине невозможно, говорящий использует различные окольные пути, обращаясь при этом к тем знаниям, которые, по его предположению, уже имеются в опыте адресата. Наиболее употребительными, а может быть, и единственно возможными являются следующие два приема объяснения: либо говорящий указывает на известную адресату ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо он сравнивает это явление с похожим на него другим явлением, знакомым адресату. В сущности, именно эти принципы лежат в основе двух упомянутых нами лингвистических подходов к описанию эмоций.

1.1. Смысловой подход

Этот подход был предложен в первых работах А. Вежбицкой и Л. Н. Иорданской, где эмоции описывались через прототипические ситуации, в которых они возникают. Приведем примеры (английские примеры А. Вежбицкой заменены соответствующими русскими).

X испытывает стыд = 'X чувствует то, что чувствует человек, когда он думает, что он сделал нечто плохое или смешное, и когда он хочет, чтобы никто об этом не знал'.

X испытывает гордость = 'X чувствует то, что чувствует человек, когда он думает, что он сделал нечто большее, чем просто хорошее, и когда он хочет, чтобы другие люди об этом знали' [2: 63].

A огорчается из-за B = 'A испытывает такое пассивно-отрицательное эмоциональное состояние, которое обычно каузируется у среднего человека i следующей его оценкой некоторого события j: 1) i уверен в осуществлении события j; 2) j нежелательно для i; указанное состояние каузируется у A указанной оценкой со стороны A события B' [3: 7].

В последующих работах А. Вежбицкой и Л. Н. Иорданской, а также других авторов, принявших смысловой подход, эти и другие подобные толкования были усовершенствованы, но принцип сведения к прототипу сохранился. Ср. следующие более поздние толкования (английский текст заменен соответствующим русским):

Afraid 'бояться'

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

может произойти что-то плохое

я не хочу этого
 я не знаю, что я могу сделать
 поэтому этот человек чувствует что-то плохое
 X чувствует это [7: 363–364]
 БОЯТЬСЯ I.1.a. X боится Y-a =

Ассерция

Оценка

'X ожидает, что Y каузирует нечто нежелательное для X-a

или

Эмоция

характеристик

причина

прототипические

условия

Следствие

X находится или у него есть свойство быть в неприятном эмоциональном состоянии по отношению к Y-у, которое каузировано упомянутым ожиданием X-a, причем это состояние такое, какое обычно бывает при ожидании чего-то опасного, причем это ожидание и/или состояние каузирует X-a стремиться избегать Y-a [13: 335].

Принцип сведения к прототипу и сейчас представляется нам в высшей степени ценным, но его одного недостаточно для полного и адекватного лексикографического представления эмоциональной лексики.

Во-первых, нуждается в дальнейшей спецификации качество самой эмоции ('feeling something good' и 'feeling something bad' у А. Вежбицкой, 'положительное (приятное) состояние' и 'отрицательное (неприятное) состояние' у Л. Н. Иорданской, а затем у Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука). По существу, различия в состояниях души, как они описаны в приведенных толкованиях, сводятся к различиям в причинах, которые их вызывают. Можно, однако, предполагать (и такое предположение было высказано В. Ю. Апресян [16]), что состояния души даже в случае таких близких по прототипу эмоций, как *страх* и *опасение*, — разные. Равным образом различаются отрицательные чувства в случае *горя* и *скорби*, тоже практически совпадающих по прототипу: оба в качестве нормальной причины предполагают большую утрату.

Во-вторых, хотелось бы найти такие семантические представления эмоций, которые позволили бы дать принципиальное (семантически мотивированное) объяснение "симптоматической" лексики. Это — выражения типа *похолодеть от страха*, *покраснеть от стыда*, *задохнуться от возмущения*, впервые глубоко и тонко проанализированные в работах [4, 11]; см. также [12].

1.2. Метафорический подход

Дж. Лаков и М. Джонсон в [5:57–58] отмечают, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то. Поэтому наиболее адекватным лингвистическим описанием эмоций авторы считают описание через метафоры, в которых эти эмоции концептуализуются в языке. Например,

эмоции *счастье* (HAPPY) и *грусть* (SAD) в английском языке метафорически противопоставлены как ВЕРХ и НИЗ. Этой метафоре дается, с одной стороны, физическая мотивировка — человек поднимает голову, когда радуется, и опускает, когда грустит. С другой стороны, предлагается языковая мотивировка: данная метафора является частным случаем метафоры вида ХОРОШЕЕ — ВЕРХ, ПЛОХОЕ — НИЗ. Таким образом, у Дж. Лакова и М. Джонсона описание строится в виде иерархий метафор, в которых метафоры низшего порядка наследуют структуру метафор — "предков". Ср. аналогичный подход к описанию эмоций в [19].

Безусловное достоинство этого подхода состоит в том, что он дает возможность отразить внутреннюю семантическую компаративность слов, обозначающих эмоции, и ввести в описание, помимо самих этих слов, большие группы связанных с ними метафорических выражений.

Недостаток состоит в том, что метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа, и собственно семантическая мотивация того, почему та или иная метафора ассоциируется с определенной эмоцией, отсутствует. Между физической мотивацией и самой метафорой отсутствует языковое, семантическое звено.

Кроме того, специфичность метафор, относящихся именно к эмоциям (в основном к "симптоматической" лексике), не получает никакого объяснения.

Наконец, некоторые метафорические сближения кажутся продиктованными не столько устоявшейся языковой практикой, сколько единичными употреблениями. Например, на основании таких окказиональных и периферийных высказываний о характере любовных отношений, как *Мы на перекрестке*, *Мы зашли слишком далеко*, *Ты торопишь события*, *Ты едешь по скоростной полосе на автостраде любви* (последний пример заимствован из неопубликованной работы Дж. Лакова), Дж. Лаков предлагает для любви образ путешествия. Более точно, он представляет любовь в виде средства передвижения, в котором влюбленные движутся к своей общей цели. Очевидно, что с таким же успехом путешествию или средству передвижения могут быть уподоблены многие другие виды человеческой деятельности (споры, переговоры, решения, критика, похвалы и т. п.), так что ценность этой метафоры как описания именно любви уменьшается.

Интересные идеи на ту же тему были выдвинуты В. А. Успенским, рассмотревшим в [9] поведение абстрактных существительных *авторитет*, *страх*, *горе* и *радость* в составе метафорических выражений типа *прочный авторитет*, *хрупкий авторитет*, *дутый авторитет*, *авторитет лопнул*, и т. п.; *Страх нападает на человека*, *охватывает его*, *душит*, *парализует*, *бороться со страхом*, *победить в себе страх* и т. п.; *глубокое горе*, *тяжелое горе*, *истпить горя*, *хлебнуть горя*, *Горе обрушивается на человека*, *давит его*, *Человек придавлен горем* и т. п.; *Радость разливается в человеке*, *бурлит*, *играет*, *искрится*, *переплескивается через край* и т. п.

В. А. Успенского интересовало, стоят ли за подобными словосочетаниями единые мотивирующие их образы, способные служить основой для "считывания" с них новых метафорических выражений с данным ключевым словом. На этот вопрос он отвечает положительно. Авторитет, с его точки зрения, мыслится в русском языке как "сплошной шар, в хорошем случае большой и тяжелый, в плохом — маленький и легкий. Ложный авторитет — полый внутри, с настолько тонкими стенками, что может *лопнуть*" [9: 145]. "...страх можно мыслить в виде некоего враждебного существа, подобного гигантскому членистоногому или спругу, снабженному жалом с парализующим веществом" [9: 146]. "Горе — это тяжелая жидкость", заполняющая "некоторый бассейн, на дне которого находится человек" [9: 147]. Наконец, радость — "это легкая светлая жидкость", "по-видимому, она легче воздуха" [9: 147].

Мысль о том, что следует искать мотивирующие образы для больших классов симптоматических и других метафорических выражений, представляется нам в высшей степени плодотворной. Нам хотелось бы, однако, связать такое метафорическое описание с собственно смысловым, как это было предложено в [16], а с другой стороны, найти независимые свидетельства в пользу предлагаемых для эмоций метафорических прообразов. В противном случае они могут выглядеть произвольными.

Действительно, заключение о том, что *авторитет* концептуализуется в русском языке как полый шар, сделано, в сущности, на том основании, что он может *лопнуть* и быть *дутым*. Но, во-первых, *лопаться* и быть *дутыми* могут не только шарообразные физические предметы; ср. *Банка <веревка, струна, шина, перчатка> лопнула, Стекло лопнуло; дутая трубка*, устар. *дутый пирог*. Следовательно, сочетаемость с *дутый* и *лопнуть* не является достаточным основанием для утверждения, что *авторитет* мыслится в виде шара. Во-вторых, быть *дутыми* и *лопнуть* в переносном смысле могут, например, *судебное дело, план, репутация*; ср. также *дутые цифры, дутый отчет, Фирма лопнула, Затея лопнула* и т. п. Если считать это достаточным основанием для вывода, что соответствующие объекты тоже концептуализуются носителями русского языка как полые шары, общая картина получится чересчур непоследовательной и неспецифичной для ключевых слов².

² Иллюстрацией того, насколько рискованными могут быть заключения о мотивирующем образе, сделанные путем простой расшифровки языковой метафоры, является работа [23]. Автор предлагает для слова *время* следующие коннотации: 1. 'жидкость' (*Время течет*); 2.1. 'эластичная вещь' (*Время тянется*); 2.2. 'ценная вещь', 'эквивалент денег' (*выиграть время, тратить время*); 3. 'живое существо' (*Время идет <терпит, ждет>, убивать время*); 3.1. 'летающее существо' (*Время летит*); 3.2. 'человек' (*Время покажет, Время торопит*). Очевидно, что такие интерпретации основаны на чересчур буквальном прочтении омертвевших метафор, давно утративших связь с первоначальным образом.

2. Толкование эмоций

2.1. Сценарий возникновения и развития эмоций

Как легко заметить, приведенные в 1.1 толкования структурированы. В них выделяются следующие три части: причина эмоции (интеллектуальная оценка какого-то положения вещей), собственно эмоция и ее следствия. Аналогичные, хотя и несколько иначе структурированные компоненты выделяются в [10] и в работах ряда других авторов.

Мы бы хотели дополнить этот сценарий несколькими новыми деталями. Их необходимость диктуется некоторыми общими соображениями о системах, из функционирования и взаимодействия которых складывается поведение человека, во всяком случае, в "наивной" картине мира, которая и является предметом нашего описания. Для каждой системы мы укажем орган или органы, в которых она размещена, и семантический примитив, описывающий элементарную форму ее деятельности.

Развивая идеи, изложенные в [15] и [24], мы будем считать, что таких систем семь: 1) восприятие (органы тела, 'воспринимать'; роль восприятия в возникновении ряда эмоций отмечена в [25: 136]); 2) физиология (тело в целом, 'ощущать'); 3) моторика (части тела, 'делать'); 4) желания (воля, 'хотеть'); 5) интеллект (ум, 'думать о'); 6) эмоции (душа, 'чувствовать'); 7) речь (язык, 'говорить')³. Некоторые системы обслуживаются одним и тем же органом — ср. тело; у некоторых других систем есть как будто альтернативные органы — ср. ум и голову, душу и сердце.

Обратим внимание на одну особенность устройства этих семи систем. Они образуют не однородное множество, а последовательность, где каждая следующая система сложнее, чем предыдущая. Самой примитивной системой является восприятие. Оно объединяет человека со всей остальной живой природой. Самая сложная система — речь. Она отличает человека от всей остальной живой природы.

Весьма сложной системой являются и эмоции. Во-первых, за исключением некоторых фундаментальных эмоций типа страха, ярости, удовольствия⁴, они свойственны исключительно человеку. Во-вторых, почти всякое эмоциональное переживание активирует все другие системы человека.

Действительно, чтобы испытать, например, *страх*, человек должен (1) воспринять или хотя бы умственно представить некото-

* Впоследствии была выделена еще одна система; см. статью "Образ человека по данным языка: попытка системного описания."

³ Место *духа* в этой модели пока неясно; несомненно, однако, что *дух* расположен над всеми другими системами, а не рядом с ними.

⁴ Представление о составе фундаментальных (базовых, генетически обусловленных) эмоций меняется от работы к работе, но страх, ярость и удовольствие выделяются в качестве базовых в большинстве работ.

рое положение вещей и (2) оценить его как опасное для себя или каких-то других объектов, находящихся в его личной сфере. Результатом этого является собственно эмоция – (3) неприятное чувство, вызванное (1) или (2). Это чувство может проявляться (4) в неподконтрольных субъекту физиологических реакциях его тела (бледность, дрожь и т. п.) и/или (5) в желаниях (например, в желании спрятаться, сжаться и т. п.), которые могут в свою очередь влечь за собой контролируемые субъектом (6) моторную активность или (7) речевую деятельность.

Этот сценарий возникновения и развития эмоций является одним из факторов, определяющих структуру их толкования.

2.2. Симптоматические выражения: телесная метафора состояний души

Другой фактор, определяющий структуру и состав толкования эмоций, – чисто языковой. Это – симптоматические выражения двух типов. К первому относятся выражения, описывающие физиологическую, непосредственно наблюдаемую реакцию человека⁵ на страх: *белеть <бледнеть> от страха, дрожать <трястись> от страха, сжаться от страха, цепенеть <застывать, не мочь даже пальцем пошевелить> от страха, онеметь от страха, Язык заплетается от страха, Зубы стучат от страха, Голос дрожит <прерывается> от страха, Мурашки пробегают по телу <спине, коже> от страха, Дрожь пробегает по телу <по спине, по коже> от страха* и некоторые другие; см. [11], откуда заимствовано подавляющее большинство этих выражений. Ко второму относятся метафорические выражения, отражающие не реально наблюдаемые эффекты, а концептуализацию страха говорящими: *каменеть <столбенеть> от страха, Страх сковывает <парализует> кого-л., Страх пронизал его душу, Страх леденит кровь кому-л., Кровь стынет <леденеет> в жилах от страха* и т. п. Есть и такие выражения, которые образуют промежуточное звено между двумя группами и с равным успехом могут классифицироваться как буквальные или метафорические; ср. *холодеть от страха*.

Анализ этого материала приводит к следующему заключению: реакция души на страх очень сходна с реакцией тела на холод. Действительно, почти все “симптоматические” глаголы, описывающие физические проявления страха, используются и для описания эффектов холода; ср. *Кончик ее носа побелел от холода, дрожать <трястись> от холода, сжаться от холода, цепенеть <стыть, не мочь даже пальцем пошевелить> от*

⁵ В силу известного свойства антропоцентричности в языке отражается в основном симптоматика эмоций, присущая человеку. Выражения типа *Собака поджала хвост от страха <ощетинилась от ярости>, Кошка зашипела от злости <мурлыкала от удовольствия>* немногочисленны и далеко не так разнообразны, как симптоматические выражения, характеризующие проявления эмоций у человека.

холода, Руки онемели от холода, Зубы стучат от холода, Дрожь пробегает по телу <по спине, по коже> от холода.

Сходство страха и холода простирается и на область метафоры. Эффекты этих двух состояний метафоризируются в одних и тех же выражениях; ср. *Холод сковал все его члены, Холод парализует, Кровь стынет в жилах от холода, Холод пронизал его тело.*

Возникает вопрос: является ли такое совпадение сочетаемости у слов со значением психологического и физического состояний (т. е. состояний души и тела) случайным, или это проявление какой-то общей закономерности? Некоторые факты указывают на то, что верно второе.

Приведем примеры других эмоций, которые концептуализуются в языке так же, как физические состояния.

Отвращение: поморщиться <сморщиться, скривиться> от отвращения, сделать гримасу отвращения, передернуться от отвращения, тошнит от отвращения, плевать от отвращения и т. п. Легко заметить, что физиологическая реакция человека на отвращение совпадает с его реакцией на очень неприятный (например, кислый или горький) вкус. Не станем приводить очевидных примеров.

Жалость: Жалость кольнула <пронзает, щемит>, острая жалость; ср. сочетание Боль кольнула, Боль пронзает, В груди щемило <о физической боли>, острая боль. Близость эмоции и физического ощущения настолько велика, что жалость часто воспринимается как боль, а слово *боль* развивает значение 'жалость'; ср. *щемящее чувство жалости, Сердце разрывалось от жалости, В "Известиях" <...> была опубликована серия очерков об этих изгнанниках — боль за них, сострадание к ним — это был главный и единственный мотив "Парижских дневников"* (Независимая газета, 23.06.92). *Мне просто до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего (М. Горький).*

Большая группа эмоций (в частности, страсть, ярость, гнев) ассоциируется с болезнью или жаром. Бывает *горячка страсти, лихорадка страсти, От страсти сохнут <сгорают>, Страстью горят <пылают>, Страсть остужают, Страсть остывает, От гнева <ярости> закипают <кипят>, От гнева <ярости> горят глаза, Ярость клокочет в ком-то.*

Ср. также отмеченную В. А. Успенским концептуализацию *горя* как тяжести, засвидетельствованную симптоматикой (*Человек согнулся от горя*) и словосочетаниями типа *Горе давит <придавливает> кого-л., Горе обрушивается на кого-л.* и т. п., см. выше.

Рассмотренный материал можно обобщить следующим образом:

1) Предложенные для эмоций телесные аналоги (страх — холод, отвращение — неприятный вкус, жалость — физическая боль, страсть — жар и т. п.) представляются более мотивированными, менее случайными, чем те, что предлагались ранее (любовь — путешествие, радость — легкая жидкость, страх — спрут и т. п.). Они позволяют объяснить существенно больший круг симптоматических и иных словосочетаний, включая метафорические.

Более того, подобно всякой другой продуктивной модели, например модели словообразования, они обладают и предсказательной силой. Очевидно, например, что такие не встречающиеся в узусе выражения, как *Его знобило от страха* и *Ему стало жарко от гнева*, будут с большей готовностью приняты и с большей легкостью проинтерпретированы, чем выражения *??Его знобило от гнева* и *?Ему стало жарко от страха*. Дело в том, что два первых выражения эксплуатируют правильные образы, опирающиеся на массовое языковое сознание, а вторые два — неправильные, за которыми не стоит ничего, кроме, быть может, личного опыта конкретного человека (ср. у В. Набокова в "Даре": *Когда же он сердился, гнев его был как внезапно ударивший мороз*; впрочем, здесь речь идет не о внутренних ощущениях человека, а о действии его эмоции на окружающих).

2) Образы "любовь — путешествие", "радость — легкая жидкость", "страх — спрут" как возможные претенденты на место в толковании вызывают сомнение еще и потому, что относятся к чересчур различным областям природы и деятельности человека. Они не складываются ни в какую единую картину.

Предложенные в данной работе образы выстраиваются в более последовательную систему концептуализации эмоций в языке. В основе этой системы лежит единый принцип уподобления того, что недоступно прямому наблюдению (реакции души), тому, что может наблюдаться непосредственно (реакции тела). Реакции тела, пусть в ограниченном числе случаев, оказываются ключом к тому, что происходит в душе человека.

3) Указанные мотивирующие образы составляют настолько весомую часть языкового сознания говорящих, что в какой-то форме они должны быть введены в толкования соответствующих эмоций.

2.3. Структура толкований

В этом разделе нам предстоит обсудить две проблемы, связанные со структурой толкования: о месте метафоры в толковании и о логическом строении прототипической части толкования.

Прежде всего, мы предлагаем ввести в состав толкований сравнения типа 'душа человека при эмоции X чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда оно находится под действием физического фактора Y или в физическом состоянии Y'.

"Телесную метафору души" следует включать в толкования лишь тех эмоций, для которых ее можно подтвердить достаточно представительным и последовательно организованным материалом. Существуют большие классы эмоций с ярко выраженной симптоматикой, для которых нет никаких аналогов в области физических явлений. Таково, например, *удивление* и родственные ему эмоции; ср. *широко раскрыть глаза от удивления*, *выпучить глаза от удивления* (нельзя назвать такого физического явления, которое заставляет человека широко раскрывать глаза). Ясно, что различие между *удивлением* и, например,

страхом не надо нивелировать подгонкой *удивления* под общую схему толкования.

По нашим наблюдениям, метафору М разумно включать в толкование эмоции А, если удовлетворяется хотя бы одно из следующих двух условий: а) по данному симптоматическому выражению, используемому и для описания реакции души, и для описания реакции тела, единственным образом реконструируется тип эмоции; ср. *У него зубы стучат, Он похолодел* (эмоция типа страха); б) имеется метафорическое выражение, которое само по себе, даже в отсутствие названия эмоции, способно ее обозначать; ср. *Он по ней сохнет* (эмоция типа любви).

Тезис о том, что в лексикографические описания слов можно и нужно вводить метафору, не нов. Имеются большие классы выражений, которые иначе, как метафорически, описать нельзя. Таковы, как известно, выражения, описывающие изменение времени. Труднее решить вопрос о том, как распределить различные типы метафор между различными частями лексикографического описания слова.

Мы не можем предложить сейчас общего решения этого вопроса. Заметим, однако, что в силу сформулированного выше принципа случайную метафору типа "радость — легкая жидкость", "горе — тяжелая жидкость" и т. п. не следует включать в толкование. Лингвистический статус такой метафоры не может превышать статуса коннотации, хотя и этот статус следует приписывать лексеме с очень большой осторожностью (см. примечание 2). По-видимому, даже для установления коннотации недостаточно наличия в языке одного устойчивого словосочетания, одного деривата, одного переносного значения, в котором гипотетическая коннотация какой-то лексемы предстает как элемент лексического значения. Требуется хотя бы несколько согласованных по одному и тому же признаку фактов такого рода.

Перейдем к вопросу о логическом строении прототипической части толкований.

Как известно, входом толкования предикатных лексем в работах Московской семантической школы служит пропозициональная форма вида $X P Y$, где P — толкуемая предикатная лексема, а X и Y — переменные, обозначающие участников соответствующей ситуации. По умолчанию предполагается, что эти переменные связаны квантором существования.

Прототипическая часть толкования устроена иначе. Она содержит ссылку на общий или, по крайней мере, обычный случай, т. е. на опыт многих людей, возникающий по конкретному поводу. Это значит, что в прототипической части толкования субъект эмоции должен быть связан квантором множественности ("многие люди", "обычный человек"), а причина эмоции — квантором единственности или определенности. Из этого в свою очередь следует, что для обозначения субъекта и причины эмоции в прототипической части необходимо использовать новые переменные, отличные от X и Y , а затем устанавливать

соответствие между этими переменными, с одной стороны, и парой (X, Y) — с другой⁶.

Относительно строгое толкование, учитывающее все эти тонкости, могло бы иметь следующий вид: $X P Y =$ 'такое-то чувство, вызванное у X-а Y-ом; такое чувство бывает у обычного человека А, когда А воспринимает или представляет конкретный и определенный объект В, который он оценивает или ощущает как имеющий такое-то свойство; душа А чувствует нечто похожее на то, что ощущает его тело, когда А находится в таком-то физическом состоянии, и тело А реагирует на это, как оно реагирует на это физическое состояние; А-у, испытывающему такое чувство, хочется делать то-то и то-то; X в связи с Y-ом испытывает то же, что испытывает А в связи с В'.

Ясно, что такие толкования, при всех их логических достоинствах, концептуально чересчур сложны для словаря. Между тем нашей целью является выработка лексикографически приемлемой схемы толкования эмоций. Поэтому в прототипической части толкования мы пользуемся менее строгими обозначениями. Однако при желании их нетрудно развернуть в формально безупречную нотацию.

Этой цели отвечает и совершенно естественная для лексикографа (и лингвиста вообще) установка на описание "наивной" (языковой, этнолингвистической) картины мира, в нашем случае — наивной картины эмоций (см. об этом выше, раздел 2.1).

2.4. *Опыты толкования некоторых эмоций*

С учетом всего сказанного выше предлагаются следующие истолкования упоминавшихся нами эмоций (в толковании *страха* мы существенным образом используем соображения, высказанные в [2, 11 и 26]).

Страх X-а перед Y-ом (Он испытывал страх перед будущим) = 'неприятное чувство, вызванное у X-а Y-ом; такое чувство бывает, когда кто-то воспринимает или представляет нечто, что он оценивает или ощущает как очень опасное для себя; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает его тело, когда ему холодно; тело реагирует на это как на холод; тому, кто испытывает такое чувство, хочется стать незаметным; если ощущение опасности усиливается, он может потерять контроль над своим поведением и побежать или закричать'.

Отвращение X-а к Y-у (Он испытывал отвращение к таким забавам) = 'очень неприятное чувство, вызываемое у X-а Y-ом; такое чувство бывает, когда человек воспринимает или представляет нечто крайне неприятное; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущают его телесные органы от горького или кислого вкуса, очень плохого запаха или прикосновения к гряз-

⁶ В сущности, именно таким образом были устроены толкования в первой, самой ранней работе Л. Н. Иорданской; см. определение *огорчаться*, процитированное в разделе 1.1.

ной вещи, которая может его испачкать; тело человека реагирует на это как на горький или кислый вкус, очень плохой запах или соприкосновение с грязным; человеку, который испытывает такое чувство, хочется уйти в другое место или как-то иначе прервать контакт с неприятным объектом; ему трудно скрыть свое чувство, если он продолжает находиться в контакте с неприятным объектом или представлять его себе'.

Жалость X-а к Y-у (Его жалость к больным была поистине беспредельной) = 'чувство, нарушающее душевное равновесие X-а и вызванное у X-а Y-ом; такое чувство бывает у человека, когда он думает, что некто находится в плохом положении и что это положение хуже, чем он заслуживает; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему больно; тело человека реагирует на такое чувство как на боль; человеку, который испытывает такое чувство, хочется изменить положение другого существа так, чтобы оно стало менее плохим'.

Страсть X-а к Y-у (Его страсть к этой женщине толкала его на безумные поступки) = 'очень сильное чувство, нарушающее душевный покой X-а и вызванное у X-а Y-ом; такое чувство бывает у человека, когда он ощущает непреодолимое плотское влечение к другому человеку; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда у него жар; такое чувство действует на душу человека, как болезнь действует на его тело; тело человека реагирует на такое чувство, как на жар; если такое чувство не удовлетворяется, человек очень страдает; такое чувство может лишать человека способности здраво мыслить и толкает его на необдуманные поступки'⁷.

Литература

1. *Wierzbicka Anna*. Dociekania semantyczne. Warszawa, 1969.
2. *Wierzbicka Anna*. Semantic Primitives. Frankfurt, 1972.
3. *Иорданская Л. Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13.
4. *Иорданская Л. Н.* Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 16.
5. *Lakoff George, Johnson Mark*. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
6. *Wierzbicka Anna*. Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language. Sydney; N. Y. etc., 1980.
7. *Wierzbicka Anna*. The Semantics of Emotions: *fear* and its relatives in English. // Australian Journal of Linguistics. 1990. Vol. 10. N 2.

⁷ Независимо от авторов идея уподобления "страх — холод", "жалость — боль" была высказана Е. В. Урысон в разработанных ею, но еще не опубликованных синонимических рядах *страх* и *жалость*.

8. *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
9. *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. Вып. 11.
10. *Зализняк Анна А.* Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. № 1.
11. *Иорданская Л. Н.* Словарные статьи *бояться, восторг, восхищать, гнев, страх* и др. // *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
12. *Pajdzińska Anna.* Jak mówimy o uczuciach? Poprzez analize frazeologizmów do językowego obrazu świata // *Językowy obraz świata.* Lublin, 1990.
13. *Iordanskaja Lidija, Mel'čuk Igor.* Semantics of two Emotion Verbs in Russian: *bojat'sja* 'to be afraid' and *nadejat'sja* 'to hope' // Australian Journal of Linguistics. 1990. Vol. 10. N. 2.
14. *Wierzbicka Anna.* Cross-cultural Pragmatics: the Semantics of Human Interaction. Berlin; N. Y., 1991.
15. *Апресян Ю. Д.* О новом словаре синонимов русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. N 1.
16. *Apresjan Valentina.* Fear: Russian and English (в печати).
17. *Ekman Paul.* Expression and the Nature of Emotion. In: Approaches to Emotion. N. Y., 1984.
18. *Ortony Andrew, Clore Gerald L., Collins Allan.* The Cognitive Structure of Emotions. Cambridge, 1988.
19. *Kövecses Zoltan.* Emotion Concepts. München, 1990.
20. *Fries Norbert.* Emocje. Aspekty eksperymentalne i lingwistyczne. // *Wartościowanie w języku i tekście.* Warszawa, 1992.
21. *Oatley Keith.* Best Laid Schemes: the Psychology of Emotions. Cambridge, 1992.
22. *Апресян В. Ю.* Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. 1995. Вып. 34.
23. *Перцова Н. Н.* К понятию вещной коннотации // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
24. *Apresjan Jurij.* Systemic Lexicography // Euralex'92. Proceedings I-II. Tampere, 1992. Pt. I, Ser. A. Vol. 2.
25. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
26. *Апресян В. Ю.* Синонимический ряд глагола *бояться* (в печати).

О ЯЗЫКЕ ТОЛКОВАНИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИМИТИВАХ* ¹

Ведущаяся с 1991 г. работа над объяснительным словарем синонимов русского языка (см. [1-3]) потребовала широких теоретических исследований в области семантики, в частности нового подхода к языку толкований, на котором описывается общая часть значений синонимов.

Вопрос о языке толкований, или семантическом метаязыке, обсуждается последние 30-40 лет во всех развитых лексикографиях мира. Для целей данной работы наибольший интерес представляют идеи, выдвинутые на этот счет в двух современных школах семантики — Московской [4-11] и Польской [12-19].

1. Подход Московской школы семантики к языку толкований.

1.1. Состав и структура семантического метаязыка.

Основные идеи Московской семантической школы были сформулированы еще в 60-х годах в пионерских работах [4-7], а затем развиты в [8-11]. Их можно суммировать следующим образом:

1) Значения слов описываются на специальном формальном метаязыке, имеющем свой словарь и синтаксис.

Вплоть до начала 80-х годов считалось, что основу словаря семантического метаязыка (список семантических примитивов) составляют искусственные

* Статья была впервые напечатана в журнале "Известия АН, серия литературы и языка", 1994, №4.

¹ Данная работа стала возможной в результате присуждения автору премии Фонда им. А. Гумбольдта (ФРГ) и приглашения на кафедру проф. П. Хельвига в Гейдельбергский университет. Автор благодарит Фонд им. А. Гумбольдта и проф. П. Хельвига за идеальные рабочие и бытовые условия, которые были созданы для него немецкими коллегами.

слова, слова-конструкты. Они либо заимствуются из точных наук (ср. 'множество', 'сила', 'функция'), либо придумываются исследователем (ср. 'каузировать', 'поток фактов'), либо извлекаются из слов естественного языка в результате отсеечения ненужных элементов смысла ('вещь', 'количество', 'часть', 'норма' и т. п.). Помимо таких относительно простых смыслов в словарь мета-языка включались и многие "промежуточные понятия", т. е. семантически более сложные слова, сводимые в один или несколько шагов к примитивам.

Что касается синтаксиса семантического языка, то он от начала и до конца конструировался. В идеале это был синтаксис семантических графов или деревьев зависимостей, и лишь в качестве паллиатива использовался упрощенный и унифицированный фрагмент синтаксиса естественного языка [8: 53 и сл., 9: 78–79, 10].

Подчеркнем, что в эпоху безраздельного господства компонентного анализа был провозглашен принципиальный отказ от "дифференциальных семантических признаков" как слишком слабого и неадекватного средства представления смысла языковых единиц. Лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность "значений дифференциальных семантических признаков", а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис.

2) Поскольку семантический язык конструировался исследователем как своего рода логический язык, использующий инвентарь простейших общечеловеческих понятий, он мыслился как универсальный в двух отношениях. Во-первых, постулировалось, что он пригоден для описания любых типов языковых значений, включая значения морфологических категорий, синтаксических конструкций и других содержательных единиц языка. Во-вторых, постулировалось, что он пригоден для описания семантического материала любых языков. В связи с этим в многоуровневой лингвистической модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" И. А. Мельчука семантика, в отличие от всех прочих уровней, не делилась на подуровни (поверхностный и глубинный): непонятно, чему бы мог соответствовать поверхностно-семантический уровень.

Исследования, которыми я занимался последние два десятилетия и первые результаты которых были представлены в работах [20–22], привели меня к выводу, что изложенная концепция нуждается в некотором уточнении. В частности, в [22] была высказана мысль, что каждый естественный язык располагает большими классами лексических значений, которые, как и грамматические значения, выражаются в обязательном порядке, т. е. независимо от коммуникативных намерений говорящего. Так, в русском языке глаголы перемещения типа *выйти*, *вылететь*, *выползти*, *выплыть* обозначают, помимо прочего, способ перемещения. Носитель русского языка должен воспользоваться одним из этих глаголов даже тогда, когда ему совершенно неважно, каким способом какое-то существо перестало находиться в определенном месте. Ср. *Собака вышла из конуры*, *Птица вылетела из гнезда*, *Змея выползла из норы*, *Рыба выплыла из грота*. Нельзя сказать ??*Собака покинула конуру*, ??*Птица покинула гнез-*

до, ??Змея покинула нору, ??Рыба покинула глот — это звучало бы смешно, напыщенно, неестественно, шуточно или имело бы другой смысл ('навсегда оставила'). Между тем француз во всех этих случаях употребит один и тот же глагол *sortir*, по составу семантических компонентов более или менее соответствующий глаголу *покидать*. Только если для него почему-то важно указать, каким способом кто-то перемещался, он добавит соответствующую видовую модификацию.

В любой лингвистической модели, претендующей на достаточную полноту описания семантики естественных языков, должен быть предусмотрен уровень, на котором описываются такие автоматически выражаемые смыслы. Поэтому в указанной работе было предложено расщепить семантический уровень представления высказываний на поверхностный и глубинный подуровни. Первым из них ведаёт поверхностно-семантический компонент модели. Он имеет в качестве предмета национальную семантику естественных языков.

В связи с этим в качестве метаязыка поверхностно-семантического уровня было предложено использовать не искусственный язык, а определенным образом сокращенный и унифицированный подъязык языка-объекта, т. е. реально существующие слова и синтаксические конструкции в их обычных значениях, как это принято в традиционной лексикографии. Предположительно именно такой метаязык наиболее пригоден для описания национальной семантики. Однако, в отличие от традиционной лексикографии, к нему были предъявлены эксплицитно сформулированные и более жестко применяемые требования, вытекающие из общей концепции Московской семантической школы. Ниже они для простоты будут изложены лишь на лексическом материале, хотя в принципе они целиком приложимы и к синтаксису метаязыка.

1. Словарь метаязыка сокращается на несколько порядков по сравнению со словарем русского языка; в частности, из него устраняются все сложные лексемы (например, *шантаж*, *инсинуация*, *присяга* и т. п.), не участвующие в толкованиях других языковых единиц. В нем остается два типа слов — семантические примитивы, т. е. неопределяемые слова, не допускающие дальнейшей семантической редукции, и семантически более сложные слова (ср. выше "промежуточные понятия"), которые в один или несколько шагов сводятся к примитивам.

2. Словарь метаязыка унифицируется в соответствии с требованием взаимнооднозначного соответствия имен и смыслов. Это значит, что в нем избегаются синонимы и омонимы. Обычно из ряда синонимов в словарь метаязыка отбирается тот, который стилистически и семантически наиболее нейтрален в данном ряду. *Глаза* и книжн. *очи* (а также *буркалы*, *зенки* и другие разговорно-сниженные синонимы слова *глаза*) обозначают один и тот же объект, но в толкованиях таких слов и выражений, как *зрачок*, *радужная оболочка*, *белок*, *брови*, *веки*, *ресницы*, *трахома*, *конъюнктивит*, *катаракта*, *глаукома*, участвует, естественным образом, лишь слово *глаза* (или его синтаксическое производное *глазной*). Никому не придет в голову толковать, допустим, *зрачок* как 'часть

ока' или *глаукому* как 'болезнь очей'. Глаголы типа *брести* ~ 'идти с трудом или тихо', *плестись* ~ 'идти медленно, вяло', *шествовать* ~ 'идти торжественно', *семенить* ~ 'идти частыми, мелкими шагами', *петлять* ~ 'идти не прямо, делая петли' и т. п. толкуются с помощью глагола *идти*, а не его синонимов (*ступать*, *шагать* и т. п.).

В результате, как будет ясно из дальнейшего изложения, используемый нами метаязык существенно сблизился с метаязыком А. Вежибицкой.

1.2. Теория толкований: требования к толкованиям и их функции.

В последние годы, уже в ходе работы над Новым объяснительным словарем синонимов русского языка, были внесены некоторые уточнения и в теорию толкований.

Для синонимического словаря исключительное значение имеет процедура объяснения сходств и различий между синонимами. Очевидно, что при объяснении того, в чем состоит семантическое отличие данной лексемы от других лексем, можно пользоваться любыми приемами, в частности любыми перифразами. В связи с этим перифразы лексем (и других содержательных единиц языка) были разделены на дефиниции (толкования в собственном смысле слова) и более свободные дескрипции.

Толкование — лишь одна из перифраз языковой единицы, правда, самая привилегированная. Оно выполняет следующие четыре функции: (а) объясняет значение данной языковой единицы; (б) служит основой для установления ее места в семантической системе языка; (в) является семантическим правилом, применяемым при переходе от синтаксического представления высказывания к его (поверхностно-) семантическому представлению, и наоборот; (г) служит основой для правил семантического взаимодействия данной единицы с другими единицами в составе высказывания.

Только толкование способно выполнять функции (б), (в) и (г) и тем самым обслуживать нужды лингвистической теории. Однако первую из названных функций — метаязыковую функцию объяснения того, что данная единица значит, — могут выполнять и другие перифразы, которые мы предлагаем называть дескрипциями. Если, например, моему собеседнику непонятен глагол *элиминировать* (*противоречия* <*препятствия*>) и если у меня есть основания думать, что слово *устранять* он знает, я могу сказать: "Это — то же самое, что *устранять* (*противоречия* <*препятствия*>)". Поскольку неизвестное слово сведено к известному, объяснение можно считать состоявшимся, хотя оно и не имеет формы толкования. Для тех же целей можно использовать и другие средства передачи языковых знаний, например, прямые указания на объекты действительности, являющиеся референтами тех или иных выражений, сравнения и метафоры, сообщение прагматических условий употребления данного выражения и т. п. Носители языка в своей каждодневной речевой практике ре-

ально используют соответствующие приемы, если возникает необходимость сообщить собеседнику, что значит непонятная ему языковая единица. Так они осуществляют свою метаязыковую деятельность².

Что касается толкований в собственном смысле, то к ним, в связи с функциями (б) – (г), были предъявлены следующие четыре требования: 1) нетавтологичность, 2) необходимость и достаточность, 3) ступенчатость и 4) эксплицитность.

Первые два требования являются чисто логическими: толкование не должно содержать порочных кругов (нетавтологичность) и должно быть семантически эквивалентным толкуемой языковой единице (необходимость и достаточность). Они имеют приоритет перед вторыми двумя требованиями – следствием определенных лингвистических установок.

Как ясно из сказанного выше, наличие в метаязыке промежуточных слов открывает возможность альтернативных, хотя и синонимичных толкований. Их можно строить с помощью меньшего числа крупных семантических блоков или с помощью большего числа мелких семантических блоков. На семантические блоки можно, следовательно, налагать ограничения сверху (каково их минимальное число) и снизу (каково их максимально допустимое число). Требования ступенчатости и эксплицитности как раз и позволяют сформулировать эти ограничения.

1.2.1. Требование ступенчатости

Требование ступенчатости значит, что толкуемая единица должна быть представлена в виде возможно более крупных семантических блоков. Их, однако, не может быть менее двух: в противном случае нельзя будет соблюсти требование нетавтологичности. В результате получается постепенная декомпозиция более сложных значений во все более простые, вплоть до элементарных.

Рассмотрим в качестве примера толкование глагола *обещать*, принадлежащее М. Я. Гловинской и автору, но во многом восходящее к [18: 205]. *X обещает Y-у, что сделает P* = ‘зная или считая, что Y или какое-то третье лицо заинтересованы в P [пресуппозиция], X говорит Y-у, что сделает P, несмотря на возможные трудности [ассерция]; X говорит это, потому что хочет, чтобы ему поверили, понимая, что если он не сделает P, ему перестанут верить’ [мотивировка].

² Комбинирование дефиниций и дескрипций полезно не только в синонимическом словаре. Оно должно стать обязательным принципом любых претендующих на полноту описаний семантики естественных языков. Только тогда будет положен конец затянувшемуся спору о том, допустимы ли тавтологические круги в описании значений: они недопустимы в толкованиях, но ничто не мешает прибегать к ним при более свободном объяснении значений. Свободные перифразы, равно как и любые другие приемы объяснения значений, моделируют только метаязыковую практику говорящих, а толкования – еще и научно-лингвистическое знание языка.

К числу семантических примитивов в этом толковании относятся компоненты 'считать', 'знать', 'говорить' и 'делать'. Заметим уже здесь, что все эти смыслы используются в качестве примитивов в упомянутых выше семантических исследованиях А. Вежибицкой. Остальные фигурирующие в толковании компоненты непримитивны и, следовательно, нуждаются в дальнейшей декомпозиции. К их числу относятся, в частности, слова *заинтересован*, *несмотря на*, *трудно* (ср. компонент 'трудность'), *верить*, *понимать*. Все они в один-два шага сводятся к семантическим примитивам. Вот соответствующие толкования: *А заинтересован в В* = 'А считает, что В хорошо для него, и хочет, чтобы В существовало' (достигнут уровень примитивов); *Р несмотря на R* = 'нормально, если существует R, Р не может произойти; в данной ситуации Р произошло или произойдет' (если исключить относительно простой и семантически прозрачный смысл 'произойти', достигнут уровень примитивов); *Р трудно для А* = 'Когда А делает Р, ему необходимо прилагать усилия, значительно превышающие норму'; *Р необходимо для R* = 'R не может произойти, если Р не существует' (достигнут уровень примитивов); *Х верит Y-у* = 'Х считает, что Y говорит правду; единственной причиной того, почему Х так считает, является мнение X-а, что Y не может говорить ему неправду' (достигнут уровень примитивов); *Х понимает, что Р* = 'Х знает, что Р; источником этого знания является знание нормальных свойств ситуаций того класса, к которому относится данная ситуация' (достигнут уровень примитивов)*.

Свидетельством того, что в ходе семантической декомпозиции достигнут уровень примитивов, является невозможность истолковать полученные на последнем шаге декомпозиции семантические компоненты без порочного круга. *Видеть*, например, можно истолковать как 'воспринимать глазами', *слышать* — как 'воспринимать ушами' и т. п. Если считать 'воспринимать' семантическим примитивом, то 'глаза' и 'уши' тоже надо будет признать семантическими примитивами: их нельзя истолковать без упоминания 'зрения' и 'слуха' соответственно, т. е. без возвращения к словам *видеть* и *слышать*. Заметим в скобках, что в таких случаях на роль примитивов выбираются слова, чьи референты могут быть продемонстрированы остенсивно (т. е. *глаза* и *уши*).

Итак, важной особенностью принятой нами общей стратегии толкований является принцип ступенчатости, т. е. постепенного сведения сложного значения к составляющим его семантическим примитивам. С учетом того, что в семантическом метаязыке не допускаются синонимы, такая стратегия дает возможность непосредственно продемонстрировать все системные семантические связи данной единицы с максимальным числом других единиц в рамках всего словаря. В самом деле, чем крупнее семантические блоки, из которых складывается ее значение, тем больше число промежуточных шагов до уровня семантических примитивов и, следовательно, тем больше число слов, с которыми она будет явным образом связана. Рассмотрим несколько примеров.

* Толкование *понимать* было впоследствии уточнено; см. статью "Проблема фактивности: *знать* и его синонимы".

Обычные словарные толкования слов *ультиматум* и *шантаж* не подтверждают интуитивного ощущения, что семантически между ними есть много общего. Если, однако, истолковать эти два слова с соблюдением сформулированных выше несложных условий, в их лексических значениях обнаружится довольно большая пересекающаяся часть. Действительно, и в *ультиматум*, и в *шантаж* входит 'требование, чтобы адресат сделал что-то нужное для субъекта, хотя и очень нежелательное для адресата, сопровождаемое угрозой причинить адресату в случае невыполнения им этого требования такое зло, которое, по мнению субъекта, намного превосходит нежелательность выполнения требования'. Различия в семантике *ультиматума* и *шантажа* сводятся к тому, что в *ультиматум* входит указание на (небольшой) срок, в течение которого адресат должен выполнить требование субъекта, а в *шантаж* — указание на безнравственную угрозу разоблачить нечто постыдное или незаконное в жизни или деятельности адресата, что он скрывает. Как ясно из этих формулировок, общая часть значений *ультиматума* и *шантажа*, в которую входят и такие богатые смыслы, как 'требование' и 'угроза', превышает сумму их различий.

Очевидно, что все семантические связи между разными лексемами должны вещественно отражаться в их толкованиях не только в тех случаях, когда они принадлежат разным словам, как в только что разобранным примере, но и в том случае, когда они принадлежат одному (многозначному) слову. Рассмотрим с этой точки зрения лексемы *привыкнуть 1* (рано вставать <делать по утрам зарядку>) и *привыкнуть 2* (к постоянному шуму станков <к новой обстановке>).

Различие между этими двумя значениями глагола *привыкнуть* (собственное действие становится привычкой — происходит привыкание к какому-то внешнему по отношению к субъекту фактору) отмечается всеми толковыми и синонимическими словарями русского языка. Однако из обычных толкований остается неясным, каковы в точности семантические сходства и различия этих двух лексем. Ср., например, следующие толкования: *привыкнуть 1* = 'приобрести привычку (делать что-л., поступать каким-л. образом и т. п.)', *привыкнуть 2* = 'освоиться, свыкнуться с чем-л.' (МАС); *привыкать 1* = 'усваивать, приобретать привычку к чему-либо; приучаться что-либо делать, как-либо поступать'; *привыкать 2* = 'осваиваться, свыкаться с кем, чем-либо' (БАС).

Использование метаязыка и принципов толкования значений, которые были описаны выше, позволяет естественным образом разрешить эту трудность. *Привыкнуть 1* = 'много раз на протяжении нескольких периодов наблюдения повторив какое-л. действие или побывав в каком-л. состоянии, измениться в результате так, что делать это или быть в таком состоянии стало нормой поведения или существованием субъекта'. *Привыкнуть 2* = 'проведя некоторое время в необычных для себя условиях, измениться в результате так, что эти условия стали нормой или перестали восприниматься как необычные'.

Одновременно решаются еще две задачи.

Во-первых, именно толкования, построенные из относительно крупных блоков, наиболее приемлемы психологически, так как они сохраняют свойство прозрачности. Если достаточно сложное лексическое значение сразу сведено к примитивам, оно, при всей своей точности, может стать практически неузнаваемым. Ср. следующее толкование, в основном (но не во всех деталях) сведенное к примитивам: *X обещает Y-у, что сделает P* = 'зная или считая, что Y или какое-то третье лицо считает, что P хорошо для него, и хочет, чтобы P существовало, X говорит Y-у, что сделает P; X знает или считает, что ситуация может быть такой, что нормально P не может произойти и что X сможет сделать P, только если приложит усилия, превышающие норму; X говорит это, потому что хочет, чтобы Y считал, что X говорит правду, считая, что X не может говорить ему неправду; X знает, что если он не сделает P, то Y или другие люди перестанут считать, что X говорит правду; источником этого знания X-а является знание нормальных свойств ситуаций того класса, к которому относится данная ситуация'.

Во-вторых, создается основа не только для качественной оценки системных связей между различными единицами языка, но и для более тонких количественных оценок. Такие оценки желательны по крайней мере в двух случаях: при установлении факта многозначности (в отличие от омонимии) и синонимии (в отличие от более свободных тематических связей между лексемами)³.

Вернемся в этой связи к толкованиям слов *ультиматум* и *шантаж*. Достаточно беглого взгляда на них, чтобы убедиться, что пересекающаяся часть их значений почти вдвое больше суммы различий. Казалось бы, этого достаточно для признания их синонимами. Тем не менее *ультиматум* и *шантаж*, равно как и соответствующие им слова других языков, ни в каких синонимических словарях синонимами не признаются. Объясняется это семантической содержательностью и семантической ценностью несовпадающих частей.

Чтобы дать более ясное представление о семантической содержательности и семантической ценности и одновременно ввести какую-то меру этих свойств, мы для простоты освободим толкования от внутреннего синтаксиса и зададим каждое лексическое значение перечнем входящих в него смысловых компонентов. В нашем случае это будут такие компоненты, как 'угроза' (или 'угрожать'), 'цель' (ср. *чтобы*), 'требование' (или 'требовать'), 'аморальный', 'разоблачение', 'постыдность', 'незаконность', 'короткий', 'срок' и т. д. Каждый из них, как ясно из сказанного выше, имеет двоякую природу.

С одной стороны, в него входят какие-то более элементарные смысловые компоненты, которые в конечном счете сводятся к самым элементарным

³ Ни в коем случае не утверждается, что такие оценки уже сейчас можно и нужно получать. Утверждается только, что толкования, сформулированные на предлагаемом метаязыке с соблюдением всех перечисленных выше требований, создают лучшую основу для таких оценок, чем традиционный язык лексикографии и традиционные толкования.

(неопределяемым) смыслом — семантическим примитивам. 'Требовать', например, сводится к таким семантическим примитивам, как 'хотеть' (чтобы кто-то сделал что-то), 'говорить' (что субъект хочет, чтобы он это сделал), 'считать' (что он должен это сделать), 'делать' и ряд других. Аналогичным образом можно было бы представить 'угрозу', 'цель', 'срок' и все остальные компоненты в составе толкования *шантажа* и *ультиматума*.

С другой стороны, каждый такой компонент входит в состав более сложных единиц языка-объекта. Компонент 'требование', например, входит в состав лексических значений таких слов, как *шантаж*, *вымогать*, *ультиматум*, *забастовка* (= 'прекращение работы работниками какого-то предприятия, сопровождаемое рядом требований к администрации предприятия или государственной власти, выполнение которых объявляется условием возобновления работы'), и ряда других.

Следовательно, каждый компонент количественно может быть охарактеризован двумя числами: числом семантических примитивов, которые входят в него, и числом единиц языка-объекта, в которые входит он сам. Назовем первое число его семантической содержательностью, а второе — его семантической ценностью. Семантическая содержательность данного компонента прямо пропорциональна числу элементарных смыслов, которые входят в его состав. Напротив, его семантическая ценность обратно пропорциональна числу лексических значений, в которые он входит. Чем чаще он встречается, тем он тривиальней. Именно редкость компонента, как редкость золота в породе или жемчужины в раковине, сообщает ему повышенную семантическую ценность⁴.

Применим эти соображения к нашему примеру. Непосредственно очевидно, что 'аморальность', 'разоблачение', 'постыдность' и 'незаконность' в составе лексемы *шантаж* — исключительно содержательные смысловые компоненты. Их совокупный вес, выраженный числом входящих в них элементарных смысловых компонентов, весьма велик.

Гораздо менее содержателен временной компонент в толковании *ультиматума*. Действительно, 'срок' естественно интерпретировать как 'отрезок времени', а 'отрезок' и 'время', по-видимому, семантические примитивы. Смысл 'короткий' в словосочетании *короткий срок* сводится к трем примитивам — 'меньше нормы времени'.

Следовательно, если компонент 'срок' в толковании *ультиматума* и обладает каким-то весом, то этот вес определяется не столько его семантической содержательностью, сколько его семантической ценностью. Семантическая ценность компонента, как было сказано выше, обратно пропорциональна числу лексических значений, которые его содержат. Число лексических значений, в

⁴ При этом необходимо иметь в виду, что разный вес имеют не только неэлементарные семантические компоненты, но и семантические примитивы; ср., например, примитив 'делать' и гораздо более весомые (семантически более ценные) примитивы 'хотеть', 'чувствовать' или 'говорить'.

которые входит представление о сроке, крайне невелико. Нам известны три небольших класса слов такого рода: слова со значением приобретения чего-л. на время или во временное пользование (*арендовать, снимать, сдавать, одалживать, занимать, вербовать* и их семантические производные), и слова со значением перерыва в какой-то деятельности (*перерыв, перебой, перемена, перекур, перемирие* и т. п.) и предлоги типа *на* (*на два года*). В связи с этим компонент 'срок' приобретает весьма высокую ценность и, следовательно, вес.

Сравнивая веса совпадающих и различных компонентов в составе различных лексических и грамматических значений, мы получаем возможность более тонко определять меру их семантической близости.

1.2.2. Требование эксплицитности

Перейдем ко второму лингвистическому требованию, которое предъявляется к толкованиям, — требованию эксплицитности. Оно гласит, что толкование должно непосредственно содержать все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических или грамматических единиц данного высказывания. Если, например, какое-то семантическое правило устанавливает взаимодействие лексемы А с семантическим компонентом 'X', то этот компонент должен быть эксплицитно выделен в составе толкования, даже если при этом нарушается требование ступенчатости. Следовательно, требование эксплицитности имеет приоритет перед требованием ступенчатости и задает нижнюю границу семантической редукции: семантических блоков в составе толкования должно быть столько, сколько нужно для правил семантического взаимодействия.

Рассмотрим пример. Фраза типа *хорошая рецензия* неоднозначна. Чаще всего она выражает высокую оценку рецензируемого произведения; ср. *Он написал хорошую рецензию, но эта книга заслуживает лучшей*. Принципиально возможно использование той же фразы и для выражения высокой оценки литературных и аналитических достоинств самой рецензии; ср. *Он написал очень хорошую рецензию: теперь всем будет ясно, что эта книга никуда не годится*. Ср. однозначные фразы *положительная рецензия* (только похвала книге) и *интересная рецензия* (только похвала самой рецензии).

Возникает вопрос: с какой степенью подробности должно быть истолковано слово *рецензия*, чтобы объяснить эту неоднозначность? Как кажется, этому условию отвечает следующее толкование: *рецензия* (Y-a на Z) = 'письменный анализ научного или художественного текста Z, составленный Y-ом, в котором Y дает оценку Z-у'. Оценочное прилагательное *хороший* может относиться, по специальному правилу для слов типа *хороший, плохой, положительный, отрицательный, блестящий, прекрасный* и некоторых других в контексте существительных типа *рецензия*, к компоненту 'оценка'. Тогда получается первое осмысление — 'хорошая оценка'. С другой стороны, по общему правилу для всех качественных прилагательных, *хороший* может относиться к любому компонен-

ту со значением действия или результата действия. Тогда получается второе осмысление — 'хороший анализ'. Тем самым неоднозначность словосочетания *хорошая рецензия* получает формальное объяснение.

Подытожим сказанное. Метаязыком лексикографии является подязык языка-объекта, составленный из относительно небольшого и унифицированного словаря и синтаксиса. Фундаментом этого метаязыка являются семантические примитивы. С помощью метаязыка сложные семантические единицы языка-объекта (не только лексические, но и грамматические) в процессе ступенчатой декомпозиции сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Получающиеся при этом толкования (дефиниции) имеют определенный теоретический статус: на их основе устанавливаются системные парадигматические связи между различными единицами словаря и формулируются правила взаимодействия языковых значений.

2. Подход Польской школы семантики к языку толкований

Перейдем теперь к концепции семантического метаязыка и семантических примитивов, развитой в Польской школе семантики. Среди польских лингвистов, которые занимались этими вопросами, исключительное место принадлежит Анне Вежбицкой. Она провела титаническую и совершенно уникальную эмпирическую работу по установлению набора примитивов, дала глубокую теоретическую разработку этого понятия и применила найденные ею примитивы для истолкования громадного лексического и грамматического материала нескольких десятков разнесистемных языков. Ее идеи в их нынешнем состоянии (см. [19: 6–18]) можно суммировать следующим образом:

1) Человеческие языки обнаруживают очень большое разнообразие на уровне сложных концептов (семантически сложных лексем), которые по большей части специфичны для того или иного национального языка. Однако на уровне простейших понятий они обнаруживают полное сходство: эти понятия так или иначе (лексемой, грамматической формой, синтаксической конструкцией) выражаются во всех человеческих языках. Таких простейших понятий немного — порядка нескольких десятков. В настоящее время список А. Вежбицкой выглядит следующим образом (в переводе на русский язык): *я, ты, кто-то, что-то, это, все, два, сказать, хотеть, не хотеть, чувствовать, думать, знать, мочь, делать, произойти, хороший, плохой, похожий, такой же, где, когда, после, из-за* (причинное), *если*.

2) Эти слова-смыслы (именно слова в их обычных значениях, а не "дифференциальные семантические признаки") — не только инвентарь понятий. Они разбиваются на грамматические классы (субstantивы, детерминативы, глаголы, адъективы), из элементов которых строятся простейшие синтаксические конструкции-предложения. Примеры таких предложений: *Я думаю*

это, Я хочу это, Ты делаешь это, Это произошло, Кто-то сделал что-то плохое, Из-за этого произошло что-то плохое. Такие простейшие синтаксические конструкции естественных языков тоже универсальны.

3) Тем самым в каждом естественном языке может быть выделен некий универсальный мини-язык, состоящий из простейших слов и простейших синтаксических конструкций. Все более сложные содержательные единицы языка (лексемы, грамемы, аффиксы, синтаксические типы) могут быть истолкованы на этом мини-языке. Более того, они должны быть истолкованы именно таким образом, т. е. непосредственно через примитивы. Только при этом условии становится возможным сравнение всех человеческих языков и культур на единой основе. Следует особо подчеркнуть, что для описания любых типов значений (лексических, морфологических, синтаксических и т. п.) используется один и тот же семантический язык, который А. Вежбицка называет "языком мысли".

4) Поскольку мини-языки совпадают, более или менее безразлично, какой именно из них - английский, русский, польский и т. д. — будет выбран в качестве "рабочего". А. Вежбицка в большинстве своих работ использует в этой функции английский мини-язык.

Даже на глаз видно принципиальное сходство концепции Московской семантической школы с концепцией А. Вежбицкой. Оно состоит в том, что главным инструментом семантического описания признается семантический метаязык, понимаемый именно как язык, со своим словарем и синтаксисом. Этот метаязык представляет собою подязык языка-объекта и не имеет ничего общего с языком "дифференциальных семантических признаков". В обоих метаязыках особая роль отводится семантическим примитивам. Оба метаязыка предназначены для описания как лексических, так и грамматических значений.

Однако между двумя концепциями есть и различия.

Первое из них касается статуса и функции толкований в лингвистической теории. В Московской школе толкования строятся ступенчато. Это условие имеет теоретический статус, поскольку его соблюдение позволяет продемонстрировать системность в организации лексики. В концепции А. Вежбицкой ступенчатые толкования допускаются только как технический прием и только в исключительных случаях. Кроме того, в Московской школе толкования являются объектами семантических правил, по которым из значений отдельных грамматических и лексических единиц строится значение целых высказываний. В Польской школе проблематике взаимодействия значений отводится более скромное место.

Второе различие, более важное в контексте данной работы, касается трактовки семантических примитивов.

3. Проблема семантических примитивов

Главный тезис А. Вежибцкой относительно семантических примитивов состоит в том, что они представляют собой конечные, простейшие атомы смысла и что поэтому они универсальны (cross-cultural, cross-linguistic). Попытаемся показать, что семантические примитивы на самом деле не обязательно предельно просты по смыслу и поэтому в общем случае не обладают свойством универсальности.

Действительно, даже простейшие слова естественного языка включают, в дополнение к некоему прототипическому ядру, определенную частицу смысла, отличающую данное слово от его ближайших синонимов. Именно эта частица смысла во многих случаях оказывается национально специфичной. Продемонстрируем этот тезис на примере семантических примитивов 'хотеть' и 'want'.

Английский глагол *want*, используемый А. Вежибцкой в качестве семантического примитива, вне всяких сомнений разделяет некий общий семантический компонент с глаголом *wish*. Значения двух глаголов именно пересекаются, а не вкладываются друг в друга: *want* выражает, дополнительно к чистому желанию, идею нужды, недостатка, отсутствия (ср. *I want it badly* 'Мне это позарез нужно', *Good advice is wanted* 'Требуется хороший совет'), а *wish* — идею (возможной) беспредметности желания. Не случайно *wish* используется в ирреальных конструкциях типа *I wish he were here* 'Хотелось бы мне, чтобы он был здесь'. Однако тот безусловно более простой семантический компонент, который составляет пересечение двух значений, не может быть вербализован средствами английского языка. Тем самым *want* может считаться примитивом только в том смысле, что он не может быть подвергнут дальнейшей декомпозиции в рамках английского языка.

То же самое верно и относительно русских глаголов *хотеть* и *желать*. Из этих двух глаголов на роль примитива мог бы претендовать скорее глагол *хотеть*, как более нейтральный и семантически менее специфичный. Однако и его значение не вкладывается целиком в значение глагола *желать*. Дополнительно к чистой идее желания он выражает идею потребности (ср. *Я хочу есть*), действенной воли (ср. противопоставление *Я хочу — Мне хочется*) и намерения. В самом деле, такие русские фразы, как *Я хотел рассказать ей, что я пережил*, двусмысленны: то ли мне хотелось рассказать (*Я так хотел рассказать ей, что я пережил*), то ли я был намерен рассказать (*Сначала я хотел рассказать ей, что я пережил, но потом раздумал*). Идея намерения в семантике *хотеть* настолько сильна, что она включается непосредственно в толкование этого глагола в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой ('иметь желание, намерение (делать что-н.)'), а БАС, МАС и некоторые другие толковые словари выделяют у него второе значение 'намереваться'.

В свою очередь, глагол *желать* может обозначать "бесхребетное" желание; ср. *Им [Рудину, Караваеву и другим подобным литературным героям] он противопоставляет людей, умеющих не только желать, но и хотеть* (А. Кони, Вос-

поминания о писателях). Кроме того, он может употребляться "сверху вниз" и указывать дополнительно на такое желание, которое субъект считает обязательным к исполнению другими людьми; ср. *Я желаю, чтобы цыгане пели всю ночь* в отличие от *Я хочу послушать пение цыган*; ср. также *Не желаете ли заказать обед в номер?*; — *Что желаете надеть — халатик или пижаму?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); — *Вот, друг мой, эти господа* [Е. Дашкова и другие] *желают с тобой побеседовать*, — сказал Шувалов (Ю. Даниэль, Бегство). Наконец, в утвердительных и вопросительных предложениях *желать* во всех личных формах имеет прагматическую специфику: либо предпочитается в нарративном жанре (*Петр Петрович желал показать себя перед товарищем радушным, щедрым, богатым — и делал это неумело, по-мальчишески* (И. Бунин, Суходол)); либо официален (*Итак, прокуратор желает знать, кого из двух преступников намерен освободить синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцири?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита)); либо ироничен (*Тогда он написал в советское посольство, что желает вернуться в дорогое ему отечество* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ)).

Итак, оба глагола семантически сложны: значение каждого из них складывается из более простой общей части (которую мы условно назвали "чистым желанием") и ряда специфических надбавок. Поскольку, однако, эта общая часть не может быть вербализована средствами русского языка⁵, либо тот, либо другой глагол должен получить статус примитива. Больше прав на эту роль у глагола *хотеть*, как более нейтрального и семантически менее специфичного.

⁵ Может возникнуть мысль, что словосочетание "чистое желание" является исковой формой выражения соответствующего семантического примитива. Эту гипотезу следует отвести. Слово *чистый* в словосочетании *чистое желание* может иметь либо ограничительное значение 'только, исключительно', либо метаязыковое значение 'соответственно, в собственном смысле'. Оба эти значения очевидным образом намного сложнее, чем это допустимо для семантических примитивов (см., например, толкование *только* в [23: 88 и сл.]). Кроме того, и в том, и в другом случае над лексическим значением слова *желание* требуется провести определенные операции, чтобы вычислить значение всего словосочетания *чистое желание*. Очевидно, что такие операции, тем более метаязыковые, несомнестимы со статусом семантического примитива, смысл которого должен быть непосредственно очевиден. Нельзя принять и ту гипотезу, что семантическим примитивом могло бы служить само слово *желание*. Хотя в некоторых отношениях оно проще по смыслу, чем глагол *желать*, у него тоже есть существенные семантические надбавки. Главная из них — идея интенсивности состояния и связанное с этим указание на то, что оно настойчиво требует выхода и реализации. Ср. *непреодолимое желание, острое желание, гореть <томиться> желанием, сдерживать свои желания; Я хочу видеть и не могу освободиться от этого желания* (В. Г. Короленко, Слепой музыкант, МАС), *Я почувствовал настойчивое желание рассказать кому-нибудь о бабушке* (М. Горький, Мои университеты, МАС). К тому же семантически *желание* скорее является именем состояния от *хотеть*, чем от *желать*; ср. *Я хочу спать — мое желание спать*, но не ^{??}*Я желаю спать*.

Таким образом, и в русском языке более простой семантический компонент, составляющий пересечение значений *хотеть* и *желать*, не может быть вербализован. Поэтому вместо настоящего примитива, т. е. действительно простейшего смысла, приходится пользоваться условным примитивом *хотеть*⁶.

Положение еще более осложняется, если учесть другие английские и русские глаголы со значением желания, такие, как *desire*, *хотеться* и т. п. *Desire* усиливает значение действенной воли, которое выражается глаголом *want* (ср. *He received the position he desired* 'Он получил должность, которой добивался'), а *хотеться*, наоборот, ослабляет его. Этот глагол имеет то же самое семантическое ядро, что *хотеть*, но другую смысловую надбавку: желание рассматривается как результат действия какой-то трудно определимой силы, присутствие которой человек ощущает в себе. Общая часть значения двух глаголов и в этом случае не может быть вербализована средствами русского языка. По мере перехода к периферии соответствующих синонимических рядов английского и русского языков расхождение между ними, как и всегда в таких случаях, все более нарастает. Ср. английские глаголы *covet*, *long*, *yearn* и русские *мечтать* (*сделать что-л.*) и *жаждать* (*сделать что-л.*).

Итак, мы установили, что ни *want*, ни *хотеть*, имеющие большую общую часть смысла, не являются семантически простыми словами. При этом те семантические надбавки, которыми осложнено в них значение чистого желания, специфичны для английского и русского языков соответственно. Тем самым ни та, ни другая из этих лексем не имеет каких-либо преимуществ в качестве элемента универсального семантического языка.

Именно такие слова, не поддающиеся дальнейшему семантическому разложению в пределах данного языка, хотя, может быть, и не вполне простые по смыслу, мы будем называть в дальнейшем семантическими примитивами. Семантическая примитивность определяется, следовательно, структурой лексики самого описываемого языка: лексема *L* считается примитивом, если в данном языке не существует других лексем L_1, L_2, \dots, L_n , через которые ее можно было бы истолковать.

⁶ Из сказанного следует, что глагол *хотеть* не может быть истолкован без нарушения минимальных требований теории толкований. Предпринимаемые в этом направлении попытки (ср., например, [24: 282, 25: 61]) вызывают возражения. Наиболее серьезная из них выглядит следующим образом: *X хочет P* = 'X ощущает: P хорошо' [25: 61]. Легко видеть, что это толкование неполно. В нем не учтены такие выражаемые *хотеть* идеи, как идея потребности, действенной воли, намерения (см. выше основной текст). Я могу ощущать, что некий объект хорош, совершенно его не желая, например, вследствие того, что соответствующая потребность моего организма или моей личности удовлетворена. С другой стороны, *хорошо* с таким же успехом можно было бы толковать через 'хотеть': *P хороший* = 'P таков, что нормально его хотеть'. Сама эта возможность является свидетельством того, что мы достигли уровня элементарных, т. е. далее не разложимых, смыслов. На самом деле смыслы 'хотеть' и 'хорошо' толкованию не поддаются.

Аналогичные рассуждения можно было бы провести и для многих других претендентов на семантическую примитивность (*знать* и *know*, *думать* и *think*, *говорить* и *say*), но мы не станем этого делать. Важнее показать, почему даже такие семантически относительно простые слова, как *хотеть* и *want*, *знать* и *know*, *говорить* и *say* и т. п., все же не совпадают по смыслу полностью и почему это не может быть иначе.

Слова естественного языка, которые выбираются на роль примитивов, — это всегда слова "первого плана", наиболее укорененные в языке и культуре. Они обслуживают наибольшее число прагматических ситуаций, которые их по-разному окрашивают. С другой стороны, они наиболее обработаны в культурной традиции и поэтому обрастают разнообразными ассоциациями. Ср., например, характерное для русской культуры противопоставление *хотеть* и *хотеться* (см. выше), поддерживаемое и другими подобными противопоставлениями (*думать* — *думаться*; *работать* — *работаться*, *писать* — *писаться*, *спать* — *спаться*; и т. п.). Если семантически сложные лексемы специфичны для языка в силу уникальности комбинации более простых смыслов, то семантически простые лексемы оказываются специфичными для языка в силу уникальности их смысловых связей в языке и культуре.

Приведенные рассуждения, при всей их нестрогости, позволяют сделать вывод, что с помощью семантического метаязыка, мыслимого как подъязык языка-объекта, хорошо описывается главным образом национальная семантика. Универсальная (cross-cultural, глубинная) семантика должна строиться, по видимому, на основе искусственного логического языка, словами которого будут подлинные примитивы — пересекающиеся части квазипереводящих друг друга слов естественных языков. Это своего рода семантические кварки — реально существующие смыслы, никогда не материализуемые в словах естественных языков.

Примером такого кварка является стативность. Как известно, стативные глаголы (*видеть*, *слышать*, *хотеть*, *желать*, *знать*, *считать*, *думать* (что), *гордиться*, *стыдиться*, *завидовать*, *стоять*, *весить*, *изображать* [ср. *Картина изображает зимний лес*], *относиться* [ср. *Пумы относятся к семейству кошек*], *выситься*, *белеть* и т. п.), обозначающие гомогенные состояния, свойства и отношения, в разных естественных языках ведут себя во многом одинаково.

а) Они характеризуются дефектной грамматической парадигмой — не имеют форм ПОВЕЛ, СТРАД и чистовидовой формы СОВ (нельзя сказать **Хоти уехать*, **Видь картину*; **Картина виделась им*, **Им считалось, что семья без него пришлось трудно*; **Картина изобразила зимний лес*, **Пумы отнесли к семейству кошек*). Если номинально какая-нибудь из этих форм у статива есть, она никогда не имеет своего канонического (прототипического) значения. Ср. предложенный в [26: 30–32] анализ значения формы ПОВЕЛ в высказываниях типа *Гордись! таков и ты, поэт* (~ 'ты должен гордиться'), *Бойся данайцев* (~ 'тебе следует бояться'), *Считай, что тебе повезло* (~ 'ты можешь считать, не-

смотря на некоторую недостаточность оснований'), *Думай, что хочешь* (~ 'ты можешь думать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь'), *Знай, что она тебя любит* (разделяемое знание). Ни в одном из этих случаев ПОВЕЛ не имеет нормального для императива значения побуждения. См. также анализ *знать* в [27: 72].

б) Они характеризуются дефектностью семантической парадигмы — не используются в актуально-длительном, профетическом и некоторых других значениях НЕСОВ (нельзя сказать **Он вошел, когда я видел похоронную процессию на улице* <слышал какие-то странные звуки в углу>; **Завтра килограмм картошки стоит пятьсот рублей*, **Завтра он знает математику в объеме университетского курса*).

в) Они не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени, обстоятельствами цели и большинством обстоятельств способа действия, а также с глаголами типа *заниматься* и *делать* (ср. **Он видел картину за одну минуту* <знал математику за три дня>; **С целью поступить в университет он знает математику*, **С целью поставить пациента на ноги врачи думают, что ему нужно принимать хвойные ванны*; **ловко* <постепенно, тщательно> считал эти претензии несостоятельными; **занимался тем, что гордился своими успехами* <стыдился своей бедности>).

Очевидно, что это сходство реакций стативов на другие языковые единицы разных уровней (морфологического, синтаксического, семантического) семантически мотивировано. Мы обязаны предположить наличие в их значениях некоего общего смысла, который, однако, настолько мал, что не может материализоваться в виде слова естественного языка в их толкованиях. Действительно, достаточно бросить беглый взгляд на приведенный выше небольшой список стативов, чтобы убедиться, что никакие сколько-нибудь разумные толкования этих и других подобных слов не могут содержать общих смысловых компонентов.

Существуют, по-видимому, и другие типы семантических кварков. В этой связи представляет интерес гипотеза Т. В. Булыгиной (сообщенная автору устно) о категориальном значении части речи как элементе значения слова, который всегда есть в слове, хотя и не может быть вербализован.

Смысл, который не материализуется ни в каком отдельном слове естественного языка, в нашей работе [22: 25 и сл.] был назван нетривиальным семантическим признаком. Это и есть подлинный семантический примитив. Именно из таких примитивов-конструктов, примитивов-кварков должен строиться словарь того семантического языка, который будет обслуживать универсальную семантику.

Литература

1. Апресян Ю. Д. О новом словаре синонимов русского языка. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 1.
2. Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Образцы словарных статей нового словаря синонимов // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 2.
3. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
4. Жолковский А. К., Леонтьева Н. Н., Мартемьянов Ю. С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод. М., 1961. Вып. 2.
5. Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.
6. Жолковский А. К. Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.
7. Щеглов Ю. К. Две группы слов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.
8. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". М., 1974.
9. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
10. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка // Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
11. Mel'čuk Igor. Semantic Primitives from the Viewpoint of the Meaning – Text Linguistic Theory // Quaderni de semantica. 1989. Vol. 10. No.1.
12. Bogusławski A. Semantyczne pojęcie liczebnika. Wrocław, 1966.
13. Bogusławski A. On Semantic Primitives and Meaningfulness // Greimas, Jakobson, Mayenowa, 1970.
14. Wierzbicka Anna. Dociekanie semantyczne. Wrocław, 1960.
15. Wierzbicka Anna. Semantic Primitives. Frankfurt, 1972.
16. Wierzbicka Anna. Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language. Sydney, 1980.
17. Wierzbicka Anna. Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor, 1985.
18. Wierzbicka Anna. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney, 1987.
19. Wierzbicka Anna. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford, 1992.
20. Апресян Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Апресян Ю. Д., Ботякова В. В. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
21. Апресян Ю. Д., Ботякова В. В. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.

22. *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980.

23. *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.

24. *Труб В. М.* К проблеме семантического описания желаний // Wiener Slawistischer Almanach. 1993. Band 31.

25. *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.

26. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности (сборник научных трудов). М., 1988.

27. *Бульгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГЛАГОЛА *ВЫЙТИ**

1. Понятие лексикографического портрета

Под лексикографическим портретом лексемы понимается ее словарная статья, выполненная в рамках единого, или интегрального, описания языка. Общая концепция такого описания изложена в [1].

Принцип интегральности требует, чтобы словарь и грамматика были согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по способам ее записи. Только в этом случае словарь и грамматика способны взаимодействовать друг с другом в рамках целостной лингвистической модели. Практически это означает две вещи.

С одной стороны, каждой лексеме в ее словарной статье должны быть в явном виде приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать правила грамматики (настройка словаря на грамматику). Под правилами грамматики понимаются при этом достаточно общие лингвистические правила, включая, например, просодические, семантические, прагматические, коммуникативные и сочетаемостные.

С другой стороны, каждое правило грамматики должно быть построено с учетом того, какая информация приписана лексемам, составляющим его область действия (настройка грамматики на словарь).

Лексикографический портрет как элемент словаря, мыслимого в рамках интегрального лингвистического описания, существенно отличается от обычного словарного описания.

1) В него включаются некоторые принципиально новые типы информации о лексеме, раньше никогда не входившие в словарь. Такова, например, информация о нетривиальных просодических, коммуникативных и прагматических свойствах лексемы.

2) Традиционные типы информации существенно расширяются. Так, прежде единое однослойное толкование теперь расчленяется и подается как сово-

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка", М., 1990.

купность ряда отдельных семантических структур (ассерции, пресуппозиции, модальная рамка, рамка наблюдения). Сами семантические компоненты внутри толкования делятся на сильные (сохраняющиеся в любых условиях употребления лексемы) и слабые (снимаемые, вычеркиваемые более сильными элементами контекста). Серьезно расширяется и объем сочетаемостной информации. Раньше сочетаемость рассматривалась по преимуществу в лексическом плане. Между тем у лексемы есть еще интересные просодические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические и коммуникативные сочетаемостные свойства и ограничения.

3) Вся лингвистическая информация в словаре записывается на том же самом формальном языке, что и в грамматике.

К этим трем пунктам сводятся собственно лингвистические отличия лексикографического портрета от обычного словарного описания. Есть, однако, между этими двумя объектами и металингвистические различия. Они вызваны тем, что словарь лексикографических портретов решает некую сверхзадачу, в общем чуждую толковому словарю обычного типа. Сверхзадача словаря лексикографических портретов состоит в том, чтобы представить лексику языка как систему. Это определяет еще два отличия лексикографического портрета от обычного словарного описания.

4) Делается попытка продемонстрировать мотивированные связи между различными свойствами лексемы, например, связь между ее значением, с одной стороны, и ее просодическими особенностями и моделью управления, с другой.

5) Лексикографический портрет лексемы пишется на фоне определенного лексикографического типа. Лексикографическим типом мы предлагаем называть более или менее компактную группу лексем, имеющих общие свойства (просодические, синтаксические, семантические, коммуникативные и т. п.) и требующих поэтому единообразного словарного описания. Лексикографический тип тем интереснее, чем больше число таких свойств и число лингвистических правил, требующих обращения к ним.

Сказанное значит, что в каждой словарной статье должны быть отражены как те свойства лексемы, которые она делит с другими лексемами языка (проблема унификации, или лексикографических типов), так и то, что отличает ее от других лексем (проблема индивидуализации, или лексикографических портретов).

В настоящее время автор работает над словарем управлений и сочетаемости русского глагола, в основу которого положена составленная им русская часть двуязычного словаря [2]. Новая работа задумана как словарь лексикографических портретов, с одной существенной оговоркой.

Определенные ограничения на полноту характеристики лексемы накладывает то обстоятельство, что обсуждаемый словарь является именно словарем управления и сочетаемости. Поэтому некоторые важные типы информации, например информация о синтаксических и семантических производных глаго-

ла (ср. *лечить* — *лечение, врач, пациент, болезнь, лекарство, больница* и т. п.), в нем отсутствуют. Однако в пределах фиксированного объекта мы стремились дать максимально полную, интегральную и систематическую картину глагольной лексики, т. е. удовлетворить все требования жанра лексикографических портретов.

Помимо уже отмеченных выше особенностей этот жанр обладает еще и тем достоинством, что способен аккумулировать многие существенные достижения современной теоретической лингвистики.

К 60-м годам нынешнего столетия стало совершенно очевидно, что получать принципиально новые лингвистические знания, работая с такими традиционными объектами, как классы слов, невозможно. В результате осознания этого факта произошел прорыв в две совершенно новые области: на одном направлении — в макромир, или лингвистику текста, на другом — в микромир, или лингвистическое портретирование.

В рамках последнего направления предметом скрупулезных лингвистических исследований сделались отдельные слова или даже отдельные значения слов. Они стали описываться с небывалой прежде детальностью и полнотой. Впервые за долгую историю своего существования теоретическая лингвистика начала производить по крайней мере полуфабрикат для лексикографии. Не воспользоваться этой возможностью лексикографически воплотить находки теоретиков значит упустить шанс коренным образом обновить все словарное дело.

Чтобы дать более полное представление о задуманном словаре лексикографических портретов, рассмотрим общую схему его словарной статьи и включаемые в него типы информации о глагольной лексеме.

2. Схема словарной статьи и типы лексикографической информации

В общем случае словарная статья (лексикографический портрет) глагольной лексемы состоит из следующих восьми зон, по числу ее лексикографируемых свойств: 1. морфологической, 2. стилистической, 3. семантической, 4. прагматической, 5. просодической и коммуникативной, 6. синтаксической (в нынешнем варианте словаря в ней помещаются только модели управления, но, например, не синтаксические признаки лексем), 7. сочетаемостной, 8. фразеологической. Ниже содержание каждой из этих зон, за исключением последней, будет рассмотрено несколько более подробно и, в случае необходимости, коротко проиллюстрировано; в качестве иллюстраций могут использоваться любые факты русского языка, а не только глагольная лексика.

1. Морфологическая информация: 1.1. тип парадигмы (указывается с помощью ряда ключевых форм); 1.2. аспектуальный коррелят и ограничения на формы вида, времени, наклонения, лица, числа и т. п. (ср. указание, что в зна-

чениях 'оказываться, выясняться' и 'быть обращенным в какую-либо сторону' глагол *выйти* употребляется только в форме НЕСОВ: *Вы, выходит, мой дядя при невозможности *Вы, вышло, мой дядя и Окна кухни выходят во двор при невозможности *Окна кухни вышли во двор*); 1.3. варианты морф одной и той же граммеы (ср. глаголы *завернуть, заготовить, осмыслить, срезать, подсеять*, каждый из которых имеет по две формы НЕСОВ: *заворачивать и завертывать, заготавливать и заготовлять, осмысливать и осмысливать, срезать и срезывать, подсеивать и подсевать*); 1.4. способность быть частью аналитической формы (ср. *быть в будет читать <работать, ...>*).

2. Стилистическая информация в разрабатываемой версии словаря дается с помощью традиционной системы стилистических помет. Существенное отличие принятой в словаре стилистической классификации лежит не в области ее оснований (стилистических признаков), а в области объектов классификации: предметом стилистической классификации могут быть не только словесные значения и слова, но и синтаксические конструкции или даже свободные словосочетания, реализующие данное значение.

3. Семантическая информация: 3.1. аналитическое толкование данного лексического значения, с выделением в толковании ассертивной части (лично-глагольная форма в синтаксически главном предложении толкования), пресуппозиций (деепричастные или причастные обороты или придаточные предложения в тексте толкований) и модальных рамок; 3.2. различные употребления в рамках одного и того же лексического значения (ср., для связочного значения *быть*, употребление с подлежащим в форме ИМ, с подлежащим в форме РОД в количественной конструкции, с инфинитивным или пропозициональным подлежащим и т. п.; ср. *Парень был слегка навеселе, Людей было много, Ждать было некогда, Жаль, что он уехал*); 3.3. комментарии о допустимых комбинациях лексических и грамматических значений в разных контекстуальных условиях (ср. ограничения на реализацию аспектуальных значений локативного *быть* в отрицательных предложениях с подлежащим в форме ИМ или РОД: *Отца не был на море* [общефактическое значение НЕСОВ, но не актуально-длительное] — *Отца не было на море* [актуально-длительное значение НЕСОВ, но не общефактическое]); 3.4. возможность семантического противопоставления между двумя разными формами выражения одной и той же граммеы (ср. противопоставление нулевой формы и формы *есть* глагола *быть* в (квази)посессивном значении: *Мальчику три года* = 'ровно три' — *Мальчику ёсть три года* = 'не меньше трех'); 3.5. семантические связи данной лексемы с другими лексемами на парадигматической оси языка, т. е. в словаре (точные и неточные синонимы, аналоги, точные и неточные конверсивы, точные и неточные антонимы).

4. Прагматическая информация: 4.1. прагматические признаки, такие, как способность употребляться перформативно или неспособность цитироваться (ср. фразему *как быть?*, допускающую использование в косвенной речи, и фразему *так и быть*, употребляющуюся только перформативно в прямой ре-

чи); 4.2. нетривиальные иллокутивные функции лексемы (ср. высказывания с глаголом *знать* в императиве в контексте придаточных предложений, вводимых союзом *что*, не имеющие иллокутивной функции побуждения: *Знай, что она тебя любит*); 4.3. статусы говорящего и слушающего в социальной, возрастной, образовательной или иной иерархии (ср. употребление личных местоимений *ты* и *вы*); 4.4. лексические коннотации или вещные ассоциации, отличные от компонентов значения в собственном смысле (ср. коннотацию монотонности у глагола *пилить*, коннотацию резкости у глагола *рубить*, коннотацию быстроты у глагола *стрелять*).

5. Просодическая и коммуникативная информация: 5.1. обязательность — возможность — невозможность выделения данной лексемы главным фразовым ударением; 5.2. способность — неспособность данной лексемы служить в качестве темы или ремы высказывания (ср. внутренне рематичный характер фактивных глаголов, таких, как *понимать*, *знать*, *видеть*, особенно рельефно проявляющийся при их сопоставлении с преимущественно тематическими путативными глаголами типа *считать*, *полагать*, *находить*: первые могут, а иногда и должны стоять под главным фразовым ударением, в то время как вторые никогда не несут главного фразового ударения, хотя могут иметь контрастное или логическое, ударение: *Вы понимаете, что вам ничего не угрожает?* - *Вы считаете, что вам ничего не угрожает?*).

6. Информация о моделях управления: 6.1. семантические валентности лексемы, указываемые в виде переменных в пропозициональной форме, образующей вход толкования (ср. *А вербует В из X-а для Y-а в/на С на Т*, где *А* — вербующий, *В* — вербуемый, *X* — множество людей, из числа которых вербуются *В*, *Y* — деятельность, для которой вербуется *В*, *С* — место, куда *В* должен выехать для работы, а *Т* — время, на которое *В* нанимается); 6.2. поверхностно-синтаксические (падежные, предложно-падежные и иные) способы оформления семантических валентностей; 6.3. синтаксическая факультативность/обязательность валентностей; 6.4. синтаксическая соподчинимость/несоподчинимость валентностей; 6.5. трансформируемость моделей управления в рамках одного и того же лексического значения (фразы типа *Он был в меховой шапке* — *На нем была меховая шапка*, несмотря на синонимичность, не считаются трансформами, поскольку в них реализуются разные лексические значения глагола *быть*).

7. Информация о сочетаемости, или сочетаемостных ограничениях: 7.1. морфологическая (ср. сочетание *Вы* вежливого с прилагательным в единственном числе в полной форме и во множественном числе в краткой форме: *Вы недостаточно самостоятельная* — *Вы недостаточно самостоятельны* при невозможности (в литературном языке) **Вы недостаточно самостоятельные* и **Вы недостаточно самостоятельна*); 7.2. стилистическая (глагол *быть* в значении 'прибывать, приезжать' употребляется в стилистически нейтральной конструкции типа *Ивана сегодня не будет* и в устаревшей конструкции типа *Вы будете к нам завтра?*); 7.3. семантическая (глагол *выйти* в значении 'быть

израсходованным' сочетается с предложно-падежной формой *за* + $N_{\text{вин}}$, где позицию N заполняет любое существительное со значением отрезка времени: *За день <за неделю, за месяц, за год,...> выходит около семидесяти рублей*); 7.4. лексическая (глагол *выйти* в значении 'перестать быть в каком-либо состоянии' сочетается с предложно-падежной группой *за* + $N_{\text{вин}}$, где позицию N может занимать существительное из лексически замкнутого списка: *Ваша статья вышла за рамки <за пределы, за границы> установленного объема*); 7.5. прагматическая (*Вы* вежливое сочетается, за пределами литературной нормы, с полной формой прилагательного не только в единственном, но и во множественном числе, однако тогда говорящий демаскирует свой низкий образовательный уровень: *Уж больно вы обидчивые*); 7.6. просодическая (у глагола *быть* в форме ПРОШ главное фразовое ударение в отрицательном предложении перетягивается на отрицательную частицу *не* во всех формах, за исключением ЖЕН: *не был, не было, не были*); 7.7. коммуникативная (глагол *быть* в значении 'существовать' обычно выносится в препозицию к подлежащему и образует тему высказывания: *Есть люди, которые не любят музыку*); 7.8. синтаксическая (ср. обязательность зависимого при атрибуте — параметрическом существительном: *опухоль величиной с яйцо*).

Легко заметить, что этот перечень включает многие (хотя и не все) типы информации, предусмотренные в [3]. С другой стороны, обсуждаемый словарь идет, по замыслу, дальше [3], поскольку в нем принимается установка на отражение всех существенных для правил свойств лексемы, с учетом тех результатов ее изучения, которые получены теоретической лингвистикой.

3. Лексикографический портрет глагола *выйти*

3.1. Лексикографические типы для *ВЫЙТИ*

Глагол *выйти* принадлежит сразу нескольким лексикографическим типам.

Во-первых, это глагол перемещения. Подобно другим глаголам перемещения, он имеет валентности начальной точки, конечной точки и маршрута (*выйти из леса, выйти на дорогу, выйти через черный ход*), легко сочетается с именными группами и инфинитивами, имеющими целевое значение (*выйти за газетами, выйти погулять*).

Во-вторых, это — дериват глагола *идти*. Он сохраняет такие свойства *идти*, как способность обозначать перемещение транспортного средства (*Теплоход вышел из Севастополя в Ялту — Теплоход идет из Севастополя в Ялту*), фразу деятельности (*выйти из боя — идти в бой*), переход в новое состояние (*выйти в генералы, идти в солдаты, выйти замуж — идти замуж*), существование ситуации (*Вышла неприятность — Идет эксперимент*).

В-третьих, это дериват с приставкой *вы-*, которая в составе глаголов перемещения имеет своеобразное значение, в словарях до сих пор не замечавшееся.

А вышел из В в С значит, помимо прочего, что *А* переместился из замкнутого пространства *В* в более открытое пространство *С*. Можно *выйти из комнаты в коридор* или *со двора на улицу*, но нельзя **выйти из коридора в комнату* или **с улицы во двор*. При этом различия между более замкнутыми и менее замкнутыми (более открытыми) пространствами, по-видимому, объективны: в более замкнутых пространствах меньше возможностей входа и выхода и больше препятствий для перемещения (*вышел из леса на поляну*, но не **вышел с поляны в лес*).

Указанное значение приставки *вы-* антонимично значению приставки *в-* в составе глаголов перемещения; ср. *войти из коридора в комнату <во двор с улицы, в лес с поляны>* 'переместиться в замкнутое пространство из более открытого пространства', но не **войти в коридор из комнаты <на улицу со двора, на поляну из лесу>*. Это различие характерно для всех глаголов на *вы-* и *в-*, включая каузативные; ср. *выбежать из комнаты в коридор — вбежать в комнату из коридора, вылететь из комнаты в сад — влететь в комнату из сада, вывести свидетелей из зала заседаний в коридор — ввести свидетелей в зал заседаний из коридора, вывезти флаги с молоком из-под навеса на открытое место — ввезти флаги с молоком с открытого места под навес*.

Сказанное значит, между прочим, что лексикографический тип "*вы-* + глагол перемещения" должен описываться в связи с лексикографическим типом "*в-* + глагол перемещения", и наоборот. Правда, рассчитывать на абсолютную симметричность (зеркальность) структур многозначности у глаголов на *вы-* и глаголов на *в-* было бы опрометчиво. Отметим, например, что некоторые глаголы перемещения на *вы-* могут иметь значения удаления или отправки, для которых противопоставление замкнутых и открытых пространств нерелевантно: *Всю мебель уже вывезли, Осталось вывезти строительный мусор, Когда они выехали <вылетели>?, Завтра мы выезжаем <вылетаем> за границу. У соответственных глаголов ввезти, въехать, влететь прямых аналогов этих значений нет.*

Существуют и менее очевидные связи *выйти* с другими лексикографическими типами.

Можно, например, заметить, что в основе значений всех динамических глаголов, обозначающих физические действия, лежат простые идеи местонахождения (положения в пространстве), свойства или состояния и существования. Они образуют семантический каркас или, может быть, фундамент глагольной лексики во многих языках, потому что изображают простейшие ситуации, в которых встречаются и мыслятся объекты материального мира. Динамические глаголы добавляют к ним идеи изменения (*идти* \cong 'изменять местонахождение', *выйти из транса* = 'перестать быть в состоянии транса', *Вышла неприятность* \cong 'Стала существовать неприятность') или каузация изменения (у каузативных глаголов). Заметим, далее, что комбинация значений 'находиться', 'быть в состоянии' и 'существовать' — характерная черта бытийных глаголов русского и других языков, прежде всего глагола *быть*.

Лексикографически это значит, что, приступая к описанию динамического глагола со значением физического действия, составитель словаря должен искать у него "бытийную" комбинацию значений и, если она найдется, подать ее в словарной статье этого глагола так, как она подается в словарных статьях бытийных глаголов, разумеется, со скидкой на осложняющие обстоятельства.

Для глагола *выйти* это выливается в проблему систематизации и упорядочения таких значений, как *выйти из тюрьмы* \cong 'перестать находиться в тюрьме', *выйти на работу* \cong 'начать находиться на работе', *выйти из состава комиссии* = 'перестать быть в составе комиссии', *выйти замуж* = 'начать быть замужем', *За месяц вышло около кубометра дров* \cong 'перестало существовать', *Вышла неприятность* \cong 'Стала существовать' и т. п.

Осложняющим обстоятельством здесь является то, что у глубинно локативных, связочных и экзистенциальных значений глагола *выйти* есть, как видно даже из наших отрывочных примеров, регулярные фазовые наращения, в одном случае финитные, в другом — инцептивны. Упорядочение лексических значений надо вести, таким образом, не по одному, а сразу по нескольким лексикографическим признакам. При этом в качестве первоосновы классификации естественно выбирать такие признаки, которые дают наиболее крупные группировки значений. В соответствии с этим принципом в словарной статье *выйти* сначала дается группа финитных значений (ср. подгруппы с первой по четвертую в разделе 3.2), а затем — группа инцептивных значений (ср. подгруппы с пятой по восьмую в том же разделе). Внутри этих групп подгруппы упорядочиваются в последовательности 'перемещение' — 'местонахождение' — 'свойство или состояние' — 'существование'. Наконец, значения внутри подгруппы упорядочиваются в направлении от прямых к переносным и от менее переносных к более переносным; ср. *Девочка вышла из комнаты* и *Судно вышло из гавани*, *выйти на работу* и *выйти на экраны*, *Из него выйдет генерал* и *Из этой затеи ничего не выйдет*.

Еще одна интересная проблема лексикографического портретирования связана с тем, что можно было бы назвать малыми лексикографическими типами. Чтобы понять, что здесь имеется в виду, представим себе словарную статью многозначного слова в обычном толковом словаре. Значения в ней, грубо говоря, упорядочиваются следующим образом. Сначала идут прямые, или исходные, значения, затем — разного рода производные и переносные, а в конце — фразеологически связанные. Известно, что метафоризация и фразеологизация слова часто основана на снятии каких-то семантических компонентов прямых или исходных значений, в которых велика доля ассертивных частей. С другой стороны, этот процесс сопровождается возникновением оценок, пресуппозиций и других тонких элементов смысла. В результате к концу статьи оказываются сосредоточенными значения, которые уже не отличаются от значений некоторых других многозначных слов грубыми и очевидными семантическими компонентами, но зато могут отличаться от них более тонкими оценочными, пресуппозитивными и другими подобными компонентами. Возникающие при этом

(квази) синонимические ряды являются настоящим камнем преткновения для лексикографа: традиционные толкования совершенно не справляются с описанием семантических различий между такими синонимами. Именно такие ряды мы называем малыми лексикографическими типами. На фоне малого лексикографического типа особенно трудно нарисовать точный лексикографический портрет.

В словарной статье *выйти* лексикограф сталкивается с несколькими интересными малыми типами: 1) *выйти, уйти, израсходоваться, иссякнуть, истощиться* (*Все дрова вышли*); 2) *выйти, получитьсь* (*Из этих студентов выйдут хорошие инженеры*); 3) *выйти, получитьсь, случиться, произойти* (*Вышла крупная неприятность*); 4) *выйти, получитьсь, оказаться, выясниться* (*Выходит, что вы правы*); 5) *выйти, получитьсь, выпасть, выдаться* (*Роман вышел <получился> неплохой, День выдал трудный, Лето выдалось жаркое*). В последнем ряду, например, первые два синонима указывают на участие человека в возникновении объекта или ситуации, а вторые два изображают дело таким образом, что ситуация возникла по воле случая благодаря действию природных или высших сил.

Все описанные выше проблемы и трудности мы постарались учесть, в меру своих сил, в даваемой ниже словарной статье глагола *выйти*. Она начинается с синопсиса, или краткого "путеводителя": приводится, в элементарных формулировках, вся иерархия значений, причем каждое значение иллюстрируется коротким предложением. Затем идет основной текст словарной статьи. Используется в основном та нотация, которая была принята в [2]. Граммы получили новые, более прозрачные обозначения, совершенно самоочевидные и поэтому не нуждающиеся в пояснениях. Текст словарной статьи в любом месте может быть прерван комментарием (закрываемым в квадратные скобки), который рассматривается как часть словаря.

3.2. Словарная статья глагола **ВЫЙТИ**

ВЫЙТИ, *выйду, выйдешь*; **ПРОШ** *вышел, -шла, -шло*; **ПОВЕЛ** *выйди*;
ПРИЧ *вышедший*; **ДЕЕПР** *выйдя*; **НЕСОВ** *выходить*;

1.1. 'идя, переместиться вовне': *выйти из комнаты*;

1.2. 'переместиться вовне': *Судно вышло из бухты*;

1.3. 'отправляться': *Полк выходит завтра*;

2. 'перестать находиться где-л.': *выйти из тюрьмы*;

3.1. 'перестать быть частью или членом': *выйти из состава комиссии*;

3.2. 'перестать быть в состоянии': *выйти из повиновения*;

3.3. 'перестать делать': *выйти из боя*;

4. 'кончиться, быть израсходованным': *За месяц вышло около кубометра дров*;

5.1. 'прийти, появиться': *выйти на работу*;

5.2. 'появиться, стать доступным': *выйти на экраны*;

5.3. 'получить доступ': *выйти на заместителя председателя Гостелерадио;*

6. 'вступить в брак': *выйти замуж;*

7.1. 'превратиться': *выйти в генералы;*

7.2. 'получиться из кого-л.': *Из него выйдет генерал;*

7.3. 'начать существовать': *Из этой затеи ничего не выйдет;*

7.4. 'стать, оказаться': *Встреча вышла интересной;*

8.1. 'случиться': *Вышла неприятность;*

8.2. 'оказаться': *Выходит, вы правы;*

9. 'быть обращенным в какую-л. сторону': *Окна выходят в сад;*

1.1. *А вышел из В в С = 'Существо А, идя, переместилось из замкнутого пространства В в более открытое пространство С' [компоненты 'замкнутое пространство' и 'более открытое пространство' объясняют, почему нельзя сказать *вышел во двор с улицы, (надо: вошел во двор с улицы), хотя можно сказать вышел со двора на улицу; \cong С И Н : УЙТИ 1.1; А Н А Л . ВЫСЫПАТЬ 3.1; ВЫБЕЖАТЬ 1.1, ВЫЛЕТЕТЬ 2.1, ВЫЕХАТЬ 1.1, ВЫПОЛЗТИ 1.1, ВЫПЛЫТЬ 1.1; А Н Т : ВОЙТИ 1.1].*

$N_{\text{ИМ}}^1 V$.

Мама дома? — Она вышла. Я беру нужные инструменты, привожу в порядок кран, прочищаю раковину, мою руки и выхожу (Ф. Искандер).

$N_{\text{ИМ}}^1 V \{A_{\text{ИМ}}/A_{\text{Твор}}/P \ N_X^2\} [A, P, N^2 - \text{состояние } N^1]$.

Дети вышли раздетые <раздетыми, без пальто и без шапок>. Заговорщики вышли (из дома) в плащах <в масках, с пистолетами в руках>.

$N_{\text{ИМ}}^1 V \{D/P_1 \ N_X^2\}$.

Из комнаты <из дома, из леса, из-за ширмы, из-за угла> вышел старик. Нам скоро выходить из автобуса. Водитель вышел из машины. Старухи, неся перед собой мисочки с кашей, осторожно выходили из кухни (И. Ильф и Е. Петров). Уже почти совсем стемнело, когда Галина вышла из рожи (А. Золотарь). Нина взглядом попросила меня выйти, сидеть на кухне и оттуда не выходить (В. Маканин).

$N_{\text{ИМ}}^1 V \{D/P_2 \ N_X^2\}$.

Туристы вышли на дорогу <на узкую тропу, ведущую на перевал>. Мы вышли на отмель <на широкую площадь, туда, где собирался народ>. После ужина все выходили в сад и разбредались по дорожкам. Передовые части на следующий день вышли к Волге <к железной дороге, в тыл противнику>. Бегуны вышли на старт. Сам Александр Васильевич Сухово-Кобылин, живя в своем имении Кобылинке, выходил к столу во фраке и белом галстуке даже тогда, когда не было ни единого гостя (Ст. Рассадин). На улицу почти не выхожу, чтобы не встречаться с одноклассниками (И. Гаврилов). Когда Меркулов вышел за шлагбаум, на шоссе уже стало темнеть (Л. Андреев).

$N_{\text{ИМ}}^1 V \{D/P_3 \ N_X^2\}$ [прим. о высадке из транспортного средства].

Где вы выходите? Мы выходим в Салтыковке <в Перове, на следующей остановке>. Туристы вышли на площади Революции <на Невском проспекте, у Большого театра>.

$N_{им}^1 V \{в N_{вин}^2 / \text{через } N_{вин}^2\} [N^2 - \text{проем}]$.

Грабители вышли (из дома) через балкон <через черный ход>. Зрители выходили (из зала) в одну дверь, остальные были почему-то заперты.

$N_{им}^1 V \text{ на } N_{вин}^2 [N^2 - \text{цель действия}]$.

Дети вышли на прогулку.

$N_{им}^1 V \text{ за } N_{твор}^2 [\text{доставка или получение } N^2 - \text{цель действия}]$.

Лена вышла за хлебом <за почтой>.

$N_{им}^1 V \text{ перед } N_{твор}^2 [N^2 - \text{человек или люди}]$.

Новобранцы выходили по одному перед строем и произносили слова присяги. Мне бы даже так хотелось: выйти одной перед целым полком солдат и начать стрелять в них из браунинга (Л. Андреев).

$N_{им}^1 V V_{инф} [V_{инф} - \text{цель действия}]$.

Дети вышли прогуляться <подышать свежим воздухом>. Отец вышел посмотреть, не попался ли кто-нибудь в капкан. Автор (если только он не из тех, кого Редактор выходит встречать к подъезду) целиком зависит от Редактора (Ю. Буртин).

+Когда я вышел из-за кулис на сцену читать стихи, я вдруг обнаружил, что ничего не помню.

[перен.].

И как бы далеко ни уходил человек от своего гнезда, наступает возраст, когда он неодолимо повертывает взор свой в ту сторону, откуда вышел. Колхоз <завод> вышел из отстающих в передовые.

1.2. *А вышел из В в С* = 'Транспортное средство или аппарат А переместилось из замкнутого пространства В в более открытое пространство С' [см. комментарий к 1.1; также о людях на лодке, судне и т. п.; \cong С И Н : УЙТИ 1.3; ВЫЛЕТЕТЬ 2.1; ВЫЕХАТЬ 2, ВЫПЛЫТЬ 2; А Н Т : ВОЙТИ 1.2].

$N_{им}^1 V \{D/P_1 N_x^2\}$.

Караван вышел из оазиса. Корабль вышел из бухты. Кавалерийский эскадрон вышел из станицы. Из-за поворота вышел автобус. Откуда бы ни вышел этот транспорт, его необходимо перехватить.

$N_{им}^1 V \{D/P_2 N_x^2\}$.

Колонна автомобилей вышла на автостраду. Комбайны вышли в поле. Через месяц космический корабль выйдет к Марсу <на околосолнечную орбиту, за пределы Солнечной системы>. Он ... догадается нанять яхту и выйти в море, откуда будет хорошо виден удаляющийся пляж (В. Маканин).

1.3. *А вышел из X-а в Y* = 'Люди или транспортное средство А, находившиеся в месте X и имевшие целью попасть в место Y, начали перемещаться по направлению к Y-у и тем самым находятся на пути из X-а в Y' [\cong С И Н : ОТПРАВИТЬСЯ 1.1; ВЫСТУПИТЬ 1.1; ВЫЕХАТЬ 1.1, ВЫЛЕТЕТЬ 1; \cong А Н Т : ОСТАТЬСЯ 1].

$N_{им}^1 V \{D/P N_x^2\} [D, P N^2 - \text{время}]$.

Полк выходит завтра <через день, ровно в двенадцать, на следующей неделе, сразу после смотра>.

$N_{\text{им}}^1 V \{D/P_1 N_X^2\}$.

Войска еще не вышли из города. Мы приехали на место сбора через пять минут после того, как оттуда вышел последний автобус.

$N_{\text{им}}^1 V \{D/P_2 N_X^2\}$.

Первый автобус выходит (из Бронниц) в Москву в шесть утра.

$N_{\text{им}}^1 V \{в N_{\text{вин}}^2 / на N_{\text{вин}}^2\} [N^2 - \text{цель действия}]$.

Завтра мы выходим в поход. Отряд вышел на разведку <на опасную охоту, на поиски пропавшей экспедиции>.

2. *А вышел из X-а* = 'Человек А перестал находиться в учреждении X, куда до этого он был помещен для лечения или в порядке наказания' [X – *тюрьма, лагерь, больница, госпиталь, заключение*, но, например, не *ссылка*; \cong С И Н : ПОКИНУТЬ 2; ВЫПИСАТЬСЯ 1.1; ОСВОБОДИТЬСЯ 1.1; А Н А Л : ВЕРНУТЬСЯ 1.1; \cong А Н Т : ПОПАСТЬ 1.1; ЛЕЧЬ 3.2; СЕСТЬ 4.1].

$N_{\text{им}}^1 V$ из $N_{\text{род}}^2$.

Выйдя из тюрьмы <из лагеря>, рецидивисты очень скоро снова туда попадают. Моя жена вышла из больницы (через два месяца). Сосед, недавно вышедший из заключения, бил на пустыре соседа справа, дважды побывавшего в заключении (И. Гаврилов).

$N_{\text{им}}^1 V$ на $N_{\text{вин}}^2$ [N^2 – *свобода, воля*].

Лагерь легко сближает людей по их главному признаку, по признаку несвободы, но когда человек выходит на свободу, обнаруживается, что разные люди по-разному ее понимают (Ф. Искандер).

3.1. *А вышел из X-а* = 'Человек А, не желая оставаться членом организации или группы X, предпринял официальные действия, чтобы перестать быть членом X-а, и перестал быть членом X-а' [\cong С И Н : ПОКИНУТЬ 2.1; ОСТАВИТЬ 3.2; А Н А Л : ОТМЕЖЕВАТЬСЯ 1; \cong К О Н В : ИСКЛЮЧИТЬ 2.1; \cong А Н Т : ВОЙТИ 3.1].

$N_{\text{им}}^1 V$ из $N_{\text{род}}^2$.

Чехов и Короленко вышли из Академии в знак протеста против неизбрания Горького. После кризиса 1956 года многие венгры вышли из партии. Я решил выйти из совета трудового коллектива <из правления лингвистического общества, из состава комиссии>. Сталин разгромил наше крестьянство, <...> "гарнизоны" установил – все эти репрессивные политуправления при МТС, да и сами колхозы, из которых не выйти было, как из заключения (А. Адамович).

3.2. *А вышел из X-а* = 'Объект А перестал быть в состоянии X' [\cong А Н Т : ПОПАСТЬ 2.1].

$N_{\text{им}}^1 V$ из $N_{\text{род}}^2$.

Ребенок совершенно вышел из повиновения. Помогите мне выйти из этого затруднения <из создавшегося положения> [ср. \diamond]. Андрей горяч и легко вы-

ходит из терпения <из равновесия>. Короткие юбки выходят из моды. Мотор вышел из строя. Страна медленно <постепенно> выходила из кризиса.

$N^1_{им} V$ из-под $N^2_{род}$.

К четырнадцати годам мальчик совсем вышел из-под влияния <из-под контроля, из-под власти> родителей. Ваша жена уже вышла из-под вашей опеки.

$N^1_{им} V$ за $N^2_{вин}$ [N^2 - рамки, границы, пределы...].

[Редакция] не отвечает за содержание данного раздела ["Полемика"] и следит лишь за тем, чтобы каждый из помещаемых в нем материалов не выходил за рамки установленного объема (Ю. Буртин).

3.3. *А вышел из X-а* = 'Человек или люди А перестали заниматься деятельностью X' [\cong А Н Т : ВКЛЮЧИТЬСЯ 2.2; разг. ВВЯЗАТЬСЯ 1].

$N^1_{им} V$ из $N^2_{род}$.

Рота вышла из боя, потеряв двадцать человек. С меня довольно: я выхожу из игры.

4. *А вышел* = 'В ходе деятельности какого-либо человека ресурс А был израсходован в определенном количестве' [редк., за исключением первой конструкции; в других конструкциях предпочитается *уйти*; С И Н : УЙТИ 4; \cong С И Н : ИСТРАТИТЬСЯ 1, ИЗРАСХОДОВАТЬСЯ 1; ИССЯКНУТЬ 1.2; ИСТОЩИТЬСЯ 1.2; \cong А Н Т : ПРИБАВИТЬСЯ 2.1, ПРИБЫТЬ 3].

$N^1_{им} V$ [часто со словом *весь* (*вся, все, всё*) – 'быть израсходованным полностью, кончиться'].

(Весь) табак <хлеб> вышел. Когда вышли снаряды, бойцы стали отстреливаться из винтовок.

$N^1_{им} V$ у $N^2_{род}$.

У бойцов вышли все патроны.

$N^1_{им} V$ за $N^2_{вин}$ [N^2 - время].

За неделю выходило около семидесяти рублей.

$N^1_{им} V$ на $N^2_{вин}$ [N^2 - приобретаемый объект].

Только на продукты <на питание, на одежду> вышло триста рублей.

5.1. *А вышел на В* = 'Человек А явился на место своей деятельности В после некоторого перерыва' [В – обычно *работа, служба*; \cong С И Н : ЯВИТЬСЯ 3.1, ПОЯВИТЬСЯ 2.1, ПРИЙТИ 1.2; ПРИБЫТЬ 1.1; \cong А Н Т : УЙТИ 1.1].

$N^1_{им} V$ из отпуска.

Ваш завлаб уже вышел из отпуска?

$N^1_{им} V$ на $N^2_{вин}$.

После поездки в колхоз около десяти сотрудников не вышли на работу. У Сергея был острый приступ астмы, и он выйдет на работу только через три дня.

$N^1_{им} V$ {из отпуска / на $N^2_{вин}$ } {D/P N3x} [D, N^3 – время].

Когда вы выходите <выйдете> на работу? Я выйду на работу в понедельник <на будущей неделе, после праздников, через два дня>.

5.2. *А вышел* = 'Объект А был обнаружен и стал доступен потребителям' [≅ К О Н В : ОПУБЛИКОВАТЬ 1, НАПЕЧАТАТЬ 1.2, ВЫПУСТИТЬ 5.2].

$N_{ИМ}^1$ V [обычно в препозиции к подлежащему].

Вышел новый номер стенгазеты <новый заем, новый спектакль>. Тотчас же вышли новые газеты, и лучшие перья в России начали писать в них фельетоны (М. Булгаков). Выходили романы и фильмы, пресса более или менее успешно создавала впечатление разнообразия и борьбы критических мнений (Ю. Буртин).

$N_{ИМ}^1$ V из печати [N^1 — литературное произведение].

Вышел из печати новый роман М. Булгакова.

$N_{ИМ}^1$ V в свет [N^1 — литературное произведение].

Вышли в свет воспоминания советского разведчика <никогда раньше не публиковавшиеся стихи Юлия Кима>.

$N_{ИМ}^1$ V в эфир [N^1 — радио- или телевизионная передача].

Наша передача выходит в эфир во вторник на следующей неделе.

$N_{ИМ}^1$ V на экран / на экраны [N^1 — фильм].

Вышел на экраны замечательный фильм Абуладзе.

$N_{ИМ}^1$ V в $N_{пр}^2$ [N^2 — издательство].

Книга Мельчука выйдет в издательстве "Прогресс". Наша коллективная монография вышла в "Науке".

5.3. *А вышел на X-а* = 'Человек А, пытаясь добиться решения такого вопроса, который может быть решен лишь лицом, занимающим высокое положение в иерархии власти, получил доступ к лицу X; при этом X либо сам занимает достаточно высокое положение в иерархии власти для решения вопроса, либо может облегчить доступ к такому лицу' [разг. сниж.; в форме НЕСОВ НАСТ обычно используется в потенциальном значении 'имеет постоянную возможность получить доступ к X-у': *Твой шеф выбьет для тебя ставку, ведь он выходит на академика*; ≅ С И Н : ПРОБИТЬСЯ 2.2; ДОЙТИ 2.2; ДОБРАТЬСЯ 1.3; А Н А Л : ПОПАСТЬ 3.2].

$N_{ИМ}^1$ V на $N_{ВИН}^2$.

Чтобы решить ваш вопрос, надо выйти на Роганова. До президента мы еще не добрались, но на его референта уже вышли.

$N_{ИМ}^1$ V на $N_{ВИН}^2$ через $N_{ВИН}^3$.

У Вадима есть знакомый, через которого можно выйти на министра. Я через Рузанну вышла на одного экстрасенса из Министерства тяжелой промышленности (Т. Толстая).

6. *А вышел за X-а* = 'Женщина А вступила в брак с мужчиной X' [≅ С И Н : ЖЕНИТЬСЯ 1; разг. ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ 2.1, прост. РАСПИСАТЬСЯ 3.2; ВЕНЧАТЬСЯ 1, ОБВЕНЧАТЬСЯ, ПОВЕНЧАТЬСЯ 1; К О Н В : ЖЕНИТЬСЯ 1; ≅ К О Н В : ВЫДАТЬ (ЗАМУЖ); А Н Т : РАЗВЕСТИСЬ 1, РАЗОЙТИСЬ 3.1].

$N_{\text{им}}^1$ V замуж.

Ольга недавно вышла замуж.

$N_{\text{им}}^1$ V за $N_{\text{вин}}^2$.

Ольга вышла за своего бывшего одноклассника. В наше время ... трудно выйти за хорошего человека (А.П. Чехов). Их младшая дочь выходит замуж за военного. После целой недели размышлений она определенно обещала ему позволить соблазнить себя, так как все равно через месяц выходит замуж за инженера (Я. Гашек).

7.1. *А вышел из X-ов в Y-и* = 'Человек А, ранее принадлежавший к категории людей X, перешел вследствие своих жизненных успехов в категорию людей Y, социальный статус которых выше, чем статус X-ов' [компонент 'социальный статус которых выше, чем статус X-ов' объясняет, почему нельзя сказать **выйти из генералов в солдаты*, с одной стороны, и **выйти в жены <в матери, в отца>*, с другой: первая фраза неправильна потому, что социальный статус генералов [X] выше, чем социальный статус солдат [Y], что противоречит толкованию (ср. правильную фразу *выйти из солдат в генералы*); вторая фраза неправильна потому, что социальный статус жены <матери, отца> — не является более высоким, чем предшествующий социальный статус такого человека; ср. 7.2; \cong С И Н : ВЫРАСТИ 2.2; СТАТЬ 1.1; А Н А Л : ВЫСКОЧИТЬ 5; \cong К О Н В : ВЫЙТИ 7.2; \cong А Н Т : ОПУСТИТЬСЯ 4.2].

$N_{\text{им}}^1$ V из $N_{\text{род}}^2$ [N^2 — МН или СОБИР].

Я сам из простых людей <из крестьян> вышел. Он вышел из низов. Из самой гуши народной (В. Катаев). Вышли мы все из народа (песня).

$N_{\text{им}}^1$ V в $N_{\text{род}}^2$ [N^2 — МН].

Кто-то из его детей вышел в офицеры <в артисты>. Олег постепенно в большие люди <в передовики производства> выходит. К концу учебного года девочка вышла в отличницы. Виктор окончил курсы электриков и в первые помощники вышел (А. Арбузов). Новиков все хотел понять, за какие качества Неудобнов вышел в генералы (В. Гроссман).

7.2. *А вышел из X-а* = 'Человек X, свойства которого были таковы, что в результате его обучения или приобретения им опыта он мог стать профессионалом класса А, стал таким профессионалом' [классифицирующее связочное значение; обычно в препозиции к подлежащему; компонент 'профессионал класса А' объясняет, почему нельзя сказать ??*Из него вышел Герой Социалистического Труда <георгиевский кавалер>*; социальные статусы X-а и А несущественны: можно сказать и *Из этого солдата выйдет отличный генерал*, и *Из этого генерала выйдет отличный солдат*; С И Н : ПОЛУЧИТЬСЯ 2.2; \cong С И Н : БЫТЬ 1.1; \cong К О Н В : СТАТЬ 1.1; ВЫЙТИ 7.1; редк. ВЫРАСТИ 2.2].

$N_{\text{им}}^1$ V из $N_{\text{род}}^2$.

Из этих студентов выйдут превосходные инженеры. Из Ивана вышел недюжинный живописец <артист>. Из вашей дочери выйдет <не выйдет> хорошая жена <мать> [ср. комментарий к значению 7.1].

7.3. *А вышел из X-а* = 'Из объекта X, свойства и количество которого были таковы, что из него мог быть сделан объект класса А, был сделан объект класса А' [экзистенциальное значение; обычно в препозиции к подлежащему; С И Н : ПОЛУЧИТЬСЯ 2.3; \cong С И Н : БЫТЬ 5.4; \cong К О Н В : ПРЕВРАТИТЬСЯ 1.1; ВЫЛИТЬСЯ 2].

$N_{им}^1 V$.

Ну что ж, уберите длинноты, и выйдет неплохой роман.

$N_{им}^1 V$ из $N_{род}^2$.

Из этой затеи ничего не выйдет. Из двух метров материи выходит одно платье. Из хорошей повести вышла неплохая экранизация.

$N_{им}^1 V$ у $N_{род}^2$.

История у меня не вышла, а повесть получилась (А. Бек).

7.4. *А вышел X-вым* = 'Объект А мог иметь несколько разных свойств, отличных от свойства X; в результате чьей-то деятельности А приобрел свойство X, причем говорящий представляет этот факт так, как будто между намерением деятеля и приобретением свойства X объектом А нет причинной связи' [классифицирующее связочное значение: X — не истинностное свойство: нельзя сказать **Решение вышло неверным* <ошибочным, правильным>; С И Н : ПОЛУЧИТЬСЯ 2.4; \cong С И Н : ОКАЗАТЬСЯ 2.1; ВЫДАТЬСЯ 3.1, ВЫПАСТЬ 2.1; А Н А Л : БЫТЬ 1.1; \cong К О Н В : ВЫЙТИ 8.1].

$N_{им}^1 V D$ [D — оценочное].

Петр вышел отлично <хорошо, плохо, хуже всех>.

$N_{им}^1 V$ (А_{им}/А_{твор}/N_{твор}²) [N² — *победитель, козел отпущения, ...*].

Роман вышел неплохой. Ужин <вечер> вышел невеселым. Встреча вышла интересная <интересной>. Каспаров вышел победителем в соревновании на кубок мира. Все отделаются легким испугом, а ты выйдешь козлом отпущения.

8.1. *Вышел X* = 'Событие или ситуация X могла не иметь места; в результате чьей-то деятельности X имел место, причем говорящий представляет этот факт так, как будто между намерениями деятеля и X-ом нет причинной связи' [экзистенциальное значение; обычно в препозиции к подлежащему]; \cong С И Н : ПОЛУЧИТЬСЯ 3.1, СОСТОЯТЬСЯ 1.1; СЛУЧИТЬСЯ 1.1, ПРОИЗОЙТИ 1.1; ВЫДАТЬСЯ 3.2, ВЫПАСТЬ 2.2; ПРИКЛЮЧИТЬСЯ 1.1; СТЯСТИСЬ 2.1; БЫТЬ 4.1; БЫВАТЬ 2; А Н А Л : СБЫТЬСЯ 1].

V [часто ОТРИЦ].

Не вышло, не сбылось, не состоялось снова. / Все кончено. Тянусь в грядущие века (Н. Ковальджи).

А_{им} N_{им}¹ V.

Вышла крупная неприятность. Вышла некрасивая история. Вышла задержка в несколько дней.

$N_{им}^1 V D$.

Все вышло наоборот <иначе, не так, как мы хотели>.

V так, Conj S [Conj – *что, будто*].

Вышло так, что мне пришлось на несколько дней уехать. И выходило так, будто у его жизни совсем не было начала (Л. Андреев).

8.2. *Выходит, что P* = 'Существует цепочка умозаключений, конечным выводом которой является суждение P' [только НЕСОВ; преим. ВВОДН; \cong С И Н : ОКАЗЫВАТЬСЯ 2.2, ПОЛУЧАТЬСЯ 3.1, ВЫЯСНЯТЬСЯ 1].

V.

Вы, выходит, мой дядя?

V что S.

Вот и выходит, что мне надо уехать. Ведь если танки сокращаются в одностороннем порядке, выходит, что у нас этих танков был явный перебор (Ю. Кондрашов).

V S.

Выходит, я вам не нужен? Выходит, Вам средства девать некуда, кроме как в могучие чудища с лазерными пушками (Ю. Кондрашов).

9. *A выходит на B* = 'Строение A, его часть или проем обращено в ту сторону, где находится объект B' [только НЕСОВ; \cong С И Н : 'БЫТЬ ОБРАЩЕННЫМ'].

$N_{им}^1 V \{D/P^2 N_x^2\}$.

Окна дома выходят в сад <на улицу>. Куда выходит эта дверь?

$N_{им}^1 V \{D/P^2 N_x^2\} N_{твор}^3 [N^3 - \text{проем или часть } N^1]$.

Дом выходил окнами во двор. Здание одной стороной <фасадом, торцом> выходит на набережную.

♦ *выйти наружу* = 'обнаружиться, стать явным'; *выйти из берегов* = 'разлиться в половодье'; *выйти из головы* = 'забыться' [арх.]; *не выходить из головы <из ума>* = 'быть постоянно в чем-л. сознании' [только НЕСОВ]; *выйти из доверия* = 'потерять чье-л. доверие'; *выйти из колеи* = 'перестать вести обычную для субъекта жизнь'; *выйти из положения* = 'разрешить создавшееся затруднение' [ср. 3.2]; *выйти из роли* = 'сделать что-л., что не соответствует избранной линии поведения' [ср. *выпасть из образа*]; *выйти из себя* = 'потерять самообладание'; *выйти из-под кисти кого-л.* = 'быть написанным каким-либо художником'; *выйти из-под пера кого-л.* = 'быть написанным каким-л. писателем'; *выйти в люди* = 'в результате долгих усилий получить хорошее положение в обществе'; *выйти в отставку* = 'уволиться со службы до истечения срока полномочий по причине несогласия с руководством или с целью заняться другой деятельностью'; *выйти в тираж* = 'выйти из употребления в результате потери интересности'; *выйти на пенсию* = 'стать пенсионером'; *выйти на первое <второе, третье, ...> место* = 'быть первым <вторым, третьим...> в каком-л. соревновании по своим результатам'; *не выйти X-ом [лицом, ростом, умом, ...]* = 'иметь такой X, который отклоняется от нормы X-ов в худшую сторону'; *выйти сухим из воды* = 'будучи виноватым в чем-л., суметь остаться безнаказанным'; *выйти боком кому-л.* = 'кончиться плохо для кого-л., не принести кому-л. ничего, кроме неприятностей'.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // "Вопр. языкознания". 1986. N 2. С. 57–70.
2. Апресян Ю. Д., Палл Эрна. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Будапешт, 1982, Т.1–2.
3. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА *БЫТЬ*)*

1. Понятие лексикографического портрета и лексикографического типа

1.1. Лексикографический портрет

Термин "портретирование" применительно к описанию слов был введен в [1]. Однако там имелась в виду только полнота семантической характеристики лексем, достигаемая ее постановкой в возможно более широкий круг контекстов и тестированием ее применимости для описания возможно более широкого круга ситуаций.

Впоследствии представления о лексикографически релевантных свойствах лексем существенно расширились. В частности, гораздо более полное описание не только семантических, но и сочетаемостных свойств лексем было предпринято в Толково-комбинаторном словаре современного русского языка – ТКСе [2]. Представляет интерес и построенный в значительной мере на идеях ТКСа (но, к сожалению, не оговаривающий этого в явном виде) словарь [3].

Одновременно с обновлением лексикографии (более полный обзор таких лексикографических новшеств см. в [4]) набирали силу новые тенденции в теоретической лингвистике. Здесь в самостоятельное направление выделилась область исследований, которую с полным правом можно было бы назвать лингвистическим портретированием. В связи с этим достаточно упомянуть такие работы, как [5–12].

Таким образом, были созданы предпосылки для нового синтеза лексикографии и лингвистики; ср. попытку такого синтеза в [13].

Развивая изложенные в последней работе соображения, мы будем понимать под лексикографическим портретом по возможности

* Статья была впервые напечатана в журнале "Научно-техническая информация", 1992, серия 2, №3.

исчерпывающую характеристику всех лингвистически существенных свойств лексемы, выполненную в рамках интегрального описания языка.

Интегральное описание языка предполагает, в частности, что в словаре каждой лексеме должны быть явным образом приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать какие-либо лингвистические правила. В число последних включаются, естественно, не только собственно грамматические, но и семантические, прагматические, коммуникативные и иные правила. Из этой установки почти автоматически следует, что микромир лексемы должен быть представлен в словаре с учетом всех тех связей и взаимодействий, которые определяют ее жизнь в языке и ее поведение в составе высказывания.

Рассмотрение лексемы относительно всего свода лингвистических правил, с учетом всех ее связей в словаре и в составе высказывания, заставляет совершенно по-новому взглянуть на ее лексикографически существенные свойства. Оказывается, что их гораздо больше и что они намного разнообразней, чем принято было думать до сих пор.

Первое отличие лексикографического портрета от обычного словарного описания лексемы как раз и состоит в насыщении ее словарной статьи новыми типами информации и в существенном расширении традиционной информации.

Из числа свойств, никогда раньше не описывавшихся или описывавшихся крайне несистематически, упомянем просодические, прагматические и коммуникативные свойства лексем (см. материал на эту тему в словарной статье *быть*, приводимой в разделе 3, а также обсуждение признака фактивности в данном разделе).

Серьезно расширились и представления о лексикографически существенных сочетаемостных свойствах лексем. В их число теперь включаются, кроме лексических и семантических, просодические, морфологические, прагматические, коммуникативные и синтаксические сочетаемостные свойства. Раньше на них не обращали должного внимания именно потому, что все они отчетливо обнаруживаются только в составе предложения или высказывания.

Даже семантическая информация — основа всякого толкового словаря — существенно возросла в объеме. Лексема не может, например, стать эффективным объектом правил перифразирования, если в ее словарную статью не включены различные лексические функции — точные и неточные синонимы, конверсивы, антонимы, гиперонимы, синтаксические и семантические дериваты и обслуживающие их полувспомогательные слова (о лексических функциях и правилах перифразирования см. [14]).

Второе отличие лексикографического портрета от обычного словарного описания заключается в способе организации информации. Раньше словари довольствовались отдельной фиксацией разных ипостасей лексемы. Нынешние принципы лексикографического портретирования требуют, чтобы в словарной статье была представлена более сложная картина взаимодей-

ствия различных ипостасей лекси́мы. Очевидно, например, что управляющие и сочетаемостные свойства лекси́мы в значительной мере выводимы из ее толкования. Характер лексического значения в некоторых случаях определяет и просодические особенности лекси́мы, которые в свою очередь связаны с ее коммуникативными свойствами. Рассмотрим один показательный пример — связь между значением фактивности, возможностью выделения соответствующей лекси́мы с помощью главного фразового ударения и коммуникативной организацией высказывания.

Фактивные глаголы *понимать*, *знать*, *видеть* (= 'понимать') в утвердительных предложениях могут нести главное фразовое ударение, независимо от своего места в предложении: *Он по́нимал <знал>, что ему ничто не угрожает; Ви́жу, куда ты клони́шь.* В общевопросительных предложениях главное фразовое ударение на фактиве превращается почти в необходимость: *Вы по́нимаете <знаете, видите>, что вам ничто не угрожает?* Тем самым фактивы входят в рематическую часть высказывания. Это их свойство становится особенно заметным на фоне канонических путативных глаголов *считать*, *полагать*, *находить*. Путативы в сравнимых условиях (не в конце предложения) не могут нести главного фразового ударения и принадлежат теме высказывания: *Он счита́л <полагал>, что ему ничто не угрожает; Я нахо́жу, что ваши тревоги напрáсны; Вы счита́ете <полагаете, находите>, что вам ничто не угрожа́ет?* Единственно возможный тип просодического выделения для путативов — контрастное (противопоставительное), а не главное фразовое ударение: *Вы счита́ете <полагаете>, что вам ничто не угрожает (или вы это знаете)?*

Даже глаголы, которые прототипически не являются фактивными, приобретают это свойство, будучи выделены главным фразовым ударением в определенных синтаксических условиях. Таков, например, глагол *говорить* — *сказать* в общевопросительных предложениях: *Он сказа́л, что мать больна́?* (фактивное, говорящий знает, что мать больна) — *Он сказа́л, что мать больна́?* (путативное, говорящий не знает, больна ли мать, и хочет получить информацию на этот счет). Фактивность ударного и путативность безударного *сказать* подтверждаются и тем, что ударное *сказать* свободно сочетается с косвенным вопросом, а безударное — нет: *Он сказа́л, куда уехал отец?* — *Он сказа́л, куда уехал отец?* Ср. еще следующие два употребления английского глагола *to understand*: *I understand your mother is ill* 'Я понимаю, что ваша мать больна' (фактивное, мать больна), — *I understand your mother is ill* 'Как я понимаю, ваша мать больна' (путативное, говорящий предполагает, что мать адресата больна).

Связь фактивности с главным фразовым ударением и определенным типом коммуникативной организации высказывания можно проследить и на других разрядах слов. Из числа таких слов мы упомянем фактивное наречие *действительно* и фактивное прилагательное *настоящий*.

Наречие *действительно* имеет только фактивное значение, реализуемое в двух употреблениях, — обстоятельственном и вводном. В первом случае оно

почти всегда несет главное фразовое ударение: *Свекор сам подошел к невестке, которая действительно была нездорова* (С. Т. Аксаков); *Она стояла спиной, лица не было видно, но чувствовалось — девушка действительно грустит* (Е. Катерли). Во втором случае главное фразовое ударение возможно, хотя и не обязательно: *Доктор поднял голову. Действительно, сновавшие мимо окна загадочные птицы оказались винно-огненными листьями клена* (Б. Пастернак); *Говорили, что Ильину везет. И действительно, все у него получалось удивительно вовремя и складно* (В. Каверин). В отличие от фактивного действительно путативные наречия и наречные обороты типа *вероятно, возможно, должно быть* никогда не несут главного фразового ударения. Поведение действительно тем более интересно, что вводность как синтаксическое явление просодически маркируется именно невозможностью (в подавляющем большинстве случаев) главного фразового ударения на вводном слове (см. [15]).

Прилагательное *настоящий* с интересующей нас точки зрения было впервые описано А. В. Павловой. Рассматривая противопоставление *Бородач — настоящий разбойник* [= 'представляющий собой лучший образец чего-л.'] — *Бородач — настоящий разбойник* [= 'несомненный'], А. В. Павлова связывает различие в семантике и просодии двух значений с отсутствием / наличием оценочного компонента у существительного. «Слово "разбойник" в первом примере не имеет оценочной коннотации, во втором выражает негативную оценку» [16: 8]. Эти наблюдения нуждаются, как нам кажется, в ряде дополнительных и уточнений.

Особый интерес прилагательного *настоящий* по сравнению с разобранными выше глаголами и наречиями состоит в том, что оно совмещает в пределах одного слова фактивное и путативное значения. Фактивное значение: X — *настоящий* Y = ' X обладает всеми родовыми свойствами объектов, принадлежащих к классу Y -ов, и не обладает никакими родовыми свойствами объектов других классов' (*Я никогда не видел настоящего носорога*). Путативное значение: X — *настоящий* Y = ' X имеет очень много свойств объектов, принадлежащих к классу Y , и поэтому воспринимается как полное подобие такого объекта, но X не обладает главным родовым свойством объектов этого класса и поэтому не принадлежит ему' (*На крыше хаты моей стояла девушка ... настоящая русалка*. М. Ю. Лермонтов).

Как можно видеть даже по этим двум примерам, фактивное и путативное значения получают разное просодическое оформление и выполняют разные коммуникативные функции далеко не при всяких условиях.

Прежде всего, существенна семантическая структура того существительного Y , с которым сочетается прилагательное *настоящий*. Y должно иметь, помимо основного значения, еще и компаративное (метафорическое) значение 'в чем-то похожий на Y ' или, по крайней мере, должно быть способно к такому употреблению. Эта способность присуща большинству предметных существительных, включая и абсолютно нейтральные; ср. *Это — настоящий стол* (о каком-нибудь большом пне с плоским верхним срезом, вокруг которого туристы располагаются на завтрак).

Основное значение *У*-а не должно быть чисто оценочным. Если это имеет место, прилагательное *настоящий* реализует свое фактивное значение при любой просодии; ср. *Она — настоящая красавица <уродина>*. Заметим, что именно оценочные существительные в наименьшей степени поддаются метафоризации, так что между этими двумя условиями есть содержательная связь.

Последнее условие накладывается на синтаксическую структуру предложения: существительное *У* должно выступать в функции присвяточного зависимого, а прилагательное *настоящий* — в роли определения при нем. Если *настоящий* само выступает в роли присвяточного зависимого, оно может реализовать только свое фактивное значение: *Эти деньги — настоящие*. Вариантами базовой присвяточной конструкции типа *Это — настоящий стол* являются конструкции с фактивными, путативными, дескриптивными, декларативными и другими подобными связками, в которых *У* занимает позицию прямого дополнения, а прилагательное *настоящий* — позицию второго комплетива: *Его сделали <изобразили, обьявили> настоящим мафиози, Я считаю его настоящим мафиози* и т. п. В интересующем нас отношении они не отличаются от чисто связочной конструкции.

Если все эти условия соблюдены, то в фактивном значении прилагательное *настоящий* выделяется главным фразовым ударением (*Это — настоящее вино, Он — настоящий артист, Я считаю его настоящим артистом*) и образует рему высказывания, причем существительное *У* реализует свое основное значение 'У'. В путативном значении *настоящий* акцентно не выделяется (*Ваш квас — настоящее вино, Ваш ребенок — настоящий артист, Я считаю вашего ребенка настоящим артистом*) и коммуникативно нейтрально, причем существительное *У* реализует либо свое компаративное значение (ср. *артист* во втором примере), либо употреблено метафорически (ср. *вино* в первом примере).

То обстоятельство, что слова с фактивным значением привлекают главное фразовое ударение и тяготеют к положению в реме, имеет глубокую прагматическую мотивацию. При установке на кооперативное общение естественно акцентировать достоверную информацию, т. е. знания. С другой стороны, слова с путативным значением отталкивают фразовое ударение и тяготеют к положению в теме, потому что их информационный вклад в высказывание ничтожен: они просто эксплицируют тривиальный модус 'я считаю', имплицитно открывающий высказывание.

Третье отличие лексикографического портрета от обычного словарного описания касается толкования лексического значения слова. Обычные словарные толкования представляют собой однослойные семантические структуры: все используемые в них элементы трактуются как равноправные. Однако исследования последних десятилетий показали, что в языковых значениях имеется несколько различных слоев смысла — ассерции, пресуппозиции, модальные рамки, рамки наблюдения, мотивировки. Внутри ассерций стали выделяться сильные и слабые семантические компоненты. Особенности различных слоев смысла и различных компонентов внутри одного слоя состоят в том, что они

по-разному реагируют на другие встречающиеся в высказывании смыслы. Все такие факты должны, конечно, найти адекватное отражение в лексикографическом портрете.

Отметим, наконец, что лексикографический портрет должен соответствовать одному или нескольким лексикографическим типам. Только тогда можно считать, что лексикографическое описание удовлетворяет требованию системности. Понятию лексикографического типа была посвящена наша работа [17]. Поэтому здесь мы ограничимся определением и одной простой иллюстрацией.

1.2. Лексикографический тип

Лексикографическим типом мы называем более или менее компактную группу лексем, которые имеют общие семантические, прагматические, синтаксические, сочетаемостные, просодические, коммуникативные, морфологические или иные лингвистически значимые свойства и поэтому требуют единообразного словарного описания. Лексикографический тип тем интереснее, чем больше таких общих свойств, чем больше число лингвистических правил, апеллирующих к ним, чем более мотивированы связи между различными свойствами и чем полнее они отражают воплощенную в данном языке национально специфичную наивную картину мира. Эмпирически найденный набор лексикографических типов является самой естественной и надежной основой для составления любого словаря, претендующего на системное описание лексики.

Хорошим примером лексикографического типа являются параметрические существительные, обозначающие линейные измерения физического тела: *длина, высота, ширина, толщина и глубина*. У них есть ряд общих семантических, синтаксических и морфологических свойств.

Семантически интересно прежде всего то обстоятельство, что в этих параметрических существительных, равно как и в соответствующих им прилагательных, отражаются основные принципы наивной концептуализации пространственных отношений. Главный из них — принцип релятивизма: в наивной картине пространственных отношений, в отличие от научной геометрии (включая неэвклидову), линейные измерения физического тела не автономны. Они зависят друг от друга (за исключением глубины, которая автономна и абсолютна); от особенностей внешней формы, внутренней структуры и функций того физического тела, которому приписаны; от наличия у него опоры на земле; от того, насколько его размеры превосходят нормальные размеры человеческого тела; от положения наблюдателя (кстати, отличного от наблюдателя релятивистской физики) относительно этого тела; и от ряда других факторов.

Линейные размеры тела иерархизованы: первые места в иерархии занимают длина и высота, второе — ширина, третье — толщина. Место в иерархии определяется мерностью объекта и соотношением различных линейных размеров друг с другом. Длина и высота могут быть приписаны объекту даже тогда,

когда никаких других линейных измерений с точки зрения наивной геометрии у него нет; ср. длину железной дороги или высоту горы. Ширина требует двумерности, т. е. наличия у объекта по крайней мере еще одного линейного измерения; ср. длину и ширину шоссе, высоту и ширину небольшой картины в рамке. Толщина характеризует исключительно трехмерные объекты, т. е. тела. Кроме того, толщина всегда уступает по размеру ширине и высоте, а ширина — длине. Поэтому каждое измерение имеет некую предельную точку, в которой оно превращается в другое измерение.

Из сказанного следует, что у первых измерений (длины и высоты) предельная точка располагается на малом полюсе, у последнего измерения (толщины) — на большом, а у второго (ширины) — на обоих полюсах. Иными словами, длину и высоту тела можно увеличивать бесконечно — они по-прежнему будут именоваться *длиной* и *высотой* соответственно. Однако уменьшать их до бесконечности нельзя. Если другие линейные размеры пропорционально не уменьшаются, то длина в какой-то момент станет шириной (ср. взлетную полосу), а высота — толщиной (ср. плоскую колоду для рубки мяса, полученную из высокой). Наоборот, толщина может бесконечно уменьшаться, оставаясь толщиной. Однако, как следует из сказанного выше, она не может бесконечно увеличиваться. Если пропорционально не увеличиваются другие линейные размеры тела, то в какой-то момент она превратится в высоту (ср. сплошной металлический цилиндр) или в ширину (ср. крепостную стену при взгляде сверху). Наконец, ширина не может ни увеличиваться, ни уменьшаться до бесконечности: при увеличении она в какой-то момент превращается в длину (ср. поле), а при уменьшении — в толщину (ср. деревянный брус).

Любопытно, что наличие у линейных измерений этих критических точек принципиально не коррелирует со свойством предельности — неопределенности параметрических прилагательных [18: 65 и сл.]. Парадоксальным образом никакие параметрические прилагательные со значением большого полюса, включая прилагательные *широкий* и *толстый*, не сочетаются с наречием полной степени признака *совсем*, обозначающим достижение предельной точки некоторого свойства. Нельзя сказать *совсем толстая колода*, *совсем широкая взлетная полоса*, хотя смыслового запрета на такие сочетания, казалось бы, не должно быть: *совсем толстая колода*, например, могло бы значить, что, будь колода чуть толще, она должна была бы описываться как *низкая* (толщина превращается в высоту). Наоборот, все параметрические прилагательные со значением малого полюса, включая прилагательное *тонкий* (толщина), сочетаются с такими наречиями: *совсем тонкая доска <стена>*, *совсем тонкий слой <пласт>*. Это тоже противоречит тому очевидному факту, что в точке, определяемой словосочетанием *совсем тонкий*, никакого переключения в другое измерение не происходит: процесс уменьшения толщины может продолжаться и за пределами этой точки.

Зависимость линейных измерений от формы тела можно иллюстрировать на примере шаров и кубов: ни у тех, ни у других нет никаких линейных измерений, а есть лишь размер вообще.

Тела любой внутренней структуры, вертикальный размер которых превосходит рост нормального человека или сопоставим с ним, имеют высоту; ср., например, дома и большие камни. Если же они существенно уступают человеку в размерах, то им, при прочих равных условиях, может приписываться и толщина. Выбор одного из этих двух измерений диктуется, среди прочих факторов, внутренней структурой тела. Телам со сплошной структурой приписывается толщина (ср. металлические отливки), а телам с полой структурой — высота (ср. катушки).

Телам с более или менее одинаковой внешней формой могут приписываться разные линейные измерения в зависимости от их функции; ср. шест для прыжков в высоту, который имеет длину, и шест для подъема флага, который имеет высоту.

Одному и тому же телу могут быть приписаны разные линейные измерения в зависимости от пространственного положения наблюдателя относительно этого тела. Вертикальный размер большого контейнера может быть назван *высотой*, если он обзревается снаружи, и *глубиной*, если наблюдатель заглядывает сверху внутрь контейнера.

Не будем описывать других особенностей наивной геометрии (см. об этом [18: 58 и сл., 19, 20: 102]). Очевидно, что все они должны быть учтены при лексикографическом описании соответствующих параметрических существительных и прилагательных, потому что эксплицируют важнейшие аспекты языковой компетенции говорящих. Очевидно и то, что это — в высшей степени нетривиальная задача.

Упомянем еще одно интересное, хотя и более поверхностное семантическое свойство большинства (но не всех) существительных со значением линейного размера. Они характеризуются одинаковым типом регулярной многозначности, а именно, комбинацией значений 'параметр' (ср. *небольшая <средняя, большая> высота <длина, толщина>*) — 'большое числовое значение данного параметра' (*прыгнул с высоты*, т. е. 'с большой высоты', *ушел в глубину*, т. е. 'на большую глубину', *Толщины [дам города N] никак нельзя было заметить* (Н. В. Гоголь), т. е. 'большой толщины'). Эта комбинация значений составляет отличительную черту более крупного лексикографического типа, в который входят и другие параметрические существительные; ср. *иду на скорости*, т. е. 'на большой скорости', *обрабатывать под давлением*, т. е. 'под большим давлением' и т. п. Отметим, что у слов *длина* и *ширина* значения 'большое числовое значение данного параметра' нет.

Существительные со значением линейного размера обладают следующими общими синтаксическими свойствами: 1) у них одинаковые двухактантные модели управления; ср. *высота <длина, ширина, толщина> деревянного бруса* (физическое тело, которому приписывается параметр) — *высота <длина, шири-*

на, толщина, глубина> в пять метров (числовое значение параметра); 2) все они обладают способностью употребляться в атрибутивных конструкциях с обязательным зависимым при атрибуте; ср. *трубы огромной высоты <длины, ...>*, *трубы высотой <длиной, ...> в сто метров* при невозможности *трубы высоты <длины, ...>*, *трубы высотой <длиной, ...>*; 3) у них одинаковый тип синтаксической омонимии, связанный с частичным совпадением способов выражения первого и второго мест модели управления; ср. *высота Эльбруса = а) 'высота самого Эльбруса' и б) 'высота чего-то другого [например, другой горы], равная высоте Эльбруса' (Мы поднимались на Эверест и были уже на высоте Эльбруса)*; ср. аналогичный тип омонимии в словосочетаниях *скорость света, цвет граната, улыбка ребенка, мужество солдата*.

Укажем, наконец, общее морфологическое свойство всех существительных со значением линейного параметра: в собственно параметрическом значении у них либо совсем нет форм множественного числа (ср. *ширина, толщина*), либо они плохо выразимы (ср. *длина, высота, глубина*). Иными словами, они тяготеют к классу *singularia tantum*.

Ясно, что не все слова или лексемы данного лексикографического типа должны обладать всеми его свойствами. Выше было отмечено отсутствие комбинации значений 'параметр' — 'большое числовое значение данного параметра' у слов *длина* и *ширина*. Поэтому при описании лексем в словаре необходимо уделять равное внимание как их общим свойствам (проблема у н и ф и к а ц и и, или лексикографических типов), так и тому, что отличает их друг от друга (проблема и н д и в и д у а л и з а ц и и, или лексикографических портретов). В слегка парадоксальном и утрированном виде этот принцип может быть переформулирован следующим образом. Пусть уже получен лексикографический портрет лексемы X_1 , которая является, по предположению, каноническим представителем лексикографического типа X . Если лексема X_2 относится к тому же лексикографическому типу X , то ее лексикографический портрет должен строиться как к о п и я лексикографического портрета X_1 до тех пор, пока языковой материал не окажет этому сопротивления.

2. Предварительные сведения о словарной статье глагола *быть*

2.1. Мотивировка выбора

Глагол *быть* был выбран для иллюстрации идеи лексикографического портрета не случайно. Находящийся на стыке лексики и грамматики, он является настоящим вызовом лексикографу.

У него — весь мыслимый диапазон типов значений — от собственно лексических через полувспомогательные и модальные до чисто грамматических. При этом границы между различными значениями столь зыбки, что на каждом шагу лексикографа подстерегает ловушка.

Глагол *быть* демонстрирует весь набор типов грамматических форм, включая супплетивные (*быть, есть, суть*) и нулевые. Эти формы находятся в весьма сложных, а иногда и просто запутанных или не вполне устоявшихся отношениях.

Размах его комбинаторных возможностей огромен. Как связка он не имеет себе равных по свободе употребления в разных типах конструкций и словосочетаний. Более того, даже в локативном, посессивном и экзистенциальном значениях, каноническими выразителями которых являются глаголы *находиться, иметь* и *существовать* соответственно, он намного превосходит эти глаголы и по своему общему комбинаторному потенциалу, и по богатству возникающих в конкретных комбинаторных условиях семантических, прагматических и коммуникативных нюансов.

Глагол *быть* способен формировать почти все возможные типы глагольных синтаксических конструкций и предложений, включая большинство так называемых безличных предложений. На одном полюсе русского синтаксиса он выступает как полнозначный глагол, на другом — соприкасается с безглагольными назывными предложениями (*Кругом шум*).

Уникальна и роль *быть* в словаре. В его семантической структуре сочетаются значения четырех основных групп — связочные, локативные, экзистенциальные и посессивные. Первые три группы значений обнаруживаются у многих других классов глаголов, семантически далеко отстоящих от *быть* например, глаголов перемещения. Проиллюстрируем это на примере глагола *выйти*. Связочные значения: *выйти замуж* ~ 'начать б ы т ь замужем', *выйти в генералы* ~ 'начать б ы т ь генералом', *Встреча вышла интересной* ~ 'Встреча б ы л а интересной'. Значения локализации: *выйти из тюрьмы* 'перестать н а х о д и т ь с я в тюрьме', *выйти на работу* ~ 'начать н а х о д и т ь с я на работе'. Экзистенциальные значения: *Вышла крупная неприятность* ~ 'Стала с у щ е с т в у ю щ е й крупная неприятность', *Из двух метров материи вышла одна юбка* ~ '...стала с у щ е с т в о в а т ь одна юбка'. Эта комбинация типичных для связки значений обнаруживается у десятков и сотен глаголов. *Быть* оказывается, таким образом, фундаментом глагольной лексики русского языка. Можно думать, что точно такой же статус присущ связке и в других языках. В свете этого становится ясным, на поиск каких типовых комбинаций значений должен настраиваться лексикограф, приступая к описанию определенных классов глаголов.

Нет почти ни одной лексикографической проблемы, которую нельзя было бы иллюстрировать материалом глагола *быть*.

Он, наконец, достаточно хорошо изучен (упомянем, например, многотомную серию [21], построенную на разноязычном типологическом материале, и монографии [22–23]) и поэтому удобен как объект, на котором можно отрабатывать технологию превращения теоретических находок и результатов в лексикографический продукт. Мы уже писали о нем в [4]. Однако сколько-нибудь полная картина достижима только в форме развернутой словарной статьи, к

изложению которой мы и переходим. Для того чтобы обеспечить автономность данной работы, нам придется воспроизвести (с мелкими уточнениями) некоторые общие схемы из [4].

2.2. Общая схема словарной статьи

Ясно, что предложенное выше понятие лексикографического портрета является трудно достижимым идеалом. Однако формулировка этого, как и всякого другого, идеала полезна. Она создает ориентир, руководствуясь которым мы можем существенно приблизиться к реализации конечных целей лингвистического описания. С этой точки зрения приводимая ниже статья *быть* — не более чем первый шаг на намеченном пути.

Впрочем, эта словарная статья далека от идеала полноты еще по одной причине. Она взята из составляемого автором объяснительного словаря управлений и сочетаемости русского глагола и сохраняет некоторые присущие этому лексикографическому жанру ограничения. Тем не менее сознательное стремление к исчерпывающей характеристике глагола *быть* — в пределах заданных ограничений, но в рамках интегрального описания языка — позволило, как кажется, уловить некоторые неповторимые черты его облика. Это дает нам право надеяться, что полученная словарная статья станет существенной частью полного лексикографического портрета *быть*. Сравнив ее со статьей *быть* из двуязычного словаря [24], материалами которого мы широко пользовались при составлении одноязычного русского словаря, читатель увидит, как далеко она ушла от своего прототипа.

Всего у глагола *быть* выделяется шесть крупных групп значений: 1. святочные, 2. локативные, 3. посессивные, 4. экзистенциальные, 5. модально-экзистенциальные, 6. вспомогательные. Каждая из них может быть представлена несколькими значениями с собственной нумерацией внутри группы, так что возникает двухуровневая иерархия значений.

Общая схема (синопсис) словарной статьи глагола *быть*, с условными толкованиями значений и представительными примерами, имеет следующий вид:

- 1.1. 'являться': *Мой отец был архитектором;*
- 1.2. 'быть тождественным': *Это был Иван;*
- 2.1. 'находиться': *Дети были на озере;*
- 2.2. 'прибывать куда-л.': *Его сегодня не будет;*
- 3.1. 'иметься, иметь': *У него была прекрасная библиотека;*
- 3.2. 'иметь возраст': *Ему было двадцать лет;*
- 4.1. 'существовать': *Есть еще добрые люди на свете!;*
- 4.2. 'иметь место, случаться': *Был <будет> дождь;*
- 4.3. 'иметь место, наступать': *Было пять часов;*
- 4.4. 'случаться, постигать': *С другом беда;*
- 5.1. 'уверенность в неизбежности события': *Быть грозе;*
- 5.2. 'уверенность в неизбежности плохого': *Нам теперь крышка;*

5.3. 'надо прекратить воздействие': *Будет с тебя;*

6.1. в составе аналитического будущего: *Не буду вам мешать;*

6.2. в составе аналитического пассива: *Проект был закончен.*

Приведем для сравнения сокращенный вариант соответствующей словарной статьи из МАСа (// обозначают "оттенки значения").

I. Самостоятельный глагол.

1. 'существовать': *Есть память обо мне; // 'иметься': Через год будут у меня в стаде две голландки;*

2. 'находиться, присутствовать': *И там я был; // 'располагаться, размещаться': Имение было недалеко от деревни; // 'действие или состояние, участие в чем-л.': Он был в ярости;*

3. 'происходить, совершаться': *Не понимаю, что со мной было;*

4. 'приходить, посещать кого-л.': *Вы к нам будете завтра? ;*

II. Вспомогательный глагол.

1. Связка между подлежащим и именным сказуемым: *Будь готов;*

2. Образование страдательного залога: *Я был глубоко оскорблен;*

3. Образование форм будущего: *Будете вы стрелять или нет?*

Предоставляем заинтересованному читателю самому обнаружить полную меру расхождений в характеристике материала и способах его организации между МАСом и нашим словарем; сделать это в рамках данной статьи невозможно. В дальнейшем (см. Примечания) мы оговорим лишь несколько расхождений, носящих принципиальный характер или касающихся "болевых" точек русской грамматики и лексикографии.

2.3. Типы информации о лексеме

Поскольку речь идет о типах информации для всего словаря управлений и сочетаемости, мы будем, если это окажется необходимым, привлекать для иллюстрации и другие глаголы, кроме глагола *быть*.

1. Морфологическая информация. 1.1. Сведения о парадигме. 1.2. Варианты морф для выражения одного и того же грамматического значения, т. е. одной граммемы; ср. *есть* и 0 во всех лично-числовых формах НАСТ. 1.3. Граммемная информация: видовой коррелят, если он есть; ограничения на формы вида, времени, наклонения, репрезентации, лица, числа (ср. модальное *быть* 5.3, реализующееся только в форме БУД ЕД, 3-Л). 1.4. Информация об участии в образовании аналитических грамматических форм (ср. значения 6.1 и 6.2).

2. Стилистическая информация — сообщается с помощью традиционной системы стилистических помет. Единственное новшество состоит в том, что объектом стилистической классификации являются не только лексемы, фраземы и грамматические формы, но и более сложные единицы — конструкции, свободные словосочетания, определенные типы предложений. Ср. архаичность

конструкции с присвяточным творительным в форме НАСТ для значения *быть* 1.1 (*Он у нас поваром уже три года*) и устарелость конструкции типа *Вы будете к нам завтра?* для значения *быть* 2.2. Ср. еще, на другом материале, просторечность вводного *считать* в форме ПОВЕЛ (*А он, считай, уже кончил институт*), архаичность модели управления *кого-что за кого-что* для того же глагола (*Они считают это за вздор* (В. Г. Белинский)) и книжность модели управления *кого-что* каким для глагола *полагать* (*Он полагал необходимым вернуть бывшим владельцам их собственность*).

3. Семантическая информация. 3.1. Аналитическое толкование лексического значения — не исчерпывающее, но достаточное для нужд словаря управлений и сочетаемости; ср. *Быть* 5.1 X-у = 'Говорящий уверен, что событие X, каким-то образом затрагивающее его или другого человека, о котором он думает в момент речи, неизбежно произойдет в ближайшее время' (*Быть беде*). 3.2. Сведения о возможных семантических противопоставлениях внешне различных манифестаций одной и той же граммемы; ср. значение актуального обладания у *быть* 3.1 = 0 (*У него пластиковые лыжи, и поэтому он так быстро бежит*) и значение обладания вообще у *быть* 3.1 = *есть* (*У него есть пластиковые лыжи*). 3.3. Семантические модификации прототипического (словарного) толкования в различных синтаксических конструкциях и грамматических формах; ср. модификацию путативного *думать* в форме СОВ *подумать* в контексте модального *можно*: *Можно думать ~ 'следует думать'* (*Можно думать, что переговоры пойдут успешно*), а *Можно подумать ~ 'не следует думать'* (*Можно подумать, что ты никогда не опаздываешь* значит, что этого думать как раз не следует, потому что известно, что ты тоже опаздываешь). 3.4. Ограничения на возможности реализации видовых, темпоральных и других грамматических значений в определенных синтаксических конструкциях или грамматических формах; ср. невозможность актуально-длительного значения для локативного *быть* 2.1 в отрицательном предложении с подлежащим в форме ИМ и невозможность общефактического результирующего в отрицательном предложении с подлежащим в форме РОД: *Отец не был на море* VS. *Отца не было на море*. 3.5. Различные синтаксические употребления внутри одного лексического значения; ср. связочное *быть* 1.1 с субстантивным подлежащим в форме ИМ (*Парень был слегка навеселе*), с инфинитивом или пропозицией в роли подлежащего при предикативе (ср. *Сидеть дома было скучно*), с инфинитивом в роли подлежащего при местоименном комплексе типа *некого, негде* (*Спать было негде*). 3.6. Парадигматические семантические связи слова — точные и неточные синонимы, аналоги (\approx когипонимы), конверсивы, антонимы.

4. Прагматическая информация; ср. фраземы *быть по сему, так и быть*, употребляющиеся только перформативно.

5. Просодическая и коммуникативная информация. Имеются в виду акцентные выделения лексемы с помощью синтагматического, главного фразового, контрастного (логического) и эмфатического ударений, с одной стороны, и ее вхождение в состав темы или ремы высказывания, с другой; ср. *быть* 3.2 в

форме 0 в теме высказывания и акцентно выделенное *быть* 3.2 в форме *есть* в реме: *Ему три года* (= 'ровно три') — *Ему есть три года* (= 'не меньше трех').

6. Информация об управлении. 6.1. Состав семантических валентностей лексемы, сообщаемый с помощью переменных в пропозициональной (сентенциальной) форме, которая образует вход толкования; ср. толкование *Быть* 5.1 *X-y* в пункте 3.1 выше. 6.2. Способы оформления валентностей. Указывается часть речи управляемого слова или ее подкласс (*N* — существительное, *A* — прилагательное, *V* — глагол, *D* — наречие или наречный оборот, *P* — предлог, *P₃* — предлог со значением локализации, *Conj* — союз, *Rel* — союзное слово, *Num* — числительное), грамматическая форма управляемой единицы (падеж, число, лицо, репрезентация). Описание синтаксических конструкций с помощью символов частей речи ориентировано на прототипические ситуации. В реальных примерах, иллюстрирующих данную конструкцию, одной части речи может соответствовать целая группа слов с той же синтаксической функцией. В случае необходимости указывается конкретная лексема (предлог, союз и т. п.), вводящая данную валентность. Отмечается также способность лексемы управлять целым предложением (*S*) и способность данной валентности оформляться несколькими альтернативными способами; ср. *Парень был веселый* <зол, навеселе, заметно глупее своей девушки, в унынии>. Альтернативные способы выражения одной и той же валентности разделяются знаком / и заключаются в фигурные скобки. 6.3. Синтаксическая факультативность — обязательность валентностей; ср. *Иностранцы арендовали спорткомплекс "Олимпийский", Горожане неохотно арендуют землю (у колхозов), Институт арендовал спортзал (за 1000 рублей), Мы арендовали яхту (на два месяца)*. Она показывается путем присоединения факультативных валентностей (в нашем примере они заключены в круглые скобки) к исходной (первой) конструкции, в которой представлены только обязательные валентности. 6.4. Совместимость валентностей. Она показывается явно в конструкциях, реализующих, наряду с обязательными, еще и факультативные валентности, и неявно — в специально посвященных этому примерах, предваряемых знаком +; ср. + *Институт арендовал у завода стадион за 10 000 рублей на весь летний сезон*. 6.5. Несовместимость валентностей, т. е. невозможность их совместной реализации. Она показывается по умолчанию — несовместимыми считаются все валентности, которые не представлены явно как совместимые. Таковы, например, валентности аспекта и содержания у глагола *отличаться*: можно *отличаться от кого-л. по складу ума* или *отличаться от кого-л. аналитичностью ума*, но не *отличаться от кого-л. по складу ума аналитичностью*. 6.6. Трансформируемость моделей управления, т. е. явления типа *Я считаю, что она красива* ⇔ *Я считаю ее красивой*.

7. Сочетаемость информации. 7.1. Морфологическая; ср. глаголы типа *привыкнуть, отвыкнуть* и т. п., которые нормально управляют инфинитивом в форме НЕСОВ (за исключением контекста сочинительной конструкции, в которой два или несколько инфинитивов СОВ используются в совершенном узу-

альном). 7.2. Стилистическая; ср. устарелость или книжность конструкции типа *Мой брат был <будет> профессор*, со связочным *быть* 1.1 в форме ПРОШ или БУД. 7.3. Семантическая: а) на управляемые именные группы налагаются ограничения, коренящиеся в грамматической форме глагола или способа реализации его валентностей; ср. *быть* 1.1 в форме НАСТ в конструкции N^1 им VN^2 твор, где в позиции N^1 должно фигурировать имя человека, а в позиции N^2 — указание его должности или профессии: *Петр Фомич у нас дворником*, но не *Он у нас ветераном труда*; б) прямо противоположный тип ограничений — семантический класс актанта определяет выбор глагольной формы или ее варианта; ср. выбор нулевого варианта формы НАСТ для *быть* 3.1 (посессивного) в контексте нормальных *nomina anatomica*: *У нее каштановые волосы*, но не *У нее есть каштановые волосы*, хотя возможно *У нее есть родники*. 7.4. Лексическая; ср. список из семи *не-К* единиц (*некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, некогда, незачем*), которые сочетаются со связочным *быть* 1.1 в конструкциях типа *Некому было жаловаться, Негде было спать*, или список из семи *К*-слов (*кого, чего, где, куда, откуда, когда, зачем*), которые сочетаются с экзистенциальным *быть* 4.2 в конструкциях типа *Есть кому пожаловаться, Будет где переночевать*. 7.5. Референциальная; ср. различие денотативных статусов (в смысле Е. В. Падучевой) локативной именной группы при *быть* 2.1 в отрицательных предложениях. Если эта именная группа обозначает большой пространственный объект, то в общефактическом результативном ее естественно понимать в родовом статусе: *За всю свою жизнь я ни разу не был на море <в лесу, в городе, в деревне>*. В общефактическом двунаправленном или в актуально-длительном значении точно такую же именную группу естественно понимать в конкретно-референтном статусе: *Сегодня я еще не был на море <в лесу, в городе, в деревне>*, *Отца не было на море <в лесу, в городе, в деревне>*. 7.6. Просодическая; ср. сочетание форм *был, было, были* с отрицанием *не*, которое перетягивает на себя главное фразовое ударение: *Он там не́ был, Его там не́ было, Они там не́ были*. 7.7. Коммуникативная; ср. выталкивание подлежащего в рему экзистенциальным *быть* 4.1: *В Африке еще есть львы*. 7.8. Синтаксическая: а) обязательность зависимого при управляемом слове, как в конструкции типа *У нее были каштановые волосы*; б) обязательность детерминанта или обстоятельства, как в конструкциях типа *Он у нас поваром, Я уже третий год поваром*; в) фиксированность или предпочтительность определенного порядка слов, как в случае с экзистенциальным *быть* 4.1 (см. выше); г) фиксированность типа главного предложения, как в случае с модальным *быть* 5.3, которое может использоваться только в прямой речи: *Будет с тебя*; д) фиксированность типа придаточного предложения, как в случае с экзистенциальным *быть* 4.2, которое управляет придаточным подлежащим, вводным относительным местоимением: *Будет, что вспомнить <с кем поговорить>*.

8. Фразеологическая информация. См. ◊.

Перейдем теперь непосредственно к словарной статье *быть*.

3. Словарная статья глагола *быть*

Для чтения помещаемой ниже словарной статьи необходимо знать применяемую в ней лексикографическую нотацию. Большая часть условных обозначений была уже объяснена. Часть обозначений мы оставим без пояснений ввиду их прозрачности. Сделаем лишь следующие замечания.

Внутри значения могут выделяться употребления (вводимые арабскими цифрами со скобкой), отражающие по преимуществу синтаксические особенности конструкции, реализующей данное значение.

Текст словарной статьи в любом месте может быть прерван комментарием, заключаемым в квадратные скобки. Если комментарий касается глагола в целом, то он помещается сразу за именем вокабулы и в скобки не заключается.

Все приводимые конструкции и типы словосочетаний иллюстрируются. Источником иллюстративного материала была собственная картотека автора и ряд лингвистических и лексикографических работ; особенно полезной в этом отношении была книга [25]. В тексте данной статьи, в целях экономии места, иллюстративный материал сведен до минимума.

БЫТЬ, БУД *буду, будешь*; ПРОШ *был, была, было*; ПОВЕЛ *будь(те)*; ПРИЧ ПРОШ *бывший*; ДЕЕПР *будучи*; в НАСТ используются только три формы — нулевая (для всех лично-числовых форм), *есть* (для всех лично-числовых форм)¹ и *суть* (для формы 3-Л МН)², причем последняя форма имеет только связочные значения 1.1 и 1.2², а *есть* и нулевая форма сложным образом распределены между значениями (см. ниже); форма БУД 2-Л может иметь значение настоящего времени в вопросах: — *Вы какой, извиняюсь, будете нации? — Я буду еврейской нации. А вы, простите, какой нации будете?* (С. Довлатов, Компромиссы); СОВ нет; в сочетании с отрицанием *не* в ПРОШ фразовое ударение в формах МУЖ, СРЕД и МН падает на *не*, а глагол становится клиткой: *не был, не было, не были*³.

1.1. А *есть* P = 'Объект или факт А имеет свойство P или находится в состоянии P'⁴ [классифицирующее связочное значение; в НАСТ представлено нулевой формой (*Задача трудная*) или формой *есть*; последняя либо архаична (*Жизнь эта, бесполезно медлительная, почти стоячая, --- есть уже достояние литературы, поэзии, бытовой живописи* (В. Розанов), либо используется в жанре псевдодефиниций: *Соцреализм есть умение хвалить начальство в доступной для него форме*⁵; СИН: *являться*; ≈СИН: *становиться, делаться; оказываться; казаться; восприниматься; рисоваться; видеться; бывать*⁶.

1) С субстантивным подлежащим в форме ИМ

N¹_{ИМ} V D

Парень был слегка навеселе. Матросы были заодно с мятежниками. Все было так, как он хотел.

N¹_{ИМ} V {A_{ИМ}/A_{КРАТ}/A_{СРАВН}} [при N¹ = Вы 'вежливое' нормой для А = ИМ является форма ЕД: *Вы тогда были очень красивая <совсем необидчивая>*;

форма МН для А = ИМ является просторечием: *Уж больно вы обидчивые*; нормой для А = КРАТ является форма МН: *Вы тогда были очень красивы <совсем необидчивы>*; форма ЕД для А = КРАТ недопустима: **Вы очень красива*⁷

Мяч был твердый и упругий. Ночь была лунная. Учитель <был> болен. День вечерет, ночь близка (Ф. И. Тютчев). Народ наш груб, он некультурен. Его нужно не баловать, а воспитывать (М. Горький). Тает в бочке, словно соль, звезда, / И вода студеная чернее, / Чище смерть, соленее беда, / И земля правдивей и страшнее (О. Мандельштам).

$N^1_{им} V \{A_{ТВОР}/N^2_{ТВОР}\}$ [если $V = НАСТ$, то в роли предикатива возможно только N^2 ; при этом: 1) N^1 обозначает, как правило, человека, а N^2 — его должность, профессию и т. п.; 2) в предложении есть детерминант со значением места или детерминант/обстоятельство со значением времени; 3) конструкция в целом архаична; ср. *Он у нас поваром уже три года, Он давно поваром?*, но не **Ссылка на нехватку времени у нас формулой отказа* или **Он давно народным артистом?* В данной конструкции значение *быть* сдвигается в сторону *'работать'*⁸

Ночь была <будет> лунной. Мой сын будет архитектором. Ссылка на нехватку времени была у нас формулой отказа от поручения. А я вам скажу, что женщина всегда была и будет рабой мужчины (А. П. Чехов).

$N^1_{им} V N^2_{им}$ [в формах ПРОШ и особенно БУД устар. или книжн., кроме случаев, когда $N^1 = это$ или $N^2 = 'национальность'$, или название человека по месту проживания, гражданству и т. п.]

Мой брат был профессор <умнейший человек>. Это был <будет> замечательный доклад. Ее муж был кореец <москвич>. Лошадь — очень преданное животное. Музыка — есть — бунт (М. Цветаева). Библия есть не столько книга с твердым текстом, сколько записная тетрадь человечества (Б. Пастернак).

$N^1_{им} V P N^2_x$

Офицер был без кителя <в крови, с пистолетом>. Олег был с детьми [ср. С кем были дети? — см. 2.1]⁹. Иванов был из рабочей семьи <из крестьян>. Жаркое было из кролика. Народ был против господ <за Пугачева>. Отец был в отъезде. Казалось, что собака была в недоумении (А. П. Чехов). Полвека самое имя его было под запретом (Б. Сарнов).

$N^1_{им} V в N^2_{пр}$ [N^2 — предмет одежды, обмундирования или упряжи, украшение, очки и т. п.; N^1 — человек или животное, на которое предмет надет]

Он был в коротеньком пальто <в меховой шапке, в новых сапогах>. Офицер был в портупее. Собака была в ошейнике. Мальчик был в очках [ср. быть 2.1 — На нем было коротенькое пальто <была меховая шапка, были новые сапоги]¹⁰.

$N^1_{им} V A_{род} N^2_{род}$

Он был высокого роста. Колеса были разной величины. Скатерть была желтого цвета. Я был о вас другого мнения.

2) С инфинитивом или пропозицией в роли подлежащего при предикативе¹¹ или в безличной конструкции с предикативами¹².

$V_{\text{БЕЗЛ}} \{D/A_{\text{КРАТ}}/A_{\text{СРАВН}}/N^1_{\text{ИМ}}\} [D, A, N^1 - \text{предикативы}]^{13}$

Было весело <неловко, стыдно>. Ну что ж, будет жаль. Хотел позвонить ему, да все было недосуг. Смотри, хуже будет. Хочется ей лаять, да лень (А. П. Чехов).

$\{D^1 / P N^1_x\} V_{\text{БЕЗЛ}} \{D^2 / A_{\text{КРАТ}}/A_{\text{СРАВН}}\} [D^2, A - \text{предикативы}]$

Здесь <около камня, в пяти метрах от берега> будет мелко <глубоко, по пояс, с головой>. На душе у меня скверно. В глазах темно, и замерла душа (А. С. Грибоедов). В пчельнике было так уютно, радостно, тихо, прозрачно (Л. Н. Толстой). В комнате тепло и тихо (И. Бунин). У Валерии Константиновны было холодно, они принесли из комнаты электрическую плиту (В. Каверин).

$N^1_{\text{ДАТ}} V_{\text{БЕЗЛ}} \{D/A_{\text{КРАТ}}/A_{\text{СРАВН}}/N^2_{\text{ИМ}}\} [D, A, N^2 - \text{предикативы}]$

Всем было весело <неловко, грустно, хорошо>. Женщине было совсем плохо. Мне вас будет жаль <жалко>. Нам в деревне было раздолье [ср. 5.2 и примечание 25]. Мне пора. Ему ничего не было слышно. Вам отсюда видно? — Подойди сюда. Тебе не мелко? (В. Маяковский).

$\{V_{\text{ИНФ}} / \text{Conj } S/\text{Rel } S/N^1_{\text{ПРОПОЗ}}\}^{14} V \{D/A_{\text{КРАТ}}/A_{\text{СРАВН}}/N^2_{\text{ИМ}}\} [D, A, N^2 - \text{предикативы}]$

Надо было уходить. Охота тебе разговаривать с такой злючкой (И. Бунин). И теперь ему скучно, неинтересно быть дома (М. Зощенко). Ждать мне было недосуг (И. Твардовский). Жаль, что он уехал. Мне тоже охота, чтобы он порадовался на этом свете (В. Шукшин). Нельзя, чтобы грешков не было (А. Н. Островский). Будет жалко <хорошо>, если он уедет. Грустно <еще хуже>, когда друзья ссорятся. Неясно, что он утверждает <чего он хочет, зачем это ему нужно, где он будет ночевать>. Одно было неясно.

$S N^1_{\text{ТВОР}} V_{\text{БЕЗЛ}} \{D/A_{\text{КРАТ}}/A_{\text{СРАВН}}/N^2_{\text{ИМ}}\} [A, N^2 - \text{предикативы}; D - \text{предикатив или как, так, так себе...}]$

С работой было неясно. А как у тебя с деньгами? С деньгами туго. С дровами было плохо, с горючим — еще хуже (В. Панова). С продуктами было все еще трудно (В. Белов). В цехе азотной кислоты с автоматикой не блеск. С жильем были постоянные трудности.

3) В модальных конструкциях с инфинитивом-подлежащим и местоименным комплексом типа некого, нечего, негде, незачем, некуда, неоткуда, некогда [ср. 4.2.2)]¹⁵

$\{N^1_x / P N^1_y, D\} V V_{\text{ИНФ}}$

Некому было жаловаться. Есть было нечего. Некем командовать будет (Ф. Абрамов). *Не с кем поговорить. Жалеть его не за что* (Л. Леонов). *Не о чем было спорить. Спать было негде. Помощи ждать будет неоткуда. Вещи ставить некуда. Незачем туда ехать. Некогда будет вздохнуть.*

$N^2_{\text{ДЛТ}} \{N^1_x / P N_y^1 / D\} V V_{\text{ИНФ}} [N^2 - \text{субъект } V_{\text{ИНФ}}]$

Вам некому будет жаловаться. Детям нечего было есть. Мне некого послать за газетами. Нам не с кем будет поговорить <не о чем было спорить>. Вам незачем утруждаться (К. Федин). *Дмитрию некогда было подумать о чем-либо постороннем* (В. Солоухин). *Вам развернуться негде* (В. Маяковский). *А вот мне ехать некуда.*

4) С подлежащим в форме РОД в количественной конструкции [ср. 2.1.2), 3.1.2)¹⁶; ср. также 4.1.2)]¹⁷

$N^1_{\text{РОД}} V \{D/N^2_{\text{ИМ}}/N_{\text{итИМ}}\} [D, N^2 - \text{количественное}]$

Книг было много <по меньшей мере миллион>. Людей было <была> масса. Комнат было четыре. Винтовок было никак не меньше <больше, около> ста¹⁸. Демонстрантов было до <свыше> пятисот человек. Их было только двое: ветеринарный врач и учитель гимназии (А. П. Чехов). *Причин для арестов более чем достаточно* (М. Горький). *Нас было три девушки, и он ухаживал за всеми* (В. Панова).

1.2. *А есть X = 'А есть 1.1 идентичен X-у'* [идентифицирующее связочное значение; в НАСТ представлено нулевой формой, за исключением жанра дефиниций]

$N^1_{\text{ИМ}} V N^2_{\text{ИМ}}$

Это был стол <Иван>. Пномпень — столица Камбоджи. Это был романс, сочиненный им накануне на старомодные немецкие слова (И. С. Тургенев). *Меня осенила догадка, что это вовсе не Рубин, которого я превосходно знала, а его брат* (В. Каверин). *Наглость есть соединение бесстыдства с чувством безнаказанности* (А. Шайкевич). *Чиновники и суть наша чернь: чернь вчерашнего и сегодняшнего дня* (А. Блок).

2.1. *А был в <на> X-е = 'А находился в <на> X-е'* [локативное значение; в НАСТ представлено нулевой формой, в отрицательном предложении — словом *нет*; в форме ПРОШ в отрицательном предложении с подлежащим в форме ИМ имеет обычно общефактическое (результативное), но не актуально-длительное значение; ср. *Отец не был на море = 'Отец в принципе еще не бывал на море'*, причем в данном случае слово *море* употреблено не в конкретно-референтном, а в родовом статусе [ср. 2.2]; в тех же условиях, но с подлежащим в форме РОД имеет обычно актуально-длительное значение; ср. *Отца не было на море = '...не было в момент наблюдения'*¹⁹; СИН: *находиться*; ~СИН: *пребывать, присутствовать*; прост. *торчать*; *бывать*; разг. *вертеться*, разг. *крутиться*, прост. *околачиваться*, разг. *тереться*, разг. *толочься*, разг. *топаться*]

1) С субстантивным подлежащим в форме ИМ

$$N_{ИМ}^1 V \{D/P_3 N_x^2\}$$

Андрей в школе <на работе>. Дети были на озере <за рекой, в саду>. Город в шести километрах от железной дороги. Ты был там? [см. также 2.2]. На стене <справа> была картина [в момент наблюдения или когда-то]. Она была в пятом бенуаре, в двадцати шагах от него (Л. Н. Толстой). Знай я раньше, что у тебя здесь такая прелесть, ни за что бы... не ездил за границу (А. П. Чехов). Я был на этой станции, видел, как в дождь работали японские комбайны (Б. Можаяев).

$$N_{ИМ}^1 V P N_x^2$$

При нем были большие деньги. С ним были дети [ср. 1.1 — Он был с детьми]. Со мной был чугунный чайник — единственная моя отрада в путешествиях по Кавказу (М. Ю. Лермонтов).

$N_{ИМ}^1 V$ на $N_{Пр}^2$ [N^1 — предмет одежды, обмундирования, упряжи, украшение и т. п., N^2 — существо, на которое он надет, или часть его тела; ср. 1.1.1)]
На нем [наезднике] была серая куртка с меховым воротником (А. Куприн). На головах у них [немцев] были рыжие металлические тазы, предохранявшие их от шрапнельных пуль (М. Булгаков).

2) С подлежащим в форме РОД в количественной конструкции [ср. 1.1.4), 3.1.2)]¹⁷

$$N_{РОД}^1 V \{D/N_{ИМ}^2/N_{ИМ}^2\} \{D/P_3 N_x^2\}$$

Комнат там было четыре. Театров в городе будет пять <не меньше шести, от шести до десяти, около двух десятков>. Людей на площади масса. Следовательно в Петербурге было много (А. Ф. Кони).

2.2. А был в <на> X-е = 'Человек А переместился в <на> X и находился там для занятий какой-л. деятельностью' [обычно в формах БУД и ПРОШ; в формах ПРОШ имеет общефактическое двунаправленное значение: 'пришел <приехал> в X, а потом ушел <уехал> из него'; СИН: посещать; ≈СИН: навещать, наносить визит; бывать, побывать; наведываться, проведывать; заходить, забегать, заглядывать; АНАЛ: приходить, приезжать, прибывать]

$$N_{ИМ}^1 V$$

Врач сегодня уже был. Главного инженера завтра не будет.

$$N_{ИМ}^1 V \{D/P_3 N_x^2\}$$

Ты был там? [см. также 2.1]. Отец сегодня еще не был на море [ср. 2.1]. Врач будет у больного через час. Зеленин еще ни разу не был здесь (В. Аксенов). Я даже в магазине-то не был (В. Шукшин).

$N_{ИМ}^1 V$ к $N_{ДАТ}^2$ [устар., только БУД; N^2 — обычно человек] — Вы будете к нам завтра? — спросила она холодно (И. А. Гончаров).

3.1. У X-а есть А = 'У X-а имеется А' [посессивное значение; в НАСТ представлено нулевой формой или формой *есть*, в отрицательном предложении — формой *нет*]

нии — словом *нет*; в сочетании с названиями нормальных частей тела — не прыщей, опухолей, родинок и т. п. — в контексте прилагательного-определения обычна нулевая форма; ср. *У нее каштановые волосы*, но не **У нее есть каштановые волосы*; между нулевой формой и формой *есть* в сочетании с названиями инструментов и средств возможно противопоставление: первая чаще выражает значение актуального обладания, а вторая — значение обладания вообще; ср. *У него пластиковые ложки (и поэтому он так быстро бежит)* — *У него есть пластиковые ложки*; если объект обладания — элемент внутреннего мира субъекта (мысль, эмоция, желание и т. п.), предпочитается форма *есть*, причем само значение смещается в сторону 4.1: *У него есть желание <намерение, готовность> выступить с докладом на семинаре*²⁰; для посессивного значения характерна препозиция *у*-группы относительно глагола и родовой статус группы подлежащего; при постпозиции *у*-группы значение может меняться на локативное, а подлежащее имеет конкретно-референтный статус; ср. *У меня есть деньги* = 'Я имею объект, относящийся к классу денег' — *Деньги у меня* = 'Деньги, о которых идет речь, находятся у меня'²¹; СИН: *иметься*; КОНВ: *иметь, обладать*]

1) С субстантивным подлежащим в форме ИМ

$N_{им}^1 V у N_{род}^2$

У тебя будет время встретиться со мной? У нее много книг. У него была прекрасная лаборатория. У отца было другое мнение на этот счет. Да у тебя жар <температура>! У меня сегодня сверхурочная работа. Тебя ни в коем случае не тронут, ну, а в крайности, у тебя же есть паспорт на девичью фамилию (М. Булгаков). У нее большие, тупо изумленные глаза рахитика и чудесная кожа нежно золотистого цвета (М. Горький).

2) С подлежащим в форме РОД в количественной конструкции [ср. 1.1.4), 2.1.2)]¹⁷

$N_{род}^1 V \{D/N_{им}^2/N_{ит_{им}}\} у N_{род}^3$

Людей у нас сейчас меньше, чем до войны (Ф. Абрамов). У нас земельных статей уйма (Л. Леонов).

3.2. *X-у было А* = 'Возраст X-а был равен А' [в НАСТ представлено нулевой формой в составе темы высказывания и формой *есть*, с главным фразовым или контрастным ударением, когда *быть* образует рему высказывания; в последнем случае *есть* значит 'уже исполнилось не менее чем А'²²; в НАСТ в отрицательном предложении представлено словом *нет*; обычно в препозиции к подлежащему; ≈СИН: *исполняться, минуть*; разг. *стукнуть*, прост. *сравниваться*; АНАЛ: *идти*; КОНВ: *достигать*]

$N_{им}^1 V N_{дат}^2$

Ему три года ['Его возраст равен трем годам']. *Ему ↓ есть три года* ['уже исполнилось три года', 'не менее трех лет']. *↓ Есть ему три года?* ['Ему уже исполнилось три года?']. *Лене было пять месяцев, когда погиб ее отец. В феврале нашему сыну будет ровно год.*

4.1. *Есть X* = 'Существует X' [обычно о предметах и существах; собственно экзистенциальное значение; в НАСТ представлено формой *есть*, в отрицательном предложении — словом *нет*; обычно в препозиции к подлежащему; в простом предложении обычно выделяется синтагматическим ударением и вместе с группой подлежащего образует ремю высказывания; ср. \downarrow *Есть еще добрые люди на свете*; в сложноподчиненном предложении фразово безударно и вместе с подлежащим образует тему высказывания, между тем как придаточное предложение образует его ремю; ср. *Есть человек, который всегда будет помнить обо мне*; при наличии детерминантов места смещается в сторону 2.1²¹; СИН: *существовать, иметься*; \approx СИН: *водиться, бывать*]

1) С субстантивным подлежащим в форме ИМ

$N_{ИМ}^I V$

Есть люди, которые никогда не забывают обид. Есть солнце — с огненными патлами, / С размахом пьяным — там, вовне, / А есть — безрадостными пайками / Прямоугольными — в окне (Ю. Даниэль). В ту черточку вместились все, что было... / А было все! И все сошло, как снег (Э. Рязанов). Было предчувствие, что когда-нибудь за эту жертву спросится по большому счету (В. Солоухин). Есть мистика. Есть вера. Есть Господь. / Есть разница меж них. И есть единство. / Одним вредит, другим спасает плоть / неверье, слепота, а чаще свинство (И. Бродский, Два часа в резервуаре).

$N_{ИМ}^I V \{D/P_3 N^2_x\}$

В Африке есть львы <жирафы, носороги>. Есть еще добрые люди на свете! Были здесь <в этой деревне> когда-то смелые охотники. Есть что-то морально нечистоплотное во всей этой возне. В мире горы есть и долины есть, / В мире хоры есть и низины есть (М. Цветаева).

2) С подлежащим — количественной группой [ср. 1.1.4); обычно в препозиции к подлежащему]

$V \{D/N_{ИМ}^I\}$

Всего было <уже есть> около тысячи демонстрантов. Была масса вопросов. Было много плакатов. Есть несколько ответов на этот вопрос.

4.2. *Было X* = 'Имело место событие, отрезок времени или состояние X' [в НАСТ при $N^I = ИМ$ представлено нулевой формой, причем конструкция сближается с назывной, особенно при наличии детерминантов²¹: *Ночь. Понедельник. Кругом заваруха, говор, крик, а на дворе, кажется, идет настоящая свалка (Ю. Тынянов); Замки и засовы в начале шестого (Б. Пастернак); Днем на солнце первые лужи, по утрам — первые сверкающие наледы (Г. Николаева)*; обычно в препозиции к подлежащему; \approx СИН: *идти; стоять*; АНАЛ: *наступать, начинаться; проходить*]

1) С субстантивным подлежащим в форме ИМ

$N_{ИМ}^I V$

Была ночь. Был <завтра будет> понедельник. Было 11 декабря. Был 1941 год. Была война <предвоенная пора>. Были и такие случаи. Был дождь <снег>. Была буря <слякоть, оттепель>. Пройдет война... и будет на земле много шума и радости (К. Паустовский).

2) В модальных конструкциях с инфинитивным предложением-подлежащим, вводимым относительными местоименными существительными и наречиями *кого, что, где, зачем, куда, откуда, когда* [ср. 1.1.3)]

V Rel S

Будет, что вспомнить <с кем потолковать о ваших делах>. Было о чем задуматься. Есть куда жаловаться. Комната была просторная, было где разместиться. Если бы и было куда спрятаться — нельзя (А. Фадеев).

у N¹род V Rel S [N¹ — субъект V или у N¹род — личная сфера N¹]

У нее есть что вспомнить. У вас было с кем поговорить <кому пожаловаться>. А у него есть где переночевать? У нас есть за что на судьбу обижаться (В. Распутин).

N¹дат V Rel S [N¹ — субъект V]

Мне есть что читать <что вспомнить>. Петру было куда пойти <откуда ждать помощи>. Нам будет <было> о чем потолковать. И Жанночке моей будет к кому зайти (В. Дудинцев). *Но мне-то хоть есть о чем думать, а ты-то что?* (В. Шукшин). + *У меня вам будет что читать <где спать>.*

4.3. Было X = 'Имел место момент времени X' [в НАСТ представлено нулевой формой или формой *есть*; в последнем случае на *есть* падает главное фразовое или контрастное ударение, причем *есть* значит 'не менее, чем X²²'; в НАСТ в отрицательном предложении представлено словом *нет*; обычно в позиции к подлежащему; АНАЛ: *быть*]

N¹им V

Было пять часов утра. Разбуди меня, когда будет без четверти три. Сейчас восемь часов вечера <ровно восемь>. Сейчас [↓]есть восемь часов ['не менее восьми']. Сейчас нет восьми часов ['менее восьми'].

4.4. А было с X-ом = 'Имело место нежелательное или трудно определенное состояние или событие А, главным участником которого было существо X, вовлеченное в А помимо своей воли' [в НАСТ представлено нулевой формой; обычно в препозиции к подлежащему, за исключением случаев, когда подлежащее выражено вопросительным словом; СИН: *происходить, случаться*; ≈СИН: *выходить, получаться; делаться*, разг. *приключиться*, разг. *твориться*, прост. *деяться; постигать*]

N¹им V с N²твор [N¹ — МЕСТ или редк. несчастье, неприятности, беда]

Не понимаю, что со мной было. С ним несчастье.

5.1. Быть X-у = 'Говорящий уверен, что событие X, каким-то образом затрагивающее его или другого человека, о котором он думает в момент речи,

неизбежно произойдет в ближайшее время'²³ [арх. или книжн.; только в форме ИНФ; обычно в утвердительных предложениях; в отрицательных предложениях нужный смысл обычно выражается с помощью глагола *бывать*: *Не бывает этому!*; ≈СИН: *не миновать; случаться. происходить*; ~АНТ: *избежать*]²⁴

$V N^1_{\text{ДАТ}}$

Быть грозе <буре>. Быть беде. Если и дальше так дело пойдет – быть свадьбе. Со времени Сократа и Платона мир мучился вопросом: быть или не быть правде, справедливости на Земле (В. Козлов).

5.2. *А будет X-у* = 'Говорящий уверен в неизбежности того, что с объектом X вскоре случится нежелательное событие А' [в НАСТ представлено нулевой формой; обычно в препозиции к подлежащему; преим. НАСТ и БУД; в ПРОШ и НАСТ высказывание обозначает предстоящее относительно точки отсчета событие; ср. *Нам был конец ~ 'Мы поняли, что скоро наступит конец'*; ≈СИН: *постигать, настигать; сваливаться, обрушиваться*]

$N^1_{\text{ДАТ}} VN^2_{\text{ИМ}}$ [N^2 – что, кое-что, что-то и т. п. или *гибель, конец*, прост. *крышка*, прост. *каюк*, прост. *хана...*]

Нам теперь (будет) конец <крышка>. Нашим проектам кают. Стороннему человеку в наших местах просто гибель: высовываются, глядят на него из всех окошек (К. Паустовский). Сразу все поймут, и тебе – каюк, а с тобой – и другим (А. Фадеев) [ср. 1.1.2)]

$N^1_{\text{ДАТ}} VN^2_{\text{ИМ}}$ за $N^3_{\text{ВИН}}$

Кое-что тебе, конечно, за самоволку будет. Вы лучше скажите, что Колесову будет за то, что в малолетку стрелял? (А. Габышев).

5.3. *Будет с X-а Y-а* = 'Считая нежелательным продолжение ситуации Y или ситуации, связанной с объектом Y, в которой человек X находился до момента речи, говорящий выражает мнение, что начиная с момента речи эту ситуацию следует прекратить' [обычно в прямой речи; СИН: *довольно, достаточно, хватит*]

Будет с $N^1_{\text{РОД}}$

Будет с тебя <с меня, с вас>.

Будет с $N^1_{\text{ИМ}} N^2_{\text{РОД}}$ [редк.]

Будет с меня ваших жалоб. Будет с тебя варенья.

6.1. Вспомогательный глагол, личные формы которого в форме БУД в сочетании с глаголом X в форме ИНФ НЕСОВ образуют формы аналитического будущего времени изъявительного наклонения этого глагола [в качестве X-а может выступать любой глагол, за исключением самого глагола *быть* во всех значениях и глаголов *бывать* и *являться* в собственно связочном значении'²⁶; ср. невозможность **Он будет быть здесь завтра*; ??*Он будет бывать веселым*; **Ваша работа будет являться открытием*; ≈СИН: *стать*]

$N^1_{\text{ИМ}} V^1_{\text{БУД}} V_{\text{ИНФ}}$

Я буду <ты будешь, он будет> работать. Мы будем ночевать в хижине. Они будут являться с повинной весь следующий месяц. Мне страшно подумать, что вы не будете больше бывать у нас. Сочинения ваших учеников будут становиться <делаться, казаться вам> все более беспомощными.

6.2. Вспомогательный глагол, который в сочетании с глаголом *X* в форме ПРИЧ ПРОШ СТРАД СОВ образует формы аналитического страдательного залога этого глагола [как вспомогательный глагол имеет личные формы, а также формы ДЕЕПР и ИНФ; в личных формах сочетается преимущественно с краткими формами причастия спрягаемого глагола: *был <будет> нарисован*; в форме ДЕЕПР сочетается и с краткими, и с полными формами причастия спрягаемого глагола: *будучи нарисован(ным)*; в форме ИНФ сочетается только с полными формами причастия: *быть изображенным таким мастером (большая честь для меня)*; ≈СИН: *бывать; оказываться*]

$N^1_{\text{им}} V^1_{\text{прич прош страд сов}}$

Портрет был <будет> закончен в сентябре.

◇ книжн. *быть может, может быть* = 'говорящий предполагает или допускает, что определенная ситуация имеет место' [ВВОДН: *Он, может быть, устал*]; *должно быть* = 'говорящий думает, что определенная ситуация имеет место, хотя и допускает, что может ошибаться' [ВВОДН: *Он, должно быть, устал*]; *Быть по сему* = 'Властью, которая ему дана, говорящий объявляет обязательным к исполнению сделанное только что предложение' [арх.; ПЕРФОРМ; только в прямой речи]²⁷; *Была не была!* = 'Говорящий объявляет о своей готовности рискнуть' [только в прямой речи]; *стало быть* = 'следовательно, значит' [ВВОДН]; *Так и быть* = 'Говорящий объявляет о своем согласии на сделанное ему предложение, сообщая одновременно, что оно не во всем его удовлетворяет' [ПЕРФОРМ; только в прямой речи]; *Как быть?* = 'Говорящий спрашивает, как следует поступить в сложившейся ситуации'; *И был таков* = 'Тот, о ком идет речь, сделав нечто, быстро покинул место событий'; *Будь что будет* = 'Говорящий объявляет, что он готов к любым последствиям принятого им решения, как бы плохи они ни были' [только в прямой речи]; *Что будет, то будет*²⁸ = 'Говорящий объявляет, что готов принять любой исход событий' [только в прямой речи]; *Что было, то было*²⁸ = 'говорящий объявляет, что готов забыть о прошлом в интересах будущего' [только в прямой речи]; *Из X-а будет толк* = 'Зная свойства существа *X* или его предшествующую деятельность, говорящий выражает уверенность, что *X* будет уметь хорошо делать что-то'²⁹.

4. Примечания

1. В МАСе *есть* считается формой *быть* только в 3-Л ЕД НАСТ. Остальные употребления объединяются в самостоятельный глагол *есть* со следующими значениями

(или "оттенками значений"): 1) являться, представлять собой в действительности: *Не думайте обо мне лучше, чем я есть*; 2) существует (существуют): *Есть страны, где паспорта вовсе не требуют*; 3) находится (находятся): *Есть кто-нибудь в комнате?*; 4) имеется (имеются) в наличии: *И ноты есть у нас*.

Легко видеть, что выделенные МАСом значения в точности повторяют четыре классических значения *быть* — связочное, экзистенциальное, локативное и possessивное. В формах ПРОШ и БУД *есть* во всех приведенных выше случаях заменяется формами глагола *быть*. Таким образом, серьезных семантических оснований для выделения *есть* в самостоятельный глагол мы не видим. Нет для этого и достаточных формальных оснований. *Есть* и *быть* находятся в строго дополнительном распределении (относительно категории времени). Это соответствует классической формуле супплетивизма [26] и является, тем самым, вторым веским доводом в пользу единой лексемы. Единственный аргумент против такого решения — отсутствие вполне свободного чередования *есть* и нулевой формы (см. значения 1.1, 1.2, 3.2, 4.3). Однако попытка расщепить эту лексему на две разных приводит к тому, что *есть* рассматривается одновременно и как форма 3-Л МН НАСТ, и как форма 3-Л ЕД НАСТ (ср. выше формулировки типа "существует (существуют)"). Но тогда получается запрещенное грамматикой пересечение словоформ двух разных глаголов: *есть* в форме 3-Л ЕД НАСТ принадлежит одновременно и глаголу *быть*, и глаголу *есть*.

2. В МАСе по поводу формы *суть* сказано следующее: "3 л. мн. ч. наст. вр. от быть (см. быть), употребляется также в значении 3 л. ед. ч.". Технически из этого описания можно заключить, что *суть* является формой глагола *быть* во всех значениях. Эта интерпретация очевидным образом неверна; нельзя сказать *Дети суть во дворе* (локативное значение), *У моего отца суть китайские книги* (possessивное значение), *Суть люди, которые всегда будут помнить обо мне* (экзистенциальное значение). Иными словами, у формы *суть* есть только одно значение — связочное, что и должно быть зафиксировано в словаре. Рискованно и узаконивать *суть* как форму 3-Л ЕД НАСТ на основе употреблений типа *Сие не суть угроза, но предупреждение* (М. Горький), стоящих за гранью литературной нормы, или на основе окаменевших оборотов типа *Это не суть важно*.

3. В МАСе эта просодическая информация дается вместе с информацией о словесном ударении. В результате принципиальное различие между словесным и фразовым ударением оказывается смазанным.

4. В МАСе связочное значение (*Будь готов*) отделено от значения состояния (*Он был в ярости*). В действительности в обеих конструкциях реализуется одно и то же значение глагола, что следует хотя бы из факта их сочинимости: *Я в некотором недоумении от того, что мне о вас рассказывали, но готов вас выслушать*. Ср. также *Я в обиде на вас* или *Я обижен на вас*.

5. В МАСе формы НАСТ *есть* и *суть* считаются книжными. Нам представляется, что их стилистическая специфика (там, где она есть) — не регистровая (книжн.), а жанровая, или, еще точнее, иллокутивная: используя эти формы, мы маркируем свои высказывания как дефиниции; ср. *Труд есть борьба человека с природою* (Д. И. Писарев). На самом деле они не являются дефинициями. Логически дефиниция требует идентифицирующего значения *быть*, т. е. значения 1.2, допускающего перестановку ак-

тантов относительно связи: *Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками* = *Кратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая* (подробнее об идентифицирующем значении см. [27]).

6. Синонимы, неточные синонимы, аналоги, конверсивы и антонимы даются с ориентацией на канонические случаи реализации данного лексического значения, т. е. на его словарное толкование, типичную синтаксическую конструкцию, типичное словосочетание.

7. Строго говоря, эти правила согласования с полной и краткой формами прилагательного (сформулированные в [23: 70–71]) на самом деле характеризуют не глагол *быть*, а местоимение *вы* 'вежливое'; ср. *Почему вы, обычно такая тактичная и чуткая, совсем не посчитались с его самолюбием?* Поэтому в полном словаре русского языка они должны быть записаны именно в словарной статье *вы*. Однако в словаре управлений и сочетаемости эти правила разумно продублировать в словарной статье *быть*, поскольку *быть* — основной глагол, управляющий полной и особенно краткой формой прилагательного.

8. На первый взгляд кажется правдоподобным предположение, что в данной конструкции реализуется не нулевой вариант связи, а нулевой вариант глагола *работать* в форме НАСТ. Против этого допущения можно выдвинуть следующий контраргумент. Признавая нулевую реализацию *работать*, мы постулируем некий уникальный факт, между тем как нулевые реализации *быть* в форме НАСТ — совершенно заурядное явление.

9. Этот комментарий в неявной форме вводит тему "осцилляции" значений многозначных слов (см. [28: 190, 18: 179 и сл.]). В данном случае сопоставляются связочное и локативное значения. Каноническими для них являются конструкции *Он был студентом* и *Он был в другой комнате*, где они отчетливо противопоставлены. В неканонических конструкциях типа *Олег Петрович был с детьми* и *Дети были с Олегом Петровичем* отчетливость этого противопоставления смазывается. Фраза *Олег Петрович был с детьми* допускает, вообще говоря, две интерпретации: связочную (ср. *Олег Петрович был с детьми, но без вещей и слегка навеселе*) и локативную (ср. *Олег Петрович был с детьми, а Маша ушла на рынок*). То же верно и для фразы *Дети были с Олегом Петровичем*. Тем не менее первое осмысление, в силу самостоятельности Олега Петровича, более естественно для первой фразы, а второе осмысление, в силу несамостоятельности детей, более естественно для второй. Мы полагаем, что эти и другие подобные случаи осцилляции значений должны в явном виде (с помощью перекрестных ссылок) вводиться в словарь.

10. Конструкции типа *Олег был в новой шапке* синонимичны конструкциям типа *На Олеге была новая шапка*. Однако в них реализуются разные значения глагола *быть* — связочное в первой и посессивное во второй. При этом, в отличие от случая, разобранный в примечании 9, каждая из фраз строго однозначна: никакого осциллирования здесь нет. Как же тогда объяснить синонимичность *Олег был в новой шапке* \Leftrightarrow *На Олеге была новая шапка*? Объяснение, как нам кажется, состоит в том, что в конструкциях вида *X был 1.1 в Y-e* и *Y был 2.1 на X-e*, где *X* — человек (упряжное животное и т. п.), а *Y* — предмет одежды (упряжи и т. п.), происходит модификация словарных

значений *быть в* ≈ 'быть одетым во что-л.' и *быть на* ≈ 'быть надетым на кого-л.', описываемая двумя весьма общими семантическими правилами. В результате их применения *быть 1.1 в чем-л.* и *быть 2.1 на ком-л.* становятся точными конверсивами (в терминах лексических функций — $Real_1$ и $Fact_1$).

11. Конструкцию этого типа мы не считаем безличной. Роль подлежащего в ней выполняет инфинитив или придаточное предложение. В пользу этого свидетельствует тот факт, что ту же самую синтаксическую позицию может занимать пропозициональное субстантивное местоимение типа *это, что, одно* и т. п., являющееся бесспорным подлежащим. Ср. следующий диалог: — *Одно было жаль.* — *Что именно?* — *Что он уехал.* Традиционная трактовка конструкций с предикативами в этом отношении неопоследовательна: конструкции типа *Одно было жаль* признаются личными, а конструкции типа *Было жаль, что он уехал* — безличными. Кстати, в последнем случае связка, вопреки очевидным фактам, представляется как одновалентная.

12. С нашей точки зрения безличные предложения отличаются от личных не отсутствием подлежащего, а только формой его выражения: в так называемых безличных предложениях подлежащее представлено (поверхностно-) синтаксическим нулем (см. [29]). Из этого следует, что синтаксическая структура предложений типа *Грустно; Расставаться грустно; Грустно, что приходится расставаться* и *Это грустно* одна и та же, с точностью до различий в типе подлежащего (их семантические структуры, конечно, различны). В свете сказанного грамматическая характеристика БЕЗЛ означает, в частности, тип согласования, свойственный глаголу при неканоническом, в том числе нулевом, подлежащем: БЕЗЛ = {3-Л ЕД НАСТ/БУД} или {СРЕД ЕД ПРОШ}. При этом надо иметь в виду, что существует класс конструкций, в которых глагол согласуется не с подлежащим, а с субстантивным предикативом в форме ИМ: *С проектом была полная неудача.* См. об этих конструкциях [30], [31: 336 и сл.].

13. В используемой нами номенклатуре частей речи нет так называемой "категории состояния". Как мы попытались показать в [32: 301- 308], "категория состояния" — не часть речи, а синтаксический признак ряда прилагательных, наречий и существительных. Заметим, в частности, что субстантивный статус таких категорий состояния, как *время, лень, охота* и ряда других, подтверждается их сочетаемостью с прилагательными-определениями. Ср. *Самое время подумать об отпуске, А полоть грядки — такая лень, Какая охота идти замуж за человека, которому самому есть нечего.* Существенно раньше похожая точка зрения была высказана в незаслуженно забытой работе [33].

14. Характеристика ПРОПОЗ приписывается местоименным существительным типа *одно, что, это* и т. п., способным заменять целую пропозицию; ср. *Одно мне неясно — как он туда попал, где одно = как он туда попал.*

15. Конструкции типа *Негде (было) спать* тесно связаны с конструкциями *Было где спать*, однако в них реализуются разные значения глагола *быть* — связочное в первой и экзистенциальное во второй. В трактовке этих конструкций мы опираемся на работу [34], где содержится подробная аргументация их нетрадиционного синтаксического представления; ср. также [35] и [36]. Здесь достаточно обратить внимание лишь на следующие непосредственно очевидные факты. Во фразах типа *Жить было негде* глагол *быть* — связка, потому что может быть заменен связочными глаголами *становиться* и *делаться*, у которых нет экзистенциального значения: *Жить стало <делалось> негде.*

Во фразах типа *Было где спать* глагол *быть* – экзистенциальный, потому что может быть заменен экзистенциальным глаголом *найтись*, у которого нет связочного значения: *Найдется где спать*; ср. также типично экзистенциальное *есть* в форме НАСТ: *Есть где спать*. Таким образом, в этих конструкциях имеет место мало заметное на первый взгляд "перетекание" связочного значения *быть* в экзистенциальное, и наоборот. Такая амбивалентность присуща многим другим конструкциям с глаголом *быть*, равно как и его коррелятам в других языках; см. [37-39].

16. В примечании 9 были рассмотрены случаи осцилляции значений, или, что то же самое, случаи омонимии целых предложений на базе лексической полисемии, когда возможно либо одно, либо другое осмысление. Материал конструкции 1.1.4), в сопоставлении с материалом конструкции 2.1.2) и 3.1.2), дает возможность обсудить еще один тип амбивалентности, который получил в литературе название "диффузности" [40: 8], или, более определенно, "синкретизма" [18: 179 и сл.]. В случае синкретизма имеет место одновременная реализация сразу двух значений, воспринимающихся как одно. Во фразах типа *Книг было много* глагол *быть* реализуется в связочном значении (см. ниже примечание 17). Во фразах типа *Книг в комнате было много* глагол *быть* имеет локативное значение с элементами связочного. Наконец, во фразах типа *Книг у него было много* глагол *быть* имеет посессивное значение с элементами связочного. Этот синкретизм значений отражается и в синтаксической структуре соответствующих фраз, а именно в том обстоятельстве, что глагол *быть* имеет сразу три зависимых: подлежащее (*книг*), дополнение места или посессора (*в комнате, у него*) и предикатив (*много*).

17. Количественные конструкции типа *Плакатов было много* и *Было много плакатов* почти синонимичны, однако в первой из них реализуется связочное значение глагола *быть*, а во второй – экзистенциальное (4. 1.2)). Этот факт отмечался в [41: 133–135], [42], [25: 556]. Главный аргумент в пользу связочности *быть* в предложениях первого типа – сохранение множественного числа подлежащего в контексте "малых" числительных: *Плакатов было четыре <три, два>*. Если бы существительное было связано с существительным не через глагол, а непосредственно, оно имело бы форму единственного числа: *Было четыре <три, два> плаката*. Таким образом, в рассматриваемых количественных конструкциях тоже имеет место "перетекание" связочного значения в экзистенциальное, и наоборот.

18. В модели управления предлоги *от, до, около* и количественные наречия в сравнительной степени не предусмотрены, между тем как в примерах они появляются. Это объясняется тем, что такие предлоги и наречия вводят так называемую аппроксимативно-количественную группу, которая способна заменять беспредложную именную группу в ИМ, ВИН и РОД в любых синтаксических позициях. Это – общее правило русского синтаксиса, которое незначителен дублировать в модели управления. Однако в иллюстративной части примеры аппроксимативно-количественных групп полезны, так как они демонстрируют пути взаимодействия грамматических правил и словарной информации в рамках интегрального описания языка.

19. Более подробное обсуждение этого примера см. в [20]. Похожее, но менее полное описание было предложено раньше в [43].

мотивом которых является тезис о том, что $N^1_{\text{ДАТ}} V_{\text{ИНФ}}$ — не та синтаксическая конструкция, которая лежит в основе предложений типа *Быть грозе*. 1) В предложениях типа *Быть грозе* событие в прототипическом случае обозначается непредметным существительным в дательном падеже, а субъект события непосредственно не называется. Между тем в предложениях типа *Саду цветсть* событие в прототипическом случае обозначается инфинитивом, а существительное в дательном падеже имеет предметное значение и обозначает субъект события. 2) В предложениях типа *Быть грозе* инфинитив, по общему для экзистенциальных глаголов правилу, нормально предшествует существительному в форме ДАТ, а в предложениях типа *Саду цветсть* — следует за ним. Единственное заметное и легко объяснимое исключение — предложения со связочными глаголами; ср. *Быть <Не быть> ему твоим мужем, Не быть тебе чемпионом*. 3) В предложениях типа *Быть грозе*, с экзистенциальным *быть*, есть только рема, а в предложениях типа *Саду цветсть*, *Твоим нежным плечам под бичами краснеть* — и тема (именная группа в форме ДАТ), и рема (полнозначный глагол или глагольная группа в форме ИНФ). 4) Конструкции типа *Быть грозе* лексически ограничены: позицию глагола в них может занимать только *быть*, а позицию имени — только существительное, обозначающее важное в жизни человека или многих людей событие; *Быть свадьбе* намного лучше, чем *Быть свиданию*. В конструкциях типа *Саду цветсть* лексически не ограничены ни позиция глагола, ни позиция имени.

25. Строго говоря, значение 'неизбежность того, что с объектом *X* случится нежелательное событие *A*' присуще не глаголу *быть*, а конструкции $N^1_{\text{ДАТ}} V N^2_{\text{ИМ}}$, где позицию N^2 занимают слова с общим значением 'близкая гибель' — *гибель, каюк, конец, крышка, хана* и т. п. В лексические значения именно этих слов входит временной компонент, указывающий на то, что предсказываемое событие нежелательно и что оно сдвинуто в будущее относительно выделенного момента наблюдения в прошлом или настоящем. Что касается значения неизбежности, то оно передается, скорее всего, комбинацией дательного падежа и *быть*, выступающего в данном случае в принципиально экзистенциальном значении. В целом, таким образом, выделение значения *быть* 5.2 есть некоторая лексикографическая условность. Ее можно оправдать только тем, что *быть* в рассматриваемой конструкции занимает центральную позицию. Отметим еще отличие этой конструкции от внешне похожей на нее конструкции типа *Нам <Там> было раздолье*. В последней реализуется обычное связочное значение *быть*. Конструкция в целом имеет не значение предсказания, а значение простой констатации какого-то положения вещей в фиксированный момент времени в прошлом, настоящем или будущем.

26. Как ни странно, это очевидное ограничение не оговаривается ни в одном толковом словаре русского языка.

27. Закрепленность в прямой речи (невозможность употребления в косвенных речевых актах, свойство нецитируемости) составляет важную прагматическую особенность многих лексических единиц. Эта особенность лексикографически значима, так как лексикализована. Мы уже обращали внимание на то, что такие близкие по смыслу усилительные частицы, как *даже* и *-то*, различаются, в частности, и по этому признаку. *Даже* обладает свойством цитируемости (ср. *Он сказал, что даже Сережа пришел*),

20. Происходит это за счет той "аксиомы действительности", что обладание каким-то элементом внутреннего мира и существование этого элемента во внутреннем мире — одно и то же; см. [34].

21. Еще один случай "перетекания" значений.

22. То любопытное обстоятельство, что в позиции ремы параметрические предикаты типа *весить Р*, *длиться Р*, *стоять Р* и т. п. значат не 'ровно Р', а 'не менее, чем Р', было отмечено в [8: 27 и сл.]. Тем самым было объяснено, почему под отрицанием они значат 'менее, чем Р': 'не не менее, чем Р' = 'менее, чем Р'. Очевидно, что это объяснение надо распространить и на аналогичные употребления параметрических значений *быть*. Объяснение И. М. Богуславского может быть продвинуто еще на один шаг. Нормальная коммуникативная позиция глаголов типа *быть* 3.2, *быть* 4.3, *весить*, *длиться*, *стоять* — стоять в теме предложения. Дело в том, что никакого коммуникативного вклада в содержание высказывания они не вносят — эту роль целиком берут на себя соответствующие количественные группы. Отношение между, скажем, мешком картофеля и 200 рублями или между лекцией и полутора часами легко прочитывается и без добавления глагола. Его значение более или менее включено в значение соответствующей количественной группы, так что за самим глаголом остается только связочная функция. В разговорном языке он может даже заменяться связкой: *Почем (была) картошка?* Поэтому и получается значение чистого равенства. Остается объяснить, почему в позиции ремы возникает значение 'не менее, чем'. Заметим, что для перевода глагола в позицию ремы в утвердительном предложении необходимо использовать не обычное фразовое, а контрастное ударение. Иными словами, необходимо создать полемический контекст. Но почему говорящий в своей полемике с адресатом настаивает на идее 'не менее, чем', в противовес идее 'не более чем'? Это, по-видимому, объясняется прагматическими соображениями. Если высказывание *Пальто* ↓ *стоит тысячу рублей* делает продавец, он преследует очевидный материальный интерес. Если же его делает покупатель, он утешает себя тем, что не зря потратился. Ср. поведение других классов предикатов в похожих условиях: [20: 74–79].

23. Если событие не затрагивает персонально говорящего или какое-то другое лицо, о котором он думает в момент речи, и если говорящий не считает, что оно наступит в ближайшее время, следует говорить *Будет гроза*, *Будет свадьба* и т. п. Ср. *В Архангельской и Вологодской областях осенью будут грозы*, *Когда закончится сбор винограда, будет много свадеб*.

24. Обсудим возможность извлекать значение высказываний типа *Быть грозе* не из одного источника — экзистенциально-модального лексического значения самого глагола, — а из двух разных. Экзистенциальный компонент таких высказываний можно возводить к чисто экзистенциальному значению глагола *быть*, например, значению 4.2, а модальный (уверенность говорящего в неизбежности важного события) — к значению синтаксической конструкции вида $N^1_{\text{ДАТ}} V_{\text{ИНФ}}$; ср. *Саду цветет* (В. Маяковский), *Твоим нежным плечам под бичами краснеет* (О. Мандельштам), *Вам не видать таких сражений* (М. Ю. Лермонтов) и т. п. Такое решение может показаться привлекательным, потому что оно позволяет сократить количество сущностей: отпадает надобность в значении 5.1. Приведем ряд аргументов против указанного альтернативного описания, лейт-

а *-то* – нет (**Он сказал, что Сережа-то пришел*). В известных нам словарях это лексикографически существенное свойство не регистрируется.

28. Интересное обсуждение фразем типа *Что было, то было, Что будет, то будет* и т. п. см. в [44].

29. Текст этой статьи был прочитан Л. Л. Иомдиным, И. А. Мельчуком и Е. В. Падучевой, которым автор выражает признательность за ценные критические замечания.

Литература

1. Жолковский А. К. Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. Вып. 8. С. 3–16.
2. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
3. Benson M., Benson E., Ilson R. The BBI Combinatory Dictionary of English. A Guide to Word Combinations. Amsterdam (Philadelphia), 1986.
4. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний. // Вопр. языкознания. 1990. N 6. С. 123–139.
5. Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13. С. 3–26.
6. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувства. // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 16. С. 3–30.
7. Мельчук И. А. Семантические этюды. 1. 'Сейчас' и 'теперь' в русском языке. // Russian Linguistics. 1985. N. 2/3. P. 257–279.
8. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов. М., 1985.
9. Wierzbicka Anna. Semantic Primitives. Frankfurt, 1972.
10. Wierzbicka Anna. Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language. Sydney; N. Y. etc., 1980.
11. Wierzbicka Anna. Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor, 1985.
12. Wierzbicka Anna. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney; 1987.
13. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопр. языкознания. 1986. N 6. С. 57–70.
14. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \leftrightarrow Текст". М., 1974.
15. Зализняк Анна А., Падучева Е. В. О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987. С. 80–96.
16. Павлова А. В. Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
17. Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Проблемы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 70–95.
18. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
19. Bierwisch M. Some Semantic Universals of German Adjectivals // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. 1967. Vol. 3. No. 1.

20. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1. Wien, 1980. 119 с.

21. Verhaar John. The Verb BE and its Synonyms. Philosophical and Grammatical Studies. Parts 1-6/ Ed. by John W. M. Verhaar // Foundations of Language. Supplementary Series. 1967. Vol. 1.; 1968. Vol. 6.; 1968. Vol. 8.; 1969. Vol. 9.; 1972. Vol. 14.; 1973. Vol. 16.

22. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

23. Chvany Catherine V. On the Syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.

24. Апресян Ю. Д., Палл Эрна. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Будапешт, 1982. Т. 1-2.

25. Guiraud-Weber M. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.

26. Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.

27. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

28. Stern G. Meaning and Change of Meaning. Göteborg, 1931.

29. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974. С. 343-361.

30. Золотова Г. А. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительными в творительном падеже с предлогом с) // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966. С.147-173.

31. Гиро-Вебер М. Устранение подлежащего в русском предложении // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. N 6.

32. Апресян Ю. Д. Синтаксические признаки лексем // Russian Linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language, 1985. Vol. 9. N 2/3. , P. 289-317.

33. Аничков И. Е. О так называемых новых частях речи // Некоторые вопросы теории и методики преподавания германских языков. Нижний Тагил, 1964.

34. Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л. Конструкции типа *Негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. 1989. Вып. 29. С. 34-92.

35. Garde P. Analyse de la tournure russe *Mne nečego delat'* // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1976. No. 22.

36. Holthusen J. Russisch *nečego* und Verwandtes // Zeitschrift für Slawische Philologie. 1953. B. 22. Heft 1.

37. Lyons J. A Note on Possessive, Existential, and Locative Sentences // Foundations of Language. 1967. Vol. 3. No. 4.

38. Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // *Вопр. языкознания*. 1973. N 4.
39. Чвани К. В. О синтаксической структуре предложений с глаголом *быть* в русском языке // *Грамматика русского языка в свете генеративной лингвистики*. Реферативный сборник. М., 1977.
40. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.
41. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
42. Иванова В. Ф. Модели количественных предложений // *Русский язык в школе*. 1973. N 3.
43. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
44. Wierzbicka Anna. Boys will be boys // *Language*. 1987. Vol.63. No. 1.
45. Ferrel, James. On the aspects of *byt'* and on the position of the periphrastic future // *Word*. 1959. No. 4, P. 362-376.

Часть IV

Описание семантики через синтаксис

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ*

Данная статья представляет собой попытку осмыслить результаты проведенного автором исследования семантики русских глаголов¹ с точки зрения хорошо известной лингвистам проблемы конструктивной обусловленности значений.

Под конструктивной обусловленностью значения слова понимаются обычно четко определимые синтагматические условия, в которых оно может быть реализовано. У глагола *дрожать*, например, значение 'беспокоиться' требует конструкции *за* + *С_{винн}*; ср.: *Мать дрожит за ребенка*; значение 'беречь', 'жалеть' — конструкции *над* + *С_{тв}*; ср.: *дрожать над каждой копеечкой*; значение 'бояться' — конструкции *перед* + *С_{тв}*; ср.: *дрожать перед самодуром*. Реализация двух других значений этого глагола — 'трястись' и 'колебаться' — не связана такими жесткими ограничениями, ср.: *Пес дрожит на ветру*, *Пес дрожит под дождем*, *Пес дрожит от холода* и *Свет дрожит в лампе*, *Лунные блики дрожат на воде*, *За перегородкой дрожит луч света*. На этом основании они обычно определяются как свободные, или конструктивно не обусловленные.

Понятие синтаксической обусловленности значений, давшее название этой статье, строится как обобщение понятия конструктивной обусловленности. Последнее расширяется в двух отношениях: во-первых, более общий смысл вкладывается в представление о форме обусловленности значения слова; во-вторых, обусловленными (зависящими от синтаксических условий реализации) считаются не только значения отдельного слова, но и семантические классы внутри всего словаря. Рассмотрим сначала первый вопрос.

* Статья была впервые напечатана в журнале "Русский язык в национальной школе", 1967, №6.

¹ См.: *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

1

Понятие синтаксической обусловленности значения слова отличается от понятия конструктивной обусловленности следующим. 1) Каждое значение слова считается в принципе обусловленным синтаксическими факторами. Действительно, хотя значение 'трястись' у глагола *дрожать* имеет в своем распоряжении гораздо большее число конструкций, чем, допустим, значение 'беспокоиться', круг этих конструкций замкнут. В частности, в первом из названных здесь значений глагол *дрожать* не способен управлять формой *за* + $C_{\text{вин}}$. Таким образом, противопоставление свободных и обусловленных значений снимается, а вместо него вводится представление о большей или меньшей степени обусловленности значения. 2) Из сказанного следует, что формой синтаксической обусловленности значения считается не одна конструкция, а совокупность конструкций, в которых данное значение слова может быть реализовано. 3) Самым существенным свойством множества конструкций, в которых данное значение слова остается неизменным, является то, что они связаны определенными синтаксическими отношениями, а именно: отношениями совместимости и трансформируемости. Исследование этих отношений является ключом к обнаружению форм синтаксической обусловленности значений.

Рассмотрим сначала отношение совместимости. Будем называть две предложно-падежные формы, способные порознь зависеть от какого-то слова C , совместимыми при этом слове, если возможно такое правильное предложение, в котором от слова C зависят сразу обе эти формы. С точки зрения этого определения оказываются совместимыми, например, предложно-падежные формы $c + C_{\text{тв}}$, $o + C$ при глаголе *договариваться*; ср.: *Они договорились с заводом*, *Они договорились о поставках оборудования* и *Они договорились с заводом о поставках оборудования*. Другой случай совместимости можно иллюстрировать предложно-падежными формами $c + C_{\text{род}}$, *из* + $C_{\text{род}}$, *из-за* + $C_{\text{род}}$ при глаголе *достать*; ср.: *достать книги с полки*, *достать книги из ящика*, *достать книги из-за шкафа* и *достать книги с полки*, *из ящика* и *из-за шкафа*. Приведенные примеры показывают, что совместимые предложно-падежные формы могут занимать при слове, от которого они зависят, а) разные позиции, и тогда они оказываются в отношении соподчинимости друг к другу (ср. *договориться*); б) одну и ту же позицию, и тогда они оказываются в отношении чередования (замещения, субституции) друг к другу (ср. *достать*).

Чтобы уяснить содержательный смысл отношения совместимости, необходимо принять следующий постулат: во всяком правильном предложении каждое слово реализуется ровно в одном из своих значений, независимо от того, сколько всего значений у него может быть. Предложения типа *Он погрузился в воду и в воспоминания*, реализующие более одного значения какого-то слова одновременно (ср. *погрузился*), не могут, вообще говоря, считаться правильными. Они возникают как каламбуры и возможны лишь постольку, поскольку в языке есть жесткая норма, на фоне которой воспринимается их игровая при-

рода². Нормально словоформы *в воду* и *в воспоминания* при глаголе *погружаться* несовместимы.

Из сказанного следует, что совместимость предложно-падежных форм *x* и *y*, зависящих от слова *C* в предложениях A_x и A_y соответственно, является показателем того, что в предложениях A_x и A_y реализуется одно и то же значение слова *C*; ср.: *Пес дрожит на ветру*, *Пес дрожит под дождем*, *Пес дрожит от холода* и *Пес дрожит на ветру под дождем от холода*.

Напротив, несовместимость *x* и *y* является показателем того, что в предложениях A_x и A_y реализуются различные значения слова *C*. Примером могут служить предложения *Пес дрожит на ветру*, *Мать дрожит за ребенка*, *Скупец дрожит над каждой копейкой*, *Он дрожит перед самодуром*, не содержащие словоформ, совместимых при глаголе *дрожать* (ср. неправильность предложений **Мать дрожит за ребенка над каждой копейкой*, **Мать дрожит за ребенка и над каждой копейкой*, **Мать дрожит от холода за ребенка* и других подобных).

Существенно, что в очень многих случаях для разных значений данного слова получаются разные наборы попарно совместимых конструкций, даже если часть конструкций одного набора совпадает с частью конструкций другого. В частности, для пяти рассмотренных нами значений глагола *дрожать* это очевидным образом справедливо (см. выше). Таким образом, устанавливая совместимость—несовместимость предложно-падежных форм при определенном слове, мы не только обнаруживаем множество конструкций, в которых значение этого слова остается неизменным, но и получаем объективно действующий инструмент для разграничения значений многозначных слов.

Чтобы пояснить принцип действия этого инструмента, рассмотрим глагол *распускать* в предложениях *Правительство распускает парламент* и *Родители распускают ребенка*. В первом предложении глагол *распускать* обозначает сознательное, целенаправленное действие: роспуск парламента входит в намерения правительства и даже вынуждается им. Поэтому глагол *распускать* в этом случае охотно подчиняет предложно-падежные формы со значением цели; ср. *Правительство распускает парламент на каникулы или для того, чтобы провести новые выборы*. Во втором предложении глагол *распускать* обозначает непреднамеренное и, следовательно, нецеленаправленное действие: ребенок распускается не потому, что родители вынуждают его к этому, а потому, что они этому не препятствуют. В результате сочетание глагола *распускать* с це-

² От этих случаев необходимо отличать случаи омонимии типа *Он пошел в институт* ('Он ушел в институт' и 'Он поступил в институт'). В случаях омонимии реализуется либо то, либо другое значение слова, но не оба значения одновременно; поэтому развертывание предложений позволяет снять омонимию; ср. *Он пошел в институт и за покупками*, где возможно только первое значение, и *Он пошел в институт лаборантом*, где возможно только второе значение. В противоположность этому никакое развертывание предложения с каламбуром не может снять каламбура: в предложении всегда остается слово, реализующее два значения сразу.

левыми предложно-падежными формами во втором случае оказывается невозможным.

Аналогичным образом разграничиваются значения глаголов *болеть* (ср. *болеть тифом*, *болеть всем сердцем за успех дела*, *болеть за «Динамо»*), *вертеть* (ср. *вертеть трость в руках* и *вертеть козью ножку из газеты*), *делить* (ср. *делить имущество на части* и *делить стакан вина с приятелем*), *кидать* (ср. *кидать платье у стены на полу* и *кидать снежком в прохожего*), *мешать* (ср. *мешать кашу ложкой* и *мешать вино с водой*), *налетать* (ср. *Шторм налетел на судно с юга* и *Жена налетела на мужа с упреками за опоздание*), *отнимать* (ср. *отнимать деньги у кого-либо*, *отнимать кому-либо три пальца*, *отнимать руки от лица*), *разбивать* (ср. *разбивать поле на участки*, *разбивать голову о землю*, *разбивать лагерь в лесу на поляне*), *резать* (ср. *резать пирог на куски*, *резать крестики из меди*, *резать мяч в угол на вторую линию*), *тереть* (ср. *тереть миндаль в порошок*, *тереть пол воском*, *Воротник трет шею*), *точить* (ср. *точить коньки напильником*, *точить ложку из березы*, *точить мужа за мнимые грехи*, *Ржавчина точит железо*) и очень многих других.

Следует заметить, что только что рассмотренные случаи не представляют, по-видимому, значительных трудностей и для обычного — чисто семантического — анализа. В самом деле, без особых формальных соображений ясно, например, что глагол *распускать* в словосочетаниях *распускать парламент* и *распускать ребенка* имеет различные значения. Хорошо, конечно, что интуитивно найденное различие можно обосновать ссылкой на объективные факты; однако ценность экспериментального средства анализа определяется не только тем, в какой мере оно позволяет подтвердить и без того очевидные вещи, но и тем, в какой мере с его помощью можно обнаружить вещи неочевидные. Принцип совместимости—несовместимости может быть признан эффективным экспериментальным средством разграничения значений в том случае, если он позволяет нащупать достаточно тонкие семантические различия и сходства, например, такие, которые не отмечаются в толковых словарях. Мы рассмотрим два примера такого рода.

В основных толковых словарях русского языка не различаются значения глагола *греть* в словосочетаниях типа *греть руки* и *греть кофе*. Между тем формы $S_{\text{вин}}$ в этих словосочетаниях несовместимы друг с другом (нельзя **греть руки и кофе*, хотя, например, можно *греть руки и спину*). Более того, во втором словосочетании форма $S_{\text{вин}}$ совместима с формой $на + S_{\text{пр}}$, обозначающей источник тепла (ср. *греть кофе на костре*), а в первом словосочетании такие формы несовместимы (нельзя **греть руки на костре*). С другой стороны, естественней сказать *греть руки у костра*, чем *греть кофе у костра*. Указанное конструктивное различие более или менее непосредственно выражает семантическое различие между двумя значениями глагола *греть*. В первом словосочетании *греть* значит 'устранять ощущение холода'. Добиться этого можно, например, помещением согреваемого объекта (живого существа или части тела) рядом с костром, но никак не внутри его. Во втором словосочетании

греть значит 'повышать температуру объекта'. Естественно, что в этом случае мы размещаем объект относительно источника тепла таким образом, чтобы процесс разогревания протекал возможно более эффективно, в частности на *к о с т р е*, а не *р я д о м* с ним. Интересно, что в случае с согреванием рук нужный эффект вовсе не обязательно достигается помещением объекта рядом с источником тепла (можно пытаться согреть руки резкими движениями или растиранием) и даже не всегда повышением температуры (если, например, человека знобит от жара, то его можно согреть, сбивая ему температуру).

Эффективность принципа совместимости проявляется не только в том, что с его помощью оказывается возможным установить неочевидные семантические различия, но и в том, что он позволяет обнаружить неочевидные семантические тождества. Рассмотрим один пример. В словаре русского языка С. И. Ожегова глаголу *опустить* в словосочетаниях *опустить ребенка с рук на пол* и *опустить гроб в могилу* приписаны разные значения: 'переместить в более низкое положение' в первом случае и 'положить вниз, погрузить' — во втором. Синтаксический анализ показывает, однако, что в первом словосочетании формы $S_{\text{вин}}$, $s + C_{\text{род}}$, $на + S_{\text{вин}}$ совместимы с формой $в + S_{\text{вин}}$ (ср. *опустить ребенка с рук на пол в тазик*), а во втором словосочетании формы $S_{\text{вин}}$, $в + S_{\text{вин}}$ совместимы с формами $s + C_{\text{род}}$, $на + S_{\text{вин}}$ (ср. *опустить гроб с платформы в могилу на каменную плиту*). Более того, вполне правильны, хотя, может быть, несколько неожиданны, и фразы типа *опустить ребенка и гроб на пол*. Следовательно, в обоих случаях реализуется одно и то же значение глагола *опустить*, а ответственными за семантические различия между словосочетаниями *опустить ребенка на пол* и *опустить гроб в могилу* оказываются исключительно словоформы существительных, в частности формы $на + S_{\text{вин}}$ и $в + S_{\text{вин}}$.

Проведенный нами анализ показывает, насколько важно исследование отношений совместимости при решении вопросов синтаксической обусловленности значений. Однако отношением совместимости не исчерпываются возможные синтаксические отношения между конструкциями, в которых значение слова остается неизменным. Рассмотрим, например, словосочетания *вертеть трость* и *вертеть тростью*, *вспомнить о свидании* и *вспомнить про свидание*, *грустить по Парижу* и *грустить о Париже*, *давить ветви* и *давить на ветви* (о снеге), *задевать косяк* и *задевать за косяк*, *каяться другу* и *каяться перед другом*, *обходить танк* и *обходить вокруг танка*, *стесняться незнакомых* и *стесняться перед незнакомыми*, а также предложения и словосочетания *Он блуждает глазами* и *У него блуждают глаза*, *брызгать белье водой* и *брызгать воду на белье*, *заливать бак горючим* и *заливать горючее в бак*, *Кони звенят уздечками* и *На конях звенят уздечки*, *Заметка сверкает юмором* и *В заметке сверкает юмор* и т. п. Хотя в каждой из этих пар первый элемент (словосочетание или предложение) несовместим со вторым, он может быть преобразован в него по совершенно строгим правилам, которые называются трансформациями. Двумя наиболее важными требованиями этих правил являются: 1) требование идентичности лексических морфем в исходной фразе и

продукте преобразования (трансформе) и 2) требование идентичности синтаксических связей между словоформами, содержащими лексические морфемы.

Выше мы видели, что в совместимых конструкциях организующее их (синтаксически главное) слово имеет одно и то же значение. Посмотрим теперь, какое влияние оказывают на значение слова и — шире — всего преобразуемого выражения трансформации.

Было бы опрометчиво утверждать, что трансформации обеспечивают полную сохранность смысла исходного выражения. Наоборот, разумно предполагать, что всякому изменению формы соответствует некоторое семантическое изменение. Так, в предложении *Он ложится на диван* обязательно что-то подчеркивается: либо то, что он *л о ж и т с я* (а не садится), либо то, что он делает это на *д и в а н е* (а не на постели), либо, наконец, то, что он делает это с определенной *ц е л ь ю* (например, с целью переночевать на нем). В предложениях *Он узнал подробности от друга* и *Он получил приказ от командира* друг и командир рассматриваются как активные элементы описываемых ситуаций (друг по собственной инициативе сообщает ему новости, командир сам заботится о передаче ему приказа). В трансформах этих предложений *Он узнал подробности у друга*, *Он получил приказ у командира* активным, инициативным элементом ситуации является субъект действия (он спрашивает друга о новостях, он приходит к командиру за приказом). Это изменение вызвано семантикой предлога *у*, часто употребляющегося с глаголами со значением изъятия; ср. *арендовать (брать, изымать, отнимать, покупать) что у кого*. Только логическим акцентом отличаются друг от друга и предложения *Он забивает щели паклей* и *Он забивает паклю в щели*, *Он закладывает дымоходы кирпичом* и *Он закладывает кирпич в дымоходы*, *Он заливает бак горючим* и *Он заливает горючее в бак*, *Он засыпает ясли пшеницей* и *Он засыпает пшеницу в ясли*, *Он затыкает уши ватой* и *Он затыкает вату в уши*. Существо изменений, происходящих в этих предложениях, можно изобразить следующей записью: «деятель — действие помещения — вместилище — материал → деятель — действие помещения — материал — вместилище». Эта запись в ясной форме показывает, что левый и правый трансформы описывают одну и ту же конкретную ситуацию. При изменении синтаксических позиций двух последних элементов меняется только логический акцент, т. е. способ представления вещей, но не сами вещи.

Таким образом, можно считать, что при трансформации семантическим инвариантом предложения (неизменной частью его значения) является описываемая им конкретная ситуация. Что же касается способа представления ситуации (в частности, логического акцента), то он может меняться от предложения к предложению.

Поскольку трансформация оставляет неизменным ситуационное значение предложения и, следовательно, ситуационное значение всех входящих в него слов, в том числе и глагола, мы можем сделать вывод, что конструкции, в которых значение глагола остается неизменным, могут находиться не только в

отношении совместимости, но и в отношении трансформируемости. Поэтому, аналогично принципу совместимости, принцип трансформируемости может служить инструментом разграничения значений многозначных глаголов. Приведем несколько примеров.

Предложения *Вино возбуждает его* и *Микробы возбуждают болезнь* отличаются способом пассивизации; ср. *Он возбуждается от вина*, но *Болезнь возбуждается микробами*. Этому трансформационному различию соответствует семантическое различие между значениями 'приводить в состояние нервного подъема' (*возбуждать кого-л.*) и 'порождать' (*возбуждать болезнь*). Ср. также *дарить кому-л. дружбу (кого-л. дружбой)*, но *дарить кому-л. книги; достать денег (деньги)*, но *достать потолок (до потолка); забивать щели паклей (паклю в щели)*, но *забивать окна досками; колоть кого-л. в руку (кому-л. руку)*, но *колоть дрова в щепки; наблюдать за полетом птицы (полет птицы)*, но *наблюдать за порядком; обходить танк (вокруг танка)*, но *обходить реку* ('оставлять ее в стороне'); *Пелена тумана одела окрестности (Окрестности одеты в пелену тумана)*, но *Мать одела ребенка (Ребенок одет матерью)*; *Горы подходят к морю (Море подходит к горам)*, но *Лошадь подходит к ручью; Снег провалил соломенную крышу (Соломенная крыша провалилась под снегом)*, но *Он провалил дело; прощать кому-л. этот поступок (кого-л. за этот поступок)*, но *прощать долг кому-л.; тянуть руку к звонку (тянуться рукой к звонку)*, но *тянуть кого-л. к себе* и т. п.

Как и в случае с принципом совместимости, эффект принципа трансформируемости особенно ясно проявляется тогда, когда с его помощью удастся установить неочевидные семантические различия и тождества. В качестве примера такого рода рассмотрим прежде всего уже знакомые нам словосочетания *греть руки* и *греть кофе*. Как было отмечено выше, в первом из них глагол значит 'устранять ощущение холода', а во втором — 'повышать температуру'. Это семантическое различие вполне объективно проявляется не только в различии конструкций (см. выше), но и в различии префиксальных трансформаций для этих фраз; ср. *греть (обогреть) руки*, но *греть (подогреть) кофе*, при невозможности **обогреть кофе* и **подогреть руки*. Аналогичным образом можно различить значения глагола *беспокоить* в предложениях *Я не решился беспокоить спящего старика* и *Болезнь мальчика беспокоила родителей*. Пробуя различные трансформации для этих предложений, мы обнаруживаем, что в первом случае возможна трансформация с префиксальным производным *побеспокоить*, недопустимая во втором случае; ср. *Я не решился побеспокоить спящего старика*, но не **Болезнь мальчика побеспокоила родителей*. Это формальное различие является выразителем семантического различия между значением 'причинять неудобство' (в первом случае) и 'заставить тревожиться' (во втором).

Верность такого анализа подтверждается и некоторыми чисто экспериментальными преобразованиями, основанными на замене глагола отглагольным существительным и вспомогательным глаголом. В частности, в первом пред-

ложении глагол *беспокоить* допускает замену на словосочетание *причинять беспокойство*, а во втором — на словосочетание *вызывать беспокойство*.

Случаи, когда с помощью трансформаций удается установить неочевидные семантические сходства, были по существу разобраны выше, когда рассматривался вопрос о семантическом инварианте при трансформации.

Таким образом, конструкции, в которых значение данного глагола остается неизменным, находятся либо в отношении совместимости, либо в отношении трансформируемости друг к другу. Разграничить значения многозначного глагола значит установить для него все разные наборы попарно совместимых или трансформируемых конструкций. Каждый такой набор и представляет собой синтаксическую форму обусловленности данного значения.

2

Как было отмечено в начале статьи, синтаксическая обусловленность характерна не только для разных значений внутри одного слова, но и для типов (классов) значений в пределах всего словаря. Она проявляется в том, что слова с одинаковыми или сходными значениями имеют одинаковые или сходные наборы синтаксических признаков. Конечно, такое соответствие между синтаксическими и семантическими признаками слов имеет далеко не всегда; в качестве примера можно привести пары глаголов *боготворить кого-л.*, но *преклоняться перед кем-л.*, *помогать кому-л.*, но *поддерживать кого-л.*, *сопутствовать чему-л.*, но *сопровождать что-л.*, *контролировать что-л.*, но *следить за чем-л.*, *гнушаться чего-л.*, но *брезгать чем-л.*, *влиять на что-л.*, но *отражаться на чем-л.* Однако всякий нормализованный язык стремится использовать свои синтаксические средства последовательно и единообразно, и поэтому в тех случаях, когда соответствие между семантическими и синтаксическими признаками слов отсутствуют, язык пытается обрести его, перестраивая по аналогии синтаксические свойства тех слов, которые имеют сходное значение.

Одним из наиболее известных примеров такого выравнивания по аналогии является изменение управления слова *отвращение*. У А. С. Пушкина отмечено употребление этого слова с предложно-падежной формой *от кого-чего-л.*, впоследствии вытесненной предложно-падежной формой *к кому-чему-л.* Это синтаксическое изменение было вызвано давлением слов *любовь*, *уважение*, *ненависть*, *неприятнь* и т. п., принадлежащих к тому же семантическому классу, что и слово *отвращение* ('расположенность—нерасположенность к кому-чему-л').

Иногда процессы перестройки по аналогии носят удивительно тонкий характер. Так, глагол *трепетать* в значении 'бояться' вплоть до начала нашего столетия мог управлять родительным падежом; ср. у А. П. Чехова *Она боялась своего мужа, трепетала его*. В современном русском языке глагол *трепетать* управляет в таких случаях формой *перед* + *С_{тв.}*. Казалось бы, это изменение свидетельствует скорее о расподоблении, чем об уподоблении, поскольку в

русском языке существует обширная группа глаголов со значениями типа 'бояться', управляющих именно родительным падежом, ср. *бояться, опасаться, остерегаться, пугаться, страшиться (кого-чего-л.)*. Оказывается, однако, что русский язык проводит четкое различие между двумя группами глаголов со значением 'бояться': глаголами, которые обозначают состояние испуга вообще, и глаголами, которые обозначают "актуальный" испуг, сопровождаемый физическими "колебаниями" тела. В этом последнем случае нормой является управление типа *перед + С_{тв.}*, ср. *дрожать (трястись) перед самодуром*. Интересно, что глагол *трусить*, этимологически родственный глаголу *трястись*, может управлять не только формой *С_{род.}* (ср. *трусить наказания*), но и формой *перед + С_{тв.}* (ср. *трусить перед учителем*). В свете сказанного представляется вполне естественным и логичным, что глагол *трепетать*, в значении которого, несомненно, есть указание на признак физического колебания тела, подвергся влиянию именно второго типа управления и перестроил свои синтаксические свойства в соответствии с ним.

Перестройка по аналогии — не только факт исторического развития языка, но и одно из характернейших проявлений его функционирования в любом синхронном состоянии. Должно быть, каждому приходилось делать или, во всяком случае, слышать ошибки типа *установить за порядок* (вместо *установить порядок*), *предотвращать железо от ржавчины* (вместо *предотвращать ржавление железа*), *транжирить деньгами* (вместо *транжирить деньги*), происходящие под влиянием аналогии с семантически однотипными словосочетаниями *взять за правило, предохранять железо от ржавчины, сорить деньгами*. Нередко аналогичные ошибки встречаются в газетном языке; ср. *Сколько строилось тогда в Вашингтоне надежд на тейлоровские теории* (вместо *на тейлоровских теориях*, под влиянием *возлагать надежды на что-л.* — «Правда», 10.07.65); *Индия рассматривает Кашмир своей неотъемлемой частью* (вместо *как свою неотъемлемую часть*, под влиянием *считать что чем* — «За рубежом», 1965, N 40); *Титул мирового чемпиона, которым он был удостоен трижды* (вместо *которого он был удостоен трижды*, под влиянием *наградить кого чем* — «Советский спорт», 26.10.65).

Обычно такие примеры приводятся как образцы стилистических или грамматических отклонений от действующей нормы. Гораздо реже обращают внимание на то, что они вполне соответствуют общей тенденции развития литературного языка — стремлению использовать свои синтаксические средства однозначно и освобождаться от дублетных форм — и часто отражают либо складывающуюся, либо будущую языковую норму. Действительно, если в рассмотренных выше случаях наши суждения об ошибочности того или иного словосочетания были вполне определенными, то для приводимых ниже примеров они утрачивают значительную долю категоричности: *требование о чем-л.* (аналогия с *просьба о чем-л.*), *восхищение перед народом* (аналогия с *преклонение перед народом*), *расправа над работниками* (аналогия с *надругательство*

над работниками)³. Лучше было бы говорить *требование чего-л., восхищение народом, расправа с работниками*, но и приведенные выше формы не являются очень грубой ошибкой. Они все более узакониваются речевой практикой говорящих.

Во всех рассмотренных выше случаях нововведение, по крайней мере частично, устраняет синтаксическую дублетность, т. е. приводит к унификации синтаксических свойств слов, имеющих сходное значение. Благодаря постоянно протекающим в языке процессам такого рода в нем и устанавливается то соответствие между синтаксическими и семантическими признаками слов, о котором мы говорили выше. Поэтому, подобно тому как это делалось при разграничении значений многозначного слова, мы можем отыскивать семантические классы внутри всего словаря, используя в качестве различительных признаков классов найденные ранее формы синтаксической обусловленности значений, т. е. наборы конструкций, связанных между собой отношениями совместимости или трансформируемости хотя бы при одном слове. В качестве примера мы коротко рассмотрим классы глаголов, употребляющихся в конструкциях $C1_{им} + Гл + C2_{тв}$ и $C1_{им} + Гл + C2_{вин} + C3_{дат}$.

Глаголы, основным синтаксическим признаком которых является сильное (обязательное) управление творительным беспредложным, имеют весьма четкие формы синтаксической обусловленности. Они распадаются прежде всего на два больших класса — I и II — в зависимости от типа конструкции, в которую трансформируется конструкция с творительным падежом. Большой из этих классов (I) образован глаголами, при которых управляемый творительный преобразуется в именительный в трансформе. В меньший класс (II) входят глаголы, при которых именительный падеж исходного предложения сохраняется в трансформе, а творительный преобразуется в какой-либо другой косвенный падеж.

Первый из названных выше классов распадается на два подкласса — А и Б — в зависимости от того, сохраняет ли глагол исходного предложения свой глагольный статус или превращается в отглагольное существительное со вспомогательным глаголом. Оба подкласса распадутся на ряд семантических групп.

I.A.1. Отметим прежде всего глаголы со значением 'делать прерывистые движения какой-либо частью тела'; характерной для них является трансформация *Он блуждает (мигает, моргает) глазами — У него блуждают (мигают,*

³ Можно заметить, что в соответствующих глагольных словосочетаниях **требовать о чем-л.*, **восхищаться перед народом*, **расправляться над работниками* ошибка кажется более грубой. Дело в том, что существительное, образованное от непрямо-переходного глагола, наследует синтаксические свойства этого глагола. Поскольку определенный тип управления не изначально присущ существительному, а унаследован от глагола, он менее прочен и более подвержен разрушительному и унифицирующему действию аналогии.

моргают) глаза; Собака виляет хвостом — У собаки виляет хвост; Больной скрипит (скрежещет) зубами — У больного скрипят (скрежещут) зубы; Птица трепещет крыльями — У птицы трепещут крылья. В большинстве случаев подчеркивается произвольность движения, и всякий раз, когда глагол имеет этот семантический признак, форма $C_{тв}$ оказывается совместимой с формой $от + C_{род}$; ср. Он блуждает (мигает, моргает) глазами от яркого света, Больной скрипит (скрежещет) зубами от боли, Птица трепещет крыльями от страха⁴.

К тому же классу примыкают глаголы, допускающие аналогичную трансформацию, но с изменением формы глагола на возвратную; ср. Кукла вращает глазами (крутит головой) — У куклы вращаются глаза (крутится голова); Он двигает бровями — У него двигаются брови; Он дергает (шевелит) губами — У него дергаются (шевелиются) губы; Она трясет головой — У нее трясется голова.

I.A.2. Вторую большую группу образуют глаголы со значением 'издавать звук'; при этом звучащий предмет является частью (органической или неорганической) формального субъекта действия. Характерной для этих глаголов является трансформация, описанная в пункте I.A.1., а также трансформация типа Он бряцает шпорами — На нем бряцают шпоры; Кони звенят уздечками — На конях звенят уздечки; Рыцарь гремит (шумит) доспехами — На рыцаре гремят (шумят) доспехи; Она шелестит (шуршит) платьем — На ней шелестит (шуршит) платье.

I.A.3. Следующая группа глаголов — это глаголы со значением интенсивного проявления одного из свойств формального субъекта действия. Характерной для них является трансформация типа Ее суждения блещут умом — Ум блещет в ее суждениях; Каждое его слово брызжет иронией — Ирония брызжет в каж-

⁴ Два глагола — мигать и моргать — обозначают, кроме того, контролируемое объектом движение, которое может быть использовано для подачи сигнала кому-либо. В этом случае форма $C_{тв}$ совместима с формой $C_{дат}$, а форма $C_{дат}$ несовместима с формой $от + C_{род}$; ср. мигать (моргать) кому-л. левым глазом, но не *мигать (моргать) кому-л. левым глазом от яркого света. Следовательно, у этих глаголов имеется по два значения: 1) 'произвольно двигать веками' (мигать (моргать) глазами от яркого света) и 2) 'поднимать и опускать веки' (мигать (моргать) левым глазом кому-л.). Для первого значения однозначной синтаксической конструкцией является конструкция с формой $от + C_{род}$, а для второго — конструкция с формой $C_{дат}$. Существительное в творительном падеже (фактически плеонастическое, так как мигать (моргать) можно только глазом или его частью) свободно вводится в любую из этих конструкций и, следовательно, никак не участвует в создании противопоставления по признаку «произвольность—непроизвольность действия». Поэтому во фразах типа Он мигает (моргает) глазами это семантическое противопоставление оказывается, по существу, снятым (нейтрализованным). В свете этого анализа следует отметить неточность рассуждений автора по поводу глаголов мигать и моргать, содержащихся на странице 214 его книги «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (М., 1967).

дом его слове; Он вспыхивает гневом — Гнев вспыхивает в нем; Глаза горят ненавистью — Ненависть горит в глазах; Голос звучит тревогой — В голосе звучит тревога; Он пылает негодованием — В нем пылает негодование; Заметка сверкает юмором — Юмор сверкает в заметке; Бакенбарды светятся седыми волосами — Седые волосы светятся в бакенбардах; Дом сияет чистотой — Чистота сияет в доме; Все трепещет жизнью — Жизнь трепещет во всем.

Все три группы глаголов семантически близки друг другу в том отношении, что в каждой из них глагол описывает действие, характеризующее не столько сам субъект, сколько его (органическую или неорганическую) часть или свойство. Нельзя не отметить и формальную близость конструкций, выступающих в качестве форм синтаксической обусловленности соответствующих семантических классов.

I.A.4. По существу, то же самое общее значение имеют глаголы типа *вонять* и *пахнуть*, имеющие, однако, несколько отличную от рассмотренных выше форму синтаксической обусловленности: *Вода воняет (пахнет) прелю — От воды воняет (пахнет) прелю.*

Подкласс Б, характерным для которого является превращение глагола в отглагольное существительное со вспомогательным глаголом, содержит глаголы со значением владения предметом, обозначенным через $C_{тв}$. Он также распадается на несколько семантических групп.

I.Б.1. Наиболее многочисленной из них является группа глаголов со значением типа 'руководить'. Для них характерна трансформация типа *Он владеет людьми — Люди — под его властью; Женищина командует полком — Полк — под командованием женщины; Он руководит учреждением — Учреждение — под его руководством; Мальчик управляет оркестром — Оркестр — под управлением мальчика.*

I.Б.2. Вторая группа глаголов имеет значение типа 'распоряжаться'. Характерной для нее является трансформация *Он ведает делами — Дела — в его ведении; Он владеет прачечной — Прачечная — в его владении; Он распоряжается средствами — Средства — в его распоряжении.*

Группы глаголов класса II, характерным для которого является сохранение именительного падежа исходной фразы и превращение творительного в какой-либо другой косвенный падеж, не обнаруживают заметного семантического сходства друг с другом и с группами класса I. Наиболее многочисленной в этом классе является группа глаголов со значением 'приобретать форму или внешность того, что обозначено через $C_{тв}$ ', выделяемая на основе трансформации типа *вытягиваться цепочкой — вытягиваться в цепочку, оборачиваться лисой — оборачиваться в лису, сбиваться кучей — сбиваться в кучу, строиться двумя шеренгами — строиться в две шеренги.*

Обняком стоит группа глаголов со значением типа 'хвалиться'. Характерной для них формой синтаксической обусловленности является способность к двойному управлению $C_{тв} + \text{перед} + C_{тв}$; ср. *бахвалиться (гордиться, кичиться, рисоваться, хвалиться, хвастаться, щеголять) чем-л. перед кем-л.*

Перейдем к глаголам, способным употребляться во второй из названных выше конструкций, а именно в конструкции $C1_{\text{им}} + \text{Гл} + C2_{\text{вин}} + C3_{\text{дат}}$. Они распадаются на четыре больших семантических класса, каждый из которых имеет вполне четкую форму синтаксической обусловленности: (I) глаголы со значением передачи вещи (ср. *давать*) или информации (ср. *сообщать*); характерной для них является обязательность формы $C_{\text{дат}}$. От глаголов со значением передачи имеется естественный семантический переход к двум другим классам глаголов, а именно (II) к глаголам со значением доставки (ср. *давать кому что* — *посылать кому что*), характерной для которых является способность подчинять не только форму $C_{\text{дат}}$, но и формы *из* + $C_{\text{род}}$, *с* + $C_{\text{род}}$ (со значением начальной точки), *к* + $C_{\text{дат}}$, *в* + $C_{\text{вин}}$, *на* + $C_{\text{вин}}$ (со значением конечной точки), и (III) к глаголам со значением действия в пользу какого-либо лица (*давать кому что* — *строить кому что*), характерной для которых является возможность преобразования $C_{\text{дат}}$ в *для* + $C_{\text{род}}$. Глаголы класса III в свою очередь связаны (через значение действия во вред кому-либо) с (IV) глаголами, обозначающими воздействие на часть (органическую или неорганическую) или свойство объекта (ср. *строить кому-л. дом* — *брить кому-л. бороду*); характерным для последних является преобразование $C_{\text{дат}}$ в *у* + $C_{\text{род}}$ или менее строгое преобразование $C_{\text{вин}} + C_{\text{дат}}$ в $C_{\text{вин}} + C_{\text{род}}$ с изменением управления глагола (ср. *брить бороду кому* — *брить бороду кого*). Особняком стоят (V) глаголы со значением уподобления, (VI) глаголы со значением типа 'прощать', (VII) глаголы со значением типа 'открывать' и некоторые другие малочисленные группы глаголов (*предпосылать книге предисловие*, *представлять гостя собравшимся*, *рекомендовать нового работника директору* и пр.).

I.1. Наиболее многочисленным является класс глаголов со значением передачи вещи. В большинстве случаев он имеет простейшую форму синтаксической обусловленности — конструкцию $C1_{\text{им}} + \text{Гл} + C2_{\text{вин}} + C3_{\text{дат}}$, не трансформируемую в другие конструкции и не совместимую с ними; ср. *вручать призывнику повестку*, *выдавать властям сообщников*, *выписывать ордер новоселам*, *давать книгу приятелю*, *дарить детям игрушки*, *завещать имущество кому-л.*, *назначать пенсию кому-л.*, *оставлять состояние сыну*, *платить долги кому-л.*

I.2. Глаголы, при которых форма $C_{\text{дат}}$ совместима с формой *за* + $C_{\text{вин}}$, имеют возмездительное значение типа 'давать в обмен на что-л.'; ср. *продать книги приятелю за 300 рублей*, *сдавать дачу москвичам за 100 рублей*, *спускать кому-л. краденую вещь за рубль*, *уступить кому-л. диван за полцены*.

I.3. Глаголы, допускающие трансформацию $C1_{\text{им}} + \text{Гл} + C2_{\text{вин}} + C3_{\text{дат}}$ — $C2_{\text{им}} + \text{Гл}$ -ся + *от* + $C1_{\text{род}}$ + $C3_{\text{дат}}$, имеют значение передачи адресату одного из свойств субъекта, ср. *Брат передал мне инфекцию* — *Инфекция передалась мне от брата*; *Мать сообщила детям любовь к музыке* — *Любовь к музыке сообщилась детям от матери*.

I.4. Вариантом значения передачи является значение снабжения, свойственное глаголам, которые допускают трансформацию типа *дарить кому-л. дружбу* — *дарить кого-л. дружбой*, *жаловать кому-л. орден* — *жаловать кого-л.*

орденом, обеспечивать области семена — обеспечивать область семенами, ссужать приятелю бочку вина — ссужать приятеля бочкой вина.

Остальные группы глаголов класса I обозначают различные виды информационной деятельности.

I.5. Глаголы, при которых форма $C_{\text{вин}}$ совместима с придаточным дополнительным предложением или трансформируема в форму $o + C$ *пр*, имеют значение передачи информации; ср. *говорить (заявлять) руководителю следующее — говорить (заявлять) руководителю, что программа будет выполнена; докладывать командиру обстановку (об обстановке) — докладывать командиру, что боеприпасы на исходе; рассказывать (сообщать) друзьям новости (о новостях) — рассказывать (сообщать) друзьям, что дело сделано.*

I.6. Глаголы, при которых форма $C_{\text{вин}}$ трансформируема в инфинитив или совместима с ним, выражают широкий круг каузативных значений, в частности значение допущения (недопущения) какой-либо деятельности или побуждения к ней; ср. *воспрещать (запрещать) кому-л. хождение по вагонам (ходить по вагонам), доверять кому-л. получение зарплаты (получить зарплату), позволить (разрешать) кому-л. провоз багажа (привезти багаж), предписывать кому-л. отдых (отдыхать), рекомендовать кому-л. отступление (отступить) и т. п.*

II. Для группы глаголов со значением доставки характерна совместимость формы $C_{\text{дат}}$ с формами $из + C_{\text{род}}$, $с + C_{\text{род}}$, которые обозначают начальную точку, или с формами $к + C_{\text{дат}}$, $в + C_{\text{вин}}$, $на + C_{\text{вин}}$, которые обозначают конечную точку, а также трансформация с заменой $C_{\text{дат}}$ на $к + C_{\text{дат}}$; ср. *доставить (к) командиру в штаб пленного, привезти (принести) (к) кому-л. вещи из города в деревню, привести (к) матери на веранду ребенка, прислать (к) кому-л. из штаба посылного.*

III. Для группы глаголов, обозначающих действие в пользу какого-либо лица, характерным, как известно, является преобразование $C_{\text{дат}}$ в $для + C_{\text{род}}$; ср. *делать зажигалку кому-л. (для кого-л.), доставать билет кому-л. (для кого-л.), находить приличную партию кому-л. (для кого-л.), облегчать условия труда кому-л. (для кого-л.), строить дом кому-л. (для кого-л.).*

IV. Для группы глаголов со значением воздействия на часть или свойство объекта характерным является, как было отмечено выше, преобразование $C_{\text{дат}}$ в $у + C_{\text{род}}$ или менее строгий вариант этого преобразования, указанный выше; ср. *брить бороду кому-л. — брить бороду у кого-л. или брить чью-л. бороду; ср. также вырезать опухоль кому-л., дергать (рвать) зубы кому-л., крутить руки кому-л., отнимать (отрезать, связывать) ноги кому-л., отрывать крылья стрекозе; перебить (пробить) плечо кому-л., пускать кровь кому-л., резать кому-л. бороды, рубить кому-л. головы, свернуть кому-л. челюсть, сжимать сердце кому-л., снести голову кому-л., стиснуть горло кому-л., стричь голову кому-л., чесать кому-л. спину. Внутри этой группы выделяется ряд подгрупп глаголов.*

IV.1. Глаголы со значением 'воздействовать на часть поверхности объекта', выделяемые на основе трансформации типа *гладить ребенку голову* — *гладить ребенка по голове, задевать нос кому-л.* — *задевать кого-л. по носу, молотить кому-л. спину* — *молотить кого-л. по спине, трепать скакуну шею* — *трепать скакуна по шее*.

IV.2. Глаголы со значением 'воздействовать на точку поверхности объекта', выделяемые на основе трансформации типа *клевать кому-л. спину* — *клевать кого-л. в спину, колоть (кусать) кому-л. руку* — *колоть (кусать) кого-л. в руку, печь кому-л. спину* — *печь кого-л. в спину (о солнце), ранить кому-л. голову* — *ранить кого-л. в голову, целовать кому-л. лоб* — *целовать кого-л. в лоб*.

IV.3. Глаголы со значением многократного колебательного воздействия на объект, выделяемые на основе трансформации типа *дергать кому-л. усы* — *дергать кого-л. за усы, драть кому-л. уши* — *драть кого-л. за уши, теревить кому-л. бороду* — *теревить кого-л. за бороду, трепать кому-л. волосы* — *трепать кого-л. за волосы, трясти кому-л. руку* — *трясти кого-л. за руку*.

Отметим, что глаголы класса IV обладают способностью управлять творительным инструментальным, совместимым с формами $у + C_{\text{род}}$, $по + C_{\text{дат}}$, $в + C_{\text{вин}}$, $за + C_{\text{вин}}$; конструкция с творительным входит, таким образом, в свойственную им форму синтаксической обусловленности.

V. Для глаголов со значением уподобления и их антонимов характерна симметричная трансформация типа *противопоставлять русскую музыку польской* — *противопоставлять польскую музыку русской, уподоблять музыку поэзии* — *уподоблять поэзию музыке*.

VI. Глаголы со значением типа 'прощать' характеризуются способностью к трансформации типа *извинять (прощать) кому-л. этот проступок* — *извинять (прощать) кого-л. за этот проступок*. Интересно, что семантически близкий им глагол *отпускать* (ср. *отпускать грехи кому-л.*) синтаксически ведет себя, как глагол класса IV.

VII. Глаголы со значением типа 'открывать' (в прямом или переносном смысле) характеризуются способностью к трансформации, в результате которой $C_{\text{дат}}$ преобразуется в $перед + C_{\text{тв}}$; ср. *выкладывать (открывать) все другу (перед другом), отворять (отпирать) дверь кому-л. (перед кем-л.), ставить задачу ученику (перед учеником)*.

Суммируем теперь основные положения данной статьи.

1. Каждое значение каждого глагола реализуется в строго определенных синтаксических условиях и в этом смысле оказывается несвободным, синтаксически обусловленным.

2. Формой синтаксической обусловленности значения является не одна конструкция, а совокупность конструкций, связанных между собой чисто синтаксическими отношениями совместимости и трансформируемости.

3. Синтаксически обусловленными являются не только разные значения внутри одного слова, но и классы значений (семантические классы) внутри всего словаря.

4. Поскольку значения и классы сходных значений имеют вполне определенные формы синтаксической обусловленности, последние можно использовать как объективное средство а) разграничения значений многозначных слов и б) выделения семантических классов.

Укажем в заключение две области, где эти результаты могли бы, по нашему мнению, найти практическое применение.

Отметим прежде всего, что понятие синтаксической обусловленности может оказаться полезным в практике преподавания языка, так как оно позволяет вложить ясный смысл в понятие речевого образца, выдвинутое в методической литературе. Под речевым образцом можно было бы понимать синтаксическую конструкцию, места которой заняты элементами определенных лексических классов. Поскольку заполнение конструкции тем или иным лексическим материалом влияет на ее синтаксические свойства (способность совмещаться с другими конструкциями или трансформироваться в них), каждый речевой образец может быть охарактеризован через определенную форму синтаксической обусловленности. Следовательно, речевые образцы, без усвоения которых, по общему признанию, невозможно свободное владение языком, должны вводиться вместе с указаниями о формах их синтаксической обусловленности.

С другой стороны, понятие синтаксической обусловленности значения может оказаться полезным для практической лексикографии. Во-первых, очевидно, что каждое значение слова в толковом словаре должно быть снабжено указаниями о том, в каких синтаксических конструкциях оно может быть реализовано и каково отношение между ними. Во-вторых, сходные значения разных слов, имеющие одну и ту же форму синтаксической обусловленности, должны быть снабжены идентичными синтаксическими пометами, которые выступают, таким образом, в качестве формальных показателей их семантической близости.

Часть V

Формальные модели языка

ЭТАП-2 С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА*

1. Общие сведения о системе ЭТАП-2

Панорама существующих в настоящее время систем автоматического перевода (АП) чрезвычайно разнообразна¹. Их можно классифицировать по самым различным признакам, из которых наиболее важными представляются следующие.

1. Поколение системы АП. Различают четыре поколения в зависимости от структуры алгоритма и от типа формального представления предложения, на уровне которого происходит переход от одного языка к другому.

В системах первого поколения алгоритм не разделяется на отдельные блоки анализа и синтеза: синтез данного фрагмента предложения протекает одновременно с его анализом в процессе однократного просмотра фразы слева направо. Лингвистическая информация не отделена и принципиально неотделима от алгоритма, т. е. задается чисто процедурно. По указанной причине в системах первого поколения не используется в явном виде никакое формальное лингвистическое представление предложения.

В системах второго поколения а) алгоритм анализа отделен и независим от алгоритма синтеза; б) лингвистическое обеспечение задается декларативно, т. е. независимо от алгоритмов; в) собственно перевод осуществляется на уровне синтаксической структуры предложения, явно выделяемой алгоритмом в процессе обработки фразы (подробнее о системах второго поколения см.: Кулагина, 1979 и Vauquois, 1981).

¹ См., в частности: Brinkmann, 1979; Vauquois, 1981; Brinkmann, 1981; Melby, 1981; Леонтьева и др., 1982; Slocum, 1985 с дальнейшей библиографией; Vauquois=Boitet, 1985; Nagao et al., 1985; Bennet=Slocum 1985; Isabelle=Bourbeau, 1985; Biewer et al., 1985.

Системы третьего и четвертого поколений, в настоящее время находящиеся в стадии разработки или только проектирования, наследуют первые два свойства систем второго поколения. По замыслу, в системах третьего поколения перевод должен осуществляться на уровне полной семантической структуры предложения, а в системах четвертого поколения — на уровне “энциклопедического представления” — семантической структуры, слитой с определенным фрагментом представления знаний.

Следует отметить одну достойную сожаления тенденцию последних лет — тенденцию к инфляции понятий “третье поколение”, “семантическая структура” и “семантический компонент”. Они начинают все чаще применяться для характеристики систем, в которых используется тривиальная семантическая нотация в виде элементарных семантических меток при узлах структуры. Мы не называем синтаксис системы ЭТАП-2 “грамматикой с семантическим компонентом”, потому что считаем такое название чересчур обязывающим. Хотя разветвленная система используемых в ЭТАПе-2 синтаксических отношений, а также синтаксических и семантических признаков дает достаточно хороший контроль смысла, положенная в его основу лингвистическая модель не включает адекватного естественному языку и научно обоснованного семантического компонента. Между тем, по мнению авторов, только наличие такого компонента, обеспеченного своим формальным языком и конституирующего особый уровень представления предложения, дает право на соответствующие титулы.

2. Уровень разработки. Среди систем, доведенных до машинной реализации, различаются промышленно действующие и экспериментальные системы. Промышленно действующие системы располагают словарями объемом от 12 000—15 000 до сотен тысяч слов в зависимости от числа обслуживаемых предметных областей и количества рабочих языков системы. Что касается грамматик, то они могут быть более или менее полными в зависимости от поколения системы. В промышленно действующих системах второго поколения морфология и синтаксис должны быть весьма полными.

3. Тип перевода. Различаются переводы, выполняемые: а) машиной без вмешательства человека; б) машиной с привлечением человека в качестве пред-, интер- или постредактора; в) человеком с помощью машины (автоматические словари и т. п.).²

4. Назначение перевода. Имеются два полярных типа систем: для оперативного, но, может быть, поверхностного информирования научных и инженерных работников о новых научных идеях и технических решениях и для точного перевода технической документации.

5. Число рабочих языков системы. Различаются двуязычные и многоязычные системы АП.

² Этой проблематике посвящен почти целиком 26-й том журнала *META*, где опубликована, в частности весьма содержательная статья Brinkmann, 1981, а также два специальных выпуска журнала *Computational Linguistics* за 1985 г. (vol. 11, N 1 и vol. 11, N 2-3); см. также: Brinkmann, 1979; Melby, 1981.

6. Тип рабочих языков системы. Различаются системы, работающие с естественным языком в его полном объеме или с весьма ограниченным фрагментом естественного языка, с типологически далекими или типологически близкими языками.

Перечисленные типы различий независимы друг от друга лишь с логической точки зрения. Фактически между ними обнаруживается значительная степень корреляции. Так, подавляющее большинство промышленно действующих систем АП — системы первого или “полупромышленного” поколения; подавляющее большинство систем АП второго поколения работают пока только в экспериментальном режиме. Промышленно действующие системы АП дают перевод низкого качества и поэтому нуждаются в серьезном вмешательстве человека на стадиях пред- и пост-, а иногда и интерредактирования. Экспериментальные системы второго поколения дают переводы значительно более высокого качества, что существенно сокращает, а иногда и сводит на нет долю участия человека в процессе перевода. Тем не менее в ситуациях, когда необходимо гарантировать высокую точность информации (таково, например, положение с переводом технической документации на экспортируемые изделия), самым надежным остается человеческий перевод, а наиболее перспективной его формой — перевод с использованием многоаспектных автоматических словарей.

Рассматривая ЭТАП-2 с перечисленных точек зрения, мы можем охарактеризовать его как экспериментальную³ двуязычную систему АП второго с половиной поколения⁴, работающую без какого-либо вмешательства человека⁵, имеющую дело с типологически “среднеудаленными” естественными языками и предназначенную для информирования научных и инженерных работников⁶.

³ Хотя ЭТАП-2 был сдан в опытно-промышленную эксплуатацию, он требовал еще экспериментальной отладки.

⁴ В нашей предварительной публикации (Апресян и др., 1978) говорилось, что для качественного АП необходимы системы третьего поколения, предусматривающие наряду с морфологическим и поверхностно-синтаксическим анализом и синтезом еще и глубинно-синтаксический анализ и синтез текста. Опыт экспериментальной работы системы ЭТАП-2 и предшествовавшей ему системы качественного перевода с французского языка ЭТАП-1 показал, что АП достаточно хорошего качества с английского и французского языков на русский вполне осуществим на уровне нормализованных синтаксических структур, занимающих промежуточное положение между поверхностно-синтаксической и глубинно-синтаксической структурами.

⁵ Исключением являлись предложения, длина которых превышала 35 слов. Из-за некоторых технических ограничений такие предложения предлагалось разбивать на два более коротких.

⁶ Вообще говоря, ЭТАП-2 как переводческая система работает в двух режимах: режиме качественного перевода на основе полного синтаксического анализа фразы и режиме пословного перевода, базирующемся только на морфологическом анализе текста. Пословный перевод был внедрен в качестве подсистемы в некоторые промышленно действующие ин-

ЭТАП-2 использует полную морфологию и достаточно полный синтаксис рабочих языков; в частности, правил синтаксического анализа, по-видимому, достаточно для обработки любых научно-технических текстов на английском языке. Объемы комбинаторных словарей английского и русского языков составляли 5748 и 6473 словарных статьи соответственно, причем “рабочая” часть словарей, прошедшая экспериментальную проверку, составляла около 4000 единиц в каждом. В связи с ограниченностью словаря правила перевода в собственном смысле не могут претендовать на полноту.

В чисто лингвистическом аспекте ЭТАП-2 отличается от других систем второго поколения следующие свойства.

1. Полная независимость описания входного и выходного языков. Описание каждого из языков представляет собой редуцированный, но достаточно принципиальный вариант лингвистической модели типа “Смысл \Leftrightarrow Текст”. Каждая из двух моделей дает интегральное (единое) описание морфологии, синтаксиса и словаря соответствующего языка. Принцип интегральности описания означает, что морфология, синтаксис и словарь, полностью согласованы друг с другом по типам помещаемой в них лингвистической информации и что эта лингвистическая информация во всех трех компонентах записывается абсолютно единообразно, т. е. на одних и тех же формальных языках.

2. Декларативность задания лингвистических знаний, т. е. их полная независимость от алгоритма. Декларативность задания лингвистической информации имеет два достоинства (по крайней мере на стадии экспериментальной эксплуатации системы).

Во-первых, она делает непосредственно доступной ту лингвистическую модель, которая лежит в основе системы АП. Ее легко охватить в целом, оценить достоинства и недостатки, сравнить с другими аналогичными моделями. Ее не надо реконструировать, извлекая по кусочкам из алгоритмических процедур. В этом отношении декларативно заданная лингвистическая модель очень похожа на обычное лингвистическое описание. В сущности, это те же грамматика и словарь, но только написанные на формальном языке.

Во-вторых, декларативно заданную лингвистическую модель легко корректировать в ходе машинных экспериментов при условии, что система одновременно с переводом каждой фразы выдает подробный протокол его получения.

3. Стандартизованность форматов описания рабочих языков. Оба рабочих языка системы ЭТАП-2 — английский и русский — описываются по единым достаточно общим схемам. Это открывает возможность включать в систему новые рабочие языки без изменения форматов описания и алгоритмов анализа, преобразования и синтеза текстов.

формационные системы “Информэлектро”; кроме того, он использовался в качестве аварийного средства в тех случаях, когда для предложения не удавалось построить синтаксической структуры и качественный перевод получить было нельзя.

4. Неориентированность лингвистического обеспечения (за исключением узко терминологической части словаря) на какую-либо одну предметную область. Это свойство системы является прямым следствием полноты лингвистических моделей рабочих языков.

Как уже было сказано, морфология и синтаксис рабочих языков рассчитаны на переработку самых различных научно-технических текстов, т. е. учитывают весьма широкий спектр форм и конструкций, встречающихся в них.

Что касается словарей, то в них сейчас около половины всей лексики составляют термины и терминологические слова, более или менее специфичные для данной предметной области. Однако остается несколько тысяч слов (и связанных с ними правил), которые являются словами общего распространения, т. е. не ориентированы на узкую предметную область⁷. Нужно учесть и то, что словарные статьи, включенные в словарь, достаточно представительны и принципиальны, т. е. обеспечивают анализ и перевод данного слова не в одном-двух реально встретившихся текстах, а в широком спектре релевантных для электротехники контекстов, как они представлены в специальных терминологических словарях.

Относительная лингвистическая полнота и принципиальность лингвистического обеспечения системы ЭТАП-2 открывают возможность использования системы или отдельных ее компонентов для переработки текстов самых разных предметных областей.

Указанные свойства лингвистического обеспечения системы ЭТАП-2 имеют и некоторые теоретические импликации.

Прежде всего можно заметить, что качество перевода тем выше, чем полнее и принципиальнее модель языка, составляющая лингвистический компонент системы АП (воздействие лингвистики на АП: достаточно полная модель языка как гарант высокого качества АП).

Кроме этой зависимости качества АП от полноты и принципиальности лингвистических моделей, существует и обратная зависимость качества лингвистических моделей от результатов функционирования систем АП. Автоматический перевод оказывается экспериментальным полигоном для лингвистики, полигоном, где она может проверять свой научный аппарат и оценивать основательность своих научных построений. Если в системе АП эксплуатируются серьезные модели естественных языков, то такая система начинает оказывать глубокое стимулирующее влияние на лингвистику. В ходе машинных экспериментов уточняются уже известные лингвистические правила и формулируются новые, осознается нужда в новых лингвистических понятиях, вызываются к жизни целые теоретические концепции. Короче говоря, создаются

⁷ Впрочем, электротехнику вряд ли правильно считать узкой предметной областью, поскольку в ней используются терминосистемы электроники, вычислительной техники, машиностроения, химии, физики и других областей техники и науки.

предпосылки для формирования новой научной дисциплины — экспериментальной лингвистики⁸, которая в качестве инструмента доказательства использует естественно-научную методологию поиска научной истины (обратное воздействие АП на лингвистику: высококачественный АП как естественная основа для постоянного совершенствования лингвистических моделей).

2. Образцы, скорость и качество переводов

Самой естественной, общепонятной и наглядной характеристикой любой системы АП являются, конечно, не ее технические параметры, а выполняемые ею переводы. ЭТАП-2 переводил оригинальные английские тексты двух типов: 1) связный текст (статья, реферат и т. п.), 2) заголовки патентов сводной базы данных INPADOK. Перевод в обоих случаях осуществлялся пофразно, без какого-либо вмешательства человека в процесс перевода, причем каждая фраза переводилась единственным образом. Иными словами, морфологическая, лексическая и синтаксическая омонимия и полисемия разрешались (быть может, не всегда правильно) до такой степени, что число морфологических, лексических и синтаксических альтернатив в любой точке и в любом отрезке предложения сокращалось до одной. Удовлетворительный перевод на той стадии эксперимента, на которой работа над системой была прервана, получался примерно в половине случаев. Неудовлетворительный перевод в остальных случаях объяснялся чаще всего отсутствием какой-то информации в словаре или (реже) недосмотрами в конкретных правилах. В большинстве таких случаев была возможна коррекция словарной информации или правил, не разрушающая дееспособности системы в целом.

⁸ Вообще говоря, лингвистические эксперименты известны давно. Ими пользовались такие классики лингвистики, как О. Есперсен, Ш. Балли, Л. В. Щерба, А. М. Пешковский. Для обоснования утверждений о свойствах различных языковых единиц они направленно меняли их контекст. При этом проверялось, сохраняют ли фразы с этими единицами свою грамматическую правильность или нет, вступают ли они в отношения синонимии или омонимии с другими фразами и т. п. Объектом проверки в таких экспериментах была истинность отдельного лингвистического утверждения, а экспериментальным полигоном — пространство одной фразы. Поэтому такие эксперименты еще не могли конституировать новую научную дисциплину. Вычислительная техника открыла перед лингвистикой принципиально новые экспериментальные возможности. Теперь объектом испытаний может быть истинность целостного лингвистического описания (формальной модели языка), а экспериментальным полигоном — множество связных текстов, анализируемых или синтезируемых с помощью такой модели. Теоретические представления о языке, положенные в основу модели, получают оправдание в той мере в какой языковое поведение модели (то, как она анализирует и синтезирует тексты) совпадает с языковым поведением говорящих. (Подробнее об этом см.: Апресян, 1985.)

В качестве образца приводится перевод нескольких вступительных фраз связного текста (статьи) и перевод нескольких заголовков патентов из базы INDAPOK⁹

Образец перевода связного текста (статьи)

1.	The Future of Electronics in Instrumentation.	Будущее электроники в оборудовании.
2.	Advances due in spectroscopy, chromatography, spectrometry and electrochemistry.	Достижения, ожидаемые в спектроскопии, хроматографии, спектрометрии и электрохимии.
3.	In recent years, government regulations, technical demands, microprocessor development and a host of other influences have forced a revolution in chemical, biochemical and industrial instrumentation.	В недавние годы правительственные постановления, технические требования, развитие микропроцессоров и множество других факторов вызвали переворот в химическом, биохимическом и промышленном оборудовании.
4.	Thirty five years ago, significant breakthroughs were achieved in chemical analysis instrumentation, and UV and IR spectrometers, mass spectrometers, and PH meters became available.	Тридцать пять лет назад значительные успехи были достигнуты в оборудовании химического анализа и ультрафиолетовые и инфракрасные спектрометры, масс-спектрометры и *PH* счетчики стали доступными.
5.	The search for a synthetic substitute for natural rubber, for example, accelerated during World War Two and spurred the development of instrumentation that could analyse molecular structure in the laboratory.	Поиск синтетического заменителя натурального каучука, например, ускорился в течение второй мировой войны и стимулировал развитие оборудования, которое могло анализировать молекулярную структуру в лаборатории.
6.	In the early sixties, chromatography became an analytical tool (now the most highly used instrumental technique in the chemical laboratory).	В начале пятидесятых годов хроматография стала аналитическим инструментом (в настоящее время наиболее широко используемый метод в химической лаборатории).
7.	Nuclear instrumentation, which appeared in the late fifties, dramatically changed medical diagnosis.	Ядерное оборудование, которое появилось в конце пятидесятых годов, резко изменило медицинскую диагностику.
8.	Improved detectors and sampling technology have led to more exotic instrumentation methods, such as gas chromatography mass spectrometry (GCMS), high performance liquid chromatography (HPLC), X-ray fluorescence and plasma emission spectroscopy.	Усовершенствованные детекторы и техника выборки привели к более экзотическим инструментальным методам, таким, как масс-спектрометрия газовой хроматографии (*GCMS*), высокоэффективная жидкостная хроматография («HPLC»), рентгеновская флуоресценция и плазменная эмиссионная спектроскопия.

⁹ Приведены десять идущих подряд на одной магнитной ленте заголовков и их переводов, чтобы сформировать у читателя правильное усредненное представление о качестве последних.

Образцы переводов заголовков патентов

9. Pendulously suspended bucket with a steering curve for a bucket conveyor.	Маятникообразно подвешенный ковш с направляющей кривой для ковшового конвейера.
10. Diffusion bonding of aluminium alloys.	Диффузионное соединение алюминиевых сплавов.
11. Hydrocarbon oil based silicone anti-foams.	Кремниевые противопенные средства на основе углеводородного масла.
12. Static changing device for drive — brake operation of variable speed asynchronous motors fed by a current converter.	Статическое переключающее устройство для операции пуска останова над-асинхронными двигателями переменной скорости, питаемыми таковым преобразователем.
13. Stripless electrical wire terminal (for distributors of telecommunication installations, especially telephone installations).	Бесполосная электрическая клемма для распределителей установок телекоммуникации, особенно телефонных установок.
14. Conveying apparatus for sheet-or foil-like material.	Передающее устройство для листового или пленочного материала.
15. Planetary gear train for automotive transmission or the like.	Планетарная зубчатая передача для само-движущейся передачи или тому подобного.
16. Gas-insulated electrical apparatus.	Изолированное газом электрическое устройство,
17. Flat-card-shaped semiconductor device with electric contacts on both faces and process for its manufacture.	Полупроводниковое в форме плоской карты устройство с электрическими контактами на обеих сторонах и процесс для его изготовления.
18. Optical phase grid arrangement and coupling device having such an arrangement.	Устройство оптической фазовой сетки и соединяющее устройство с таким устройством.

Для оценки времени (скорости) перевода существенно знать, что ЭТАП-2 был реализован на ЭВМ ЕС-1033 с номинальным быстродействием около 200 000 операций/с (фактическое быстродействие существенно меньше). Комплекс программ системы объемом в 15—20 тыс. операторов был первоначально написан на языке программирования PL-1. В дальнейшем для ускорения процесса перевода некоторые программные блоки были переписаны на Ассемблере.

После этого усовершенствования время перевода одного предложения средней длины (25—30 слов) и средней степени сложности, представляющего собой фрагмент связного текста, составляло 3—4 мин. На перевод заголовка патента длиной 8—10 слов (с использованием сокращенного на 1/3 массива правил) уходило около 1 мин. На более мощных ЭВМ скорость перевода заметно возросла¹⁰. Далеко не исчерпаны также резервы оптимизации временных

¹⁰ Проведенные эксперименты показали, что на ЭВМ ЕС-1045 (с быстродействием 880000 операций/с) скорость перевода возрастала в 2,5-3 раза, на ЕС-1046 (1 200 000 операций/с) — в 3,8—4 раза, на ЕС-1061 (2 000 000 операций/с) — в 4,5—4,8 раза.

параметров системы за счет лучшей организации лингвистического и программного обеспечения.

В целом можно сказать, что время перевода фразы в ЭТАПе-2, с учетом исключительно высокого коэффициента омонимии в английском языке и достаточно высокого качества перевода, является вполне удовлетворительным. Скорость перевода даже на ЕС-1033, по-видимому, сравнима со скоростью "человеческого" перевода¹¹, а на более современных компьютерах намного ее превосходит.

Что касается качества перевода, то его объективная оценка представляет более трудную задачу. Во-первых, качество перевода следует оценивать не для отдельных фраз, а для достаточно большого текста при условии, что в процессе перевода всего этого текста система АП не подвергается существенной коррекции. В противном случае нельзя объективно оценить степень стабильности результатов. В этом отношении результаты ЭТАПа-2 достаточно стабильны. Хотя в ходе экспериментов в него вносились отдельные исправления, для проверки сохраняемости и устойчивости системы проводились выборочные переводы некоторых уже переведившихся ранее фрагментов текста. Поэтому в целом можно утверждать, что перевод всего связанного текста, равно как и переводы заголовков патентов, выполнены одной и той же системой.

Во-вторых, качество переводов, выдаваемых системой АП, может быть объективно оценено только после того, как с ней проведен полный цикл экспериментальных работ, включающий и экспертные оценки машинных переводов. Экспертные оценки должны быть по возможности дифференцированными. О. С. Кулагина, например, предлагает оценивать по отдельности адекватность перевода (степень смыслового соответствия оригиналу), его понятность и грамматическую правильность (Кулагина, 1979). Такая работа по системам второго поколения, насколько нам известно, была поведена лишь с системой ФР-II, созданной О. С. Кулагиной. При оценке ЭТАПа-2 с этой точки зрения мы вынуждены довольствоваться непосредственным впечатлением от перевода, его сравнением с оригиналом и с возможным человеческим переводом соответствующего текста, а также обсуждением явных погрешностей против понятности, адекватности и грамматической правильности.

Все приведенные переводы понятны, за исключением, быть может, предложения (1). Однако оно столь же мало понятно и в оригинале.

Почти все переводы адекватны, т. е. правильно передают смысл оригинала. Единственной семантической ошибкой является совершенный вид глагола

¹¹ Для этого суждения мы располагаем следующим косвенным основанием. В 1980 г. во время испытаний более медленной системы АП с французского языка на русский ЭТАП-1 на сопоставимой с ЕС-1033 французской ЭВМ ИРИС-50 был проведен (В. Ю. Розенцвейгом) следующий эксперимент. Переведенные ЭТАПом-1 15 фраз были даны для перевода десяти студентам 5-го курса факультета переводчиков Московского государственного института иностранных языков им. М. Тореза. Все десять студентов переводили немного медленнее, чем машина (при этом качество перевода было не выше).

ИСПОЛЬЗОВАТЬ в предложении (6). Вместо требуемого по смыслу перевода наиболее *широко используемый метод* получился перевод *наиболее широко использованный метод*. Тем самым общее утверждение о том, что происходит во всякой химической лаборатории, было заменено описанием одного конкретного случая. Эта ошибка неустранима. Дело в том, что при синтезе форм вида в русском языке мы не можем пользоваться прямыми данными, содержащимися в английской глагольной словоформе. В английском языке грамматическая категория вида отсутствует. Значит, можно опираться либо на контекст глагольной словоформы в оригинале, либо на лексические свойства английского глагола, либо на контекст русской глагольной словоформы, либо, наконец, на ее лексические свойства. В рассматриваемом случае ни контекст оригинала, ни контекст перевода, ни лексические свойства глаголов USE и ИСПОЛЬЗОВАТЬ не дают оснований для синтеза несовершенного вида глагола.

Все остальные ошибки можно считать отклонениями от грамматических или стилистических норм русского литературного языка.

В предложении (4) перед союзом *и* в сложносочиненном предложении отсутствует запятая. Ошибка легко устранима и не мешает пониманию.

В предложении (12) имеется пунктуационная ошибка — дефис в группе *над-асинхронными (двигателями)* вместо дефиса в группе *(операция) пуска-останова*. Эта ошибка настолько странная, что она тоже ничуть не мешает пониманию. Источник ошибки — небольшая и легко устранимая погрешность в одной из программ.

В предложении (16) фрагмент *электрическое устройство с газовой изоляцией* был бы стилистически более приемлем, чем реально полученный перевод *изолированное газом электрическое устройство*. Ошибка устранима.

В предложении (17) более удачным был бы такой порядок слов: *полупроводниковое устройство в форме плоской карты*. Реально полученный порядок слов *полупроводниковое в форме плоской карты устройство* поддается исправлению.

Наконец, в предложении (18) получилось стилистически избегаемое повторение одного и того же знаменательного слова. Ошибка не мешает пониманию, и вряд ли следует стремиться к ее устранению. Усилия в этом случае были бы явно непропорциональны эффекту.

При оценке качества машинных переводов необходимо принимать во внимание еще одно обстоятельство — выигрыш в качестве, получаемый при переходе от систем первого поколения к системам более высокого уровня. Наглядное представление об этом выигрыше дает сравнение переводов заголовков патентов, выполненных промышленно действующей системой послогового перевода (см. сн. 6)¹² и ЭТАПом-2.

¹² Качество переводов, выдаваемых этой системой, сравнимо с качеством переводов в других промышленно действующих системах, ориентированных на неограниченный естественный язык.

Лишь в ничтожном числе случаев ЭТАП-2 не дает почти никакого выигрыша качества. Это однословные заголовки, составляющие, по-видимому, не более 1% всех переводов. Очевидно, что и пословный, и качественный перевод должны давать в таких случаях одинаковые результаты.

Оригинал	Пословный перевод	Качественный перевод (ЭТАП-2)
Holder	Держатель	Держатель

Приблизительно в половине заголовков пословный перевод понятен специалисту. Однако с грамматической точки зрения, не говоря уж о стиле, он плох и поэтому требует известных усилий для дешифровки смысла. Примеры:

Оригинал	Пословный перевод	Качественный перевод (ЭТАП-2)
Method of making an electrical synthetic insulator, and insulator made by the method.	Метод делать электрический синтетический изолятор и изолятор делать метод.	Метод изготовления электрического синтетического изолятора и изолятор, изготовленный методом.
Electric rotary machine having superconducting rotor.	Электрический ротационный машина иметь сверхпроводящий ротор.	Электрическая вращающаяся машина с сверхпроводящим ротором.
Method of manufacturing a stack of laminated plates for electric machines and devices.	Метод изготовление/изготавливать комплект листовой пластина для электрический машина и устройство.	Метод изготовления комплекта слоистых пластин для электрических машин и устройств.

Наконец, в третьей группе случаев, тоже составляющей около половины всех переводов, пословный перевод не дает никакого ключа к смыслу документа. В таких случаях никакой альтернативы качественному переводу, даваемому ЭТАПом-2, не остается.

Оригинал	Пословный перевод	Качественный перевод (ЭТАП-2)
Capacitor element.	Конденсатор элемент.	Элемент конденсатора.
Static changing device for drive-brake operation of variable speed asynchronous motors fed by a current converter.	Статический изменение/менять устройство для привод мять/тормоз операция переменная скорость асинхронный двигатель питать ток преобразователь.	Статическое переключающее устройство для операции пуска останова надасинхронными двигателями переменной скорости, питаемыми токовым преобразователем.
Solid-state laser scanning system and electrophotographic machine including the same.	Твердый состояние лазер развертывание/развертывать система и электрофотографический машина включать/включать тот же.	Сканирующая система с твердотельным лазером и электрофотографическая машина, включающая это.

В целом мы считаем возможным оценить русские тексты, построенные ЭТАПОМ-2, как машинные переводы достаточно хорошего качества, в принципе сравнимые с человеческими.

3. Идеология и архитектура ЭТАПа-2¹³

По своей идеологии и архитектуре ЭТАП-2 является продолжением и развитием уже упоминавшейся системы перевода с французского языка на русский ЭТАП-1, работавшей в экспериментальном режиме около полутора лет и давшей переводы, сравнимые по качеству с человеческими¹⁴. Ниже мы коротко сравним эти две системы, причем начнем с отличий ЭТАПа-2 от ЭТАПа-1, а затем укажем их сходства, потому что именно преемственность лингвистической идеологии была определяющим принципом при разработке ЭТАПа-2.

Назовем четыре важнейших отличия ЭТАПа-2 от ЭТАПа-1.

1. Прежде всего перед ЭТАПОМ-2 была поставлена новая цель — более высокий уровень разработки, чем чисто экспериментальный, с ориентацией на возможности дальнейшего практического использования. Отсюда вытекают два новых требования к системе: а) перевод должен быть быстрым, б) система ЭТАП-2 должна быть изготовлена в виде подсистемы, которую можно было бы подсоединять к любой информационной системе, где возникает необходимость в переводе с английского языка.

2. Новая цель определила и новую архитектуру лингвистического обеспечения системы. В целях ускорения работы системы все правила были разбиты на три типа — общие, частные (трафаретные) и словарные. Общие правила, составляющие не более одной четверти всех правил, участвуют в обработке любой фразы. Частные и словарные правила участвуют в обработке лишь тех фраз, словесный материал которых может потребовать их применения. Они активируются словарными статьями соответствующих слов, в которых они либо упоминаются по имени (трафаретные правила), либо приводятся целиком (словарные правила). Таким образом, в ЭТАПе-2 была реализована идея оптимальной самонастройки системы на обработку текущей фразы. В результате время переработки фразы существенно сократилось, потому что теперь в ее анализе и переводе принимают участие не все правила системы, а лишь те, в которых может возникнуть нужда.

Поскольку в комбинаторные словари ЭТАПа-2 пришлось включить, помимо классификационной информации (часть речи, синтаксические и семантиче-

¹³ Идеология ЭТАПа-2 была кратко описана в работе Апресян, Цинман, 1982.

¹⁴ О лингвистическом обеспечении системы ЭТАП-1 см.: Апресян и др., 1978; Апресян и др., 1981; Препринт-I, 1985; Препринт-II, 1984; Препринт-III, 1984; Препринт-IV, 1983; Препринт-V, 1983; Препринт-VI, 1985; Препринт-VII, 1985; о логико-алгоритмическом обеспечении системы см.: Коровина и др., 1977; Цинман, 1986; Цинман и др., 1982.

ские признаки и т. п.), еще и операционную информацию, т. е. словарные правила и ссылки на трафаретные правила, словарные статьи комбинаторных словарей приобрели логически гораздо более развитую и разветвленную структуру.

Подчеркнем, что реорганизация массива правил имеет не только оптимизационный, т. е. инженерный, смысл, но и глубокие содержательные основания. Главная идея реорганизации непосредственно связана с одним фундаментальным свойством естественных языков. В них имеется небольшое число весьма общих закономерностей, каждая из которых характеризуется широкой областью действия в языке (охватывает большое число слов) и большой вероятностью реализации в тексте. Они-то и фиксируются общими правилами. Кроме них, в естественных языках имеется очень большое число частных закономерностей, каждая из которых охватывает ограниченную группу слов или даже одно слово и редко реализуется в тексте. Именно такие закономерности чаще всего описываются трафаретными и словарными правилами.

3. ЭТАП-2 работает с новым входным языком — английским. Основная трудность, связанная со сменой языка, состоит в следующем.

Английский язык, из-за слабой формальной маркировки семантических и синтаксических отношений между словами во фразе, с точки зрения автоматической обработки по крайней мере на порядок сложнее французского и в особенности русского.

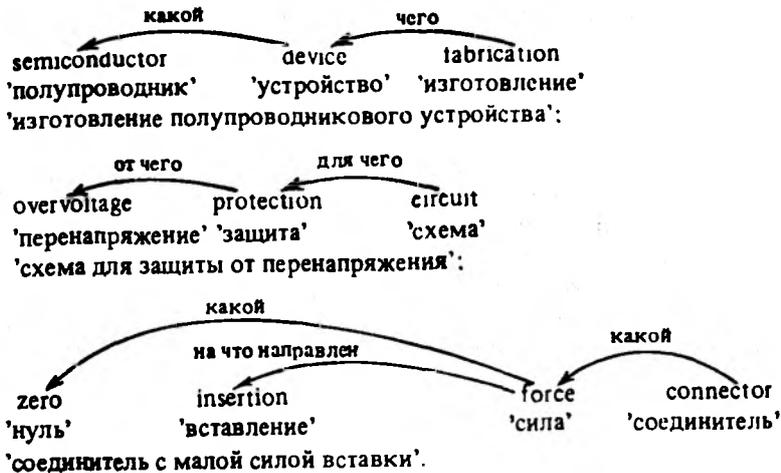
Действительно, части речи в нем почти не имеют характерных парадигм, и одно орфографическое слово сплошь и рядом бывает существительным, прилагательным и глаголом, а иногда даже наречием и предлогом; ср. ROUND — 'круг' (существительное), 'круглый' (прилагательное), 'округлять' (глагол), 'кругом' (наречие) и 'вокруг' (предлог).

Окончания разных частей речи омонимичны, ср. ROUNDS — 'крути' или 'округляет'. Омонимичны и грамматические суффиксы, ср. ROUNDING — 'округляющий' или 'округляя', ROUNDED — 'округлил' или 'округленный'. Грамматические суффиксы омонимичны словообразовательным, ср. ROUNDING — 'округляющий' или 'округление'. Прилагательные и причастия не имеют никаких окончаний, и поэтому их согласование с существительными никак не выражено. Например: electric device — 'электрическое устройство' и electric devices — 'электрические устройства'.

Подчинительные союзы и союзные слова могут опускаться. Например: He claimed he was ill \Rightarrow 'Он утверждал, что был болен', буквально 'Он утверждал он был болен', или The man I saw yesterday \Rightarrow 'Человек, которого я видел вчера', буквально 'Человек я видел вчера'. Тем самым оказываются невыраженными подчинительные отношения.

В характерных для английского языка цепочках существительных синтаксические связи тоже никак не маркируются, и поэтому такие цепочки сами по себе не дают никакого ключа к их правильной семантической интерпретации.

Между тем при внешнем синтаксическом единообразии число семантических отношений между составляющими их элементами огромно; ср.

Вследствие указанных и других подобных особенностей английского языка автоматический синтаксический анализ английских предложений оказывается на порядок более трудной задачей, чем автоматический синтаксический анализ французских предложений. Из приведенных примеров следует, в частности, что выбор синтаксически (а, значит, и семантически) правильной структуры для данной фразы не может быть осуществлен на основании одних синтаксических соображений. Специалист, легко и безошибочно находящий правильную интерпретацию, делает это за счет знания соответствующей предметной области. Но системы АП (во всяком случае, в их нынешнем состоянии) таким знанием не располагают. Поэтому не остается ничего другого, как придумать его лингвистический суррогат. Таким суррогатом в системе ЭТАП-2 стали правила реинтерпретации синтаксических структур, широко использующие знание лексического состава фразы.

4. ЭТАП-2 рассчитан на перевод не только текстов рефератов или статей, но и совершенно нового жанра текстов — заголовков патентов. Эта новая предметная ориентация объясняется тем, что заголовки патентов в момент разработки ЭТАПа-2 были единственным типом информации, имеющимся на магнитной ленте. Для авторов лингвистического обеспечения системы необходимость такой ориентации обернулась еще одной трудностью.

Совершенно очевидно, что переводы, выполняемые системой, должны быть не только семантически и стилистически приемлемыми, но и технически грамотными. Это значит, что они должны быть настроены на терминологические эталоны, принятые в электротехнике, в частности, в патентоведении.

С этой целью мы обратились к библиографическому указателю “Изобретения за рубежом”, выпускаемому Всесоюзным НИИ патентной информации под эгидой Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий. Мы надеялись извлечь из него искомый терминологический эталон, тем более что были много слышаны о точности, традиционности, унифицированности формулировок в области патентования. Эти надежды оправдались лишь отчасти. В частности, в этих “канонических” текстах мы не нашли обещанной унифицированности, но зато обнаружили довольно много прямых ошибок, видных невооруженным глазом. Два примера:

High voltage direct current transmission apparatus — ‘высоковольтное устройство для передачи по постоянному току’ вместо нужного ‘устройство для передачи постоянного тока высокого напряжения’.

Ringing signal supply — ‘устройство для посылки вызывного сигнала’ вместо нужного ‘питание для системы звуковой сигнализации’.

В этих случаях мы вынуждены были искать какую-то среднюю линию между верностью апробированному стандарту и соображениями здравого смысла.

Главным достоинством ЭТАПа-2 мы считаем именно качество переводов. Хорошее качество переводов является прямой функцией лингвистической идеологии — основы любой системы перевода. Поэтому естественно было строить ЭТАП-2 на том же лингвистическом фундаменте, что и ЭТАП-1.

В связи с этим сохранилась наша принципиальная ориентация на лингвистическую модель “Смысл \Leftrightarrow Текст”, редуцированный вариант которой был положен в основу лингвистического обеспечения ЭТАПа-2. Здесь же следует заметить, что, кроме общей идеологии таких моделей, разработанной в книге Мельчук, 1974, мы в полной мере воспользовались результатами исследований И. А. Мельчука и ряда его коллег в области синтаксиса естественных языков (Мельчук, Перцов, 1975; Mel'čuk, Pertsov, 1987; Иомдин, Мельчук, Перцов, 1975; Иомдин, Перцов, 1975; Саввина, 1976; Апресян, Иомдин, Перцов, 1978; Иомдин, 1979; Урысон, 1981; Урысон, 1982; Санников, 1980). Из работы Мельчук, Перцов, 1975 была заимствована трактовка синтаксического признака, синтаксического отношения, синтагмы, а также значительная часть исходного материала по английскому синтаксису и сам подход к описанию синтаксиса естественного языка с помощью транслирующих правил, переводящих морфологическую структуру предложения в его синтаксическую структуру (дерево зависимостей определенного вида) и наоборот.

В логико-алгоритмическом обеспечении системы учтены некоторые идеи, разработанные в системе ФР-II (Кулагина, 1979).

Кроме того, в основном сохранился вытекающий из модели “Смысл \Leftrightarrow Текст” характер и порядок переработки фразы. Хотя, как было сказано выше, лингвистическое обеспечение ЭТАПа-2 логически независимо от алгоритмов, рассматривать его удобно в алгоритмическом порядке, т. е. в порядке включения отдельных его компонентов в процесс перевода. с этой точки зрения в лингвистическом обеспечении ЭТАПа-2 можно выделить следующие крупные

блоки (выход каждого предшествующего блока является входом для последующего) :

- (i) — морфологический анализ исходного английского предложения;
- (ii) — синтаксический анализ английского предложения;
- (iii) — нормализация синтаксической структуры английского предложения;
- (iv) — преобразование нормализованной английской структуры в нормализованную русскую;

(v) — развертывание нормализованной структуры в синтаксическую структуру будущего русского предложения;

(vi) — синтаксический синтез русского предложения;

(vii) — морфологический синтез русского предложения. Все семь блоков переработки фразы требуют обращения к словарям. На этапах (i) и (vii) происходит обращение к морфологическим словарям системы — английскому и русскому соответственно. До начала этапа (ii) происходит однократное обращение к комбинаторному словарю (КС) английского языка. Для каждой лексемы предложения (точнее, для множества омонимичных лексем в каждой позиции) из КС извлекается вся лексикографическая информация, необходимая для синтаксического анализа, нормализации и перевода английского предложения. На этапах (iv)-(vi) происходит обращение к русскому КС, откуда извлекается лексикографическая информация, необходимая для “доводки” русской синтаксической структуры и для ее морфологизации.

Английский КС включает следующие типы информации о лексеме: 1) ее номер в КС; 2) часть речи; 3) тривиальный перевод на русский язык; 4) синтаксические признаки; 5) семантические признаки (дескрипторы); 6) модель управления лексемы, а именно сведения о количестве ее (семантических) актантов, о способах их выражения и о требованиях к синтаксическим или семантическим свойствам ее потенциальных актантных зависимых; 7) имена графаретных правил, необходимых для переработки фраз с данной лексемой, с указанием значений параметризованных переменных, если они есть в данном правиле; 8) словарные правила, необходимые для переработки фраз с данной лексемой.

Русский КС включает аналогичные типы информации, за исключением перевода и семантических признаков лексемы.

С формальной точки зрения этапы (iii)-(vi) неразделимы, потому что выполняются единой программой преобразования деревьев зависимостей. Однако в нашем изложении мы будем исходить из содержательных соображений, а содержательно каждый из них достаточно автономен, потому что посвящен решению вполне самостоятельной лингвистической задачи.

(i) На вход морфологического анализа поступает английское предложение в обычной орфографической записи, но без различения заглавных и строчных букв. В принципе морфологический анализ должен разбиваться на три подэтапа, как это было в ЭТАПе-1: а) предморфологический анализ (расклейка форм типа *it'll*, *it's* и т. п.); б) склейка безусловных оборотов; в) морфологический анализ в собственном смысле.

Однако предморфологический анализ в ЭТАПе-2 программно не был реализован. Таким образом, в нынешнем виде этап морфологического анализа складывается из подэтапов “б” и “в”.

Безусловными оборотами, вслед за О. С. Кулагиной, мы называем последовательности слов в неизменной форме, всегда следующих друг за другом в одном и том же порядке и выражающих единое понятие (BY MEANS OF ‘посредством’, WITH REGARD TO ‘относительно’ и т. п.). Такие обороты “склеиваются” с помощью словаря оборотов в одно слово и получают номер, по которому на более поздних этапах происходит обращение к КС.

На вход собственно морфологического анализа поступает английское предложение со “склеенными” оборотами, а на выходе получается объект, который мы будем условно называть морфологической структурой (МС) предложения. В строгом смысле МС предложения есть последовательность имен лексем содержащихся в этом предложении словоформ с грамматическими характеристиками (числа, падежа, времени, вида и т. п.) при каждом имени лексем. Мы же имеем дело не с последовательностью имен лексем, а с последовательностью реальных словоформ, в которой каждой словоформе сопоставлены все омонимы, возможные в пределах нашего морфологического словаря.

Каждый из морфологических омонимов данной словоформы представлен именем лексем, снабженной набором грамматических характеристик, и условно называется морфологической структурой данной словоформы.

Преобразование “предложение \Rightarrow МС предложения” осуществляется с помощью словаря основ, списков стандартных парадигм (списков окончаний с наборами грамматических характеристик для каждого окончания) и ряда других средств экономной подачи морфологической информации.

(ii) Этап синтаксического анализа делится на два подэтапа. Сначала осуществляется предсинтаксический анализ, задачей которого является разрешение лексико-синтаксической и морфологической омонимии по ближайшему линейному контексту. Так, формы NEED, NEEDS скрывают каждая по два омонима: существительное ‘потребность’ в единственном или множественном числе и глагол ‘нуждаться’ в так называемой главной форме или в форме третьего лица единственного числа настоящего времени. Если непосредственно слева от этих и других подобных форм стоит артикль (THE или A), то глагольный омоним стирается, потому что в указанных линейных условиях NEED, NEEDS не может быть глаголом.

Предсинтаксический анализ — единственный этап процедуры переработки предложения, посвященный специально и исключительно разрешению омонимии. Разрешение омонимии происходит и на этапе собственно синтаксического анализа, но там оно является побочным продуктом процедур, имеющих совершенно другие цели.

Морфологическая структура с существенно редуцированной лексико-грамматической и морфологической омонимией образует вход собственно синтаксического анализа. Его результатом является синтаксическая структура пе-

переводимого предложения — размеченное и расположенное (линейно упорядоченное) дерево зависимостей. Узлы дерева находятся во взаимно-однозначном соответствии со словоформами предложения, а связывающие их стрелки соответствуют специфичным для данного языка синтаксическим отношениям, таким, как отношение между сказуемым и подлежащим (The train $\xleftarrow{\text{predic}}$ stopped 'поезд остановился'), глаголом и его дополнением

(to debug the program $\xleftarrow{\text{1 - compl}}$ 'отладить программу'), существительным и его определением (modern $\xleftarrow{\text{modif}}$ computers 'современные компьютеры') и т. п.

Главным средством преобразования МС в синтаксическую структуру являются синтагмы — правила, с помощью которых две МС, принадлежащие двум разным словоформам предложения, преобразуются в гипотетическое бинарное поддерево. В результате применения всех синтагм к материалу анализируемого предложения получается множество допустимых гипотез, превосходящее число правильных гипотез в среднем в два-три раза. Правильными считаются гипотезы, складывающиеся в правильное для данного предложения дерево зависимостей, т. е. дерево, удовлетворяющее определенным требованиям (фильтрам) к сочетанию пар гипотез и к относительному размещению членов этих пар.

Кроме синтагм, в процессе синтаксического анализа используются правила предпочтения, выбирающие из множества допустимых гипотез ту, которая имеет наибольшую вероятность оказаться правильной в условиях данного предложения. Они вступают в действие, когда другими средствами получить синтаксическую структуру не удается. Так, в предложении The firm bought a computer for 1000 dollars 'Фирма купила компьютер за 1000 долларов' возникнет две гипотезы о возможных хозяевах группы for a 1000 dollars: bought for a 1000 dollars 'купила за 1000 долларов' и a computer for a 1000 dollars 'компьютер за тысячу долларов'. В таких условиях актантная связь (в нашем примере 2-комплетивная) предпочитается атрибутивной, и тем самым вторая гипотеза будет отсеяна.

Получение полной синтаксической структуры переводимой фразы на выходе синтаксического анализа — центральное и самое трудное звено всего процесса перевода. От того, насколько полно, тонко и точно используемые в синтаксических структурах подчинительные отношения отражают смысловые связи между словами, зависит качество перевода. Мы используем 50 отношений подчинения, дающих вместе с лексической и морфологической информацией достаточно полный контроль смысла переводимого предложения,

(iii) Правильная синтаксическая структура поступает на вход этапа n o p м а л и з а ц и и. На этом этапе выполняются две основные задачи.

Во-первых, снимаются все морфологические и некоторые синтаксические своеобразия английского языка: стягиваются в одно слово аналитические формы; формам типа MAKE, TELL, INFORM приписываются некоторые морфологические характеристики (например, характеристика INF в контексте части-

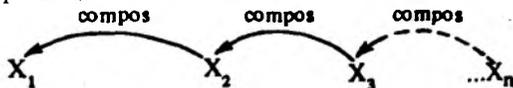
цы TO2); интерпретируются словоформы, в состав которых входит окончание -ING; опускаются некоторые неинформативные или малоинформативные слова вроде приинфинитивной частицы TO2; вводятся некоторые новые узлы, например союз THAT в предложениях типа He claimed he was ill (см. выше); изменяется порядок слов; производится ряд других подобных преобразований.

Во-вторых, осуществляется коррекция некоторых заведомо неправильных структур с помощью специального блока правил реинтерпретации.

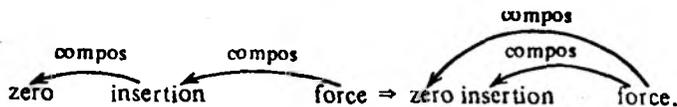
Чтобы дать представление о функциях правил реинтерпретации, вернемся к словосочетаниям:

semiconductor device fabrication
 'изготовление полупроводникового устройства',
 overvoltage protection circuit
 'схема для защиты от перенапряжений',
 zero insertion force connector
 'соединитель с малой силой вставки'.

В ЭТАПе-2 для каждого из трех приведенных словосочетаний, представляющих собой цепочки существительных, всегда получается синтаксическая структура вида

Она правильна относительно первых двух словосочетаний, но неправильна относительно третьего. Переводить неправильную структуру нельзя, так как получится бессмыслица. Именно в таких случаях используются правила реинтерпретации синтаксических структур, переделывающие неправильные структуры в правильные на основании лексических соображений. Слово ZERO 'нуль' не может по смыслу относиться к слову INSERTION 'вставление', потому что последнее обозначает действие, а действия не измеряются. Наиболее вероятным кандидатом в семантические хозяева ZERO является существительное FORCE 'сила'. Силу измерять можно, и она, действительно, может иметь нулевое значение. Следовательно, чтобы получить правильную синтаксическую структуру для третьего словосочетания, достаточно переподчинить ZERO существительному FORCE в контексте слова INSERTION. Опираясь на эту лексическую информацию, правило реинтерпретации проводит перестройку:

в результате чего на следующей стадии обработки предложения становится возможным его правильный перевод.

(iv) На этапе преобразования нормализованной английской структуры в нормализованную русскую, или на этапе собственно перевода, решается, в сущности, одна задача — задача порождения исходной синтаксической структуры будущего русского предложения. Для этого нужно: а) заменить морфологические характеристики английских слов соответствующими русскими морфологическими характеристиками; б) преобразовать синтаксические конструкции английского языка в соответствующие им русские; в) перевести всю лексику.

Очевидно, что в некоторых случаях эти три операции представляют собой совершенно тривиальные преобразования и могут проводиться автономно. Если например, перерабатывается фрагмент нормализованной структуры

$$\text{DEBUG}_{\text{inf}} \xrightarrow{1\text{-compl}} \text{PROGRAM}_{\text{pl}},$$

то достаточно по отдельности провести морфологические преобразования

$$\text{Inf} \Rightarrow \text{инф (инитив)}, \text{pl} \Rightarrow \text{мн (ожественное число)},$$

синтаксическое преобразование

$$\xrightarrow{1\text{-compl}} \Rightarrow \xrightarrow{1\text{-compl}}$$

и лексические преобразования

$$\text{DEBUG} \Rightarrow \text{ОТЛАЖИВАТЬ}, \text{PROGRAM} \Rightarrow \text{ПРОГРАММА}.$$

Не менее очевидно и то, что в других случаях — а их, по-видимому, достаточно много — преобразования носят гораздо более неожиданный характер и тесно связаны друг с другом. Приведем несколько примеров таких нетривиальных и, может быть, неавтономных преобразований, снимающих (последние) морфологические, синтаксические и лексические своеобразия английского языка: а) нетривиальные замены морфологических характеристик, например:

PRESENT, PERFECT, PROGRESSIVE	}	ПРОШ(ЕДШЕЕ ВРЕМЯ),
PAST, PERFECT, PROGRESSIVE		НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД)

В результате формы типа *has been working* и *had been working* преобразуются в формы типа *работал* ;

б) нетривиальные преобразования синтаксических конструкций, например:

John being late we decided to go \Rightarrow

Поскольку Джон опоздал, мы решили идти;

They talked me into accepting their proposal \Rightarrow

Они вынудили меня принять их предложение;

as many as three years \Rightarrow

целых три года;

two inches long \Rightarrow

длиной в два дюйма;

five years older \Rightarrow

на пять лет старше.

Легко видеть, что нетривиальные преобразования синтаксических конструкций сопровождаются, как правило, морфологическими и лексическими преобразованиями;

в) нетривиальные преобразования лексики, особенно в несвободных словосочетаниях, построенных с использованием лексических функций в смысле (Мельчук 1974), и в идиоматических терминологических словосочетаниях, например:

- on Monday \Rightarrow в понедельник,
- pay attention \Rightarrow обратить внимание,
- space resonance \Rightarrow распределенный резонанс,
- controlling field \Rightarrow направляющее поле,
- interturn capacitance \Rightarrow емкость катушки индуктивности,
- iron chute \Rightarrow желоб для заливки чугуна.

И в этом случае лексические преобразования обычно сопровождаются синтаксическими и морфологическими.

(v) На этапе развёртывания полной русской синтаксической структуры решается задача порождения всех лексико-синтаксических своеобразий русского языка. Эта задача разбивается на ряд более мелких задач, из которых здесь достаточно упомянуть следующие четыре: а) восстанавливаются все необходимые лексемы, в частности сильно управляемые пустые предлоги (например, *зависеть* \rightarrow *температура* \Rightarrow *зависеть* \rightarrow *от* \rightarrow *температура*, *надеяться* \rightarrow *перемены* \Rightarrow *надеяться* \rightarrow *на* \rightarrow *перемены*) и служебные слова в аналитических конструкциях (например, ЧИТАТЬ, носов, буд \Rightarrow БЫТЬ \rightarrow ЧИТАТЬ, ЧИТАТЬ, сосл \Rightarrow ЧИТАТЬ БЫ) и т. п.; б) порождаются синтаксически необусловленные грамматические характеристики слов; например, при преобразовании форм типа ЧИТАТЬ, несов буд), в конструкции типа БЫТЬ ^{аналит} \rightarrow ЧИТАТЬ у вспомогательного глагола БЫТЬ порождается характеристика БЫТЬ, буд в) порождаются слова с нужной синтаксической функцией (например, слово ДВА в конструкции типа *два сутки* заменяется словом ДВОЕ); г) недопустимые в русском языке синтаксические конструкции переделываются в синонимичные им, но грамматически правильные конструкции (например, конструкция типа Он \leftarrow *был* \leftarrow *следован*, полученная из правильной английской конструкции He was followed, преобразуется в конструкцию *За ним следовали*)

Следует подчеркнуть, что выполняется и одна из основных задач синтаксического синтеза на этапах (iii)-(v) — задача линеаризации синтаксической структуры. Как уже говорилось, синтаксическая структура, которую строит наша система, является размеченным и расположенным, т. е. линейно-упорядоченным деревом зависимостей. Линейный порядок узлов задается их номерами; узлы нумеруются слева направо. Правила этапов (iii)-(v) могут изменять порядок слов, причем такие изменения могут быть элементарными и неэлементарными. Элементарные изменения затрагивают отдельные слова. Это

происходит, например, при перестановке узлов (problems discussed \Rightarrow 'обсуждавшиеся проблемы'), устранении некоторых узлов (артиклей, пустых предлогов), введении новых узлов (глагола БЫТЬ в аналитическом будущем, частицы БЫ в сослагательном наклонении и т. п.). Неэлементарные изменения заключаются в перемещении целых синтаксических групп. Так, при переводе словосочетания ferrite-cored anchor 'якорь с ферритовым сердечником' атрибутивная группа 'с ферритовым сердечником', возникающая на месте определительной группы ferrite-cored, переносится из препозиции в постпозицию. Такие преобразования сопровождаются пересчетом номеров всех входящих в предложение слов. Таким образом, преобразуемое дерево зависимостей все время остается расположенным. Подчеркнем, что все изменения расположения узлов достигаются локальными правилами. Глобальных правил порядка слов в ЭТАПе-2 нет.

(vi) С учетом того, что было сказано о линеаризации синтаксической структуры, на долю этапа синтаксического синтеза остаются только две задачи: морфологизация синтаксической структуры и расстановка знаков препинания.

Как известно, все морфологические характеристики словоформ делятся на семантически содержательные (число существительного, время, вид и наклонение глагола, степень сравнения прилагательных и наречий) и синтаксически обусловленные (падеж существительного, род, число и лицо глагола, род, число и падеж прилагательного т. п.). Большинство семантически содержательных характеристик вырабатывается у узлов на предшествующем этапе преобразования синтаксической структуры. В задачи синтаксического синтеза входит преимущественно выработка синтаксически обусловленных характеристик узлов.

Правила русского синтаксического синтеза формализуют ту содержательную идею, что синтаксически обусловленные характеристики словоформ могут быть двух типов (Санников, 1980): либо они являются каноническими — присущими типовой для данной словоформы синтаксической позиции (ср., например, винительный падеж прямого дополнения), либо они представляют собой продукт регулярных синтаксических чередований грамматических характеристик в определенных контекстуальных условиях (ср. мену винительного падежа прямого дополнения на родительный в контексте отрицания). Было замечено, что в русском синтаксисе одно и то же чередование происходит в разных контекстных условиях (например, винительный падеж дополнения меняется на родительный под отрицанием, в составе количественной группы, в партитивном контексте). Поэтому во многих случаях синтаксический синтез оказывается целесообразным строить в два шага: на первом шаге синтезировать каноническую форму X, а на втором — преобразовывать ее в X' одним правилом, учитывающим все единообразно воздействующие на X контекстуальные условия. Именно таким образом построены в ЭТАПе-2 правила морфологизации.

Перейдем к правилам пунктуации. Вообще говоря, принципиальным решением этой проблемы явилась бы разработка глобальных правил русской пунктуации. Однако по ряду теоретических и практических соображений было сочтено целесообразным обойтись, как и в случае с порядком слов, локальными правилами пунктуации. В ЭТАПе-2 при переходе от английского языка к русскому сохраняются все «семантические» знаки препинания: точка, восклицательный и вопросительный знаки, двоеточие, точка с запятой, многоточие, кавычки, скобки и тире. Снимаются в английском языке и вновь порождаются в русском лишь запяты, которые выставляются в тривиальных случаях: в сложных предложениях перед союзом или группой союзного слова, в предложениях с вводными, причастными и деепричастными оборотами и т. п. Кроме того, небольшой блок пунктуационных правил (завершающий правила русского синтеза) включает правила постановки тире и двоеточия для тех случаев, когда эти знаки не могли быть получены из английского языка, а именно в конструкциях с опущенной связкой (*Разработка этой системы — большое достижение*) и в разъяснительных конструкциях.

(vii) Блок морфологического синтеза получает на входе полностью линеаризованную и морфологизованную синтаксическую структуру предложения с расставленными знаками препинания. В его задачи входит синтез конкретных словоформ в орфографической записи по их МС, т. е. по именам лексем с полными наборами грамматических характеристик. Для этого используется тот же аппарат формальной морфологии, который на первом этапе перевода функционирует в режиме анализа.

4. Заключение

Монографическое описание действующей системы АП может быть оправданным лишь в том случае, если результаты ее функционирования имеют теоретический смысл и проливают свет на фундаментальные проблемы лингвистики. Именно с этой точки зрения мы бы хотели взглянуть на ЭТАП-2 в нашем заключении.

Теоретический смысл построенной нами системы, как мы уже сказали в разд. 1, состоит в том, что она, как и другие подобные системы, создает экспериментальный полигон для лингвистики, где лингвистика может проверять свой научный аппарат и оценивать основательность своих научных построений. Машинные эксперименты, в ходе которых испытываются серьезные формальные модели языков, могут приводить к уточнению уже известных правил, к осознанию нужды в новых теоретических понятиях, к рождению целых теоретических концепций.

Раньше идеи двигались из фундаментальной науки в прикладную. Качество прикладных систем, в частности систем АП, было тем выше, чем принципиальнее была реализованная в них теоретическая модель. На наших глазах на-

чинается обратное движение идей, концепций, принципов, стратегий, понятий и конкретных наблюдений из прикладной лингвистики в теоретическую через посредство лингвистики экспериментальной.

Интересные для теоретической лингвистики результаты построения и функционирования одной такой системы — экспериментальной системы ЭТАП-2, можно сгруппировать вокруг следующих пяти тем: 1) конкретные описания языков, 2) теоретические принципы, 3) металингвистика, в частности проблемы определения лингвистических понятий, 4) сопоставительная лингвистика, 5) проблемы понимания текстов (см. Апресян 1985).

1. Фактические поправки к описаниям языков. Конкретные поправки к лексикографическим и грамматическим описаниям языков чаще всего являются прямым следствием изучения ошибок, допущенных машиной в процессе перевода. Машина ошибается так, как никогда не ошибется человек. Тем самым она создает уникальный “отрицательный” языковой материал, который привлекает внимание к неявным и трудно уловимым свойствам языковых объектов. Его значение для понимания механизмов языка сравнимо со значением афазии для понимания механизмов мышления.

2.1. Интегральные лингвистические описания. Еще более важным результатом функционирования лингвистических моделей в составе систем АП мы считаем новый тип лингвистического описания — единое, или интегральное описание языка.

Под интегральным мы понимаем такое описание языка, в котором грамматика и словарь способны к функциональному взаимодействию, т. е. согласованы друг с другом 1) по типам помещаемой в них информации, 2) по способам, или формальным языкам ее записи. Изменение в любой части такого описания вызывает цепную реакцию изменений во всех других его частях. Поэтому, создавая интегральное описание, лингвист вынужден работать на всем пространстве языка.

Одно из наиболее заметных внешних проявлений интегральности описания состоит в резком возрастании объема лексикографической информации по сравнению с обычным описанием. Во-первых, в словарных статьях появляются новые зоны — для типов информации, которые раньше попросту отсутствовали (синтаксические признаки лексем, модели управления, трафаретные и словарные правила разных уровней и т. п.). Во-вторых, возрастает объем сведений о свойствах, которые лексикографировались и раньше, но недостаточно полно. В особенности это касается сочетаемостных (комбинаторных) свойств лексем.

Без этой лексикографической информации лексема не может стать объектом эффективно действующих правил анализа и синтеза текстов.

2.2. Комбинаторный принцип. Многие упомянутые выше лексикографические новшества группируются фактически вокруг одного несложного понятия — понятия комбинаторных свойств языковых единиц. Исследование этих свойств привело к уяснению исключительной роли комбинаторного (согласовательного) принципа в построении языковых и текстовых объектов всех

уровней (Иомдин, 1979а). На фонологическом уровне он обнаруживает себя в явлениях сандхи, ассимиляции, сингармонизма; на морфологическом уровне — в избирательной сочетаемости алломорфов аффиксов с различными типами основ; на синтаксическом уровне — в управлении, согласовании и других типах соответствия, включая соответствие по синтаксическим признакам; на семантическом и прагматическом уровнях — в семантическом согласовании и ограничениях на сочетаемость определенных смыслов внутри предложения или на границах между предложениями. Таким образом, комбинаторный принцип пронизывает весь строй языка.

2.3. Принцип каноничности. Функционирование лингвистических моделей показало, что понятие канонической ипостаси языковой единицы, первоначально сложившееся в фонологии и морфологии (ср. понятия основного варианта фонемы и представляющего морфа), допускает дальнейшее обобщение — на единицы синтаксического и семантического уровней языка. Примером канонической ипостаси синтаксической единицы является управляемый винительный падеж в словосочетаниях типа *решил задачу*; ср. неканонические варианты этой формы в контексте отрицания (не *решил задачи*), аппроксимативно-количественной конструкции (*решил около пяти задач*), распределительной конструкции (*решили по одной задаче*)

Между каноническими и неканоническими ипостасями языковых единиц есть еще и то различие, что канонические ипостаси всегда, когда это возможно, фиксируются в словаре, а неканонические ипостаси получаются по правилам (ср. Санников, 1980).

3.1. Стратегия определения лингвистических понятий. Изменение идеологии лингвистического описания привело прежде всего к осознанию того факта, что необходимой предпосылкой всякой метатеории, включая и систему определений лингвистических понятий, является достаточно полное интегральное описание языка.

Другой важный урок для метатеории состоит в том, что строя систему лингвистических определений, исследователь должен работать сразу на всем пространстве лингвистических понятий. Особенно важно при этом уметь выделять классы близких понятий (ср. абсолютное употребление глагола, факультативную валентность, разрешенное ненасыщение обязательной валентности, синтаксический нуль, эллипсис, сочинительное и сравнительное сокращение и другие виды синтаксического отсутствия). Это — единственный способ построить последовательную систему точных лингвистических понятий.

3.2. Структура лингвистических определений. Разграничение канонических и неканонических ипостасей языковых единиц постепенно меняет структуру лингвистических определений. Раньше определения, как правило, ориентировались на канонический вид языковых единиц или явлений; ср. определение управления как такого типа оформления подчинительной связи между главным словом X и зависимым словом Y, при котором предложно-падежная форма Y-а диктуется лексико-семантическими свойствами основы X-а. Но формы

не решил задачи, решил около пяти задач, решил по задаче ни в каком разумном смысле не диктуются лексико-семантическими свойствами основы глагола РЕШИТЬ.

По-видимому, более естественной формой описания всех существенных свойств лингвистического понятия является двухчастное определение, базис которого ориентирован на каноническую ипостась соответствующей единицы (и тем самым фиксирует основную лингвистическую интуицию на ее счет), а шаг — на неканонические ипостаси, порождаемые из канонической регулярными правилами позиционных морфологических, синтаксических или семантических чередований.

4. Сопоставительная лингвистика. Разрабатывая формальные правила перевода для системы АП, лингвист волей-неволей вынужден систематически и последовательно сравнивать способы выражения одного и того же смысла в двух языках. Это дает интересный материал для сопоставительной лингвистики.

Приведем один пример из области синтаксической семантики — сравнение способов выражения субъекта действия в английском и русском языках.

Известно, что фигура субъекта действия занимает разное место в синтаксическом строе английского и русского языков. В английском языке субъект должен быть обязательно выражен, хотя бы чисто формально. В русском языке он относительно легко устраняется — ср. разнообразные безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные конструкции. С другой стороны, в русском языке субъект деепричастий и большинства отглагольных субъектных наречий типа МОЛЧА подчиняется достаточно жестким ограничениям — он должен быть кореферентен с субъектом того глагола, которому подчинено данное деепричастие или отглагольное наречие. Заметим, в частности, что наречия типа МОЛЧА нормально сочетаются лишь с активной, но не с пассивной формой глагола. В английском языке субъект гораздо свободнее: достаточно вспомнить многочисленные абсолютные конструкции и тот факт, что наречия типа SILENTLY 'молча' легко присоединяются к любой залоговой форме глагола. Отметим, наконец, своеобразие выражения субъекта действия при инфинитиве: в английском языке он выражается конструкцией с предлогом FOR, у которой нет аналога в русском языке (I'd like for you to come earlier 'Я хочу, чтобы ты пришел раньше'), а в русском языке — приинфинитивным дательным, у которого нет аналога в английском языке (*Ему негде было спать* 'There was no place where he could sleep').

5. Проблемы понимания текстов. Эксперименты неопровержимо свидетельствуют, что в общем случае детерминистские (не вероятностные) правила формальной модели недостаточны для однозначного анализа неомонимичных предложений. Правда, при переходе с одного уровня на другой, более глубокий, омонимия предшествующего уровня (например, морфологического) разрешается средствами следующего уровня (например, синтаксического), но на каждом более глубоком уровне возникает своя омонимия. Надежды на то, что

использование семантической, прагматической, ситуационной, энциклопедической или какой-либо другой сложной информации упростит и облегчит поиск правильной интерпретации предложения в множестве формально безупречных альтернативных интерпретаций, иллюзорны. В действующей модели правильная интерпретация отыскивается с помощью (вероятностных) правил предпочтения и других чисто инженерных средств, не имеющих никакого принципиального смысла и в общем случае заведомо неверных. Между тем человек находит ее очень легко и скорее всего без опоры на вероятностные соображения.

Если бы требовались лишние доказательства того, что машина понимает текст иначе, чем человек, их дали бы именно такие лингвистические эксперименты. По-видимому, понимание даже самой тривиальной информации человеком представляет собой процесс, в котором чисто логические выкладки постоянно перемежаются творческими актами. Сам язык наводит на эту мысль, потому что для многих актов понимания он имеет специальные названия, с несомненностью свидетельствующие об их неалгоритмической и, следовательно, неформализуемой природе; ср. ДОГАДКА, ИНТУИЦИЯ, НАИТИЕ, ОЗАРЕНИЕ, ОТКРОВЕНИЕ, ПРОЗРЕНИЕ. Между тем машина понимает текст чисто алгоритмически (комбинаторно) и не может понимать его иначе. Есть серьезные основания думать, что построить формальную систему, в точности воспроизводящую мыслительную деятельность человека, в принципе невозможно. Это и понятно. Ведь исследуя свою мыслительную деятельность, человек сталкивается с уникальной в науке ситуацией, когда субъект познания совпадает с его объектом. Представляется, что к этой ситуации применима теорема Геделя о неполноте, ибо система, являющаяся средством описания, ничуть не сильнее системы, являющейся его предметом.

Литература

Апресян, 1985: *Апресян Ю. Д.* Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика: обратные связи // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-85": Тез. докл. и сообщ. М., 1985.

Апресян-Иомдин-Перцов, 1978: *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., Перцов Н. В.* Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // Македонски јазик. 1978. Т. 29. С. 125–171.

Апресян и др., 1978: Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / *Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин, А. В. Лазурский, Н. В. Перцов, В. З. Санников*: Препр. / НС по комплекс, пробл. "Кибернетика" АН СССР. М., 1978.

Апресян и др., 1981: *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* и др. Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода ЭТАП-1 // Разработка формальной модели естественного языка. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1981.

Апресян-Цинман, 1982: *Апресян Ю. Д., Цинман Л. Л.* Об идеологии системы ЭТАП-2 // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982.

Иомдин, 1979: *Иомдин Л. Л.* Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. Определительные конструкции // Южнославянский филолог. 1979. Т. 35. С. 19—53.

Иомдин, 1979а: *Иомдин Л. Л.* Еще раз о синтаксическом согласовании в русском языке: Препр. / Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 122. М., 1979.

Иомдин-Мельчук-Перцов, 1975: *Иомдин Л. Л., Мельчук И. А., Перцов Н. В.* Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. 1. Предикативные синтагмы // НТИ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. 1975. № 7. С. 30—43.

Иомдин-Перцов, 1975: *Иомдин Л. Л., Перцов Н. В.* Фрагмент модели русского поверхностного синтаксиса. 2. Комплетивные и присвязочные конструкции // Там же. 1975. № 11. С. 22—32.

Коровина и др., 1977: *Коровина Т. И., Румишинский Б. Л., Семенова В. Э., Цинман Л. Л.* Аппарат для описания морфологии флективных языков: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР. (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике). № 91. М., 1977.

Кулагина, 1979: *Кулагина О. С.* Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979.

Леонтьева и др., 1982: *Леонтьева Н. Н., Бергельсон М. Б., Кудряшова И. М.* и др. Семантический компонент в системах автоматического понимания текстов // Машинный перевод и автоматизация информационных процессов. М.: ВЦП, 1982. (Обзор. информ. Сер. 2: Вып. 6).

Мельчук, 1974; *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". М.: Наука, 1974.

Мельчук-Перцов, 1975: *Мельчук И. А., Перцов Н. В.* Модель английского поверхностного синтаксиса: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР. (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 64/66. М., 1975.

Препринт-I, 1985: *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Гецелевич Е. В.* и др. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. I. Общая характеристика системы // Теория и модели знаний (Теория и практика создания систем искусственного интеллекта). Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1985. С. 20—39. (Тр. по искусствен. интеллекту: Вып. 714).

Препринт-II, 1984: *Апресян Ю. Д., Гецелевич Е. В., Крысин Л. Л.* и др. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. II. Французская морфология. Французский комбинаторный словарь: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 154. М., 1984.

Препринт-III, 1984: *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического пере-

вода ЭТАП-1. III. Французский синтаксический анализ: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 155. М., 1984.

Препринт IV, 1983: *Апресян Ю. Д.* Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1.IV. Французский синтаксический анализ: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 159. М., 1983.

Препринт-V, 1983: *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.* и др. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1.V. Французский синтаксический анализ: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 160. М., 1983.

Препринт-VI, 1985: *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Гецелевич Е. В., Иомдин Л. Л.* Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1.VI. Французский синтаксический анализ: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 166. М., 1985.

Препринт-VII, 1985: *Апресян Ю. Д., Гецелевич Е. В., Иомдин Л. Л.* и др. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1.VII. Французский синтаксический анализ: Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 167. М., 1985.

Саввина, 1976: *Саввина Е. Н.* Фрагмент модели поверхностного синтаксиса русского языка. Сравнительные конструкции (сравнительные и отсоюзные синтагмы) // НТИ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. 1976. № 1. С. 38—43.

Санников, 1980: *Санников В. З.* О чередованиях в синтаксисе (к проблеме синтморфологии): Препр. Ин-та рус. яз. АН СССР (Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике) № 137. М., 1980.

Урысон, 1981: *Урысон Е. В.* Поверхностно-синтаксическое представление русских аппозитивных конструкций // Wiener. Slav. Almanach. 1981. Bd. 7. S. 155—215.

Урысон, 1982: *Урысон Е. В.* Направление синтаксической зависимости в русских аппозитивных конструкциях // Bull. Soc. Pol. linguist. 1982. Fasc. 39. P.91—107.

Цинман, 1986: *Цинман Л. Л.* Язык для записи лингвистической информации в системе автоматического перевода ЭТАП (опыт “практической логики”) // Семиотика и информатика. 1986. № 27. С. 82—120.

Цинман и др., 1982: *Альшванг В. Д., Коровина Т. И., Кузьменчук В. А., Сергеев А. С., Сиротюк Г. И., Цинман Л. Л.* Математическое обеспечение системы автоматического перевода ЭТАП-1 // Прикладные и экспериментальные лингвистические процессоры. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982.

Bennett-Slocum, 1985: *Bennett W. S. Slocum J.* The LRC machine translation system // Comput. Linguist. 1985. Vol. 11, N 2/3. P. 111—121.

Biewer et al., 1985: *Biewer A., Feneysel Ch., Ritzke J, Stegentritt E.* ASCOF – a modular multilevel system for French-German translation // *Ibid.* 1985. Vol. 11, N 2/3. P. 137–154.

Brinkmann, 1979: *Brinkmann K. H.* Perspectives d'avenir de la traduction automatique // *META.* 1979. Vol. 24, N 3. P. 315–325.

Brinkmann, 1981: *Brinkmann K. H.* Machine aids to translation // *Ibid.* 1981. Vol. 26, N 1. P. 67–75.

Isabelle-Bourbeau, 1985: *Isabelle P., Bourbeau L.* TAUM–AVIATION: its technical features and some experimental results // *Comput. Linguist.* 1985. Vol. 11, N 1. P. 18–27.

Melby, 1981: *Melby A. K.* Translators and machines – can they cooperate? *META.* 1981. Vol. 26, N 1. P. 23–34.

Mel'čuk-Pertsov, 1987: *Mel'čuk I. A., Pertsov N. V.* Surface syntax of English. A formal model within the Meaning ↔ Text framework // *Linguistic and literary studies in Eastern Europe.* Amsterdam; Philadelphia, 1987. Vol. 13.

Nagao et al., 1985: *Nagao M., Tsujii Junichi, Nakamura Junichi.* The Japanese government project for machine translation // *Comput. Linguist.* 1985. Vol. 11, N 2/3. P. 91–110.

Slocum, 1985: *Slocum J.* A survey of machine translation: its history, current status, and future prospects // *Ibid.* 1985. Vol. 11, N 1. P. 1–17.

Vauquois, 1981: *Vauquois B.* L'informatique au service de la traduction // *META.* 1981. Vol. 26, N 1. P. 8–17.

Vauquois-Boitet, 1985: *Vauquois B., Boitet Ch.* Automated translation at Grenoble University // *Comput. Linguist.* 1985. Vol. 11, N 1. P. 28–36.

РУССКАЯ ДЛИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ: ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ФОРМАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ*

Предметом данной работы является синтаксическая конструкция типа *работать два дня, обедать целый час, болтать весь урок*, которая получила название длительной. Более точно, будет рассмотрено одно правило формальной модели синтаксиса, с помощью которого эта конструкция распознается в произвольном предложении русского языка. Это правило, как нам кажется, интересно само по себе. С другой стороны, оно ясно показывает, в чем формальная модель синтаксиса уступает человеку, понимающему тексты на естественном языке. Тем самым готовится почва и материал для постановки более общего вопроса о пределах формализации синтаксиса.

Изложение будет построено по следующему плану: 1) общие сведения о формальной модели русского синтаксиса, в рамках которой описывается длительная конструкция; 2) общие сведения о длительной конструкции русского языка; 3) правило синтаксического анализа длительной конструкции (в содержательном изложении); 4) выводы о пределах ее формализации.

1. Общие сведения о формальной модели русского синтаксиса

Модель, которую мы имеем в виду, была разработана группой авторов в составе Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского, Л. Л. Иомдина, А. В. Лазурского и В. З. Санникова в 1988 году на основе общелингвистической модели *Смысл \Leftrightarrow Текст*, предложенной в Мельчук, 1974. Помимо общей теории "*Смысл \Leftrightarrow Текст*" мы постарались учесть конкретные результаты в области собственно синтаксиса, полученные И. А. Мельчуком и его учениками на материале самых разных языков, прежде всего английского (Mel'čuk, Pertsov, 1987, с дальнейшей библиографией).

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Words are Physicians for an Ailing Mind" München, 1991.

По разным причинам наша модель синтаксиса разрабатывалась с ориентацией на задачи понимания текстов на естественном языке. Поэтому она настроена прежде всего на (пофразный) анализ текста, а не на его синтез, как в классической модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Именно в направлении анализа ее удобно изложить и для целей данной работы. Не будем заранее оговаривать других, менее существенных различий, вытекающих из того, что наша модель была практически реализована на компьютере в виде действующего синтаксического анализатора. Они будут становиться очевидными по мере изложения существа дела.

На вход синтаксического анализатора поступает морфологическая структура очередного предложения, на выходе получается его синтаксическая структура.

Под морфологической структурой предложения в данном тексте понимается последовательность формальных объектов (они разделены ниже знаком +), каждый из которых представляет множество лексико-грамматических омонимов данной словоформы предложения. Для предложения (1) морфологическая структура примет вид (1'):

(1) *Наш компьютер работал два дня (а потом сломался).*

(1') Наш {им, ед, муж / вин, ед, муж, неодуш} + {компьютер (им, ед / вин, ед) + работать {несов, прош, изъяв, ед, муж} + два {им, муж / им, сред / вин, муж, неодуш / вин, сред, неодуш} + день {ед род}}¹.

Под синтаксической структурой предложения понимается размеченное и расположенное (линейно упорядоченное) дерево зависимостей, в узлах которого стоят имена лексем с семантически содержательными словоизменительными характеристиками, а именованные стрелки соответствуют различным отношениям синтаксического подчинения, связывающим пары словоформ. Для предложения (1) синтаксическая структура примет вид (1''):

¹ Для простоты в морфологической структуре (1') отражена только грамматическая омонимия ряда словоформ, но не лексическая многозначность слов; в принципе в нашей формальной модели синтаксиса учитывается и эта последняя.

В ходе преобразования (1') \Rightarrow (1'') синтаксический анализатор использует лексикографические данные о словах, содержащиеся в комбинаторном словаре (см. ниже), и три блока правил: 1) правила предсинтаксического анализа, 2) правила собственно синтаксического анализа, 3) правила предпочтения. Каждое правило состоит из двух частей — перечня условий и перечня действий, которые надо выполнить, если условия соблюдены.

1) В правилах предсинтаксического анализа в качестве условий используется ближайший линейный контекст анализируемой словоформы — лексический, морфологический или синтаксический — и решается одна из следующих двух задач:

а) Разрешается лексико-грамматическая омонимия. Пусть, например, анализируется словоформа *формализуем*. Если на небольшом расстоянии слева от нее стоит слово *мы*, то она определяется как личная форма глагола *формализовать* (*мы формализуем*), а ее адъективный омоним — краткая форма прилагательного *формализуемый* — стирается. Если же на небольшом расстоянии слева стоит глагол в форме мужского рода единственного числа или существительное мужского рода единственного числа, то стирается личная форма глагола, а краткое прилагательное остается; ср. *Синтаксис оказался формализуем, Синтаксис формализуем до очень большой степени*.

б) Вырабатывается информация о возможном наличии во фразе нулевой связки — для случаев типа *Синтаксис вполне формализуем*, где информация о нулевой связке приписывается в виде специальной характеристики краткой форме прилагательного.

2) В правилах собственно синтаксического анализа в качестве условий используются три типа сведений:

а) Сведения, содержащиеся в морфологической структуре предложения, включая порядок слов и знаки препинания.

б) Сведения, содержащиеся в комбинаторном словаре, а именно: часть речи; синтаксические признаки типа одушевленности—неодушевленности существительных, стативности или моментальности глаголов и т. п. (всего около 300); семантические признаки типа 'действие', 'процесс', 'информация', 'время' и т. п. (в количестве нескольких десятков); модели управления, т. е. указания о морфологических, синтаксических и лексических свойствах слов, способных насыщать синтаксические валентности данного предикатного слова.

в) Сведения, которые могут быть выработаны другими синтаксическими правилами. Так, чтобы сформировать гипотезу о возможности комплетивной связи в цепочке слов *...пишет... писем*, необходимо удостовериться в одной из двух вещей: либо от *пишет* зависит отрицание (ср. *не пишет писем*); либо от существительного зависит «большое» числительное (ср. *пишет сразу пять писем*). Если нет ни поддерева *не пишет*, ни поддерева *пять писем*, комплетивная связь между *пишет* и *писем* невозможна.

Действие в каждом таком правиле ровно одно — связать две критические словоформы таким-то гипотетическим синтаксическим отношением.

На основе правил собственно синтаксического анализа формируется множество гипотетических связей между словоформами предложения. С помощью разного рода фильтров (древесность, проективность, неповторимость ряда отношений) множество допустимых гипотез оптимизируется, т. е. освобождается от ложных гипотез. Если в результате чисток получилось дерево зависимостей, работа синтаксического анализатора для данного предложения заканчивается. Если дерева не получилось, в работу включаются правила предпочтения.

3) Правила предпочтения, в отличие от правил собственно синтаксического анализа, являются вероятностными по своей природе. Из двух несовместимых между собой гипотез они выбирают ту, которая имеет больше шансов оказаться правильной в условиях данного предложения и языка. Для предложения

(2а) *Он заметно отличается от своих товарищей по классу мастерства* будет построена, в частности, гипотеза о том, что *по классу* подчиняется по 2-комплетивному отношению глаголу *отличаться* и по атрибутивному отношению — существительному *товарищей*. В таких случаях выбирается актантная (здесь — 2-комплетивная) связь, как более сильная, чем атрибутивная.

Вероятность 2-комплетивного отношения между *отличаться* и *по*, действительно больше, чем вероятность атрибутивного отношения между *товарищ* и *по*. Правильная комплетивная связь между *отличаться* и *по* возникает в очень многих случаях (*отличаться от кого-чего-л. по уму < по образованию, по характеру, по конструкции, по весу, по величине и т. п. >*), а правильная атрибутивная связь между *товарищ* и *по* — в немногих. В частности, в нашем примере она могла бы возникнуть, если бы в предложении не было последнего слова:

(2б) *Он заметно отличается от своих товарищей по классу* (с другим значением слова *класс*).

В этом случае использование сформулированного выше правила предпочтения приводит к ошибке.

Если дерева не получилось и после работы правил предпочтения, в действие вступает этап перебора альтернатив, имеющий чисто технический характер и поэтому здесь не комментируемый.

Важной характеристикой модели формального синтаксиса является количество используемых в нем отношений подчинения. В нашей модели их 52. Такое дифференцированное представление синтаксических конструкций естественного языка дает хороший контроль их смысла.

Класс конструкций, описываемых одним отношением, распадается на подклассы, каждый из которых распознается с помощью особого правила. В настоящее время в модели синтаксиса имеется около 400 правил синтаксического анализа.

2. Общие замечания о длительной конструкции

Исходной точкой наших дальнейших рассуждений послужит фраза (1), а точнее — словосочетание *работать два дня*, состоящее из глагола и именной группы в винительном падеже, обозначающей отрезок времени. Мы решили остановиться на этой конструкции потому, что время — фундаментальное понятие лингвистики, как, впрочем, и всего человеческого знания. Без понимания того, как время выражается в естественных языках, невозможно строить их формальные модели.

Временные конструкции, с которыми мы будем иметь дело, относятся к одному из двух основных типов концептуализации времени действия, принятых в естественном языке. Первый тип — действие целиком заполняет собой определенный временной отрезок (см. фразу (1)). Второй тип — время действия (или события) локализовано внутри временного отрезка, но не совпадает с ним; ср.

(3) *Вчера он читал свою первую лекцию в МГУ,*

где время действия «читал» локализовано внутри временного отрезка «вчера»².

Как легко видеть, выбранная нами конструкция относится к первому семантическому типу. В нашей модели синтаксиса она описывается специальным длительным отношением, которое при переходе к семантическому представлению предложения интерпретируется следующим образом:

Р $\xrightarrow{\text{длительн}}$ Т = 'Действие или процесс Р имеет место в течение времени, равного Т.'

Возникает вопрос, зачем нужно вводить специальное длительное отношение, которого до сих пор в русской грамматике не было, и почему нельзя обойтись традиционным обстоятельственным отношением.

Дело в том, что в русском языке имеются две синтаксически и семантически противопоставленные конструкции с временными словами, различие между которыми маркируется падежом. Ср.

(4) *Зиму он работал на стройке* (длительное),

(5) *Зимой он работал на стройке* (обстоятельственное).

В предложении (4) утверждается, скорее всего, что работа продолжалась в течение всей зимы (первый тип концептуализации времени действия). Поэтому, между прочим, можно сказать *Всю зиму он работал на стройке*. В предложении (5) говорится только, что его работа на стройке пришлась на зимнее время (второй тип концептуализация времени действия). Поэтому нельзя ска-

² Возможен еще один тип концептуализации времени действия в естественном языке — временной отрезок локализован внутри времени действия или процесса, как во фразе *Во вторник он все еще был на бюллетене*. Однако этот тип представляет для нас периферийный интерес и в дальнейшем не учитывается.

зять **Всей зимой он работал на стройке*, хотя другие определения здесь вполне возможны; ср. *Этой <прошлой> зимой он работал на стройке*³.

У длительного отношения есть еще одно отличие от обстоятельственного отношения, связанное с отрицанием. При глаголе с обстоятельственным временным зависимым отрицание ведет себя тривиально.

(6) *Он не работал зимой*

значит, что в зимнее время его работа не имела места. Поведение отрицания при глаголе с длительным зависимым интереснее. Рассмотрим предложение (7а):

(7а) *Компьютер не работал два дня.*

Как показано в Богуславский, 1985, оно имеет два значения в зависимости от области действия *не*. Если в область действия отрицания входит только глагол, то получается чисто отрицательное осмысление: компьютер бездействовал в течение двух дней. Если в область действия отрицания входит глагол вместе с длительным зависимым, то получается осмысление «компьютер работал меньше двух дней». Это осмысление является единственно возможным для отрицательных предложений с меной винительного падежа на родительный:

(7б) *Компьютер не работал двух дней.*

Итак, есть ряд оснований, по которым в русском синтаксисе следует постулировать особое длительное отношение. Перейдем к более систематическому анализу длительной конструкции.

3. Правило синтаксического анализа длительной конструкции.

Это правило удобно изложить в виде ответов на следующие три вопроса: 1) какие классы слов могут в принципе выступать в длительной конструкции в роли слуг (зависимых) и какие контекстуальные условия на них накладываются?; 2) какие классы глаголов могут (не могут) выступать в длительной конструкции в роли хозяев и какие контекстуальные условия на них налагаются?; 3) от каких близких синтаксических конструкций следует отделить длительную конструкцию?

Не ответив на эти вопросы, нельзя построить правила распознавания длительных конструкций в произвольном русском тексте.

При обсуждении указанных вопросов мы будем использовать, кроме материалов упоминавшейся модели и собственных материалов, еще богатые материалы, собранные и систематизированные в Всеволодова, 1983, а также некоторые наблюдения и соображения из Апресян, 1978.

³ Подробнее о критериях разграничения подчинительных отношений см. Мельчук, 1979: 99 и сл.

3.1. Семантические классы длительных зависимых и условия на них

Каноническими длительными зависимыми являются существительные, обозначающие отрезки времени: *секунда, минута, час, день, неделя* и т. п. Сюда же с небольшой натяжкой можно отнести названия дней недели, месяцев, времен года: *понедельник, вторник, январь, февраль, лето, осень* и т. п.; ср.

(8) *Весь понедельник он сидел дома.*

Отрезок времени, в течение которого продолжалось какое-то действие, процесс или состояние, может быть обозначен еще наречиями длительности типа *долго, недолго* и существительным *время* с зависимым словом:

(9) *Он долго <недолго> спал <спал некоторое время>.*

Конструкции типа (9) отличаются от канонических длительных конструкций только тем, что продолжительность действия указана неточно.

Следующий тип слов, способных выступать в роли длительных зависимых, — это существительные со значением действия, имеющего фиксированную или известную протяженность; ср. *война, обед, урок, действие* (в пьесе), *антракт, лекция* и т. п.

(10а) *Он болтал целый урок <оба действия, все три лекции>.*

(10б) *Он молчал весь обед.*

Наконец, в позиции длительного зависимого способно выступать слово *дорога*; ср.

(11) *Всю дорогу мокрые трубы хрипели старинный вальс.*

Интерпретация длительной конструкции в случаях (10) и (11) немного отличается от канонической, но для наших целей это различие несущественно.

Канонические длительные зависимые — временные слова со значением отрезка времени — формируют длительную конструкцию наиболее свободно, т. е. почти без каких-либо дополнительных условий на именную группу:

(12) *Он думал минуту <час, день, неделю,...>.*

При названиях дней недели, месяцев и сезонов необходимо, как правило, кванторное или указательное зависимое:

(13) *Весь январь <прошлый понедельник, это лето> я работал над докладом.*

Само слово *время* употребляется в этой конструкции с обязательным зависимым меры типа *долгое, недолгое, длительное, некоторое*:

(14) *Долгое <некоторое> время эти стихи ходили в списках.*

Существительные двух последних групп — слова типа *обед, лекция* и слово *дорога* — тоже нуждаются в зависимых, в роли которых при них выступают кванторные прилагательные *весь, целый* или числительные:

(15) *Он молчал <болтал> весь <целый> урок <всю дорогу, два урока>.*

Еще одно условие накладывается на падеж длительной именной группы. Если длительное зависимое имеет форму родительного падежа, наведенную отрицанием, как в

(16) *Он не читал двух часов,*

то, по одному общему правилу русской грамматики, при глаголе-хозяйине не должно быть дополнений. Если же они есть, то в состав группы длительного зависимого должна входить ограничительная частица *и, ни*; эти условия отражают тот факт, что (17а) — вполне правильное предложение, а (17б) — неправильное:

(17а) *Он не читал книгу и минуты,*

(17б) **Он не читал книгу минуты.*

Это, так сказать, те положительные условия, в которых временные слова и их аналоги способны формировать длительную конструкцию. Возникает вопрос, нет ли таких отрицательных факторов, в присутствии которых даже канонические временные слова утрачивают эту способность. Как всегда в языке, такие факторы обнаруживаются без всякого труда.

Во-первых, длительная конструкция разрушается в контексте кванторного прилагательного *каждый* и указательного прилагательного *сей*.

(18а) *Каждую минуту <каждые пять минут> на поле садился самолет,*

(18б) *Сию же минуту проси прощения.*

В предложениях типа (18) утверждается не то, что действие продолжалось в течение данного отрезка времени, а то, что некое событие произошло или должно произойти в какой-то момент, включенный в данный временной отрезок (второй семантический тип концептуализации времени действия в естественном языке). Здесь, следовательно, имеет место обычное обстоятельство времени, семантически не отличающееся от обстоятельство типа *летом, зимой*.

Во-вторых, длительная конструкция либо разрушается, либо приобретает существенно новое качество в случае, если временное слово входит в состав синтаксической фраземы вида *X за X-ом* (*минута за минутой — час за часом, день за днем, месяц за месяцем* и т.д.). Действительно, предложения типа

(19а) *Неделю за неделей пробиралась она по горным дорогам к родному селению,*

(19б) *День за днем они рыли траншею*

имеют не каноническое длительное значение ('весь временной отрезок занят данным действием'), а кратное-длительное значение типа 'на протяжении временного отрезка, состоящего из многих X-ов <минут, часов, дней и т.д.>, в каждый X имело место действие P'). Это значение близко, а может быть, и тождественно значению кратное-длительной конструкции, обсуждаемой ниже.

3.2. Семантические и грамматические свойства глаголов, допускающих длительные зависимые, и условия на них

Длительная конструкция естественна с глаголами, обозначающими действия, процессы и состояния (см. примеры выше).

Известен один большой семантический класс глаголов — так называемые моментальные глаголы, — с которыми длительная конструкция невозможна. В

русском языке к числу моментальных глаголов относятся, в частности, почти все глаголы физического перемещения с приставкой *при-*: *прибегать*, *приводить*, *привозить*, *приезжать*, *прилетать*, *приносить*, *присылать*, *приходить* и т. п. (подробнее о них см. Апресян, 1988). Они обозначают событие, которое невозможно представить как разворачивающееся во времени. Можно сказать (20а), но не (20б):

(20а) *Судно долго <целый час> подходило к порту,*

(20б) **Судно долго <целый час> приходило в порт.*

Глагол *подходить* обозначает постепенное приближение к конечной точке. Все моменты этого действия абсолютно равноправны, и в каждый из них имеет место действие, именем которого является данный глагол.

Глагол *приходить* выделяет в описываемом событии один-единственный момент — тот, в который конечная точка оказывается достигнутой. Все событие «приходить» сосредоточено именно в этом моменте. Никакие подготовительные фазы, ведущие к данному событию и разворачивающиеся в предшествующие моменты, глаголом *приходить* не могут быть названы. Именно поэтому *приходить*, равно как и другие моментальные глаголы, не допускает при себе длительных зависимых.

Есть лишь один фактор, который делает этот запрет недействительным — отрицательный контекст (см. Апресян, 1978). Вполне можно сказать

(21а) *Отец долго не приходил,*

(21б) *Вот семеро малолетних детей. Они голодны. Их мать ушла по своим делам и два дня не появляется* (Д. Примула).

Понятно, почему длительная конструкция в отрицательном контексте даже для моментального глагола оказывается допустимой. В данном случае она обозначает не длительность события, а отрезок времени, в течение которого событие не имело места.

Другим компонентом глагольной семантики, влияющим на допустимость длительного зависимого, является вид. Длительные зависимые обычны при глаголах несовершенного вида (см. примеры выше). Если глагол употреблен в форме совершенного вида и при этом не имеет семантической валентности на длительную именную группу (см. ниже глаголы пердуративного и некоторых других способов действия), то длительное зависимое при нем невозможно; ср.

(22а) **Он привязал собаку к дереву пять минут,*

(22б) *Он привязывал собаку к дереву пять минут.*

Единственная конструкция, в которой глагол в форме совершенного вида допускает длительное зависимое, — пассивная; но тогда глагол должен обозначать не действие, а состояние, что обеспечивается отсутствием у него агентивного зависимого:

(23а) *Собака уже пять минут привязана к дереву.*

Наличие агентивного зависимого у пассивного причастия совершенного вида сразу превращает его из имени состояния в имя законченного действия, идея которого приходит в противоречие с идеей длительности:

(236) *Собака уже пять минут привязана хозяином к дереву.

3.3. Конструкции, близкие к длительной

Сначала мы рассмотрим конструкции, близкие к длительной со стороны, так сказать, именной группы, а затем — конструкции, близкие к длительной со стороны глагола. Мы уже упоминали конструкцию (5), в которой ряд слов со значением отрезка времени употребляется в творительном падеже. Мы отнесли ее к разряду обстоятельственных, потому что и синтаксически, и семантически она существенно отличается от классической длительной конструкции.

Продолжим этот ряд и рассмотрим конструкцию с именной группой, содержащей временное слово в форме творительного падежа множественного числа.

(24) Он часами <целыми днями, неделями, годами> работал над любимейшей ему ролью.

Конструкция (24) отличается от классической длительной конструкции тем, что хотя действие представлено как заполняющее весь временной отрезок, оно не мыслится как непрерывное. Это обстоятельство отмечено в Всеволодова, 1983. На этом основании конструкция (24) в нашем синтаксисе описывается как кратно-длительная, т. е. с помощью другого синтаксического отношения. Кратно-длительная конструкция отличается от собственно длительной еще и тем, что содержит оценку времени действия: время действия оценивается как очень долгое. Поэтому временная группа в данном случае всегда рематична⁴.

Обратим внимание на неоднозначность, свойственную некоторым предложениям с временной группой в творительном падеже множественного числа. Предложение

(25) Он сидел над диссертацией ночами

допускает, в отличие от (24), два осмысления. Первое совпадает с только что рассмотренным, т. е. соответствует кратно-длительной конструкции. Оно проясняется перифразой *Он сидел над диссертацией целыми ночами*. Во втором смысле *ночами* выполняет роль обычного обстоятельства времени типа *летом, в понедельник* и т. п. Этот смысл проясняется перифразой *по ночам* или выносом *ночами* в начало предложения. Коммуникативная функция такого обстоятельства-детерминанта обычно тематическая⁵.

⁴ В этом отношении она похожа на другие обстоятельственные и копредикативные конструкции с количественной именной группой в творительном падеже множественного числа; ср. конструкцию типа *Они ели черную икру столовыми ложками <пили шампанское ведрами>*, формируемую существительными со значением совокупности, сосуда, контейнера и т. п. Здесь именная группа со значением большого или чрезмерного количества тоже рематична.

⁵ Аналогичный тип неоднозначности свойствен и некоторым предложениям с количественной группой в творительном падеже; ср. *Они ели черную икру столовыми ложками* ('большое количество', рема или 'способ', не обязательно рема).

Указанное различие не может быть схвачено средствами нашего формального языка; для этого надо было бы знать коммуникативные намерения говорящего. Впрочем, таких случаев не слишком много. Этот тип неоднозначности разыгрывается на немногих временных словах типа *вечер*, *ночь* и, может быть, на названиях времен года.

Перейдем к временным конструкциям, которые сближаются с длительной со стороны глагола.

До сих пор мы рассматривали невалентные длительные зависимые. Действительно, ничто в семантике глагола типа *работать* не требует в обязательном порядке указания количества времени, в течение которого продолжалось действие. Однако существуют и такие глаголы, при которых именная группа в винительном падеже, содержащая слово со значением отрезка времени или аналог такого слова, может быть валентной, т. е. предсказываться лексическим значением глагола; ср. *Собрание длилось два часа*. Мы рассмотрим три основные группы таких глаголов: а) глаголы пердуративного и делимитативного способов действия; б) глаголы финитивного и завершительного способов действия; в) глаголы типа *провести*.

(26а) Он проработал <пробежал, проболтал> два часа (пердуративный способ действия),

(26б) Он поработал <побежал, поболтал> два часа (делимитативный способ действия);

(27а) Он отвоевал войну <отслужил год в армии, отсидел свой срок, отработал два дня> (финитивный способ действия),

(27б) Он доработал две недели <доспал законные две минуты, догулял свой отпуск> (завершительный способ действия);

(28а) Он провел два месяца <свой отпуск> в деревне,

(28б) Человека арестовывают, годы он проводит за колючей проволокой, а потом выясняется, что человек этот ни в чем не виноват — произошла ошибка («Литературная газета». 1988. N 17).

В упоминавшейся работе М. В. Всеволодовой указаны еще некоторые менее систематические группы глаголов, способные как будто иметь дополнения интересующего нас типа, например *вздремнуть* <*соснуть*> *часок*, *не мог усидеть на месте больше минуты*. Однако при них употребление временных зависимых подчиняется настолько жестким ограничениям, что в них можно усматривать какие-то новые единицы, например фраземы. Заметим, в частности, что в приведенных выше примерах слово *часок* нельзя заменить словом *час*: *Он вздремнул* <*соснул*> *час*. Поэтому в дальнейшем мы сосредоточимся только на трех проиллюстрированных примерами (26)–(28) группах глаголов.

Они отличаются от глаголов с неактантными длительными зависимыми по следующим трем признакам: а) виду глагола; б) способности иметь длительное зависимое-наречие (*долго*, *недолго*); в) способности пассивизироваться.

Конструкция (26) отличается от канонической длительной конструкции, кроме актантности, только видом. Именная группа может заменяться наречия-

ми типа *долго, недолго* (ср. *В крепости гость также пробыл очень недолго* — М. Булгаков) и практически не допускает пассивизации; ср. неправильность (29) **Им были проработаны <поработаны> два часа.*

Ее, следовательно, можно объединять с собственно длительной конструкцией, но можно и выделять в самостоятельную конструкцию. Формальным основанием для этого могло бы быть то, что здесь временные зависимые выполняют роль актанта при глаголе совершенного вида, что в собственно длительной конструкции невозможно.

Конструкция (27) стоит на полпути между собственно длительной конструкцией и конструкцией с нормальным прямым дополнением: она уже не допускает замены именной группы наречиями *долго, недолго* и еще не допускает пассивизации:

(30а) **Он отвоевал <отслужил, отсидел> долго,*

(30б) **Год был отвоеван <отслужен, отсижен> им на Крайнем Севере.*

Конструкция (28) — это конструкция, наиболее далеко отстоящая от классической длительной конструкции. Именная группа со значением отрезка времени выступает при глаголах типа *провести* в функции прямого дополнения объекта. Она не допускает замены наречиями *долго, недолго* и — единственная среди всех прочих конструкций — довольно легко допускает пассивизацию:

(31а) **Он провел в деревне долго,*

(31б) *Два дня было проведено нами впустую.*

Еще одна конструкция, соприкасающаяся с длительной со стороны глагола, может быть проиллюстрирована фразами типа

(32) *Судно два года исправно <регулярно, неизменно> приходило в порт назначения, а потом с ним что-то случилось.*

Такие предложения правильны, но не относительно собственно длительного значения, которого у них не может быть в силу моментальности глагола (см. выше), а относительно кратного-длительного значения: 'событие «судно пришло в порт» имело место много раз на протяжении отрезка времени, равного двум годам'.

Для того чтобы осмыслить предложение с длительным зависимым при моментальном глаголе в кратном-длительном значении, необходимо уметь соотносить нормальное время произвольной ситуации, изменяющееся в зависимости от ее масштаба, с масштабом произвольного отрезка времени. Ср. падение правильности от (33а) к (33г), связанное с тем, что событие «приход судна в порт» может мыслиться как многократно повторяющееся на протяжении временного отрезка «два года», но не на протяжении существенно меньших временных отрезков:

(33а) *Судно приходило в порт два года,*

(33б) ?*Судно приходило в порт месяц,*

(33в) ?? *Судно приходило в порт два дня,*

(33г) **Судно приходило в порт два часа.*

Человек легко квалифицирует предложение (33а) как грамматически правильное, а предложение (33г) — как грамматически неправильное. Формальная модель с этим справиться не в состоянии.

4. Выводы о пределах формализации длительной конструкции

Легко видеть, что почти все описанные выше условия распознавания длительной конструкции и других близких к ней временных конструкций могут быть без труда формализованы. Для этого достаточно сделать следующее: 1) приписать лексемам в словаре синтаксические (или семантические) признаки типа 'время', 'единица измерения' (*секунда, минута, час, день, неделя* и т.д.), 'месяц' (*январь, февраль* и т.д.), 'длительность' (*долго, недолго, урок, лекция, обед*), 'действие' (*урок, лекция, обед, строительство, работа,...*), 'моментальность' (*приходит, прилетать,...*), 'пердуративность' (*пролежать, пробыть,...*), 'делIMITативность' (*полежать, побыть,...*) и ряд других; 2) приписать лексемам в словаре модели управления; 3) допустить введение в синтаксические правила не только грамматической информации (вид, залог число и т. п.), но и информации лексической (*весь, каждый, сей, и, за, дорога* и т. п.). На этом пути можно формально описать почти все тонкости длительной конструкции и все ее синтаксические и — что гораздо важнее — семантические отличия от родственных ей конструкций.

Лишь в двух случаях нам не удалось построить формального аналога языковой компетенции носителей языка.

Предложение типа *Он сидел над диссертацией ночами* понимается человеком по-разному ('по ночам' и 'целыми ночами') в зависимости от того, какие коммуникативные намерения он приписывает говорящему. Эти коммуникативные намерения могут быть ему известны, например, потому, что он хорошо знает своего собеседника, его темперамент, его манеру говорить и т. п. В модели нет средств разрешить эту неоднозначность, потому что ей недоступны коммуникативные намерения говорящего, а никаких внешних признаков для предпочтения того или другого из двух возможных осмыслений не существует. Подчеркнем, в частности, что этого нельзя было бы сделать, даже если бы в модели синтаксиса можно было учитывать просодическую информацию. При любом интонировании рассматриваемого предложения неоднозначность сохраняется.

Предложение *Судно два года приходило в порт* может быть осмыслено человеком как правильное относительно кратного-длительного значения, потому что он знает устройство внешнего мира и может соотносить временной масштаб события «приход судна в порт» с временным масштабом отрезка «два года». В модели синтаксиса принципиально невозможно заложить все такие соотношения, т. е. все пары 'событие' — 'отрезок времени', и поэтому она всегда будет

квалифицировать предложения типа *Судно два года приходило в порт* как неправильные (т. е. не сможет строить для них синтаксическую структуру).

Если согласиться с тем, что понимание синтаксической структуры некоторых предложений зависит от знания коммуникативных намерений говорящего или от знания устройства мира, придется признать, что оба эти фактора ставят предел формализации, потому что остаются и не могут не оставаться вне досягаемости чисто синтаксической модели. И все же это обстоятельство вызывает меньшее удивление, чем то, какой большой объем информации выражается в тексте чисто языковыми средствами — формами слов, их порядком, их синтаксическими и семантическими свойствами, отдельными лексемами — и, следовательно, может быть до конца формализован. Удивительно, сколь большое число интересных и тонких синтаксических явлений удается сделать предметом точных лингвистических вычислений⁶.

Литература

Апресян, 1978: Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Tekst, Język. Poetyka. Wrocław etc., 1978. С. 129–152.

Апресян, 1988: Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988. С. 57–78.

Богуславский, 1985: Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.

Всеволодова, 1983: Всеволодова М. В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации. М., 1983.

Мельчук, 1974: Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.

Mel'čuk, Pertsov, 1987: Mel'čuk I. A., Pertsov N. V. Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning \Leftrightarrow Text Framework. Amsterdam; Philadelphia, 1987.

Mel'čuk, 1979: Mel'čuk, Igor A. Studies in Dependency Syntax. Ann Arbor, 1979.

⁶ Рукопись этой статьи была прочитана И. А. Мельчуком, которому автор выражает признательность за ценные критические замечания.

ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛИЯ И ЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ*

1. Предварительные замечания

1.1. Тема, указанная в названии этой статьи, возникла при работе над глагольным управлением в русском языке. Анализ одного совершенно частного, но весьма любопытного случая несоподчинимости управляемых форм при глаголе *узнать*–*узнавать* привел к постановке более общего вопроса о поведении этих форм в других условиях их употребления. Оно оказалось поразительно последовательным — настолько, что на основании семантических соображений можно было предсказывать, в каких условиях данная управляемая форма будет давать правильное в языковом отношении предложение, а в каких — аномальное.

Исследование аномальных предложений с *узнать*–*узнавать* и других подобных показало, что все они логически противоречивы. Здесь возник еще более общий вопрос о том, в каких именно случаях логическое противоречие порождает языковую аномалию, ибо совершенно очевидно, что далеко не всякое логическое противоречие избегается языком. Ответ на этот вопрос и составляет содержание данной работы.

Работа строится по принципу восхождения от частных вопросов ко все более общим, т. е. является фотографией того пути, который реально проделал автор. Автор надеется, что этот наглядный способ организации материала будет оптимальным для читателя-лингвиста.

1.2. В работе используются следующие формальные понятия: представление предложения, логическое противоречие, модель управления.

1.2.1. Понятие представления предложения заимствовано из разработанной И. А. Мельчуком теоретической модели языка «Смысл \Leftrightarrow Текст»¹. Эта модель

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Tekst. Język. Poetyka." Wrocław. Kraków, Gdańk, 1978.

мыслится как действующий многоуровневый преобразователь смысловой информации в тексты на естественном языке. На каждом из выделяемых в модели уровней предложение естественного языка (при движении от текста к смыслу) или подлежащий выражению смысл (при обратном движении — от смысла к тексту) получает определенное формальное представление: семантическое (СемП), глубинно-синтаксическое (ГСП), поверхностно-синтаксическое (ПСП) и т.д.

Самым глубоким языковым уровнем представления предложений является семантический уровень, на котором классу синонимичных предложений естественного языка соответствует один СемП. СемП — это связный ориентированный граф, узлы которого помечены именами смыслов, а нумерованные стрелки соединяют смыслы-предикаты с их первыми, вторыми и т.д. аргументами; СемП несет также информацию об актуальном членении предложения, логическом акценте, эмфазе, членении на пресуппозицию и утверждение и ряд других сведений.

Необходимо подчеркнуть, что в СемПе, в отличие от предложения естественного языка и от его представлений на любых других уровнях, вся собственно семантическая информация сосредоточена исключительно в узлах, т. е. выражается только словами семантического языка. Стрелки несут информацию о синтаксической (так сказать "молекулярной") организации смыслов, но сами по себе абсолютно асемантичны, т. е. не выражают никаких смысловых различий.

ГСП включает в качестве основного компонента дерево зависимостей, узлы которого соответствуют основам полнозначных слов естественного языка с некоторыми грамматическими характеристиками, фиктивным словам (например, *энтузиазмировать), глубинно-синтаксическим словам, отражающим некоторые поверхностно-синтаксические отношения, и символам универсальных лексических функций, а нумерованные стрелки — одному из девяти универсальных отношений подчинения.

Основным компонентом ПСП тоже является дерево зависимостей, но несколько другого рода: узлы ПСП — основы со всеми нужными грамматическими характеристиками — отражают все словоформы реального предложения и только такие словоформы, а именованные стрелки соответствуют одному из нескольких десятков специфичных для данного языка отношений подчинения.

В отличие от СемПа смысловая информация в ГСП и ПСП выражается не только лексически (отдельными словами), но и грамматически — в виде наборов грамматических характеристик при основах и с помощью некоторых отношений подчинения.

Помимо трех названных выше уровней в модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" выделяются еще глубинно-морфологический, поверхностно-морфологический, фо-

¹ Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.

нологический и фонетический (орфографический) уровни, представляющие для нас меньший интерес и поэтому здесь не рассматриваемые.

1.2.2. Если смысл предложения естественного языка записан на формальном языке семантических графов, то логическое противоречие в общем виде отражается в СемПе в виде подграфа, в котором некоему объекту А в одно и то же время Т и в одном и том же месте М приписывается два взаимоисключающих друг друга предиката — 'Р' и 'не Р²'.

1.2.3. Последним формальным понятием, которое используется в данной работе, является понятие модели управления³.

Модель управления описывает валентные свойства предикатных слов естественного языка.

Каждое предикатное слово описывает ситуацию с определенным числом участников, обозначаемых переменными в СемПе этого слова. Переменные соответствуют аргументам данного предиката.

Модель управления является сложным правилом, задающим два рода соответствий. Во-первых, она соотносит "семантические" переменные и глубинно-синтаксические места (валентности) данного предикатного слова. Во-вторых, она указывает морфологические (в частности, предложно-падежные) формы реализации глубинно-синтаксических мест.

В общем виде модель управления имеет вид таблицы, разделенной на несколько столбцов, обычно соответствующих глубинно-синтаксическим валентностям данного слова. В каждом столбце указано, какой семантической переменной соответствует данное глубинно-синтаксическое место и какими морфологическими средствами она выражается (см. ниже). Кроме того, в модели управления содержатся сведения о поверхностно-синтаксической соподчинимости-несоподчинимости, отделимости-неотделимости, факультативности-обязательности разных валентностей или форм их выражения.

В дальнейшем нам понадобится только понятие соподчинимости-несоподчинимости валентностей. Под соподчинимостью <несоподчинимостью> понимается возможность <соответственно — невозможность> одновременной реализации двух (или более) валентностей в правильном ПСП (или, для простоты, в правильном предложении естественного языка).

1.3. Рассмотрев используемые нами теоретические понятия, мы в заключение этого раздела коротко охарактеризуем наше понимание языковой неправильности, или языковой аномалии.

² Идентичность места — необходимое условие противоречия: суждения типа *Вчера в час дня Иван читал лекцию в Москве* и *Вчера в час дня Иван не читал лекции в Лондоне* непротиворечивы.

³ См. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе.: Проблемы кибернетики. Вып. 19. 1967. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Суждения о правильности–сомнительности–неправильности в основном тексте данной работы относятся только к реальным предложениям естественного языка и опираются непосредственно на языковую интуицию говорящих. Все такие оценки, за исключением специально оговариваемых случаев, имеют в виду простейшие условия употребления предложений в семантически нейтральном контексте с максимальным соответствием грамматического (группы подлежащего и сказуемого) и функционального (тема и рема) членений, без логических акцентов, эмфаз, противопоставления, уступительности и тому подобных факторов. Наличие таких факторов оказывает сильное влияние на правильность предложения (в сторону большей правильности) и должно учитываться особыми правилами.

Неправильность может быть относительной и абсолютной. Примером первой может служить предложение *Преступники угнали несколько государственных и собственных машин*. Оно неправильно относительно смысла 'Преступники угнали несколько машин, принадлежащих государству, и несколько машин, принадлежащих частным лицам' (этот смысл следовало бы выразить предложением *Преступники угнали несколько государственных и частных машин*), но правильно относительно менее вероятного смысла: 'Преступники угнали несколько машин, принадлежащих государству, и несколько машин, принадлежащих им самим'. Примером абсолютной неправильности может служить предложение **Он оказал на меня сильное впечатление*: каков бы ни был смысл, по-русски он не может быть выражен таким образом.

Все языковые аномалии объясняются либо неправильным выбором грамматических или словарных единиц (по крайней мере одна из выбранных единиц не выражает нужного смысла), либо тем, что языковые единицы неправильно скомбинированы (хотя каждая из них в отдельности и может иметь нужный смысл), либо, наконец, тем и другим вместе. В первом случае возникает относительно неправильное предложение, во втором и третьем — абсолютно неправильное. В дальнейшем мы будем иметь дело с аномалиями всех трех типов, не оговаривая специально, о какого рода аномалии идет речь в том или ином конкретном случае.

Хотя, как мы сказали, основным для нас является понятие правильности–неправильности реального предложения, для полноты полезно сказать несколько слов о применимости этого понятия к объектам других уровней, в частности к ПСП, ГСП и СемПу.

Правильность–неправильность объекта соответствующего уровня может оцениваться либо сама по себе, либо относительно объекта какого-то другого уровня. ПСП, например, абсолютно неправильно, если в нем нарушены правила сочетаемости синтаксических отношений (скажем, предикативное отношение связывает вершину А не только с узлом В, но и с узлом С, что нарушает правило принципиальной неповторимости этого отношения). С другой стороны, ПСП может быть неправильным относительно данного линейного глубинно-морфологического представления (например, быть непроективным).

Те же рассуждения в принципе верны и для ГСП. ГСП предложения **Иван всегда не ездит на такси* абсолютно неправильно, потому что в нем нарушен некий сочетаемостный запрет, состоящий в самом первом приближении в том, что общекванторное слово (*везде, все, всегда, всякий*) не сочетается с *не*, если оба эти слова зависят, непосредственно или опосредствованно, от одного и того же предикатного слова⁴. Правильным способом выражения данной мысли в русском языке является фраза *Иван никогда не ездит на такси*. С другой стороны, ГСП может быть неправильным относительно ПСП, если в нем не отражено лексически (в виде отдельного узла) такое поверхностно-синтаксическое отношение, которое семантически содержательно (см. сноску 7), и относительно СемПа, если оно выражает не тот смысл.

На семантическом уровне понятие относительной неправильности сохраняется, а понятие абсолютной неправильности требует корректировки.

Выше мы видели, что абсолютная неправильности возникает всегда в результате нарушения сочетаемостного правила — синтаксического (ср. повторение в ПСП принципиально неповторимого синтаксического отношения) или словарного (ср. **оказывать впечатление, *всегда не*).

На семантическом уровне принципиально возможен лишь первый — синтаксический — тип абсолютной неправильности (примером мог бы служить СемП, в котором не заполнено обязательное место предиката, нарушен прин-

⁴ В действительности запрет носит гораздо более сложный характер, особенно если учесть факторы (см. раздел 4.3), от которых мы в этой работе решили отвлечься. Фразы типа *Всегда он не просыпается во время* (с логическим ударением на общекванторном слове) допустимы в большей мере, чем фразы типа *Он всегда не просыпается во время* (без логических ударений). В противопоставительном контексте комбинация *всегда не* представляется более допустимой, чем в нейтральном контексте; ср. *Иван всегда не спит, когда другие давно спят*. Некоторые другие тонкости, связанные с употреблением слов этого типа в контексте частицы *не*, обсуждаются в следующих работах: Seuren P. A. M., *Negative's Travels*, в: *Semantic Syntax*, Edited by Pieter A.V.Seuren, Oxford, 1974. С. 197; Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974, С. 108–109. Выскажем одно несогласие. Е. В. Падучева считает, что *всегда* преобразуется в *никогда* "в контексте грамматического отрицания" и говорит о "замещаемости слова *всегда* словом *никогда*" (С. 108), называя их "контекстными синонимами". Это представляется нам неточностью: *не при всегда* и *при никогда* выполняет совершенно разные роли — смысловую в первом случае и чисто грамматическую (своего рода согласовательную) во втором. Отрицание не может поэтому рассматриваться как один и тот же элемент контекста. *Всегда* и *никогда* — не синонимы, а антонимы. Отношение синонимии имеет место только между "словосочетанием" *всегда не* (со смысловым *не!*) и словом *никогда* (см. об этом Апресян Ю. Д. Цит. соч., С. 296, 331). В связи со сказанным в формальной модели лучше иметь не одну трансформацию (*всегда* ⇔ *никогда* в "контексте грамматического отрицания"), а две разных: 'всегда не' ⇔ *никогда* (на этапе СемП ⇔ ГСП) и *никогда* ⇔ *никогда не* (на этапе ГСП ⇔ ПСП).

цип членения на тему и рему, неправильно построены пресуппозиционная и ассертивная части). Что касается понятия абсолютной словарной неправильности СемПа, то оно, по-видимому, лишено содержания: на семантическом уровне любые смыслы (слова семантического языка) могут сочетаться друг с другом. Заметим, в частности, что хотя русские слова *всегда* и *не* при определенных условиях не сочетаются друг с другом, т. е. дают неправильное ГСП, семантические слова (смыслы) 'всегда' и 'не' в соответствующем СемПе идеально сочетаемы. Об этом свидетельствуют безупречные в языковом отношении фразы типа *Петр всегда отсутствует: отсутствует* = 'не присутствовать' и, следовательно, *Петр всегда отсутствует* = 'Петр всегда не присутствует'.

Более того: семантически правильными должны быть признаны и СемПы, содержащие семантически несогласованные сочетания смыслов (см. ниже). Противоречивость, абсурдность, бессмысленность или иной тип семантической несогласованности СемПа может быть установлен только в результате обращения к законам логики или действительности.

Таким образом, на семантическом уровне мы различаем понятия правильности и согласованности: СемП, рассматриваемый безотносительно к другим объектам, может быть (синтаксически) правилен, даже и не будучи семантически согласованным.

2. Наблюдения

2.1. *X узнал Y < об Y-e >* в значении 'X начал знать Y <об Y-e>, приобретая контакт с источником информации Z' имеет трехактантную модель управления с валентностями субъекта знания, содержания знания и источника информации; при этом вторая и третья валентности, в отличие от первой, выражаются несколькими морфологически существенно различными способами:

1 = X	2 = Y	3 = Z
S _{ин}	1. S _{вин} 2. о S _{пр} 3. что ПРЕДЛ 4. Conj _{rel} ПРЕДЛ 5. ПРЕДЛ _{вопр}	1. из S _{род} 2. от S _{род} 3. у S _{род} 4. в S _{пр}

Примеры реализации второй валентности: D_{2,1}: *узнать новости <факты, все детали, тайну, историю его падения>*; D_{2,2}: *узнать о приезде делегации <о том, что придет делегация, о назначении преемника, о новых постановках>*; D_{2,3}: *узнал, что поезд пойдет не скоро <что брат придет завтра>*; D_{2,4}: *узнал, когда тронется поезд <где стоянка такси, что идет в кино, сколько будет*

длиться сеанс>; D_{2.5}: *узнай, будет ли рейс на Севастополь <состоится ли премьеры, был ли он вчера на концерте>*⁵.

Примеры реализации третьей валентности: D_{3.1}: *узнать (что-л.) из письма <из газет, из книг, из надежных источников>*; D_{3.2}: *узнать (что-л.) от случайного знакомого <от друзей, от секретарши директора>*; D_{3.3}: *узнай все у диспетчера <у начальника вокзала, у отца>*; D_{3.4}: *узнать (все) в дирекции <в конторе, в справочном бюро>*. Форма из S_{род} сближается (хотя и не совпадает) по смыслу с формой от S_{пр}, а форма в S_{род} — с формой у S_{род}; поэтому в дальнейшем, в целях сокращения места, мы будем оперировать только двумя формами со значением источника информации — от S_{род} и у S_{род}, причем в обоих случаях S будет обозначать только человека.

Может возникнуть мысль, что формам от S_{род} и у S_{род} соответствуют разные значения глагола *узнать-узнавать*. Об этом свидетельствует как будто материал толковых словарей (БАС, МАС), которые склонны усматривать у *узнать* если не отдельные значения, то, во всяком случае, разные "оттенки" одного значения: (а) 'получать сведения о ком-чем-л.', 'быть, оказываться осведомленным относительно кого-чего-л.' во фразах типа *Я спешил к тебе, узнав о твоём несчастье; От портнихи она ехала к какой-нибудь знакомой актрисе, чтобы узнать театральные новости; Место мне понравилось, и я захотел узнать, как оно называется*; (б) 'осведомляться, справляться о ком-чем-л.' во фразах типа *Он два раза приходил узнать о здоровье больного; Главкомандующий беспрестанно присылал адъютантов узнавать о положении графа; Я решил сегодня к вам заехать, поздравить, узнать, как вы тут живете*. Если согласиться с таким разграничением (хотя кажется, что примеры группы (а) могут быть интерпретированы в смысле (б) и наоборот), то это тоже не повлияет на дальнейшие рассуждения.

2.2. Достойны внимания следующие факты соподчинности-несоподчинности рассмотренных в 2.1 форм. Форма у S_{род} соподчинима со всеми пятью способами выражения второй валентности: *Интересующие вас детали <об этом> вы можете узнать у вашего начальника, Мой попутчик узнал у проводника, что поезд пойдет через десять минут, Он пошел узнать у диспетчера, когда вылетает самолет Москва — Мурманск <будет ли рейс на Свердловск>*. Форма от S_{род} хорошо соподчинима лишь с первыми тремя способами выражения второй валентности: *Он узнал от своих знакомых несколько интересных историй <о своем новом назначении>, Мой попутчик узнал от проводника, что поезд пойдет через десять минут*. Сочетания типа *Он узнал от диспетчера, когда вылетает самолет Москва — Мурманск*, явно затруднены, а сочетания

⁵ Примеры типа *Я узнал о нем, что он уехал*, если считать их правильными, делают необходимым расщепление второй валентности на две другие: темы знания (*о нем*) и содержания знания (*что он уехал*). Такое решение никак не влияет на дальнейший ход рассуждений.

типа **Он узнал от диспетчера, будет ли рейс на Свердловск*, видимо, невозможны совсем.

Возникает вопрос, являются ли эти запреты чисто сочетаемостными и словарными или они семантически мотивированы и объясняются каким-то более общим законом семантического согласования. Мы полагаем, что верно последнее, и постараемся подтвердить справедливость этого заключения более детальным исследованием значения и условий употребления форм *от S_{род}* и *у S_{род}*.

2.3. Эти формы обозначают лицо, человека, от которого поступает информация, и на первый взгляд кажутся синонимичными. В действительности они квазисинонимичны. Форма *у S_{род}* указывает на то, что инициатором действия, заинтересованным в информации и активно ищущим ее, является первый участник ситуации, т. е. субъект *узнать*, ср. *Он не сомневался, что узнает у нее об этом* (не сомневался, что сумеет получить нужную информацию). Форма *от S_{род}* указывает на то, что инициатором информационного обмена является не первый, а третий участник ситуации, т. е. источник информации, ср. *Он не сомневался, что узнает от нее об этом* (не сомневался, что она сама все скажет).

По-видимому, между *от S_{род}* и *у S_{род}* есть и другие различия, в частности различия в логическом акценте (или, может быть, в актуальном членении). Например, во фразе *Он узнал от секретаря об увольнении Петра* подчеркивается, при прочих равных условиях, то обстоятельство, что он впервые узнал о самом факте увольнения Петра. Во фразе *Он узнал у секретаря об увольнении Петра* (если признать ее вполне правильной) факт увольнения Петра предполагается уже известным, а в качестве неизвестных представлены какие-то касающиеся увольнения детали.

В дальнейшем мы сосредоточимся лишь на первом из отмеченных здесь различий. Рассмотрим прежде всего три группы фактов семантического согласования, в которых оно отчетливо проявляется и которые достаточно интересны и сами по себе.

2.3.1. Начнем с фактов, касающихся употребления форм *от S_{род}* и *у S_{род}* при глаголе *узнать* в разных синтаксических, лексических и семантических условиях его использования (напомним, что рассматриваются лишь семантически нейтральные предложения, в частности предложения без логических ударений).

а) Если *узнать* зависит от модальных глаголов, в значение которых входит смысл 'цель', то он управляет формой *у S_{род}*, скорее чем *от S_{род}*: *Решил <намерен, спешил> узнать у вас... <плохо от вас >, Позвольте узнать у вас... <не *от вас >, приказываю <разрешаю> вам узнать у него... <плохо от него>*. Каждый из этих глаголов и форма *у S_{род}* хотя и не связанные непосредственной синтаксической зависимостью, семантически согласованы: оба предполагают, что субъект узнавания, имеющий определенную цель, выступает инициатором соответствующих действий.

б) Если *узнать* зависит от модального глагола *мочь*, то форма *у S_{род}* совместима и с пермиссивным (прагматическим), и с вероятностным (эпистемическим) значением этого глагола, а форма *от S_{род}* — только с вероятностным: *Вы можете узнать об этом у своего непосредственного начальника* (оба значения) — *Он мог узнать об этом от кого угодно* (только вероятностное значение). Как нетрудно понять, пермиссивное значение (как и рассмотренный в пункте а) глагол *разрешать*) предполагает активного субъекта узнавания.

в) Если от глагола *узнать* зависит обстоятельство цели, то он управляет формой *у S_{род}*, а не *от S_{род}*: *Он узнал у меня время отправления поезда, чтобы не опоздать на вокзал*, но не **Он узнал от меня время отправления поезда, чтобы не опоздать на вокзал*. Этот запрет, как было сказано, связан в конечном счете с тем, что цель предполагает активного субъекта.

г) В актуально-длительном несовершенном естественной употребить форму *у S_{род}*, чем *от S_{род}*: *В этот момент я узнавал у милиционера дорогу на Углич* (плохо) ?*В этот момент я узнавал от милиционера дорогу на Углич*). Объясняется это тем, что актуально-длительное, в отличие от других видо-временных форм глагола, чаще выражает значение целенаправленности или намеренности; ср. *Он разбивает окно* (намеренно) VS. *Он разбил окно* (может быть, случайно)⁶.

д) В императиве *узнать* управляет формой *у S_{род}*, скорее чем *от S_{род}*: *узнай у него* <плохо ?*от него* > *новости*. Императив, как и рассмотренный выше глагол *приказывать*, имеет приблизительно следующий смысл: 'говорящий хочет, чтобы адресат делал Р, и пытается каузировать адресата делать Р'. Ясно, что адресат приказа, в нашем случае — субъект узнавания, предполагается активным.

2.3.2. Перейдем к фактам, касающимся употребления форм *от S_{род}* и *у S_{род}* в том же самом значении источника информации при других глаголах. Рассмотрим две группы глаголов, первая из которых имеет значение действия, а вторая — значение состояния.

⁶ Ср. наблюдения Дж. Лакова над использованием формы продолженного вида (Continuous) в английском языке; см. *Lakoff G. Instrumental Adverbs and the Concept of Deep Structure // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. 1968. Vol.4. N.1*. Несколько более точно ситуация может быть описана следующим образом: по признаку намеренности-ненамеренности в естественном языке обычно выделяются три группы глаголов: а) глаголы, в толкование которых входит смысл 'намеренно', 'с целью' (*поощрить, наказать, обдумать*); б) глаголы, в толкование которых входит смысл 'ненамеренно', 'случайно' (*подвернуться кому-л., повезти кому-л., дернуть — Дернуло его соваться со своими предложениями*); в) глаголы, в толкование которых не входит ни смысл 'намеренно', ни смысл 'ненамеренно' (*разбить, узнать, упасть, прострелить*). В последнем случае, при прочих равных условиях, в совершенном виде одинаково вероятны и намеренное, и ненамеренное осмысления, а в несовершенном виде (актуально-длительном) более вероятно намеренное осмысление.

а) Глаголы типа *научиться, получить* 2, обозначающие действие, управляют обеими формами с тем же различием в значении, которое было отмечено для *узнать*: *Я получил от него приказ* (скорее всего, он отдал мне приказ) VS. *Я получил у него приказ* (скорее всего, я обратился к нему за приказом); *Мой сын научился от него всяким пакостям* (скорее всего, подражая бессознательно) VS. *Мой сын научился у него искусству полемики* (скорее всего, в результате сознательных усилий).

б) Глаголы типа *знать, слышать*, обозначающие состояние и, следовательно, несовместимые с представлением об активном, инициативном деятеле, управляют только формой *от S_{род}*; *Я знаю <слышал> от него, что вы собираетесь в отпуск*. Характерно, что употребление таких глаголов в императиве исключает возможность реализации третьей валентности: предложения типа **Знай(те) от меня, что он никогда на это не согласится* аномальны. Ненормативными для современного восприятия представляются и следующие строки Пушкина: *Ступайте к Анджели и знайте от меня, Что если девица, колена преклоня, Перед мужчиною и просит и рыдает, Как бог он все дает, чего ни пожелает*.

2.3.3. Рассмотрим, наконец, факты, касающиеся употребления форм *от S_{род}* и *у S_{род}* в несколько других, хотя и родственных значениях, при глаголах других семантических классов.

а) Глаголы, в значение которых входит смысл 'взять' и которые предполагают активного субъекта и пассивного или нейтрального контрагента, управляют формой *у S_{род}*: *арендовать землю у помещика, занимать рубль у приятеля, нанимать <снимать> дачу у частников, покупать лошадь у барышника; воровать <красть, похищать, тащить, уводить> что-л. у кого-л.; изымать излишки хлеба у кулаков, конфисковать лошадей у крестьян, отнимать игрушки у мальчика, отбирать билеты у пассажиров*.

б) Глаголы, в значение которых входит смысл 'получать' и которые предполагают пассивного или нейтрального субъекта и активного контрагента, управляют формой *от S_{род}*: *унаследовать дом от отца, получить 1 наследство от дяди*.

2.3.4. Разумеется, распределение управляемых форм *от S_{род}* и *у S_{род}* не всегда семантически мотивировано; существуют случаи, когда оно в значительной мере фразеологизовано. Во фразах типа *Чего вы требуете <добиваетесь> от меня?*, по-видимому, и субъект, и контрагент предполагаются активными, хотя и в разных аспектах. Тем самым семантически форма *у S_{род}* оказывается столь же оправданной, как и форма *от S_{род}*. Однако фактически в представленных здесь значениях глаголов нормально употребляется только эта последняя.

3. Предварительное объяснение

В свете сказанного в 2.3.1. — 2.3.3 рассмотренные в 2.2 факты соподчинности-несоподчинности форм предстают как факты семантического согласования. В частности, фразы *Он узнал от диспетчера, когда вылетает самолет Москва-Мурманск* и **Он узнал от диспетчера, будет ли рейс на Свердловск* семантически не согласованы, потому что придаточное дополнительное с союзным словом (при глаголе *узнать*) и придаточное бессоюзное выражают, первое — имплицитно, второе — эксплицитно, значение вопроса, а тот, кто спрашивает, всегда осмысливается как активный, инициативный деятель. Действительно, в самом общем виде значение вопроса можно истолковать следующим образом: *X спрашивает Y-а о Z-е* = 'лицо X побуждает лицо Y сообщить X-у о Z-е, потому что (X не знает о Z-е, и X хочет знать о Z-е, и X считает, что Y может сообщить X-у о Z-е)'. Таким образом, представление об активном деятеле, выраженное (имплицитно-) вопросительной формой придаточного предложения, входит в противоречие с представлением о неактивном деятеле, выраженным управляемой формой *от S_{род.}*. Это противоречие и порождает языковую аномалию.

Здесь возникает проблема. Очевидно, что далеко не всякое логическое противоречие порождает языковую ошибку, т. е. факт, который квалифицируется словами "так по-русски сказать нельзя". Естественный язык универсален и, в частности, годен для выражения синтетически ложных (*Река течет в гору, Я могу почувствовать вашу боль*), бессмысленных (*Пустынное солнце садится в рассол*) или даже логически противоречивых утверждений типа *Холостяки бывают женаты, Петр поднимается с верхнего этажа на нижний, Я ее люблю и не люблю одновременно*).

Такие предложения вовсе не обязательно описывают фантастический мир или фиксируют логический абсурд. Они вызываются к жизни и гораздо более ordinarily ситуациями. Тот, кто бывал в горах, хорошо знаком с оптическим обманом, характерным для участков дороги, составляющих небольшой угол с руслом текущей вдоль дороги реки: кажется, что она течет вверх. Чистое логическое противоречие совершенно сознательно использовано Галилеем для характеристики винта ("водяной улитки") Архимеда; Галилей писал, что это изобретение "не только великолепно, но просто чудесно, поскольку мы видим, что вода поднимается в винте, непрерывно опускаясь". С другой стороны, бессмысленные и логически противоречивые предложения широко используются в стилистических целях. Определенный класс бессмыслиц называется метафорой (*Кому жестоких звезд соленые приказы В избушку дымную перенести дано. — О. Мандельштам*), а логическое противоречие образует основу другой стилистической фигуры — оксюморона: *Блок ждал этой бури и встряски Ее огневые штрихи Б о я з н ь ю и ж а ж д о й развязки Легли в его жизнь и стихи* (Б. Пастернак).

Никакие из приведенных выше фраз не воспринимаются как языковые аномалии. Критерием того, что бессмысленная или логически противоречивая фраза правильна в языковом отношении, служит отсутствие в языке альтернативного способа выражения той же самой мысли, который воспринимался бы носителями языка как более правильный. В частности, если говорящий хочет пошутить, то мысль, заключенную в предложении типа *Холостяки бывают женаты*, он не сможет выразить никаким менее аномальным способом: перифразы *Холостяки редко состоят в браке*, *Холостяки редко имеют жен* и т. п. столь же аномальны. С другой стороны, если говорящий передает странное восприятие мира (например, сознанием сумасшедшего) или описывает катастрофу, опрокинувшую дома вверх тормашками, у него может возникнуть потребность сказать *Петр поднимался с верхнего этажа на нижний*, и опять в распоряжении говорящего не будет никакого более правильного способа выражения этой мысли.

Возникает вопрос: чем логически противоречивые, но правильные с точки зрения языка тексты отличаются от аномальных текстов — бессмысленных или логически противоречивых и одновременно неправильных с точки зрения языка?

4. Решение

По нашим наблюдениям, языковая аномалия, в основе которой лежит логическое противоречие, возникает в трех случаях.

4.1. Случай первого рода могут быть описаны следующим образом: пусть в СемПе имеются смыслы 'Р' и 'не Р', образующие логическое противоречие (см. 1.2.2). Если в соответствующем ГСП или ПСП каждый из них выражается лексически, то языковой неправильности, за исключением случаев второго рода (см. 4.2), не возникает. Просто получаются ложные, бессмысленные или противоречивые предложения, которые, однако, полностью соответствуют нормам языка (см. примеры из раздела 3). Если же в ГСП или ПСП, реализующем данный СемП, по крайней мере один из смыслов 'Р' или 'не Р' реализован грамматически, т. е. выражается не знаменательным словом, а словоизменительной информацией к основе, глубинно-синтаксическим словом⁷, союзом, предлогом или иным грамматическим средством, то предложение, синтезированное по такому ГСП или ПСП, в громадном большинстве случаев будет неправильным; при грамматическом выражении и второго смысла вероятность

⁷ Примером может служить слово ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО, вырабатываемое из аппроксимативно-количественного отношения, которое представлено во фразах типа:

аппрокс-колич

Пришло человек десять

неправильности возрастает. Иллюстрацией этого тезиса является пример с предложными формами *у S_{род}* и *от S_{род}*, разобранный в разделе 2. Рассмотрим дополнительный материал.

4.1.1. В русском языке имеется большая (и давно замеченная в аспектологии) группа глаголов несовершенного вида, которые не имеют значения актуального длительного действия. К ней принадлежат, в частности, многие непреходные и переходные глаголы перемещения с приставкой *при-*: *прибегать*, *прилетать*, *приплывать*, *приходить*, *приводить*, *привозить*, *приносить* и ряд других. Такие глаголы, подобно глаголам совершенного вида, но в отличие от всех других глаголов несовершенного вида, не сочетаются с наречиями и наречными оборотами, обозначающими длительность, ср. **Он долго приходит*, **Судно два часа приплывает в порт*, **Самолет недолго прилетал*, **Он два часа приносит мне книгу*⁸. Близкие по смыслу глаголы с приставкой *под-* или соответствующие бесприставочные глаголы свободно сочетаются с обстоятельствами длительности: *Войска долго подходили к стенам крепости*, *Судно два часа подплывало к причалу*, *Он два часа нес мне книгу*. Тем же свойством обладают и глаголы *приносить*, *приходить* и т. п., но не в значении перемещения: *Он долго приносил мне извинения*, *Врач два часа приводил его в чувство*, *Ну, что, все еще приходишь в себя?*

Этот запрет имеет следующее естественное объяснение: глаголы типа *приходить* в несовершенном виде имеют лишь такие значения (узואальное, общефактическое двунаправленное — как в *Он сегодня уже приходил?*, настоящее историческое, настоящее намеченного или ожидаемого действия — как в *Вы приходите сегодня, а мы приходим завтра*), в которых они обозначают законченное действие и являются (неточными) синонимами соотносительных глаголов совершенного вида. Идея законченности приходит в противоречие с идеей длящегося действия, а грамматический способ ее выражения порождает языковую аномалию.

Характерно, что в отрицательной форме, особенно в прошедшем времени, аномалия снимается: *Он долго не приходил*, *Самолет долго не прилетал*, *Он два часа не приносил мне книгу*. Объясняется это тем, что в область действия обстоятельства длительности попадает вся группа "отрицание+глагол": очевидно, что отсутствие действия (например, *неприход*) может продолжаться сколь угодно долго⁹.

⁸ Это наблюдение принадлежит Ю. С. Маслову; см. также *Гловинская М. Я.*, Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

⁹ Возникает вопрос, как объяснить несочетаемость соответствующих глаголов совершенного вида с наречиями длительности даже в отрицательных предложениях: **Он долго не пришел*, **Судно два часа не приплыло в порт*. По-видимому, дело в том, что в этом случае областью действия обстоятельства длительности остается только сам глагол, а не группа "отрицание+глагол". Более формально,

4.1.2. В русском, как, впрочем, и во многих других языках, есть два разных Accusativus temporis — беспредложный (*год, десять дней* и т. п.) и предложный (*в/за год, в/за десять дней* и т. п.). Несовершенный вид в своем главном — актуально-длительном — значении сочетается с беспредложным Accusativus temporis, а совершенный — с предложным: *Он писал этот роман три недели, Он написал этот роман в/за три недели*, но не **Он писал этот роман в/за три недели*, **Он написал этот роман три недели*.

X год значит 'действие *X* продолжалось год и, возможно, еще продолжается', а *X в год* — 'действие *X* продолжалось год и закончилось'¹⁰. В пользу этих толкований можно привести следующие независимые дополнительные аргументы: а) в безглагольных предложениях типа *В час по чайной ложке, По книге в год, Продукция за месяц*, содержащих предложный Accusativus temporis, явным образом выражена идея законченности; б) в настоящем историческом обозначаемое глаголом действие может осмысляться и как законченное, и как незаконченное — выбор интерпретации, в частности, определяется тем, употреблен ли при глаголе беспредложный или предложный Accusativus temporis: *Спартак поворачивает на юг и три недели добираться до Сиракуз* VS. *Спартак поворачивает на юг и в три недели добираться до Сиракуз*.

Заметим, что точно так же употребляются беспредложный и предложный Accusativus temporis в некоторых других языках; ср. *He has been writing the novel three weeks* (не **in three weeks*) VS. *He has written the novel in three weeks* (не **three weeks*), *Il écrivait ce livre une année* (не **en une année*) VS. *Il a écrit ce livre en une année* (не **une année*)¹¹.

Очевидны правила семантического согласования, соблюденные в первой паре русских предложений и нарушенные во второй: значение незаконченности, выражаемое беспредложным Accusativus temporis, согласовано со значением несовершенного длительного и противоречит значению совершенного, а значение законченности, выражаемое предложным Accusativus temporis, согласовано со значением совершенного вида и противоречит значению несовершенного. Грамматическое выражение обоих несогласуемых смыслов порождает

Он долго не приходил = 'долго — 1 —> не — 1 —> приходил — 1 —> он',

а **Он долго не пришел* = 'долго — 1 —> не — 1 —> пришел — 1 —> он'.

¹⁰ См.: Гловинская М. Я. Указ.соч.

¹¹ Интересные замечания об Accusativus temporis в польском языке, касающиеся, однако, только его возможных интерпретаций при разных значениях совершенного вида, содержатся в работе: *Wierzbicka A., On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish*, [в:] *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*, The Hague-Paris, 1967.

запрет, почти столь же сильный, как несочетаемость фазовых глаголов с совершенным видом (**начать прочесть*). Поразительно, что он был замечен недавно.

4.1.3. Удивительно интересны факты, касающиеся перформативного употребления глаголов. Напомним, что перформативным в смысле Дж. Остина¹² называется такое употребление глагола, при котором его произнесение в форме первого лица (обычно) единственного числа настоящего времени индикатива равносильно выполнению обозначаемого им действия: *Я обещаю <клянусь> вам, что никогда этого не сделаю, Я прошу у вас прощения, Я вас прощаю* и т. п. С интересующей нас точки зрения замечателен тот факт, что глагол в перформативном употреблении не может иметь актуально-длительного значения. В связи с этим затруднено сочетание перформативных глаголов в перформативном смысле с наречиями длительности: ?*Я долго обещаю вам, что никогда этого не сделаю.*

Высказывание такого типа может быть вполне правильным, например, при условии, что оно использовано в настоящем историческом: *Я прихожу к нему, извиняюсь и долго обещаю, что никогда больше так не поступлю, но он сохраняет неприступный вид.* Такое высказывание правильно и тогда, когда оно является ответом на вопрос типа *Что вы делаете?* — *Я уже два часа прошу у вас прощения.* В обоих этих случаях перформативный глагол употреблен в неперформативном смысле, так как говорящий не произносит текст обещания или извинения, а описывает действия, которые он выполняет. В других неперформативных употреблениях все названные выше глаголы и обороты тоже имеют актуально-длительное значение: *Он долго обещал <клялся> мне, что больше никогда так не поступит, Напрасно вы так долго просите прощения, я слушаю вас не хочу.*

Любопытно, что в английском языке перформативные глаголы в перформативном смысле нельзя использовать в форме настоящего продолженного времени как раз в тех условиях, где по всем правилам традиционной грамматики она должна быть употреблена. Говорят *I promise you <swear to you, beg your pardon, apologize, pardon you>*, а не **I am promising you <swearing to you>* и т.д., хотя описываемое действие происходит в момент речи, как это и требуется правилами употребления Continuous.

Объяснить эти факты можно лишь тем, что перформативный глагол в перформативном употреблении является по смыслу перфективом: если кто-то говорит "Я клянусь", то это значит, что он поклялся.

4.1.4. Пары предложений типа *Знатки говорят, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус* и *Осетровые рыбы, говорят знатки, утратили свой былой вкус* на первый взгляд кажутся равнозначными. Однако предложения с придаточным дополнительным ведут себя не совсем так, как предложения с вводной конструкцией. В частности, в первом случае возможно отрицание при

¹² Austin J. L. How to Do Things with Words. N. Y., 1965.

сказуемом главного предложения, а во втором случае отрицание при соответствующем глаголе вводной конструкции невозможно: *Знатоки (вовсе) не говорят, что осетровые рыбы утратили свой былой вкус* — **Осетровые рыбы, (вовсе) не говорят знатоки, утратили свой былой вкус*¹³.

Условие «неотрицательности» верно для всех типов вводных конструкций, содержащих предикат со значением сообщения, знания, истинности: *Вселенная, как всем известно, расширяется*, но не **Вселенная, как никому не известно, расширяется* (ср. *Никому не известно, что Вселенная расширяется*); *Делегация, как здесь считают, имеет широкие полномочия*, но не **Делегация, как здесь не считают, имеет широкие полномочия* (ср. *Здесь не считают, что делегация имеет широкие полномочия*); *Правда, она круглая дура*, но не **Неправда, она круглая дура* (ср. *Неправда, что она круглая дура*).

Неправильность может возникать и в тех случаях, когда в составе вводной конструкции нет эксплицитного (выраженного словом *не*) отрицания: *Это, вполне вероятно, Иван* но не **Это, маловероятно, Иван* (ср. *Маловероятно, что это — Иван*); *По предположению других ученых, Земля продолжает остывать*, но не **По сомнению других ученых, Земля продолжает остывать* (ср. *Другие ученые сомневаются, что Земля продолжает остывать*); *Вождь повстанцев, утверждают некоторые, уже прибыл в страну*, но не **Вождь повстанцев, отрицают некоторые, уже прибыл в страну* (ср. *Некоторые отрицают, что вождь повстанцев уже прибыл в страну*). Объясняется это тем, что предикаты *маловероятно, сомневаться, отрицать* содержат имплицитное отрицание; в частности, *сомневаться в P* \cong 'не имея точной информации, допускать в качестве одной из возможностей, что не P'; *отрицать, что P* \cong 'утверждать, что не P'¹⁴.

Заметим, что если к имплицитно отрицательному предикату типа *сомневаться* или *отрицать* во вводной конструкции добавить отрицание *не*, сделав его в некотором смысле утвердительным, соответствующее предложение вновь обретет правильность: *Земля, не сомневаются другие ученые, продолжает остывать, Вождь повстанцев, не отрицают некоторые, уже прибыл в страну*.

Это свойство вводной конструкции можно описывать либо как особенность ее синтактики, либо как особенность ее смысла.

Обозначим через $P(X)$, $R(Y)$ произвольное предложение с вводной конструкцией интересующего нас типа. Здесь P — предикат со значением сообще-

¹³ На то, что во вводной конструкции нельзя употребить отрицание *не*, обратил внимание (устно) В. З. Санников. Ниже это наблюдение в нескольких отношениях уточняется.

¹⁴ Хотя в данном случае имплицитно отрицательные предложения ведут себя как эксплицитно отрицательные, это, разумеется, не значит, что эксплицитно и имплицитно отрицательные предложения во всех отношениях идентичны. Некоторые интересные различия между теми и другими указаны в работе: *Богуславский И. М.* О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. № 2.

ния, знания, истинности, образующий вершину вводной конструкции; X — его субъект, в частном случае совпадающий с говорящим; $R(Y)$ — основное утверждение.

Тогда описание первого типа могло бы выглядеть так: "вершину P может замещать только предикат, выражающий неотрицательное утверждение".

Описание второго типа, которое представляется нам предпочтительным, могло бы иметь следующий вид: $P(X), R(Y) \cong$ 'Существует безусловно утвердительное мнение $P(X)$, что $R(Y)$ '. При введении имплицитно или тем более эксплицитно отрицательного предиката в вершину P вводной конструкции $P(X)$ возникает языковая аномалия, порожаемая противоречием между значением грамматического элемента (вводной конструкции) и значением P .

4.1.5. По-видимому, сформулированный в 4.1 запрет не всегда действует с одинаковой силой. Можно, например, утверждать, что предложения типа *Он приехал завтра, Он придет вчера, Пришло ровно человек десять*, если они и отклоняются от языковой нормы, отклоняются не так и не настолько, как предложения типа **Он написал роман год, *Он находился там в год*. Несомненно, однако, что указанный запрет существует. Это вытекает хотя бы из того, что возможны гораздо более правильные перифразы всех аномальных предложений, приведенных в 4.1.1 — 4.1.4, если конфликтующие смыслы выражены лексически, например: *На то, чтобы начать и завершить писание романа, он потратил год, но этот год еще не кончился*.

4.2. Материал, на основе которого возникает избегаемое языком противоречие, не ограничивается грамматическими средствами языка. Второй источник языковой аномалии — логическое противоречие, возникающее между ядром толкования одной языковой единицы и модальной рамкой другой языковой единицы, или между модальными рамками двух языковых единиц, или, наконец, внутри модальной рамки данной языковой единицы¹⁵. Иными словами, если в СемПе предложения имеются смыслы 'Р' и 'не Р', образующие логическое противоречие (см. 1.2.2), и если в соответствующем ГСП каждый из них получает самостоятельное лексическое выражение (в виде отдельных узлов синтаксической структуры), то в соответствующем предложении языковой аномалии не возникает. Если же в ГСП, реализующем данный СемП, по крайней мере один из смыслов 'Р' или 'не Р' входит в модальную рамку какого-нибудь из узлов, то предложение, соответствующее данному ГСП, будет аномальным. В ГСП логически противоречивых, но правильных в языковом от-

¹⁵ Понятие модальной рамки введено А. Вежбицкой (*Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969*). Модальной рамкой называется та часть СемПа данной языковой единицы, в которой фиксируются действия говорящего, оценка говорящим ситуации, являющейся предметом сообщения, или предполагаемая говорящим оценка этой ситуации со стороны адресата речи. Модальные рамки не являются обязательной составной частью языковой единицы. Они характерны для частиц, модальных и количественных слов.

ношении предложений содержание модальных рамок различных узлов внутренне непротиворечиво и не конфликтует ни между собой, ни с остальным семантическим материалом предложения. Обратимся к примерам.

4.2.1. Интересным свойством "неотрицательности" обладают частицы *вот* и *вон* : они не допускают ни отрицания *не* перед вводимым ими существительным, ни отрицания *неверно, что* перед содержащим их предложением: *Вот <вон> книга (которую вы искали)*, но не **Вот <вон> не книга (которую вы искали)* и не **Неверно, что вот <вон> книга (которую вы искали)*.

Это свойство можно считать, во-первых, особенностью их синтактики, и тогда перед нами абсолютно неправильные предложения, возникающие в результате нарушения сочетаемостного запрета (см. 1.3).

С другой стороны, можно думать, что указательные частицы типа *вот* и *вон* отличаются от соответствующих указательных местоимений *это* и *то* не только синтактикой, но и модальной рамкой (т. е. смыслом). *Вот X* \cong 'Говорящий указывает слушающему на (референтный) объект X; X находится в пределах пространства, которое говорящий мыслит как непосредственно примыкающее к себе'; *Вон X* \cong 'Говорящий указывает слушающему на (референтный) объект X; X находится за пределами пространства, которое говорящий мыслит как непосредственно примыкающее к себе'. Когда в такие предложения вводится отрицание *не*, оказывается, что свойство быть референтным объектом приписывается нереферентному объекту не X, причем это противоречие внедряется непосредственно в модальные рамки СемПов слов *вот* и *вон*. Однако в соответствии с (мета)определением модальной рамки ее содержание должно быть внутренне непротиворечивым. Поскольку это не так, получается языковая аномалия.

4.2.2. Во многих языках имеются обширные группы слов, в известной мере противоположных частицам *вот* и *вон*. Они тяготеют к преимущественному употреблению в отрицательных, вопросительных, «сомнительных» и модальных предложениях. Выражение *взять в толк*, квазисинонимичное глаголу *понять*, нормально употребляется в предложениях типа *Он никак не мог взять в толк, что от него требуется, Ты когда-нибудь возьмешь в толк, что от тебя требуется?, Сомневаюсь, что он когда-нибудь возьмет в толк, что от него требуется* ("сомнительное"), *Он, наконец, взял в толк, что от него требуется* (модально-эмфатическое). Неэмфатические утвердительные предложения типа **Он взял в толк, что от него требуется*, в отличие от соответствующих предложений с глаголом *понять* (*Он понял, что от него требуется*), аномальны. Теми же или похожими свойствами обладают и некоторые другие квазисинонимы глагола *понять*, например, глагол *смыслить*: *Он ничего не смыслит в технике, Что ты смыслишь в лошадях?, Много он в этом смыслит!* ("сомнительное"), *Он смыслит в собаках достаточно, чтобы дать вам полезный совет* (разуверение по поводу возможного сомнения или вопроса). Предложения типа **Он все смыслит* (в отличие от *Он все понимает*) неправильны.

Аналогичными запретами регламентировано употребление глаголов и глагольных выражений *не преминуть, палец о палец (не) ударить, пальцем (не) шевельнуть, звезды с неба (не) хватать* (ср. *А он что, звезды с неба хватает, что ли?*), *(не) уступить (ни) на йоту* (ср. *Ты думаешь, он хоть на йоту уступит?*), *(не) улыбаться* (ср. *Ты думаешь, мне эта перспектива улыбается?*), прилагательного *малейший* (ср. *Нет ни малейших шансов на победу, Скажите, есть хоть малейшая надежда на успех?, Сомневаюсь, что есть хоть малейшие шансы на выздоровление*) и многих других слов.

Такие факты издавна отмечаются в толковых и синонимических словарях, а в последнее время на них обратили внимание теоретики порождающей семантики¹⁶. Обычно пытаются объяснить запрет на употребление таких лексических единиц в нормальных утвердительных предложениях чисто сочетаемыми факторами, в связи с чем отрицание нередко включают непосредственно в состав соответствующих единиц, например, *пальцем не шевельнуть*. Такие попытки сомнительны по трем причинам.

Во-первых, даже из приведенных нами примеров следует, что это массовый, а не случайный материал, и поэтому разумно предположить, что его специфика как-то мотивирована. Во-вторых, почти во всех таких словах и оборотах просматриваются некоторые общие семантические свойства, с которыми и кажется естественным связать наблюдаемые особенности их поведения. В-третьих, хотя эти лексические единицы и тяготеют к закреплению в отрицательной форме, они, как уже говорилось, способны употребляться в вопросительных, "сомнительных" и модальных предложениях, содержащих в лучшем случае лишь имплицитное отрицание (ср. *Ты хоть пальцем шевельнул, чтобы помочь брату* и примеры на с. 617) — факт, который нельзя объяснить, если включать отрицание непосредственно в их состав.

¹⁶ См., например: *Baker C. L. Double Negation // Linguistic Inquiry. 1970, 1,2; Pieter M. Seuren. The Comparative // Generative Grammar in Europe/ Ed. by F. Kiefer and N. Ruwet. Dordrecht, Holland, 1973.* В этих работах приведен достаточно представительный список таких лексических единиц в английском языке — наречий, прилагательных, глаголов и словосочетаний: *much* (*He didn't say much VS. *He said much*), *at all* (*He wasn't there at all VS. *He was there at all*); *slightest <least>* (*There's not the slightest <least> doubt about it VS. *There's the slightest <least> doubt about it*); *bother* (*He won't bother leaving the number VS. *He will bother leaving the number*), *care* (*He didn't care to look VS. ?He cared to look*), *stand* (*I couldn't stand it much longer VS. *I stood it much longer*); *be all that* (*He is not all that bright VS. *He is all that bright*), *lift a finger* (*He didn't lift a finger VS. * He lifted a finger*), *can possibly* (*You can't possibly refuse him VS. *You can possibly refuse him*), *can help* (*I couldn't help it VS. *I could help it*) и многие другие. К сожалению, не отмечено, что все перечисленные единицы способны, кроме того, употребляться в вопросительных, "сомнительных" и модальных предложениях, ср. *Do you think he said much?*, *Was he there at all?*, *Do you think there's the slightest doubt about it?*, *I am not sure he will bother leaving the number <he will care to go there>*, *He could hardly stand it*, *Is he all that bright?*, *Can you possibly refuse him?*, *How can you help it*, *I wonder?* Впрочем, не исключено, что все такие предложения имплицитно отрицательны.

Наша гипотеза состоит в том, что в СемПы большинства названных выше слов и выражений входят модальные рамки особого рода. В частности, *пальцем шевельнуть* \cong 'сделать очень мало; говорящий считает, что субъект, который может что-то сделать, не сделает ничего, потому что не захочет'; *budge* \cong 'шевелиться; говорящий считает, что элементы обстановки или свойства субъекта каузируют то, что он не может шевелиться'. Предложения типа **Петр пальцем шевельнул* или **Peter budged* неправильны потому, что в них возникает противоречие между заключенным в сказуемом имплицитным утверждением 'сделал очень мало' и модальной рамкой 'не сделал ничего'. Легко убедиться, что СемПы отрицательных, вопросительных, "сомнительных" и других подобных предложений с выражением *пальцем (не) шевельнуть* не содержат противоречия: *Петр пальцем не шевельнул* \cong 'Петр не сделал (даже) очень мало; говорящий считает, что Петр, который мог что-то сделать, не сделал ничего, потому что не захотел'; *Ты хоть пальцем шевельнул, чтобы помочь брату?* \cong 'Говорящий побуждает адресата подтвердить или опровергнуть суждение 'Адресат сделал очень мало, чтобы помочь брату'; говорящий считает, что адресат, который мог что-то сделать, чтобы помочь брату, не сделал ничего, потому что не захотел'.

Подчеркнем еще раз, что ГСП, в которых содержание модальных рамок предикатов типа *пальцем (не) шевельнуть* получает самостоятельную лексическую реализацию, дают правильные в языковом отношении, хотя и противоречивые предложения; ср. *Петр сделал очень мало, чтобы помочь другу*, и *говорящий считает, что Петр, который мог что-то сделать, не сделал ничего, потому что не захотел*'.

4.2.3. В третьем классе случаев языковая аномалия, как мы уже говорили, возникает за счет противоречия между двумя модальными рамками. Фраза **Даже уж Иван(-то) придет*, при условии, что у *даже* и *уж(-то)* — одна и та же область действия, а именно предложение *Иван придет* — неправильна. Между тем фразы *Даже Иван придет* и *Уж Иван(-то) придет* вполне правильны.

Эта языковая аномалия объясняется противоречием в модальных рамках слов *даже* и *уж(-то)*. *Даже X сделает P* \cong 'Говорящий уверен, что другие сделают P; X тоже сделает P; говорящий считал, что X не сделает P' (мы произвели, с несущественными изменениями, известное толкование А. Вежбицкой); *Уж X(-то) сделает P* \cong 'Говорящий уверен, что X сделает P; говорящий считает возможным, что другие не сделают P'¹⁷. Говорящий не может в одно и то же время быть уверенным в каком-то событии и допускать, что оно не произойдет; считать, что какое-то лицо не сделает чего-то, и быть уверенным в том, что оно это сделает.

¹⁷ Таким образом, в рассматриваемых значениях частицы *даже* и *уж(-то)* квазиантонимичны. Этот факт никак не вытекает из традиционных абсолютно недифференцированных толкований, в силу которых и *даже* и *уж* — "усилительные частицы", или частицы, "усиливающие значение" другого слова, т. е. почти синонимы.

По-видимому, то же правило объясняет неправильность замеченных, но не истолкованных Дж. Катцем и П. Посталом предложений типа **Конечно, доктор ли он?*, **Вероятно, доктор ли он?*¹⁸ Конечно предполагает (в своей модальной рамке) знание или абсолютную уверенность говорящего в реальности какого-то положения дел, а вопросительная форма предложения предполагает его неосведомленность на этот счет (см. раздел 3). Здесь, как и в предыдущем примере, модальные рамки двух разных языковых объектов конфликтуют между собой, порождая языковую аномалию. Нетрудно видеть, что в случае со словом *вероятно* возникает похожая разновидность логического противоречия.

4.2.4. Ниже приводится аналогичный дополнительный материал, представляющий собой по преимуществу перевод на русский язык или адаптацию примеров, заимствованных из семантических работ П. А. М. Сьюрена, С. Л. Бейкера и М. Догерти. В связи с отсутствием убедительных интерпретаций этого материала примеры подаются без комментариев, хотя интуитивно очевидно (по крайней мере, автору), что они имеют ближайшее отношение к тем случаям, которые были проанализированы выше.

Петр не очень умен — **Петр не весьма <не довольно> умен, Я уже съел достаточно много* — **Я уже не съел достаточно много, Он еще не съел достаточно много* — **Он еще съел достаточно много, Петр пришел как раз в пять* — *?Петр не пришел как раз в пять, Я отрицаю, что я говорил что-либо в этом духе* — **Я утверждаю, что я говорил что-либо в этом духе, Неправда, что его кто-либо видел* — **Правда, что его кто-либо видел, Ивану трудно утверждать, что он когда-либо был в Москве* — **Ивану легко утверждать, что он когда-либо был в Москве* (ср. соответствующие правильные предложения с местоимениями на *-то*).

4.2.5. Правило, намеченное в 4.2, учитывает лишь простейший случай взаимодействия модальностей с отрицанием, утверждением или друг с другом. Можно а priori допустить, что общий случай более сложен и должен описываться совокупностью условий, учитывающих количество находящихся в игре модальностей, их области действия, их относительную силу. В частности, нам представляется возможной ситуация, когда в предложении имеется избегаемое языком противоречие, и тем не менее в целом оно неаномально, потому что одна из двух противоречащих друг другу модальностей подкреплена третьей модальностью, т. е. выражена дважды¹⁹.

¹⁸ Katz J. J. and Postal P. M. An Integrated Theory of Linguistic Descriptions. Cambridge (Mass.), 1964. P. 87–89.

¹⁹ Положение до некоторой степени подобно тому, которое возникает при определении синтаксической омонимичности — неомонимичности предложения: наличие потенциально омонимичного словосочетания в составе предложения еще не предопределяет, что все предложение будет синтаксически омонимичным. Ср. *осуждение товарища* (омонимия субъектного и объектного родительного) — *осуждение товарища коллективом* (омонимии нет) — *Осуждение товарища коллективом не поддерживалось*

4.3. В заключение этого раздела мы рассмотрим языковую аномалию, порождаемую логическим противоречием, которое возникает в результате нарушения метаправила построения ассертивной и неассертивной частей СемПа.

Ассертивной частью СемПа некоторого предложения (утверждением в собственном смысле слова) называется обычно та его часть, которая меняется под отрицанием, т. е. попадает в область действия отрицания. Неассертивной частью СемПа предложения (или пресуппозицией) называется та его часть, которая не меняется под отрицанием, т. е. не попадает в область его действия²⁰. Так, утверждением предложения *Не он дал мне книгу Толстого* является суждение 'Тот, кто дал мне книгу Толстого, был не он', а пресуппозицией — суждение 'Кто-то дал мне книгу Толстого'; ср. утверждения и пресуппозиции предложений *Он не мне дал книгу Толстого*, *Он дал мне не книгу Толстого* и т. д.

Пресуппозиции могут меняться в зависимости от формы предложения (утвердительной, отрицательной, вопросительной), от места отрицания, от наличия — отсутствия логических ударений и других факторов, часто действующих совместно. Однако, каково бы ни было деление СемПа данного предложения на ассертивную и пресуппозиционную части, пресуппозиция не может противоречить ни утверждению, ни другой пресуппозиции. Если такая ситуация имеет место, соответствующий СемП не может быть реализован неаномальным предложением естественного языка.

Хотя не всякий СемП (вернее, СемП не всякого предложения) содержит пресуппозиционную часть, в любом естественном языке имеются средства, введение которых в предложение порождает определенные пресуппозиции. К числу таких средств относится, в частности, отрицание в соединении с логическим ударением (см. примеры выше) и слова с усилительным значением, например, *какой* и *как*: *Каким он мне показался чудаком*, *Как тихо все было кругом*.

Очевидно, что если в предложении есть два элемента, порождающих взаимно исключающие друг друга пресуппозиционные и ассертивные части, то предложение не может быть правильным. Таковы, например, предложения **Каким не он мне показался чудаком*, **Каким он не мне показался чудаком*,

(омонимия снова есть) — *Осуждение товарища коллективом не поддерживалось некоторыми сотрудниками* (омонимии снова нет). О синтаксической омонимии вообще см.: *Иорданская Л. Н.* Синтаксическая омонимия в русском языке // Научно-техническая информация. 1967 № 5.

²⁰ В утвердительном предложении утверждению всегда соответствует рема предложения, а пресуппозиции — его тема. Из того, что между двумя парами понятий существует отмеченная нами связь, конечно, не следует, что утверждение тождественно реме, а пресуппозиция — теме. Первые два понятия описывают куски СемПа (в них могут быть элементы, которых нет в предложении), а вторые два понятия — куски реального предложения.

**Каким он мне не показался чудачком, *Как тихо все не было кругом* и т. п. Разберем первое из них.

Пресуппозицией предложения *Каким он мне показался чудачком* является суждение 'Он мне показался чудачком', а утверждением — суждение об удивительно большой степени наблюденного свойства²¹. Пресуппозицией предложения *Не он мне показался чудачком* является суждение 'Кто-то показался мне чудачком', а утверждением — 'Тот, кто показался мне чудачком, был не он'. Как видим, пресуппозиция первого предложения находится в противоречии с утверждением второго, что и порождает неправильность гибридного предложения **Каким не он мне показался чудачком*.

По-видимому, в рассматриваемом конкретном случае языковую аномалию можно объяснить и в терминах актуального членения (на эту возможность указала автору Л. Н. Иорданская). Предполагая понятия ремы и темы известными, обратим внимание на то, что усилительные слова типа *какой, как* и отрицание *не* являются своего рода рематизирующими операторами²²: они превращают в рему предложения то слово или словосочетание, к которому синтаксически относятся. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что разбиение предложения на тему и рему является, так сказать, строгим: тематическая часть предложения, по (мета)определению, не пересекается с его рематической частью. Если это условие не выполнено, возникает противоречие в актуальном членении, порождающее языковую аномалию.

Именно такого рода противоречие и представлено в предложении **Каким не он мне показался чудачком*. Темой первого "составляющего" предложения (*Каким он мне показался чудачком*) являются слова *он мне показался*; ремой второго "составляющего" предложения (*Не он мне показался чудачком*) являются слова *не он*. В гибридном предложении **Каким не он мне показался чудачком* местоимение *он* оказывается, таким образом, и в теме и в реме предложения одновременно — в полном противоречии с данным выше определением.

5. Некоторые выводы для модели "Смысл \Leftrightarrow Текст"

5.1. Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" оперирует двумя типами правил: (1) собственно языковыми (модельными) правилами межуровневых и внутриуровневых преобразований и (2) метаправилами, определяющими условия правильности различных лингвистических объектов. Как показывает рассмотренный в 4.3. материал, блок (2) должен быть дополнен семантическими метаправилами, проверяющими СемП с точки зрения того, правильно ли он расчленен на тему

²¹ Мы понимаем, что эти заключения не бесспорны, потому что предложение такого типа не может быть естественным образом подвергнуто отрицанию (ср. **Неверно, что каким он мне показался чудачком*).

²² Мысль о связи между отрицанием и ремой предложения, облеченная, правда, в другие термины, содержится в книге Е. В. Падучевой (Цит. соч. С. 153–154.)

и рему и нет ли в нем противоречий между пресуппозицией и утверждением или между двумя пресуппозициями.

5.2. Семантические правила межуровневых преобразований типа СемП \Leftrightarrow ГСП, которые были известны до настоящего времени, носили преимущественно словарный характер, т. е. касались отдельных слов семантического или глубинно-синтаксического языка. Рассмотренные выше примеры семантического согласования показывают, что наряду со словарными правилами (см. 1.3., 2.3.1 – 2.3.3) существуют грамматические правила, объектами которых являются не отдельные слова, а большие классы слов (см. 4.1. – 4.2).

5.3. В основные компоненты модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" – толково-комбинаторный словарь и грамматические правила межуровневых и внутриуровневых преобразований – встроены различные запреты и фильтры, блокирующие синтез или анализ неправильных языковых объектов. Следует, однако, иметь в виду, что в процессе творческого использования языка эти запреты постоянно нарушаются в стилистических целях. Вообще говоря, по своей внутренней структуре многие стилистические фигуры (в частности, метафоры и оксюмороны) принципиально не отличимы от языковых ошибок. Предложение *К крыльцу подкатила открытая буланая машина* (М. Булгаков) оценивается нами как содержащее либо стилистический прием, либо сочетаемостную ошибку в зависимости от нашей оценки не самого этого предложения, а намерений его автора.

Модель "Смысл \Leftrightarrow Текст" сама по себе не может, конечно, распознавать намерений автора. Однако от нее можно потребовать, чтобы в конечных продуктах ее работы – СемПах и предложениях естественного языка – сохранялся тот материал, на основе которого строятся стилистические фигуры.

Из этого следуют два важных вывода: во-первых, при движении от смысла к тексту все фильтры и запреты должны быть снабжены указаниями о том, какую стилистическую фигуру в принципе способно дать нарушение данного запрета²³. Во-вторых, при движении от текста к смыслу, в СемПе должен сохраняться след происхождения данного смысла в виде указания о том, соответствует ли он словарной или грамматической единице языка, модальной рамке или ядру толкования данной языковой единицы, пресуппозиционной или ассертивной части предложения. Если эти сведения не будут сохраняться, мы, в частности, не сумеем отличить оксюморона от стилистических эффектов, построенных на обыгрывании логически противоречивых и грамматически неправильных предложений, и от ординарных языковых ошибок²⁴.

²³ Некоторые гипотезы по этому поводу высказываются в цитированной книге автора (стр. 64).

²⁴ Автор выражает признательность И. М. Богуславскому, М. Я. Гловинской, Л. Л. Иомдину, Л. Н. Иорданской, Л. П. Крысину, И. А. Мельчуку, Н. В. Перцову и В. З. Санникову, которые прочитали эту работу в рукописи и очень помогли автору своей конструктивной критикой.

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНТРАДИКТОРНЫЕ АНОМАЛИИ*

В языке действуют два рода комбинаторных правил. Правила первого рода отражают постоянно протекающие в языке иррациональные процессы фразеологизации. Каждое такое правило фиксирует некое немотивированное сочетаемостное ограничение, нарушение которого порождает чисто сочетаемостную неправильность. Так, например, обстоит дело в предложении **"Правда" уже выступала о том, что в магазинах трудно купить посуду* (Правда. 09.09.70). При глаголе *выступить* невозможен предлог *о*. Ср. более приемлемый вариант *Газета уже выступала по поводу того <на тему о том>, что в магазинах трудно купить посуду*.

Правила второго рода, которых, естественно, гораздо больше, отражают рациональную основу языка. Каждое такое правило фиксирует ограничение, мотивированное содержательной (семантической, референциальной, прагматической, коммуникативной) несовместимостью двух (или более) единиц языка. Аномалии, возникающие в результате нарушения таких правил, отражают два типа логических ошибок — тавтологии и противоречия.

Рассмотрим следующее неправильное предложение: **Обе стороны шли на компромиссы друг другу* (Правда. 10.02.88). Эта очень типичная для прессы ошибка основана на тавтологии. *Оба* значит, в первом приближении, 'и тот, и другой', так что данный смысл оказывается выраженным в предложении минимум дважды — словом *оба* и композитом *друг другу*. Более приемлемы варианты: *Стороны шли на компромиссы друг с другом* и *Обе стороны шли на компромиссы*.

Известно довольно много типов аномалий, основанных на тавтологии. Упомянем еще только один — сочетания типа **очень прекрасный*, **очень великий*, **очень гениальный*, в которых и прилагательное, и наречие имеют значение большой степени признака. Ср. вполне корректные словосочетания *очень кра-*

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов", М., 1989.

сивый, очень крупный, очень талантливый, в которых значение большой степени выражено лишь однажды.

В связи с приведенными примерами возникает вопрос о том, в каких случаях плеонастичное сочетание оказывается паразитическим и порождает языковую аномалию, а в каких — нет. Ведь известны ситуации, когда плеоназм играет вполне конструктивную роль, обеспечивая семантическую спаянность текста за счет частичных смысловых повторов. Именно так, например, обстоят дела в предложениях *Стороны шли на компромиссы друг с другом* и *Обе стороны шли на компромиссы*, в каждом из которых идея взаимности выражается по три раза. Она входит не только в значения слов *оба* и *друг друга*, но и в значения слов *сторона* и *компромисс*.

Та же логика распространяется и на другой пример. Почему **очень прекрасный, *очень гениальный*, с повторением смысла 'большая степень признака', — ошибка, а *совсем полный, совсем пустой*, с повторением смысла 'полная степень признака', — не ошибка? Более того, почему *совсем полный (пустой)* — хорошо, а **совсем женатый (незамужняя)* — плохо?

Дать исчерпывающие ответы на эти вопросы в пределах небольшой работы невозможно. Мы попытаемся лишь указать пути, на которых, по нашему мнению, их следует искать.

В случаях типа *совсем полный, совсем пустой* аномалии не возникает по следующей причине. Кванторные семантические компоненты 'весь объем занят' и 'никакая часть объема не занята' в толкованиях прилагательных *полный* и *пустой*, по-видимому, нормированы: 'весь положенный по норме объем занят, 'никакая часть положенного по норме объема не занята'. Действительно, мы говорим *полный стакан, полная кружка* и тогда, когда они налиты или насыпаны не вровень с краями, а чуть меньше. Норма наполнения (и опорожненности) даже для одних и тех же сосудов и емкостей может быть разной в зависимости от многих факторов. Для сыпучих веществ, например, норма наполнения больше, чем для жидких. При продаже молока в разлив мерную кружку следует наливать до краев, что необязательно при угощении тем же молоком из той же кружки. Аналогичным образом обстоят дела и с нормой опорожненности.

По указанной причине добавление предельного наречия *совсем* к предельным прилагательным *полный* и *пустой* оказывается не праздною тавтологией. Эта операция имеет смысл — она в той или иной форме снимает идею нормирования. *Совсем полный* = 'такой, весь положенный по норме объем которого занят и остальная часть объема тоже занята' = 'такой, весь объем которого занят'; *совсем пустой* = 'такой, никакая положенная по норме часть объема которого не занята и остальная часть объема тоже не занята' = 'такой, никакая часть объема которого не занята'.

В противоположность этому в случаях типа **очень прекрасный, *совсем женатый* и т.д. (см. примеры выше) компоненты 'большая степень' и 'состоя-

щий в браке' в толкованиях прилагательных *прекрасный* и *женатый* не нормированы. Возникает, следовательно, чистая тавтология.

Остается вопрос о том, почему она порождает еще и языковую аномалию. Некоторые гипотезы на этот счет будут высказаны в связи с конрадикторной аномалией, к которой мы и переходим.

Как уже было сказано, второй класс языковых аномалий основан на логическом противоречии или несоответствии. Рассмотрим предложение **Для многих читателей "Огонька" вся эта история может показаться почти маловероятной* (Огонек. 1988. № 12). Это предложение аномально, потому что в нем нарушено одно правило семантического согласования. Слово *почти* обозначает близость к пределу определенного свойства, состояния, процесса или действия, в частном случае — близость к полюсу какой-то шкалы. Следовательно, от слова, с которым оно сочетается, требуется значение предела или полюса. Этого значения у прилагательного *маловероятный* явным образом нет. Полюса шкалы информационной вероятности обозначаются прилагательными *достоверный* и *невероятный* (ср. *почти достоверная информация, почти невероятное предположение*). Что касается прилагательного *маловероятный*, то оно имеет не абсолютное, а относительное, в конечном счете сравнительное значение малой степени: *маловероятный* = 'такой, вероятность которого существенно меньше (среднестатистической) нормы'. По той же причине плохи словосочетания **почти редкий случай, почти мало народу, Цены почти снижаются*. Очевидно, с другой стороны, что *почти* не может сочетаться и со словами, имеющими значение большой степени признака. Поэтому плохи словосочетания **почти частый случай, почти много народу, Цены почти возрастают*. Ср. в противоположность этому правильные словосочетания *почти всегда, почти никогда, Цены почти достигли потолка, где всегда, никогда и достичь потолка* обозначают предельные ситуации. Ср. также различие в степени правильности между *почти нищий* (= 'не имеющий ничего') и *почти бедный* (= 'имеющий мало'), *почти рядом* (= 'на минимальном расстоянии') и *почти недалеко* (= 'на небольшом расстоянии'), *почти на краю света* (= 'предельно далеко') и *почти далеко* (= 'на большом расстоянии') и т.п.

Здесь возникает проблема, уже упоминавшаяся нами в связи с тавтологической аномальностью. Как объяснить то, что в рассмотренном случае логическое несоответствие (или противоречие) порождает языковую ошибку, в то время как в других случаях точно такое же или даже еще большее несоответствие приводит лишь к логической, но не к языковой ошибке? Почему, например, не воспринимаются как языковые ошибки абсурдные фразы типа *восхождение ко дну* (Лит. газ. 1988. № 417) или *Холостяки бывают женаты*? Этой проблемой мы занимались [1] и здесь кратко изложим и уточним наши выводы.

В сущности, за аномальностью, основанной на логическом противоречии, стоит один простой закон: она тем больше, чем больше глубина залегания исключающих друг друга смыслов в семантических структурах сочетающихся единиц.

Если логическое противоречие возникает на стыке двух полнозначных лексических единиц и создается несовместимостью ассертивных частей их значений, то языковой аномалии, как правило, не возникает: *Это мой друг-враг; Я его люблю и ненавижу <не люблю>; Серж подошел к своей чужой жене Марише и пригласил ее танцевать* (Л. Петрушевская, *Свой круг*); *И месяц алмазной фелукой / К нам выплывает встречей-разлукой* (А. Ахматова). Всем таким внешне противоречивым высказываниям легко придать разумный смысл: 'в одном отношении друг, а в другом — враг', 'за одни свойства люблю, за другие — ненавижу <не люблю>', 'когда-то была моей женой, а теперь замужем за другим' и т. п.

По смыслу приведенной выше формулировки языковая аномалия на базе логического противоречия должна возникать в двух случаях:

1) логическое противоречие создается столкновением грамматикализованных или грамматических значений между собой или с другими значениями. Именно так обстоят дела в словосочетании **почти маловероятный*, где значение служебного слова (частицы) приходит в конфликт со значением полнозначного прилагательного;

2) логическое противоречие создается столкновением пресуппозиций или модальных рамок между собой либо пресуппозиции или модальной рамки одного значения с ассертивной частью другого.

Поскольку второй случай еще не иллюстрировался, рассмотрим его более подробно, тем более что он дает основание для выводов, имеющих общетеоретический смысл. Материалом нам послужат глаголы и глагольные фраземы типа *(не) выносить, (не) задуматься, (не) преминуть (не) пристало, (не) спускать, (не) терпеться, (не) улыбаться, звезд с неба (не) хватать, (ни) на йоту (не) уступить, не знать удержу, ума не приложить, не переводя дыхания, пальцем (не) шевельнуть, палец о палец (не) ударить, (не) помнить себя* и т. п., которые употребляются преимущественно или исключительно в отрицательных предложениях. Ср.: *Филиппинская пресса не преминула напомнить, что инцидент совпал с началом переговоров по размещенным здесь военным базам Пентагона* (Правда 09.04.88); *Я считаю, что писателям не пристало объединяться в какую бы то ни было организацию* (Ю. Буслаев, Шоу как Шоу); *Его раздражала манера Гетманова... многословно высказываться на совещаниях по техническим вопросам, в которых он ничего не смыслит* (В. Гроссман, *Жизнь и судьба*); *Но сейчас его возбуждение дошло до такой степени, что ему не терпелось пробежать все расстояние разом, не переводя дыхания* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*); *Если у фашизма не останется вооруженных врагов на земле, палачи не будут знать удержу* (В. Гроссман, *Жизнь и судьба*); *Это у домашних ссор есть свой генезис, и после того, как оттаскают друг друга за волосы и перебьют посуду, ума не приложат, кто начал первый* (Б. Пастернак, *Доктор Живаго*); *На этом месте Мятлев пожал плечами, не совсем беря в толк слова юной дамы* (Б. Окуджава, *Путешествие дилетантов*); *Меня поразило, что он говорил с такой страстью, совершенно не помня себя* (В. Каверин); *Иногда обще-*

ство томится каким-то смутным желанием, но оно никогда не шевельнет пальцем, чтобы привести его в исполнение (Н. Добролюбов).

Кроме эксплицитно отрицательных предложений для подавляющего большинства рассматриваемых единиц допустим еще контекст "несмелых" высказываний — вопросительных, сомнительных, уступительных, условных, модальных — обычно с частицами *хоть* или *и*. Фактически в нашем материале таких случаев почти не встретилось, однако это можно проследить на экспериментальных фразах, например с оборотом *на йоту уступить*. Здесь и ниже он берется в утвердительной форме именно потому, что употребляется и вне отрицательного контекста. Ср.: *Ты думаешь, он хоть на йоту уступит?* (вопросительное); *Сомневаюсь, что он хоть на йоту уступит* или *Боюсь хоть на йоту уступить* (сомнительные); *Он, может быть, и уступит на йоту, но потом все равно по-своему сделает* (уступительное; ср. *Есть в Москве место, где каждый может хоть на йоту, но приблизиться к истине в своем постижении цыганской тайны*, — Юность. 1988. № 4 — о театре "Ромэн"); *Если он хоть на йоту уступит, я перемену свое мнение о нем* или *Стоит на йоту уступить — из тебя веревки вить будут* (условные). Во всех этих предложениях фраза *на йоту уступить* внешним образом употреблена утвердительно. Однако в собственно утвердительном предложении она невозможна. Высказывания типа **Он на йоту уступил, а потом сожалел об этом* явно аномальны.

Каким образом объяснить эту аномалию? Разумно допустить, что ее корни уходят в семантику соответствующих лексических единиц и что, следовательно, начинать объяснение надо с их толкования.

К сожалению, обычные словарные толкования не дают ключа к решению вопроса. В Словаре современного русского литературного языка [6], словаре С. И. Ожегова [4] и ряде других изданий *не* в интересующих нас случаях включается непосредственно в состав соответствующих лексических единиц. Данное решение явно неудачно: оно не объясняет случаев их употребления вне отрицательного контекста. В Словаре русского языка [5] и в словаре В. П. Жукова и др. [3] этот недостаток как будто преодолевается: в большинстве таких случаев в словарь включаются по две фраземы (или по два "конструктивных варианта") — одна в отрицательной форме, другая — в утвердительной. Ср., например, *пальцем не шевельнуть* = 'ничего не сделать' и *пальцем шевельнуть* = 'сделать очень мало'. Ср. также *не ко двору* и *ко двору, не по зубам* и *по зубам* из словаря В. П. Жукова и других авторов. Казалось бы, решение найдено — объяснены все факты. На самом деле и это решение неудовлетворительно. Во-первых, оно предполагает, вопреки всякой очевидности, что в русском языке есть в соответствующих участках лексической системы по две разные единицы, а не по одной. Во-вторых, оно оставляет неистолкованным тот факт, что по-русски нельзя сказать **Он пальцем шевельнет, чтобы помочь тебе*. Для этого абсолютно неправильного предложения получается, в соответствии со словарным толкованием, вполне приемлемая интерпретация: 'Он сделает очень мало, чтобы помочь тебе'.

Предлагаемое нами объяснение этой аномалии состоит в следующем. Все лексические единицы данного класса, употребляющиеся и вне отрицательного контекста, толкуются только в утвердительной форме, причем в состав толкования кроме собственно ассертивной части включается некая модальная рамка. *Х на йоту уступит* значит, в первом приближении, 'Х уступит очень мало; говорящий считает, что Х не уступит совсем'. Когда эта фраза попадает в чисто утвердительный контекст, ассерция оказывается в непримиримом противоречии с модальной рамкой: говорящий утверждает, что Х уступит, хотя и очень мало, а на самом деле думает, что Х не уступит совсем. На пути такой потенциальной неискренности со стороны говорящего язык и воздвигает преграду в виде аномальности.

Легко убедиться, что приведенное толкование объясняет и все другие допустимые контексты употребления фраземы *на йоту уступит*. Действительно, в отрицательном контексте противоречия между ассертивной и модальной частями толкования не возникает: *Х ни на йоту не уступит* = 'Х не уступит (даже) очень мало; говорящий считает, что Х не уступит совсем'. В сущности, говорящий дважды высказывает одну и ту же мысль. Этот анализ естественно распространяется и на сомнительные, т. е. имплицитно отрицательные, высказывания — ведь *Сомневаюсь, что Р* = 'считаю, что скорее не Р'. В вопросительных, уступительных и условных высказываниях противоречия тоже нет. Спрашивая кого-то: *Ты думаешь, он хоть на йоту уступит?*, говорящий в худшем случае рискует не согласиться со своим адресатом, а отнюдь не с самим собой. По-видимому, похожая ситуация имеет место и в уступительных высказываниях. Наконец, в условных высказываниях типа *Если Х хоть на йоту уступит, будет плохо* говорящий ничего не утверждает бесповоротно, а делает лишь гадательное предположение, которое может оказаться и ложным.

Из рассмотренного материала можно извлечь два урока — лингвистический и металингвистический.

Прежде всего, предложенный анализ позволяет сформулировать один важный кооперативный принцип, заложенный в самой природе языка. Назовем его принципом внутренней последовательности говорящего на протяжении высказывания. Он проявляется в следующем. Если говорящий возбудил у слушающего какие-то общие фоновые знания (пресуппозиции) или занял какие-то интеллектуальные позиции, отраженные в модальных рамках выбранных им языковых единиц, то ничто в его высказывании не должно их отменять. В противном случае правильного высказывания не получится. Таким образом, язык, в доступной ему мере, вынуждает говорящего быть последовательным.

Второй урок — металингвистический — относится к теории лексикографических толкований. В большинстве случаев объектом толкования является некая каноническая лексическая единица, реально встречающаяся в текстах в своем каноническом виде. Материал, который был рассмотрен в данной статье, существенно расширяет это более или менее традиционное представление об объекте толкования. Оказывается, что в ряде случаев толковать надо не реаль-

ную, хотя и канонизированную единицу языка, а лексикографический конструкт. Фраза *на йоту уступить*, как и другие подобные единицы, в собственно утвердительной форме не существует. Тем не менее мы должны постулировать эту форму, чтобы, с одной стороны, обеспечить единство данной фраземы в разных условиях ее употребления, а с другой — построить простые и общие правила ее семантической интерпретации. Неслучайность этого решения подтверждается тем, что такого рода конструкты оказываются необходимыми при истолковании материала совсем другой природы [см. 2: 72]. Добавим к этому, что в самой идее фиктивной единицы, представляющей ряд реально существующих единиц, нет ничего принципиально чуждого современной лингвистической теории; ср. понятие "представляющий морф" в грамматике.

В заключение можно выразить надежду, что исследование тавтологических, и в особенности противоречивых, аномалий даст еще немало интересных результатов, касающихся как отдельных единиц языка, так и пронизывающих его общих принципов.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst, język, poetyka: Zbiór studiów / Red. M.R. Mayenowa. Wrocław; Warszawa etc., 1978.*
2. *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // *Русистика сегодня: Язык: система и ее функционирование. М., 1988.*
3. *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляр В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972.
5. Словарь русского языка. М., 1981–1984. Т. 1–4.
6. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.

ДЕЙКСИС В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ И НАИВНАЯ МОДЕЛЬ МИРА*

1. Вводные замечания о наивной модели мира

Коротко говоря, идея наивной модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. Иногда она называется *наивным реализмом* (термин Р. Халлига и В. Вартбурга), потому что образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира.

Эта идея в различных ипостасях и версиях представлена во все ключевые эпохи новейшей истории лингвистики. Восходит она к учению В. Гумбольдта о "внутренней форме" языка. В сущности, вариациями на тему "внутренней формы" являются понятие значимости у Ф. де Соссюра, гипотеза "лингвистической относительности" Э. Сэпира — Б. Уорфа, равно как и вся позднейшая американская этнолингвистика, теория семантических полей И. Трира, неогумбольдтианское понятие *Zwischenwelt'a*, учение Л. В. Щербы об "обывательских" понятиях, недавно выдвинутая А. Вежибицкой концепция "этносинтаксиса" [1] и многие другие построения лингвистов XX века. Отметим глубокие параллели к теме "внутренней формы" языка в литературоведении и поэтике. Нынешнее литературоведение уже не довольствуется непосредственным выводом художественного текста прямо из жизненного опыта его автора. Между этими двумя объектами оно ставит третий объект — инвариантный и неповторимый "поэтический мир" автора, опосредствующий его опыт и формирующий его тексты. (Ср. классическое исследование Р. Якобсона о роли статуи в мифологическом мире Пушкина, "Морфологию волшебной сказки" В. Проппа, реконструкцию поэтического мира Рабле, предложенную М. М. Бахтиным, и многочисленные современные работы по структурной поэтике.)

* Статья была впервые напечатана в сборнике "Семиотика и информатика", 1986, вып. 28.

В современной лингвистике в результате бурного развития семантики и прагматики, сопоставительного изучения языков, усилившихся контактов с поэтикой и логикой идея систематической и национально своеобразной организации семантического материала в каждом естественном языке получила новые мощные импульсы. Реконструкция наивной модели мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе. С другой стороны, реконструкция наивной модели мира позволяет изменить стратегию описания языковых значений, сделать ее более общей и пронизательной. Раньше лингвисты рассматривали языковые значения как более или менее непосредственное отражение фактов действительности. Этому соответствовала редукционистская стратегия описания языковых значений через все более простые смыслы вплоть до элементарных — слов универсального семантического метаязыка. Очевидно, что многие языковые значения (быть может, даже подавляющее большинство) и сейчас должны описываться точно таким же образом. Однако в контексте данной работы важно подчеркнуть, что понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными. При этом оказывается, что наивная модель мира отнюдь не примитивна. Во многих деталях она не уступает по сложности научной картине мира, а может быть, и превосходит ее.

С указанной точки зрения исключительно благодарной задачей оказывается изучение дейксиса в составе лексических и грамматических значений.

2. Основные понятия и оппозиции дейксиса

Когда говорят о дейксисе, упоминают следующие классические дейктические слова: **ЗДЕСЬ — ТАМ, СЕЙЧАС — ТОГДА, ЭТОТ — ТОТ, ВОТ — ВОН, Я — ТЫ** ([2, с. 102; 3, с.286–288; 295–297; 4, 275; 5, с.579, 638, 646–650, 669–700], а также монографии и аналитические обзоры по дейксису [6–8]). Здесь же следует учесть и их многочисленные семантические производные, ср. **СЮДА — ТУДА, ОТСЮДА — ОТТУДА, СЕГОДНЯ — ВЧЕРА — ЗАВТРА, ТЕКУЩИЙ — ПРОШЛЫЙ — СЛЕДУЮЩИЙ**, а также производные второй степени **ПОЗАВЧЕРА, ПОСЛЕЗАВТРА, ПОЗАПРОШЛЫЙ** и т. д. Все эти слова отражают определенную систему понятий, которую можно было бы назвать наивной физикой пространства и времени. Наивные физики пространства и времени, явленные в дейктических словах различных языков, обнаруживают некоторые универсальные черты и ряд особенностей, специфичных для

каждого естественного языка. Чтобы показать и то и другое, перечислим, с некоторыми дополнениями и уточнениями, основные свойства дейктической лексики, как они описаны в упомянутой выше литературе. Это тем более необходимо, что ключевые понятия и оппозиции дейксиса систематически нигде не изложены.

1) Дейктическая лексика эгоцентрична. Ее семантической основой является понятие "я", "ego", "говорящий". Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства.¹ С другой стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков — ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, а через них — и всех остальных.

2) Противопоставление "я — не я" лежит в основе главной оппозиции, организующей дейктическую лексику, — оппозиции ближнего (проксимального) и дальнего (экстремального) дейксиса. В некоторых языках представлен еще срединный (медиальный) дейксис, но мы ограничимся только первыми двумя, поскольку они, видимо, универсальны.

Первоначальное представление о существовании этой оппозиции дают словарные толкования классических дейктических слов. Приведем в качестве образца толкования из [10]. ЭТОТ — "указывает на кого — что-л. близкое, находящееся перед глазами говорящего, в непосредственной близости к говорящему". ТОТ — "...Не какой-либо другой, именно данный, на который указывает говорящий, о котором идет речь. Об отдаленном лице, предмете (в отличие от этого)". ВОТ — "указательная частица. Употребляется для указания на наличие кого — чего-л. поблизости в данный момент времени...". ВОН — "указательная частица. Указывает на наличие какого-л. предмета в некотором отдалении...". ЗДЕСЬ — "в этом месте. Противоположно: там". ТАМ — "в том месте, не здесь". СЕЙЧАС — "в настоящее время, теперь". ТОГДА — "в то время, в тот момент в прошлом или будущем; не теперь". Я — "употребляется говорящим для обозначения самого себя". ТЫ — "употребляется при обращении к близкому человеку или к какому-либо лицу при грубом, фамильярном обращении".

Хотя традиционное лексикографическое определение ближнего и дальнего дейксиса неточно, о чем мы еще будем говорить, оно поддерживается большинством теоретиков (см. в особенности [5, с. 646–650] и [7]). Справедливости ради скажем, что в ряде работ отмечаются недостатки буквального пони-

¹ Этот тезис, восходящий еще к работе К. Бюлера [2] и ставший почти общепринятым, был в недавнее время оспорен в [9, с.66–67]. Г. Опалка утверждает, что высказывание не эгоцентрично, а дуоцентрично, т. е. что ориентация задается не только фигурой говорящего, но и фигурой слушающего. Эта поправка представляется нам неприемлемой. Речь идет не о том, какие другие факторы принимают участие в формировании "координатных осей" высказывания, а о том, что является определяющим фактором. Очевидно, что в этом отношении у говорящего нет конкурентов.

мания ближнего и дальнего дейксиса. В частности, в [5 и 11, с. 138–141] приводятся примеры высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию, но содержащих полярно противоположные дейктические слова. Москвич, садясь в поезд Москва – Новосибирск, может сказать соседу по купе (особенно если поезд уже тронулся): *Я родился в Москве и прожил здесь <там> всю свою жизнь*. Однако, когда дело доходит до интерпретации таких примеров, никакой альтернативы понятиям ближнего и дальнего дейксиса, т. е. понятиям реальной близости к говорящему или удаленности от него, не предлагается.

3) Различаются первичный и вторичный дейксис. Первичный дейксис – это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения. Говорящий и слушающий видят друг друга, и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающей обстановки (только таким дейксисом мы и будем заниматься в дальнейшем). Вторичный дейксис, называемый также нарративным [11,12] или дейктической проекцией [5, с. 579], не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования. Его конституирующим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета. Дейктические слова в этом случае используются для изображения чужого сознания и имеют, как правило, анафорическую или катафорическую функцию. Ср. *Перемещение преступника удалось проследить до Киева; здесь след его потерялся; Он только сейчас понял, какая радость для него этот неожиданный приезд жены*. В ряде случаев возможна омонимия первичного и вторичного дейксиса; так, в последнем примере *сейчас* может интерпретироваться и как время высказывания, и как предшествующий ему момент в прошлом, когда герою рассказа открылась некая истина о нем самом и о его жене.

Частным случаем вторичного дейксиса является, по-видимому, пространственный дейксис телефонного разговора.

4) Выделяются временной и пространственный дейксис. Они имеют и черты сходства, и черты различия.

Начиная с Г. Рейхенбаха [13] временной дейксис описывается с помощью трех понятий: времени данной речи (speech time), времени события (event time) и точки отсчета во времени (reference time)². В высказывании типа *Петя читает роман* все три временных точки совпадают. В высказывании *Петя читал роман* точка отсчета совпадает с временем речи, а время события предшествует ей. Наконец, в высказывании *Когда я пришел, Петя уже прочитал роман* все три точки раздельны: время события (прочтение романа) предшествует точке отсчета (времени моего прихода), а точка отсчета предшествует времени речи.

В недавнее время В. Эрих [12, с. 49] сделала попытку распространить эти временные понятия на пространственный дейксис. Она различает "место гово-

² К. Бюлер довольствовался двумя понятиями; точка отсчета (origo) у него всегда совпадала с временем речи или местом говорящего.

рящего" (place of the speaker), т. е. то место, которое "физически им заполняется"; "денотативное пространство" (denotation space), т. е. пространство, которое говорящий обозначает дейктическим выражением; и "точку отсчета в пространстве" (reference space), т. е. пространство, относительно которого определяется денотативное пространство. Эти три участка пространства не совпадают друг с другом, по-видимому, только в случае вторичного дейксиса. Ср. текст *Лунин решил вернуться в Петербург. Там были его товарищи*. Место говорящего в данном случае может быть расположено где угодно, например в Москве. Денотативным пространством является Петербург, а точкой отсчета — Варшава, где находился Лунин, когда принимал это решение.

Понятие "места говорящего" представляется нам малопродуктивным (см. ниже, раздел 3). Однако, даже если принять предложенное В. Эрих обобщение целиком, было бы ошибкой думать, что временной и пространственный дейксис устроены вполне одинаковым образом. В некоторых существенных отношениях они различаются. Их несимметричность проявляется прежде всего в несимметричности двух основных дейктических слов — ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. В естественном языке действует принцип "дейктической одновременности" [5, с. 685], в силу которого временная точка отсчета — *сейчас* — одна и та же для говорящего и слушающего. Между тем пространственные точки отсчета для них различны. В телефонном разговоре между Москвой и Петербургом москвич может сказать *Здесь сейчас идет дождь. А у вас сейчас какая погода?* Он меняет дейктическое обозначение места (*здесь* \Rightarrow *у вас*), но оставляет неизменным дейктическое обозначение времени.

5) Для пространственного дейксиса существенна, помимо говорящего, еще одна фигура — наблюдатель. В ситуациях, обозначаемых классическими дейктическими словами ЗДЕСЬ — ТАМ, СЮДА — ТУДА, ЭТОТ — ТОТ, ВОТ — ВОН, говорящий и наблюдатель всегда совпадают в одном лице. Имеются, однако, дейктические слова, для которых такое совпадение необязательно. Так, как известно, английский глагол COME. Высказывание *John will come home at five* 'Джон придет домой в пять' может быть сделано человеком, который сам не собирается быть дома у Джона. Процесс перемещения Джона к дому может быть ориентирован относительно другого наблюдателя, которого говорящий мыслит дома у Джона и которому он эмпатизирует.

К числу слов, дейктических в этом смысле, относятся прежде всего существительные, прилагательные, наречия и предлоги, обозначающие пространственную ориентацию (см. о них в особенности [14, с. 167 и сл.; 15; 16, с. 109–113; 17, с. 16–19; 5, с. 690–691; 18, с. 40–44; 19, с. 24 и сл.; 20; 21, с. 319–322; 8, с. 53].

6) Возможны два типа ориентации предмета А относительно предмета В с помощью такого слова — относительная и абсолютная [16, с. 110–112]. Первой соответствует так называемая дейктическая стратегия понимания, второй — недейктическая.

Относительная ориентация предполагает, что в число непосредственных участников описываемой ситуации говорящий мысленно вводит некоего нена-

зываемого наблюдателя. Рассмотрим, например, предложение *Перед машиной стояла девушка*. Оно является вполне корректным описанием ситуации, когда девушка стоит у дверей автомобиля. При этом, однако, мыслится наблюдатель, обрезающий автомобиль "в профиль"; девушка находится между ним и автомобилем.

Подчеркнем, что в данном случае ключевой фигурой является именно наблюдатель, а не сам говорящий, как думают некоторые авторы (например, [19]). Рассмотрим следующий пример. Пусть некто ищет авторучку, которая, по сведениям говорящего, лежит на телефонном столике сбоку от телефонного аппарата. Говорящий может сидеть спиной к столику. Однако, направляя поиск, он будет ориентировать ручку относительно телефона не со своей точки зрения, а с точки зрения ищущего. Он может сказать *Ручка лежит перед телефоном*, если считает, что ищущий подходит к телефону сбоку, и *Ручка лежит справа от телефона*, если считает, что ищущий подходит к телефону со стороны циферблата.

Абсолютная ориентация предполагает, что непосредственное участие в ситуации, описываемой пространственным словом, принимают лишь два участника — ориентируемый предмет *A* и предмет *B*, который служит ориентиром. Вернемся к предложению *Перед машиной стояла девушка*. Оно может описывать и ситуацию, когда девушка находилась у носовой, "фасадной" части автомобиля. Тогда автомобиль воспринимается как предмет с собственной, внутренне присущей ему ориентацией, а предложение понимается недейктивно: никакого постороннего наблюдателя в этой ситуации нет.

Относительная и абсолютная ориентация предметов, равно как и соответствующие им дейктическая и недейктическая стратегия понимания высказываний, зависят от многих факторов. Эти факторы могут отличаться от языка к языку, но некоторые из них обладают, по-видимому, универсальной значимостью.

Для абсолютной ориентации (и, следовательно, недейктического понимания высказываний) важны три фактора.

Первым является физическое или анатомическое членение самого предмета *B* на левую и правую стороны, верх и низ, перед и зад. При этом членение предмета *B* (например, человека или животного) на левую и правую стороны с необходимостью влечет его вертикальное и фронтальное членение. Между тем ни вертикальное, ни фронтальное членение *B* не влечет с необходимостью двух других членений. У дерева есть только верх и низ, у ракеты в космосе — только перед и зад, у телефонного аппарата — верх и низ, перед и зад, но не левая и правая стороны.

Если предмет *B* расчленен вдоль пространственной оси *X* (например, на левую и правую стороны) и если предмет *A* ориентируется именно относительно оси *X* (например, с помощью слов СЛЕВА или СПРАВА), то всегда возможна абсолютная ориентация и, следовательно, недейктическое понимание высказывания. Ср. *Турецкий посол сидел справа <по правую руку> от царя*.

Иногда, впрочем, возможна и относительная ориентация (дейктическое понимание); ср. *Иван сидит справа от директора*.

Если предмет *B* не расчленен вдоль пространственной оси *X*, а предмет *A* ориентируется именно относительно этой оси, то возникает относительная, т. е. дейктическая ориентация. Ср. *Переулочек, переул.../Горло петелькой затянул... /Как по левой руке — пустырь, / А по правой руке — монастырь* (А. Ахматова). Очевидно, что положение пустыря и монастыря относительно переулка определяется положением наблюдателя.

В том случае, когда у предмета *B* нет никакого естественного, физического или анатомического, членения, в действие вступают второй и третий факторы.

Второй фактор — положение предмета *B* относительно центра земли. На этом основании вертикально не расчлененным предметам (кубикам, кирпичам, шарам и т. д.) актуально приписываются верх (дальше от центра Земли) и низ (ближе к центру Земли). Поэтому предложения типа *Сверху кубика он положил шарик* понимаются недейктично.

Третий фактор — направление привычного перемещения предмета *B*. На этом основании фронтально не расчлененным предметам (например, вагонам) актуально приписываются перед (часть, которая "прибывает" первой) и зад (часть, которая "прибывает" последней). Соответственно предложение типа *Спереди к вагону был прикреплен флаг* понимается недейктично. Любопытно, что когда предмет имеет анатомический перед и зад и способен к перемещению, но способ перемещения противоречит его анатомии, приоритет имеет анатомия. Мы говорим *Краб движется боком*, так как анатомический перед у краба — со стороны головы [17].

Для относительной ориентации (и, следовательно, дейктического понимания высказываний) важны, помимо анатомического или физического членения предмета *B*, еще два фактора — размеры *A* и *B* и отношение между их размерами и разделяющими их расстояниями. Роль этих факторов будет рассмотрена ниже, в разделе 4.

В заключение этих замечаний об относительной/абсолютной ориентации и дейктическом/недейктическом понимании высказываний отметим, что выбор типа ориентации (и, следовательно, стратегии понимания) может маркироваться грамматическими средствами языков. Так, в артиклевых языках дейктической стратегии может соответствовать нулевой артикль, а недейктической — определенный, но не наоборот [19, с. 29–30, 40]. Ср. английские переводы двух осмыслений предложения *Перед машиной стояла девушка*: *In front of the car (there) stood a girl* (возможно дейктическое осмысление) VS. *At the front of the car (there) stood a girl* (обязательно недейктическое осмысление). Ср. также французские примеры К. Хилла: *C'est ma soeur à gauche de Jean* ('Слева от Жана моя сестра' — дейктическая стратегия) VS. *C'est ma soeur à la gauche de Jean* ('По левую руку от Жана моя сестра' — недейктическая стратегия).

7) "Наивные картины" пространства и времени национально специфичны. К. Хилл, например, утверждает, что в английском языке на ориентацию по

переду/заду влияет статичность/подвижность наблюдателя [19, с. 23]. В статике дерево воспринимается как стоящее перед башней (in front of), если оно ближе к наблюдателю. Если же наблюдатель перемещается по направлению к башне, то перед башней для него будет то дерево, которое находится дальше от него. В русском языке ориентация по переду/заду не зависит от перемещения наблюдателя.

Наивная модель времени задается дейктическими словами и формами, которые есть во всех человеческих языках. Слова, обозначающие календарное и суточное время, ближе к научным понятиям и есть только в "культурных языках". Любопытно, что в процессе усвоения языка дети сначала овладевают наивной (дейктической) моделью времени и только потом — более научной (календарной).

На этом мы закончим обзор основных понятий и оппозиций дейксиса. Они послужат отправной точкой для последующего изложения. Нашей непосредственной задачей будет 1) формулировка понятий пространства и времени говорящего и уточнение на их основе традиционного противопоставления ближнего и дальнего дейксиса; 2) исследование роли другого дейктического понятия — понятия наблюдателя — в составе лексических и грамматических значений; 3) формулировка понятия личной сферы говорящего, которое близко к понятиям пространства и времени говорящего и вместе с ними образует существенный фрагмент наивной модели мира.

3. Пространство и время говорящего

Выше были приведены традиционные толкования основных дейктических пар ЭТОТ — ТОТ, ВОТ — ВОН, ЗДЕСЬ — ТАМ, СЕЙЧАС — ТОГДА. Как мы видели, различия внутри этих пар обычно сводятся к различиям в фактических физических расстояниях между предметами в пространстве или событиями во времени.

Мы не имеем в виду противопоставить этим толкованиям новое и исчерпывающее описание значений дейктических слов (такая задача могла бы составить предмет монографического исследования). Наша цель скромнее — предложить несколько локальных уточнений к толкованиям дейктических слов, выявляющих тот систематический аспект их семантики, который игнорируется традиционной лексикографией.

ЭТОТ = 'находящийся в пространстве, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя'. ТОТ = 'находящийся в пространстве, отличном от того, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя' (эти два толкования распространяются, с незначительными модификациями, и на частицы ВОТ и ВОН). ЗДЕСЬ = 'в том месте, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя'. ТАМ = 'в месте, отличном от того места, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя'. СЕЙЧАС = 'во время речи говорящего или в то время, в котором он мыслит

себя'. ТОГДА = 'во время, отличное от времени речи говорящего или от того времени, в котором он мыслит себя'.

В приведенных толкованиях используются два нетрадиционных понятия: понятие пространства, в котором говорящий в момент речи мыслит себя, и понятие времени, в котором говорящий в момент речи мыслит себя. Таким образом, предлагается считать, что в действительности важны не столько фактические физические пространства и времена, сколько способ их восприятия говорящим. Скажем точнее: в наивной картине мира способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей. Когда он расходится с фактами, предпочтение при осмыслении высказывания отдается ему. Рассмотрим несколько таких ситуаций, сначала — из области пространственного дейксиса, а затем — временного.

Пусть в помещении есть двери *A* и *B*, причем дверь *A* находится на расстоянии пяти метров от меня и непосредственно в моем поле зрения, а дверь *B* — на расстоянии трех метров, но за моей спиной. Тогда я могу сказать: *Выход — в эту дверь* (показывая рукой или — в просторечии — указательным пальцем на дверь *A*), *а не в ту* (показывая развернутым назад большим пальцем дверь *B*). Дело здесь, таким образом, не в фактических физических расстояниях от меня до дверей, а в том, что дверь *A* находится непосредственно передо мной и что я ее вижу. Поэтому она естественно воспринимается как принадлежащая тому пространству, в котором в момент речи я мыслю себя. Между тем, дверь *B*, находящаяся за моей спиной и, следовательно, скрытая от моих глаз, естественно воспринимается как расположенная за пределами моего пространства.

В примере *Вон одна звездочка, вон другая, вон третья: как много!* (И. А. Гончаров) частицу *ВОН* вполне можно было бы заменить частицей *ВОТ*. Реальные расстояния до звезд остались бы теми же — изменился бы только способ восприятия пространства говорящим. В первом случае звезды мыслятся как расположенные за пределами пространства говорящего, а во втором — как расположенные в его пространстве, т. е. в том пространстве, где он мыслит себя.

Итак, для описания значений ряда языковых единиц требуется понятие пространства говорящего. Его следует добавить к трем другим пространственным дейктическим понятиям — пространства события, точки отсчета в пространстве и места наблюдателя.

Перейдем к временному дейксису.

Рассмотрим два высказывания: *Я прочитал "Войну и мир" в раннем детстве* и *Я читал "Войну и мир" в раннем детстве*. Часто считается, что в первом из них речь идет о действии, выполненном относительно недавно по сравнению с моментом речи, так что его результат ощущается в настоящем, а во втором — о действии, выполненном достаточно давно. Такая интерпретация представляется нам ошибочной. Ведь и в том, и в другом высказывании речь может идти об одном и том же событии, и "я" этих высказываний может быть одним

и тем же лицом. Различия между этими высказываниями состоят не в разной степени удаленности прошлого события от момента речи, а в том, как говорящий воспринимает время этого события. В случае совершенного вида говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, т. е. тем временем, в котором он мыслит себя. Одним из следствий этого обстоятельства является эффект сохранения результата действия в настоящем. В случае несовершенного общефактического (*Он читал этот роман, Он уже ходил за хлебом, Кто открывал окно?*) говорящий мыслит время события как отличное от того времени, в котором в момент речи он мыслит себя. Этим объясняется эффект давнопрошедшего, свойственный общефактическому значению.

Понятие времени говорящего необходимо и для толкования некоторых лексических значений. Возьмем, например, частицы ЕЩЕ и УЖЕ во фразах типа *Еще <уже> в детстве я интересовался шахматами <историей, жизнью птиц>*. Тот факт, что обе частицы способны осмысленно фигурировать в одних и тех же контекстах, наводит на ложную мысль, будто они синонимичны (они действительно толкуются как синонимы во всех современных словарях). Их несинонимичность явно проступает в контекстах максимального противопоставления, где способна употребляться лишь одна из двух частиц. Ср. *Еще вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых* (нельзя сказать **Уже вчера я разговаривал с ним, а сегодня его нет в живых*) — *Уже сейчас ясно, что он проиграет* (нельзя сказать **Еще сейчас ясно, что он проиграет*). Понятие времени говорящего позволяет вскрыть (хотя и не полностью) тонкое различие между ЕЩЕ и УЖЕ [21, с. 325]. *Р еще в T* = 'Событие *P* имеет место во время *T*; *P* или связанное с ним событие *P'* произошло раньше, чем ожидал говорящий; *T* не совпадает со временем данной речи; *T* не входит во время говорящего'. *Р уже в T* = 'Событие *P* имеет место во время *T*; *P* или связанное с ним событие *P'* произошло раньше, чем ожидал говорящий; *T* входит во время говорящего'.

В употреблении типа *Я прочитал "Войну и мир" еще в детстве* конфликт между значением совершенного вида и значением частицы ЕЩЕ разрешается в пользу частицы, поскольку лексика сильнее грамматики.

Итак, к трем рейхенбаховским понятиям, необходимым для описания временных значений естественных языков, — времени события, точки отсчета во времени и времени данной речи — предлагается добавить еще одно — понятие времени говорящего.

Отметим, что эти четыре понятия образуют первичную систему временных понятий наивной физики, связанную с первичной коммуникативной ситуацией — ситуацией непосредственного общения по поводу фактов реального мира. Но язык, как известно, используется не только для обмена мнениями о реальной действительности. В нем возможны и высказывания о действительности, которая является плодом художественной фантазии; ср. настоящее сценических ремарок, сценариев, оперных либретто, названий глав. Для описания ви-

до-временных значений глаголов, выступающих в перечисленных функциях, первичной системы временных понятий явно недостаточно. Не случайно традиционные интерпретации значений видо-временных форм становятся наименее эксплицитными именно при обсуждении такого материала. Традиционная система видо-временных понятий сложилась в результате изучения первичной коммуникативной ситуации. Для описания грамматических значений, возникающих во вторичных коммуникативных ситуациях с совершенно новыми точками отсчета, арсенал временных понятий должен быть не просто расширен, а пополнен целой новой подсистемой. Как она будет выглядеть — покажет будущее. Здесь для нас важно подчеркнуть лишь то, что сам факт существования вторичной подсистемы временных понятий создает еще одно отличие наивной физики времени от научной.

Уточненные толкования классических дейктических слов, при всей своей эскизности и приближительности, позволяют сформулировать основное свойство всякого дейксиса. Этим свойством является либо совпадение (для ядейксиса), либо несовпадение (для других разновидностей дейксиса) пространственно-временных координат описываемого факта, как их мыслит говорящий, с теми пространственно-временными координатами, в которых говорящий мыслит себя.

Как видим, наивная физика пространства и времени — это релятивистская физика, хотя и в другом смысле, чем эйнштейновская. Пространство и время релятивизированы взглядом говорящего на мир. По нашему мнению, это свойство языка в гораздо большей степени заслуживает названия "лингвистическая относительность", чем факт национального своеобразия грамматической, лексической или даже семантической системы языка в смысле Б. Уорфа. Оно является, может быть, самой глубокой лингвистической универсалией из всех, какие известны в лингвистике.

4. Место наблюдателя

Дейксис этого типа распространен гораздо шире, чем принято думать. Его можно обнаружить в лексических значениях практически всех грамматических классов слов, но типичен он для пространственных существительных, прилагательных, наречий и предлогов.

Так, в словосочетаниях типа *высота контейнера для мусора* наблюдатель оценивает вертикальную протяженность контейнера при взгляде сбоку, а в словосочетаниях типа *глубина контейнера для мусора* он оценивает ее при заглядывании внутрь контейнера.

Левая тумба стола значит 'находящаяся слева от наблюдателя при его нормальном положении во время работы за столом', а *правая тумба стола* значит 'находящаяся справа от наблюдателя при его нормальном положении во время работы за столом'.

Особого внимания заслуживают некоторые группы пространственных наречий и предлогов.

Рассмотрим прежде всего группу пространственных наречий ВДАЛЕКЕ, ВДАЛИ, ВБЛИЗИ, ВДАЛЬ в сопоставлении с близкой к ним по смыслу группой наречий ВВЕРХУ, ВНИЗУ, НАВЕРХУ, ВВЕРХ, ВНИЗ, ВПЕРЕДИ, СЗАДИ, ДАЛЕКО, НЕДАЛЕКО, ИЗДАЛЕКА, ДАЛЬШЕ, БЛИЖЕ, ВЫШЕ, НИЖЕ.

Из наречий первой группы будут проанализированы только ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ, поскольку остальные наречия семантически устроены по тому же образцу.

В собственно пространственном значении этих наречий можно выделить два класса употреблений — с нереализованной и реализованной второй валентностью.

В первом круге употреблений всегда реализуется дейктическая стратегия. Его можно иллюстрировать примерами *Сколько я ни старался различить вдалеке что-то наподобие лодки, но безуспешно* (М. Ю. Лермонтов); *Кучер повернул к видневшейся вдалеке деревне* (К. Паустовский); *И вдруг, утробным воем, / Все море встыхнуло вдали* (Н. Заболоцкий).

Очевидно, что во всех этих текстах ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ значат не просто 'на значительном расстоянии'. 'На значительном расстоянии' — более или менее симметричный предикат. Между тем, наречия ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ с нереализованной второй валентностью обозначают явным образом несимметричные отношения между двумя пространственными точками *X* и *Y*. В точке *X* находится наблюдаемый объект (в приведенных примерах - лодка, деревня, все море). Оценка расстояния до этого объекта производится из точки отсчета *Y*, где находится наблюдатель. Недаром нельзя сказать **Вдали появился я верхом на лошади*, **Вдалеке стояли мы с Володей*. Указанная пространственная ориентация ситуации не может быть изменена. Любопытно, что совсем иначе ведут себя слова ДАЛЕКО, НЕДАЛЕКО, ИЗДАЛЕКА — совершенно объективные констатации того, что два объекта находятся на значительном расстоянии друг от друга. С равным успехом можно сказать *Я был в Москве, а он был далеко*, *Он был в Москве, а я был далеко*. Ср. также *Я был недалеко и все хорошо видел, Я приехал издалека*.

Во втором круге употреблений реализуется, как правило, недейктическая стратегия. Его можно иллюстрировать примерами *Хутор лежал вдалеке от железной дороги; Скоро вдалеке от камней встыхнуло на черной воде яркое дрожущее пламя* (Л. Соболев); *Вдали от милого, в неволе / Зачем мне жить на свете боле?* (А. С. Пушкин).

В таких текстах ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ значат, скорее всего, 'на большом расстоянии', т. е. задают более или менее симметричное отношение, без наблюдателя. Действительно, никакой неизменной, раз и навсегда данной точки отсчета в этих ситуациях нет. Такая, например, фраза, как *Хутор лежал вдалеке от железной дороги*, уместна и в ситуации, когда наблюдатель находился на

хуторе, и в ситуации, когда он находился на железной дороге или в каком-то третьем месте. Тем самым положение наблюдателя в данном случае нерелевантно.

На основе сказанного может возникнуть мысль, что у наречий ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ имеется по два разных значения — значение относительной ориентации (первое) и значение абсолютной ориентации (второе). Нам представляется более адекватным описание, усматривающее в обоих случаях употребления наречий одно и то же лексическое значение, но с определенной семантической модификацией в условиях невыраженности второй валентности.

Наречия второй группы — ВВЕРХУ, ВНИЗУ, НАВЕРХУ, ВВЕРХ, ВНИЗ, ВПЕРЕДИ, СЗАДИ, ДАЛЕКО, НЕДАЛЕКО, ИЗДАЛЕКА, ДАЛЬШЕ, БЛИЖЕ, ВЫШЕ, НИЖЕ, несмотря на очевидную семантическую близость к наречиям первой группы (ср. в особенные пары ВДАЛЕКЕ и ДАЛЕКО, ВБЛИЗИ и НЕДАЛЕКО, ВДАЛЬ и ИЗДАЛЕКА), все же отличаются от них. Они могут обозначать абсолютную ориентацию (т. е. пониматься недейктически) не только в конструкциях с насыщенной валентностью ориентира, но и в конструкциях с ненасыщенной валентностью ориентира. Пусть, например, речь идет о соревнованиях по скалолазанию. Высказывания типа *Володя был наверху* уместны и в ситуации, когда наблюдатель стоял наверху рядом с Володей, и в ситуации, когда наблюдатель и Володя находились в разных точках горы: Володя наверху, а наблюдатель — внизу. Все сказанное верно, *mutatis mutandis*, и относительно высказываний типа *Володя был внизу*. Пространственное положение Володи определяется не относительно наблюдателя, а относительно какого-то другого объекта, актуализированного в сознании коммуникантов либо предшествующим текстом, либо конситуацией. Аналогичным образом *Володя был впереди* <сзади, дальше, выше и т. п.> можно сказать и тогда, когда наблюдатель находился рядом с Володей, и тогда, когда они были в разных местах. Следовательно, и здесь наблюдатель ни при чем.

Перейдем к пространственным предложениям.

Рассмотрим фразы *Из-за мыса, рассекая волны, выплыл громадный пароход* (М. Горький); *Солнце чуть показалось из-за темно-синей горы* (М. Ю. Лермонтов); *Из-за облака опять выплыла луна*; *Однообразное тканье часов по-прежнему раздавалось из-за стены*. Нет никаких сомнений, что помимо непосредственных участников в описываемых здесь ситуациях присутствует некий неназванный наблюдатель, местонахождение которого относительно пространственной преграды — мыса, горы, облака, стены — абсолютно жестко определено: он находится по эту сторону преграды, между тем как фактически упоминаемые в текстах объекты либо находились, либо находятся по ту сторону преграды. Следовательно, в данном значении предлога ИЗ-ЗА содержится дейктический элемент интересующего нас типа.

Возьмем теперь предлог ИЗ, семантически родственный предлогу ИЗ-ЗА, но относительно дейксиса устроенный по-другому. Рассмотрим, например, фразу *Иван вышел из дому и медленно побрел по улице*. Местоположение на-

блюдателя в этом случае абсолютно не имеет значения. Он мог быть в доме и наблюдать в окно факт ухода Ивана или находиться на улице и зарегистрировать факт его появления. Анализируя этот и другие подобные тексты, естественно сделать вывод, что в значении предлога ИЗ не содержится никаких дейктических элементов.

Этому выводу противоречат как будто фразы типа *Из комнаты вышел мальчик*. Если они произносятся с нейтральной интонацией, т. е. в порядке спокойной констатации открывшегося взору положения вещей, то местонахождение наблюдателя оказывается небезразличным. В частности, в приведенном тексте он незримо присутствует, и притом вне того помещения, которое покинул мальчик.

Однако имеющийся в данном высказывании эффект присутствия наблюдателя связан не с лексическим значением предлога ИЗ, а скорее с коммуникативной организацией предложения. Можно обратить внимание на то, что в высказывании *Из комнаты вышел мальчик* слово МАЛЬЧИК занимает ту позицию, в которой обычно вводится неопределенный объект, новая информация и рема высказывания. Очевидно, в частности, что объект "мальчик" вводится в рассмотрение впервые. Между тем, если бы наблюдатель находился в комнате, то мальчик, покидающий ее, не мог бы быть объектом, впервые представившимся его вниманию. Поэтому не исключено, что в данном случае эффект присутствия наблюдателя вне того пространства, в котором находился наблюдаемый объект, связан с категорией определенности/неопределенности или данного/нового.

Анализ двух других дейктических пространственных предлогов — ЗА и ПЕРЕД — показывает, что пространственная ориентация предметов релятивизована восприятием наблюдателя. Поскольку семантические структуры этих предлогов аналогичны, достаточно будет рассмотреть лишь один из них.

Что значит высказывание *Перед горой лежало озеро*? Прежде всего то, что озеро находилось между горой и наблюдателем. Этого, однако, мало. Существенно, что в восприятии наблюдателя (или говорящего) озеро соизмеримо по величине с горой. Высказывания, где это условие не выполнено, по меньшей мере сомнительны; ср. ?? *Перед корпусом завода лежала горошина*. Подчеркнем, что и здесь важны не фактические размеры озера и горы, а лишь их восприятие наблюдателем или говорящим. Фактически озерцо может быть крохотным, а гора — огромной; тогда важно, чтобы она представлялась не слишком большой, например, в силу своей удаленности. Другое существенное условие — следующее. Расстояние от горы до озера должно восприниматься как соизмеримое с величиной озера. Фактически от озера до горы может быть день пути, но в условиях плохой видимости, оптического обмана или других феноменов может казаться, что она находится более или менее непосредственно за озером. Тогда высказывание *Перед горой лежало озеро* оказывается вполне корректным.

До сих пор дейктические элементы рассматривались в составе лексических значений пространственных существительных, прилагательных, наречий и предлогов. В ряде европейских языков аналогичные или даже в точности такие же дейктические элементы характерны и для значений некоторых глаголов, обозначающих пространственное перемещение. Ср. английские COME и GO, немецкие KOMMEN и Gehen, французские VENIR и ALLER и т. п. В русском языке ясные примеры такого типа нам неизвестны. Попытки сблизить с ними пары типа ПРИЙТИ — УЙТИ, ПРИЕХАТЬ — УЕХАТЬ, ПРИНЕСТИ — УНЕСТИ и т. п. представляются нам неубедительными. Действительно, высказывание типа *Они уже две недели путешествуют по Кавказу и вчера пришли <приехали> в Терскол* вполне уместно в ситуации, когда сам говорящий не находится в Терсколе и никакого наблюдателя там не мыслит.

Однако в русском языке имеется немало глаголов, в лексическое значение которых входит другой тип дейксиса — идея несовпадения говорящего и наблюдаемого объекта. В этом отношении интересен глагол ПОКАЗЫВАТЬСЯ. Он похож на английский глагол LURK, введенный в научный обиход в [22]. Его значение дейктично в только что описанном смысле. Вполне правильна фраза *На дороге показался отряд всадников*, но вряд ли говорящий может сказать о себе **Я показался на дороге*, если, конечно, он не смотрит на факт своего появления на дороге глазами другого человека; ср. *Иван сказал, что я показался на дороге совершенно неожиданно*. Как видим, глагол ПОКАЗЫВАТЬСЯ ведет себя совершенно так, как наречия ВДАЛЕКЕ и ВДАЛИ.

Сейчас к глаголу ПОКАЗЫВАТЬСЯ, значение которого очевидным образом дейктично в указанном смысле, можно добавить глаголы МАЯЧИТЬ, ВИДНЕТЬСЯ, ИСЧЕЗАТЬ ИЗ ВИДУ, КАК СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ ПРОВАЛИТЬСЯ, с дейксисом того же типа (ср. **Я исчез из виду <маячил недалеко>*), и большую группу отагдетивных стативных глаголов, обозначающих восприятие цветových объектов: БЕЛЕТЬ, ЖЕЛТЕТЬ, ЗЕЛЕНЕТЬ, КРАСНЕТЬ, ТЕМНЕТЬ, ЧЕРНЕТЬ и т. п. У последней группы глаголов имеется общая сочетаемостная особенность — субъектом соответствующих состояний не может быть человек — и общее, уже указанное дейктическое свойство: несовпадение говорящего с наблюдаемым объектом. Фразы типа *Только тело Ивана белело в темноте* вполне правильны, а фразы типа *Только мое тело белело в темноте* возможны лишь в порядке цитирования чужого высказывания: *Иван сказал, что только мое тело белело в темноте*.

Теперь рассмотрим коротко грамматические дейктические значения.

Одной из самых бесспорных грамматических категорий, традиционно признаваемых дейктическими, является категория глагольного времени [23–26]. Представляется, что к ней следует добавить и категорию глагольного вида, которая обычно дейктической не считается [5, с. 687; 26, с. 14].

В [21, с. 329–330] было обращено внимание на нетривиальное семантическое различие несовершенного и совершенного видов в парах ДОХОДИТЬ — ДОЙТИ, КОНЧАТЬСЯ — КОНЧИТЬСЯ, НАЧИНАТЬСЯ — НАЧАТЬСЯ,

ОБРЫВАТЬСЯ — ОБОРВАТЬСЯ, ПОВОРАЧИВАТЬ — ПОВЕРНУТЬ, ПРОХОДИТЬ — ПРОЙТИ и др. в тех случаях, когда они характеризуют свойства протяженных пространственных объектов типа дорог, рек, каналов, границ и т. п. В форме несовершенного вида фразы типа *Тропа кончается <обрывается> у реки; Дорога поворачивает на юг на десятом километре* представляют собой простые констатации объективного положения вещей: конец тропы приходится на то место, которое граничит с рекой; поворот имеет место на участке, который находится где-то между девятым и десятым километром, и т. п. Между тем в форме совершенного вида те же фразы значат гораздо больше. В них есть эффект присутствия наблюдателя, либо совпадающего с говорящим, либо мыслимого им. Предложение *Тропа кончилась <оборвалась> у реки* не только констатирует объективное положение вещей, но и сообщает, что это положение вещей было зарегистрировано сознанием перемещавшегося по тропе наблюдателя. Таким образом, значение граммы совершенного вида у глагольных лексем рассматриваемой группы тоже имплицитно дейктично.

5. Личная сфера говорящего

Понятие личной сферы говорящего удобно иллюстрировать на примере дейктического местоимения ТЫ. Часть наблюдений заимствована нами из [27].

Начнем с того, что общепринятое толкование ТЫ — "употребляется при обращении к близкому человеку или к какому-либо человеку при грубом, фамильярном обращении" [10] — не дает достаточного представления о нормах его употребления в русском.

В самом деле, ребенку можно говорить *ты*, не зная его близко и не будучи с ним ни грубым, ни фамильярным. *Вы* в этой ситуации выглядело бы аффектированным.

Литературной нормой в русском языке, свободной от всякого налета грубости или фамильярности, считается мысленное обращение на *ты* по отношению к любому человеку (человеку в родовом статусе), которого призывают к чему-либо в порядке выполнения его долга, предупреждают о грозящей ему в некоторых ситуациях опасности и т. п. Ср. *Но ты, художник, твердо веруй./ В начала и концы* (А. Блок); *Не спи, не спи, художник,/ Не предавайся сну./ Ты вечности заложник/ У времени в плену* (Б. Пастернак). Ср. также плакаты и объявления типа *Что ты сделал для фронта?, Берегись автомобиля!*

На *ты* следует обращаться к божеству, ангелам, духам и т. п.: *Морфей, до утра дай отраду/ Моей мучительной любви.../ Когда ж умчится ночи мгла/ И ты мои покинешь очи* (А. С. Пушкин); *Поместья мирного незримый покровитель,/ Тебя молю, мой добрый домовой,/ Храни селенье, лес и дикий садик мой* (А. С. Пушкин); *О, господи мой боже,/ Зеленоглазый мой.../ Дай же ты всем понемногу/ И не забудь про меня* (Б. Окуджава).

Точно такое же мысленное обращение, с теми же стилистическими эффектами, принято по отношению к природе и другим космическим объектам, а

также к любым олицетворяемым природным объектам, к странам, городам и т. п.: *Природа, мир, тайник вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья отстою* (Б. Пастернак); *Ты, солнце святое, гори!* (А. С. Пушкин); *Он был, о море, твой певец!* (А. С. Пушкин); *Прощай, немытая Россия... / Быть может, на горах Кавказа / Сокроюсь от твоих пашей* (М. Ю. Лермонтов).

Эффект олицетворения делает возможным мысленное обращение на *ты* к любым вещам, связанным с говорящим. Это прежде всего атрибуты человека, части его тела, предметы его собственности и т. п. Вещь олицетворяется для общения с ней и в силу этого становится близкой говорящему: *Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?* (А. С. Пушкин); *Утро дышит в окошко твоё, / Вдохновенное сердце мое* (А. Блок); *Зачем ты просишь новых впечатлений / И новых бурь, пытливая душа?* (Н. Заболоцкий); *Подруга думы праздной / Чернильница моя; / Мой век разнообразный / Тобой украсил я* (А. С. Пушкин); *Рифма - звучная подруга / Вдохновенного досуга... / Ты умолкла, онемела; / Ах, ужель ты улетела* (А. С. Пушкин).

Ты — единственно возможное в неаффектированной речи обращение к животным: *Теперь отдыхай! Уж не ступит нога / В твоё позлащенное стремя* (А. С. Пушкин); *Кобылица молодая, / Честь кавказского тавра, / Что ты мчишься, удаляя?* (А. С. Пушкин); *Ты по-собачьи дьявольски красив* (С. Есенин); *А ты, соловей, пригвожденный к искусству, / В свою Клеопатру влюбленный Антоний* (Н. Заболоцкий).

Лексикографическое описание всех этих фактов, полностью игнорируемых общепринятыми определениями местоимения **ТЫ**, можно строить двумя способами.

Во-первых, можно «поименно» перечислить ситуации, где нормы русского, языка вопреки словарным предостережениям о грубости или фамильярности **ТЫ**, требуют употребления именно этого местоимения. Пришлось бы перечислить минимум шесть ситуаций, без гарантии, что не найдется седьмая, не предусмотренная этим перечнем. К умершим, например, можно обращаться на *ты*, даже если при жизни был с ними на *вы* или вообще их не знал. Ср. строки из стихотворения Н. Заболоцкого "Бетховен": *И понял ты живую прелесть мира / И отделил добро его от зла*. Та же норма действует и в надгробных речах. Это показывает, что в общественном представлении перед лицом смерти все равны, она разрушает условные преграды между людьми. Добавим и восьмую ситуацию, указанную (устно) Л. Л. Йомдиным, — воображаемое обращение на *ты*. Оно возможно по отношению к любому человеку: *Ах ты, хитрец, - подумал я*.

Во-вторых, можно воспользоваться понятием личной сферы говорящего, которая должна быть описана всего один раз и отдельно от словарных толкований — как относительно самостоятельный фрагмент наивной модели мира. В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа,

поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании. Личная сфера говорящего подвижна — она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации. В частности, в некоторых ситуациях она расширяется настолько, что в нее входят и незнакомые говорящему люди, его "ближние". В своих единицах и правилах русский язык кодирует ту моральную истину, что все люди братья, и дает говорящим возможность реализовать ее в любой ситуации, позволяющей забыть о социальных и иных перегородках между людьми. Обращаясь к конкретному человеку, мы обязаны помнить о разделяющей нас социальной дистанции. Но когда мы обращаемся к человеку вообще ("в родовом статусе") или к человеку после его смерти, мы не думаем более о социальных преградах и включаем его в свой мир.

После того как понятие личной сферы говорящего построено, при толковании местоимения ТЫ достаточно сказать, что такого обращения удостоивается любой объект, который в нее входит. ВЫ (вежливое), по контрасту, становится способом обращения к тем объектам (преимущественно людям), которые находятся за пределами личной сферы говорящего. Возможно, что грубовато-фамильярное ты придется тогда выделить в самостоятельное значение или подзначение.

Понятие личной сферы оказывается неожиданно продуктивным при интерпретации языковых фактов, которые на первый взгляд не имеют ничего общего друг с другом. Так, звательный падеж в современном русском языке (*Маш, Коль, пап, мам*), безусловно, является средством включения адресата в личную сферу говорящего³. Добавим, что есть отчетливая корреляция между использованием звательных форм и обращением к тому же человеку на ты. Упомянем еще псевдоинклюзивные глагольные формы первого лица множественного числа (ср. *Ляжем, перевернемся на живот, встанем* в ситуации врачебного осмотра или *Давайте останемся* в устах кондуктора, прекращающего посадку на трамвай), уместные только в тех случаях, когда говорящий включает слушающего в свою личную сферу. Точнее, само такое обращение (в отличие от простого императива) является актом приобщения слушающего к личной сфере говорящего, обозначением сопереживания. Ср. ситуацию из романа И. Грековой "Пороги": *Пришла палатный врач... Она разговаривала с ним на «мы»: «Ну, как мы себя чувствуем? Давление у нас нормальное, разве чуточку повышено, но ведь нам не двадцать лет?»*.

Естественный язык располагает, конечно, и средствами исключения объектов из личной сферы говорящего. К их числу относится, например, использование форм прошедшего времени несовершенного вида для характеристики любых, в том числе и одновременных с актом речи, действий и свойств чело-

³ Этим наблюдением автор обязан беседе с Иреной Дулевич и Эльжбетой Янус.

века или другого живого существа *X*. Можно сказать *Володя любил гулять в Летнем саду*, даже если Володя жив и если у говорящего нет оснований сомневаться, что Володя и сейчас сохраняет эту привычку. Мотивацией такого употребления формы прошедшего времени является тот факт, что *X* выбыл из личной сферы говорящего в результате смены местожительства, работы и т. п. Той же цели служит переход на *вы*, а также обозначение третьего собеседника с помощью местоимений ОН или ОНА вместо обозначения с помощью имени.

В заключение этих соображений о личной сфере говорящего имеет смысл обратить внимание на близкое к ней, хотя и не дейктическое, понятие личной сферы героя — любого человека, являющегося предметом высказывания.

Использование понятия личной сферы героя упрощает прежде всего толкования некоторых слов — названий эмоций. К ним принадлежат, в частности, глаголы ГОРДИТЬСЯ, СТЫДИТЬСЯ и производные от них существительные и прилагательные. Здесь мы опять сталкиваемся с альтернативой: либо слепым эмпирическим способом перечислять все классы объектов, по поводу которых можно испытывать гордость или стыд, либо указать, что гордятся тем и стыдятся того, что входит в личную сферу человека (разумеется, сам человек входит в свою личную сферу). Последнее описание намного экономней и кажется более верным по существу. Ссылка на личную сферу героя должна содержаться также в толкованиях слов КОМПЛИМЕНТ, ОБИДА и других подобных.

Понятие личной сферы героя непринужденно объясняет особенность одной синтаксической конструкции русского языка, представленной словосочетаниями типа *женщина ослепительной красоты, человек большого ума* и т. п. Вершиной этой атрибутивной конструкции является, как правило, существительное, обозначающее человека и при этом имеющее достаточно общее значение. Можно сказать *За столом у окна сидела женщина ослепительной красоты*, но вряд ли *За столом у окна сидела стюардесса ослепительной красоты*. Тексты последнего типа становятся правильными, когда их герои включаются в свою собственную личную сферу; ср. правильное *В салон авиалайнера вошла стюардесса ослепительной красоты*. С другой стороны, правильность/неправильность таких предложений связана с их коммуникативной организацией. Предложение *За столом у окна сидела стюардесса ослепительной красоты* не вполне правильно потому, что в нем есть две ремы одного порядка (или два новых сообщения) — *стюардесса* и *ослепительной красоты*. Предложение *В салон авиалайнера вошла стюардесса ослепительной красоты* вполне правильно, так как первая рема (или первое новое) в нем снимается: вообще говоря, сам факт появления стюардессы в салоне авиалайнера, который, конечно, входит в ее личную сферу, настолько ординарное событие, что внимание легко скользит мимо него к действительно важной и достойной "высвечивания" информации: необыкновенной красоте стюардессы.

6. Заключение

В заключение этого обзора дейктических элементов в составе лексических и грамматических значений полезно обратить внимание на следующее обстоятельство. В лингвистике не раз высказывалась мысль об антропоцентричности языка: для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Так, мы оцениваем размеры животных, соотнося их с нормальными размерами человеческого тела. Слоны, носороги и бегемоты — большие животные, потому что они больше человека, а зайцы, кошки, хомяки — маленькие животные, потому что они меньше человека.

Надо сказать, что число "антропоцентричных" значений в естественном языке гораздо больше, чем обыкновенно думают. Еще Ч. Пирс, размышляя над такими, казалось бы, чисто физическими понятиями, как "тяжелый", "твердый", "прочный", допускал, что в них может входить представление о человеке. В самом деле, что такое ТЯЖЕЛЫЙ (о весе)? По нашему мнению, в наивном сознании значение этого слова связывается не столько с массой тела, сколько с количеством усилий, которые нормальный человек должен затратить для манипулирования соответствующими объектами — для их смещения, поднятия, переноса. ТВЕРДЫЙ, в первом приближении, значит 'такой, поверхность которого трудно деформировать', а ПРОЧНЫЙ — 'такой, который трудно разрушить'. Возникает вопрос, какая сила мыслится в этих случаях в качестве потенциального каузатора деформации или разрушения? Можно, конечно, считать, что природа этой силы безразлична, — ведь деформировать поверхность предмета или вовсе разрушить его может и камень, извергнутый вулканом. Тогда нужно убрать смысл 'трудно' из толкований рассматриваемых слов, заменив его смыслом типа 'редко' (деформируется, разрушается). Если же считать, что смысл 'трудно' в толкованиях прилагательных ТВЕРДЫЙ и ПРОЧНЫЙ не случаен, — а в сущности не видно, как можно было бы обойтись без него, — то придется признать, что в качестве конечного потенциального каузатора деформации и разрушения мыслится человек. К сожалению, здесь не место аргументировать этот тезис более подробно.

Ясно, что "человеческий фактор" входит, кроме того, во все оценочные слова и в большинство слов, связанных с понятием нормы, ибо система норм — человеческое установление.

Рассмотрение дейктических элементов в составе лексических и грамматических значений позволяет сделать вывод, что язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время. Далеко идущие выводы из этого факта предстоит сделать и лингвистике вообще, и лексикографии в частности⁴.

⁴ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность И. М. Богуславскому, А. В. Гладкому, М. Я. Гловинской, Л. Л. Иомдину, С. А. Крылову, Н. В. Перцову, В. З. Санникову

Литература

1. *Wierzbicka Anna*. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar// Studies in Language. 1979. Vol. 3. N 3. P. 313-389.
2. *Bühler K.* Sprachtheorie. Stuttgart, 1965.
3. *Бенавенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
4. *Lyons J.* Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968.
5. *Lyons J.* Semantics. Cambridge, 1977. Vol. 2.
6. *Speech, Place and Action* / Ed. R. T. Jarvella, W. Klein. N. Y., 1982.
7. *Here and There. Cross-linguistic Studies on Deixis and Demonstration* / Ed. T. Weissenborn, W. Klein. Amsterdam; Philadelphia, 1982.
8. *Падучева Е.В., Крылов С.А.* Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты// Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984. С. 25-96.
9. *Opalka Hubertus*. Representations of Local Ni-Deixis in Swahili in Relation to Bühler's "Origo des Zeigfelds"// Here and There, 1982. P. 65-79.
10. *Словарь современного русского литературного языка.* М.; Л., 1948-1965. Т. 1-17.
11. *Ehlich K.* Anaphora and Deixis: Same, Similar or Different// Speech, Place and Action, 1982. P. 43-63.
12. *Ehrich V.* Da and the System of Spatial Deixis in German// Here and There, 1982. P. 43-63.
13. *Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1947.
14. *Leech G. H.* Towards a Semantic Description of English. London, 1969.
15. *Clark H.* Space, Time, Semantics and the Child// Cognitive Development and the Acquisition of Language / Ed. T. Moore. N. Y., 1973. P. 147-168.
16. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
17. *Fillmore Ch.* Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington, 1975.
18. *Апресян Ю. Д.* Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений // Восприятие языкового значения; Межвузовский сборник. Калининград, 1980.
19. *Hill Clifford.* Up/Down, Front/Back, Left/Right. A Contrastive Study of Hausa and English// Here and There. 1982. P. 13-42.
20. *Hottenroth Priska-Monika.* The System of Local Deixis in Spanish// Here and There. 1982. P. 133-153.
21. *Апресян Ю. Д.* О структуре значений языковых единиц // Tekst i zdanie. Warszawa, 1983. S. 313-339.
22. *Fillmore Ch.* Lexical Entries for Verbs. Foundations of Language // International Journal of Language and Philosophy. 1968. Vol. 4. N. 4.

и А. С. Чехову, которые познакомились с первоначальным вариантом работы и сделали ряд критических замечаний, оказавшихся исключительно ценными для автора.

23. *Jakobson Roman O.* Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb// Selected Writings. Vol.II, Word and Language. The Hague, 1971.- P. 130-147.

24. *Brecht Richard D.* Deixis in imbedded Structures. Foundations of Language // International J. of Language and Philosophy. 1968. Vol. 11, N. 4. P. 489-518.

25. *Rappoport Gilbert.* Deixis and Detachment on the Adverbial Participles of Russian// Morphosyntax in Slavic/Ed. Catherine V. Chvany, Richard D. Brecht. Chelsea, 1980. P. 273-300.

26. *Comrie Bernard.* Tense. Cambridge; London, etc., 1985.

27. *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

РОМАН "ДАР" В КОСМОСЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА*

1. Вводные замечания

Набоков был замечен критикой с момента литературного дебюта в начале 20-х годов и на протяжении всех пятидесяти лет своей активной творческой жизни вызывал яростные споры. Одни (Г. Иванов, Г. Адамович, Ю. Терапиано, М. Осоргин, З. Шаховская) считали его эстетом, равнодушным к жгучим вопросам современности. Бездуховность и бездушие, скольжение по поверхности вещей, отсутствие жалости к людям и интереса к их внутреннему миру, измена лучшим традициям русской литературы — вот далеко неполный перечень адресованных Набокову инвектив. Другие (Н. Андреев, Н. Берберова, В. Ходасевич, В. Вейдле, П. Бицилли), наоборот, считали его продолжателем русской литературной традиции, удачно сочетающим русский интерес к психологии человека с западным мастерством сюжета и блестящим владением литературной техникой.

Большинство этих суждений было высказано в связи с ранними вещами Набокова еще в 20-х и 30-х годах. Потом доля похвал заметно возросла, но существо оценок изменилось мало (см. в известной мере итоговый обзор Foster 1974). Они всегда оставались полярными по содержанию и пристрастными по форме. Удивительным образом отношение к Набокову — от бурных восторгов до ожесточенной критики и наоборот — менялось даже у одного и того же человека (И. Бунина, З. Шаховской, Н. Мандельштам, И. Бродского, Э. Уилсона и других) на протяжении относительно короткого времени. Этот яркий, страстный, искренний и озорной человек, бескомпромиссно резкий в своих суждениях о "собратях по правописанию", не оставлял равнодушным ни одного современника.

Наряду с этим с 60-х годов, сначала на Западе, а затем и у нас, стало складываться более академическое набоковедение, занятое не аттестацией Набокова

* Статья была впервые напечатана в журнале "Известия АН. Серия литературы и языка", 1995, № 3—4

как писателя и человека, а исследованием его текстов с точки зрения их тем и литературной техники. По мере того, как наследие Набокова и его личность все дальше отходят от нас в прошлое, появляется все больше возможностей для непредвзятого анализа и оценки его творчества. Предпосылкой такого анализа является безусловный отказ от навязывания писателю чуждых ему ценностей, отказ от критики его произведений с позиции этих ценностей и попытка понять феномен Набокова изнутри его собственной эстетической философии. Именно такая попытка предпринимается в данной статье по отношению к "Дару" — общепризнанной вершине "русского" Набокова¹.

Эта статья продолжает две другие работы автора, опубликованные в труднодоступных зарубежных изданиях, — Апресян 1992а и Апресян 1992б. В ней расширена и усилена аргументация в пользу предлагаемой нами интерпретации "Дара", эта интерпретация более широко сопоставлена с существующими в литературе представлениями, а сам роман рассмотрен на фоне всего набоковского космоса.

Работа начинается с реконструкции поэтического мира романа и элементов космоса Набокова. "Поэтический мир" понимается в духе работ по "поэтике выразительности" А. К. Жолковского и Ю. К. Щеглова (см., например, Жолковский и Щеглов 1980). Однако мы будем исходить из того, что сам по себе этот мир — всего лишь промежуточное звено между текстом и экзистенциальным опытом художника. Поэтому в качестве подлинной формулы литературоведения рассматриваются не диады "жизненный и исторический опыт → текст" (социологическое литературоведение) или "поэтический мир → текст" (структурная поэтика), а триада "экзистенциальный опыт → поэтический мир → текст", как это было предложено, в сущности, еще в работах Бахтин 1986 и Якобсон 1973.

В связи со сказанным много места в нашем исследовании будет отведено историческим реалиям, биографическим деталям, реальным прототипам и другим элементам фактографии².

Для обоснования предлагаемой нами интерпретации "Дара" нам придется обильно цитировать не только сам этот роман, но и многие другие набоковские

¹ Так же оценивал его и сам Набоков: "Это — самый длинный, по-моему, самый лучший и самый ностальгический из моих русских романов" (Набоков 1973: 13). Отметим, впрочем, что "своей лучшей книжкой", "лучшей *tour de force*" он считал "Лолиту" (Набоков 1985: 85).

² Большая часть собственно биографической информации заимствуется из тщательно документированного двухтомного труда Б. Бойда (Boyd 1990, 1992), по скрупулезности исследования и надежности сообщаемых сведений не имеющего аналогов в современном набоковедении. Часто цитируемые биографические книги А. Филда (Field 1967, 1977) использовались эпизодически и с большой осторожностью. Они изобилуют грубейшими, подчас необъяснимыми, фактическими ошибками и преднамеренными искажениями истины, которые А. Филд не пожелал устранить, несмотря на протесты Набокова (см. Boyd 1992: 602–621, 723–726).

тексты³. Лучше пойти на риск перегрузить работу материалом, чем пожертвовать ее доказательной силой.

2. Устройство "Дара" и космос Набокова

2.1. Поэтическая техника "Дара"

Более чем у кого-либо другого из русских писателей, у Набокова был творческий метод, все особенности которого он знал наперечет, который неизменно применял во всех своих книгах и о котором высказался с предельной ясностью в одном из стихотворных манифестов "Дара": "Люби лишь то, что редко и мнимо, / что крадется окраинами сна, / что злит глупцов, что смердами казнимо; / как родине, будь вымыслу верна". Это — строчки из стихотворения, которое сочиняет Федор Константинович, но, несомненно, его голосом говорит здесь сам Набоков. Высшим воплощением творческой способности писателя Набоков считал такой вымысел, который по рельефности деталей и богатству красок способен соперничать с действительностью.

Уместно подтвердить этот тезис прямыми высказываниями Набокова-литературоведа; см. Набоков 1980, 1983а, 1983б, 1984.

"Литература — не область общих идей, а область определенных слов и картин" (Nabokov 1984: 422). "Я подхожу к литературе с единственной интересной для меня точки зрения — точки зрения вечного искусства и личного гения" (Nabokov 1983а: 97). Набоков не отрицал, что литература (как и искусство вообще) имеет не только эстетическую, но и этическую функцию. Она может оказывать моральное воздействие на читателя, но только в той мере, в какой остается именно литературой и не преследует утилитарной цели исправить человечество. К сожалению, пишет Набоков в другом месте, русская литература почти всегда была "данницей той или другой орды". "Идеологический яд... начал отравлять русский роман в середине прошлого века и окончательно добил его к середине нынешнего" (Nabokov 1983а: 137).

Особенно показательны с интересующей нас точки зрения набоковские оценки конкретных писателей. Они настолько экстравагантны, что их можно

³ В связи с обилием цитат была принята следующая стратегия: а) английские тексты Набокова и ссылки на литературу о нем даются обычным образом; б) цитаты из "русского" Набокова и тех его английских вещей, которые в недавнее время были опубликованы по-русски в общедоступных изданиях Набоков 1989а, 1989б, 1990а, 1990б, 1990в, даются без указания страниц; в) часто цитируемые "Другие берега" (см. Набоков 1990в) и интервью, которое Набоков дал своему ученику, другу и исследователю А. Аппелю 25–29 сентября 1966 г. в Монтре (см. Набоков 1989а), обозначаются аббревиатурами ДБ и ИА соответственно; г) во всех специально не оговоренных случаях переводы набоковских текстов на русский язык принадлежат автору данной статьи.

было бы принять за обдуманый вызов общественному вкусу, если бы они не были так искренни и постоянны.

О Гоголе Набоков говорил, что его творчество, "как и все великие литературные достижения, явление языка, а не мира идей" (Nabokov 1983a: 61). По его мнению, Гоголь достигает вершин искусства в таких вещах, как "Ревизор" и "Мертвые души" (первый том), когда он создает фантазмагории. "Шляпная коробка, которую городничий надевает на голову, когда... в рассеянности спешит навстречу грозному призраку, — чисто гоголевский символ обманного мира". К идеологизированному второму тому "Мертвых душ" и "Выбранным местам из переписки с друзьями" Набоков относился резко критически, считая, что в последние 10 лет своей жизни Гоголь "утратил волшебную способность создавать жизнь из ничего" (Nabokov 1983a: 50).

За Тургеневым Набоков числил ту заслугу, что он первым в русской литературе заметил игру рассеянного солнечного света и особое сочетание темных и светлых пятен на лицах людей (Nabokov 1983a: 69). Ср. выдержанную в похожем ключе оценку Чехова: "В двадцать первом столетии, когда, я надеюсь, Россия станет более приятной страной, чем сейчас, Горький будет только именем в учебнике, но Чехов будет жить до тех пор, покуда существуют березовые рощи, солнечные закаты и писательская страсть" (Nabokov 1983a: 250).

Величайшим русским прозаиком Набоков считал Толстого⁴. На первый взгляд, проза Толстого пронизана элементами его учения. "Однако на самом деле его идеология такая ручная, такая туманная и такая далекая от политики, а его искусство... такое могучее, такое по-тигриному яркое, такое оригинальное и универсальное, что в нем без следа тонет проповедь" (Nabokov 1983a: 137–138). Набоков полушутливо говорил, что Толстого следовало бы запереть в каменном доме, подальше от этических и педагогических проблем, чтобы они не мешали ему наблюдать, как завиваются черные волосы на белой шее Анны Карениной. Но сделать этого нельзя: "Толстой целен, един, и борьба между человеком, который жадно любовался красотой черной земли, белого тела, голубого снега, зеленых полей, лиловых туч, и человеком, утверждавшим, что художественная литература греховна, а искусство безнравственно, — эта борьба была заключена в душе одного и того же человека" (Nabokov 1983a: 140).

Сошлемся еще на оригинальный разбор "Дон-Кихота" (Nabokov 1983b). Набоков видит величие Сервантеса вовсе не в том, что тот навсегда закрыл рыцарскую тему в литературе. Об этом к моменту выхода романа (1605 г.) успешно позаботиться время. По мнению Набокова, истинная роль рыцарской темы в романе — чисто структурная, а сам роман велик тем, что является одной гигантской и небывалой мистификацией, начиная с эпизода посвящения Дон-

⁴ В набоковской табели о рангах, известной из его лекций по русской литературе и обязательной к заучиванию студентами, у Толстого единственного был высший балл за прозу — А с плюсом; Пушкин был удостоен того же балла только за поэзию. Для сравнения укажем, что Чехов и Пушкин имели оценку А, Тургенев — А с минусом, Гоголь — В с минусом, а Достоевский — всего лишь С с минусом (Boyd 1992: 115).

Кихота в рыцари держателем постоянного двора и кончая губернаторством Санчо Панса.

В эстетической системе, провозглашающей главной задачей писателя создание обманного мира, естественным образом пересматриваются понятия персонажа, темы, образа и приема. У Набокова тема часто неотличима от образа, образ — от приема, а прием, как тонко заметил еще В. Ходасевич, — от персонажа. Что касается общих идей и идеологии, то для них места вовсе не остается.

Пересматривается и роль читателя. Набокову нужен активный партнер, вовлеченный в двусторонний процесс культурного взаимодействия с автором. Своими загадками Набоков стимулирует в нем творческое начало, "давая мозгам настоящую работу" (Boyd 1992: 101).

Мир книги Набоков рассматривал как модель жизни, как ее сгущенную метафору. В жизни же он различал видимую реальность и глубоко скрытую действительность⁵. Если воспользоваться для иллюстрации любимым предметом ученых занятий Набокова, то видимая реальность — это, например, бабочка, в летний день порхающая над нашей головой. Даже если мы умеем ее называть, мы на самом деле не проникаем дальше внешней и мертвой оболочки вещей. Действительность — это, парадоксальным образом, подробности строения тела бабочки, которые открываются при ее детальном исследовании под микроскопом.

В мире книги тоже есть реальность и действительность, и последнюю можно постичь только при микроскопическом, т. е. максимально внимательном, чтении, с многократными возвращениями к уже прочитанному. Наградой "внимательному уму" являются все новые открытия, приближающие его к загадке заключенной в тексте художественной истины.

Набоков ждет от читателя микроскопически внимательной работы с книгой. Он разыгрывает свою встречу с ним как увлекательную шахматную партию. У него в запасе — далеко рассчитанная комбинация с массой ложных ходов, отвлечений, ловушек, и его устраивает в качестве партнера лишь тот, кто может до конца разобраться в замысле этой комбинации и вполне оценить ее глубину и красоту.

При таких эстетических установках основой творческого метода неизбежно оказывается прием мистификации, обмана, мимикрии. И действительно, на страницах книг Набокова реальные факты и вымысел настолько переплетаются друг с другом, что становится невозможно отличить одно от другого. Встречи в воображении, мистические присутствия, перевоплощения, сны — постоянные мотивы Набокова. Они позволяют ему создать ту атмосферу колеблющейся призрачности, в которой он может мастерски разыграть с читателем свою

⁵ Противопоставление "реальности" и "действительности" было введено Петром Бицилли применительно к "Приглашению на казнь" (см. Bitsilli 1974: 67–68). Мы находим его очень удачным, так как оно описывает не только этот роман, но и весь космос Набокова.

любимую обманную игру. Говоря его собственными словами, атмосфера его книг — это пульсирующий туман, вдруг начинающий говорить человеческим голосом⁶.

Постараемся подтвердить сказанное прямым анализом и цитированием текста, обращая внимание на те фрагменты, где Набоков открыто и даже несколько вызывающе обсуждает или демонстрирует свои поэтические приемы и образы. Многие из них (ср. такие традиционные символы и знаки, как тени, зеркала, собаки, привидения, двойники, сны, перевертыши и т. п.) были предметом анализа и раньше; см., например, фундаментальное исследование поэтики Набокова Tammi 1985, а также Ходасевич 1991, Bitsilli 1974, Stegner 1966, A book of Things 1974, Rowe 1971, 1974a, 1974b, 1979, 1981, Gregg 1974, Johnson 1974, 1981, 1985, Левин 1981, 1985, Davydov 1982. Мы, однако, попытаемся систематизировать их под углом зрения нашей темы и показать, как они используются Набоковым для решения сверхзадачи романа.

2.1.1. Обман, мистификация, маскировка, мимикрия

В обманную игру вовлечено все — люди, вещи, тени, природа, тексты — все маскируется, переодевается, выдает себя за что-то другое.

Люди и вещи. Федор Константинович рассматривает историю своего сближения с Зиной как результат работы судьбы. Сначала судьба в своих попытках свести героев терпит две неудачи. Тогда она решает "бить наверняка", т. е. прямо вселить Федора в квартиру, где живет Зина. Этот "тонкий замысел" едва не расстроился, потому что герой сразу проникся неприязнью к отчиму Зины и готов был отказаться от предназначенной ему комнаты. Однако в последний момент судьба показала ему лежавшее на стуле голубоватое воздушное девичье платье, которое его пленило и положило конец его колебаниям. Впоследствии выяснилось, что платье принадлежало не Зине, а ее сестре Раисе. Это обстоятельство несколько Федора не смущает: "Тогда это совсем остроумно. Какая находчивость! Все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане. Вот видишь, [судьба] начала с ухарь-купеческого размаха, а кончила тончайшим штрихом".

Тени. Роман начинается с демонстрации иллюзий, создаваемых теньями. Федор рассматривает надпись на фургоне, в которой каждая синяя литера от-

⁶ Из сказанного следует, что вещи Набокова должны строиться по законам детективного жанра. В самом деле, как показал Rowe 1974a: 179, одним из главных приемов Набокова является "честный обман". У. Роу обсуждает три разновидности этого приема: "незаметно поданная точная деталь", "преждевременно поданная ключевая информация" и "решение загадки, спрятанное в самом ее тексте". Криптографичность набоковского творчества подчеркнута и в названиях многих посвященных ему работ. Ср. Keys to Lolita (K.Proffer); Nabokov's Deceptive World (W.Rowe); Nabokov's Garden: a Guide to Ada (B.A.Mason); A Lolita Crossword Puzzle (K.Ahearn); Invitation to a Decoding. Dostoevskij as Subtext in Nabokov's Priglasenie na kasn' (P.Tammi).

тенена сбоку черной краской: "недобросовестная попытка пролезть в следующее по классу измерение". В другом эпизоде он принимает тень от липы за сидящую на скамейке женщину. Особого внимания Набокова удостаиваются тени в живой природе. «Нет ничего более обворожительно-божественного в природе, чем ее вспыхивающий в неожиданнейших местах остроумный обман: так, лесной кузнечик..., прыгнув и упав, сразу меняет положение тела, поворачивая его так, чтобы направление темных полосок на нем совпадало с направлением палых иголок (и теней иголок!). Но осторожно: люблю вспоминать, что писал мой отец: "При наблюдении происшествий в природе надобно остерегаться того, чтобы в процессе наблюдения... наш рассудок, этот болтливый, вперед забегающий драгоман, не подсказал объяснения, незаметно начинающего влиять на самый ход наблюдения и искажающего его: так на истину ложится тень инструмента"».

Мимикрия в живой природе. Приведенный эпизод тематически непосредственно связан с пассажем, где отец Федора рассуждает о "невероятном художественном остроумии мимикрии, которая не объяснима борьбой за жизнь (грубой спешкой чернорабочих сил эволюции), излишне изысканна для обмана случайных врагов... и словно придумана как раз ради умных глаз человека" (здесь воспроизведены, в сущности, мысли самого Набокова из его специальной статьи о мимикрии; то же в ДБ).

Шахматные задачи. Герой не любит играть в шахматы, но охотно составляет шахматные задачи, в которых он добивается "крайней точности выражения, крайней экономии гармонических сил". В окончательном варианте "все было осмыслено, и вместе с тем все было скрыто. Всякий творец — заговорщик; и все фигуры на доске, разыгрывая в лицах его мысль, стояли тут конспираторами и колдунами. Только в последний миг ослепительно вскрывалась их тайна... Ее ключ, первый ход белых, был замаскирован своей мнимой нелепостью, — но именно расстоянием между ней и ослепительным разрядом смысла измерялось одно из главных художественных достоинств задачи. ...Но может быть очаровательнее всего была тонкая ткань обмана, обилие подметных ходов... ложных путей, тщательно уготовленных для читателя".

Тексты. Проза "Дара" необычна. По своей образной насыщенности, чеканности, ритмичности, музыкальности⁷ она похожа на стихи и в этом отношении продолжает пушкинскую традицию.

⁷ Признание Набокова, что музыка вызывает у него "тошноту", видимо, рядовая мистификация. В его романах музыка постоянно присутствует в виде упоминаний ("Пиковая дама" в "Машеньке", "Травиата" в "Защите Лужина", "Лоэнгрин" в "Камере обскуре", "Фауст", "Евгений Онегин" и "Вольный стрелок" в "Приглашении на казнь" и пр.) или описаний. Ср. прекрасное описание из рассказа "Музыка": "Последние звуки, многопалые, тяжкие... и после этого, уже заключительного, уже как будто всю жизнь отдавшего аккорда, пианист нацелился и с кошачьей меткостью взял одну, совсем отдельную, маленькую, золотую ноту".

Связь "Дара" с пушкинской традицией музыкальной прозы подчеркивает и сам Набоков. Напомним, что замысел книги об отце зарождается у его героя во время чтения пушкинского "Путешествия в Арзрум". Набоков выделяет пластичные, ритмические куски пушкинского текста, которые производят наиболее сильное впечатление на Федора: "Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моей любимой мечтой". В этом месте Федор чувствует, как его что-то "сильно и сладко кольнуло". Он читает дальше: "Жатва струилась, ожидая серпа". Опять этот божественный укол! «Так он вслушивался в чистейший звук пушкинского камертона — и уже знал, чего именно этот звук от него требует... В течение всей весны продолжая тренировочный режим, он питался Пушкиным, вдыхал Пушкина — у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме. Учась меткости слов и предельной чистоте их сочетания, он доводил прозрачность прозы до ямба и затем преодолевал его, — живым примером служило: "Не приведи Бог видеть русский бунт / бессмысленный и беспощадный"». Последнюю цитату из Пушкина Набоков выписывает стихотворной строкой.

Итак, словесная ткань "Дара" лишь травестируется под обычную прозу. На более глубоком уровне она организована преодоленным ритмом, который во многих местах прорывается на поверхность и обнаруживается в слегка замаскированных переходах от прозы к формальным стихам, с ритмом и рифмой, которые затем снова переходят в прозу.

Этот прием повторяется на протяжении романа несколько раз. Приведем характерный пример постепенного вызревания стихотворного ритма: "Ожидание ее прихода. Она всегда опаздывала — и всегда приходила другой дорогой, чем он. Вот и получилось, что даже Берлин может быть таинственным. Под липовым цветением мигает фонарь. Тепло, душисто, тихо. Тень прохожего по тумбе пробегает, как соболь пробегает через пень". Конец этого фрагмента можно прочесть и иначе: "Под липовым цветением мигает / Фонарь. Тепло, душисто, тихо. Тень / Прохожего по тумбе пробегает, / Как соболь пробегает через пень". Это стихотворение переходит в белый стих (Из темноты, для глаз всегда неожиданно, она как тень внезапно появлялась, от родственной стихии отделяясь), а затем снова в формальную прозу. Характерно, что в этих закамуфлированных для глаза стихах постоянно повторяется мотив вымысла, маски, маскарада: "Ночные наши бедные владения, — забор, фонарь, асфальтовую гладь — поставим на туза воображения, чтоб целый мир у ночи отыграть! Не облака — а горные отроги; костер в лесу — не лампа у окна... О поклонись, что до конца дороги ты будешь только вымыслу верна". "Близ фонаря, с оттенком маскарада, лист жилками зелеными сквозит. У тех ворот — кривая тень Багдада, а та звезда над Пулковом висит".

Во всех этих текстах открыто провозглашается эстетическая ценность обмана, вымысла, небылицы, мистификации. Сам подбор слов об этом свидетельствует: *обман, воображение, вымысел, заговорщик, конспиратор, колдун, тайна, маскировка, мнимость, тонкая ткань обмана, мимикрия, подметные ходы, ложные пути, маскарад*. В способности создать такой обманной, но поражающий

своей телесностью мир Набоков видел высшее проявление творческого гения художника. Искусство, освобожденное от оков будничной "реальности", по своей мощи представлялось ему подобным творческим силам природы. Эту черту набоковской эстетики очень точно уловил Андрей Битов: "Он восстановил в правах такое количество и качество подробностей жизни, что она и впрямь ожила под его пером... Поэт невстречи, он соткал из всего этого паутины, сквозь дымку которой мы видим мир почему-то отчетливей, а не туманней" (Битов 1990а: 241–242; см. также Битов 1990б).

2.1.2. Перевоплощения, мистические присутствия, сны

Мотив обмана, маскировки, мимикрии естественно продолжается в мотивах перевоплощения, мистического присутствия, сна.

Перевоплощения. На протяжении всего романа происходит постоянное переключение третьего лица — Федора — в первое, т. е. в "я", причем иногда кажется, что это "я" — не героя, а самого Набокова. Каждый раз переключение сопровождается тем, что герой начинает наблюдать себя со стороны, т. е. покидает свою телесную оболочку⁸.

Герой перевоплощается в Яшу, в издателя Васильева, в поэта Кончеева, в свою мать, в отца. Перевоплощение в отца — знаменитого путешественника — сопровождается мистическими присутствиями, чудесами, миражами: "Я видел с большой высоты темную болотную котловину, всю дрожащую от игры бесчисленных родников, что напоминало ночной небосклон с рассыпанными по нему звездами, — да так и называлась она: Звездная Степь". "В пустыне, во время песчаных бурь, я видел и слышал то же, что Марко Поло: "шопот духов, отзывающихся в сторону", и среди странного мерцания воздуха без конца проходящие навстречу вихри, караваны и войска призраков, тысячи призрачных лиц, как-то бесплотно прущих на тебя, насквозь тебя и вдруг рассыпающихся".

Двойники. Хотя Набоков утверждал, что в его произведениях "нет настоящих двойников" (ИА), у героя "Дара" они все-таки есть. Их по крайней мере три — Яша, поэт Кончеев и критик Страннолюбский, — придуманный Федором биограф Чернышевского. Страннолюбский — alter ego Федора. В своей книге о Чернышевском Федор обильно его цитирует, особенно в тех местах, где Чернышевский подвергается наиболее язвительному развенчанию и дегероизации.

⁸ Мотив выхода из своей телесной оболочки ярко представлен, кроме того, в "Короле, даме, валете" (Марта Драйер во время болезни), "Приглашении на казнь" (Цинциннат после казни), "Соглядатае" (Смуров после самоубийства), "Истинной жизни Себастьяна Найта" (умирающий писатель и его брат), "Бледном огне" (автор поэмы Шейд и ее комментатор Кинбот) и других вещах. Этот мотив — одно из проявлений той "биспациальности", которую Ю. И. Левин считает инвариантом поэтического мира Набокова (Левин 1990). Ср. также анализ "метаморфозы сына в отца", с трансформацией "я" — "он" — "мы" — "я" в книге С. Давыдова (Davydov 1982: 239).

Мистические присутствия, раздвоения, встречи в воображении, сны. Покойный Яша присутствует на литературном вечере в доме своих родителей, герой участвует в путешествиях своего отца, перевоплощаясь в него самого. В другой ситуации он с большой легкостью раздваивается, существуя в двух ипостасях: "Тощий, зябкий, зимний Годунов-Чердынцев был теперь от меня так же отдален, как если бы я сослал его в Якутскую область. Тот был бледным снимком с меня, а этот, летний, был его бронзовым преувеличенным подобием. Собственное же мое я, то, которое писало книги, любило слова, цвета, игру мысли, Россию, шоколад, Зину, — как-то разошлось и растворилось".

В романе несколько раз провозглашается эстетическая ценность снов и описывается воображаемая встреча героя с отцом во сне.

2.1.3. Действительность, плотность, красочность воображаемого мира, призрачность, зыбкость, ненадежность реального мира

Несмотря на свою иллюзорную природу, воображаемые встречи, мистические присутствия, перевоплощенные вещи, двойники поражают своей телесностью, богатством красок, убедительной наглядностью бытовых деталей. Между тем реальный мир во многих случаях оказывается невыразительным, черно-белым, разваливающимся. Придуманный мир успешно конкурирует с миром материальным.

Тема призрачности реального и действительности воображаемого мира проходит через всю книгу и заслуживает нескольких иллюстраций.

Вот, например, как представлен покойник Яша: "Он сидел, этот юноша, не поднимая глаз, с чуть лукавой чертой у губ, скромно и не очень удобно, на стуле, вдоль сиденья которого блестели медные кнопки". Несмотря на свой "чисто умозрительный состав", он "был сейчас плотнее всех в комнате! Сквозь Васильева и бледную барышню просвечивал диван, инженер Керн был представлен одним лишь блеском пенснэ, — ... а сам Федор Константинович держался лишь благодаря смутному совпадению с покойным, — но Яша был совершенно настоящим и живой".

Отец, явившийся герою во сне, тоже снабжен всеми атрибутами действительной жизни: "Он был в золотой тубетейке, в черной шевиотовой куртке, с карманами на груди для портсигара и лупы; коричневые щеки... были особенно чисто выбриты; в темной бороде блестела, как соль, седина; глаза тепло и мohnато смеялись из сети морщин". "Застонав, всхлипнув, Федор шагнул к нему, и в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усов,росло блаженно-счастливое, живое, неперестающее расти, огромное, как рай, тепло, в котором его ледяное сердце растаяло и растворилось".

По контрасту реальный мир во многих случаях оказывается зыбким, рассыпающимся, нечетким, бесцветным. Для его характеристики используются слова *туман, дрожащий, мерцающий, растворяться, таять, рассыпаться, разьедаться, разойтись* (= *раствориться*) и т. п. Приведем в порядке иллюстрации

сцену разъезда гостей после литературного вечера. "И тут все стали понемногу бледнеть, зыблиться произвольным волнением тумана — и совсем исчезать; очертания, извиваясь восьмерками, пропадали в воздухе... на мгновение еще вернулся напряженно сморщенный лоб Васильева, пожимающего чью-то уже тающую руку, а совсем уже напоследок проплыла фисташковая солома в шелковых розочках (шляпа Любовь Марковны), и вот исчезло все, и в полную дыма гостиную вошел Яша". Обратим внимание на произведенную Набоковым вивисекцию — единственный целый человек в этой сцене — покойный Яша, а все живые люди разъяты на части (лоб, рука, шляпа).

В другой сцене, где герой, унесшийся в воображении в свое детство, внезапно возвращается к реальности, она оказывается не только враждебной, но и эстетически непривлекательной. "В усеянном белыми мушками просвете намечилось приближающееся мутное желтое пятно", превратившееся в вагон трамвая, косо летит снег, но асфальт остается черен и гол, вокруг безнадежно знакомые и безнадежно некрасивые улицы, непонятные надписи над аптекарскими, писчебумажными, колониальными лавками, все бледнеет, разъедается, рассыпается, и "смутная, скверная, тяжелая ненависть — к ногам, бокам, затылкам туземных пассажиров" овладевает героем. Заметим, что и здесь, как в только что упомянутой сцене разъезда гостей, реальные люди — не целые, а рассыпанные, разъяты на части (ноги, бока, затылки).

Радуга в воображенном поле — настоящая, а радуга над фонтанчиком на берлинской улице — всего лишь "призрак радуги". В описании берлинских улиц вместе с настоящей радугой исчезает почти вся хроматическая гамма. Остаются в основном черный, белый и серый цвета, с эпизодическим добавлением мутного желтого, по-видимому очень не любимого Набоковым⁹.

Тема призрачности реального и действительности воображаемого отдельно разрабатывается в пересказе произведений живописи. Ср. выразительное описание картины "Футболист": "Потное, бледное, напряженно-оскаленное лицо игрока во весь рост", собирающегося бить по воротам. "Растрепанные рыжие волосы, пятно грязи на виске, натянутые мускулы голой шеи. Мятая фиолетовая фуфайка... низко находит на забрызганные трусики. Он забирает мяч сбоку, подняв одну руку, пятерня широко распялена... Но главное, конечно, ноги:

⁹ На основании этого и других подобных текстов Набокова упрекали в ненависти к немцам и Германии и — по контрасту — в чрезмерной англофилии (см., например, Zimpeг 1980). Вряд ли это справедливо. В своих автобиографических книгах Набоков не делает разницы между двумя главными городами русской эмиграции — Берлином и Парижем, которые ему представляются равно призрачными по сравнению с любимым Петербургом. И немцы, и французы, которых он одинаково называет аборигенами, для него равно "фантомы, плоски и прозрачны, как силуэты, вырезанные из целлофана" (ДБ). Неприязненный тон, в котором он пишет о Берлине, — прием, подчеркивающий ностальгию героя, а не проявление шовинизма, который был решительно чужд Набокову. Если у него и были какие-то счеты к Германии, то возникли они позднее и были связаны с установлением фашизма, который он действительно ненавидел.

блестящая белая ляжка, огромное израненное колено, толстые темные буцы, распухшие от грязи, бесформенные, а все-таки отмеченные какой-то необыкновенно точной и изящной силой; чулок сполз на яростной кривой икре, нога ступней влипла в жирную землю, другая собирается ударить по черному ужасному мячу... Глядящий на эту картину у ж е слышал свист кожаного снаряда, у ж е видел отчаянный бросок вратаря".

Поэтический мир, в котором воспоминания, миражи, фантазии выглядят ярче и телеснее, чем реальные факты, где грань между вымышленным и действительным размыта или даже стерта, где происходят постоянные превращения людей и вещей, является средой, открывающей неограниченные возможности для всякого рода мистификаций. Набоков широко этим пользуется.

2.1.4. Указания, предвестия, ключи

Как уже было сказано в начале этого раздела, Набоков разыгрывает с читателем увлекательную партию, в которой он рассчитывает на сотрудничество пытливого и сообразительного партнера. Поэтому Набоков не просто дурачит читателя. Он заинтересован в том, чтобы игра получилась, и щедро разбрасывает по тексту книги указания и ключи, привлекающие внимание читателя к критическим точкам сюжета.

Указания, предвестия. Набоков выступает как критик-истолкователь своего собственного творчества, сообщая читателю ключи к пониманию своих книг. Есть такие ключи и в "Даре".

Появление любой новой темы всегда подготавливается несколькими предвестиями. В частности, начиная с первой главы романа читатель систематически предупреждается, что в жизни героя, с одной стороны, и в структуре "Дара", с другой, фигуре Николая Гавриловича Чернышевского суждено сыграть ключевую роль. Прежде всего, эту фамилию носят держатели литературного салона, причем оказывается, что деда Александра Яковлевича крестил отец Чернышевского. Несколько страницами позже впервые появляется и образ самого Чернышевского, "наставника с матовым лицом", "будущего мученика". В третьей главе, в сцене, где Зина просит Федора Константиновича написать "что-нибудь огромное, чтоб все ахнули", тот отвечает, что напишет биографию Чернышевского. В журнале "8 x 8", который он просматривает в поисках интересных шахматных задач, ему попадает статья "Чернышевский и шахматы", с отрывками из юношеского дневника Николая Гавриловича. В четвертой главе, т. е. в самой книге о Чернышевском, эта игра с читателем продолжается. Автор книги демонстративно сообщает, какая сейчас появится тема и как она будет перекликаться с другими темами. Любопытна и малозаметная, поданная без всякого нажима деталь, объясняющая персональную заинтересованность Набокова в герое его героя: оказывается, что доклад царю относительно просьбы семьи Чернышевского переместить его из Сибири в Астрахань делал министр юстиции Дмитрий Николаевич Набоков, дед писателя.

Замыкания, круги, кольца. Частным случаем предвестия являются разного рода замыкания и круги. Кольцо, круг, спираль — любимые геометрические фигуры Набокова. Как образ совершенства, они играют огромную роль во всем его творчестве. Более того, это — важнейшие метафизические понятия его философии жизни и искусства: "Спираль — одухотворение круга. В ней, разомкнувшись и высвободившись из плоскости, круг перестает быть порочным.. гегелевская триада в сущности выражает всего лишь природную спиральность вещей в отношении ко времени" (ДБ). Обнаружение кругов и спиралей в чужих текстах было основой литературоведческого метода самого Набокова. Ярким примером является его разбор стихотворения Лермонтова "Сон", где последний "вложенный" сон, который снится возлюбленной героя, замыкает сложную спираль снов, возвращая читателя к первой строфе стихотворения.

В сущности, у Набокова нет ни одной вещи, в которой не использовался бы прием замыкания. По принципу замыкания построен, например, рассказ "Круг", особенно важный в данном контексте, потому что по материалу он непосредственно связан с "Даром": его главная героиня Таня Годунова-Чердынцева — сестра Федора. Он открывается оборотом "во-вторых", а заканчивается оборотом "во-первых", возвращающим читателя к началу рассказа¹⁰.

Первый намек на значение этого приема для понимания "Дара" сделан в самом начале романа, где фиктивный литературный критик обсуждает книгу стихов Годунова-Чердынцева. Выясняется, что сборник поэта открывается стихами "О потерянном мяче", а завершается стихами "О мяче найденном". Получается рамка.

В третьей главе, обсуждая с Зиной замысел книги о Чернышевском, Федор говорит, что она будет написана по кругу: конец совпадет с началом. И действительно, книга начинается не с рождения героя, как полагается жанру биографий, а с его детских и отроческих лет. Зато вслед за описанием его смерти в конце происходит ненавязчивый возврат к рождению героя, и книга действительно замыкается на себя.

В ней есть еще одно замыкание: биография Чернышевского начинается с изящно стилизованного под XIX век шестистишия, которое почему-то названо сонетом: "Увы! Что б ни сказал потомок просвещенный, / все так же на ветру, в одежде оживленной, / к своим же Истина склоняется перстам, / с улыбкой женскою и детскою заботой / как будто в пригоршне рассматривая что-то, / из-за плеча ее невидимое нам". В конце книги помещено другое, типично графоманское стихотворение, принадлежащее какому-то простоватому поклоннику Чернышевского и состоящее из восьми строк: "Что скажет о тебе далекий правнук твой, / то слава прошлое, то запросо ругая? / Что жизнь твоя была ужасна? Что другая / могла бы счастьем быть? Что ты не ждал другой? / Что подвиг твой не зря свершался, — труд сухой / в поэзию добра попутно обра-

¹⁰ Разновидностью этого приема является инверсия, использованная Набоковым в книге о Н. В. Гоголе: книга начинается со смерти Гоголя и кончается его рождением (Nabokov 1944).

щая / и белое чело кандалника венчая / одной воздушною и замкнутой чертой". Оно тоже названо сонетом.

К этому обстоятельству Набоков привлекает особое внимание, цитируя среди бранных рецензий на книгу своего героя отклик раздраженного и неумного критика, который злорадно издевается над литературной неграмотностью Годунова-Чердынцева. На самом деле неграмотности, разумеется, нет, а есть тонко замаскированная ловушка: в конце книги помещено начало сонета, а в начале — его конец, так что получается еще одно кольцо¹¹. При этом раскованность кольца — не только внешняя. Начало сонета нарочито корявое, а его конец не лишен поэтичности. Граница между тем и другим обозначена совершенно четко — это последняя строка второго катрена ("одной воздушною и замкнутой чертой"). Она отмечена несомненным изяществом и воспринимается как нечто чужеродное на фоне предшествующих строк. В ней еще раз проведена излюбленная у Набокова тема замыкания.

Мотив ключа. В заключительной сцене романа, когда Федор и Зина возвращаются домой, заранее переживая "груз и угрозу" счастья, они еще не знают, что в дом попасть не смогут. Из сообщенных ранее деталей читателю "Дара" (но не его героям) известно, что ни у него, ни у нее нет ключей. Физический ключ, таким образом, приобретает в композиции книги критическое значение: правильно расшифровав этот эпизод, читатель получает интеллектуальный ключ к решению загадки всего романа. Ввиду важности темы ключа Набоков постоянно возвращается к ней по мере разворачивания сюжета.

В первой главе Федор, возвращаясь домой с литературного вечера, с огорчением обнаруживает, что взял старые ключи, а новые остались в комнате. Его выручает счастливый случай — к дому неожиданно подходят задержавшиеся где-то соседи. Во второй главе, описывая очередной переезд героя, Набоков опять привлекает внимание к старым ключам, которые Федор возвращает хозяйке. В третьей главе, в сцене ожидания гостей, Зина стоит перед входной дверью, поигрывая ключами. В пятой главе "дело о ключах" приобретает более серьезный оборот. Их крадут вместе с одеждой Федора во время его купания в берлинском пруду. В той же пятой главе Набоков единственный раз на протяжении всего романа берет на себя роль рассказчика. Только он является свидетелем прощания Зины с матерью на вокзале, когда мать в ответ на просьбу Зины передать ей ключи говорит, что забыла их в квартире, но что у Федора должна быть другая связка. Набокову важно устранить героя со сцены в этот кульминационный момент, чтобы отложить шок предстоящего ему и Зине ужасного открытия до момента развязки. Никакого счастливого случая на этот раз ждать не приходится¹².

¹¹ Это отмечено С. Давыдовым: "Биография начинается секстетом и кончается октетом опрокинутого сонета" (Davydov 1982: 195).

¹² Спустя 15 лет после публикации "Дара" сестра Набокова Е. В. Сикорская писала ему из Праги, что многие читали роман и многим он очень нравился, но что "чудная история с ключами для всех прошла незамеченной" (Набоков 1985: 72). Критики были

Характеристику поэтической техники Набокова можно было бы продолжать — мы не назвали и одной десятой тех эпизодов, в которых она демонстрируется. Сказанного, однако, достаточно, чтобы представить основные элементы конструкции, на которой держится "Дар".

2.2. Космос Набокова

Друг Набокова Иосиф Гессен вспоминает, как по какому-то случаю он прочел вслух понравившуюся ему строчку из "Подвига". Набоков точно указал сцену, из которой она была взята. И. Гессен отлистал сто страниц и прочитал еще полстроки. Набоков опять совершенно точно указал соответствующее место в книге. Заинтригованный И. Гессен спросил, как ему удалось столь точно запомнить эти фразы, на что Набоков ответил: "Не только "эти фразы". Я мог бы немедленно продиктовать почти все свои романы от начала до конца".

Такая реплика естественна в устах писателя, чьи книги были с самого начала задуманы как части единой "метакниги". Действительно, творчество Набокова, если воспользоваться образом А. Ахматовой, представляет одну "воздушную громаду", вся архитектура которой заранее продумана ее создателем до мельчайших деталей. Это гармоническое целое, где место каждой части predeterminedено и где все части связаны друг с другом бесчисленными перекличками — тематическими, образными и чисто словесными. Мастерство Набокова напоминает древнее искусство ткача ковров. Он держит в руках тысячи нитей одновременно, наперед зная, в каких местах и в какие узоры они сложатся. Заранее продумано и то, как конкретное произведение будет вписано в общий набоковский космос и какие переклички свяжут его со Вселенной русской и мировой литературы. Это сообщает космосу Набокова свойство бесконечности или, по крайней мере, вызывает у читателя такое ощущение. Недаром тексты Набокова описывались как гигантские многослойные сэндвичи, как бесконечная перспектива зеркальных отражений, как интерьеры, где за каждой

внимательней. Тема ключа в "Даре" была всесторонне проанализирована, например, в Johnson 1985, где рассмотрены все эпизоды, имеющие отношение к а) ключу от замка, б) ключу как источнику ("горячий ключ и в иине цветы"), в) ключу к решению шахматной задачи, г) Кастальскому ключу Парнаса, со ссылкой на пушкинские "Три ключа" («В степи мирской...»). Ср. также указание на важность ключей вообще у Б.Бойда (Boyd 1990: 475). Оба критика упоминают и эпизод, из которого ясно, что ключей от дома нет ни у Федора, ни у Зины. Однако ни тот, ни другой не сумели правильно оценить значение этой говорящей детали. Д.Джонсон видит здесь лишь выхолощенный формальный круг: поскольку в первой главе у Федора тоже не оказалось ключей от квартиры, получается, что первый и последний день романа "кончатся одинаково" (Johnson 1985: 96). Б.Бойд, наоборот, придает чересчур большое значение реальному сходству образа и прототипа. Он склонен рассматривать жизнь Федора и Зины как проекцию безоблачно счастливой жизни Владимира и Веры Набоковых и считает, что, когда Федор написал последние строчки своего романа, у него за плечами уже было много лет счастливой совместной жизни с Зиной (Boyd 1990: 462).

дверью открывается новая дверь, как картины в картине, как нескончаемые тексты-матрешки, как лента Мебиуса и т. п. Инвариантом всех этих метафор является именно представление о сознательно сконструированной бесконечности поэтического мира Набокова.

Укажем в качестве примера несколько составных частей того строительного раствора, который скрепляет элементы набоковских конструкций в единое целое. Это — общие персонажи, образы, темы, а также любые материальные объекты, вроде ключей, ковров, огня, мячей, пылинок, травинки и т. п.

"Машенька", "Подвиг", "Защита Лужина" и "Дар" связаны по крайней мере попарно персонажами-писателями Подтягиным, Лужиным-старшим, Залиловым (Шохина 1990: 527).

Придуманый Набоковым французский мыслитель Пьер Делаланд фигурирует и цитируется в "Приглашении на казнь" и "Даре". Те же два романа связаны — неожиданным образом — резиновым мячом, который в первом из них вбегает под койку, на миг скрывается там и тут же выкатывается "по другому катету", а во втором — закатывается под диван и надолго там исчезает.

В "Защите Лужина" тетя, искренне любящая Лужина, говорит ему: "Какая у тебя тоненькая шея, одной рукой можно...". В "Приглашении на казнь" палач Цинцинната, сладострастно предвкушающий процедуру обезглавливания, ощупывает ему шею и сообщает: "Нет, ничего. Все у вас в исправности... Только ужасно она у вас тоненькая".

В той же "Защите Лужина" мимо героя проплывает "бледный огонь", чтобы тут же рассыпаться с печальным шелестом и материализоваться через 26 лет в романе "Pale fire" (первое издание 1962 г.). В свою очередь, в "Бледном огне" издатель поэмы Кинбот предлагает автору назвать ее "Solus Rex", потому что именно так назывался незавершенный роман Набокова, который стал было печататься в "Современных записках" в 1940 году. В том же "Бледном огне" появляется Пнин, перешедший сюда со страниц одноименного романа, а действие отчасти разворачивается в стране Зоорландии, упоминаемой еще в "Подвиге".

В стихотворении 1923 года, по-видимому, впервые, у Набокова встречается образ времени или жизни как узорчатой ткани: "День за днем, цветущий и летучий, / мчится в ночь — и вот уже мертво / царство исполинское — дремучий / папоротник счастья моего. / Но хранится, под землей беспечной, / в сердце сокровенного пласта, / отпечаток верный и вечный — / призрак стрекозы, узор листа" ("Узор"). В "Приглашении на казнь" узорчатый папоротник превращается в ковер: "там время складывается по желанию, как узорчатый ковер, складки которого можно так собрать, чтобы соприкоснулись любые два узора на нем — и вновь раскрывается ковер, и живешь дальше, или будущую картину налагаешь на прошлую, без конца, без конца". То же самое в "Даре": "Этот волшебный ковер я научился так складывать, чтоб один узор приходился на другой". То же самое в "Парижской поэме" (1943): "В этой жизни, богатой узорами, / (неповторной, поскольку она / по-другому, с другими актерами, / будет в новом театре дана), / я почел бы за лучшее счастье / так сложить ее

дивный ковер, / чтоб пришелся узор настоящего / на былое, на прежний узор;... но с далеким найдя соответствие, / очутиться в начале пути, / наклониться — и в собственном детстве / кончик спутанной нити найти. / И распутать себя осторожно, / как подарок, как чудо, и стать / серединою многодорожного / громогласного мира опять".

В этой связи уместно упомянуть образ "изнанки" ткани и узоров на изнаночной стороне в "Приглашении на казнь", "Даре", "Других берегах", "Бледном огне" и других вещах Набокова. Ср. "Он вдруг заметил выражение глаз Цецилии Ц., — мгновенное, о, мгновенное, — но было так, словно проступило нечто настоящее, несомненное (в этом мире, где все под сомнением), словно завернулся краешек этой ужасной жизни, и сверкнула на миг подкладка" ("Приглашение на казнь"). "Федор Константинович почувствовал — в этой стеклянной тьме — странность жизни, странность ее волшебства, будто на миг она завернулась, и он увидел ее необыкновенную подкладку" ("Дар"). Этот образ почти дословно воспроизведен в "Других берегах" и вновь возникает, в несколько ином обличье и повороте, в "Бледном огне": "...привязанность человека к шедевру может быть совершенно подавляющей, в особенности, когда изнанка ткани восхищает созерцателя и единственного зачинателя, чье прошлое переплетается в ней с судьбой простодушного автора" ("Бледный огонь", с. 13; перевод Веры Набоковой).

В разделе 2.1 мы рассмотрели важные для понимания "Дара" сцены с ключами. Похожие сцены и мотивы встречаются (может быть, впервые) в "Соглядатае", за восемь лет до "Дара": "От нечего делать я и вышел их проводить до таксомоторной стоянки. Вдруг замечаю, что забыл дома ключи. — Ах, у нас две связки, — сказала Евгения Евгеньевна, — повезло вам, что мы живем в одном доме".

Надо сказать, что в "Даре" сосредоточено особенно много таких ссылок "вперед" и "назад". Этот роман в некотором роде — синтетический: он содержит внутри себя, в виде прямого текста, или намеков, или воспоминаний о будущем, многие другие произведения Набокова, о предстоящем появлении которых читатель заранее предупреждается. "Это странно, — говорит герой, — я как будто помню свои будущие произведения, хотя даже не знаю, о чем будут они".

В "Даре" прямо излагается сюжет еще не написанной "Лолиты", правда, в плотски огрубленной версии Щеголева: "Старый пес, но еще в соку, с огнем, с жадной частью, — знакомится с вдовицей, а у нее дочка, совсем еще девочка, — знаете, когда еще ничего не оформилось, а уже ходит так, что с ума сойти"¹³.

¹³ Первым текстом Набокова, где появляются мотивы "Лолиты", было, по-видимому, стихотворение "Лилит" (13 декабря 1930 года): "в дверях / вдруг встала девочка нагая / с речною лилией в кудрях, / стройна, как женщина, и нежно / цвели сосцы" и т. п. Похожие мотивы представлены, кроме того, в романе "Камера обскура"

В нескольких местах мелькают мотивы и мысли другого романа, впрочем, уже к тому времени написанного, — "Приглашения на казнь". Федору Константиновичу "искренне нравилось, как Чернышевский, противник смертной казни, напавал высмеивал гнусно-благостное и подло-величественное предложение поэта Жуковского окружить смертную казнь мистической таинственностью, дабы присутствующие казни не видели (на людях, дескать, казнимый нагло храбрится, тем оскверняя закон), а только слышали из-за ограды торжественное церковное пение, ибо казнь должна умилять".

Еще яснее ключевая мысль "Приглашения на казнь" сформулирована в высказывании, приписанном отцу героя: "в смертной казни есть какая-то непреодолимая неестественность, кровно чувствуемая человеком, странная и старинная обратность действия, как в зеркальном отражении превращающая любого в левшу: недаром для палача все делается наоборот: хомут надевается верхом вниз, когда везут Разина на казнь, вино кату наливается не с руки, а через руку; и, если по швабскому кодексу, в случае оскорбления кем-либо шпильмана позволялось последнему в удовлетворение свое ударить тень обидчика, то в Китае именно актером, тенью, исполнялась обязанность палача, т. е. как бы снималась ответственность с человека, и все переносилось в изнаночный, зеркальный мир". Мотивы "Приглашения на казнь" и даже само это словосочетание возникают и в других произведениях Набокова, в частности, в "немецком" романе "Король, дама, валет" и в рассказах "Королек", "Облако, озеро, башня".

Эта постоянная, по временам даже утомительная игра характерна в особенности для русских романов Набокова. Впрочем, английские романы тоже втягиваются в общий набоковский космос. В Rowe 1974b рассматриваются неслучайные совпадения персонажей, ситуаций, словечек и даже пылинок между романами "Pnin", "Lolita", "Transparent Things" и поэмой "Pale Fire".

В большинстве случаев функция таких общих объектов сводится к демонстрации единства набоковской вселенной, к подчеркиванию того, что различные ее блоки вырезаны из одного и того же монолита. Однако иногда они получают и дополнительную функциональную нагрузку.

В книге Rowe 1979 целая глава (седьмая, с. 85–123) посвящена семиотической роли "псов судьбы" во всех 17 романах и многочисленных рассказах Набокова. Убедительнейшим образом показано, что собаки, в том числе игрушечные, а также люди, чья внешность напоминает собак, имеют устойчивые зловещие ассоциации. Появление на месте действия собаки предвещает смерть, катастрофу, опасность, болезнь, обман, разочарование, неудачу, ссору. Этот прием в произведениях Набокова настолько разработан, что за отдельными породами собак или персонажами с собаками закрепляются постоянные функции. Такса — предвестник похотливой страсти (если судить по "Машеньке", то и смерти тоже — см. Набоков 1990: 94), сеттер — смерти, фокстерьер — опас-

(шестнадцатилетняя соблазнительница героя), а затем в Bend Sinister, где юная горничная разыгрывает попытку соблазнения Круга после смерти его жены.

ности и разочарования, бульдог — казни. Особую структурную функцию в набоковском мире выполняет "дама с собачкой" — это предзнаменование трагедии (Rowe 1979: 88). В романе "Transparent Things", например, "образ дамы с собачкой настойчиво ассоциируется со смертью" (там же, с. 93).

Интересно, что некоторые особенно любимые Набоковым герои знают о той роли, которую играют собаки в романах их творца. Например, Мартын из "Подвига", в момент, когда он заканчивает свои приготовления к отъезду в Россию, откуда ему не суждено вернуться, наблюдает сцену преследования пуделем черной левретки и чувствует в душе холодок, который он старается отогнать, уговаривая себя, что к нему это никакого отношения не имеет. "Что мне до всего этого? Ведь я же вернусь. Я должен вернуться".

Прослеживается и роль собак в "Даре". Федору пообещали напечатать обзор его стихов, и он испытывает счастливое чувство поэта, впервые замеченного критикой. Он направляется в литературный салон Чернышевских, по дороге встречает девочку с бульдогом, похожим на жабу, и у Чернышевских узнает, что обещанный обзор — первоапрельская шутка. Когда Рудольф, Ольга и Яша решают покончить жизнь самоубийством, они отыскивают уединенное место на берегу озера, где какой-то человек тренирует своего сеттера. Яша уходит в лес и стреляется. Позднее то же место возникает в романе еще раз — как место смерти двух людей, потерпевших над ним аварию на самолете. Тот же человек с собачкой, бывший свидетелем катастрофы, объясняет случайным прохожим, как это случилось. Когда от отца Федора, бесследно исчезнувшего где-то в Азии и, вероятно, погибшего от пули большевиков, приходит последнее письмо, фокстерьер, которого Таня держит на руках, вдруг заливается бешеным лаем, глядя ей через плечо на что-то, видимое только ему. В рассказе "Круг" обреченность любви разночинца Иннокентия к сестре Федора Тани Годуновой-Чердынцевой подчеркнута тем обстоятельством, что она постоянно играет с двумя фокстерьерами.

На этом мы закончим общую характеристику приемов и всего космоса Набокова; мы коротко вернемся к этой теме в заключительном разделе нашей работы, после того, как проанализируем в свете сказанного роман "Дар".

3. Тема "Дара"

3.1. Из творческой истории "Дара"

По-видимому, замысел романа возник у Набокова в 1928 году, когда в Советском Союзе с большим размахом было отпраздновано столетие со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Эта фигура, как ясно и из текста самого "Дара", дала первый импульс к написанию романа.

Отношение Набокова к Н. Г. Чернышевскому заслуживает отдельного комментария, поскольку его изображение в романе породило наибольшее число кривотолков. Читатели, критики и издатели, даже те, что держались прямо

противоположных политических убеждений, единодушно заподозрили Набокова в преднамеренном и циничном осквернении святыни. Ничто не может быть дальше от истины.

Интеллектуальная независимость Набокова, его пушкинский кодекс чести¹⁴, его иммунность к любым формам идеологии исключают возможность того, что официальные славословия предтече марксизма в России и любимому писателю В. И. Ленина могли, по принципу отталкивания, хоть как-то окрасить его восприятие Н. Г. Чернышевского. Отношение Набокова к Н. Г. Чернышевскому было с самого начала амбивалентным.

Конечно, Набоков не мог простить ему той идеологической нетерпимости и страсти к социальному экспериментаторству, которые были гипертрофированы в большевизме и привели Россию к национальной катастрофе. Однако он переживал как трагедию не утрату сословных привилегий и баснословных материальных ценностей¹⁵. Он не мог примириться с палачеством коммунистов, "насилием над языком, над мыслью, над истиной" (из письма В. Зензинову от 17 марта 1945 года, Boyd 1992: 85), "со всею мерзостью, жестокостью и скукой / немого рабства" ("Каким бы полотном батальным ни являлась"). За все это он считал ответственным и Н. Г. Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский был антипатичен Набокову и своей эстетической глухотой, неумелостью и даже физической немощью.

Однако Набоков никак не хотел унижить Н. Г. Чернышевского. Он в полной мере признавал за ним доблести, которые ценил превыше всего, — чувство чести и бесстрашие. В письме к В. Ходасевичу от 26 апреля 1934 г., сообщая о работе над биографией Н. Г. Чернышевского для своей будущей книги, он пишет, что, хотя тот не отличался талантом, мужества у него было больше, чем у многих других. Набокову импонировало и неприятие Н. Г. Чернышевским института смертной казни, с которым последовательно боролись все поколения Набоковых, начиная с деда писателя, министра юстиции при Александре II и Александре III.

В романе высокая оценка Н. Г. Чернышевского повторена: "Такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в своей борьбе с государственным порядком

¹⁴ "Меня страшатся потому, / что зол я, холоден и весел, / что не служу я никому, / что жизнь и честь мою я взвесил / на пушкинских весах, и честь / осмеливаюсь предпочесть" ("Неоконченный черновик"). Имеется свидетельство того, что свою честь Набоков, как и его отец, готов был защищать на дуэли (Boyd 1990: 203).

¹⁵ Потеря родового имени Рождествено стоимостью в несколько миллионов, унаследованного Набоковым от его дяди В. Рукавишника, несколько не нарушила его душевного равновесия. Более того, сетования по поводу утраченных сокровищ вызывали у него гнев. "Мое давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины" (ДБ).

вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы"; "либералы или славянофилы, рисковавшие меньшим, стоили тем самым меньше этих железных забияк".

Некоторая нарочитая утрированность образа Н. Г. Чернышевского, саркастичная, а местами и ядовитая характеристика его вкусов и деятельности имеют, как будет показано ниже, не столько идеологическую, сколько эстетическую и структурную подоплеку¹⁶.

В 1933–1934 годах Набоков приступил к реализации своего замысла — начал работать с источниками и набрасывать первые варианты биографии Чернышевского, которая должна была составить содержание четвертой главы "Дара". Одновременно или чуть раньше (Boyd 1990: 397 и сл.) он стал заниматься историей исследования Центральной Азии, особенно путешествиями Пржевальского, готовя материал для второй главы романа. Иными словами, писание "Дара" началось не с начала, а с работы над материалом второй и четвертой глав¹⁷.

Надо сказать, что около этого времени произошли заслуживающие внимания перемены в писательской технике Набокова. "...начиная с "Дара", я, в связи, вероятно, с обилием всевозможных заметок, перешел на более практичный способ — стал писать на карточках карандашом, оснащенным резинкой. Поскольку с первых же шагов перед моими глазами стоит удивительно ясное видение всего романа, карточки особенно удобны, — они позволяют не следовать за порядком глав, а заниматься отрывком, относящимся к любому месту, или заполнять пробелы между уже написанными кусками. Боюсь, как бы меня не приняли за Платона, к которому я вообще равнодушен, но я в самом деле считаю, что в моем случае ненаписанная еще книга как бы существует в некоем идеальном измерении, то проступая из него, то затуманиваясь, и моя задача состоит в том, чтобы все, что мне в ней удастся рассмотреть, с максимальной точностью перенести на бумагу. Как сочинитель, самое большое счастье я испытываю тогда, когда чувствую или, вернее, ловлю себя на том, что не понимаю... как и откуда ко мне пришел тот или иной образ или сюжетный ход" (ИА).

Действительно, уже к началу 1934 года книга сложилась в сознании Набокова с такой кристальной ясностью, что он смог прервать работу над "Даром"

¹⁶ В этой связи представляет интерес следующее признание Набокова: "Биография внутри "Дара" была написана моим героем, который чем-то похож на меня, но я сам так бы ее не написал" (Field 1977: 30). Вспомним, кроме того, что Набоков не щадил не только Н. Г. Чернышевского и других революционных демократов, но и мировоззренчески более близких ему Б. Пастернака, А. Ахматову, М. Цветаеву.

¹⁷ Указанное обстоятельство в высшей степени симптоматично и имеет первостепенное значение для понимания темы "Дара". Как мы покажем ниже, в кольцевой структуре романа эти две главы тематически связаны друг с другом и образуют некий круг, объемлющий центр.

и написать рассказ "Круг", который сам впоследствии называл "спутником, отделившимся от основной массы романа"¹⁸.

В середине 1934 года Набоков снова прервал работу над "Даром" и "в одном вдохновенном порыве" за две недели написал первый вариант романа "Приглашение на казнь" (ИА), работа над которым продолжалась до начала 1935 года. Затем он вновь вернулся к "Дару". В феврале 1936 года он закончил четвертую главу и первую редакцию второй главы. В апреле он отвлекся от работы над романом, чтобы написать "Весну в Фиальте", весной и летом был занят дополнениями к книге воспоминаний о студенческих годах в Англии и лишь в августе 1936 года приступил к работе над первой главой "Дара".

В дальнейшем Набоков еще несколько раз отвлекался от работы над романом, вынуждаемый к этому материальными обстоятельствами, и поставил в нем последнюю точку лишь в январе 1938 года. Предпринятая в 1939 году попытка написать второй том "Дара" (см. об этом ниже, раздел 3.3.4) закончилась безрезультатно.

Печатная история романа началась в апреле 1937 года публикацией в "Современных записках" первой главы. Поскольку вторая глава, по мнению Набокова, еще требовала отделки, а третьей и вовсе не было, он послал редактору (Вадиму Рудневу) четвертую главу. Тот был взбешен самим предположением, что журнал может предложить читателям роман с такими лакунами, и Набоков вынужден был спешно доделать и отослать вторую главу. К этому времени В. Руднев прочел главу о Чернышевском, совершенно превратно ее истолковал и наотрез отказался печатать. Хотя и Набоков был настроен достаточно решительно, он в конце концов вынужден был, по материальным соображениям, уступить. В результате один из крупнейших русских романов XX века увидел свет, по словам самого автора, «с дырой в "Даре"» — без четвертой главы.

Первая публикация романа завершилась в "Современных записках" в урезанном виде в 1938 году. Лишь в 1952 году "Дар" был впервые напечатан целиком (в издательстве "Ардис", Энн-Арбор).

3.2. Из истории изучения "Дара"

В своей книге об Ахматовой и Блоке В. Н. Топоров писал: "Ввиду тех решающих преобразований, которые привели в творчестве Ахматовой (и Мандельштама) к существенному изменению границ между прозой, поэзией и внеположенным миром, поэтическое пространство текста оказалось предельно углубленным и расширенным, его мерность увеличилась, оно приобрело тот статус неопределенности и многозначности, который лишает текст окончательно-

¹⁸ Правда, Набоков ошибочно считал, что рассказ был написан в 1936 г., по завершении четырех пятых романа, а Вера Набокова датировала его даже концом 1938 или началом 1939 г., т. е. временем после публикации "Дара" (Boyd 1990: 405). На самом деле "Круг" был напечатан в феврале 1934 г. — за три года до начала печатания "Дара".

сти, законченности смысловых интерпретаций и, наоборот, делает его "открытым", постоянно пребывающим *in statu nascendi* и поэтому способным к улавливанию будущего, к подстраиванию к потенциальным ситуациям" (Топоров 1981: 8).

Мы полагаем, что все сказанное можно целиком отнести и к Набокову. С одной стороны, он, конечно, был среди тех мастеров серебряного века, кто перекроил границы между прозой, поэзией и внеположенным миром. С другой стороны, ни один его роман не может быть сведен к простой и однозначной формуле, а "Дар", любимое детище Набокова, в большей мере, чем любая другая его вещь, не только допускает, но и требует многомерной интерпретации.

История изучения "Дара" вполне это подтверждает. Диапазон его интерпретаций огромен. Не претендуя ни на их полный охват, ни тем более на сколько-нибудь полный учет источников, попытаемся указать хотя бы их основные типы: 1) "Дар" как эклектичный набор тем; 2) "Дар" как энциклопедия жизни; 3) "Дар" как исследование творческого процесса; 4) "Дар" как критический анализ русской литературы; 5) "Дар" как роман о работе судьбы. Здесь учтены и различные версии истолкования "Дара", предложенные самим Набоковым.

1) Традиция истолкования "Дара" как эклектичного набора интересных Набокову тем, которые, однако, предстают читателю как мало связанные друг с другом, начинается, по-видимому, с работ А. Филда, одного из первых биографов Набокова. Интенсивное личное общение с писателем и уникальная возможность обсуждать с ним замыслы его вещей не помешали А. Филду трактовать "Дар" как сборник "автономных рассказов", в которые вплетены "роман Федора и Зины Мерц, виньетки эмигрантской литературной жизни, воображаемые беседы о русской литературе и странная смерть Яши Чернышевского" (Field 1967: 214).

С А. Филдом солидаризируется А. М. Сейлхар. "Дар" представляется ей "эклектичным материалом" — "психограммой", или "записной книжкой" Федора, заполненной "свободным потоком размышлений, автонаблюдений и личных писем, которые, как в слоеном пироге (*sandwiched*), перемежают художественный текст" (Salehar 1974: 70).

Отказывает "Дару" в цельности и С. Давыдов, называющий эту книгу "романом-коллажем из внутренних текстов героя", "симбиозом текстов героя и автора" (Davudov 1982: 188), а ее четвертую главу — "гротескным пастишем, склеенным из обрывков "жизни и творчества" Н. Г. Чернышевского" (там же, с. 211). Впрочем, в той же работе есть и более пронизательные суждения, о которых см. ниже.

2) Истолкование "Дара" как энциклопедии жизни принадлежит Б. Бойду, который видит в нем "картину столицы и континента, Берлина и Евразии". "Своей мощью и разнообразием он похож на огромный материк. История нежной любви, портрет художника в пору его молодости, почти протокольное по тщательности описание одного слоя общества, живые фантазии на тему путешествий, исследование судьбы, страстное свидетельство уважения к насле-

дию целой литературы, половина книжной полки биографий... — в "Даре" есть все это и многое другое" (Boyd 1990: 447).

3) Традиция истолкования "Дара" и всего "русского" Набокова как исследования творческого процесса восходит к давним статьям В. Вейдле и В. Ходасевича. Они были первыми критиками, отметившими, что тема творчества Сирина — само творчество. Хотя цитируемые ниже статьи были написаны еще до публикации "Дара", в них схвачены особенности, получившие именно в нем наиболее полное развитие.

"Соглядатай, шахматист Лужин, собиратель бабочек Пильграм, убийца, от лица которого рассказано "Отчаяние", приговоренный к смерти в "Приглашении на казнь" — все это разнообразные, но однородные символы творца, художника, поэта" (Вейдле 1936: 185).

"Жизнь художника и жизнь приема в сознании художника — вот тема Сирина, в той или иной степени вскрываемая едва ли не во всех его писаниях". "Его произведения населены не только действующими лицами, но и бесчисленным множеством приемов, которые, точно эльфы или гномы, сную между персонажами, производят огромную работу: пилят, режут, приколачивают, мажут... Они строят мир произведения и сами оказываются его неустранимо важными персонажами. Сирин их потому не прячет, что одна из главных задач его — именно показать, как живут и работают приемы" (Ходасевич 1991: 460–461).

К интерпретации "Дара" как книги о писательском даре и труде подталкивает прежде всего сам Набоков. Устами своего героя он сообщает, что "Дар" — это рассказ о том, как был задуман, писался и был написан этот роман. Именно эта версия положена в основу работы Левин 1981. Уникальную особенность "Дара" Ю. И. Левин усматривает в том, что эта книга является одновременно и исследованием творческого процесса, и его продуктом, причем исследование и продукт, метатекст и текст многократно отражаются друг в друге, создавая бесконечную перспективу зеркальных отражений¹⁹.

Интересна версия С. Давыдова, который ставит "Дар" в связь с тремя другими произведениями Набокова, героями которых являются люди пишущие: "Уста к устам", "Отчаяние" и "Приглашение на казнь". "На самом деле, если прочитать все эти произведения как одну сплошную книгу, как некий "архироман", то мы увидим, что он посвящен одной теме, теме рождения поэта" (Davydov 1982: 184). Каждый последующий персонаж поднимается на

¹⁹ Похожим образом предлагал понимать свои вещи и сам Набоков. Отвечая на вопрос, с каким чувством идеальный читатель должен закрывать его книги, он сказал: "Мне было бы приятно, если бы мою книгу читатель закрывал с ощущением, что мир ее отступает куда-то вдаль и там замирает наподобие картины внутри картины, как в "Мастерской художника Ван-Бока" (ИА). Любопытно, что в этом ответе, с хорошо разыгранным простодушием искусного мистификатора, он придумал на ходу фламандского художника Ван Бока, имя которого А. Аппель считает возможным истолковать как анаграмму набоковского имени.

ступеньку выше своего предшественника как художник, а "Дар" оказывается завершением этого "ступенчатого ряда книг", потому что его герой достигает высшей степени художественного мастерства, становится настоящим писателем. "Герой романа возводится в автора этого романа... Федор — первый герой в творчестве Набокова, которому удалось перейти из искусства в жизнь, с изнанки, т. е. со страниц романа, на его лицевую сторону, на обложку книги..." (Davydov 1982: 199).

4) Предложив в самом "Даре" несколько версий его интерпретации на выбор, видимо, в целях мистификации читателя или для того, чтобы заставить его как следует потрудиться в поисках истины, Набоков, естественно, ни в коем случае не считал себя связанным ими. Когда М. Алданов распознал в персонаже "Дара" критику Мортузе карикатуру на Г. Адамовича и послал Набокову возмущенное письмо, Набоков решительно отвел все упреки, ссылаясь на то, что "главная героиня романа — литература" и что такой персонаж был ему нужен, чтобы "показать определенный порядок литературных идей" (Boyd 1990: 480).

Впоследствии появилось немало работ, например, Karlinsky 1963, Johnson 1985, Долинин 1989, Boyd 1990, Ковтунова 1990 и др., в которых акцентируются литературоведческие и культурные аспекты "Дара". В этих работах "Дар" рассматривается как чисто литературоведческий труд (Karlinsky 1963), как книга с двумя героинями-музами — Зиной и русской литературой (Johnson 1985: 100 и сл.), как продукт осмысления писателем традиции Пушкина, "света русской литературы", и традиции Чернышевского, ее "хронической болезни". "Животворный луч Пушкина" светит Годунову-Чердынцеву "через всю толщу отечественной словесности", а с антиэстетическим утилитаризмом Чернышевского он ведет бескомпромиссную борьбу (Долинин 1989: 459–460). Ср. похожие суждения Б. Бойда: "Фактически в "Даре", основном вкладе [Набокова] в русскую литературу, его глубокая переоценка русской литературной традиции путем атаки на Чернышевского продолжает то неприятие утилитарного материализма, с которого начался символизм" (Boyd 1990: 93).

В статье И. И. Ковтуновой "Дар" исследуется с еще одной широко представленной в набоковедении точки зрения (впервые высказанной, по видимому, Н. Андреевым в 1930 году) — как попытка синтеза традиций (пушкинской линии русской литературы) и новаторства (эстетики и стилистики "потока сознания" в духе Дж. Джойса)²⁰.

²⁰ Хотя большинство исследователей Набокова находит и в "Даре", и в других его вещах следы влияния Дж. Джойса (а также М. Пруста и Ф. Кафки), сам он категорически отрицал свою зависимость от кого бы то ни было, за исключением "печального, сумасбродного, мудрого, остроумного, волшебного и во всех отношениях восхитительного Пьера Делаланда", которого сам выдумал (Предисловие к английскому переводу "Приглашения на казнь"). Впрочем, и для Пушкина он иногда делал исключения: "Кровь Пушкина течет в жилах новой русской литературы с той же неизбежностью, с какой в английской — кровь Шекспира" (ИА).

5) С легкой руки Набокова возникла и традиция истолкования "Дара" как романа о работе судьбы.

У эстетически мыслящих критиков в фокусе внимания оказывается сам концепт судьбы, который интересным образом взаимодействует с некоторыми другими доминантами поэтического мира писателя. У Роу, например, связывает концепт судьбы с инвариантной для Набокова темой призраков и привидений (Rowe 1981: 9). Последние являются среди действующих лиц в виде ветра, тумана, молнии, солнечного света и воды, в виде небольших насекомых вроде мухи или бабочки, а также в своем обычном земном обличье, и принимают деятельное участие в судьбах героев. Один из призраков "Дара" — отец Федора, его ангел-хранитель, всячески пекущийся о том, чтобы устроить его счастье с Зиной, т. е. реализовать замысел судьбы (там же, с. 38).

Экзистенциально мыслящие критики интерпретируют "Дар" как "посвященную Зине поэму о любви". Эта версия, впервые предложенная самим Набоковым в его предисловии к английскому изданию "Дара", разрабатывается в уже упоминавшейся статье Salehar 1974: "поэма о любви... образует ядро романа" (Salehar 1974: 71). Некоторые американские критики шли еще дальше, называя роман "великой брачной песней". В похожем ключе выдержана и одна из версий Б. Бойда: «Фрустрация, внезапно сменяющаяся радостью от сознания щедрости жизни, — вот общая схема (pattern) "Дара"» (Boyd 1990: 450).

Разумеется, далеко не все существующие интерпретации "Дара" укладываются в предложенную схему. В.В. Ерофеев, например, рассматривал "Дар" как книгу о поисках земного рая. "Воспоминание о рае драматично и сладостно одновременно. Проза Набокова, с ее особой чувственной фактурой, призвана не только отразить эту двойственность, но и преодолеть противоречие, тем самым превращаясь не просто в воспоминание, но в обретение рая, доступное в акте творчества. Обретение рая — глобальная творческая сверхзадача Набокова, обеспечивающая метароман экзистенциальным и эстетическим значением одновременно" (Ерофеев 1990: 9).

Для всех этих интерпретаций (за исключением первой, очевидным образом несостоятельной) универсальный роман Набокова дает достаточно оснований, и мы не будем их оспаривать. Можно пойти еще дальше и утверждать, что всеобъемлющей формулы для него еще не найдено. Его мощная полифония не укладывается в привычные рамки понятий эстетического и экзистенциального, метафизического и мистического, литературы и литературоведения, текста и метатекста, традиций и новаторства, реализма и модернизма, фабулы и приемов, потока сознания и коллажа, автора и рассказчика и т. п. Больше всего для характеристики его формальной структуры подошло бы понятие гипертекста, но и от того, что обычно называется гипертекстом, он отличается идеальной, хотя и не очевидной согласованностью и гармонией входящих в него текстов.

Набоков внедрил в набоковедение тезис, что он строит свои тексты как шахматные задачи, ценность которых "зависит от числа и качества "иллюзорных решений", — всяких обманчиво-сильных первых ходов, ложных следов и других подвохов, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы поддель-

ной нитью лже-Ариадны опутать вошедшего в лабиринт" (ДБ)²¹. Но хорошая шахматная задача всегда имеет одно правильное решение. Оно может быть понятно и "простаку-новичку", способному найти его, "минуя те замысловатые мучения, которые в ней ожидали опытного умника" (там же). Рискнем выступить в первой роли.

3.3. Интерпретация "Дара"

После всего сказанного выше естественно сделать заключение, что "Дар", помимо прочего, является романом-ребусом. Его текст требует не столько чтения, сколько решения. Понять, какова его тема и что он значит, можно лишь на основании такой версии, которая объясняет любой фрагмент текста, начиная с эпиграфа и кончая последней строкой.

В первом приближении темой "Дара" является трагедия постоянного соединения с чужим и постоянной отторгнутости от родного. У этой темы есть важная вариация — трагедия человека, для которого единственный способ соединения с любимым, близким, родным — это идеальное, сублимированное соединение в сознании (в мечте, в памяти, во сне), между тем как физически, телесно он обречен на соединение с постылым, чуждым, чужим²².

Обе эти формулировки выдержаны в трагедийном ключе. Однако преобладающая тональность "Дара", безусловно, светлая. Если учесть и ее, то получится еще одна вариация темы "Дара": условное преодоление физической отторгнутости от родного мира в воображении художника, творческий гений которого настолько велик, что он способен создать живую иллюзию слияния с этим миром в своей памяти²³.

Эти формулировки, как кажется, описывают не только "Дар", но и весь космос Набокова. Его важнейшим психологическим инвариантом является принципиально неутолимая тоска по далекому близкому, по отторгнутому родному, в чем бы вещественно ни воплощался объект неутолимых желаний в каждом конкретном случае. Приведем несколько иллюстраций.

В "Машеньке" герой отказывается от встречи с любовью своей юности, потому что он "до конца исчерпал воспоминанье", т. е. вполне насытился обра-

²¹ Ср. похожую мысль в более позднем варианте автобиографии: "соревнование в шахматных задачах на самом деле — не между белыми и черными, а между композитором и гипотетическим решателем (точно так же, как в первоклассном художественном произведении настоящий конфликт разыгрывается не между персонажами, но между автором и миром)" (Nabokov 1966: 290).

²² Легко заметить сходство этой темы с темой "иллюзорность обладания", обнаруживаемой, например, в поэзии О. Мандельштама (см. Жолковский 1991). Однако решается она у Набокова (особенно в "Даре") совсем не так, как у О. Мандельштама; см. основной текст ниже.

²³ Впоследствии Набоков не раз подчеркивал, что для него "память и воображение являются отрицанием времени" (ДБ, Nabokov 1973: 78), "упраздняют время" (ИА).

зом, сохранившимся в его памяти (ср. Левин 1985: 22, где мотив "неисполнения" анализируется как основной в этом романе). Сходный мотив представлен в "Соглядатае", герой которого признает неутолимость своего любовного желания и отказывается от физического обладания любимой. В "Подвиге" подчеркнута обреченность Мартына, абсолютная бесперспективность его героической попытки попасть на родину. Темой "Короля, дамы, валета" является крах плана героини убить мужа, чтобы навсегда соединиться с любовником. Хотя план этот сам по себе чудовищен, единственное, что меняется в инвариантной теме невстречи, — это оценка несостоявшегося события. В "Приглашении на казнь" Цинциннат осужден на физическую жизнь в чуждом ему мире, который на поверку оказывается разваливающейся дешевой театральной декорацией. Лишь после казни он слышит голоса таких же людей, как он сам, и направляется на встречу с ними. В "Лолите" вновь возникает тема неутоленной и неутолимой любви. Немногие счастливые мгновения, которые пережил Гумберт Гумберт, все в прошлом, он может только перебирать драгоценные воспоминания, сидя в тюрьме в ожидании суда за убийство. В "Пнине" герой, после многочисленных неудач и испытаний, прибывает в женский клуб Кремоны, где должен читать лекцию и где на этот раз ничто, кажется, не может ему помешать получить свою долю успеха. Но в ход событий вмешивается неумолимый повествователь, который признается, что ненавидит счастливые концы, потому что считает их обманом. Норма жизни — несчастье, року ничто не должно мешать. В результате оказывается, что Пнин привез не ту лекцию, и зло вновь закономерно торжествует.

Если от романов обратиться к рассказам, то и здесь обнаруживается тот же инвариант. Содержанием программного рассказа "Возвращение Чорба", давшего наименование целому сборнику, является воспоминание Чорба об умершей жене. В "Звонке" описывается долгожданная встреча с матерью после семи лет разлуки, но оказывается, что она желанна только для сына. Мать ждет любовника, свалившийся как снег на голову сын воспринимается как помеха и выпроваживается. Встреча отменяется. В "Сказке" герой встречается с чертом, пообещавшим утоление всех его робких эротических устремлений при условии, что он выберет для этой цели нечетное число женщин. Герой жадничает, вместо рекомендованных чертом пяти — семи выбирает тринадцать и терпит фиаско, потому что тринадцатая избранница, увиденная только со спины, совпадает с первой. В "Пильграме" талантливый, но бедный ученый-энтомолог, обладатель бесценных коллекций, всю жизнь страстно мечтает накопить деньги на год собственной охоты за бабочками в экзотических странах. Потерпев несколько сокрушительных неудач и уже отчаявшись осуществить свою мечту, он неожиданно выручает за одну из своих коллекций несколько тысяч марок, снаряжает экспедицию, покупает билет "в виде тетрадошки с разноцветными, отрывными листами" — и умирает перед выходом на вокзал. В "Картофельном Эльфе" к карлику, утратившему всякий интерес к жизни, приезжает его давняя любовница Нора и сообщает, что семь лет назад она родила от него сына,

абсолютно нормального мальчика. "И мгновенно он понял все, весь смысл жизни", и его переполняют блаженство, изумление, счастье. Нора уходит, он бросается догонять ее и настигает на вокзале, но сердце не выдерживает, и он умирает, а Нора безучастно говорит подбежавшим людям, что она ничего не знает — на днях у нее умер сын. Рассказ "Памяти Л. И. Шигаева", написанный в разгар работы над "Даром", кончается словами: "Моя жизнь — сплошное прощание с предметами и людьми, часто не обращающими никакого внимания на мой горький, безумный, мгновенный привет".

Указанный инвариант легко подтвердить и материалом набоковских стихотворений. Стихотворение "Сны" (1926): "Господи, я требую примет: / кто увидит родину, кто — нет, / кто уснет в земле нерусской. ...Только сон утешит иногда. / Не на области и города, / не на волости и села — / вся Россия делится на сны, / что несметным странникам даны / на чужбине ночью долгой". Стихотворение "Расстрел": "Бывают ночи — только лягу, / в Россию поплывет кровать; / и вот ведут меня к оврагу, / ведут к оврагу убивать. ...Оцепенелого сознания / коснется тиканье часов, / благополучного изгнания / я снова чувствую покров. / Но, сердце, как бы ты хотело, / чтоб это вправду было так: / Россия, звезды, ночь расстрела / и весь в черемухе овраг". Стихотворение "Первая любовь", по теме и даже предмету любви в точности повторяющее "Машеньку": "Твой образ легкий и блистающий / как на ладони я держу / и бабочкой не улетающей / благоговейно дорожу. ...Но если встретиться нежданная / судьба заставила бы нас, / меня бы, как уродство странное, / твой образ нынешний потряс. ... / И все давным-давно просрочено, / и я молюсь, и ты молишь, / чтоб на утоптанной обочине / мы в тусклый вечер не сошлись". Стихотворение "Лилит", в котором лирический герой после смерти попадает в ад (ошибочно принятый им сначала за рай), где встречает обольстительную Лилит: "От солнца заслонясь, сверкая / подмышкой рыжею, в дверях / вдруг встала девочка нагая / с речною лилией в кудрях". Дело доходит до соития, но в решающий момент Лилит выскальзывает, — "и полон сил, на полпути / к блаженству, я ни с чем остался / и ринулся и зашатался / от ветра странного". Стихотворение "Отвяжись, я тебя умоляю!" (16 сентября 1939 г.), обращенное к России, которая после подписания пакта с Гитлером окончательно стала для Набокова страной "немого рабства": "Навсегда я готов затаиться / и без имени жить. Я готов, / чтоб с тобой и во снах не сходиться, / отказаться от всяческих снов; / обескровить себя, искалечить, / не касаться любимейших книг, / променять на любое наречье / все, что есть у меня, — мой язык. / Но зато, о Россия, сквозь слезы, / сквозь траву двух несмежных могил, / сквозь дрожащие пятна березы, / сквозь все то, чем я смолоду жил, / дорогими слепыми глазами / не смотри на меня, пожалей, / не ищи в этой угольной яме, / не нащупывай жизни моей!" Стихотворение "Слава": "Нет, никто никогда на просторе великом / ни одной не помянет страницы твоей: / ныне дикий пребудет в неведеньи диком, / друг степей для тебя не забудет степей. --- Повторяй же за мной, дабы в сладостной язве / до конца, до небес доскрестись: никогда, /

никогда не мелькнет мое имя — иль разве / (как в трагических тучах мелькает звезда) / в специальном труде, в примечанье к названью / эмигрантского кладбища, и наравне / с именами собратьев по правописанию, / обстоятельством места навязанных мне" (ср. мотив "примечанья" в пятой главе "Дара", см. ниже).

Ограничимся этими иллюстрациями и вновь возвратимся к "Дару", чтобы подтвердить сформулированный выше тезис интерпретацией ключевых фрагментов и эпизодов романа.

Мы будем исходить из того, что роман построен концентрически и растет волнами из эпицентра — третьей главы. Вторая и четвертая главы образуют первый объемлющий круг, первая и пятая главы — второй объемлющий круг, эпиграф и онегинская строфа в конце — третий и последний объемлющий круг. Каждый из кругов держится на одной главной идее. Поэтому анализ будет строиться не по главам, а по кругам.

3.3.1. Центр, глава третья

Единственная последовательно проведенная сюжетная линия романа — любовная. Она возникает в виде нескольких предвестий еще в первой главе. В одном из эпизодов Федор получает приглашение на вечер, где должна быть еще незнакомая ему, но уже названная по имени Зина Мерц. В другом эпизоде его просят помочь с немецкими переводами какой-то русской барышне, как выясняется впоследствии, той же Зине Мерц. В обоих случаях он отказывается, слегка оттягивая приговор судьбы. Третья глава целиком посвящена возникновению и развитию любовной темы, которая в пятой главе достигает своей кульминации. Именно в третьей главе сосредоточены все главные эпизоды, формирующие эту сюжетную линию. Любопытно, что Зина впервые появляется на страницах романа ровно в середине главы, оказываясь, таким образом, своеобразной стартовой точкой в разворачивании его сложной композиции.

Когда герой поселился у Щеголевых и увидел Зину в первый раз, у него было ощущение, что он уже многое знает о ней, что и имя ее ему давно знакомо. Иными словами, Зина сначала возникла в виде образа в сознании героя, и только много спустя — как реальная женщина в его жизни. Даже после знакомства с Зиной ее реальность остается несколько условной. Зина описывается совсем не так, как другие женские персонажи "Дара". Те вполне телесны, с ямочками на бледных щеках и нежным подкрашенным ртом или с губами, как "сургучная печать на письме, в котором ничего не написано". От них веет духами с мутным, сладковато-бурым запахом, их тела соблазнительно доступны, и реакция героя на них — такая же грубо материальная и чувственная: "сердце вдруг начинало колотиться, и сразу высохли губы" — или пробуждался дикий ночной голод, утолявшийся черным хлебом с простоквашей.

Совсем другое дело — Зина. В ее облике подчеркиваются легкость, воздушность, серебристость, небесность; в нем начисто отсутствуют прозаические земные детали. Ее бледные волосы светло и незаметно переходят в солнечный

воздух вокруг головы, она все время "ограничена легчайшими покрывами того самого впечатления", которое производит на Федора.

Собрав вместе все характеристики Зины, можно заметить, что она как бы "полууплощена". В уже упоминавшемся стихотворении героя есть такие строчки: "Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина, / полумерцанье в имени твоём, / — и странно мне по сумраку Берлина / с полувиденьем странствовать вдвоем". Зыбкость и воздушность Зины так настойчиво подчеркиваются, что ее образ начинает двоиться между реальностью и мечтой. Ей дано мерцательное имя (Мерц); герой в своем стихотворении апеллирует к греческой богине памяти Мнемозине, имя которой можно прочесть по-русски как 'память о Зине'²⁴; Зина является как тень и выходит из темноты, "от родственной стихии отделяясь". Характерна в этом отношении и сцена ожидания гостей, когда Зина и Федор дежурят с ключами в темной передней, едва освещенной светом уличных фонарей: "У самого его лица была нежно-пепельная щека, перерезанная тенью, и когда Зина вдруг, с таинственным недоумением в ртутном блеске глаз, повернулась к нему, а тень легла поперек губ, странно ее меняя, он воспользовался полной свободой в этом мире теней, чтобы взять ее за призрачные локти; но она выскользнула из узора".

Итак, с одной стороны, Зина — это ускользящее видение героя, призрак, греза. Но есть у этого образа и другая ипостась.

Зина — это идеально близкий Федору Константиновичу человек, обладающий ясным пониманием природы его дара, тонкий ценитель литературы с безупречным и независимым вкусом. "Что его больше всего восхищало в ней? Ее совершенная понятливость, абсолютность слуха по отношению ко всему, что он сам любил. ...И не только Зина была остроумно и изящно создана ему по мерке очень постаравшейся судьбой, но оба они, образуя одну тень, были созданы по мерке чего-то не совсем понятного, но дивного и благожелательного". Федор Константинович "замечал в ней смесь женской застенчивости и не женской решительности во всем. Несмотря на сложность ее ума, ей была свойственна убедительнейшая простота, так что она могла позволить себе многое, чего другим бы не разрешалось, и самая быстрота их сближения казалась Федору Константиновичу совершенно естественной при резком свете ее прямоты". "Ее совершенно не занимало, прилежно ли автор (Федор Константинович в книге о Чернышевском. — Ю.А.) держится исторической правды, — она принимала это на веру, — ибо, если бы это было не так, то просто не стоило бы писать книгу. Зато другая правда, правда, за которую он один был ответственен, и которую он один мог найти, была для нее так важна, что малейшая неуклюжесть или туманность слова казалась ей зародышем лжи, который немед-

²⁴ Словесная игра *Зина — Мнемозина* давно привлекла внимание критиков. Мнемозина — богиня памяти — мать Муз, рожденных ею от Зевса. Само имя "Зинаида" значит дочь Зевса. Но "если Зина — наполовину Мнемозина и одновременно дочь Зевса, она должна быть одной из Муз" и, тем самым, "она — Муза Федора" (Salehar 1974: 77; аналогичный комментарий см. в Johnson 1985: 96 и сл.).

ленно следовало вытравить... В ее отзывчивости была необычайная грация, незаметно служившая ему регулятором, если не руководством".

В этих характеристиках легко узнать Веру Слоним, жену Набокова. Красивая, одаренная тончайшим вкусом и глубоким пониманием набоковского гения, бесконечно ему близкая, хотя и независимая в суждениях, наделенная практичностью и здравым смыслом, его муза, адресат почти всех его посвящений (кроме "Дара", посвященного матери), его первый читатель и критик, машинистка, корректор, библиограф, хранительница архива, переводчик, агент, менеджер, юридический консультант, помощник-исследователь, ассистент (именно она проверяла студенческие работы в годы его профессуры в Корнелле), партнер по шахматам и даже шофер (спортивный и мужественный Набоков так и не научился водить машину), она отличается от Зины только одним — своей бесспорной реальностью. В этом различии литературного образа и прототипа нет ничего неожиданного. Воздушно-идеальный, бесплотно-неземной образ Зины должен воплотить тему физической разъединенности героя с самым близким и родным, и он как нельзя лучше послужит этой цели. Уже здесь намечается та драматическая нота, которая прозвучит в полную силу в кульминационной точке романа: герою не суждено соединиться со своей любимой иначе, как идеально, в памяти, в воображении.

В третьей главе намечается еще одна вариация этой темы. Слияние с Россией невозможно в реальном настоящем. Но герою, кроме светлых воспоминаний о призрачном прошлом, открыты воспоминания о посмертном будущем. Там, он уверен, состоится его воссоединение с родиной. Герой читает Гоголя и находит у него пророчество, которое вполне готов принять и на свой счет: "Долее, как можно долее буду в чужой земле. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России, но сам я, но бранный состав мой, будет удален от нее".

Представлена в третьей главе и тема физического соединения с нелюбимым чужим, причем это чужое — гротескное, искусственное, страшное и утомительно повторяющееся. "Зелень лип, чернота асфальта, толстые шины, прислоненные к решетке палисадничка... рекламная молодуха, с сияющей улыбкой показывающая кубик маргарина, синяя вывеска трактира, серые фасады домов, стареющих по мере приближения к проспекту, — все это в сотый раз мелькнуло мимо него". "Над порталом кинематографа было вырезано из картона черное чудовище на вывороченных ступнях". "На зеленой скамейке, спиной к улице, грелся шуплый, с крашеной бородкой, старик в пикейных гетрах, а против него, через тротуар, пожилая, румяная нищая с отрезанными до таза ногами, приставленная, как бюст, к низу стены, торговала парадоксальными шнурками". "Между домами виднелось незастроенное место, и там что-то скромно и таинственно цвело, а задние, сплошные, аспидно-черные стены каких-то других отвернувшихся домов в глубине были в странных... белесых разводах". Заметим, что чертами уродства или неестественности (зелень лип на фоне черного асфальта, вывороченные ступни нарисованного мужчины, крашеная бородка

старика, отрезанные ноги нищей, отвернувшиеся дома) равно отмечены чужой и даже враждебный пейзаж, чужая реклама и чужие люди.

3.3.2. Второй круг, главы вторая и четвертая

Эти две главы, обрамляющие третью, реализуют обе ипостаси основной темы. Во второй главе представлен мотив разъединенности с родным, близким, любимым, между тем как в четвертой — мотив соединения с чужим, чуждым, постылым.

Вторая глава — это несостоявшаяся книга об отце, которого Годунов-Чердынцев любил безграничной сыновней любовью и считал идеалом творческой личности. Тексты, посвященные отцу, — самые сильные в "Даре"²⁵. Чтобы понять роль этого образа в композиции всего романа, их необходимо процитировать.

"Он был наделен ровным характером, выдержкой, сильной волей, ярким юмором; когда же он сердился, гнев его был как внезапно ударивший мороз". "Он, перебивший на своем веку тьму тьмущую птиц, не мог мне простить лешинского воробья, подстреленного мной из монте-кристо". "Он не терпел мешканья, неуверенности, мигающих глаз лжи, не терпел ничего приторного и притворного, — и я уверен, что уличи он меня в физической трусости, то меня бы он проклял". "Он был счастлив среди еще недоназванного мира, в котором он при каждом шаге безымянное именвал". В походе "перед сном, в ненастные вечера он читал Гораация, Монтэня, Пушкина, — три книги, взятых с собой". "Мне хотелось бы с такой же относительной вечностью удержать то, что быть может я всего более любил в нем: его живую мужественность, непреклонность и независимость его, холод и жар его личности, власть над всем, за что он ни брался". "Мне нравилась, — я только теперь понимаю, как это нравилось мне — та особая вольная сноровка, которая появлялась у него при обращении с лошастью, с собакой, с ружьем, птицей или крестьянским мальчиком с вершковой занозой в спине, — к нему вечно водили раненых, покалеченных, даже немощных, даже беременных баб... Мне нравилось то, что в отличие от большинства не-русских путешественников... он никогда не менял свою одежду на китайскую, когда странствовал; вообще держался независимо; был до крайности суров и решителен в своих отношениях с туземцами, никаких не давая побрякушек мандаринам и ламам; на стоянках упражнялся в стрельбе, что служило превосходным средством против всяких приставаний". "Я еще не все сказал; я подхожу к самому может быть главному. В моем отце и вокруг него, вокруг этой ясной и прямой силы было что-то, трудно передаваемое словами, дымка, тайна, загадочная недоговоренность". "Когда крошились границы России и разъедалась ее внутренняя плоть, вдруг собрался покинуть семью ради

²⁵ Елена Ивановна Набокова, мать писателя, считала это описание поразительно точным и глубоким портретом Владимира Дмитриевича Набокова, которого сам Набоков называл "лучшим из людей".

далекой научной экспедиции", в которой, по-видимому, и погиб. "Как, как он погиб? От болезни, от холода, от жажды, от руки человека? ... Долго ли отстреливался он, припас ли для себя последнюю пулю, взят ли был живым? Привели ли его в штабной салон-вагон какого-нибудь карательного отряда... принял за белого шпиона...? Расстреляли ли его в дамской комнате какой-нибудь глухой станции... или увели его в огород темной ночью и ждали, пока проглянет луна? Как ждал он с ними во мраке? С усмешкой пренебрежения. И если белесая ночница маячила в темноте лопухов, он и в эту минуту, я з н а ю , проследил за ней тем же поощрительным взглядом, каким, бывало, после вечернего чая, куря трубку в лешинском саду, приветствовал розовых посетительниц сирени".

Итак, замечательная книга осталась ненаписанной. В образе этой ненаписанной книги об отце выразительно реализована тема вечной разъединенности с родным и любимым.

Набоков обдуманно усиливает уже достигнутый эффект.

Вторая глава в большей мере, чем все остальные, насыщена образами другой великой любви Набокова — России. Ей посвящено много превосходных, самых горячих и лирических страниц романа. Но и этой любви не дано реализоваться естественным образом. Слияние с Россией возможно только в памяти. Приведем характерный эпизод. Федор Константинович идет по лесу, по парку, по саду после дождя и видит радугу над скошенным полем, просвечивающий на солнце лес, омытое небо, облако упоительной белизны, шмелей с шелковыми глазами, сыроежку, разбившую свой белый веерок, черные скользкие мостки в рыжих сережках, живую черноту леса, валун со взлезшими на него рябинками, кольца горячего света на аллее, отпечатки собачьих лап на мягком красном песке, бисерный след трясогузки. Мир родной природы сказочно прекрасен, плотен, чист, свеж. Но оказывается, что это — только воспоминание. На самом же деле — берлинская зима, падает мокрый снег, и Федор Константинович идет к трамвайной остановке.

Перейдем к четвертой главе. Ее функция в романе может быть правильно оценена только в оппозиции 'отторгнутость от родного — соединение с чужим'. В отличие от ненаписанной книги о любимом отце книга о нелюбимом Чернышевском была написана, и соединение с чужим получило материальное закрепление. Чтобы образ соединения с чужим приобрел необходимую выразительную силу, надо было сделать героя этой второй книги полным антиподом того идеала творца и человека, каким был отец Федора Константиновича. Именно этой композиционной эстетической задачей, а вовсе не аристократическим снобизмом Набокова, в значительной мере объясняется нарочитая утрированность образа Чернышевского, о которой мы говорили выше.

Н. Г. Чернышевский в романе наделен всеми чертами, которые Набокову как художнику были ненавистны. У него нет вкуса к жизни — ехал по России, по тем местам, где мчалась гоголевская тройка, и ни разу не выглянул из окна, поскольку был занят чтением книги. Не отличал плуга от сохи; путал пиво с мадерой; не мог назвать ни одного лесного цветка, кроме дикой розы; но,

впрочем, считал, что все это и не нужно, восполняя всякий недостаток точного и конкретного знания, особенно ценимого Набоковым, какой-нибудь нехитрой общей мыслью. В своей научной и художественной деятельности и вкусах был "совершенным буржуа", т. е. человеком некомпетентным и примитивным. Не имея представления о технике, пять лет изобретал перпетуум-мобиле; гениального Лобачевского считал "круглым дураком", Дарвина упрекал в недельности, а Уоллеса (независимо от Дарвина открывшего законы эволюции биологических видов) — в нелепости. Фета называл идиотом, каких мало на свете, Жорж Санд ставил намного выше Гомера, Шекспира и Гоголя, Пушкина считал слабым раздражателем Байрона. Сам же как писатель был посредственностью. "Забавно-обстоятельный слог, кропотливо вкрапленные наречия, страсть к точке с запятой, застревание мысли в предложении и неловкие попытки ее оттуда извлечь (причем она опять застревала в другом месте, и автору опять приходилось возиться с занозой), долбящий, бубнящий звук слов, ходом коня передвигающийся смысл в мелочном толковании своих мельчайших действий, прилипчивая нелепость этих действий (словно у человека руки были в столярном клее, и обе были левые), серьезность, честность, вялость, бедность". Приводится следующий образец этого слога: "Долго они щупали бока одному из себя" (о заболевшем медике, пригласившем коллегу для консультации). Чернышевский, наконец, был беспомошен в практических делах, слаб здоровьем, близорук (причем близорукость вырастает в романе во всеохватывающую метафору его интеллектуальной непроницательности и эстетической слепоты), плаксив, не умел плавать, ездить верхом, никогда ничего не мог починить, но все бил, пачкал, портил. И жизнь мстила ему, обращая против него даже то, что он делал с самыми благородными намерениями. Будучи сам чистым человеком, Чернышевский воспел бордель, или свободную любовь в вульгарном, примитивно-обывательском понимании: в его фаланстере во время коллективного танца то одна, то другая парочка вдруг уединяется, чтобы потом вновь присоединиться к танцующим. На каторге от нечего делать выкапывал каналы — и чуть не затопил жизненно важную для вилюйцев дорогу. Той же несуразностью, неуклюжестью, неумелостью отмечены его отношения с женой, которая изменяла ему с его ближайшими друзьями и с любимым встречным — студентом, польским эмигрантом, жандармским ротмистром.

В связи с образом жены Н. Г. Чернышевского стоит обратить внимание на менее явную, но вне всяких сомнений присутствующую в романе побочную оппозицию "Елизавета Павловна (жена героя) — Ольга Сократовна (жена антигероя)". Елизавета Павловна — идеал верности, надежности, преданности, несуетности, понимания, бескорыстия, доброты, тактичности, материнской и супружеской любви. Ольга Сократовна — воплощение неразборчивости, распущенности, легкомыслия, эгоистичности, суетности, нравственной глухоты.

Впрочем, это не единственная побочная оппозиция, композиционно поддерживающая основную. Таковую же роль выполняет еще глубже запрятанная, но столь же несомненная оппозиция — "тексты героя — тексты антигероя", которую, однако, мы можем здесь лишь упомянуть.

Перечень непривлекательных качеств антигероя и его личного мира легко можно было бы продолжить, но суть дела не в этом. Нам достаточно уяснить их структурную функцию: образ тоски по недостижимому родному тем сильнее, чем неприятнее неотторжимое чужое.

3.3.3. Третий круг, главы первая и пятая

Упомянем ключевые сцены первой главы, в которых проводится основная тема романа.

Реальное соединение с чужим. На литературном вечере у Чернышевских Федор слушает топорно сработанную "философскую трагедию" из жизни античной Греции, где фигурируют "Одинокий спутник", "Торговка лилий", "Торговка разных цветов", а хор одобрительно приговаривает: "Слушайте, слушайте!" (здесь угадывается и пародия на плохой перевод английского парламентского клише *Hear, hear!* 'Верно, правильно!').

Вторая враждебная сила, преследующая Годунова-Чердынцева, — это страна, в которой он принужден жить и в которой все ему ненавистно. "Боже мой, как я ненавижу все это, лавки, вещи за стеклом, тупое лицо товара", "человеколюбие торговой рекламы" и в особенности "церемониал сделки, обмен приторными любезностями до и после", "все это скверное подражание добру". Свою квартирохозяйку он описывает как "крупную хищную немку" с пробором в гофрированных волосах и "дрожащими мешками щек". Упоминаются еще "зажиточные берлинские швейцары с жирными женами, принадлежавшие из мещанских соображений к коммунистической партии".

Под стать всему этому и природа, окружающая героя: в сквере — "каштановое деревцо, подпертое колом", и сирень, которая долго не распускалась. "Когда же решилась, то в одну ночь, немало окурков оставившую под скамейками, рыхлой роскошью окружила сад. На тихой улочке за церковью, в пасмурный июньский день, осыпались акации, и темный асфальт вдоль панели казался запачканным в манной каше".

Реальная разлученность с близким. Покинув вечер с поэтом Кончеевым, очень близким ему по духу, вкусам и даже масштабу дарования, Федор мечтает с ним поговорить. Начинается изысканная беседа о литературе. Несмотря на сходство общих представлений об эстетических ценностях, у двух поэтов достаточно расхождений в деталях, чтобы получился увлекательный диалог. Однако в конце беседы выясняется, что она от начала до конца придумана автором, который одновременно играл и свою собственную роль, и роль своего собеседника. На самом же деле герой и Кончеев расстались на перекрестке, едва успев обменяться пустыми репликами о погоде²⁶.

²⁶ Считается, что прототипом для образа Кончеева послужил В. Ходасевич, один из ближайших друзей и единомышленников Набокова, с которым Набоков много и беспрепятственно беседовал, переписывался и обменивался литературной критикой (любопытно, что две наиболее известные их статьи друг о друге называются "О Сирине" и

Все грани темы — реальное соединение с чужим, реальная разлученность с родным, сублимированное слияние с родным — представлены и в одном из включенных в первую главу стихотворений. "Благодарю тебя, отчина, / за злую даль благодарю! / Тобою полн, тобой не признан, / я сам с собою говорю. / И в разговоре каждой ночи / сама душа не разберет, / мое-ль безумие бормочет, / твоя-ли музыка растет..."

В этой же главе несколько раз всплывает тема России. В характерном отрывке идея связи с Родиной и отъединенности от нее воплощена в образе слепого: "Он давно хотел как-нибудь выразить, что чувство России у него в ногах, что он мог бы пятками ощупать и узнать ее всю, как слепой ладонями"²⁷.

Пятая глава построена почти как зеркальное отражение первой. Образ реального соединения с чужим вновь обретает форму литературного собрания, еще более безобразного, чем в первой главе, — это настоящий паноптикум уродцев: "Ростислав Странный, страшноватый господин, с браслеткой на волосатой кисти"; "пергаментная, с вороными волосами, поэтесса Анна Аптекарь"; "старичок Ступишин, въедавшийся ложечкой в клин кофейного торта"; "какой-то маленький бородатый мытарь"; "нежный бледный старик, на вкус напоминавший яблочную пастилу"; "отдельная группа скандалистов, самолюбивых неудачников"; "безграмотный оборванец с тяжелым пьяным взглядом, пишущий обличительно-мистические стихи"; "отвратительно маленький, почти портативный присяжный поверенный Пышкин" с его репликой "Я не дымаю".

Как и в первой главе, тема реального и непреодолимого соединения с чужим еще раз представлена образами берлинских улиц и парков. И хотя в пятой главе они освещены не тусклым осенним или зимним солнцем, а ярким летним, больше располагающим к оптимизму, да и настроение у Федора Константиновича приподнятое по случаю его литературных и личных удач, все же восприятие Берлина и Германии как чужого и чуждого мира остается непреодолимым. "На террасе у входа в парк два скверных бронзовых боксера, тоже недавно поставленных, застыли в позах, совершенно противных гармонии кулачного боя: вместо его собранно-горбатой, кругло-мышечной грации получились два голых солдата, повздоривших в бане". "На следующем углу автоматически заработал при его приближении кукольный механизм проституток, всегда стороживших там. Одна даже изобразила даму, замешкавшуюся у витри-

"О Ходасевиче" соответственно). Н. Берберова была свидетельницей их "прозрачных, огненных, волшебных бесед", которые "после многих мутаций перешли на страницы "Дара" в воображаемые речи Годунова-Чердынцева и Кончеева" (Берберова 1972: 369). Мы говорим об этом, чтобы еще раз обратить внимание на используемый Набоковым метод претворения факта жизни в факт литературы: он допускает любые манипуляции над правдой реальной биографии и истории, если это нужно для утверждения художественной истины.

²⁷ Ср. те же образы в стихотворениях "К родине" (1924) и "К России" (1928): "И тоскуют впадины ступней / по земле пронзительной твоей"; "Слепец, я руки простираю / и все земное осязаю / через тебя, страна моя. / Вот почему так счастлив я".

ны". "Вообще, я бы завтра же бросил эту тяжкую, как головная боль, страну, где все мне чуждо и противно, где роман о кровосмешении или бездарно-ударная, приторно-риторическая, фальшиво-вшивая повесть о войне считается венцом литературы; где литературы на самом деле нет, и давно нет; где из тумана какой-то скучнейшей демократической мокроты... торчат все те же сапоги и каска".

Тема реальной разлученности с близким реализована в сцене второй несостоявшейся встречи с Кончеевым. Перед читателем снова разворачивается сверкающая умом и оригинальностью беседа-турнир двух поэтов, и снова оказывается, что обе партии в ней вел Федор Константинович, принявший за Кончеева похожего на него со спины молодого немца. Единственная реально произнесенная реплика и на этот раз была банальной репликой немца о погоде.

Представлена в пятой главе и тема России, которая, однако, возникает здесь в другом повороте. "А когда мы вернемся в Россию? — спрашивает Федор в письме к матери. — Какой идиотской сантиментальностью, каким хищным стоном должна звучать эта наша невинная надежда для оседлых россиян. А ведь она не историческая, только человеческая, — но как им объяснить? Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить вне России, потому что я наверняка знаю, что вернусь, — во-первых, потому что увез с собой от нее ключи, а во-вторых, потому что все равно когда, через сто, через двести лет, — буду жить там в своих книгах, или хотя бы в подстрочном примечании исследователя"²⁸. Набоков предвидел свое воссоединение с Россией, но только идеальное, посмертное. Эта же мысль звучит и в реплике Зины: "Я думаю, ты будешь таким писателем, какого еще не было, и Россия будет прямо изнывать по тебе, — когда слишком поздно спохватится".

Отметим, наконец, что в пятой главе продолжается тема неутоленной любви к Зине. Герой стоит ночью перед ее комнатой. "Какая нелепая попытка. Войти, войти... Кто бы узнал? Люди, как Щеголевы, спят бесчувственным, простонародным, стопроцентным сном. Зинина щепетильность: ни за что не отопрет на звон ногтя. Но она же знает, что я стою в темной передней и задыхаюсь. Эта запретная комната стала за последние месяцы болезнью, обузой, частью его самого, но раздутой и опечатанной: пневмотораксом ночи". В другом эпизоде "навстречу Федору Константиновичу прошла молоденькая, с бутылкой молока, девица, похожая чем-то на Зину — или, вернее, содержащая частицу того очарования... которое он находил во многих, но с особенной полнотой в Зине". "...Оглянувшись и уловив какую-то давно знакомую, золотую, летучую линию, тотчас исчезнувшую навсегда, он мельком почувствовал наплыв незна-

²⁸ Ср. письмо Набокова матери от 16 октября 1920 г.: "Неужели я и вправду никогда не вернусь, неужели все кончено, стерто, разрушено? Мы должны вернуться, не может быть, чтобы это все умерло, обратилось в прах, от такой мысли можно сойти с ума!" (Boyd 1990: 177).

дежного желания, вся прелесть и богатство которого были в его неутолимости".

3.3.4. Четвертый круг, эпиграф и онегинская строфа

Весь текст "Дара" принадлежит Годунову-Чердынцеву. Исключение составляют два небольших фрагмента, авторство которых Набоков явным образом оставляет за собой — эпиграф в начале романа и онегинская строфа в конце. Эти два фрагмента образуют самое последнее — внешнее — замыкание "Дара" и играют в его композиции решающую роль.

Начнем с эпиграфа, который звучит так: "Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть неизбежна". Эти фразы представлены как примеры из Учебника русской грамматики, т. е. как некие прописные истины. И действительно, каждая из них по отдельности выглядит как совершенный трюизм, а ощущение загадочности возникает только в результате их соединения. Если учесть, что никакого П. Смирновского, которому Набоков приписывает авторство учебника, в природе не существовало, получается совершенно естественная интерпретация: первые четыре фразы создают сборный образ России и ее природы — величайшей любви Набокова, а последняя фраза — универсальный образ вечной разлуки. Единственный способ связать неожиданно возникающий образ разлуки с образами самых дорогих Набокову вещей — это признать, что в эпиграфе выражена фатальная непреодолимость отчуждения от родного.

Итак, с первых же слов романа задается его трагическая ключевая нота — тема фатальной и непреодолимой отторгнутости от родного. Перейдем теперь к его последним словам.

Они, как уже было сказано, имеют вид онегинской строфы (написанной в строчку, чтобы поставить перед читателем очередную, пусть несложную, задачу на распознавание): "Прощай же книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, — но удалится поэт. И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, — и для ума внимательного нет границы — там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка".

Здесь необходимо сделать отступление.

В предисловии к первому английскому изданию "Дара" (переводчики — М. Скамелл и Дмитрий Набоков, сын писателя) Набоков еще раз подчеркнул то решающее значение, которое он придавал финальной сцене: "Мне интересно, насколько далеко читатель в своем воображении пройдет за влюбленными после того, как с ними распрощался автор" (Nabokov 1963: 11). В том же предисловии он пишет, что оставил за собой перевод "различных стихотворений и кусочков стихотворений, рассыпанных по всей книге", включая и онегинскую строфу в конце. Вот как она звучит по-английски: Good-by, my book! Like mortal eyes / Imagined ones must close some day. / Onegin from his knees will rise —

/ But his creator strolls away. / And yet the ear cannot right now / Part with the music and allow / The tale to fade; the clouds of fate / Itself continue to vibrate; / And no obstruction for the sage / Exists where I have put the end. / The shadows of my world extend / Beyond the skyline of the page, / Blue as tomorrow's morning haze — / Nor does this terminate the phrase.

Этот ошеломляюще точный перевод воспроизводит не только ритмику, но и все образы, почти всю лексику и грамматическую семантику оригинала. Тем самым полностью сохраняется информационное содержание онегинской строфы.

Интересный разбор английской версии онегинской строфы содержится в Johnson 1974; Д. Джонсон приходит к выводу, что, несмотря на ряд частных удач, поэтического перевода стихотворения как цельного произведения не получилось. Нам же представляется, что Набоков не ставил, да и не мог ставить перед собой такой задачи²⁹. Ему важно было, чтобы онегинская строфа в конце английского перевода романа выполняла ту же информационную функцию, что и в русском оригинале, и он этого вполне достиг. Он пользовался здесь той же техникой, что и в своем переводе "Евгения Онегина" (Nabokov 1975), где поэтические потери, по замыслу, должны были компенсироваться комментарием переводчика, по объему в четыре-пять раз превосходящим собственно перевод. В "Даре" таким комментарием к стихотворению является весь остальной текст романа. Если читатель правильно понял рассыпанные там ключи к разгадкам, ему будет внятен и "ослепительный разряд смысла", содержащийся в онегинской строфе.

Чтобы понять этот "разряд смысла", надо уяснить, зачем вообще Набокову понадобилась аллюзия к пушкинскому роману. По-видимому, ради той сцены, на которой фиксируется внимание читателя. Это — сцена окончательного прощания Онегина с Татьяной, вслед за которой Пушкин прощается и со своим читателем, и со своими любимыми героями. "Блажен, кто праздник жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина, / Кто не дочел ее романа / И вдруг умел расстаться с ним, / Как я с Онегиным моим". Набоков тоже прощается и со своей книгой, и с читателями, и со своими героями. Читатель "Дара", как читатель "Онегина", волен перейти физическую границу романа и продлить его так, как он захочет, — "строка не кончается". Но очевидно, что Татьяна будет верна своему слову, и Онегину не суждено соединить с ней свою жизнь. То же ждет и Годунова-Чердынцева, хотя и по другой причине. У него нет ключа от дома, и ему не суждено обладать Зиной иначе, как в

²⁹ "Замученный автор и обманутый читатель — таков неминуемый результат перевода, претендующего на художественность, — говорит Набоков в предисловии к английскому переводу "Приглашения на казнь", который был выполнен его сыном Дмитрием в полном соответствии со вкусами отца. — Единственная цель и оправдание перевода — возможно более точная передача информации, достичь же этого можно только в подстрочнике, снабженном примечаниями" (ИА).

воображении. Он до конца жизни обречен на соединение с чужим и отчуждение от родного.

Этот вывод можно подтвердить не только материалом самого романа, но и структурой всего набоковского космоса.

Во втором разделе этого исследования мы уже цитировали рассуждения У. Роу о роковой роли "псов судьбы" в художественном мире Набокова. Собаки предвещают несчастье, катастрофу, трагедию, смерть.

Необъяснимым образом У. Роу не дает правильной интерпретации еще одному эпизоду с собакой, хотя он добросовестно его протоколирует: когда Федор с Зиной возвращаются с вокзала домой, предчувствуя "груз и угрозу счастья", они встречают жену Лоренца с дрожащей собачкой на руках. У. Роу считает эту собачку предвестницей конечного торжества судьбы, которая после двух бесплодных попыток соединить Федора и Зину наконец-то преуспевает: они идут в дом, где их любовь получит естественное завершение. Нам же представляется, что этот эпизод ставит последнюю точку в совсем другой цепочке доказательств. Как показал сам У. Роу (см. раздел 2.2), дама с собачкой во всем набоковском космосе является зловещим предзнаменованием трагедии. Этот образ подводит к неумолимому выводу, что Набоков приготовил читателю не банальный счастливый конец, а глубокую драматическую развязку.

Последнее доказательство можно считать неоспоримым именно потому, что за ним стоит весь набоковский космос.

Приведем кажущийся контрпример. В архивах Набокова в Библиотеке Конгресса США хранится папка под названием "Дар, часть II", с набросками нескольких глав второго тома, посвященного жизни Зины и Федора в Париже в 1937 году (Boyd 1990: 516). По предположению Бойда, эти наброски были написаны никак не раньше сентября 1939 года. Хотя замысел второго тома так и остался неосуществленным³⁰, может показаться, что Набоков все-таки предусмотрел для своих героев благополучный финал — счастье совместной жизни.

Значение этого факта не следует преувеличивать.

Во-первых, опубликованная книга в большей мере воплощает авторскую волю, чем неопубликованные наброски³¹. "Дар", как цельный и самодостаточный эстетический объект, может интерпретироваться вне связи с несостоявшимся продолжением.

³⁰ Эти заготовки, на чисто сюжетном уровне, были позднее использованы в тоже незавершенном романе, вторая глава которого, под названием *Solus Rex*, была напечатана в "Современных записках" (1940, N 70), а первая, под названием *Ultima Thule*, в "Новом журнале" (Нью-Йорк, 1942, N 1); об этих двух текстах см. Johnson 1981.

³¹ Набоков-литературовед считал воплощением авторской воли только окончательный текст литературного произведения. Так, "Евгений Онегин" состоял для него из восьми глав (см. Nabokov 1975: 16–17). Наброски девятой и десятой глав были переведены и прокомментированы им, наряду с другими черновиками, как самостоятельные произведения.

Во-вторых, главная тема Набокова властно заявила о себе даже в этих набросках. В последней главе второго тома Зина погибает в результате нелепого несчастного случая, после чего жизнь теряет для Федора всякий смысл. Набоковский инвариант побеждает³².

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* "Дар" Набокова: поэтическая техника и тема // *Tyru tekstów. Zbiór studiów.* Warszawa, 1992a.
2. *Апресян Ю. Д.* Как понимать "Дар" Набокова // *In Honour of Professor Victor Levin. Russian philology and history.* Jerusalem, 1992b.
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Orange; Düsseldorf, 1986.
4. *Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. Мюнхен, 1972.
5. *Битов А.* Одноклассники. К девяностолетию О. В. Волкова и В. В. Набокова // *Новый мир.* 1990a. N 5.
6. *Битов А.* Ясность бессмертия (воспоминания непредставленного) // *Набоков В. Круг.* Л., 1990b.
7. *Вейдле В.* Рец. на "Отчаяние" // *Круг.* N 1. 1936.
8. *Долинин А.* Цветная спираль Набокова // *В. Набоков. Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе, интервью, рецензии.* М., 1989.
9. *Ерофеев В. В.* Русская проза Владимира Набокова // *Владимир Набоков. Собр. соч. в четырех томах.* М., 1990. Т. 1.
10. *Жолковский А. К.* Тоска по мировой культуре — 1931 ("Я пью за военные астры...") // *Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы.* М., 1991.
11. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Поэтика выразительности. Сборник статей. *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband II,* 1980.
12. *Ковтунова И. И.* Поэтика контрастов в романе Набокова "ДАР" // *Язык: система и подсистемы.* М., 1990.
13. *Левин Ю. И.* Об особенностях повествовательной структуры романа В. Набокова "Дар" // *Russian Literature.* 1981. IX.
14. *Левин Ю. И.* Заметки о Машеньке В. В. Набокова // *Russian Literature.* 1985. XVIII.
15. *Левин Ю. И.* Биспациальность как инвариант поэтического мира Набокова // *Russian Literature.* 1990. XXVIII.
16. *Набоков В.* Дар. Ann Arbor, 1975.
17. *Набоков В.* Бледный огонь. Пер. Веры Набоковой. Ann Arbor, 1983.
18. *Набоков В.* Переписка с сестрой. Ann Arbor, 1985.

³² Автор выражает признательность В. Ю. Апресян, которая прочитала текст этой статьи и сделала ценные критические замечания.

19. *Набоков В.* Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе, интервью, рецензии. М., 1989а.
20. *Набоков В.* Избранные произведения. М., 1989б.
21. *Набоков В.* Романы. М., 1990а.
22. *Набоков В.* Круг. М.; Л., 1990б.
23. *Набоков В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1990в.
24. *Топоров В. Н.* Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: "блоковский" текст Ахматовой). *Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts.* Berkeley, Berkeley Slavic Specialities, 1981. Vol. 5. 202 p.
25. *Ходасевич В.* О Сирине // Колеблемый треножник. М., 1991.
26. *Шохина В. Л.* Комментарии // Набоков. Романы. М., 1990.
27. *A Book of Things about Vladimir Nabokov.* *Carl R. Proffer (ed.).* Ann Arbor, 1974.
28. *Bitsilli P. M. V.Nabokov's Invitation to a Beheading and The Eye // A Book of Things about Vladimir Nabokov.* Carl R.Proffer (ed.). Ann Arbor, 1974.
29. *Boyd B.* Vladimir Nabokov. The Russian Years. London, 1990.
30. *Boyd B.* Vladimir Nabokov. The American Years. London, 1992.
31. *Davydov S.* Teksty-matreški Vladimira Nabokova. Slavistische Beiträge. München, 1982.
32. *Field A.* Nabokov, His Life in Art. London, 1967.
33. *Field A.* Nabokov, His Life in Part. N. Y., 1977.
34. *Foster Ludmila A.* Nabokov in Russian Emigré Criticism // A Book of Things about Vladimir Nabokov. Carl R. Proffer (ed.). Ann Arbor, 1974. P. 42-53.
35. *Gregg L.* Slava Snabokovu // A Book of Things about Vladimir Nabokov. Carl R. Proffer (ed.). Ann Arbor, 1974. P. 11-27.
36. *Jakobson R.* La statue dans la symbolique de Pouchkine // Questions de poétique. Paris, 1973.
37. *Johnson D. B.* Contrastive Phonoaesthetics or Why Nabokov Gave up Translating Poetry as Poetry // A Book of Things about Vladimir Nabokov. Carl R.Proffer (ed.). Ann Arbor, 1974, P. 28-41.
38. *Johnson D. B.* Vladimir Nabokov's Solus Rex and the "Ultima Thule" Theme // *Slavic Review.* 1981. Vol. 40. No. 4.
39. *Johnson D. B.* Worlds in Regression: Some Novels of Vladimir Nabokov. Ann Arbor, 1985.
40. *Karlinsky S.* Vladimir Nabokov's *Dar* as a work of Literary Criticism: a Structural Analysis // *Slavic and East European Journal.* 1963. Vol. VII. No. 3.
41. *Nabokov V.* Nikolay Gogol. Norfolk, Conn.: New Directions, 1944.
42. *Nabokov V.* Lolita. N. Y., 1958.
43. *Nabokov V.* The Gift. Trans. Michael Scammel and Dmitri Nabokov with Vladimir Nabokov. N. Y., 1963.
44. *Nabokov V.* Pnin. N. Y., 1965.
45. *Nabokov V.* Speak, Memory. N. Y., 1966.
46. *Nabokov V.* Poems and Problems. N. Y., 1971.

47. *Nabokov V. Strong Opinions.* N. Y., 1973.
48. *Nabokov V. Eugene Onegin / Trans. with commentary by V. Nabokov.* Princeton, 1975. V. 1-2.
49. *Nabokov V. Lectures on Literature.* F. Bowers, ed. N. Y., 1980.
50. *Nabokov V. Lectures on Russian Literature.* F. Bowers, ed. London, 1983a.
51. *Nabokov V. Lectures on Don Quixote.* F. Bowers, ed. San Diego, 1983b.
52. *Nabokov V. Die Kunst des Lesens. Meisterwerke der russischen Literatur.* Frankfurt, 1984.
53. *Rowe W. W. Nabokov's Deceptive World.* N. Y., 1971.
54. *Rowe W. W. The Honesty of Nabokovian Deception // A Book of Things about Vladimir Nabokov.* Carl R. Proffer (ed.). Ann Arbor, 1974a.
55. *Rowe W. W. Pnin's Uncanny Looking Glass // A Book of Things about Vladimir Nabokov.* Carl R. Proffer (ed.). Ann Arbor, 1974b.
56. *Rowe W. W. Nabokov and others. Patterns in Russian Literature.* Ann Arbor, 1979.
57. *Rowe W. W. Nabokov's Spectral Dimension.* Ann Arbor, 1981.
58. *Salehar A. M. Nabokov's Gift: An Apprenticeship in Creativity // A Book of Things about Vladimir Nabokov.* Carl R. Proffer (ed.). Ann Arbor, 1974.
59. *Stegner P. Escape into Aesthetics: the Art of Vladimir Nabokov.* N. Y., 1966.
60. *Tammi P. Problems of Nabokov's Poetics. A Narratological Analysis.* Helsinki, 1985.
61. *Zimmer D. E. L'Allemagne dans l'oeuvre de Nabokov.* Paris, 1980.

Библиография работ автора

Монографии

1. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Просвещение, 1966.

Перевод на польск. яз.: *Apresjan J. D. Koncepcje i metody współczesnej lingwistyki strukturalnej (Zarys problematyki)*. Przełożył Zygmunt Saloni. Warszawa, Państwowy Inst. Wydawniczy, 1971. 397 s.

Перевод на нем. яз.: *Ideen und Methoden der modernen strukturellen Linguistik. Kurzer Abriss. Übertr. von Brigitte Haltorf und Elisabeth Mai*. München, Hueber, 1971. 303 S.

2-е изд., 1972.

Перевод на венг. яз.: *A modern strukturális nyelvészet elmélete és módszerei*. Budapest: Gondolat, 1971. 322 p.

Перевод на англ. яз.: *Principles and Methods of Contemporary Structural Linguistics*. Transl. by Dina B. Crockett. The Hague: Mouton, 1973. 349 p.

Перевод на фр. яз.: *Eléments sur les idées et les méthodes de la linguistique structurale contemporaine*. Paris; Bruxelles; Montreal: Dunod, 1973. 374 p.

Перевод на исп. яз.: *La lingüística estructural soviética*. M. Izquierdo Rojo, J. Luque Durán. Madrid, AKAL, 1975. 296 p.

Ideas y métodos de la lingüística estructural contemporánea. La Habana: Ed. de ciencias sociales, 1985. 303 p.

Перевод на порт. яз.: *Idéias e métodos da lingüística estrutural contemporânea*. Trad. de Lucy Seki. São Paulo: Cultrix, UNICAMP, 1980. 297 p.

2. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.

3. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

Перевод на польск. яз.: *Apresjan J. D. Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka*. Przeł. Zofia Kozłowska i Andrzej Markowski. Wrocław: Ossolineum, 1980. 469 p.

Перевод на англ. язык: *Aprjesjan Ju. D. Lexical Semantics. A Guide to Russian Vocabulary.* Ann-Arbor, Karoma Publishers, 1992. 633.

4. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \leftrightarrow Текст". *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1.* Wien, 1980. 119 p.

Перевод на англ. яз. раздела 1 гл. 3 ("Структура толкований"): *On the structure of explications: Some illustrations from Russian.* *Journal of Pragmatics.* 1986, 10/5. 535-541.

5. [Апресян Ю. Д., Мельчук И. А.] Русский язык в исследованиях по автоматическому переводу. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966-1969 гг. Материалы для обсуждения. М.: Институт русского языка АН СССР. М., 1973.

6. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.] Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М.: Наука, 1989.

7. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.] Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М.: Наука, 1992.

8. [Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.] Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.

Словари

9. [Амосова Н. Н., Апресян Ю. Д., Гальперин И. Р. и др.] Большой англо-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 1 - 2.

10. То же. 2-е изд. М.: Русский язык, 1977.

11. То же. 3-е изд., 979.

12. То же. 4-е изд., исправленное и дополненное. 1987.

13. [Апресян Ю. Д., Ботякова В. В., Латышева Т. Э. и др.] Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979.

14. То же, 2-е изд., стереотипное. 1988.

15. [Апресян Ю. Д., Гальперин И. Р., Петрова А. В. и др.] Дополнение к Большому англо-русскому словарю. М.: Русский язык, 1980.

16. [Апресян Ю. Д., Палл Э.] Русский глагол - венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Budapest: Tankonyvkiado, 1982. Т. 1-2.

17. [Мельчук И. А., Жолковский А. К., Апресян Ю. Д. и др.]. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien, 1984.

18. [Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.] Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык. 1993, Т. 1-2; М.: Русский язык, 1994. Т. 3.

Статьи

1957

19. К вопросу о значении фразеологических единиц // Иностранные языки в школе. 1957. N 6.

20. Фразеологические синонимы в современном английском языке (тип "глагол + существительное") // Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков, 1957, Т. XV.

21. Проблема синонима // Вопр. языкознания. 1957. N 6.

1959

22. О словаре синонимов Вебстера // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1959. N 3.

23. Структуральная семантика С. Ульмана // Вопр. языкознания. 1959. N 2.

1960

24. Использование структурных методов для составления словаря семантических полей // VI Пленарное заседание комиссии по современной проблематике лексикологии и семасиологии 19–21 октября 1960 г.: Тезисы докладов. М., 1960.

1961

25. Что такое структурная лингвистика? // Иностранные языки в школе. 1961. N 3.

26. О понятиях и методах структурной лексикологии // Межвузовская конференция по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка, 21–25 ноября 1961 г.: Тезисы докладов. М., 1961.

1962

27. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля // Лексикографический сборник. 1962. N 5.

Перевод на фр. яз: Analyse distributionnelle des significations et champs sémantiques structurales. Langages, mars 1966. 44–74.

28. О понятиях и методах структурной лексикологии (на материале русского языка) // Проблемы структурной лингвистики. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

29. Хроникальная заметка о конференции по вопросам трансформационного метода // Вопр. языкознания. 1962. N 2.

30. К вопросу о структурной лексикологии // Вопр. языкознания. 1962. N 3.

31. Метод непосредственно составляющих и трансформационный метод в структурной лингвистике // Русский язык в национальной школе. 1962. N 4.

1963

32. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

1964

33. Классификация глаголов по значению и управлению // VII Международный методический семинар преподавателей русского языка высших учебных заведений социалистических стран: Тезисы и планы докладов. М., 1964.

34. Некоторые функции в модели построения лексических классов // Научная конференция "Проблемы формализации языка": Тезисы докладов. М., 1964.

35. О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа) // Вопр. языкознания. 1964. N 3.

1965

36. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления) // Вопр. языкознания. 1965. N 5.

1966

37. Понятие лингвистической модели // Русский язык в школе. 1966. N 2.

38. Алгоритм построения классов по матрицам расстояний // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1966. Вып. 9.

39. [Апресян Ю. Д., Бабицкий К. И.] Работы ЛМП МГПИИЯ по семантике // Computational Linguistics. 1966. N 5.

40. Эволюция понятия "лингвистическая семантика" // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию "Основные проблемы эволюции языка", 9-16 сентября 1966 г.: Тезисы докладов. Ч. I. Самарканд, 1966.

41. Развитие по аналогии в синтаксисе и "грамматика словаря" // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию "Основные проблемы эволюции языка", 9-16 сентября 1966 г.: Тезисы докладов. Ч. II. Самарканд, 1966.

1967

42. Некоторые итоги дистрибутивно-трансформационного исследования семантики русского глагола // Материалы VII Международного методологи-

ческого семинара преподавателей русского языка стран социализма. М.: Изд-во МГУ, 1967.

43. Синтаксическая обусловленность значений // Русский язык в национальной школе. 1967. N 6.

1968

44. Об экспериментальном толковом словаре русского языка // Вопр. языкознания. 1968. N 5.

45. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1968. N 11.

1969

46. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя и их взаимодействие. М.: Наука, 1969.

47. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. N 1.

Перевод на польск. яз.: *Semantyka i słownik*. Ossolineum, 1972.

48. Синонимия и синонимы // Вопр. языкознания. 1969. N 4.

Перевод на англ. яз.: *Synonymy and Synonyms. Trends in Soviet Theoretical Linguistics*/ Ed. by F. Kiefer. *Foundations of Language. Supplementary Series, Vol. 18*. Dordrecht-Holland, Boston, 1973. 173–199 p.

49. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] Об одном способе изучения сочетаемости слов // Русский язык в национальной школе. 1969. N 6

Перевод на венг. яз.: *A nyelvtudomány ma*. Szépe Gyorgy, ed. Budapest: Gondolat, 1973. P. 327–342.

50. О языке для описания значений слов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. N 5.

51. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К. and Мельчук И. А.] *Semantics and Lexicography: Towards a New Type of Unilingual Dictionary*. / *Studies in Syntax and Semantics*. Ed. by F. Kiefer. Dordrecht-Holland, 1969. P. 1–33.

Перевод на польск. яз.: *Semantyka i słownik*. Ossolineum, 1972.

52. Конверсивы как средство синонимического преобразования языковой информации // Проблемы прикладной лингвистики. Межвузовская конференция 16–19 декабря 1969 г.: Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1969.

53. Лексические синонимы // Актуальные проблемы лексикологии. Лингвистическая конференция.: Тезисы докладов. Новосибирск, 1969.

54. *Syntaxe et Sémantique*. / *Languages*. 1969. N 15. P. 57–66.

1970

55. Описание семантики через синтаксис // Sign, Language, Culture. The Hague: Mouton, 1970.

Перевод на англ. яз.: A description of semantics by means of syntax. Linguistics. An International Review. 96. The Hague: Mouton. 1973. P. 5-32.

56. [Апресян Ю. Д., Апресян Т. А.] Об изучении смысловых связей слова // Иностранные языки в школе. 1970. N 2.

57. Синонимия и конверсивы // Русский язык в национальной школе. 1970. N 6. (переведена на англ. яз.).

58. [Апресян Ю. Д., Апресян Т. А.] О форме представления смысловых связей слова // Иностранные языки в школе. 1970. N 6.

59. О свободных и фразеологических семантических связях внутри слова, словосочетания и словообразовательного типа // Вопр. фразеологии. III. Труды Самаркандского государственного университета им. Навои. Самарканд, 1970. Вып. 178.

60. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] 8 словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1970. Вып. 2.

61. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] 11 словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1970. Вып. 4.

62. Опыт теории антонимов // Структурно-математические методы моделирования языка. Всесоюзная научная конференция.: Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1970. Ч. 1. С. 8-10.

1971

63. К теории равнозначных преобразований // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М.: ВИНТИ, 1971. Вып. 1.

64. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики (ответ Н. Ю. Шведовой) // Вопр. языкознания. 1971. N 1.

65. Семантические преобразования и синтагматические фильтры // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1971. Вып. 14.

66. О некоторых польских работах по лингвистической семантике // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1971. Вып. 14.

67. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] 16 словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1970. Вып. 8.

68. О регулярной многозначности // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. N 6.

Перевод на англ. яз.: Regular Polysemy. Linguistics, 1974. N 142. P. 5-32.

1972

69. Об одном правиле сложения значений // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972.

Перевод на англ. яз.: Concerning one rule in the amalgamation of lexical meanings. Linguistics, 185. 1977. P. 5-25.

70. Современная лингвистическая семантика. III. Вопросы семантического анализа // Русский язык в национальной школе. 1972. N 3.

71. Современная лингвистическая семантика. IV. Синонимические средства языка и правила перифразирования // Русский язык в национальной школе. 1972. N 3.

72. [Апресян Ю. Д., Гончар Л. А., Жолковский А. К. и др.] 19 словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1972. Вып. 26.

73. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. 1 // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1972. Вып. 28.

74. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. 2 // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1972. Вып. 29.

1973

75. [Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.] Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. 4 // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1973. Вып. 35.

76. [Апресян Ю. Д., Мельчук И. А., Перцов Н. В. и др.] Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. 6 // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1973. Вып. 38.

77. [Апресян Ю. Д., Гончар Л. А., Жолковский А. К. и др.] Материалы к толково-комбинаторному словарю русского языка. 7 // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1973. Вып. 42.

78. [Aprėsjan Ju. D., Zholkovsky A. K. and Mel'čuk I. A.] Materials for an Explanatory-Combinatory Dictionary of Modern Russian // Trends in Soviet Theoretical Linguistics/ Ed. by F.Kiefer. Foundations of Language. Supplementary Series. Dordrecht-Holland, Boston, 1973. Vol. 18. P. 411-438.

79. Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики 1972. М.: Наука, 1973.

Перевод на польск. яз.: Antonimy leksykalne i przekształcenia wyrażen antonimicznych. Tekst i język. Problemy semantyczne. Praca zbiorowa pod red. Marii Renaty Maýenowej. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Ossolineum, 1974. S. 177-199.

80. К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики 1972. М.: Наука, 1973.

1974

81. Значение и оттенок значения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1974. N 4.

82. [Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский] Структурная семантика. Кибернетическая энциклопедия. Киев, 1974.

83. Явления нейтрализации в области лексической семантики // Filologické studie V, Venováno prof. dr. L.V.Kopeckému, Dr. Sc., k osmdesátým narozeninám. Praha, 1974.

84. Термины и нетермины с семиотической точки зрения // Совещание, посвященное проблеме определений терминов в словарях.: Тезисы докладов. Л.: Советская энциклопедия, 1974.

1975

85. Лексические конверсивы в русском языке // Linguistica Silesiana. Katowice, 1975. T. 1.

1976

86. Die semantische Sprache als Mittel der Erklärung lexikalischer Bedeutungen // Theoretische Linguistik in Osteuropa. Originalbeiträge und Erstübersetzungen. Herausg. von Girke W. und Jachnow H. Tübingen, 1976. S. 22-48.

1978

87. Языковая аномалия и логическое противоречие / Tekst. Język. Poezja. Wrocław. Kraków, Gdańsk: Ossolineum, 1978.

88. [Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., Перцов Н. В.] Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // International Review of Slavic Linguistics, 1978. Vol.3.

Перепечатано в: Македонски јазик, Скопје, 1978.

89. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.] Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения // М.: Совет по комплексной проблеме "Кибернетика" АН СССР, 1978.

1979

90. К понятию глагольного управления // Wiener Slawistischer Almanach. 1979. Bd 3.

91. Трудности построения формальной модели языка // Вопр. философии. 1979. N 4.

Перепечатано в: Кибернетика. Неограниченные возможности и возможные ограничения. Перспективы развития. М.: Наука, 1981.

92. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979.

93. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" (тезисы доклада) // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

1980

94. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений // Восприятие языкового значения. Калининград: Изд-во Калининградского университета, 1980.

95. Принципы семантического описания единиц языка // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. II. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1980. Вып. 519.

96. О поверхностно-семантическом компоненте в модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" // Логико-семантические вопросы искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту. III // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1980.

97. К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений // Представление знаний и моделирование процессов понимания. Новосибирск, 1980.

98. Лингвистическое обеспечение в современных системах обработки текстовой информации // Интерактивные системы: Доклады и тезисы докладов и сообщений третьей школы-семинара. Тбилиси: Мецниереба, 1980.

1981

99. Лингвистические проблемы формального семантического анализа предложения // Структура текста 81. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1981.

Перепечатано с сокращ. в: Семинар проекта "Диалог": Тезисы докладов. Тарту, 1982.

100. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Ли др.] Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода ЭТАП-1 // Разработка формальной модели естественного языка. Новосибирск, 1981.

101. Semantic Amalgamation Rules for Russian Verbs // The Slavic verb. An Anthology Presented to Hans Christian Sørensen. Copenhagen, 1981. P. 7-13.

102. О системе машинного перевода научно-технических текстов // Актуальные проблемы теории и практики перевода научно-технической литературы. Орел, 1981.

1982

103. [Апресян Ю. Д., Гецелевич Е. В., Крысин Л. П. и др.] Толково-комбинаторный словарь как компонент семантического анализа текста // Семинар проекта "Диалог": Тезисы докладов. Тарту, 1982.

104. О возможности определения лингвистических понятий // Russian Linguistics. 1982. Vol. 6.

105. [Апресян Ю. Д., Кулагина О. С.] Проблемы разработки систем машинного перевода // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. М.: Изд-во МГУ, 1982. Ч. 1.

106. Толково-комбинаторный словарь в формальной модели языка и разрешение многозначности // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 108–128. Ч. 2.

107. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.] Типы лексикографической информации в толково-комбинаторном словаре // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 129–187. Ч. 2.

108. [Апресян Ю. Д., Цинман Л. Л.] Об идеологии системы ЭТАП-2 // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982.

109. [Апресян Ю. Д., Палл Э.] Лексикографические вопросы описания глагольного управления и сочетаемости // Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Budapest: Tankönyvkiado, 1982. Т. 1.

1983

110. О структуре значений языковых единиц // Tekst i zdanie. Warszawa: Ossolineum, 1983.

111. Синтаксические средства выражения посессивности // Категория притяжательности в славянских языках. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1983.

112. Лексическая семантика (синонимические средства языка): Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1983.

113. К модели поверхностной семантики: типы правил // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Телави-1983": Тезисы докладов и сообщений. М., 1983.

114. Синтаксические признаки атрибутивных конструкций с обязательным зависимым при атрибуте // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 11. S. 25–59.

115. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. IV. Французский синтаксический анализ // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1983. Вып. 159.

116. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.] Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. V. Французский синтаксический анализ // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1983. Вып. 160.

117. Синтаксические признаки для конструкций типа *Письма не пришло* // Сочетаемость русских слов как лингвистическая и методическая проблема

(материалы для преподавателя). М.: Институт русского языка им. А.С.Пушкина, 1983. С. 13–19.

1984

118. [Апресян Ю. Д., Гецелевич Е. В., Крысин Л. П. и др.] Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. II. Французская морфология. Французский комбинаторный словарь // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1984. Вып. 154.

119. Семантика // Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984.

120. Семантические правила // Энциклопедический словарь юного филолога. М.: Педагогика, 1984.

121. Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика // Типы языковых общностей и методы их изучения. III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов. М.: Институт языкознания АН СССР. Научный совет "Теория советского языкознания". 1984.

122. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л.] Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. III. Французский синтаксический анализ // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1984. Вып. 155.

1985

123. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.] Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. 1. Общая характеристика системы // Теория и модели знаний. (Теория и практика создания систем искусственного интеллекта.) Труды по искусственному интеллекту. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1985. С. 20–39.

124. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Гецелевич Е. В., Иомдин Л. Л.] Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. VI. Французский синтаксический анализ // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1985. Вып. 166.

125. [Апресян Ю. Д., Гецелевич Е. В., Иомдин Л. Л. и др.] Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. VII. Французский синтаксический анализ // Предварительные публикации ПГЭПЛ. М.: Институт русского языка АН СССР. 1985. Вып. 167.

126. Принципы описания значений граммем // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985. С. 61–65.

127. Личная сфера говорящего и наивная модель мира // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-1985": Тезисы докладов и сообщений. М., 1985.

128. Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика: обратные связи // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-1985": Тезисы докладов и сообщений. М., 1985.

129. Синтаксические признаки лексем // Russian Linguistics. 1985. Vol. 9. N. 2-3. P. 289-317.

1986

130. Некоторые следствия из единой модели языка для машинных фондов // Машинный фонд русского языка. Идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 90-108.

131. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопр. языкознания. 1986. N 2. С. 57-70.

132. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1986. N 3. С. 208-223.

133. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира // Teorija tekstu. Warszawa: Ossolineum, 1986. S. 83-98.

134. Типы синтаксического отсутствия в русском языке // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл: Тезисы краевой научной конференции. Красноярск: Красноярский государственный педагогический институт, 1986. С. 111-114.

135. Понятие субъекта действия и особенности его выражения в русском, английском и французском языках // Тезисы Всесоюзной конференции "Функционально-типологические проблемы грамматики". Вологда, 1986.

136. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5-33.

137. Синтаксическая информация для толкового словаря // Linguistische Arbeitsberichte. Leipzig: Karl-Marx Universität, 1986. N 54-55. S. 88-116.

1987

138. Синтаксические признаки в модели языка (на материале одного класса атрибутивных конструкций) // Прикладные аспекты лингвистической теории. (Сер. "Вопросы кибернетики."). М.: Научный совет по комплексной проблеме "Кибернетика" при Президиуме АН СССР, 1987. С. 44-77.

139. Лингвистическое моделирование и лексикография: синтаксическая информация для толкового словаря // Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод: Тезисы докладов и сообщений областной научно-практической конференции. Орел: Дом техники ВТО, 1987. С. 103-107.

140. Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: Тезисы рабочего совещания. М.: Институт языкознания АН СССР, 1987.

1988

141. Языковые аномалии как точки роста новых явлений // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми-1988": Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.

142. [Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.] Лингвистический процессор для русского языка: современное состояние // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми-1988": Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.

143. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 57-78.

144. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. Институт языкознания АН СССР. Проблемная группа "Логический анализ языка". М.: Наука, 1988. С. 7-44.

145. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988.

146. Толковый словарь нового типа как основа серии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. М.: Русский язык, 1988.

147. Морфологическая информация для толкового словаря // Словарные категории. М., Наука, 1988. С. 31-53.

1989

148. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

149. О работах И. Е. Аничкова по идиоматике // Вопр. языкознания, 1989. № 6. С. 104-119.

150. [Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л.] Конструкции типа *негде статья*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. 1989. Вып. 29.

1990

151. Непосредственно составляющих метод // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

152. Трансформационный метод // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

153. Дистрибутивный анализ // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
154. Языковые аномалии. Типы и функции // Res Philologica. М.;Л.: Наука, 1990.
155. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопр. языкознания. N 6. 1990.
156. Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
157. Словарная фиксация синтаксических свойств лексем: взаимодействие словаря и грамматики // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 25-26, 1990.
158. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
159. [Apresjan Ju., Mel'čuk I. A.]. Computer implementation of a linguistic model and the problem of its psychological reality // Folia Linguistica XXIV/3-4, 1990.

1991

160. Концепция нового словаря синонимов русского языка // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991.
161. Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32.
162. Словарная статья глагола РИСОВАТЬ // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32.
163. Русская длительная конструкция: пределы ее формального описания // "Words are Physicians for an Ailing Mind". Verlag Otto Sagner. München, 1991.

1992

164. О новом словаре синонимов русского языка // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1992. N 1.
165. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. N 3. С. 20-33.
166. [Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.] Образцы словарных статей нового словаря синонимов // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1992. N 2.
167. [Apresjan Ju. D., Boguslawskij I. M., Iomdin L. L et al.]. The Linguistics of a machine translation system // Meta, 1992. N 1.
168. Как понимать "Дар" В. Набокова // In Honour of Professor Victor Levin // Russian Philology and History. Jerusalem: Praedicta, 1992. P. 346-362.
169. Dictionary in a Unified Linguistic Description // 1992 Seoul International Conference on Linguistics. The Linguistic society of Korea, 1992. P. 78-81.

170. A Bidirectional Machine Translation System Based on the Meaning-Text Model of Language // 1992 Seoul International Conference on Linguistics. The Linguistic society of Korea, 1992. P. 167–176.

171. Systemic Lexicography // Euralex '92 Proceedings I– II. Tampere, 1992. Part I. P. 3–16.

172. Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика: обратные связи // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 33, Wien, 1992. S. 5–27.

173. Игорь Мельчук: штрихи к портрету // Le mot, les mots, les bons mots. Word, Words, Witty Words. Montréal: Les presses de l'Université de Montréal, 1992. P. 9–14. (англ. пер. Igor Mel'čuk: Brushstrokes for a Portrait // Там же. С. 1–7.

174. *Serdit'* 'to anger' and its Synonyms: towards a New Type of Synonym Dictionary // Le mot, les mots, les bons mots. Word, Words, Witty Words. Montréal: Les presses de l'Université de Montréal, 1992. P. 149–167.

175. Lexicographic Portraits and Lexicographic Types. In: Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à PAUL GARDE. Paris, 1992. P. 360–376.

176. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М.: Наука, 1992. С. 45–64.

177. "Дар" Набокова: поэтическая техника и тема // Typy tekstów. Zbiór studiów. IBL, Warszawa, 1992. S. 81–107.

178. [Apresjan Ju. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L. et al.] Système de traduction automatique ETAP // P. Bouillon et A. Clas (eds.), Etudes et recherches en traduction automatique. Sillery et Montréal, Presse de l'Université de Québec, 1992.

1993

179. [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.]. Метафора в лексикографическом толковании эмоций // Вопр. языкознания. 1993. N 3. С. 27–35.

180. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. С. 6–17.

181. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 7–22.

182. Językoznawstwo teoretyczne, modele formalne języka i leksykografia systemowa // O definicjach i definiowaniu. Lublin. 1993.

1994

183. Naiwny obraz świata a leksykografia // Etnolingwistyka 6. Lublin. 1994.

184. Источники нового словаря синонимов русского языка // Русистика сегодня. М., Ин-т русского языка РАН, 1994. С. 82–102.

185. О языке толкований и семантических примитивах // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1994. N 4.

1995

186. Новый словарь синонимов: концепция и типы информации // *Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1995.

187. Theoretical Linguistics, Formal Models of Language and Systemic Lexicography // *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: 1995. P. 3-30.

188. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопр. языкознания*. 1995. N 1.

189. Современность классики // *Вопр. языкознания*. 1995. N 1.

190. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // *The language and verse in Russia*. UCLA Slavic studies. New Series. In honour of Dean S. Worth on his sixty-fifth birthday. М.: Восточная литература, 1995.

191. Роман "Дар" в космосе В. Набокова // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1995. NN 3,4.

192. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // *Вопр. языкознания*. 1995. N 4.

193. Предисловие // *Теоретическая лингвистика и лексикография: к формальному описанию лексики*. М., 1995.

194. The semantics of hope in Russian: a group of synonyms // *Panorama der Lexikalischen Semantik*. Herausgegeben von U. Hoinkes. Tübingen, 1995.

195. *Хотеть* и его синонимы: заметки о словах // *Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова*. М., 1995.

В печати

196. О толковом словаре управлений и сочетаемости русского глагола.

197. *Ценить* и *дорожить* в словаре синонимов.

198. [Апресян Ю. Д., Гловинская М. Я.] Юбилейные заметки о неюбилейных словах: *ругать* и его синонимы.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

В указателе использовалась система обозначений, разработанных С.А.Крыловым для указателя к 1-ому тому. К ней были добавлены следующие обозначения:

A (accent), G, к, К (использовались русские буквы "к" ввиду занятости "с" за конверсивами), P (portrait), x (extract).

- "a" — описаны или указаны антонимические связи и отношения
- "A" — описаны акцентные свойства (коммуникативно-просодическая характеристика) слова
- "с" — описаны связи слова с его конверсивами либо оно само квалифицируется как конверсив
- "d" — указаны дериваты слова либо оно само квалифицируется как дериват
- "Г" — слово выступает в служебной функции
- "g" — описаны грамматические особенности слова, характеризующие его парадигму
- "G" — описаны особенности грамматической семантики слова, совместимость его лексической семантики с различными частными грамматическими значениями либо данная лексема используется для иллюстрации семантики грамматических категорий
- "i" — описаны правила семантического взаимодействия данного слова с контекстом, семантические ограничения на его сочетаемость
- "к" — описана коммуникативная организация значения слова (ассерция, presupпозиция)
- "К" — описаны конструкции, в которых употребляется слово
- "L" — описана лексическая сочетаемость слова
- "m" — описана многозначность, присущая данному слову
- "P" — лексикографический портрет (полное лексикографическое описание слова, включающее толкование всех его значений, антонимические, деривационные, синонимические связи, прагматические, стилистические и др. характеристики)
- "r" — описана ситуация действительности, в которой данное слово может быть употреблено
- "s" — описаны или указаны синонимы данного слова или оно само квалифицируется как синоним
- "v" — описаны валентности данного слова, его модель управления
- "x" — приведены отдельные компоненты значения слова, прагматические, стилистические или другие существенные признаки, связанные с семантикой, указана принадлежность слова к семантическому классу
- "102" — подчеркивание номера страницы означает, что на ней дано толкование слова
- "*" — звездочка при номере страницы означает, что дается обзор трактовок данного слова
- < > — речь идет о лексеме иностранного языка, переводимой на русский язык данным русским словом слова

УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМ

- абсолютно 46i, 91L
авось *92, 344d, 350x
авторитет *456-457L
адаптироваться 310sx, 375rsx, 378gx,
380gx
акклиматизироваться 310sx, 375rsx,
378gx
алкать 446s
арендовать 475x, 543K, 607vx
арестовать (сов.) 104g
арестовать (несов.) 104g
арестовывать 104g
ароматный 366i
ассистент 250г
ассистировать 250г
- балкончик 145x
бахвал 344d
бахвалиться 213x, 362г, 375rsx, 549K
бахвальство 344d
бегать 35Gx, 91x
бедный 624ix
бежать 35x, 36Gi
бежать ('течь') 308sx
бежать (о молоке) 111g, 327-328gs
безотчетный 371L
безусловно (вводн.) 56x, 137x, 191Ax
белеть (от страха) 459L
белеть (в темноте) 305s, 643x
белеться 305s
белки (глаз) 267x
белый 91L, 172x
бельма ('глаза') 267s
берець 110G
беспокоить 544gm
беспокоиться 367x
беспокойство 367x, 370г
бесспорно (вводн.) 137x
бешенство 372x, 381gx
бледнеть (от страха) 459L
блистать 342x
- бить (врага) 106g, 305s
бить (посуду) 106g, 305s
бить (масло) 106g, 111-112g, 305s
бить (об оружии) 69vx, 106g
бить (о часах) 106g, 109g, 110G
бить (зорю) 305s
бить (рекорды) 111g
бичевать 383gx
благодарен 53
благодарить 32v, 202x, 204v
благословлять 201x
бледность 355x, 365г
блестеть (о глазах) 367L, 373L
блестящий ('хороший') 475L
ближе 640x, 641x
близкий 44x, 46i, 315-316s
блистать (умом) 548K
блуждать 36Gx
блуждать (о глазах) 542K, 547K
блюсти 111g
Бог 171x
боготворить 171x, 545v
бодрствовать 39x
божественный 171x
бок 42x
болезнь 172x, 487d
болеть 541Km
боль 355x, 460L
больница 487d
больно ('очень') 307i
большуший 147x
бомбардировка 378v
бомбежка 378v
бора 173x
бормотать 31x, 212x
боров 172x
бородища 146x
боязно 367x
бояться 31gx, 67, 149-150x, 343a, 356x,
367x, 374isv, 381gx, 382gx, 439x, 546v
бравировать 342x

- бранить 202x, 376ivx, 378ivx, 383gx
 брат 168-169ix
 братец (обращение) 139-140x
 брать 108g, 206x, 543K
 брать на себя обязательство 340s
 брать назад свое слово 202
 брезгать 545v
 брести 35Gx, 469
 брови 267x
 бриз 173x
 брить (*кому-л. бороду*) 550K, 551K
 бриться 93m
 бродить 35x, 36Gx
 бросать 79-80msv, 224x, 306s, 355x
 бросаться ('устремляться') 29fv
 бросаться в глаза 357x
 бросить 305s
 бросок 80dis
 брусok 43x
 брызгать 542K
 брызгать (*иронией*) 548K
 бряцать 548K
 будить 59G, 93m, 228G
 будить (*мысли*) 265f, 306s
 будка 141m
 буква 170x, 317x
 буркалы ('глаза') 267s, 468x
 бурчать ('говорить') 31x, 212x
 бывать ('иметь место') 94vx
 было (част.) 44ii
 быть 434m, 488Gmv, 489x, 511-527P,
 528gx, 529Km, 530Km, 531Km, 532-
 533m
 быть (служеб.) 26-27fmv, 119fv
 быть ('находиться') (где-л.) 27fm, 63v,
 64-65mv
 быть ('иметься') (у кого-л.) 27fm, 63v
 быть ('существовать') 27fm, 38Gx, 63v
 быть ('являться') (кем/чем/каким-л.)
 27fm, 63v
 быть ('=') (кем-л., чем-л.) 27fm, 63v,
 64v
 в- (приставка) 491x
 в + *вин.* (место, конечная точка) 80-81fi
 в + *вин.* (время; *в три минуты*) 69-70i,
 227i
 в + *предл.* (место) 55ix
 в безопасности 117L
 в восторге 372x
 в гневе 372x
 в долгу 117L, 127L
 в силах 117L, 127L
 в состоянии 117L, 127L
 в страхе 367x
 в тоске 372x
 в тревоге 367x
 в ужасе 439x
 в этот момент 205ix
 в ярости 372x
 вблизи 640x, 641x
 вверх 640x, 641x
 вверху 640x, 641x
 ввести в заблуждение 375gx
 вдалеке 640x, 641x, 643x
 вдали 640x, 643x
 вдаль 640x, 641x
 ведать ('знать') 355x, 405s, 408iLv, 409x,
 410x, 417x, 419x, 420x, 421gms,
 422Gv, 423-424v, 425Gv, 426Ai, 427L,
 428iL, 430cd, 549K
 ведомо 430c
 ведь 137x
 везде 602L
 везти 35Gx, 54dr, 66iLv, 93m
 веки 267x
 велеть 224x, 310sx, 377iv
 великан 50a, 51a
 вера 363x, 382gx
 вербовать 475x, 489v
 верить ('считать') 115-116vx, 123v, 355x,
 356x, 412x, 413A, 414x, 429x, 471x
 верно 139sx, 335L, 402L
 вероятно (тж. вводн.) 56x, 57i, 93v, 137x,
 139sx, 191Ax, 207ix, 618iK
 вероятный 117L, 121gv
 вертеть 95v, 541Km, 542K
 верх 42mx, 43m
 верхний 42x, 43m (*верхняя часть*), 172x
 вес 83vx
 весело 131v, 184x, 205ix, 372ms
 весить 69vx, 481x, 532m
 вести 35Gx, 54dr
 вести к 306s

- весть 170х
 весь 596х
 ветер 161imx, 165dmx, 173х
 ветреность ('легкомыслие, непостоянство') 165х
 ветреный ('легкомысленный') 165х
 вечер (*временной интервал*) 594m
 вещать 213х
 вжиться 310sx
 избежать 59G
 избежать 59G
 взгляд ('мнение') 403d
 вздрагивать 219G, 225х, 233х
 взорвать ('возмутить') 383гх
 взорваться (*об эмоциональном взрыве*) 360sx
 взять 108g
 взять (*с кого-л. слово <обещание>*) 342с
 взять в толк 615KLs
 вибрировать 225х
 выдать 37G, 65g, 91g, 309sx, 325Gs, 327gx, 329v, 332GK
 выден 357х
 видеть ('воспринимать зрением') 37G, 62gms, 220G, [221], 309sx, 325Gs, 327gsx, 329v, 330K, 332K, 339i, 357х, 358х, 361г, 365m, 377m, 378iv, 449х, 471х, 481х
 видеть ('понимать') 317As, 339i, 489х, 504A
 видеть ('считать') 325s, 329v, 334iLv, 335iL, 389s, 392gx, 393Kv, 397х, 398х, 400g, 401KL, 402L
 видеть ('знать') 410s, 420s
 видеть (*в мечтах, в воображении*) 342с, 375rsx, 382гх
 видеться 342х
 видимо (вводн.) 55х, 93v, 137х
 виднеться 643х
 вилять (*хвостом*) 225х, 548K
 вилять (*о дороге*) 316s, 331K, 383-384гх
 винить 379гх, 383гх
 виниться 200х
 винище 147х
 висеть ('быть прикрепленным') 319-320s
 вить 109g
 виться (*о дороге*) 316s, 331fK, 383-384гх
 вконец 91L
 вкопать 344ds
 вкус 355х, 357х, 363х
 владеть 549K
 влетать 59G
 влететь 59G
 влететь (безл.; *кому-л. от кого-л.*) 342с
 влечь 310sx
 влияние *156
 влиять *156
 вмещать 69vx
 вниз 640х, 641х
 внизу 640х, 641х
 внушать (*уважение*) 265f
 вовсе 189Agm
 во-вторых 151х
 вода 145х, 173х
 водичка 145х
 водить 35Gx
 возделеть 446s
 возбранять 201х, 213х
 возбуждать (*вино в. человека vs. вирус в. болезнь*) 544Km
 возбуждать (*любопытство*) 265f
 возбуждение 360sx
 возвращать слово 202х
 возвращаться 151х
 воздерживаться 355х
 возраждать 39g, 437g, 438g
 воззрения 403d
 возить 35Gx, 66iLv
 возлагать надежды 340s
 возможно (тж. вводн.) 57i, 93v, 191Ax
 возможный 117L, 121gv, 131v, 329i
 возмутиться 360sx, 375iv
 возмущать 368г, 379iv, 382гх, 383гх
 возмущение 356х, 368г, 370г, 381гх
 вознамериться 30х
 возненавидеть 39g
 возражать 201х
 возрастать 343a
 война 167х
 воля 350х, 352-353Lr, 354Lmr, 355х
 вон (част.) 186Am, 615iL, 630х, *631, 633х, 636
 • вонючий 366i
 • вонять 549K

- воображаемый ('представляемый') 344d
 воображаемый ('неверно представляе-
 мый') 344d
 вообразать ('представлять') 340s, 343с,
 344d, 355x, 375гsx, 382гx
 вообразать ('неверно представлять')
 344d
 воображение 363x
 вообще 188-189Agm
 во-первых 151x
 воровать 607vx
 ворона 164тx, 174тx
 ворчать 31x, 212x
 воспрещать 201x, 551K
 воспроизводить 376гsx
 восстанавливать 103g
 восстановить 103g
 восстанавливать 103g
 восторг 360sx, 371гx, 372iLx, 380гx,
 383гx
 восторгаться ('испытывать восторг')
 362г, 376sx, 382гx
 восторгаться ('выражать восторг') 32v
 восхвалять 201x, 213x
 восхищаться ('испытывать восхищение')
 367x, 376sx, 382гx
 восхищаться ('выражать восхищение')
 32v
 восхищение 356x, 368г, 371гx, 372x,
 380гx, 383гx, 546-547v
 вот 186Am, 615iL, 630x, *631, 633x, 636
 вояж 160iLx
 впереди 640x, 641x
 вправо 117L, 127L, 130L
 врать 148x, 211кx
 врач 344d, 487d
 вращать (*глазами*) 548K
 время 235m, *457, 530g, (*некоторое*)
 590x
 вроде 137x
 вручать (*кому что*) 550K
 врать 344ds
 ряд ли 137x, 141
 все (мест.) 602L
 всё (част.) 226i
 все еще 204i, 226i, 238i
 всегда 602L, 603i, 624ix
 всего (част.) 137x
 всецело 91L
 вследствие того что 188Ag
 всплывать ('в сознании') 343с
 вспоминать (что P) 223x, 228-229ivx,
 355x
 вспомнить 542K
 вспугивать 224x
 вспыхивать (*от смущения*) 224x, 233x,
 373L
 вспыхивать (*о гневе*) 549K
 вставить 149x
 встревожить 107g.
 встречать (*кого-л. случайно*) 224x, 228ix
 вступаться (*за кого-л.*) 224x, 306x
 всякий 602L
 вторник (*временной интервал*) 590x
 втянуться ('привыкнуть') 310sx, 330K,
 382гx
 входить (*в привычку*) 119fv
 вчера 235x, 630x
 вы- (приставка) 491x
 вы 153x, 489x, 490L, 644x, 646x
 выбивать (*из рук чашку*) 224x
 выбирать <250>, 251s
 выбрасывать 224x
 выбросить (*что-л. в корзину*) 305s
 выведать 430d
 вывернуться (*из толпы*) 378-379v
 вывести 75m
 • выгледеть 381гx
 выговаривать ('ругать') 375гsx, 376x,
 383гx
 выдавать (*кого-л. властям*) 550K
 выдаваться (*о жарком лете*) 316s, 493s
 выдергивать (*руку*) 224x
 выжать (*штангу*) 111g
 выждать 324g
 выжидание 344d
 выжидательно 344d
 выжидательный 344d
 выжидать 306-307s, 324g, 332v
 выжимать (*штангу*) 111g
 вызвать ('быть причиной') 14cfs, 23
 вызнать 430d
 вызывать ('быть причиной') <265>
 вызубривать 219G, 220Gi

- вызывать (*на поединок*) 201x
 выигрывать (*фигуру*) 224x, 229x
 выйти 17hx, 384gx, 467x, 489x, 490dLv,
 491im, 492Lm, 493ms, 494–501P,
 512m,
 выйти ('получиться', безл.) 316s
 выкинуть (*что-л. в корзину*) 305s
 выкладывать (*всю душу*) 552K
 вылететь 17hx, 467x
 вылечить 108g
 вылечить 108g
 выливать 59G
 вылить 59G
 вылупить (*глаза*) 267x
 вымогать 474x
 вымыть <89>
 вымысливать 104g
 вымыслить 104g
 вымышлять 104g
 выносить (*не выносить*) 625K
 вынуждать 224x, 355x
 выпасть (*день выпал трудный*) 493s
 выпасть ('выйти, получить', безл.)
 316s
 выпивать (*воду*) 112g
 выписывать (*кому-л. ордер*) 550K
 выпить (*воду*) 112g, 113x
 выплыть 17hx, 467x
 выползти 17hx, 467x
 вырасти 110g
 вырезать <89>, (*кому-л. опухоль*) 551K
 высокий 44x, 45gx, 46i, 92m, 343a
 высота 83vx, 508-509iLx, 510mvx, 511g,
 639x
 высоченный 147x
 выставлять напоказ 342x
 выстирать <89>
 выстрелить 59G
 выступать 622v
 высылать (*деньги на поездку*) 223x
 вытирать 81iv
 выгачивать (*деревянные ложки*) 112g
 выточить (*деревянные ложки*) 112g
 вытравить 104g
 вытравливать 104g
 вытравлять 104g
 встряхнуть 110g
 встряхнуть 110g
 встряхивать 225x
 встряхнуть 225x
 вытягиваться (*цепочкой*) 549K
 выходить ('идти') 220G
 выходить (*вышло так, что*) 224x, 379vx
 выше 640x, 641x
 выясниться (*что*) 493s
 выяснять 212x
 вязать 105g, 109gx
 галлюцинация 344d
 гарантировать 200x, 380gx
 где 185Agmx, 194-195Amx, *476
 гибель 14s
 гладить (*кому-л. голову*) 552K
 глаза 267s, 268ir, 355x, 403L, 468x, 471x
 глазница 267x
 глазной 267x
 глаукома 267x
 глубина 508x, 510mvx, 511g, 639x
 глубокий 44x, 45gx
 глумиться 351x
 глупенький 146x
 глупо 184x
 гляделки 267s
 глядеть 267x, 268ir
 глядеть (*на вещи просто*) 399s
 гнать 35Gx
 гнев 360sx, 369g, 370g, 371gx, 372x, 460L
 гнуть (*пятак*) 111g
 гнущаться 545v
 говаривать 38Gx
 говорить 26gm, (тж. вводн.) 57i, 93m,
 107-108g, 200-201x, 211x, *356, 416x,
 481x, 505Ax, 551K
 говорить неправду 211kx
 голенький 146x
 голова ('часть тела человека') 160-
 161imx, 356x
 голова ('передняя часть чего-л.') 42x
 голова <котелок> варит у кого-л. 161i
 головной 42x
 голод 355x, 365Lm, 366g
 голосина 146x
 голосище 146x
 голый 308sx

- гонять 35Gx, (*кого на почту*) 380gx
 гора 43x
 гордиться 38Gx, 149-151gx, 340s, 342x, 343a, 351x, 367x, 378gx, 481x, 549K, 647x
 горе 368г, 371г, 455г, *456
 гореть 111-112g
 гореть (*о свете*) 331fK4
 гореть (*о глазах*) 373L, 549K
 горло 355x
 гражданин (*обращение*) 139x
 грезиться 342x
 греметь (*доспехами*) 548K
 греть (*пищу*) 305s, 541Km, 544Km
 греть (*руки*) 111-112g
 греть (*помещение*) 305s
 гримаса отвращения 355x
 грозить 212x
 грубить 143-144г
 грудь 356x
 грустить 367x, 368г, 372s, 542K
 грустно 131v, 182x, 372m
 грустный 131v
 грусть 371iLg, *455
 грызть (*'ругать'*) 376iv, 378iv, 383gx
 гусь 164mx
- давать 550K
 давать (*'начинать'*) 29fv,
 давать (*побудит.*) 66v
 давать зарок 340s
 давать обет 200x
 давать обещание 200x, 340s
 давать отвод 202x
 давать право 201x
 давать (*честное*) слово 200x, 340s, 376rsx
 давить 109g, 542K
 давление 510m
 даже 48, 50, 51i, 533x, 617
 далекий 44x, 45gx, 92г
 далеко 624ix, 640x, 641x
 даль 350x
 дальтонизм 267x
 дальше 640x, 641x
 дарить (*книги vs. дружбой*) 544Km, 550K
 два *476
 двигать 95v
- двигать (*бровями*) 548K
 девочка 172x
 деауировать 202x
 действительно (*вводн.*) 56x, 137x, 505-506Ax
 делать 106-107g, 149x, 408i, *476, 482i, (*кому-л. зажигалку*) 551K
 делать (*сто оборотов в минуту*) 69vx
 делить 306s, 541Am
 денонсировать 202x
 день 235x, (*временной интервал*) 590x, 596x
 дергать (*кому-л. зубы*) 551K
 дергать (*кого-л. за усы*) 552K
 дергать (*губами*) 548K
 дерево 43x
 держать (*за кого = 'рассматривать, считать'*) 115-116vx, 123-124v, 126v, 322s, 399s
 дерзить 143x, 144г
 длина 45г, 83vx, 508-509x, 510vx, 511g
 длинный 44x, 45gx, 46i
 длиться 69vx, 107g, 532m
 до (*время*) 531x
 добиваться 59G, 351x
 добиться 59G
 доверие 382gx
 доверять 202x
 доверять (*кому-л. получение зарплаты*) 551K
 догадываться 355x, 410x, 429x
 догнать 60x
 договариваться 539v
 догонять 60x
 дожидаться 59G, 324g
 дожидаться 59G, 306s, 309sx, 321s, 324g, 326gG, 327gG, 328gs, 332v, 379iv
 дознаться 430d
 доискаться 226d
 прийти (*о дороге*) 61G, 643Gx
 доказать 59G
 доказывать 59G, 212x
 докладывать 200x, 551K
 докопать 344ds
 долго 204i, 226i, 238i, 590x, 594i, 596x
 долгожданный 344d
 должен 71ms, 191-193Am, 229i

- должно быть (вводн.) 56x, 137x, 191Ax
 доля 84iv
 домик 50, 51s, 145x
 домина 146x
 домишко 145x
 домище 50, 51s, 146x
 домогаться 351x
 домысливать 103g
 домыслить 103g
 домышлять 103g
 доносить 200x
 доноситься (о звуках) 357x, 381gx
 допирать ('понимать') 380gx
 допускать ('быть причиной') 213x, 224x
 допускать ('считать') 115-116vx, 121-122gv, 201x
 доработать 226d
 дорога (всю дорогу) 590x, 596x
 дорожить 376x
 дорыть 344ds
 досада 131v, 371L
 досадовать 381gx
 доставать (кому-л. билет) 551K
 доставить 551K
 доставлять 66iLv
 достаточно 70x, 94
 достать (книгу с полки) 539v
 достать (деньги vs. потолок) 544Km
 достаться (кому-л. от кого-л., безл) 342c
 достигать 105g, 224x
 достигать (роста человека) 69vx
 достигнуть 105g
 достичь 105g
 достоверный 624x
 дотрагиваться 224x
 доходить (о дороге) 61G, 643Gx
 доходить (до 40 градусов) 69vx
 доходить (до кого-л. = 'понимать') 355x, 380gx
 драть (кого-л. за уши) 552K
 драть (втридорога) 111g
 дробить 306s
 дрозжать 225x, 538mv, 540mv
 дрозжать (от страха <от холода>) 366L, 368L, 459L, (перед кем-л.) 546K
 друг (обращение) 139x
 друг друга 623x
 думание 394x
 думать ('считать') (тж. вводн.) 57i, 115vx, 122-123gL, 149x, 150g, 322s, 325gG, 328iv, 330K, 334iLv, 335iL, 337iKL, 362r, 384gx, 395s, 392gx, 393x, 394x, 395Kx, 396x, 397K, 398g, 399A, 400gK, 401K, 402L, 403K, 410x, 429x, *476, 481x, 515Lx
 думать (на кого, 'подозревать') 322s, 399s
 думаться (безл.) 481x
 дутый 457L
 дуть (о ветре) 331fK
 дуться ('обижаться') 381gx
 дух 364x
 душа 350x, 355x, 356x
 ездить 66iLv
 если 117f, 119f, 126f, 130f, 132f, *476
 естественно 137-138x, 184x
 есть (хлеб) 112g, 149x
 ехать 53, 54dr
 еще 186Am, 190Am, 226i, 260-261, 316i, 638
 жадно ('очень сильно') 449x
 жажда 355x, 365Lm, 366r
 жаждать 38-39Ggx, 311s, 324-325gx, 374-375iv, 380gx, 382gx, 435s, 437gs, 438g, 439gx, 443x, 444gx, 445gx, 446m, 447g, 449iLx, 480x
 жалить 224x
 жалко 184x
 жаловать 148x, (кому-л. орденом) 550K
 жаловаться 212x, 306x, 308sx, 320-321s, 322s, 323msv, 340s, 351x, 356x, 374s, 377ivx
 жальность 460L, 464,
 жар ('состояние человека') 355x
 жарить (цыпленка) 112g
 жарыща 146x
 жать руку (этикетн.) 31x
 жать (штаны) 111g
 ждать 306-307x, 309sx, 317s, 321s, 324g, 326gG, 328gs, 329v, 332-333Kvx, 340s, 343c, 344d, 380gx

- желание 346d, 355x, 489dLx
 желательный 346d
 желать 38-39Ggx, <265>, 311s, 317-318s, 324gx, 346dg, 390sx, 435s, 437gs, 439gs, 441g, 442gsx, 443x, 446Km, 447gK, 448K, 449iLx, 450iL, 478x, 480x, 481x
 желать удачи 202x
 желательный 132v
 желтеть (в траве ж. одуванчики) 643x
 желтый 44x, 46i
 женатый 168x, 624x
 жениться 224x
 женский 172x
 живой 168x
 живописец 383gx
 жизнь 172x
 жить 306s
 журить 379gx

 за + вин. (время; за три минуты) 69-70i, 227i
 за + твор. (место), 41-42m
 за + твор. (цель) 82f
 забастовка 474
забавить (что куда, что чем) 543K, 544Km
 забыть (о фонтане) 226d
 заблуждаться 308sx
 заблуждение 380gx
 забывать (что Р) 223x, 355x
 заверить (в поддержке <согласии>) 342c
 завернуть 103g, 105g, 488g
 завертывать 103g, 105g, 488g
 заверять 200x
 завещать 202x, (что кому) 550K
 завидовать 481x
 зависть 370Lg
 заворачивать 103g, 105g, 488g
 завтра 630x
 заглядеться 367x, 368g
 заглядывать 224x
 заговаривать ('начинать говорить') 219G, 222x
 загореться (о глазах) 367L
 заготовливать 103g, 488g
 заготовить 103g, 488g
 заготавливать 103v, 488g
 зад 42x
 задаваться 342x
 задевать (косяк) 542K, (кому-л. нос) 552K
 задерживать (преступника) 224x
 задний 42x, 43-44m
 задуматься (не задуматься что-л. сделать) 625K
 задушевность 350x
 зажаривать 112g
 зажарить 112g
 заждаться 344d
 зажечься (о глазах) 367L
 заинтересован 471x
 заискивать 378gx
 заказывать 201x
 закатывать (глаза) 267x
 закладывать (что чем, что куда) 543K
 заклинять 200x
 закопать 344ds
 заключать ('приходить к заключению') 223x
 закоренелый 168iLx
 закутать 108g
 заливать (горючее в бак) 542K, 543K
 замазывать (недостатки) 383gx
 замалчивать (недостатки) 383gx
 замереть 306s, 361sx
 замечать ('видеть') 224x, 236g, 325Gs, 329v
 замотанный ('уставший') 91L
 замысливать 104g
 замыслить 104g
 замышлять 104g
 занимать (деньги) 475x, 607vx
 заниматься 408i, 482i
 занятый (о человеке) 91L
 запаковать 108g
 запаковывать 108g
 запах 366L
 заплатить 108g
 запоминать 355x
 запрашивать 212x
 запрещать 201x, 208ix, 213x, 222x, 224x, 229i, 343a, 356x, 551K
 запросто 315s

- заработать 226d
 зардеться (о лице) 367L, 373L
 зарекаться 200x
 зарисовать 306s
 зарисовывать 314s, 334iLv, 376rsx
 зарумяниться (о лице) 367L, 373L
 заручиться (поддержкой <согласием>) 342c
 зарыть 344ds
 засветиться (о глазах) 367L
 засевать 103g, 107-108g
 засеивать 103g, 107-108g
 засеять 103g
 засиять (о глазах) 367L
 заслушать (отчет) 111g
 заслушивать (отчет) 111g
 засмотреться 367x, 368g
 заставить (кого-л. за чтением газеты) 224x
 заставляя (отступать) 265f
 застигать 105g, 224x
 застигнуть 105g
 застичь 105g
 застрельщик 136-137ix, 159x
 заступаться за 306s
 застыть ('замереть') 306s, 361sx
 засылать (шпиона) 223x
 засыпать (что куда, что чем) 543K
 затравить 104g
 затравливать 104g
 затруднить 61G
 затруднять 61G
 затыкать (что куда, что чем) 543K
 заходить 224x
 захотеть 437g, 447g
 захотеть ('вознамериться') 30x, 39gx
 зацвести 59G
 зацветать 59G
 зачем 194-195Amx
 зачинщик 136-137ix, 144, 159x
 защищать 306s
 заявлять 200x, 551K
 заявляться 37Gx, 223x
 заяц *162
 звать (к себе) 201x
 звезды с неба (не) хватать 616K, 625K
 звенеть (об удочке) 542K, 548K
 • звучать (тревогой) 549K
 здесь 55ix, 205ix, 630x, *631, 633x, 636
 здоровенький 146x
 здорovouщий 147x
 здоровый 45mx, 91L
 здоровье 172x
 зеленеть (вдали з. лес) 643x
 земля 171x, 172x
 зенки 267s, 468x
 зимой 591x
 злить 368g, 378iv, 379iv, 382gx
 злоба 370g
 злость 371gx, 372x
 знак 170x
 знание 363x, 430d
 знать 38-39Gx, 55v, 149x, 150gv, 220G, 317Asx, 355x, 382gx, 405s, 406m, 408iLv, 409x, 410x, 411A, 412vx, 414x, *415, *416, *417v, 418vx, 419x, 420x, 421gms, 422Gv, 423-424v, 425Gv, 426Ai, 427L, 428iL, 430cd, 449x, *476, 481x, 488x, 505A, 607vx
 знать заранее 409x
 знать наперед 409x
 знать (не знать удержу) 625K
 зрачок 267x, 468x
 зрение 267x, 355x, 357x, 363x
 зреть ('видеть') 309sx, 325s
 зря 402L
 играть 107g
 играючи ('без усилий') 317s
 идеально 46i, 91L
 идти 35x, 36dGi, 149x, 220G, 355x, 469sx, 491
 идти (о жидкости) 308sx
 идти (о снеге) 331fK
 из (пространств.) 641-642x
 избирать 250-251gs
 изведать 420s
 известие 170x
 известно 410x, 430c
 известный 430d
 извещать 200x
 извинять 213x, (кому-л. проступок) 552K
 извиняться 202x

- издалека 640ч, 641х
 из-за (*пространство*) 641х
 из-за (*причина*) *476
 излечивать 108g
 излечить 108g
 изменить (*внешность*) 111g
 изменять (*внешность*) 111g
 изменять (*Родине*) 224х
 измерить 108g
 измерять 89х, 108g
 изможденный 305s
 измученный 305s
 измысливать 104g
 измыслить 104g
 измышлять 104g
 изнашивать 219G
 изображать (*о картине*) 481х
 израсходовать 493s
 изрекать 213х
 изумительно 77х
 изумление 372iLx, 371ix
 изумляться 439х
 изымать 543K, 607vx
 иллюзия 344d
 иметь 512sx
 иметь (*влияние*) 119fv
 иметься 38Gx
 иначе (мест.) 115-116L, 126L, 130L, 335iL, 402L
 иначе говоря (вводн.) 151х
 инициатор 136i, 159
 инсинуация 383гх, 468х
 интересоваться 212х
 интуиция 355х, 430d
 исклывать (*кого-л. из списков*) 224х
 искушать 355х
 исповедоваться 200х, 212х
 использование 344d
 использовать 340s, 342с, 343с, 344d
 испорченный 91L
 испытывать 420s
 испытывать гордость *454
 испытывать стыд *454
 исступление 360s
 иссякнуть 493s
 истина 430d
 истощиться ('израсходовать') 493s
 исчезать из виду 643х
 итак (вводн.) 151х
 ишак 172х, 317sx
 каждый 596х
 кажется (вводн.) 56х, 137х
 казаться 119vx, 342х, 375гх, 381гх, 384гх, 403к
 как (мест.) 115L, 126L, 185Agx, 188Agm, 335iL
 как (союз) 188A
 как (част.) 188A, 307i, 402L, 449-450х, 619-620A
 как будто (част.) 137-138х
 как говорят <знают, считают, утверждают> (вводн.) 56х
 как известно (вводн.) 56х
 как раз (част.) 441iK
 как сквозь землю провалиться 643х
 как только (союз) 335s
 какой 185Agx, 194-195Amx, 619-620A
 камень (*от страха*) 459L
 капитулировать 202х
 карий 267х, 268ir
 карлик 50а, 51а
 картина 43х
 картина (воображаемая) 344d
 касаться 224х, 235, 236г
 кататься 36Gx, 54
 катиться (*о жидкости*) 308sx
 катить 35Gx
 качать 219-220G, [221], 225х, 235, 236г
 каша 145х
 кашка 145-146х
 каюк 315s
 каяться 200х, 542K
 квадратный 44х, 46i
 квалифицировать ('рассматривать') 116vx, 126v
 кидать 80msv, 306s, 541Km
 кинуть (*что-л. в корзину*) 305s
 кисло 205ix
 кичиться 342х, 351х, 378гх, 549K
 клевать 224х, (*в спину/по спине*) 552K
 клеветать 148х, 211кx
 клеймить ('говорить') 362г

- клиент 344d
 клясться 38Gi, 200x
 клятва 379гх
 кобель 172х
 когда (союз) 117f, 119f, 126f, 130f, 132f, 204i, 226i, 238i
 когда (наречие) 185Amx, 194-195Amx, *476
 кожа 355х
 коза 170х, 172-173х
 козел 172-173х
 козочка 172-173х
 козырять 342х
 кокетничать (*своей наивностью*) 342х
 колбаска 146х
 колебаться 225х
 колоть (*о человеке*) <248>гс, 248-249, 355х, 378v, (*в руку vs. дрова*) 544Km, 552K
 командовать 201х, 549K
 комплимент 647х
 компромисс 623х
 конвульсии 361х
 конец 42х
 конечно (вводн.) 56х, 137-139х, *138, 191Ax, 206-207ix, 618iK
 консультировать 201х, 213х, 377iv, консультироваться 377iv
 контролировать 545v
 конфисковать (сов.) 104g, 607vx
 конфисковать (несов.) 104g
 конфисковывать 104g
 конфузиться 379iv, 381гх, 382гх
 кончать 29fv, *222
 кончатся 59G, (*о дороге*) 60G, 643-644Gx
 кончиться 59G, (*о дороге*) 60G, 643-644Gx
 конь *162
 копать 344-345ds
 копировать 376гсх
 копить 108g
 кормить обещаниями 340s
 короткий 44х, 45гх, 46i
 косить 109g
 костер 248г, <250>
 краска (*залила лицо*) 355х
 краснеть (*в траве к. цветы*) 643х
 красный 44mх, 45mх, 46-47г
 красоваться 342х
 красть 607vx
 кратко 205ix
 критиковать 212х, 351х, 375гсх, 376iv, 383гх
 кричать ('сообщать, преувеличивая значение') 53
 круг 45г
 кругленький 146х
 круглый 44х, 46i
 кружить 36Gx
 крутить (*головой*) 548K
 крутить (*кому-л. руки*) 551K
 крутить (*козью ножку*) 112g
 крыть ('ругать') 376iv, 378iv, 379гх
 крышка ('конец') 315s
 кстати говоря (вводн.) 151х
 кто 194-195Amx
 кто-то *476
 кубик 43х
 куда (наречие) 185Amx, 194-195Amx
 кукла 87g
 кунктатор 344d
 купить 68-69vx
 кусать 224х, (*кому-л. руку*) 552K
 кутать 108g
 лакей 172х, 317сх
 лакировать ('приукрашивать') 383гх
 лгать 148х, 211кх, 375гх
 лебезить 378гх
 левачить 171х
 левый 42х, 171mх, 172х, 639
 легко 315s
 лежать 355х
 лекарство 487d
 лекция (*всю лекцию спал*) 590х, 596х
 лень 131v, 530g
 лепить 109g
 летать 35Gx, 66iLv
 лететь 35Gx
 лето (*временной интервал*) 590х
 летом 591х
 лечение 487d
 лечить (*о враче*) 108g, 344d, 487d

- лечить (о лекарстве) 344d
ликование 369g, 371g, 372x, 381gx, 383gx
ликовать 334iv, 439x, 371g, 374sv, 380gx
лить (о дожде) 308sx
литься 308sx
лицезреть 378iv
лицо 84iv, 355x
лично 336As
лишаться (права) 223x
ловить 59G
ловить (кого-л. с поличным) 224x
ложиться (на диван) 543K
ломать (намеренно) 355x
ломать (случайно карандаш) 224x, 228x
лопнуть 457L
лужица 145x
лестить 351x
любить 38-39Ggx, 356x, 367x, 380gx
любоваться 367x, 368g
любовь 368g, 371g, 372x, 380gx, 545v
любопытность 351x
любопытство 351x
- мазать 149x
мазать (из кольца) 108g
мазила ('плохой художник') 383gx
малевать 306s, 314s, 334iLv, 376gsx,
383gx
малейший (нет ни малейших шансов)
616K
мало 186A
маловероятно 57i, 93, 613x
маловероятный 624ix
мальчик 172x
мальчишеский 172x
мальчишество 172x
манить 310sx
маслице 145x
масло 145x
мать 162x
махать 219G, 225x
мачеха 172x
маячить 643x
мгновение 235x
медикаменты 344d
медленно 204i, 226i, 238i, 343a
между прочим (вводн.) 151x
мелкий 44x, 46i
мелькнуть 378v
менять 108g
менять (внешность) 111g
менять (деньги) 111g
мерещиться 343c, 381gx
мерить (температуру) 108g
мерить (туфли) 111g
меркнуть *346
мертвец 87g
мертвый 168x
месты (пол) 105g, 109x, 111g, 327gs
месяц 235x
метать 306s,
мечта 111g
мечтать 311x, 324gx, 374-375iv, 380gx,
435s, 438g, 439gx, 443x, 444x, 445x,
446Km, 447g, 448K, 449iL, 480x
мечтаться 342x
мешать 61G, 541Km
мигалки ('глаза') 267s
мигать 225x, 547K
минута (интервал) 590x, 596x
мираж 344d
младший 172x
мнение 122diL, 363x, 403d
мнимый 344d
мнить ('считать') 322s, 390s
множиться 105-108g, 111g
мобилизовать (сов.) 105g
мобилизовать (несов.) 105g
мобилизовывать 105g
мобилизовать (волю, мужество) 276x
может быть (вводн.) 56x, 137x, 191Ax
можно 131v
мокреный 146x
молить 200x
молоко 145x
молотить (кого-л. по спине) 552K
молоть 109g
молочко 145-146x
момент 235x
моргать 225x, 547K
мочь 191-192Amx, *476, 606im
мужчина 146x
мужской 172x
мурашки 355x

- мучительно ('очень сильно') 449x
 мучиться 66v
 мы 153x
 мыслить ('рассматривать, считать')
 116vx, 126v, 322s, 399s
 мысль 403d
 мыть <89>
 мышь *162x
 мямлить 212x
- на 55ix
 на + вин. (на два года) 475x
 на вкус (быть на вкус) 358x
 на (особом) положении 117L, 127L,
 130L
 на ощупь (быть на ощупь) 358x
 набивать 59G
 набить 59G
 наблюдать (за полетом vs. за порядком)
 544Km
 наблюдение 27Lm
 наведаться 375rsx
 наверно(е) 137-138x
 наверху 640x, 641x
 навещать 224x, 375rsx, 380gx
 ногой 308sx
 наготавливать 104g
 наготовить 104g
 надежда 344dm, 356x, *362, 368r, 370r
 надеяться 31gx, 308sx, 310sx, 312-313s,
 340s, 343a, 344d, 356x, 367x, 376iv,
 380gx, 382gx, 439x, 444x
 надо 131v
 надо думать (вводн.) 191Ax
 надругательство 546v
 назначать 202x, 222x, 224x, (пенсую
 кому-л.) 550K
 называть 202x
 наиграться *222, 223i
 наитие 409x, 430c
 найти ('счесть') 392g
 наказывать 201x
 накапливать 108g
 накладывать вето 201x
 наклеен 319-320s
 накопать 344ds
 накопить 108g
- накапливать 108g
 накрывать (кого-л. на месте преступления) 224x
 налетать 541Km
 намеренно 229i
 нанимать (дачу) 607vx
 наобещать 344d
 наобещать с три короба 340s
 нападать 224x
 напоминать ('говорить') 200x
 напоминать ('быть похожим') 310sx
 напрасно 402L
 натячь (волю, силы) 276x
 нарезать (сов.) <89>, 103g
 нарезать (несов.) 103g, 173x
 нарезывать 103g
 нарекать 202x
 нарушать (правило) 224x, 343a
 нарыть 344ds
 насытить *156-157
 настаивать 201x
 настигать 105g
 настигнуть 105g
 настичь 105g
 настоящий 186Am, 505-506Amx,
 507AKm
 насчитывать (5000 жителей) 69vx
 натравить 103g
 натравливать 103g
 натравлять 103g
 научиться (чему-л. у/от кого-л.) 607mv
 нахваливать 213x
 находить (какую-л. вещь) 219G, 220Gi,
 223x, 228x, 233x, 235, 236r
 находить (кому-л. приличную партию)
 551K
 находить ('считать') 37G, 115-117vx,
 121-122gv, 126v, 128-131Lv, 132v,
 150gx, 317Asx, 322s, 325s, 328-329iv,
 331x, 334i, 335iL, 384gx, 389s, 392gx,
 393x, 395x, 396x, 400gK, 401K, 402iL,
 403L, 410x, 489x, 505A
 находиться (локатив.) 18h, 512sx
 находиться (служеб.) 27f
 начало 42x
 начать 89g
 начаться (о событии) 58G

начаться (о дороге) 61G, 643Gx
 начинать 29fv, 30, 89g, 123im, 151x,
 337iL, 402L
 начинаться (о событии) 58G
 начинаться (о дороге) 61G, 643Gx
 не 68-71x, 88f, 94x, 208ix, 490x, 613i
 не переводя дыхание 625K
 не помнить себя 625K
 не преминуть 616K, 625K
 не спускать 625K
 неблагодарный 53
 небо 171x, 172x
 небрежно 205ix
 невдомек 430d
 неведение 430d
 неведомо 430d
 невероятный 624x
 невозможный 117L
 негативно 77x, 122iL
 недавно 185gx
 недалекий 315-316s
 недалеко 624ix, 640x, 641x
 неделя 235x, (интервал) 590x, 596x
 недолго 204x, 226i, 238i, 590x, 594i, 596x
 недопустимый 117L, 131v
 недоставать 306s
 недосуг 131v
 неизвестный 430d
 неистовство 361x
 нельзя 71
 немедленно 205ix, 216i
 немного 186A
 ненавидеть 38-39Ggx, 356x
 ненависть 368г, 369г, 371ig, 372x, 382гx,
 545v
 необходимо 471
 необходимость 117L, 118g, 131v
 необходимый 117L, 335i, 402iL
 неплохо 77x, 122iL
 неплохой 122iL
 неприлично 184x
 непринужденность <249>
 непристойно 184x
 неприязнь 371Lg, 545v
 нередко 186A
 несдержанность <249>
 нескромность 344d

несмотря на 471x
 несмотря на то что 187-188Ag
 несомненно (вводн.) 56x, 137x, 207ix
 нести 35Gx, 54, 55m
 неужели *49, 50, 194Ax
 неуместный 117-118gL
 неясный 117L
 низ 42пх, 43m
 низкий 44x, 45гx, 46i, 91L, 343a, 509L
 ниже 640x, 641x
 нижний 42x, 43m (нижняя часть), 172x
 никогда 624ix
 нищий 624ix
 но *169x
 ножища 146x
 ножка 145x
 нос 355x
 носить 35Gx
 ночь 235x, (интервал) 594m
 нравиться 368г, 380гx
 нужда (большая и малая) 355x
 нужно 131v
 нужный 329i, 335i, 402iL
 ныть ('жаловаться') 213x, 306s, 322s,
 323x, 383гx
 нюхать 357x, 361г

 оба 623x
 обвинять 201x, 379гx, 383гx
 обдумывать 380гx
 обед (временной интервал) 590x, 596x
 обернуть 104g
 обеспечить (кого чем) 551K
 обессилевший 91L
 обет 344d
 обещание 344d, 379гx
 обещать 200x, 208x, не обещаю 208,
 219x, 340s, 342c, 344d, 351x, 356x,
 374s, 376rsx, 377iv, 380гx, 470, 473
 обещать золотые горы 340s
 обещать с три короба 213x
 обида 647x
 обижаться 378iv, 381гx
 облегчать (кому-л. условия труда) 551K
 обличать ('говорить') 375rsx
 обман зрения 344d
 обмануть 59G

- обмануться 383gx
 обманывать 59G, 211kx
 обманывать (*что обмануло кого*) 343c
 обманываться 308sx
 обменивать 108g
 обменять 108g
 обнаженный 308sx
 обнаруживать (*пропавшую вещь*) 223x
 обнаружить 188x
 обнимать 31x
 обогревать (*помещение*) 305s, 544g
 обожание 372x
 обождать 324g
 обоняние 355x, 357x, 363x
 обонять 357x, 358x
 оборачиваться (*лисой*) 549K
 оборваться (*о дороге*) 61G, 644Gx
 образ 344d
 образовать (сов.) 105g
 образовать (несов.) 105g
 образовывать 105g
 обрезать <89>
 обрывать ('говорить в резкой форме') 212x
 обрываться (*о дороге*) 61G, 644Gx
 обходить 542K, (*танк vs. реку*) 544Km
 обходить (*закон*) 224x
 общеизвестный 430d
 объявлять 132v, 200x, 202x, 356x
 объявляться 223x
 объяснить 212x
 обязан 71sx
 обязательный 335i, 402iL
 обязательство 379gx
 обязывать 224x
 обязываться 200x, 374s, 379gx, 380gx
 оговаривать 211kx
 огорчаться *454, *463
 ограждать ('защитить') 306s
 одалживать 475x
 одергивать 212x
 одерживать 90fv
 одеть (*окрестности* <о тумане> vs. *ребенка*) 544Km
 один 186A
 однако *169x
 одобрять 201x, 208x, 273rv
- ожидание 344d
 ожидать 306s, 324g, 328gs, 332Kvx, 343c, 379gx
 озарение (*умственное*) 355x, 382gx, 409x, 430d
 озариться (*о лице*) 367L, 372L
 озарять (*о мысли*) 224x, 409x
 оказаться (*о, что вы правы*) 493s
 оказывать 90fv
 оказываться (*в другом месте*) 224x
 оказываться (*все оказалось просто*) 224x
 окаменеть 306s, (*от ужаса*) 361sx
 околеть 141m
 около 55ix, 531x
 окулист 267x
 он 153x, 647x
 она 153x, 647x
 онеметь (*от страха*) 459L
 опаздывать (*на два часа*) 222x, 224x
 опасаться 382gx, 546v
 опасение 455r
 оперировать 344d
 опоминаться 224x, 233G
 оправдывать 202x
 оптимизм 344d
 опубликовать 109g
 опубликовывать 109g
 опустить 542K
 оранжевый 44x, 46i
 орать 212x
 организовать (сов.) 105g
 организовать (несов.) 105g
 организовывать 105g
 орудие 344d
 оружие 344d
 осаживать 212x
 осведомляться 212x
 освободить 202x
 освоиться 310sx
 осел ('животное') 160ix, 171mx, 317sx
 осел ('человек') 160ix
 осенять (*о мысли*) 355x, 382gx, 409x
 осень (*врем. интервал*) 590x
 оскорбить 378iv
 оскорблять 202x
 осмысливать 103g, 488g
 осмыслить 103g, 488g

- осмыслять 103g, 488g
 осознать 355x
 оспаривать 201x
 оставлять (*состояние кому-л.*) 550K
 оставлять (*ребенка у друзей*) 224x
 останавливать 103g
 остановить 103g
 остановка 75m
 останавливать 103g
 остерегаться 546v
 остолбенеть 306s, 361sx
 остороженько 146x
 осторожно 205ix
 остричь <89>
 осуждать ('говорить') 201x, 383gx
 осциллировать 225x
 осязание 355x, 357x, 363x
 осязать 358x
 от 531x
 отбирать (*билеты у пассажиров*) 607vx
 отвергать 202x
 отвечать ('давать ответ') 212x
 отвечать (*требованиям*) 111g
 отводить 202x
 отворять (*кому-л. дверь*) 552K
 отвращение 369g, 382gx, 460L, 463, 545v
 отвыкнуть 319Aa, 516v
 отговорить (*отговорила роща...*) 226d
 отдыхать 39x, 355x
 отзыв 77di
 отзываться 77di, 122iL
 отказываться 201x, 202x, 208x
 откликаться 224x
 отключка 361x
 отколоть 344ds
 открывать (*закон природы*) 223x
 открываться ('признаваться') 200x
 откуда 194Amx
 отличаться 516v, (*от кого-л. по характеру*) 587v
 отлучать 202x
 отобилизованный 91L
 отмыть <89>
 отнимать 541Km, 543K, 607vx
 отнимать (*кому-л. ноги*) 551K
 относиться (*к семейству, классу*) 481x
 отпирать (*кому-л. дверь*) 552K
 отпускать (*кого-л.*) 224x
 отпускать (*грехи*) 202x, 552K
 отработать (*свое*) 226d
 отравить (*мужа/существование*) 104g, (*крыс*) 112g
 отравлять (*мужа/существование*) 104g
 отравливать (*крыс*) 112g
 отрезать <89>
 отречься 202x
 отрицательно 77x, 122iL
 отрицательный 475L
 отрицать 57i, 93, 200x, 613x
 отругать 342c
 отрывать (*стрекозе крылья*) 551K
 отрыть 344ds
 отставать 60G
 отстаивать 306s
 отсталый *156
 отстать 60G
 отстирать <89>
 отстричь <89>
 отступаться 202x
 отсутствовать 343a
 отсылать (*кого-л. обратно*) 223x
 отсюда 630x
 оттого что 188A
 оттуда 630x
 отцвести 59G
 отцветать 59G
 отчаиваться 356x
 отчаяние 356x, *362, 368g, 370g, 371x, 372iLx
 отчим 172x
 отчитывать ('ругать') 378iv, 383gx
 охарактеризовать 74-75imv, 76iv, 77-78x, 122iL
 охота ('хочется') 530g
 оцепенеть 306s, 361sx, 366L
 очевидно (вводн.) 56x, 137x, 207ix, 416
 очевидный 132v
 очень 307i, 449x, 622-623iL
 очи 267s, 468x
 очки 267x
 очнуться 226g
 ошибаться 308sx, 344d
 ошибка 117-119gL, 131v, 329i, 344d, 380gx

- ошибочно 344d
 ошибочный 117L, 131v,
 ощупывать 358x
 ощущать 365m
 ощущать вкус 357x
- паковать 108g
 палец о палец (не) ударить 616K, 625K
 палить ('стрелять') 173x
 пальцем (не) шевельнуть 616-617K,
 625K
 память 363Lx
 паника 360sx, 370г, 381гx
 пасынок 164mx, 169m
 пахать 109g
 пахнуть 357x, 358x, 549K
 пациент 487d
 пенять 201x, 322s
 первый 42x
 перебить (кому-л. плечо) 551K
 перебой (в работе) 475x
 перевернуть 103g
 перевертывать 103g
 переворачивать 103g
 перед (предлог: 'место') 40-41m, 42m,
 384x
 перед (сущ.) 42x
 передний 42x, 43-44m
 передовой *156
 переждать 324g
 переждать 306-307s, 324g, 332v
 перекопать 344ds
 перекур 475x
 перелететь 18h
 перемена (в школе) 475x
 перемирие 475x
 перемыть <89>
 переночевать *222, 223i
 переплыть 18h
 переправиться 18h
 перепрыгнуть 18h
 перепутать 108g
 перепугывать 108g
 перерезать <89>
 перерыв (на обед) 475x
 перерыть 344ds
 переставать 29fv, 30
- перестирывать <89>
 переступить 18h
 пересылать 223x
 переходить (к заключению) 151x
 перечить 201x
 пес 173x
 пестреть 107m
 петлять 36Gx, 469
 петух 159x, 160mx, 174-175mx
 петушинный 160
 петушиться 160
 петушок 164x
 печалиться 368г
 печально 372s
 печь (кому-л. спину; о солнце) 552K
 пилить 172mx, 489x
 пилить ('ругать') 374s, 376iv, 378ivx,
 383gx
 писать 149x, 481x
 писать (картину) 306s, 314s, 334iLv,
 375rsx, 376rsx, 378v, 383gx
 писаться 481x
 письма 170x, 317sx
 питаться 380gx
 плавать 35Gx
 плавиться 109g
 плакать 206ix
 плакаться 213x, 308sx, 322s, 377gx, 383gx
 плакаться в жилетку 340s
 платить (долги кому-л.) 550K
 пленять 308sx
 плести 109-110g
 плестись ('идти') 469
 плохо 77x, 122iL, 206ix, 328i
 плохой 44x, 46i, 122iL, 168iLx, 475L,
 *476
 плыть 35Gx, 66iLv
 по + дат. 80-81fi
 побагроветь (от гнева) 362г, 367L, 373L
 победать 224x
 побеспокоить 544g
 побивать (врага) 106g
 побивать (рекорды) 111g
 побить (врага) 106g
 побить (рекорды) 111g
 по-божески 171x
 побыть 596x

- повадиться 310sx, 319As, 330K, 331K,
 335Kг, 379гх, 382гх
 по-вашему (вводн.) 56х
 повесить 55v
 повернуть (о дороге) 61G, 644Gх
 по-видимому 137х
 поворачивать (о дороге) 61G, 644Gх
 по всей вероятности 56х
 повторять 151-152х
 погаснуть (о взгляде) 367L
 погибель 315s
 поглощенный 91L
 погрузиться 539mv
 подавать в отставку 202х
 подбивать ('говорить') 212х
 подбирать ('выбирать') 250-251gs
 подводить (кого-л.) 224х
 подглазье 267х, 268г
 подглядеть [221]
 подглядывать [221]
 подговаривать 212х
 подготавливать 103g
 подготовить 103g
 подготавливать 103g
 поддерживать 545v
 поджарый <273>
 поджидать 306s, 317sx, 324g, 379iv, 380гх
 подкопать 344ds
 подлизываться 379гх
 подмести 105g, 106g, 109х, 111g
 подметать 105g, 106g, 109х, 111g, 327gs
 подмывать (о желаниш, безл.) 355х
 подниматься 93G
 подобострастный 351х
 подогреть (пищу) 305s, 544g
 подождать 306-307s, 324g, 380гх
 подозревать 115-117vx, 126v
 подозревать ('догадываться') 355х, 429х
 подольщаться 379гх
 подохнуть 141m
 подплыть 37G
 подрезать <89>
 подрыть 344ds
 подслушать [221]
 подслушивать [221], 351х
 подсматривать 351х
 подсеивать 488g
 подсеять 488g
 подсоблять <250>s
 подтверждать 200х
 подумать ('счесть') 392g, 515Lх
 подхватывать (простуду) 223х
 подходить 37G, 544Km
 подчеркивать 151х, 200х
 пожалуй (вводн.) 56х, 139х
 пожелать 39g, 437g
 позавчера 235х, 630х
 позапрошлый 630х
 позволять 65g, 551K
 позволять 201х
 поздно 184х
 поздравлять 202х
 позировать ('рисоваться') 342х, 378iv
 позитивно 77х, 122iL
 познаться 55v
 поискать 226d
 поймать 59G
 пока (союз) 204i, 226i, 238i
 показаться ('войти в поле зрения') 378v,
 384гх
 показывать (свою храбрость) 351х
 показываться ('входить в поле зрения')
 643х
 покидать (родимый дом) 224х, 468m
 покинуть 17hx
 покойник 87g
 покраснеть (о лице) 367L
 покупать 543K, 607vx
 полагать 115vx, 121-122v, 128v, 317Asx,
 322s, 325s, 328-329iv, 330-331K, 334-
 335iL, 337iKL, 355х, 384гх, 389sx,
 393х, 395х, 396х, 400gK, 401K, 402iL,
 410х, 489х, 505A
 полагаться 310sx, 312s, 382гх, 379gv
 поле 350х
 полежать 596х
 полезный 131v
 полено 43х
 полностью 91L
 полный 623i
 положительно 77х, 122iL
 положительный 475L
 получать (по заслугам) 223-224х

- получить (*наследство*) 607vx
 получить (*приказ*) 607mv
 получаться (*получается, что*) 224x,
 379vx, 493s
 получиться ('*выйти*', *безл.*) 316s,
 (*неприятность*) 493s
 получиться (*из них получатся специали-*
сты) 493s
 получиться (*роман п.*) 493s
 пользователь 344d
 пользоваться 376iv
 полюбить 39g
 поменять 108g
 помешать 61G
 поминать *недобрым словом* 340s
 по мнению <*по словам, по убеждению*>
кого-л. (вводн.) 56x
 помнить 355x
 помогать <250>s, 545v
 по-моему (вводн.) 56x, 57i
 помыкать 351x
 Понедельник (*врем. интервал*) 590x
 понимание 363x
 понимать 38-39Ggx, 149x, 150gv, 224x,
 317Asx, 322s, 355x, 356x, 380gx, 382gx,
 413x, *414, 471x
 поносить ('*ругать*') 374s, 376iv, 378iv,
 379gx,
 понять 39g, 55v, 56x, 615Ls
 попадать (*в руки*) 224x
 попадать (*в цель*) 224x
 попасть (*кому от кого, безл.*) 342c
 попенять 324
 поработать (*две минуты*) 226d
 поранить 81iv
 порезать 81iv
 порицать 201x, 383gx
 порождать (*неуверенность*) 266f, 306s
 порожний 309sx
 порочить 375tsx
 поручать (*сопровождение груза*) 201x
 поручать (*кому-л. своих детей*) 202x
 порхать 36Gx
 порыв <250>
 порывать (*с кем.*)
 по-свински 165x
 посвящать (*кому-л. стихи*) 202x
 посвящать (*в рыцари*) 202x
 поселить 55v
 поселиться 55v
 посещать 224x, 375tsx, 380gx
 поскальзываться 224x
 послать 82v
 после *476
 последний 42x
 послезавтра 235x, 630x
 посмотреть ('*счесть*') 327gs, 392g
 постепенно 72-73i, 204i, 226i, 238i
 постигать 105g
 постигнуть 105g
 постичь 105g
 построить 106g, 108g
 поступать ('*иметь место*') 94vx
 посулы 344d
 посчитать ('*счесть*') 39g, 392g
 посылать (*кому что*) 550K
 посылать (*кого-л. за хлебом*) 223x, 380gx
 пот 355x, 365g
 по-твоему (вводн.) 56x
 потемнеть (*о лице*) 367L, 373L
 потеря самообладания 361x
 потерять голову 360sx
 потом 441i
 потому что 187A
 поторопиться 186-187A
 потухнуть (*о взгляде*) 367L
 похвальба 344d
 похищать 607vx
 походить ('*быть похожим*') 310sx
 похож 310sx
 похожий *476
 похолодание 23
 похолодеть (*от страха*) 368L
 поцарапать 81iv
 почему 194-195Atx
 почернеть (*от горя*) 373L
 почесать 81iv
 почитать ('*читать некоторое время*')
 *222
 почитать ('*считать*') 322s, 399x
 почти 624ix
 появиться ('*войти в поле зрения*') 378v
 появляться ('*приходить*') 37Gx
 правда (тж. вводн.) 56x, 57i

- правильно 335L, 402L
правильный 329i
правый 42x, 161mx, 171x, 172x, 639
превозносить 201x, 213x
превосходить (*на 5 процентов*) 69vx
превосходно 77x
предавать (*товарища*) 224x
предвещать 201x
предельно 91L
предлагать 201mx
предостерегать 149x, 201x, 381gx
предписывать 551K
предполагать (тж. вводн.) 57i, 115-116vx, 121-122v
предпочитать 355x
предрекать 201x
предсказывать 201x, 211ikx
представлять (*мысленно, себе*) 355x, 375rsx, 382gx, 429x
представляться (безл., *о мнении*) 403c
представляться (*в мечтах*) 342c, 384gx
предупредительный 351x
предупреждать 149x, 201x, 356x, 381gx
преждевременный 121iL
преклонение 546v
преклоняться 545v
прекословить 201x
прекрасный 475L, 624x
прекратиться 59G, 249
прекращать 29fv
прекращаться 59G
преобразовать (сов.) 105g
преобразовать (несов.) 105g
преобразовывать 105g
преодолеть 18h
пререкаться 201x, 213x
прерывать (*разговор*) 224x
пресловутый 160iLx, 163x
пресмыкаться 382gx
преступать (*закон*) 224x
прибегать 37Gix, 223x, 592ix, 610i
прибивать 52-53gv, 378v
приближаться 223x
привезти 229i, 551K
привести 229i, 551K
привести к (*быть причиной*) 14s
приветствовать 202x
прививать 342x
привлекать (*ее голову к себе на грудь*) 225x
привлекать (*интересовать, занимать*) 308sx, 310sx
приводить 37Gimx, 219G, 223x, 592ix, 610i
приводить (*к путанице*) 266f
привозить 37Gix, 219G, 223x, 592ix, 610im
приволакивать(ся) 223x
привыкнуть (*приучиться*) 310sx, 311, 319As, 330K, 331K, 335-336Kг, 382gx, 472m, 516v
привыкнуть (*свыкнуться*) 310sx, 311
приглашать 149x, 201x
приговаривать 202x
пригонять 37Gix, 223x
приезжать 219G, 223x, 592ix
приехать 229i, 643x
прижиться 310sx
призвать (*всю волю, все мужество*) 276x
признавать 115vx, 117-118gv, 121-122v, 126-132v, 201x
признаваться 200x
призывать 201x
прийти 229i, 643x
приказывать 149x, 201x, 213x, 310sx, 356x
прикидываться 375gx
приклеивать 378v
прикреплять 53gv
приладиться 310sx, 375rsx
прилеплять 378v
прилетать 37Gix, 223x, 592ix, 596x, 610i
прилипать 59G
прилипнуть 59G
применение 344d
примениться (*приноровиться*) 310sx, 375rsx
применять 376iv
примерещиться 344d
примерить (*туфли*) 111g
примерять (*туфли*) 111g
примыкать (*динамичное*) 225x
примысливать 104g
примыслить 104g

- примышлять 104g
 принести 643x
 принимать (*хлеб-соль из чьих-л. рук*) 225x
 принимать ('предполагать') 115-116vx, 122v
 принимать за ('считать, рассматривать') 322s
 приноровиться 310sx, 375rsx, 380gx
 приносить 37Gix, 219G, 223x, 592ix, 610im
 приносить (*несчастье*) 266f
 приноситься 223x
 принуждать 224x
 приобретать (*право*) 223x
 приохотиться 310sx, 330K, 331K, 335Kг, 382гх
 приплетаться 223x
 приплывать 37Gix, 223x, 592ix, 610i
 приползать 223x
 прислать (*посыльного*) 551K
 прислоняться (*динамичное*) 225x
 приспособиться 310sx
 пристать (*не пристало*) 625K
 пристраститься 310sx, 330K, 335Kг, 382гх
 приступать 59G
 наступить 59G
 присутствовать 343a
 присылать 223x, 592ix
 присяга 468x
 присягать 200x, 377iv, 379gx
 притаскивать 37Gix
 притворяться 375гх
 притереться ('привыкнуть') 378гх
 притерпеться 310sx
 притрагиваться 225x
 притягивать ('манить') 310sx
 приучиться 310sx, 330K, 331K, 335-336Kг, 382гх
 прихвастнуть 344d
 приходить 37Gimx, 219G, 220Gi, [221], 222i, 223x, 230G, 235, 236г, 592ix, 596x, 610im
 приходить в чувство 226g
 причина 14s
 причинять (*боль*) 266f
 приютить(ся) 226g
 пробивать (о часах) 106g, 109-110g
 пробить (о часах) 106g, 109-110g
 пробить (*кому-л. плечо*) 551K
 пробить (*зорю*) 305s
 пробовать ('пытаться') 312s, 375-376rsx, 384гх
 пробовать (*на вкус*) 358x, 361г
 пробраться 141m
 пробуждать (*чувства*) 306s
 побыть 596x
 провалить (*снег п. крышу*) 544Km
 проведать ('посетить') 375rsx
 проведать ('узнать') 430d
 пров'идение 430d
 провозглашать 132v, 200x, 202x
 прогнозировать 201x, 211ikx
 прогресс *156
 продать 68-69vx
 продлиться 107g
 продолжать 29fv, 30
 продолжаться 402L
 продумывать 380gx
 прождать 69vx, 306s, 324g
 прожить (*2 недели*) 69vx
 прознать 430d
 прозрение 409x, 430c
 проиграть (*весь сезон*) *222
 проигрывать (*фигуру*) 224x
 произведение 383гх
 производить 91fv
 произойти (о неприятности) *476, 493s
 проискать (*два часа*) 226d
 проистекать 224x, 379v
 проистечь ('быть причиной') 14c
 происходить ('иметь место') 94vx, 224x, 379vx
 пройти (о дороге) 644Gx
 прокартавить 31x
 проклинать 202x
 прокопать 345ds
 пролежать 596x
 промазать (*из кольца*) 108g
 промазывать (*из кольца*) 108g
 промахиваться 225x
 промелькнуть 378v
 промыть <89>

- проработать (*два года*) 226d
 прорезать <89>
 пророчить 201x
 прорыть 345ds
 просить 149x, 200x, 203x, 204x, 214,
 241x, 356x, 380gx
 прослушать (*курс лекций*) 109g
 прослушивать (*курс лекций*) 109g, 110G
 простирать <89>
 прострация 361x
 просчитаться 383gx
 просьба 546v
 протестовать 201x
 противопоставлять (*что-л. чему-л.*)
 552K
 противоречить 201x
 проходить (*о дороге*) 644Gx
 прочитать (*книгу*) 112g
 прочитывать (*книгу*) 112g
 прочный 648x
 прошенелявить 31x
 прошлый 630x
 прощать 202x, 213x, (*проступок vs. долг*)
 544Kт, (*проступок*) 552K
 прощаться 202x
 прыгать (*в высоту*) 225x
 прыгать (*от радости*) 362g
 публиковать 109g
 пугаться 381gx, 546v
 пускать (*кого-л. гулять*) 224x
 пускать (*лошадей вскачь*) 224x
 пускать (*кому-л. кровь*) 551K
 пускать в ход 340s
 пускать в дело 340s
 пускаться ('начинать') 29fv
 пустой 309sx, 623i
 путать 108g
 пучить (*глаза*) 267x, 268ir
 пылать (*негодованием*) 549K
 пытаться 312s, 375-376rsx, 384gx
 * пялить (*глаза*) 267x, 268ir
 пятнышко 145x
 работа 596x
 работать 149x, 220G, 355x, 481x, 594x
 работаться 481x
 равен 70x
 равняться 70x
 рад 367x
 радоваться 334iv, 356x, 367x, 368g, 371g,
 374-375iv, 376rsx, 380gx, 439x
 радость 117L, 131v, 329i, 372x, 367x,
 368g, 369L, 370g, 371g, 380gx, 381gx,
 383gx, *456
 радужная оболочка 267x
 разбивать 59G, (*о посуде*) 106g, 228x,
 305s, 541Kт
 разбивать (*врага*) 305s
 разбивать (*случайно витрину*) 224x, 228x
 разбить 59G, (*о посуде*) 106g, 305s
 разбить (*врага*) 305s
 разбудить 59G
 разве *49, 50, 193-194Ax
 разделять 306s
 разглашать (*тайну*) 224x
 разглядеть 65g
 разглядывать 65g
 раздавить 110g
 раздавливать 110g
 разлука 382gx
 разлучать (*влюбленных*) 225x
 разлучиться 374iv, 378iv, 379gx, 383gx
 разменивать (*деньги*) 111g
 заменять (*деньги*) 111g
 разогреть (*пищу*) 305s
 разозлиться 375iv
 разойтись 59G, 374iv, 378iv, 379gx
 разрезать (сов.) <89>, 103g
 разрезать (несов.) 103g
 разрезывать 103g
 резрешать 149x, 201x, 208ix, 213x, 224x,
 229i, 343a, 551K
 разрывать (*сухожилие*) 224x
 разрывать (*отношения*) 225x, 229x
 разрыть 345ds
 разузнать 430d
 разумеется (вводн.) 56x, 57i, 93v, 137-
 138x, 191Ax, 206-207ix
 разумный 117L, 119gL
 разъяриться 374-375iv
 ранить 81iv, (*кого-л. в голову*) 552K
 рано 184x
 раскопать 345ds
 расписывать 342x

- расплавиться 109g
 расплавляться 109-110gG
 распорядиться 374v
 распоряжаться 201x, 213x, 310sx, 351x
 распоряжаться (*средствами*) 549K
 расправа 546-547v
 распрощаться 378iv, 379gx, 383gx
 распускать 540m, 541m
 рассеять 103g
 посеять 103g
 рассердиться 374-375iv
 рассеять 103g
 рассказывать 200x, 213x, 551K
 рассматривать ('читать') 115-116vx,
 122L, 322s, 325s, 329v, 334iLv, 335iL,
 365s, 389s, 392gx, 393Kx, 397gx, 398x,
 400g, 401KL
 рассчитан (*на 100 зрителей*) 69vx
 рассчитывать ('надеяться') 310sx, 312s,
 382gx
 растаивать 109-110gG
 расстаться 374iv, 382gx
 растаять 108g, 110g
 растеряться (*состояние*) 360sx
 расти 110g
 растравить 103g
 растравливать 103g
 растревлять 103g
 расхваливать 201x
 расхвастаться 344d
 расходиться 59G
 расценивать 115-116vx, 122L, 126v
 расчесать (*волосы*) 112g
 расчесывать (*волосы*) 112g
 расчленять 306s
 рвать (*кому/л. зубы*) 551K
 реагировать 355
ревность 70g, 71L, 370g, 371L
 редко 186A
 резать <89>, 172-173mx, 355x, 541Km,
 (*кому-л. бороду*) 551K
 рекламировать 342x
 рекомендовать (*кому-л. что-л.*) 201x,
 203x, 324g, 326gG, 377iv, 551K
 рекомендовать (*кому-л. кого-л.*) 201x,
 550K
 рецензия 475-476iL
 речение 170x
 решать (*задачу*) 59G, 60x, 220G
 решать ('считать, счесть') 322s
 решить (*задачу*) 59G, 60x
 рисовать 306s, 314s, 334iLv, 355x, 375gsx,
 376rsx, 378v
 рисовать в воображении 340s
 рисоваться (*своей храбростью*) 351x,
 378iv, 342x, 549K
 рисоваться (*в воображении*) 342x
 робот 87g
 рождать 306s
 ронять (*платок*) 224x
 роптать 306s, 308sx, 322s, 374isv, 377v,
 383gx
 рубить <248>rs, <250>, 355x, 378v, 489x,
 (*кому-л. голову*) 551K
 рубить (*избу*) 107g
 ругать 202x, 273rv, 340s, 356x, 374s,
 376ivx, 378ivx, 383gx
 руководить 549K
 ручаться 380gx
 ручища 146x
 рыть 344-345ds
 рядом 624ix

 с восторгом 372mx
 с грустью 372mx
 с радостью 372mx
 с тех пор 204ix, 238i
 с тоской 372mx
 с тревогой 372mx, 367x
 с энтузиазмом 205ix
 сам 336Ams
 самовосхваление 344d
 самолет 43x
 самореклама 344d
 санкционировать 201x
 сахар 146x
 сбежаться 38x
 сберегать 109g, 110G
 сберечь 109g
 сбивать (*с ног*) 224x
 сбивать (*масло*) 106g, 111-112g, 305s
 сбиваться (*кучей*) 549K
 сбить (*масло*) 106g, 111g, 305s
 сбрасывать (*чемодан*) 224x

- сваливаться (с верхней полки) 224
 сведения 430с
 свежак (ветер) 173х
 сверкать (о глазах) 367L, 373L
 сверкать (юмором) 542K, 549K
 свернуть (кому-л. челюсть) 551K
 свет 172х
 светить *346
 светить (о звездах) 305s
 светиться *346
 светиться (о звездах) 305s
 светиться (о глазах) 367L, 372L
 светиться (сединой) 549K
 свивать 109-110g
 свидетель 351х
 свидетельство 416
 свидетельствовать 200х
 свинский 165х
 свиństwo 165х
 свинтус 165х
 свинушник 165х
 свинячить 165х
 свињья *161-162х, *163мх, 164х, 165d,
 172х, *174-175m
 свить 109-110g
 свыкнуться 310хх
 связать 105g, 106g, 109х, 110g
 связать себя словом 340s
 связывать 105g, 106g, 109х, 110g, (кому-
 л. ноги) 551K
 гибать (пятак) 111g
 сгонять 379гх
 сгорать 111-112g
 сгореть 111g
 сдавать 475х
 сдаваться 202х
 сдаваться ('казаться', безл.) 384гх
 сдать 68-69вх
 сдвигать 59G
 сдвинуть 59G
 сделать 106-107g
 сдирать (втридорога) 111g
 сегодня 235х, 630х
 сей (мест.) 596х
 сейчас 205ix, 630х, *631, 632х, 633х, 636
 сейчас же 205ix, 216i
 секунда 590х, 596х
 семенить 469
 сердить 378iv
 сердиться 356х, 367х, 381гх
 сердце 160-161imх, 355х, 356х
 сердцебиение 355х, 365г
 сестра 168iLх
 сетовать 212х, 306s, 308sx, 320-321s,
 322s, 374isv, 375rsx, 377гх, 383гх
 сеточка 146х
 сжаться (от страха) 459L
 сжимать (кому-л. сердце) 551K
 сжиться 310sx, 375rsx
 сзади 640х, 641х
 сживать 38Gх, 65g, 91g
 силиться 312s, 384гх
 символ 170х
 симулировать 375гх
 сиять (о глазах) 367L
 сиять (чистотой) 549K
 сказать 27g, 107-108g, *416, *476, 505Ax
 скапливать 108g
 скашивать 109g
 склонен 337iL, 403L
 сколько 185gx, 194Amх
 скопить 108g
 скоплять 108g
 скорбь 455г
 скорее всего (вводн.) 137х
 скорость 83вх, 510m
 скосить 109g
 скотина 141m
 скрипеть (зубами) 548K
 скромничать 343a
 скрутить (козью ножку) 112g
 скручивать (козью ножку) 112g
 скрывать 383гх
 скулить ('жаловаться') 306s, 308sx, 322s,
 323х, 362г, 375rsx, 383гх
 скучища 146х
 слабенький 146х
 славословить 202х, 213х
 слева 42х, 634х
 следить 545v
 следовать (совету) 224х
 следовать (безл.) 71sx
 следствие 14s
 следующее (мест.) 115L, 126L, 130L

- следующий 630х
 слепить 109-110g
 слепливать 109-110g
 слетаться 38х
 слово 170х
 слоняться 36Gх
 слуга 172х, 317sx
 служить (*что кому чем*) 342с
 слух 355х, 357х, 363х
 случайно 73i
 случаться (*иметь место'*) 94vx, 224х, 379vx
 случиться (*'произойти'*) 493с
 слушать (*'воспринимать слухом'*) 351х, 357х, 361г, 377m
 слушать (*курс лекций*) 109g, 110G
 слушать (*отчет*) 111g
 слыть 403K
 * слышать 37G, 65g, 91g
 * слышать 37G, 220G, [221], 357х, 358х, 361г, 365m, 377m, 449х, 471, 481х, 607vx
 * слышать (*'знать'*) 410с
 * слышаться 342х, 381гх,
 - слышен 357х
 смазать (*из кольца*) 108g
 смальвать 110g
 смахивать 310sx
 смерить 108g
 смерть 14ds, 23, 172х
 смещение 369г, 373L
 смеяться (*над кем-л.*) 351х
 смолоть 110g
 смотреть 62s, 119-120v, 206ix, 267х, 268ig, 339i, 351х, 357х, 361г, 377m
 смотреть (*на = 'считать'*) 115vx, 122L, 325s, 327s, 329v, 335iL, 389s, 392gx, 393Kx, 397gx, 398х, 399G, 400g, 401K
 смущаться 389iv, 381гх, 382гх
 смыслить 615KLs
 смьть <89>
 нести (*кому-л. голову*) 551K
 снимать 475х
 снимать (*дачу*) 607vx
 снимать (*свое предложение*) 202
 снимать ответственность 202х
 снять 68-69vx
 со страхом 367х
 собака 173х
 соблазнять 355х
 соблюдать 111g, 343а
 соблюсти 111g
 соболезновать 202х
 собрать (*волю, силы*) 276х
 собраться (*'вознамериться'*) 30х
 совершать (*грех*) 224х
 совершенно 46i, 91L
 совесть 353Lg, 354г, 355х
 советовать 149х, 201х, 203х, 208ix, 324х, 326gG, 356х, 377iv
 совсем 46i, 91L, 509L, 623i
 соглашаться (тж. согласен) 201х
 согладатй 351х
 согнуть 111g
 согреть (*руки*) 112g, 305s
 согреть (*руки*) 112g
 содрать (*втридорога*) 111g
 содрогаться 225х
 сознаться 200х
 сознание 356х
 созывать 389гх
 сокращаться 87, 343а
 сокрушаться 321s, 368г
 солнце 145х, *162
 солнышко 145х
 соль 145х, *156
 сомневаться 57i, 93, 141, 613х, 627
 сомнительный 117L, 329i
 сон 366г
 сообщать 356х, 550K, 551K
 соответствие (*требованиям*) 111g
 соответствовать (*требованиям*) 111g
 сопровождать 65gm, 545v
 сопутствовать 545v
 сотрясаться 225х
 составлять (*200 фунтов*) 69vx
 состричь <89>
 сочинитель *156
 спать 39х, 481х
 спаться 481х
 спиртище 146х
 сплести 109g
 сплестать 109g
 спорить, *что* 201х, 208х, не спорю 208

- справа 42x, 634x
справедливо 335L, 402L
справляться ('спрашивать') 212x
спрашивать 149x, 608
спустя 69-70i
спутать 108g
спутывать 108g
сразу же 205ix, 216i
средство 344d
срезать (сов.) <89>, 103g, 488g
срезать ('говорить в резкой форме') 212x
срезать (несов.) 103g, 488g
срезывать 103g, 488g
срок 474x
срубить (*избу*) 107g
ссужать (*кого-л. чем-л.*) 551K
ставить (*кому-л. задачу*) 552K
ставить условие 201x
стараться 312s
старший 172x
стекаться 38x
стесняться 379iv, 382gx, 542K
стирать <89>
стиснуть (*кому-л. горло*) 551K
стоило... как (союз) 335s
стоять (5 *рублей*) 69vx, 481x, 532m
столик 145x
столбенеть (*от страха*) 459L
сторона (*в споре, переговорах*) 623x
стоять (*о человеке*) 18h, 355x
стоять (*о морозах*) 331fK
стоять перед глазами 343c
стоять перед умственным <мысленным> взором 343c
стоять за ('защищать') 306s
странный 117L
страстно ('очень') 449x
страсть 371g, 380gx, 460L, 464
страх 356x, 360sx, *362, 366L, 368-369Lg, 370Lg, 371gx, 372x, 381gx, 382gx, 455g, *456, 458g, 459-460L, 463, *464
страшиться 546v
страшно 184x
страшно ('очень')
стрельба 378v
стрелять 59G, 80iv, 225x, 489x
стрелять (*об оружии*) 344d
стремиться 355x
строительство 596x
строить 106g, 108g, (*кому-л. дом*) 551K
строиться (*шеренгой*) 549K
стричь <89>, (*кому-л. голове*) 551K
струиться 308sx
стукать 219G, 225x
ступать 469sx
ступор 361x
стыд 369g, 373L, 382gx
стыдить 363g
стыдиться 38Gx, 149x, 150-151g, 343a, 367x, 379iv, 381gx, 382gx, 481x, 677x
стыдливо 372x
стыдно 131v, 372x
судить ('расценивать, считать') 115-116vx, 122L
судьба 84iv, 350x
суждение 416x
сука 172mx
сулить 200x, 213x, 351x, 374s, 376rsx
сулить золотые горы 340s
сухостей 173x
сухощавый <273>
существовать 38Gx, 94vx, 512sx
сформировать 109-110g
сформировывать 109g
схватить 109-110g
схватывать 109-110g, 225x
схватывать (*насморк*) 224x
схватывать ('понимать') 380gx
сходиться 38x
счастье 368g, 372x, *455
счесть 39g, 326gG, 392gx, 399G
считать ('полагать') 38-39Ggx, 66v, 114-123vx, 126-129iv, 130-132Lv, 133x, 149x, 150g, 220G, 317Asx, 322s, 325gG, 328v, 329iv, 330-331K, 334iLv, 335iL, 337-338iKL, 355x, 362g, 384gx, 389s, 392gx, 393x, 394x, 395Kx, 396x, 397K, 399AG, 400gK, 401KL, 402iL, 403K, 410x, 411A, 412v, 414x, 429x, 481x, 489x, 505A, 515gx
считать (вводн.) 57i
считать дни 340s
считаться 119v, 408c

- сыграть 107g
сырье 344d
съедать 112g
съесть 112g, 113x
сюда 630x, 633x
- табачище 146x
так (мест.) 115-116L, 126L, 335iL, 402L
так (част.) 307i, 449x
так и (част.) 307i
так и быть 488x
такой же *476
там 55ix, 630x, *631, 633x, 636
таращить (*глаза*) 267x, 268ig
таскаться 35Gx
тащить ('похищать') 607vx
тащиться 35Gx
таять 109-110g
твердый 648x
творец *156
текущий (мест.) 630x
тело 355x, 364x
темнеть (*вдали т. лес*) 643x
температура 83vx, 84-85iv
теперь 441i
теребить (*кого-л. за бороду*) 552K
тереть 541Km
терпеть (*поражение*) 119-120v, 224x
терпеться (*не терпеться*) 625K
терять 223x
тесть 172x
течь 308sx
течь (*о ручьях*) 331fK
теща 161x, 163x, 168-169ix, 172-173x
тихонечко 146x
тихонько 146x
ткать 355x
-то (част.) 48, 50, 51i, 533-534x, 615L
тогда 630x, *631, 637
толкать 219-220G, 225x
толковать ('разговаривать') 213x
толстенный 146-147x
толстенький 146-147x
толстый 45gx, 509L
толщина 508x, 510mv, 511g
только 47-48, 186A, 195A
только что 441i
- тонкий 45gx
топать 219G, 225x
торжествовать 334iv, 368g, 374-375iv, 376gx
торопиться 187A
торопливый 121iL
тоска 350x, 368g, 370g, 371L, 372x
тот 316i, 630x, *631, 633x, 636
тотчас же 205ix, 216i
точить (*нож*) 81iv, 541Km
точить (*деревянные ложки*) 112g
точка зрения 403d
травить (*крыс*) 112g
транс 361x
тратить (*рубли на что-л.*) 224x
трахома 267x
требование 546-547v
требовать 67, 201x, 208ix, 214, 356x
требоваться 94vx
тревога (*состояние человека*) 371i
тревожить 107g
тревожно 367x
трепать (*кому-л. шею*) 552K, (*кого-л. за волосы*) 552K
трепетать 225x, (*о крыльях*) 548K
трепетать (*перед кем*) 545-546v
трепетать (*жизнью; о листве*) 540K
трогать 225x
трудно 471x
трудный 131v
трусить 381gx, (*перед кем-л.*) 546v
трясти 110g, (*головой*) 548K, (*кому-л. руку*) 553K
трясти(сь) 225x
трястись (*перед кем*) 546v
тряхнуть 225x
туда 630x, 633x
тут же 205ix, 216i
тщательно 205ix
ты 152-153mx, 308sx, *476, 489x, 630x, *631, 644-646x
тьма 172x
тяжело 131v
тяжелый 648x
тянуть 310sx, (*руку к звонку vs. кого-л. к себе*) 544Km

- убежать (о молоке) 111g, 327-328gs
 убежать (о молоке) 111g
 убеждать 200x, 212x
 убежден (быть убежденным) 417x
 убежденный 168iLx
 убивать 59G
 убить 59G, 71x, 72mx
 уважать 38-39Gx
 уважение 545v
 уведомлять 200x
 уверен (быть уверенным) 417x
 уверенность *362, 363x
 уверять 200x, 241x
 увидать 327gx, 332K
 увидеть [221]
 увидеть ('посчитать, счесть') 392g
 увлекать 310sx
 уводить ('похищать') 607vx
 уговаривать 213x
 угождать 378gx
 угрожать 212x
 угроза 380gx
 удаваться 222x, 224x
 удал 350x
 ударить 81iv
 ударять 219G, 225x
 удача 329i
 удачно 77x, 122iL
 удивительный 117L
 удивиться 39g
 удивление 356x, 369g, 371x, 372x, 461L
 удивляться ('испытывать удивление')
 38-39Ggx, 367x, 439x
 удивляться ('выражать удивление') 32v
 удовольствие 117L, 131v, 370g
 удостоверять 200x
 уезжать 59G
 уехать 59G, 643x
 ужас 370g, 371gx, 372iLx
 уж ... (-го) (част.) 617
 уже 260-261, 316i, 441i, 638
 узкий 44x, 46i
 узнавать 59G, 228-229ix
 узнать 59G, 188x, 420g, 430d, 603-605iv,
 *604, 606gm
 уйти 205x, 643x
 уйти ('израсходоваться') 493s
 уколоть 81iv
 укорять 383gx
 укутать 108g
 укутывать 108g
 улыбаться (это мне не улыбается)
 616K, 625K
 улыбка 84iv
 ультиматум 472gx, 473-474x
 ум 356x
 ума не приложить 625K
 умело 77x, 122iL, 205ix
 умереть 14d
 умирать *222, 223i
 умножаться 105-108gx, 111g
 умножиться 105-108gx, 111g
 умолять 200x, 241x, 362-63g
 унаследовать (дом) 607vx
 унести 643x
 уносить 37G
 упаковать 108g
 упаковывать 108g
 упасть 93x
 уплатить 108g
 уплачивать 108g
 уплыть 37G
 уповать 308sx, 310sx, 312-313s, 376iv,
 379gv, 381gx, 382gx, 439x
 уподоблять (что-л. чему-л.) 552K
 уполномочивать 202x
 употребление 344d
 употреблять 376iv
 управлять 549K
 упрашивать 200x
 упрасивать 213x
 упрекать 202x, 363g, 376x, 383gx
 урок (врем. интервал) 596x
 услышать [221]
 усматривать 325s, 329v, 335iL, 389s,
 392gx, 393Kx, 397gx, 398x, 400g,
 401K, 402L
 усмотреть 392g
 успевать 70x, 224x
 успеть 70x, 94x
 успешно 122iL
 устанавливать 104g
 установлять 103g
 уступать (кому-л. первое место) 224x

уступить (*не уступить ни на йоту*)

616K, 625K, 627, 628x

утверждать (тж. вводн) 57i, 200x, 205x

утилизация 344d

утиль 344d

утро 235x

уходить 37G

участь 84iv

уши 355x, 471x

фантазия 344d

фантом 344d

фанфаронить 342x

февраль (*временной интервал*) 590x, 596x

фигура 84iv

фискалить 351x

фланг 42x

формировать 109-110gG

форсить 342x

функционировать 343c

функция 344d

хаживать 38Gx, 65g, 91g

хамить 143-144г

хана 315s

характер 84iv

хвалить 273rv, 351x, 356x

хвалиться 201x, 213x, 351x, 378iv, 549K

хвастаться 53, 201x, 213x, 343a, 344d, 351x, 356x, 375rsx, 378iv, 549K

хвастливый 344d

хвастовство 344d

хвастун 344d

хватать (*хоть*) 109-110g

хватать ('достаточно') 29v, 70x

хватить ('достаточно') 70x, 94x

хвост 42x

хвостовой 42x

химера 344d

хирург 344d

хныкать ('жаловаться') 306s, 308sx, 322s, 375rsx, 383gx

ходатайствовать 200x

ходить 35x, 36Gv, 91x

холод ('ощущение') 355x, 366L, 460L

холодина 146x

• холодно 205ix

холостой 168x

холостяк 164mx, 165x, 168-169iLx

хороший 44x, 46i, 91L, 122iL, 168ix, 475L, *476, 480

хорошо 74-75i, 76i, 77-78x, 122iL, 205x, 328i

хотеть 38-39Ggx, <265>, 306s, 311s, 317-318s, 324gx, 326gG, 328g, 346g, 355x, 362г, 374iv, 380gx, 382gx, 390sx, 435s, 436x, 437gs, 438gx, 439rs, 440Aix, 441gix, 442sx, 444x, 445x, 446m, 447gK, 448K, 449iLx, 450iL, *476, не хотеть *476, 478x, 479x, *480x, 481x

хотеться 306s, 390sx, 480x, 491x

хоть (част.) 626K

хотя *169x

худенький 146x

художник 383gx

цвет 83vx

целесообразный 117-118gL, 131v

целиком 91L

целовать 31x, (*кого-л. в лоб*) 552K

целый час 204ix, 226i

целых (част.) 137x

ценить 376x

цепенеть (*от страха*) 459L

цилиндр 45г, [91]

час 235x, 590x, 596x

часто 185gx

через (временной интервал) 69-70i

чернеть (*вдали ч. лес*) 643x

чернить 351x, 383gx

черный 172x

черт 171x

чертов 171x

чертовщина 171x

чесать (*кلمу-л. спину*) 551K

чесать (*волосы*) 112g

честь 117L, 131v, 329i

чинить 93m, 149x

чинить (*препятствия*) 266f

• чистый 479m

читать 1 (*книгу*) 55v, 56x, 112g

читать 2 (*лекции в университете*) 55v

что (союз) 115f, 117f, 126f, 130f, 132f,
 150f, 188A
 что (мест.) 115L, 126L, 188A, 194-
 195Amx
 что касается 336As
 что-то *476
 чтобы (союз) 117f, 122f, 126f, 130f, 132f
 чувствовать *476
 чувствоватьсь 342x
 чудиться 342x, 343c, 344d, 381gx
 чуть не 71-72x
 чують 358x (*запах*), 365m

 шанс 344d
 шантаж 468x, 472gx, 473-474x
 шар 43x
 шары ('глаза') 267s
 шарик 145x
 шататься ('ходить без цели') 36Gx
 швырок 80dis
 швырять 80disv, 306s
 шевелить 95v, 548K
 шедевр 383gx
 шелестеть (*о листьях*) 548K
 шептать 31x, 212x
 шествовать 469
 шибать (*в нос*) 357x
 ширина 45г, 508x, 510vx, 511g
 широкий 45г, 509L

широченный 147x
 шить 93m
 шкаф 43x
 шуметь (*доспехами*) 548K
 шуршать (*о платье*) 548K
 шутя ('без усилий') 317sx
 щеголять 342x, 378iv, 549K
 щупать 361г

 эксплуатация ('использование') 344d
 экстаз <250>, 360sx
 элиминировать 469x
 эмалировка 75m
 энергично 205ix
 это (мест.) 115L, 126L, *476, 615L
 этот 316i, 630x, *631, 633x, 636

 я *476, 630x, *631
 ябедничать 351x
 являться ('приходить') 37Gx, 223x
 явно 137x
 язык (*орган*) 355x
 язык (*способность*) 356x
 якобы 137x
 январь 590x, 596x
 ярость 372iLx, 356x, 360sx, 369г, 371irx,
 381gx, 460L
 ясный 117L, 329i

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- абсолютивная конструкция 329
абсолютная ориентация 633—636, 641
абсолютная пространственная ориентация 42, 43, 44
автоматический перевод (АП) 554—558, 577, 579,
автоматический синтаксический анализ 567
агент [семантическая роль] 89
агт понимания 580
актант 129, 234, 569
актантная структура 314
актантное отношение 10, 12, 15, 23
актуально-длительное значение [НЕСОВ] 34, 39, 91, 110, 112, 203, 214, 216, 220, 225—
227, 228, 230, 231, 234, 235, 237—239, 325, 611, 612
актуальное членение 599, 605, 620
акцентное выделение 179, 180, 184, 188, 193, 311, 319, 411
алгоритм анализа [текстов] 554, 557
алгоритм преобразования текстов 557
алгоритм синтеза [текстов] 554, 557
анализ текстов 255
аналог 339, 340, 342, 488
анафорическая функция 632
аномалия 622
антоним 339, 343, 451, 488, 504
антонимия 319, 436
аористическое значение [НЕСОВ] 34
аспектуальная парадигма 102—103
аспектуальный тип 103—105, 107
ассертивная часть толкования/значения 316, 488, 492, 603, 619, 625, 627
ассертивный компонент значения 60, 211, 314
ассерция 48, 190, 236, 470, 486, 507, 627
атрибутивное отношение 12, 76, 587
безусловный оборот 569, 570
биноминативная конструкция 166
ближний дейксис 632
валентность 10, 32, 55, 63, 64, 66, 81, 82, 88, 89, 114, 115—121, 123, 128, 129, 131, 159,
204, 333, 334, 422, 516, 600, 603, 604, 640, 641
 обязательная — см. обязательная валентность
 семантическая — см. семантическая валентность
вариантная форма слова 102, 104
вводная конструкция 56, 57, 122, 128, 141, 330, 612—614
вводное предложение 121
вводное слово 139
вид [глагола] 58—61, 108
видовое противопоставление 106
владение языком 9, 254

- внеязыковая ситуация 46
возвратный глагол 38
временная кратность 36
временное значение 33, 55
временной дейксис 632, 637
время говорящего 636, 638
вторичная имперфективация 105, 109
вторичная коммуникативная ситуация 639
вторичный дейксис 632
генеративная семантика 21
гиперболическое множественное число 142, 231
гипероним 341, 504
гипоним 341
главное фразовое ударение — см. фразовое ударение
глагол
 возвратный — см. возвратный глагол
 моторно-кратный — см. моторно-кратный глагол
 моторно-некратный — см. моторно-некратный глагол
 начинательный — см. начинательный глагол
 перформативный — см. перформативный глагол
 путативный — см. путативный глагол
 стативный — см. стативный глагол
 фазовый — см. фазовый глагол
глагол достижения 222
глагол моментального действия 215, 219, 226—228, 233, 235, 237—239, 241
глагол перемещения 35, 37, 38, 390
глубинно-семантическая структура (ГСемС) 22, 23
глубинно-семантический уровень [представления смысла] 19, 20, 22
глубинно-синтаксическая структура (ГСС) 11, 13, 25—28, 32—34, 46, 47, 55, 56, 62, 67, 72, 73, 86, 90, 556
глубинно-синтаксические отношения 12, 15, 23
глубинно-синтаксический анализ и синтез текста 556
глубинно-синтаксический признак 13, 90, 91
глубинно-синтаксический уровень 14, 15, 20, 22
глубинно-синтаксическое представление (ГСП) 11, 25, 313, 599, 601—603, 609, 614
глубинный уровень 10
говорящий 631—634, 636—639, 645
градулируемое свойство 44
грамматическая конструкция 247
грамматическая правильность 559, 562
грамматический вариант 102
грамматический класс 476
грамматическое дейктическое значение 643
грамматическое значение 350, 467, 475, 477, 515, 648
грамматическое правило 67, 135
граммемно-лексемное правило 30, 36, 38, 39
дальний дейксис 632
данное 11, 87, 88, 642
двувидовой глагол 104

- двунаправленное общефактическое значение — см. общефактическое
двухвалентные конструкции 114, 115, 120
деепричастие 12
деепричастная конструкция 12
дейксис 631, 636, 639, 641, 643
 см. тж. ближний дейксис, временной дейксис, вторичный дейксис, дальний дейксис
дейктическая лексика 631
дейктическая ориентация 635
дейктическая проекция 632
дейктическая стратегия 640
дейктическая стратегия понимания 633—635
дейктические слова 136, 632, 633, 639
декларативная связка 132, 507
дерево зависимостей 11, 124, 568, 571, 574, 575, 599
дериват 451, 452, 504
дескриптивная связка 132, 507
дескрипция 469
детерминант 185, 593
дефектная парадигма 111, 113
дефектность парадигмы 324
дефиниция 469
дизъюнктивное толкование 67
диминутив 145
дифференциальный семантический признак 467, 477
длительная конструкция 584, 588—592, 595
длительное значение [НЕСОВ] 37
доминанта [синонимического ряда] 306
достижение [глагол достижения] 220, 223, 232
дублетная форма слова 102
значение вида 58, 59, 60, 64, 65, 89
значение граммы 33, 34, 90
значение граммы ЕД/МН 87
значение граммы НАСТ
 настоящее интерпретационное — см.
 настоящее историческое — см.
 настоящее предстоящего действия (профетическое) — см.
 настоящее репортажное — см.
значение граммы НЕСОВ 58—62, 87, 227, 422
 актуально-длительное — см.
 аористическое — см.
 общефактическое — см.
 потенциальное — см.
 процессное — см.
 узуальное — см.
значение граммы СОВ 58—62, 87
 результативное — см.
 точечное — см.
значение результативности 229

- значение слова 47, 260, 264, 265, 269
идиоматичность [речи] 244, 245
избыточная аспектуальная парадигма 102, 109
избыточная парадигма 102, 104
избыточная форма 104, 109
иллокутивная сила 138
иллокутивная функция 138, 139, 145, 149–151, 157
иллокутивный акт 200, 205, 213, 234
императив 149
имплицитное отрицание 57, 93, 189, 613, 616
инклюзивное обстоятельство времени 205, 216, 227, 236, 239
инструмент [семантическая роль] 52, 53, 89
интегральное описание языка 10, 135, 178, 391, 407, 435, 485, 504, 513, 557, 577, 578
интегральность описания [языка] 114, 577
интенционал 158, 159
интенциональный предикат 205
интерпретирующая семантика 21
интонационная конструкция 179, 181
интонация 179, 181, 182
информационная система 565
ироническое отрицание 137
истинность аналитическая 9
источник [семантическая роль] 89
каноническая ипостась языковой единицы 578, 579
катафорическая функция 632
категория вида 563
каузативный глагол 265, 267
качественный перевод 556, 564
квазисиноним 256
кванторный смысл 74
количественное дополнение 68
количественное обстоятельство 68
комбинаторное правило 622
комбинаторный принцип 577–578
комбинаторный словарь 557, 566
коммуникативная информация 180, 489, 515
коммуникативная организация [высказывания/предложения] 11, 87, 88, 505, 642
комплетивная синтагма 125
комплетивное отношение 29, 76, 126, 127, 587
компонент значения 263
компонентный анализ значений 28, 467
конверсив 339, 340, 342, 451, 488, 504
конверсивность 436
коннотация 28, 157–161, 163–173, 261, 306, 317, 462, 489
конструктивная обусловленность значений 538
конструктивные правила 125, 129, 132, 133
контрагент [семантическая роль] 89
контрастная тема 336
контрастное ударение — см. фразовое ударение

- контрольные правила (фильтры) 125, 127, 129, 132
концептуализация 350, 391, 508
концептуализация времени 588, 591
координативное отношение 12
корреферентность 11
косвенный вопрос 115—117, 131, 150
коэффициент омонимии 562
кратно-длительная конструкция 591, 593
лексемно-лексемное правило 30
лексикографическая информация 577
лексикографический портрет 391, 406, 436, 485—487, 490, 493, 503, 504, 507, 508, 511
лексикографический тип (ЛТ) 314, 316, 349, 356—359, 389—391, 405, 407, 408, 435, 436, 486, 490—493, 508, 511
лексико-семантическая группа слов 435
лексико-семантическая сочетаемость 244, 246, 247, 255, 283, 334, 437
лексико-синтаксический синоним 306
лексическая синонимия 15
лексическая система языка 434
лексическая сочетаемость 15,
лексическая сочетаемость несвободная 15
лексическая функция 13, 15, 90, 91, 504, 574, 599
лексический синоним 242, 243, 245, 246, 259, 305
лексическое значение 58, 350, 390, 467, 473, 475, 477, 488, 492, 505, 638, 639, 641—643, 648
лингвистика предложения 9
лингвистика текста 9
лингвистическая модель 9, 485, 557—559, 568, 577
лингвистическая прагматика 136
лингвистическая семантика 254
лингвистический эксперимент 559
лингвистическое правило 485, 504, 558
линеаризация синтаксической структуры 574
личная сфера 153
личная сфера героя 647
личная сфера говорящего 636, 644—646
логическая противоречивость 9, 173
логический акцент 11, 256, 261, 262, 270, 281, 282, 288, 543, 599, 601, 605
логическое противоречие 51, 279, 598, 600, 608, 609, 614, 618, 619, 624
логическое ударение — см. фразовое ударение
локативное значение 512
ментальный предикат 389, 410
место [семантическая роль] 89
метатекст 151
метатеория 578
метафора 164, 240, 313, 367, 455, 456, 460—462, 469, 608, 621
метафоризация 283, 363, 492, 507
многозначность 473
многозначность лексическая 174
множественный анализ 10

- множественный синтез 10
модальная рамка 10, 41, 48, 50, 51, 58, 92, 143, 159, 230, 231, 260, 261, 314, 316, 317, 486, 488, 507, 614, 617, 618, 621, 625, 627
модальное значение 57
модальное прилагательное 335
модальный глагол 605, 606
модальный смысл 74
модель мышления 9
модель поверхностного синтаксиса 29
модель управления 63, 120, 129, 130, 131, 133, 204, 229, 486, 487, 489, 511, 515, 569, 577, 586, 598, 600, 603
модель языка 558
моментальность 221–223, 225, 226, 228–230, 239, 240
моментальный глагол 221–223, 227–230, 233, 234, 236, 239, 591, 592, 595
морфологическая структура [предложения] (МС) 570, 571, 576, 585, 586
морфологический анализ 569, 570
морфологический синтез 569, 576
мотивировка [компонент значения] 314, 316, 470, 507
моторно-кратный глагол 35, 36, 225
моторно-некратный глагол 35, 36
наблюдатель 41, 42, 43, 46, 260, 316, 329, 351, 384, 392, 396, 397, 508, 510, 633, 634, 635, 636, 639–642, 644
наивная картина мира 349, 390, 407, 637
наивная модель мира 629, 630, 636
наивное понятие 46, 916 260, 261, 282
намеренность [действия] 81, 606
нарративный дейксис 632
настоящее интерпретационное 231
настоящее историческое 214, 227, 228, 234, 235, 239, 610, 611
настоящее предстоящее (предстоящего действия; намеченного действия; профетическое) 34, 35, 39, 214, 233, 239
настоящее репортажное 230
настоящее эмоциональной актуализации 230
научное понятие 91
начинательный глагол 39
невалентная конструкция 121
неградуируемое свойство 44
недейктическая стратегия понимания (недейктическое понимание) 633–635, 641
нейтрализация семантических различий [между синонимами] 254, 282, 284, 286, 287, 289, 320, 321
нейтрализуемые семантические различия [между синонимами] 246
неконтролируемое действие 229
неконтролируемость действия 228
ненамеренность действия 81
неодушевленность 86, 87
неперформативное употребление перформативного глагола 31
непосредственная каузация 265
неправильное предложение 601, 602
неправильность — см. семантическая неправильность, языковая неправильность

- непротиворечивость 9, 10
нереферентность 11
несвободная лексическая сочетаемость 15
несобственная форма 111, 327
несобственное значение 315
неточный синоним 243, 244, 246, 248, 254, 271, 284, 285, 504
нетривиальный семантический признак 28, 29, 30, 32, 40, 44, 45, 482
нефасадность 41, 42
новое 11, 87, 88
норма 439
область действия 11, 21, 52, 70–74, 88, 168, 205, 211–213, 566, 589
обстоятельства места и времени 55
обстоятельство градуальности 204, 226, 238
обстоятельство длительности 204, 217, 222, 226, 236, 238
обстоятельство точности – см. точное обстоятельство времени
общая оценка 136
общее правило 67, 72, 125, 565, 566
общефактическое значение [НЕСОВ] 234, 638
 двунаправленное 34, 35, 36, 39, 227, 228, 610
 нерезультативное 35
 результативное 35, 36, 39, 110, 227, 228, 325, 332
обязательная валентность 10
ограничение на сочетаемость 578
одушевленность 86, 87
омоним 266, 468, 570
омонимия 9, 21, 86, 88, 90, 473, 511, 559, 562, 570, 579, 586
операционная информация 566
определенность/неопределенность 642
осмысленность 9
относительная ориентация 633–635, 641
относительная пространственная ориентация 42, 43, 44
отношение подчинения 599
отрицание 47, 48, 74, 613, 615
отрицательная оценка 136
отрицательная частица 68
отенок значения 263
оценка 260, 261, 279, 280, 282, 316, 331, 384, 392, 397
 см. тж. общая оценка, отрицательная оценка, положительная оценка,
 прагматическая оценка
оценка содержания сообщения 137
оценочное значение 185, 507
оценочное наречие 74, 122, 128
оценочное обстоятельство 206
оценочный компонент [элемент] значения 159, 160, 169, 314, 492
оценочный смысл 74
оценочное существительное 123
падежная грамматика 89
параметрическое значение 511
параметрическое прилагательное 44, 45, 92, 509, 510

- параметрическое существительное 508, 510
первичная коммуникативная ситуация 639
переносное значение 163, 492
перифрастическая способность говорящих 245
перфективное значение 230, 234
перфектное значение 231
перформатив 31, 32, 147, 199, 200, 201, 203, 207–209, 211–213, 215–218, 235, 237–239, 241
перформативная гипотеза 210
перформативное высказывание 208–210, 213–217, 219, 239–241
перформативное употребление [глагола] 31, 32, 38, 148, 204, 211–214, 240, 241, 326, 612
перформативность 30, 32, 38, 148, 157, 199, 202, 207–210, 214, 238–240
перформативный глагол 31, 199–201, 203–206, 210, 211, 214, 238, 612
перцептивная связка 132
плеоназм 623
поверхностно-семантическая структура (ПСемС) 11, 20, 23, 25–28, 32, 33, 47, 56, 62, 67, 72–74, 78, 86, 90, 94, 469
поверхностно-семантический признак 34
поверхностно-семантический уровень [представления смысла] 16, 19, 20, 22, 34, 467, 468
поверхностно-семантический язык 22, 23
поверхностно-семантическое отношение 23, 34
поверхностно-семантическое правило 30
поверхностно-семантическое представление 11, 25
поверхностно-синтаксическая структура 556
поверхностно-синтаксический анализ и синтез текста 556
поверхностно-синтаксический признак 29
поверхностно-синтаксический уровень 14, 15, 22
поверхностно-синтаксическое отношение 12, 599, 602
поверхностно-синтаксическое правило 29
поверхностно-синтаксическое представление [значения/смысла] (ПСП) 12, 599, 601, 602, 609
поверхностный уровень [представления смысла] 10
подлежащая конструкция 119
подчинительная связь 578
подчинительные отношения 566
позиционное чередование 578
полисемия 559
положительная оценка 137
порождение синонимии 10
порядок слов 331
посессивное значение 512
пословный перевод 556, 563, 564
постулат информативности 167
потенциальное значение [НЕСОВ] 214, 227, 239
правила анализа [текстов] 124, 125
правила взаимодействия значений [=семантического взаимодействия] 27, 28, 66, 314, 469, 475
правила внутриуровневых преобразований 10

- правила зачеркивания 67
правила межуровневых преобразований 11
правила модификации 67, 78
правила перифразирования 14, 15, 504
правила предпочтения 586, 587
правила предсинтаксического анализа 586
правила реинтерпретации синтаксических структур 567, 572
правила семантических преобразований 23, 52
правила семантической модификации 78, 79, 81–83
правила семантической сочетаемости 40
правила семантического согласования 611
правила синтаксического анализа 557, 586, 587
правила синтеза [текстов] 124
правила сочетаемости 34, 35, 39, 40
правило грамматическое — см. грамматическое правило
правило области действия 67, 72, 74
правило общее — см. общее правило
правило поверхностно-семантическое — см. поверхностно-семантическое правило
правило поверхностно-синтаксическое — см. поверхностно-синтаксическое правило
правило семантической интерпретации 56
правило синтаксическое — см. синтаксическое правило
правило словарное — см. словарное правило
правило частное — см. частное правило
правильное предложение 9
правильность предложения 50, 51, 601, 603
прагматика 136, 137, 139, 142, 143, 147, 156, 178, 306
 см. тж. лингвистическая прагматика, языковая прагматика
прагматическая зона словарной статьи 160
прагматическая информация 135, 136, 138, 140, 143–145, 149, 156, 157, 180, 488, 515
прагматическая оценка 137
прагматическая стилистическая помета 157
прагматическая функция 142, 153
прагматический признак 147, 157, 185, 311, 488
предел 44, 112
предельное прилагательное 44–46, 91
предельность 44, 45, 509
предикативная синтагма 125
предикативное наречие 117
предикативное отношение 601
предикатные слова 52
представление предложения 11, 555, 598
пресуппозиционная часть [семантического представления] 603, 619
пресуппозиция 10, 11, 47, 48, 50, 58, 59, 60, 159, 190, 211, 212, 236, 261, 262, 316, 411,
 470, 486, 488, 507, 599, 619, 620, 621, 625, 627
прилагательные цвета 44, 45
принцип интегральности описания [языка] 567
присоединительное отношение 12
продуктивная грамматическая модель 104
производное значение 492

- промышленно действующая система [АП] 555, 556, 563
пропозициональное местоименное наречие 115
пропозициональное местоименное существительное 115
просодическая информация 179, 187, 193, 489, 515, 528
просодия 179, 180, 182, 183
пространственная кратность 36
пространственная ориентация 42, 633
 см. тж.: абсолютная пространственная ориентация
 относительная пространственная ориентация
пространственный дейксис 632, 637
пространство говорящего 636, 637
противоречивость логическая — см. логическая противоречивость
противоречие 622, 624, 625
процессное значение [НЕСОВ] 34, 35, 37, 38, 39, 91, 110, 220, 225, 226, 227, 228, 230,
 235, 238, 239, 325
процессуально-точечное значение 237, 241
прямое значение 492
псевдотавтологическая конструкция 166
псевдопроцессуальное употребление/значение глагола 230, 233, 234, 237
путативная связка 120, 132, 507
путативное значение 418, 506, 507
путативность 505
путативный глагол (путатив) 114, 115, 117–123, 125–133, 149, 317, 334, 337, 389, 391,
 410, 413, 489, 505
рамка наблюдения 314, 316, 486, 507
распознавание омонимии 10
регулярная многозначность 257, 510
результат 110
результативное значение [СОВ] 234, 237
рема 10, 11, 87, 88, 180, 318, 331, 489, 515, 601, 603, 619, 620, 647
референтность 11, 64
речевой акт 323
роль [семантическая] 89
связка 118, 132
 см. тж. декларативная связка, дескриптивная связка, перцептивная связка,
 путативная связка, фактивная связка, фактитивная связка
связочное значение 512
связочный глагол 118, 131
селективная способность говорящих 247
семантика видов 58
семантическая ассоциация 262, 280, 281, 282, 317
семантическая валентность 78, 489, 516, 92
семантическая интерпретация 566
семантическая информация 488, 504, 515
семантическая неправильность 244
семантическая ошибка 268, 562
семантическая роль 357
семантическая содержательность 474
семантическая сочетаемость 333

- семантическая структура 16, 555
семантическая структура синонимического ряда 270, 290
семантическая ценность 474
семантически содержательная морфологическая характеристика 575
семантически содержательные грамемы 13
семантический дериват 339
семантический инвариант 33
семантический кварк 481
семантический класс 15, 34, 149, 192, 299, 335, 389, 402, 407, 435, 552, 553, 591, 607
семантический компонент 210, 475, 478, 486, 492
семантический компонент лингвистической модели 555
семантический метаязык 466–472, 476, 477, 481, 630
семантический признак 28, 30, 31, 34, 36, 38, 39, 42, 44, 56, 147, 149, 185, 269, 279, 290, 300, 311, 437, 545, 555, 565, 566, 569, 586, 596
нетривиальный — см. нетривиальный семантический признак
семантический примитив 306, 343, 352, 355, 356, 390, 391, 415, 438, 458, 467, 468, 471, 473, 474, 476–482
семантический уровень [представления высказывания/смысла] 10, 16, 22, 599, 603
семантический язык 10, 16, 23, 255, 260, 263, 467, 477, 482, 603
семантическое ограничение на сочетаемость 333
семантическое отношение 567
семантическое поле 389, 407, 435, 436
семантическое правило 27, 30, 62, 313, 320, 469, 475, 477, 621
граммемно-лексемное — см.
лексемно-лексемное — см.
семантическое представление 16, 23
семантическое представление предложения (СемП) 598–603, 614, 615, 619, 621
семантическое противопоставление 287
семантическое согласование 578, 605, 608, 624
семантическое тождество 283
сильный семантический компонент 486, 507
синоним 242, 243, 245, 247, 248, 251–260, 262–266, 268–271, 273–276, 278, 279, 281–283, 285, 286, 288, 290–292, 296–303, 305, 307, 308, 310–315, 317, 319–321, 324, 325, 328, 330–340, 345, 392, 393, 395–403, 405, 409, 415, 417, 420, 422, 423, 428, 429, 436–439, 444, 446–449, 466, 468, 469, 471, 473, 488, 493, 610, 617, 638
лексико-синтаксический — см. лексико-синтаксический синоним
лексический — см. лексический синоним
неточный — см. неточный синоним
семантически точный — см. точные синонимы
словообразовательный — см. словообразовательный синоним
стилистический — см. стилистический синоним
фразеологический — см. фразеологический синоним
синонимическая система языка 245
синонимический ряд 243, 250, 252, 255–260, 266, 268, 270, 272, 277, 278, 284, 290, 294–296, 303, 305, 311, 314, 316, 328, 337, 339, 340, 345, 367, 373, 391, 392, 405, 406, 435, 438, 493
синонимия 9, 86, 87, 89, 246, 252–254, 270, 305, 473, 559
точная — см. точная синонимия
синонимический словарь — см. словарь синонимов

- синописис 493
синтагма 568, 571
синтагматическое ударение — см. фразовое ударение
синтаксическая информация 29
синтаксическая конструкция 587, 589
синтаксическая обусловленность значений 538, 539, 553
синтаксическая позиция 575
синтаксическая сочетаемость 244, 246, 255, 283
синтаксическая структура предложения 568–574, 585, 597
синтаксически необусловленная грамматическая категория 32, 33
синтаксически обусловленная категория 18, 19
синтаксически обусловленная морфологическая категория 18
синтаксически обусловленная морфологическая характеристика 575
синтаксический анализ 569–571, 587
синтаксический анализатор 585–587
синтаксический нуль 578
синтаксический признак 28, 29, 30, 86, 91, 96, 129–133, 185, 545, 555, 565, 566, 568, 569, 577, 586, 596
синтаксический синтез 569, 575
синтаксическое ограничение 121, 123
синтаксическое отношение 538, 555, 565, 587, 593, 601
синтаксическое правило 38, 114, 114, 125, 129, 132, 133, 586, 596
синтаксическое свойство [слова] 29
синтаксическое чередование 575, 579
синтактика 178
синтез текстов 255
системная лексикография 349, 389, 390, 391, 405, 407, 408, 435
ситуация восприятия 46
ситуация общения 46
слабый компонент значения 159
слабый семантический компонент 486, 507
слабый смысл 161
словарное правило 67, 125, 565, 566, 569, 577
словарь активного типа 391
словарь синонимов 242–245, 247, 248, 251, 252, 254–256, 259, 267, 294, 296, 304, 305, 312–314, 349, 389, 406, 410, 429, 435–437, 468, 470, 472, 473, 616
словарь сочетаемости 486
словообразовательное гнездо 104
словообразовательная модель 390
словообразовательный синоним 305
смещение 72, 73, 119, 130
смещение отрицания 71, 95, 119
смещенное дополнение 126
смысловая ошибка 243, 245
смысловой признак 392, 438
собственная форма 327
собственное значение 315
согласование 88
согласованность (семантическая) 603

- соподчинимость-несоподчинимость валентностей 600, 604, 608
состояние 39
сочетаемая информация 66
сочетаемое ограничение 300, 301, 486, 489, 622
сочетаемый запрет 245, 602, 605, 615
сочетаемый признак/свойство [лексемы] 263, 288, 486, 504, 505
сочинительное сокращение 578
способ действия 226, 238
сравнение 164
средство [семантическая роль] 52, 53
статив 482
стативность 38, 39, 408, 409, 481
стативный глагол 39, 149, 220, 408, 481
стилистическая информация 488, 514
стилистическая ошибка 247, 268
стилистическая помета 307, 309, 310
стилистический класс 308
стилистический синоним 267, 271
стилистическое свойство 247, 258, 259, 282
субъект 579
сфера действия отрицания 68
тавтология 622, 624
тема 10, 11, 87, 88, 180, 318, 489, 515, 601, 603, 619, 620
типы информации о лексеме [= типы лексикографической информации] 487, 569
типы нейтрализации семантических различий между синонимами 286
типы оценок 136
типы семантических различий 270
типы семантического тождества 270, 282
типы семантической информации 28
типы языковых значений 467
толкование 20–23, 25, 28, 33, 46–49, 51, 52, 54, 55, 58, 60, 67, 71, 72, 260, 263, 265, 266, 269, 270, 313–314, 390, 437, 458, 461–463, 466, 469–475, 477, 488, 505, 507, 621, 627, 631, 636, 637
точечное значение СОВ 237
точечное обстоятельство времени 205, 216, 217
точка отсчета 632, 637, 638, 639, 648
точная синонимия 246, 282, 283, 342
точные синонимы [семантически точные синонимы] 246, 247, 256, 282, 296, 504
трансформация 542, 543, 602
трехвалентная конструкция 116, 120, 123, 124, 126
узусальное значение [НЕСОВ] 214, 227, 228, 234, 235, 239, 335, 610
узус 111
универсальная семантика 391, 481, 482
универсальный семантический язык 22, 23
условия правильности поверхностно-синтаксических структур 32
условия правильности формальных представлений 10
утверждение (= ассерция) 10, 11, 47, 58, 599
фазовость 29, 30
фазовый глагол 29, 227, 239, 402, 612

- фактивная связка 507
фактивное значение 418, 505—507
фактивность 408—412, 504, 505
фактивный глагол 317, 408, 413, 417, 489, 505
фактитивная связка 132
факультативный компонент значения 159
факультативный смысл 161
фасадность 40—42
фасадный предмет 40
фиктивное слово 12
фиктивные глубинно-синтаксические слова 11, 13
фиктивные потенциальные слова 11
фильтр 125, 127, 128, 133, 571, 621
формальная модель языка 9, 52, 559, 576, 588
формальное представление предложения 554
формальный метаязык 466
формальный синтаксис 587
формальный язык 255, 486, 555, 557, 577, 600
фразеологизация 492
фразеологический синоним 340, 451
фразовое ударение 179, 184, 317, 319
 главное — 179, 187—189, 193, 318, 319, 336, 411, 489, 505—507, 515
 логическое (контрастное) 179, 180, 187, 188, 336, 399, 411, 489, 505, 515, 619
 синтагматическое 179, 187, 188, 192
 эмфатическое 179, 180, 182, 187, 318, 440, 515
цель [семантическая роль] 89
частное (трафаретное) правило 67, 70, 72, 125, 565, 566, 569, 577
чистовидовая пара 39, 111
чужое сознание 632
шкала интенсивности 439
шкала размера 44, 45, 92
экзистенциальное значение 512
экспериментальная лингвистика 559, 577
экспериментальная система [АП] 555, 556
экспозиция 236
экстенциональный предикат 206
эллипсис 578
эмоциональная лексика 367, 453, 455
эмфаза 599, 601
эмфатическое выделение 11
эмфатическое ударение — см. фразовое ударение
эпистемический глагол 149, 150, 406
язык толкований 349
языковая аномалия [неправильность] 51, 598, 600, 601, 608—610, 614, 617—620, 623—627
языковая картина мира 350
языковая неправильность 600, 601, 609
языковая ошибка 621, 624
языковая прагматика 136
языковое поведение 559

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В.И. 170
Абрамов Ф. 521-523
Аванесов Р.И. 103
Авилова Н.С. 108
Аксаков С.Т. 506
Аксенов В. 326, 522
Андреева В. 322
Андриевский А. 205
Апресян В.Ю. 308, 348, 368, 435, 455
Апресян Ю.Д. 10, 12, 35, 40, 42, 44, 46,
51, 52, 57, 58, 67, 68, 71, 89, 90, 95,
106, 109, 114, 119, 133, 157, 159, 172,
174, 194, 225, 233, 236-238, 242, 311,
316, 317, 334, 336, 345, 389, 405, 407,
411, 435, 436, 438, 556, 559, 565, 577,
584, 589, 592, 600, 602
Арбатский Д.И. 231
Арсеньев В.К. 323
Арутюнова Н.Д. 64, 136, 206, 238, 241,
348, 358, 364, 391, 406, 408, 425
Архимед 608
Ахматова А. 180, 625, 635
- Балли Ш. 559
Бальмонт К. 412
Баранов А.Н. 194, 206, 345
Бартминский Е. 162
Бахтин М.М. 629
Бейкер С.Л. 618
Белинский В.Г. 515
Белов В. 520
Белый А. 399, 401
Бенвенист Э. 199, 237
Бердяев Н. 365, 449
Блок А. 150, 413, 521, 644, 645
Богуславская О.Ю. 308, 389, 391, 405,
435
Богуславский И.М. 12, 88, 95, 19, 138,
153, 196, 414, 532, 584, 589, 613, 621,
648
Бондарко А.В. 34, 106, 108, 225, 228, 230
- Бродский И. 309, 326, 329, 400, 524
Брызгунова Е.А. 49, 179, 181, 182, 184,
194
Буланин Л.Л. 108
Булгаков М. 137, 165, 200, 201, 318, 321,
324-326, 330, 370, 375, 439, 441-450,
479, 522, 595, 621
Булгаков С.Н. 344
Булыгина Т.В. 119, 150, 166, 186, 194,
221, 225, 406, 408, 412, 413, 482
Бунин И.А. 318, 412, 439-444, 446, 448-
450, 520
Буслаев Ю. 625
Бюлер К. 631
- Вартбург В. 629
Вежицка А. 58, 136, 151, 166, 182, 190,
348, 355, 368, 405, 416, 417, 454, 471,
476-478, 614, 617, 629
Вендлер Э. 215, 220, 221, 223, 232, 239-
241
Виноградов В.В. 34, 56, 92, 103, 106, 108,
156-158, 434
Вишневская Г. 321, 356, 381, 443, 445,
450, 451
Владимов Г. 446
Воздвиженский В. 322
Волконский М. 307
Волконский С. 181
Всеволодский-Гернгросс В.Н. 181
Высоцкий В. 232
Вяземский П.А. 200
- Габышев А. 526
Газданов Г. 320, 323
Гак В.Г. 89
Галилей 608
Галич А. 339
Гвоздев А.Н. 179, 181, 184
Гедель 580
Гельман А. 402

- Гладильщиков Ю. 399
 Гладкий А.В. 88, 648
 Гловинская М.Я. 34, 35, 58, 61, 91, 106,
 109, 153, 196, 225, 228, 231, 234, 241,
 332, 345, 348, 374, 391, 405, 435, 470,
 610, 611, 621, 648
 Гоголь Н.В. 138, 196
 Гончаров И.А. 395, 522, 637,
 Горький М. 163, 519, 521, 641
 Грайс Г. 166
 Гранин Д. 393
 Грекова И. 153, 646
 Грибоедов А.С. 520
 Гроссман В. 164, 625
 Грот Я.К. 158
 Гумбольдт В. фон 349
 Гумилев Н.С. 170

 Даниэль Ю. 320, 414, 479, 524
 Дашкова Е. 479
 Джонсон М. 455, 456
 Дмитровская М. 406, 419
 Довлатов С. 320, 326, 330, 394, 400, 451,
 518
 Догерти М. 618
 Домбровский Ю. 323, 393, 395
 Достоевский Ф.М. 309
 Дудинцев В. 172, 525

 Есенин С. 645
 Есперсен О. 68, 357, 559

 Жолковский А.К. 9, 15, 114, 133, 162,
 163, 169, 600
 Жуков В.П. 626

 Заболоцкий Н. 640, 645
 Зализняк Анна А. 406, 411, 437
 Заяицкий С. 322
 Золотова Г.А. 56
 Зощенко М. 140, 193, 520

 Иванов Вяч.Вс. 172
 Иванов Г. 413
 Ивашева В.А. 143
 Иоанесян Е.Р. 406
 Иомдин Л.Л. 18, 29, 31, 196, 241, 348,
 534, 568, 584, 612, 645, 648
 Иорданская Л.Н. 10, 32, 67, 159, 169,
 175, 348, 454, 455, 619-621
 Исаченко А.В. 103, 106, 162, 170, 174,
 175
 Искандер Ф. 323, 328, 395
 Ицкович В.А. 327

 Кабаков А. 322
 Каверин В.А. 320, 506, 520, 521, 525
 Казаков Ю. 142
 Карамзин Н.М. 205
 Карловская А. 153
 Карцевский С.И. 181
 Карякин Ю. 414
 Катаев В. 382
 Катерли Е. 506
 Катц Дж. 618
 Кацнельсон С.Д. 95
 Кжижкова Е. 55
 Кибрик А.Е. 437
 Кобозева И.М. 206
 Козлов В. 526
 Комри Б. 215
 Кони А.Р. 440, 450, 478, 522
 Коржавин Н. 450
 Коровина Т.И. 565
 Короленко В.Г. 164, 358
 Короткова Е. 370
 Кошмидер Э. 199, 237
 Красильникова Е.В. 231
 Кречетова Р. 445, 450
 Крылов И.А. 408
 Крылов С.А. 648
 Крылова Т. 405
 Крысин Л.П. 621
 Кузмин М. 446
 Кулагина О.С. 554, 562, 568, 570,
 Куприн А. 164, 208, 312, 399, 522
 Кучера Г. 222, 226

 Лазурский А.В. 584
 Лайонс Дж. 238
 Лаков Дж. (Лакофф) 162, 455, 456, 606
 Лакшин В. 164
 Левонтина И.Б. 389, 391, 405, 424, 435
 Леонов Л. 521, 523

- Леонтьева Н.Н. 78, 554
Лермонтов М.Ю. 143, 322, 329, 399, 414,
506, 522, 532, 640, 641, 645
Лесков Н.С. 208
- Маканин В. 167
Мамин-Сибиряк Д. 164
Мандельштам О.Э. 143, 317, 440, 441,
450, 519, 532, 608
Мартемьянов Ю.С. 414
Маслов Ю.С. 37, 58, 106, 219-223, 225,
226, 231
Маслова В.А. 158
Маяковский В. 150, 520, 521, 532
Мелиг Х.Р. 221, 226, 408
Мельчук И.А. 9, 15-17, 29, 46, 86, 89,
114, 133, 159, 162, 163, 169, 175, 339,
348, 455, 467, 534, 568, 574, 584, 589,
599, 600, 621
Милье Дж.С. 158
Можаев Б. 522
Мразек Р. 95
- Набоков В. 443, 461
Николаева Г. 524
Николаева Т.М. 176, 179, 181, 184,
Ожегов С.И. 92, 103, 162, 478, 542, 626
Окуджава Б. 625, 644
Опалка Г. 631
Остин Дж. 199, 209, 212, 612
Островский А.Н. 520
- Павлов И.П. 205
Павлова А.В. 179, 186, 506
Падучева Е.В. 16, 63, 95, 119, 136, 166,
206, 221, 238, 241, 406, 408, 517, 534,
602, 620
Палл Э. 114, 133
Панова В. 520, 521
Пастернак Б. 186, 317, 339, 345, 417,
440-443, 446, 447, 450, 451, 506, 519,
524, 608, 625, 644, 645
Паустовский К. 208, 525, 526, 640
Перцов Н.В. 29, 86, 568, 621, 648
Петрушевская Л. 625
Пешковский А.М. 56, 57, 64, 95, 181, 559
Пирс Ч. 648
- Платон 394
Плетнев П.А. 158
Поливанов Е.Д. 108
Померанцев В. 168
Попов В. 232
Постал П. 618
Потебня А.А. 142, 231
Пропп В.Я. 629
Пушкин А.С. 142, 150, 151, 309, 335, 417,
545, 607, 640, 644, 645
- Рабле Ф. 629
Распутин В. 525
Рассудова О.П. 34, 35, 227
Рейхенбах Г. 632
Рестан П. 194
Розенцвейг В.Ю. 89, 562
Рязанов Э. 524
- Саввина Е.Н. 568
Салтыков-Щедрин М.Е. 323
Самойлов Д. 450
Санников В.З. 31, 88, 136, 169, 568, 575,
578, 584, 613, 621, 648
Сарнов Б. 519
Светозарова Н.Д. 179, 181, 184
Селезнев М. 411-413
Селиверстова О.Н. 221
Синяевский А. 398
Слоним М. 382
Смирнов К. 393
Спиноза Б. 362, 368
Соболев Л. 640
Солженицын А.И. 309, 325, 417, 441-445,
450 479
Солоухин В. 521, 524
Соссюр Ф. де 629
Стамп Д. 215
Стругацкие А. и Б. 326, 441, 449
Суэтин А. 321
Сьюрен П.А.М. 618
Сэпир Э. 27, 349, 629
- Твардовский А.Т. 520
Телия В.Н. 158
Тендряков В. 326, 400
Тимберлейк А. 222, 223

- Толстой А.Н. 307, 399
Толстой Л.Н. 142, 206, 208, 396, 414,
520, 522
Толстой Н.И. 170, 172
Топоров В.Н. 172
Трир И. 629
Трубецкой Е. 412
Трубецкой Н.С. 181
Тургенев И.С. 142, 521
Тынянов Ю.Н. 524
Тютчев Ф.И. 322, 519, 599
- Ульман С. 363
Уорф Б. 349, 629, 639
Уотли Э.Дж. 158
Урысон Е.В. 389, 391, 405, 435, 568
Успенский В.А. 456, 460
Ушаков Д.Н. 103, 440
- Фадеев А. 525, 526
Федин К. 521
Филмор Ч. 370
Франк С.Л. 414
- Халлиг Р. 629
Хельвиг П. 348, 434
Хилл К. 635
Хлебников В. 205
Ходасевич В. 322, 399, 401, 412
- Цветаева М. 322, 382, 412, 519, 524
- Цинман Л.Л. 565
- Чаадаев П.Я. 393
Чвани К. 192
Черемисина М.И. 179
Черниченко Ю. 164
Чехов А.П. 323, 399, 449, 519-522, 545
Чехов А.С. 649
Чивилихин В. 400
Чисхолм Р. 415
Чупринин С. 446
- Шайкевич А.Я. 171, 521
Шапиро А.Б. 184
Шатуновский И.Б. 406, 415
Шаховская З. 322, 363
Шварц Е. 200, 206
Шведова Н.Ю. 179, 183, 478
Швейцер В. 448, 451
Шеффлер Г. 415
Шмелев А.Д. 166, 186, 194, 406, 408, 412,
413, 425
Шукшин В. 520, 522, 525
Щеглов Ю.К. 352
Щерба Л.В. 173, 183, 270, 559, 629
- Эрих В. 632, 633
- Якобсон Р.О. 629

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ -----	5
-----------------------------------	---

ЧАСТЬ I ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПОВЕРХНОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА МОДЕЛИ «СМЫСЛ \Leftrightarrow ТЕКСТ» -----	8
---	---

1. Общая характеристика модели и задачи ее поверхностно-семантического компонента -----	8
1.1. Объект моделирования -----	9
1.2. Строение модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" -----	10
1.3. Глубинно-синтаксическая структура (ГСС) -----	11
1.4. Поверхностно-семантическая структура (ПСемС) -----	16
1.5. Задача поверхностно-семантического компонента -----	26
2. Семантические признаки -----	29
2.1. Понятие нетривиального семантического признака -----	29
2.2. Правила сочетаемости значений лексем со значениями грамем -----	35
2.3. Правила сочетаемости значений лексем между собой -----	41
3. Толкование значащих единиц языка -----	47
3.1. Структура толкований -----	49
3.2. Толкования лексических единиц -----	53
3.3. Толкования грамматических единиц -----	56
3.4. Условия реализации значений -----	64
4. Правила взаимодействия значений -----	68
4.1. Общие и частные правила -----	69
4.2. Правила области действия -----	74
4.3. Правила семантической модификации -----	80
5. Заключение -----	88
Примечания -----	88
Обозначения -----	98
Литература -----	100

ТРАКТОВКА ИЗБЫТОЧНЫХ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ -----	102
--	-----

1. О понятиях варианта и синонима -----	102
2. Избыточные аспектуальные парадигмы -----	103
2.1. Первый основной аспектуальный тип -----	103
2.2. Второй основной аспектуальный тип -----	105

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ -----	114
---	-----

1. Материал (глагол <i>читать</i>) -----	114
1.1. Двухвалентные конструкции -----	114
1.2. Трехвалентные конструкции -----	116
1.3. Преобразование двухвалентных конструкций в трехвалентные -----	120

1.4. Невалентные конструкции -----	121
1.5. Заключительные замечания по материалу -----	123
2. Правила -----	124
2.1. Конструктивные правила — синтагмы -----	126
2.2. Контрольные правила — фильтры -----	128
3. Словарь -----	129
3.1. Термовая (классификационная) информация -----	129
3.2. Операционная информация -----	133
4. Заключение -----	133
Литература -----	134
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ -----	135
1. Вводные замечания -----	135
2. Определение языковой прагматики -----	136
2.1. Отношение говорящего к действительности -----	136
2.2. Отношение говорящего к содержанию сообщения -----	137
2.3. Отношение говорящего к адресату -----	139
3. Свойства прагматической информации -----	141
3.1. Периферийность средств выражения -----	141
3.2. Распределенность между разными языковыми средствами -----	143
3.3. Сплетенность с семантической информацией -----	144
4. Типы лексикографически существенной прагматической информации -----	145
4.1. Прагматические стилистические пометы -----	145
4.2. Прагматические признаки лексем -----	147
4.3. Нетривиальные иллокутивные функции лексем -----	149
4.4. Статусы говорящего и адресата -----	152
Литература -----	154
КОННОТАЦИИ КАК ЧАСТЬ ПРАГМАТИКИ СЛОВА -----	156
1. Вводные замечания -----	156
2. Понятие коннотации -----	157
3. Языковые проявления коннотаций -----	163
3.1. Переносные значения -----	164
3.2. Метафоры и сравнения -----	164
3.3. Производные слова -----	165
3.4. Фразеологические единицы, поговорки, пословицы -----	165
3.5. Синтаксические конструкции -----	166
3.6. Семантические области действия -----	168
4. Свойства коннотаций -----	170
5. Понятие коннотации и лингвистическая теория -----	174
Литература -----	176
ТИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОЗНАЧАЮЩЕМ ЛЕКСЕМЫ -----	178
1. Вводные замечания -----	178
2. Лингвистический и лексикографический статус просодии -----	179
2.1. Языковая природа просодии и ее лингвистический статус -----	179
2.2. Лексикографический статус просодии -----	183
3. Парадигматическая просодическая информация -----	187

3.1. Корреляция акцентных выделений с синтаксическими свойствами лексем -----	189
3.2. Корреляция акцентных выделений с семантическими свойствами лексем -----	190
4. Синтагматическая просодическая информация -----	194
Примечания -----	196
Литература -----	197
ПЕРФОРМАТИВЫ В ГРАММАТИКЕ И В СЛОВАРЕ -----	199
1. Понятие перформативности и основные группы перформативов -----	199
2. Языковые проявления перформативности -----	202
2.1. Морфологические и словообразовательные проявления -----	203
2.2. Синтаксические проявления -----	204
2.3. Семантические проявления -----	204
2.4. Прагматические проявления -----	209
3. Семантический анализ перформативов -----	210
3.1. Есть ли в лексическом значении перформативов общий смысл? -----	210
3.2. Видо-временное значение перформативного высказывания -----	215
Литература -----	218
ГЛАГОЛЫ МОМЕНТАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ПЕРФОРМАТИВЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ -----	219
1. Существующие формулировки свойства моментальности и основные группы моментальных глаголов -----	219
2. Языковые проявления моментальности -----	226
3. Семантический анализ глаголов моментального действия -----	234
4. О видо-временном значении перформативов -----	238
ЧАСТЬ II. ПРОБЛЕМЫ СИНОНИМИИ И СЛОВАРЯ СИНОНИМОВ	
АНГЛИЙСКИЕ СИНОНИМЫ И СИНОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ -----	242
1. Замысел словаря -----	243
1.1. Активность -----	243
1.2. Двуязычность -----	248
1.3. Современность -----	252
2. Структура и состав словарной статьи -----	256
2.1. Вход -----	256
2.2. Толкование -----	260
2.3. Перевод -----	269
2.4. Значение -----	270
2.5. Примечания -----	295
2.6. Конструкции -----	296
2.7. Сочетаемость -----	301
2.8. Иллюстрации -----	305
3. Заключение -----	305
ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СЛОВАРЯ СИНОНИМОВ -----	305
1. Вход словарной статьи -----	305
1.1. Доминанта -----	306
1.2. Стилистические пометы и грамматические пояснения -----	307

1.3. Семантические группы внутри ряда и его толкование -----	310
2. Зона значения -----	311
2.1. Синонис -----	312
2.2. Содержательные сходства и различия между синонимами -----	313
2.3. Просодия и коммуникативные свойства синонимов -----	318
2.4. Прагматические и экстралингвистические условия -----	320
2.5. Нейтрализация -----	320
2.6. Примечания -----	322
3. Зона форм -----	324
3.1. Различия в наборе грамматических форм -----	325
3.2. Различия в наборах грамматических значений одной формы -----	325
3.3. Семантическая, конструктивная, синтаксическая, стилистическая и иная специализация форм -----	326
3.4. Собственные и несобственные формы -----	328
4. Зона конструкций -----	329
4.1. Различия в управлении -----	329
4.2. Различия в синтаксических типах предложений -----	330
4.3. Порядок слов -----	332
4.4. Семантическая, конструктивная, синтаксическая, стилистическая и иная специализация конструкций -----	333
5. Зона сочетаемости -----	334
5.1. Лексико-семантическая сочетаемость -----	335
5.2. Морфологическая сочетаемость -----	336
5.3. Просодическая и коммуникативная сочетаемость -----	337
5.4. Семантическая специализация типов сочетаний -----	338
6. Зона иллюстраций -----	339
7. Справочные зоны -----	340
7.1. Фразеологические синонимы -----	341
7.2. Аналоги -----	342
7.3. Точные и неточные конверсивы -----	343
7.4. Конверсивы к аналогам -----	344
7.5. Точные и неточные антонимы -----	344
7.6. Дериваты -----	345
7.7. Библиография -----	346
Примечания -----	346
Литература -----	348
ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА: ПОПЫТКА СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ -----	348
1. Вводные замечания -----	348
2. Наивная картина мира -----	349
3. Наивная картина человека -----	352
3.1. Воля и совесть — приведение в действие и торможение -----	352
3.2. Основные системы человека -----	355
4. Эмоциональная система -----	367
5. Общая схема характеристики человека -----	374
Литература -----	386
СИНОНИМИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ: ГРУППА СЧИТАТЬ -----	389
1. Предварительные замечания -----	389

2. Синонимический ряд -----	392
Литература -----	404
ПРОБЛЕМА ФАКТИВНОСТИ: ЗНАТЬ И ЕГО СИНОНИМЫ -----	405
1. Предварительные замечания -----	405
1.1. О глаголе <i>знать</i> -----	406
1.2. О системной лексикографии и лексикографических типах -----	407
2. Лексикографическое описание синонимов <i>знать 1</i> и <i>ведать 3</i> -----	409
2.1. Место <i>знать</i> и <i>ведать</i> в кругу других ментальных предикатов -----	410
2.2. Семантика <i>знать 1</i> и <i>ведать 3</i> -----	415
2.3. Значения <i>знать</i> и <i>ведать</i> , близкие к рассмотренному -----	421
2.4. Грамматические формы -----	422
2.5. Синтаксические конструкции -----	423
2.6. Лексико-семантическая сочетаемость. -----	427
2.7. Парадигматические семантические связи -----	430
Литература -----	431
ХОТЕТЬ И ЕГО СИНОНИМЫ: ЗАМЕТКИ О СЛОВАХ -----	434
1. О понятии системной лексикографии -----	434
2. Лексикографическое описание <i>ХОТЕТЬ</i> и его синонимов -----	438
2.1. Вход словарной статьи -----	438
2.2. Семантические признаки для ряда <i>хотеть</i> -----	438
2.3. Семантические сходства и различия между синонимами -----	439
2.4. Примечания к семантической зоне -----	446
2.5. Грамматические формы и комментарии к ним -----	447
2.6. Синтаксические конструкции и их семантическая специфика -----	448
2.7. Лексико-семантическая сочетаемость -----	450
2.8. Иллюстрации -----	451
2.9. Служебные зоны -----	452
ЧАСТЬ III. СИСТЕМНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
МЕТАФОРА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭМОЦИЙ -----	453
1. Два подхода к описанию эмоциональной лексики -----	453
1.1. Смысловой подход -----	454
1.2. Метафорический подход -----	455
2. Толкование эмоций -----	458
2.1. Сценарий возникновения и развития эмоций -----	458
2.2. Симптоматические выражения: телесная метафора состояний души --	459
2.3. Структура толкований -----	461
2.4. Опыты толкования некоторых эмоций -----	463
Литература -----	464
О ЯЗЫКЕ ТОЛКОВАНИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИМИТИВАХ -----	466
1. Подход Московской школы семантики к языку толкований -----	466
1.1. Состав и структура семантического метаязыка -----	466
1.2. Теория толкований: требования к толкованиям и их функции -----	469
2. Подход Польской школы семантики к языку толкований -----	476
3. Проблема семантических примитивов -----	478
Литература -----	483

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГЛАГОЛА <i>ВЫЙТИ</i> -----	485
1. Понятие лексикографического портрета -----	485
2. Схема словарной статьи и типы лексикографической информации -----	487
3. Лексикографический портрет глагола <i>выйти</i> -----	490
3.1. Лексикографические типы для <i>ВЫЙТИ</i> -----	490
3.2. Словарная статья глагола <i>ВЫЙТИ</i> -----	493
Литература -----	502
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ	
(НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА <i>БЫТЬ</i>) -----	503
1. Понятие лексикографического портрета и лексикографического типа ---	503
1.1. Лексикографический портрет -----	503
1.2. Лексикографический тип -----	508
2. Предварительные сведения о словарной статье глагола <i>быть</i> -----	512
2.1. Мотивировка выбора -----	512
2.2. Общая схема словарной статьи -----	513
2.3. Типы информации о лексеме -----	515
3. Словарная статья глагола <i>быть</i> -----	518
4. Примечания -----	528
Литература -----	536
 ЧАСТЬ IV. ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ЧЕРЕЗ СИНТАКСИС	
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ -----	538
 ЧАСТЬ V. ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКА	
ЭТАП-2 С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА	
1. Общие сведения о системе ЭТАП-2 -----	554
2. Образцы, скорость и качество переводов -----	559
3. Идеология и архитектура ЭТАПа-2 -----	565
4. Заключение -----	577
Литература -----	582
 РУССКАЯ ДЛИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ: ПРЕДЕЛЫ ЕЕ	
ФОРМАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ -----	584
1. Общие сведения о формальной модели русского синтаксиса -----	584
2. Общие замечания о длительной конструкции -----	588
3. Правило синтаксического анализа длительной конструкции -----	589
3.1. Семантические классы длительных зависимых и условия на них -----	590
3.2. Семантические и грамматические свойства глаголов, допускающих длительные зависимые, и условия на них -----	592
3.3. Конструкции, близкие к длительной -----	593
4. Выводы о пределах формализации длительной конструкции -----	596
Литература -----	598

ЧАСТЬ VI. MISCELLANEA

ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛИЯ И ЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ -----	598
1. Предварительные замечания-----	598
2. Наблюдения-----	603
3. Предварительное объяснение-----	608
4. Решение-----	609
5. Некоторые выводы для модели "Смысл \Leftrightarrow Текст"-----	621
ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНТРАДИКТОРНЫЕ АНОМАЛИИ -----	622
ДЕЙКСИС В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ И НАИВНАЯ МОДЕЛЬ МИРА -----	629
1. Вводные замечания о наивной модели мира-----	629
2. Основные понятия и оппозиции дейксиса-----	630
3. Пространство и время говорящего-----	637
4. Место наблюдателя-----	640
5. Личная сфера говорящего-----	645
6. Заключение-----	648
Литература-----	650
РОМАН "ДАРА" В КОСМОСЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА -----	651
1. Вводные замечания-----	651
2. Устройство "Дара" и космос Набокова-----	653
2.1. Поэтическая техника "Дара"-----	653
2.2. Космос Набокова-----	666
3. Тема "Дара"-----	670
3.1. Из творческой истории "Дара"-----	670
3.2. Из истории изучения "Дара"-----	673
3.3. Интерпретация "Дара"-----	678
Литература-----	693
БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ АВТОРА -----	695
УКАЗАТЕЛИ	
Условные обозначения-----	711
Указатель лексем-----	712
Предметный указатель-----	742
Именной указатель-----	756

Юрий Дереникович Апресян

Избранные труды, том II
ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА
И
СИСТЕМНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Издатель А. Кошелев

Верстка I и II томов — А. Литвинский
Художник В. Коршунов, корректор Л. Морозова

Подписано в печать 29.12.95. Формат 70x90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 48. Уч. изд. л. 52,5. Заказ № 3686 Тираж 3000.

Издательство Школа "Языки русской культуры". Москва, Zubovskiy b-p, 17.
ЛР № 071105 от 02.12.94

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Оптовая реализация:
Павел Костюшин, тел.: 246-56-32, с 14⁰⁰ до 18⁰⁰ (кроме суб. и воскр.).

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	9 св.	описания	описания,
155	11 св.	характеристик	характеристика
475	4 св.	и слова	слова
479	18 – 17 сн.	соответственно	собственно
497	3 сн.	N3x	N ³ _x
514	7 сн.	ЕД,	ЕД
525	16 сн.	быть	бить
526	4 св.	случаться.	случаться,
570	16 св.	ас	а с
571	7 сн.	предложения,	предложения.
		1 – compl	1 – компа
573	16 св.	→	→
573	14 сн.	НЕСОВЕРШЕННЫЙ	НЕСОВ(ЕРШЕННЫЙ)
574	20 сн.	носов	несов
574	17 сн.	буд),	буд
		analit	аналит
574	16 сн.	→	→
574	15 сн.	буд	буд;
624	6 сн.	[1]	в [1]
627	9 сн.	отменять,	отменять.
658	22 сн.	ожидание	ожидание
671	19 сн.	за Платона	за последователя Платона
766	2 – 1сн.	указатеть	указатель

На стр. 472, строки 21 – 23 св., текст в круглых скобках должен быть набран курсивом.

На стр. 554 пропущена сноска: Данный текст составлен из разделов "Введение" и "Заключение", написанных автором для коллективной монографии: Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, Л.А.Иомдин, А.В.Лазурский, Н.В.Перцов, В.З.Санников, Л.А.Цинман. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП – 2. М., 1989.

На стр. 573 пункт а) (строка 16 сн.) начинается с абзаца.

На стр. 598 сверху отсутствует название последней части:

Часть VI
Miscellanea

Школа “Языки русской культуры”, 1995 г.

Вышли следующие книги:

1. Ю.Д. АПРЕСЯН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ,

том 1 “Лексическая семантика”, изд. второе, исправленное,
с указателями, 480 с.,

2. А.А. ЗАЛИЗНЯК

ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ

Переплет, формат 70x100 1/16, 720 с.

3. КЕТСКИЙ СБОРНИК №4,

Лингвистика

Переплет, формат 60x100 1/16, 320 с.

4. Е.М. МЕЛЕТинский

ПОЭТИКА МИФА, изд. второе, репринтное.

Переплет, 60x90 1/16, 408 с.

5. И.А. МЕЛЬЧУК

РУССКИЙ ЯЗЫК В МОДЕЛИ “СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ”.

Переплет, формат 70x90 1/16, 712 с.

6. В.Н. ТОПОРОВ

СВЯТОСТЬ И СВЯТЫЕ

В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ,

том 1 “Первый век христианства на Руси”.

Переплет, формат 70x90 1/16, 876 с.

7. Б.А. УСПЕНский

СЕМИОТИКА ИСКУССТВА. Поэтика композиции.

Семиотика иконы. Статьи об искусстве.

Переплет, формат 70x90 1/16, 480 с., 67 илл-й.

**Оптовая реализация: Павел Костюшин,
тел.: 246-56-32, с 14⁰⁰ до 18⁰⁰ (кроме суб. и воскр.).**